

СОРОКЪ ДЕВЯТЫЙ ГОДЪ.

РУССКІЙ АРХІВЪ

1911

5.

Стр.

5. Дневник Итальянца **Мизере**. О службѣ при Петре Третьемъ.
21. Три письма **Петра Третьяго** изъ Ропши къ Екатеринѣ Второй.
24. Письма графа А. Г. Орлова къ Екатеринѣ Второй.
26. Изъ Записокъ **Корберона**. 1775 и 1776 годы.
105. Дополненіе къ статьѣ о бракѣ Екатерины Второй съ Потемкинымъ.
107. Чисто сердечная писовѣдь Екатерины Второй Потемкину.
109. Два обличка. Сообщено Графомъ С. Д. Шереметевымъ.
112. О Шереметевскихъ пивчихъ. Сообщено имъ же.
113. Мартовское событие въ Петербургѣ въ 1801 году. Н. Н. **Овсянникова**.
131. Письмо **И. В. Сабанеева** къ дивизионному генералу. 1822.
132. Изъ Записокъ **К. Н. Лебедева**. 1864-й годъ.

Внутри обложки: О третьемъ томѣ «Архива Раевскихъ».

МОСКА.

Синодальная Типографія.

1911.

АРХИВЪ РАЕВСКИХЪ.
Томъ III. СПБ. 1910. Бол. 8°
XVII+718 стр. съ азбучнымъ указателемъ лицъ и мѣсть и съ прекрасно исполненными портретами и видами.

Мы уже имѣли случай говорить въ „Русскомъ Архивѣ“ о первыхъ томахъ этого достопочтенного изданія, великоклѣнномъ въ своемъ родѣ труда г-на Б. Л. Модзалевскаго, который держался того-же пріема, какъ и В. И. Саитовъ въ изданіи переписки Пушкина, то-есть за письмомъ слѣдуетъ отвѣтъ на него. Издатель „Архива Раевскихъ“ пошелъ дальше: у него помѣщены многія относящіяся ко времени написанія письма другихъ лицъ, и о каждомъ изъ этихъ лицъ сообщены обширныя біографическія свѣдѣнія. Благодаря этому пріему, жизнь главнаго лица является въ полной обстановкѣ его быта и сношеній. Такъ въ настоящемъ III томѣ помѣщена коротенькая записочка Е. М. Хитрово, и при ней мы имѣемъ цѣлую біографію этой достопамятной женщины, дочери князя Кутузова-Смоленскаго, друга Пушкина, князя И. А. Вяземскаго и митрополита Филарета, котораго она, вѣроятно, познакомила съ поэтомъ и его произведеніями, склонила отнестись снисходительно къ его увлеченіямъ и вызвала на стихотворное къ нему обращеніе, въ отвѣтъ коему явилось великолѣнное посланіе Пушкина къ Московскому владыкѣ.

Велико и разнообразно число лицъ, съ которыми Раевскій находился въ сношеніяхъ. Онъ и воинъ, и историкъ (занимался бунтомъ Стеньки Разина), и великій любитель садоводства. Жизнь въ немъ такъ и кипѣла. Черноморскій восточный берегъ въ 1839—1841 гг. ожилъ подъ его управлениемъ, воздвиженiemъ цѣлаго ряда крѣпостей и герническою борьбою нашего войска съ

туземцами. Государь Николай Павловичъ, можно сказать, любовался дѣятельностью своего молодого генерала. Тогдашній великій визирь, графъ Бенкендорфъ, былъ къ нему благосклоненъ, чemu, конечно, способствовалъ главный дѣятель страшнаго III-го Отдѣленія Государевой Канцеляріи Л. В. Дубельть, котораго, въ началѣ его служебнаго поприща, нѣкогда обласкала, жившая въ Кіевѣ и въ Каменкѣ семья Раевскихъ.

Николай Николаевичъ Раевскій, правнукъ Ломоносова, сынъ героя, при всемъ своемъ дарованіи, при военной опытности, приобрѣтеної въ войну съ Турками 1829 года, когда онъ командовалъ Нижегородскимъ драгунскимъ полкомъ, необычайно трудолюбивый и дѣятельный, не могъ бы имѣть такихъ успѣховъ въ 1839 году, если бы Николай Павловичъ не позволялъ ему непосредственнаго съ собою сношенія. Безъ того онъ изнемогъ бы въ перепискѣ съ военнымъ министерствомъ и съ ревнивымъ къ своей власти графомъ Чернышевымъ. Отправившись въ Одессу въ 1823 году генераль-губернаторомъ Новороссійскаго края, М. С. Воронцовъ обеспечилъ себя особымъ приказаниемъ Александра Павловича предоставить ему извѣстную долю самостоятельности въ управлениі. При Николаѣ Павловичѣ онъ выговорилъ себѣ еще большую свободу дѣйствій на Кавказѣ. Успѣхи гр. Н. Н. Муравьев-Амурскаго объясняются также обереженіемъ его отъ канцелярскихъ Петербургскихъ припѣпокъ. Князь В. А. Долгоруковъ просилъ себѣ у Александра Николаевича право уѣзжать изъ Москвы въ Петербургъ, не докладываясь министру внутреннихъ дѣлъ и (какъ я слышалъ отъ него самого) устроилъ, что это право Московскаго генераль-губернатора утверждено законодательнымъ порядкомъ.

РУССКІЙ АРХИВЪ.

ГОДЪ СОРОКЪ ДЕВЯТЫЙ.

1911.

II.

РУССКИЙ АРХИВЪ

ИЗДАВАЕМЫЙ

Петромъ Бартеневымъ.

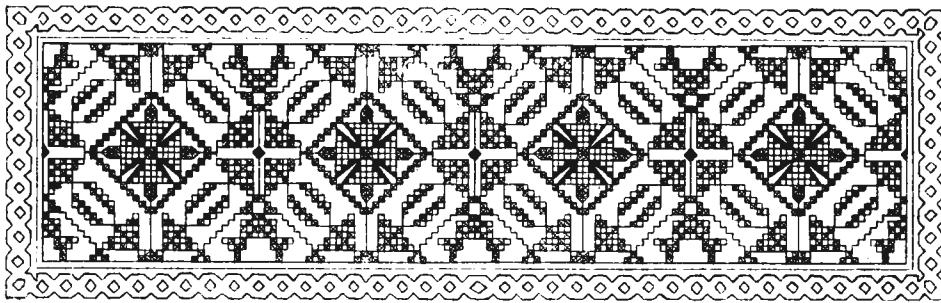
Князь П. А. Вяземскій говоривъ про
Петра Великаго: не побоялся онъ, что въ
прорубленное имъ окно залѣзутъ воры.

1911.

КНИГА ВТОРАЯ.

МОСКВА.
Синодальная Типографія.
1911.

ДНЕВНИКЪ СТАТСКАГО СОВѢТНИКА МИЗЕРЕ

о службѣ при Петрѣ Третѣомъ.¹⁾

Январь 1761 года.

1. Его И. В. не выходилъ утромъ. Большой столъ у Ихъ Имп. Высоч. Прекрасная мысль Великой Княгини (при шутливомъ разговорѣ) о церемоніяхъ по слухаю новаго года. Вечеромъ большое и пышное торжество. Балъ и потомъ большой фейерверкъ, очень удавшійся. Учтивое и любезное привѣтствіе, сдѣланное мнѣ графомъ Петромъ Ивановичемъ²⁾). Новое мое наблюденіе относительно толстаго и тонкаго фителя для лучшаго обозначенія рисунка въ огнѣ.

2. Бѣшеная выходка бригадира Сумарокова за столомъ у камергера Ивана Ивановича³⁾). Смѣшная сцена между нимъ же и г-мъ Ломоносовымъ. Первое сѣверное сіяніе. Терм.=192°.

¹⁾ Печатаемъ съ рукописи, которая хранится въ Императорской Публичной Библиотекѣ и на которой значится, что она поступила отъ М. П. Погодина. Въ Камерфурьерскомъ Журналѣ, подъ числами 18 и 19 Января 1762 года, приведенъ, въ числѣ немногихъ обѣдавшихъ въ столовой комнатѣ у Императора Петра III-го, „Итальянецъ буфонъ Мизере“; а подъ 4 и 5 Февраля того же года, тоже въ маломъ обществѣ, записанъ „буфонъ Мизери“. Камерфурьеру Рубановскому, который велъ этотъ журналъ, Итальянецъ Мизере казался буфономъ, т. е. только забавникомъ. Помѣщаемый здѣсь Дневникъ служить дополненіемъ къ Камерфурьерскому Журналу; съ нимъ виолинъ согласны числовыя записи Дневника.—О тогдашнемъ злополучномъ полугодіи Русской исторіи имѣемъ мы неизданныя доселѣ виолинъ Записки Штелина, разсказы А. Т. Болотова и записки самой Екатерины Великой. П. Б.

²⁾ Шуваловыемъ. П. Б.

³⁾ Шувалова. Эти схватки Холмогорского рыбака съ дворяниномъ Сумароковымъ повторялись и позднѣе; онѣ записаны въ Дневникѣ Порошина. П. Б.

3. Отправилъ съ курьеромъ Кулепкой⁴⁾ посыпочку изъ маленькаго календаря г-жѣ гетманшѣ въ Глуховѣ. Портретъ ея мужа рѣзной изъ яшмы, сдѣланный однимъ Русскимъ юношей Петромъ Волковымъ⁵⁾. Возвратился храбрый (*tenerista*) Русскій синьоръ Пико изъ Неаполя. Прекрасная ария (*belle arie*) одного Испанца. Кортесь Переездъ.

4. Четыре картины Карла Лотти по комиссии купцовъ Питерса и Клаузинга р. 500. Оригиналъ Полтавской битвы, писанный Натьеромъ въ Парижѣ, въ присутствіи Петра I-го, присланный изъ Парижа посланникомъ княземъ Дмитриемъ Михайловичемъ Голицынымъ камергеру Ивану Ивановичу. Обычный нашъ концертъ у Е. И. В. Французскій фейерверкъ сожженъ въ передней Е. Имп. В.

5. Я выбралъ новый модель для нашей академіи, прекраснаго Меркурія. Новое представлениe графа Эстергази.

Обѣщаніе посланника маркиза Опиталь выписать для меня изъ Парижа флейту (*flauto in bastone*).

6. Іорданъ безъ обыкновенной церемоніи. Иностранные послы, при дворѣ посланники; за ужиномъ Ихъ Имп. В. избраніе короля бобовъ; хромой Ушаковъ имѣть сдѣлался. Послѣ ужина веселыя игры: Алекс. и Левъ Александровичи, Анна Никитична, Марина Осиповна, Марья Александровна и ея мужъ, Измайлова, камергеръ Голицынъ и его жена, Гудовичъ и я.

7. Два пейзажа, исполненія Шмельца въ Москвѣ, одного крѣпостнаго князей Трубецкихъ, были поднесены Вел. Князю. Пріѣхалъ новый мастеръ для gobelenovъ (тканые обои) (*d'agazz*) г-нъ Банде. Одинъ лейбкампанецъ скрылъ свою жену подъ льдомъ Невы. Это послужило къ открытію отцеубійства, обнаруженного его дочерьми.

8. Прокуроръ Сената представилъ Е. Имп. В. мои первыя 10 медалей къ исторіи Петра В. въ медаляхъ. Отвѣтъ Ея В., что ея отецъ имѣлъ уже давно ту же мысль. Обѣщаніе сдѣланное мнѣ Сенатомъ. Прекрасное изобрѣтеніе одного Русскаго, Филиппова, отливать пушки съ большою безопасностю. Вечеромъ чрезвычайное совѣщаніе.

9. Послѣ многихъ замѣшательствъ отправились въ Сибирь проф. Поповъ и адъюнктъ Румовскій. Послѣ обѣда у канцлера⁶⁾ аудіенція

⁴⁾ Т. е. Кулябко. П. Б.

⁵⁾ Авторъ Дневника состоялъ на службѣ или при Академіи Наукъ, т. е. подъ начальствомъ Малороссийскаго гетмана, графа К. Г. Разумовскаго, или при Академіи Художествъ, т. е. у И. И. Шувалова. П. Б.

⁶⁾ Графа М. Л. Воронцова. П. Б.

Калмыцкаго князя, въ богатомъ почти женскомъ одѣяніи. Двое мальчиковъ и двѣ молодыя дѣвушки были представлены его высокопревосходительству, равно какъ и его свита. Разные образцы триумфальныхъ воротъ для Е. И. В. были отнесены въ Сенатъ.

10. Послѣ обѣда мы выѣхали съ Ихъ И. Выс. въ Ораніенбаумъ на 8 или 10-ть дней.

10. Пріѣхали въ $4\frac{1}{2}$ вечера.

Большой ужинъ, столь въ залѣ съ музыкой и пальбой. Иллюминація въ саду и на большомъ дворѣ. Послѣ ужина внизу курили трубки при военной музыкѣ. Угощеніе музыкантовъ для отдыха. Прекрасная погода до самой полуночи.

11. Утромъ порывистый вѣтеръ и мокрый снѣгъ. Взаимные визиты. Парадъ корпусамъ до часа. Двойной обѣдъ внизу и вверху. Потомъ катанье въ 12-ти маленькихъ салазкахъ на дачу Ея Имп. Выс. Вес. Кн., за 7 верстъ отъ Ораніенбаума. Немного пасмурно. Частыя паденія въ снѣгъ. Крики предостереженія (balanza). Большое удовольствіе и много смѣху. Прекрасное положеніе фермы и любезная привѣтливость хозяйки, которая сама угощала Итальянскими ликёрами всѣхъ пріѣхавшихъ въ ея красивый круглый домъ, возвышающійся на горѣ. Питье кофе и молока изъ фермы съ чернымъ хлѣбомъ и масломъ. Пасмурная погода при возвращеніи вечеромъ, почти уже въ темнотѣ. Дорогой частыя паденія. Персоналъ санного катанья: Его Имп. Выс., графъ Гендриковъ и его супруга, семейство Шафирово, камерфрейлина Ея Им. В. Катерина Ивановна Сурогородская, камергеръ Измайлова, князь Дашковъ, я, генераль Блекъ, пажъ Захарь Феодоровичъ⁷⁾). Вечеромъ обыкновенно собраніе внизу и вверху. Ужинъ внизу съ увеселеніями Итальянского шута.

12. Утромъ сильный вѣтеръ и выюга; по этой причинѣ ничего, но за то всѣ парады. Обѣдъ съ пріѣхавшими гостями изъ Петерб. въ крѣпости. Вел. Княг. при дворѣ усталая. Послѣ обѣда игра. Я съ гравиней. Вечеръ въ публичной гостинницѣ, большой пикникъ съ 7 час. до 3-хъ утра.

13. Большой столь къ обѣду и ужину. Вечеромъ музыка. Послѣ ужина, трубки у кн. Меншикова.

14. Утро въ церкви. Большой обѣдъ съ придворной музыкой. Послѣ обѣда Вел. Княг. ѿздила кататься въ маленькихъ саняхъ. Вел. Князь посѣтилъ конюшни. Вечеромъ свадьба мундшенка.

⁷⁾ Это сынъ духовника Дубенского? П. В.

15. Утро на охотѣ за лѣсными пуллярками..... Оттуда пѣшкомъ на ферму Великой Княгини, гдѣ она угостила великолѣпнымъ обѣдомъ съ любезностю хоziйки. До обѣда катанье съ горъ на лыжахъ. Катанье на конькахъ, игры.... Послѣ обѣда странная веселость Е. Имп. Выс. и всей компаніи. Балъ въ маленькой комнатѣ, и никакой другой музыки, кромѣ человѣческаго голоса, со шляпой въ руцѣ вмѣсто скрипки и шпагой вмѣсто смычка. Вечеромъ Великая Княгиня воротилась въ Ораніенбаумъ, гдѣ стояли ледяныя горы, и общество занялось игрою въ барры. Дворъ, Велик. Князь и я отправились на новую ферму, пріобрѣтенную отъ гвардейскаго маюра Казакова, отпразновать новоселье прекраснѣмъ ужиномъ и большимъ фейерверкомъ въ саду, а въ залѣ малымъ Французскимъ, изображавшимъ водяной бассейнъ, итъ, которомъ разныя животныя металі огненные фонтаны. Но какъ хороша была погода днемъ, такъ ужасна была буря ночью со страшнымъ вѣтромъ.

19. У Великаго Князя болитъ горло. Обѣдалъ въ своей комнатѣ съ четырьмя избранными, въ числѣ которыхъ былъ и я. Несмотря на то, вечеромъ отправились на ферму графа Романа Ларіоновича⁸⁾ играть и ужинать. Возвратились въ полночь.

17. До обѣда ъездилъ въ саняхъ Его Императорскаго Высочества въ Кронштадтъ, откуда привезъ Великаго Князя, который желалъ получить послѣ покойнаго маюра Пестеля шпагу, шарфъ, знакъ лейтенанства Прусскаго, при батареѣ Кольберга. Вечеромъ обыкновенное собраніе и концертъ (фейерверкъ). Послѣ ужина трубки у камергера Б., маленькой фейерверкъ.

18. До обѣда травля медвѣдя; Его Императорское Высочество убилъ его однимъ ружейнымъ выстрѣломъ. Послѣ обѣда курили трубки въ залѣ. Въ 4 часа выѣхали и около 8-ми часовъ вечера пріѣхали въ городъ, гдѣ ужинали при дворѣ.

Январь 1762 года.

Царствованіе Петра III-го.

Комиссія траурнаго церемоніала, составленная изъ фельдмаршала князя Трубецкаго, гофмаршала графа Скавронскаго, князя Куракина, церемоніймейстеровъ графа Санти и барона Лефорта, господина Лобкова герольдмейстера, г. вице-президента...., Андр. Никитича Самарина, совѣтника Голубцова и совѣтника Штелина, которому лично поручено изобрѣтеніе для парадной залы катафалка въ соборѣ.

⁸⁾ Воронцова. П. Б.

8. Канцлеръ графъ Воронцовъ былъ почти при смерти отъ одышки, вмѣстѣ съ сильной горячкой; спасительный переломъ болѣзни.

8. Умеръ царь Грузинскій въ домѣ Кантемира. Его Императорское Величество ужиналъ у графа Романа Ларіоновича.

11. Въ Нарву возвратился нашъ двоюродный братъ, маршалъ Дюкеръ по случаю скоропостижной кончины его супруги. Имѣть честь обѣдать у Его Императорскаго Величества. Вечеромъ Его Императорское Величество ужиналъ у своего шталмейстера Льва Александровича Нарышкина.

12. У генерального прокурора Глѣбова.

13. У оберъ-полицеймейстера Корфа.

14. Тѣло Ея Императорскаго Величества покойной Императрицы было перенесено вечеромъ на парадную кровать въ присутствіи двора и особъ первыхъ двухъ классовъ.

19. Послѣ обѣда въ 7 часовъ Его Величество Императоръ Ѣздилъ въ каретѣ кататься; посѣтилъ Англійскаго посланника Кейта, который былъ приглашенъ къ ужину Его Императорскаго Величества. Въ тотъ же денъ я представилъ Его Императорскому Величеству въ его спальню нѣсколько девизовъ, изображеніе которыхъ поручено было мнѣ.

20. Представлялъ Его Импер. Величеству резидентъ Пр.... свои вѣрительныя грамоты. Онъ первый изъ иностранцевъ.

17. Его Величество былъ въ Сенатѣ и, выshedъ оттуда, обошелъ всѣ коллегіи. Подписанъ указъ о свободѣ дворянства для выѣзда и службы въ отечествѣ. Цѣна на соль съ полрубля за пудъ положена на $\frac{1}{4}$ рубля.

21. Похороны графа Петра Иван. Шувалова съ похороннымъ церемоніаломъ присвоеннымъ сану фельдмаршала. Его Величество смотрѣлъ на процессію съ балкона графа Строганова⁹), тамъ же и обѣдалъ.

23. Его Величество обѣдалъ въ Красномъ Селѣ, куда изволилъ Ѣздить на встрѣчу принца Георга Голштинскаго. Возвратился въ городъ съ Его Высочествомъ. Ужиналъ во дворцѣ Ив. Ив. Шувалова¹⁰), назначенномъ для мѣстопребыванія принца.

⁹) На Невскомъ проспектѣ у Полицейскаго моста, нынѣ графа Сергея Александровича Строганова. Это одинъ изъ немногихъ въ Россіи домовъ, владѣльцы которыхъ въ теченіи слишкомъ полутора столѣтія одного и того же семейства. П. Б.

¹⁰) На Невскомъ проспектѣ, на углу Малой Садовой. П. Б.

24. Особы двухъ первыхъ классовъ ъздили ко двору для поздравленія принца Георга¹¹⁾.

25. Около полудня собирались при дворѣ дамы и кавалеры первыхъ классовъ, для присутствія при перенесеніи покойной Императрицы въ парадную траурную залу.

27. Аудіенція Эстонскихъ и Ливонскихъ депутатовъ во время шествія Его Величества въ церковь. Послѣ они были оставлены на обѣдъ Его Имп. Величества. Вечеръ Его Вел. провелъ у фельдмаршала князя Трубецкаго.

28 и 29. Два дня отдыха.

31. Его Величество провелъ день въ Царскомъ Селѣ.

Ф е в р а л ь.

1. Послѣ обѣда Его Вел. поѣхалъ гулять въ каретѣ съ большой свитой, которая провожала его верхомъ и въ каретѣ шестерней. Проехавъ мимо принца Голштейнъ-Бекъ, заѣхалъ съ визитомъ къ принцу Георгу.

2. Ужинъ у оберъ-полицеймейстера Корфа.

3. Праздникъ ордена Св. Анны. Его Величество публично кушалъ съ кавалерами этого ордена, графомъ Лестокомъ, возвратившимся изъ Устюга, мѣста своего заточенія въ теченіи 13-ти лѣтъ. Его Величество подарилъ ему золотую шпагу. Его супруга обѣдала одна съ Императрицей.

4. Катафалкъ и всѣ приготовленія къ торжественному погребенію Ея Велич. покойной Императрицы сегодня готовъ въ соборѣ. Его Велич. пріѣзжалъ инкогнито въ крѣпость, чтобы видѣть вышесказанныя приготовленія. Потомъ обѣдалъ у коменданта Костюрина¹²⁾ и возымѣлъ милость приказать мнѣ провести его по всѣмъ отдѣленіямъ монетнаго двора для осмотра отчеканиванія медалей и рублей.

5. Торжественное погребеніе Ея Импер. Величества, покойной Императрицы совершено въ надлежащемъ порядкѣ и съ одобренія Его Величества. Процессія началась въ $10\frac{1}{2}$ часовъ, и вся церемонія кончилась въ 3 часа¹³⁾.

¹¹⁾ Этотъ принцъ влюбленъ былъ въ Екатерину и вѣроятно женился бы на ней, если бы не была она вызвана въ Россію. Не будь онъ въ 1762 году въ Петербургѣ, Петръ III-й принялъ бы рѣшительныя мѣры къ погибели своей супруги и 8-милѣтнаго Павла Петровича. П. Б.

¹²⁾ Сестра этого Костюрина была за страшнымъ начальникомъ Тайной Канцеляріи, графомъ Александромъ Ивановичемъ Шуваловымъ. П. Б.

¹³⁾ Екатерина описала, какъ позорно велъ себя супругъ ея въ этой погребальной процессіи. П. Б.

7. Въ 8 часовъ утра Его Велич. неожиданно посѣтилъ сенаторовъ въ Сенатъ; пробылъ тамъ за полдень и уничтожилъ четыре извѣстныхъ тайныхъ судилища или Тайную Канцелярію.

8. Его Величество уѣхалъ въ Царское Село, чтобы отпраздновать тамъ день своего рожденія.

9. Послѣдовали тѣ, которые были приглашены; отправился полковникъ г. Петердорфъ. Вечеромъ поздравленія и парадъ.

10¹⁴⁾. Великолѣпный парадъ; послѣ обѣда концертъ. Ночью сожгены фейерверкъ, составленный мною, сперва для нового года, а потомъ передѣланный для дня рожденія Его Импер. Величества.

13. Дворъ возвратился изъ Царскаго Села.

14. Его Импер. Велич. провелъ вечеръ въ очень большомъ обществѣ, въ придворномъ траурѣ, въ домѣ его высокопревосходительства канцлера¹⁵⁾, гдѣ передъ ужиномъ пущенъ былъ прекрасный фейерверкъ и устроена иллюминація. Его Величество и все общество оставались до 5-ти часовъ утра.

15 и 16. Отдыхъ. На вечеръ 16-го предполагалось устроить празднество для Его Импер. Велич. въ домѣ камергера Ивана Ивановича, но не состоялось ради спокойствія (отдыха) Его Велич. Умеръ марграffъ В. Его Велич. былъ очень доволенъ въ домѣ канцлера и подарилъ хозяйкѣ дома два имѣнія въ 4.300 душъ крестьянъ.

17. Февраля. Воскресеніе. Его Велич. не выходилъ при дворѣ, по причинѣ легкаго нездоровья.

18. Послѣ обѣда їздилъ гулять. Всю эту недѣлю при дворѣ ежедневно говѣли, такъ какъ это было на первой недѣлѣ великаго поста.

23. Ихъ Императорскія Величества пріобщались Св. Таинъ.

26. Пожаръ въ Аничковомъ дворцѣ, половина которого не могла быть спасена по причинѣ вышины крыши, подъ которой разгорѣлось съ особенной силой.

27. Похороны покойной Императрицы. Его Велич. обѣдалъ у Англійскаго посланника и проѣхалъ оттуда въ домъ купца Вейнахта, чтобы покурить трубку.

М а р тъ.

2. Совѣтникъ Тепловъ заключенъ въ тюрьму за то, что непочтительно говорилъ объ Императорѣ.

3. Производство всѣхъ состоящихъ на службѣ въ Голштиніи. Вечеромъ концертъ при дворѣ.

¹⁴⁾ День рожденія Петра III-го. И. Б.

¹⁵⁾ Т. е. въ нынѣшнемъ домѣ Пажескаго Корпуса, на Большой Садовой. И. Б.

4. Обѣдали тѣ же самыя лица, одни съ Его Императорскимъ Величествомъ.

5. Ихъ Императорскія Величества обѣдали у канцлера графа Воронцова.

9. Разводъ гвардейскаго кавалергардскаго полка. командованіе которымъ Его Импер. Величество публично передалъ его свѣтлости герцогу Георгу. Заупокойная служба по Ея Импер. Велич. въ католической церкви съ музыкой въ присутствіи Его Импер. Величества и многочисленной публики. Тутъ же Его Импер. Велич. пожаловалъ предписаніе на мѣсто для постройки католической церкви.

10. Вечеромъ концертъ при дворѣ при многочисленномъ собраніи; тутъ же Его Импер. Велич. игралъ на скрипкѣ.

11. Большая пушечная пальба во время стола. Его Импер. Велич. соблаговолилъ принять орденъ Чернаго Орла, присланный королемъ Пруссіямъ.

12. Вечеръ проведенъ у князя Куракина¹⁶⁾.

14. Его Импер. Велич. присутствовалъ на экзаменѣ кадетъ съ утра до вечера. Отдано въ вѣдѣніе камергеру Ивану Иван.

17. Его Велич. и большое собраніе во дворцѣ фельдмаршала Алексѣя Григорьевича Разумовскаго, гдѣпущенъ былъ фейерверкъ. Ужинъ. Императоръ изъявилъ свое намѣреніе объявить войну Даніи въ присутствіи графа Гакстаузена, Датскаго посланника¹⁷⁾.

18. Его Импер. Велич. єздилъ обѣдать на дачу къ гетману, за 25 верстъ, и вмѣстѣ съ нимъ его свѣтлость принцъ Георгъ, который вечеромъ проѣхалъ въ Красное Село, чтобы дождаться прїѣзда ся свѣтлости его супруги.

14. Выпущенъ изъ тюрьмы Тепловъ.

19. Прїѣздъ супруги и семейства принца Георга.

20. Обѣдъ при дворѣ. Большое поздравленіе двора принца Георга въ домѣ Бестужева¹⁸⁾, гдѣ обѣдалъ Его Импер. Велич., и вечеръ проведенъ у оберъ-егермейстера Нарышкина. На другой день и вѣсъ послѣдующіе поздравленія молодой принцессѣ вдовѣ Голштейбекъ, которой Его Импер. Велич. пожаловалъ землю въ Эстляндіи и назначилъ ежегодную пенсію въ 10 т. рублей.

¹⁶⁾ Князя Бориса Александровича. П. Б.

¹⁷⁾ Не предокъ ли это Гакстаузена, который въ царствованіе Николая Павловича много єздилъ по Россіи и написалъ про нее по нѣмецки отличную книгу и досежѣ не утратившую своей цѣнности. П. Б.

¹⁸⁾ Гдѣ нынѣ Сенатъ. П. Б.

19. Пріѣхалъ бывшій герцогъ Курляндскій Биронъ съ семействомъ, привезенные генераломъ барономъ Черкасовымъ и помѣщены въ его домѣ.

24. Былъ представленъ Биронъ Его Импер. Вел. и пожалованъ орденомъ Св. Андрея. Остался при дворѣ слушать концертъ Его Импер. Велич. Въ туже ночь пріѣхалъ фельдмаршаль графъ Минихъ съ супругой, послѣ пятинедѣльного путешествія изъ Пелымя, находящагося на 400 верстъ сѣвернѣ Тобольска.

25. Его Велич. обѣдалъ у принца Георга со всѣми офицерами конной гвардіи, по случаю годовщины ея основанія.

26. Его Импер. Велич. пожаловалъ черезъ ген. Мельгунова графу Миниху золотую шпагу съ портупеей.

31. Онъ же представлялся утромъ Его Импер Велич., когда Его Велич. имѣлъ выходъ въ церковь. Графъ Брюль, присланный Польскимъ королемъ для поздравленія Его Велич., имѣлъ аудіенцію. Вечеромъ при дворѣ былъ концертъ и многочисленное собраніе. Здѣсь публично привѣтствовали другъ друга герцогъ Курляндскій Биронъ и графъ Минихъ, не видавшіеся другъ съ другомъ въ теченіи 21 года. Сей послѣдній за обѣденнымъ столомъ Его Импер. Величества былъ объявленъ генераль-квартирмейстеромъ по его старшинству, т. е. первымъ изъ всѣхъ, исключая принцевъ крови, и пожалованъ орденомъ Св. Андрея¹⁹). Въ тотъ же вечеръ онъ ужиналъ съ Его Велич. Оба Курляндскіе принца пожалованы и полковыми командирами. Весь этотъ мѣсяцъ Императрица не выходила по причинѣ боли въ ногѣ и другихъ болѣзней²⁰).

Апрѣль.

Его Величество не снималъ халата. Вечеромъ велѣлъ позвать къ ужину. Послѣ ужина Его Велич. объявилъ меня библіотекаремъ при своемъ дворѣ и статскимъ совѣтникомъ, приказалъ подать Венгерского вина и пиль за здоровье своего новаго статскаго совѣтника, чтѣдѣлали по приказанію и по примѣру Его Велич. всѣ присутствовавши, а именно: гетманъ, гофмаршаль Нарышкинъ, его братъ Левъ Александ-

¹⁹) Т. е. принцъ Петръ (наслѣдный Курляндскій герцогъ) и принцъ Карлъ (отецъ графини Луизы Карловны Вѣльгорской и прадѣдъ нашего М. А. Венетинова). П. В.

²⁰) Графъ А. Г. Бобринскій родился 11 Апрѣля этого 1762 года, какъ свидѣтельствуетъ сама Екатерина въ письмѣ къ нему („Р. Архивъ“ 1876 года, III, 13), въ Зимнемъ дворцѣ, откуда его вынесъ къ себѣ на дому камердинеръ ея Шкуринъ, у котораго онъ и воспитывался въ охотничемъ дворцѣ императрицы Елизаветы Петровны (въ нынѣшнемъ Елисаветинѣ, за Гатчиною) и фамильное имя котораго носилъ въ младенчествѣ и отрочествѣ. П. В.

ровичъ, генералъ Мельгуновъ, генералъ-маіоръ Ляпуновъ, генералъ-адъютанты Гудовичъ и Андрей Гаврил. Чернышевъ, адъютанты, князь Барятинскій и Рейзеръ.

2. Въ 10-ть часовъ утра Его Велич. ъздилъ осматривать шпалерную фабрику, откуда въ канцелярію, гдѣ я представилъ свой рисунокъ для большого gobelenia... съ аллегорическимъ изображеніемъ восшествія Его Импер. Велич. на престолъ. Оттуда отправились въ новый зимній дворецъ, гдѣ оставлено приказаніе, чтобы все было готово къ будущей Субботѣ, чтобы имѣть возможность перебраться въ него со всѣмъ своимъ дворомъ. Оттуда воротился пѣшкомъ во дворецъ. Послѣ обѣда поѣхалъ въ каретѣ въ лѣтній дворецъ, гдѣ осмотрѣлъ 32 комнаты, всѣ наполнены платьями покойной Императрицы Елизаветы Петровны. Въ саду, въ банѣ, пили кофе и курили трубки, и потомъ отправились черезъ садъ по Милліонной и другими улицами пѣшкомъ до двора, зашедъ мимоходомъ навѣстить своего бывшаго камердинера Петра Герасимовича.

3. Дурная Апрѣльская погода; нѣсколько разъ принимался идти снѣгъ и градъ. Въ этотъ день до обѣда оба Голштинскіе принца Георгій и принцъ Голштейнбекъ, въ сопровожденіи многихъ, были въ церкви Лютеранской на исповѣди и на слѣдующій день публично причащались.

6. Послѣ обѣда Его Импер. Велич. перешелъ, потихоньку и какъ бы желая сохранить инкогнито, въ новый дворецъ. Послѣ перемѣщенія палили изъ пушекъ.

7. Свѣтлый праздникъ Воскресенія Христова начался на этотъ разъ при дворѣ въ 6 часовъ утра. Большее собраніе въ новомъ дворцѣ и обѣдъ въ галерѣ.

8. При дворѣ ничего. Его Импер. Величество обѣдалъ у Его Высочества принца Георга въ обществѣ герцогскаго семейства. Ночью вспыхнулъ сильный пожаръ на дворѣ графа Гендрикова. Сгорѣлъ его прекрасный домъ совершенно новый (въ которомъ потолки и картины надъ дверьми были работы Гуарани и другихъ Венеціанскихъ художниковъ). Сгорѣла тоже реформатская церковь и нѣсколько другихъ домовъ. Его Импер. Велич. командовалъ верхомъ и остался на пожарѣ съ принцемъ Георгомъ до 4-хъ часовъ утра.

9. Предполагалось собраніе (курзалъ) при дворѣ, но по причинѣ вчерашняго несчастнаго событія отложено на завтра.

10. Великолѣпное собраніе въ простыхъ цвѣтныхъ платьяхъ безъ золота и серебра; всѣ дамы въ бѣлыхъ шелковыхъ платьяхъ. Прелестное единобразіе и красивый эффектъ.

14. Обыкновенное собрание при дворѣ съ концертомъ. Его Импер. Велич. самъ игралъ первую скрипку. Сверхъ обыкновенныхъ придворныхъ музыкантовъ, по приказанію Его Импер. Велич., для пополненія числа скрипокъ принимали участіе въ исполненіи два брата Нарышкины, секретарь кабинета Олсуфьевъ, статскій совѣтникъ Тепловъ, а на флейтѣ прокуроръ Сената князь Трубецкой и статскій совѣтникъ Штелинъ.

15. Его Импер. Велич. выѣхалъ въ Ораніенбаумъ съ многочисленной свитой, состоящей изъ слѣдующихъ лицъ: графъ Шверинъ и Штейбекъ, адъютанты Пруссаго короля, Бредаль, Левъ Нарышкинъ, Мельгуновъ, гофмаршалъ Измайлова, гетманъ, камергеры Гагаринъ и Головинъ, Мунзей²¹⁾, Штелинъ, Скальгорстъ и Лидерсъ. Дорогой обѣдали на дачѣ генерала Мельгунова, въ 15 верстахъ отъ города. Проѣздомъ зашли въ винный погребъ Стрѣльненской мызы, чтобы осмотрѣть громадный (изумительный) запасъ Венгерскаго вина. Вечеромъ ужинали въ Японской залѣ служащихъ.

16. Утромъ прїѣхали Шведскій посланикъ баронъ Поссе, Шведскій оберъ-камергеръ графъ Дубенъ; завтракъ былъ поданъ въ новомъ маленькомъ дворцѣ, въ деревнѣ Ильинкѣ, въ 6-ти верстахъ отъ Ораніенбаума. Возвратились верхомъ и на линейкахъ, обѣдали въ Эрмитажѣ. За ужиномъ при дворѣ дамы Ораніенбаумскія.

17. Охота за оленемъ и обѣдь въ Sans Ennu²²⁾, на дачѣ графини Воронцовой, въ 5-ти верстахъ отъ Ораніенбаума. Оттуда прогулка верхомъ и въ линейкахъ на дачу Императрицы. Вечеромъ маневры двухъ корпусовъ Цаймерна и Форстера, къ великому удовольствію Его Императ. Величества. Большой ужинъ въ Японской залѣ.

18. Утромъ Его Величество осматривалъ конюшни, арсеналъ и крѣпость. Послѣ обычнаго парада поѣхалъ въ Петергофъ, гдѣ Его Велич. дѣлалъ распределеніе комнатъ дворца для его предстоящаго пребыванія. Обѣдалъ за большимъ столомъ во дворцѣ, потомъ пошелъ гулять по садамъ и удилъ рыбу въ Марли. Вечеромъ въ 8½ часовъ поѣхалъ въ Петербургъ, куда мы прибыли въ 11 часовъ. Его Величест. поѣхалъ ужинать къ Его Импер. Высочеству принцу Георгу.

21) День рожденія Ея Импер. Велич. Императрицы отпразднованъ съ поздравленіями. Большой столъ въ покояхъ Императрицы. Вечеромъ

²¹⁾ Это Шотландецъ Манзей, сынъ врача, опредѣленаго императрицею Елизаветою Петровной къ Аннѣ Леопольдовнѣ и къ ея семейству (слышано отъ генерала нашихъ дней К. Н. Манзея). П. Б.

²²⁾ Порусски въ Нескучномъ. П. Б.

концертъ, на которомъ игралъ Его Импер. Величество въ продолженіи 3-хъ часовъ безъ перерыва.

23. Имянины Его Высоч. принца Георга. Утромъ многочисленныя представлениа Его Высочеству. Его Императорское Величество тамъ обѣдалъ.

24. Я обѣдалъ съ Его Импер. Велич. Мы сидѣли за столомъ въ 24 куверта; тутъ же были вновь пріѣхавшій Захаръ Григ. Чернышевъ, посланникъ Прусскаго короля Гольца, графъ Шверинъ. Послѣ обѣда Его Импер. Велич. раздавалъ всѣмъ присутствующимъ новую монету со своимъ изображеніемъ, т. е. по имперіалу, по червонцу и по рублю каждому.

28. Аудіенція новаго Прусскаго посланника графа Гольца. Въ полночь пріѣхалъ курьеръ короля Прусскаго. Торжественное представлениe при дворѣ, генералитетъ и министры Пруссіи, Швеціи и Голландіи съ канцлеромъ. Обѣдали съ Императоромъ по окончаніи публичныхъ поздравленій съ заключеніемъ мира съ королемъ Прусскимъ. 12-ть выстрѣловъ изъ пушекъ; передъ дворцомъ большое оживленіе до 10-ти часовъ. Въ тотъ же день уѣхалъ графъ Шверинъ, для передачи королю трактата, для котораго ожидается ратификація.

30. Его Импер. Велич. не снималъ халата и пилъ кофе послѣ обѣда въ комнатахъ верхняго этажа.

М а й.

1. Гуляніе верхомъ съ большой свитой въ Екатериненгофѣ, по обычаю въ день 1-го Мая. Поѣхали въ весеннюю погоду, а возвратились съ зимой, потому что шелъ сильный снѣгъ.

2. Ученье артиллеріи Прусской въ артиллерійскомъ паркѣ.

Его Импер. Велич. тамъ немного простудился.

3—4. Его Импер. Велич. оставался въ своихъ покояхъ, будучи не совсѣмъ здоровъ. Этимъ временемъ онъ развлекался, рассматривая и выбирая всякаго рода вазы, картины мною взятые изъ Casonne di Corona²³⁾.

5. Собраниe и концертъ вечеромъ въ галерей.

6. Спущены два военные корабля; одинъ названъ Король Фридрихъ, другой Принцъ Георгъ. Большое собраніе въ адмиралтействѣ и обѣдь на кораблѣ.

²³⁾ Изъ Казенного дома. П. Б.

7. Отдыхъ и малый столъ за обѣдомъ. Вечеромъ прогулка и ужинъ въ Эрмитажѣ. Ночью серенады по улицамъ до 2-хъ часовъ утра.

8. Обѣденный малый столъ. Вечеромъ Его Импер. Велич. на сговорѣ полковника Описа въ домѣ невѣсты.

9. Его Импер. Велич. цѣлый день на ученьѣ своего Преображенскаго полка.

10. Вечеромъ Его Импер. Велич. на Голандскомъ кораблѣ капитана Волкенблата въ таможнѣ для осмотра и выбора продававшихся картинъ. Его Импер. Велич. ужиналь у герцога Курляндскаго Бирона.

17. Ученье grenадеръ Преображенскаго полка на дворцовой площади, тамъ ужинали и оставались до 3-хъ часовъ утра.

18. Оставался въ шлафрокѣ.

19. Поѣхалъ утромъ въ 10-ть часовъ въ Англійскую церковь съ большой свитой, чтобы видѣть Англійскую службу.

21. Пріѣхалъ курьеръ отъ Пруссаго короля съ ратификацией мира и съ орденомъ Чернаго Орла для Корфа.

23. Народный праздникъ березки (Семикъ). Множество народа въ лѣсахъ и гульбищахъ. Ихъ Импер. Велич. въ Екатерингофѣ.

24. Его Импер. Велич. въѣхалъ на дворцовую площадь. Пушечная пальба изъ крѣпости и съ яхтъ. Первое собраніе или засѣданіе вновь учрежденного при дворѣ Совѣта, состоящаго изъ двухъ принцевъ Гольштейнскихъ, фельдмаршала Миниха, Трубецкаго, канцлера, генер. Вильбоа, Мельгунова, генерала Волконскаго ²⁴⁾ и совѣтника Волкова.

27. Утромъ Его Велич. уѣхалъ въ Красное Село на смотръ своего полка кирасиръ и привелъ его въ городъ.

28. Вечеромъ прибытие Его Импер. Величества съ полкомъ въ Екатерингофъ, гдѣ остались на ночь отдыхать.

29. Въ 6 часовъ вечера въѣздъ Его Импер. Велич. во главѣ этого прекраснаго полка. Отъ Екатерингофа вся дорога и улицы народомъ были политы водою, чтобы прибить пыль.

Его Импер. Велич. провелъ полкъ по главнымъ улицамъ и потомъ отвелъ ихъ на квартиры близъ Невскаго монастыря.

²⁴⁾ Это племянникъ Бестужева, кнізь Михаилъ Никитичъ, позднѣе Московскій генералъ-губернаторъ. П. В.

І ю н ь.

3. Его Импер. Велич. обѣдалъ у принца Георга, гдѣ представляль офицеровъ вновь прибывшаго полка. Послѣ полуночи страшная погода, буря съ громомъ и молніей сжегшей барку съ грузомъ хлѣба на Невѣ, передъ Невскимъ монастыремъ.

Дневникъ пребыванія въ Ораніенбаумѣ.

12. Закуска въ Эрмитажѣ, на лѣтнемъ дворѣ. Поѣздка въ Ораніенбаумъ; прїездъ въ 4 часа. Осмотръ крѣпости, гдѣ Его Импер. Велич. нашелъ залу отдѣланной заново для картинъ, чѣмъ остался очень доволенъ. Ужинъ въ Японской залѣ. Въ этой поѣздкѣ сопровождали Его Импер. Велич. гетманъ, генераль Девьеरъ, баронъ Гольцъ, главный начальникъ артиллеріи Вильбуа, два брата Нарышкины, Бредаль, марш. Дукерь, вице-канцлеръ кн. Голицынъ, камергеръ Гагаринъ. Иванъ Ивановъ Шуваловъ, Ив. Ив. Бецкій, тайный совѣтникъ Руморъ, лейбъ-медикъ Мунзей и Штелинъ. Приглашенные прїѣзжали одинъ за другимъ.

Тотъ же вечеръ. Графиня Елизавета Романовна Воронцова и съ нею графиня Строганова (дочь канцлера), графиня Брюсь, двѣ дѣвицы Нарышкины, егермейстерша Марья Павловна, г-жа Гагарина съ двумя дочерьми, Англійскій посланникъ Кейтъ и консулъ Скаловъ, посланникъ Шведскій, Поссе, Голандскій съ супругой, Мейнесагенъ.

13. Фельдмаршалъ князь Трубецкой съ супругой, фельдмаршалъ Минихъ, графъ Алекс. Григ. Разумовскій, канцлеръ графъ Воронцовъ съ супругой, графъ Александръ Ивановичъ Шуваловъ съ супругой. Обѣдъ на два стола при дворѣ. Послѣ обѣда Его Импер. Велич. пошелъ на плацъ смотрѣть полки. Въ 7 часовъ вечера прїѣхалъ герцогъ верхомъ, а въ каретѣ герцогиня Голштейнъ-Готторпская съ семействомъ, принцъ Голштейнъ-Бекъ съ вдовствующей принцессой. Его Величество встрѣтилъ герцога верхомъ, передалъ ему начальство войсками. Предшествовавшее обѣ этомъ объявление генераль-аудитора Зельгорста. Троекратное ура войска. Герцогъ командовалъ, и Его Велич. отъѣхалъ на право. Его свѣтлость принималъ поздравленія присутствующихъ на плацу, потомъ отъ всѣхъ офицеровъ въ залѣ: потомъ Его Величество поднялъ заздравный кубокъ за нового фельдмаршала, а также пили всѣ присутствующіе офицеры. Второй отвѣтный тостъ былъ провозглашенъ его свѣтлостью. Оттуда прошли передъ фронтомъ войскъ. Ужинъ въ Японской залѣ.

14. Большой столь во дворцѣ. Послѣ обѣда ученіе полка Форстера. Ужинъ въ Эрмитажѣ. Обѣдъ за большимъ столомъ въ картинной галерѣ. Вечеромъ ученіе полка Цеймерна. Ужинъ обыкновенный въ залѣ дворца. Одинъ залпъ въ честь хорошихъ вѣстей изъ арміи Пруссаго короля, который одержалъ побѣду надъ фельдмаршаломъ Дауномъ и взялъ 1500 Австрійцевъ въ плѣнъ.

15. Приказъ Его Величества не носить кавалерійскіе ордена въ деревнѣ, но только звѣзду.

16. Его Величество и всѣ генералы..... исповѣданія въ гарнизонной церкви. Обѣдъ въ Японской залѣ. Потомъ Его Велич. отправился въ Санть-Аннуи. Ужинъ въ Японской залѣ.

17. Утромъ Его Велич. подписывалъ докладъ Сената и Военной Коллегіи. За обѣдомъ Его Велич. не выходилъ. Вечеромъ ученье ки-расировъ.

19. Общій парадъ по случаю прїезда Императрицы. Вечеромъ упомянутый пастораль. Торжественная музыка въ большомъ театрѣ съ танцами г-жи Салтини, г-жъ Макуръ, Торда и Фабіаны.

21. Послѣ обѣда Его Велич. отѣхалъ за нѣсколько верстъ для ученія новыхъ драгунъ его полка.

22. Утромъ Его Велич. былъ со мной въ новой гарнизонной церкви и приказалъ мнѣ вѣльть поставить органъ, чтобы въ будущее Воскресеніе могли изучать на немъ при освященіи упомянутой церкви. Послѣ обѣда поѣхали днія на два въ Санть-Аннуи съ небольшимъ избраннымъ обществомъ: герцогъ, фельдмаршалъ Минихъ и нѣсколько другихъ генераловъ съ ними вмѣстѣ отправились въ Кронштадтъ, откуда возвратились вечеромъ.

23. Освященіе вышеупомянутой церкви въ присутствії Его Импер. Велич., его свѣтлости герцога Георга и его принцевъ, гетмана, фельдмаршала Трубецкаго, канцлера и вице-канцлера и всѣхъ прочихъ генераловъ, кавалеровъ и дамъ. Во время молебствія пальба изъ орудій и троекратный залпъ изъ гарнизона. Вечеромъ балъ въ театрѣ, потомъ фейерверкъ, ужинъ и балъ до 3-хъ ч. утра.

24. Малый столь у Его Импер. Величества на 16 особъ въ крѣпости, гдѣ обѣдали съ Его Императорскимъ Величествомъ: 1) графиня Елисавета Романовна, 2) оберъ-егермейстерша, 3) графиня Брюсь. 4) супруга Льва Александровича. 5) госпожа Бредаль, 5) г-жа Гюбнеръ. 7) г-нъ Бредаль, 8) Левъ Александровичъ, 9) генералъ-маіоръ Измаи-

ловъ, 10) маршалъ Дуккеръ, 11) князь Иванъ Федоровичъ Голицынъ, 12) ген. адъютантъ Гудовичъ, 13) Штелинъ, 14) полковникъ Опицъ. 15) маиръ Лангъ дежурный. Вечеромъ все общество отправилось ужинать на дачу графа Романа Иларіоновича Воронцова.

25. Около полудня отправились кушать въ Гостилицы графа Алексія Григорьевича Разумовскаго. Оттуда возвратились въ 10-ть часовъ вечера и ужинали въ дворцовой залѣ.

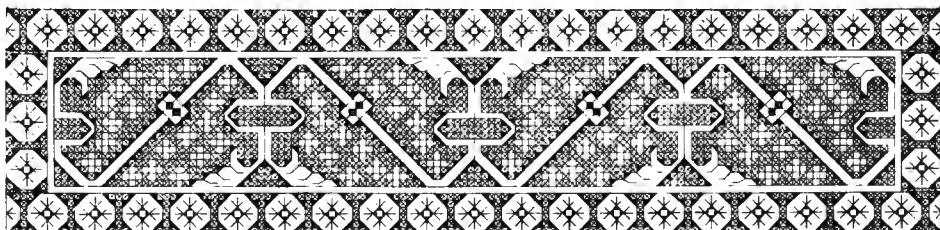
26. Утромъ Его Импер. Велич. подписалъ много докладовъ и указовъ, а послѣ обыкновенного парада вышелъ кушать въ дворцовый залъ. Вечеромъ въ большомъ театрѣ шло во второй разъ представление пасторали. Торжество музыки.

27. Обѣдъ въ дворцовой залѣ. Фельдмаршалъ не здоровъ. Гофмаршалъ отсутствуетъ. Камергеръ князь Гагаринъ исполнялъ должность маршала. Вечеромъ Его Импер. Велич. провелъ корпусъ своего драгунскаго полка на плацъ и тамъ дѣлалъ ему смотръ до 9 ч. вечера.

28. Въ часъ пополудни Его Велич. со свитой, состоящей изъ особъ первыхъ 5-ти классовъ, отправился въ Петергофъ, чтобы присутствовать тамъ при всенощной наканунѣ праздника Святыхъ Петра и Павла. Въ два часа ночи мы прибыли туда и съ изумленiemъ узнали, что Императрица отбыла въ 5-ть часовъ утра одна, въ сопровожденіи только своей камерфрейлины Екатерины Ивановны и камер-лакея Шкурина, оставя насъ въ невѣдѣніи обо всемъ, равно какъ и всѣхъ своихъ придворныхъ дамъ и кавалеровъ.

Тогда начались совѣщенія о мѣрахъ, которыя нужно было принять. Начались замѣшательства, отъ часу увеличивавшіяся, пока наконецъ въ $9\frac{1}{2}$ ч. вечера Его Импер. Велич. и весь его дворъ сѣли на галеру и яхту, чтобы отплыть въ Кронштадтъ, откуда галера воротилась въ Ораніенбаумъ, а яхта въ Петергофъ въ 4 часа утра.

ТРИ ПИСЬМА ПЕТРА III-го ИЗЪ РОПШИ КЪ ЕКАТЕРИНЪ II-ой *).

Мы уже имѣли случай замѣтить, что Петръ III-й является какъ бы мздою за семейныя безобразія Петра I-го: онъ чествуется у скопцовъ и оттѣняеть собою Екатерину Великую. Въ теченіи двадцати лѣтъ его имя въ богослужебныхъ книгахъ печаталось съ прибавленіемъ: „внукъ Петра I-го“, но онъ не скрывалъ своей нелюбви къ Россіи, и еще въ 1740 году, когда Швеція готовилась къ войнѣ съ Россіею, онъ, конечно по приказу своихъ наставниковъ, послалъ въ Стокгольмъ враждебное къ Россіи заявленіе. Воцарившись, онъ показывалъ за обѣднею языки священнику, уговаривалъ солдатъ ѿсть въ постные дни скромное, приказалъ выносить иконы изъ домовыхъ церквей, созвалъ въ Пруссіи конклавъ для обсужденія мѣръ къ объявленію въ Россіи лютеранства господствующею вѣрою. Въ исторіи Россіи С. М. Соловьевъ показано, какъ онъ охладилъ къ себѣ сердца Русскихъ людей даже и въ отдаленныхъ краяхъ имперіи. Каждый лишній день его царствованія становился бѣдствіемъ для Россіи, а предстоявшій ненужный и ненавистный походъ въ Данію долженъ былъ сокрушить измѣнника на престолѣ. Екатерину же знали въ Петербургѣ и Москвѣ уже слишкомъ 18 лѣтъ. „Нордъ сѣдой ей удивился и обладать собой избралъ“, сказалъ Державинъ, одинъ изъ участниковъ ея избранія. Духовенство было все за нее, а въ гвардіи служили люди изъ всѣхъ сословій, такъ что ея воцареніе было столь же законнымъ избраніемъ, какъ и царя Михаила Феодоровича. Какъ сего послѣдняго, еще малолѣтняго, уже звали кое-гдѣ царемъ, такъ и при Елизаветѣ кто-то изъ дьяконовъ провозглашалъ Екатерину Императрицею (о чёмъ имѣется дѣло въ государственномъ архивѣ). Въ 1613 г. Россія избавилась отъ католичества и Поляковъ, въ 1762-омъ отъ лютеранства и Нѣмцевъ. Началась новая династія, возвеличившая Россію, принесшая намъ столько благодѣяній и доселѣ, по милости Божіей, ведущая наше отечество на пути къ мирной гражданственности и къ успѣхамъ здраваго просвѣщенія. II. Б.

Вотъ отреченіе Петра III-го;

Въ краткое время правительства моего самодержавнаго Россійскаго государствомъ самымъ дѣломъ узналъ я тягость и бремя, силамъ моимъ несогласное, чтобъ мнѣ не токмо самодержавно, но и какимъ бы то ни было образомъ правительства, владѣть Россійскимъ государствомъ. Почему и воз-

*) Печатаются по спискамъ, сохранившимся въ бумагахъ Н. К. Шильдера, съ соблюдениемъ правописанія подлинниковъ. II. Б.

чувствовалъ я внутреннюю онаго перемѣну, наклоняющуюся къ паденію его цѣлости и къ пріобрѣтенію себѣ вѣчнаго чрезъ то безславія. Того ради, помысливъ я самъ въ себѣ безпристрастно и непринужденно, чрезъ сie заявляю не токмо всему Россійскому государству, но и цѣлому свѣту торжественно, что отъ правительства Россійскимъ государствомъ на весь вѣкъ мой отрицаюсь, не желая ни самодержавнымъ, ниже инымъ какимъ либо образомъ правительства во всю жизнь мою въ Россійскомъ государствѣ владѣть, ниже онаго когда либо или чрезъ какую либо помощь себѣ искать, въ чемъ клятву мою чисто-сердечную предъ Богомъ и всецѣлымъ свѣтомъ приношу нелицемѣрно, все сie отрицаніе написать и подписать мою собственною рукою. Іюня 29. 1762. Петъ *).

I.

Votre Majesté.

Si vous ne voulez point absolument faire mourir un homme qui est dÃ©jÃ assez malheureux, ayez donc pitiÃ© de moy et laissez moi ma seule consolation qui est Elisabeth Romanovna. Vouz ferez par ca un de plus grand oeuvre de charitÃ© de Votre regne. Au reste, si Votre Majesté voudrait me voir pour un instant, je serai au comble de mes voeux.

Votre trÃ¨s humble valet Pierre *).

Переводъ. Ваше Величество, если Вы рѣшительно не хотите уморить человѣка, который уже довольно несчастливъ, то сжалътесь надо мною и оставьте мнѣ мое единственное утѣшеніе, которое есть Елизавета Романовна. Этимъ Вы сдѣлаете одно изъ величайшихъ милосердыхъ дѣлъ Вашего царствованія. Впрочемъ, если бы Ваше Величество захотѣли на минуту увидать меня, то это было бы верхомъ моихъ желаній. Вашъ нижайшій слуга Петъ.

29-го Іюня 1762 года.

Это первое письмо Петра III, доставленное Екатеринѣ вице-канцлеромъ княземъ А. М. Голицынымъ и полученное Екатериною въ Стрѣльнѣ. (См. Бильбасовъ, т. 2-й, стр. 62, 63). *Примѣчаніе Н. К. Шильдера.*

II.

Ваше Величество.

Я еще прошу меня которои ваше воле исполналь во всемъ, отпустить меня въ чужie краи стеми которыя я Ваше Величество прежде просилъ и надеюсь на ваше великодушие что вы меня не оставите безъ пропитания верный слуга Петъ.

29-го Іюня 1762 года.

Это второе письмо, доставленное М. Л. Измайловымъ и полученное Екатериною въ Петергофѣ. *Примѣчаніе Н. К. Шильдера.*

^{*}) Напечатано было въ С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ и въ сборникахъ узаконеній Екатерины II-й, но въ Полное Собрание законовъ не поступало, и когда мы перепечатали это отреченіе во 2-ой части сборника „XVIII Вѣкъ“, то отъ ministra двора, графа В. О. Адлерберга, пришла въ Москву бумага объ изъятіи его изъ книги; но было уже поздно: цензурный срокъ миновалъ, и книга вышла. П. Б.

III.

Madame.

Je prie Votre Majesté destre assuré surement de moy et devoir la bonté d'ordonner quou ote les postes de la seconde chambre par ce que la chambre ou je suis est si petite qu'a pein je peut my remuer et comme elle scait que je me promene toujours dans la chambre *). Ca me fera enfler les jambles. Encore je vous prie de nordonner point que les officiers restent dans la même chambre; comme jai des besoins, cest impossible pour moy. Au reste je prie Votre Majesté de ne me traiter du moins comme le plus grand malfaiteur ne sechant pas de lavoir offensé jamais en me recomendant à sa pense magnime je la prie de me laisser au plutot avec les personnes nomm  en Alemagne. Dieux le lui repayera surement et je suis Votre tres humble valet Pierre.

P. S. Votre Majesté peut estre sure de moy que je ne penserai rien ni ferai rien qui puisse estre contre sa personne ou contre son regne.

Переводъ. Государыня. Я прошу Ваше Величество быть во мнѣ вполнѣ увѣренною и благоволите приказать, чтобы отмѣнили караулы у второй комнаты, ибо комната гдѣ я нахожусь до того мала, что я едва могу въ ней двигаться. Вы знаете, что я всегда прохаживаюсь по комнатѣ, и у меня вспыхнуть ноги. Еще я Васъ прошу, не приказывайте офицерамъ оставаться въ той же комнатѣ, такъ какъ мнѣ невозможно обойтись съ мою нуждою. Впрочемъ я прошу Ваше Величество обходиться со мною, по крайней мѣрѣ, не какъ съ величайшимъ преступникомъ; не знаю, чтобы я когда-либо Васъ оскорбилъ. Поручая себя Вашему великодушному вниманію, я прошу Васъ отпустить меня скоро съ назначенными лицами въ Германію. Богъ, конечно, вознаградитъ Васъ за то, а я Вашъ нижайшій слуга Петръ.

PS. Ваше Величество можетъ быть во мнѣ увѣренною: я не подумаю и не сдѣлаю ничего противъ Вашей особы и противъ Вашего царствованія.

Это письмо должно быть отъ 30-го Іюня 1762 года. *Путинчаніе П. К. Шильдера.*

Въ архивахъ морского вѣдомства могутъ сохраняться бумаги о приготовленіи къ плаванію судовъ, которыхъ должны были перевезти герцога Голштин-

*) Въ академическомъ изданіи Записокъ Екатерины, стр. 101, сказано про Петра III-го, что онъ никогда не садился, и надо было ходить за нимъ по комнатѣ взадъ и впередъ; ходилъ же онъ скоро и большими шагами, такъ что было тяжело за нимъ поспѣвать. П. Б.

24 ПИСЬМА ГРАФА А. Г. ОРЛОВА ИЗЬ РОПШИ КЪ ЕКАТЕРИНЪ II-Й.

скаго, бывшаго Императора, съ его прислугою и пожитками въ Кильскій прекрасный дворецъ, устроенный для его матери. Неужели канцелярія Голштинскаго герцогства не дала знать въ Киль о возвращеніи Петра Федоровича изъ Россіи послѣ 20-ти лѣтняго отсутствія? Не могла же эта канцелярія быть упразднена въ царствованіе Петра III-го, который вѣроятно помышлялъ о мѣстѣ своего рожденія, собираясь въ походъ противъ Даніи. Мы напрасно искали этихъ бумагъ или указаній на нихъ въ архивахъ Берлинскихъ и въ архивѣ Ольденбургскомъ. Можетъ быть, они найдутся въ городѣ Киль. П. Б.

*

ТРИ ПИСЬМА ГРАФА А. Г. ОРЛОВА КЪ ЕКАТЕРИНЪ II¹⁾.

I.

(2 Іюня 1762 г.).

Матушка милостивая Государыня, здравствовать вамъ мы вѣжлаемъ несчетные годы. Мы теперь по отпуску сего письма и со всею командою благополучны. Только . . . . нашъ очень занемогъ, и схватила его нечаянная колика, и я опасенъ, чтобъ онъ сегодняшнюю ночь не умеръ, а больше опасаюсь, чтобъ не ожилъ. Первая опасность для того, что онъ все вздоръ говоритъ, и намъ это висколько не весело. Другая опасность, что онъ дѣйствительно для насъ вѣхъ опасенъ для того, что онъ иногда такъ отзыается, хотя въ прежнемъ состояніи быть.

Въ силу именного Вашего повелѣнія я солдатамъ деньги за полгода отдалъ, таکожъ и унтеръ-офицерамъ, кромѣ одного Патючкіна, вахмистра, для того, что онъ служить безъ жалованія. И солдаты пѣкоторые сквозь слезы говорили про милость Вашу, что они еще таковой для Васъ не заслужили, за чтобъ ихъ такъ въ короткое время награждать.

При семъ посылаю спискъ Вамъ всей команды, которая теперь здѣсь²⁾. А тысячи рублей, матушка, не достало, и я дополнилъ червонными. И у насъ здѣсь было много смѣха надъ grenaderами отъ червонныхъ: когда они у меня брали, иные просили для того, чтобъ не видывали и опять ихъ отдавали, думая, что они ничего не стоять.

¹⁾ Со списковъ, изъ бумагъ Н. К. Шильдера. П. Б.

²⁾ Къ сожалѣнію этого списка у насъ нѣть. П. Б.

Посланный Чертковъ¹⁾ къ Вашему Величеству обратно еще къ намъ не бывалъ, и для того я опоздалъ васъ репортовать, а сie пишу во Вторникъ въ девятомъ часу въ половинѣ.

По смерть вашъ вѣрный рабъ Алексѣй Орловъ.

II.

(6-го Іюля 1762 г.).

Матушка наша, милостивая Государыня. Не знаю, чтò теперь начать. Боюсь гнѣва отъ Вашего Величества, чтобъ Вы чего на насъ неистоваго подумать не изволили и чтобъ мы не были причиной смерти злодѣя Вашего и всей Россіи, также и закона нашего. А теперь и тотъ приставленный къ нему для услуги лакей Масловъ занемогъ. А онъ самъ теперь такъ боленъ, что не думаю, чтобъ онъ дожилъ до вечера, и почти совсѣмъ уже въ безпамятствѣ, о чёмъ уже и вся команда здѣшняя знаетъ и молитъ Бога, чтобы онъ скорѣе съ нашихъ рукъ убрался. А оный же Масловъ и посланный офицеръ можетъ Вашему Величеству донести, въ какомъ онъ состояніи теперь, ежели Вы обо мнѣ усомнитесь изволите. Писалъ сie рабъ Вашъ²⁾.

На оборотѣ адресъ: „Матушкѣ нашей Всероссійской“.

III.

Матушка милосердая Государыня. Какъ мнѣ изъяснить, описать, чтò случилось: не повѣришь вѣрному своему рабу, но какъ передъ Богомъ скажу истину. Матушка! Готовъ идти на смерть; но самъ не знаю, какъ эта бѣда случилась. Погибли мы, когда ты немилуешь. Матушка его иѣть на свѣтѣ. Но никто сего не думалъ, и какъ намъ задумать поднять руки на Государя! Но, Государыня, совершилась бѣда. Мы были пьяны, и онъ тоже. Онъ заспорилъ за столомъ съ княземъ Федоромъ³⁾ не успѣли мы разнѣть, а его уже и не стало. Сами не помнимъ, чтò дѣлали; но всѣ до единаго виноваты, достойны казни. Помилуй меня хоть для брата⁴⁾. Повинную тебѣ принесъ, и разыскивать нечего. Прости или прикажи скорѣе окончить. Свѣтъ не миль, прогнѣвили тебя и погубили души на вѣкъ.

¹⁾ Этотъ Чертковъ, Евграфъ Александровичъ, присутствовалъ виослѣдствіи при бракосочетаніи Екатерины съ Потемкинымъ. И. Б.

²⁾ Подпись оторвана. Примѣчаніе Н. К. Шельдера.

³⁾ Князь Федоръ Сергеевичъ Барятинскій. Онъ не оставилъ мужскаго потомства. Нынѣшніе князья Барятинскіе происходятъ отъ его брата Ивана Сергеевича. И. Б.

⁴⁾ Т. е. для графа Григорія Григорьевича. И. Б.

*

Замѣчаніе графа В. В. Ростопчина*) на предыдущее письмо.

Кабинетъ ея былъ запечатанъ графомъ Самойловымъ и генералъ-адъютантомъ Ростопчинымъ.

Черезъ три дня по смерти Императрицы поручено было великому князю Александру Павловичу и графу Безбородкѣ разсмотрѣть всѣ бумаги. Въ первый самый день найдено это письмо графа Алексея Орлова и принесено къ Императору Павлу; по прочтениіи имъ возвращено Безбородкѣ, и я имѣль его съ четверть часа въ рукахъ. Почеркъ извѣстный мнѣ графа Орлова. Бумага—листъ сѣй и нечистой, а слогъ означаетъ положеніе души сего злодѣя и ясно доказываетъ, что убийцы опасались гнѣва Государыни, и симъ изобличаетъ клевету, падшую на жизнь и память сей великой Царицы. На другой день графъ Безбородко сказалъ мнѣ, что Императоръ Павелъ потребовалъ отъ него вторично письмо графа Орлова. Прочитавъ въ присутствіи его, бросилъ въ каминъ и самъ истребилъ памятникъ невинности Великой Екатерины, о чемъ и самъ чрезмѣрно послѣ соболѣзнованія.

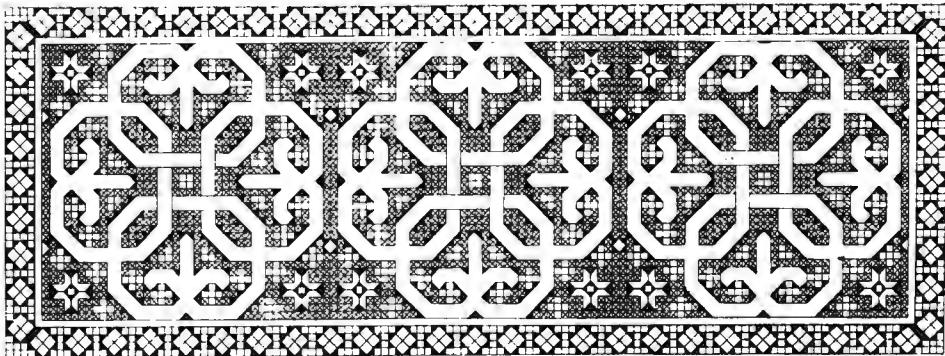
*

Такимъ образомъ мы обязаны графу Ростопчину за сохраненіе этого письма, доказывающаго неприосновенность Екатерины къ гибели ея супруга. Почти полтора столѣтія, великая память ея омрачалась клеветою, и лишь въ недавнее сравнительно время при имени ея въ иностранныхъ биографическихъ словаряхъ опускается слово „мужеубійца“.

Сенаторы уговорили ее не ѣхать на похороны Петра III-го (которые описаны Голштинцемъ Сиверсомъ, см. „Русскій Архивъ“ 1909, вып. 7-й). П. Б.

*) Сообщившаго выше напечатанную копію въ Лондонъ графу С. Р. Воронцову, внукъ котораго сберегъ ее въ своемъ архивѣ.

ИЗЪ ЗАПИСОКЪ КОРБЕРОНА. 1775—1780.

(Un diplomate français à la cour de Cathérine II.
Journal intime du chevalier de Corberon, chargé
d'affaires de France en Russie. Publié par L. N. La-
bande. 8-ка, 2 части. Paris 1901).

Книга эта издана превосходно. Ея издатель, г-нъ Ла-Бандъ близко знакомъ съ источниками Русской исторіи XVIII вѣка, и книга снабжена его обстоятельными примѣчаніями и азбучнымъ указателемъ. Для нась она служить, такъ сказать, пополненіемъ повѣствованія, которое мы имѣемъ въ Запискахъ Поропшина и въ Дневникѣ Храповицкаго. Это показанія, записанныя не сть памяти, часто обманчивой, а по живымъ слѣдамъ видѣннаго и слышаннаго. Сначала идутъ они въ видѣ дневника, а потомъ въ рядѣ писемъ, которыя посылались въ Парижъ къ роднымъ и знакомымъ.

Въ исторіи нашихъ международныхъ сношеній и сопряженій Записки Корберона должны быть поставлены рядомъ съ Записками его соперника Гарриса*). И Франція, и Англія искали въ то время дружбы Русской. Дiderotъ, прожившій у насъ нѣсколько мѣсяцевъ (въ самый разгаръ Пугачевщины), философически бесѣдуя съ Екатериною, всетаки домогался узнать про торговлю и промышленность и гдѣ-бы завести какую либо фабрику. Жюинье и Корберонъ съ этими цѣлями выслѣживанія ѻздили въ Ярославль и Тулу. Представитель Франціи добивался заключенія торгового договора, Гаррисъ посредничества, необходимаго для Англіи въ ея борьбѣ съ Сѣверо-Американскими ея подданными. И тотъ, и другой потерпѣли неудачу. Ихъ

*) Они помѣщены въ „Русскомъ Архивѣ“ 1874 года, переведенные съ Англійскаго г-жею Келлерманъ. П. Б.

обоихъ превышалъ въ значеніи Сольмсъ, много лѣтъ сряду бывшій у нась посломъ Пруссіи и знавшій по-русски. На взглядъ Гарриса, Екатерина воображала, что держитъ скіпетръ, между тѣмъ какъ въ рукахъ ея—только опахало; а Корберонъ дивился, какъ еще держится Россія.

Егб отзывами напоминается намъ одно утро въ Зимнемъ дворцѣ, у графини А. Д. Блудовой. Шла рѣчь о томъ, что Бисмаркъ, выучившись по-русски, заказалъ себѣ и носиль кольцо, на которомъ было вырѣзано слово *небось*. Находившійся тутъ Англійскій посолъ Морлей заявилъ, что у него записаны еще два присловья: *авось* и *какъ-нибудь*, причемъ вынулъ записную книжку и показалъ ее своему собесѣднику, котораго онъ тогда въ первый разъ видѣлъ. „У нась, говорилъ онъ, прежде чѣмъ начать дѣло, недоумѣваются, взвѣшиваются, обдумываются, справляются; вы же дѣйствуете на основаніи этихъ трехъ поговорокъ“.— „Это вамъ кажется отъ того, возразилъ ему его собесѣдникъ, что вы считаете Россію государствомъ“.— „А что же она такое?“— „Россія— вселенная“, было отвѣтомъ.

Родившійся въ Парижѣ 15 Іюля 1748 года, Корберонъ принадлежалъ къ высшей Французской аристократіи и получилъ хорошее образованіе. Онъ недолго былъ въ военной службѣ и перемѣнилъ ее на должность секретаря при маркизѣ Веракѣ, Французскомъ резидентѣ въ Касселѣ; но вскорѣ его перевели повѣреннымъ посольства въ Россію съ жалованьемъ въ 2000 ливровъ. Онъ былъ молодъ, полонъ философскими началами Жанъ-Жака Руссо, даровитъ, черноглазъ, писалъ стихи, охотно игралъ на сценѣ, нравился дамамъ и чувствовалъ себя, какъ рыба въ водѣ, въ Россіи, где въ высшемъ обществѣ тогда господствовалъ Французскій языкъ. Онъ выѣхалъ изъ Парижа 22 Іюня 1775 года и, побывавъ въ Варшавѣ, прїѣхалъ 12 Августа въ Москву къ своему начальнику Жюинье (*Juigné*), человѣку скромному и нрава съ нимъ противоположнаго.

То было время, когда только что отпразднованъ былъ въ Москвѣ Кучукъ-Кайнаджискій миръ съ Портою и сдѣланы первые шаги къ пріобрѣтенію Крыма. Слава окружала Екатерину. Въ концѣ предыдущаго года или въ началѣ 1775, сочетавшись въ Петербургѣ неоглашеннѣмъ бракомъ съ Потемкинымъ *), Екатерина прожила почти цѣлый годъ въ Москвѣ, а лѣто проводила въ старомъ дворцѣ царя Алексея Михайловича, въ селѣ Коломенскомъ, гдѣ писала свое „Учрежденіе о

*.) См. о томъ пашу статью въ „Русскомъ Архивѣ“ (1906, вып. 12).

губерніяхъ[“]. Въ Москвѣ она жила на Волконкѣ въ домѣ князя Мих. Мих. Голицына, нынѣ принадлежащемъ его правнуку князю Сергею Михайловичу, дѣдь-дядя котораго, тоже Серебрый Михайловичъ, сказывалъ при мнѣ, что Екатерина въ память своего пребыванія въ этомъ домѣ подарила его отцу парчевые обои (которые, неизвѣстно, сохранились ли донынѣ). Домъ этотъ, стѣна со стѣною, сосѣдить съ домомъ, нынѣ принадлежащимъ господамъ Петрово-Соловово, а тогда принадлежавшимъ матери Потемкина. Въ домовой Голицынской церкви были двѣ иконы, одна Великомученицы Екатерины, другая Григорія Пророковія; въ настоящее время этихъ иконъ мы уже не нашли въ этой церкви, но старику-сторожу было извѣстно, какъ онъ говорилъ намъ, о стѣнѣ, пробитой для удобства Потемкину павѣщать старухуматъ. Екатерина считала себя обязанной Г. Г. Орлову за восшествіе свое на Русскій престолъ, и она имѣла твердоѣ намѣреніе выйти за него замужъ, чмому помѣшалъ канцлеръ гр. Воронцовъ и негласный супругъ императрицы Елизаветы Петровны графъ А. Г. Разумовскій. Потемкину же Екатерина считала себя обязанною за прекращеніе Пугачевщины (этого наслѣдія царствованій предъидущихъ; сама же Екатерина гласно подняла вопросъ, еще за нѣсколько лѣтъ до Пугачевскаго бунта, о раскрѣпошеніи помѣщичьихъ крестьянъ, а крестьянъ монастырскихъ, отобраніемъ ихъ въ государственную казну, спасла отъ жестокости чернаго духовенства. Она написала ему свое чистосердечное признаніе и вышла за него замужъ¹⁾).

Приводимъ выдержки изъ дневниковъ Корберона:

Суббота, 12—26 Августа 1775 г.

Пріѣхали мы въ Москву въ десять съ половиною часовъ вечера и долго проплутали по этому дьявольски-безконечному городу, который въ мѣсячномъ свѣтѣ показался мнѣ очень плохъ. Сомнѣваюсь, чтобы при свѣтѣ дня онъ былъ лучше. Дюранъ²⁾ встрѣтилъ насъ холодно. Я думаю, что онъ усталъ дожидаться маркиза Жюинье, человѣка равнодушнаго, и оба наши министра, поговоривъ съ четверть часа, уже не знали, о чмъ имъ говорить больше, пока, на выручку имъ, не позвали насъ къ ужину, я же очень проголодался. Помѣщеніе мнѣ и Пюи-Сегюру³⁾ стведено было версты за три или за четыре отъ помѣ-

¹⁾ Не знаемъ, сохранилась ли въ синодальномъ архивѣ брачная запись; ее надо искать въ бумагахъ конца 1774 или начала 1775 года. Очень можетъ быть, что тогда же Потемкинъ сдѣлалъ какое либо приношеніе въ церковь конногвардейского полка, въ которомъ началась его поприще. И. Б.

²⁾ Предшественникъ маркиза Жюинье. И. Б.

³⁾ Военный агентъ при Русскомъ дворѣ, извѣстный позднѣе масонъ. И. Б.

щенія Дюрана. Это было въ родѣ гостиницы, содержимой нѣкіимъ Дофине. За неимѣніемъ постели онъ далъ намъ только матрацы, на одномъ изъ которыхъ я протянулся не раздѣваясь. Уже довольно привыкнувъ къ такого рода спанью, я все же не ожидалъ, что маркизъ Жюинье до такой степени не позаботится о насъ. На другой день за обѣдомъ увидали мы князя Одоевскаго, который, какъ большинство Русскихъ, съ виду любезенъ, но въ сущности легкомысленъ и лживъ. Онъ владѣетъ домомъ, въ которомъ жилъ Дюранъ и въ которомъ теперь будетъ жить маркизъ Жюинье.

Однимъ изъ первыхъ иностранныхъ министровъ, кого я увидѣлъ, былъ Сольмсъ. Онъ простъ и холоденъ, но очень тонокъ. Живучи здѣсь уже пятнадцать лѣтъ, навыкъ онъ немножко въ Русскомъ языкѣ, что, конечно, облегчаетъ ему возможность бывать въ разныхъ кругахъ общества; онъ украшенъ орденами Прусскаго Чернаго Орла и здѣшняго Святого Александра.

Здѣсь на короткое время гостить любезный человѣкъ, Польскій генералъ графъ Браницкій. Онъ очень пріятелъ въ обращеніи, толкуетъ о дѣвицахъ, обѣ удовольствіяхъ и дѣлахъ со всею развязностію свѣтскаго Француза. Это одинъ изъ милыхъ распутниковъ, которые пользуются такимъ успѣхомъ. Пріѣхалъ онъ къ здѣшнему двору изъ-за нѣкоторыхъ дѣлъ, и воображаю, что переговоры ему удаются: онъ созданъ для здѣшней страны.

Общественныхъ развлеченій въ Москвѣ немного. Комическая опера, помѣщающаяся въ довольно хорошей залѣ, плоховата. Я былъ въ Воксалѣ. Это большой садъ принадлежащей частному лицу, нанимаемый содергателемъ Воксала. Въ концѣ гульбища прудъ, на берегу которого музыка; играютъ нѣсколько духовыхъ инструментовъ, каждый особымъ тономъ, это какъ-будто бы разчененный органъ, довольно похожій на вечернюю игру Савояровъ на Парижскихъ улицахъ. Съ наступлениемъ сумерокъ садъ освѣщается лампами. На возвышеніи просторный покой, гдѣ танцуютъ и играютъ. Воксалъ открытъ до 2-хъ часовъ утра; входная плата одинъ рубль.

Суббота 26 Августа. Императрица приняла маркиза Жюинье у себя въ кабинетѣ, и какъ она потомъ больше никого не принимала, то въ этотъ день мы не могли быть у нея¹⁾). Послѣ прогулки Пюи-Сентюрь, Комбъ²⁾ и я были въ Воспитательномъ домѣ: мнѣ очень пріятно

¹⁾ По Камерфурьерскому журналу видно, что Екатерина въ этотъ Успеніевъ день прѣѣзжала въ Москву изъ Царицына и послѣ обѣда приняла Французскаго посланника Дюрана, уѣзжавшаго изъ Россіи и его замѣстителя маркиза Жюинье. П. Б.

²⁾ Секретарь маркиза Жюинье. П. Б.

было видѣть, въ какомъ порядкѣ содержится онъ, какъ вѣжливы дѣти и прочее. Я разсчитываю въ подробностяхъ разсмотрѣть это учрежденіе.

Воскресенье, 3 Сентября. Обѣдалъ я на дачѣ у князя Степана Куракина: онъ принялъ насъ съ простодушною любезностю, къ какой Русскіе отмѣнно способны, подражая намъ въ премахъ и обхожденіи. Оттуда мы проѣхали въ садъ, гдѣ были хорошенъкія женщины, между прочими дѣвица Корсакова, физіономія которой меня поразила.

Воскресенье 10 Сентября. Вице-канцлеръ, графъ Остерманъ, въ полдень, представилъ Пюи-Сегюра и меня Ея Императорскому Величеству, и мы поцѣловали у нея руку. Она возвращалась изъ церкви, гдѣ торжествовался праздникъ ордена Святого Александра Невскаго. Эта Государыня имѣеть видъ величественный, и на лицѣ у нея выраженіе благородства и любезности.

Нынѣшній дворецъ недавно устроенъ; это весьма искусное соединеніе деревянныхъ и каменныхъ домовъ, принадлежащихъ частнымъ лицамъ; наружный входъ украшенъ колоннами; за прихожей очень большая зала, за которой другая тоже большая, въ которой Императрица принимаетъ иностранныхъ министровъ. Дальше слѣдуетъ еще болѣе просторная зала, она тянется въ длину всей постройки и состоитъ изъ двухъ комнатъ, раздѣленныхъ посерединѣ колоннами; въ первой Императрица играетъ, а вторая служитъ для танцевъ.

Маркизъ Жюинье представилъ насъ графинѣ Румянцевой. Это мать побѣдоноснаго фельдмаршала, ей восемьдесятъ лѣтъ отъ роду; въ прекрасной старости своей она счастлива успѣхами сына своего и внука. Насъ представили также супругамъ графа Ивана Чернышева и фельдмаршала Захара Чернышева, ему самому и потомъ всѣмъ фрейлинамъ. Мы глядѣли, какъ въ тронной залѣ обѣдали Императрица и кавалеры ордена¹⁾ въ орденскихъ одеждахъ. Эта церемонія очень величава. За обѣдомъ играла музыка; я съ удовольствіемъ слушалъ, какъ пѣлъ кastrатъ.

Мы обѣдали у графа Ласси²⁾). Какъ только я взошелъ, онъ отвелъ меня въ сторону и сказалъ, что получилъ письмо отъ маркиза Верженя, въ которомъ этотъ министръ выражаетъ ко мнѣ свое участіе. Затѣмъ графъ Ласси объявилъ мнѣ, что я могу располагать его домомъ какъ своимъ и что онъ готовъ все для меня сдѣлать. Это очень меня обрадовало, такъ какъ мнѣ очень хотѣлось съ нимъ сблизиться. Императрица весьма къ нему благосклонна.

¹⁾ Александра Невскаго. Дневникъ ведется по новому стилю. II. Б.

²⁾ Испанскій посолъ. II. Б.

Послѣ обѣда мы были представлены Великому Князю и Великой Княгинѣ. Онъ малъ и тщедушенъ, но довольно красивъ; въ немъ что-то дѣтское, и онъ напоминаетъ собою молодого человѣка, котораго учатъ танцамъ и который старается понять указанія своего учителя. Великой Княгини не было на представлениі, ей пускали кровь въ предосторожность: она беременна. Баль начался съ появленіемъ Императрицы и открыть былъ Великимъ Княземъ. Ея Императорское Вѣличество появилась на балу на одну только минуту. Она ушла на обученіе дѣвицы Волконской съ однимъ Голицынымъ. Я танцевала съ дѣвицами Бибиковой и Бутурлиною, очень красивыми фрейлинами. Этихъ фрейлинъ отъ двѣнадцати до пятнадцати; онъ воспитываются при дворѣ и имѣютъ отдѣльныя помѣщенія, гдѣ ихъ нельзя больше видѣть послѣ исторіи одной изъ нихъ съ Англійскимъ министромъ. Жалованья онъ получаютъ по двѣ тысячи рублей, а при вступленіи въ супружество Императрица даетъ имъ двадцать тысячъ; таково же число и статсъ-дамъ. Онъ носятъ на груди портретъ Императрицы, а фрейлины шифръ, и эти знаки отличія остаются у нихъ на всю жизнь.

Понедѣльникъ 11 Сентября. Маркизъ Жюинье обѣдалъ у графа Ласси, который приглашалъ и графа Ивана Чернышова, но Императрица оставила его обѣдать у себя. Онъ въ милости, и думаютъ, что онъ, пожалуй, заступить мѣсто Панина.

Воскресеніе 17 Сентября. Мы были при Дворѣ и видѣли графа Алексія Орлова, который покорилъ Крымъ. Это красавецъ, у котораго видъ Марса, а лицо пріятное и благородное. Обѣдали мы по обычаю у графа Ласси; тамъ былъ г. Нормандецъ, секретарь посольства; третьяго дня вечеромъ возвратившійся изъ Петербурга, честный малый, на видъ простой. Онъ разсказывалъ намъ о Фальконетѣ, который, 4 числа этого мѣсяца, потерпѣлъ неудачу съ отливкою статуи Петра Перваго. Онъ не хотѣлъ предоставить оную распоряженіямъ Страсбургскаго отливщика и убѣдилъ Императрицу, что сдѣлаетъ это самъ. У него было на четыре тысячи пудовъ металлу, больше чѣмъ нужно: но оказалось не достаточно, а голова совсѣмъ еще не готова. Говорятъ, что растопленный металлъ вытекъ въ щель, которой не замѣтили. Фальконетъ и еще нѣсколько человѣкъ получили легкія раны, и ему нездоровится отъ потрясенія и конечно отъ горя. Увѣряютъ, однако, что голову можно будетъ соединить съ туловищемъ; по другимъ отзывамъ не только голова Петра Перваго, но и голова лошади еще не отлиты.

Воскресеніе 1 Октября. Большое торжество при Дворѣ, по поводу дня рожденія Великаго Князя. Императрица не появлялась за недомог-

ганиемъ. Вечеромъ былъ балъ; я не танцевалъ и даже уѣхалъ до окончанія бала.

Вторникъ 3 Октября. День коронованія Императрицы. Большое торжество, но ея мы не видали: у нея продолжается легкая лихорадка. Обѣдали мы у графа Остермана. Вечеромъ балъ и ужинъ у Великой Княгини, гдѣ былъ маркизъ Жюинье.

Понедѣльникъ 9 Октября. Маркизъ Жюинье сегодня утромъ съ графами Ласси и Сольмсомъ уѣхалъ въ Ярополчу, имѣніе фельдмаршала Чернышева, который принимаетъ тамъ Великаго Князя.

Вторникъ 11 Октября. Я показывалъ Мартену журналъ моей поѣздки въ Ярославль; онъ похвалилъ его иувѣряетъ, что если Императрица узнаетъ о немъ, то прочтеть съ удовольствіемъ.

Воскресенье 15 Октября. Ночью прїѣхалъ маркизъ Жюинье, весьма довольный своимъ путешествиемъ; онъ говорилъ мнѣ о Великомъ Князѣ и о Великой Княгинѣ. По его словамъ у Великаго Князя не сложился еще характеръ, чтò и не трудно замѣтить. Великая Княгиня зреѣлъе его, но оба не любятъ Русскихъ и не довольно скрываютъ то, чѣмъ ослабляется нѣсколько общественное къ нимъ уваженіе. Приходилъ ко мнѣ аббать и съ испуганнымъ видомъ спрашивалъ, слышалъ ли я пушечный выстрѣлъ, раздавшійся по закату солнца; я отвѣчалъ, что слышалъ что-то такое. но причина мнѣ неизвѣстна. Онъ увѣряетъ, что въ народѣ большое возбужденіе противъ Императрицы и Потемкина, что ежедневно хватаютъ воровъ и что тутъ послѣдствія Пугачевскаго бунта. Это можетъ быть правда, но онъ не могъ меня убѣдить въ томъ, будто Пугачевъ еще не взятъ. По словамъ аббата казненъ не онъ, а одинъ изъ его соучастниковъ, котораго выдали за Пугачева. Аббать говорилъ также о возможности войны у Русскихъ съ Австрійцами и Шведами; этому я также не вѣрю. Конечно, Императрица довольно суетна для того, чтобы завидовать Венгерской королевѣ, но по своей гордости и просвѣщенію не захочетъ съ неюссориться въ настоящихъ обстоятельствахъ.

Среда 18 Октября. Сегодня утромъ съ маркизомъ Жюинье и Пюи-Сегюромъ ѿздили мы смотрѣть домъ графини Бутурлиной, отведеній Турецкому послу. Оттуда поѣхали въ домъ Загряжскаго смотрѣть на вѣзду посла. Онъ ѿхалъ на лошади, окруженный болышио свитою. Замѣчательны только ручныя лошади, которыхъ вели въ подарокъ: тутъ была толпа человѣкъ въ пятьсотъ.

Четвергъ 19 Октября. Мы съ Пюи-Сегюромъ были у Панина смотрѣть на аудіенцію посла, который туда прїѣхалъ на придворныхъ

лошадяхъ. У министра было довольно значительное число гусаровъ, два Турка вели посла подъ руки. На лѣстницѣ и въ прихожихъ комнатахъ стояла въ ливреяхъ прислуга министра иностранныхъ дѣлъ. Въ первой комнатѣ также находилась прислуга, во второй чины Иностранный Коллегіи. Панинъ былъ одинъ въ своемъ кабинетѣ съ шапкою на головѣ, которую онъ не снималъ, такъ какъ и посолъ былъ въ турбанѣ. Въ глубинѣ этой комнаты стояло два кресла, на которыхъ они оба возсѣли. Разговоръ шелъ съ достоинствомъ. Турукъ, лѣтъ шестидесяти отъ роду, говорилъ очень прилично и даже остроумно. Ему подали плодовъ и конфектъ, и онъ удалился, передавъ Панину два письма отъ великаго визиря: одно къ Императрицѣ, другое къ нему, и обоимъ по платку.

Суббота 21 Октября. Утромъ, въ половинѣ десятаго, ъздилъ я ко Двору смотрѣть на аудіенцію Турецкаго посла. Мы прождали довольно долго, она происходила въ залѣ съ Кремлевскими столбами. Тронъ былъ устроенъ въ углу залы. Въ половинѣ второго возсѣла на него Императрица. Близъ нея находились придворные чины. Вводилъ посла графъ Брюсъ. Когда Турецкое превосходительство прибылъ, Абдуль-Керимъ-эфенди, Румелійскій берлербей, стоя въ шести шагахъ отъ Ея Императорскаго Величества, отдалъ поклонъ, двинувшись впередъ, поклонился вторично и, будучи уже близъ трона, нѣсколько минутъ произносилъ рѣчъ, которую толмачъ переводилъ порусски. Императрица отвѣчала на нее съ достоинствомъ и грацію, и затѣмъ внесены были подарки, состоявшіе изъ платковъ, эссенцій, благовоній и т. п.; ихъ положили на столъ, передъ которымъ стоялъ графъ Остерманъ, направо отъ трона, а налево въ такой же позѣ находился виночерпій Нарышкинъ. Потемкинъ стоялъ поодаль, Императрица нѣсколько разъ улыбалась глядя на него. Оттуда поѣхали мы къ госпожѣ Соловой*); но тамъ обѣдали: церемонія съ посломъ длилась до 4-хъ часовъ. Я забылъ сказать, что на аудіенціи статсь-дамы и фрейлины стояли на право отъ трона, а съ боку отъ нихъ, ближе къ Императрицѣ, иностранные министры. На лѣвой сторонѣ находился Московскій архіепископъ Платонъ. Великій Князь и Великая Княгиня глядѣли на церемонію сверху изъ внутренняго окна залы, гдѣ они сидѣли въ ложѣ.

Среда 25 Октября. Утромъ мы осматривали сокровища Кремля. Тамъ много богатства въ вазахъ и въ украшеніяхъ, ушитыхъ жемчу-гомъ и драгоцѣнными каменьями. Мы видѣли прекрасную чашу, которую Императрица Екатерина Вторая сама поставила въ алтарѣ, какъ

*) Это была Француженка, любовница г-на Соловова.

приношениe благодарности за состоявшeйся миръ; она усыпана драгоценными каменьями и преимущественно рубинами. Тутъ же Евангелие великолѣпно украшенное брилліантами. Въ одной изъ залъ стоитъ двойной серебряный тронъ 1682 года двухъ братьевъ, Петра и Иоанна Алексѣевичей, которые царствовали вмѣстѣ.

Турецкій посолъ былъ въ театрѣ, и мы зачумѣли отъ его табачнаго дыму.

Въ исходѣ Октября Корберонъ ъездилъ, вѣроятно для собиранія свѣдѣній о торговлѣ, въ Ярославль и описалъ эту поѣздку въ прозѣ и въ стихахъ. Въ свою очередь Шведскій посланникъ Нолькенъ описалъ также въ стихахъ поѣздку въ Яropolецъ, и Корберонъ поправлялъ ему эти Французскіе стихи его.

26 Октября. Я ъездилъ къ графу Шувалову и къ его супругѣ. Меня приняли, какъ нельзя лучше. Графъ прочелъ мнѣ сто стиховъ, невзначай сказанныхъ Вольтеромъ, а въ прозѣ повѣсть Камальдюль, что доставило мнѣ большое удовольствіе; они просили меня у нихъ поужинать, но клубъ переманилъ меня: я тамъ танцевалъ до часу утра.

Корберонъ разсказываетъ, какъ онъ навязывалъ графинѣ Чернышевой блонды, привезенные изъ Франціи его слугою.

9 Ноября. Мы обѣдали у графа Потемкина; онъ намъ показывалъ стальныя Тульскія издѣлія отмѣнной красоты съ тонкими позолоченными украшеніями.

16 Ноября. Въ 9 часовъ ъездилъ я ужинать къ графинѣ Шуваловой; мужъ ея читалъ намъ нѣсколько очень хорошихъ трагическихъ отрывковъ, но онъ читаетъ всегда съ претензіями.

23 Ноября. День клуба. Я тамъ встрѣтилъ чудака, состоящаго адъютантомъ при фельдмаршалѣ Чернышевѣ; это человѣкъ надутый самолюбiemъ, клеветникъ по привычкѣ и никого кромѣ себя не любящий; онъ обо всѣхъ отзывается дурно, кромѣ фельдмаршала. Зовутъ этого господина Мезierъ (Mezières). Онъ хвалить его за доброту, но такъ, что можно подумать, что тотъ дѣлаетъ все, что угодно Мезиеру.

Пятница 24 Ноября. Обѣдалъ я у графа Ласси, а вечеромъ былъ у князя Волконского; это отецъ невѣсты того князя Голицына, который былъ убитъ нѣкимъ Лавровымъ и котораго завтра хоронять. Исторія весьма запутанная и необыкновенная. Нѣсколько времени тому назадъ, князь Голицынъ ударилъ палкой офицера Шепелева; тотъ оставался спокойнъ, но черезъ нѣсколько мѣсяцевъ покинулъ полкъ, въ которомъ онъ служилъ и, пріѣхавъ въ домъ князя Голицына въ Москвѣ, потребовалъ отъ него удовлетворенія, и тутъ же далъ ему

пощечину. Князь велѣль его вывести, и дѣло какъ будто этимъ кончилось. Всѣ были удивлены тѣмъ, что князь Голицынъ не захотѣлъ драться; но онъ возражалъ, что ему не подобаетъ выходить на поединокъ со своимъ подчиненнымъ. Наряженъ судъ, Шепелеву велѣно оставить Дворъ, а князю Голицыну выходить въ отставку. Пущентъ былъ слухъ, что князь Голицынъ будетъ драться съ Лавровымъ, который яко бы настроилъ Шепелева. Лавровъ обратился къ нему съ вопросомъ, съ какой стати онъ про него это выдумалъ? Князь рѣзко отвѣчалъ ему и вызвалъ его драться на пистолетахъ; но на мѣстѣ поединка пистолеты были заряжены медленно, и Лавровъ, пользуясь этимъ, стала оправдываться и отрицать все, въ чемъ его обвинялъ князь Голицынъ, который, раздраженный замедленіемъ, напалъ на своего противника со шпагою въ рукѣ. Лавровъ также нанесъ ему двѣ раны шпагою, отъ которыхъ онъ и умеръ черезъ нѣсколько времени.

Воскресенье 26 Ноября. При Дворѣ былъ маскарадъ. Въ Турецкой кадрили участвовали Императрица и Потемкинъ. Вожделѣніе и усталость на ихъ лицахъ.

Суббота 2 Декабря. Въ одиннадцать съ половиною часовъ мы съ маркизомъ Жюинье доѣхали до Тулы и помѣстились у богатаго и добродушнѣйшаго купца. Маркизу дали постель, а я спалъ на диванѣ. Въ 9 часовъ утра мы поѣхали къ коменданту города. Это толстый Русакъ не знающій пофранцузски, но веселый и держащійся старины. Мы осматривали мастерскія. Это учрежденіе довольно значительное на берегу рѣки Упы; издѣлія напоминаютъ собою красivoю отдѣлкою Англійское производство, но сталь не такъ крѣпка, и полировка ея могла бы быть лучше. Въ магазинѣ на этотъ разъ было немного тонкихъ издѣлій, но намъ показывали прекрасную шпагу, которую началъ отдѣлывать графъ Иванъ Чернышевъ. Потемкинъ приказалъ дать маркизу Жюинье что ему наиболѣе понравится; онъ взялъ карabinъ. Затѣмъ мы были въ церкви прекрасно и своеобразно украшенной. Тамъ пѣли молебенъ въ память привитія оспы Императрицею. Палили изъ пушки и проч. За обѣдомъ было много народа. Къ главнымъ нашимъ сотрапезникамъ присоединился епископъ, который при входѣ всѣхъ благословлялъ. У него цѣловали руку даже двѣ дамы. Хозяинъ дома напоминаетъ нашихъ старинныхъ дворянъ веселостью, но у него въ приемахъ больше изысканности, и видна наклонность къ роскоши. чѣмъ въ особенности отличается Русскій народъ: только, можетъ быть, у однихъ Русскихъ крестьянки бѣлятся и румянятся. Обѣдъ нашъ прошелъ по старинному, т. е. пили за здоровье Императрицы и Ихъ

Императорскихъ Высочествъ. При епископѣ былъ архимандритъ или аббать, начальствующій надъ монахами; онъ не сказалъ ни слова, но не пропустилъ ни одного здоровьяя. Въ 5 часовъ возвратились мы въ наше помѣщеніе, гдѣ наскѣкѣли комендантъ. По счастію, это было недолго, и въ 6 часовъ мы поѣхали обратно въ Москву.

9 Декабря. У гетмана Разумовскаго Корберонъ познакомился со вторымъ сыномъ его графомъ Андреемъ Кирилловичемъ, который вскорѣ уѣхалъ съ Великимъ Княземъ въ Петербургъ и которому Корберонъ написалъ стихи въ день его ангела.

18 Декабря. За обѣдомъ у гр. Панина была княз. Дашкова. Я прилежно наблюдалъ за этою женщиною, говоритъ Корберонъ; она прославилась своимъ участіемъ въ переворотѣ, своимъ характеромъ и честолюбіемъ, благодаря которому она поссорилась съ боявшимся ея Императрицею. За обѣдомъ она говорила мало, можетъ быть ради настѣ, потому что она терпѣть не можетъ Французовъ, а любить Англичанъ. Она скоро уѣзжаетъ въ Ирландію, гдѣ останется нѣсколько времени со своимъ сыномъ, воспитаніе котораго она поручаетъ Юму.

20 Декабря. За обѣдомъ у графа Брюля говорили о разныхъ обычаяхъ, о томъ, что въ Россіи передъ Ѣдою пьютъ рюмку водки, а сладкое Ѣдятъ уже по выходѣ изъ-за стола. Это сладкое все Ѣдятъ одною и тою же ложкою, не вытирая ея; за здоровье пьютъ одинъ за другимъ изъ одной и той же посуды, которая переходить отъ одного сотрапезника къ другому, и каждый оставляетъ въ стаканѣ немногого вина, которымъ брызгаетъ въ своего сосѣда.

Съ 26 по 30 Декабря. Французское посольство въ дорогѣ на пути въ Петербургъ, т. е. проѣхало 735 верстъ. На каждой верстѣ прибита дощечка съ означеніемъ нумера.

1776 годъ *).

Четвергъ 4 Января 1776 г. Дѣвицы Брессоль.

Я Ѣль и пилъ часть дня, какъ бы въ кабакѣ. Да мы, дѣйствительно, были въ кабакѣ. Я долженъ вамъ сказать, что здѣсь мало знакомы съ развлечениями, но одно изъ самыхъ любимыхъ, это устройство никниковъ. Прокатятся туда и обратно въ саняхъ и воображаютъ, что повеселились. Въ двухъ верстахъ отъ Петербурга, на Невѣ, есть очень красивый островъ, Каменноостровскій. Великій Князь, коему онъ принадлежитъ, собирается строиться на немъ. Содержатель разрѣшенного

* Въ этомъ году вмѣсто дневника мы имѣемъ письма Корберона во Францію къ брату, къ матери и къ знакомымъ.

на этомъ островѣ ресторана Французъ Готье¹⁾). У него все хорошо; обѣдъ обошелся намъ въ 4 р. 75 к., т. е. приблизительно на наши деньги въ луидоръ; но было холодновато: на дворѣ 19° морозу. Переѣздъ черезъ Неву по льду понравился мнѣ больше всего въ этомъ пикникѣ. Эта чудная рѣка, протекая черезъ столицу Имперіи Русской, очень способствуетъ къ ея украшенію. Шириною она по крайней мѣрѣ вдвое больше Сены.

Суббота 6-ое Января 1776 г. Къ брату.

Сегодня вечеромъ я былъ съ Нормандеомъ у Штелина, секретаря Академіи, для передачи ему одной книги отъ доктора Жибелина. Я былъ самаго высокаго мнѣнія о Штелинѣ, а онъ оказался какимъ-то оригиналомъ съ немногими смутными познаніями; впрочемъ, большой говорунъ и порядочный человѣкъ. Вѣдь болтуны всегда хороший народъ. Мнѣ сообщили о назначеніи камергера Нарышкина губернаторомъ въ одну изъ Бѣлорусскихъ губерній. Государыня подписала этотъ указъ сегодня, по прибытии своемъ въ Петербургъ.

Воскресенье 7 Января 1776 г. Къ нему же.

Я былъ сегодня утромъ во дворцѣ, къ цѣлованію руки Ея Величества²⁾). Ея Петербургскій дворецъ очень большой; но по наружному его виду въ немъ больше великотѣпія, чѣмъ вкуса. Передъ нимъ большая площадь. Но меня удивило, что нужно подыматься очень высоко, войдя во дворецъ. Нормандеъ, выказывающій мнѣ большую дружбу, познакомилъ меня съ г-омъ Бемеромъ, президентомъ по торговымъ дѣламъ Нѣмецкихъ подданныхъ.

Отъ него я поѣхалъ къ графу Андрею, который еще утромъ присыпалъ просить меня побывать у него, такъ какъ онъ, изъ за принятаго лекарства, сидитъ дома. Графъ Андрей, дѣйствительно, человѣкъ съ сердцемъ; но его образъ жизни мѣшаетъ развитію его чувствительности, которую пользуются только его самые закадычные друзья. Мы поговорили съ нимъ о нашихъ страстишкахъ, и онъ очень заинтересовался моимъ разсказомъ о нѣкоторыхъ изъ моихъ любовныхъ приключеній.

Понедѣльникъ 8 Января 1776 г.

Былъ сегодня у Фальконэ и побесѣдовалъ съ нимъ часа два. Онъ говорилъ мнѣ о своемъ переводѣ Плинія, страшно раскритикованномъ.

¹⁾ Можетъ быть предокъ столь известнаго Москвѣ книгопродавца Владимира Ивановича Готье. П. Б.

²⁾ По Камерфурьерскому журналу, Екатерина въ ночь съ 23 на 24-е Декабря возвратилась изъ Москвы, гдѣ она провела почти цѣлый годъ. П. Б.

Онъ возражалъ съ увѣренностію, но въ тоже время воспользовался многимъ, въ чёмъ его упрекали. Онъ одолжилъ мнѣ для прочтенія экземпляръ этого перевода съ его собственноручными замѣтками. Онъ собирается, кажется, выпустить новое его изданіе. Я сообщу тебѣ мое мнѣніе объ этой книгѣ.

Вторникъ 9-ое Января 1776 г.

Вмѣстѣ съ моимъ сегодняшнимъ письмомъ, № 7, ты получишь письмо мое къ матушкѣ, къ г-жѣ де Жюинье. Писалъ еще въ Москву, князю Долгорукому, камергеру Ея Величества. Онъ достойнѣйший и добрый малый, постоянно выказывавшій мнѣ много хорошаго. Онъ мягкаго и доброго нрава, такъ какъ влюбленъ, а ты знаешь, что для меня это вѣрный признакъ. Но я не завидую его побѣдѣ: графиня Чернышева, жена Захара Чернышева, и не красива и того еще менѣе добра *).

Вторникъ 9 Января 1776 г.

Помнишь-ли, милый другъ, о томъ большомъ камнѣ, привезенномъ въ Петербургъ изъ Финляндіи? Эта огромная скала назначалась для пьедестала статуѣ Петра I и должна была остаться въ своемъ натуральномъ видѣ, а Фальконѣ нашелъ, что она слишкомъ велика и велиль отсѣчь отъ нея часть. Теперь сплетники истолковываютъ дѣйствіе Фальконѣ тѣмъ, что онъ боялся, какъ бы пьедесталь не привлекать больше вниманія, чѣмъ сама статуя Петра. Но я не считаю его способнымъ къ такому мелкому чувству.

Среда 10 Января 1776 г.

У меня былъ сегодня одинъ господинъ, толстый, на короткихъ ногахъ, живой стариакашка и большой болтунъ, а именно шевалье Дюмениль, Французъ, которыми здѣсь хоть прудъ пруди. Онъ учителемъ у князя Трубецкаго, много путешествовалъ и воображаетъ себя очень знающимъ въ искусствѣ лечить.

Четвергъ 18 Января 1776 г.

Сегодня утромъ были торжественные похороны вдовы канцлера Воронцова. Ты слышалъ, мой другъ, объ обрядѣ на счетъ паспорта, который вкладываютъ въ руки покойнику, для предъявленія его Апостолу Петру; обычай этотъ и по сіе время соблюдается въ точности. По этому ты можешь судить объ успѣхахъ философіи въ Имперіи. Недалеко она ушла и въ отношеніи нравственности.

---

*) Это графиня Анна Родионовна, племянница одного изъ пособниковъ Екатерины II П. Б. Пассека. П. Б.

Среда 24 Января 1776 г.

Я обѣдалъ сегодня у Ивана Чернышева, гдѣ умиралъ со скуки. Жена его глупа; но онъ хуже того, такъ какъ въ полномъ смыслѣ слова царедворецъ, и въ ихъ домѣ полное отсутствіе непринужденности.

Пятница 26 Января 1776 г.

Вотъ, наконецъ, и я, по примѣру прочихъ, плачусь на сморкоть, мой другъ, послѣ того, что вышелъ около полудня сдѣлать кое-какіе визиты и потомъѣздилъ на обѣдъ къ г-ну Рибасу, въ Кадетскій Корпушъ, и это въ 29⁰ мороза, о которомъ во Франціи не могутъ себѣ составить и понятія. Рибасъ молодой Итальянецъ, директоръ Кадетскаго Корпуса. На рѣдкость честный и образованный. Послѣ обѣда собралось нѣсколько кадетъ, всѣ очень хорошо державшіеся. Мы слушали ихъ игру на фортепіано. Не знаю, не слишкомъ ли многому ихъ обучаются, во вредъ одного предмета противъ другаго, и не дается-ли предпочтеніе пріятному передъ полезнымъ. Въ числѣ этихъ молодыхъ людей я видѣлъ одного двадцатилѣтняго кадета, который, говорить, чудный актеръ, хороший музыкантъ и не дурно рисуетъ, а при этихъ талантахъ обладаетъ очень рѣдкимъ качествомъ, замѣчательною скромностью. Я разузнаю фамилію этого молодаго человѣка и еще другаго, помоложе его, котораго считаются сыномъ Императрицы.

Суббота 27 Января 1776 г.

Въ числѣ многихъ посѣтившихъ меня сегодня былъ шевалье Козимо Марі, Итальянецъ изъ Пизы, путешествующій для собственнаго удовольствія. По наружности онъ не далекъ, но разговоръ полонъ всякого рода занимателности. Лицомъ чистый Итальянецъ (смѣйся, но это совершенно вѣрно), большой носъ, а къ тому же его выдаетъ произношеніе. Онъ былъ очень близокъ съ Орловыми и сохранилъ дружескія отношенія съ Алексѣемъ, чтѣму принесло немало выгодъ. Мы говорили о случаѣ, возвысившемъ братьевъ Орловыхъ и какъ своею удивительною дружбою они поддерживали другъ друга. Ты вѣдь знаешь, что въ 1771 г., тайными интригами графа Панина, Григ. Орловъ, фаворитъ, былъ удаленъ отъ Двора съ соблюденiemъ известныхъ приличий; но, тѣмъ не менѣе, это была опала, которая сдѣлалась бы окончательною, не заступись за Григорія его братъ Иванъ, употребившій всѣ средства, чтобы оправдать его въ глазахъ Императрицы во взведенныхъ на него напраслинахъ. Онъ, тотчасъ же послѣ этого, былъ вновь призванъ ко Двору; мнѣ обѣщали письмо Екатерины по этому поводу. Вернувшись въ концѣ 1771 г., Григорій Орловъ осипалъ милостями своихъ враговъ: для Панина выхлопоталъ фельдмаршальскій жезль и мн. др. Но, для возстановленія своего здоровья, онъ

вновь предпринялъ рядъ путешествій, объѣздилъ всю Италію, Германію, и теперь еще гдѣ-то путешествуетъ, но вернется скорѣе, чѣмъ ожидаютъ. Вотъ, дорогой братъ, чтѣ я узналъ отъ Козимо Маріи. Онъ сказалъ мнѣ еще, что Григорій состоится въ бракѣ съ Императрицей, что онъ все еще въ милости, а что его неблагодарной креатурѣ Потемкину недолго сохранять свой фаворъ. Потемкину на днѧхъ пожаловано Императрицей 16 тысячъ душъ, каждая изъ которыхъ можетъ ему приносить по 5 р. въ годъ. Но, поговариваются, что эта милость знакъ скорой его опалы. Я право не знаю, вѣрить ли всему, что сообщилъ мнѣ мой Итальянецъ, другъ Орловыхъ. Время разъяснить все.

Понедѣльникъ 29 Января 1776 г.

Вчера графъ Сакромозо былъ принятъ Ея Величествомъ въ пріацальной аудіенціи и получилъ изъ ея рукъ прекрасную табакерку осыпанную бриллантами, и кромѣ того 5 тыс. рублей, обыкновенно получаемые послами при ихъ отзваніи, хотя онъ не занималъ никакой должности. Онъ тотчасъ же уѣзжаетъ въ Варшаву. Графъ Сакромозо человѣкъ достойнѣйший и вполнѣ порядочный, съ большими познаніями. философъ, а его любезность дѣлаетъ знакомство съ нимъ очень пріятнымъ. Сегодня вечеромъ пріѣхалъ Штакельбергъ, Русскій посланникъ въ Польшѣ, шесть мѣсяцевъ тому назадъ сдѣланный посломъ. Вѣроятно, тутъ дѣло о соглашеніяхъ касательно Польши; не помѣшалъ бы только принцъ Генрихъ Прускій, а собственно Императрица съ самыми лучшими намѣреніями и готова отказаться отъ части, доставшейся ей по раздѣлу, чтѣ поставить короля Прускаго въ порядочное затрудненіе.

31 Января 1776 г.

А я былъ правъ, дорогой другъ, поступая осторожно съ Фальконэ. Трудно ладить съ людьми требовательными; нужно дѣйствовать на ихъ слабую сторону, въ настоящемъ случаѣ на тщеславіе, на которомъ я и играю. Онъ человѣкъ умный, поэтому я постарался незамѣтно для него самого заставить его поддаться моимъ пріемамъ и получить возможность слѣдовать за нимъ во всемъ. Прежде всего я говорилъ съ нимъ объ искусствахъ. Потомъ, онъ далъ мнѣ прочесть свой переводъ Плинія, что я и сдѣлалъ, чтобъ быть въ состояніи выдержать съ нимъ разговоръ обѣ этой книгѣ. и это мнѣ вполнѣ удалось. Господину Пюи-Сегюру, имѣвшему это сочиненіе въ рукахъ, но не прочитавшему его, пришлося выслушать рѣзкое замѣчаніе отъ писателя, поймавшаго его врасплохъ. Этотъ Фальконэ—чудакъ, требовательный и опасный по отношенію тѣхъ, кого онъ почему либо не взлюбить,

Подъ его большею скромностью скрывается еще большее самомнѣніе, плащъ Діогена, маскирующій гордость философа.

1-ое Февраля 1777 г.

Во время моего утренняго обѣданія, меня посѣтилъ кавалеръ де-Сересть, живущій у князя Трубецкого. Еще одинъ Французъ, которыхъ здѣсь и такъ несмѣтное количество. Къ обѣду пріѣхалъ баронъ Нолькенъ. Сей послѣдній разсказывалъ о томъ, какъ привольно живется въ деревнѣ у Шведскаго короля, гдѣ этикетъ настолько простъ, что каждый имѣть право сидѣть передъ нимъ и королевою. Вообще, непринужденность, которая царить при этомъ дворѣ и характеръ его властелина, дѣлаютъ жизнь тамъ необычайно пріятною. Возвратившись домой, я былъ крайне удивленъ, увидѣвъ у себя кавалера де Порталиса. Онъ мнѣ сообщилъ, что, судя по распространеннымъ въ Москвѣ слухамъ, тамъ ожидаются большия перемѣны: предполагается отставка Потемкина и возвращеніе князя Григорія Орлова.

3 Февраля 1776 г.

Мнѣ передавали, будто г. Бецкій былъ недоволенъ Фальконэ за то, что послѣдній урѣзalъ знаменитый камень, предназначенный для подножія статуи Петра Великаго. Вотъ какъ было дѣло. Этотъ громадный камень, напоминавшій неуклюжую глыбу и совершенно несоответствовавшій идеѣ Фальконэ ни своей формою, ни своей невѣроятной длиною (19—20 футовъ), не могъ служить подножіемъ статуи, не будучи укороченнымъ. Помимо этого обстоятельства для памятника требовалась наклонная плоскость, а на верхней части этой массы образовалась косая трещина, причиненная, какъ говорять, молніей, но существовавшая еще до перевозки камня. Скульпторъ отдалъ верхнюю часть камня и воспользовался ею для выполненія наклона, приложивъ этотъ кусокъ къ краю глыбы. Но этотъ кусокъ, вдаваясь въ камень снизу, придавалъ ему некрасивое очертаніе. Это и дало поводъ къ клеветѣ, по утвержденію которой Фальконэ укоротилъ камень изъ чувства не-пріязни къ г. Бецкому, а затѣмъ принужденъ былъ опять удлинить его для выполненія проекта памятника. Вотъ какъ ужасно злословять въ этой странѣ! Мнѣ хотѣлось правильно освѣтить это дѣло, что мнѣ вполнѣ и удалось по отношенію кавалера де Ласкариса, который лично привезъ этотъ камень, вслѣдствіе чего именно ему, а никакъ не г. Бецкому, принадлежитъ слава доставки послѣдняго. Мнѣ кажется, что кавалеръ де Ласкарисъ ничего не имѣлъ противъ поступка Фальконэ, который считается его другомъ. Я замѣтилъ, напротивъ, что онъ былъ сильно возмущенъ той несправедливостью и злобой, съ которыми здѣсь стараются умалить достоинство талантливыхъ иностранцевъ,

безъ которыхъ Русскіе не могутъ обойтись и которыхъ они ненавидятъ по своей мелочности и недостойной зависти.

4-ю Февраля 1776 г. Маркизъ де Бреанъ.

Совсѣмъ забылъ, что я обѣщаю дать вамъ полное описаніе про-веденного дня. Обѣдалъ я у гр. Потемкина. Онъ показалъ намъ галерею Императрицы. Послѣдня изобилуетъ картинами, которыя, къ сожалѣнію, не производятъ должнаго впечатлѣнія, такъ какъ очень невыгодно расположены. Галерея не имѣетъ достаточнаго пространства, она слишкомъ узка, вслѣдствіе чего картины сильно проигрываютъ. Окна устроены недостаточно высоко или, вѣрнѣе, свѣтъ падаетъ слишкомъ низко. Это самыя обыкновенныя окна, размѣщенныя совершенно иначе, нежели въ Кассельской галерѣ. Здѣсь я съ трудомъ разсмотрѣлъ картину Грёза „Разслабленный“. Она сильно выцвѣла, не производить впечатлѣнія и, вообще, совершенно потеряла свою первоначальную цѣнность. Отсюда мы отправились въ Эрмитажъ. Это небольшіе покой Ея Императорскаго Величества. Въ ея присутствіи тамъ дышется необыкновенно свободно; не чувствуешь ни малѣйшаго стѣсненія, садишься, гдѣ хочешь. На особомъ щитѣ красуется изреченіе, которое накладываетъ на все окружающее печать почтительной простоты*). За отсутствіемъ дѣйствительности приходится довольствоваться иллюзіей. Я съ удовольствиемъ отмѣтилъ на каминѣ этого покоя бюстъ Дидеро, выточенный изъ мрамора рѣзцомъ дѣвицею Коллѣ, ученицею Фальконэ. Онъ превосходно выполненъ и поражаетъ удивительнымъ сходствомъ. Неподалѣку отъ этихъ покоевъ расположены теплицы, по осмотрѣ которыхъ мы слушали концертъ съ участіемъ знаменитаго Ноллѣ, приглашенного сюда на окладъ въ 400 р. въ годъ.

7-ю Февраля 1776 г. Къ брату.

Академія, которую я посѣтилъ сегодня утромъ, имѣетъ нѣсколько залъ. Мы начали съ осмотра библіотеки, которая оставляетъ желать многаго. Она состоитъ изъ 40,000 томовъ, изъ которыхъ 14,000 были взяты въ Польшѣ у князя Радзивила. Намъ показали первую напечатанную въ Москвѣ книгу 1562 года. Она напечатана Русскими на прекрасной, плотной, какъ говорять, Англійской бумагѣ, довольно четкимъ шрифтомъ и хорошими типографскими чернилами. Мы видѣли также первую лѣтопись Русской исторіи, составленную однимъ Киевскимъ монахомъ въ концѣ XI-го вѣка. Тамъ попадаются исполненные перомъ раскрашенныя виньетки, съ немногого странными рисунками

---

*) „Гозайка здѣшни мѣстъ не терпитъ принужденіе“. Эта запись подъ стекломъ. кажется, и по сію пору у входа въ эрмитажный театръ. И. Б.

того времени, когда искусство даже въ Италии приходило въ упадокъ. Кажется, Жераромъ она была переведена на Нѣмецкій языкъ. Авторомъ этой лѣтописи, написанной, насколько мнѣ известно, на Славянскомъ языкѣ, является монахъ, по имени Несторъ.

10-го Февраля 1776 г.

Сегодня, мой другъ, я вторично посѣтилъ Академію Наукъ. Намъ показали отдельъ медалей и монетъ; послѣднія особенно многочисленны. Среди нихъ много Арабскихъ. Мы видѣли тамъ медаль, вычеканную въ честь Петра I-го въ Парижѣ, по случаю осмотра имъ Монетнаго двора. Тамъ имѣется еще цѣлый рядъ медалей съ изображеніемъ патріарховъ. Тамъ хранятся также рѣдкія древнія вещи, найденныя въ Сѣверной части Сибири, между Камой и Самарой, въ могилахъ Татаръ. На ряду съ ними вы видите великолѣпную чашу, подаренную женѣ Петра I-го Датской королевою. Она вся изъ чистаго золота: на поверхности ея вдѣланы рѣдкія украшенія, чудные камни, драгоцѣнныя камен. Тамъ имѣется также собраніе образцовъ минералогіи, кусковъ мрамора, камней и ископаемыхъ Сибири. Обращаетъ на себя особое вниманіе кусокъ Норвежской серебряной руды, подаренный Петру I-му. Этотъ кусокъ настолько чистъ отъ примѣсей, что изъ него чеканили монеты, не плавя металла. Мы закончили наше посѣщеніе осмотромъ громаднаго шара, имѣющаго 11 футовъ въ діаметрѣ; внутри его могутъ помѣститься 12 человѣкъ. Я сѣлъ въ него вмѣстѣ съ другими, и шаръ началъ вращать соотвѣтственно движенію земли.

15-го Февраля 1776 г. Къ невѣсткѣ.

Сегодня я посѣтилъ принца Ангальтскаго, и мы сдѣлали вмѣстѣ прогулку по городу. Онъ сообщилъ мнѣ, что Императрица дала графинѣ Воронцовой, бывшей когда-то любовницею Петра III-го, 45000 р. для уплаты ея долговъ, любезно упрекнувъ графиню за то, что она раньше не прибѣгла къ ея помощи. Кромѣ того, Ея Величество посыпаетъ 15,000 р. для выкупа заложенныхъ брилліантовъ графини и въ тоже время отказываетъ въ двухъ-стахъ душахъ крестьянъ ея сестрѣ, княгинѣ Дашковой, той самой, которой Екатерина II обязана короною.

16-го Февраля 1776 г. Къ брату.

Я ужиналъ у жены графа Ивана. Графъ разсказывалъ во время ужина о великолѣпіи Императрицы въ ея парадномъ одѣяніи. Это было сказано по поводу портрета Ея Величества, который рисуеть въ настоящее время Росленъ. Описывалось платье, въ которомъ Императрица принимала на аудіенціи осенюю Турецкаго посла. Кромѣ другихъ драгоцѣнностей, оно было украшено 4.200 крупныхъ жемчу-

жинъ чистой воды. Г. Чернышевъ много говорилъ о дворѣ Петра Великаго и знаменитомъ Лефортѣ, единственная заслуга котораго, по его словамъ, заключается въ томъ, что онъ представилъ царю нѣкоего Циммермана, по ремеслу, кажется, булочника, работавшаго въ свое время въ Голландіи при постройкѣ паруснаго судна, которое было прислано въ Петербургъ, но возбудило тамъ такъ мало интереса, что впослѣдствіи оказалось на чердакѣ. Этотъ Циммерманъ исправилъ его и построилъ по его образцу другое, которое было предварительно испробовано на озерѣ въ Измайлово, отстоящемъ отъ Москвы на разстояніи нѣсколькихъ верстъ, а затѣмъ въ Ростовѣ, куда Петръ I отправился подъ предлогомъ поклоненія святымъ мѣстамъ, такъ какъ въ то время требовалось потратить три недѣли на то, чтѣ теперь можно совершить въ пять дней. Это маленькое судно хранится теперь въ одномъ домѣ, и кто желаетъ видѣть его, долженъ, изъ чувства уваженія, снять шпагу, оставить трость и шляпу. Оно окружено оболочкою изъ бѣлой жести и когда въ торжественныхъ случаяхъ его пускаютъ на воду, въ него садится сама Императрица, а на веслахъ помѣщаются высшіе сановники государства.

Мнѣ очень нравится, мой другъ, если такая восторженная торжественность примѣняется въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ проявляется величіе націи. Но какъ далеки еще Русскіе отъ этого благороднаго чувства народной гордости, которое мы видимъ во Франціи и которымъ восторгаемся въ Англіи!

27-го Февраля 1776 г.

У князя Голицына 21-го числа давалась комедія. Я игралъ изъ любезности роль графа Албанскаго. На представлениі присутствовали Великій Князь и Великая Княгиня. Трудно представить себѣ болѣе подходящую чету. Великій Князь выразилъ надежду, что я перейду въ его труппу. Я и самъ бы не прочь, но для этого необходимо разрѣшеніе Императрицы, а мнѣ кажется, что она будетъ противъ этого. Меня предупредилъ обѣ этомъ графъ Андрей и увѣрилъ меня, что Ихъ Высочества очень желали бы этого и будутъ сожалѣть, если этотъ планъ не удастся.

Забылъ сказать тебѣ, что въ Четвергъ 22-го числа давалась частная комедія у Великаго Князя. Пюи-Сегюръ и я были туда приглашены и ужинали за однимъ столомъ съ Ихъ Высочествами. Играли „Раскаявшуюся Кокетку“, затѣмъ „Англоманію“. Тотъ же самый спектакль и ужинъ были повторены въ Субботу 24-го. Въ Воскресенье 25-го, въ послѣдній день Русской масляницы, мы способствовали устройству

маленькаго праздника, который графъ Иванъ Чернышевъ хотѣлъ дать въ честь Ихъ Высочествъ. Къ нему были перенесены декорации отъ г. Жюинье. Сцену устроили въ темной комнатѣ, отдѣленной отъ слѣдующей прекрасной комнаты перегородкой, покрытою картинами. По данному знаку перегородка раскрылась, и глазамъ зрителей предстала освѣщенная сцена. Мы играли „Духъ Противорѣчія“, и я исполнялъ роль Тибодуа съ большимъ успѣхомъ противъ всѣхъ моихъ ожиданій; ты хорошо знаешь, мой другъ, что это совсѣмъ не мой жанръ.

Пословица закончилась очень красивыми куплетами, составленными Комбомъ; на ихъ долю выпалъ самый большой успѣхъ. Авторъ удостоился чести поцѣловать руку Великой Княгини, которой былъ представленъ. Этотъ праздникъ удался на славу. Ихъ Высочества отнеслись къ нему такъ мило, что всѣ чувствовали себя прекрасно. Я уже сказалъ тебѣ, что это былъ послѣдній день Русской масляницы; иностранцы будутъ праздновать свою масляницу въ Понедѣльникъ и Вторникъ. Имъ будетъ данъ публичный костюмированный балъ у Бертолotti. Ясно, конечно, что и Русскіе не захотятъ упустить случая повеселиться; но они будутъ въ маскахъ, въ противномъ случаѣ имъгрозить взысканіе въ 20 рублей.

Князь Григорій Орловъ уже съ недѣлю здѣсь. Это красивый мѣщина. Императрица сохраняетъ къ нему дружбу, какъ къ давнишнему любимцу. Онъ носить портретъ Ея Величества въ петлицѣ, равно какъ и Потемкинъ, и всѣ тѣ, которые пользовались ея благосклонностью. мнѣ не нравится это виѣшнее публичное подчеркиваніе благоволенія, о которомъ слѣдовало бы едва догадываться. Я съ удовольствиемъ присутствовалъ на второмъ спектаклѣ у Великаго Князя, куда прибыли вмѣстѣ Императрица, Орловъ и Потемкинъ. мнѣ это показалось нѣсколько неумѣстнымъ для постороннихъ наблюдателей, и я замѣтилъ, что владычествующій нынѣ имѣлъ меныше увѣренности, нежели его предшественникъ.

Ты глубоко ошибаешься, мой другъ, если предполагаешь, что послѣ такого вихря увеселеній хочется отдохнуть, или, по менышей мѣрѣ, развлекаться болѣе спокойно. Тщеславіе, которое господствуетъ здѣсь всюду и во всемъ, навело на мысль устроить частную комедію. Вѣдь, если играютъ у Великаго Князя, надо же играть и у себя. Я не знаю націи болѣе склонной къ подражанію и большихъ льстецовъ, чѣмъ при Русскомъ Дворѣ. Графъ Иванъ, который превосходитъ въ этомъ отношеніи всѣхъ другихъ, сообщилъ намъ о своемъ намѣреніи устроить у себя труппу и предложилъ мнѣ принять въ ней участіе. Я сообщу тебѣ о приведеніи въ исполненіе этихъ плановъ.

5-ю Марта 1776 г.

На слѣдующій день я ужиналь у графини Чернышевой, супруги графа Петра, гдѣ главнымъ предметомъ разговора служила г-жа Мусина-Пушкина, жена Русскаго министра при Англійскомъ дворѣ, которой недавно вырѣзали ракѣ. Операцию дѣлалъ нѣкій Тодѣ; она прошла благополучно, безъ всякихъ осложненій. Трудно представить себѣ женщину съ большею силою характера*). Она ввела въ заблужденіе относительно дня, назначенаго для операции, мужа, друзей и вообще всѣхъ интересующихся ея болѣзнью. Настоящее состояніе ея здоровья вполнѣ удовлетворительно, но только по истеченіи шести недѣль можно будетъ судить о результатахъ операции. Маркизъ Жюинье, мать котораго сдѣлалась жертвой такого же недуга, говоритъ, что въ возрастѣ г-жи Пушкиной можно ожидать гибельного исхода. Къ счастью, она бездѣтна. Наибольшія опасенія внушаютъ ея 37 лѣтъ. Причиною этой болѣзни, которую она страдала уже два года, является сильный ударъ, которому она подверглась при Лондонскомъ Дворѣ.

6-ю Марта 1776 г.

Пообѣдавъ у графа Панина, я отправился къ Великому Князю, куда былъ приглашенъ на дѣтскій спектакль.

10-ю Марта 1776 г. Дѣвиць Брессоль.

Меня представили князю Щербатову. Я тамъ обѣдалъ. Князь—ученый; онъ работаетъ надъ Исторіей Россіи и пользуется репутацией хорошаго писателя. Съ нимъ интересно бесѣдовать: онъ очень образованъ и, кажется, склоненъ къ философіи. Онъ слабаго здоровья, также, какъ и его жена, которая никакъ не можетъ оправиться отъ родовъ. Это накладываетъ оттѣнокъ грусти на ихъ домъ. Съ ними живеть дочь, которая замужемъ за камер-юнкеромъ Спиридовымъ, и эта молодая женщина приносить жизнь домашнему очагу. Пообѣдавъ у нихъ, я отправился въ Монастырь. Это—учрежденіе для дѣвицъ, устроенное по образцу Сенъ-Сирскаго, съ тою разницею, что здѣсь, на ряду съ классами для дѣвицъ благороднаго званія, открыты классы для дѣвушекъ низшихъ сословій. Ученицы первыхъ классовъ различаются по цвѣтамъ: коричневому, синему, сѣрому и (послѣднему) бѣлому. Молодыя дѣвушки носять каждый изъ этихъ цвѣтовъ въ продолженіи трехъ лѣтъ, слѣдовательно остаются въ училищѣ 12 лѣтъ. На собраніяхъ, устраиваемыхъ Монастыремъ, ихъ можно видѣть танцующими между собой, и съ ними можно разговаривать черезъ перила, отдѣляющія ихъ отъ публики. Эти собранія, даже для родныхъ, являются единственными минутами разрѣщеній съ ними.

*) Софья Алексѣевна Вахтмейстеръ († 16 Февр. 1777). И. Б.

11-ю и 12-ю Марта 1776 г. Къ брату.

Г. де Жюинье говорилъ со мною о возобновлениі своего давнишняго проекта приготвлять водку изъ Астраханскихъ винъ, что было бы вполнѣ справедливо, но лишило бы Францію ежегоднаго ввоза въ Россію 50,000 анкеровъ водки. Этотъ проектъ и послужилъ содеряніемъ сегодняшней депеши, которую г. де Жюинье шифровалъ наединѣ съ Комбомъ. Это далеко не первая тайна, которую онъ мнѣ повѣряетъ.

Мнѣ было очень весело у супруги графа Ивана, благодаря занимательнымъ анекдотамъ, которые рассказывались тамъ о Петрѣ Великомъ. Слабой струюю этого монарха былъ флотъ, составлявшій его самое серьезное и любимое занятіе. Адмиралтейство было ему отраднѣйшимъ мѣстомъ пребыванія; онъ отправлялъ туда всѣ свои покупки, оно служило ему кладовой, гдѣ онъ былъ увѣренъ во всякое время найти то, что ему было нужно.

Въ Адмиралтействѣ же произнесенъ смертный приговоръ адмиралу Крейцу. Г. Апраксинъ въ то время былъ генераль-адмираломъ, тогда какъ Петръ простымъ адмираломъ. Въ этомъ чинѣ онъ и далъ приказъ о задержаніи Крейца, подписьвъ его простымъ именемъ „Петръ Михайловъ“, къ которому имѣлъ обыкновеніе прибѣгать въ тѣхъ случаяхъ, когда ему не хотѣлось быть монархомъ. Когда приговоръ былъ подписанъ всѣмъ совѣтомъ, Петръ I взялъ въ руки перо и (по утвержденію графа Ивана) со слезами на глазахъ написалъ: „мнѣ известна вина Крейца, но я его прощаю“. Слѣдовала подпись: „Петръ“. Такая необыкновенная простота въ соединеніи съ добротою достойна удивленія, мой другъ, и служитъ признакомъ великой души. По дарованію этого помилованія возгорѣлся странный и любопытный споръ. Петръ во время суда, чтобы удобнѣе говорить съ генераломъ-адмираломъ Апраксинымъ, занялъ мѣсто Крейца, который былъ по службѣ выше его. Возвратившись въ Адмиралтейство и поблагодаривъ Государя за помилованіе, Крейцъ потребовалъ обратно свое мѣсто и возбудилъ тяжбу противъ Петра, обвиняя послѣдняго въ присвоеніи непринадлежащаго ему мѣста. Государь защищался, указывая на то, что человѣкъ, приговоренный къ смерти. лишается правъ и чиновъ, и что онъ возвратилъ ему жизнь, а не званіе. Дѣло начали разбирать по всѣмъ правиламъ. Петръ выигралъ его и вслѣдъ затѣмъ возвратилъ Крейцу должность адмирала и т. п.. вмѣстѣ съ чиномъ, который былъ выше его собственнаго, согласно своему обычаю служить лично примѣромъ повиновенія. Это, введенное имъ, правило покажеть тебѣ, мой другъ, какъ сильно дѣйствуетъ военная дисциплина на умы и даже на сердца солдатъ. Слѣдующій случай натолкнулъ меня на черту, которой я и не подозрѣвалъ въ

Русскихъ и которая восхитила бы меня даже въ лицѣ нашихъ старыхъ капраловъ. Въ Адмиралтействѣ существуетъ дверь, черезъ которую часовому данъ приказъ не пропускать никого за исключениемъ генераль-адмирала. Я уже упомянулъ, что Петръ имѣлъ лишь чинъ простого адмирала, слѣдовательно не имѣлъ права пользованія дверью. Однажды ночью Государю доложили, что Императрица разрѣшилась мальчикомъ. Онъ быстро выходитъ, чтобы направиться къ ней и чтобы скорѣе достичь цѣли, хочетъ пройти черезъ заперту дверь. Часовой его не пускаетъ. Петръ называетъ себя; часовой, тѣмъ не менѣе, выказываетъ должное сопротивленіе. Наконецъ, Государь говоритъ: „Другъ мой, ты меня знаешь; я не настаивалъ бы въ какомъ нибудь другомъ случаѣ, но у Императрицы только что родился сынъ, и я хочу его видѣть“. „О, Ваше Величество, воскликнулъ часовой, завтра я буду за это повѣшенъ; но нужды нѣтъ (Богъ съ Вами), войдите!“

14-го Марта 1776 г.

Продолжаю вести неугомонную жизнь. Обѣдалъ у Испанскаго купца Кронца, гдѣ подтрунивали надъ Нормандецомъ и надъ ревностью, которую я возбуждаю въ немъ.

Днемъ былъ на репетиції у г-жи Нелединской; тамъ разыгралась маленькая сценка ревности, невольною причиной которой оказался я. Ты знаешь, мой другъ, что я бываю очень весель, когда въ хорошемъ расположениіи духа. Именно въ такомъ настроеніи я пріѣхалъ къ г-жѣ Нелединской. Она очень мило отнеслась къ моему оживленію и шуткамъ, но тамъ оказалось двое влюбленныхъ: одинъ—счастливый, графъ Разумовскій, а другой, несчастный—Пюи-Сегюръ. Они оба играли на скрипкахъ, и отъ ихъ глазъ не укрылись наши шалости. Это испортило ихъ настроеніе, чтѣмъ невольно отразилось на ходѣ репетиції. Я замѣтилъ, что лицо молодой женщины сильно омрачилось, но приписавъ это ея слабому здоровью, продолжалъ свои дурачества, цѣлуя ей руки и заставляя противъ воли смеяться. Въ довершениѣ всего я сказалъ на ухо графу Андрею, съ которымъ друженъ и который уже раньше говорилъ мнѣ объ этой дамѣ: „Право же, чѣмъ чапце я ее вижу, тѣмъ болѣе раздѣляю ваше мнѣніе о ней“. Этими словами я предполагалъ доставить ему большое удовольствіе. Репетиція продолжалась ни шатко, ни валко. Я отправился ужинать къ Бемерамъ, гдѣ вечеромъ узналъ отъ Комба и Дюгэ, пріѣхавшаго туда съ дочерью, что между графомъ Андреемъ и молодой женщиной произошло объясненіе, слезы и т. п.; всѣ присутствующіе разошлись, а Пюи-Сегюръ отправился съ горя къ себѣ подъ предлогомъ неудавшейся репетиціи....

21 Марта 1776 г.

Сегодня утромъ имѣль я переговоры съ нѣкіимъ Пиктэ, который уже давно состоить при князѣ Орловѣ. Этотъ человѣкъ пользуется неважною репутацией, но онъ очень образованъ. Въ настоящее время онъ работаетъ надъ запиской о вывозѣ Украинскаго табаку. Во времена Елизаветы этотъ проектъ потерпѣлъ неудачу для Франціи, благодаря корыстнымъ поискамъ временщика Шувалова.

22 Марта 1776 г.

Графу Потемкину былъ пожалованъ вчера Датскій орденъ Слона. Говорять, что онъ скоро будетъ возведенъ въ княжеское достоинство Священноримской имперіи. Смѣшино, что такая святоша, какъ императрица-королева, награждаетъ возлюбленныхъ свободомыслящей Русской государыни.

23 Марта 1776 г.

Меня посѣтилъ кавалеръ Козимо Марі. Онъ сообщилъ, что Рибасъ произведенъ въ маіоры Кадетскаго Корпуса, чтò дало ему чинъ подполковника въ арміи. Это вполнѣ достойный малый. Я обѣдалъ у него, чтобы оказать ему нѣкоторое вниманіе, и встрѣтилъ тамъ молодого человѣка, котораго считаютъ сыномъ Императрицы (я уже писалъ тебѣ о немъ). На его образованіе обращено щательное вниманіе. Мы показали его учебныя тетради. Онъ изучаетъ языки, геометрію, исторію, музыку и естественную исторію. Его слишкомъ воспріимчивый и живой характеръ измѣнился къ лучшему подъ руководствомъ Рибаса. Мы, несомнѣнно, увидимъ этого молодого человѣка во Франціи, такъ какъ путешествія входятъ въ программу его воспитанія. Изъ него можетъ выработать прекрасный гражданинъ. Ему теперь 13 лѣтъ, его фамилія Бобринскій.

24 Марта 1776 г.

Обѣдалъ у графа Потемкина; говорять, что его акціи падаютъ, тогда какъ Завадовскій пользуется неизмѣнной благосклонностью. Послѣднему покровительствуютъ Орловы, которые теперь въ большой силѣ. Мы передавали, что князь Григорій занять устройствомъ своего дома, чтò вовсе не согласуется съ его намѣреніемъ путешествовать.

26-го Марта 1776 г.

Я слышалъ, что князь Орловъ получилъ отъ Императрицы ко дню своихъ имянинъ десять тысячъ червонцевъ, чтò равняется 100000 р.; это приводить въ ужасъ лицъ, у которыхъ она въ долгу.

30-го Марта 1776 г. Къ тому же.

У меня былъ сегодня съ визитомъ нѣкто Пиктэ, Женевецъ по происхожденію, бывшій когда-то адвокатомъ въ Женевѣ. Это чело-

вѣкъ непривлекательной наружности съ рѣзко очерченнымъ, нѣсколько зловѣщимъ лицомъ, громаднаго роста. Онъ уже лѣтъ 15 здѣсь и состоялъ при князѣ Григоріи Орловѣ въ періодъ его власти. Это дало ему возможность хорошо изучить страну, надъ управлѣніемъ которой онъ даже работалъ; въ тоже время ему пришлось близко соприкасаться съ событиями, которые познакомили его съ анекдотической стороныю Россіи. Разсказывая о кончинѣ Петра III-го, онъ увѣрялъ меня, что Императрица никогда не замышляла его убийства и узнала о немъ только послѣ его совершенія. Орловы взяли на себя задачу заставить Государя такъ рано покончить расчеты съ жизнью и царствованіемъ. По словамъ Пиктэ. это единственное преступленіе, въ которомъ можно упрекнуть Орлова и притомъ необходимое, такъ какъ въ противномъ случаѣ неизбѣжная гибель грозила, какъ Орлову, такъ и Императрицѣ. Онъ предполагаетъ, что послѣдняя болѣзнь князя Орлова, мѣсяцъ тому назадъ, которую приписываютъ параличу, была ничѣмъ инымъ, какъ отравленіе. Многіе раздѣляютъ его мнѣніе и подозрѣваютъ Потемкина. Это, вообще, довольно обычный способъ въ этой странѣ отдыльваться отъ людей. Утверждаютъ, что г-жа Панина также, какъ и г-жа Воронцова (первая жена графа Строгонова) погибла тѣмъ же путемъ, и виновникомъ ихъ смерти считаются князя Трубецкого. Графъ Строгоновъ полюбилъ его дочь. Фрейлину и дѣйствительно женился на ней послѣ смерти жены.

Этотъ народъ мнѣть себя однимъ изъ наиболѣе сильныхъ и могущественныхъ. Россія обладаетъ въ десять разъ болѣшимъ количествомъ земли, нежели Франція, принимая во вниманіе только обитаемыя и воздѣльваемыя пространства. Она могла бы имѣть сто миллионовъ жителей, въ дѣйствительности же насчитываетъ около семнадцати. Если-бы этому порабощенному народу была дана свобода, если-бы у него было развито огражденное закономъ право собственности, если-бы, наконецъ, у него было правильное понятіе о торговлѣ и внутреннемъ управлѣніи: онъ могъ бы достигнуть состоянія расцвѣта и благоденствія, отъ которыхъ въ данный моментъ онъ такъ же далекъ, какъ въ 1440 году. Пиктэ составилъ записку, которая могла бы оказать большую услугу Русскимъ, еслибы князь Орловъ остался во главѣ дѣлъ, и еслибы онъ работалъ съ болѣшею послѣдовательностью. Пиктэ изслѣдовалъ побережье Волги, на которомъ нагружаются большія суда въ 1000 тоннъ, служащіе для перевоза соли, ископаемыхъ и т. п. Эти барки снабжены многочисленнымъ экипажемъ, стоящимъ неимовѣрно дорого и, тѣмъ не менѣе, необходимымъ въ виду того, что передвиженіе совершается при помощи кабестановъ, а это страшно

удлиняетъ путь и умножаетъ число рабочихъ рукъ. Слѣдовало бы проложить дорогу вдоль береговъ рѣки съ тѣмъ расчетомъ, чтобы барки могли передвигаться помошью лошадей и воловъ и, разставивъ войска, въ тоже время обезопасить путь отъ нападенія разбойниковъ. Это значительно удешевило бы товары или, вѣрнѣе, мѣстныя произведенія были бы обложены менышей пошлиной, нежели произведенія Швеціи и Америки, чѣмъ сильно подняло бы доходность, принимая во вниманіе громадный сбытъ. Но правительство закрываетъ глаза на всѣ эти преимущества. Аббать Рейналь, упоминая объ этомъ во II-мъ томѣ своей „Исторіи“, даетъ вполнѣ правильную картину Россіи того времени.

Затѣмъ мы толковали о прїездѣ принца Генриха, которому отправили 1100 лошадей. Пиктэ предполагаетъ, что Прусскій король недоволенъ Шведской Помераніей. Принцъ Генрихъ очень ловокъ; посмотримъ, чего онъ добьется.

2-го Апрѣля 1776 г.

Меня нисколько не удивляетъ пристрастіе, съ которымъ относятся къ этой странѣ наши неимущіе соотечественники и соотечественницы. Причины его надо искать въ быстромъ обогащеніи и безнаказанности преступленій, чѣмъ для многихъ является большою приманкою. Такія громадныя состоянія обычны въ государствахъ, гдѣ, какъ въ этомъ, не существуетъ опредѣленного и послѣдовательного образа правленія. Легко приобрѣтаемыя, они подвержены превратностямъ судьбы; здѣсь часто встрѣчаются семьи, которая изъ полнаго довольства упали въ бездну нищеты и невѣжества. Иностранные устраиваются умнѣе; набивъ карманъ, они умѣютъ во время остановиться. Они любятъ Россію только за тѣ богатства, которая могутъ здѣсь приобрѣсти.

4-го Апрѣля 1776 г.

Пиктэ сообщилъ мнѣ слѣдующія подробности о князѣ Орловѣ. Старшій Орловъ, по имени Григорій, состоялъ адъютантомъ при графѣ Петре, дѣдѣ графа Андрея Разумовскаго¹⁾, бывшемъ любовникѣ княгини Куракиной, матери обоихъ князей Александра и Степана, съ которыми я хорошо знакомъ²⁾). Такъ какъ здѣсь принято ползоваться адъютантами, какъ во Франціи курьерами, то въ кругъ облизанностей Григорія Орлова входило разносить любовныя записки Разумовскаго. Но Орловъ былъ слишкомъ молодъ, чтобы исполнять въ данномъ случаѣ роль наперсника,

¹⁾ Не вѣрно. И. Б.

²⁾ Тутъ конечно спутано. Графъ Андрей Разумовскій былъ адъютантомъ графа Петра Ивановича Шувалова. П. Б.

а княгиня Куракина слишкомъ опытна, чтобы пропустить незамѣченными счастливыя достоинства Орлова. Она сдѣлала его своимъ любовникомъ и поздравила себя съ этимъ выборомъ. Юный адъютантъ былъ молодъ, красивъ и силенъ. Въ немъ уже намѣчались зачатки твердаго и своеобразнаго характера, который вполнѣ опредѣлился впослѣдствіи, и который съ того времени онъ началъ смѣло выказывать. Графъ Петръ требовалъ прекращенія свиданій съ Куракиной. Орловъ не желалъ давать подобнаго обѣщанія. На него надѣли оковы, но и это не могло сломить его упорства. Въ наказаніе за строптивость его отправили на войну въ Германію. Тамъ, въ одномъ маленькомъ городкѣ, онъ встрѣтился съ принцессою, родственницей Великой Княгини, благодаря которой былъ возвращенъ въ Россію, гдѣ черезъ нѣкоторое время получилъ роту въ артиллеріи. Связь между нимъ и Екатериной II началась въ послѣдній годъ царствованія Елизаветы. Онъ помѣстился противъ дворца и видѣлъ透过 окна своей квартиры въ княгиню, всѣми покинутую, занимающуюся одиноко въ своей комнатѣ. Онъ нарочно оставался дома, чтобы имѣть удовольствіе наблюдать за нею. Это не укрылось отъ глазъ Екатерины; къ тому же она замѣтила, что Орловъ былъ красивъ и молодъ. Вскорѣ, при содѣйствіи нѣкого Шкурина, бывшаго въ то время камердинеромъ, а прежде придворнымъ истопникомъ, и горничной Екатерины Ивановны, между ними началась связь. Орловъ съ этой минуты поклялся своей возлюбленной, что онъ возвѣдетъ ее на престолъ и началь вербовать ей приверженцевъ.

Я не буду останавливаться на переворотѣ при Петрѣ III, разскажу о немъ подробно въ другой разъ. Единственно, что кажется достовѣрнымъ это, что Орловы самостоительно нанесли смертный ударъ Петру III, и что Императрица залилась слезами, когда Григорій сообщилъ ей о кончинѣ мужа. Полагаютъ, что распоряженіе исходило не отъ нея. Возвращаюсь къ Григорію Орлову. Къ интимной близости ему предстояло присоединить правда. Прежній канцлеръ Бестужевъ, сосланный Петромъ III*) и возвращенный изъ изгнанія Екатериной II, убѣдилъ ее, что недостаточно одной власти женщины для управлѣнія Россійской Имперіей. Онъ посовѣтовалъ ей найти себѣ супруга, добавивъ, что не знаетъ болѣе достойнаго этого званія, какъ графъ Орловъ (къ тому времени Орлову уже было пожаловано графское достоинство). Бестужевъ побудилъ Сенатъ уговорить Императрицу выбрать себѣ мужа, поставивъ непремѣннымъ условіемъ, чтобы сей послѣдній былъ Русскій. Бракъ Григорія Орлова съ Императрицею

*) Не Петромъ III-мъ, а Елизаветою. Н. Б.

былъ окончательно рѣшенъ. Былъ изготовленъ указъ, объявлявшій его княземъ Имперіи; помимо этого его ожидалъ чинъ генералиссимуса, и все это ко времени свадьбы. Между тѣмъ образовалась партія, противная Орлову, къ которой принадлежали графъ Панинъ, канцлеръ Воронцовъ и графъ Захаръ Чернышевъ. Не взирая ни на что, былъ назначенъ день и часъ, когда упомянутыя лица должны были быть удалены въ свои помѣстья; кареты были поданы, и Пиктѣ поручили Захара Чернышева. Всѣ принадлежавшіе къ партіи прибыли около одиннадцати часовъ вечера ко Двору. Императрица, съ взволнованнымъ видомъ, прохаживалась большими шагами по своему покою, переговариваясь отъ времени до времени съ Орловымъ, который стоялъ, облокотившись на каминъ. Прошло два часа. Кареты, ожидавшія приказанія, вѣдьно отложились, Императрица удалилась въ свои покой, Орловъ отправился къ себѣ, спросивъ Пиктѣ: „Чтѣ вы думаете объ Екатеринѣ?“ На это Пиктѣ отвѣтилъ: „Она колеблется, она сомнѣвается; однимъ словомъ, она—женщина“.

Чтѣ ты скажешь, другъ мой, объ этой перемѣнѣ? Григорій стоялъ на порогѣ брака съ одной изъ могущественнѣйшихъ монархинь; ему предстояло управлять Имперіей и, какъ первое лицо государства, онъ былъ бы облечень властью. Уже былъ опредѣленъ его штатъ, состоявшій изъ хранителей, пажей и камергеровъ, рядъ которыхъ долженъ былъ бы слѣдовать за свитой Императрицы. Все возвѣщало бы о славѣ и могуществѣ.... И вдругъ одинъ разговоръ наединѣ Императрицы съ Воронзовымъ разрушилъ всѣ планы и надежды. Кто могъ бы ожидать, что этотъ слабый и безхарактерный человѣкъ сумѣеть подчинить своему вліянію Екатерину II? Вотъ, что значать женщины! Смѣльяя, легко все схватывающія, съ пылкимъ воображеніемъ, онъ являются жертвою воображенія, которое дѣластъ ихъ нерѣшительными въ минуты исполненія.

Пиктѣ оказалъ услугу Россіи, не знаю точно въ какое время. Дѣло шло о привилегіяхъ дворянства, въ пользу которыхъ Императрица хотѣла издать указъ. Для разрѣшенія этихъ вопросовъ были созваны комитетъ, секретаремъ котораго былъ назначенъ Тепловъ *). Комитетъ былъ не очень свѣдущъ въ этомъ дѣлѣ, и Тепловъ представилъ заманчивый и, казавшійся правдоподобнымъ, проектъ, слѣдствіемъ котораго было бы управление какъ въ Польшѣ. Императрицу плѣнилъ проектъ, и уже было рѣшено приступить къ составленію указа. Тѣмъ не менѣе она дала его на разсмотрѣніе Орлову. Пиктѣ

*) Григорій Николаевичъ Тепловъ, статсь-секретарь.

исполнилъ эту работу, но Орловъ понялъ опасность проекта, и освѣдомленный запиской Пиктэ показалъ эту записку полную помарокъ Императрицѣ, которая быстро смекнула въ чемъ дѣло и склонила Орлова воспротивиться принятію проекта. Послѣдній не замедлилъ исполнить ея просьбу. Напрасно старались его уговорить; графъ Панинъ и ф.-маршалъ Разумовскій пріѣхали съ этой цѣлью къ нему однажды вечеромъ и въ то время какъ онъ спалъ. Пиктэ бесѣдовалъ съ графомъ Панинымъ, и послѣднему стало ясно, что Орловъ не уступить. Этотъ разговоръ продолжался цѣлую ночь.

Пиктэ рассказывалъ о тираніи уѣздныхъ губернаторовъ. Одинъ изъ нихъ, влюбившись въ Казань въ Армянку, приказалъ силою увезти се отъ мужа, котораго, въ свою очередь, лишилъ права выѣзда изъ города. Однажды губернатору пришлось отправиться по дѣламъ службы въ Петербургъ. Армянинъ, воспользовавшись случаемъ, бѣжалъ изъ Казани и, явившись въ Петербургъ, требовалъ правосудія. Но губернаторъ уже успѣлъ предупредить его, и когда несчастный купецъ представалъ передъ генералъ-прокуроромъ съ своей жалобой, ему посовѣтовали успокоиться, если жизнь ему еще дорога, и онъ послѣдовалъ этому мудрому совѣту.

Помнишь ли ты Француза Вомала, который привезъ извѣстіе¹⁾ о взятіи Пондишери? Этотъ человѣкъ происходитъ изъ очень хорошей фамиліи: онъ постригся въ монахи, вскорѣ былъ разстриженъ и отправился въ Индію, но, по своемъ возвращенію во Францію, былъ узнанъ и бѣжалъ въ Италію, откуда, проживъ все, что у него было, пріѣхалъ въ Россію, гдѣ состоялъ секретаремъ у г. Потемкина: но сей послѣдній не платилъ ему, и Вомаль, покинувъ его, поступилъ теперь на службу къ оберъ-шталмейстеру²⁾. Во время войны всѣ морскія побѣды ошибочно приписывались графу Алексѣю Орлову, тогда какъ ими обязаны Англійскому капитану Эльфинстону, состоявшему адмираломъ на Русской службѣ, человѣку обладающему неустрашимостью и большими дарованіями. Онъ сжегъ, вмѣстѣ съ Алексѣемъ Орловымъ, Турацкій флотъ въ Чесменской гавани и собирался оттуда идти на Константинополь, но ему помѣшали въ исполненіи этого намѣренія. Однажды ему пришлось разжаловать въ лейтенанты взбунтовавшагося капитана корабля, не желавшаго подчиниться его приказаніямъ. Этотъ справедливый, но строгій поступокъ и, еще болѣе, его успѣхи и до-

¹⁾ Въ 1763 году Екатерина назначила этого Вомала къ Потемкину для его обучения, и онъ пробылъ у него секретаремъ до 1785 г., когда уѣхалъ во Францію. И. Б.

²⁾ Т. е. къ Л. А. Нарышкину. И. Б.

стоинства породили къ нему зависть. Ему предложили отправиться въ Италию, съ тѣмъ, чтобы онъ поджидалъ тамъ Русскій флотъ въ расчетѣ обмануть Турокъ. Онъ Ѳдетъ туда и во время своего пребыванія въ Италии узнаѣтъ, что его обезславили въ Россіи, и что газеты дурно отзываются о немъ. Онъ спѣшить въ Петербургъ, гдѣ требуетъ созыва военного суда и, когда ему въ этомъ отказываютъ, подаетъ въ отставку. Въ тотъ же день онъ облачается въ свой мундиръ Англійского капитана. Получивъ бумагу объ отставкѣ, составленную въ недостаточно почетной формѣ, онъ ее возвращаетъ обратно, и ему выдаютъ другую, которая его удовлетворяетъ. Какъ разъ въ это время, когда ему уже наскучили неблаговидные происки со стороны графа Ивана Чернышева, онъ получаетъ отъ послѣдняго приглашеніе, написанное въ притворно-вѣжливой формѣ. Онъ разрываетъ письмо на мелкіе кусочки и, возвращая ихъ адъютанту, просить передать графу Чернышеву, что они люди настолько различные, что не могутъ обѣдать вмѣстѣ. Этотъ отвѣтъ, какъ говорять, былъ написанъ, полученъ и прочитанъ. Этотъ случай навѣль меня на мысль, что Перро можетъ дать мнѣ самыя точныя подробности о Русскомъ флотѣ. Я получу таковыя, если будетъ возможно, и о пѣхотѣ; что же касается милиціи, мнѣ известно, что тамъ развито мошенничество и что каждый солдатъ стонитъ среднимъ числомъ около 200 рублей своей деревнѣ. Закончу это объемистое письмо сообщеніемъ новости, которую только что узналь: рѣчь идетъ о закупкѣ 400,000 пудовъ конопли для Франціи на сумму 600,000 рублей.

5-ю Апрѣля 1776 г.

При Дворѣ былъ назначенъ пріемъ въ честь праздника Конно-гвардейскаго полка. Императрица появилась въ мундирѣ и публично обѣдала съ офицерами полка. Пили за здравіе при пушечныхъ выстрѣлахъ, чтò многихъ ввело въ заблужденіе, такъ какъ со дня на день ожидаются разрѣшенія отъ бремени Великой Княгини, которое будетъ возвѣщено тѣмъ же путемъ. Я сидѣлъ въ это время у госпожи Нелединской и попадъ впросакъ, какъ и другіе, хотя только что вернулся изъ дворца, гдѣ видѣлъ всю церемонію.

8-ю Апрѣля 1776 г.

Въ Субботу утромъ осматривалъ я производство Гобеленовыхъ ковровъ, сотканныхъ по образцу Савонерскихъ. Во главѣ этого учрежденія находится Итальянецъ Брессанъ. Я бесѣдовалъ съ нимъ, и онъ сообщилъ мнѣ, что на этой фабрикѣ работаетъ 200 человѣкъ. Я ихъ не видѣлъ, но замѣтилъ двѣ громадныя комнаты, имѣющія по двадцати оконъ съ каждой стороны, гдѣ въ большомъ порядкѣ расположены

станки съ тѣмъ расчетомъ, чтобы хозяинъ изъ середины зала могъ охватить взглядомъ все, чѣдѣается вокругъ. Мнѣ показали нѣсколько образцовъ вышивокъ, которыхъ мнѣ не понравились. Лица на нихъ въ смыслѣ очертаній и цвѣтовъ, исполнены очень плохо; оказывается, что эти работы стоятъ очень дорого. Постараюсь узнать объ этомъ болѣе подробно. Бressanъ, стоящій во главѣ этого предпріятія, не очень искусенъ въ этомъ дѣлѣ; его познанія, кажется очень ограничены, но онъ болтливъ, ловокъ и льстивъ, чтѣ вполнѣ достаточно для достижения успѣха.

Многіе спрашивали меня относительно здѣшнихъ мѣховъ. (Очень ошибочно предположеніе, что они здѣсь дешевы. Правда, что они лучше Французскихъ, но сшиты не такъ хорошо какъ въ Парижѣ. У меня явилось желаніе получить точную расценку собольихъ, куницкихъ и горностаевыхъ мѣховъ разнаго достоинства, и г. Рэмберъ далъ мнѣ слѣдующую: соболи отъ 10—100 р. за пару; обыкновенная куница отъ 90 коп. до 9 р. пара; партія горноставыхъ шкурокъ въ 40 штукъ отъ 8—16 рублей.

9-го Апрѣля 1776 г.

Принцъ Генрихъ привезъ ленту Чернаго Орла Потемкину, который черезъ барона Нолькена хлопоталъ на дняхъ о полученіи таковой изъ Швеціи. Не думаю, чтобы ему было въ этомъ отказано, въ виду того, что онъ уже имѣетъ ленты Даніи и Пруссіи. Мнѣ кажется, что было бы даже небезопасно отклонить его вслѣдствіе зародившихся неудовольствій между обоими дворами. Отказъ былъ бы, пожалуй, принять съ радостью, какъ предлогъ для разрыва, который является въ данный моментъ нежелательнымъ.

10-го Апрѣля 1776 г.

Сегодня опять бесѣдоваль я съ Пиктэ. Онъ мнѣ рассказалъ свою исторію. Пиктэ—Женевецъ. Ему пришлось покинуть родной городъ, когда ему недоставало всего одной недѣли до 30-и лѣтъ—возраста, необходимаго для права вступленія въ „Союзъ Стა“. Вслѣдствіе того, что эта задержка заставила его потерять нѣсколько лѣтъ, онъ отправился въ Парижъ и тамъ условился съ однимъ Русскимъ, фамиліи котораго я не помню, предпринять совмѣстное трехлѣтнєе путешествіе. Они должны были встрѣтиться въ Вѣнѣ. По прибытіи туда, его спутникъ получилъ отъ своего Двора назначеніе исполняющаго должность секретаря посольства, въ виду того, что графу Ивану Чернышеву предстоялоѣ бхать на сеймъ. Пиктэ получилъ новое предложеніе—остаться при молодомъ человѣкѣ въ качествѣ его первого секретаря, которое онъ и принялъ. Тогда-то онъ и познакомился съ княземъ

Орловымъ и спустя нѣкоторое время пріѣхалъ въ Россію. Здѣсь онъ встрѣтился съ негоціантомъ Маньянномъ, на сестрѣ котораго женился и вступилъ въ товарищество въ его небольшомъ торговомъ дѣлѣ, въ которомъ участвовалъ нѣкій Демаресть. впослѣдствіи дурно поступившій съ ними обоими. Этотъ Демаресть предложилъ имъ заняться поставкою матерій, отъ чего Пиктѣ отказался, имѣя въ виду табачное дѣло, на которое Маньянъ получилъ привилегію. Демаресть отправился въ Парижъ, ухитрился вовлечь въ свое предпріятіе Маньяна, жившаго тамъ, и возвратился оттуда съ матеріями, привезенными контрабандою, подъ которыя Маньянъ изъ Парижа далъ ему 200,000 франковъ. Ему удалось склонить въ свою пользу Петербургскаго Маньяна, а Пиктѣ, безъ всякой личной выгоды, помогалъ имъ сбывать товары при Дворѣ. Вскорѣ мошенничества, сдѣланныя на таможнѣ, были раскрыты, и Демаресть былъ заключенъ въ тюрьму, гдѣ онъ сознался въ поддѣлкѣ печати Императрицы, которую ставиль на провезенныхъ безъ пошлины матеріяхъ. Тогда подозрѣніе пало на Пиктѣ, который былъ совершенно невиновенъ. Такова исторія злоключеній Пиктѣ.

Вмѣсто большого состоянія, которое онъ имѣлъ возможность нажить, ему едва удалось скопить 544 ливровъ годового дохода. Его единственное желаніе—довести эту сумму до 100 пистолей, и этой цифры, по его словамъ, ему было бы вполнѣ достаточно. Онъ намѣренъ возвратиться во Францію, искать тамъ мѣста секретаря при какомъ-нибудь правителѣ провинціи или должностномъ лицѣ. Я обѣщалъ похлопотать за него у г-жи де-Верженъ, за что онъ, въ свою очередь, предложилъ дать мнѣ всѣ желаемыя свѣдѣнія о здѣшней странѣ. Мы напишемъ обстоятельное и послѣдовательное сочиненіе о Россіи, за которое примемся съ большимъ усердіемъ.

13-го Апрѣля 1776 г.

Наканунѣ Пасхи, дорогой братъ, здѣсь такъ же, какъ и наканунѣ Рождества, бываетъ полунощная служба. Императрица отправляется въ дворцовую придворную церковь. Приходится въ продолженіе двухъ-трехъ часовъ стоять на ногахъ, и послѣднее обстоятельство побудило меня поступиться моей любознательностью. Въ концѣ службы со словами: „Христосъ Воскресе“ каждый имѣть право поцѣловать любую женщину. Императрица христосуется въ этотъ день со всеми часовыми, стоящими по пути во дворецъ. По возвращеніи она наливаетъ винѣ окружающимъ, и всѣ разговариваютъ, какъ въ день Рождества. На другой день полагается дѣлать визиты, какъ въ первый день Новаго Года. Простой народъ, христосуясь, обмѣнивается яйцами и не упустить случая поступить также и съ вами, чтобы, получивъ на чай, имѣть

возможность выпить за ваше здоровье. Въ обществѣ также распространень обычай давать другъ другу разрисованныя и разукрашенныя яйца. Прусскій принцъ Генрихъ прибылъ сюда въ Субботу вечеромъ. Ко Двору онъ представился только въ Понедѣльникъ. а сегодня всѣ были приглашены къ нему. Онъ помѣстился на Невскомъ проспектѣ во дворцѣ Воронцова. Этотъ принцъ пользуется репутацией справедливаго, гуманнаго, очень воинственнаго и умнаго человѣка. Онъ принялъ гостей съ непринужденною любезностью. Онъ небольшого роста, одѣтъ въ Прусскій городской костюмъ; у него непріятный взглядъ; но его духовная сторона настолько преобладаетъ надъ внѣшностью, что заставляетъ забывать всѣ недостатки послѣдней.

18-го Апрѣля 1776 г.

Опять бесѣдовалъ съ Пиктѣ. Мы говорили объ одномъ балѣ, на которомъ онъ присутствовалъ одновременно съ Императрицей. Онъ утверждаетъ, что это было въ годъ коронованія, въ домѣ графа Ивана Чернышева. Предполагалось, что сей послѣдній принималъ участіе въ какомъ-то заговорѣ, и Екатерина II, остерегавшаяся его, но не желавшая выдать своей боязни, отправилась, согласно приглашенію, къ нему на костюмированный балъ, приказавъ всѣмъ сопровождавшимъ ее имѣть оружіе подъ ихъ домино. Пиктѣ былъ въ ихъ числѣ, и Ея Императорское Величество собственноручно угощала его конфетами. Онъ былъ въ то время въ близкихъ отношеніяхъ съ графинею де-Брюсь, большимъ другомъ Императрицы, которая была на нѣсколько мѣсяцевъ моложе графини, чemu вѣрилось съ трудомъ.

Вечеръ провелъ у князя Куракина, гдѣ очень весело поужинали въ мужскомъ обществѣ. Тамъ былъ графъ Шереметевъ, который мнѣ много говорилъ о Порталисѣ и возбудилъ во мнѣ недовѣріе къ этому молодому человѣку.

19-го Апрѣля 1776 г.

Императрица подарила принцу Генриху пудъ ревеню. Ты знаешь, мой другъ, что сей послѣдній считается лучшимъ въ Европѣ и представляетъ собою отрасль промышленности Россіи.

21-го Апрѣля 1776 г.

Говорятъ, что принцъ Генрихъ хитритъ. По словамъ г. де Жюинье онъ старается отдалить графа Андрея отъ Великаго Князя. Я передалъ обѣ этомъ графу Андрею и сообщилъ обѣ упрекахъ, которые дѣлаютъ ему по поводу его поведенія. Онъ далъ мнѣ на это въ высшей степени разсудительный, благородный и философскій отвѣтъ, прибавивъ, что, презирая интриги, онъ вовсе не намѣренъ возражать тѣмъ, кто строить

противъ него козни. Я оспаривалъ его мнѣніе, говоря, что онъ выказываетъ высокомѣріе, не желая оправдаться въ глазахъ своего Князя, который, по молодости, можетъ легко поддаться обману. Онъ отнесся со вниманіемъ къ моимъ словамъ и, кажется, былъ ими очень тронутъ.

22-го Апрѣля 1776 г.

Звѣзда Потемкина меркнетъ. Въ Москвѣ произошло событіе могущее поколебать его положеніе. Съ прежнею силою возобновляются разныя неурядицы. Орловы, и въ особенности князь, пользующіеся большой милостью, легко могутъ повредить ему. Я уже писалъ тебѣ о болѣзни князя Орлова и о возникшемъ подозрѣніи, что причиною ея было отравленіе. Вчера опять зашелъ обѣ этомъ разговоръ, и меня увѣряли, что Григорій былъ отравленъ на ужинѣ у оберъ-шталмейстера Нарышкина. Послѣдній происходитъ изъ древняго рода; но это совершенно безхарактерный человѣкъ, склонный къ лести и подлости. Императрица и весь Дворъ прозвали его дуракомъ. Онъ принадлежитъ къ разряду тѣхъ людей, о которыхъ не принято отзываться дурно за невозможностью сказать о нихъ что нибудь хорошее.

23-го Апрѣля 1776 г.

Не могу сообщить тебѣ ничего новаго о Великой Княгинѣ, которая все еще не разрѣшилась отъ бремени. Говорять, что, благодаря этому запозданію, отсрочивается паденіе Потемкина. По словамъ графа де-Брюля, Императрица поручила князю Орлову передать Потемкину приказъ оставить Дворъ и удалиться въ свою губернію. Всѣ были бы этому очень рады. Его не любятъ за высокомѣріе, которое онъ не стѣсняется выказывать даже въ присутствіи Государыни. Въ день Пасхи между ними произошла непристойная сцена по поводу его отказа въ исполненіи какой-то просьбы Императрицы. Орловъ пользуется полной благосклонностью Екатерины II, которая считаетъ его своимъ настоящимъ другомъ, и онъ вполнѣ довольствуется этимъ положеніемъ въ ея сердцѣ. Императрицѣ же нуженъ любовникъ, и она избереть его въ лицѣ Завадовскаго. Говорять, что послѣдній не получить никакихъ иныхъ правъ, если только возможно допустить, что Государыня откажетъ въ нихъ тому, кто будетъ гospодствовать надъ нею, какъ любовникъ.

Я бесѣдовалъ съ графомъ де-Брюлемъ о Разумовскомъ. Онъ дѣлаетъ ему все тѣже упреки по поводу Великаго Князя, котораго графъ Панинъ заставилъ отвернуться отъ разумныхъ людей, какими онъ его окружалъ, напримѣръ господинъ Эпинъ *), человѣкъ большаго ума

*) Не Ренинъ ли? Или, можетъ быть, Эшинусъ? П. Б.

(хотя и льстецъ, какъ я узналъ впослѣдствіи) и другія лица болѣе достойныя, нежели г.г. Николай и Ла-Фермьеръ, приближенные къ Князю графомъ Андреемъ. Впрочемъ, Ла-Фермьеръ обладаетъ болѣшими познаніями, нежели можно предположить; но его наружность педантичнаго философа меня отталкиваетъ. Графа Андрея обвиняютъ въ томъ, что онъ приблизилъ къ Великому Князю нѣкого Дюфура, бывшаго раньше камердинеромъ, а затѣмъ секретаремъ, къ которому Великій Князь относится до такой степени благосклонно, что, по словамъ графа де-Брюля, этотъ ничтожный любимецъ позволяетъ себѣ подтрунивать надъ другими. Съ другой стороны я слышалъ, что на этого Дюфура указалъ Великому Князю графъ Панинъ, и что онъ состоить при его особѣ уже 14—15 лѣтъ. Его привязанность къ Великому Князю и заботливость, съ которой онъ ухаживалъ за нимъ во время его послѣдней болѣзни, являются причиной такой къ нему благосклонности. Я заключаю изъ этого случая, что нужно пропускать мимо ушей добрую половину того, чтѣ говорять на счетъ нѣкоторыхъ лицъ.

Въ одномъ изъ моихъ писемъ я уже, кажется, писалъ тебѣ о г. Пушкинѣ, Русскомъ посланникѣ въ Англіи. Поговариваются о назначеніи его на мѣсто г. Симолина. Этотъ выборъ указываетъ на миролюбивые виды Россіи. Г. Пушкинъ человѣкъ умный, прямой и простой. Своими манерами онъ напоминаетъ графа де-Верженя. Я считалъ бы его вполнѣ честнымъ и откровеннымъ, еслибы меня не предупредили, что онъ истый Русскій.

25-го Апрѣля 1776 г.

Никтѣ находить, что какъ Россіи, такъ и Франціи было бы выгодно имѣть два торговыхъ дома въ Парижѣ и Ліонѣ для различныхъ товаровъ, выписываемыхъ сюда. Русскіе не были бы такъ часто обманываемы коммисіонерами, къ посредству которыхъ они прибѣгаютъ, а Французскіе купцы не теряли бы такъ много благодаря банкротствамъ, сумма которыхъ, какъ говорятъ, достигаетъ, считая съ начала этого столѣтія, 25-и миллионовъ фунтовъ.

Относительно торговли, сильно поговариваются о привилегіяхъ въ пользу Испанцевъ, о которыхъ г. де-Ласси ходатайствуетъ передъ графомъ Паниномъ. Суть ихъ заключается въ требованіи, чтобы торговые споры разбирались Коммерцъ-Коллегіею, а не судебными вѣдомствами и чтобы торговые судѣлки совершились на тѣхъ же условіяхъ, какъ съ Англичанами, которые расплачиваются на половину рублями и на половину рейтхсталерами, чтѣ составляеть разницу въ полтора процента на 100, тогда какъ другіе обязаны платить полнымъ рублемъ.

Если Испаніи удастся получить эту привилегію. Франція не замедлить обратиться съ таковою же просьбою къ Россіи.

Въ моемъ послѣднемъ письмѣ къ тебѣ или, быть можетъ, къ матушкѣ, я упоминалъ о беременноти Великой Княгини; разрѣшеніе ея запоздало на цѣлый мѣсяцъ, и только въ прошлую Субботу она почувствовала приближеніе родовъ. На другой день Императрица не показывалась съ утра, такъ какъ была у Великой Княгини. Съ минуты на минуту ожидали пушечныхъ выстрѣловъ, такъ какъ, по установившемуся обычаю, полагается возвѣщать тремя стами выстрѣловъ рожденіе князя и 150-ю рожденіе княжны; но ни на другой, ни на третій день ничего не было слышно. Начали беспокоиться, потому что Вторникъ считался послѣднимъ срокомъ ея разрѣшенія. Я видѣлся въ этотъ день у графа Ивана Чернышева съ принцемъ Генрихомъ, который сообщилъ, что Императрица увѣдомила его утромъ, что нѣть основаній для беспокойства, такъ какъ положеніе ребенка вполнѣ правильно и т. п. На другой день, въ Среду, я обѣдалъ у князя Щербатова, гдѣ мнѣ сказали, что ребенокъ мертвъ, но Великая Княгиня все еще не разрѣшилась, что она очень страдаетъ, и жизнь ея въ опасности. Я очень боюсь, чтобы ея положеніе не ухудшилось, и всѣ тревожатся за ея судьбу. Увидимъ, что принесетъ завтрашній день.

Сегодня вскрылась Нева. Это событие по случаю болѣзни Великой Княгини не сопровождалось на этотъ разъ пушечной пальбою. Обыкновенно стрѣляли изъ крѣпости, комендантъ которой переѣзжалъ рѣку въ шлюпкѣ, чтобы сообщить эту новость Императрицѣ, которая, въ свою очередь, вручала ему извѣстную сумму денегъ.

Пятница, 26-го Апрѣля 1776 г.*)

Не безъ основанія, другъ мой, такъ беспокоились о Великой Княгинѣ. Несчастная скончалась сегодня, не разрѣшившись отъ бремени. Она пала жертвою невѣжества, вѣрнѣе, варварства этой націи; если принять вѣрными предположенія, которыя дѣлаются многими, то слѣдуетъ отнести съ нимъ снисходительно въ странѣ, гдѣ преступленія такъ обычны. При ней находилась плохая акушерка изъ Страсбурга, занимающаяся своимъ ремесломъ только полтора года, а до того времени не примѣнявшая его къ дѣлу. Говорятъ, что она была взята по рекоменданію Крузе, лейбъ-медика Его Высочества. Крузе, племянникъ извѣстнаго Бозргаве; онъ ненавидитъ свою специальность и занимается фабричнымъ производствомъ; знанія его сводятся къ теоріи, почерпнутой изъ руко-

*) Дальнѣйшія письма писаны къ брату, и потому слова: къ тому же, опускаются. И. Б.

писей его дяди. Эта акушерка, съ его согласія, потребовала для совѣщанія еще доктора; но только въ Понедѣльникъ хирургъ Тоди, послѣ изслѣдованія, предложилъ наложить акушерскіе щипцы. Можетъ быть, примѣненіе сихъ послѣднихъ и оказалось бы спасительнымъ, не смотря на то, что наканунѣ еще былъ осмѣянъ другой врачъ, высказавшій мнѣніе, что въ положеніи Великой Княгини онъ усматриваєтъ иѣчто угрожающее. Но, не взирая на заявленіе Тоди, операција была отложена до Среды, четырехъ часовъ вечера. Онъ же и дѣлалъ операцию, которая, по словамъ однихъ, продолжалась четыре, а другихъ, восемь часовъ. Наконецъ, Великая Княгиня потребовала отдыха, который былъ для нея необходимъ послѣ такихъ ужасныхъ страданій; она была перенесена на постель, и близкіе, окружавши ею во время операциї, удалились, изнеможенные отъ усталости. Я забылъ тебѣ сказать, что въ началѣ Императрица напугала акушерку, сказавъ ей, что за исходъ болѣзни она является отвѣтственною. Въ туже ночь съ Среды на Четвергъ былъ призванъ Моро, пробывши шесть часовъ сряду и не видѣвшій больной. Ему только были передаваемы иѣкоторыя указанія, на основаніи которыхъ онъ высказалъ свое мнѣніе. Императрица рѣшила спросить по этому поводу мнѣнія Сената, и братъ на себя отвѣтственность за успѣхъ. Быть вызванъ епископъ Платонъ, который, по уставу Русской церкви, предложилъ ей исповѣдываться; но Великую Княгиню трудно было ввести въ заблужденіе: она прекрасно понимала свое положеніе, съ радостью приняла предложеніе и прибавила, что вполнѣ сознаетъ, что смерть уже близка, безропотно покоряется волѣ Божией и если сама не заводила рѣчи о смерти, то только потому, что не хотѣла усиливать беспокойства въ окружающихъ. Покончивъ съ религіозной обрядностью, она выразила желаніе еще разъ всѣхъ повидать и проститься съ каждымъ въ отдѣльности, давая приложиться къ рукѣ по установленному въ Россіи обычаю. Мужественно перенесла она эту трогательную, полную глубокой грусти, сцену прощенія, каждому сказала иѣсколько соотвѣтственныхъ словъ, какъ напримѣръ князю Куракину: „Если имѣете что нибудь передать вашей матушкѣ, я беру это на себя, т. к. въ очень скромъ будущемъ увижу съ ней“^{*)}. Послѣ этого она довольно долго бесѣдовала съ Императрицей наединѣ, о ней лично, о Россіи и Дворѣ, добавивъ, что есть вопросы, которые дозволяется затрагивать только на смертномъ одрѣ, поэтому она считаетъ себя въ правѣ это сдѣлать. Также наединѣ она бесѣдовала съ Великимъ Княземъ, но передъ тѣмъ, въ присутствіи

^{*)} Относится къ княгинѣ Еленѣ Степановнѣ Куракиной (род. Апраксиной), которая умерла въ 1769 году. П. Б.

другихъ, она увѣщевала его позабыть ее поскорѣе и жениться на другой для блага его государства и многочисленнаго народа. Существуетъ даже предположеніе, что она указала достойную себѣ преемницу. Это умилительное увѣщеваніе, безъ напыщенности и естественное, глубоко потрясло всѣхъ присутствовавшихъ, и рыданія раздались около несчастной умирающей княгини. Наконецъ, въ Пятницу утромъ принц Генрихъ Пруссій направилъ къ ней своего врача, и она долго бесѣдовала съ нимъ о Берлинѣ, какъ совсѣмъ здоровая. Новый докторъ ничего не предпринялъ: время ушло, къ Кесареву съченію приступить не рѣшалась Императрица, такъ какъ повторяла, что отвѣтственность за исходъ болѣзни лежитъ на нихъ. Антоновъ огонь распространился. Однако Княгиня встала съ постели, перешла въ кресла и сказала своему доктору: „Я чувствую, что смерть моя наступить вечеромъ, т. к. я не разрѣшилась отъ бремени“. Послѣ этого она легла въ постель, урывками разговаривала о самыхъ маловажныхъ предметахъ, о выступленіи рѣки изъ береговъ, объ удовольствіи катанья въ лодкѣ. Смрадный воздухъ уже распространился въ комнатѣ, и Великаго Князя не впустили къ больной, хотя она усиленно, за нѣсколько часовъ до смерти, призывала его и Императрицу; послѣдней она просила передать записку съ перечнемъ лицъ, которыхъ поручала ея благосклонности. Горничная-нѣмка, привезенная ею изъ Дармштата, и Дюфуръ, камердинеръ Великаго Князя, не покидали ея до послѣдней минуты.

По словамъ графа Разумовскаго кончилась она въ пять часовъ безъ восемнадцати минутъ. Въ шесть часовъ я уже былъ у него. Онъ только что легъ. Камердинеръ его доложилъ, что онъ уже въ постели, но тѣмъ не менѣе, я быль принятъ. При видѣ меня онъ горько заплакалъ. Мы поцѣловались, и я, въ свою очередь, не могъ удержаться отъ слезъ. „Какой ужасъ, какое несчастіе, воскликнулъ онъ, ты не знаешь, другъ мой, кого мы теряемъ въ ней“. Я старался его успокоить, и мы продолжали разговоръ на ту же тему. „Сколько силы воли и душевной доброты она проявила“, прибавилъ Разумовскій, „она старалась насть всѣхъ успокоить. Передъ смертью она бесѣдовала со всѣми поочередно; я пользовался всегда ея расположениемъ и быль послѣднимъ, съ кѣмъ она говорила“. „Когда-нибудь свидимся“, сказала она мнѣ въ утѣшеніе. „Мы не можемъ не свидѣться“. Онъ заплакалъ снова. Въ эту минуту вошла его сестра, и я оставилъ ихъ вдвоемъ. Черезъ часъ я возвратился, но его уже не засталъ. Г-жа Загряжская его увезла къ себѣ. Я привезъ соли, которыя просялъ ему передать. Описзываю тебѣ, другъ мой, необыкновенно горестное событие, которому лично глубоко сочувствую. Великому Князю пустили

кровь, и съ матерью въ визави они отбыли въ Царское Село. Потемкинъ и г-жа Брюсь посыпали за ними. Князь Орловъ нагналъ ихъ верхомъ. Меня увѣряли, что Потемкинъ наканунѣ, или за день до злополучнаго событія, въ то время, когда мы всѣ обливались слезами, игралъ въ висть и проигралъ три тысячи рублей. Вообще горе въ этой странѣ очень непродолжительно. Что касается до меня, то еще долго я сохраню въ моей памяти воспоминаніе объ этой рѣдкой Княгинѣ и сожалѣніе, которое она сумѣла оставить по себѣ.

27-го Апрѣля 1776 г.

Посыпалъ сегодня утромъ къ графу Андрею Разумовскому; мнѣ просили передать, что онъ еще боленъ и намѣревается отправиться въ Царское Село, какъ только будетъ чувствовать себя легче. Эта неизвѣстность побудила меня навѣстить его; но я не засталъ его дома: оказалось, что онъ только что уѣхалъ, чemu я былъ искренно радъ. Ла-Билло, у которого я сегодня былъ, сообщилъ мнѣ, что, по настоянію его сестры Загряжской, ему пустили кровь, вслѣдствіе чего онъ только сегодня утромъ, а не вчера, могъ отправиться въ Царское Село. Послѣднее обстоятельство подало поводъ къ распространенію невыгодныхъ слуховъ на его счетъ, которые не преминули распустить его враги. Заявляютъ, напримѣръ, что графъ Андрей горюетъ такъ сильно потому, что утратилъ свою возлюбленную; прибавляютъ, что, будучи въ Москвѣ, Императрица предупреждала Великаго Князя о томъ, что графъ Разумовскій сдѣлалъ его рогоносцемъ*). Если бы все это имѣло за собой какія либо основанія, не было бы ничего удивительнаго въ стараніяхъ отдалить Великаго Князя отъ графа Андрея, но эта недостойная клевета доказываетъ еще разъ, что принцъ Генрихъ, какъ я уже писалъ тебѣ, задался этой цѣлью. Онъ ни на минуту не покидаетъ Великаго Князя со времени его несчастія и сумѣеть извлечь для себя пользу изъ этого прискорбнаго случая. Въ данную минуту онъ находится съ нимъ въ Царскомъ Селѣ.

*) Послѣдніе историки Екатерины II и Великаго Князя Павла признаютъ справедливость этихъ слуховъ. Графъ Андрей, большой другъ Великаго Князя, былъ дѣйствительно любимцемъ Великой Княгини. Онъ былъ подкупленъ Французскимъ и Англійскимъ посланниками, желавшими добиться разрыва отношеній между Россіей, Австріей и Пруссіей, и отъ нихъ-то Разумовскій имѣлъ большую часть своихъ доходовъ. Онъ склонилъ на сторону Бурбоновъ Великую Княгиню, имѣвшую явное вліяніе на своего мужа. Тѣмъ не менѣе, предостереженіе слѣдованное по этому поводу Екатериной II-й сыну, не произвело на него должнаго впечатлѣнія, въ виду того, что Императрица и Великая Княгиня находились по нѣкоторымъ причинамъ въ разладѣ, и Великій Князь могъ прѣбрить измѣнѣніе жены только послѣ ея смерти. Екатерина II-я подозрѣвала въ своей невѣсткѣ страстное желаніе царствовать.

Мнѣ хорошо извѣстно, говоря между нами, что Великая Княгиня отдавала Разумовскому предпочтеніе предъ многими другими; я даже не исключаю предположенія, что между ними существовала теплая и нѣжная дружба, чѣм мнѣ кажется вполнѣ естественнымъ, такъ какъ оба они молоды и достойны любви. Но только при такомъ коварномъ и развращенномъ Дворѣ могутъ подозрѣвать что нибудь дурное въ самыхъ чистыхъ отношеніяхъ. По словамъ Ла-Билло совершенно ошибочно предположеніе, будто г-жа Загряжская такъ сильно любить своего брата. Ея большая привязанность къ нему появилась съ той минуты, какъ графъ Андрей попалъ въ милость; прежде не замѣчалось ничего подобнаго и часто, несмотря на свою хитрую политику, у нея прорывалось по отношенію къ нему проявленіе неумѣстной досады; она всегда находить поводъ упрекать его и терпѣть не можетъ, когда онъ посѣщаетъ насъ. Ей безусловно не нравится моя дружба съ графомъ Андреемъ, но мнѣ это совершенно безразлично.

Обѣдалъ сегодня съ Мордомъ сыномъ Мордомъ изъ „Hôtel-Dieu“, очень искуснымъ хирургомъ. Онъ не захотѣлъ присутствовать при вскрытии тѣла Великой Княгини изъ боязни высказать слишкомъ откровенно свое мнѣніе передъ придворными докторами и хирургами, рѣшившими, что Великая Княгиня, благодаря своему сложенію, никогда бы не могла разрѣшиться отъ бремени *). Моро не былъ приглашенъ на это вскрытие, но къ нему приходили съ цѣлью выпытать его мнѣніе; онъ счѣль нужнымъ держаться на сторожѣ и хорошо сдѣлалъ. Мнѣ же (а я его ни о чѣмъ не распрашивалъ) онъ сказалъ, что изложилъ свои соображенія по этому поводу въ письмѣ во Францію и что онъ считаетъ придворныхъ докторовъ и хирурговъ несвѣдущими ослами. Смерть Великой Княгини должно разматривать, по его словамъ, какъ несчастіе, которое можно было предотвратить. Удивительно, по правдѣ сказать, что даже по отношенію Великой Княгини не могли удѣлить большей заботливости и попеченій. Тяжелая вина относительно ея, которая была такъ добра и такъ любима, лежитъ на совѣсти этой страны. Народъ очень негодуетъ, онъ горько оплакиваетъ ее и ожесточается. Въ лавкахъ приходится слышать такія замѣчанія: „молодыя женщины умираютъ, а старыя бабы живутъ“. Къ князю Орлову пришла толпа мужиковъ, чтобы узнать, достовѣрно ли извѣстие о смерти Великой Княгини; получивъ утвердительный отвѣтъ, они горько

*) Екатерина писала, что Великая Княгиня на смертномъ одрѣ призналась ей, что когда она была дѣвочкою, ее возили въ Парижъ къ хирургу, который нашелъ, что спинная кость у нея искривлена. Въ одномъ письмѣ Екатерина начертала даже это искривленіе. П. Б.

заплакали. Этотъ порабощенный народъ любить своихъ властелиновъ. Въ Англіи, гдѣ народъ свободенъ, онъ ненавидить своихъ королей; Французы, не знающіе рабства, обожаютъ своихъ повелителей. Кто сумѣеть разобраться въ этомъ чувствѣ? Вечеромъ, у Бемеровъ, я встрѣтилъ доктора принца Генриха. Этотъ докторъ былъ приглашенъ Императрицею къ вскрытию тѣла Великой Княгини. Онъ повторилъ тѣ же доводы, которыхъ слѣдуетъ ожидать отъ Двора, но заявилъ, что Великая Княгиня должна была разрѣшиться мальчикомъ. Говорятъ, что громадный ребенокъ имѣлъ 23 дюйма длины и 8 дюймовъ въ плечахъ.

28-го Апрѣля 1776 г.

Долженъ отдать справедливость нѣкоторымъ лицамъ, которыя, судя по ихъ душевнымъ качествамъ, совершенно непохожи на Русскихъ. Къ ихъ небольшому числу принадлежитъ госпожа Нелединская *), которая заболѣла, узнавъ объ этомъ событиї. Я видѣлъ ее сегодня, и Великая Княгиня была единственной темою нашего разговора. Намъ вспоминались отдѣльные случаи, при которыхъ она бесѣдовала съ нами съ свойственными ей добротою и благородствомъ. Никогда не забуду тѣхъ трехъ случаевъ, когда мнѣ пришлось ужинать съ нею за однимъ столомъ, два раза у нея и одинъ у графа Ивана Чернышева, гдѣ я участвовалъ въ домашнемъ спектаклѣ, и всѣхъ тѣхъ милыхъ словъ, которыя она мнѣ тогда сказала. Госпожа Нелединская была особенно любима ею и имѣла много случаевъ наблюдать ее въ близкой обстановкѣ, испытать на себѣ ея доброту и любоваться картиной взаимной любви между нею и Великимъ Княземъ, который никогда иначе не называлъ ее, какъ: „моя дорогая жена“. И люди хотѣли осквернить такой трогательный и достойный союзъ, который, несмотря на всѣ старанія, смѣла расторгнуть только одна смерть! Госпожа Нелединская—внучка извѣстной Лопухиной, публично наказанной кнутомъ при Елисаветѣ за вырвавшееся у нея неумѣстное замѣчаніе. Она была красивой молодой женщиной, въ нее влюбился министръ Двора и предложилъ ей руку при выходѣ изъ театра; кто-то шепнулъ, что это могло повредить ей въ глазахъ Государыни, на что Лопухина сгоряча отвѣтила: „Какъ она, имѣющая 1000 любовниковъ, можетъ запретить мнѣ имѣть одного?“ Эти слова и были причиной ея несчастій.

Въ народѣ ходить молва, что причиною смерти Великой Княгини является то обстоятельство, что не служили молебновъ о ея здравіи, и что ее лѣчили доктора, къ тому же иностранные. Въ Русскомъ народѣ

*) Настасья Николаевна, рожд. гр. Головина, мачиха поэта Ю. А. Нелединского-Мелецкаго. И. Б.

держится повѣrie, что при родахъ помогать женщинѣ можетъ только женщина и притомъ непремѣнно Русская. Это убѣжденіе очень неблагопріятно для принца Генриха. Народъ утверждастъ, что во время своего первого путешествія онъ привезъ въ Москву чуму, а теперешній его прїездъ ставить въ связь съ кончиною Великой Княгини.

Это еще не все. Мой аббать Паскини предвидѣлъ смерть Великой Княгини посредствомъ кабалистики, какъ и то, что долженствовавшій появиться на свѣтъ младенецъ мальчикъ.

30 Апреля 1776 г.

Меня очень обезпокоило сообщеніе графа де-Брюля. Ходять слухи, что Великій Князь заподозрилъ любовь своей супруги къ Разумовскому, что онъ сказалъ объ этомъ двѣ недѣли тому назадъ князю Гагарину, прибавивъ: „Подожду еще немного; надѣюсь, что это безуміе скоро пройдетъ“. Говорятъ, что, незадолго до кончины своей, Великая Княгиня во всемъ созналась мужу, который, подъ впечатлѣніемъ бесѣдъ съ нею, безпрестанно чтѣ-то писалъ въ послѣднія минуты ея жизни. Въ день ея кончины онъ выказалъ необыкновенную твердость. Отъ общаго вниманія не укрылось то обстоятельство, что князь Гагаринъ остался въ Царскомъ Селѣ, тогда какъ графъ Андрей оттуда уѣхалъ. Принцъ Генрихъ не покидаетъ Великаго Князя и, кажется, оправдываетъ высказанныя мною Разумовскому подозрѣнія относительно его плановъ. Не знаю, дорогой другъ, насколько достовѣрны слова графа де-Брюля; но онъ увѣрялъ меня, что Великій Князь открылся нѣсколькимъ лицамъ, въ томъ числѣ, кажется, фельдмаршалу Румянцеву. Меня удивляетъ поведеніе Великой Княгини; она была умна. Чѣмъ касается до Великаго Князя, это лишній разъ подтверждаетъ его крайнюю безхарактерность, въ которой я никогда не сомнѣвался.

1 Мая 1776 г.

Ко мнѣ зашелъ сегодня графъ де-Брюль, и мы съ нимъ отправились къ графу Андрею, котораго я нашелъ очень угнетеннымъ. Такъ какъ мы были не одни, то намъ не удалось поговорить по душѣ. Онъ успѣлъ только сказать мнѣ, что, оставаясь въ Петербургѣ и не имѣя возможностиѣхать въ Царское Село, онъ не видѣлъ никого изъ знати: что сестра его настояла на томъ, чтобы онъ перебрался къ ней, на что онъ согласился подъ условіемъ, чтобы ему была предоставлена полная свобода. Онъ заявилъ, что будетъ очень благодаренъ, если я наѣду его и что ему бы очень хотѣлось вмѣстѣ прогуляться. Мнѣ было бы очень пріятно побесѣдоватъ съ вами, прибавилъ онъ, когда графъ де-Брюль вышелъ. Мы условились о времени прогулки на другой день,

и онъ просилъ меня никому не сообщать, что я увижу съ нимъ наединѣ.

3 Мая 1776 г.

Мы сѣли вдвоемъ въ карету и отправились за городъ. Тамъ, выйдя изъ экипажа, я предоставилъ графу Андрею говорить о себѣ, что онъ и не замедлилъ сдѣлать. „Вы несомнѣнно слышали, о чёмъ толкуется весь городъ?“ спросилъ онъ. „Но я этому не вѣрю“, отвѣчалъ я, хотя мнѣ и кажется невѣроятнымъ, что Великій Князь могъ такъ скоро забыть васъ. „У меня дружба съ Великимъ Княземъ, возразилъ графъ Андрей, давнишня: она началась, когда мнѣ было 10 лѣтъ. Я уѣзжалъ въ Страсбургъ учиться, затѣмъ былъ въ Англії¹⁾. Возвращаясь, я всегда встречалъ его неизмѣнное расположение ко мнѣ. Оно даже все возрастало съ того времени. Смерть Великой Княгини, о которой я скорблю всей душой, и имѣю право скорбѣть, такъ какъ горе мое вполнѣ законно, мнѣяетъ совершенно мое положеніе въ отношеніи Великаго Князя. Минутами его печали и одиночества сумѣли воспользоваться, чтобы овладѣть имъ. Императрица и принцъ Генрихъ находятся безотлучно при немъ. Я видѣлся съ нимъ утромъ того дня, когда покинулъ Царское Село, и онъ поцѣловалъ меня. Уходя, я замѣтилъ прибывшую Императрицу. Мнѣ передали записку Ея Императорскаго Величества. и я пріѣхалъ въ городъ. Я покажу вамъ подъ большими секретомъ письмо, которое, пріѣхавъ сюда, я написалъ Великому Князю. Въ первый разъ г. Салтыковъ²⁾ отвѣтилъ мнѣ, что Его Императорское Высочество боленъ лихорадкою и потому не можетъ писать; во второй разъ, онъ сообщалъ мнѣ о здоровье Великаго Князя, и ни слова о томъ, что мнѣ хотѣлось знать. Мое рѣшеніе твердо. Я намѣренъ предпринять путешествіе во Францію, Италію и особенно въ Англію. Мнѣ необходимо набраться познаній“. Я очень убѣждалъ его исполнить это намѣреніе: оно можетъ принести ему большую пользу, обогативъ познаніями, необходимыми для государственного человѣка. Графъ Андрей молодъ, ему всего 24 года. Такъ какъ его происхожденіе ничего не можетъ дать ему (отецъ его изъ пастуховъ), то онъ долженъ стараться быть необходимымъ государству, благодаря своимъ достоинствамъ. Правда, что Великій Князь, по своей слабохарактерности, можетъ легко забыть его; но вѣдь можетъ случиться, что онъ п вспомнить о немъ, и вторая роль, которую ему придется играть въ Россіи, будетъ несравненно существеннѣе первой.

¹⁾ Онъ получилъ образованіе въ Страсбургскомъ Университетѣ, а въ 1768 г. поступилъ на службу въ Англійской флотъ.

²⁾ Николай Ивановичъ (внослѣдствіи князь) былъ тогда гофмаршаломъ у Великаго Князя. П. Б.

Объдалъ сегодня съ графомъ де-Брюлемъ, который сообщалъ мнѣ, что подозрѣваютъ участіе супруги фельдмаршала Румянцева въ интригѣ между графомъ Андреемъ и Великой Княгиней и что она очень опасается для себя послѣствій. По другимъ слухамъ въ бумагахъ Великой Княгини нашли переписку, которая все обнаружила. Послѣднее предположеніе мнѣ кажется довольно неправдоподобнымъ: трудно допустить, чтобы женщина была столь неосторожна.

4 Мая 1776 г.

Мы отправились послѣ обѣда въ Александро-Невскую Лавру. Это монастырь, отстоящій въ двухъ-трехъ верстахъ отъ Петербурга, со стороны проспекта. Тамъ съ Четверга выставлено на катафалкѣ тѣло бѣдной Княгини. Въ томъ же залѣ, говорять, было въ свое время помѣщено тѣло Елизаветы*). Я былъ непріятно пораженъ отсутствиемъ погребальной пышности: какъ будто пожалѣли воздать ей должная почести и, кажется, что самая смерть не смогла смягчить чувство зависти къ ней, зародившееся въ сердцѣ лица болѣе сильного. Публикѣ разрѣшается входить и прикладываться къ ея рукѣ, взойдя на двѣ ступеньки, къ катафалку, на которомъ она поконится. Офицеръ, стоящій у тѣла, предлагаетъ желающимъ приложиться; но такъ какъ ни одинъ изъ посланниковъ этого не сдѣлалъ, то я счелъ нужнымъ послѣдовать ихъ примѣру. Позади разставлены скамейки и стулья для дежурящихъ женщинъ, которые, также какъ и камергеры, смѣняются каждые двадцать четыре часа; но ея прислуга останется неотлучно при ней до дня погребенія, которое назначено во Вторникъ. Выйдя черезъ заднюю часть зала, мы должны были сойти двѣ ступеньки, чтобы спуститься въ часовню и на правой сторонѣ, близъ алтаря, увидѣли могилу, где она будетъ погребена, но тамъ еще нѣтъ склепа. Надъ часовней находится церковь св. Александра Невскаго, виднѣющаяся серебряная гробница котораго не поражаетъ глазъ ничѣмъ инымъ, кроме своего богатства (она была устроена по приказу Петра I). Выйдя оттуда, я опять воспользовался каретою графа де-Брюля, и мы отправились въ Лѣтній садъ, единственнымъ достоинствомъ котораго я считаю красоту положенія его на берегу рѣки, благодаря чудной набережной. Это неудачное подражаніе Версальскимъ рощамъ, где много свинцовыхъ фигуръ съ брызжущими фонтанами. Изъ Италии выписаны за громадныя деньги плохія статуи бѣлого мрамора; внизу каждой изъ нихъ надпись, объясняющая значеніе изваянія.

Я покинулъ графа де-Брюля, чтобы отправиться къ Бемерамъ. Тамъ говорили о графѣ Андреѣ, обѣ его опалѣ и принятомъ имъ рѣ-

*) Это невѣро; надо было сказать: Анны Леопольдовны. П. В.

шени. Кажется, что установившееся мнѣніе о Великой Княгинѣ, о которомъ я передалъ тебѣ со словъ другихъ, все болѣе и болѣе укрѣпляется. Многіе утверждаютъ, что несчастная Великая Княгиня сама подтвердила зародившіяся подозрѣнія, признавшись передъ смертью Великому Князю въ своей слабости къ Разумовскому. По другимъ слухамъ, Дюфуръ, камердинеръ Великаго Князя, былъ главною причиной немилости Разумовскаго. На основаніи сообщенныхъ имъ подозрѣній, князю Куракину *) было поручено собрать къ Средѣ всѣ бумаги Великой Княгини. Прибавляютъ, что въ шкатулкѣ у нея нашли письма графа Андрея, чѣмъ и вызвало его опалу. По общимъ увѣреніямъ, его отправляютъ въ Ригу, а графъ де-Брюль сообщаетъ, что графъ де-Ласси, состоя въ дружескихъ отношеніяхъ съ Разумовскимъ, ссужалъ его деньгами. Говорятъ о шифрованномъ письмѣ этого Испанскаго посланника къ молодому графу, которое стараются разобрать въ канцеляріи, тѣмъ оно задержано. Съ трудомъ вѣришь этимъ послѣднимъ слухамъ: я не могу допустить, чтобы такой умный и опытный человѣкъ, какъ графъ де-Ласси, могъ такъ неосмотрительно довѣриться юношѣ, какъ графъ Андрей. Сообщаю тебѣ объ этомъ предположеніи, потому что слышалъ о немъ уже съ двухъ сторонъ. Забыть сказать, что получилъ черезъ Комба записку отъ графа Андрея, въ которой онъ просить меня навѣстить его на другой день въ 8 часовъ утра. Возвратившись домой, я нашелъ у себя другую, въ которой онъ сообщаетъ, что дѣлѣ обязывають его выѣхать очень рано, и что онъ не будетъ дома. Меня беспокоить новость относительно Риги, и я приказалъ разбудить себя пораньше, чтобы успѣть застать его до отѣзда.

Воскресенье, 5 (Мая) 1776 г.

Не было еще семи часовъ, когда я сегодня вышелъ изъ дома. Я засталъ графа. Онъ удивился, когда я заговорилъ съ нимъ о Ригѣ, при чемъ замѣтилъ, что это предположеніе недалеко отъ истины, такъ какъ онъ отправляется въ Ревель, получивъ черезъ фельдмаршала Голицына приказъ Императрицы выѣхать туда черезъ 24 часа послѣ погребенія. „Меня успокаиваютъ, прибавилъ онъ, относительно послѣдствій этого назначенія. И я самъ не имѣлъ бы опасеній, еслибы не такъ хорошо зналъ здѣшніе порядки. Тѣмъ не менѣе, я испросилъ разрѣшеніе поѣтить батюшку въ Украинѣ и затѣмъ уѣхать заграницу“. Ссылка въ Сибирь беспокоить здѣсь каждого, попавшаго въ немилость, и Разумовскій упомянулъ между прочимъ, что онъ кое-что подозрѣваетъ и, прїѣхавъ въ Ревель, приметъ свои мѣры, чтобы въ случаѣ надобности имѣть возможность бѣжать моремъ. Пока я сидѣлъ у него, онъ при-

*) Кн. А-ру Борисовичу. Онъ впослѣдствіи разбиралъ бумаги Павла Петровича. П. Б.

водилъ въ порядокъ свои бумаги, и затѣмъ мы отправились вмѣстѣ изъ дома его сестры, гдѣ онъ остановился, къ нему на квартиру. Тамъ онъ, собирая другія бумаги, между прочимъ показалъ мнѣ тетрадь, исписанную рукою Великой Княгини, съ слѣдующей помѣткой на поляхъ: „начата 11-го Мая 1775 г.“ Тутъ—изреченія Сенеки, выписанныя этой несчастной Княгинею, особую копію которыхъ она сдѣлала для графа Андрея. Я прочелъ нѣкоторыя изъ нихъ и съ увлеченіемъ замѣтилъ полное отсутствіе ошибокъ правописанія и неправильностей языка. Прямо удивляешься, мой другъ, какъ хорошо Русскіе владѣютъ нашимъ языккомъ. Я говорилъ Разумовскому о предполагаемой перепискѣ его съ графомъ де-Ласси. Онъ расхохотался въ отвѣтъ на это. Заговоривъ опять о своемъ положеніи, онъ замѣтилъ, что если ему разрѣшать путешествовать, онъ совсѣмъ не будетъ жалѣть покинуть Дворъ, и послѣ Великой Княгини ему будетъ жаль только одного Великаго Князя, прибавивъ, онъ что увѣренъ, что всѣ эти распоряженія исходятъ отъ Императрицы. Онъ еще разъ повторилъ, что въ Понедѣльникъ утромъ, когда онъ возвратился изъ Царскаго Села, его не допустили (какъ онъ имѣлъ обыкновеніе это дѣлать раньше) къ Великому Князю во время его вставанія, но что какъ только онъ улучилъ удобную минуту, то, со слезами на глазахъ, поцѣловавъ Великаго Князя, говоря съ нимъ о Великой Княгинѣ. Онъ ушелъ по прибытии Императрицы, которая передала ему письмо для фельдмаршала Голицына, предписавъ предупредить, чтобы тотъ приступилъ къ немедленному исполненію ея приказанія. Разумовскій, узнавъ въ Петербургѣ въ чемъ дѣло, тотчасъ же составилъ письмо къ Великому Князю, которое онъ мнѣ показалъ сегодня утромъ. Оно написано благороднымъ, выдержаннѣмъ слогомъ и болѣе похоже на письмо къ другу, нежели къ властелину. Онъ говорить въ этомъ письмѣ, что не знаетъ, удаленъ ли онъ безъ вѣдома Великаго Князя, или это сдѣлано по его распоряженію; за тѣмъ упоминаетъ вкратцѣ о годахъ, которые онъ провелъ при его особѣ, о своей глубокой привязанности къ нему и къ Великой Княгинѣ и заканчиваетъ письмо завѣреніемъ, что не желаетъ унизиться до такой степени, чтобы изслѣдовать причины и искать тайныхъ виновниковъ своего несчастія. Вчера, какъ я уже писалъ тебѣ, онъ получилъ приказъ отправиться въ Ревель черезъ 24 часа послѣ погребенія; но такъ какъ Императрица вскорѣ собирается туда съ сыномъ *), то онъ хочетъ поскорѣе покинуть этотъ городъ и надѣется получить испрошенное имъ разрѣшеніе поѣхать въ Украину, а оттуда отправиться путешествовать. Графъ Иванъ Чернышевъ обѣщалъ увѣдомлять его о томъ, что дѣлается при Дворѣ. Ему бы очень

^{*}) Намѣреніе Екатерины сѣзидѣть въ Ревель не исполнилось. И. Б.

хотѣлось получить возможность дать о себѣ знать Великому Князю, такъ какъ весьма вѣроятно, что Салтыковъ не передалъ его письма. Мнѣ не приходилось слышать хорошихъ отзывовъ объ этомъ Салтыковѣ, къ тому же онъ—истый придворный. Покинувъ Разумовскаго, я обѣщалъ писать ему и сдержу слово; впрочемъ, очень возможно, что я еще увижуясь съ нимъ до его отѣзда. Не знаю, замѣшанъ ли въ это дѣло фельдмаршалъ Румянцевъ, но его видѣли очень веселымъ и спокойнымъ, что совершенно сбивается съ толку изобрѣтателей различныхъ слуховъ.

Графъ Панинъ очень разстроенъ: говорятъ, что у него водяная грыжа и что ему нужно сдѣлать прокалываніе. Онъ держитъ это въ большой тайнѣ. Не знаю, въ какой степени милости пребываетъ этотъ министръ: но мнѣ кажется, что его положеніе прочно. судя по тому, что его племянникъ князь Куракинъ и родственникъ князь Гагаринъ находятся при Великомъ Князѣ въ Царскомъ Селѣ. Правда, что они совсѣмъ не видятъ Его Высочества, но видятъ его только Императрица и принцъ Генрихъ. Завадовскій, равно какъ и Потемкинъ, находится неотлучно при Государынѣ: но звѣзда послѣдняго закатывается, хотя къ нему относятся еще съ большой любезностью; общее мнѣніе утверждаетъ, что его должность военнаго министра уже передана графу Орлову. Князь, братъ послѣдняго, въ самой большой милости у Императрицы. Со дня на день ожидаютъ новыхъ событій.

6 Мая 1776 г.

Я занимался утромъ, сидя у камина, когда вошедший Комбъ и сообщилъ мнѣ, что Лормуа, конюшій Великаго Князя, получилъ отставку, подъ предлогомъ какого-то переустройства. Съ нимъ обошлись, впрочемъ, очень ласково, пообѣщавъ подарокъ со стороны Его Императорскаго Высочества. Онъ просить только объ уплатѣ 1500—1600 р.. которыхъ ему еще не выдано. Лормуа хотѣлъ бы уже уѣхать; поѣхъ всего того, что онъ здѣсь видѣлъ, у него пропала всякая охота оставаться въ Россіи. Во Франціи онъ вознаградитъ себя за молчаніе, которое принужденъ былъ хранить здѣсь. Впрочемъ, и теперь онъ не стѣсняется и позволяетъ себѣ довольно рѣзкія замѣчанія, какъ то: нельзя называть Великаго Князя человѣкомъ съ слабымъ характеромъ, такъ какъ у него наблюдается полное отсутствіе сего послѣдняго; онъ по природѣ черствъ и жестокъ. вся доброта его исходить изъ чувства страха; онъ ненавидитъ свою мать, которая презираетъ его и считаетъ недостойнымъ высокаго положенія, къ которому онъ призванъ судьбою.

Графъ де-Брюль зашелъ ко мнѣ на минутку; онъ сообщилъ, что принцъ Генрихъ подарилъ на дняхъ Потемкину свой портретъ, осы-

панный брилліантами. Онъ очень хотѣлъ бы усилить его значеніе, чтобы досадить Орловымъ, которые противъ Прусаковъ. Орловъ, почти увѣренный въ своей власти, играетъ несчастнымъ фаворитомъ и донимаетъ его Ѳдкими эпиграммами.

7 Мая 1776 г.

Былъ сегодня утромъ на погребеніи Великой Княгини. Мы пріѣхали туда къ девяти часамъ. Ожидали Императрицу. Немедленно по ея прибытии началась служба. Тѣло помѣщалось, какъ и прежде, въ гробу, подъ балдахиномъ изъ золотой парчи, затканной серебромъ, и съ украшеніями изъ бѣлыхъ и черныхъ перьевъ. Изъ параднаго зала, гдѣ оно находилось въ предыдущіе дни, его перенесли въ часовню, двумя ступеньками ниже зала, изъ котораго мы вышли, чтобы занять мѣста. Императрица находилась направо отъ выхода, фрейлины и статсъ-дамы налѣво, мы помѣстились подальше, въ глубинѣ, противъ лѣстницы, ведущей въ церковь Александра Невскаго. Началась служба, продолжавшаяся два часа, послѣ которой епископъ Платонъ произнесъ рѣчъ, тронувшую присутствующихъ до слезъ; одни плакали чистосердечно, многіе изъ притворства. Въ концѣ церемоніи тѣло опустили въ предназначенну для него могилу, близъ алтаря. Эта печальная церемонія ужасна, въ особенности, когда она касается знакомаго близко лица. Сейчасъ опишу ее тебѣ, дорогой другъ, болѣе подробнѣ. Духовникъ читаетъ разрѣшительную молитву и, приложившись къ покойницѣ въ послѣдній разъ, даетъ ей отпущеніе грѣховъ; въ руку ей вкладываютъ разрѣшительную грамоту. Всѣдѣ затѣмъ нѣсколько священниковъ приподнимаютъ золотую парчу, покрывавшую ее до самой головы, чтобы вынуть изъ подъ нея кусокъ кисеи, которымъ закрываютъ лицо; на минуту его еще разъ открываютъ, чтобы окропить святымъ масломъ. Это обрядъ соборованія, послѣ котораго ее покрываютъ на вѣки. Затѣмъ нѣсколько человѣкъ изъ мірянъ накладываютъ крышку гроба, которая скроетъ ее навсегда. Является обыкновенно одѣтый рабочій, безъ всякаго траура, и онъ привинчиваетъ крышку. Видъ этого непригляднаго человѣка меня глубоко возмутилъ; мнѣ почудилось, что это соглядатай смерти. Когда все это продѣльвали, казалось, что Императрица плачетъ; но я не вѣрю ея слезамъ: у нея для этого слишкомъ черствое сердце. Орловъ, стоявшій подлѣ нея, держался съ большою выдержанкою. Графъ Иванъ Чернышевъ, какъ истый придворный, отдалъ ему три почтительныхъ поклона, слегка кивнувъ головою Потемкину, который, говорятъ, въ скоромъ времени окончательно сойдетъ со сцены.

Обѣдалъ у Саксонскаго посланника вмѣстѣ съ де-Брюлемъ, который пріѣхалъ въ половинѣ одиннадцатаго и просилъ меня съѣздить въ

Красный Кабакъ къ Разумовскому, за которымъ, по его словамъ, слѣдить, и его всюду сопровождаетъ офицеръ. Я выѣхалъ въ 12 часовъ ночи, и мнѣ показалось, что я встрѣтилъ карету графа Андрея. Дома я нашелъ отъ него записку, гдѣ онъ сообщаетъ, что, оберегая меня, принужденъ уѣхать не простишись, такъ какъ за нимъ слѣдить и знаютъ, что мы видѣлись. Мнѣ дѣйствительно передавали, что при такихъ же обстоятельствахъ, при Елисавѣтѣ, одинъ членъ посольства былъ сосланъ въ Сибирь и возвращенъ оттуда только при Петрѣ III.

20 Мая 1776 г. Шарлоттъ де-Бемеръ.

Видѣль госпожу Загряжскую, которая сообщила, что собирается сѣхаться съ братомъ въ Ревель. Надѣются, что графу Андрею удастся скоро выбраться изъ этого города, чтобы отправиться заграницу. Полагаютъ даже, что онъ получитъ назначеніе полномочного ministра Россіи въ Португаліи.

23 Мая 1776 г. Къ брату.

Графъ Панинъ все еще хвораетъ; ему уже сдѣлали два прокола, но, кажется, придется прибѣгнуть къ важной операциі, чтобы задержать при помощи бандажа выпаденіе кишечка. Рѣдкій хирургъ возмется за такое отвѣтственное дѣло. Я слышалъ объ одномъ Французѣ, который присужденъ къ изгнанію, укрывается въ Англіи и очень свѣдущъ въ этомъ дѣлѣ. Къ довершенію всего графъ Панинъ уже породично истрепанъ жизнью и слишкомъ слабъ, чтобы перенести операцию, и это сильно осложняетъ его положеніе. Я узналъ, что выборъ графа Петра Разумовскаго палъ на молодую вдову, которая прежде или даже въ послѣднее время, была любовницей Великаго Князя, встрѣчавшагося съ нею у графа Панина. Въ этомъ и кроется главная причина противодѣйствія гетмана этому браку его сына. Великій Князь сдѣлалъ имъ свадебный подарокъ въ 30,000 рублей.

24 Мая 1776 г.

Лормуа утверждаетъ, что ему сообщили изъ достовѣрныхъ источниковъ, что послѣ Великой Княгини осталось долговъ до 3-хъ миллионовъ рублей.

26 Мая 1776 г.

Великій Князь пріѣдетъ во Вторникъ на Каменный Острівъ на закладку зданія. Его путешествіе въ Берлинъ, о которомъ говорили раньше, еще не рѣшено окончательно. Быть можетъ, изъ политическихъ соображеній распускаютъ слухъ, что оно не состоится. Онъ уже позабылъ о своемъ горѣ; говорятъ, что какая-то фрейлина Императрицы сильно способствуетъ его развлеченню. Въ обществѣ вспоминаютъ о домашнихъ спектакляхъ; ф.-маршаль Голицынъ собирается построить

театръ, о томъ же поговариваются у Головиныхъ, Спиридовой и т. д. Я всюду приглашеннъ. На дняхъ въ Царскомъ Селѣ съ великимъ успѣхомъ давали „Севильскаго Цирюльника“. Спектакль этотъ намѣреваются повторить.

28 Мая 1776 г.

Обѣдалъ вмѣстѣ съ м. де-Жюинье у князя Щербатова*). Чѣмъ чаще я бываю въ этомъ домѣ, тѣмъ больше онъ мнѣ нравится. Это одна изъ немногихъ семей, гдѣ почти не придерживаются національныхъ предразсудковъ. Хозяйка дома обладаетъ большимъ умомъ и знаніемъ свѣта. Она только что взяла свою дочь изъ монастыря, гдѣ молодая дѣвушка, по ея словамъ, не пріобрѣла никакихъ полезныхъ познаній; она утверждаетъ, что недостатокъ питанія, которое тамъ ведется съ непозволительною экономіею, вредно отразился на здоровьѣ ея дочери. Умственной стороною воспитанія она тоже не имѣетъ основаній быть довольна: познанія этой молодой дѣвушки, окончившей съ золотой медалью, такъ незначительны, что родителямъ приходится обучать ее правописанію. Со временемъ, мы узнаемъ обо всемъ этомъ болѣе подробно. Эти дѣвицы, пріученные къ скрытничеству, не любятъ высказывать своихъ мыслей и умалчиваютъ о томъ, чтѣ онѣ видѣли, въ продолженіе двухъ лѣтъ. Всѣ ихъ жалобы блѣднѣютъ передъ множествомъ доставляемыхъ имъ развлечений, но очарованіе мало-по-малу разсѣвается: онѣ не боятся болѣе г-жи Лафонъ, и ихъ уста разверзнутся, когда онѣ ее совершенно потеряютъ изъ виду. Княгиню Щербатову беспокоитъ ея вторая дочь, находящаяся въ этомъ учебномъ заведеніи. Она говоритъ, что рѣшилась помѣстить туда своихъ дѣтей, расчитывая, что они будуть подъ крылышкомъ княжны Долгорукой, сестры посланника въ Берлинѣ. Это была женщина по своимъ достоинствамъ вполнѣ соотвѣтствовавшая положенію начальницы, которое она занимала. Г-жа Лафонъ, состоявшая при ней въ качествѣ помощницы, сумѣла снискать расположеніе Бецкаго, благодаря чему княжнѣ Долгорукой было сдѣлано столько непріятностей, что она принуждена была оставить свое мѣсто, которымъ воспользовалась г-жа Лафонъ. Ты могъ бы, пожалуй, изъ всего вышеприведенного вывести заключеніе, принимая во вниманіе мнѣмый умъ Бецкаго, что эта Лафонъ очень дѣльная особа, обладающая большими познаніями. Ничуть не бывало, мой другъ. Ея главное достоинство заключается въ томъ, что она сумѣла подладиться къ Бецкому. этому пустому и глупому старику.

* Историкъ кн. Михаилъ Михайловичъ Щербатовъ, женатъ былъ на кнїжнѣ Щербатовой же Натальѣ Ивановнѣ. Изъ семерыхъ дочерей у нихъ старшая кн. Ирина (р. 1757) за Матв. Григ. Спиридовымъ. II. Б.

всегда больше заботившемуся о своихъ личныхъ выгодахъ, чѣмъ о благѣ другихъ. Я не берусь судить обѣ этой Лафонѣ; по ея происхожденію, она, какъ говорять, дочь здѣшняго виноторговца, и не думаю, чтобы полученное ею воспитаніе могло бы заставить позабыть о ея прежнемъ положеніи. Всѣ поголовно утверждаютъ, что это женщина безъ всякихъ правилъ и образованія, чтѣ я могу удостовѣрить, такъ какъ читалъ ея наставленія выпускнымъ воспитанницамъ монастыря, составленныя въ видѣ совѣтовъ и житейскихъ правилъ. Они грѣшатъ какъ правильностью изложенія, такъ и беспочвенностью; написаны вообще плохо, слогъ оставляетъ желать многаго, изобилуютъ ошибками. Можетъ быть, послѣднія можно отнести къ небрежности перепишицъ; но это опять таки сильно свидѣтельствуетъ противъ воспитанія дѣвушекъ, такъ нерадиво относящихся даже къ тѣмъ предметамъ, которые должны предстать на судѣ публики. Я запасся такой тетрадкою, велю се переписать со всѣми ея погрѣшностями, и ты убѣдишься наглядно въ незаслуженности преувеличенныхъ похвалъ этимъ учрежденіямъ и основателямъ ихъ.

30 Мая 1776 г.

Сегодня у меня былъ г. де Жильяръ. Онъ не долюбливаетъ Рибаса иувѣряетъ, что сей послѣдній ввелъ въ Кадетскомъ Корпусѣ сократическую любовь, съ ея отвратительными послѣствіями. Минъ это кажется неправдоподобнымъ.

31 Мая 1776 г.

Одинъ изъ Салтыковыхъ былъ долженъ нѣкоему купцу Демаресту извѣстную сумму денегъ. По истеченіи всѣхъ сроковъ уплаты и всевозможныхъ отлагательствъ, Демарестъ отправляется лично къ Салтыкову съ убѣдительной просьбою обѣ отдачѣ денегъ. Послѣдній заявляетъ, что онъ ему рѣшительно ничего не долженъ и направляетъ его къ своему опекуну. Демарестъ продолжаетъ настаивать и когда Салтыковъ стала грозить, что прикажетъ спустить его съ лѣстницы, купецъ замѣчаетъ: „Фи, господинъ графъ! Прилично ли Салтыкову прибѣгать къ такому способу расплаты съ долгами?“ На это Салтыковъ велитъ своимъ людямъ схватить его и избить до крови. До сихъ поръ несчастный купецъ не можетъ оправиться и принужденъ оставаться въ постели, и полиція не вмѣшивается въ это дѣло. Другой Салтыковъ, по имени Сергѣй, будучи долженъ 4000 р. Французскому купцу Годену, живущему уже 25 лѣтъ въ Россіи и пользующемуся извѣстностью вполнѣ честного человѣка, предложилъ ему взять въ уплату, вмѣсто денегъ, вексель нѣкой г-жи Грибоѣдовой въ 10,000 р., съ тѣмъ, чтобы недостающіе 6000 р. онъ дополнить товаромъ. Годенъ принимаетъ

вексель г-жи Грибоѣдовой, которая обязывается лично съ нимъ расчитаться, при чёмъ онъ условливается возвратить 4000 р. драгоценными вещами и 2000 р. наличными. На томъ и порѣшили. По прошествіи 1-2 мѣсяцевъ, Годена требуетъ къ себѣ начальникъ полиціи Архаровъ, чтобы распросить о подробностяхъ этого дѣла и, безъ всякаго предварительного слѣдствія, приказываетъ заключить его въ оковы и бросить въ тюрьму, гдѣ онъ находится съ второго Февраля и по сей день. Господину де-Жюинье обѣщаютъ освободить этого человѣка, но пока еще ничего въ этомъ направленіи не предпринято. Вотъ тебѣ, другъ мой, образецъ правосудія въ этой странѣ и честности должностниковъ, съ которыми приходится имѣть дѣло купцамъ.

2 Июня 1776 г.

Графъ Шереметевъ обѣдалъ вчера у м-за де-Жюинье. Онъ наговорилъ мнѣ много любезностей и упрекалъ меня въ томъ, что мы рѣдко видимся. Я очень тронутъ, какъ и слѣдуетъ быть, изъявленіемъ его дружескихъ ко мнѣ отношеній, но тѣмъ не менѣе не могу быть его другомъ. Это обстоятельство навело меня на нѣкоторое размышеніе. Я чутокъ къ похвалѣ, какъ и всѣ люди, часто поддаюсь ея соблазну: но не всѣмъ дано воздѣйствовать на меня этими путемъ и снискать мое расположеніе. Общая молва гласитъ про графа Шереметева, что онъ благонравный молодой человѣкъ, т. е. безъ кричащихъ недостатковъ. Въ Москвѣ Пюи-Сегюръ былъ отъ него въ восторгѣ. Г. Жюинье и я раздѣляемъ его мнѣніе, и пока я его еще не измѣнилъ. Шереметевъ Русскій, не отличающійся умомъ; путешествія не оказали на него должнаго вліянія, богатства не даютъ ему счастья, и онъ не умѣеть имъ пользоваться. Онъ не чуждъ недовѣрчивости, которая всегда служить отличительною чертою мелкой души и слабаго умственного уровня; онъ не умѣеть ни любить, ни ненавидѣть, не разбирается въ своихъ чувствахъ и часто награждаетъ своимъ расположениемъ угодниковъ и слугъ. Въ его обращеніи и виѣшности замѣчаются какія-то невяжущіяся между собою противоположности. Любящій пышность, роскошь въ одеждѣ, экипажахъ, челяди, самъ онъ мало представителенъ, и тѣмъ же недостаткомъ грѣшилъ строй его дома. Курьеры возвѣщаютъ его приближеніе, но въ рѣдкомъ домѣ можно встрѣтить эту блестящую свиту съ такимъ представителемъ. Графъ выѣзжаетъ мало, дома скучаетъ и у себя принимаетъ только людей, въ материальномъ отношеніи отъ него зависящихъ, надъ которыми онъ властуетъ. По манерамъ его нельзя принять за Русскаго, по складу ума за Француза; однако онъ горячій поклонникъ всего Французскаго, кромѣ самихъ Французовъ и дорожить собственной національностью, по скольку онъ

къ ней принадлежить. Этотъ человѣкъ съ своимъ богатствомъ долженъ бы занять первое мѣсто въ государствѣ; имѣй онъ болѣе тонкій умъ, чуткое сердце и мыслящую голову, онъ покорилъ бы сердца всѣхъ женщинъ, властвовалъ надъ мушинами, внушалъ бы должнаю острастку кому слѣдуетъ и пользовался бы общему любовью и уваженiemъ*).

Я ъездилъ кататься съ г. Комбомъ въ Екатерингофъ. Было большое стечениe публики, много экипажей и толпы народа. Эти порабощенные мужики составляютъ рѣзкую противоположность съ просвѣщенною частью населенія. Съ одной стороны вы видите роскошь, напоминающую вамъ Парижъ, людей сроднившихся съ этой столицей, ихъ богатства; съ другой толпы грубыхъ крестьянъ одновременно пляшущихъ и распѣвающихъ въ одинъ голосъ любимую ямщицу пѣсню. Просвѣщеніе съ одной стороны и грубое невѣжество съ другой всегда поражаютъ иностранца: получается впечатлѣніе, что два отдельныхъ народа, двѣ различныя націи населяютъ эту страну, и вы сразу какъ бы переноситесь и въ XIV-ое и въ XVIII столѣтія. Покатавшись немнога, мы гуляли въ Лѣтнемъ салу, а затѣмъ отправились къ графинѣ Головиной, гдѣ встрѣтили Трубецкую. Послѣ ужина я гулялъ по набережной и захватилъ съ собою Пошэ, служащаго въ Кадетскомъ Корпусѣ съ окладомъ 600 р. въ годъ. На немъ лежитъ распорядительная часть увеселеній; онъ повторяетъ съ дѣтьми роли комедій, въ которыхъ они участвуютъ. Пошэ пріѣхалъ сюда въ качествѣ купца, но онъ не могъ побороть своей страсти къ театру, всегда отвлекавшей его отъ торговыхъ занятій; въ этомъ и лежитъ разгадка его настоящаго положенія. Его поступленіе почти совпадаетъ съ поступленіемъ Рибаса, и въ началѣ они близко сошлись. Рибасъ хотѣлъ воспользоваться Пошэ, чтобы быть освѣдомлену относительно того что дѣлается, Пошэ отказался, чтѣ послужило поводомъ къ натянутости ихъ отношеній, и Пошэ думаетъ уже обѣ отставкѣ. Ему предлагаютъ мѣсто въ Москвѣ съ окладомъ въ 1000 рублей на полномъ содержаніи, т. е. квартиру, освѣщеніе, отопленіе, столъ и иногда экипажъ, во главѣ общества, которое собирается отдавать помѣщенія подъ увеселительныя собранія. Пошэ съ большой похвалой отзываетъ о Щербатовыхъ, и я вполнѣ раздѣляю его мнѣніе. Онъ сообщилъ мнѣ причину душевнаго разстройства несчастной княгини, т. к. она дѣйствительно была помѣшана. У нихъ гостилъ одинъ изъ ея родственниковъ, князь Прозоровскій, съ

*) Сіи послѣднія подобаютъ графу Николаю Петровичу Шереметеву и до нынѣ: почти все имена лицъ, изображенныхъ Корберономъ, поглощены волною забвенія, а имя графа И. П. Шереметева уже второе столѣтіе признательно поминается и благословляется множествомъ людей, благодаря его Страннопріимному Дому въ Москвѣ. П. Є.

успѣхомъ дѣйствовавшій противъ Пугачева. Этотъ человѣкъ, необыкновенно любезный, обладалъ столькими преимуществами въ сравненіи съ ея супругомъ, что она не сумѣла отнести къ нимъ равнодушно и потеряла душевное равновѣсіе. Она старалась подавить опасную страсть, разсудокъ ея помрачился, пылкое воображеніе увлекло ее слишкомъ далеко, въ результатѣ умопомѣшательство. Она осталась честной, но душевно-больной. Многія женщины на ея мѣстѣ рисовались бы своимъ цѣломудріемъ.

Мнѣ сообщали, что горничная покойной Великой Княгини была отпущена, получивъ, въ награду отъ Императрицы двѣ тысячи рублей и нѣсколько вещей изъ ея гардероба; доктора же, невѣжество и недобросовѣстность которыхъ были причиной смерти милѣйшей изъ женщинъ, были вознаграждены десятю тысячами рублей.

3 Июня 1776 г.

Сегодня у меня былъ графъ де-Брюль. Мы говорили о его дѣлахъ, которыя совсѣмъ не подвигаются. Ему совѣтуютъ побывать у князя Орлова, который просилъ передать ему, что онъ былъ бы очень радъ видѣть его у себя. Но де-Брюль уже слышалъ о фрейлинѣ Зиновьевой и опасается, какъ бы князь Орловъ не предложилъ ему на ней жениться. Тебѣ уже известно, что эта фрейлина, племянница князя, имѣеть отъ него ребенка. Онъ назначилъ ей 100,000 р. наличными деньгами и на такую же сумму брилліантовъ; вся загвоздка въ томъ, чтобы подыскать для нея мужа, но въ расчеты де-Брюля совсѣмъ не входитъ брать на себя эту роль. Кажется, было бы очень желательно, чтобъ онъ поступилъ на Русскую службу. Я его отговариваю отъ этого шага. Все это сильно осложнится, если сюда вмѣшается князь Орловъ.

4 Июня 1776 г. Альбертина де-Бемерь.

Ужиналь сегодня у той самой госпожи Спиридовой, которая внушиаетъ столько опасеній на мой счетъ вашей сестрѣ; ея беспокойство совершенно напрасно. Нѣтъ никакихъ основаній предполагать, что я поддамся ея чарамъ. Спиридова мила, но слишкомъ легкомысленна, съ претензіями на вполнѣ зрѣлый умъ. Ея красивое лицо и граціозная фигура представляли бы дѣйствительную опасность, еслибы она обладала болѣшимъ образованіемъ и болѣе устойчивымъ умомъ. Мы бесѣдовали съ нею о поэзіи, литературѣ, книгахъ легкаго содержанія и т. п. Она занимается теперь переводомъ съ Русскаго на Французскій поэмы Геснера „Потопъ“, написанной первоначально на Нѣмецкомъ языкѣ.

5 Июня 1776 г. Къ брату.

Здѣсь графъ Нессельроде, бывшій на службѣ у Прусскаго короля и состоявшій съ нимъ, а затѣмъ съ Дармштадтскимъ ландграфомъ, въ

очень близкихъ отношеніяхъ. Онъ пріѣхалъ сюда, расчитывая быть зачисленнымъ въ штатъ Великой Княгини, которая какъ разъ въ это время скончалась. Предполагаютъ, что онъ желаетъ поступить на Русскую службу. Это человѣкъ большого ума, разговорчивый и острумный; безподобны его остроты на Пруссаго короля. Я видѣлъ его портретъ въ профиль, сдѣланній перомъ и, говорятъ, очень удачный. Если онъ мнѣ попадется, я вытравлю его острой водкою. Графъ Нессельроде долженъ передать мнѣ письмо Вольтера къ Пруссскому королю.

7 Июня 1776 г.

Отъѣздъ Великаго Князя и принца Іенриха въ Берлинъ все еще назначается на 21-е число. По мнѣнію нѣкоторыхъ, въ послѣднюю минуту, подъ предлогомъ нездоровья Великаго Князя, путешествіе будетъ отложено, хотя по этому поводу уже сдѣланы всѣ необходимыя распоряженія не только на почтовыхъ трактахъ, но и относительно лошадей. Великій Князь, кромѣ кареты, въ которой побѣдетъ самъ, будетъ имѣть двѣ слѣдомъ и шесть придворныхъ каретъ.

8 Июня 1776 г.

Вчера въ Царскомъ Селѣ состоялось бракосочетаніе господина Рибаса*) съ дѣвицею Анастасіей, камеристкой Императрицы. Оба обѣдали вмѣстѣ съ Великимъ Княземъ при Дворѣ и получили отъ него подарки. Этотъ Рибасъ Неаполитанецъ, ловкій, какъ и всѣ его соотечественники. Я уже говорилъ тебѣ, какъ хитро онъ сумѣлъ провести г. Бецкаго и получить управлѣніе Кадетскимъ Корпусомъ. Этотъ бракъ является для него очень выгоднымъ. Ея Императорское Величество даетъ ему 10,000 р. и 15,000 его женѣ, бывшей нѣкогда любовницей Бецкаго, и этотъ тупоумный старикъ, выдавая ее замужъ, дарить ей отъ тридцати до сорока тысяч рублей, домъ и т. п. Вотъ, другъ, какъ здѣсь составляются состоянія! Рибасъ пріѣхалъ въ Россію ни съ чѣмъ, но при извѣстной изворотливости и гибкости въ этой странѣ можно достичь многого. Этотъ человѣкъ обладаетъ безусловными дарованіями; но его можно кое въ чемъ упрекнуть, что ему, конечно не помѣшаетъ, какъ бы ни были обоснованы эти упреки, получить мѣсто директора Корпуса. Я тебѣ часто говорилъ о его дружбѣ съ Нормандѣцомъ; думаю, что она основана на хитрости одного и глупости другаго. Рибасъ желаетъ держаться графа де-Ласси и сойти за Испанца, принимаетъ Нормандеца, который, въ свою очередь, надѣется получить отъ него нужная свѣдѣнія и поддержку, тогда какъ Итальянецъ внутренно насмѣхается надъ нимъ.

*) Рибасъ—предокъ свѣтлѣйшей княгини Юрьевской. И. Б.

9 Июня 1776 г.

Бракъ Рибаса надѣлалъ много шуму. Фельдмаршалъ Румянцевъ провожалъ къ вѣнцу жениха, а Императрица дѣвицу Анастасію. Дидеро сумѣлъ должнымъ образомъ воспѣть въ Парижѣ доказательство благоволенія, что вызвало нескрываемую досаду со стороны Русскихъ и недоумѣніе болѣе разсудительныхъ людей. Но Дидеро хорошо знаетъ, что дѣлаетъ: ему нужно поддерживать изданіе „Энциклопедія“, и онъ надѣется, что казна Императрицы придетъ ему въ данномъ случаѣ на помощь. Говорилъ-ли я тебѣ, упоминая о дѣвицѣ Анастасіи, что она получила образованіе? Ее воспитывала, по порученію одного вельможи, ла-Клеренсъ, отказавшаяся помѣстить ее на сцену, благодаря ея небезупречной нравственности. Какъ могла она, дочь кучера и бѣдной женщины, прозябающей въ какомъ-то углу въ домѣ Бецкаго, расчитывать на то, что сулитъ ей теперь судьба? Только колесо фортуны, которое вертится тутъ скорѣе, нежели гдѣ бы то ни было, могло создать подобное положеніе Рибасу и его женѣ.

Штелинъ— секретарь Академіи; почему-то я составилъ себѣ о немъ лучшее представленіе, которое совершенно утратилось, когда я его увидѣлъ. Онъ сынъ камердинера, даже, быть можетъ, когда нибудь и самъ занималъ эту должность; теперь онъ состоить президентомъ Петербургскаго Экономического Общества. Онъ предложилъ мнѣ вступить въ число членовъ; я не далъ ему ни утвердительного, ни отрицательного отвѣта: хочу раньше узнать, какъ поставлено это дѣло.

Встрѣтилъ на Набережной госпожу Зиновьеву съ принцессою Грузіи. Князь Орловъ подошелъ къ дверцѣ ея кареты и объявилъ, что онъ влюбленъ въ одну изъ воспитанницъ Монастыря, въ одну изъ бѣлыхъ, которая только что вышли, добавилъ онъ. Онъ гулялъ со многими изъ нихъ въ Лѣтнемъ саду. Мнѣ не нравится, другъ мой, тонъ празднаго волокиты, принятый этимъ княземъ. Его шутливые пріемы слишкомъ противорѣчать представительности, которой онъ долженъ бы держаться, послѣ той отвѣтственной роли, которую игралъ въ своей странѣ и на которую онъ еще расчитываетъ въ будущемъ. Наши вельможи имѣютъ совсѣмъ другую осанку; они, быть можетъ, и не больше Русскихъ отдаются своимъ дѣламъ, во всякомъ случаѣ не меныше Русскихъ любятъ женщинъ; но при всемъ томъ они не производятъ впечатлѣнія своей неяужности. Говорять, что Орловъ выбралъ четырехъ воспитанницъ изъ Монастыря для своихъ личныхъ удовольствій, что кажется вполнѣ обычнымъ явленіемъ въ Россіи.

10 Июня 1776 г.

Оказывается, что г.г. Бецкій и Минихъ провожали молодую чету Рибасовъ въ церковь, а не фельдмаршалъ Румянцевъ, какъ я это раньше предполагалъ. Всѣ утверждаютъ, что дѣвица Анастасія—дочь Бецкаго.

Бѣдный Рожерсонъ, врачъ Императрицы, опасно боленъ гнилой лихорадкою и, быть можетъ, воспаленiemъ мозга. Сегодня вечеромъ ему совсѣмъ плохо. Мнѣ было бы очень жаль, еслибы съ нимъ приключилось несчастie: онъ пользуется доброю славою, какъ врачъ, любимъ и уважаемъ всѣми; въ тридцать лѣтъ передъ нимъ открывается блестящая будущность. Я буду оплакивать въ его лицѣ умнаго и благороднаго человѣка, каковые теперь очень рѣдки. Здѣсь такъ привыкли къ ядамъ, что утверждаютъ, что Англійскій врачъ отравленъ своими собратьями. Я этому не вѣрю. Графъ Панинъ очень боленъ. Хирурги боятся за его жизнь.

11 Июня 1776 г.

Снова идутъ толки о возвращеніи гр. Андрея; утверждаютъ, что онъ писалъ изъ Ревеля В. Князю и получилъ отъ него отвѣтъ.

Ужиналь вмѣстѣ съ маркизомъ де-Жюинье у князя Щербатова. Сей послѣдній разсказывалъ, что госпожа Лафонъ сдѣлала строгій выговоръ его дочери за то, что въ домѣ ея родителей порицаютъ учебное заведеніе. Онъ написалъ по этому поводу прекрасное письмо госпожѣ Лафонѣ, которое много выиграло бы, еслибы онъ воздержался отъ крупныхъ ошибокъ правописанія. Въ тоже время я былъ пораженъ, что Щербатовъ, ведущій свой родъ отъ владѣтельнаго Русскаго князя Игоря, почтительно величаетъ г-жу Лафонъ „превосходительствомъ“. Впрочемъ эта загадка разрѣшается очень просто: у него въ Монастырѣ дочь, которая зависитъ отъ г-жи Лафонъ. Между прочимъ, говорятъ, что г-жа Лафонъ не особенно дорожитъ своимъ мѣстомъ и что Рибасъ, который ея не долюбливаетъ, всячески старается повредить ей и поднять ее на смѣхъ.

16 Июня 1776 г.

Рѣшено, что Великій Князь отправляется въ Берлинъ. Онъ уѣзжаетъ въ слѣдующую Субботу въ Ригу, гдѣ будетъ ожидать принца Генриха, который обгонитъ его въ Мемелѣ, чтобы затѣмъ вмѣстѣ съ нимъ отправиться въ Берлинъ. гдѣ Великій Князь можетъ гостить, какъ долго это будетъ угодно Прусскому королю. Едва-ли Русскіе хорошо знаютъ свои выгоды, тѣмъ не менѣе они вслухъ порицаютъ эти замыслы. Князь Орловъ также противъ; но онъ не проводить достаточно времени при Дворѣ, предпочитая водочиться за воспитанницами Мона-

стыря. Графъ Панинъ, здоровье котораго сильно пошатнулось, не посвященъ въ соображенія Двора относительно этой поѣздки Великаго Князя.

Ужиналь сегодня у князя Щербатова, который много говорить— и только! Онъ свѣдущъ въ исторіи своей страны, у него много идей и, еще больше, педантизма....

22 Июня 1776 г.

Кавалеръ де-Серестъ пояснилъ мнѣ, что нѣкто Пассекъ (кавалеръ голубой ленты, о которомъ говорили во время переворота) распустилъ слухъ, будто-бы я очень остеръ на языкѣ и что нужно остеграться, чтобы не попасть мнѣ на зубокъ. Но это еще не все. Княгиня *), которая воздаетъ мнѣ должное, ничего не подозрѣваетъ о злословіи, которое мнѣ приписываютъ. Говорять, что въ одномъ мужскомъ обществѣ, въ отвѣтъ на подшучиванія надъ княгинею и моими предполагаемыми чувствами къ ней, я не только началъ всячески восхвалять ее, но и утверждать, что люблю ее, и что она моя любовница. Видишь, дорогой другъ, какъ низко здѣсь клевещутъ и какъ просто это дѣлается, разъ даже я, не принесшій никому зла, могъ стать предметомъ злословія.

24 Июня 1776 г.

Князь Вяземскій, о которомъ я уже неоднократно писалъ тебѣ, представляеть собою плохую копію нашихъ несносныхъ чудаковъ. Недавно онъ устроилъ въ компаніи своихъ друзей попойку, передъ которою слабы кутежи нашихъ Французскихъ щеголей. Они изобрѣли остроумный планъ напиться допьяна, и Вяземскій далъ приказаніе не выпускать себя изъ комнаты. Тамъ былъ тоже Нелединскій, который напился, какъ извощикъ. Пошѣ изъ Кадетскаго Корпуса былъ въ числѣ присутствующихъ. Чтобы напоить и его, распорядились подносить ему только водку, но слуга-Французъ замѣнялъ ее чаемъ. Замѣтивъ, что онъ не пьянѣтъ, рѣшили насильно влиять ему въ горло пуншъ, причемъ нѣсколько человѣкъ должны были держать его. Пошѣ, выведеній изъ терпѣнія, началъ расправляться съ ними по своему, пустившись въ ходъ кулаки. Впрочемъ такое обращеніе можетъ только усилить ихъ расположение къ нему.

Пюи-Сегюръ и я отправились вмѣстѣ на дачу къ графинѣ Чернышевой (женѣ графа Ивана). Мы прибыли туда въ семь часовъ. Этаотъ уютный домъ расположенъ на нѣсколько возвышенномъ мѣстѣ, въ 13-ти верстахъ отъ города по лѣвую сторону Петергофской дороги. Самое строеніе имѣетъ красивый видъ; оно производить впечатлѣніе большого окна, освѣщаемаго сверху. Средняя комната, получающая

*) Трубецкая. П. Б.

свѣтъ сверху, напоминаетъ залу въ Марлі. Комнаты очень удачно расположены, и ихъ гораздо больше, нежели это кажется съ первого взгляда. Сада нѣть, но его вполнѣ замѣняютъ восхитительныя полевыя лужайки. Напротивъ замка проведенъ каналъ, ведущій къ довольно большому водоему, на правой сторонѣ котораго виднѣется островокъ съ расположенной на немъ прелестной постройкой, какъ бы нарочно предназначеннай для нѣжныхъ любовныхъ свиданій. Но всѣ преимущества этого дома не могутъ подавлять ощущеніе господствующей тамъ скуки; несмотря на кажущуюся свободу, чувствуешь себя связаннымъ по рукамъ и по ногамъ и подверженнымъ инквизиторскому допросу. Госпожа Чернышева начала коварно распрашивать меня о Трубецкой, дѣлая это съ особенной настойчивостью, чтобы ввести меня въ замѣшательство; я немного покраснѣлъ, что не укрылось отъ ея глазъ и заставило меня покраснѣть еще сильнѣе, чего она и добивалась. Говоря откровенно, я терпѣть не могу этой женщины.

27 Июня 1776 г.

Я уже сообщалъ тебѣ о предстоящей поѣздкѣ на дачу къ Головинымъ. По глупости извозчика, заставившаго меня проколесить цѣлыхъ два часа, я попалъ туда только въ четвертомъ часу. Тамъ собралось многочисленное общество. Воспитанницы Монастыря пріѣхали въ сопровожденіи матери и дочери Лафонъ. Первая производить впечатлѣніе очень порядочной, добродушной женщины и если эти качества могутъ вполнѣ удовлетворить поддающагося лести и не признающаго противорѣчій старика Бецкаго, то мнѣ кажется, что учебное заведеніе должно предъявлять въ этомъ отношеніи совершенно другіе запросы. Послѣ обѣда, въ двухъ залахъ, мы отправились танцевать въ садъ, гдѣ для этой цѣли въ аллѣѣ, огороженной холстомъ, настланъ полъ. Забылъ сказать тебѣ, что передъ танцами дѣвица Дунѣй разсыпалась въ похвалахъ передъ г-жей Лафонъ; это было сдѣлано очень быстро и произвело пріятное впечатлѣніе на обѣ стороны; онѣ, какъ видится, поплакали, и все это вышло довольно естественнымъ. Молодая дѣвушка усвоили себѣ довольно хорошия пріемы въ обращеніи, глаза у нихъ искрятся жаждою удовольствій и свѣтъ представляется имъ, вѣроятно, крайне соблазнительнымъ. Я танцевалъ съ дѣвицей Симоновой; она молода, хорошо сложена, черты ея лица тонки и благородны. Въ восемь часовъ всѣ онѣ разѣхались, такъ какъ, по правиламъ Монастыря, онѣ должны быть тамъ къ 9-ти. Забылъ еще сообщить тебѣ, что Лафонъ-дочь, которую я тебѣ еще не описывалъ, представляеть собою полную противоположность своей матери. Ея рѣшительное, живое лицо выражаетъ умъ и дышетъ современностью. Она пріятно поддерживаетъ

разговоръ и не поддается искательствамъ мужчинъ. Остальная часть вечера прошла въ закускахъ, прогулкахъ, танцахъ и т. п. Я бесѣдовалъ съ Нелединскою о графѣ Андрѣѣ. Она говорила о немъ съ грустью; припоминая разные его проступки. „Онъ ихъ самъ прекрасно знаетъ, добавила она; онъ совершилъ ихъ до отѣзда, и всякая другая женщина отплатила бы ему ненавистью, а я не могу безъ скорби вычеркнуть его изъ моего сердца! И еслибы это было только сожалѣніе обѣ его утратѣ, но дѣло обстоитъ много хуже“. Я не знаю, о какихъ его важныхъ проступкахъ она говорить; если они не касаются слуховъ относительно покойной Великой Княгини, то не идетъ ли здѣсь рѣчь о его склонности къ Барятинской? Нелединская отрицала первое предположеніе; второго же я самъ не могу допустить, такъ какъ она отзывалась о Барятинской, какъ о своемъ другѣ. Вообще, я не хочу болѣе затрагивать съ ней этотъ предметъ, который всегда вызываетъ у нея слезы. Чтобы отвлечь ее, я заговорилъ о путешествіяхъ. Она ожидаетъ продажи одной изъ своихъ земель, и эта операція, за уплатою ея долговъ, дастъ ей 12,000 дохода; но это будетъ только по окончаніи сдѣлки. Передъ отѣздомъ мнѣ хотѣлось оказать вниманіе матери, графинѣ Головиной, этой болѣзnenной, глухой женщинѣ лѣтъ подъ пятьдесятъ; она терпѣливо сносить свое положеніе и сопряженное съ нимъ лишеніе удовольствій. Она очень любезная хозяйка, и мнѣ хотѣлось выказать ей свою признательность занимательно для ея возраста бесѣдою.

Вчера вечеромъ, Великій Князь въ сопровожденіи фельдмаршала Румянцева выѣхалъ въ коляскѣ въ Берлинъ. У него былъ, на Прусскій манеръ, только одинъ слуга на запяткахъ кареты. Говорятъ, что онъ не будетъ торопиться, употребить двадцать четыре дня на путешествіе и четырнадцать на остановки въ разныхъ мѣстахъ.

Принцу Генриху поднесли великолѣпные подарки: табакерку, шпагу, сафировое украшеніе для одежды и шляпы, пряжки и т. п. Русскіе оцѣниваютъ все это въ 60,000 р.: но юе вѣрится, чтобы цифра была такъ высока; впрочемъ, подарки Императрицы всегда отличаются большою роскошью. Дѣлается это, конечно, изъ тщеславія. Это уже здѣсь общее правило.

30 Июня 1776 г.

Говорятъ, что съ графомъ Андреемъ Разумовскимъ, отъ котораго я сегодня получилъ письмо, случился апоплексический ударъ, искрививший ему ротъ. И это въ его годы! Будь это въ Россіи, мы приписали бы это дѣйствію яда и были бы правы. Меня беспокоитъ его

судьба; мнѣ хотѣлось бы видѣть его уже въ предѣловъ этой ужасной страны, гдѣ убийства и отравленія относятся къ разряду самыхъ обыкновенныхъ явлений *).

3 Июля 1776 г.

Наконецъ, уѣхалъ фаворитъ Потемкинъ, увѣшанный всѣми лентами Сѣвера, сопутствующими всевозможными проклятіями и осыпанный деньгами. Говорятъ, что ему дали 200,000 р. единовременно, и онъ будетъ получать шестьдесятъ или семьдесятъ пять тысячъ ежегодной пенсіи. Онъ отправляется прямо въ свою губернію.

16 Июля 1776 г.

Въ Среду былъ придворный балъ. Кто-то распустилъ слухъ, что де-Вассе—прекрасный танцоръ. Графъ Иванъ Чернышевъ сейчасъ же сообщилъ обѣ этомъ Императрицѣ, и г-на де-Вассе заставили, точно на сценѣ, протанцевать мензетъ, кадриль и аллеманъ. Тебѣ слишкомъ хорошо знакома эта мелочная и завистливая нація, чтобы ты съ твою наблюданіемъ не догадался, что было дальше. Русскіе слѣдили съ болѣшимъ вниманіемъ за танцами, чтобы имѣть возможность потомъ критиковать, что они и сдѣлали съ Чернышевымъ во главѣ. Когда де-Вассе выполнилъ свою задачу, Чернышевъ обратился къ Императрицѣ съ вопросомъ, не найдеть ли она любопытнымъ провести сравненіе между граціей Русскихъ и Французовъ; съ этой цѣлью заставили показать свое искусство графа Миниха, который, дѣйствительно, прекрасно танцуетъ. Этотъ молодой человѣкъ еще въ началѣ бала сообщилъ Ея Императорскому Величеству извѣстіе о смерти своего дяди и извинился, что не можетъ танцевать; но настойчивыя увѣщанія Чернышева и желаніе снискать себѣ славу лучшаго плясунна одержали верхъ. Минихъ началъ танцевать, и превозносившій его Чернышевъ, также, какъ и всѣ его приверженцы, не переставали повторять вслухъ: „Вотъ, что называется хорошо танцевать“. Юный побѣдитель, сияя славою, замѣтилъ окружающимъ его дамамъ: „Я отмстилъ за честь Россіи“. Встрѣчалъ ли ты гдѣ, другъ мой, подобную дерзость и самодовольство? Не думай; вѣдь ты же не живешь въ странѣ дикарей.

17 Июля 1776 г.

Ужиналь у княгини Щербатовой, которую обѣщалъ навѣстить; засталъ всю семью въ саду, занятую стряпнею кушаній. Каждый готовилъ свое блюдо; можешь себѣ представить, насколько все это

*) Это напоминаетъ про одного Француза, жившаго въ Петербургѣ въ XVIII вѣкѣ, и писавшаго, что въ Россіи случалось ему слышать, какъ на улицѣ кричали: Horrible assassinat (страшное убийство); а это было зазывное восклицаніе разнощика-рыбнаго торговца: Рыба лососина! П. Б.

было вкусно, но все смѣялись; а веселье, какъ тебѣ известно, служить лучшей приправою даже при самыхъ изысканныхъ обѣдахъ. Я узналъ имя новаго фаворита, которое занимаетъ Шарлотту, такъ какъ утверждаютъ, что Завадовскому въ скоромъ будущемъ грозить опала. Послѣднее предположеніе основываются на полученномъ имъ повышениі, и это является довольно вѣрнымъ признакомъ; его только что произвели въ генераль-майоры. Преемникомъ его называютъ Украинскаго полковника Безбородку, человѣка громаднаго роста, сильнаго и энергичнаго.... Онъ вполнѣ подходитъ къ своему назначенію.

20 Июля 1776 г.

Быть у Щербатовыхъ, где узнать о милостяхъ, дарованныхъ Императрицею флоту. Я не былъ тамъ по нездоровью и вслѣдствіе того, что тамъ не производилось движенія войскъ. Церемонія была великолѣпна и очень шумна, благодаря сильной пушечной пальбы. Ея Императорское Величество пожаловала адмиралу Грейгу Александровскую ленту и приказала распределить награды, цѣнностью въ 375 т. р.

24 Июля 1776 г.

Фавориты Орловъ, Завадовскій и Безбородко, все еще на своихъ мѣстахъ. У Завадовскаго были кое-какія непріятности, но онъ держится за князя Орлова, и это вполнѣ обезпечиваетъ его положеніе. Говорятъ, что полицмейстеръ Архаровъ пріѣзжаетъ сюда изъ Москвы, чтобы получить свою долю въ наградахъ Императрицы, которую она обѣщала ему еще въ Москвѣ. Предполагаютъ, что Брюсу грозить немилость. Все еще держатся слухи относительно князя Репнина, по поводу военнаго министерства. Онъ въ скоромъ времени прибудетъ въ Петербургъ, и тогда все это разъяснится.

Флотъ Императрицы, отправившійся маневрировать въ Финскій заливъ, долженъ вернуться къ 14-му Августа. Онъ состоить изъ пятнадцати кораблей, отъ 60 до 75 пушекъ; семь фрегатовъ и ни одной галеры. Наши офицеры съ Французскаго грузового судна не одобрили судостроенія, въ составъ котораго входить слишкомъ много ели.

4-го Августа 1776 г.

Сегодня заканчиваются Петергофскія торжества. Противъ всякаго ожиданія были танцы, безъ предварительного увѣдомленія. Мы сообщали, что поводомъ къ этому послужила помолвка Великаго Князя съ княжною Виртембергскою. Офицеръ полка Его Высочества, привезшій сегодня это извѣстіе Императрицѣ, былъ награжденъ чиномъ капитана и прелестной табакеркою.

На дняхъ я отправился съ графомъ де-Брюль, чтобы видѣть Русской флотъ на морѣ. Послѣ приема во дворцѣ, мы выѣхали вмѣстѣ въ сопровождениі одного морскаго офицера и отъ Петергофа до Кронштадта проплыли въ шлюпкѣ. Въ восемь часовъ вечера мы покинули городъ, и только около полуночи достигли мѣста назначенія. На слѣдующее утро, въ половинѣ девятаго, сѣли на парусную лодку и въ половинѣ второго увидѣли флотъ на разстоянії двадцати верстъ. Дулъ сильный боковой вѣтеръ, нѣсколько волнъ пронеслось надъ нашимъ судномъ, но я не страдалъ отъ морской болѣзни. Флотъ состоять изъ четырнадцати кораблей, семи фрегатовъ и при нихъ отъ 60 до 80 пушекъ. Адмиралъ Грейгъ, Шотландецъ, встрѣтилъ насъ на борту своего корабля: послѣ этого мы обѣдали у контрѣ-адмирала Барша, очень добродушнаго и порядочнаго Русскаго. Предполагаютъ, что его ждетъ назначеніе въ Морскую Коллегію: но онъ, повидимому, предпочитаетъ морскую службу. Почести, отдаваемыя капитанскимъ шлюпкамъ, заключаются въ музыкѣ, раздающейся съ борта корабля, при всякой встречѣ и всякому отплытии шлюпки. Если на ней самъ адмиралъ, то матросы становятся на реи и салютуютъ его криками „ура“, которые подхватываютъ гребцы и иногда даютъ залпъ. Послѣ довольно хорошаго обѣда, мы вернулись на бортъ корабля адмирала Грейга и присутствовали при двустороннихъ морскихъ маневрахъ, продолжавшихся семь минутъ, при пушечныхъ выстрѣлахъ отъ 7 до 9 разъ изъ каждого. Это зрѣлище доставило мнѣ большое удовольствіе. Приготовленія къ маневрамъ, со сраженіемъ включительно, заняли одинъ часъ времени, но не быстрота дѣйствій, а подчиненность, господствующая среди офицеровъ и необыкновенная оправтность судовъ меня привели въ восторгъ. Мы бросили якорь. Цѣлый день пили, ѿли, слышали Русскій языкъ и, наконецъ, улеглись спать. Князь Гагаринъ предложилъ внести мою кровать въ свою каюту. На слѣдующій день поднялся туманъ и помѣшиалъ намъ сняться съ якоря. Пополудни мы выѣхали въ шлюпкѣ для осмотра фрегата. Выпустили шесть двѣстифунтовыхъ бомбъ; взрывъ былъ такъ оглушителенъ, что приходилось во время полета снаряда зажимать уши, и такъ какъ я этого не сдѣлалъ, то поплатился острой болью въ лѣвомъ ухѣ. Толчекъ, произведенный взрывомъ, погрузилъ корабль почти на два фута въ море. Мы также осматривали пороховой погребъ и провели тамъ полчаса. Это самое глубокое мѣсто корабля, всегда погруженное въ море. Погребъ этотъ имѣеть видъ довольно обширной комнаты, освѣщается фонаремъ въ два фута въ квадратѣ, устроеннымъ на каменномъ возвышеніи съ изрядно толстыми стеклами иллюминатора и обнесеннымъ рѣшеткою. Въ немъ нѣсколько свѣчей, которыя зажигаются изъ отдаленной комнаты посредствомъ особой лѣстницы. Этотъ по-

роховой магазинъ вмѣщаетъ въ себѣ семьсотъ боченковъ пороха и двѣстіи пушечныхъ зарядовъ. Требуется триста боченковъ пороха для обслуживанія судна съ семидесятю четырьмя пушками въ пятьдесятъ зарядовъ. Царствуюцій порядокъ доставилъ мнѣ большое удовольствіе. Грэйгъ мнѣ рассказалъ, что въ Англійскихъ корабляхъ есть кранъ, чтобы, въ случаѣ пожара, имѣть возможность затопить погребъ водою. Послѣ ужина данъ былъ сигналъ для освѣщенія судовъ. Послѣднее производится слѣдующимъ образомъ. Выпускается бѣлая ракета съ каждого борта корабля, чтобы опредѣлить мѣсто его находженія. Предварительно были выпущены четыре ракеты, изъ которыхъ двѣ не удались; остальная взвились благополучно. Я справлялся относительно пищи матросовъ. Она состоитъ изъ овощей, мяса четыре раза въ недѣлю, въ остальные дни соленой рыбы и масла. Сухари, хотя и изъ ржаной муки, вкусны; я ихъ пробовалъ. Кроме того каждый матросъ получаетъ ежедневно по чаркѣ водки. Одежда матроса съ головы до ногъ казенная, жалованье восемь рублей въ годъ, но деньги ему и не нужны. Въ Среду мы поѣстили капитановъ на ихъ судахъ, при чемъ выслушали много любезностей, запили ихъ виномъ, ликерами, закусили солониной. Такимъ образомъ, проглотивъ пять завтраковъ, въ заключеніе мы еще пообѣдали. Я уѣхалъ въ шлюпкѣ безъ г. Брюля, онъ остался.

10 Августа 1776 г.

Сегодня, мой другъ, Фальконѣ пришелъ навѣстить меня и поговорить со мною относительно Помеля, который напечаталъ свои записки въ Энциклопедическомъ Журналѣ. Фальконѣ, занятый въ настоящее время своимъ трудомъ, намѣревается, какъ только онъ будетъ свободенъ, отвѣтить на нихъ формальнымъ публичнымъ объясненіемъ.

11 Августа 1776 г.

По дорогѣ домой зашелъ пожелать спокойной ночи де-Жюинье. Онъ сообщилъ мнѣ о начавшихся въ Португаліи волненіяхъ. Португальцы набросились на Испанскія владѣнія и затѣяли тамъ рѣзню. Ходятъ также слухи о мятеежѣ въ Польскомъ сеймѣ. Русскій офицеръ, командовавшій отрядомъ, былъ раненъ: Полякъ, виновникъ распри, самъ сдѣлался ея жертвою, павъ отъ ружейнаго выстрѣла, но передъ смертью онъ просилъ прощенія у офицера, сознавшись, что онъ былъ главнымъ зacinщикомъ беспорядковъ. Нѣкоторые предполагаютъ, что въ это дѣло замѣшанъ Браницкій, принадлежацій, какъ и графъ Огинскій, къ числу недовольныхъ.

13 Августа 1776 г.

Писалъ-ли я тебѣ, о пріемѣ, какой сдѣлала Императрица князю Барятинскому¹⁾? Монархия, увидѣвъ его, замѣтила: „Боже мой, господинъ Барятинскій, я надѣялась увидать васъ совершенно оперившимся²⁾: вѣдь вы возвратились изъ Парижа, и отъ васъ распространяется его благоуханіе“. Очень странно, что знаменитая Екатерина II, такъ воспѣваемая въ Европѣ, подвержена подобнымъ слабостямъ: Парижъ ее заботить, ей не нравится, если туда путешествуютъ, и восторгъ, вызываемый этимъ городомъ, оскорбляетъ ее. Князь Орловъ вполнѣ согласенъ съ нею; онъ настѣнѣ не любить и недавно на придворномъ обѣдѣ, онъ утверждалъ, какъ ему смѣшно, что въ Россіи говорять по французски и изучаютъ этотъ языкъ, на что князь Щербатовъ, передавшій мнѣ это, замѣтилъ, что не мѣшаетъ быть благодарну своей кормилицѣ.

14 Августа 1776 г.

Читалъ рѣчъ г. Формея, произнесенную имъ въ Берлинской Академіи въ присутствіи Великаго Князя и фельдмаршала Румянцева. Она представляетъ собою сплетеніе пошлости, общихъ мѣсть и низости. Говорить, что Формей потерялъ въ этотъ день сына, и Прусскій король просилъ его отложить на сутки погребеніе; но Великій Князь далъ ему знать, что онъ можетъ удѣлить только нѣсколько минутъ Академіи, и это сильно сократило краснорѣчіе оратора, благодаря чему рѣчь имѣеть достоинство быть сильно сжатою. Въ концѣ ея говорится о союзѣ обоихъ дворовъ, Пруссаго и Императорскаго, и о дружбѣ ихъ Государей. Великій Князь взялъ руку принца Генриха, пожалъ ее; они поцѣловались, давая другъ другу клятву твердой и неизмѣнной вѣрности. Говорить, что Прусскій король, бесѣдуя съ фельдмаршаломъ Румянцевымъ и генераломъ Лентулусомъ, замѣтилъ сему послѣднему, что Румянцевъ на него похожъ. Лентулусъ подвердилъ это сходство. Румянцевъ возразилъ, что онъ былъ бы очень польщенъ имѣть въ нравственномъ отношеніи сходство съ такимъ достойнымъ и рѣдкимъ человѣкомъ. „О, вамъ тутъ нечего желать, замѣтилъ Прусскій король, такъ какъ вы сами представляете собою образецъ такого“.

20 Августа 1776 г.

Поговариваютъ обѣ отставкѣ госпожи Лафонъ, въ виду того, что Императрицѣ, черезъ находящуюся при ней барышню, сдѣлалось известно все, что происходит въ стѣнахъ Монастыря. Утверждаютъ, что и Бецкій съ своей стороны обидѣлся и тоже оставилъ бы службу,

¹⁾ Князю Ивану Сергеевичу, посланнику въ Парижѣ. П. Б.

²⁾ Je croyais vous voir tout empêtré.

еслибъ домашніе не удержали его отъ этого шага. Я, тѣмъ не менѣе, питалъ надежду, что обѣ Лафонъ будуть удалены ради блага учебнаго заведенія. Говорятъ, что мать на этомъ мѣстѣ хорошо набила себѣ карманъ, расплачиваясь каждые восемнадцать мѣсяцевъ годовыми доходами Монастыря, достигающими, какъ говорятъ, суммы 50000 р., проценты съ которой, считая по двѣнадцати на сто, составляли круглую цифру 18,000 въ годъ. Дочь тоже ничего не стѣдѣть; она родила ребенка въ монастырѣ, чтѣ сдѣлалось известно многимъ ученицамъ: сестра ея умерла тамъ же, устроивъ себѣ выкидыши. Вся эта семейка, какъ видишъ, представляетъ не очень поучительный примѣръ для молодежи.

29 Августа 1776 г.

Говориль-ли я тебѣ, что Великій Князь прибылъ сюда, или, по меньшей мѣрѣ, въ Царское Село, въ Воскресеніе вечеромъ? Ему очень понравился Берлинъ, гдѣ онъ вызвалъ недовольство своею скучностью. Все въ этомъ отношеніи было имъ дѣлано съ необычайной скордностью. Рассказываютъ о подаркѣ въ сорокъ червонцевъ бургграфу, или управляющему загородной дачею принца Генриха, гдѣ онъ провелъ нѣсколько дней. Съ этимъ, вполнѣ порядочнымъ человѣкомъ, Его Высочество обращался, какъ съ плохо оплачиваемымъ Русскимъ лакеемъ. Охрана совсѣмъ ничего не получила и т. п. Я совсѣмъ не понимаю въ данномъ случаѣ Императрицы, которая такъ любить чтобы обращали вниманіе на ея щедрость и пышность. Нѣкоторые подозрѣваютъ, что Салтыковъ, гофмейстеръ Великаго Князя, похитилъ и уменьшилъ число нѣкоторыхъ подарковъ въ свою пользу; но это довольно неправдоподобно, хотя и вѣрно, что этотъ Салтыковъ человѣкъ дурной. Всѣ эти извѣстія мнѣ сообщили изъ Берлина.

Забылъ сказать, что по словамъ Пошэ. Рибасу и его женѣ пришлось на много умѣрить свои притязанія. Послѣдняя предполагала занять мѣсто госпожи Лафонъ, а онъ питалъ надежду замѣнить собою генерала Пурпуры *). Но сей послѣдній имѣетъ поддержку въ лицѣ князя Голицына и особенно князя Орлова. Господинъ де-Вераѣ рекомендовалъ мнѣ черезъ Гальярда молодого человѣка, по фамиліи Кюсси, желающаго получить мѣсто при Кадетскомъ Корпусѣ или при какомъ-нибудь Русскомъ вельможѣ. Мѣста преподавателей Кадетскаго Корпуса очень хороши; они оплачиваются окладомъ 500—600 рублей въ годъ, но они очень рѣдки. Также сомнѣваюсь, чтобы для него возможно было найти должность секретаря.

*) Это лѣдь писателя П. А. Катенина. И. С.

30 Августа 1776 г.

Г. де-Жюинье показалъ мнѣ сегодня письмо, написанное имъ графу Штакельбергу по поводу очень щекотливаго дѣла. Принцессы Франціи по смерти Польскаго короля получили по завѣщанію заложенную землю, которая находится теперь въ чертѣ владѣній Императрицы, согласно раздѣлу, котораго мы не признаемъ. Это завѣщанное имъ имущество онъ передали Іезуитамъ въ пользу устройства народныхъ школъ; но съ тѣхъ поръ, какъ Поляки завладѣли имуществомъ этого ордена, принцессы, видя, что ихъ пожертвованіе не достигаетъ своего назначенія, пожелали получить его обратно, чтобы употребить на учрежденія покойной Французской королевы, и г-ну де-Жюинье поручено это трудное и крайне щекотливое дѣло. Откровенно говоря, я подозрѣваю здѣсь ловушку, подставленную г-ну де-Жюинье, такъ какъ сомнѣваюсь, что ему удалось выиграть дѣло, которое можетъ даже казаться смѣшнымъ. принимая во вниманіе бѣдственное положеніе Польши.

31 Августа 1776 г.

Отобѣдавъ у графини Головиной, мы отправились на смотръ пѣхотнаго полка, состоящаго подъ начальствомъ одного изъ бывшихъ адъютантовъ фельдмаршала Чернышева. Говорятъ, что это одинъ изъ лучшихъ полковъ; онъ состоить изъ 1.080 чел. Мнѣ не нравится ихъ манера маршировать; они невѣроятно высоко поднимаютъ ногу и не прижимаютъ локтей, чтѣ въ концѣ концовъ, за отсутствіемъ точки опоры, производить впечатлѣніе колебанія фронта. Они дѣлали карре; это ихъ любимый маневръ, къ которому они прибѣгали во время войны съ Турками.

2 Сентября 1776 г.

Я выѣхалъ въ четыре часа, чтобы отправиться къ Головинамъ. но на полпути встрѣтился съ графомъ Степаномъ*), и мы вмѣстѣ возвратились въ Петербургъ, съ цѣлью посмотретьъ ученье стрѣлковъ Преображенскаго гвардейскаго полка, полковникомъ котораго состоитъ Императрица, а Алексѣй Орловъ и Потемкинъ подполковниками. Это ученье доставило мнѣ большое удовольствіе. Стрѣлки молоды, ловки и стройны. Форма ихъ состоить изъ зеленої куртки, такого же цвета брюкъ, сапогъ и кожаной фуражки на манеръ какъ у нашихъ Англійскихъ охотничихъ. Имъ дается ружье, замѣняющее для нихъ штыкъ. Начальство надъ стрѣлками поручено молодому Теплову, благодаря его

*) Вѣроятно тутъ описка и графомъ названъ князь Степанъ Борисовичъ Куракинъ. И. Б.

матери, въ которой кто-то изъ полка принимаетъ близкое участіе. Этотъ молодой человѣкъ еще не очень опытенъ: но какъ ему приходится имѣть дѣло съ хорошо обученными людьми, то оно подвигается само собою. Производилось двухстороннее ученье, такъ какъ это обычна глубина ихъ строя; нѣкоторые маневры они дѣлали бѣгомъ, смѣшиваясь и возвращаясь съ необычайной быстротою на свои мѣста. До Теплова этой ротой командовалъ одинъ капитанъ, имя которого я постараюсь узнать, и ему принадлежитъ честь этого прекраснаго обучения. Фельдмаршаль Румянцевъ имѣлъ намѣреніе въ началѣ войны соединить въ одинъ корпусъ всѣхъ стрѣлковъ арміи. У нихъ одинаковая форма; эполеты служатъ единственнымъ отличиемъ полковъ, къ которымъ они принадлежать.

3 Сентября 1776 г.

Господинъ де-Жюинье и я присутствовали на великолѣпномъ обѣдѣ у г-на Ремберта, лучшаго здѣшняго Французскаго негоціанта, который придерживается самыхъ честныхъ взглядовъ на торговлю. Тамъ же были князь Лобковичъ и графъ Чернышевъ. Послѣ обѣда я отправился на смотръ маневровъ полка князя Вяземскаго, который довольно плохо справился съ своей задачею.

5 Сентября 1776 г.

Послѣ ужина произошла маленькая стычка между мною и Альбертиной по поводу ея любимцевъ, братьевъ Визиныхъ*). Одинъ изъ нихъ довольно образованъ, но ошибочно мнить себя большимъ умомъ; второй, помоложе, не такъ ученъ, но обладаетъ болѣе привлекательною, хотя грубой и невыразительной наружностью, страшно изнѣженъ, беспеченъ, какъ султанъ и имѣеть твердо, впрочемъ свойственное этой странѣ, убѣжденіе въ достоинствахъ подобныхъ качествъ. Оба они грубые фаты, довольно дурного тона, которые были бы на своихъ мѣстахъ, одинъ въ храмѣ Фемиды, а другой въ провинциальнѣмъ гаремѣ.

12 Сентября 1776 г.

Вчера прѣѣхала принцесса Виртембергская. Войдя къ Императрицѣ, она бросилась къ ея ногамъ. Благодаря тому, что заперли дверь, окончаніе этого зрѣлища было скрыто отъ глазъ любопытныхъ. Императрица, повидимому, осталась вполнѣ довольна. Обратясь къ Нелединскому, она спросила его мнѣнія по этому поводу. Онъ ей отвѣчалъ, можетъ быть, и вполнѣ искренно, такъ какъ долженъ былъ это сдѣлать. Между прочимъ, онъ разсказалъ намъ, что принцесса высокаго роста, хорошо сложена, обладаетъ пріятной наружностью и велико-

*) Т. е. Фонвизиныхъ? П. Б.

лѣпнѣйшимъ цвѣтомъ лица, руки и ноги ея необычайно красивы. Великій Князь долженъ былъ встрѣтить ее въ Ямбургѣ; но онъ отправился дальше и, не доѣзжая четырехъ верстъ до Нарвы, оставилъ свою карету и пошелъ пѣшкомъ на встрѣчу принцессѣ. Черезъ нѣсколько секундъ показался всадникъ, который, замѣтивъ Великаго Князя, сей-часъ же повернулъ лошадь къ каретамъ принцессы Виртембергской, впереди которыхъ онъ ѿхалъ. Какъ только принцессы завидѣла Великаго Князя, она хотѣла открыть дверцу и выскочить изъ кареты; ее удержала госпожа Румянцева; карету остановили, и принцессы сошла, чтобы поздороваться съ Великимъ Княземъ, который сѣлъ къ ней; такъ они доѣхали до послѣдней остановки передъ Петербургомъ. Всѣ эти подробности я узналъ отъ г. Нелединского, сопровождавшаго сюда принцессу Виртембергскую.

15 Сентября 1776 г.

Много говорять о будущей Великой Княгинѣ. Утверждаютъ, что она очень любезна, предупредительна, кротка и обходительна. Гувернантка очень хвалитъ ея характеръ. Она очень мило приняла всѣхъ представлявшихся ей и каждому сказала нѣсколько словъ. Она слегка коверкаетъ русскій языкъ, но говорить, что скоро изучить его вполнѣ *). Утверждаютъ, что она не обладаетъ привлекательной наружностью; она высока, полна, у нея довольно хорошій цвѣтъ лица, но увѣряютъ, что у нея испорченные зубы.

17 Сентября 1776 г.

Сегодня я зашелъ къ Рослѣну, живописцу. Онъ показалъ мнѣ набросокъ портрета Княжны Виртембергской, начатый имъ нѣсколько дней тому назадъ въ Царскомъ Селѣ. Лицо ея не характерное и не выразительное, но свѣжее и круглое. Только въ семь часовъ она и Императрица прїѣхали въ театръ при пушечной пальбѣ изъ Адмиралтейства. Этотъ обычай пальбы при выѣздѣ и возвращеніи въ городъ царской фамилии, введенный Елизаветою, былъ отмѣненъ Екатериною: но на этотъ разъ возобновленъ, въ честь княжны Виртембергской. Присутствіе ея привлекло въ театръ массу публики. Давали „Нанону“ порусски. Я не услышалъ ни аплодисментовъ, ни сдержаннаго шопота, этого безмолвнаго одобренія, которое намъ такъ понятно; но, любезный братъ, здѣсь все иначе, и Французы вѣроятно единственный народъ въ мірѣ, умѣющій любить своихъ монарховъ, проявляя это чувство открыто, весело и иногда даже шумно.

*) До конца жизни говорила порусски не свободно и съ ошибками. П. Б.

19 Сентября 1776 г.

Нынче день представлениа Великой Княжнѣ. Мы собрались въ болыпомъ залѣ, гдѣ принимала супруга ландграфа Дармштадтскаго *). Присутствовали дипломатическій корпусъ и нѣкоторые изъ придворныхъ. Около половины шестаго состоялся выходъ принцессы Виртембергской съ Великимъ Княземъ; впередъ шла супруга фельдмаршала Румянцева, на которой лежала обязанность представлениа. Поочередно подходили къ ея свѣтлости, дѣлали глубокій реверансъ, не цѣлюя руки; г-жа Румянцева называла фамиліи, принцесса отвѣчала на поклонъ. По окончаніи представлениа все общество послѣдовало на галлерею, и тамъ состоялись танцы. Г-ну де-Жюинье не довелось въ этотъ день бесѣдоватъ съ Императрицею, и онъ продолжалъ стоять. Ему предложили протанцоватъ съ ея свѣтлостью, но такъ какъ это было сдѣлано уже послѣ того, какъ съ нею танцевали главнокомандующіе, то онъ отказался, говоря, что, къ его большему сожалѣнію, онъ танцевать не въ силахъ. Это обстоятельство не ускользнуло отъ вниманія Императрицы, и она бесѣдовала съ нимъ по этому поводу, но и ей онъ далъ тотъ же благоразумный, осторожный и прямой отвѣтъ.

20 Сентября 1776 г.

Я не хотѣлъ высказать тебѣ своего личнаго мнѣнія относительно Великаго Князя, съ которымъ имѣлъ случай встрѣтиться только одинъ разъ, четыре мѣсяца тому назадъ. Слѣдуетъ быть осторожнымъ со своими впечатлѣніями другихъ лицъ. Повидимому, имъ недовольны вообще. Его Берлинское путешествіе, судя по всему, еще усилило его самомнѣніе; за его неестественные манеры, дѣланый видъ и смѣшные, мнимо граціозные пріемы ея прозвали провинціальнымъ франтомъ. Все это еще обострилось послѣ путешествія въ Пруссію. Я присутствовалъ при его выходѣ изъ его покоевъ, и невольно вспомнилась мнѣ комедія „Криспенъ, соперникъ своего господина“ и сцена слуги изъ „Счастливаго Человѣка“, переодѣвшагося въ платье послѣдняго и подражавшаго его манерамъ и осанкѣ. Принцесса не отличается ни красотой, ни миловидностью; но она естественна и проста въ обращеніи, и ей уже вмѣняютъ въ преступленіе ея негибкій умъ и слабохарактерность, противоположность отличительнымъ чертамъ его первой супруги; но въ желаніи стушеваться она проявляетъ наибольшее благоразуміе, такъ какъ при ней не только свекровь, но еще свекровь коронованная. У насъ новоприбывшій г-нъ Гrimmъ. Мнѣнія на его счетъ расходятся: одни предполагаютъ въ немъ болѣе хитрости, нежели

*) Ошибка: ландграфини Дармштадтской тогда уже не было въ живыхъ. П. Б.

ума; другие считаютъ его болтуномъ, что болѣе соотвѣтствуетъ его виѣшнему виду.

22 Сентября 1776 г.

Такъ какъ я сегодня былъ дома, то, послѣ обѣда, ко мнѣ заѣхалъ графъ Нессельроде. Мы бесѣдовали о различныхъ предметахъ, обѣ отставкѣ графа Лобковича, которому весною придется покинуть здѣшнюю страну. Князь Кауницъ, находящійся теперь въ Берлинѣ, очень умный и любезный человѣкъ, считается его замѣстителемъ. Говоря о дѣлахъ графа де-Брюля и о добрыхъ намѣреніяхъ князя Орлова, я ему передалъ о распространившихъ слухахъ про предполагаемую поѣздку этого Русскаго во Францію съ Зиновьевой. Нессельроде мнѣ сообщилъ, что Орловъ всецѣло подпалъ подъ вліяніе этой фрейлины, думаетъ жениться на ней, и если бы, не взирая на неодобрение Императрицы, этотъ бракъ состоялся, то, скрывая куда именно, онъ немедленно уѣхалъ бы со своимъ сокровищемъ. Не объясняетъ ли это причины упорнаго желанія Потемкина остаться при Дворѣ въ то время, когда желаютъ его удалить? На паденіи Орлова онъ, можетъ быть, воздвигаетъ надежды возвращенія прежней милости. Съ виду онъ необычайно спокоенъ и даже дерзокъ, что въ этой странѣ служить и сознаніемъ успѣха. Вотъ примѣръ: въ Пятницу онъ посыпаетъ слугу изъ Военной Коллегіи сообщить старшимъ офицерамъ, что онъ ихъ ждетъ къ двѣнадцати часамъ дня. Въ назначенный часъ всѣ съѣжаются, не застаютъ его дома и узнаютъ, что онъ обѣдаетъ у графа Панина, гдѣ играетъ въ висть. Отъ Панина онъ ёдетъ во дворецъ и оттуда отправляетъ вѣстового, т. е. простого солдата, имъ сказать, что они могутъ ёхать домой, такъ какъ для представленія Ея Императорскому Высочеству уже поздно. Офицеры ждали этого представленія и, одинъ Богъ вѣдаетъ, когда еще имъ представится подобный случай.

25 Сентября 1776 г.

Сегодня состоялись отреченіе принцессы Виртембергской отъ лютеранской вѣры и переходъ ея въ Греческую. Въ назначенный часъ, т. е. къ десяти, г-нъ де-Жюинье и я поѣхали во дворецъ. Черезъ пол-часа Императрица послѣдовала въ часовню въ сопровожденіи Великаго Князя, ведшаго подъ руки принцессу Виртембергскую. Она была вся въ бѣломъ. Отпечатокъ глубокой грусти лежалъ на ея лицѣ, которое безъ румянъ казалось необыкновенно блѣднымъ. Мы вошли въ часовню со всѣми придворными, но за множествомъ народа я не могъ разсмотрѣть церемоніи, которая прошла очень стройно. Принцесса, хорошо

*) Гrimmъ былъ почти ежедневно приглашаемъ къ обѣденному столу Государыни (Камерфурьерскій Журналъ). П. Б.

выговаривая, прочла на Русскомъ языкѣ Символъ Вѣры. Изъ древней формулы были выпущены нѣкоторыя унизительныя обрядности, какъ напримѣръ, отреченіе отъ родителей, вступленіе въ часовню кающеся съ погасшимъ свѣтильникомъ и т. п. Императрица сама показала ей, какъ покланяются святынямъ, нѣсколько разъ падая передъ иконами: вѣдь наша Екатерина безподобная лицедѣйка! Она святоша, нѣжная, гордая, величественная, любезная; но въ душѣ она—вѣрна себѣ и преслѣдуєтъ исключительно личные интересы, не пренебрегая никакими средствами для ихъ достижениѧ. Я покинулъ дворецъ измученный и умирающій отъ голода. Нельзя похвалиться обѣдомъ, которымъ настѣ угостили г-нъ Жюинье, хотя гостей было много. Между прочимъ былъ г-нъ Гриммъ, котораго такъ расхвалилъ мой министръ, но который мнѣ не показался интереснымъ. Его манеры простоваты; слышать онъ за болтуна, а я съ этимъ согласенъ.

30 Сентября 1776 г.

Государыня съ презрѣніемъ относится ко всему Французскому и, само собою разумѣется, всѣ раздѣляютъ ея мнѣніе. Я уже не разъ описывалъ тебѣ ея характеръ. Она безпримѣрно непостоянна, легко-мысленна по природѣ, всегда прикрывается маской мягкосердечія. Вообще, во всемъ государствѣ нѣть лицедѣйки болѣе искусной, какъ Екатерина II-ая. Я уже тебѣ передовалъ нѣкоторыя черты, вполнѣ ее характеризующія; прибавлю еще одну для полнаго освѣщенія. При отѣздѣ графа Орлова на конгрессъ въ Бухарестъ, Императрица выразила самое глубокое сожалѣніе по поводу предстоявшей разлуки. За день, или наканунѣ его отправленія,ѣхавши въ Царское Село въ каретѣ съ графиней Румянцевой, г-жей де-Брюсь и Зиновьевой, она надрывалась отъ слезъ и беспокойства. На слѣдующій день она удалилась въ свои покой и приняла только графиню де-Брюсь; на третій день жаловалась на колики, на четвертый было повтореніе того же, на пятый она вышла вполнѣ цвѣтущею, въ отмѣнно хорошемъ расположениѣ духа, на шестой уже не упоминала объ Орловѣ, и Васильчиковъ былъ произведенъ въ ея фавориты. Такова всѣми воспѣваемая монархиня; непостоянство отражается на ея характерѣ; поддающаяся впечатлѣніямъ минуты, она перестаетъ быть послѣдовательною и всецѣло подчиняется силѣ своихъ увлеченій. Она менѣе вѣроломна нежели легкомысленна и непостоянна, твердо и неудержимо преслѣдуєтъ только двѣ цѣли—удовольствія и удовлетвореніе своего самолюбія.

Понедѣльникъ, 7-го Октября 1776 г.

Съ началомъ пушечного сигнала прибыли мы изъ первыхъ съ маркизомъ Жюинье ко Двору. Постепенно прибывали дамы, разукра-

шенные какъ иконы и залитыя брилліантами. Надо, другъ мой, пріѣхать въ Петербургъ, чтобы видѣть это обиліе драгоцѣнностей. Часть спустя появилась Государыня въ сопровожденіи ихъ императорскихъ высочествъ; мы поспѣшили проскользнуть передъ ними, чтобы занять въ церкви не очень плохое мѣсто. Духовенство вышло имъ навстрѣчу и когда они приблизились къ амвону, Государыня взяла за руку великаго князя и великую княжну и подвела ихъ къ аналою. Тутъ я пересталъ что либо видѣть, потому что баронъ Юбенъ, настоящій великанъ, совершенно заслонилъ меня, а такъ какъ было жарко и тѣсно, то я уѣхалъ; но со словъ художника Рослена, видѣвшаго всю церемонію, я тебѣ разскажу, въ чемъ она состояла. Оба супруга приблизились къ аналою, возлѣ котораго совершалось богослуженіе. Князь Орловъ держалъ вѣнецъ надъ великимъ княземъ, а Бецкій надъ великой княжною. Въ такомъ положеніи молодые трижды обошли вокругъ аналоя въ сопровожденіи Орлова и Бецкаго, которыхъ эта процедура должна была сильно утомить. Князь часто мѣнялъ руку, старецъ Бецкій держалъ вѣнецъ все время одною, но она дрожала, какъ листъ. Остальное было уже не интересно. Ты меня спросишь, почему для этой церемоніи въ пару къ князю Орлову избрали Бецкаго. А это потому, что незаконнорожденные обыкновенно счастливы.

Вторникъ 8-го Октября.

Графъ Сольмсъ, повидимому, не особенно доволенъ назначеніемъ Домашнева въ Берлинъ; онъ, хотя и камергеръ, но все же, говорятъ, сынъ кучера.

Князь Потемкинъ вчера подвергся оскорбительной выходкѣ со стороны князя Орлова, который взялъ его за руку и отодвинулъ, чтобы очистить себѣ дорогу и приблизиться къ Государынѣ, когда та послѣ фейерверка покидала галлерею. Недавно пожалованный князь смолчалъ, но съ досады грызъ ногти.

Одна изъ прихотей Государыни—собаки. У нея ихъ цѣлая дюжина, причемъ одна лучше другой. Когда она выходитъ къ обѣду, одна изъ нихъ всегда слѣдуетъ за нею. Въ столовой стоитъ кресло, предназначенное для Государыни, но въ которое она однако, не садится: его занимаетъ собака. Пажъ разстилаетъ на креслѣ носовой платокъ или прикрываетъ имъ отъ мухъ нѣжно любимое животное, и эта обязанность доставляетъ ему занятіе въ зависимости отъ различныхъ фантазій собачки, которая бѣгаєтъ куда и сколько ей угодно. Вчера прошло одно изъ этихъ привилегированныхъ животныхъ, и его искали по городу всю ночь. Лакей Кашеловъ былъ проворнѣе остальныхъ и получилъ за труды сто рублей.

Среда 9-го Октября.

Межу нами сказать, другъ мой, я думаю, что Великій Князь будетъ посредственнымъ государемъ. У него мало благородства въ душѣ, еще меньше философіи въ головѣ и много мелочности въ поступкахъ. Вотъ новое тому доказательство, которое можешь прибавить къ прежнимъ.

Вчера вечеромъ на раутѣ, послѣ ухода Государыни, онъ остался съ супругою; ихъ окружили. Во время разговора его съ Брюлемъ, маркизъ Жюинье, проходя сзади, нечаянно толкнулъ его. Великій князь ничего не сказалъ; Брюль сдѣлалъ знакъ маркизу, и тотъ отодвинулся, но такъ какъ его императорское высочество въ разговорѣ сильно размахиваетъ руками, а люди, окружавшіе его, передвигались, то Жюинье толкнулъ его второй разъ и даже третій. Тогда Великій князь, прерывая разговорѣ, сказалъ по нѣмецки графу Брюлю: „Ну, это ужъ слишкомъ!“ и, попятившись на два шага, ударили локтемъ маркиза Жюине; затѣмъ, повернувшись, сталъ усиленно извиняться передъ нимъ. Онъ вновь приблизился къ графу Брюлю и сказалъ ему опять по нѣмецки: „Вы замѣтили?“ Брюль отвѣчалъ: „Ваше высочество, вы не можете думать, что это было сдѣлано умышленно“. — „О, отвѣчалъ Великій Князь, не дѣлають три раза подрядъ чего либо безъ умысла; но за то вы видѣли, чтѣ я сдѣлалъ!“ Вотъ будущій преемникъ Екатерины II и Петра I-го!

Четвергъ 10-го Октября.

Передъ дворцомъ находится очень большая площадь, на которой можетъ помѣститься до 30.000 человѣкъ. Посреди этой площади былъ воздвигнутъ помостъ изъ бревенъ съ нѣсколькими ступенями. На него кладутъ жаренаго быка, покрытаго краснымъ сукномъ, изъ подъ кото-раго виднѣются голова и рога животнаго. Народъ стоитъ вокругъ, сдерживаемый въ своемъ прожорливомъ нетерпѣніи чинами полиціи, которые, съ хлыстами въ рукахъ, обуздываютъ его горячность. Это напоминаетъ нашихъ охотничихъ собакъ, ожидающихъ своей доли оленя, котораго загнали и разрубаютъ на части, прежде чѣмъ выкинуть имъ. На этой же площади, направо и налево отъ помоста, бываютъ фонтаны, имѣющіе форму вазъ; изъ нихъ льются вино и квасъ.

При первомъ выстрѣлѣ изъ пушки всѣ настораживаются, но только послѣ второго выстрѣла полиція отходитъ въ сторону, и весь этотъ дикий народъ кидается впередъ; въ это мгновеніе онъ производилъ впечатлѣніе варваровъ и скотовъ. Помимо прожорливости здѣсь было и другое побужденіе: предлагалось схватить быка за рога и

оторвать ему голову; тому же, кто принесет голову во дворец, обещано было сто рублей награды за ловкость и силу. И сколько желавших одержать эту победу! Люди опрокидывают, увячивают, топчать друга друга, и все хотят быть причастными этой славы. Триста несчастных тащили съ криками свой отвратительный трофей, от которого каждый рвалъ куски, и обещанные сто рублей были подълены между ними.

Пятница 11-го Октября.

Есть два неудобства службы въ Россіи: законъ Петра I, который понижаетъ на одну ступень чинъ каждого иностранца, прѣзжавшаго на службу въ Россію, и ужасающая отдаленность тѣхъ мѣстъ, где предлагается служить. Признавая первое условіе, великий князь замѣтилъ, что второе не будетъ имѣть мѣста по отношенію къ Брюлю и что если онъ желаетъ привлечь его на службу, то лишь для того, чтобы удержать его близъ себя. Все это очень лестно; но какъ вѣрить обѣщаніямъ принца, у которого нѣтъ ни характера, ни выдержки и который своими поступками опровергаетъ сегодня то, что дѣлалъ вчера? Горячая дружба, которую онъ питалъ къ Разумовскому и внезапное охлажденіе должны отпугнуть каждого, идущаго тѣмъ же путемъ. Разумовскій, говорять, не безгрѣшень по отношенію къ его супругѣ, но можно ли быть увѣреннымъ въ виновности великой княгини? Мнѣ, дѣйствительно рассказывали, что однажды, во время прогулки верхомъ великий князь сказалъ князю Гагарину: „Ступайте къ великой княгинѣ и не отходите отъ нея“. Къ ней же онъ послалъ и Николаи, и оба они, по приказу, отправились къ великой княгинѣ, которую застали наединѣ съ Разумовскимъ. Великая княгиня сказала, что не нуждается въ нихъ, но такъ какъ они все-таки, согласно приказу Великаго Князя, настаивали на своемъ, она отошла къ окну и продолжала бесѣду съ Разумовскимъ шепотомъ. Тогда они прошли въ сосѣднюю комнату. Вернувшись съ прогулки и увидавъ Великую Княгиню одну съ Разумовскимъ, Великий Князь спросилъ Гагарина и Николаи, почему они ушли? Выслушавъ объясненіе, онъ сказалъ: „А все же надо было остаться, какъ я вѣсь просилъ; у меня на это были свои причины“. Что же это доказываетъ? Что Великий Князь подозрителенъ, но по его характеру такъ и должно быть. Вообще я совсѣмъ не знаю, было ли что нибудь между Великой Княгиней и Разумовскимъ. Впрочемъ Великая Княгиня обладала достаточной ловкостью и властью надъ супругомъ, чтобы заставить его поступать согласно ея волѣ. Говорятъ, будто она знала объ одномъ заговорѣ, исходящемъ отъ Великаго Князя и что эта осведомленность была сильнымъ ору-

жемъ въ ея рукахъ. Ее самою обвиняли въ томъ же, и она была способна на это; но прибавляли, что если бы она взялась за осуществлѣніе заговора, то воспользовалась бы успѣхомъ сама, не дѣлясь съ Великимъ Княземъ. Князь Вальдекъ, говоря съ княземъ Ангальтскимъ о Великой Княгинѣ, сказалъ: „Ужъ если эта не устроитъ переворота, то никто его не сдѣлаетъ“.

Суббота, 12-го Октября.

Я провелъ около двухъ часовъ съ маленькимъ Голицынымъ, и мы разговаривали о разныхъ вещахъ. Упомянули о Домашневѣ; онъ сынъ незначительного писателя, а не кучера, должность, которую можно отодвинуть къ его дѣду. Какого бы происхожденія онъ ни былъ, онъ обладаетъ, какъ увѣрялъ меня князь Голицынъ, умомъ, знаніями и слыветъ довольно хорошимъ поэтомъ.

Вторникъ, 22-го Октября.

Снова заговорили о женитьбѣ князя Орлова на Зиновьевой, которая будто бы, беременна. Такъ какъ она состоить съ княземъ въ родствѣ, а въ этомъ случаѣ самъ Синодъ не можетъ дать разрѣшенія на бракъ, то, по слухамъ, будутъ вызваны свидѣтели, которые присягнутъ, что Зиновьевы не приходится дочерью, ни своему отцу, ни своей матери.

Среда, 23-го Октября.

Государыня похожа на покойнаго Людовика XV-го: она любить исторіи и сплетни, касающіяся частныхъ лицъ. Ей известны все интриги въ городѣ, и меня увѣряли, что на почтѣ имѣется особая книга для различнаго рода выдержекъ изъ писемъ, такъ или иначе касающихся ея. Въ послѣднюю Пятницу въ театрѣ я замѣтилъ, что Государыня внимательно разглядывала меня, когда я подошелъ подъ ся ложу и разговаривалъ съ Трубецкою и съ Бемерами. Шарлотта передавала мнѣ, что каждый разъ, какъ я обращался къ ней, она замѣчала взглядъ Государыни, наблюдавшій за нами обоими.

Четвергъ 19-го Декабря.

Склонные ко всемъ порокамъ, вызваннымъ роскошью, развращенные раньше, чѣмъ успѣли пройти различныя ступени зрѣлости, Русскіе походять на плоды зеленые, но уже гнилые, безъ сочности и сладости, и которые никогда не смогутъ пріобрѣсти надлежащаго вкуса. Не почва въ этомъ виновата: Россія хранилище кладовъ; не плохъ и садовникъ: Екатерина II, не будучи тѣмъ, чѣмъ ей хотѣлось бы прослыть въ

газетахъ, на самомъ дѣлѣ не плохая правительница; но она женщина въполномъ смыслѣ слова, не имѣющая никакого понятія объ умозрѣніи, всѣ поступки ея отмѣчены печатью самолюбія; ей пріятнѣе царить въ Европѣ со скоропреходящей славою, нежели безъ тщеславія прочно царствовать на благо своей родинѣ. Существуетъ, быть можетъ, лишь одинъ почти невыполнимый способъ вызвать къ жизни у этой націи тотъ зародышъ величія, который таится въ ея нѣдрахъ: слѣдовало бы удалить грядущее поколѣніе отъ настоящаго, чтобы уберечь его отъ язвы, разъѣдающей послѣднєе. Когда совершилось бы это спасительное удаленіе и нація вернулась бы къ своей первобытной и естественной простотѣ, тогда два или три послѣдовательныхъ правителя-философа могли бы постепенно довести ее до совершенства, не торопясь, безъ рѣзкихъ переворотовъ, безъ насильственныхъ и противныхъ ея природѣ пріемовъ. Необходимо также, чтобы эти правители, взятые изъ самой націи, имѣли неоспоримыя права на занимаемый ими тронъ, а не убийствами и заточеніями достигли его и чтобы власть ихъ, опирающаяся на справедливость, была уважаема и любима тѣми, кѣмъ они будутъ править.

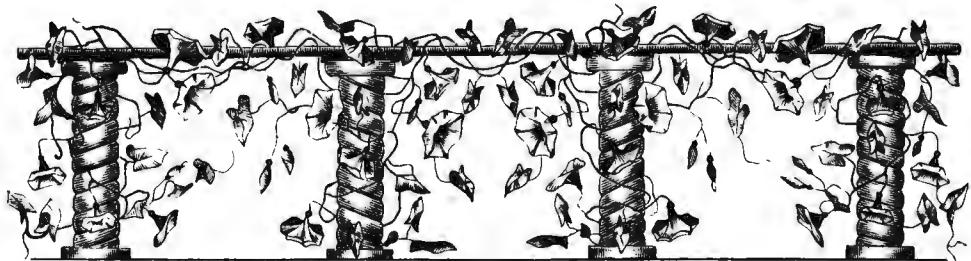
Понедѣльникъ 30-го Декабря.

Почти мѣсяцъ всѣ три любимца были немногого въ опалѣ: князь Орловъ за то, что говорять о его бракѣ съ Зиновьевой, въ которую онъ по прежнему влюблень и на которой хочетъ жениться; Завадовскій—потому что были слишкомъ заинтересованы получениемъ отпуска Пиктэ, о чёмъ сожалѣютъ съ тѣхъ поръ, какъ сей послѣдній, по слухамъ, устроился во Франціи. Меня даже увѣряли, что Воронцовъ не получилъ мѣста именно потому, что интересовался судбою Пиктэ. Потемкинъ, подвергшійся одной участіи съ своими двумя сотоварищами, вышелъ изъ положенія съ выгодою для себя. Говорить, въ настоящее время онъ поставленъ прекрасно, а въ ближайшемъ будущемъ ему будетъ оказана крупная милость. Это очень умный человѣкъ, обладающій тѣмъ лукавымъ умомъ, который такъ необходимъ при Дворѣ. Ты знаешь, что онъ родился въ бѣдности, но онъ предугадалъ свою судьбу и прямо сказалъ Государынѣ, что если онъ захочетъ быть любимъ ею, то достигнетъ своего; ты видишь, онъ былъ правъ. Этотъ разговоръ мнѣ передавала Зиновьевна, слышавшая его въ свою очередь отъ самого Потемкина въ присутствіи Парижскихъ Строгоновыхъ, Барятинскихъ, Загряжскихъ и пр., къ кружку которыхъ принадлежалъ Потемкинъ до своего возвышенія (впослѣдствіи же, за свой коварный и злой нравъ, былъ ими отстраненъ).

Дѣла графа Брюля, повидимому,двигаются впередъ. Отъ имени Государыни Великій Князь предложилъ ему въ супруги дѣвицу Левшину или Алымову съ правомъ принять или отказаться отъ предложенія. Этимъ правомъ онъ и воспользовался по отношенію къ первой, и я одобрилъ его. Въ Левшиной мало ума, еще меньше характера, и она, повидимому, надѣла Государынѣ, желающей отъ нея отдѣлаться; это обстоятельство дѣлаетъ, конечно, отказать затруднительнымъ. Алымова совсѣмъ въ другомъ родѣ и кромѣ того нравится графу; такъ какъ она любима Великимъ Княземъ и Великой Княгинею, при которыхъ состоять, то первый заинтересованъ ея замужествомъ. Въ этомъ случаѣ Брюль сохранилъ бы на Русской службѣ свой чинъ генераль-лейтенанта и даже судя по тому, что говорилъ ему Великій Князь, могъ бы стать его церемоніймейстеромъ вместо Салтыкова, которому былъ порученъ общій надзоръ надо всѣмъ. Вотъ, что сказалъ мнѣ самъ Брюль, и я бы желалъ этого.

(Окончаніе будетъ).

Дополнение къ статьѣ о бракѣ Екатерины Великой съ Потемкинымъ¹⁾.

(„Русский Архивъ“ 1906, вып. 7-ой).

I.

П. С. Бутягинъ²⁾ Цесаревичу Константину Павловичу.

С.И.Бургъ 27-го Апрѣля 1829 года.

Помѣта карандашомъ: „манускриптъ остался у Е. И. В. Цесаревича“.

Ваше Императорское Высочество.

Движимый чувствами глубочайшей признательности къ высокому покровительству В. И. В., священнѣйшимъ долгомъ поставляю поднести Вамъ манускриптъ императрицы Екатерины II, подъ заглавiemъ „чисто-сердечная исповѣдь“, который, по особенному порученію блаженныя памяти Г. И. Александра Павловича, пріобрѣтенъ мною за границею.

Повергаясь съ дѣтьми моими къ стопамъ Вашимъ, есмь съ благоговѣніемъ В. И. В. вѣрный Павель Бутягинъ.

¹⁾ Изъ бумагъ Н. К. Шильдера. И. Б.

²⁾ О Бутягинѣ см. въ разслѣдованіи С. М. Горяннова „Елизавета Ивановна Бутягина“ въ 10-мъ вып. „Русскаго Архива“ 1909 г. Бутягинъ добытъ изъ кабинета Людовика XVIII тайный договоръ его съ Англіею и Австріею противъ Россіи и привезъ эту бумагу въ Вѣну императору Александру. Видно, что, разошедшись съ женою, онъ продолжалъ заниматься тайными дѣлами и получилъ доступъ къ Цесаревичу Константину. Откуда онъ добытъ Екатеринскую „Чистосердечную исповѣдь“? Не была ли она выкрадена у графини А. В. Браницкой, въ то время (1819) пріѣзжавшей во Францію на свадьбу своей дочери съ гр. М. С. Воронцовыми. Ея дядя Потемкинъ умеръ на ея рукахъ, она была свидѣтельницею его брака съ Екатериною и хранила о томъ запись, которую графъ Александръ Гр. Строгановъ кинулъ въ море, по порученію княгини Елизаветы Ксаверьевны Воронцовой. И. Б.

II.

Цесаревичъ Константи́нъ Павловичъ Бутяги́ну.

Павель Степановичъ!

При письмѣ вашемъ отъ 27-го прошедшаго Апрѣля получилъ я манускрипть императрицы Екатерины II-ой¹), который вы по особому порученію блаженныея памяти Г. И. Александра Павловича пріобрѣли за границей, за доставленіе коего весьма васъ благодарю.

Опасаясь, чтобы вы не почли вопроса моего, который я намѣренъ вамъ сдѣлать, нескромнымъ любопытствомъ, но желая знать: гдѣ именно за границею, отъ кого и какимъ образомъ пріобрѣли вы вышеописанный манускрипть, я прошу васъ сообщить мнѣ о семъ свѣдѣніе, которое, увѣряю васъ, сохранится въ тайнѣ между нами²).

При семъ случаѣ прошу васъ принять увѣреніе въ моемъ къ вамъ расположеніи.

Помѣта: „10 Мая 1829 г. Варшава“.

III.

З а п и с к а Ж и л л я.

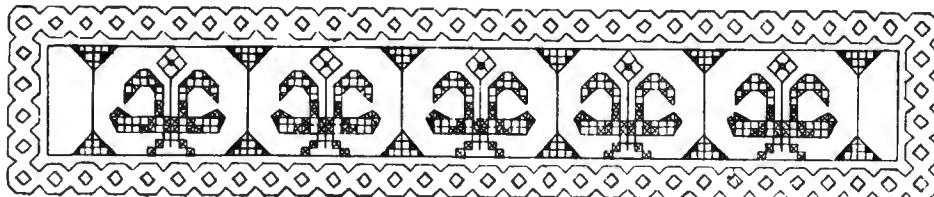
Ce couvert renferme la copie d'une lettre écrite de l'Impératrice Catherine II à Potemkine, copie que Sa Majesté l'Empereur m'a remise le 1-^e Décembre 1841 pour être déposé à l'armoire secrète du cabinet d'Anitshkoff.
Gille.

Переводъ. Этотъ конвертъ содержитъ въ себѣ копію письма императрицы Екатерины II-ой къ Потемкину. Переданъ мнѣ Его Императорскимъ Величествомъ 1-го Декабря 1841 г., чтобы положить его въ секретный шкафъ въ Аничковскомъ кабинетѣ. Жилль.

¹) Манускрипть носиль заглавіе: „Чистосердечная исповѣдь“.

²) Отвѣта отъ Бутягина мы не имѣемъ. Оба внука Екатерины, вѣроятно, знали о неоглашенному бракѣ ея съ Потемкинымъ. И. Б.

ЧИСТОСЕРДЕЧНАЯ ИСПОВѢДЬ.

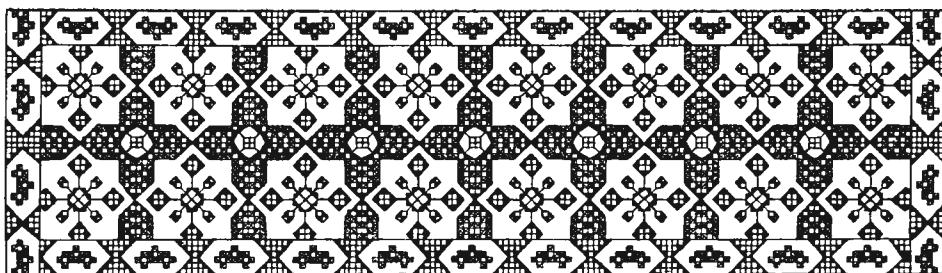
Марья Чоглокова, видя, что черезъ девять мѣсяцевъ обстоятельства остались тѣ же, каковы были до свадьбы, и бывъ отъ покойной Государыни часто бранена, что не старается ихъ перемѣнить, не нашла иного къ тому способа, какъ обѣимъ сторонамъ сдѣлать предложеніе, чтобы выбрали по своей волѣ изъ тѣхъ, кого она на мысли имѣла. Съ одной стороны выбрали вдову Гротъ, которая пынѣ за артиллеріи генераль-поручика Миллера, а съ другой Сергѣя Салтыкова, и сего болѣе по видимой его склонности и по договору мамы, которую въ томъ наставляла великая нужда и надобность. По прошествіи двухъ лѣтъ Сергѣя Салтыкова послали посланникомъ, ибо онъ себя нескромно велъ, а Марья Чоглокова у большого двора уже не была въ силѣ его удержать. По прошествіи года и великой скорби прїѣхалъ нынѣшній король Польскій, котораго отнюдь не примѣтили; но добрые люди заставили пустыми подозрѣніями догадаться, что онъ на свѣтѣ, что глаза были отмѣнной красоты и что онъ ихъ обращалъ, хотя такъ близорукъ, что далѣе носа не видѣть. чаще на одну сторону нежели на другія. Сей былъ любезенъ и любимъ отъ 1755 до 1761; но (по) тригодишной отлучкѣ, то есть отъ 1758 и старательству князя Григорія Григорьевича, котораго паки добрые люди заставили примѣтить, перемѣнили образъ мысли. Сей бы вѣкъ остался, есть-либъ самъ не скучалъ. Я же узнала въ самый день его отѣзда на конгрессъ изъ Села Царскаго, и просто сдѣлала заключеніе, что, о томъ узнавъ, уже довѣрки имѣть не могу, мысль, которая жестоко меня мучила и заставила изъ дешперациіи выборъ кое-какой, во время котораго и даже до нынѣшняго мѣсяца я болѣе грустила нежели сказать могу, и никогда болѣе, какъ тогда, когда другіе люди бываютъ довольные, и всякое приласканье во мнѣ слезы возбуждало, такъ что я думаю, что отъ рожденія资料 of my own я столько не плакала, какъ сіи полтора года. Съ начала я думала, что привыкну, но что далѣе, то хуже; ибо съ другой стороны мѣсяцы по три дутыся стали, и признаться надоно, что ни-

когда довольнѣе не была, какъ когда осердится и въ покоѣ оставитъ, а ласки его мнѣ плакать принуждали. Потомъ пріѣхалъ нѣкто богатырь. Сей богатырь по заслугамъ своимъ и во всегдашней ласкѣ прелестенъ былъ, такъ что слыша о его пріѣздѣ уже говорить стали, что ему тутъ поселиться, а того не знали, что мы письмечкомъ сюда призвали непримѣтно его, однакоже съ такимъ внутреннимъ намѣреніемъ, чтобы не вовсе слѣпо по пріѣздѣ его поступать, но разобрать, есть ли въ немъ склонность, о которой мнѣ Брюсша сказывала, что давно многіе подозрѣвали, то есть та, которой я желаю, чтобы онъ имѣлъ.

Ну, господинъ богатырь, послѣ сей исповѣди, могу ли я надѣяться получить отпущеніе грѣховъ своихъ? Изволите видѣть, что не пятнадцать, но третья доля изъ сихъ. Перваго по неволѣ, да четвертаго изъ дешпераций. Я думала, на счетъ легкомыслія поставить никакъ не можно, а трехъ прочихъ, если точно разберешь, Богъ видѣтъ, что не отъ разстройства, къ которой никакой склонности не имѣю, а есть либо я въ участь получила съ мѣлода мужа, котораго бы любить могла, я бы вѣчно къ нему не перемѣнилась. Бѣда та, что сердце мое не хочетъ быть ни на часъ охотно безъ любви. Сказываютъ, такой пороки людскіе покрыть стараются, будто сіе происходитъ отъ добросердечія, но статья можетъ, что подобное диспозиція сердца болѣе есть порокъ нежели добродѣтель. Но напрасно я сіе къ тебѣ пишу, ибо послѣ того возлюбиши или не захочешь въ арміюѣ хать, боясь, чтобы я тебя позабыла; но право не думаю, чтобы такое глупость сдѣлала, а есть ли хочешь на вѣкъ мнѣ къ себѣ привлекать, то покажи мнѣ столько дружбы какъ и любви, а наипаче люби и говори правду.

Изъ бумагъ Н. К. Шиллера. Напечатано въ XII-мъ томѣ Академическаго изданія Сочиненій Екатерины Второй.

Д В А О Б Е Л И С К А.

Въ послѣдній прїездъ графа Петра Борисовича Шереметева въ Петербургъ съ депутацией отъ Московскаго дворянства, послѣ первыхъ дворянскихъ выборовъ въ 1782 году, онъ велъ оживленную переписку съ остававшеюся въ Москвѣ воспитанницей его жены, Калмычкою Анной Николаевной*). 26 Декабря 1782 г. онъ писалъ ей:

„Въ Четвергъ у меня обѣдать будетъ сестра Ланского, моя крестница, которая меня столько любить и ласкаеть, хотя бы дочь родная. И братъ ея очень ласкается ко мнѣ и помнить и знать всѣ милости батюшкины къ дому ихъ“.

На это Калмычка отвѣтаетъ:

„Что же касается Ланского сестры. оное для васъ, я думаю, пріятно, что она столь къ вамъ ласкова, и притомъ это имъ обоимъ, что они такъ помнить милости батюшки вашего къ ихъ фамиліи“.

Петръ Борисовичъ былъ очень огорченъ, когда узналъ о кончинѣ Александра Дмитріевича Ланского. Вотъ его порученіе къ Петербургскому „управителю“ Петру Александрову.

„Сходить отъ меня къ Елизаветѣ Дмитріевнѣ Кушелевой, къ сестрѣ А. Д. Ланского, объявить ей мое почтеніе, спросить о здоровьѣ, а притомъ обѣ немъ (Ланскомъ) и объяснить мое сердечное сожалѣніе, что и я въ томъ имѣю участіе, потерявъ друга и, какъ того поворотить не можно. совѣтую ей не входить въ безразсудное огорченіе и беречь себя“.

Г. П. III.

Въ Кусковѣ, 8 Іюля 1784 г.

*) „Две Калмычки“, „Русскій Архивъ“ 1905 г., вып. 5-й.

Петръ Александровъ пишеть изъ Петербурга:

Къ Елисаветѣ Дмитріевнѣ Кушелевой, сестрицѣ А. Д. Ланского, сего Іюля 16 ѿздила я въ Село Царское и при объявленіи отъ в. с. почтенія какъ о здоровыи ея спрашивалъ, такъ и что в. с. въ печали ея изволите имѣть участіе; впрочемъ, какъ отъ в. с. имѣлось предписаніе, докладывать имѣль, на что изволила сказать отписать в. с. нижайшее почтеніе и покорную благодарность; но что касается до ея здоровья, она, слава Богу, только обыкновенно по кончинѣ Александра Дмитріевича находится въ большой печали, на который случай пріѣхала и матушка ихъ и живеть въ Царскомъ Селѣ.

Въ С.-Петербургѣ, 18 Іюля 1784 г.

Сама Императрица была глубоко опечалена кончиной Ланского, который, по общимъ отзывамъ, былъ человѣкъ очень добрый. Она конечно знала о связяхъ его съ домомъ Шереметевыхъ. Тѣмъ выразительнѣе оказанное ею графу Петру Борисовичу вниманіе, во время пріѣзда ея въ 1785 году черезъ Москву.

Еще въ Маѣ 1785 года графъ Петръ Борисовичъ писалъ Петру Александрову:

„Я на сей почтѣ получилъ отъ Ея Императорскаго Величества милостивое письмо въ отвѣтъ на мое письмо, которымъ я прежде благодарили Ея Величество за пожалованіе графа Николая Петровича (тайнымъ совѣтникомъ) и притомъ изволила прислать мнѣ книгу въ переплѣтѣ о правѣ дворянства“¹⁾.

5 Іюня 1785 г. графъ Петръ Борисовичъ пишеть Петру Александрову.

„По перевѣздѣ моемъ въ Москву изъ Кускова для встрѣчи Ея Величества сдѣлался я нездоровъ, и Ея Величество вчерашняго дня изволила ко мнѣ заѣхать въ Московскій домъ, а отсутствіе въ путь слышно послѣдуетъ завтрашній день“.

„Сходи къ Александру Алексѣевичу и къ Аленѣ Никитинѣ²⁾, при отданіи моего усерднѣйшаго поклона, и скажи имъ, что выше сего писано, и весьма милостива изволила со мною быть и вся свита дорожная, и мною никакъ неожидаемое было посѣщеніе, и я былъ какъ почти найденъ, такъ я и представалъ. Притомъ донеси имъ, что теперь я никакой надобности не предвижу, чтобы ѻхать Николаю Петровичу, потому что всѣ наши благодаренія за всѣ оказанныя намъ милости исполнены здѣсь, и видится и спѣшное было то“.

¹⁾ Домашній архивъ графа С. Д. Шереметева.

²⁾ Князю и княгинѣ Вяземскимъ.

Объ этомъ посвѣщеніи подробнѣе пишеть къ Петру Александрову въ Петербургъ Иванъ Чубиревъ 9 Июня 1785 г.

Государь мой Петръ Александровичъ.

Что Ея Величество е. с. графа изволила посѣтить въ Московскому домѣ¹⁾, о томъ вамъ прошедшою почтою дано знать. Послѣ того е. с. на другой день, послѣ кушанья, изволилъѣздить благодарить въ Петровскій дворецъ, гдѣ принять Ея Величествомъ очень милостиво, и между прочимъ изволила пожаловать е. с. мраморнымъ обелискомъ, который чтобъ сдѣлать противъ того²⁾, чтѣ поставленъ въ Царскомъ Селѣ противъ покоевъ, и изволила сказывать, что когда она изволить въ почивальнѣ встать, то всегда на него съ непріятностію изволить смотрѣть. Потомъ изволила приказать писать сенатору Стрекалову, и графу Якову Александровичу³⁾ о томъ же. Изволила проговаривать, что онъ сдѣланъ будеть подъ смотрѣніемъ Ея Величества и чтобъ зачатъ его дѣлать съ 10 числа нынѣшняго мѣсяца. И е. с. много порадовался; только знать не изволить, какой обелискъ, съ кото-раго будеть дѣлаться, а какъ надѣюсь отъ господина Стрекалова о немъ уже писано, того ради изволилъ указать вамъ приватно съ осторожностью навѣдаться. Надѣюсь, оно писано въ контору, гдѣ прежде дѣлалась колонна и вамъ тамъ какъ мастера и протчие знакомые, естьли объ ней кому приказаніе, и какъ ее начнутъ дѣлать, не можно ли достать съ той колонны, съ которой будуть дѣлать рисунокъ? Ежели достанете, то оной прислать и объ ней что свѣдѣаете обстоятельно прошу увѣдомить, только то исполнить самымъ тихимъ образомъ, также и о томъ увѣдомить же, въ какомъ мѣстѣ онъ стоять.

Всѣдѣ затѣмъ графъ Петръ Борисовичъ пишеть Петру Александрову.

„Что Ея Величество, будучи въ Москвѣ, изволила меня пожаловать мраморнымъ обелискомъ, о томъ тебѣ дано знать, о которомъ изволила приказать Степану Федоровичу Стрекалову, и того ради, какъ онъ будеть въ Петербургѣ, съ моимъ почтеніемъ къ нему адресоваться учтивымъ образомъ“.

„А мнѣ Ея Величество изволила приказывать, чтобъ его поставить въ виду противъ дому, а рисунокъ мнѣ надобенъ для того, что по мѣрѣ его, мѣсто выбрано будеть, отдѣлано и приготовлено, какъ мнѣ отъ Ея Величества повелѣно“.

Г. П. III.

Въ Кусковѣ, 16 Июня 1785 г.

¹⁾ На Никольской.

²⁾ Т. е. на подобіе. П. Б.

³⁾ Брюсу, Московскому генераль-губернатору. П. Б.

Подражаніе въ Кусковѣ Царскосельскому обелиску въ память Ланского, по волѣ Екатерины, указываетъ на особую чуткость великой Государыни и на ея умѣніе владѣть сердцами своихъ подданныхъ.

Кусиовскій обелискъ и донынѣ стоитъ передъ главнымъ домомъ. На немъ надпись: „Въ незабвенную милость“.

Графъ С. Шереметевъ.

Кусково, 28 Марта 1911 г.

КЪ ИСТОРИИ ШЕРЕМЕТЕВСКИХЪ ПѢВЧИХЪ.

Указъ графа Петра Борисовича Шереметева Петербургскому управителю Петру Александрову.

Есть у меня привезенный изъ Украины въ пѣвчіе человѣкъ, который имѣеть изрядный голосъ тенора. Желаніе мое, чтобы его обучить подъ твоимъ смотрѣніемъ въ Петербургѣ пѣвческой музыкѣ для театру, который бы могъ пѣть въ операхъ и представлять актера; но какъ въ Петербургѣ есть на то способные, которые всему тому обучить могутъ за деньги и напримѣръ какіе люди, при семъ послана къ тебѣ особливая записка. Того ради тебѣ постараться, ежели оное по той запискѣ исполнить можно, или ты найдешь какое на то средство, чтобы кто его тому обучилъ, я заплачу за то, что надобно, только бѣтъ быть въ томъ успѣхъ, о чёмъ объясниться съ знающими въ томъ и отобравъ отъ нихъ, что они за оное возьмутъ и въ какое время могутъ обучить, о всемъ обстоятельно меня уведомить и ежели сходно будетъ и съ успѣхомъ выйти можетъ, то я его къ тебѣ пришлю и на то опредѣлю сумму денегъ, который и будетъ жить подъ твоимъ присмотромъ въ Фонтанномъ домѣ.

Г. Петръ Шереметевъ.

Въ Москвѣ, 22-го Генваря 1786 г.

З а п и с к а.

Для обученія пѣвчаго тенориста нужно отдать учить для познанія музыки и пѣнія къ Васильку, который на Итальянскомъ и учителемъ въ дворцовомъ хорѣ придворныхъ пѣвчихъ.

Для игры на театрѣ поговорить актеру Русскому, который играетъ любовничью роли.

Въ тоже время нужно, чтобы изъ Русскихъ фигурантовъ кто-нибудь училъ ходить, глядѣть, кланяться и руками пристойно разсуждать и протчая принадлежащая до актера.

Платье пѣвческое не должно носить, потому что оное пріучаетъ ногами криво и гнусно ступать, то и надобно Нѣмецкій кафтанъ и башмаки.

МАРТОВСКІЯ СОБЫТІЯ ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ ВЪ 1801 ГОДУ.

I.

Подъ такимъ заглавіемъ мы передаемъ въ переводѣ тѣ страницы *Исторіи консульства и имп'ріи* А. Тьера, которая до сихъ поръ, по цензурнымъ правиламъ, не могли появиться въ нашей печати, а во Французскихъ экземплярахъ обыкновенно вырывались при переходѣ ихъ черезъ границу. О трагической кончинѣ императора Павла обыкновенно сообщалось до сихъ поръ, что онъ умеръ отъ эпоплексического удара. Даже такой авторитетный писатель, какъ Шильдеръ, написавшій историко-біографический очеркъ *Императоръ Павелъ Первый*, и тотъ оставилъ нась въ недоумѣніи, что это было за ударъ. Свобода печати снимаетъ запрѣтъ съ этого таинственного событія и даетъ возможность освѣтить его съ правдивой стороны.

Возстановляя подробности кончины императора Павла Петровича въ пересказѣ Французского историка, пользующагося заслуженною извѣстностью, мы прибавимъ къ разсказу предварительная замѣчанія и тѣмъ исправимъ немногія неточности и ошибки его. Объ исторії императора Павла Петровича въ настоящее время мы знаемъ болѣе Тьера. У него мы беремъ одинъ только незнакомый намъ эпизодъ изъ этой исторіи. Мы знаемъ, что императоръ палъ жертвою заговора, во главѣ котораго въ послѣдній моментъ стоялъ графъ Паленъ, но не знали только подробностей самой катастрофы. Ихъ предлагается намъ Тьеръ.*)

О царствованіи императора Павла Петровича исторія произнесла уже свой приговоръ. Въ общемъ послѣдній остается безъ измѣненія. Но безвременная и ужасная кончина императора въ новыхъ для насъ подробностяхъ не можетъ не вліять на приговоръ, какъ смягчающее его обстоятельство. Послѣ такого событія, которое случилось въ мартѣ 1801 года, при разрѣшеніи заговора историкъ не можетъ не признать въ немъ искушеніе за содѣянныя грѣхи и можетъ болѣе беспристрастно судить историческаго дѣятеля. Онъ можетъ

*) Императоръ Николай Павловичъ отзывался, что изъ всего напечатаннаго за границею о кончинѣ императора Павла наиболѣе правдивое принадлежитъ Тьеру. П. Б.

болѣе спокойно сказать, не какъ простую фразу, что Павелъ Петровичъ отличался Гамлетовскими чертами, подобныхъ которымъ не встрѣчается въ жизни ни одного изъ вѣнценосцевъ, не только въ Русской, но и во всемірной исторіи. Онъ можетъ догадаться, подъ какими вліяніями писалась до сихъ поръ его исторія. Подъ давленіемъ дворянскихъ интересовъ, слабо или сильно, слагалась точка зрѣнія на все его царствованіе. Жестокости Павла Петровича обращались преимущественно противъ привилегированаго дворянскаго класса. Съ точки зрѣнія крестьянскихъ интересовъ, исторія Павла Петровича, какъ ни мало еще извѣстна, получаетъ другое освѣщеніе. Дворянство наше при Екатеринѣ II пріобрѣло въ исторіи преобладающее значеніе, которое желало удержать и навсегда. Къ дворянству, какъ извѣстно, перешла вся власть въ провинціальномъ управлениі, а центральная осталась за правительствомъ: крѣпостное же право, окончательно сформировавшееся въ концѣ XVIII вѣка, сдѣлало дворянство рѣшителемъ судебъ многихъ миллионовъ Русскихъ подданныхъ. Первый, кто почувствовалъ, если не созналъ еще вполнѣ, такое ненормальное положеніе въ государствѣ, былъ императоръ Павелъ I. Принимая во вниманіе, что государственный и общественный порядокъ, установившійся въ XVIII в., держался на подавляющемъ и несправедливомъ преобладаніи дворянскаго класса надъ другими, Императоръ желалъ исправить эту ошибку и стать дѣйствовать, какъ противодворянскій царь. Чувство порядка, дисциплины и равенства были руководящими его побужденіями въ этомъ направленіи, и борьба съ сословными привилегіями, замѣтно, выдвигается впередъ. Мы не думали, что только за это онъ погибъ отъ заговорщиковъ, на то были и другія причины, особенно личный раздражительный его характеръ, но одна изъ самыхъ важныхъ причинъ заключается именно въ томъ, что онъ былъ противодворянскій царь.

Преобладаніе дворянства создалось у насъ частью отъ недостатка соответствующихъ законовъ. Павелъ началъ съ основныхъ, установивши, прежде всего, законы, опредѣляющіе порядокъ наслѣдованія престола актомъ 5 Апрѣля 1797 года. Теперь повтореніе такихъ исторій, въ которыхъ дворянство ранѣе принимало участіе при вступленіи на престолъ четырехъ императрицъ, послѣ того какъ былъ изданъ названный актъ, стало болѣе невозможнымъ. Затѣмъ императоръ обратилъ вниманіе на законы о сословіяхъ. Сословное управление, установленное губернскими управленіями и жалованными грамотами дворянству и городскому сословію Екатерино II, давало двумъ сословіямъ, сравнительно съ прочими, и особенно дворянскому, привилегированное положеніе. Обязанная дворянству своимъ восществиемъ на престолъ, Екатерина, видимо поступилась въ данныхъ грамотахъ своими прежними либеральными убѣждѣніями, особенно по отношенію къ крѣпостному праву, и сама сдѣлала и называлась „Русскою помѣщицею“. Павель I былъ въ другомъ положеніи и другихъ убѣжденій. Отмѣнивъ въ существенныхъ чертахъ обѣ грамоты Екатерины II, онъ почти уничтожилъ сословное управление, особенно вытѣснивши дворянство изъ губернского управлениія короннымъ чиновничествомъ. Онъ отмѣнилъ и некоторые личные права дворянства и высшаго купечества именитыхъ гражданъ и купцовъ 1-й и 2-й гильдій. Особенное же вниманіе императоръ обратилъ на

крестьянское сословіе. Уложеніе царя Алексія Михайловича узаконило крестьянское право, возникшее раньше; но власть помѣщиковъ надъ крестьянами, не опредѣлившаяся въ подробностяхъ законодательствомъ, развивалась безъ мѣры. Павелъ Петровичъ сдѣлалъ первую попытку точнаго законодательства, опредѣляющаго взаимныя отношенія между помѣщиками и крестьянами: указомъ 5 Апрѣля 1797 года о трехдневной барщинѣ, какъ вышестѣй нормѣ крестьянскаго труда въ пользу помѣщика. Если онъ сдѣлалъ въ ослабленіе привилегій дворянства немнога, то это зависѣло отъ разныхъ причинъ. У него самого не было ни обдуманной программы, ни времени для ея исполненія, ни знанія дѣла, ни людей, готовыхъ и способныхъ исполнять его намѣренія. Гдѣ ему было набраться знаній о Россіи и выбрать своихъ сотрудниковъ съ новымъ направлениемъ, если при жизни матери-императрицы и по совершеннолѣтіи, онъ былъ удаленъ отъ большого двора и пребывалъ въ Гатчинѣ, вдали отъ дѣлъ, въ кругу самыхъ мелкихъ интересовъ. У него былъ зато обильный запасъ накопившихся горькихъ чувствъ, изъ которыхъ вытекалъ потомъ цѣлый рядъ не-пригодныхъ мѣроопріятій. Его дѣятельность въ уравнительномъ направленіи общественныхъ классовъ лишена была, потому, и послѣдовательности и твердости. Послѣднее качество зависѣло также отъ личнаго его характера, развивавшагося подъ влияніемъ воспитанія и несчастныхъ отношеній къ матери. Занимаясь въ Гатчинѣ своей миниатюрною гвардіей, незримый среди большого двора и постоянно подъ строгимъ надзоромъ его, Павелъ Петровичъ всегда раздражался, претерпѣвая недовѣrie и пренебреженіе временницковъ и привыкшая видѣть въ дѣлахъ матери лишь однѣ темныя стороны, чтобы легче порицать ея порядки. И послѣдующая его политика, когда онъ сдѣлался самъ государемъ, вытекала также не столько изъ глубокаго сознанія несправедливости и негодности порядковъ его матери, сколько изъ антипатіи и раздраженія противъ оставшихся при немъ ея сотрудниковъ. Самымъ либеральнымъ преобразовательнымъ замысламъ своимъ онъ придавалъ какой-то реакціонной, антипатичный характеръ, самымъ полезнымъ своимъ мѣроопріятіямъ—печать мелкой вражды. Законъ о престолонаслѣдіи, напр., можетъ быть также объясненъ и намѣреніемъ Императрицы, о которомъ ходили довольно вѣрные слухи, отстранить сына отъ престола, замѣнивъ его старшимъ своимъ внукомъ Александромъ. Думая объ изданіи этого закона, Павелъ могъ поэтому руководствоваться, болѣе или менѣе, и своими личными побужденіями и счетами. Дѣятельность Павла Петровича, по такимъ причинамъ, намѣренно обращалась къ уничтоженію слѣдовъ предшествовавшаго царствованія, притомъ безъ строгаго различія, были ли они полезные, или вредные. А Екатерина сдѣлала и много хорошаго, и недаромъ ея царствованіе считается вѣкомъ нашей славы и культурнаго развитія. Отсутствіе программы, отсутствіе сознательныхъ идей въ царствованіе Павла Петровича замѣтны и въ томъ, что, вмѣсто обдуманныхъ стремленій, онъ обращалъ вниманіе на мелочи, на вахтъ-парады и тактику; вмѣсто борьбы съ существующими негодными порядками, онъ боролся съ лицами ему враждебными или несимпатичными, которые и гналь онъ жестоко и немилосердно. Здѣсь источникъ тѣхъ колебаній и противорѣчій, какими отли-

чалось кратковременное его царствование. Вполнѣ справедливая, напр., вражда его къ сословнымъ привилегіямъ приводила его къ стѣсненію самыхъ элементарныхъ человѣческихъ правъ, и самая идея равенства и порядка вырождалась у него въ припадки жестокаго или великодушнаго каприза, въ придворные анекдоты, составляющіе почти главное содержаніе четырехлѣтняго его царствованія. Отсутствіе руководительныхъ идей, и такихъ же политическихъ соображеній, выразилось напр. въ томъ, что, вводя законы въ хаотическія, произвольныя отношенія между помѣщиками и крестьянами, Павелъ Петровичъ въ тоже самое время и самъ, не менѣе своей матери, размножалъ количествомъ крѣпостного населенія, раздавая съ удивительной щедростью своимъ любимцамъ и клевретамъ за всякую услугу и выслугу сотни и тысячи крестьянскихъ душъ. Бывали такие примѣры, что за одно острое слово, разсмѣшившее государя, бывшій берейторъ, а потомъ командиръ батальона, Каннабихъ, получилъ тысячу душъ крестьянъ. Самое вступленіе на престолъ императора Павла стоило государству ста тысячъ душъ, пожалованныхъ по этому случаю. Такая непослѣдовательность, не ослаблявшая произвола, а только усилившая его, привела, наконецъ, къ тому, что обществомъ овладѣло чувство страха и унынія, и что состоялся заговоръ, разразившійся потомъ ужасной катастрофой въ ночь съ 11 на 12 Марта 1801 года.

II.

Императоръ Павелъ I имѣть уже историковъ, описавшихъ его жизнь и царствованіе. Д. Ф. Кобеко изложилъ его жизнь до восшествія его на престолъ (Цесаревичъ Павелъ Петровичъ. Издание третье. С.-Пб. 1887). Другой историкъ Н. К. Шильдеръ въ своемъ объемистомъ труде (Императоръ Павелъ Первый. Историко-біографический очеркъ. С.-Пб. 1901 г. стр. 606), описать все царствование его и также предшествующее время его жизни. О послѣдующемъ времени, послѣ его кончины, онъ даетъ такое заключеніе: „онъ служитъ эпилогомъ длиннаго ряда событий, связывающихъ 1741 годъ съ 1825. Слова манифеста 1801 г., обѣщавшія управление по закону и сердцу Екатерины.— говорить Шильдеръ,— не сбылись; ненависть ко всемъ дѣламъ и мыслямъ ея, какъ и при Павлѣ, продолжала существовать, хотя и въ сокровенной формѣ. Аракчеевъ и пагубная Гатчинская военная система продолжали господствовать и даже совершенствоваться. Внѣшняя политика, за исключеніемъ эпизодическихъ перерывовъ, также продолжала руководствоваться рыцарскимъ безкорыстiemъ, о которомъ мечталъ нѣкогда великий магистръ державнаго ордена св. Иоанна Иерусалимскаго. Конечно, одно не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію: Екатерина никогда не занималась бы спасеніемъ Европы и возвращеніемъ военныхъ поселеній. Ко всему этому присоединялись еще тяжелыя воспоминанія, связанныя съ 11 Марта, подъ бременемъ которыхъ *) изнемогалъ императоръ Александръ въ продолженіи всей оставшейся своей жизни. Въ общей сложности,

*) Которые тяготѣли и надъ Николаемъ Павловичемъ до самой его кончины. Н. Б.

всѣ эти печальныя явленія привели къ 14 Декабря, а въ далекомъ будущемъ—къ Крымскому погрому". Таковы заключительныя слова историка.

Въ настоящее время всѣ важнѣйшіе источники времени Павла Петровича извѣстны и изучены. Прибавить къ нимъ еще что-нибудь новое уже трудно. Н. К. Шильдеръ отличный знатокъ своего дѣла, и ему доступны были и всѣ мемуары и почти всѣ архивные материалы этого времени. Если мы решаемся дать читателямъ переводъ изъ Тьера о кончинѣ императора Павла I, то мы далеки отъ мысли, что страницы *Исторіи Консульства и Имперіи*, относящіяся къ описанію этого событія, были неизвѣстны Шильдеру и думаемъ, что онъ не воспользовался ими только потому, что при прежней цензурѣ они не могли быть у насъ напечатаны. Самъ Тьеръ пользуется при описаніи этого событія разсказомъ одного Французского эмигранта, друга Наполена и Бенигсена, главнѣйшихъ дѣятелей, приведшихъ заговоръ противъ Павла Петровича въ исполненіе. Этотъ Французъ слышалъ разсказъ о смерти Государя изъ устъ самого Наполена, когда гостили въ его помѣщѣ, и записалъ въ свою памятную книжку. Кроме того, Тьеръ ссылается еще на Биньона, который извѣстенъ и Шильдеру (стр. 488). Прусскій дворъ былъ тронутъ кончиною императора Павла, говорить Тьеръ, и получилъ различными путями подробности объ этомъ печальному событію. Онъ потомъ были сообщены въ особой запискѣ первому консулу Бонапарту. Тогдашній секретарь Французского посольства при Прусскомъ дворѣ, во главѣ которого стоялъ генералъ Бернонвиль, г. Биньонъ могъ знать содержаніе этой записи. Въ своемъ сочиненіи „*Histoire de France*“ онъ передаетъ разсказъ о смерти Павла Петровича. Кто знаетъ, какъ сами очевидцы такого рода событій излагаютъ ихъ часто невѣрно, тотъ можетъ скептически отнести и къ настоящему разсказу. Чтобы добраться истины, следуетъ его проверить съ другими разсказами о томъ же событіи, а у насъ въ печати пока ихъ нѣть, мы этого сдѣлать, потому, не можемъ. Въ своей *Исторіи Консульства и Имперіи*, прославляющей Наполеона I, послужившей однимъ изъ далекихъ мотивовъ къ началу властолюбивыхъ мечтаній наследника его имени, Тьеръ не имѣлъ въ виду отнести внимательно къ общимъ условіямъ Русской жизни, приведшимъ къ ужасной катастрофѣ 11-го Марта. Въ его исторіи она является, какъ интересный эпизодъ. О томъ же, что подготовило ее, теперь мы знаемъ гораздо болѣе Тьера. Поэтому разсказъ его о кончинѣ императора Павла представляется здѣсь читателямъ нашимъ съ дополнительными предварительными замѣчаніями. У Шильдера, напротивъ, тщательно изложены всѣ подробности, какъ составился заговоръ на жизнь Государя, и какъ совершилось восшествіе на престолъ императора Александра I, но нѣть ни слова о самомъ исполненіи заговора.

„Въ четверть одиннадцатаго (11 Марта)—говорить Шильдеръ—послѣ ужина, за которымъ Павелъ Петровичъ былъ въ веселомъ настроеніи духа, полковникъ Саблюковъ, эскадронъ которого стоялъ на караулѣ въ Михайловскомъ замкѣ, видѣлъ Государя въ послѣдній разъ. Императоръ, заподозрѣвши и Саблюкова въ измѣнѣ, приказалъ ему свести свой караулъ изъ замка, даже

вывести весь его полкъ изъ города, а двумъ лакеямъ, одѣтымъ въ гусарскую форму, но не вооруженнымъ, указавъ на дверь, ведущую въ кабинетъ, занять караулъ у дверей. Даље, передаетъ Шильдеръ, ночь была холодная и дождливая; въ главномъ караулѣ всѣ дремали. Вдругъ прибѣгаешь лакей съ крикомъ: „спасайтѣ!“ Поручикъ Семеновскаго полка Полторацкій обнажилъ шпагу и, обращаясь къ солдатамъ, воскликнулъ: „Ребята за царя!“ Всѣ бросились за нимъ, перебѣжали дворъ и поднялись по парадной лѣстницѣ дворца. Но вдругъ на верхней ея площадкѣ появились графъ Паленъ и генералъ Бенигсенъ. Раздалась команда: „Караулъ, стой!“ а затѣмъ они услышали слова: „Государь скончался апоплексическимъ ударомъ; у насъ теперь новый императоръ Александръ Павловичъ“.

Вотъ разсказъ Шильдера о концѣ царствованія императора Павла. Тыль, напротивъ, говоритъ подробнѣе исполненіи самаго заговора и ни слова объ апоплексическомъ ударѣ.

Скрывать далѣе подробности того, что случилось 11 Марта въ опочивальнѣ государя не для чего. Мы знаемъ объ ужасной кончинѣ императора Александра II, о такой же великаго князя Сергѣя Александровича; для чего же будемъ скрывать подвиги Палена, Бенигсена и Зубовыхъ, убийцъ Павла Петровича? Даже и то, что императоръ скончался не отъ апоплексического удара, въ общемъ, кому же не было извѣстно?*).

Тайна кончины Павла Петровича нужна была для его убийцъ, своеевременно фальсифицировавшихъ общественное мнѣніе, обманувшихъ довѣріе къ пимъ государей Павла I и Александра I; но она, рано-ли, поздно-ли, не уйдетъ отъ суда исторіи. Она произнесетъ свой неумытный приговоръ надъ ними, не смотря на то, что они давно уже въ могилѣ, что съ каждымъ годомъ слабѣютъ о нихъ воспоминанія, растериваются о нихъ и записки, и письма, и другие документы.

Кто же были эти довѣренныя лица государя Павла Петровича?

Мысль объ устраненіи государя отъ престола впервыя высказана графомъ Никитой Петровичемъ Панинымъ, бывшимъ при Павлѣ Петровичѣ (собственno съ 27 Сентября 1790 г.) вице-канцлеромъ. Внушена ли она была ему Англійскимъ посломъ, его другомъ Витвортомъ, какъ можно предполагать, или онъ самъ напалъ на нее,—трудно рѣшить. Опасенія, которыя главнымъ образомъ озабочивали Витвorta, находившагося при Русскомъ дворѣ уже съ 1788 года, не столько касались личной безопасности каждого изъ Русскихъ подданныхъ, чтобъ всего болѣе было близко Панину, сколько вообще всего политиче-

*) На поданное нами (черезъ графа А. В. Адлерберга) прошеніе Александру Николаевичу о дозвolenіи напечатать въ „Русскомъ Архивѣ“ полный разсказъ Саблукова о кончинѣ Павла Петровича, Государь изволилъ отвѣтить: „Въ Россіи всякий грамотный знаетъ, какъ погибъ мой дѣдъ; но мнѣ, внуку, не пристало дозволять разглашеніе о томъ. Предоставлю это моему сыну“. Поэтому Записки Саблукова появились у насъ въ укороченномъ видѣ („Р. Арх. 1869“). И. Б.

скаго положенія, которое съ 1800 года начинало принимать крайне неблагоприятный для Англіи оборотъ. Въ задушевныхъ бесѣдахъ они говорили о болѣзnenномъ состояніи Англійского короля Георга III, современника Павла Петровича, о событияхъ въ Дани, совершившихся въ 1784 году, какъ о подходящихъ случаяхъ къ современной Русской обстановкѣ, и полагали, что и у насъ возможный исходъ изъ существовавшихъ тогда затрудненій заключался въ устраненіи государя отъ престола и въ учрежденіи регентства. Павелъ Петровичъ можетъ быть былъ освѣдомленъ объ этихъ разговорахъ, почему 27 Мая 1800 года повелѣлъ Витворту выѣхать изъ Петербурга. Затѣмъ Панинъ недоволенъ былъ своимъ зависимыемъ положеніемъ по отношенію къ любицу государя Ростопчину, черезъ руки которого шли его доклады къ государю. Ростопчинъ возбуждалъ противъ него не разъ неудовольствіе государя и склонялся въ политикѣ къ сближенію Россіи съ Франціей, тогда какъ Панинъ стоялъ за союзъ съ Англіей. Когда, вопреки мнѣніямъ Панина, сближеніе съ Франціей совершилось, Панинъ считалъ для себя болѣе уже невозможнымъ занимать свой отвѣтственный постъ вице-канцлера. Павелъ Петровичъ остался имъ недоволенъ, отставилъ его отъ службы, и 14 Ноября 1800 года повелѣлъ ему выѣхать на жительство въ его имѣніе Дугино. Но замыслы Панина нашли себѣ другого исполнителя. О государственномъ переворотѣ задумали уже многіе, и въ числѣ ихъ первымъ былъ Паленъ. Въ лицѣ Палена мысли графа Панина изъ области умозрительной перешли, такъ сказать, на путь болѣе практическій, соотвѣтственно Русской жизни: Панинъ думалъ, напр. пользуясь переворотомъ, о введенії у насъ Англійской конституції, Паленъ только объ устраниеніи Павла Петровича отъ престола. Паленъ исполнилъ только половину плановъ своего друга.

Ему надобно было найти исполнителей своихъ плановъ. Для этого онъ сблизился съ братьями Зубовыми.

Двоє Зубовыхъ (Платонъ и Николай) были людьми весьма подходящими, какъ отличавшіеся замѣчательной физической силой. Они похожи въ этомъ отношеніи на братьевъ Орловыхъ, игравшихъ видную роль при восшествіи на престолъ Екатерины II. Платонъ Зубовъ, послѣдній фаворитъ Императрицы, въ первое время царствованія Павла, пользовался особыннмъ его вниманіемъ и былъ осыпанъ милостями его. Государь выказалъ состраданіе къ его горю, когда скончалась Императрица. Такъ, по случаю выселенія его изъ Зимняго дворца, ему купленъ былъ на казенные деньги домъ, снабженный мебелью и всѣмъ необходимымъ, стоившій сто тысячъ рублей, и пожалованъ въ подарокъ. Мало того, Павелъ Петровичъ посѣтилъ вскорѣ Зубова, въ сопровожденіи Императрицы, и при встрѣчѣ съ нимъ сказалъ: „Кто старое помянеть, тому глазъ вонъ“. Когда подали шампанское, Государь сказалъ: „Сколько здѣсь капель, столько желаю тебѣ доброго“. и, обращаясь къ Императрицѣ, прибавилъ: „Выпей все до капли“ и, выпивши самъ, разбилъ бокаль. Князь Платонъ Александровичъ припалъ, въ знакъ благодарности, къ стопамъ императора и былъ поднятъ имъ съ повтореніемъ

словъ: „Я тебѣ сказалъ, кто старое помянеть, тому глазъ вонъ“. Подали самоваръ. Государь сказалъ императрицѣ Марії Феодоровнѣ: „Разлей чай, у него вѣдь нѣть хозяйки“.

Все это было забыто княземъ-убійцею, когда онъ вступилъ противъ своего государя въ заговоръ. Императоръ вскорѣ охладѣлъ къ Зубову, далъ ему отставку и позволилъ уѣхать за границу. Зубовы появляются вновь при дворѣ, вызванные Паленомъ, незадолго до 11-го Марта 1801 года.

Послѣ удаленія Чанина, Паленъ остался главнымъ дѣятелемъ въ заговорѣ. Сосредоточимъ на немъ наше вниманіе.

Въ началѣ царствованія Павла Петровича, когда графъ Петръ Алексѣевичъ Паленъ былъ еще Рижскимъ губернаторомъ (въ 1797 г.), онъ подвергся гнѣву Государя за оказанныя излишнія почести Зубову при проѣздѣ послѣдняго за границу. Получивъ о томъ тайный доносъ, Павель Петровичъ вспыхнулъ и назвалъ подтѣмъ эту поступокъ. Но вина Палена была невелика: все почести въ Ригѣ были приготовлены не для Зубова, а для другого лица; войска на улицахъ и обѣдь предназначались для Польского короля Станислава-Августа, котораго ждали тогда въ Ригу, но понапрасну: онъ не прїхалъ. Тогда подвергнулся кстати Зубовъ, и ему пришлось воспользоваться всѣмъ приготовленнымъ къ чужому прїезду. Павель Петровичъ не зналъ всего случившагося, онъ взглянуль подозрительными глазами на эти почести. Не желаль ли онъ, думалъ онъ, выразить протестъ противъ удаленія отъ двора Зубова, противъ охлажденія къ нему государя. Онъ сердился на то, что Паленъ осмѣялся принять сторону Зубова и за то приказалъ исключить его изъ службы. Когда же государь узналъ всю правду и понялъ, что поступилъ несправедливо, то въ томъ же году принялъ Палена на службу, а въ слѣдующемъ (1798) году произвелъ его въ генералы отъ кавалеріи. Вскорѣ, когда Паленъ сблизился съ любимцемъ государя Кутайсовымъ, и послѣдній сталъ его расхваливать передъ Павломъ Петровичемъ, стали расхваливать его и другіе придворные, угождая Кутайсову, то императоръ просто удивлялся, какъ не знать онъ ранѣе о томъ, какой хороший человѣкъ Паленъ. И Паленъ пошелъ въ гору, опутывая государя своими лицемѣрными, будто бы чистосердечными рѣчами, приправляемыми угодничествомъ и низкопоклонствомъ. 28-го Июля 1798 онъ получилъ уже видный постъ Петербургскаго военнаго губернатора и ежедневно могъ съ докладами не одинъ разъ являться во дворецъ. Главная цѣль его теперь была—окружить государя людьми изъ своего лагеря. Удаленіе Е. И. Нелидовой и возвышеніе Лопухиной находятся въ связи съ этими планами, и не обошлись безъ интригъ со стороны Палена. Въ 1799 году барону Палену было пожаловано графское достоинство. Какъ ловко онъ дѣйствовалъ, доказывается извѣстная исторія съ адмираломъ Чичаговымъ. По наговору Кушелева, тоже любимца государева, будто адмиралъ думаетъ перейти въ Англійскую службу, Павель Петровичъ разгнѣвался на Чичагова, уволилъ его въ отставку, лишилъ чиновъ и орденовъ, думать было отослать его на жительство въ деревню, но перемѣнилъ и это рѣшеніе на худшее—посадилъ въ Петропавловскую крѣпость. Паленъ принялъ участіе въ адми-

ралъ и при первомъ случаѣ замолвилъ о немъ доброе слово, увѣряя государя, что Чичаговъ уже раскаялся. Павелъ Петровичъ, сознавая свою горячность въ дѣлѣ Чичагова, милостиво отнесся къ нему и въ знакъ примиренія вернулъ ему и чины и ордена. Паленъ умѣлъ пользоваться и далѣе свѣтлыми минутами настроенія государя, когда можно было говорить ему, что угодно. Онъ разжалобилъ его, въ одну изъ такихъ минутъ, горькою участью лицъ, потерпѣвшихъ гоненіе, жестокимъ положеніемъ ихъ, высланныхъ изъ столицы, погубившихъ свою карьеру, которые умираютъ съ горя и нужды за проступки легкіе и простительные. Онъ бросился къ ногамъ Павла и молилъ его о великодушіи, зная отлично его романтическій характеръ и его щорыгистость. Два часа спустя послѣ этой сцены, двадцать курьеровъ скакали во всѣ концы Имперіи, чтобы вернуть назадъ въ Петербургъ всѣхъ сосланныхъ и исключенныхъ со службы; имъ дано было государемъ помилованіе. Указъ о томъ воспроизвелъ 1 Ноября 1800 года. И Паленъ получилъ необходимыхъ людей въ задуманномъ имъ заговорѣ, удаленныхъ въ деревни подъ надзоръ полиції трехъ братьевъ Зубовыхъ и уволенного отъ службы Бенигсена, людей ему преданныхъ, которыми онъ умѣлъ воспользоваться въ своихъ цѣляхъ. Самъ Паленъ говорилъ, что имъ руководила мысль принести пользу государству, устранивъ Павла Петровича отъ престола, и еще болѣе, что онъ понималъ, какъ непрочно его собственное положеніе при дворѣ, что ему самому недостаетъ безопасности, наравнѣ со всѣми Русскими. Осыпанный милостями государя, всѣми дарами счастья, Паленъ зналъ, что завистники его не пропускали ни одного случая сдѣлать его въ глазахъ государя подозрительнымъ. Послѣ разговора съ Павломъ Петровичемъ, бывшаго 9-го Марта 1801 года, онъ могъ убѣдиться, что государь знаетъ о самомъ заговорѣ. Императоръ во время разговора былъ мраченъ, озабоченъ, серъезенъ. Паленъ затрепеталъ, когда услышалъ изъ его устъ, что хотить повторить 1762 годъ („On veut renouveler 1762“). Много надо было имѣть ума и силы характера, чтобы успокоить государя. Паленъ увѣрилъ его, что самъ вступилъ въ заговоръ только для того, чтобы помѣшать его успѣху. „Вамъ нечего бояться—продолжалъ онъ—я держу въ рукахъ всѣ нити заговора, и скоро все станеть вамъ извѣстно. Не старайтесь приводить сравненій между вашими опасностями и опасностями, угрожавшими вашему отцу. Онъ былъ иностранецъ, а вы Русскій; онъ ненавидѣлъ Русскихъ, презиралъ ихъ и удалялъ ихъ отъ себя; а вы любите ихъ, уважаете и пользуетесь ихъ любовью; онъ не былъ коронованъ, а вы коронованы; онъ раздражилъ и даже ожесточилъ противъ себя гвардію, а вамъ она предана. Онъ преслѣдовалъ духовенство, а вы почитаете его; въ его время не было никакой полиції въ Петербургѣ, а нынѣ она такъ усовершенствована, что не дѣлается ни шага, не говорится ни слова помимо моего вѣдома“. Затѣмъ Паленъ доложилъ, что онъ нуждается въ чрезвычайныхъ полномочіяхъ для предупрежденія возможныхъ случайностей и получилъ ихъ. Безъ такого документа онъ не могъ бы въ ночь 11 Марта 1801 проникнуть во дворецъ.

Т耶ръ передаетъ и этотъ знаменитый разговоръ, но у Шильдера несравненно болѣе подробностей.

Разнаго рода тревожные слухи ходили уже въ Петербургѣ. „Мы наканунѣ весьма важныхъ событій“, говорили въ самомъ обществѣ. Даже Петербургскіе извозчики на биржѣ, и тѣ твердили, что совершился скоро грѣхъ. Императоръ съ своей стороны принялъ тоже мѣры: онъ вызвалъ въ Петербургъ графа Аракчеева и Линденера, людей ему приверженныхъ, которые могли бы замѣнить ему Палена. Послѣдній, пользуясь своими чрезвычайными полномочіями, приказалъ задержать Аракчеева на заставѣ. Это приказаніе было отдано вечеромъ 11 Марта. Паленъ понималъ, что не надо дремать (*„il ne faut pas s'endormir“*), какъ сказалъ ему самъ Павелъ Петровичъ въ заключеніе своего знаменательного разговора по поводу заговора, что нельзя болѣе медлить исполненіемъ заговора, чтобы не нажить себѣ бѣды, и катастрофа приблизилась.

III.

Императоръ Павелъ Петровичъ употребилъ во зло терпѣніе своихъ подданныхъ, и за то онъ сдѣлался жертвою трагического событія, совершившагося въ самомъ дворцѣ.

По характеру своему онъ былъ остроумный государь и вовсе не злой. Онъ любилъ только крайности и, какъ всѣ люди такого рода, совершалъ и хорошия и дурные поступки, руководясь единственно безпорядочными проявленіями своей склонной къ насилию воли. Если дурно имѣть такой характеръ и частному человѣку, то во сколько разъ хуже встрѣтить съ такими свойствами владѣтельную особу и, Боже избави, неограниченного монарха. Немудрено, что всѣ боялись Павла Петровича, даже его Петербургскія любимцы не могли вѣрить въ прочность своихъ отношеній къ государю и должны были не забывать, что есть Сибирь.

Чувствительный и рыцарскій характеръ Павла склонялъ его не разъ относиться съ участіемъ къ жертвамъ Французской революціи и вызывать горячую ненависть къ главнымъ дѣйствующимъ ея лицамъ. Вмѣсто прежней политики Екатерины II—подстrekать Европейскихъ государей противъ Франціи, а самимъ быть посторонними зрителями, Павелъ I, сдѣлавшись государемъ, принялъ другую и послать Суворова въ Италію со стотысячнымъ войскомъ. Но этимъ онъ не ограничился: запрещенъ привозъ въ Россію изъ Франціи книгъ, модъ и предметовъ роскоши. Такая мѣра была непріятна для Русской аристократіи, которая при случайнѣ побранить Францію, но щеголять будетъ снова, и Французскимъ умомъ, и Французскими обычаями и образованіемъ.

Но вскорѣ императоръ Павелъ I измѣнилъ свою политику по отношенію къ Франціи: прежніе союзники его Англичане впали въ немилость, а враги—Французы полюбились ему. Во дворцѣ его появились портреты Бонапарта, за официальными обѣдами провозглашались въ честь послѣдняго торжественные тосты, а Англичанамъ грозили уже войною. Разумѣется, такая внезапная перемѣна была принята съ неудовольствіемъ высшимъ Русскимъ обществомъ, какъ противорѣчащая не только его желаніямъ, но и его интересамъ.

Въ самомъ дѣлѣ, на своемъ обширномъ пространствѣ, сѣверная Европа, богатая лѣсомъ, пенькою и минералами, нуждалась всего болѣе въ услугахъ богатыхъ иностранныхъ негосударствъ, которые покупали бы сырье ея продукты и взамѣнъ ихъ отдавали бы деньги или мануфактурные свои товары. Англичане и доставляли Русскимъ за грубые товары свои предметы роскоши и помогали многимъ уплачивать аренды. Англичане, слѣдовательно, были нужны Русскимъ. Именно, Англійская торговля, сосредоточивающаяся въ Петербургѣ, всего болѣе служить связью, скрѣпляющею Русскую политику съ Англійской; только одна она удерживаеть на время, рано или поздно, неминуемую борьбу этихъ двухъ державъ за Азію.

Русскіе аристократы были, потому, недовольны новою политикою императора Павла. Они осуждали его и за прежнюю ненависть къ Франції, осуждали его и за новую дружбу съ нею, потому что такая дружба нарушила интересы ихъ, какъ владѣльцевъ недвижимой собственности. Къ такимъ нарушеніямъ желаній и интересовъ аристократіи императоръ прибавилъ жестокости, казалось, не свойственные болѣе доброй, чѣмъ злой, его душѣ. По его повелѣнію, было сослано тогда много людей въ Сибирь. Тронутый перенесенными страданіями ихъ, Павель Петровичъ многихъ изъ нихъ простиль и вернуль въ Петербургъ, но не возвратилъ имъ имѣній ихъ. Эти несчастные жили теперь здѣсь на глазахъ у всѣхъ, и всѣ видѣли сами ихъ настоящее горе. Когда же своими просьбами они порядкомъ надѣяли Павлу Петровичу, онъ ихъ гналъ опять въ Сибирь. Становясь съ каждымъ днемъ болѣе недовѣрчивымъ, по мѣрѣ того, какъ росла нелюбовь къ нему подданныхъ, Павель Петровичъ угрожалъ всѣмъ казнями. Никто не могъ бытьувѣреннымъ, начиная день, что вечеромъ не окончить его въ Петропавловской крѣпости. Онъ составлялъ не только противъ министровъ своихъ, но и противъ своей супруги и собственныхъ дѣтей, самые кошмарные планы и, нелупый отъ природы, онъ сдѣлался тираномъ. Мѣстомъ жительства его съ недавняго времени выбранъ былъ вновь построенный дворецъ—Михайловскій замокъ, укрѣпленный, и бастіонами, и рвомъ. А на ночь загораживались еще двери, отдѣлявшія его комнаты отъ соседнихъ комнатъ императрицы и тѣмъ, нисколько не подозрѣвая, какъ увидимъ, онъ приготовилъ себѣ лишь новыя затрудненія въ моментъ трагической своей кончины.

Настоящій порядокъ вещей не могъ долго продолжаться, и скоро наступилъ ему конецъ. Мысль отдѣлаться отъ несчастнаго государя убійствомъ занимала многихъ. Нельзя притомъ не подивиться страннымъ Русскимъ государственнымъ порядкамъ, когда мы видимъ, что въ тоже время на другомъ концѣ Европы—въ Англіи—царствовалъ прямо съумасшедшій государь Георгъ III, а дѣла государственные тамъ шли самымъ правильнымъ ходомъ. Питъ семнадцать лѣтъ сряду управлялъ государствомъ, и никому не приходило въ голову сбыть съ рукъ Георга III. А въ Петербургѣ, напротивъ, при неограниченной монархіи, нельзя было далѣе жить съ безумцемъ-государемъ, и нужно было придумывать кровавыя сцены.

Въ это время при Русскомъ дворѣ первую роль игралъ графъ Паленъ, одинъ изъ тѣхъ рѣшительныхъ людей, которые не задумываются ни передъ какимъ угодно поступкомъ; въ государствахъ, правильно устроенныхъ, они могутъ сдѣлаться великими людьми, а въ государствахъ деспотическихъ—преступниками, какъ часто случается. Какъ же строго ихъ винить въ томъ, когда они являются болѣе результатами самаго устройства государства?

Графъ Паленъ съ особеннымъ отличиемъ служилъ на военномъ поприщѣ. Человѣкъ на видъ представительный, онъ скрывалъ подъ простыми солдатскими манерами умъ тонкій и проницательный, необыкновенную храбрость и невозмутимое спокойствіе духа. Занимая въ то время должность генераль-губернатора и завѣдуя полиціей, онъ зналъ, пользуясь довѣренностью къ нему Государя, всѣ важнѣйшія тайны государственной жизни и былъ, не по имени только, а на самомъ дѣлѣ, первою особою при дворѣ. Но его мнѣнія относительно политики Русской были въ совершенномъ противорѣчіи съ мнѣніями Государя. Враждебныя отношенія къ Франції и къ революціи казались ему ненужными, новая вражда съ Англіей—совершенно неумѣстною. Осторожная и благоразумная вѣнчанная политика, нейтралитетъ въ войнахъ Франціи съ Англіей: такова должна была быть, по его мнѣнію, наша вѣнчанная политика. Его воззрѣнія въ политикѣ были ни Англійскія, ни Французскія, но Русскія; таковъ же и самъ онъ былъ Русскій и въ частной жизни, сохрания обычай ея настолько, насколько возможно было послѣ реформъ Петра В. Онъ убѣдился въ томъ, что Россіи грозить гибель, если не прекратить царствованіе Павла Петровича, еще болѣе—въ томъ, что привязанность къ нему Государи очень слаба, особенно послѣ одной маленькой размолвики съ нимъ. Онъ рѣшилъ составить заговоръ и вошелъ въ переговоры съ вице-канцлеромъ графомъ Панинымъ, завѣдавшимъ иностранной политикою. Оба они были согласны, что слѣдуетъ положить конецъ страшному состоянію, и цѣлаго государства, и отдельныхъ лицъ. Графъ Паленъ взялся исполнить убийство Государя, задуманное ими вдвое.

Наслѣдникомъ престола былъ великий князь Александръ Павловичъ, очень сонный, но обладавшій многими прекрасными качествами. Его думали сначала посвятить въ тайны заговора, но потомъ раздумали. Графъ Паленъ рѣшилъ провозгласить его государемъ лишь послѣ исполненія заговора. Но, во всякомъ случаѣ, слѣдовало расположить его въ свою пользу, чтобы воспользоваться и его помощью, и въ день восшествія его на престолъ не быть зачисленнымъ въ разрядъ убійцъ, которымъ грозила вѣрная смерть. Трудно было открыться во всемъ великому князю, человѣку съ прекрасными чувствами и нисколько не склонному принять участіе въ убийствѣ своего отца. Поэтому, графъ Паленъ ни слова не говорилъ ему о своихъ тайныхъ замыслахъ, но старался сначала объяснить ему настоящее положеніе государства. При всякомъ новомъ промахѣ со стороны Павла Петровича, вредномъ интересамъ государства, Паленъ не молчалъ, но говорить съ великимъ княземъ, не дѣля самъ никакихъ заключеній. Александръ Павловичъ выслушивалъ такія грустныя извѣстія и плакать: выходили сцены нѣмыя и краснорѣчивыя. Наконецъ, слѣдовало объясниться,

и графъ Шаленъ сказаъ великому князю, что настоящій порядокъ вещей не можетъ болѣе продолжаться безъ явнаго вреда государственнымъ интересамъ, потому надо принудить государя сложить съ себя корону, доставить ему безопаснѣе убѣжище; следовательно скрытъ, онъ отъ великаго князя настоящія свои намѣренія, которыхъ такъ и не привелось своевременно узнать великому князю.

Великій князь, выслушавъ Шалена, заплакалъ. Онъ никакъ не хотѣлъ согласиться оспаривать престолъ у своего отца и не скоро убѣдился въ томъ, что дѣйствительно, и государство, и сама императорская фамилія находятся въ опасности.

Шаленъ представилъ ему новыя доказательства. Недовольный медлительностью Прусковъ и ихъ нейтральною политикою, императоръ Павелъ Петровичъ поговаривалъ уже о высылкѣ въ Берлинъ восьмидесяти тысячаго войска. Въ припадкѣ сумасбродства, онъ непремѣнно желалъ, чтобы первый консулъ избралъ его своимъ посредникомъ во всѣхъ своихъ дѣлахъ съ иностранными державами, и чтобы такой могущественный человѣкъ не осмѣливался бы заключать миръ ни съ Германіей, ни съ Сардинскимъ дворомъ, ни съ Неаполемъ, или Портой на другихъ условіяхъ, кромѣ тѣхъ, какія предложены будутъ Россіей. Можно было опасаться и за разрывъ съ Франціей, съ которой еще такъ недавно сблизилась Россія. Затѣмъ Шаленъ прибавилъ нѣсколько словъ и о непріятностяхъ, сдѣланыхъ Павломъ Петровичемъ нѣкоторымъ членамъ императорской фамиліи, обиженимъ крайней его недовѣрчивостью.

Великій князь внимательно выслушалъ графа Шалена и, прерывая бесѣду, взялъ съ него честное слово, что онъ не будетъ участвовать въ покушеніяхъ на жизнь Павла Петровича. Графъ Шаленъ далъ ему благородное слово исполнить его желаніе, но желаніе это, онъ видѣлъ, была мечта неопытнаго юноши, воображавшаго, что и безъ пролитія крови можно будетъ все устроить наилучшимъ образомъ.

Теперь оставалось пріискать исполнителей. Составляя заговоръ, графъ Шаленъ не имѣлъ еще ихъ. Не разъ онъ думалъ о томъ, кому изъ своихъ друзей назначить ту или другую роль при исполненіи заговора, но, страшась измѣны, не объявлялъ имъ о томъ до рѣшительной минуты. Главными исполнителями заговора были теперь выбраны имъ братья Зубовы, знатныя особы, благодаря благосклонности къ нимъ покойной императрицы^{*)}. Впрочемъ графъ Шаленъ открылъ свой замыселъ довольно поздно. Выборъ сдѣланъ былъ удачно:

^{*)} Зубовы только что вернулись въ Петербургъ вслѣдствіе указа императора Павла I (отъ 1 Ноября 1800 г.). Въ пользу ихъ дѣйствовалъ теперь при дворѣ любимецъ государя гр. Кутайсовъ, когда его увѣрили, что Платонъ Зубовъ собирается жениться на его дочери. Платонъ Зубовъ назначенъ былъ вскорѣ, 23-го Ноября 1800 г., директоромъ сухопутного кадетскаго корпуса, Валеріанъ Зубовъ—директоромъ второго корпуса, а Николай Зубовъ—шефомъ Сумскаго гусарскаго полка. Они всѣ стали теперь появляться при дворѣ.

Платонъ Зубовъ, фаворитъ Екатерины II, былъ ловкій и умный человѣкъ; его братъ Николай, обладавшій преимущественно одною огромною физическою силой, могъ хорошо сыграть роль исполнителя задуманнаго убийства. Только храбрый и честный воинъ Валеріанъ Зубовъ, другъ наслѣдника престола, не былъ заговорщикомъ. Но сестра Зубовыхъ, бывшая въ интимныхъ отношеніяхъ съ Англійскимъ посланникомъ лордомъ Витвортомъ, передававшиа братамъ всѣ тайны Англійской политики, знала о заговорѣ¹⁾. Графъ Паленъ набралъ еще нѣсколько заговорщиковъ, и многіе изъ нихъ, не жившіе постоянно въ столицѣ, приѣхали въ Петербургъ и до времени пребывали здѣсь инкогнито. Между ними было одно замѣчательное лицо, въ содѣйствіи котораго, какъ и въ несомнѣнной энергіи, всего болѣе унѣренъ былъ Паленъ. Это—генералъ Бенигсенъ. Онъ былъ родомъ изъ Ганновера, служилъ въ Русской арміи и считался отличиѣшимъ изъ Русскихъ офицеровъ. Позже, въ 1807 году, при императорѣ Александрѣ I, онъ командировалъ Русской арміей въ войнѣ противъ Наполеона. Бенигсенъ, боясь послѣдствій обращеннаго на него гнѣва Павла Петровича, которому почему-то очень не понравился, удалился въ деревню; теперь его вызвалъ графъ Паленъ въ Петербургъ и посвятилъ въ заговоръ, сообщая, впрочемъ, только о намѣреніи заставить государя отказаться отъ престола и ни о чемъ другомъ. Такъ говорилъ послѣ самъ генералъ Бенигсенъ. Онъ далъ слово помочь Палену въ заговорѣ и сдержалъ его съ замѣчательной стойкостью.

Рѣшено было выбрать днемъ исполненія заговора день, когда на караулѣ въ Михайловскомъ замкѣ будуть стоять солдаты Семеновскаго полка, преданные наслѣднику цесаревичу. Слѣдовало на время подождать. А между тѣмъ, душевная болѣзнь Павла Петровича развивалась все болѣе и болѣе, и съ каждымъ днемъ онъ дѣлался все страшнѣе для своихъ подданныхъ. Однажды²⁾, онъ взялъ за руку гр. Палена и спросилъ его: былъ ли онъ въ Петербургѣ въ 1762 году? Въ этомъ году, какъ известно, отецъ императора Петръ III былъ убитъ, и на Русскій престолъ взошла Екатерина II.—Да, отвѣчалъ Паленъ съ невозмутимымъ спокойствиемъ, я былъ тогда въ Петербургѣ.—Чью сторону вы держали въ то время?—Я былъ въ рядахъ войска императора, какъ подчиненный ему офицеръ; я былъ свидѣтелемъ, а не дѣйствующимъ лицомъ.—Такъ, продолжалъ Павелъ Петровичъ, обращая на графа пронизывающій и полный недовѣрія взоръ,—а знаете ли вы, что нашлись и теперь желающіе повторить тогдашнія сцены?—Я это знаю, отвѣчалъ, нисколько не смущаясь, Паленъ; я знаю, что дѣйствительно составляется заговоръ и буду въ немъ участникомъ.—Какъ, вскричалъ Павелъ Петровичъ, вы заговорщикъ?—Да, я заговорщикъ, но на то, чтобы хранить васъ отъ всякаго зла.—Спокойствіе, съ какимъ говорилъ Паленъ, казалось, должно было бы разрушить предположеніе Государя о заговорѣ и о роли въ немъ графа; но Павелъ Петровичъ остался нерасположеннымъ къ нему.

¹⁾ Ольга Александровна Жеребцова. Въ ея домѣ были многолюдныя собранія.

²⁾ Это было 9 марта 1801 года.

Еще одно обстоятельство прибавляется къ числу намъ изгѣстныхъ. Императоръ приказалъ отправить въ Берлинъ къ своему посланнику барону Криднеру депешу, въ которой дано ему уполномочіе объявить Прускому двору, что если Пруссаки въ наискорѣйшемъ времени не будутъ готовы дѣйствовать противъ Англичанъ, то къ ихъ границамъ съ нашей стороны отправятъ восемьдесятъ тысячъ войска. Графъ Шаленъ, не желая, чтобы эта депеша была принята за серьезную, прибавилъ къ ней собственноручно: „Его Императорское Величество былъ сегодня въ дурномъ расположениіи духа. Примите это къ свѣдѣнію“¹⁾.

23-го Марта²⁾, въ день назначенный для исполненія заговора, графъ Шаленъ пригласилъ къ себѣ на обѣдь братьевъ Зубовыхъ, Бенигсена и многихъ генераловъ и офицеровъ, на содѣствіе которыхъ онъ могъ расчитывать. Подали внушительное количество бутылокъ вина. Шаленъ и Бенигсенъ одни не пили. Послѣ стола присутствующимъ была объявлена цѣль собранія. Большая часть гостей въ первый разъ узнала о ней. Но обѣ убийствѣ государя и теперь не было ни слова; иначе возможно было бы, что всѣ присутствующіе откажутся участвовать при такомъ заключеніи заговора. Говорили только обѣ одномъ, что слѣдуетъ принудить государя отречься отъ престола, чтобы этимъ способомъ спасти государство отъ грозящей ему опасности и многихъ отъ неминуемой для нихъ смертной казни. Въ заключеніе, для болѣе сильного убѣжденія слушателей, было сказано, что самъ наслѣдникъ престола Александръ Павловичъ не только знаетъ о заговорѣ, но и вполнѣ одобряетъ намѣреніе его. Тогда заговорщики, уже порядкомъ выпивши, не колебались болѣе, дали свое соглашеніе, и, кромѣ трехъ или четырехъ, всѣ явились во дворецъ, но въ томъ убѣженіи, что не будетъ пролито здѣсь ни капли крови.

Наступила ночь, и, раздѣлившись на два отряда, заговорщики въ числѣ шестидесяти человѣкъ, отправились въ путь. Однимъ отрядомъ управлялъ графъ Шаленъ, другимъ генераль Бенигсенъ. Предводители были въ полныхъ генеральскихъ мундирахъ, съ лентами на плечахъ и обнаженными шпагами въ рукахъ. Михайловскій замокъ и выстроеніе, и охраняемъ быль, какъ настоящій замокъ, и только передъ довѣренными лицами государя, какими были начальники заговорщиковъ, поднялись шлагбаумы и отворились его ворота. Отрядъ Бенигсена шелъ впереди и направился прямо къ покоямъ занимаемымъ императоромъ; графъ Шаленъ со вторымъ отрядомъ остался позади, какъ бы въ резервѣ. Видимо, главный зачинщикъ заговора, графъ Шаленъ, не осмѣли-

1) Это рескрипты Государя отъ 11-го Марта 1801 г. Вотъ подлинныя его слова: Déclaré Monsieur au Roi que si il ne veut pas se désidé à occuper Hanovre vous avé à quitter la Cour dans 24 heures. Paul. (Ореографія подлинника). Рескрипты находятся нынѣ въ архивѣ нашего посольства въ Берлинѣ. Кн. Лобановъ-Ростовскій переписалъ его для Шильдера, но въ немъ нѣть той приписки Шалена, о которой говоритъ Тьеръ. Поэтому слѣдуетъ предположить, что гр. Шаленъ написалъ барону Криднеру отдѣльную записку, которая не сохранилась въ архивѣ. (Императоръ Павелъ Первый. Н. К. Шильдер, 1901, стр. 487).

2) По новому стилю; по нашему стилю 11 Марта.

вался быть и первымъ при исполненіи его: по условію, онъ долженъ быть явиться къ своимъ на выручку только въ какомъ-нибудь непредвидѣнномъ случаѣ. Бенигсенъ дошелъ, наконецъ, до дверей опочивальні Государя, при которыхъ два гайдука стояли на часахъ. Вѣрные своему Государю, эти храбрые слуги хотѣли его защищать: одинъ изъ нихъ упалъ отъ удара сабли, другой кинулся бѣжать и звать на помощь, но крики были бесполезны, такъ какъ часовые держали сторону заговорщиковъ. На крики прибѣжалъ только одинъ лакей, спавшій въ комнатѣ близъ спальни Государя, и кстати его заставили отпереть дверь въ спальню. И теперь несчастный Павелъ Петровичъ могъ бы уѣхжать и спастись въ сосѣднихъ покояхъ Императрицы, если бы, ради постоянной недовѣрчивости, не приказывалъ обыкновенно заставлять чѣмъ-нибудь двери въ ту половину дворца. Уѣхжать было некуда, и, вѣкочивши съ постели, онъ спрятался въ складкахъ ея полога. Платонъ Зубовъ первый подѣжалъ къ кровати и, увидѣвъ постель пустою, закричалъ отъ отчаянія: „Императоръ спасся—мы погибли!“ Но въ ту минуту Бенигсенъ примѣтилъ Государя и направился къ нему со шпагою въ руку и съ предложеніемъ отречься отъ престола. „Вы болѣе не Государь, сказалъ онъ ему, Государемъ нашимъ будетъ Александръ Павловичъ. Отъ его имени я предлагаю вамъ отказаться отъ престола и подписать о томъ бумагу; только при такомъ условіи вы останетесь въ живыхъ“. Платонъ Зубовъ повторилъ тоже самое. Растревявшись совершенно, Императоръ спросилъ: за что же именно приходится ему выслушать такой приговоръ. „Впродолженіи несколькиихъ лѣтъ вы не переставали на насъ преслѣдовывать“ кричали полуульяные убѣйцы. Они приближались къ несчастному Государю, а тотъ старался по возможности вырваться изъ ихъ рукъ и тщетно умолялъ ихъ о пощадѣ. Въ эту самую минуту послышался позади шумъ,—это были шаги оставшихся тамъ заговорщиковъ,—и убѣйцы въ безпорядкѣ разбѣжались, думая, что пришла помощь къ Императору. Одинъ только непоколебимый Бенигсенъ остался на мѣстѣ и прижалъ Государя концомъ своей шпаги. Узнавши своихъ, пришедшихъ къ нимъ на помощь, заговорщики опять вошли въ ту комнату, где былъ Императоръ, снова окружили его и снова хотѣли заставить его отречься отъ престола. Павелъ Петровичъ снова пытался защищаться. Среди продолжавшейся борьбы уровняли лампу, которая освѣщала эту ужасную сцену, Бенигсенъ пошелъ за другою, но когда возвратился, то увидалъ, что Императоръ уже умираетъ подъ ударомъ двухъ убѣйцъ: одинъ изъ нихъ разбилъ ему черепъ эфесомъ своей шпаги, а другой душилъ его своимъ шарфомъ.

Во все это время графъ Шаленъ оставался вѣдь сцены дѣйствія съ своимъ отрядомъ. Когда пришли сказать ему, что все окончено, онъ приказалъ положить тѣло умершаго Императора на его постель и поставить стражу изъ тридцати человѣкъ при входѣ въ спальню, строго запретивъ пускать кого бы то ни было сюда, даже членовъ императорской фамиліи, а самъ отправился къ великому князю Александру Павловичу объявить ему о печальному исходѣ дѣла.

Встревоженный приходомъ графа, великий князь спросилъ его, не случилось ли какого несчастія съ его отцомъ? Графъ Шаленъ молчалъ, но молчаніе

было нѣмымъ отвѣтомъ. Теперь только великий князь понялъ, какъ онъ обманывалъ себя, думая, что все можетъ окончиться однимъ отречениемъ Императора отъ престола, и горесть его была такъ велика, что можно было опасаться за самую жизнь этого благороднаго съ чувствительнымъ сердцемъ юноши. Онъ сѣлъ въ кресло, горько плакалъ, ничего не хотѣлъ и слушать, только осыпалъ Палена горкими упреками, которые тотъ выслушивалъ съ невозмутимымъ спокойствиемъ.

А Платонъ Зубовъ отправился къ великому князю Константину Павловичу, который совершенно ничего не зналъ о заговорѣ, а между тѣмъ его долго считали участникомъ въ случившейся катастрофѣ. Въ лихорадочномъ трепетѣ великій князь выбѣжалъ изъ своей комнаты, представляя себѣ, что заговорщики хотятъ истребить и всю царскую фамилію, и встрѣтилъ своего брата, который былъ также въ отчаяніи, но передалъ ему подробности ужаснаго событія. Графъ Паленъ также поручилъ одной изъ ближайшихъ къ императрицѣ придворныхъ дамъ, объявить ей о наступившемъ для нея вдовствѣ. Императрица тотчасъ побѣжала въ комнаты императора и пыталась обратиться прямо къ его постели, но солдаты, стоявшіе при дверяхъ, не допустили ея туда. Когда же прошли первыя минуты отчаянія, Императрица поняла, что вмѣстѣ съ горемъ въ глубинѣ ея души кроется еще другое чувство: честолюбіе склоняло ее самой царствовать. Она послала сказать великому князю Александру Павловичу, что не ему, а ей слѣдуетъ теперь управлять государствомъ. Новое испытаніе пришлось еще пережить благородной душѣ великаго князя, которому выпадало на долю вступить на престолъ, перешагнувши透过儿 трупъ отца и разрушивши честолюбивые замыслы своей матери.

Ночь проходила, и близился день, когда слѣдовало уже рѣшить, кто же долженъ наслѣдовать престолъ, потому что нужно было одновременно съ извѣстіемъ о кончинѣ императора Павла объявить о восшествіи новаго Государя. Тогда графъ Паленъ вновь пришелъ къ великому князю Александру Павловичу и сказалъ ему: „довольно вамъ плакать, какъ дитяти; идите царствовать“. И съ этими словами онъ вывелъ его изъ комнаты и, сопровождаемый Бенигсеномъ, отправился показать войску новаго Императора.

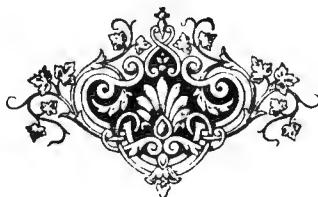
Первый полкъ, который имъ встрѣтился, былъ Преображенскій. Преданный покойному императору, онъ привѣтствовалъ новаго Государя довольно холодно. За то другіе полки, любившіе великаго князя и находившіеся подъ вліяніемъ графа Палена, не переставали кричать: „да здравствуетъ императоръ Александръ!“ Примѣръ былъ данъ, и теперь всѣ провозглашали Александра Павловича императоромъ. Постѣ этого новый Государь съ своею супругою Елисаветою Алексѣевною отправился въ Зимній дворецъ *).

*) Положительно извѣстно, что графъ Паленъ явился въ Михайловскомъ замкѣ къ наслѣднику цесаревичу съ извѣстіемъ о скоропостижной кончинѣ императора Павла

Съ ужасомъ узнали Русскіе о случившемся въ Михайловскомъ замкѣ. Страшныя подробности о кончинѣ императора Павла Петровича тотчасъ распространились по Петербургу. Многіе жалѣли покойнаго. По обычаю, тѣло его было выставлено, но съ различными предосторожностями, чтобы скрыть, по возможности, полученные имъ раны. На израненныхъ рукахъ были надѣты перчатки, а на головѣ была шляпа*). А лицо покойника говорило, что онъ умеръ отъ убийцъ, хотя и объявлено было, что смерть произошла отъ апоплексического удара.

Ужасная кончина Павла Петровича скоро сдѣлалась известна и въ Европѣ. О ней вскорѣ узнали и въ Берлинѣ, и въ Лондонѣ, и въ Парижѣ.

Николай Овсянниковъ.

Петровича въ первомъ часу пополуночи съ 11 на 12 Марта 1801 года. Въ два часа ночи императоръ Александръ Павловичъ сѣлъ въ карету съ цесаревичемъ Константиномъ Павловичемъ и отправился въ Зимній дворецъ. На занѣткахъ кареты стояли графъ И. А. Зубовъ и генералъ адъютантъ Уваровъ. Императрица же Елизавета Алексеевна осталась въ Михайловскомъ замкѣ утѣшать императрицу Марию Феодоровну. (Шильдеръ, 492 и 493 стр.).

*) Гречъ въ своихъ Запискахъ (С.-Пб. 1886 г., стр. 154), говорить тоже, что полы широкой шляпы надвинуты были на лобъ почившаго императора. Такъ было въ опочивальнѣ, а послѣ шляпы на головѣ не было. На подушкѣ лежала императорская золотая корона (Шильдеръ, 501 и 502 стр.).

Письмо корпусного командира И. В. Сабаньеву къ одному дивизионному генералу*).

Книги ваши при семъ посылаю. Позвольте напомнить вамъ о деньгахъ.

Изъ отвѣтовъ вашихъ вижу, что вы подозрѣваете меня въ личной къ вамъ злобѣ. Не имѣль бы надобности объясняться, если бы менѣе огорченъ былъ необходимостью моихъ дѣйствій.

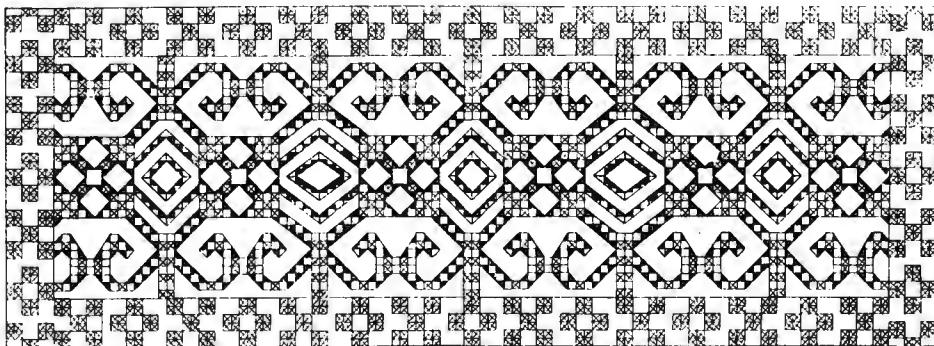
Система управления вашего дивизію, по мнѣнію моему, возродила то буйство и неповиновеніе, каковымъ отличила себя Камчатская рота. Продолженіе такого управления могло имѣть важнѣйшія послѣдствія. Могъ ли я не сказать образа мыслей моихъ начальству? Долженъ ли быть терпѣть долѣе уничтоженіе частной власти? Каково бы мнѣ было послѣ 33-хъ лѣтней моей службы потерять все заслуженное плѣтомъ и кровью единственно за неудачный вашъ опытъ? Вотъ причина дѣйствій моихъ, а не злоба. Въ прочемъ осужденіе мое насчетъ управления вашей дивизіей не есть еще рѣшительное обвиненіе: оно подлежитъ заключенію высшей власти. Вспомните приказъ, который присылали мнѣ при вступленіи вашемъ въ командованіе дивизіей, и просили моего совѣта. Вспомните, что я вамъ отвѣчалъ? Сколькихъ неудовольствій избавили бы меня и себя, если бы послушались? Защищалъ ли я жестокость? Ссылаюсь на васъ и на всѣхъ, кто служилъ со мною; но правила моего управления не произвели буйства, неповиновенія, пренебреженія начальниковъ и пр.

Позвольте сказать вашему превосходительству,—вы худо знаете солдатъ. Эпоха управления вашего еще не настала. Вы имѣли похвальное намѣреніе выиграть довѣренность и любовь нижнихъ чиновъ и въ этомъ успѣли, но они сдѣлались недостойными вашихъ попеченій. Вы ожидали (въ войнѣ) надѣлать чудеса геройскими подвигами вашей дивизіи; но повѣрьте мнѣ, что вы бы съ нею не управились. Впрочемъ я наставникомъ вашимъ быть не могу и повторяю еще, что сужденіе мое не законъ. Дѣло главнокомандующаго вывести васъ или и самого меня изъ заблужденія и тѣмъ кончить.

Вашего превосходительства покорнѣйшій слуга Иванъ Сабаньевъ.

28 Апрѣля 1822 г. Тирасполь.

*) Иванъ Васильевичъ Сабаньевъ, учившійся въ Московскомъ университѣтѣ участникъ Итальянскаго похода, начальникъ штаба у Чичагова и потому у Барклая.—Дивизионный генералъ, получившій воспитаніе у аббата Николя, осужденъ былъ на жительство въ Калужской деревнѣ и подбивалъ мужиковъ къ заговору противъ собственнаго приказчика. П. Б.

ИЗЪ ЗАПИСОКЪ СЕНАТОРА К. Н. ЛЕБЕДЕВА*).

1864-й годъ.

Сегодня, 2 Февраля, я представляюсь Государю. Послѣ сенаторовъ Пинского и Рашета подойдя ко мнѣ, Государь сказалъ: Благодарю васъ за вашу службу. Я надѣюсь, что и въ Сенатѣ вы будете также полезны*. Да, но у меня сердце не на мѣстѣ. Въ Саратовѣ что-то нетакъ. Злоба.

Да. Но въ этотъ же день, 2 Февраля, умерла моя сестра, мой милый другъ Евлампія. Какъ это случается въ жизни? Господь вѣдаетъ. Вамъ нужна жертва, сказала она, вогь вамъ жертва. Убили, просто убили женщину, мать семейства и душу дома. Убили хладнокровно, какъ убиваютъ зависть и злоба. Какія послѣдствія для семейства и особенно для мужа? Какой туманъ покрываетъ глаза мои? Чѣмъ придумаю я? Да. Но гдѣ же правосудіе? Убить человѣка и убить такъ легко, человѣка, на которомъ лежали и обязанность, и отвѣтственность всего семейства.

Другъ мой, сестра моя, прекрасная товарка нашей прекрасной юности, осѣнненой *нашою* матерью—я повергаюсь предъ тобою!

У меня видѣнія. Я вижу сестру. Я страдаю и физически, и нравственно. Я молю Бога и прошу людей прекратить это состояніе. У меня два слуха и два зрѣнія. Кто этого не испыталъ, тотъ меня не пойметъ; тотъ не повѣрить, что я слышу и вижу чего нѣтъ, а между тѣмъ это есть; но мои чувства раздвоились. Чувства организма и чувства мысли, дѣйствительность и воображеніе. Въ самомъ дѣлѣ—когда каждоминутно пронимаетъ лихорадка, это объясняется не такъ легко. И я не знаю, какъ и чѣмъ это кончится (12 Февр. 1864).

* См. въ 4-мъ выпускѣ „Русскаго Архива“ сего года, стр. 534.

Сегодня, при руководствѣ хранителя древностей Стефани, мы обозрѣвали новыя пріобрѣтенія Эрмитажа, преимущественно изъ музея Кампана. Пріобрѣтенія весьма важныя, замѣтно обогащающія наши коллекціи, но я нахожу, что большия толки о царицѣ вазѣ и о Венерѣ—въ родѣ Медицейской—слишкомъ много придаютъ значенія этимъ произведеніямъ древности. На мои глаза и то и другое произведенія Римскія. Начать съ формы вазы. Она хороша, но недостаточно легка и кажется непропорціональна въ отношеніяхъ середины къ верху и къ низу. Потомъ рельефныя укращенія. Они пестры и на занимаемомъ мѣстѣ не совсѣмъ на мѣстѣ. Имѣ слѣдовало бы не рельефомъ и нѣсколько ниже. Что касается Венеры, то она конечно замѣчательна, но сравнивать ее съ Медицейской я не буду.

Путешествіе по Эрмитажу меня утомило. Развлеченія мнѣ не удаются. А уединенія надобно бѣжать, а послѣдовательное серьезное чтеніе невозможно.

Занятія мои съ министромъ приближаются къ концу, и мнѣ скоро придется оставить Петербургъ. Мнѣ почти хочется его оставить.

Сегодня я уѣзжаю. Оставляю Петербургъ совершенно равнодушно, точно онъ мнѣ насолилъ, какъ будто въ немъ жить нехорошо, служба не удалась, или злые враги торжествуютъ. Я знаю, Москва мнѣ не понравится, я знаю, Москву и я не понравлюсь. Мои служебныя отличія ставить меня довольно въ исключительное положеніе, а исключительность изолируетъ. Она усиливаетъ непріязнь, прибавляя къ холдности еще долю зависти. Она умаляетъ дружбу, всегда болѣе склонную къ участію въ невзгодахъ.

Ну, прощай гордый Русскій городъ, съ деспотическими твоими властями закона, природы и людскаго гонора. Я очень мало уважалъ эти власти и очень мало терпѣлъ отъ нихъ. Петербургу принадлежать лучшіе годы моей жизни, но онъ ими воспользовался весьма льготно, и я не имѣю никакого права роптать на его требовательность.

Мое второе Московское сидѣніе.

Вотъ уже скоро мѣсяцъ, какъ я сижу въ Москвѣ, но все еще не рѣшаюсь выразить гласно мои наблюденія и впечатлѣнія: такъ еще сильно чувствуется противоположность старушки Русской и щеголеватаго иностранного дѣятеля, иначе бюрократа. Еще погожу, подожду, пристроюсь.

Москва, общество, Сенатъ падаютъ, падаютъ видимо. Въ Москвѣ еще живеть Филаретъ, но угасающая лампа свѣтить уже слабо и если къ ней обращаются съ Петербургскими бумагами, то развѣ по обычаю, и нельзя сказать, чтобы съ пользою. Въ Москвѣ есть и генералъ-губернаторъ, но его зовутъ г. Офросимовъ, нѣчто изъ армейскаго и купече-

скаго круга, который даваль Москвѣ Скалозубовъ и жертвователей на благодѣтельныя учрежденія. Въ Москвѣ живуть и старые тузы, но не бояры, а генераль-адъютанты: Шиповъ, Закревскій, Н. Муравьевъ, и имъ не оказывается ни довѣрія, ни высочайшаго вниманія, ни движенья, и они не отмѣчаются даже злословiemъ. Въ Москвѣ есть и Сенатъ, конечно умирающій; но Сенатъ этотъ не только не фрондируетъ по прежнему, онъ, чувствуя приближеніе конца, ничего не дѣлаетъ, а ищетъ, заискиваетъ въ Воспитательномъ Домѣ, въ храмѣ Спасителя. Ему нужны пріютъ и спасеніе.

Журналы („Московскія Вѣдомости“ и „День“) и общественные пересуды живуть однимъ: ненавистью къ Петербургу. Безъ нея не о чёмъ ни говорить, ни писать.

Замѣчаю я много разнузданности въ среднемъ и низшемъ классѣ, особенно въ классѣ слугъ. Жалобы на дурныхъ служителей общія, особенно на кучеровъ и поваровъ. Замѣчаю я менѣе опрятности и уличного порядка и много какой-то губернской патріархальности, которая на бульварахъ чулки вяжетъ, завтракаетъ, отдыхаетъ и спитъ, а тутъ бѣгаютъ стаи собакъ, куръ, индѣекъ и даже кошекъ.

Общественность удалилась въ клубы, и они полны. Я въ нихъ еще не членъ и не былъ. Небольшие кружки, которые я успѣлъ посѣтить, у генерала Шипова, у д. с. с. Сушкина (фрейлина Екат. Федор. Тютчева), сенатора Тимирязева и сенатора князя Одоевскаго, собираются людей хорошей компаніи, весьма умныхъ, но немножко фрондёровъ, немножко нелюбителей Петербургскихъ реформъ и немножко остановившихся и въ чтеніи и въ работѣ.

Трудно себѣ представить, чѣмъ интересуется Москва и какъ жадно ждетъ и принимаетъ Петербургскія новости. Перенося ихъ изъ кружка въ кружокъ, изъ дома въ домъ, молва, болтовня даетъ имъ такие невѣроятные размѣры, что необходимы все губернское простодушіе и вся старческая довѣренность, чтобы непринять ихъ за вымыселъ и преувеличеніе. Такъ напр. разсказы о Муравьевѣ Виленскомъ, о его встрѣчѣ тысячами народа, о визитѣ ему княгини Суворовой, о дерзкомъ его ропѣ на неоцѣнку заслугъ его и о его планѣ водворенія и утвержденія Русского элемента въ Западномъ краѣ. Особенно послѣднее, планъ представляетъ самую широкую канву для самыхъ фантастическихъ узоровъ. Муравьевъ хочетъ обрушить всѣхъ землевладѣльцевъ въ западныхъ губерніяхъ, Шиповъ хочетъ обрушить все Царство Польское. Имъ сочувствуютъ и Московская и частію Петербургская пресса, и все общество, довольно скорое на всякия сочувствія на словахъ и за бра-го. Дѣло въ томъ, что предположено продавать казенные и частныя имѣнія Русскимъ православнымъ и сдѣлать обязательнымъ при воспи-

таній Русскій языку. Мѣры радикальныя, но сдва ли исполнимыя. Императоръ Николай роздалъ майораты православнымъ генераламъ, но мѣра эта не имѣла никакихъ послѣдствій. Казенные земли пойдутъ въ продажу, если оцѣнить дешево, но потомъ постепенно перейдутъ къ Полякамъ. Частныя имѣнья, за немногими изъятіями, не перейдутъ къ Русскимъ. Патріоты Замойскіе оснуютъ фондъ и не поддадутся. А что касается Русскаго языка, то мѣра эта была предписана въ Остзейскомъ краѣ, но оказалась совершенно бесполезною. Не такими мѣрами притягиваются части къ центру. Дайте единство политическое, дайте общую конституцію, и тогда, не нарушая и не обходя закона, вы введете и Русскую рѣчъ, и Русское большинство, и Русское могущество. Это движение и общественную силу и политическое воспитаніе народа.

Мнѣ и сказать (не замѣтить и сознать) трудно, какъ я падаю, падаю, падаю....

Кеппенъ умеръ, академикъ, Петръ Иван. собиратель, нашъ этнографъ-статистикъ, добросовѣстный и нельзя сказать, чтобы его не оцѣнили. Я познакомился съ нимъ въ Іюнѣ 1835 г., когда онъ жилъ на дачѣ въ Павловскѣ, у тестя своего Аделунга. Онъ былъ уже кривъ и худъ и старъ, какъ при отѣздѣ въ Крымъ, въ послѣдній разъ. Помню, что за обѣдомъ онъ мечталъ, какъ о своемъ идеалѣ, быть начальникомъ *всѣхъ, всѣхъ* (повторялъ онъ) архивовъ настоящихъ и будущихъ (и будущихъ—повторялъ онъ). Аделунгъ слушалъ серьезно и отвѣчалъ на этотъ довольно странный идеалъ честолюбія. „Я удивляюсь, какъ тебя не сдѣлаютъ такимъ начальникомъ. Вместо того, чтобы сожигать статистическую отчетность, замѣняя ее общими и весьма неточными министерскими отчетами, какъ это дѣлается во Франціи, чтобы не подвергнуть сомнѣнію достовѣрность ихъ повѣркою съ источниками или вместо того, чтобы для храненія дѣлъ назначаютъ цѣлые города (какъ въ Испаніи), я бы сдѣлалъ себя градоначальникомъ всѣхъ старыхъ дѣлъ въ одномъ мѣстѣ, въ одномъ городѣ, где мы живемъ, сложенныхъ; но съ тремя условіями“. Какъ, говорилъ Петръ Ивановичъ отвѣтить, чтобы не сгорѣли дѣла? Нѣть, возразилъ Аделунгъ, *primo*, чтобы всѣ дѣла сжигались; *secundo*, чтобы ты дѣлалъ изъ всѣхъ точное систематическое извлеченіе, и *tertio*, чтобы ты основалъ школу Кеппеновъ для дальнѣйшаго продолженія учрежденія. И, прибавилъ я, (обращаясь къ Кеппену), чтобы вы отвѣчали за всякую справку, необходимую изъ старого дѣла. Отвѣтственность не важная: дѣла обязательно предаются уничтоженію, сказалъ мнѣ Кеппенъ, и это произвело взрывъ нашего хохота и намекомъ на Французскихъ и вообще на министровъ, сжигающихъ источники повѣрки и основанія отвѣтственности. Разговоръ зашелъ о другомъ.

Я встрѣчался съ Кеппеномъ довольно рѣдко. Въ 1844 г. мы нѣсколько времениѣ єздили вмѣстѣ по Финляндіи. Раза три я присутствовалъ на его вечерахъ, гдѣ ораторствовали О. П. Лишке и Гессе. Они уговорили меня вступить въ Географическое Общество. При встрѣчахъ мы были добрые и давнѣ знакомые. Въ ревизіонной комиссіи 1863 г. я выставилъ его заслуги по собранію матеріаловъ для Словаря Географического, отъ которыхъ, заявивъ печатно, очень безцеремонно отказывались г. Семеновъ и его сотрудники. Рѣдко можно встрѣтить такого добросовѣстнаго собирателя. Даль, но В. И. Даль не прочь къ матеріаламъ прикинуть и своего паченья.

Посреди нашихъ огромныхъ реформъ, огромныхъ гражданскихъ завоеваній, оглушенные ихъ шумомъ, мы едва замѣчаемъ событія, которыя въ другое время, при нормальномъ расположениі умовъ, были предметомъ торжественныхъ празднествъ не только правительства, но и общества, корпорацій и даже семействъ. Я говорю объ окончаніи Кавказской войны, продолжавшейся болѣе 60 лѣтъ и стоившей Россіи несмѣтныхъ жертвъ народомъ и деньгами. Событіе это какъ-то принято и проходить незамѣтно. Въ Петербургѣ кто-то распорядился отпраздновать обѣднями въ лагерѣ, въ соборахъ и въ церквяхъ; а въ Москвѣ и въ Россіи никакого торжественнаго празднованія нѣть, и Синодомъ никакого распоряженія не сдѣлано. Встрѣтили это событіе съ должнымъ почетомъ только газеты, и то немногія: „Инвалидъ“ и „День“. Общество, народъ и самые органы ихъ глухи и нѣмы. Окончаніе Кавказской войны важно не только потому, что, съ замиренiemъ прекраснаго и богатаго края, мѣстная жизнь ближе становится къ гражданственности, рѣдко уживающейся съ военнымъ положеніемъ. Бюджетъ государства долженъ сократиться. Имперія не будетъ отвлекать и тратить значительныя силы къ этой отдаленной окончности; положеніе Востока, Персіи и Азіатской Турціи, измѣняется рѣшительно и становится невольно въ отношенія покровительства. Теперь систематически можно подумать, какъ о возвращеніи въ краѣ, на началахъ автономіи, хорошаго гражданскаго управлениія, такъ и о развитіи производительности южныхъ произведеній, продаваемыхъ намъ такъ дорого чрезъ Балтійскій портъ: маренѣ, хлопокъ, плоды, масло, шелкъ, ткани, и о распространеніи торговли съ соѣдними государствами. Не знаю, кому изъ полководцевъ честь и слава, но несомнѣнно честь и слава Русскому солдату.

Боже мой, какъ я умаляюсь, уменьшаюсь, уничтожаюсь! Я это чувствую, ощущаю, вижу; болѣе—я это помню: смерть Саши. Помоги мнѣ, Господи!.... Нѣть, Богъ тебѣ даль все, чтобы этого не было, и вопреки Его волѣ есть: такъ казнись и раскаивайся.

Кавказская война кончилась, а наши журналы и газеты заняты теперь, какъ вы думаете, чѣмъ? Угрозами смежнымъ государствамъ и народамъ. Укрѣпленіе нашего владычества на Евксинѣ и Каспіѣ, доскональное разрушеніе Азіи, всей Азіи! Послѣ возбужденія сепаратизма въ Финляндіи, Прибалтиѣ, Литвѣ, даже въ Малороссіи, это вторая заслуга нашей прессы. Указываютъ на третью, это—отпоръ вмѣшательства въ Польское дѣло. Да, это заслуга. Но здѣсь прессы помогли двадцати клуба, пятокъ-десятка ловкихъ губернаторовъ, съ легкой руки кн. Суворова и неистовства Польского подземного правительства, при совершенно пассивномъ положеніи класса крестьянъ. Помогли и энергическія дѣйствія генерала Муравьева. Да, все это такъ, а потомъ что? Потомъ чтѣ?

У меня обѣдалъ министръ, генераль-адъютантъ Зеленый. Я пригласилъ сенатора князя Одоевскаго, и мы порядочно потолковали о Петербургскихъ нарядахъ. Выходитъ, что наряду-то не имѣется никакого. А события все расширяются, углубляются и ускоряются по крутизѣ положенія. Мы еще въ эпохѣ уступокъ и дарованій. Скоро наступить эпоха уклоненій и переступленій. Какъ-то съ ними справляться? И справляться думаютъ съ нашими министрами! Да, мы привыкли къ безответственности и безнаказанности.

У насъ въ деревнѣ пожаръ. Пожары вездѣ. Я вызываю семью. Чѣмъ это такое?

Начало народной вольности ознаменовалось у насъ почти повсемѣстнымъ военнымъ положеніемъ, если не по объявленію, то на самомъ дѣлѣ. Военная экзекуція и схватки 1861 г. приготовляли къ тому исключительному положенію, при которомъ всѣ учрежденія порядка сводились къ двумъ властямъ: экстраординарной военной, которая судила и разстрѣливала по полевому уложенію, и экстраординарной мировой, которая судила и рѣшала по своему усмотрѣнію. Всѣ прочія власти, дисциплина, полиція и судь опустились, ослабли и объявились несостоятельными. При поколебаніи земельной собственности почти всей Россіи поколебалось и ослабло самое понятіе о собственности. Съ ослабленіемъ учрежденій порядка естественно возбуждается опасеніе за личную безопасность. Къ этому присоединились три обстоятельства, вызванныя конечно ожиданными послѣдствіями свободы: Польское восстаніе, находящееся въ связи съ нимъ демагогическіе замыслы внутренніе и бездѣльничество дворни и рабочихъ, опьяненныхъ дешевкою и поощряемыхъ безнаказанностью, которую они чувствуютъ въ отмынѣ тѣлесныхъ наказаній. Польскіе ссылочные, пропагандисты внутренніе, и эти бездѣльники разливаютъ на всемъ пространствѣ Имперіи такую массу возгораемыхъ материаловъ, что внѣ столицъ имущества, села,

города горятъ, расхищаются, пропадаютъ, а личности ищутъ огражденій въ самоуправствѣ и уступчивости. Не будемъ говорить объ общихъ жалобахъ землевладѣльцевъ на неисполненіе работъ, на потравы и кражи; укажемъ на общія жалобы мастеровъ на работниковъ и господъ на слугъ. По улицамъ, на бульварахъ, на гульбищахъ ходить нельзя: такъ отвратительно пьянство, такъ назойлива дерзость, такъ стѣснительна самоувѣренная распущенность. Города горятъ. Общее убѣженіе то, что поджигаютъ Поляки. Пожары принимаются колоссальные размѣры и сопровождаются страшными послѣдствіями: народъ хватаетъ подозрительныхъ и разрывается на части или бросаетъ въ огонь. Грабители грабятъ. Толпа, найдя склады вина, напивается и тутъ же на пепелищѣ засыпаетъ. А все идетъ crescendo—и странно мое ослѣплееніе! Минѣ кажется, во всѣхъ этихъ бѣдствіяхъ есть система, организація, подземные распорядители. Я могу ошибаться и желаю быть изобличеннымъ въ ошибкѣ. Для изслѣдованія пожаровъ въ Казани и Симбирскѣ назначенъ генераль баронъ Врангель и—говорятъ—мой сотоварищъ, сенаторъ Ждановъ.

Вотъ пріѣхали и мои. Пожарь сдѣлалъ большое впечатлѣніе на Митю. Онъ до сихъ порь припоминаетъ малѣйшія подробности. Татѣ утѣшала его, увѣряя, что папа пріѣдетъ и построить все снова. Но никакой перемѣны въ нихъ я не нашелъ. Кажется, еще похудѣли. Гувернанткою (Eugénie Duvois) я не доволенъ. Это какая-то Московская пансіонерка, суэтная и недоученая. Мы всѣ успокоились.

Обѣдалъ у меня министръ юстиціи Дмитр. Никол. Замятинъ. Минѣ хотѣлось поподробнѣе и откровеннѣе объясниться съ нимъ, и я объяснился, просидѣвъ съ нимъ съ 5 до 9 часовъ, когда поѣхали вмѣстѣ на вечеръ кн. Юрія Долгорукаго. Я далъ ему четыре записки о нѣкоторыхъ перемѣнахъ въ нынѣшихъ порядкахъ Сената, и онъ, благодаря меня за мысль, выразилъ совершенное согласіе и готовность привести мои предположенія въ исполненіе. Предположенія эти касались: назначенія первоприсутствующихъ, доли участія сенаторовъ въ наблюденіи за ходомъ дѣлъ и изложеніемъ рѣшеній, отвѣтственности оберъ-прокурора и оберъ-секретаря при пересмотрѣ департаментскихъ рѣшеній въ общемъ собраніи, и сокращенія переписки и подписей, имъ же нѣсть числа. Несмотря на положительное обѣщаніе, я не вѣрю словамъ ministra, ибо изъ тона и нѣкоторыхъ вставныхъ предложеній замѣтилъ и вполнѣ увѣренъ, что на самостоятельность его расчитывать нечего и что банда правовѣдовъ окружила его и дѣлаетъ что хочетъ.

Въ виду нашихъ утонченныхъ Европейскихъ преобразованій любопытно отдать отчетъ въ элементахъ, среди которыхъ онъ водворяются. Русскія явленія.

При общественныхъ выборахъ въ Москвѣ по новому положенію запирали вѣсѣ двери богатой городской думы (въ д. гр. Шереметева), чтобы члены не ушли и оставалось ихъ необходимое число, но (замѣчаетъ газета) члены все-таки находили возможность удалиться изъ собрания („Моск. Вѣд.“ № 181). Въ „С.-пб. почтѣ“ № 21, оберъ-полицмейстеръ, опровергая 10 № „Совр. Слов.“ о обязательности платежа 25 р. пожарнымъ, удостовѣряется: убѣжденіе въ необходимости подобнаго платежа вскоренилось такъ сильно, что мнѣніе домовладѣльцы, въ случаѣ пожара, приказываютъ запирать ворота и не впускать пожарную команду и проч. Въ „С.-п. Почтѣ“ № 24 описано какъ на выборахъ дворянъ, 23 Января 1863 г. при повѣркѣ ящиковъ во всѣхъ оказалось различное число шаровъ: въ иныхъ не доставало, въ другихъ были лишніе. У Н. Арсеньева насчитали 148, слѣд. не доставало 12; а въ другихъ лишніе: въ ящикѣ г. Каменского нашли 108 избирательныхъ шаровъ и 115 неизбирательныхъ изъ 160 т. е. 58 лишнихъ“. Дворянство потѣшается или тришируетъ? Въ „Моск. Вѣд.“ 3 Марта № 48. Г. Милюковъ описываетъ, что въ Малоархангельскѣ, Орлов. губер. по улицамъ отъ собакъ, быковъ и свиней житъ нѣть. Приводить и случаи. Въ „Очеркахъ“ и въ „Москов. Вѣдом.“ 6 Марта № 50 описано событіе 13 Октября 1862 г. о побояхъ, причиненныхъ поручику Макаревичу, въ Бобриницкомъ уѣздѣ (Херс. губер.), когда онъ, по приглашенію сосѣда своего Вешнякова, пріѣхалъ къ нему въ домъ, гдѣ находилась цѣлая компанія: Василій Кедаповскій, Александръ Черба, Ник. Величковскій, Александръ Теренинъ и дьяконъ Богдановичъ. Я не помню, по уголовной моей практикѣ, такого варварскаго поступка, такой дикой перепойки, такого степнаго разбоя.

„Тобольск. Губерн. Вѣдомости“ пишутъ и „Московскія“ (19 Марта 1863 г.) повторяютъ, что въ Березовскомъ краѣ страшный голодъ и что, въ Декабрѣ прошлаго года, священникъ Лумпоковскаго прихода о. Воргуновъ формально доносилъ, что въ одномъ его приходѣ 16 человѣкъ умерли съ голода. Въ 41 № „Москов. Вѣдом.“ разсказывается и въ 71 поясняется случай, какъ въ Тульск. губерніи крестьяне согласились, за условленную сумму, обмѣняться женами, и обмѣнялись.

Въ журналѣ Донскаго войск. присутствія 15 Ноября 1862 г. описано, какъ мировой посредникъ Егоровъ, при введеніи уставной грамоты, когда крестьяне не соглашались ни на какія условия изъ упорства, вынужденъ былъ наказать черезъ казаковъ 15 человѣкъ, въ томъ числѣ и женщину.

„День“ 20 Апрѣля 1863, № 16, описываетъ „что при открытіи общей думы въ Москвѣ случилась небольшая непріятность, украдены чаша, назначенная для водосвятія и сукно со стола; сняты, но не

украдены часы; по слухамъ оборвана драпировка и сдѣланы неприличности неудобныя для печати". „Моск. Вѣдом.“ 23 Апрѣля 1863 г. № 86: Стоило иному иностранному наблюдателю немного прислушаться къ тому что серьезно говорилось въ Петербургѣ, присмотрѣться къ тому что тамъ дѣлалось вокругъ, чтобы вынести полное убѣжденіе въ совершенномъ разложеніи нашего общественного организма“. „Москов. Вѣдомости“, 19 Декабр. 1869 г.: „Едва ли гдѣ публичная нравственность и стыдливость охраняютъ менѣе чѣмъ въ Москвѣ“.

Крики: „Край Русскій, Русскій“, „усилить, развить Русскій элементъ, поднять, возвысить духовенство православное“, и т. п. раздаются безпрестанно и громко. Газеты, пользуясь свободою, пишутъ гимны Русскому элементу, праздно задѣваютъ инонѣмленія народности, другія исповѣданія и вызываютъ сепаратизмъ и во всякомъ случаѣ антагонизмъ и междуусобицу. Особенно тутъ отличаются „Московскія Вѣдомости“ Каткова, „День“ Аксакова и „Голосъ“ Краевскаго. Другой антагонизмъ—другая заслуга нашей печати—это раздраженіе сословій и постепенное низведеніе говора и споровъ въ нижніе слои, въ народъ, гдѣ мѣстные пропагандисты подготавлиаютъ почву, на которой могли бы выразиться желанныя притязанія демократіи, хоть по поводу предстоящихъ земскихъ собраній. Здѣсь служать службу почти всѣ наши газеты и журналы, но преимущественно „День“ Аксакова и „С.-петербургскія Вѣдомости“ Корша. Имъ помогаетъ и „Вѣсть“, но, давая пищу, обносить помѣщиковъ, интересы которыхъ она исключительно защищаетъ. Еще пунктикъ, на которомъ сходятся всѣ (всѣ демократическія) газеты и даже помѣщичья „Вѣсть“, это отзывы о Наполеонѣ III. Они до того односторонни и безцеремонны, можно сказать неприличны, что едвали могутъ сравнимы, въ этомъ отношеніи, съ Англійскими. А между тѣмъ, Боже мой! Въ какомъ положеніи наши учрежденія? Въ какомъ положеніи наша учебная часть? Въ какомъ положеніи дѣтельства наше общественное миѳніе и въ какомъ упадкѣ наше хозяйство, наши финансы? Ну какая Польская, Нѣмецкая или Шведская интелигенція подчиняется такому господствующему элементу, имѣя свои гораздо лучше? Вместо того, чтобы кричать и только кричать, надобно бы учиться и учиться, догонять и стать самостоятельно и твердо.

Чтѣзначить конвенція 15 Сентября? Примиреніе папства съ Италіей? Война Италіи съ Австріей? Путаница, для которой нуженъ конгрессъ? Нѣть. Это новая уступка демократіи.

Высокое призваніе, которое одушевляетъ Гизо во всѣхъ его дѣяніяхъ и сочиненіяхъ, и настоящее положеніе христіанской вѣры, знаменующееся индифферентизмомъ въ латинствѣ и отрицаніемъ въ протестантизмѣ, вызвали на свѣтъ новое сомнѣніе маститаго профессора-оратора:

Médiations sur l'essence de la religion chretienne. Скромное название оправдывает скромность содержания, состоящего из общих размышлений, применение текстов и выписок из других, всегда прекрасно сказанныхъ, но ничего нового не прибавляющихъ для убѣжденія невѣрующихъ и укрепленія слабаго вѣрованія. Отъ книги вѣеть высокимъ гуманнымъ, но человѣческимъ духомъ. Нѣкоторыя выраженія намекаютъ на неглубокое убѣженіе самаго Гизо. Во всякомъ случаѣ предлагаемое имъ соединеніе всѣхъ исповѣданій для сравненія напирающаго отрицанія неисполнимо, а указываемые имъ, какъ путь спасенія, бротодоксы-протестанты и либералы-католики, если бы и соединились, привели бы народы къ безвѣрію; ибо и тѣ и другіе опираются на науку, а наука-то и губить теплую вѣру. Вышла только первая часть „Размышленій“; подождемъ остальныхъ три. Гизо не изобрѣтателъ. Онъ прекрасно выводить, группируетъ и описываетъ фактъ. Здѣсь требовалось другаго дара, и старикъ очевидно старъ для новаго поприща теолога.

Государь ѳдетъ въ Ниццу, гдѣ болѣющая Императрица проводить зиму. Легче было бы, если бы зима проведена была въ Испаніи или Италии. Не любовь къ Наполеону въ Россіи общая. Мы все и Европа знаемъ, что прошлогодній дипломатической напоръ имѣлъ во главѣ Наполеона. Онъ публично выразилъ въ тронной рѣчи, что Россія попираетъ трактаты. Лучше умереть, чѣмъ искать спасенія и убѣжища у такого врага. Это имѣть видъ, что Россія заискиваетъ въ могущественномъ властелинѣ; это даетъ убѣженіе, что дипломатическая война кончена послѣ секретнаго обязательства дать Польши конституцію. Вообще мы неохотно читаемъ извѣстія о поѣздахъ нашихъ государей за границу и описанія о пребываніи ихъ тамъ. Наши князья и княгини безпрестанно въ вояжахъ, точно имъ непрѣятно дома. Къ намъ прѣдѣтъ какой нибудь принчикъ, и то на нѣсколько дней, и то по случаю охоты или коронаціи или сватъбы. Государь возвращается съ великимъ княземъ Константиномъ. Послѣдняя вѣсть горше первой.

На моихъ глазахъ Европейское общество, а потому и Русское, получили довольно рѣзкія направленія, вслѣдствіе событій, выразившихъ реакцію направленіямъ предшествовавшимъ. Событія эти были: переворотъ 1830 г., вызвавшійся реакцией направленію династическому, легитимизму и водворившій исканіе популярности сближеніемъ съ буржуазіей и свободою трибуны и каѳедры съ высшими представителями націи. Второе: перевороты 1848 г., вызванные злоупотребленіемъ свободы, популярности и парламентаризма, которые привели къ диктаторству, къ просвѣщенному деспотизму. Франція идетъ впереди, за нею идутъ другія державы, и въ концѣ ихъ мы. Императоръ Николай шель въ разрѣзъ съ революціей и не хотѣлъ знать ея вліяній. Только не

стало его, начались и у насъ либеральничанья, исканіе популярности и свободы ученій и преній. Трилогія Уварова (самодержавіе, православіе и народность) забыта и замънена конституціей, въротерпимостію и исключительнымъ Русскимъ направлениемъ. Первый шагъ того религіознаго направлениія была свобода крѣпостнаго населенія. Власть совершиенно обезсила въ виду 25 м. освобожденныхъ и непривыкшихъ къ самоуправлению массъ. Всѣ орудія власти остановились, нужно было создать дискреціонную власть генераловъ и мировыхъ посредниковъ. Къ довершенню ала, въ это же время понижены проценты и удешевлена водка. Понижение процентовъ устремило капиталы на разныя предпріятія, бросившія въ народъ большіе заработки. Пьянство усилилось чрезвычайно. Пить молодыя дѣвки, пить дѣти. Къ этому подоспѣла отмѣна тѣлесныхъ наказаній, безъ которыхъ полиція не знаетъ, чтѣ дѣлать съ нарушителями порядка, которые, прежде сжатые въ ежевыхъ рукавицахъ, теперь, пьяные, расходились такъ, что другимъ и ходить нельзя. На недостатокъ прислугои, на недостатокъ мастеровыхъ и рабочихъ общій плачъ. Пропаганда пришла къ намъ двумя путями: путемъ науки и путемъ Польши. Они соединились вмѣстѣ и основали школу либераловъ, состоящую изъ нигилистовъ и нигилистокъ, шахматнаго клуба, студентскихъ сходокъ и вообще молодой Россіи. Сжатые мѣрами строгости, они открыто вызываютъ революцію прокламаціями и пожарами? Какой исходъ возметь это хаотическое состояніе, раздуваемое непрестанными реформами, Польскими эмиссарами и вызывающими газетами? Я думаю, что власть отрезвится и сдержитъ потокъ уновленій. Для возвращенія и усвоенія ихъ нуженъ порядокъ, спокойствіе и постепенность.

Брошюра Шедо-Феротти еще волнуетъ наше общество. Совѣтъ университета, возвращая присланные экземпляры, выразилъ, что книга эта (*Que fera-t-on de la Pologne*) написана первомъ, враждебнымъ Россіи, а „Моск. Вѣдомости“ огласили этотъ отзывъ. Графъ С. Г. Строгановъ, путешествующій съ Цесаревичемъ, получивъ обѣ этомъ свѣдѣніе, выразилъ въ письмѣ къ проф. Бодянскому сочувствіе этому отзыву и просилъ передать это членамъ Совѣта. Тоже заявилъ Пензенскій губернскій предводитель отъ имени всего дворянства. Теперь затѣваются въ Англійскомъ клубѣ дать членамъ Совѣта обѣдъ, и вѣрно состоится. Должно замѣтить, что здѣсь бывать не по коню, а по оглоблямъ. Хотѣть донять не Шедо-Феротти, и даже не Головнина, котораго не любить, правда, и предательское дѣйствіе котораго „Моск. Вѣдомости“ выставили такъ рельефно, Москва хочетъ донять Великаго Князя Константина, двигателя крестьянскаго дѣла и ненавидимаго дворянствомъ. Въ книгѣ барона Фиркса оправдывается система, которой держался въ Польшѣ

Великій Князь до начала 1863 г. Москва хочетъ этимъ заявить и неудовольствіе свое духу сепаратизма, теперь особенно пробудившемуся по случаю реформъ и свободы цензуры. Въ Польшѣ намъ много общаго и сродственнаго. Здѣсь антицаріи болѣе историческія, слаживаемыя событиями. Прибалтійскій край „въ лѣсѣ смотрѣть“, потому что онъ волкъ, другое племя, другой языкъ и другая вѣра. Здѣсь сліяніе невозможно безъ исчезновенія полнаго. Въ Польшѣ сліяніе возможно при взаимномъ общеніи, при обоюдныхъ уступкахъ. Прибалтійцы считаютъ себя и край *принадлежавшими* Римскому императору, а теперь Германіи. Въ XVI ст., когда Иванъ Грозный опустошалъ этотъ край, Ливонскій орденъ и города обратились къ императору. Фердинандъ или Максимилианъ присыпалъ посла убѣдить царя, что это край имперскій, и Ливонія только по безсилію имперіи распалась и отдалась Швеціи и Польшѣ. Высшая Нѣмецкая культура самый злой врагъ нашъ. Она онѣмечить всю Чухландію, которая уже усвоила себѣ и вѣру и *почти* языкъ (азбуку). Русская пропаганда тамъ чрезвычайно слаба, и надобно прощеть возваніе Рижскаго преосвященнаго, чтобы удостовѣриться, въ какомъ положеніи тамъ главный элементъ нашъ—православіе. Въ столкновеніи съ западною цивилизаціей мы должны уступать. Въ насъ нѣть устойчивости. Мы всесторонне и безпрерывно преобразовывались. Совершивъ, не остановимся ли теперь?

Въ городѣ, университетѣ, въ клубахъ и въ журналахъ болыпіе толки все о Шедо-Феротти: que fera-t-on de la Pologne. С. П. Шиповъ и Н. В. Сушковъ, Щебальскій, Менде, Араповъ агитируютъ и приготовляютъ Каткову адресъ, письма, манифестацію. Они уговаривали меня подписаться, предоставляя измѣнить редакцію, и я на отрѣзъ отказался. не желая ни быть человѣкомъ партіи вообще, а Катковской (исключительность Русская) въ особенности, ни тащить журнальныя пренія и частныя манифестаціи въ толпу, въ народъ, на площадь. Катковъ заходить такъ далеко, желая величія и твердости Россіи, что перепутались все окраины, порусски неговорящія; онъ такъ льстить народному самолюбію и даетъ такуюувѣренность въ политической зрѣлости общества, что за нимъ побѣжитъ и готовъ кричать весь читающій и пишущій людь Россійскій; онъ такъ безцеремонно обносить Петербургскихъ администраторовъ, всю и всякую Петербургскую среду, что въ Европѣ вместо „Петербургскій кабинетъ“ будуть называть „Московитское правительство“. Шедо-Феротти выступилъ противъ этого направленія, и брошюра его мастерски выставляетъ исключительность, тѣсную, довольно грубую и всегда заносчивую Московскаго публициста. Онъ прижалъ его къ стѣнѣ, и я понимаю агитацио Каткова. Вмѣсто агитациіи г. Каткову лучше бы было обдуматься и удостовѣриться, что то, что онъ говоритъ

правительства дѣлаютъ не разглашая, и дѣлая, разглашаютъ то, что въ сложныхъ организмахъ представляетъ терпимость, своевременность и законность. Г. Каткову лучше бы открыть публичные курсы и подвинуть нашу интеллигенцію, которая едва справляется съ Азіатскими племенами и всегда уступаетъ Западнымъ. „Русскія“ въ Польшѣ провинціи, возвращенные отъ нея, доселѣ называются въ Россіи „Польскими“. Смоленскъ недолго былъ въ Польскихъ рукахъ, давно въ нашихъ, а все таки вліяніе Польское тамъ доселѣ не изгладилось.

Польшѣ дадутъ самостоятельность, я заключаю это изъ поѣздки въ Ниццу, изъ свиданія съ Наполеономъ, послѣ всѣхъ выходокъ принца Наполеона и самого императора при открытии прошлогодней сессіи. Но дадутъ тогда, когда хорошо пойдутъ наши земскія учрежденія, готовящія намъ общее представительство земства. А учрежденія эти приняты съ такимъ равнодушіемъ, порицаются такъ открыто и вообще обѣщаются такъ сомнительно, что политическая зрѣлость наша далеко не пестина.

Земскія учрежденія наши (1 Января 1864 г.) идутъ плохо, и я находилъ и нахожу, что этотъ институтъ взялъ основанія слишкомъ одностороннія, механическія, демократическія, и при томъ вызванъ къ жизни не въ время. За расходы бояться, кажется, нечего. Дворянство бѣстествуетъ, а прочія сословія всегда скучы на добровольныя обложенія. Я опасаюсь, что собраніямъ—если они состоятся—обстоятельства при-дадутъ значеніе политическое, и они придумаютъ разныя затрудненія правительству и поставятъ его въ необходимость распускать ихъ и удерживать старый порядокъ. Главнѣйшая обязанность, раскладка податей, можетъ привести даже къ открытой борьбѣ, и можетъ явиться такое смѣлое собраніе, которое откажется отъ раскладки, объявивъ цифру несоразмѣрною съ средствами губерніи или уѣзда.

Изъ трехъ способовъ состава законъ остановился на *выборномъ* по количеству и цѣнности земель. Нѣть ни постоянныхъ членовъ по имуществу или по значенію, ни правительственныхъ по опредѣленію (кромѣ удѣла и казны). Должно ожидать, что большинство выберетъ отставныхъ чиновниковъ.

Самоуправленіе веъць прекрасная, но оно требуетъ денегъ, знанія дѣла и общественного мнѣнія. У насъ этого нѣть даже въ столицахъ. Деньги есть, да и то бумажныя, только въ Петербургѣ*). Любопытно посмотретьъ на наше дворянство, какъ оно заораторствуетъ. Конечно не такъ, какъ въ комитетахъ 1858 г. Обѣднявшіе и голодные они закри-

*) Впрочемъ это самоуправленіе совершенно зависитъ отъ губернатора, министра внутреннихъ дѣлъ и Сената (несамоуправляющагося?)

чать другимъ тономъ, и въ протоколъ надобно будетъ заносить не однѣ манифестації.

Все это время, съ Августа, я очень доволенъ моими крошками и Митеи, и Татой. Они здоровы, прилежны, много читаютъ, добры и благородны. Начинаетъ одолѣвать пытливость, особенно у Мити. Ему плохо дается математика, но очень занимаютъ вопросы о чудесахъ и Божьемъ промыслѣ, а также: какъ родятся дѣти и отъ чего узнаютъ, что тотъ мальчикъ, а та дѣвочка. На дняхъ, гуляя со мною по бульварамъ, онъ съ какою-то досадою говорилъ, что никто этого не знаетъ и ни въ журналахъ (которыхъ они получаютъ два) и ни въ какой книжѣ (у него ихъ 56) обѣ этомъ ничего не сказано. Прекрасныя существа! Какъ озабочиваетъ ихъ будущность при видѣ этого ничтожнаго молодаго поколѣнія, тщеславляющагося какимъ-то нигилизмомъ.

Съ приведеніемъ въ дѣйствіе судебнай реформы и цензурнаго устава мы, кажется, подвинемся къ Западу, и намъ не въ чемъ позавидовать Европѣ. Конституції? Она придетъ. Государь готовъ все дать. ()на придетъ, и при томъ ранѣе, нежели думаютъ и попросятъ. Нѣть. Есть еще чего пожелать. Во первыхъ, климата, т. е. большаго времени работы; во вторыхъ сокращенія пространства, т. е. увеличенія времени работы: въ третьихъ, монетной единицы, т. е. болѣе производительной работы. Если принять въ соображеніе всю сумму вліяній на жизнь этихъ трехъ факторовъ (атмосферы, земли и труда) вліяній повсюдныхъ, всеобъемлющихъ и всегдашихъ, то едвали не придется намъ отказаться когда нибудь выравняться съ Европейцами. А тутъ еще два обстоятельства: намъ надобно догонять, ибо мы очень отстали, и догонять съ малыми средствами, ибо главныхъ двигателей, капиталовъ, у насъ нѣть. Какое же можетъ быть у насъ Европейское устройство при такихъ условіяхъ? Баденъ, Сардинія и самая Франція, къ которымъ преимущественно обращаются наши реформаторы, совершиенно въ другихъ условіяхъ. Неужели Петръ Великій не заводилъ у насъ Европейскіе порядки, а чѣмъ они сдѣлались, водворенные въ Россіи?

Должно сознаться, въ настоящее время мы преуспѣваемъ скоро, гораздо быстрѣе, нежели прежде; но это происходитъ на счетъ будущаго. Усиленный ходъ и въ государствѣ, какъ въ членахъ и мускулахъ человѣка, отзывается со временемъ усталостю, изнуреніемъ, обезсиленіемъ. Какъ мы живемъ долгами и на уплату металлическихъ процентовъ не имѣемъ собственныхъ средствъ, такъ и въ гражданскихъ преобразованіяхъ мы преуспѣваемъ на счетъ будущихъ поколѣній. Мы создали и создаемъ многое, безпрестанно создаемъ и безпрестанно пересоздаемъ, но хорошо-ли, прочно-ли, благотворно-ли? Я помню и

зналь Пруссію въ 1842 году безъ всякихъ парламентскихъ учрежденій. Она была въ превосходномъ состояніи. Правительство было просвѣщенное, сильное и почетное. Король имѣлъ полное право сказать обѣ юстиції: „so rein wie nie“. Ну что бы намъ также себя поставить? Нѣтъ, мы гонимся за либеральными учрежденіями и, не подозрѣвая того, что они подмываютъ власть, единственный цементъ нашъ, и въ окончательныхъ послѣдствіяхъ ведутъ къ сепаратизму, т. е. къ раздробленію.

Агитациіи Каткова продолжаются. Проекты писемъ на его имя и приглашеніе Совѣта университета на обѣдь ходятъ въ клубъ и подписываются желающими. Слова его статьи 9 Февраля, особенно возмущившія Фиркса, говорять: „Отнимемъ же у нашихъ враговъ такое сильное орудіе (католицизмъ въ соединеніи съ элементомъ Польщизны), и несбыточныя мечты незначительнаго Польскаго населенія западнаго края рушатся сами собою. Пусть католики, протестанты и самые Евреи обучаются каждый своему закону по-русски, пусть въ ихъ храмахъ раздается слово проповѣдника по-русски; пусть все они молятся по Русскимъ молитвенникамъ, и они перестанутъ чувствовать себя Поляками, и проч. Сторонники Каткова утверждаютъ, что въ его словахъ нѣтъ ничего повелительного и обязательнаго, основываясь на словѣ „пусть“, и что это есть только приглашеніе, совѣтъ, какъ имъ выйти изъ безвыходнаго положенія. Это несправедливо. Такое приглашеніе имъ дѣлается едва ли уже не сто лѣтъ. Они ему слѣдуютъ. Нѣтъ, публицистъ Московскій говоритъ: „отнимемъ же у нашихъ враговъ такое сильное орудіе“, сдѣлаемъ ихъ Русскими. Здѣсь принужденіе, обязательность. Какъ публицистъ отъ католицизма (полонизма) перешель къ протестантамъ и Жидамъ, объяснить можно уравненiemъ народностей.

Изъ Петербурга, съ возвращеніемъ Государя и Великаго Князя Константина, ожидаютъ къ новому году или 19 Февраля много новостей и новыхъ установлений. Добрыхъ ожидать трудно. Все дѣлается такъ скоро, небрежно и на живую нитку, все такъ плохо вяжется съ прочими порядками и дѣйствительною средою, что заранѣе можно сказать: „непремѣнно напутаютъ“. Въ 1846 г. я предлагалъ графу Панину отмѣнить законъ о предоставленіи дѣлъ уголовныхъ начальнику губерніи. Въ 1863 г. послѣдовала эта отмѣна по дѣламъ, слѣдующимъ въ Сенатъ на ревизію. И что же? Забыли, что въ решеніяхъ этихъ всегда есть апелляціонныя части, подлежащія утвержденію губернатора, и мы должны или возвращать дѣла для утвержденія и объявленія на правѣ отзыва, не разматривая ревизіонной части, или, разсмотрѣвъ свое дѣло, ревизіонное, отсылать остальныя части для утвержденія губернаторскаго и

для объявленія на правѣ отзыва, и тогда дѣло, или по несогласію губернатора или по отзыву, опять приходить въ Сенатъ. Путаница на путаницѣ, а все отъ непрактичности законодателей.

Эти дни былъ у меня два раза генераль Шиповъ, чтобы посовѣтываться о лучшемъ способѣ оглашенія записки его (новой) по Польскому вопросу. Она написана противъ Шедо-Феротти и довольно неумѣренно. Сколько я могу догадываться, все это агитация Каткова, которому нужны всѣ орудія и пригодны всякия орудія, лишь бы какъ нибудь выпутаться (замаскироваться) изъ положенія, указанного ему книгою Шедо-Феротти не совсѣмъ велиcodушно и съ порядочною долею злорадства. Съ легкой руки псевдо-русского публициста, теперь иностранныя газеты, и органы весьма серьезные, разрабатываютъ вопросъ о Русской партіи и ея тенденціяхъ. Не думаю, чтобы Государь, правительство и покровители „Московскихъ Вѣдомостей“ были довольны сложившимся убѣждениемъ подъ вліяніемъ обличеній, основанныхъ на точныхъ выпискахъ Русскихъ новыхъ патріотовъ. Если они не далеко зашли, то они несомнѣнно зарапортовались. Шиповъ хотѣлъ послать записку Государю, при письмѣ къ шефу жандармовъ. Я отсовѣтовалъ. Я убѣдилъ выкинуть всѣ рѣзкости, вызванныя духомъ партіи, а послать записку, довольно невинную—можно.

Съ одной стороны публицистика сильно одолѣваетъ и существующія учрежденія и дѣйствующія лица, одолѣваетъ до неприличія. Она законъ считаетъ какимъ-то проектомъ и не только критикуетъ его по обнародованіи, какъ напр. земскія учрежденія, но дѣлаетъ даже предметомъ публичныхъ преній, какъ напр. г. Лохвицкій въ своей диссертациі: „Губернія“; а при порицаніи управл恒я, она современно забываетъ, что здѣсь есть своя іерархія отвѣтственности, до подрыва всякаго довѣрія и уваженія къ закону и его исполнителямъ. Съ другой стороны и явленія въ нижніхъ слояхъ народа не менѣе знаменательны: своееволіе, безответственность, грубость, пьянство и преступленія усилились и усиливаются замѣтно простому глазу. О столицахъ я могу судить самъ, видя каждый день по этимъ улицамъ пьяныхъ, дерущихся и толкающихихся мастеровыхъ и рабочихъ. О провинції, не говоря о разсказахъ, можно имѣть понятіе по страшному употребленію вина и страшнымъ грабежамъ и пожарамъ, вызвавшимъ почти повсемѣстно полевое уложеніе съ разстрѣляніями и съ висилицами.

Единственная уцѣлѣвшая власть въ провинціи, это—мировые посредники. Оставляя въ сторонѣ Калужскую губернію, гдѣ посредники, подъ вліяніемъ губернатора Арцимовича, систематически разорили не одного помѣщика, достаточно прочесть отвѣтъ Екатеринбургскаго исправ-

ника на обличительныя статьи въ сегодняшнемъ № „Дня“, который только скрѣпя сердце и по требованію цензурныхъ правилъ, напечатать эту протестъ полиції противъ анархического направленія нашихъ мировыхъ учрежденій.

Прочель я 13 и 14 ч. „Исторіи Россіи“ Соловьева. Много интереснаго, хотя послѣ Устрялова трудно найти что нибудь новаго. Во всякомъ случаѣ Соловьевъ ученѣе и выше Устрялова, и потому нѣкоторыя страницы его книги, какъ развитіе возрѣнія или системы, обрисовываютъ явленія и учрежденія эпохи замѣчательно и глубокомысленно. Но какъ Устряловъ и особенно Соловьевъ носятъ на себѣ печать нашего времени, нашего въ высшей степени смутнаго времени! Въ каждой строкѣ изложенія видишь недоработку, недоконченность и потомъ небрежную поспѣшность и беспрестанныя замашки на оригинальность. Очевидно, ни наука, ни языкъ не остановились, не установились и бродятъ по событиямъ, вводя для оригинальности любопытные эпизоды со всеми ихъ мелочами, переступая годъ и, повторяя сказанное, бродить и языкъ то въ современныхъ неологизмахъ, то цѣликомъ въ старыхъ столбцахъ со всеми ихъ затѣйливыми витіеватостями и грубыми оборотами рѣчи. Нѣть строгаго достоинства въ наукѣ, нѣть и чистоты языка. Соловьевъ однимъ глазомъ смотритъ на Славянофиловъ, ратующихъ за описываемую эпоху, рѣшительно несостоятельную, а другимъ—на тѣхъ борзописцевъ, которые односторонне выставляютъ только нужныя имъ явленія, съ точки зрѣнія порицанія или осмѣянія. Это исторія!

Я хочу заварить небольшую кашу. По случаю перебранокъ Каткова и Леонтьева съ 9 гласными Думы, послѣдніе въ напечатанномъ отвѣтѣ неуважительно выразились объ Управѣ Благочинія, какъ о мѣстѣ, пользующемся самою неблаговидною извѣстностію *). Говорить такъ объ учрежденіи дѣйствующемъ, объ органѣ правительства я допустить не могу и желаю указать министру Валуеву, что подобныя печатные отзывы могли быть допущены только поблажкою цензуры и незнаніемъ Европейскихъ порядковъ, въ которыхъ правительство и его органы никогда не могутъ быть предметомъ газетныхъ перебранокъ. Я увѣренъ, что каша моя возстановить моихъ мирныхъ товарищѣй, а мнѣ очень бы хотѣлось не идти одному въ общее собраніе. Но, если не соглашу съ собою никого, пойду и одинъ.

Прочель я записки Ермолова съ 1801 по 1812, изданныя въ „Чтенияхъ Общ. Ист. и Древн.“ и Записки 1812 г., изданныя кн. Долгорукимъ

*) Определеніе состоялось и послано было къ Мин. Вѣ. Дѣлъ, который его подписалъ и донесъ, что вмѣстѣ съ симъ сдѣлано подтвержденіе Цензурному Комитету о тотомъ исполненіи правилъ 1862 г. Но не потерпѣли отъ этого пресса? 24 Янв. 1865 г.

ковымъ въ Лондонѣ. Человѣкъ тутъ еще не весь, но изъ этого можно судить о всемъ человѣкѣ. Я же зналъ его лично; онъ провелъ двое сутокъ у насъ въ деревнѣ, я бесѣдовалъ съ нимъ много. И физическая, и умственная силы его были колоссальны, но ему не доставало убѣжденій и правилъ поведенія, которыхъ незамѣнимы ни характеромъ (впрочемъ довольно своеобразнымъ и упрямымъ), ни желѣзною волею, ознаменовавшуюся преимущественно на Кавказѣ. Ему не доставало высшаго просвѣщенія, хотя онъ щеголяетъ Латинскими цитатами. Ему недоставало и теплой вѣры. За этими недостатками, всѣ лучшія его качества дѣлаются чѣмъ-то страдательнымъ, отрицательнымъ, даже мелочнымъ, такъ что съ самыхъ первыхъ страницъ до послѣднихъ только и слышишь ропотъ, жалобы, зависть, колкости и насмѣшки. Нѣмцы—его главная тема. Неумѣніе цѣнить заслуги и способности его—вторая тема. Плохія ему награды—третья. Въ Латинскихъ, до рабства подражательныхъ оборотахъ рѣчи, Ермоловъ преплохой военный писатель. Ни при Аустерлицѣ, ни при Эйлау, ни даже при Бородинѣ не услѣдишь ни общаго плана, ни развитія дѣйствій битвы, ни нравственнаго ихъ вліянія. Можетъ быть, въ Персіи и на Кавказѣ могущественный сардаръ не измѣльчается выходками зависти и интриги и станетъ выше мелочей окружающей дѣйствительности (но и тамъ вѣрно есть Петербургъ), но здѣсь отсутствіе существенныхъ элементовъ воспитанія выставляетъ знаменитаго человѣка въ свѣтѣ невыгодномъ, и тотъ очень ошибется въ своихъ ожиданіяхъ, кто вознамѣрится въ этихъ Запискахъ найти славнаго Ермолова, пошулярнаго Московскаго богатыря на покой. Просто грустно: на чѣмъ тратится человѣкъ!

Общій говорѣ въ Москвѣ передаетъ слухъ изъ Петербурга о назначеніи министромъ финансовъ бывшаго сослуживца моего, статьи-секретаря Заблоцкаго-Десятовскаго. Толку тутъ никакого быть не можетъ. Какой онъ финансистъ? Онъ журналистъ, статистикъ, ученый, но не министръ и особенно финансистъ и финансовъ въ Россіи и въ настоящее время, когда вексельный курсъ упалъ до 311 сантимовъ за рубль и когда попытка на новый заемъ не удалась и при усилияхъ Штиглица. Это паденіе курса насть и заѣсть, а помощи отъ Заблоцкихъ не дождешься. Эти теоретики, эти либрѣ-ешанжисты ослаблять внутреннюю производительность еще болѣе и равновѣсіе бюджета будутъ поддерживать усиленіемъ сбыта акцизныхъ цитей, табаку и сахару и выпускомъ безпроцентныхъ бумажекъ, если занять нельзѧ. Мы страдаемъ слабою производительностію и, если противъ этого говорять никакія цѣны на хлѣбъ, то объясняется это безденежьемъ, на которое жалобы отовсюду. Назначеніе Заблоцкаго (Луи-Бланъ по Шереметеву, газетчикъ по Му-

равьеву) произведетъ говоръ и ропотъ въ кружкахъ Московскаго общества. Выборъ припишутъ Великому Князю Константину, котораго въ Москвѣ весьма не жалуютъ.

Секуляризациѣ католического монашества въ Царствѣ Польскомъ приняты, какъ и слѣдовало ожидать, въ Московскихъ кружкахъ съ радостію, какъ первый шагъ къ уравненію Царства съ западными губерніями и къ возстановленію тамъ Славянскихъ порядковъ, вытѣснемыхъ съ давнихъ временъ пришельцами съ Запада и вліяніемъ напізма. Цесаревичъ Наслѣдникъ въ Римъ не поѣдетъ; тамъ точать и ядовать стрѣлы въ Ватиканѣ, откуда должны раздаться стоны воплей и громы порицаній и охуленій. Другія государства, уже исполнившія эту мѣру, имѣютъ право порицать развѣ радиальное измѣненіе *statu quo*, не болѣе. Но порицать тутъ нечего. Монастыри сдѣлались притонами революціонеровъ и сами участвовали въ возстанії, которое безъ ихъ содѣйствія не могло бы принять такие размѣры, ни длиться такъ долго и упорно. Но я не согласенъ съ Московскими кружками въ томъ, что это есть шагъ къ уравненію. Уравнять ихъ невозможно. Польша всегда удержитъ свою особность, и только высшая, лучшая цивилизація у насъ, въ нашемъ обществѣ, наше умственное и гражданское превосходство подчинить *de facto* Польшу Россіи. А это превосходство достигается не легко и не тѣми путями, которыми идемъ мы, не имѣя хорошей системы просвѣщенія, не имѣя порядочныхъ учрежденій, не умѣя порядочно совершать преобразованія, умѣя только кричать во всю дорогу: „Я Русскій! Этотъ край Русскій, Русскій, Русскій!“ Природа обидѣла насъ и климатомъ, и произведеніями. Самое изобиліе земель, безъ соотвѣтственнаго населенія, служить какъ бы препятствіемъ развитію труда и установленію правильнаго хозяйства. Мы надѣемся на преобразованія, но изъ всѣхъ этихъ преобразованій я надежду полагаю на два: гласный судъ и неограниченную гласность. Они должны ввести какой нибудь порядокъ въ частную жизнь, въ общество. Но это совершается не легко, и элементы эти, всегда и вездѣ могущественные, могутъ уродливо выразиться въ средѣ, мало воспитанной для восприятія убѣжденій, правиль, привычекъ, почти чуждыхъ, противуположныхъ природѣ вещей, всему прошедшему, всему настоящему нашего общества. Я боюсь, что гласность приметъ у насъ направление одуряющее, коммунистическое и нигилистическое и пойдетъ въ разрѣзъ съ общественнымъ мнѣніемъ. На самоуправлѣніе я не полагаю никакой надежды.

А вотъ и указъ 20 Ноября. Судебная реформа совершилась! Если земскія учрежденія устанавливаются, если устроятся суды скорые и правые,

то успѣхи наши въ гражданственности по истинѣ будуть изумительны. Изумительны въ особенности потому, что достигнутся скоро и безъ усилий; изумительны и потому, что въ центрѣ Имперіи, въ господствующемъ племени новыя учрежденія установить порядки, какихъ нѣть ни въ Польшѣ, ни въ Прибалтійскомъ краѣ, ни въ Финляндіи, и въ которыхъ мы получимъ пунктъ тяготѣнія, долженствующій привлечь, привязать къ намъ эти чуждающіяся насть окраины государства. Слова мои почти имѣютъ смыслъ гиперболы, насмѣшки, но я—и сомнѣваюсь въ такихъ успѣхахъ и послѣствіяхъ ихъ—долженъ отдать полную справедливость, что вполнѣ раздѣляю Петербургское воззрѣніе о необходимости и условіяхъ коренныхъ измѣненій всѣхъ нашихъ учрежденій. Все шло такъ вяло, такъ дурно, такъ произвольно и грубо, что только скорая и большая нажива могла привлекать въ среду нашу и западныхъ, и Русскихъ иностранцевъ. Теперь все должно пойти иначе. Остается убѣдиться, что новыя учрежденія водворятся и усвоятся въ жизни и найдутъ, по воззванію Царя, всѣ необходимые для ихъ дѣйствія элементы въ цѣломъ обществѣ и въ каждомъ гражданинѣ. Въ этомъ отношеніи Петербургъ готовъ сказать: *Sit experimentum in anima vili.* Вотъ тутъ-то я съ нимъ расхожусь и думаю, что эта *anima viliis* сдѣлаетъ отпоръ и покажетъ своего рода силу, которую теоретики никогда не подозрѣваютъ.

Чтѣ ни день, то новость. Вотъ и внутренній заемъ въ 100 миллионовъ на условіяхъ чрезвычайно, *чрезмѣрно* выгодныхъ. Эта выгодность и запутанная мотивировка указа показываютъ, что состояніе нашихъ финансовъ болѣе нежели неудовлетворительно. Подписка, разумѣется, превзойдетъ ожиданія. Вѣроятно подпишутся на 300 или болѣе. Съ началомъ реализаціи вексельный курсъ нашъ упадетъ еще ниже. Лихорадка у нась будетъ большая. Вкусъ къ лотереямъ разовьется.

Москва ничего не имѣть столичного: большая вѣстовщица и сплетница, пересудамъ и критикамъ ея нѣть конца. Особенно этимъ щеголяютъ дамы; онѣ славятъ Христа, получаютъ небывалыя новости, дополняютъ ихъ, разряжаются и юздрятъ съ визитами, хлопочутъ о бѣдномъ человѣчествѣ и собираются на бесѣды. Мужчины дѣлаютъ тоже, но здѣсь господствующая страсть—поругать Петербургъ, министровъ и Великаго Князя Константина. Какъ мужчины, такъ и женщины раздѣляются на праздношатающихся и свахъ. Первые ничего не дѣлаютъ, вторыя думаютъ, что онѣ дѣло дѣлаютъ. Къ этимъ двумъ стихіямъ съ 1856 г. присоединилась журналистика, въ лицахъ Аксакова, Павлова, Каткова. Основаніемъ этой стихіи, получившей съ гласностью, огромное значеніе, есть элементъ Русскій, по-славянофильски—Русь. Она чрез-

вычайно подозрительна и во всякомъ не-Русскомъ видеть своего врага, который интригуетъ, говоря словами Каткова, лукавить и подготавляетъ торжество свое, выражаясь по-славянофильски. Катковъ требуетъ, чтобы всѣ иновѣрцы превратились въ Русскихъ, „День“ требуетъ, чтобы всѣ и всякие Русскіе подданные были православные. Это исходный пунктъ Московской публицистики, съ которымъ паралельно идетъ антагонизмъ къ Петербургу. Здѣсь также подозрительность, и слово „Петербургскій“ равносильно бранному. То оно значить: поверхностное, канцелярское, заимствованное, то не свойственное Россіи, враждебное, даже измѣнническое. Опираясь на кружки и клубы, публицистика образовала свои партіи и, въ случаѣ надобности, заводить агитациіи. Агитациіи переходятъ въ корпораціи, въ Думу, въ университетъ. Газеты разносятъ вѣсти объ этомъ, по дальнимъ краямъ, и тамъ пишутся письма, адресы, пытаются тосты, посылаются телеграммы. Въ Москвѣ агитируютъ преимущественно празднолюбцы, а распространяютъ агитациіи—свахи. Все бы это ничего, но вотъ что важно: за этою мнимою дѣятельностію, въ этихъ агитацияхъ забываютъ обѣ отчетливомъ ученіи, о дѣлѣ. Молодежь приготовляется самая ненадежная, ни о какомъ порядочномъ профессорѣ и не слышно, никакого явленія, даже литературнаго, не укажешь даже съ большими снисхожденіемъ, а о нигилистахъ и нигилисткахъ слышишь и даже видишь много. Агитируетъ самъ старикъ Филаретъ, съ вѣчнымъ неудовлетвореннымъ самолюбиемъ; а нѣть проповѣди, которая хоть сколько нибудь остановила бы страшное развитіе пьянства, нѣть и публициста, который бы указалъ на печальныя и неотдаленные послѣдствія настоящаго порядка вещей, въ которомъ именно порядка-то всего менѣе. Я не боюсь агитациіи Филарета. Она неумѣстна, безъ такта, противорѣчить и сану, и значенію. Я боюсь агитациіи почитателей Каткова, которые тянутъ ее на площадь, на улицу.

Генераль Шиповъ привозилъ мнѣ письмо шефа жандармовъ князя Долгорукова, въ которомъ ближайшій министръ просить Московскаго министра-на-покоѣ содѣйствовать съ своей стороны успѣху внутренняго займа расположенніемъ къ нему общественнаго мнѣнія Московскаго общества. Князю Долгорукову известна дружба Шипова съ редакціей „Московскихъ Вѣдомостей“, и потому просьба шефа жандармовъ относится косвенно къ журналисту: знаменіе нашего положенія знаменательное и, занося этотъ фактъ въ мою лѣтопись, я не безъ опасенія предвижу скорое пришествіе журнального правленія и нумерического господства въ земствѣ и городскихъ общинахъ. Финансовое затрудненіе наше таково, что мы идемъ навстрѣчу банкротству и для покрытия дефицита дѣлаемъ новый долгъ и вносимъ въ бюджетъ новые 6 м. рас-

хода. У насъ въ правительствѣ давно господствуетъ теорія. Съ возникновеніемъ публицистики теорія эта ищетъ опоры въ журналистахъ, отъ которыхъ зависить общественное мнѣніе, и особенно столь ублажаемое нами мнѣніе Европы. Все это кажется не имѣть особенной важности; но всего важнѣе здѣсь то, что правительство теряетъ подъ собою землю и становится на такомъ основаніи, при которомъ ни твердость, ни независимость невозможны: ибо теоріи самыя новыя очень стары и всегда зыбки, а опора, предлагаемая въ дневныхъ листахъ, измѣнчива и ломка. До приведенія въ порядокъ, какой-нибудь порядокъ, денежной единицы и бюджетнаго баланса нельзѧ дѣлать долги: они стѣсняютъ и приведутъ къ новому упадку вексельного курса, и чѣмъ легче достигаются, тѣмъ непроизводительнѣе употребляются.

Въ Москвѣ теперь изъ общихъ толковъ три. О судебныхъ уставахъ: ихъ раскупаютъ на расхватъ, и встрѣчены они съ большими сочувствіемъ, но задача введенія ихъ и дѣйствіе немалая, и сочувствіе выражается особенно потому, что нынѣшніе порядки до крайности неудовлетворительны. Противъ проектовъ и началъ 1862 г. сдѣланы два важныхъ въ Госуд. Совѣтѣ измѣненія: мировые суды судятъ по законамъ, и имъ предписанъ особый уставъ о взысканіяхъ и наказаніяхъ, довольно широкий и довольно неполный. Судебное сословіе не получило предположенныхъ исключительности и независимости, и министръ сохраняетъ значительную степень вліянія непосредственно и чрезъ высочайшія утвержденія. Этого надобно было ожидать; да къ этому бы и пришли сами суды, отрѣшившіеся отъ наградъ и милостей, раздаваемыхъ администрацией. Мнѣ кажется, должно ожидать затрудненій въ пріисканіи хорошихъ мировыхъ судей, какъ потому, что условія выбора довольно затруднительны, такъ и потому, что жалованье невелико (1500 р.), а прибавки его не дождешься отъ земства, и теперь отягощенного сборами. Должно ожидать большаго произвола въ первыхъ назначеніяхъ на замѣщеніе судебныхъ мѣстъ, и весьма можетъ статься, что назначенія эти совершаются самымъ одностороннимъ образомъ. Второй предметъ толковъ—это рѣчь Д. В. Скарятиня въ Вольномъ Экономическомъ Обществѣ, въ которой сторонникъ землевладѣльцевъ рѣзко обрисовываетъ жалкое состояніе производительности и банковыхъ операций въ настоящей Россіи, особенно съ 1861 года. Третій предметъ—это очеркъ составленія положенія 19 Февраля и участіе въ немъ Я. И. Ростовцева, въ послѣдней книжкѣ (Сентябрьской) „Русскаго Вѣстника“, Н. П. Семенова, одного изъ редакторовъ. Статья, довольно плохо написанная, весьма любопытна. Видишь, какъ люди идутъ опусть и какъ приходятъ къ результатамъ, которые прежде a priori и in principe отвергали. Семеновъ пишетъ

для прославленія Ростовцева, но услуга покойному плохая. Замѣчаетъ и сочинитель, выражаясь откровенно, что Ростовцевъ совершенно измѣнилъ свой взглядъ подъ вліяніемъ нѣкоторыхъ членовъ комиссій. Я думаю, Милютина (Николая) и Соловьева (Я. А.).

Рѣчь Скарятиня должна была произвести большой эффектъ въ партіи Николая Безобразова съ товарищи. Она особенно рельефно выставляетъ прибыли по операциямъ банка: съ 1861 г. 2,400 тыс., въ 1862—1,400 тыс., въ 1863 г.—800 тыс. и убытокъ по учету векселей, въ 1818 г. 2 миллиона, въ 1862 и 1863 гг. 5 миллион.*). Рѣчь очевидно гнется къ тому, чтобы доказать, что энергія нашей производительности ослабла отъ разстройства сельского хозяйства землевладѣльцевъ. Но рѣчи этой партіи недостаетъ двухъ аргументовъ: она не объясняетъ, отчего цѣны на хлѣбъ такъ низки, а главное, по моему мнѣнію, береть не ту исходную точку. Величайшій недостатокъ всѣхъ, при Петрѣ и при Екатеринѣ, нашихъ преобразователей—это ихъ теоритичность исхода, и отъ того непрактичность въ примѣненіи. Петръ переводить иностранное цѣликомъ, даже съ иностранными названіями. Екатерина читастъ современныхъ мыслителей и дѣлаетъ извлечения, а потомъ тетрадки свои обращаетъ въ Наказъ, а Сперанскій вводить эти мысли и замѣчанія въ Сводъ Законовъ.

Какая *tabula rasa* лежить предъ настоящею судебною реформою! Сколько будетъ ломки, искательствъ, мнимыхъ успѣховъ, и сколько личныхъ перемѣнъ, недочетовъ, разочарованій. Россія лично *terra incognita*, завоеванная непріятелемъ и устраиваемая имъ на свой строй, какъ дикия степи, способныя принять всякое устройство безъ всякой оппозиціи.

Едва начались желѣзныя дороги отъ Москвы и отъ Одессы, какъ завязалась горячая полемика о направлениі отъ Балты: на Кіевъ или на Кременчугъ? Въ Петербургѣ намѣчаются на Кременчугъ, Москва требуетъ на Кіевъ. Я сомнѣваюсь, чтобы она куда нибудь пошла; и думаю, что она постоитъ у Балты. Денегъ нѣть. Дѣлаемый заемъ пойдетъ на покрытие текущаго и будущаго дефицитовъ и на экстраординарные расходы, которые у насъ всегда найдутся. Но конечно, если уже вести дорогу, то на Кіевъ; но вести не теперь, а современно съ

*) Это взято изъ „Торгового Сборника“ Красильникова. Вотъ его цифры: учетъ векселей уменьшился на 40%, ссуды вообще на 33%. Въ 1861 г. векселей учтено на 87 мил., съ 1862 г. на 73, а въ 1863 г. на 63 мил. руб. Прибыли банкомъ получено въ 1862 г.—2,713,289 р. съ 1862 г.—1,394,260 р. въ 1863 г.—878,236 р. До ликвидации казна получила чистой прибыли 16,949,984 р. Въ 1862 г. понесено убытку—2,194,726 р., а въ 1863 г. 5,573,883 р.

дорогою изъ Москвы въ Кіевъ; иначе Московско-Кіевскій трактъ потеряетъ и нынѣшнее значеніе, а въ политическомъ отношеніи это будетъ просто ошибка. Связь должна быть съ Москвою и ни съ чѣмъ, какъ съ Москвою, центромъ Великорусскихъ нашихъ элементовъ.

Съ возвращеніемъ Великаго Князя Константина агитациі наши опять усиливаются, и журнальныя пренія отзываются еще сильнѣйшею желчью. Особенно рѣзки „Голосъ“ Краевскаго и „СПб. Вѣдомости“ Корша. Такъ стараются теперь и въ обществѣ охладить участіе къ внутреннему займу единственно потому, что мѣра эта будто бы придумана и рѣшена между министромъ Рейтерномъ и Великимъ Княземъ. Пріѣхавшиѣ изъ П-ра говорятъ, что общая цифра не достигаетъ и 200 м. р. Если это дѣйствительно такъ, то фіаско, новое фіаско доказываетъ прямое недовѣріе общества къ правительству. Если уже и такія чрезмѣрныя выгоды не могутъ привлечь желающихъ, то и большіе и малые капиталы не надѣятся на состоятельность правительства и смотрѣть на планъ займа какъ на обманъ, надуванье. Дѣйствительно, обѣщаютъ такъ много премій, выигрышей и процентовъ, что знакомый съ дѣломъ невольно долженъ предположить или совершенный недостатокъ, занимающій во что бы то ни стало, или преднамѣренное неисполненіе взятыхъ обязательствъ. Я желаю вѣрить, что подпись—хотя подпись на $\frac{1}{10}$ ничего не значитъ—дастъ по крайней мѣрѣ 500 м.*).

Я боленъ. По своей неосторожности, какъ всегда, напившись послѣ обѣда холоднаго пива, я почувствовалъ беспорядки въ брюшной полости и, запустивъ болѣзнь, пришелъ къ такому состоянію, въ которомъ надо было опасаться воспаленія и которое привело меня къ самой непріятной вещи: лѣченію. Я пилъ микстуру, вытерпѣлъ 8 піявокъ и взялъ 2 ванны. Теперь, слава Богу, лучше, но я не выѣжаю.

Германскіе негоціанты, послѣ многихъ завѣщаній, составили записку о необходимости особаго трактата цольферейна съ Россіей относи-

*) По телеграфу дано знать, что подпись простирается до 115 м. р. Это болѣе нежели фіаско. Но бояться и удручаться этимъ много не должно. Это проходитъ: во 1 отъ общаго безденежья, на которое всюду жалуются и которое посыпается обстоятельствами для регулированія расходовъ мѣстной жизни, никогда не бывшей въ нормальныхъ границахъ. Во 2, отъ застоя въ нашей вѣнѣшней торговлѣ, который тоже бѣдствіе временнѣе, имѣющее болѣе постоянныя послѣдствія въ развитіи внутренней промышленности. Въ 3-хъ, въ недостаточности плана лотереи: а) при малочисленности конторъ слѣдовало открыть подписку во всѣхъ губернскихъ и торговыхъ городахъ; б) назначеніе срока подписки болѣе продолжительное (это и сдѣлано,—вместо 4 продолжено до 15 Января 1865, но сдѣлано послѣ заключенія подписки); в) назначить уплату тоже въ болѣе продолжительные сроки, и с) избрать другое время, а не конецъ года, когда заканчиваются счеты и расчеты, и въ 4-хъ, недовѣріе къ правительству.

тельно взаимныхъ пошлинъ привоза и транзита. Записка эта, написанная, какъ говорять, Ф. Г. Тернеромъ, довольно обширная и обстоятельная, по распоряженію министра финансовъ напечатана въ газетахъ и предложена купечеству, между прочимъ, въ Нижнемъ Новгородѣ, на ярмаркѣ. На дніяхъ былъ у меня предсѣдатель ямарочнаго комитета Александръ Павловичъ Шиповъ и принесъ мнѣ рѣчь свою собранію купечества, обращенную собраніемъ въ протоколь, какъ рѣшительное мнѣніе купечества о предложеніи Германскаго цольферейна. Это рѣшительный отказъ, даже болѣе рѣшительный нежели всѣ отказы Русскихъ торговцевъ на предложенія иностранцевъ. Но не въ этомъ дѣло. Дѣло въ тонѣ и основаніяхъ отказа. Записка названа во первыхъ, „Запискою Нѣмцевъ“, и это презрительное выраженіе повторяется на каждой страницѣ. Шиповъ обѣщается обнять предметъ ав ово и показать, основываясь на фактахъ и офиціальныхъ свѣдѣніяхъ, постепенное развитіе и періоды упадка и процвѣтанія нашихъ мануфактуръ и виѣшней торговли. Ничего этого нѣть. Множество декламаций, выходокъ противъ Нѣмцевъ, противъ системы Тенгоборскаго, противъ тарифа 1857 г. и указаний на недостатокъ покровительства машиннаго производства и химическихъ издѣлій, близко касающихся самого оратора. Мнѣ понятно, что господствующіе въ Петербургѣ фритредеры могли и должны были вызвать реакцію со стороны мѣстнаго купечества. Рѣзкіе переходы, какъ тарифъ 1857 г., убиваютъ капиталы и основываютъ предпріимчивость; но зачѣмъ же эта запальчивость, почему эта голословность, послѣ такихъ богатыхъ, научныхъ обѣщаній опроверженія? Очевидно, съ нами совершаются превращеніе, перемѣщеніе, и центры тяготѣнія поколебались. Я думаю, что правительство не знаетъ точныхъ результатовъ и срока исхода. Это конечно жаль, чтобы не сказать болѣе. Но разъ избравши путь либеральный, здѣсь и тамъ, правительство не можетъ же оить идти назадъ и обратиться къ тарифу 1823 г. Хорошо указываетъ ошибки финансового (банковаго) управлениія нѣкто Красильниковъ, издатель „Торгового Сборника“, когда-то агентъ и правитель Англійской конторы въ Лондонѣ. Всѣ эти наѣздники такъ и щиплять бѣдное, дѣйствительно бѣдное, управлениe.

Увольненіе барона Ливена и назначеніе генералъ-губернаторомъ гр. Шувалова произвело впечатлѣніе и волненіе въ кружкахъ Московскихъ. Униженія, которымъ подверглась Русская національность въ дневныхъ листахъ и научныхъ политическихъ брошюрахъ и книгахъ, пробудили національную гордость, а раздражительные споры сепаратистовъ укрѣпили это чувство до того, что—по пословицѣ: дай долю, Русскій двѣ возметь—патріоты только и кричать: Русскій, Русскій!

Столкновеніе съ Остзейскими учрежденіями не нуждалось въ поводахъ. Еще прежде вызывательной проповѣди суперинтендента доктора Вальтера, вопросъ о городскомъ хозяйствѣ готовъ былъ измѣниться въ кориѣ и основаніяхъ. Его задерживала Нѣмецкая партія въ Петербургѣ, особенно гр. Блудовъ и въ послѣднее время Валуевъ. Съ положеніемъ 19 Февраля 1861 г. и земскій вопросъ поступилъ на очередь, найдя рыцарей дома и за стѣнами. Благовѣщенскій, учитель одной изъ гимназій, напечаталъ въ Дрезденѣ брошюру *Der Este und sein Herr* и потомъ множество подобныхъ изданій и репликъ, статьи „Русскаго Инвалида“ (весьма рѣзкія), отвѣты Петербургской Нѣмецкой газеты, особенно спокойныя и объемистыя статьи „Московскихъ Вѣдомостей“ и неловкая защита учрежденій края въ „Сѣверной Почтѣ“ Валуева дали вопросу значеніе общее и поставили его лицомъ къ лицу съ сепаратистскими тенденціями и съ развитиемъ Германскаго элемента вообще и Прусской монархіи въ особенности. Но городскія и земскія учрежденія края такъ крѣпки, что выдержали напоръ и сохранили свои средне-вѣковые порядки и обстановки. Учрежденія судебнаго, уже и по общечеловѣческому свойству своему, имѣютъ тѣмъ менѣе устоя, что сплоченные изъ разныхъ лоскутьевъ, они и въ средѣ края вызывали общія требованія преобразованія. Еще въ мое время Остзейцы ходатайствовали объ открытии у нихъ особаго департамента Сената собственно для Остзейскихъ дѣлъ, съ производствомъ на Нѣмецкомъ языке. Министерство и Комитетъ Министровъ отвергли это ходатайство. Капгеръ и я, бывшіе оберъ-прокурорами 2 отд. 5 д-та, менажировали ихъ особенности, проводя впрочемъ то правило, что статьи 2 ч. XV тома о ревизіи и аппеляціи для нихъ обязательны. Это было существенное. Съ обнародованіемъ общихъ оснований судебнай реформы въ Имперіи Нѣмецкіе юристы края начали агитациіи и манифестаціи, подемѣвавшись, въ печатныхъ брошюрахъ, надъ нашими реформаторами, черпающими свои познанія изъ сборниковъ и лексиконовъ. Когда приказано было примѣнить эти основанія къ учрежденіямъ въ трехъ губерніяхъ, баронъ Ливенъ какъ-то неловко предложилъ обѣ этомъ оберъ-герихтамъ и двумъ магистратамъ, и таившаяся мысль о единствѣ, по крайней мѣрѣ въ судебнѣмъ отношеніи, выразилась съ восторгомъ въ учрежденіи одной общей комиссіи въ Дерптѣ подъ предсѣдательствомъ старшаго президента барона фонъ-деръ-Ховена. Это произвело взрывъ въ национальной журналистикѣ, и рѣзкіе отзывы о сепаратизмѣ заставили барона Ливена снести конфиденціально съ Петербургомъ и по полученнымъ имъ свѣдѣніямъ просить увольненія. Увольненіе его не такъ важно; онъ очень мало значилъ въ краѣ, и губернаторы, какъ фонъ-Эттингенъ и попечитель университета графъ Кейзерлингъ совершенно его затирали.

Важно назначеніе гр. Шувалова. Нѣтъ сомнѣнія, что съ этимъ назначеніемъ измѣнится вся система управлениія, и Русскій элементъ получить болѣе правъ гражданства. Не странно-ли, что еще въ Сентябрѣ 1844 г. поѣхавъ Остзейскія стороны, я представлялъ графу Панину, что въ Ригѣ Русскій человѣкъ, въ Россійской Имперіи, допрашивается по нѣмецки. Тогда съ этимъ представленіемъ согласились и графъ Панинъ, и графъ Блудовъ; доложили и Государю, и высочайше повелѣно исполнить и—воть 20 лѣтъ прошло, и все ничего. Не всплынетъ ли это теперь?

Самый интересный современный вопросъ есть безъ сомнѣнія Шлезвигъ-Гольштинскій и ловкая бойкая политика фонъ-Бисмарка. Положеніе герцогствъ дѣйствительно странно и загадочно. Двѣ великія державы, не смотря на подписаніе Лондонскаго трактата, ополчаются противъ маленькой Даніи, отнимаютъ герцогства и на основаніи уступленныхъ Датскимъ королемъ правъ остаются тамъ и хозяйствуютъ. не смотря на протесты во Франкфуртѣ, никакъ по видимому не заботясь о претендентахъ, которыхъ уже двое: Аугустенбургъ и Ольденбургъ. Ни права трактатовъ, ни уваженіе малосильнаго не принимаются во вниманіе. Общій голосъ приписываетъ Пруссіи намѣреніе присоединить герцогства себѣ. Всѣ удивляются умѣнью г. Бисмарка вести дѣла. Онъ счастливо выпутался изъ смутъ внутреннихъ, когда палата не дозволяла ни одного шагу правительству. Онъ счастливо покончилъ войну, возбудя народный энтузіазмъ и устроивъ Австріи подчиненное положеніе. Все это такъ или почти такъ. Но такъ дешево нынче дѣла не дѣлаются. Ни одна изъ великихъ державъ не согласится на такое измѣненіе существующаго равновѣсія силъ, хотя бы Франціи уступила лучшую границу за Рейномъ, а Австріи сдѣлали уплату, которая могла бы поправить финансы и гарантировали Венецію. Большинство Пруссіи съ восторгомъ приняло побѣдителей. Король и правитель сдѣлали все, чтобы возвысить событие иувѣковѣчить его величие; но въ средѣ мыслящаго класса подвигъ этотъ большой важности не имѣеть. Въ партіи демократической онъ не найдеть и отдаленаго сочувствія, ибо демократическая учрежденія герцогствъ должны потерпѣть чувствительный уронъ, а напротивъ усиленіе элемента правительственнаго для нея вовсе не желательно. Когда фонъ-Бисмаркъ сойдется съ палатою, это будетъ подвигъ, но здѣсь-то и ожидаетъ его пораженіе. Палата вся изъ демократовъ, и они такъ наторѣли, что борьба начнется съ первыхъ засѣданій. Три года Пруссія безъ законнаго бюджета, и нѣтъ вѣрныхъ основаній ожидать, чтобы онъ состоялся и въ 1865 г. Обѣ стороны, опираясь на военныхъ триумфахъ, станутъ другъ про-

тивъ друга или съ болѣшими предубѣжденіями, и оппозиція укажетъ этимъ тріумфамъ невысокое мѣсто, хотя бы отъ этого могла потерпѣть и національная слава. Демократамъ національность есть условіе второстепенное. Да и общее мнѣніе Европы не будетъ на сторонѣ Бисмарка. Гегемонія Пруссіи имѣть въ себѣ что-то неестественное, несовременное, военное. Австрія можетъ воспользоваться обстоятельствами и стать во главѣ недовольныхъ, всѣхъ среднихъ державъ, и занять первенствующее положеніе. Выжидательность и предательская хитрость всегда были въ преданіяхъ Австріи.

Вообще и весь 1864 г. я считаю приближеніемъ къ тому порядку вецей, въ которомъ республика и соціализмъ, т. е. ограниченіе власти и собственности, будутъ оказывать все болѣе и болѣе чувствительное вліяніе, а рядомъ съ ними и индиферентизмъ и эманципація общественная все болѣе и болѣе будутъ приготавлять почву къ нарожденіямъ новыхъ видовъ, для которыхъ нынѣшня господствующія убѣжденія и формы покажутся и слабы, и узки. За исключеніемъ Англіи нѣть ни одного государства, которое могло бы расчитывать на правильное развитіе и опредѣленные результаты. Можетъ быть, въ непродолжительномъ будущемъ въ Европѣ измѣнятся центры тяготѣнія. Итальянское объединеніе и стремленіе къ единству Германскихъ племенъ, радикальныя реформы въ Россіи и броженіе въ Турецкихъ христіанскихъ провинціяхъ готовятъ новый порядокъ, для которого вырабатывается новое право. Въ настоящее время Европа истощается бюджетами, и военные расходы растутъ непомѣрно. Доколѣ Франція не придетъ въ нормальное положеніе, всѣ вопросы: Итальянскій, Дунайскій, Венгерскій и Польскій, всѣ будутъ ожидать права гражданства, и все сдѣлаться можетъ предметомъ вопроса. Три события оставляютъ имъ 1864 г. 1) войну въ Америкѣ, 2) папское посланіе 8 Декабря и 3) лихорадочные реформы въ Россіи. Война Американская все болѣе и болѣе локализируется, и въ отсутствіи хлопка, даже въ Англіи, далеко не имѣть тѣхъ угрожавшихъ послѣдствій, которыхъ такъ опасались. Послѣдствія эти еще менѣе важны для прочихъ государствъ и особенно для нашихъ немногочисленныхъ фабрикъ. Война эта гораздо важнѣе въ теоретическомъ отношеніи. Она опровергаетъ ученіе о децентралізаціи и подтверждаетъ, что государство не есть союзъ отдѣльныхъ самостоятельныхъ областей, но ограниченное цѣлое, въ которомъ всѣ части въ зависимости отъ цѣлага. Загадочно посланіе папы. Оспаривая всѣ достиженія современной эпохи, папа вдается въ такія крайности, что въ выраженіяхъ его энцикліки можно видѣть ослѣпленіе, находящее обыкновенно передъ смертью. Уже въ самый разгаръ Французской революціи, уже

и при полномъ дѣйствіи Священнаго Союза, нельзя было говорить какъ говорить Пій IX-й, и церковная опека есть насыпка въ глазахъ самыхъ католическихъ католиковъ. Папа расчитываетъ на фанатизмъ, но онъ не воспрянеть, и во всякомъ случаѣ это есть, когда онъ есть, двигатель, но не опора. Должно ожидать, что съ ослабленіемъ папской организаціи, усилия клерикальныхъ партій мѣстныя и съ ними заблужденія либеральной. Дурнаго тутъ нѣть. Затрудненія просвѣтляютъ возрѣнія и положенія, и нѣкоторая остановка приводить къ обдуманности, всегда небезполезной. Не менѣе важны этой католической реформы преобразованія, совершаemые въ Русскомъ мірѣ. Доселѣ нась только чуждались и обѣгали. 280,000 Русскихъ живутъ въ чужихъ краяхъ; 200,000 Татаръ бѣжали изъ Крыма; 400,000 горцевъ выселились съ Кавказа. Теперь реформы щедро, роскошно, расточительно даруются одна за другую. Извъ нась хотятъ сдѣлать совершенныхъ Европейцовъ, съ политическими правами, со всѣми утонченными огражденіями личности и собственности. Намъ остается при благоговѣйной признательности молить Бога, да удостоить Онъ великую націю вступить въ новую жизнь, возворить и усвоить лучшій порядокъ и подъ Его сѣнью достигнуть благосостоянія, жизни честной и любви братьевъ, старшихъ и младшихъ.

(Продолженіе будетъ).

Поправки къ 4-й книжкѣ „Русскаго Архива“ сего года.

На 527 стр. пропущены слова: „и однажды въ Пятигорскѣ сидѣлъ онъ у“.

На 528 стр., 3-я строка сверху, надо:—„составляя маршрутъ—обстоятельство это припомнили и....“

Но благополучіе Раевскаго продолжалось недолго: правитель Кавказа Е. А. Головинъ и чины Военнаго Министерства не могли оставаться равнодушными къ тому, что вчинательный генералъ, будучи начальникомъ Черноморской линіи, посыпалъ свои донесенія прямо къ Государю. Послѣдовавшія неудачи и дѣйствія Англіи уронили значеніе Раевскаго, и рядъ выстроенныхъ имъ крѣпостей пришлось оставлять.

Особенно любопытна переписка Раевскаго съ княземъ Воронцовымъ, адмираломъ Лазаревымъ, А. И. Казначеевымъ. Письмами сего послѣдняго оправдывается названіе, данное ему С. Т. Аксаковымъ „Бѣлый Ангель“. Про Лазарева Государь, разговаривая съ Раевскимъ, сказалъ, положивъ руку на сердце: „Наружность у него строгая, но у него много здѣсь“. Можетъ быть, Государь охладѣлъ къ Раевскому потому, что онъ настойчиво хлопоталъ

о возвращеніи изъ Сибири Декабриста князя Волконскаго, женатаго на родной его сестрѣ: Государь не любилъ напоминаній о Декабристахъ.

Н. Н. Раевскій женатъ былъ на Аннѣ Михайловнѣ Бороздиной, къ которой можно отнести извѣстное изрѣченіе Фридриха Великаго про ландграфиню Каролину Дармштадтскую: *Femina sexu, apina vir* (женщина полъ, мужчина душой). Она дала прекрасное образованіе двумъ сыновьямъ своимъ, которые остались малолѣтками послѣ отца. Она составляла большое собраніе гипсовыхъ снимковъ съ Русскихъ древностей. Оно конечно цѣло, и ему подобаетъ быть въ Московскому Музею Александра Третьяго. Одинъ изъ ея сыновей погибъ добровольцемъ въ Черниговскомъ Сербскомъ походѣ; другому принадлежитъ честь изданія настоящей книги.

П. В.

Ю. В. Готье. Замосковный край въ XVIII вѣкѣ. Опытъ изслѣдованія по исторіи экономического быта Московской Руси. М. 1906. Бол. 8-ка, VIII и 602 стр.

Ю. В. Готье. Слѣдственная комиссія по злоупотребленіямъ областныхъ властей въ XVIII вѣкѣ. Изъ «Сборника статей, посвященныхъ В. О. Ключевскому». М. 1909 г. 8, 103—152 стр.

Ю. В. Готье. Десятни по Владимиру и Мещерѣ 1590 и 1615 гг. Издание Императорскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ при Московскому Университетѣ 1910. 8 39 стр. съ указателемъ.

Протоіерей И. П. Кречетовичъ. Крестьянская реформа въ Оренбургскомъ краѣ (по архивнымъ даннымъ). Т. I. Подготовка реформы. М. 1911 г. Бол. 8-ка, VIII и 627 стр.

РУССКИЙ АРХИВЪ

на 1911 годъ.

(Годъ 49-й)

Годовая цѣна „Русскому Архиву“ въ 1911 году, за **двѣнадцать выпусксовъ**, съ пересылкой и доставкой, **девять р..** для чужихъ краевъ—**двѣнадцать р.**

Подписка **въ Москвѣ**, въ Конторѣ „Русского Архива“, на Ермоловской Садовой, въ домѣ 175-мъ (на дворѣ) и въ книжныхъ магазинахъ „Новаго Времени“: **Въ Петербургѣ** (Невскій, 40) **въ Москвѣ** (уголъ Неглинного проѣзда и Кузнецкаго Моста, д. Шориной) **въ Харьковѣ** (Николаевская пл. № 4 и Екатеринославская ул.. д. Иванова, № 1) **въ Одессѣ** (Дерибасовская ул.. № 33, уг. Преображенской) **въ Саратовѣ** (Б. Московская. Пассажъ 1) **въ Ростовѣ на-Дону** (Садовая ул., № 96) **и въ Парижѣ** (бульваръ Св. Магдалины).

**Въ конторѣ «РУССКАГО АРХИВА» продаются
прежнія полныя годовыя его изданія и отдѣльныя книжки Русскаго Архива
по цѣнѣ пониженнной.**

*

ДНЕВНИКЪ Камеръ-юнкера Берхольца, въ Россіи при Петрѣ Великомъ (1721—1725). Четыре части. 3 р. 50 к.

ЗАПИСКИ Дюка Лирійскаго. Цѣна 75 к.

ДНЕВНИКЪ Храповицнаго. 1783—1793. Цѣна 2 р..

ВОСПОМИНАНІЯ Г. И. Филиппсона. Цѣна 1 р.

СТИХОТВОРЕНІЯ А. С. Хомякова. Съ примѣчаніями. Цѣна 30 к.

Составитель и издатель „Русскаго Архива“ **Петръ Бартеневъ.**

СОРОКЪ ДЕВЯТЫЙ ГОДЪ.

РУССКІЙ АРХИВЪ

1911

6.

Стр.

161. Изъ записокъ Норберона 1777—1780.
205. Два завѣщанія Г. Р. Державина. (Крѣпостные ищутъ воли). Сообщено М. Л. Юдинымъ.
224. Изъ записокъ сенатора И. Н. Лебедева. 1865 г.
261. Изъ записокъ Я. К. Грота (празднованіе полуторастолѣтнаго юбилея Императорской Академіи Наукъ).
274. Письмо Ф. И. Тютчева къ книгинѣ Е. З. Трубецкой; со стихами.
275. Дѣло о мощахъ Устюжскаго іеромонаха Платона. Сообщено А. А. Титовымъ.
293. Донесеніе Дербентскаго коменданта Юнгера главнокомандующему на Кавказъ М. А. Матюшкину 1725 г. Сообщено графомъ П. С. Шереметевымъ.
297. Два аnekдота о царѣ Иоаннѣ Васильевичѣ Грозномъ. Сообщилъ Левъ Мацѣевичъ.
298. Таинственное потоціспіе. Сообщилъ А. А. Стаковичъ.
300. Изъ записной книжки «Русскаго Архива».
304. Поправка.

Внутри обложки: О книгахъ В. А. Петрова про орудія, отбитыя у непріятеля въ 1812 году.—О письмахъ Филарета къ Е. В. Новосильцовой.

МОСКВА.

Синодальная Типографія.

1911.

Орудія, отбитыя у непріятеля въ 1812 году. Составлено по порученію высочайше утвержденного особаго комитета по устройству въ Москвѣ Музея 1812 года, членомъ его артиллеріи генералъ-маіоромъ В. А. Петровымъ. Москва, 1911 г. бол. 4-ка. X, 123 и двѣ ненум. стр., съ прекрасно выполненными фотографическими снимками.

Въ Московскомъ Кремлѣ цѣлую стѣну занимаетъ громадное зданіе Арсенала, и вдоль всего его, почти отъ башни Троицкой до Никольской, поставлены 875 пушекъ, взятыхъ нами у Наполеоновой арміи въ предѣлахъ только Россіи. Мысль о томъ, чтобы свезти ихъ въ Кремль пришла императору Александру I Царевичу еще въ Ноябрѣ 1812 года. Онъ желалъ соорудить изъ нихъ побѣдный столбъ; но, какъ кажется, такое гордое намѣреніе смѣнилось у него смиреніемъ сознаніемъ воли Божіей, что выражено на медали 1812 года: "намъ, не намъ, а имени Твоемъ" (такъ славу). Въ достопочтенномъ труде В. А. Петрова находимъ изображенія этихъ пушекъ, расположенныхъ по государствамъ. Тутъ пушки Французскія, Пруссія, Австрійскія, Баварскія, Голландскія, Саксонскія, Польскія и даже Испанскія.

Не вся-ль Европа тутъ была?
А чья звѣзда ее вела?

Когда проходишь мимо этихъ орудій, жерла смерти заставляютъ вѣсъ подумать, сколько пало отъ нихъ Русскихъ людей, сколько пролилось крови; но утѣшительно вспомнить, что въ Мартѣ 1814 года на главной Парижской площади отслужена наша Пасхальная заутреня: "И ненавидящимъ насть вся простимъ воскресеніемъ".

На 11 страницѣ составитель книги говорить: "По условіямъ ликвидациії, на основаніи соглашенія отъ 24 Ноября 1813 года, союзныя державы для облегченія, равнымъ образомъ для

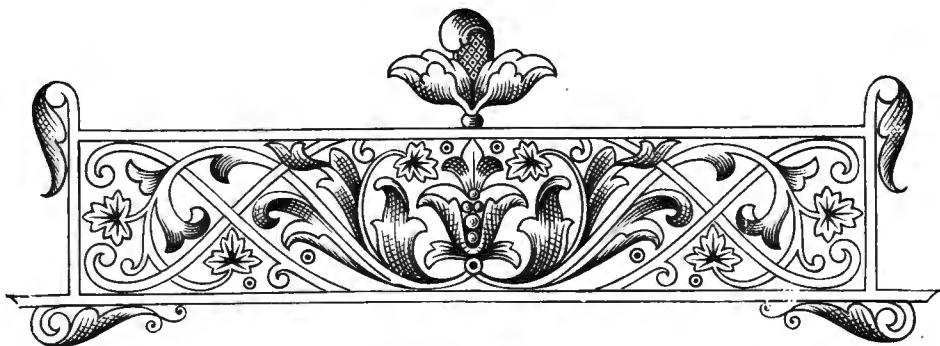
заведенія артиллеріи, согласились на то, чтобы уступить для взаимнаго обмѣна часть взятой у непріятеля артиллериі и такимъ образомъ передать другъ другу принадлежащую каждому государству артиллерию. На самомъ дѣлѣ выполнила условія только Россія. Шлатежъ пушками вмѣсто денегъ былъ произведенъ Россіей разнымъ правительствамъ въ зачетъ за расходы по содержанію госпиталей, за провіантъ, доставлявшійся мѣстными властями (заграницей) Русской арміи.

Особенно большія претензіи предъявила Пруссія, чѣмъ вызвала гнѣвъ императора Александра I. На рапортѣ фельдмаршала Барклая-де-Толли, по поводу изъявленнаго Пруссіей желанія получить безъ зачета денегъ 4 фунтовые пушки съ принадлежностью, Государь написалъ: "Я не намѣренъ быть дарить орудій Нѣмцамъ".

Письма Высокопреосвященнаго Филарета Московскаго къ Екатеринѣ Владимировнѣ Новосильцовой. Москва, 1911. 8-ка. двѣ ненум. и 246 стр.

Письма эти обнимають собой время съ 10 Іюня 1822 по 26 Сентября 1849 г.

Прошло уже слишкомъ сорокъ лѣтъ со времени кончины Филарета (+19 Ноября 1867 г.), и всетаки открываются неизданныя произведенія его пера. Подобно Екатеринѣ Великой, не проводилъ, кажется, онъ и дня, не написавъ чего-либо. Покойный Н. П. Гиляровъ говоривъ, что если бы Филаретъ получалъ построчную плату за то, что появлялось въ печати изъ его трудовъ, то у него накопились бы сотни тысячъ рублей; но онъ отличался полнымъ безкорыстиемъ и съ раннихъ поръ, когда ему платили за освѣщеніе церквей или за похороны, онъ иной

ИЗЪ ЗАПИСОКЪ КОРБЕРОНА¹⁾.

1777-й годъ.

Пятница 3-го Января 1777 г. Брату.

Вчера было у насъ большое масонское собраниe въ память бѣднаго Бахмана, который состоялъ членомъ общества. Ложа была затянута чернымъ, подобно ложѣ мастера; у тѣла играла похоронная музыка, и потомъ совершилось торжественное перенесеніе его въ другую комнату, гдѣ гробъ былъ поставленъ въ украшенную гробницу. Церемонія была довольно красива, но къ чему она? Этой пышности я бы предпочелъ болѣе простую церемонію со сборомъ пожертвованій въ пользу дѣтей покойного, которая, кажется, находится въ нищетѣ. Но здѣсь внѣшность всегда преобладаетъ надъ содержаніемъ: любятъ кажущееся, и не думаютъ о существенномъ; нуженъ блескъ, а не прочность²⁾.

Вторникъ 7-го Января.

Все еще говорять о предстоящемъ фаворитствѣ князя Потемкина; говорять, оно скоро проявится. Орловы начинаютъ падать; графъ Алексѣй отправился въ Москву; отсюда онъ уѣхалъ недовольный. Есть люди, утверждающіе, что бракосочетаніе князя Орлова съ двоюродной сестрою Зиновьевой находится наканунѣ своего осуществленія и что послѣ совершеннія его они тайно уѣдутъ отсюда. Подозрѣваютъ Государиню въ томъ, что она сама затѣяла эту интригу, чтобы этимъ противозаконнымъ бракомъ уронить его въ глазахъ народа. Она давно

¹⁾ См. выше, стр. 26.

²⁾ Въ Запискахъ Корберона, которая онъ велъ въ видѣ писемъ во Францію къ брату и къ близкимъ ему лицамъ, имѣется нѣсколько показаний о Петербургскихъ масонахъ. Мы не переводили оныхъ, ограничиваясь тѣмъ, чтѣ онъ разсказывалъ о главныхъ лицахъ Русскаго общества. Въ то время Корберонъ, будучи поклонникомъ Жанъ-Жака Руссо, занимался масонствомъ слегка. Позднѣе онъ сдѣлался ревностнымъ масономъ. П. Б.

сердита на Орлова за дурное обращеніе, которое ей приходилось терпѣть отъ него, и отсроченная месть ея будетъ тѣмъ полнѣе. Григорій билъ ее не разъ, а Пикте, бывшій свидѣтелемъ ихъ интимной жизни, говорилъ мнѣ, что видѣлъ Государыню въ слезахъ, и она жаловалась ему на недостатокъ къ ней вниманія со стороны князя. Къ этому добавляютъ, что состояніе, которымъ пользуется семья Орловыхъ, принадлежить казнѣ и что слѣдующій же государь можетъ отнять его. Словомъ, новый годъ принесетъ съ собою много перемѣнъ и назначеній новыхъ представителей Россіи въ Неаполѣ, Туринѣ, Португаліи и пр. Департаментъ иностранныхъ дѣлъ обходится отъ семисотъ до семисотъ пятидесяти тысячъ рублей, не считая расходовъ производимыхъ тайно.

Пятница 10-го Января.

Я ничего не говорилъ тебѣ о вчерашинемъ засѣданіи Академіи по поводу полувѣкового юбилея со дня ея основанія; дѣло идетъ объ Академіи Наукъ. Въ члены ея принялъ Прусскій король; читали письмо, которое онъ написалъ по этому поводу; въ немъ онъ говоритъ, что избраніе его объясняется тѣмъ почитаніемъ, какое онъ питаетъ къ этому учрежденію. Пришлося отсрочить празднованіе юбилея по случаю отѣзда директора Академіи Домашнева въ Берлинѣ, посланного туда сообщить о бракосочетаніи великаго князя. Домашневъ вернулся лишь недавно, и говорять, будто онъ умышленно дѣлалъ затрудненія къ засѣданію Академіи въ самый день пятидесятилѣтія, чтобы имѣть возможность предсѣдательствовать на немъ; это совсѣмъ въ Русскомъ духѣ. Даны аудіенціи нѣсколькоимъ Французамъ, какъ то: Бюфону, Добентону, Вальмонту де-Бомару, Сиго-де-Лафону и др.

Понедѣльникъ 13 Января.

Мнѣ передавали обѣ одномъ поступкѣ Государыни, который доставилъ мнѣ удовольствіе. Она принимала депутатовъ изъ Новгорода, гдѣ только что ввела свою новую форму правленія. Она угождала ихъ у себя, въ своихъ покояхъ, и когда Новгородскій губернаторъ графъ Сиверсь, котораго она очень любить, сообщалъ ей о своихъ распоряженіяхъ, онъ прибавилъ по адресу депутатовъ: „Эти господа не очень богаты“.— „Извините, губернаторъ, возразила Государыня, они очень богаты—усердіемъ“. Очаровательный отвѣтъ вызвалъ у нихъ слезы и осчастливили больше, нежели деньги. Вотъ, другъ мой, пріемы искуснаго монарха, и это пріемы Екатерины II-й.

Четвергъ 30 Января.

Нормандецъ рассказывалъ сегодня у Бемеровъ, будто Государыня читала вчера депешу (писанную не шифромъ) Вержена къ Жюинье,

гдѣ тотъ журить его за дѣло Робазоми и т. п.¹⁾ Верженъ же утверждаетъ, что вѣль себя мудро и осторожно, что это не можетъ повредить ему въ глазахъ такой мудрой и просвѣщенной правительницы, какъ Государыня и т. д.

Со времени моей немилости я былъ вполнѣ убѣжденъ, что дѣло Робазоми мнѣ не повредило; теперь, судя по тому, чтѣ известно Государынѣ обѣ этомъ дѣлѣ, я твердо убѣжденъ въ этомъ. Я старался разобраться въ причинахъ, вызвавшихъ немилость ко мнѣ и, кажется, нашелъ ихъ. Ты слышалъ отъ меня о Пикте, прожившемъ въ этой странѣ около одиннадцати или тринадцати лѣтъ; я иногда пользовался имъ, и когда ея императорское величество уволила его, я не могъ отказать этому человѣку въ письмѣ къ Верженю. Онъ имѣлъ неосторожность письменно выразить мнѣ благодарность за пріемъ, котораго удостоился у (нашего) министра, да и послѣдній самъ, въ частномъ письмѣ, подробно писалъ о Пикте; все это было прочтено и сильно мнѣ повредило. На меня имѣютъ основаніе гнѣваться; но клянусь, что, будь я здѣсь посломъ, я бы употреблялъ свои свѣдѣнія на благо обѣихъ націй. Таково или таковыи должно быть, по моему, основное правило политики: посолъ не долженъ собирать свѣдѣній, вредящихъ странѣ, куда его посылаютъ, потому что это значило бы поселять и питать поводы къ ненависти и раздору.

Меня заподозриваютъ и въ другихъ провинностяхъ, совсѣмъ для меня чуждыхъ, какъ-то въ связяхъ Сен-Поля и Пюи-Сегюра съ г-жею Шампаньоло, у которой я провелъ, противъ своего желанія, всего четверть часа, восемь мѣсяцевъ тому назадъ, во время похоронъ покойной великой княгини на Невскомъ. Въ этомъ я могу присягнуть. А между тѣмъ это (какъ проскользнуло у Нессельроде) было одною изъ причины неудовольствія, и Государыня, кажется, дала это понять. Я обязанъ этой гнусной клеветою, вѣроятно, лживому докладу Ивана Чернышова, который на это способенъ, ибо не любить меня, а самъ—человѣкъ самый низкій, самый лживый и самый злой.

Пятница 31-го Января.

Шарлотта²⁾ говорила мнѣ, что Государыня сердится на генерала Бауера за то, что онъ старался поступить на службу во Франціи, и о

¹⁾ Рабазоми, Георгіевскій кавалеръ, вышедший въ отставку изъ Русской службы, убилъ на поединкѣ Голландца графа Биланда, который служилъ въ нашемъ флотѣ и тоже получилъ отставку. Убийца искалъ себѣ убѣжища у Французского посланника Йюинье, но тотъ ему отказалъ, а Корберонъ позволилъ ему переночевать у себя.

²⁾ Одна изъ Бемеровъ. П. Б.

его намѣреніи узнали изъ нешифрованного отвѣта Верженя маркизу Жюинье, что весьма неосторожно со стороны Версальской канцеляріи. Его дочь, фрейлина, тоже испытала холодное обращеніе за то, что, привезя изъ Дармштадта письма къ покойной великой княгинѣ и заставь ее мертвою или на смертномъ одрѣ, отправила письма обратно вмѣсто того, чтобы передать ихъ Государынѣ. Ты видишь, какому стѣсненію подвергается здѣсь свобода. Оно и неудивительно при подобномъ правительствѣ. Бауеры не хотятъ оставаться; они намѣрены уѣхать до конца года.

Суббота 1-го Февраля.

Я участвовалъ сегодня на Русскомъ обѣдѣ въ полномъ значеніи слова; это было у полковника Вяземскаго¹); присутствовали только военные. Говорили о нашей службѣ и согласились, что въ Россіи она не пользуется достаточнымъ уваженіемъ въ сравненіи съ нашимъ. Чувство товарищества мало развито среди офицеровъ, потому что они могутъ, по желанію, переходить изъ полка въ полкъ, чтѣ ослабляетъ эту важную связь. Маленький Нелединскій²), немного захмѣлѣвъ, началъ съ жаромъ толковать о политикѣ и нравственности. Жаль, что этотъ молодой человѣкъ пристрастился къ безпутной жизни. Онъ читалъ со смысломъ, и голова у него не глупая; но онъ, вѣроятно, погибъ для общества и страны, потому что живетъ изо дня въ день и облекаетъ умствованіями свое безпутство.

Вторникъ 25-го Февраля.

Генераль Бауерь передавалъ Бемерамъ, что князь Орловъ много говорилъ обо мнѣ и очень хвалилъ за умное и тонкое поведеніе за все время немилости. Генераль Бауерь самъ сказалъ мнѣ тоже и совѣтовалъ поѣхать къ князю Орлову.

Воскресеніе 23-го былъ важный для меня день: я снова появился при дворѣ, хотя, ты чувствуешь самъ, другъ мой, что милость была вовсе ужъ не такъ велика. Я поѣхалъ туда съ маркизомъ Жюинье. Я услышалъ привѣтствія, комплименты, и только ихъ долженъ былъ и хотѣлъ я принимать, а потому, какъ только ихъ начинали произносить, я переставалъ ихъ слушать. Появилась Государыня. Я, по обыкновенію, поцѣловалъ у нея руку безъ всякой натянутости. Она, казалось, избѣгалась моего взгляда, чтобы не смутить меня, либо чтобы скрыть свое замѣшательство. Послѣ я узналъ черезъ барона Сакена³),

¹⁾ Это былъ, кажется, князь Андрей Ивановичъ, отецъ писателя. П. Б.

²⁾ Юрий Александровичъ. П. Б.

³⁾ Саксонскаго посланника. П. Б.

бывшаго мнѣ очень полезнымъ въ моемъ дѣлѣ, что въ первый разъ, какъ князь Орловъ заговорилъ обо мнѣ съ Государыней, она ему ничего не отвѣчала и даже, отведя глаза, заговорила съ другимъ. Всякій, кромѣ Орлова, не сталъ бы настаивать и даже, при подобныхъ обстоятельствахъ, перемѣнилъ бы разговоръ; но князь, наоборотъ, устремилъ на нее взглѣдъ, выражавшій холодъ, вниманіе и то превосходство, которое даетъ разумъ надъ слабостью. Эта рѣшительная осанка заставила ее обратиться къ нему и вновь заговорить; онъ снова повелъ разговоръ о томъ же и добился того, что Государыня наконецъ сказала: „Ну, хорошо, все забыто. Онъ можетъ вернуться ко Двору“. Однако она написала графу Панину, спрашивая, не унижаетъ ли ее подобное возстановленіе въ правахъ. Министръ отвѣчалъ, что она окажетъ себѣ честь этимъ поступкомъ, и мое дѣло удачно закончилось. Этотъ поступокъ князя Орлова можетъ служить тебѣ для знакомства съ нимъ. Онъ человѣкъ открытый, прямой и честный; его твердость никогда не колебалась, у него есть характеръ. Если бы къ этому онъ прибавилъ знаніе государства и послѣдовательность въ дѣйствіяхъ, какъ это требуется въ его положеніи, онъ сталъ бы великимъ министромъ, онъ сталъ бы спасителемъ Россіи.

Вчера, въ 9 часовъ, побѣхъ я къ князю Орлову. Онъ занимаетъ обширный дворецъ на набережной Мойки, на которой живу и я. Я вошелъ въ кабинетъ, полный народа; ждали пробужденія князя. Это настоящій дворъ, о какомъ и понятія не имѣютъ въ нашихъ Европейскихъ странахъ. Наши принцы крови, наши министры принимаютъ одѣтые и даютъ аудіенцію съ нѣкимъ уваженіемъ всегда подобающимъ публикѣ. Здѣсь Азіатскіе нравы сохранили еще нѣкую изнѣженность восточного деспотизма, и каждое высокопоставленное лицо принимаетъ посѣтителей съ чванствомъ и холодностью; можетъ, это уже не столько высокомѣrie, какъ привычка. Князь вышелъ изъ своихъ покоя въ кабинетъ въ халатѣ, растрепанный и съ длинною трубкою въ зубахъ. Его окружили, каждый кланялся; я тоже выдвинулся съ поклономъ, говоря, что былъ нѣсколько разъ и не заставалъ его. Онъ прервалъ мое проявленіе благодарности, взялъ за руку и сказалъ, что радъ былъ исполнить желаемое мною и готовъ служить во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда я захочу прибѣгнуть къ нему. Онъ сѣлъ въ кресло, вѣрѣль завивая себѣ волосы, куриль и продолжалъ разговоръ, который съ моей стороны былъ кратокъ. Поговоривъ съ другими, онъ приказалъ показать мнѣ его картины; когда меня повели, весь штатъ князя выстроился въ рядъ: такую власть на людей оказываютъ здѣсь милость и ея отблески. Я осмотрѣлъ картины, среди которыхъ отмѣтилъ нѣсколько

прекрасныхъ Фламандской школы, зашелъ на четверть часа къ князю и удалился довольный своимъ посѣщеніемъ. Вечеромъ князь уѣхалъ въ Москву; говорять, что онъ женатъ на своей двоюродной сестрѣ Зиновьевой, и его поѣздка имѣть будто бы цѣлью примиреніе съ ея родными.

Графъ Андрей въ день своего отѣзда изъ Петербурга ужиналъ у Нелединской, а такъ какъ они были за столомъ всѣ трое, Нелединская, Матюшкина и онъ, то первая—въ отчаяніи. Онъ, ужиная, какъ оголодавшій, то настойчиво просилъ Матюшкину проводить его съ Нелединской до Екатерингофа и на выставляемыя графинею затрудненія согласиться на его просьбу, заявилъ, что уѣдетъ одинъ и никого ему не нужно. Бѣдная Нелединская принуждена была усиленно просить Матюшкину согласиться, чтобы имѣть возможность хоть слѣдовать за нимъ, какъ она предполагала. Наконецъ поѣхали въ каретѣ Нелединской; графъ Андрей ни за что не хотѣлъ сѣсть съ нею рядомъ, а сѣлъ напротивъ Матюшкиной, пожелавшей, чтобы ее отвезли домой, чтѣ и было сдѣлано, причемъ на графа накинули шубу, чтобы спрятать его. Едва подѣхали къ дому молодой графини, какъ графъ Андрей залился слезами, стала цѣловать ей руки, повторяя, что только ее покидаетъ онъ съ сожалѣніемъ, только о ней горюеть и т. п. Можешь судить о состояніи бѣдной Нелединской! Однако, она всетаки проводила его до Екатерингофа, и это дѣйствительно была ея карета, которую я встрѣтилъ, возвращаясь вечеромъ отъ Сакена. Признаюсь, я никогда не могъ понять поведенія Андрея, ни какъ любовника, ни какъ человѣка, пользующагося успѣхомъ у женщинъ: въ первой роли онъ не выказалъ честности, во второй—ловкости. Но тщеславіе ослѣпило его и, думается мнѣ, что въ большинствѣ его поступковъ оно часто (даже, пожалуй, всегда) было главнымъ двигателемъ. Несомнѣнно, что года и чувствительность, если въ немъ ся столько, какъ я хотѣлъ бы думать, исправлять его.

Вторникъ 4-го Апрѣля.

Я обѣдалъ сегодня у князя Щербатова съ Архаровымъ, Московскимъ поліціймейстеромъ. Его прїездъ сюда вызываетъ много предположеній; есть люди, думающіе, что онъ станетъ фаворитомъ Государыни. Баронъ Строгоновъ, которого выслали изъ Парижа шесть мѣсяцевъ тому назадъ, умеръ въ Москвѣ, проломивъ голову при паденіи. Однимъ бесполезнымъ человѣкомъ меныше.

Пятница 7-го Апрѣля.

При Дворѣ былъ маскарадъ; я былъ на немъ. Явилось очень много народа посмотрѣть на Испанскую кадриль въ двѣнадцать паръ,

руководимую великимъ княземъ и его супругою. Костюмы были голубые и бѣлые; ничего новаго. Мнѣ не было весело на этомъ маскарадѣ: стѣсненіе и принужденность, царившіе на немъ, отнимали всякое удовольствіе. Я былъ сѣ Шарлоттою и боялся, что, несмотря на маску, меня узнаютъ. Мы провели сѣ полчаса у фрейлины Бемъ, которую устроили какъ кокотку, судя по обстановкѣ, состоявшей преимущественно изъ дивановъ, алькововъ и т. п. Въ половинѣ первого я уѣхалъ.

Пятница 18-го Апрѣля.

Эти дни мы были свидѣтелями весьма странного проигрыша судебнаго дѣла. Графъ Ефимовскій, вдовецъ, имѣлъ двухъ дочерей, одну замужемъ за графомъ Минихомъ, другую фрейлину. Этачеловѣкъ умираетъ и оставляетъ объимъ дочерямъ, единственнымъ его дѣтямъ, свое состояніе поровну. По истеченіи шести мѣсяцевъ, одна крѣпостная, дочери которой дали вольную, бывшая наложница покойника, затѣваетъ съ дочерьми графа тяжбу, заявляя, что графъ былъ на ней женатъ и имѣлъ ребенка. Она выигрываетъ дѣло и лишаетъ наслѣдства обѣихъ дочерей графа Ефимовскаго. Государыня, которой дѣлали нѣсколько представленій по поводу этого дѣла, не хочетъ обѣ немъ ничего слышать.

Суббота 19-го.

Недостаточно имѣть солдатъ и богатство, надо имѣть государственныхъ людей; надо имѣть національное единеніе для процвѣтанія добродѣтелей, нравовъ, искусствъ и наукъ. Надо подумать о побудительныхъ началахъ прежде чѣмъ желать, чтобы машина пошла въ ходъ усилиями начальъ, правиль и соразмѣрности. Въ этомъ громадномъ государствѣ я вижу только Государыню, женщину выше своего пола, но ниже созданнаго о ней мнѣнія; министры слабы, низкопоклонны, безъ генія, народъ—рабъ безъ характера и энергіи, великие замыслы честолюбія и негодные пріемы, чтобы выполнить ихъ и вызывать къ жизни. Кидая взгляды въ будущее, я вижу въ немъ наследника престола, слабаго, безъ характера, безъ генія, безъ возвышенности и горячности души, которыми вызываются сильныя страсти и великие таланты. Поверхностный умъ и самолюбіе плохо выберутъ ему людей, какъ теперь заставляютъ его дурно распредѣлять свое довѣріе и слабо желать державства. Да и какъ выберетъ онъ искусствъ министровъ, просвѣщенныхъ людей? Пустая, праздная и необразованная молодежь не даетъ надежды на полезныхъ и цѣнныхъ подданныхъ въ будущемъ. Нѣсколько проблесковъ ума, нѣсколько поверхности знаній могутъ поразить иностранца въ обществѣ, бѣгло его посѣщающаго; но при близкомъ знакомствѣ вы не остановитесь ни

на одной чертѣ силы или генія, ни на одномъ рѣшительномъ дѣйствіи, ни на одномъ твердо усвоенномъ вкуſѣ, ни на одномъ определенномъ и послѣдовательномъ поступкѣ: это люди (какъ сказаſь бы графъ Нессельроде) съ прекрасными воротничками и безъ рубашки. Если вы будете искать въ искуſствахъ и наукахъ восполненія того, чего не достаетъ въ другихъ сторонахъ жизни, вы снова останетесь неудовлетвореннымъ: правда, существуютъ академіи, но нѣть таланта въ головахъ, нѣть крѣпкихъ началъ для основы; много мастеровъ, промышленности—и мало производства. Вотъ, другъ мой, какова эта блестящая нація, изумительная по газетамъ и такая бѣдная, какъ только вы видите ее у себя дома. Бѣдная тѣмъ, что знаменуетъ собою шагнувшую впередъ и зрѣлую эпоху, но несомнѣнно богатая пространствомъ, населеніемъ, качествомъ рудъ, свойствомъ земли, если бы только она не хотѣла казаться старше, чѣмъ есть на самомъ дѣлѣ и не воспріяла бы разнузданную и суэтную роскошь, которая погубить ее еще вѣрнѣе тѣмъ, что сама она не умѣеть производить предметы этой ненасытной роскоши, которая, развращая ее, дѣлаетъ ее, мимо воли, даницею чужихъ націй.

Вотъ обѣ этомъ и хочу я писать Верженю; хочу доказать ему, что мои изслѣдованія не остановились только на людяхъ, меня окружающихъ и что я начинаю хорошо знать людей, съ которыми буду имѣть дѣло, если обстоятельства поставятъ меня здѣсь во главѣ дѣлъ.

Понедѣльникъ 28-го Апрѣля. Ему же.

Долженъ разсказать тебѣ обѣ остроуміи Бецкаго. Кто-то выразилъ ему сожалѣніе о томъ, что великая княгиня не имѣеть дѣтей и приписываютъ это слишкомъ пылкому темпераменту, подобно тому, какъ многія молодыя женщины начинаютъ родить только съ годами. Великій Бецкій предложилъ безошибочное средство: выпить стаканъ ледяной воды на супруговъ на ихъ ложѣ наслажденій. Ты примешь это за дурную шутку старого развратника, но если бы ты зналъ его, какъ я его знаю, ты увидалъ бы въ этомъ совѣтѣ проявленіе его генія. И это человѣкъ, стоящій во главѣ всѣхъ высшихъ учрежденій Россіи, намѣчающій планы воспитанія молодежи обоего пола, человѣкъ, проводящій ежедневно по два часа въ ученой бесѣдѣ съ Государыней и ея избранный чтецъ!

Со дня на день ждемъ мы ледохода на Невѣ. Задержка всегда пагубна для жителей столицы. Не взирая на грозящую опасность при переходѣ рѣки, постоянно видишь несчастныхъ, становящихся жертвою

своей вѣры въ святителя Николая, во имя котораго тонеть много народа. Я спрашивалъ, почему не поставить часовыхъ на берегу этой губительной рѣки. Мнѣ отвѣчали, что раньше такъ и было, но этимъ учащались несчастные случаи, такъ какъ простонародье побуждалось искать удаленный мѣста для перехода. Этотъ доводъ не показался мнѣ убѣдительнымъ; думается, что предосторожности, сопровождаемыя налагаемъ наказаніемъ за нарушеніе приказа, вырвали бы нѣсколько жертвъ буйности, привычки и того ложного чувства чести, которое несчастные полагаютъ въ презрѣніи опасностей. Развѣ нельзя натянуть сѣти и спасательными приборами спасти хоть нѣсколько человѣкъ? Впрочемъ это было бы слишкомъ просто, оно выразило бы только негласное человѣколюбіе, а мы хотимъ извѣстности и блеска. Вспомни, что мы въ Россіи и подъ управлѣніемъ женщины.

Воскресеніе 1-го Июля. Ему же.

На этихъ дняхъ показывали мнѣ портреты, писанные Русскимъ, Мятлевымъ. Они довольно хороши для иностранца. Этотъ Мятлевъ— молодой человѣкъ, не лишенный ума. Меня предупреждали, что онъ фальшивъ, и я могу этому повѣрить, судя по тому, что говорилъ мнѣ генераль Мелиссино. Онъ хотѣлъ его поссорить съ Кошелевымъ, однимъ изъ его друзей, изъ зависти, такъ какъ Мелиссино оказывалъ предпочтеніе Кошелеву. Сей послѣдній вель себя прѣкрасно и выказалъ прямоту, которая внушаетъ мнѣ къ нему довѣrie.

Князь Потемкинъ предполагаетъ учредить въ Петербургѣ и другихъ главныхъ городахъ кадетскіе корпуса для солдатскихъ дѣтей; они будутъ поставлять въ армію образованныхъ нижнихъ офицерскихъ чиновъ, въ чемъ чувствуется недостатокъ. Этотъ проектъ можетъ быть очень полезенъ здѣсь, гдѣ солдаты совсѣмъ безграмотны. Мелиссино поручено разработать этотъ планъ, и я постараюсь достать уставъ учрежденія. Намѣреваются также основать казацкій корпусъ. Мнѣ хочется имѣть уставы всѣхъ учрежденій Екатерины II-й.

Понедѣльникъ 2-го Июня. Ему же.

Пріѣздъ Шведскаго короля произвелъ впечатлѣніе. Говорятъ, къ нему назначены два камергера и т. д. А между тѣмъ онъ пріѣзжаетъ инкогнито. Государыня не особенно довольна пріѣздомъ, такъ какъ онъ сопряженъ съиздергками, а дамочка становится нѣсколько скаредною.

Вчера прибылъ въ Петербургъ Голландскій торговый корабль о трехъ мачтахъ. Такъ какъ онъ тутъ въ первый разъ, то салюто-

валъ адмиралтейство четырьмя пушечными выстрелами. Когда онъ бросилъ якорь, ему отвѣчали тремя, на которые онъ выстрѣлилъ еще разъ въ знакъ благодарности.

Говорять о помолвкѣ княжны Трубецкой съ графомъ Менгденомъ, молодымъ Ливонцемъ.

Я ужиналъ у Щербатовыхъ и завелъ разговоръ о морскихъ приготовленіяхъ въ Кронштадтѣ. Мнѣ сказали, что это къ пріѣзду Шведскаго короля; думаютъ, впрочемъ, что готовятся въ Архипелагъ.

Вторникъ, 3-го Июня. Ему же.

Мы ъздили кататься на Каменный островъ, прелестное мѣсто, принадлежащее великому князю. Онъ велѣлъ построить большую галлерею для танцевъ съ нѣсколькими комнатами, среди лѣса. Большая зала убрана со вкусомъ; стоящія у стѣнъ въ лѣпныхъ кадкахъ пальмы производятъ хорошее впечатлѣніе. Въ обоихъ концахъ залы четыре маленькихъ камина съ зеркалами. Все устроено съ большимъ вкусомъ. Мы вернулись вечеромъ на лодкѣ, какъ и ъздили туда, и провели день весьма пріятно.

Среда 4-го Июня. Ему же.

Несчастная Протасова *), фрейлина Государыни, говорять, сошла съ ума; дѣйствительно, она въ мрачномъ настроеніи, напоминающемъ сумасшествіе. Есть люди, думающіе, что это отъ зависти и любви къ князю Орлову, который женится на ея двоюродной сестрѣ Зиновьевой.

Понедѣльникъ, 9-го Июля. Ему же.

Государыня обѣдала на островахъ, въ палаткѣ Потемкина, который велѣлъ построить на этомъ мѣстѣ залу à la cosaque. Этотъ фаворитъ, пользующійся въ данное время милостью и играющій роль г-жи Помпадуръ въ послѣдніе годы ея жизни при Людовикѣ XV, представилъ ей нѣкоего Зорича, гусарскаго маіора, котораго сдѣлали полковникомъ и инспекторомъ всей легкой кавалеріи. Этотъ новый фаворитъ обѣдалъ съ нею. Говорятъ, что онъ получилъ 1800 душъ за первую пробу. Послѣ обѣда Потемкинъ пилъ здоровье Государыни и сталъ передъ нею на колѣни. Выходя изъ за стола, она посѣтила фарфоровой заводъ съ очень веселымъ и даже развязнымъ видомъ: говорятъ, что дамочка была пьяна. Въ мастерской находился одинъ Французскій рабочій и еще другой, вновь прибывшій, также Французъ, но который, не имѣвъ

*) Протасова, родившаяся въ 1744 году, дочь сенатора и двоюродная сестра Орловыхъ, главная камеристка и повѣренная Екатерины II. Ей поручено было воспитаніе нѣкоей дѣвицы Алексѣевой, ссыпанной за дочь Государыни и Григорія Орлова. Она сохранила милость своей госпожи до самой смерти послѣдней.

времени сдѣлать на показъ модель, не хотѣль попадаться на глаза Государынѣ; изъ своей комнаты черезъ дверь онъ видѣль ея величество и слышалъ слѣдующій разговоръ. Одинъ князь изъ свиты (это могъ быть только Репнинъ, судя по описанію) взялъ еще мягкую вазу и, сдавивъ, придалъ отверстію овальну форму. Въ такомъ видѣ поднесъ онъ ее на глазахъ у фрейлинъ Государынѣ и спросилъ, на что она похожа. Она тотчасъ отвѣчала: „На три вещи: на ночной горшокъ, на чепчикъ или 24.99.300.30.50.11.60.30“. Потомъ, обернувшись какъ бы съ изумленіемъ, произнесла тише, но явственno: „70.60.300.81.68. 66.95.99“. Французскій рабочій, лѣшившій ту вазу, взялъ ее обратно и спросилъ, что ему съ нею сдѣлать. Тотъ же князь сказалъ Государынѣ: „Чтѣ прикажете ему ваше величество?“—„Ну что же, отвѣчала она; такъ какъ онъ сдѣлалъ 300.30.5.11.60.30.70, остается сдѣлать 300.30.18.64.81“. Это предложеніе заставило разсмѣяться, и ты можешь предположить, что оно не было приведено въ исполненіе. Человѣкъ, слышавшій эти шутки собственными ушами, рассказалъ Комбу, а тотъ мнѣ. Не знаю, посовѣтовалъ ли ему Комбъ держать языкъ за зубами; я бы этого желалъ, иначе его могутъ заставить совершить путешествіе на Сѣверъ страны. Я сообщаю тебѣ о происшедшемъ тайными путями моего дневника, который ты прочтешь только со мною, и ты понимаешь, почему.

Воскресенье, 15-го Июня. Ему же.

Сегодня пріѣмъ въ Лѣтнемъ саду или вѣрнѣе въ Лѣтнемъ дворцѣ. Государыня пріѣхала изъ Царскаго Села на праздникъ Измайлловцевъ. Въ подобные дни она появляется въ полковомъ мундирѣ, обѣдаетъ публично съ офицерами всего полка и сама подносить имъ чарки. Послѣ того, какъ мы поцѣловали ей руку и представили молодого графа Потоцкаго и Англичанина, имя котораго мнѣ неизвѣстно, она дала частную аудіенцію графу Кауничу, министру императора, пріѣхавшему замѣстить князя Лобковича. Новый министръ молодъ, подвиженъ, маленькаго роста, но очень богатъ и щедръ. Говорятъ, его отецъ, министръ въ Вѣнѣ, прислалъ ему 30.000 рублей на обстановку. Онъ, слышно, очень уменъ.

Я вернулся отъ Двора съ графомъ Нессельроде, который обѣдалъ у маркиза Жюинье. Онъ увѣряетъ, будто князь Бѣлозерскій возвращается изъ Дрездена, куда не можетъ больше вернуться, надѣлавъ тамъ долговъ и много гадкихъ и низкихъ дѣлъ*). Нессельроде узналъ эту новость отъ одного бригадира, чтѣ придаетъ, якобы, достовѣрность.

*.) Это князь Андрей Михайловичъ Бѣлосельскій-Бѣлозерскій, не оставилъ мужскаго потомства. Ц. Б.

Маркизъ не былъ на приемѣ изъ за лиходарки. Онъ спросилъ Комба, цѣловалъ ли я руку Государынѣ, тотъ отвѣчалъ: да; спросилъ еще, не освѣдомлялась ли она у меня о немъ. Комбъ отвѣчалъ, что не думаетъ; это его огорчило.

Послѣ обѣда совершили прогулку въ Екатерингофъ, какъ первого числа этого мѣсяца; Государыня заѣхала туда по дорогѣ въ Царское Село. Было множество народа.

Шведскій король, или графъ Готландскій, прибылъ сегодня въ десять часовъ утра въ Петербургъ. Его яхта передъ нашими окнами; она ничего собою не представляетъ. Онъ оставилъ ее въ Ораніенбаумѣ и пріѣхалъ въ экипажѣ съ барономъ Нолькеномъ. Сегодня вечеромъ долженъѣхать въ Царское Село.

Четвергъ, 19-го Июня.

Я узналъ, что Завадовскій, бывшій фаворитъ Государыни въ низшихъ чинахъ, получилъ отъ ея величества 50.000 рублей, 5.000 пенсіи и 4.000 душъ въ Украинѣ, гдѣ онъ стоять дорого. Сознайся, другъ мой, что это ремесло здѣсь выгодно. Недавно получилъ онъ ленту, но далъ понять, что его состояніе недостаточно, чтобы поддерживать свое званіе; кажется, его поняли. Я не могу представить, чтобы богатства Государыни могли пополнить все, чѣмъ она тратить. Еще недавно дала она 36.000 р. Сиверсу, Новгородскому губернатору, въ уплату его долговъ, и думаютъ, что онъ получить еще 36.000 р. Княгиня Бѣлозерская сочеталась вчера бракомъ въ Царскомъ Селѣ съ нѣкимъ Салтыковымъ въ присутствіи Шведскаго короля. Завтра или послѣ завтра состоится свадьба дѣвицы Алымовой съ Рѣжновскимъ*), президентомъ Медицинской Коллегіи.

Шведскій король пользуется здѣсь успѣхомъ; его находятъ любезнымъ, и по праву. Инкогнito помогаетъ ему маскировать царственное величество остроумной любезностью частнаго лица. Дня два тому назадъ былъ онъ съ барономъ Нолькеномъ у графа Чернышева. Баронъ, будучи близорукъ, заставилъ графиню дважды повторить фразу, обращенную къ нему; на это нашъ графъ Готландскій, шутя, замѣтилъ: „Сударыня, король Шведскій, какъ мнѣ кажется, послалъ къ вамъ ministra, который глухъ и слѣпъ“. Эта легкая шутка вызвала смѣхъ и очень понравилась со стороны властелина. Минѣ очень хочется узнать его, потому что этого sorta люди рѣже и труднѣе бываютъ добры; думаю, что буду представленъ ему завтра.

*). Т. е. со Ржевскимъ. Это Глафира Ивановна. Записки ея въ „Русскомъ Архивѣ“ 1871 г. кн. 1-я. II. Б.

Пятница 20-го Июня.

Сегодня утромъ должны мы были ѿхать къ Шведскому королю; онъ вернулся изъ Царскаго Села только послѣ обѣда и пока мы ждали увѣдомленія, что онъ зримъ, онъ пріѣхалъ самъ со своимъ министромъ Нолькеномъ къ маркизу Жюинье и оставался четверть часа. Маркизъ говорилъ мнѣ, что онъ очень прямъ и когда маркизъ заговорилъ о принятыхъ имъ на себя обязательствахъ, король отвѣчалъ ему: „Если намѣченъ планъ, надо ему слѣдовать; впрочемъ у меня есть великий примѣръ, отъ котораго я не хочу уклоняться“. Онъ, вѣроюти, подразумѣвалъ императора, путешествующаго съ большой простотою.

Шведскій король ужиналъ сегодня у графа Ивана Чернышева; было десять дамъ и двадцать мушкінъ, я же былъ у Бемеровъ. Маіоръ Перре былъ тамъ. Онъ ушелъ изъ дворянскаго кадетскаго корпуса по интригамъ, которыхъ здѣсь больше, чѣмъ гдѣ либо. Расскажу тебѣ въ двухъ словахъ исторію Перре, и ты будешь судить самъ. Въ концѣ 1775 года маіоръ Перре, пріѣхавъ изъ Крыма, гдѣ онъ честно сражался вмѣстѣ съ Русскими, былъ предложенъ Рибасомъ Бецкому въ качествѣ маіора къ кадетамъ-дворянамъ. Послѣдовало согласіе, и онъ былъ принятъ въ началѣ 1776 года. Черезъ годъ Рибасъ, большой негодяй, испугался присутствія Перре, признаннаго за очень честнаго человѣка, и далъ понять Бецкому, что надо удалить этого человѣка. Затрудненіе состояло въ томъ, чтобы сдѣлать это приличнымъ образомъ. Перре предложили добровольно подать въ отставку, и Бецкій обѣщалъ ему чинъ полковника или по крайней мѣрѣ значительное вознагражденіе. Перре принялъ условія и сталъ ждать. Однако ничего не исполнилось, а Перре подчеркнули, чтобы онъ немедленно подавалъ въ отставку. Онъ потребовалъ выполненія условій, заключенныхъ съ нимъ, но не могъ заставить себя выслушать и, не принимая во вниманіе ни его поведенія, ни его достоинствъ, ни обѣщаній, данныхъ ему, его просто отставили. Ты понимаешь, что онъ не сложилъ руки; онъ составилъ докладную записку военному министру, князю Потемкину, въ которой просить справедливости по поводу дѣйствія, учиненного надъ нимъ, указывается на темныя дѣянія Рибаса, разоблачаетъ нравственныя начала и правила сего послѣдняго, прилагая записку, полученнную имъ отъ Рибаса въ то время, какъ кадеты первого класса должны уходить въ отпускъ. Въ этой запискѣ говорится, что онъ возьметъ ихъ къ себѣ и научить ихъ пускать въ глаза. Эта записка, приложенная къ его докладу, должна произвести непріятное впечатлѣніе для Рибаса; но и нужно этого желать, потому что этотъ несчастный (игрокъ, мошенникъ, низкій, подлый, лживый и т. п.)

становится, съ уходомъ Перре, старшимъ и единственнымъ начальникомъ кадетъ, воспитаніе которыхъ, слѣдовательно, ввѣряется подобному человѣку *). Ты можешьъ судить о справедливости такого перемѣщенія. Поступки, въ которыхъ я обвиняю Рибаса, извѣстны въ Кадетскомъ корпусѣ, и я знаю нѣсколькихъ человѣкъ, не пожелавшихъ оставаться тамъ послѣ безпорядковъ, свидѣтелями которыхъ они были и въ которыхъ не захотѣли быть участниками.

Суббота 21-го Июня.

Наше посѣщеніе Шведскаго короля снова отложено до завтра. Онъ обѣдаетъ сегодня за городомъ у оберъ-шталмейстера Нарышкина съ Государынею, великимъ княземъ и великой княгинею. Ея величество обходится съ нимъ прекрасно; она спросила его, сколько времени можетъ онъ оставаться съ нею. Онъ отвѣчалъ: „Насколько возможно долго и все же несовоотвѣтственно съ моимъ желаніемъ“. Наконецъ, послѣ любезностей, онъ сказалъ, что пробудетъ три недѣли. „Я разсчитывала, что вы удѣлите мнѣ два мѣсяца“, возразила Государыня.—„Это невозможно, и вы не одобрите меня, если я останусь дольше“.—„Какъ, ни одного дня, ни двухъ дней, ни одного часа лишняго?“ Она всегда называетъ его „ваše величество“, обращаясь къ нему прямо, но въ разговорѣ о немъ, въ его присутствіи, говоритъ: граffъ Готландскій. Шведскій король играетъ свою роль любезно и весело. Нѣсколько дней тому назадъ, беря карту для игры въ вистъ съ Государыней, онъ вынулъ короля. Государыня сказала: „Ваше величество, садитесь на мѣсто“.—„Величество трефовое“ возразилъ онъ, смѣясь и показывая карту. Подобныя шутки выходятъ удачными и служатъ къ умѣренію невыносимой натянутости сошедшихся двухъ величествъ. Русскіе любятъ его за вѣжливость; иные предполагаютъ въ немъ замыслы, и недавно говорили между собою за ужиномъ: „Онъ прїѣхалъ сюда посмотретьъ, не можетъ ли чего получить обратно и если достигнетъ своего, будетъ правъ, и мы не будемъ сердиться. Этотъ властелинъ лучше нашей Государыни“. Эти толки, вѣрные или лживые, исходятъ больше отъ Ливонцевъ, нежели отъ Русскихъ; но я передаю тебѣ то, что мнѣ говорили; и ты самъ разберешься, что можно принять, а что откинуть изъ всѣхъ этихъ сплетень. Но все же предполагаютъ, что Шведскій король прїѣхалъ сюда для нѣкоторыхъ соглашеній. Жюинье подъ великимъ секретомъ сказали мнѣ, что король своимъ прїѣздомъ хочетъ сгладить дурное впечатлѣніе, которому Государыня поддалась

*) Читатель вспомнитъ, какъ въ началѣ своихъ Записокъ Корберонъ расхваливалъ Рибаса. И. В.

по отношению къ нему. Я не думаю, чтобы это было достаточной причиною, заставившей его предпринять путешествие сюда. Политика Жюинье не дальновидка, а его тайные сообщения еще менѣе, но я вовсе не вѣрю имъ.

Свадьба князя Орлова, говорятъ, состоялась. Вѣнчаніе произошло въ Понедѣльникъ въ деревнѣ. Князь заставилъ своихъ крестьянъ плясать, пить, да и каждому по рублю и сказалъ: „Ребята веселитесь во всю, вы все же не такъ счастливы, какъ я: у меня—княгиня“. Способъ, которымъ онъ объявилъ о своей женитьбѣ Государынѣ, весьма страненъ и свойствененъ только ему. Онъ развязно вошелъ къ ней, приставивъ передъ собою маленькую хорошенкую собачку. „Чья это собака?“ спросила Государыня. „Моей жены“, отвѣчалъ князь просто. Подобная причудливая манера объявлять своей Государынѣ о женитьбѣ, вызывавшей столько противорѣчій, подходитъ къ князю Орлову, который всю свою жизнь былъ человѣкомъ незауряднымъ. Нѣкоторые Русскіе сильно этимъ покороблены, но въ концѣ концовъ они его одобряютъ, потому что люди этой націи не обладаютъ свойствомъ имѣть твердые убѣжденія. Пытаются говорить, что народъ будетъ возмущенъ, что особенно въ Москвѣ онъ не можетъ показываться безъ личной опасности. Я этого не думаю. Шведскій король долженъ испросить у Государыни милость къ супругамъ; она согласится, такъ же какъ и Синодъ, и княгиня Орлова, прощенная, станетъ придворною дамою съ орденомъ Св. Екатерины.

Я говорилъ тебѣ объ отставкѣ Завадовскаго. Онъ получилъ, какъ сказано раньше, 50.000 р., 5.000 пенсій, 4.000 душъ въ Украинѣ и сверхъ того 40.000 р. для уплаты долговъ и серебряный столовый сервисъ. Дуракъ, говорятъ, рвалъ на себѣ волосы.

Бывшій фаворитъ Васильчиковъ былъ также не забытъ. Недѣли три тому назадъ, собираясь путешествовать, онъ простился съ Государыней, которая тотчасъ написала Панину повидать Васильчикова и сказать ему, что, будучи огорчена его отѣздомъ, она хочетъ дать ему что нибудь въ знакъ своей дружбы, и онъ можетъ выбрать или орденъ или повышеніе въ чинѣ. Графъ Панинъ исполняетъ порученіе и спрашиваетъ его отвѣта. „Я дамъ его лично“, отвѣчалъ Васильчиковъ. Тотчасъ же ёдетъ онъ въ Царское Село и является къ Государынѣ, которая, удивленная его быстрымъ возвращеніемъ, спрашиваетъ, говорилъ ли съ нимъ графъ Панинъ. „Да, Государыня, и я явился самъ для отвѣта“. — „Ну скажите мнѣ откровенно, что вы

предпочитаете?—„Ваше императорское величество осыпали меня почетиями и благодѣяніями; я желалъ бы получить какое нибудь лестное отличіе, могущее украсить меня за границею, куда я єду“.—„Ну хорошо (надѣвая ему Аннинскую ленту), вы повыситесь, сверхъ вашаго желанія, на два чина“. Можно ли, другъ мой, вложить больше граціи въ свои благодѣянія? Это талантъ женщинъ и Государыни въ особенности.

Не думаю, чтобы ея сынъ и невѣстка унаслѣдовали отъ нея обаяніе ея. Великій князь, говорять, странно смущается съ Шведскимъ королемъ; а его супруга, которая не умна, вертится постоянно вокругъ него, а только и умѣеть сказать: „Графъ, какъ вы здѣсь проживаете? Нравится ли вамъ климатъ Россіи?“ и т. п.

Говорилъ ли я тебѣ, что теперь у Государыни пять новыхъ адъютантовъ? Зоричъ, Левашовъ, Уваровъ, князь Меншиковъ и Энгельгардтъ? Этотъ пріемъ не такъ дорого стѣть, какъ отставка фаворитовъ. Я думаю, что эти отставные не особенно пріятны великому князю; денегъ, говорять, не хватаетъ, и мать даетъ ему немногого. Меня увѣряютъ, что Бецкій водилъ Шведского короля къ госпожѣ Рибасъ. Затрудняюсь повѣрить; но пожалуй, оно могло быть.

Вторникъ 24-го Июня. События, другъ мой, могутъ стать весьма любопытными: графъ Панинъ уходитъ, и онъ сказалъ кому-то, говоря о своихъ бесплодныхъ докладахъ: „Подождите, дѣла не могутъ оставаться въ подобномъ положеніи“. Дѣйствительно, всѣ при дворѣ недовольны; великий князь, нуждающійся въ деньгахъ, огорчается непомѣрными подарками фаворитамъ; его полкъ уходитъ въ лагерь, и это удобное время для государственного переворота; но нужно, чтобы его хорошо обдумали и выполнили человѣкъ съ головою. Здѣсь только князь Репнинъ, могущій выполнить это. Онъ тоже въ числѣ недовольныхъ.

27 и 28 Июня. Вчера Императрица возвратилась изъ Петергофа для пріема Крымскихъ Татаръ. Публичная аудіенція происходила въ залѣ на лѣво отъ той, где цѣлюютъ руку. Государыня была на тронѣ; за нею фельдмаршалъ Румянцовъ. Вечеромъ маркизъ Жюинье и я подписали брачный контрактъ Фальконета-сына и дѣвицы Колло. Говорить, что онъ уже былъ женатъ въ Англіи.

Суббота 28-го Июня. Я не знаю, чего желать, получить ли мѣсто или остаться здѣсь повѣреннымъ въ дѣлахъ; но послѣднее только при условіи 30.000 ливровъ жалованья. Жалованье секретаря Прусскаго посольства, который оплачивается меньше всѣхъ и не пользуется

такимъ общественнымъ положеніемъ, какъ я,—400-500 р. въ мѣсяцъ; а когда онъ къ тому же повѣренный въ дѣлахъ, то получаетъ 100 р. въ мѣсяцъ отъ двора и столько же отъ своего ministра, что составляетъ приблизительно 3.000 р. и не обязываетъ его ни къ какому представительству. Сабатье, державшій домъ на довольно широкую ногу, но жившій просто, получалъ отъ 10.000 до 12.000 р. Правда, хотя онъ и былъ здѣсь только повѣреннымъ въ дѣлахъ, но одновременно и министромъ королевскимъ въ Льежѣ, совмѣщая обѣ должности¹). Гютель²), съ которыемъ я говорилъ о его мѣстѣ и вознагражденіи, сказалъ мнѣ, что, будучи секретаремъ посольства при дворѣ, онъ не имѣлъ патента, и обѣ немъ только упоминается въ письмѣ къ министру. Прусскій король, по его словамъ, почти всегда составляетъ самъ депеши, и его ministры при иностранныхъ дворахъ посыпаютъ депеши ему непосредственно. Часто, когда онъ составляетъ шифрованную депешу, то пишетъ собственноручное post-scriptum, открывающее шрифтъ и имѣющее иногда болѣе важное значеніе, нежели сама депеша. Выборъ ministra происходитъ слѣдующимъ образомъ: онъ требуетъ, чтобы ему представили на освободившееся мѣсто трехъ человѣкъ, бесѣдуетъ съ ними нѣкоторое время и выбираетъ по своему усмотрѣнію, затѣмъ помѣщаетъ на двѣ недѣли вблизи себя нового ministra, дабы изучить его характеръ, обращеніе, однимъ словомъ, чтобы узнать человѣка. Если послѣдній вернулся изъ чужихъ краевъ, также процедура; но экзаменъ уже болѣе строгій. Онъ спрашиваетъ его обо всемъ, о мельчайшихъ случаяхъ, равно какъ и о важныхъ дѣлахъ, и надо быть очень осторожну, отвѣтывать на вопросы прямо, не сухо, но и не длинно, потому что онъ не любить ни болтуновъ, ни людей ограниченныхъ. Мнѣ очень нравится этотъ образъ дѣйствій Прусскаго короля; сознайся, что пріятно служить непосредственно просвѣщеніому государю, работающему лично, а не чрезъ своихъ ministровъ.

Воскресенье 29-го Июня. Я ъездилъ сегодня въ Петергофъ, гдѣ былъ раутъ; остановился въ двѣнадцати верстахъ пообѣдать у Спиридовыхъ. Меня много разспрашивали, что я дѣлаю, почему меня не видно; я отвѣчалъ, что причиною болѣзнь Жюинье. Снова въ путь я двинулъся въ четыре часа, чтобы проѣхать остававшіяся восемнадцать верстъ. Раутъ былъ многолюденъ и скученъ; танцевали. Шведскій король игралъ въ карты съ Государыней; на ней была лента Серафима, на немъ—Св. Андрея. Графъ Шѣпферъ, кажется, пользуется здѣсь успѣхомъ; въ немъ находятъ много ума. Государыня отозвалась обѣ немъ

¹) О Запискахъ Сабатье-де-Кабра см. въ „Русскомъ Архивѣ“ 1863 года. П. Б.

²) Секретарь Прусскаго посольства. П. Б.

съ похвалою и не нашла его такимъ сумрачнымъ, какъ ожидала. Онъ весель и любезенъ въ бесѣдахъ. Ему указали на г-жу Талызину, толстую женщину, бывшую любовницу графа Панина и сохранившую съ нимъ пріятельскія отношенія. „Это дѣлаетъ честь старому министру, сказалъ графъ Шёпферъ, у меня не хватило бы добродѣтели“.

Я не хотѣлъ танцевать, потому что былъ въ формѣ. Послѣ раута я вернулся къ Спиридовымъ съ пажемъ и морякомъ. Они мнѣ сказали, что ожидаютъ празднества во флотѣ въ день отъѣзда Шведскаго короля. Спиридовъ пригласилъ меня на будущей недѣлѣ на свой корабль въ Кронштадтѣ; на немъ находится любопытный паровой насосъ; говорятъ, онъ стоилъ 70.000 р., и требуется на три тысячи угля, чтобы привести его въ дѣйствіе.

Великій князь много занимается своимъ полкомъ. Сей послѣдній въ Царскомъ Селѣ и производить удачные маневры. Онъ ѿздѣтъ туда каждую недѣлю и выѣзжаетъ изъ Петергофа въ три часа утра. Встаєтъ онъ обыкновенно въ пять и ложится въ девять. Я слышалъ это отъ него самого въ разговорѣ его съ графомъ Ласси, который, какъ кажется, хорошо принять при дворѣ, не смотря на злословія на его счетъ, которыя передавалъ мнѣ, со словъ графа Панина, князь Шимей¹). Правда, Ласси обладаетъ свѣтскимъ умомъ и большой легкостью вести разговоръ.

Понедѣльникъ 21-ю Іюля. Пребываніе Шведскаго короля произвело здѣсь большое впечатлѣніе. Его любезность, его вѣжливое обхожденіе пріобрѣли ему приверженцевъ въ странѣ, гдѣ цѣняются только внѣшности. Думаю, что въ сущности онъ вовсе не такъ совершененъ, какимъ его воображаютъ. Думаю, что въ немъ мало ума, твердаго, основательнаго и глубокаго, необходимаго для властелина, а какъ человѣкъ—онъ не въ моемъ вкусѣ. Его честовали многие изъ здѣшнихъ вѣльможъ. Ему давали много обѣдовъ и ужиновъ. Ласси и Жюинье единственные иностранные министры, имѣвшіе съ нимъ сношенія. Ласси былъ въ Швеціи и пользовался тамъ лестнымъ пріемомъ; онъ былъ даже, вмѣстѣ съ Верженемъ, посвященъ въ тайну революціи²).

Государыня сдѣлала богатые подарки Шведскому королю. Обратили вниманіе на трость, набалдашникъ которой, покрытый брилліан-

¹⁾ Знатный Испанецъ. П. Б.

²⁾ Т. е. переворота, благодаря которому Густавъ III-й сдѣлался самодержавнымъ. П. Б.

тами, и шнуръ изъ большихъ жемчужинъ съ застежкою изъ драгоценныхъ камней (оцѣниваются ювелиромъ въ 65.000 р.), затѣмъ—орденскій крестъ, который носить или носила Государыня, и шуба въ 15.000 р. Онъ выписалъ изъ Швеціи самый лучшій, говорятъ въ Европѣ рубинъ; не знаю, какова его стоимость.

На слѣдующій день, Понедѣльникъ, 14-го, я былъ съ прощальнымъ визитомъ у короля, который уѣхалъ изъ Петербурга въ одиннадцать часовъ. Въ Среду, 16-го, онъ незамѣтно скрылся изъ Петергофа послѣ ужина, не откланившись Государынѣ, и отплылъ на своей яхтѣ въ Ораніенбаумъ, откуда написалъ Екатеринѣ II. Она послала къ нему Зорича (фаворита въ данное время) съ пожеланіями счастливаго пути. Король украсилъ посланца большою лентою Меча. Онъ раздалъ много подарковъ. Домашневъ, президентъ Академіи, получилъ малую ленту Вазы.

Воскресенье 21-го Сентября. Я пошелъ спать вчера въ одиннадцать часовъ; вѣтеръ, за которымъ я слѣжу со времени ожиданія корабля Гарриса и бумагъ, которая онъ привезетъ, былъ свѣжъ и благопріятенъ. Ложусь съ сладкою надеждою вскорѣ увидать желаемый корабль и засыпаю. Въ четыре часа утра просыпаюсь отъ криковъ матросовъ и страшнаго урагана. Комбъ входить въ одной рубашкѣ съ плачевнымъ видомъ человѣка, готовящагося къ висѣлицѣ. „О Боже! Какое ужасное несчастье. Вставайте, вставайте“. Хотя я и не былъ склоненъ вѣрить несчастью, все же встаю и вижу въ окно, что на дворѣ ходятъ по поясъ въ водѣ. Иду въ кабинетъ, выходящій окнами на Неву, на Галерную и не вижу ничего, кроме бушующаго моря. Волны ударяли въ домъ, содрогавшійся подъ ударами урагана и воды. Множество лодокъ сталкивались одна съ другою и разбивались. Юго-западный вѣтеръ гналъ съ ужасающей силой воду залива и вкатывалъ волны въ Неву, такъ что вода въ ней поднялась на десять-двѣнадцать футовъ выше обычнаго уровня. Этому наводненію предшествовало необычайное движение барометра, опустившагося внезапно на нѣсколько линій и дошедшаго до 29° . Въ это мгновеніе, говорятъ, замѣтили въ водѣ какъ бы кипѣніе. Одинъ негоціантъ видѣлъ у себя на Васильевскомъ острову, какъ среди двора забила изъ земли вода. Это наводненіе оказалось еще болѣе ужаснымъ, когда вода ушла. Тогда только увидали страшныя опустошенія, которая оно произвело. Наша набережная была взрыта, мосты сломаны, барки съ сѣстными припасами разбиты. Вода погубила много животныхъ, которыхъ, сорвавшись съ привязи, спасались вплавь, и нѣкоторыя лица, въ томъ числѣ генералъ Бауэръ,

перевели лошадей въ жилыя комнаты. Французскій парикмахеръ, вѣроятно Гасконецъ, поймалъ на Б. Милліонной щуку. Бѣдный Гаррисъ очень беспокоится за свой корабль съ капитаномъ Бассъ изъ Гавра. Если корабль потерпить крушеніе, онъ потеряетъ отъ двѣнадцати до четырнадцати ливровъ, а я—платяя, книги и т. п., которыя я выписала изъ Парижа. Есть и еще причина для беспокойства: это четыреста фунтовъ табаку Лаферма, сложенныхъ имъ въ подвалахъ у Бемера: онъ легко можетъ испортиться отъ наводненія.

Понедельникъ 22-го Сентября. Сегодня я гулялъ съ Комбомъ по городу. Зрѣлище ужасно. Вся наша галерная гавань покрыта обломками. Корабли съ лѣсными материалами выбросили несмѣтное количество бревенъ, которые Русскіе, по натурѣ воры, собираются и продаются въ свою пользу. Вельможи занимаются тѣмъ же. Сегодня ихъ продавали по 7 копѣекъ сажень, а они стоять полтора рубля и станутъ еще много дороже. Набережная на Милліонной сломана и разрушена во многихъ мѣстахъ. Мы видѣли большія парусныя суда, барки и т. п. на набережной, куда ихъ загнало вчера черезъ рѣшетку, и будетъ стоить большого труда спустить ихъ снова на воду. Ими покрыта набережная передъ дворцомъ. Государыня, говорятъ, бодрствовала всю ночь и была очевидицею бѣдствія, ужасающія подробности котораго она наблюдала изъ оконъ дворца, выходящихъ на Неву. Благодаря присутствію ея духа, сняли съ постовъ часовыхъ; иначе они бы утонули. Предполагаютъ, что утонуло двѣ тысячи каторжниковъ, сожжавшихся въ подвалахъ, а также заключенные въ крѣпости, гдѣ разрушена часть стѣны.

Окрестности Петербурга пострадали еще больше. Погибли прелестные дома Нарышкина и Чичерина, полиціймейстера, на Петергофской дорогѣ, Головинъхъ близъ Каменного острова и многіе другіе. Прекрасная яхта герцогини Кингстонъ*) затянута пескомъ. Но гдѣ

*) Извѣстная проходимка (1720—1788). Ея дѣвичье имя было Елизавета Шудлейгъ. Она сначала была фрейлиною принцессы Вельской, вышла замужъ за капитана Гервея, бросила его на другой день свадьбы и уѣхала въ Германію съ однимъ изъ своихъ любовниковъ. Не дождалась смерти Гервея и не имѣя развода, она вышла за Кингстона, который вскорѣ оставилъ ее вдовою съ прекраснымъ состояніемъ. Пріѣхавъ въ Петербургъ въ Августѣ 1777 г. съ многочисленною свитою, она была принята при дворѣ и задавала празднества и балы, на которые сбѣгалось все Русское общество и именно на эту яхту, о которой говорить здѣсь Корбера. Эта яхта, поврежденная наводненіемъ, была исправлена за счетъ Государыни, которую совсѣмъ размягчили лѣстивы рѣчи герцогини Кингстонъ.

сердце обливается кровью, такъ это въ предмѣстяхъ и окрестностяхъ Калинкина: тамъ только и видиши опрокинутые дома и трупы мушинъ, женщинъ и дѣтей; тамъ всеобщее отчаяніе.

Вторникъ и Среда, 23-ю и 24-ю Сентября. По приказу Государыни спектакль отмѣненъ, и это прекрасно при нынѣшнихъ обстоятельствахъ. Она приказала также каждому заявить о своихъ убыткахъ въ цолиці. Не знаю, дѣлается ли это для вознагражденія, но въ такомъ случаѣ получать только люди богатые и пользующіеся довѣріемъ; бѣдняки же останутся бѣдняками. Размѣръ убытокъ еще не выясненъ, но представленъ списокъ умершихъ въ количествѣ 1444 человѣка и, говорятъ, что половину скрыли.

Пятница 26-ю Сентября. Чичеринъ, говорять поправляется; ударъ приписываютъ сильному выговору, который ему сдѣлала Государыня по поводу наводненія. Эти люди согнулись подъ тяжестью самодержавія; одинъ взглѣдь Государыни наполняетъ ихъ блаженствомъ или поражаетъ какъ громомъ.

Среда 1-ю Октября. Былъ пріемъ и раутъ по случаю дня рожденія великаго князя. Я танцевалъ или вѣриѣ бесѣдовалъ до ужина у Головиныхъ. Они понесли отъ наводненія большиe убытки на дачѣ. Такъ какъ великій князь совсѣмъ близко отъ нихъ на Каменномъ острову, то съ этого острова явились отъ имени великаго князя требовать обратно строительный матеріалъ. Онъ предупредилъ графа Головина, что къ нему явится, но чтобы онъ, во избѣженіе плутовства, не отдавалъ вещей, ему не принадлежащихъ. Это очень хорошая черта великаго князя, тѣмъ болѣе, что многіе, безъ зазрѣнія совѣсти, присвоивали себѣ чужія вещи, принесенные водою.

Четвергъ 2-ю Октября. Я обѣщалъ Потемкину*), племяннику князя, Вертера и любопытенъ услышать его сужденіе. Онъ имѣть притязаніе на островуміе; я ему напишу въ этомъ духѣ записку при книгѣ. Посмотримъ, каковъ будетъ отвѣтъ. Я провелъ часть вечера у князя Щербатова и имѣль съ нимъ престранную бесѣду. Въ Русскихъ есть особенность, разъ начавъ, обрушиваться на свою родину безъ всякаго удержу.

Пятница 3-ю Октября. Было нѣсколько производствъ: Зоричъ, фаворитъ, произведенъ въ прапорщики кавалергардовъ, чтѣ дѣлаетъ его генералъ-маіоръ; два или три сенатора, кадеты князя Щербатова,

*) Павлу Сергеевичу. Ц. Б.

Зиновьевъ и маленькой Голицынъ¹⁾ назначены камергерами. Послѣдній обязанъ своимъ производствомъ прѣздомъ дяди его Шувалова. Но что производить сильное впечатлѣніе, такъ это пожалованье ленты Св. Екатерины княгинѣ Орловой. Дамы, имѣющія портретъ Государыни, между которыми она самая младшая, немного озадачены.

Воскресеніе 12-го Октября. На этихъ дняхъ разыграли у Государыни въ Эрмитажѣ старинную вещь подъ названіемъ „Случайный докторъ“ (*Médecin par occasion*). Тамъ говорится о влюбленныхъ женщинахъ, и есть такое мѣсто: „Что женщина въ тридцать лѣтъ можетъ быть влюбленною, пусть! но въ шестьдесятъ! Это не терпимо“. Въ ту же минуту Государыня поднялась со словами: „Эта вещь глупа, скучна“. Брошаръ, актеръ, произнесшій эту тираду, очень глупъ; пьесу прервали, и спектакль прекратили за уходомъ Государыни. Ты видишь, какъ эта великая женщина подчинена своимъ вкусымъ, потому что я не могу всѣмъ ея прихотямъ дать названія страсти.

(Продолженія „Дневника“ не было до Января 1779 года. Пропускъ въ четырнадцать мѣсяцевъ, который можно объяснить только многочисленными занятіями, политическими и свѣтскими, официальными, а можетъ быть и частными, кавалера Корберона. Дѣйствительно, 23-го Ноября 1777 года Жюинье уѣхалъ изъ Петербурга, оставивъ Корберона повѣреннымъ въ дѣлахъ, каковымъ онъ его и представилъ Государынѣ, откланиваясь ей 10-го того же мѣсяца).

1779-й годъ.

Суббота 2-го Января 1779 г. Каролинъ Бемерь²⁾. Долженъ описать вамъ, дорогой мой другъ, прогулку на саняхъ съ вашей сестрою. Мы должны были сдѣлать остановку въ домѣ того крестьянина на Алтекарскомъ острову, гдѣ мы съ вами ужинали прошлымъ лѣтомъ. Мы отправились въ полдень, Шарлотта, я и маленькая Эйлеръ въ моихъ саняхъ, Гютель и добрѣйшій Азема, котораго вы, надѣюсь, хорошо знаете, съ маленькимъ Георгіемъ, въ другихъ, а въ трети усѣлись Эйлеръ-отецъ съ двумя дочерьми. Мы хорошо пообѣдали и много гуляли по снѣгу на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ лѣтомъ была такая прелестная зелень. Въ пять часовъ мы двинулись въ обратный путь и посѣтили тотъ знаменитый рынокъ близъ крѣпости, гдѣ выставлены всѣ сѣйшніе припасы въ замороженномъ видѣ, привезенные изъ внутреннихъ мѣсть страны. Эта армія мороженныхъ свиней, барановъ, птицы и т. д. удивительное зрѣлище, способное излечить отъ обжорства; здѣсь же оно

¹⁾ Князь Федоръ Николаевичъ, дѣдъ недавняго Московскаго головы. И. Б.

²⁾ Уѣхавшей въ Берлинъ. На ея сестрѣ Шарлотѣ Корберонѣ женился позднѣе. И. Б.

является зрълищемъ развлекающимъ, потому что все на этомъ свѣтѣ относительно. Ужинать мы поѣхали къ старику-профессору Эйлеру.

Вторникъ 12-го Января. Брату. Бонафонъ сообщилъ мнѣ одну подробность о великомъ князѣ, которая, не знаю почему, меня удивила. Ты знаешь, другъ мой, какого я мнѣнія обѣ этомъ слабомъ, безхарактерномъ принцѣ. Онъ, говорять, имѣетъ странную склонность играть словами. Недавно онъ спросилъ Бонафона, который служить суплеромъ, для чего занимаетъ онъ подобное мѣсто. „Чтобы суflировать“, отвѣчалъ тотъ. „А, чтобы давать пощечины“ *), подхватилъ великий князь. Есть здѣсь библіотекарь, по имени Лафермъеръ; онъ называется его la fi re т... и т. п. Вотъ, другъ мой, наслѣдникъ престола Русскихъ цезарей. Его достойная супруга, крупная и красивая, я не говорю хорошенькая, обладаетъ преимуществомъ красавицы: она недалека. Къ тому же, говорять, она скуча, и увѣряютъ, что, найдя по смерти великой княгини башмаки, она стала ихъ носить, перемѣнила только каблуки. Это уже такое что-то, чemu позволительно и не вѣрить.

Чуббота 20-го Марта. 19-го Февраля я былъ приглашенъ, единственный изъ повѣренныхъ въ дѣлахъ, на праздникъ князя Потемкина, который онъ давалъ въ оранжерѣ своего дома на проспектѣ, превращеннаго очень красиво въ садъ. Противъ входной двери былъ устроенъ маленький храмъ, посвященный Дружбѣ со статуей богини, держащей бюстъ Государыни. Эти маленькие покой очаровательны; есть одна комната, вся убранная тонкими лакированными вещами Японіи, другая—вещами Китая. Кабинетъ, гдѣ ужинала Государыня, весь затянутъ прекрасной Китайской тафтою въ видѣ палатки. Вдоль стѣнъ кабинета, вмѣщающаго не болѣе 5—6 человѣкъ, диванъ. Тамъ же я обратилъ вниманіе на прекрасную хрустальную люстру, отлитую на заводѣ князя Потемкина. Въ другомъ маленькомъ кабинетикѣ стоитъ диванъ, для двухъ лицъ, обитый богатой матеріей, которую вышивала сама Государыня.

Среда 28-го Апрѣля. Я имѣлъ намѣреніе послать Гарри курьеромъ въ Версаль и послалъ спросить князя Потемкина, не будетъ ли у него порученій. Онъ отвѣчалъ透过 кавалера Тейсоньера, что съ удовольствиемъ принимаетъ мое предложеніе и приглашаетъ къ себѣ въ Царское Село.

Четвергъ 29-го Апрѣля. Съ 9-ти часовъ утра я былъ уже готовъ и, погулявъ въ садахъ Царскаго Села, которые прекрасны и разбиты

*) Непереводимая игра словъ „souffler“—souffleter“.

на Англійскій ладъ, отправился къ князю Потемкину. Онъ принялъ меня одного, и мы пріятно разговаривали съ нимъ впродолженіи сорока пяти минутъ. Онъ наговорилъ мнѣ много лестныхъ вещей о Франціи. Затѣмъ разговоръ перешелъ на здѣшнюю страну: насталъ мой чередъ быть любезнымъ, и ты можешь вѣрить, что я не ударилъ лицомъ въ грязь. Я очень настаивалъ на необходимости и выгодѣ близкаго знакомства со страною, и это ему понравилось. Я воспользовался удобною минутою и сказалъ, что ищу рѣдкую, напечатанную карту нѣкоего Очередина, острововъ, недавно открытыхъ между Россіею и Америкою, и что мнѣ хочется послать ее королю. Онъ вызвался попросить ее у Государыни. Наконецъ, послѣ довольно долгаго разговора, я поднялся. Онъ спросилъ, почему я такъ скоро ухожу, но я не хотѣлъ, чтобы онъ нашелъ мое посѣщеніе слишкомъ продолжительнымъ и простился съ нимъ, спросивъ, къ кому мнѣ обратиться за его письмами. Онъ отвѣчалъ, что пришлетъ ихъ самъ, проводилъ меня до дверей, и я ушелъ очень довольный.

Пятница 7-ю Мая. Комбъ былъ сегодня въ Царскомъ Селѣ; онъ встрѣтилъ тамъ Тейсоньера, который не хочетъ вѣрить назначенію Антрега, зная его за человѣка бумажнаго и ограниченаго. Онъ хочетъ поговорить обо мнѣ князю, и я вскорѣ получу извѣщеніе.

Комбъ узналъ, что князь любить рисованіе и самъ имъ занимается. Это новый источникъ для меня забавлять его, и я не премину имъ воспользоваться. Я имѣю также намѣреніе пустить въ ходъ секретъ Шарпантье, купленный мною, для гравюръ съ тушевкою; чтобы поддержать дружбу князя, скажу ему о секретѣ при первомъ благопріятномъ случаѣ.

Понедѣльникъ 10-ю Мая. Въ одиннадцать часовъ утра былъ я у князя Потемкина. Онъ принялъ меня одного и спросилъ, чѣмъ можетъ служить. Я отвѣчалъ, что пріѣхалъ поздравить его съ рожденiemъ великаго князя Константина, затѣмъ поблагодарилъ за лестный отзывъ обо мнѣ кавалеру Тейсоньеру. Онъ тотчасъ же отвѣчалъ: „Государыня лучшаго не желаетъ, но есть одно неудобство: говорять, будто сюда назначенъ Антрегъ“. Я сказалъ, что не вѣрю этому и къ тому же, если Государыня захочетъ, все устроится по ея желанію. „Она этого хочетъ“, повторилъ онъ еще разъ и остановился. „Я бы желалъ, началь онъ снова, чтобы вы поговорили съ графомъ Панинымъ, и онъ завелъ бы со мною обѣ этомъ рѣчи“. — „Желаете, князь, чтобы я говорилъ отъ вашего имени?“ — „Нѣтъ, это не подойдетъ; поговорите съ графомъ Панинымъ и не теряйте времени“. Я вышелъ и отправился

къ графу Панину, засталъ его и съѣлъ рядомъ. Послѣ поздравленій съ разрѣшеніемъ оть бремени, я ему сказалъ: „Графъ, вы давали мнѣ свидѣтельства вашей доброты ко мнѣ, и я хочу съ довѣріемъ открыться вамъ. Работа, которая иѣкоторое время выпадала мнѣ на долю, показала мнѣ преимущество вести дѣла съ вами. Естественно желать продолжать ее. Если правда, что вы получили извѣстіе о намѣреніи Жюинье остаться во Франціи, то я безъ страха могу выразить желаніе замѣсить его. Я не рѣшался до сихъ поръ высказывать его изъ деликатности, не зная его намѣреній, теперь же, когда онѣ стали извѣстны, если Государыня соблаговолить... Онъ прервалъ меня, говоря, что Жюинье почти навѣрно не вернется. „Здоровье не позволяетъ ему, и къ тому же вѣдь онъ старъ?“—„Ему пятьдесятъ три года“, отвѣчалъ я.—„Ему всѣ шестьдесятъ“ (улыбаясь).—„Не могу этому вѣрить, графъ; ему было въ 1775 году 43 года и...“.—„Ему шестьдесятъ, вѣрьте мнѣ; я знаю, онъ не любилъ, когда касались этого вопроса, но мнѣ сказалъ графъ Ласси... Я бытъ бы радъ, прибавилъ онъ, если бы это устроилось. Я поговорю Государынѣ, которая вѣсъ уважаетъ. Къ тому же, кавалеръ, во многихъ дѣлахъ вы вели себя достойнымъ образомъ, и ея величество имѣетъ намѣреніе доказать вамъ особымъ способомъ свое довольство“. Я отвѣчалъ, что считаю за особую удачу для себя, что именно я бытъ употребленъ въ тѣхъ дѣлахъ. „Но, прибавилъ я, ходить слухъ, беспокоющій меня; говорятъ, будто сюда назначенъ Антрегъ“.—„Это только предположеніе, отвѣчалъ онъ, и оно ничего еще не значитъ. Будьте увѣрены, что я самъ желаю вашего назначенія; мы примѣнились къ вашей работѣ, узнали васъ и желаемъ вѣсть сохранить“. Я удалился, поручая ему свои выгоды, и онъ надавалъ мнѣ самыхъ лестныхъ обѣщаній.

Надо было снова идти къ князю. Я сталъ дожидаться пріема; но мнѣ сказали, что онъ пожелалъ обѣдать одинъ, и я уже выходилъ, какъ онъ вернулся, и тотчасъ же велѣлъ позвать меня. „Ну что же, видѣли вы графа Панина?“—„Да, князь; онъ принялъ меня очень любезно и обѣщалъ поговорить Государынѣ“.—„Въ такомъ случаѣ дѣло рѣшено, только бы графъ Панинъ написалъ; а то онъ, вы знаете, медлителенъ“.—„Если вы сами желаете, князь, сказалъ я, и Государыня отдастъ приказъ...“.—„Что касается этого, то Государыня лучшаго не желаетъ. Дѣло рѣшено, повторилъ онъ еще разъ; я хотѣлъ представить эту честь графу Панину, но будьте покойны“. Я выразилъ ему свою благодарность. Потомъ мы заговорили о гравюрѣ и рисункахъ, и я предложилъ ему мой секретъ, который онъ принялъ съ удовольствиемъ.

1780-й годъ.

Воскресенье 16-го Июля 1780 г. Ходятъ дурные слухи. Говорять о смутѣ въ Филадельфіи, о раздорѣ, и конгресъ грозитъ распасться. Англичане возгордились взятиемъ Чарльстоуна и до сихъ поръ вѣрять въ покореніе Америки; но этого не можетъ быть. Императоръ¹⁾ долго разговаривалъ съ Веракомъ²⁾, распространялся о широкихъ замыслахъ Государыни и обѣ умномъ и выдержанномъ образѣ дѣйствій ея относительно Англіи. „Это удивительная монархія, прибавилъ онъ; она обладаетъ характеромъ и прекрасно знаетъ, что дѣлаетъ. Не смотря на времена, растрачиваемое на удовольствія и власть, которую она только повидимому даетъ своимъ любимцамъ, она работаетъ и дѣйствуетъ только сама. Она очень любить Францію, могу вѣсть въ этомъ увѣритъ, и я имѣлъ съ нею нѣсколько бесѣдъ, въ которыхъ эта любовь ясно выражилась“⁴. Маркизъ очень ловко вывернулся изъ этого тонкаго и коварнаго разговора.

Отѣздъ графа Фалькенштейна назначенъ на Среду. Онъ, какъ кажется, потерпѣлъ неудачу, и его подарками остались недовольны. Князь Потемкинъ подарилъ своему племяннику Голицыну запонку въ петлицу съ дивнымъ брилліантомъ, имѣя намѣреніе, какъ я предполагаю, противопоставить этотъ великолѣпный подарокъ подаркамъ Фалькенштейна, и князь Голицынъ показывалъ его нарочно при дворѣ.

Пятница 21-го Июля. Завтра мы поѣдемъ навѣстить Измайлова, сестру герцогини Курляндской, скончавшейся въ Среду, въ 10 часовъ вечера. Она была рожденная Юсупова, молодая, привѣтливая; думаютъ, что она умерла съ горя. Герцогъ, годъ тому назадъ, развелся съ нею, и эта женщина, хорошо поставленная при Дворѣ, имѣя орденъ Св. Екатерины, пятьдесятъ тысячъ ежегодной пенсіи, которая Государыня заставила герцога выдавать ей, не была счастлива, страдая отъ непомѣрного, неудовлетвореннаго честолюбія. Ее вскрывали, чтобы узнать причину смерти.

Понедѣльникъ 31-го Июля. Графъ Кобенцель предложилъ мнѣ поѣхать посмотретьъ Диванъ Государыни, который представляется собою очаровательный загородный домикъ, въ двухъ верстахъ отъ Петергофа, среди лѣса съ протекающимъ ручьемъ. Снаружи, это кресть-

¹⁾ Пріѣзжавшій тогда къ намъ подъ именемъ графа Финкенштейна Іосифъ II-й П. Б.

²⁾ Маркизъ Веракъ заступилъ мѣсто маркиза Жюинье въ должности Французскаго посланника при Екатеринѣ. П. Б.

янская изба изъ круглыхъ бревенъ, внутри же—одно изъ самыхъ красивыхъ жилищъ. Есть тамъ зала, столовая и диванная, вся въ зеркалахъ. Этотъ домъ выстроенъ по приказу графа Путелина, камергера*). Много вкуса въ этомъ укромномъ уголкѣ, и наружный видъ составляетъ рѣзкій контрастъ съ внутреннимъ. Большая двери замаскированы вторыми, представляющими кучи соломы, какъ въ сараяхъ, зеркальные окна прикрыты ставнями, изображающими бревна, въ серединѣ продѣланы слуховые окна, какъ въ избахъ. Мы дошли уже до такой утонченной роскоши, что стали подражать жилищамъ бѣдняковъ, чтобы противоположностью пробудить вкусъ, притупленный наслажденіями и изобилиемъ.

Вторникъ 8-го Августа. Я былъ у графа Гёрца; онъ говорилъ мнѣ о проблемахъ склонности Государыни къ императору, которое я считаю за притворство. Князь Потемкинъ его передразниваетъ и, кажется, не расположенъ къ нему, но все это ничего не доказываетъ. Теперь, когда пріѣдетъ Прускій принцъ, онъ будетъ его ласкать; его приметъ племянникъ, Павелъ Потемкинъ.

Я хотѣлъ обѣдать у вице-канцлера, но мнѣ помѣшали военные упражненія Кадетскаго корпуса. Не буду тебѣ ихъ описывать, такъ какъ описывалъ уже разъ двадцать, а онѣ всегда однѣ и тѣ же. Произошелъ несчастный случай: загорѣлся пушечный зарядъ въ рукахъ канонира; мы очень встревожились, но оказалось больше страха, чѣмъ опасности. Великій князь, присутствовавшій тутъ, былъ внимателенъ и заботливъ, чтѣ такъ цѣнно въ людяхъ его сана. Онъ осматривалъ кадетъ и велѣлъ дать на водку канонирамъ.

Четвертъ 17-го Августа. Государыня пріѣхала вчера въ городъ на праздникъ Преображенскаго полка, который задаетъ намъ пиръ. Князь Потемкинъ подполковникомъ. Въ 9 часовъ утра я былъ у него съ поздравленіемъ; онъ принялъ меня одного, посадилъ и дружески заговорилъ. Такъ пробесѣдовали мы болѣе четверти часа, и я выразилъ ему сожалѣніе по поводу своего отѣзда и удовольствіе, которое испытую по возвращеніи. Меня удивило, что онъ заговорилъ о маркизѣ Веракѣ только для того, чтобы спросить, не уѣдетъ ли онъ скоро и дѣйствительно ли онъ остается только на нѣкоторое время. Я отвѣчалъ, что онъ разсчитывалъ оставаться два года, хотя въ городѣ и говорятъ, что онъ уѣдетъ зимою. Пока мы оставались вдвоемъ, подѣхалъ Елагинъ, сенаторъ, въ голубой лентѣ. Князь поднялся, ушелъ причесываться

*.) Кто это? П. Б.

и дважды просилъ меня сѣсть, прежде чѣмъ сказать тоже самое Елагину. Отличіе, съ которымъ князь принимаетъ меня каждый разъ, свидѣтельствуетъ о томъ, какъ онъ обо мнѣ думаетъ; Русскіе генералы, которымъ онъ ничего не говоритъ и даже не отвѣчаетъ на поклоны, удивлены и завидуютъ. (Оѣтъ этомъ много говорили въ приемной, гдѣ были лица, передававшія мнѣ о чёмъ шли разговоры и между другими баронъ Мантейфель, который оставался въ первой комнатѣ, куда князь вышелъ въ халатѣ откланяться всѣмъ, пріѣхавшимъ къ нему на поклонъ.) Я уѣхалъ только черезъ полчаса.

Пятница 18-го Августа. Государыня вернулась въ Царское Село вчера послѣ обѣда; но какъ она уѣхала поздно, то думаютъ, что она была въ Озеркахъ, дачѣ князя Потемкина, объявить ему о смерти его матери; другіе говорятъ что это извѣстіе передала ему племянница и что онъ горько плакалъ. Этотъ князь ко всѣмъ своимъ недостаткамъ и качествамъ присоединяетъ сентиментальность, что кажется несобразностью.

Суббота 19-го Августа. При Дворѣ недовольны учрежденіемъ новыхъ губерній. Устройство ихъ не легко, потому что требуется наполнить всѣ канцеляріи, а людей нѣть; гдѣ не существуетъ буржуазіи, какъ найти плебеевъ? Это приводить въ дурное расположение Государыню, которая думала сдѣлать хорошо, а главное, чтобы про это стали говорить, а изъ всѣхъ этихъ учрежденій, вѣроятно, не выйдетъ ничего, кромѣ смѣха надъ тѣмъ, что дѣло затѣяно безъ возможности его выполнить.

Въ деревнѣ еще хуже. Крестьяне недовольны. Господа, зная о намѣреніи дать свободу крѣпостнымъ, возбуждаютъ рабовъ противъ этихъ новшествъ и твердятъ, что въ сущности Русскій воспринимаетъ полученіе этой свободы такъ же, какъ ребенокъ, которому предложили бы тонкія яства и крѣпкіе напитки. Съ другой стороны близъ столицы множество людей безъ паспорта и почти свободныхъ, потому что они работали на казну; но съ тѣхъ поръ, какъ работы кончились, оставшись безъ свидѣтельства на жительство и безъ работы, они начали грабить прохожихъ. Ихъ насчитываютъ отъ 8 до 10 тысячъ, и они производятъ больше безпорядки. Вместо того, чтобы послать солдатъ и разомъ захватить главарей, придумали издавать указы; слухъ распространился, и число негодяевъ увеличилось. Будетъ неудивительно, если положеніе станетъ серьезнымъ. Государыня, говорятъ, боится; она не рѣшается гулять одна въ своихъ садахъ и отставила Волкова отъ должности начальника департамента полиції и управлениія Петербургомъ, потому что онъ былъ небреженъ.

Пятница 25-го Августа. Предполагаютъ, что у Государыни съ княземъ Потемкинымъ вышла размолвка, и она послала къ Орлову гонца съ письмомъ, содержаніе котораго неизвѣстно. Я не очень вѣрю этому извѣстію; оно исходить отъ Сакена.

Я уже говорилъ тебѣ, другъ мой, о дурномъ расположеніи духа Государыни; оно происходитъ отъ безпорядковъ, творимыхъ въ окрестностяхъ города шайкою бродягъ, называемыхъ „тавлинцами“ *). Это слуги безъ мѣста и паспорта, бѣглые солдаты и люди безъ званія, собравшіеся вмѣстѣ и живущіе грабежами. Правительство сначала не обращало на нихъ вниманія, даже употребляло ихъ на работы для постройки дворцовъ, платя очень дорого, чтѣ послужило поводомъ къ побѣгу крѣпостныхъ, которые, желая избавиться отъ своихъ господъ, просили работы у казны, и она принимала и даже защищала этихъ людей. Когда работы окончились, люди боялись вернуться къ своимъ господамъ и соединились въ шайки. Одни говорятъ, что ихъ отъ 4 до 5 тысячъ, по словамъ другихъ—13 тысячъ. Это можетъ сдѣлаться опаснымъ. Было еще слѣдующее важное происшествіе. Четыре деревни, въ шестидесяти верстахъ отъ города, возмутились противъ жестокости господъ полковника Альбрехта, бригадира Гердофа и Бекмана. Они явились съ жалобами къ Волкову, Петербургскому губернатору, который сказалъ имъ, что по новымъ уставамъ они свободны: это возбудило людей и побудило ихъ къ такимъ дѣяніямъ, что явилась необходимость послать противъ нихъ войска.

Поужинавъ у своихъ друзей, я поѣхалъ обратно въ городъ въ половинѣ одиннадцатаго; по дорогѣ на меня напали 4-5 человѣкъ, при чёмъ одинъ едва не перешелъ руку моему лакею дубиною, отъ которой ему удалось увернуться. Лошади, помчавшись, спасли насъ. Это тавлинцы, о которыхъ я тебѣ говорилъ; вѣроятно моихъ сѣрыхъ лошадей приняли за лошадей Толстого, на котораго эти люди злы, потому что онъ выманилъ изъ ихъ шайки одного изъ своихъ людей, вернувшагося къ нему по обѣщанію не наказывать его плетьми.

Суббота 26-го Августа. Я узналъ причину холодности Государыни къ Строгонову. Ланской, теперешній фаворитъ, надоѣвшій ей, обратился къ Строгонову, желая получить голубую Польскую ленту. Строгоновъ написалъ Штакельбергу, Русскому послу, объ этомъ, и король ее пожаловалъ. Лента прибываетъ на имя Государыни, которой думали угодить, а она отослала посылку обратно въ Варшаву.

*) По словарю Даля, тавлинецъ—бѣглый, бродяга. П. Б.

Князь Потемкинъ повздорилъ съ барынькой, потому что не одобряетъ этихъ перемѣнъ и представилъ ей, что фавориты, отпущенныесъ наградами, смѣются надъ нею и похваляются, какъ напримѣръ Корсаковъ, продолжающій оставаться въ городѣ и рисующій отвратительныя картины своихъ бывшихъ обязанностей фаворита. Потемкинъ хотѣлъ бы, чтобы она выбирала ихъ изъ низкаго званія, а Екатерина хочетъ блеска и, слѣдовательно, большихъ издержекъ. Говорятъ, именно вслѣдствіе этой размолвки Потемкинъ внезапно прїехалъ въ городъ, а Государыня послала гонца къ Орлову; но все уладится.

Воскресенье 27-го Августа. Русскіе говорили, что на мѣстѣ Государыни они заковали бы Гарриса въ кандалы. Мнѣ рассказывали случай, доказывающій ожесточеніе Англичанъ противъ всякаго купца не ихъ націи. Нѣкто сэръ Смитъ, Американецъ, прїехалъ сюда въ на мѣреніи завязать торговыя сношенія съ островами Америки. Этотъ человѣкъ входитъ въ компанію съ Русскимъ, заказываетъ корабль, постройка котораго происходитъ на землѣ, арендованной у одного пивовара близъ Галернаго моста. Постройка идетъ; одинъ Англичанинъ, (имени котораго мнѣ не съумѣли сказать, но котораго знаютъ, и я постараюсь узнать, кто онъ) является на верфь узнать, кому принадлежитъ строившійся корабль, предлагаетъ пивовару нарушить договоръ и грозить предъявить ко взысканію нѣкоторые векселя его, чтѣ можетъ повлечь за собою его разореніе. Пивоваръ обѣщаетъ сдѣлать, что можетъ. Дѣйствительно, онъ спрашивается тѣхъ, кто заказалъ корабль, не согласятся ли и они прекратить арендный договоръ, чего они, конечно, не сдѣлали. Нѣсколько дней спустя приходитъ снова тотъ же Англичанинъ, и пивоваръ сказываетъ ему о невозможности исполнить его желаніе. Тѣ же поставили къ постройкѣ двухъ часовыхъ. Не смотря на это, нѣсколько дней спустя загорается корабль; пивоварня и все сгораетъ до тла. Предполагаютъ, что домъ пивовара былъ быстро перестроенъ изъ каменнаго въ деревянный.

Въ Кронштадтѣ царить такой беспорядокъ, что трудно себѣ представить, а также расхищеніе лѣсного матеріала. Офицеръ, живущій тамъ,увѣрялъ меня, что туда ежегодно доставляется громадное количество деревъ для постройки зданій, но если изъ нихъ выстроить два три дома, то это уже много. Дерево же растрачивается на стулья, мебель, экипажи и т. п.

Я ходилъ вчера осматривать Сенатъ, большое зданіе близъ памятника Петру I-му, выходящее одной стороной на набережную, другой—на Канатную улицу. Зала, гдѣ собираются, не очень велика;

тамъ стоять столъ, накрытый сукномъ, на концѣ кресло, занимаемое Государыней, когда она присутствуетъ; сзади кресла ея портретъ во весь ростъ подъ балдахиномъ. Каждая сторона длиннаго стола уставлена двѣнадцатью креслами членовъ Сената. На столѣ указы Петра I-го, какъ вести себя на собраніяхъ, не ругаться и т. п., правила приблизительно такія же, какъ въ Парижскихъ биліардныхъ; но Петръ I-й, великий челобѣкъ по своему генію, управлялъ варварами, и было необходимо преподать правила приличія мужикамъ, изъ которыхъ онъ хотѣлъ сдѣлать государственныхъ людей. Конечно, слѣдовало иногда бить ихъ палками, чтѣ онъ отлично продѣльвалъ собственноручно. Если бы Государыня послѣдовала его примѣру, она совершила бы лучшія дѣла и больше, нежели съ ея нѣжнымъ и романтическимъ духомъ, который здѣсь не годится. Нельзя представить себѣ, до чего здѣсь наружность обманчива. Расшитыхъ платьевъ и роскошныхъ экипажей здѣсь множество, но подо всѣмъ этимъ скрывается варварство.

Я видѣлъ подлинники нѣкоторыхъ законовъ, писанныхъ Государынею собственноручно; при другихъ сдѣланы ею поправки на поляхъ; все составляетъ четыре тома въ 4⁰, переплетенные въ красный бархатъ и вложенные въ серебряный, довольно красивый, ларецъ, изображающій храмъ Памяти, въ которомъ Государыня вручаетъ законы генію Россіи. Россія стоитъ колѣнопреклонною на ступеняхъ храма, а Государыня идетъ къ ней съ видомъ доброты, ей свойственнымъ. Это изображеніе было сдѣлано Сенатомъ.

Въ залѣ портреты въ натуральную величину Петра I-го, Екатерины I-й, Елисаветы и Анны. Другія залы заняты департаментами, и во всѣхъ пять сенаторовъ и оберъ-прокуроръ сидятъ отдельно. Все представляетъ видъ довольно скучный, чтѣ показалось мнѣ страннымъ для храма правосудія, ареопага государства. Залы затянуты штофомъ и украшены зеркалами; это прекрасный частный домъ, да онъ дѣйствительно и принадлежалъ старому Миниху или Бестужеву и совсѣмъ не напоминаетъ величественные, сумрачные залы дворца въ Парижѣ. Все носить здѣсь отпечатокъ сутиности и, не смотря на гигантскій шагъ, которымъ шагнула Россія, ея учрежденія въ своихъ частностяхъ указываютъ на существованіе столъ юное, что всегда помнишь, что это государство возникло сто лѣтъ тому назадъ. Я забылъ сказать тебѣ, что указы заключены въ металлическій ящикъ съ тремя сторонами на подобіе призмы, поддерживаемой подсвѣчникомъ.

Понедѣльникъ 28-го Августа. Нѣкто, бывшій у г-жи Бемерь, рассказывалъ, что вчера во время пожара онъ видѣлъ, какъ двѣ или три

барки были введены въ огонь, вмѣсто того, чтобы отвести ихъ, что было легко. Это рассказывалъ Русскій, увѣряя, что видѣлъ самъ; но все это очень странно и не можетъ радовать Владычицу, у которой и безъ того такъ много неудовольствія. Тавлинцы ее уже беспокоятъ, и Потемкинъ имѣлъ съ нею по поводу ихъ размолвку. Онъ хотѣлъ, чтобы на нихъ сдѣлали облаву войсками, чтѣ было бы самое правильное; Государыня не захотѣла прибѣгнуть къ этой мѣрѣ. Другіе увѣряютъ, что Потемкинъ и особенно Толстой воспротивились посылкѣ гвардейского полка, такъ какъ негодуютъ на произволъ Толстого, растратаивающаго деньги и сѣѣстные припасы, назначенные гвардейцамъ; боятся, какъ бы полкъ не перешелъ къ бродягамъ, вмѣсто того, чтобы ловить ихъ. Со всѣхъ сторонъ, другъ мой, здѣсь достаточно причинъ для недовольства.

Вторникъ 29-го Августа. Гуляя, я увидалъ садъ Гарриса. Я зашелъ, думая, что онъ за городомъ, но онъ былъ у себя, и я бы его навѣрно увидалъ, если бы Рожерсонъ не задержалъ его въ кабинетѣ. Этотъ Рожерсонъ придворный медикъ и шпіонъ Гарриса. Садъ очень хорошъ, на Англійскій ладъ, съ прекраснымъ лугомъ и множествомъ цвѣтовъ. На зеленомъ коврѣ травы поставлена палатка человѣкъ на десять съ освѣщенiemъ. Ее подарилъ ему князь Потемкинъ. Я узналъ, что Гаррисъ былъ вчера въ Царскомъ Селѣ, потому что онъ не упускаетъ случая быть на глазахъ, чтѣ маркизъ Веракъ дѣлаетъ не достаточно часто.

Среда 30-го Августа. Я узналъ, что прошлое Воскресеніе что-то произошло при Дворѣ. Государыня все еще гнѣвается на князя Потемкина, и должно быть, чтобы дать указанія графу Панину прискаль изъ Царскаго Села въ 35 минутъ племянникъ его, Алексѣй Куракинъ. Папаша бесѣдовалъ съ полчаса въ отдѣльной комнатѣ съ Талызиной, и Куракинъ до обѣда уѣхалъ обратно. Все это можетъ быть и не важно, но здѣсь занимаются мелкими интригами больше, нежели дѣлами; впрочемъ приблизительно вездѣ одно и тоже.

Четвергъ 31-го Августа. Меня не перестаетъ удивлять, какимъ образомъ здѣсь работаютъ. Графъ Панинъ, первый министръ, живетъ какъ вельможа, не имѣющій другого дѣла, какъ быть при Дворѣ и другихъ занятій, какъ разузнавать, чтѣ тамъ происходитъ. Онъ встаетъ довольно поздно, разматриваетъ эстампы или новыя книги, одѣвается, принимаетъ посѣтителей, обѣдаетъ, играетъ въ карты или спить, снова видитъ людей, играетъ, ужинаетъ и ложится спать весьма поздно. Онъ не знаетъ всего, что происходитъ; такъ напримѣръ, когда я заговорилъ о пожарѣ корабля Смита, бывшемъ наканунѣ Петрова

дня, онъ сталъ говоритьъ, что этого не было. Его главные чиновники работаютъ не больше его и проводятъ время за карточной игрою, проигрываю невѣроятно много, до шести сотъ рублей въ вечеръ. Это случается съ Визинымъ, совѣтникомъ канцеляріи, съ Марковымъ, статскимъ совѣтникомъ, не имѣющимъ никакого состоянія, съ Бакунинскимъ и т. д. Алопеусъ, единственный, котораго я вижу за работою¹⁾ живущаго сообразно своимъ средствамъ. И все-таки машина движется, благодаря особой милости и невѣроятному счастью Государыни. Впрочемъ мы не видимъ внутренней стороны дѣла и не можемъ замѣтить недостатковъ въ подробностяхъ.

Воскресеніе 3-го Сентября. Я былъ у графини Чернышовой, которая много рассказывала мнѣ о тавлинцахъ, совершающихъ великая гнусности. Два дня назадъ, они задушили женщину въ городѣ близъ Нѣмецкаго театра, а третьяго дня ночью срѣзали пятьдесят четыре аршина занавѣсокъ съ оконъ у фельдмаршала Голицына. Полиція ужасна; а на дняхъ опубликовали указъ, дающій этимъ несчастнымъ годъ сроку, чтобы вернуться къ своимъ господамъ. За это время Богъ знаетъ, чтѣ можетъ произойти; но ихъ боятся, потому что они многочисленны и дружно сплотились. Все это напоминаетъ Пугачева, а какъ деспотизмъ всегда сопутствуетъ страхомъ, то хотятъ щадить и рабовъ, и господъ.

Я былъ у графа Воронцова²⁾ и засталъ его; мы говорили о пожарѣ и убыткахъ, причиненныхъ какъ купцамъ, такъ и казнѣ. Они простираются, считая расходы по постройкѣ вновь магазиновъ, до миллиона четырехъ сотъ т. рублей. Графъ Воронцовъ, давая мнѣ эти свѣдѣнія, сказалъ, что купцы очень преувеличили свои потери; но онъ приказалъ дать отчетъ объ оборотахъ магазиновъ; выводя и сравнивая, онъ надѣется приблизиться къ истинѣ. Государыня вознаградитъ убытки. Она рѣшила замѣнить деревянные амбары каменными; это будетъ стоить миллионъ четыреста тысячъ рублей (пять миллионовъ шестьсотъ тысячъ ливровъ), и зданія должны быть выстроены въ два года. Печника каменныхъ будетъ готова къ Маю.

Понедѣльникъ 4-го Сентября. Фаворитъ Ланской, звѣзда котораго, говорить, заходила, продолжаетъ пользоваться милостью. Правда, онъ еще не обладаетъ голубой Польской лентою и дуется за это; но Государыня утѣшила его, сказавъ, что онъ еще не можетъ носить ее по особымъ причинамъ. Болѣе того, меня увѣряютъ, будто она написала

¹⁾ Финнъ по происхожденію. П. Б.

²⁾ Это графъ Александръ Романовичъ, президентъ Коммерцъ-коллегіи. П. Б.

ему письмо; я это знаю отъ Монтари, видѣвшаго письмо, въ которомъ она говоритъ, что онъ долженъ довѣриться ея дружбѣ, что она будетъ любить его всегда. Письмо полно совѣтовъ и просьбъ не занимать ее глупостями, а думать о службѣ родинѣ, потому что она хотѣла бы сдѣлать изъ него государственного человѣка. Въ числѣ членій, намѣченныхъ ею, она особенно рекомендовала ему письма Цицерона. Письмо носитъ заголовокъ: „Мои предсказанія“ и хранится въ очень красивомъ ящикѣ.

Я сомнѣваюсь, другъ мой, что эти предсказанія исполняются, потому что бѣднякъ Ланской немного глупъ, и его знаменитый другъ не сможетъ передѣлать его, такъ же какъ и Зорича, котораго она со времени фавора считала за одареннаго блестательнымъ умомъ, и также хотѣла сдѣлать полезнымъ человѣкомъ для государства¹⁾). Корсаковъ, смѣнившій его, не былъ счастливѣе въ образованіи; этотъ фаворитъ болѣе всѣхъ удивлялъ меня своимъ поведеніемъ и тѣмъ сильнымъ влечениемъ, которое возбуждалъ въ Государынѣ. Это былъ болванъ самодовольства, самаго низкаго разбора, какого не терпѣли бы даже въ Парижѣ, и меня крайне удивило, что онъ любовникъ Строгоновой, прибывшой изъ Франціи. Послѣ этого ничего нельзя сказать про вкусъ женщинъ²⁾). Строгоновъ смотрѣлъ на эту связь съ Парижскимъ спокойствиемъ; онъ совершилъ даже неосторожность, поставившую его на дурной счетъ при Дворѣ: онъ имѣлъ слабость поѣхать въ Петергофъ съ женою и Корсаковымъ, которому запрещенъ былъ входъ ко Двору. Хотя былъ только костюмированный балъ, чтѣ собственно не раутъ, однако нашли этотъ поступокъ предосудительнымъ и дали это почувствовать Строгонову. Что касается Корсакова, то онъ уѣхалъ въ Москву, потому что Государыня съ сегодняшняго утра здѣсь, въ Петербургѣ.

Вернемся, другъ мой, къ этому энтузіазму Государыни и разберемся въ его основахъ. Ничего нѣть естественнѣе этого чувства у женщины, одержимой въ ея годы страстью; вмѣстѣ съ тѣмъ нѣть ничего плачевнѣе, потому что оно влечеть къ слабостямъ, непозволительнымъ для властелина. Было бы желательно, чтобы она брала любимцевъ только для удовлетворенія; но это рѣдкое явленіе у особъ пожи-

¹⁾ Къ этому времени могутъ относиться слова Екатерины Безбородкѣ о томъ, что она воспитываетъ молодыхъ людей для пользы Государству. П. Б.

²⁾ Корсаковъ пережилъ всѣхъ любимцевъ Екатерины. Онъ умеръ въ 1836, и Пушкинъ спрашивалъ его про Екатерину. Уѣзжалъ онъ изъ своего дома на Тверскомъ бульварѣ въ свое великолѣпное Братцево и возвращался оттуда въ каретѣ съ императорскими гербами. П. Б.

лыхъ, и если у нихъ воображеніе не исчезло, онѣ совершаютъ сумашествія въ сто разъ больше, нежели молодыя*). Развѣ я не видалъ здѣсь Репнина, влюбленнаго, какъ мальчишка, въ Нелединскую? Репнинъ же человѣкъ умный, а Нелединская представляеть весьма мало съ этой стороны. Воображеніе и тщеславіе бродятъ въ старомъ мозгу сильнѣе; это, конечно, несчастье, но вмѣстѣ съ тѣмъ показатель нѣкоторыхъ хорошихъ свойствъ.

Государыня, желая сдѣлать Ланского государственнымъ человѣкомъ, этимъ самымъ доказываетъ, что думаетъ о государствѣ. Это хорошее намѣреніе, дурно направленное; но уже достаточно и хорошихъ намѣреній, и если бы этой властительницѣ руководилъ, какъ это могло бы быть, человѣкъ генія, онъ бы заставилъ ее совершать великия и блестательныя дѣла; но такой человѣкъ не встрѣчается, иллюзіи же, которыя она себѣ создаетъ при каждомъ новомъ фаворитѣ, исчезая и вновь появляясь, вызываютъ частыя смѣны фаворитовъ, влекущія за собою губительныя послѣдствія. Со всѣми своими широкими замыслами и лучшими намѣреніями Екатерина II-я губить страну нравами, разоряетъ ее тратами и кончить тѣмъ, что о ней будутъ судить какъ о женщинѣ слабой и романтичной.

Владычество Ланского продолжится недолго, не взирая на энтузиазмъ. Ему куплена библіотека въ десять тысячъ рублей, которой онъ, конечно не будетъ пользоваться. Устроиваютъ судьбу нѣкого Цезата, учителя, малаго безъ всякихъ достоинствъ; его жена, какъ увѣряютъ, будетъ состоять при Государынѣ, которая это обѣщала, и потомъ все зданіе рухнетъ, уступая мѣсто другому.

Вернувшись изъ-за города, я былъ у князя Потемкина, который принялъ меня очень хорошо. Я оставался у него полчаса.

Вторникъ 5-го Сентября. Я былъ въ оперѣ, въ министерской ложѣ, узнавъ, что туда поѣхалъ Делинъ, и слушалъ довольно хорошую музыку Паизелло, которую онъ написалъ для Могилева подъ названіемъ „Обманутый любовникъ“. Я разговаривалъ съ Делинемъ, человѣкомъ умнымъ. Онъ сказалъ, что графъ д'Артуа заказалъ серебряныя буквы для печати, которая красивѣе, нежели Ельзевировскія. Печатаются, съ тщательнымъ выборомъ, лучшіе образцы прозы и поэзіи нашей литературы, что составляетъ еженедѣльно довольно толстую тетрадь. По-

* Современники знали, что Екатерина страдала особаго рода болѣзнью въ чреслахъ. Марія Савицна Перекусихина (пережившая Государыню на 24 года) передавала княгинѣ С. А. Трубецкой, что Екатерина два раза вынесла безуспѣшную операцию (объ этомъ сказывала намъ дочь княгини Трубецкой, княгиня М. В. Воронцова).

слѣдняя содержала романъ „Заидъ“. Въ данное время всѣхъ тетрадей двадцать пять. Графъ д'Артуа печатаетъ только 26 экземпляровъ. Делинь въ ихъ числѣ, и эти лица являются судьями произведеній, помѣщаемыхъ въ сборникъ. Печатная доска ломается по напечатаніи данного количества экземпляровъ, и такимъ образомъ коллекція дѣлается очень цѣнной и дорогой, благодаря ея рѣдкости. Каждая тетрадь обходится въ двадцать экю; расходы несетъ графъ д'Артуа.

Тавлинцы каждый день производятъ новые беспорядки; они укради серебро изъ дома Волкова, а сегодня ночью забрались къ Кобенцелю черезъ окно балкона и срѣзали сукно на билліардѣ. Наканунѣ князь Делинь проигралъ на этомъ билліардѣ тысячу рублей Нормандецу, который вызываетъ надъ собою смѣхъ тщеславіемъ и тяжеловѣсностью, обличающими въ немъ высокочку.

Среда 6-го Сентября. Я обѣдалъ за городомъ и у Бемеровъ ждалъ проѣзда Пруссаго принца*). Въ то время, какъ онъ проѣзжалъ, мы вышли на дорогу. Передъ экипажемъ скакали въ два ряда казаки, высланные навстрѣчу. Весь поѣздъ представлялъ красивое зрѣлище. Пруссій принцъ сидѣлъ въ каретѣ съ ген. Гёрцомъ, братомъ здѣшняго ministra. Его высочество узналъ дамъ Бемерь и любезно раскланялся. Умилительная вещь—проявленіе патріотизма; онъ почти непостижимъ въ нынѣшній вѣкъ; его вѣрнѣе ощущаешь, нежели объясняешь себѣ. Въ домѣ царили радость и энтузіазмъ, которыя раздѣлялъ и я. Это признакъ сердецъ добрыхъ и чувствительныхъ, и я былъ съ людьми, которые столько разъ проявляли его по отношенію ко мнѣ, что было бы неблагодарностью съ моей стороны забыть о томъ.

Четвергъ 7-го Сентября. Я былъ послѣ обѣда у Сакена, перешавшаго въ новое помѣщеніе рядомъ съ княземъ Репниномъ; наемная плата всего 12 тысячи рублей, и размѣстился онъ очень хорошо. Я оставался у него, разговаривалъ цѣлый часъ, и онъ сообщилъ мнѣ, что Пруссій принцъ былъ принять не такъ, какъ принцъ Генрихъ и какъ великий князь въ Берлинѣ. Онъ былъ сегодня на выходѣ у Государыни, и великий князь прибылъ туда же, чтобы повидаться съ нимъ. Конвой Пруссаго принца былъ не блестящъ: всего три лейбъ-казака, два почтальона и два курьера. Камергеры и камеръ-юнкеры стояли внизу лѣстницы. Онъ обѣдалъ съ Государыней за столомъ на двадцать шесть приборовъ, и вотъ почти все, чтѣ я узналъ. При его прибытіи не было пушечнаго салюта, какъ это сдѣлали при прибытіи въ Берлинѣ великаго князя, которому были оказаны всѣ воинскія почести.

*.) Это былъ племянникъ и наследникъ Фридриха Великаго, дѣдъ нашей императрицы Александры Феодоровны Первой. П. Б.

Воскресенье 10-го Сентября. Я сегодня одѣлся рано, чтобы видѣть графа Гёрца и былъ у него въ 9 часовъ утра. Намъ не удалось долго бесѣдоватъ, потому что пріѣхалъ совѣтникъ двора Аlopеусъ. Все же мы поговорили о Пруссскомъ принцѣ. Графъ, видимо, имъ доволенъ. Государыня въ началѣ какъ будто смущалась съ нимъ, но потомъ заговорила съ большими довѣріемъ. Она сказала ему, что несчастна, что новыя учрежденія причиняютъ ей горюченіе малымъ успѣхомъ; жаловалась, что не имѣть помощи, и нѣтъ у нея человѣка, умѣющаго проводить ея намѣренія. Думаютъ, что осанка Пруссаго принца произвела на нее впечатлѣніе, но это предположеніе то исчезаетъ, то вновь появляется.

Положеніе Пруссаго принца здѣсь весьма затруднительно. Молодой Дворъ хочетъ видѣть его на своей сторонѣ и удалить отъ князя Потемкина. Пруссакъ проявилъ тутъ ловкость и откровенность и отвѣчалъ на жалобы, которыя высказывались по поводу фаворита: „Будь я Русскимъ, я могъ бы его ненавидѣть; но въ моемъ положеніи иностранца я долженъ быть съ нимъ вѣжливъ“. Вчера вечеромъ, когда его королевское высочество пригласили отужинать, Салтыковъ далъ понять, что желательно отсутствіе генерала Потемкина; это было трудно сдѣлать, такъ какъ онъ состоялъ въ свитѣ. Потемкинъ догадался и удалился. Тогда Пруссій принцъ сказалъ великому князю, что такъ не должно быть, и онъ желаетъ присутствія Потемкина на ужинѣ. Побѣжали за Потемкинымъ, и по возвращеніи его великий князь вѣжливо сказалъ ему: „Почему вы удалились? Я послалъ васъ искать“. Эта анекдотъ рисуетъ обоихъ принцевъ, и Пруссакъ при сравненіи выигрываетъ.

Я былъ у Хорты¹⁾, чтобы видѣть процессію Св. Александра. Государыня не была, даже въ экипажѣ, потому что обычай требуетъ, чтобы шли пѣшкомъ. У Хорты встрѣтилъ я Бюлло, который называлъ мнѣ фамиліи кадетъ. Вотъ онъ: Толстой, Бобринскій, сынъ Государыни, Апраксинъ, Арсеньевъ, Ушаковъ, Болотниковъ, Сизеровъ²⁾ и т. д. Ихъ было двѣнадцать, но я могъ узнать имена только этихъ. Любопытно знать, чѣмъ станутъ эти молодые люди впослѣдствіи.

Пруссій принцъ получилъ ордена Св. Андрея и Св. Александра, которые онъ сегодня надѣлъ. Онъ обѣдалъ съ Государыней за столомъ кавалеровъ. Обратили вниманіе, что онъ сидѣлъ не по правую руку Государыни, которая сидѣла между великимъ княземъ и имъ. Орденъ Св. Александра покрытъ крупными прекрасными брилліантами. Вечеромъ былъ раутъ и игра въ макао. Пруссій принцъ сидѣлъ по

¹⁾ Харта—представитель Португаліи при нашемъ Дворѣ. П. Б.

²⁾ Цазыревъ? П. Б.

правую руку Государыни и проигралъ пятьсотъ рублей. Гаррисъ также игралъ. Веракъ не захотѣлъ играть, хотя я его убѣждалъ; онъ отвѣчалъ, что король не выдаетъ ему жалованья на игру. Однако у него самого сто тысячъ ливровъ.

Былъ большой ужинъ, и я бесѣдовалъ съ графомъ Апраксинымъ¹⁾, командиромъ одного пѣхотнаго полка и братомъ Талызиной. Разговоръ коснулся его родины и князя Потемкина; я говорилъ въ качествѣ частнаго путешественника, и это заставляло ко мнѣ прислушаться. Мы сошлись во мнѣніи относительно генія этого страннаго и удивительнаго человѣка. Онъ увѣряетъ, что у Потемкина такое сильное желаніе не подпасть подъ чье нибудь вліяніе, что какъ только онъ замѣчаетъ къ кому нибудь предпочтеніе, тотчасъ же перестаетъ его видать или обращается съ осторожностью: вѣрный признакъ генія и самое важное правило въ политикѣ.

Понедѣльникъ 11-го Сентября. Боятся, что Государыня станетъ холодна къ Прусскому принцу за его сношенія съ великимъ княземъ. Замѣтили, что Потемкинъ не былъ вчера при Дворѣ; но это еще ничего не значить, и я думаю, что ошибаются, воображая, будто смущеніе Прусского принца дѣланное и свидѣтельствуетъ о его недовольствѣ. Благодаря обычая, онъ сидѣлъ вчера за столомъ съ непокрытою головою среди кавалеровъ, бывшихъ въ шапкахъ и не снимавшихъ ихъ даже во время здравицы за Государыню; но для вновь пожалованныхъ такъ и должно быть, и онъ не имѣлъ права надѣть ни плаща, ни мундира. Князь Потемкинъ обнажилъ голову, провозглашая здоровье принца; это замѣтили.

Среда 13-го Сентября. Я пошелъ сегодня къ Толстому, майору Преображенцевъ и полезному другу Государыни, равно и Потемкина, котораго онъ знаетъ въ теченіи 15-ти лѣтъ. Толстой любитель-химикъ и далъ мнѣ рецептъ своего *ciralbo*²⁾. Онъ знакомъ съ нѣкимъ Шульгинымъ изъ горной коллегіи, также любителемъ, и предпочитаетъ работать съ нимъ вмѣстѣ. Онъ обѣщалъ давать мнѣ свѣдѣнія, сообщать свои открытія и вмѣстѣ съ тѣмъ просилъ подписаться для него на Архивъ *mytho-herm tique*. Его работа напоминаетъ мнѣ сочиненіице по химії Лавуазье, генерала-фермера.

Четвергъ 14-го Сентября. Я бесѣдовалъ съ графомъ Семеномъ Воронцовымъ, и онъ сказалъ мнѣ, что послѣдній отчетъ убыtkовъ отъ пожара показывалъ сумму въ 1.100.000 рублей, которая можетъ быть

¹⁾ Это былъ не графъ, а просто Апраксинъ, Степанъ Степановичъ. П. Б.

²⁾ ? П. Б.

уменьшена на двѣстіи тысячъ, потому что торговцы преувеличили свои потери; это развѣдывается, и считаются вѣроятнымъ, что убытки доходятъ до 900.000 рублей. Есть торговецъ, потерявшій 80.000 р., но онъ богатъ и не просить вознагражденія. Мне хочется знать имя этого безкорыстнаго варвара, явленія необычайнаго въ этой странѣ. Онъ не похожъ на знаменитаго Собакина, который показалъ свое состояніе всего въ сорока тысячахъ рубляхъ, а графъ Семенъ увѣряетъ, что у него ихъ 800.000. Онъ купилъ въ Ярославль прекрасныя промышленныя заведенія, а также желѣзные и мѣдные рудники, принадлежавшіе прежде отцу Шувалова-поэта, оставившаго ихъ казнѣ для уплаты своихъ долговъ. Этотъ Собакинъ купилъ ихъ, кажется, за два миллиона, а они стоять дороже. Графъ Семенъ описывалъ мнѣ одинъ Сибирскій рудникъ, гдѣ золото добывается изъ камня и горнаго хрустала¹⁾.

Пятница 15-го Сентября. Прусскій принцъ продолжаетъ изъ-за боли въ ногѣ сидѣть дома. Великій князь навѣщає его каждодневно, а иногда по два раза въ день. Но Государыня и Русскіе выказываютъ мало заботливости: онъ недостаточно мишуренъ для этой страны²⁾.

Вторникъ 19-го Сентября. Прусскій принцъ вышелъ вчера въ первый разъ; онъ ужиналъ у великаго князя. Его пребываніе не производить сильнаго впечатлѣнія, имъ занимаются посредственно, и князь Потемкинъ самъ сказалъ, что дѣлаютъ недостаточно для пріема подобающаго лицу царской крови.

Я ходилъ къ князю Потемкину и нашелъ его одного въ маленькихъ покояхъ. Онъ страдалъ разстройствомъ пищеваренія и сказалъ, что не поѣдетъ къ вице-канцлеру. Мы разговаривали о гравюрахъ и книгахъ; по этому случаю онъ сказалъ, что Гаррисъ подарилъ ему Гомера по гречески, напечатанного Баркьервилемъ. Я напомнилъ ему о намѣреніи велѣть сдѣлать гравюры; онъ отвѣчалъ, что исполнить ихъ можно только во Франціи; я предложилъ взять это порученіе на себя и написать ему изъ Парижа, на что онъ согласился. Мое предложеніе, видимо, доставило ему удовольствіе, и это является способомъ сохранить связи съ удивительнымъ человѣкомъ, великимъ визиремъ Россіи.

Среда 20-го Сентября. Князь Потемкинъ подарилъ Прусскому принцу пару прекрасныхъ Персидскихъ коней. Графъ Панинъ³⁾ при-

¹⁾ Графъ С. Р. Воронцовъ, въ молодости, былъ посланъ отцомъ своимъ въ Пермскую губернію. П. Б.

²⁾ Пристрастіе Корберона къ принцу Прусскому объясняется тѣмъ, что оба они были масоны. П. Б.

³⁾ Вѣроятно, графъ Петръ Ивановичъ. П. Б.

существовалъ при этомъ, и Потемкинъ просилъ его, какъ знатока, сдѣлать выборъ, чтѣмъ слѣдовало предоставить его королевскому высочеству.

Суббота 23-го Сентября. Г-жа Бюлло сообщила мнѣ подъ секретомъ нѣкоторыя частности Двора, которыя оправдываютъ холодное отношеніе къ Прусскому принцу. Государыня въ отвратительномъ расположеніи духа. Ея новыя учрежденія идутъ изъ рукъ вонъ плохо; всюду мятежи, крестьяне жалуются на господъ и отказываются повиноваться подъ предлогомъ, что Государыня дала имъ свободу. Посланы войска въ Бѣлоруссію и Новгородъ. Нѣкоторыя грамоты о свободѣ, данные Государыней, подобно грамотамъ купцамъ и нѣкоторымъ крестьянамъ, возбудили остальныхъ. Насчитываютъ болѣе двухъ тысячъ крестьянъ, подавшихъ подобныя же челобитныя. Крѣпостные Разумовской не хотятъ больше ей принадлежать.

Кромѣ того въ Совѣтѣ произошла большаяссора у Панина съ Потемкинымъ. Послѣдній открыто заявилъ себя сторонникомъ Англіи и, желая дать понять, что графъ Панинъ продался Франціи, громко сказалъ, что изображенія Людовика XVI на монетахъ прекрасно могутъ служить марками дня игры въ висть. Панинъ отвѣчалъ, что если ему нужны подобныя марки, то онъ легче можетъ употребить на то гинеи. Ссора такъ разгорѣлась, что Панинъ пошелъ за Государыней, которая появилась разнять ссорящихся. Прибавляютъ, что Потемкинъ въ день извѣстія о знаменитомъ нападеніи на Англичанъ былъ въ отвратительномъ расположеніи духа и видѣлся только съ Гаррисомъ, съ которымъ заперся на два часа; къ тому же Потемкинъ въ данное время не въ ладахъ съ Государыней. Княгиня Голицына-Энгельгардъ высказывала мнѣніе относительно Государыни, будто та достаточно стара, чтобы обходиться безъ любви. Эти толки были переданы Толстымъ, неблагодарною креатурою князя; понятно, что они уязвили Властительницу, и думаютъ, что Голицыныхъ сошлютъ въ деревню, не смотря на заступничество Потемкина. Къ тому же прибавляютъ, что прибылъ отъ Орлова гонецъ съ письмомъ къ Государынѣ, въ которомъ князь срываетъ покровъ съ дѣйствій Потемкина и предлагаетъ доказать, что тотъ получилъ отъ Англичанъ полтораста тысячъ гиней.

Все это огорчаетъ Государыню, и положеніе ея довольно плачевно; она чувствуетъ, что у нея нѣть ни друзей, ни людей, могущихъ быть ей помощниками. Два три тому назадъ она очутилась за обѣдомъ одна и нарочно задержала графа Брюса въ качествѣ собесѣдника. Все это неблагопріятныя условія для пребыванія Пруссаго принца.

Воскресенье 24-го Сентября. Ностицъ разговаривалъ со мною у Кобенцеля, гдѣ я обѣдалъ, и справедливо осуждалъ поѣздку, которую

Гёрцъ посовѣтовалъ королю, такъ какъ въ ней Гёрцы преслѣдовали только собственную выгоду. Но я сомнѣваюсь, чтобы они ее извлекли, не смотря на старанія обойти принца. Странно, что не стараются устроить ему близость, какою пользовался императоръ*) у Государыни; все это не побудить его продолжить свое пребываніе, и многіе думаютъ, что онъ уѣдетъ 8-го Октября, хотя онъ предполагалъ остаться до 15-го. Князь Потемкинъ отступилъ передъ грозой, разразившейся надъ головами Голицыныхъ, и ихъ отѣздѣ въ деревню рѣшенъ; онъ назначенъ на утро въ Среду. Княгиня, убѣжденная въ мнѣніи, высказанномъ по поводу Государыни, не отрицаетъ его; она созналась въ немъ, говоря, что не накажутъ же ее кнутомъ за правду. Сестра ея, маленькая Екатерина Энгельгардтъ, теперешняя фаворитка князя Потемкина, какъ думаютъ, беременна; Рожерсонъ прописалъ ей для видимости Старорусскія воды, а такъ какъ владѣнія Голицыныхъ лежать по дорогѣ туда, то она отправится вмѣстѣ съ ними и этимъ прикроется ссылка Голицыныхъ, якобы сопровождающихъ ес. Голицынъ въ отчаяніи, потому что эта ссылка можетъ повредить его движенію впередъ, которое пошло бы быстро. Съ нимъ вчера случилось двѣнадцать припадковъ, и князь Потемкинъ ходилъ къ нимъ пѣшкомъ утѣшать его и его жену. И его положеніе весьма критическое: его личная дружба съ Гаррисономъ повредила ему, потому что Государыня не терпитъ этого министра, и думаютъ, что будетъ просить о его отзваніи.

Съ другой стороны увѣряютъ, что графъ Алексѣй возвращается.

P. S. Я ошибся, говоря по поводу водъ о Старой Русѣ, куда ѿдѣть маленькая Екатерина Энгельгардтъ; название водъ—Царицыно. Онѣ очень извѣстны здѣсь, и этотъ годъ тамъ было много народа.

Понедѣльникъ 25-го Сентября. Сегодня сѣвѣздѣ у его королевскаго высочества по случаю дня его рожденія. Русскіе и иностранцы прошли тамъ до одиннадцати съ половиною часовъ утра; былъ великий князь, и Государыня прислала великоколѣпные мѣхѣ; ихъ поднесъ Ланская. Вотъ все, чтѣ сдѣлали для дня его рожденія, потому что, какъ говорятъ, Воздвиженіе Креста не допускаетъ, чтобы былъ раутъ при Дворѣ. Графъ Гёрцъ давалъ своему принцу обѣдъ, на которомъ присутствовали только Русскіе. Вечеромъ королевское высочество былъ на балу и ужиналъ у великаго князя.

Вторникъ 26-го Сентября. Я недавно узналъ одно обстоятельство, показывающее, насколько безопасна Государыня при всей ея славѣ.

*) Т. е. Іосифъ II-й. П. Б.

Ночью внутри дворца разставлены часовые съ заряженными ружьями, и на извѣстныхъ разстояніяхъ другъ отъ друга стоять взводы солдатъ тоже вооруженныхыхъ.

Среда 27-го Сентября. Я уже говорилъ тебѣ, что между Потемкинымъ и Екатериною размолвка по поводу маленькой Екатерины Энгельгардтъ, которая уѣхала, думаю, вчера, беременная на 6 или 7 мѣсяцѣ. Какъ говорятьъ, ея отѣзда пожелала сама Государыня, такъ какъ она была предназначена въ невѣсты маленькому Бобринскому, сыну Екатерины и князя Орлова. Ты понимаешьъ, что свадьба не можетъ состояться, а молва, идущая по поводу ссылки, въ виду положенія маленькой Екатерины, заставила одного молодого Русскаго поблагодарить за честь Потемкина, который предлагалъ ее послѣ отказа Бобринскаго. Вотъ, другъ мой, образецъ Русскихъ нравовъ, и вотъ какъ Потемкинъ опекаетъ своихъ племянницъ. У него есть еще одна, 12-ти лѣтъ, и ей предстоитъ также участъ; она послѣдняя, по имени Татьяна; она будетъ очень умна и съ той причудливой наружностью, которая привлекаетъ больше красоты.

Воскресенье 1-го Октября. Сегодня былъ пріемъ при Дворѣ, и Государыня утромъ не показывалась, потому что дурное расположение духа все еще продолжается. Одна изъ причинъ, усиливающихъ его— междуцарствіе фаворитовъ. Ланской окончательно устраниенъ, и его преемникъ намѣченъ: это нѣкій Пожарскій армейскій капитанъ. Онъ появился вечеромъ въ качествѣ карточнаго партнера Екатерины, но ждутъ отѣзда Пруссаго принца, чтобы утвердить его положеніе. Это молодой человѣкъ, вылитый Геркулесъ; вотъ и все, чтѣ пока о немъ рассказываютъ.

На слѣдующій день послѣ ужина у Верака, Строгоновъ єдетъ въ Сенатъ; ему подаютъ пакетъ отъ Государыни, гдѣ находится указъ противъ азартной игры. Нашъ сенаторъ ничего не говоритъ, но вечеромъ, во внутреннихъ покояхъ, бросается къ ногамъ Государыни и просить прощенія. Государыня ему сказала: „Вотъ это хорошо; я хотѣла и должна была дать вамъ этотъ урокъ, потому что вы, сенаторъ, должны были бы знать законы“. Непослѣдовательность только въ томъ, что Государыня сама играетъ въ макао, игру азартную. Правда, она ограничена, и на карту можно ставить не болѣе полуимперіала; у Верака не позволялось ставить выше ста рублей.

Понедѣльникъ 2-го Октября. Недовольство Потемкинымъ продолжается. Находятся люди, думающіе, что онъ падетъ; я этому не вѣрю.

Его племянница, Екатерина, должна вернуться черезъ полтора мѣсяца и если это правда, то тѣмъ уничтожаются слухи о ея беременности. Генералъ-майоръ Толстой пользуется большимъ благорасположеніемъ, но что ни говорили бы, а Потемкинъ въ концѣ концовъ раздавить его. Онъ пробудетъ нѣсколько дней въ отсутствіи, чтобы показать свой полкъ князю Делиню, уѣзжающему въ Субботу. Полкъ стоитъ въ Дорпахъ *), и Потемкинъ проводитъ туда Делиня.

Среда 4-ю Октября. Я былъ сегодня утромъ у совѣтника Штелина попросить новую маленькую карту промежуточной области между Америкой и Русскими владѣніями. Онъ дасть мнѣ ее съ описаніемъ на Нѣмецкомъ языкѣ. Штелинъ сказалъ, что населеніе Петербурга можно считать въ сто шестьдесятъ тысячъ душъ, а Москвы—въ триста-четыреста тысячъ. Я сообщу Данвилю о картѣ и описаніи. Этотъ Штелинъ—болтунъ-путанникъ, знающій много, но плохо передающій. Знакомство съ нимъ очень полезно.

Четвергъ 5-ю Октября. Прусскій принцъ уѣзжаетъ сегодня въ восемь часовъ вечера, но передъ отѣзломъ будетъ присутствовать на торжествѣ закладки церкви, которую Государыня приказала воздвигнуть во имя Св. Софіи и по модели знаменитой мечети въ Константинополѣ. Эта церковь должна быть въ новомъ городѣ, который ея величество хочетъ построить въ окрестностяхъ Царскаго Села. Говорять по этому поводу, что ея намѣреніе было жить тамъ со Дворомъ и устроить тамъ Русскій Версаль.

Прусскій принцъ обожаемъ всѣми, его окружающими: къ тому же онъ щедръ и любить дѣлать подарки. Онъ послалъ сегодня хорошенькие часы, осыпанные брилліантами, институткѣ Ушаковой, привѣтствовавшей его въ институтѣ. Этотъ принцъ, чтобы поступать подобающимъ его сану образомъ, добавилъ къ суммѣ, данной ему королемъ на подарки, четырнадцать тысячъ экю изъ своего кармана. Всѣ отъ него въ восторгѣ, и Русскіе, хваля его поступки и находя, что его здѣсь недостаточно хорошо принимаютъ, говорять, что у него передъ Государыней видъ благородный и выражающій презрѣніе, и что она этому завидуетъ. Произошелъ маленький случай, доказывающій, какъ народъ полюбилъ его. Князь Делинъ уѣхалъ сегодня и повелъ съ собою лошадей и людей, подаренныхъ принцу Государыней; это узнали въ народѣ; вообразили, что Государыня подарила Прусскому принцу сто человѣкъ, и вслѣд-

*) ? . П. Б.

ствіе этого къ графу Панину явилась цѣлая толпа съ просьбою взять ихъ въ это число.

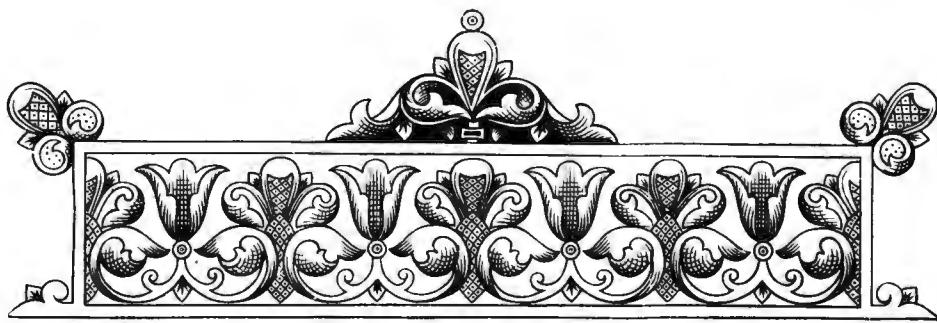
Среда 11-го Октября. Я обѣдалъ сегодня у г-жи Билло съ сенаторомъ Олсуфьевымъ, графами Воронцовыми и личнымъ секретаремъ Безбородко, le favori en fonction du matin. Я обѣщалъ Олсуфьеву картины къ исторіи новѣйшихъ временъ, и мы уговорились съ графомъ Александромъ Воронзовымъ пересыпать другъ другу, я—табакъ, онъ—чай.

*

Корберонъ уѣхалъ изъ Петербурга во Францію 21 Октября 1780 года, ласково отпущеній Екатериною, подарившой ему на прощанье двѣ тысячи Голандскихъ червонцевъ и табакерку съ брилліантами. Ему очень хотѣлось оставаться въ Россіи, но его перевели на службу въ Цвейбрюкенъ. Конецъ его поприща былъ печаленъ. Сдѣлавшись отъявленнымъ иллюминатомъ, онъ поселился въ Авиньонѣ. Отецъ и братъ его погибли на эшафотѣ, и буря революціи хотя пощадила его, но разорила. Онъ умеръ бѣднякомъ, въ Парижѣ въ Декабрѣ 1810 года.

Мы сдѣлали только извлеченіе изъ его Записокъ (рукопись которыхъ сохранилась въ Авиньонской городской библіотекѣ). Надѣемся, что это извлеченіе заманитъ Русскихъ читателей къ ближайшему знакомству съ подлинникомъ. Во всякомъ случаѣ Русская исторіографія должна быть благодарна г-ну Либанду за образцовое изданіе въ свѣтъ этихъ двухъ томовъ. II. Б.

ДВА ЗАВЪЩАНІЯ Г. Р. ДЕРЖАВИНА.

(КРЪПОСТНЫЕ ИЩУТЬ ВОЛИ).

Г. Р. Державинъ, на склонѣ своей жизни, имѣлъ довольно крупное состояніе. Кромѣ большаго дома въ Петербургѣ и разнаго движимаго имущества, у него было нѣсколько помѣстій въ разныхъ губерніяхъ. Отъ своихъ родителей онъ унаслѣдовалъ очень мало, всѣ же прочія имѣнія пріобрѣлъ самъ, то какъ награду за службу, то въ видѣ пожалованій за хвалебные стихи и оды, то покупкою.

Одно изъ его имѣній, село Смоленское-Державино тоже, съ нѣсколькими принадлежащими къ нему деревнями, въ отдаленномъ Оренбургскомъ краю, въ Бузулукскомъ уѣздѣ, нынѣ Самарской губ., почему-то особенно озабочивало владѣльца. И впослѣдствіи его крестьяне принесли немало заботъ и горчейій наслѣдникъ поэта, болѣе же беспокойные изъ нихъ при этомъ крѣпко поплатились за безразсудное упорство и своеволіе. Поводомъ къ этому послужили преждевременные и неисполнимыя обѣщанія самого Державина и его туманныя пожеланія въ оставленномъ имъ духовномъ завѣщаніи.

Село Державино перешло къ Гавріилу Романовичу съ небольшимъ количествомъ земли отъ его отца, которому оно было пожаловано за службу. Державинъ прикупилъ къ нему у Башкиръ новыя земли и угодья и перевелъ сюда часть крестьянъ изъ другихъ своихъ имѣній, изъ Бѣлорусской и Казанской губерній, а для большей доходности построилъ винокуренный заводъ, съ которымъ дѣло, однако, какъ-то долго не налаживалось. Владѣлецъ не могъ подыскать для того добросовѣстнаго управляющаго. Только не задолго до смерти Державину удалось поручить этотъ заводъ крестьянину Разуваеву, который удачно повелъ дѣло и далъ владѣльцу хорошій доходъ. Державинъ былъ такъ доволенъ этимъ, что не только выразилъ Разуваеву свою благодарность, но объявилъ ему, что, въ знакъ своей признательности, онъ освобождаетъ „дочерей его и невѣстокъ отъ господскихъ работъ“. При этомъ довольно гостеприимъ присовокупилъ: „служите только вѣрно; я и всѣмъ крестьянамъ и людямъ сдѣлаю такую милостивую льготу, что они послѣ меня вѣчно будутъ меня благодарить“.

Въ другой разъ Державинъ заявилъ, что имъ написана духовная, исполненіе которой наследниками доставить всѣмъ ему подвластнымъ облегченіе^{*)}

Вѣсть о такомъ обѣщаніи разнеслась по всему населенію с. Смоленского и, понятно, породила среди него надежду на свободную, независимую жизнь; хотя вмѣсто того привела ихъ къ нежелательнымъ и тягостнымъ послѣдствіямъ, о чемъ, однако, академикъ Я. К. Гротъ въ „Жизни Державина“ не упоминаетъ. Онъ говорить, что имѣлъ въ рукахъ списки съ завѣщаній, какъ самого Державина, такъ и второй его жены Дарьи Алексѣевны (урожд. Дьяковой, пережившей своего мужа на 26 лѣтъ), и хотя онъ считаетъ эти документы весьма интересными и важными для характеристики ихъ завѣщателей, но тѣмъ не менѣе не даетъ ихъ полнотѣю, а знакомить читателей лишь съ сущностью обоихъ завѣщаній и съ нѣкоторыми поясняющими ихъ обстоятельствами. Но этого далеко недостаточно для полнаго уясненія послѣдующихъ событій, имѣвшихъ мѣсто въ с. Смоленскомъ.

Приблизясь къ старости, Державинъ былъ озабоченъ вопросомъ, кому онъ можетъ передать свое знаменитое имя и оставить свои родовыя и благопріобрѣтенные имѣнія отъ двухъ браковъ. У него явилась мысль передать свое имя одному изъ своихъ родственниковъ съ правомъ сдѣлаться по смерти обоихъ супруговъ единственнымъ наследникомъ всего достоянія; но все попытки въ этомъ отношеніи не удались; приходилось думать лишь о распределеніи имущества по своему усмотрѣнію, чтобы устранить послѣ себя возможныя ссоры и тяжбы между родственниками.

Первоначально свое духовное завѣщаніе Державинъ написалъ и подписалъ 1-го Января 1804 года, вскорѣ послѣ выхода въ отставку изъ должности министра юстиціи. Въ этомъ завѣщаніи имѣлся одинъ пунктъ, въ которомъ была выражена воля Державина, чтобы, по смерти Дарьи Алексѣевны, „всѣ подвластные ему крѣпостные люди и крестьяне, на основаніи указа 1803 года, обращены были въ свободные хлѣбопашцы“.

Это первое завѣщаніе замѣнено другимъ, въ которомъ уже не было подобнаго, яснаго, опредѣленного пункта объ освобожденіи крестьянъ; а вмѣсто того въ него включенъ другой не вполнѣ ясный и условный пунктъ съ пожеланіемъ оставить крестьянъ только на основаніяхъ, изложенныхъ въ написанномъ собственноручно положеніи 1-го Января 1804 г. Относится ли этотъ опредѣленный пунктъ (9-й) второго завѣщанія къ опредѣленно-выраженной волѣ завѣщателя въ первомъ, не получившемъ законной силы, проектѣ завѣщанія, или къ какому-либо другому написанному имъ въ тотъ же день положенію? Можно только предполагать, что онъ относится къ первому проекту завѣщанія.

Мы не знаемъ, какими побужденіями и соображеніями руководился Державинъ, включая въ свое первое завѣщаніе пунктъ объ обращеніи его крестьянъ послѣ смерти жены въ свободныхъ хлѣбопашцевъ, такъ какъ самъ

^{*)} „Жизнь Державина“, Я. Грота. С.-Пб. 1880 г., стр. 955.

онъ лично былъ противъ изданія указа 1803 г. о нихъ, и его воззрѣнія на этотъ предметъ были одною изъ причинъ его отставки. Непонятно также, почему онъ указанный пунктъ первого завѣщанія обѣ освобожденіи крестьянъ замѣнилъ во второмъ глухой, условной, неопределенной ссылкой на него, какъ на документъ, съ предоставлениемъ, однако, решенія этого вопроса на волю правительства, какъ повелѣваютъ законы.

Объясненіе такого, на первый взглядъ, страннаго измѣненія Я. К. Гротъ находитъ въ Запискахъ Державина. „Видя (сказано тамъ), что указъ (1803 г.), о вольныхъ хлѣбопашцахъ не исполняется и исполняться не можетъ, онъ въ своемъ завѣщаніи сдѣлалъ относительно освобожденія принадлежащихъ ему крестьянъ распоряженіе, которымъ съ одной стороны ограничилъ самовластіе своихъ наслѣдниковъ, а съ другой не далъ и крестьянамъ никакого повода къ своеволію или переходу въ другія мѣста. „Вотъ, конечно (добавляетъ Гротъ), та льгота, которую онъ за нѣсколько лѣтъ передъ смертью сулилъ въ будущемъ одному изъ своихъ прикащиковыхъ“.

Немногого же, добавимъ мы отъ себя. Все-таки въ чемъ же льгота-то и облегченіе крестьянской участіи?

„Но желаніе Державина (продолжаетъ Гротъ), не могло осуществиться: когда онъ въ 1808 или 1809 году просилъ черезъ Молчанова (статья-секретаря) обѣ утвержденіи Государемъ этого распоряженія (т. е. сказаннаго проекта первого завѣщанія), то императоръ Александръ I не изъявилъ на то своего соизволенія, а Державину было сообщено, чтобы онъ „просилъ о томъ въ судебныхъ мѣстахъ по законамъ, чего безъ воли монаршой никому не можно сдѣлать“¹⁾.

Однако не изъ чего не видно, чтобы Державинъ пытался добиваться осуществленія своего желанія судебнымъ порядкомъ, а вмѣсто того онъ замѣнилъ первое завѣщаніе новымъ, которое было подписано имъ уже послѣ составленія Записокъ, т. е. послѣ 1812 года.

Можно предположить, что, включая въ свое первое завѣщаніе пунктъ, соотвѣтствовавшій указу 1803 г. о свободныхъ хлѣбопашцахъ и доводя обѣ этомъ до свѣдѣнія Государя, Державинъ думалъ вернуть утраченное имъ благорасположеніе, какъ удачно пріобрѣталъ его не разъ прежде, во время написанными и поднесенными одами.

Включивъ во второе завѣщаніе ссылку на первое (или на положеніе) и, очевидно, не разсчитывая на исполненіе его въ этомъ пунктѣ, Державинъ прямо завѣщалъ отпустить послѣ его смерти на волю только нѣсколько человѣкъ дворовыхъ.

Для полноты очерка приведемъ здѣсь полностію второе завѣщаніе по копіи Бузулукскаго уѣзднаго суда²⁾:

¹⁾ „Жизнь Державина“. Я. Грота, стр. 1005—1007.

²⁾ Дѣло Канц. Оренб. Губ. 1849 г. № 55 „По рапорту лежурнаго генерала Главнаго Штаба Е. И. В. съ принятіемъ рекрута Макара Разуваева о неправильномъ завладѣніи помѣщикомъ Миллеромъ имѣнія, принадлежавшаго покойному тайному советнику Державину“ и т. д.

„Во имя Отца и Сына и Святаго Духа. Аминь.

„Вижу многіе въ жизни сей примѣры, что смерть, не разбирая ни лицъ, ни обстоятельствъ, ни времени, никого не обходитъ. Внезапная кончина бываетъ причиною ссоръ наследниковъ и безконечныхъ тяжбъ. Въ отвращеніе сего, не имѣя у себя ни дѣтей, ни родственниковъ рода Державиныхъ, кромѣ по женскому колѣну племянниковъ, отъ дочерей дядьевъ моихъ Миллера и Глазатовыхъ, будучи здравъ и въ полномъ разумѣ, рѣшился я симъ завѣщаніемъ заблаговременно сдѣлать распоряженіе моему имѣнію, по большей части благопріобрѣтенному, и тѣмъ доставить миръ семейству моему.

1-е, Домъ каменный въ Петербургѣ, состоящій на Фонтанкѣ, между Измайловскимъ и Обуховскимъ мостами, купленный мною на имя первой, покойной жены моей у г. Захарова, со всѣми при немъ мною пріумноженными пристройками, по плану значущимися, принадлежацій мнѣ по записи въ С.-Петербургской Гражданской палатѣ, въ 1794 году шуриномъ моимъ по первой женѣ Бастидономъ учиненной, отдаю по смерти моей второй женѣ моей, Дарьѣ Алексѣевнѣ, урожденной Дьяковой, въ вѣчное и потомственное владѣніе съ тѣмъ, что должна она, объявя, гдѣ надлежитъ по законамъ, помянутую запись, внести въ казну съ написанного въ ней капитала пошлины, и преобразить ону себѣ въ крѣпость, заплатить въ теченіе своей жизни по-малу безъ процентовъ, или въ наследство по себѣ оставить племянницѣ моей по первой женѣ Екатеринѣ Бастидоновой девять тысячъ руб., которые обѣщалъ было я той же записью отцу ея Бастидону, ежели бъ онъ живъ быль; а ежели ея Екатерины Бастидоновой прежде жены моей въ живыхъ не станетъ, то уже никому одному изъ родни ея сей суммы девяти тысячъ рублей не отдавать, а употребить хотя по той же роднѣ въ раздачу или постороннимъ бѣднымъ по благоразсудженію Дары Алексѣевны.

2-е, Всѣ благопріобрѣтенныя мною недвижимыя имѣнія (и впредь если пріобрѣту), какъ-то купленныя, отъ правительства данныхъ и всемилостивѣйше пожалованныя, а именно: въ Рязанской г. въ Михайловскомъ у. въ селѣ Никольскомъ—Горностаевка тожъ, съ деревнями, въ Бѣлорусской г. въ Себежскомъ ключѣ, въ разныхъ деревняхъ; въ Новороссійской г., въ Херсонскомъ у. въ деревнѣ Гавриловкѣ, и въ смежной съ нею дачѣ, что мнѣ по купчей дошло отъ Петра Александровича Соймонова; въ Оренбургской г. въ Бузулукскомъ у. въ селѣ Смоленскомъ—Державино тожъ съ деревнями, землями и къ нимъ принадлежащими угодьями по купчимъ, даннымъ, жалованнымъ грамотамъ, межевымъ планамъ и книгамъ мнѣ слѣдующими, а людей и крестьянъ, что по послѣдней ревизіи тамъ стоять (кромѣ земли отцу моему за службу трехсотъ четвертей, а людей и крестьянъ родовыхъ), силою высочайше жалованной дворянству въ 1785 году грамоты, отдаю по смерти моей въ вѣчное и потомственное владѣніе ей же моей женѣ.

3-е, Покойныхъ родителей моихъ, отца и матери, весьма малыя родовые недвижимыя имѣнія, а большею частію ими благопріобрѣтенныя же, какъ-то купленныя по закладнымъ и даннымъ отъ правительства доставшіяся въ Казан-

ской г., въ Казанскомъ у. въ селѣ Сукурахъ (Покровское тожъ), въ Лашевскомъ въ деревнѣ Кармачахъ и Бутыряхъ; въ Оренбургской г. въ помянутомъ селѣ Державинѣ земли, съ принадлежащими къ нимъ угодьями, по крѣпостямъ и межевымъ планамъ, а людей и крестьянъ по ревизіямъ тѣхъ селеній, откуда они съ прежнихъ жилищъ переведены за ними, родителями моими, писанныхъ, силою наслѣдственныхъ узаконеній и высочайшей конфirmaціи, на докладѣ Правительствующаго Сената по дѣлу князя Долгорукова съ Приклонскимъ въ 1799 г. состоявшейся, отдаю по смерти моей двоюродному моему племяннику по женскому колѣну Петру Миллеру, оставляя изо всѣхъ тѣхъ имѣній седьмую часть женѣ моей по общимъ законамъ, предоставляемую въ ея же пользу въ томъ селѣ Державинѣ земли, мною купленныя у Башкирцевъ, винокуренный заводъ со всѣми принадлежностями, на мой собственный капиталъ построенный, и переведенныхъ въ то село крестьянъ изъ Бѣлорусской г. изъ вышеупомянутаго Себежскаго ключа, изъ Арзамасскаго у. изъ деревни Гавриловки, изъ прочихъ пріобрѣтенныхъ мною деревень, которыхъ земли, заводъ и крестьяне, яко благопріобрѣтенные мною и на таковыхъ же земляхъ поселенные, да остаются женѣ моей по смерть ея, а послѣ оной да присовокупится сіе село на томъ же правѣ съ деревнями и землями къ родовымъ въ ономъ селѣ имѣніямъ въ наслѣдіе помянутому моему наслѣднику Миллеру съ тѣмъ, что ежели онъ, Миллеръ, при жизни жены моей ни въ какую съ ней тяжбу не вступить, а оставить ее полною и спокойною владѣлицею подаренного мною ей имѣнія. А ежели онъ, наруша сіе мое распоряженіе, при жизни ея сдѣлаетъ къ ней какія малѣйшія привязки и начнетъ тажбы въ движимыхъ или недвижимыхъ родовыхъ или благопріобрѣтенныхъ имѣніяхъ, то въ такомъ случаѣ и въ томъ селѣ Державинѣ благопріобрѣтенные мною имѣнія отдаю ей женѣ моей въ вѣчное и потомственное владѣніе, а родовая вездѣ, где оныя только за мною состоять, какъ Миллеру, такъ и еще Глазатовыми, племянникамъ моимъ, въ живыхъ находящимся, раздѣляются по равнымъ частямъ, какъ общіе законы повелѣваютъ.

4-е. Въ замѣну всего того подаренного мною женѣ моей да заплатить она всѣ долги мои казнѣ, какъ-то въ банки двадцатилѣтній и воспомогательный, подъ которые заложены всѣ безъ остатка родовая и благопріобрѣтенные мои недвижимыя имѣнія, до платежа которымъ ни Миллеру, ни Глазатовымъ дѣла нѣтъ.

5-е. Сверхъ оныхъ казенныхъ, имѣющіеся на мнѣ партикулярные долги, по заемнымъ письмамъ, счетамъ и роспискамъ за мою рукою оставшимся, обязанъ заплатить реченный мой наслѣдникъ Миллеръ изъ родового имѣнія, ему мною упроченнаго; или, не вступая до смерти жены моей ни въ какое онаго владѣніе, предоставить тѣ частные долги заплатить ей самой женѣ моей, а когда долги заплатить или прежде того сама захочеть отдать ему то родовое имѣніе, то можетъ онъ и безъ платежа долговъ уже чистое получить оное; и сіе отдаю ему Миллеру на волю. Напротивъ того, надѣюсь я на доброе сердце жены моей, что она чрезъ свое хозяйство, не токмо заплати

партикулярные долги, отдасть ему чистое и неразоренное родовое имѣніе; но ежели онъ и сестры его, Миллера, почтеніемъ своимъ сыщутъ ея къ себѣ уваженіе, то удѣлить и имъ что либо изъ оставленнаго мною ей и благоприобрѣтеннаго имѣнія. Но сіе все предоставляю въ полное благорасположеніе жены моей; а праوا они чего либо отъ нея требовать да не имѣютъ; ибо имѣніе мое собственное, почти все мною нажитое, и не столь велико, чтобы я могъ всѣхъ удовлетворить онымъ.

6-е, Небольшое движимое мое имѣніе, какъ-то: серебро, брилліантovyя и всякия другія вещи, экипажи, лошадей, разные скотскіе заводы, посуду всякаго рода, платье, книги, требованія мои на комъ либо и наличныя деньги (кромѣ чужихъ, по опекамъ у меня хранящихся, кои значать по записнымъ въ конторахъ книгамъ), словомъ все безъ остатка въ С.-Петербургскомъ и деревенскихъ домахъ моихъ находящееся отдаю женѣ моей, оставляя ее во всемъ томъ полновластною хозяйкою и госпожею, и до сего никому изъ наслѣдниковъ дѣла нѣть.

7-ое, Дворовыхъ людей моихъ Михаила Осипова, Андрея Никифорова, Прокофья Иванова, камердинера Кондратья Тимофеева съ ихъ женами и дѣтьми, только бракомъ не обязавшимися, буде пожелаютъ, отпускаю я на волю, подтверждая таковую же свободу прежде мною отпущенными съ письменными видами, за мою рукою данными; изъ коихъ Кондратью за вѣрную службу при отпускѣ дать въ награжденіе 500 рубл., а прочихъ снабдить нужнымъ на заведеніе ихъ, по благоразсужденію жены моей; прочихъ же дворовыхъ людей обоего пола, а особливо стараніемъ жены моей разнымъ мастерствамъ наученныхъ и всѣхъ вообще, которыхъ пожелаетъ она жена моя, принять ей на счетъ седьмой своей части, слѣдующей изъ родового имѣнія, и отпустить также на волю по ея благоразсужденію, смотря по усердной ихъ и вѣрной ей службѣ; и сіе зависѣть будетъ непосредственно отъ ея къ нимъ благорасположенія.

8-ое, Не отмѣнять жена моя и вышеупомянутый наслѣдникъ положенія моего, учиненного въ 1784 году, относительно ежегодной дачи въ церкви деревень моихъ жалованья за труды священно и церковно-служителямъ.

9-ое, Наконецъ, я бы желалъ, чтобы жена моя, по смерти своей, все вышеупомянутое, подаренное ей мое имѣніе, ежели правительство дозволить и то удобовозможно будетъ исполнить, не продавала, ни отдавала и въ наследіе никому иначе не оставляла, какъ токмо на написанномъ мою собственными руками 1804 года Генваря 1 дня положеніи; но если правительство того не позволить, то быть на общемъ положеніи дворянскихъ имѣній, какъ законы повеляютъ. Писано въ С.-Петербургѣ при нижеписанныхъ свидѣтеляхъ. Мая 30 дня 1813 года. Дѣйствительный тайный советникъ и кавалеръ Гавріилъ, Романовъ сынъ, Державинъ. Свидѣтелями подъ завѣщаніемъ подписались: тайный советникъ Иванъ, Сергеевъ сынъ Ананьевскій, тайный советникъ, сенаторъ Матвѣй Корнильевъ сынъ Бороздинъ и дѣйствительный статскій советникъ Иванъ Алексѣевъ сынъ Соколовъ.

Въ послѣднемъ пунктѣ Державинъ, какъ видимо, ссылается на нѣкое положеніе отъ 1-го Января 1804 г. или на первое свое завѣщаніе, не имѣвшее ни силы, ни значенія. Ссылаясь же на то, что отмѣнено и замѣнено новымъ и основываться на немъ по меньшей мѣрѣ странно, и ссылка на него не имѣть обязательной силы неопровержимаго требованія.

Державинъ скончался 8-го Іюля 1816 года, и его послѣдняя воля была 28-го Іюля того же года предъявлена къ засвидѣтельствованію въ С.-Петербургскую Палату Гражданскаго Суда, восходила затѣмъ до Сената и Государственнаго Совѣта. Указомъ Правительствующаго Сената отъ 4-го Сентября 1818 г., на основаніи высочайше утвержденаго 12-го Августа того же года мнѣнія Государственнаго Совѣта, завѣщаніе утверждено къ исполненію, и указанные въ завѣщаніи наследники вступили во владѣніе завѣщанными имъ имѣніями. Затѣмъ жена Державина, Дарья Алексѣевна, послѣ своей смерти село Смоленское, которымъ она владѣла по завѣщанію мужа, со всѣми принадлежащими къ нему деревнями, со всѣмъ населеніемъ, съ имуществомъ крестьянскимъ и господскимъ, съ землями, лѣсами и угодьями и со всякими заведеніями завѣщала дѣтямъ наследника своего мужа П. Н. Миллера. Завѣщаніе ея засвидѣтельствовано въ С.-Петербургской палатѣ Гражданскаго суда 27 Іюля 1842 г. Такимъ образомъ Оренбургское имѣніе Державина перешло полностію во владѣніе семейства Миллеровъ.

Уже вскорѣ по смерти своего господина, еще когда не послѣдовало окончательного утвержденія его духовнаго завѣщанія, крестьяне села Смоленского-Державино тоже принадлежащихъ къ нему деревень начали волноваться и своеольничать, рваться на свободу изъ подъ зависимости вдовы своего господина, отказываясь отъ услугъ ей, а тѣмъ болѣе отъ услугъ позднѣйшимъ наследникамъ Миллерамъ. Еще въ 1817 г. эти крестьяне, ссылаясь на 9-й пунктъ завѣщанія, начали отыскивать вольность отъ услугъ вдовы Державина подъ предлогомъ его бездѣтности, и произвели настоящій бунтъ, для усмиренія котораго потребовалась даже Башкирская команда. По рѣшенію Оренбургской Уголовной Палаты, восходившему на высочайшее усмотрѣніе, 19 главныхъ виновниковъ были наказаны плетьми и 11 изъ нихъ, по волѣ ихъ госпожи, были сосланы въ Сибирь. Такою строгостью крестьяне хотя на времена были укрощены, но духъ непокорности въ нихъ уничтоженъ не былъ.

Съ 1842 г., со времени поступленія ихъ во владѣніе братьевъ Миллеровъ, крестьяне с. Смоленского, всегда отличавшіеся своею вольностью и непокорствомъ, снова взбударились и взялись отыскивать вольность отъ новыхъ помѣщиковыхъ, которыхъ не хотѣли признавать своими господами, не хотѣли подчиняться имъ власти. Никакія мѣры не могли образумить ихъ и заставить отказаться отъ достиженія своей цѣли. А между тѣмъ, управляясь выбранными изъ ихъ среди приказчиками и бурмистрами, они не испытывали никакого стѣсненія: уѣзжали, куда вздумается и даже безъ письменныхъ видовъ, не имѣли понятія о власти помѣщиковыхъ, даже и не видали ихъ, такъ какъ послѣдніе никогда не бывали въ этомъ имѣніи. И все таки крестьяне были

недовольны, снова стали волноваться, сговариваться, производить между собой денежные сборы, сочинять прошения о своей жалкой долѣ, наконецъ выбрали ходаковъ для подачи этихъ прошений и снарядили ихъ въ дальний путь. Троє изъ нихъ Иванъ Петровъ, Семенъ Ефремовъ и Іона Шильвановъ, взявши изъ домовой конторы 500 рублей, отправились въ Петербургъ и 13 Іюля 1843 г. подали прошение Государю Императору объ освобождениі ихъ отъ власти помѣщиковъ Миллеровъ, которые, будто бы, владѣютъ ими неправильно, въ подтверждение чего ссылались на 9-й пунктъ завѣщенія Державина. По собраніи статсъ-секретаремъ Его Величества свѣдѣній и на основаніи духовныхъ завѣщеній имть въ просьбѣ было отказано.

Въ то время четвертый довѣренный Іона Петровъ подалъ просьбу о томъ же министру внутреннихъ дѣлъ, въ которой онъ вмѣстѣ съ тѣмъ жаловался на то, что помѣщики ихъ разоряютъ и истязаютъ своихъ крестьянъ, а также ходатайствовалъ о защитѣ и огражденіи его съ товарищами, подавшими прошеніе Государю Императору, отъ притѣсненія помѣщиковъ Миллеровъ. Просьбу Іоны Петрова министръ пре проводилъ Оренбургскому военному губернатору для разслѣданія. Послѣдній въ свою очередь направилъ ее къ управляющему Оренбургской губерніей, управление котораго въ то время было въ Уфѣ, и предложилъ ему „поручить Бузулукскому уѣздному предводителю дворянства удостовѣриться въ образѣ упражненія помѣщика Миллера съ крестьянами и оградить ихъ отъ всякихъ несправедливыхъ требованій владѣльца“ (*). Съ этой цѣлью предводитель дворянства былъ въ с. Смоленскомъ, произвелъ разслѣданіе и донесъ гражданскому губернатору, что жалобы крестьянъ неосновательны: помѣщики Миллеры не бывали еще въ этомъ своемъ имѣніи, которымъ владѣютъ на основаніи законно утвержденныхъ духовныхъ завѣщеній и не могли истязать и обижать своихъ крестьянъ, которые всегда управлялись и управляются избранными изъ ихъ среды прикащиками и бурмистрами, не обращающими вниманія на нравственность людей; разореніе, на которое жалуются крестьяне, опровергается тѣмъ, что г. Миллеръ раздавалъ имъ на сѣмена разнаго хлѣба до 8500 пудовъ; если же они почитаютъ разореніемъ запрещеніе рубить безъ дозволенія и продавать изъ господскихъ дачъ лѣсь, что ими прежде дѣжалось безпрепятственно, то и само правительство показываетъ примѣръ необходимости сберегать лѣсъ. При этомъ предводитель присовокуплялъ, что крестьяне эти и отъ первого ихъ владѣльца г. Державина долгое время отыскивали вольность и оказывали неповиновеніе, такъ что вынудили мѣстную полицію вы требовать для усмиренія ихъ Башкирскую команду.

Послѣ этого разслѣданія крестьяне-Державинцы Ефимъ Денисовъ и Ефимъ Васильевъ, называя себя избранными отъ общества, снова подали Оренбургскому губернскому прокурору прошеніе, въ которомъ жаловались на жестокое

(*) Эти и послѣдующія свѣдѣнія и приводимая переписка между административными лицами взяты изъ Дѣла Канц. Оренб. Воен. Губ. 1849 г. за № 55, которое хранится въ архивѣ Оренбург. ученой архивной Комиссіи.

обращеніе съ ними г.г. Миллеръ, поводомъ къ чему служать ихъ ходатайства о свободѣ. Въ тоже время двое другихъ уполномоченныхъ Семенъ Ефремовъ и Трофимъ Трофимовъ подали прокурору же другое прошеніе, въ которомъ объясняли: „Помѣщикъ нашъ г. Державинъ при жизни своей, имѣя во владѣніи у себя благопріобрѣтенное самимъ имѣніе, состоящее Бузулукскаго уѣзда при с. Смоленскомъ съ деревнями, заключающееся въ крестьянахъ по послѣдней ревизіи 890 душъ со всѣми землями и угодьями, въ томъ числѣ при селѣ Державинѣ родовую землю 300 четвертей, по несостоянію у него дѣтей и родственниковъ рода Державиныхъ, кромѣ по женскому колѣну отъ дочерей дядьевъ его Миллеръ и Глазатовыхъ, все означенное движимое и недвижимое имѣніе предоставилъ по духовному завѣщанію, писанному 1813 года 30-го Маія, женѣ его Дарьѣ Алексѣвой, урожденной Дьяковой. Это завѣщаніе къ засвидѣтельствованію явлено 1816 года 28 Іюля въ С.-Петербургской Палатѣ Гражданскаго суда, въ которомъ (т. е. завѣщаніи) помѣщикъ нашъ Державинъ между прочимъ въ 9-мъ пункѣ того завѣщанія объявилъ желаніе, чтобы жена его Дарья Алексѣвна по смерти своей все вышеписанное подаренное ей имѣніе, если правительство дозволить и то удобовозможно будетъ исполнить, не продавала и въ наслѣдие никому не оставляла, какъ токмо исполнила бы положеніе, писанное собственною его рукою 1804 года Генваря 1-го дня“. Содержаніе этого положенія (по словамъ прошенія крестьянъ) заключалось въ томъ, чтобы крестьяне, по кончинѣ его и жены его Дарьи Алексѣвой, съ каждого крестьянскаго тягла собрали по пяти руб. и на поминовеніе усопшихъ душъ ихъ взнесли въ монастырь, а сами воспользовались отъ рабства свободою; каковое завѣщаніе крестьяне всегда готовы бы были исполнить съ усердіемъ, какъ только получать свободу и поступать въ казенное вѣдомство. „Но, нынѣ къ неожиданности нашей и явному помраченію силы завѣщанія послѣ кончины помѣщика нашего Державина и супруги его Дарьи Алексѣвой явились наслѣдники: чиновникъ X-го класса Константинъ Петровъ Миллеръ и мать его Елена Силина и братъ его, Константина Владимира, Николай, Александръ, Гавріилъ, сестры ихъ Елизавета, Софья и Марья, которымъ, будто бы, жена покойнаго господина нашего Державина предоставила по духовному завѣщанію. Если это сдѣлано справедливо, то въ противность 9-го пункта, написанного въ духовномъ завѣщаніи, составленномъ покойнымъ мужемъ ея, ибо она передавать крестьянъ другимъ владѣльцамъ не имѣла права и обязана была непосредственно исполнить волю и положеніе 1804 года Генваря 1-го дня завѣщателемъ мужемъ ея учиненное. Вѣроятно, положеніе это, по коему предоставлена намъ свобода, Дарьей Алексѣвой Державиной или господами Миллеръ скрыто“.

Такъ объясняли свои права крестьяне с. Смоленского.

Губернское Правленіе, куда были переданы ихъ жалобы на разсмотрѣніе, въ указѣ своемъ отъ 23-го Іюня 1844 г. положило: „какъ изъ розыска учиненнаго г. предводителемъ дворянства видно, что крестьяне г.г. Миллеръ послѣ смерти прежнаго своего владѣльца г. Державина отыскивали отъ услугъ

женѣ его долгое время свободу, тоже ссылаясь на положеніе, писанное самимъ Державинымъ въ 1-й день Января 1804 года; но были ли эти обстоятельства въ разсмотрѣніи какихъ-либо присутственныхъ мѣстъ и постановлялись ли объ нихъ рѣшенія, въ Губернскомъ Правленіи не видно; а потому и предписало Бузулукскому уѣздному суду: „ежели по выправкѣ окажется, что о высказываемой крестьянами г. Державина свободѣ въ разсмотрѣніи судебнаго мѣста дѣла еще не было и рѣшенія объ этомъ не послѣдовало, то по собраніи надлежащихъ свѣдѣній постановить о томъ на законномъ основаніи опредѣленіе“.

Вмѣстѣ съ тѣмъ велѣно объявить объ этомъ крестьянамъ со внушеніемъ, чтобы они ожидали рѣшенія суда по ихъ просьбѣ и были послушны своимъ помѣщикамъ; а послѣднихъ распорядились обязать подписками, не чинить никакого наказанія крестьянамъ безъ вѣдома полиціи.

Въ Бузулукскомъ уѣздномъ судѣ въ то время уже имѣлось на производствѣ о крестьянахъ с. Державина особое уголовное дѣло по сбору денегъ на ходатайство о вольности и о другихъ противозаконныхъ поступкахъ, по которому повѣренные крестьянъ бѣглые изъ села, Семенъ Ефремовъ и Семенъ Ермолаевъ содержались подъ стражею въ Бузулукскомъ тюремномъ замкѣ.

Бузулукскій судь, получивъ отъ Губернского Правленія это распоряженіе, засвидѣтельствовалъ бѣглымъ крестьянамъ Ефремову и Ермолаеву довѣренность отъ всего общества на ходатайство, которую губернскій прокуроръ скрѣпилъ своею подписью. Началось новое дѣло по домогательствамъ тѣхъ же крестьянъ гибельное для нихъ и обременительное для помѣщиковъ.

Разсмотрѣвъ обстоятельства этого дѣла, судъ, на основаніи законно составленныхъ и утвержденныхъ духовныхъ завѣщаній, призналъ домогательства крестьянъ неправильными и въ опредѣленіи своемъ 27 Ноября 1847 года постановилъ: „крестьянъ с. Смоленского, Державино тожъ, съ деревнями, оставить въ крѣпостномъ владѣніи господѣ ихъ Миллеръ; хотя они и прежде отыскивали свободу отъ услугъ г-жи Державиной, ссылаясь на положеніе, писанное собственною рукою г. Державина въ 1-й день Января 1804 г. и поясненное въ 9-мъ пункѣ духовнаго завѣщанія, постановленнаго имъ, Державинымъ, въ пользу жены своей Дарьи Алексѣвой; но онаго, какъ тогда, такъ и нынѣ нигдѣ не отыскали, то вмѣнить имъ въ обязанность, чтобы они на будущее время не осмѣливались утруждать правительство бездоказательными и неосновательными просьбами о мнимой вольности, подъ опасеніемъ строгаго по закону взысканія“.

Рѣшеніе это постановлено объявить сторонамъ „при открытыхъ дверяхъ апелляціоннымъ порядкомъ и выдать имъ съ опредѣленіемъ сего за скрѣпою секретаря копіи, въ удовольствіи или неудовольствіи взять подписки“.

Копія съ рѣшенія представлена губернскому прокурору, а самое рѣшеніе объявлено сторонамъ 15-го Января 1848 года.

Во время производства дѣла въ уѣздномъ судѣ Губернское Правленіе, вслѣдствіе жалобы Миллеровъ Оренбургскому гражданскому губернатору, по

постановленію 11-го Іюля 1847 г. входило въ Правительствующій Сенатъ съ представленіемъ о необходимости остановить рѣшеніе суда и прекратить дѣло и хотя получило на это разрѣшеніе, но поздно: дѣло было уже решено и по апелляціи крестьянъ перенесено въ Гражданскую Палату и значительно затянулось.

Между тѣмъ крестьяне, одобренные предоставленіемъ имъ права иска и подстрекаемые своими повѣренными и сочинителями ябидническихъ просьбъ, вели себя совершенно независимо, не признавали власти помѣщиковъ и дѣлали, что хотѣли: открыто собирались для совѣщаній, производили денежные сборы на ходатайство, по своему произволу отправляли въ разные города своихъ повѣренныхъ; при нарядахъ на господскія работы заводили съ управляющими дерзкіе споры и выходили на нихъ по большей части въ „полупруга“ (*); многие же, подъ предлогомъ болѣзни, неотысканія въ полѣ лошадей, неготовности упряжи, и вовсе отказывались отъ работы. И все это проходило безнаказанно. Всякое распоряженіе помѣщиковъ о наложеніи взысканій на виновныхъ не только не достигало цѣли, но еще больше озлобляло крестьянъ и усиливало ихъ дерзость. Такъ, напр., въ 1845 г. возвратившійся изъ Уфы бѣглецъ, крестьянскій повѣренный, Семенъ Ефремовъ, когда его господинъ, поручикъ Миллеръ хотѣлъ взять его, какъ бѣглеца, ослушника приказаній и подстрекателя, грозилъ барину серпомъ, если онъ къ нему подойдетъ. Другой крестьянинъ Алексѣй Игнатовъ, бывшій въ бѣгахъ, грозилъ зарѣзать ножемъ сотскаго, явившагося арестовать его по приказанію барина, а сынъ Игнатова выстрѣлилъ при этомъ изъ ружья въ бурмистра. Затѣмъ крестьяне препятствовали владѣльцамъ-сонаслѣдникамъ раздѣлить между собою общую земельную дачу, при чемъ отказывались засѣвать свои поля, будучи увѣрены въ томъ, что помѣщики обязаны кормить ихъ.

Такое непокорное поведеніе крестьянъ въ отношеніи своихъ господъ не только сильно озабочивало и тревожило послѣднихъ, но и причиняло беспокойство властямъ, губернскимъ и уѣзднымъ.

Стремясь, во что ни стало, избавиться отъ барщины, освободиться отъ власти своихъ помѣщиковъ, Державинцы прибѣгали ко всевозможнымъ способамъ и всюду подавали прошенія съ своими жалобами и домогательствами. Тяготясь барской властью, они не имѣли терпѣнія дожидаться окончанія своего дѣла въ мѣстномъ судѣ и, вѣроятно не надѣясь на благопріятное для себя его рѣшеніе, пытались достичь цѣли чрезъ посредство выспихъ властей въ Петербургѣ, куда не только посылали нарочно особо избранныхъ и обыкновенно самовольно отлучавшихся изъ села довѣренныхъ, но пользовались всякимъ случаемъ для подачи жалобъ и прошеній.

Въ началѣ 1849 г. въ составъ одной изъ воинскихъ частей Петербургскаго гарнизона попалъ односелецъ Державинцевъ рекрутъ Макарь Филипповъ Разуваевъ, членъ семьи именно того самаго благонадежнаго приказчика Разуваева,

*) Т. е. близко полудня.

которому при жизни своей Г. Р. Державинъ поручалъ управлениe винокуреннымъ заводомъ въ Оренбургскомъ имѣніи и службой котораго онъ былъ чрезвычайно доволенъ, освободилъ дочерей и невѣстокъ его отъ господскихъ работъ и которому обѣщалъ за вѣрную службу оказать по смерти своей особливую милостивую льготу вмѣстѣ съ другими его людьми, за которую они вѣчно будутъ благодарны.

Рекрутъ Макару Разуваеву, конечно, было хорошо известно про это обѣщаніе, а также и толки въ его семье объ завѣщаніи ихъ первого господина.

Державинцы, надо полагать, возлагали большія надежды на пребываніе и службу своего односельца въ Царской столицѣ, вблизи Царя, котораго онъ будетъ часто видѣть и можетъ лучше другого кого объяснить самому Царю или его министру нужду и горе своихъ односельчанъ. Добравшись до Петербурга и оглядѣвшись въ столицѣ, рекрутъ Макаръ Разуваевъ дѣйствительно подалъ военному министру прошеніе¹⁾, въ которомъ онъ жалуется на неправильное завладѣніе и различныя притѣсненія, чинимыя своимъ крестьянамъ бывшими его помѣщиками братьями Миллеръ; въ подкрайненіе этого Разуваевъ объяснялъ, что крестьяне въ числѣ 819 душъ по духовному завѣщанію Державина достались его женѣ въ пожизненное владѣніе, а по смерти ея безъ всякихъ законныхъ актовъ захвачены настоящими владельцами; и что хотя крестьяне черезъ своихъ повѣренныхъ неоднократно обращались съ жалобами къ правительству, но какія были по этому распоряженія имѣ до сихъ поръ не объявлено. Послѣднее добавленіе, какъ мы видѣли, совсѣмъ лживо.

Прошеніе Разуваева при рапортѣ дежурного генерала Главнаго Штаба отъ 17 Марта 1849 г. за № 2529 препровождено на распоряженіе къ Оренбургскому военному губернатору.

Генералъ Обручевъ предписалъ²⁾ Оренбургскому Губернскому Правленію и Оренбургской Шалатѣ гражданскаго суда представить имѣющіяся у нихъ свѣдѣнія по владѣнію имѣніями, оставшимися послѣ Г. Р. Державина. Губернское правленіе 28-го Апрѣля за № 5565 представило: копіи съ духовнаго завѣщанія самого Державина, съ мнѣнія Государственного Совета по дѣлу этого завѣщанія и съ опредѣленія Бузулукскаго уѣзднаго суда 27-го Ноября 1847 г. по дѣлу отысканія свободы крестьянами, о которомъ говорилось выше. Шалата же 5-го Мая за № 190 доносила, что въ дѣлѣ, представленномъ на апелляцію изъ Бузулукскаго уѣзднаго суда, о людяхъ отыскивающихъ свободу отъ услугъ г.г. Миллеръ имѣются засвидѣтельствованныя копіи съ духовныхъ завѣщаній Г. Р. Державина и супруги его Дары Алексѣевны и копія съ рѣшенія Правительствующаго Сената 4-го Сентября 1818 г., при чмъ представила военному губернатору и копіи со всѣхъ трехъ документовъ.

¹⁾ Къ сожалѣнію, этого прошенія въ дѣлѣ не осталось: оно возвращено по мѣсту подачи. Содержаніе его изложено здесь по письму воен. губерн. Обручева къ П. Н. Игнатову. Л. 106—109.

²⁾ 10-го Апрѣля 1849 г. за №№ 849 и 848; листъ 2 и 3-й.

Между тѣмъ Оренбургскій гражданскій губернаторъ, дѣйст. стат. сов. Балкашинъ отъ 28-го Апрѣля 1849 г. за № 4929 доносилъ военному губернатору ген.-отъ-инфант. Обручеву*):

„Бузулукскій уѣздный предводитель дворянства и тамошній земскій исправникъ отъ 22-го Апрѣля съ нарочно посланнымъ, сего вечера прибывшимъ въ Уфу, доводятъ до моего свѣдѣнія, что, по увѣдомленію Бузулукскаго помѣщика отставнаго поручика Александра Миллеръ объ оказаніи ему совершилого неповиновенія крестьянами его села Державина, они 18-го числа сего мѣсяца отправились въ имѣніе г. Миллеръ и, собравъ крестьянъ, хотя употребляли всѣ мѣры убѣжденія и вразумленія о должностномъ повиновеніи владѣльцу, предваряя ихъ о той отвѣтственности, какой неминуемо они должны подвергнуться за непокорливость, но крестьяне, въ числѣ 170 душъ, остались упорными въ ослушаніи, уклоняясь отъ засѣва полей къ разоренію себя и владѣльца. При чемъ предводитель и исправникъ объясняютъ, что и въ прочихъ деревняхъ крестьяне г.г. Миллеровъ, составляющіе четыре равныя селу Державину части, едва удержаны отъ подобнаго своеолія; а проживающіе въ деревнѣ Гавриловкѣ, корнета Владимира Миллеръ, какъ пишетъ самъ владѣлецъ въ прошеніи на имя исправника, въ подлинникѣ ко мнѣ представленномъ, отложились отъ всякаго повиновенія. Почему и не имѣя никакой надежды привести ослушныхъ къ долгу кроткими мѣрами убѣжденія, они, предводитель и исправникъ, согласно съ ходатайствомъ г.г. Миллеръ, просить меня не отлагательно назначить въ имѣніи ихъ военную команду, опасаясь въ противномъ случаѣ гибельныхъ послѣдствій“.

„Поспѣвшая донести о семъ в. в-ству, честь имѣю доложить, что вмѣстѣ съ симъ я отправляюсь самъ въ имѣніе г.г. Миллеръ, передавъ управление губернію г. вице-губернатору, и употреблю все стараніе возвратить ослушныхъ къ долгу посредствомъ внушеній, объясненій и увѣщаній. Но, имѣя въ виду, что крестьяне эти не разъ уже открыто упорствовали въ своемъ заблужденіи и неповиновеніи и только силою и строгостью были усмиряемы, я вмѣняю себѣ въ обязанность покорѣйше просить в. в-ство, не изволите ли сдѣлать теперь же распоряженіе, чтобы въ случаѣ нужды по первому моему къ вамъ донесенію изъ Бузулука, военная команда въ числѣ, достаточномъ для усмирѣнія слишкомъ 800 душъ, была выслана на мѣсто происшествія“.

Пославъ это донесеніе, губернаторъ Балкашинъ выѣхалъ въ с. Державино для приведенія въ повиновеніе ослушныхъ крестьянъ въ сопровожденіи жандармскаго подполковника Витковскаго, и 3-го Мая за № 2-мъ онъ вновь доносилъ по эстафетѣ генералу Обручеву съ мѣста происшествія, что послѣ сдѣланныхъ имъ внушеній крестьянамъ объ обязанности повиноваться владѣльцамъ, хотя большая часть и оказали готовность засѣвать собственныя поля (отъ чего уклонялись подъ предлогомъ, что наследники Миллеръ дѣлятъ общую дачу на четыре части), а также обѣщались и впредь повиноваться владѣльцамъ

*) Получ. въ Оренбургѣ 2-го Мая, листъ 54 и 55.

и спокойно ожидать рѣшенія дѣла объ отысканіи ими свободы; но упорнѣйшіе изъ нихъ, 17 человѣкъ, не смотря на убѣжденія губернатора и полицейское для примѣра наказаніе, остались непреклонными и рѣшительно отказались отъ повиновенія своимъ господамъ, вслѣдствіе чего и были отправлены для заключенія въ тюремный замокъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ губернаторъ предписалъ Бузулукскому земскому суду открыть временное отдѣленіе для производства надъ виновными слѣдствія впередъ до командированія съ этой цѣлью одного изъ соѣтниковъ Губернского Правленія.

Донося о сдѣланныхъ имъ распоряженіяхъ, губернаторъ вновь просилъ генерала Обручева „для удержанія волнующихся крестьянъ отъ дальнѣйшихъ беспорядковъ поспѣшить назначеніемъ въ имѣніе г.г. Миллеръ до 200 чел. военной команды подъ начальствомъ благонадежнаго офицера“.

Послѣ того Балкашинъ возвратился въ Уфу.

Второе его донесеніе получено въ Оренбургъ 6-го Мая, и Оренбургскій военный губернаторъ 7-го Мая за № 1161 предписалъ управляющему Башкиро-Мещерякскимъ войскомъ „тотчасъ же сдѣлать распоряженіе, чтобы, въ случаѣахъ поступленія отъ гражданского начальства требованія, немедленно была выслана въ имѣніе г.г. Миллеръ изъ ближайшихъ юртъ 10-го Башкирскаго кантона, расположеннаго въ Бузулукскомъ уѣздѣ, команда въ 200 чел. подъ начальствомъ благонадежнаго офицера, приказавъ оной находиться въ полномъ распоряженіи соѣтника Губернского Правленія или временнаго земскаго суда и исполнять законныя ихъ требованія“.

Одновременно съ этимъ (7-го Мая № 1162) военный губернаторъ извѣщалъ гражданскаго, что, „усмотрѣть изъ донесенія отъ 3-го Мая за № 2, что изъ числа крестьянъ 17 чел. главныхъ виновниковъ отправлены въ тюремный замокъ, а остальные по сдѣланному благоразумному внушенію приведены въ повиновеніе, съ обѣщаніемъ быть послушными своему владѣльцу, онъ (Обручевъ) находить уже излишнимъ назначать въ имѣніе г.г. Миллеръ военную команду, которая должна быть назначена изъ Башкирцевъ и отвлекла бы послѣднихъ отъ хозяйственныхъ работъ и въ особенности отъ посѣва хлѣба, которымъ они въ настоящее время занимаются. Однако вмѣстѣ съ тѣмъ все-таки сообщалось о распоряженіи, данномъ командующему Башкиро-Мещеряцкимъ войскомъ о приготовленіи команды и о высылкѣ ея немедленно по требованію гражданского начальства; при этомъ предлагалось сдѣлать распоряженіе объ обеспеченіи команды продовольствіемъ въ случаѣ ея вызова и во время нахожденія на мѣстѣ экзекуціи.“

На это предписаніе губернаторъ Балкашинъ 9-го Мая № 5422 сдѣлалъ новое представление о назначеніи воинской команды въ 200 ч. въ имѣніе Миллеръ, находя эту мѣру крайне необходимою для возвращенія между крестьянами прочнаго спокойствія и повиновенія владѣльцамъ, при чёмъ подробно изложилъ приведенные нами выше обстоятельства отношеній крестьянъ къ своимъ помѣщикамъ, при которыхъ губернаторъ находилъ необходимымъ принять сколь можно поспѣшнѣе строгія законныя мѣры къ удержанію крестьянъ

въ повиновеніи господамъ и къ сохраненію между ними порядка и спокойствія въ томъ особенно вниманіи, что по Бузулукскому уѣзду подобныя же дѣла возникли и въ имѣніяхъ другихъ помѣщиковъ.

„Мѣры эти (по мнѣнію губернатора) должны заключаться: а) въ скорѣйшемъ окончаніи производящихся о крестьянахъ уголовнымъ и гражданскимъ порядкомъ дѣлъ и примѣрномъ взысканіи съ главныхъ виновныхъ, чрезъ что, безъ сомнѣнія, положится конецъ ихъ несбыточнымъ надеждамъ о вольности и обуздаются дерзость и своеоліе и б) въ назначеніи, согласно съ желаніемъ г.г. Миллеровъ, хотя на нѣкоторое время военной команды, достаточной для того, чтобы посредствомъ оной заставить послушныхъ исполнять всѣ законныя требованія помѣщиковъ“. Къ этому губернаторъ добавлялъ, что съ его стороны уже приняты всѣ мѣры къ немедленному окончанію судебныхъ дѣлъ и вновь просилъ распоряженія о назначеніи воинской команды. Для производства слѣдствія о крестьянскихъ беспорядкахъ былъ командированъ въ Бузулукскій уѣздъ совѣтникъ Пироговскій.

Обручевъ распорядился немедленно выслать просимую команду, о чемъ и дать знать губернатору¹⁾.

Двѣ сотни конныхъ и вооруженныхъ Башкирцевъ подъ командой заурядъ-хорунжаго Бакаева 26-го Мая выступили изъ юртъ 10-го кантона²⁾.

Только послѣ этого Оренбургскій военный губернаторъ счелъ возможнымъ отвѣтить по поводу просьбы рекрута Разуваева. Возвращая эту просьбу при письмѣ отъ 31-го Мая за № 1353, онъ сообщалъ дежурному генералу И. Н. Игнатьеву о положеніи дѣла по владѣнію с. Державинъ съ деревнями послѣ смерти первоначального владѣльца. При чемъ, изложивъ сущность обоихъ завѣщаній (самого Державина и его жены), генералъ Обручевъ приходилъ къ заключенію, что такъ какъ желаніе Державина въ 9-мъ пунктѣ исполнено не было, а имѣніе передано наследникамъ по особому завѣщанію жены его, то прошеніе Разуваева не подлежитъ удовлетворенію. Затѣмъ въ виду того, что крестьяне не представили того акта, на который ссылаются въ своихъ прошеніяхъ и котораго не имѣло въ виду правительство, и они ничѣмъ не могутъ доказать, что содержаніе его таково, какъ говорять ихъ повѣренные, то просьба ихъ признана неуважительна и въ ходатайствѣ ихъ было отказано. Наконецъ Обручевъ сообщалъ о своеоліи крестьянъ и о принятыхъ противъ нихъ мѣрахъ.

Вслѣдъ затѣмъ о командированіи воинской команды въ имѣніе Миллеровъ и о причинахъ этой командировки Обручевъ особо донесъ военному министру и министру внутреннихъ дѣлъ³⁾.

¹⁾ Предп. 13 Мая 1849 г. № 1231 Управл. Башк.-Мещ. войскомъ. Л. 98, и за № 1232 Оренбург. Гражд. губерн. Л. 99.

²⁾ Рапортъ Управл. Башк.-Мещ. войскомъ отъ 26 Мая 1849 г. № 900.

³⁾ 1-го Июня за №№ 1410 и 1411. Л. 110 и 111.

19-го Іюня гражданскій губернаторъ уже доносилъ военному, что крестьяне помѣщиковъ Миллеровъ, сознавъ вину свою предъ господами, нынѣ исполняютъ безпрекословно всѣ законныя ихъ требованія и распоряженія. А потому губернаторъ, по просьбѣ самихъ помѣщиковъ, распорядился вывести воинскую команду изъ имѣнія, законченное же по этому дѣлу слѣдствіе передано въ Бузулукскій уѣздный судъ.

Башкирская команда выведена изъ имѣнія 25-го Іюня и распущена по домамъ.

Но крестьяне не угомонились. Они не сознавали за собой никакой вины и подчинились только необходимости, силѣ, покорились подъ давленіемъ тяжелой экзекуціи иносплеменной воинской команды. Въ справедливость рѣшенія суда по ихъ дѣлу съ помѣщиками они не вѣрили. Развѣ господа суды потянутъ руку бѣдныхъ крестьянъ противъ богатыхъ помѣщиковъ? Такъ думали Державинцы и внутренно были убѣждены въ своей правотѣ и когда нибудь все-таки разсчитывали добиться своей цѣли, избавиться отъ неволи, выбиться на свободу и въ этомъ отношеніи не отказывались отъ новыхъ попытокъ, разсчитывая на слѣпой счастливый случай, на благопріятное стеченіе обстоятельствъ и на особое умѣлое изложеніе прошенія.

А между тѣмъ въ Оренбургскомъ краѣ произошли перемѣны и преобразованія въ административномъ управлениі. Въ 1851 г. была открыта новая Самарская губернія, въ составъ которой вошелъ и Бузулукскій уѣздъ. Изъ губерній Оренбургской и Самарской образовано генералъ-губернаторство, и генералъ-губернаторомъ назначенъ генералъ-адъютантъ В. А. Перовскій (впослѣдствіи графъ), ранѣе, до 1842 года, уже управлявшій Оренбургскимъ краемъ.

Державинцы опять зашевелились. Изъ содержанія ниже приводимой переписки, находящейся въ томъ же дѣлѣ, виденъ весь ходъ ихъ новой попытки освободиться отъ власти помѣщиковъ.

Довѣренный крестьянъ с. Державина и деревень Гавриловки, Морозовки, Екатериновки и Феклинки *), Петръ Безинъ съ товарищами въ Сентябрѣ 1854 г. подалъ Самарскому и Оренбургскому генералъ-губернатору прошеніе, въ которомъ крестьяне жаловались: во первыхъ, что по производившемуся дѣлу въ Бузулукскомъ уѣздномъ судѣ, потомъ въ Оренбургской Палатѣ гражданского суда и въ 4-мъ департаментѣ Правительствующаго Сената о предоставлениі имъ свободы отъ услугъ г.г. Миллеръ, они, по прoisкамъ послѣднихъ, лишены всѣхъ средствъ къ ходатайству, и изъ числа ихъ одинъ ихъ повѣренный, по настоянію нынѣшняго владѣльца, сосланъ въ Сибирь на поселеніе, а товарищи его болѣе 8 лѣтъ содержались въ тюрьмѣ, да и вообще всѣ крестьяне терпятъ побои. Духовное завѣщаніе Державина, засвидѣтельствованное въ С.-Петербургской палатѣ Гражданского Суда, по прoisкамъ Миллеръ, скрыто; присутственная же мѣста, въ коихъ производится по просьбамъ повѣренныхъ Безина

*) Державинъ далъ это название селамъ, въ память своей первой супруги Екатерины Яковлевны и своей матери Феклы Андреевны. П. Б.

съ прочими дѣло, не требуютъ ни подлиннаго завѣщанія, ни копій съ онаго и чрезъ что лишили ихъ права на свободу, а потомъ состоялось рѣшеніе Правительствующаго Сената. Во вторыхъ, по всеподданнѣйшей жалобѣ повѣренного ихъ крестьянина Рюмина статьѣ-секретарь у принятія прошений сообщилъ Самарскому гражданскому губернатору объявить Рюмину, чтобы онъ къ жалобѣ той представилъ копію съ опредѣленіемъ Сената, свидѣтельство о бѣдности и о времени объявленія указа Сената; но документовъ сихъ, несмотря на нѣсколько поданныхъ разнымъ лицамъ и въ присутственныя мѣста просьбы, получить не могутъ. Въ третьихъ, крестьяне жаловались генераль-губернатору, что г. Миллеръ и управляющіе его дѣлаютъ имъ разныхъ притѣсненій, жестоко наказывая или заставляя безочередно выжать по десятинѣ хлѣба, посылаютъ на господскую работу 4 дня, а имъ даютъ только два. Въ заключеніе повѣренные просятъ генераль-губернатора сдѣлать распоряженіе о выдачѣ требуемыхъ статьѣ-секретаремъ документовъ и въ огражденіе отъ притѣсненій отдать ихъ впередъ до рѣшенія дѣла въ опекунское завѣдываніе, опредѣливъ опекуна, минуя г. Шишкова, завѣдывающаго ими по смерти Миллеръ, о притѣсненіяхъ же приказать произвести слѣдствіе, миновавъ властей Бузулукскаго уѣзда. Не дождавшись удовлетворенія на эту просьбу, Безинъ въ Октябрѣ того же года снова повторилъ ее.

Между тѣмъ генераль-губернаторъ просьбу Безина проводилъ 22 Сентября 1854 г. Самарскому губернатору, причемъ, напомнивъ о высочайшемъ повелѣніи, объявленномъ въ секретномъ циркулярѣ Мин. Внутр. Дѣлъ начальникамъ губерній и губернскимъ предводителямъ дворянства отъ 23 Октября 1853 г. о строгомъ наблюденіи за точнымъ исполненіемъ помѣщиками 964 и 965 ст. IX т. Св. З. о сост., просилъ собрать необходимыя свѣдѣнія, удостоиться въ справедливости заявлений просителей и сдѣлать распоряженіе о выдачѣ просимыхъ документовъ.

Начальникъ Самарской губерніи К. Гrotъ 5 Аврѣля 1855 г. № 317, отвѣчалъ генераль-губернатору, что жалоба Безина на описываемыя притѣсненія, жестокости и обремененіе работами, по произведенному дознанію, оказалась несправедливою. Относительно же выдачи документовъ К. Гrotъ доносилъ слѣдующее:

1) Рѣшеніемъ Правител. Сената въ искѣ свободы крестьянамъ г. Миллера отказано; указъ по сему предмету Гражданской Палаты отъ 2 Октября 1852 г. лично объявленъ бывшему повѣренному отъ крестьянъ Семену Ермолаеву, а также вычитанъ и прочимъ крестьянамъ и взята отъ нихъ подписка, что они обязаны оставить всякое ходатайство объ освобожденіи ихъ изъ крѣпостного состоянія.

2) Другой повѣренный крестьянинъ Рюминъ приносилъ всеподданнѣйшую жалобу на рѣшеніе Правител. Сената, но отъ статьѣ-секретаря Его Императорскаго Величества сообщено: объявить называющему себя повѣреннымъ крестьянъ помѣщика Миллера, крестьянину Рюмину, что эта жалоба оставлена безъ дѣйствія за неозначеніемъ ни сочинителя, ни переписчика оной и за

непредставленіемъ копіи съ опредѣленія Правител. Сената или свидѣтельства о бѣдности, равно свидѣтельства о времени объявленія ему указа Правител. Сената. Настоящее распоряженіе статьє-секретаря остается не объявленнымъ крестьянину Рюмину за побѣгомъ его изъ имѣнія и по неизвѣстности его мѣстопребыванія. Хотя крест. Рюминъ и входилъ съ прошеніемъ въ Бузулукскій земскій судъ, ходатайствуя о выдачѣ ему копіи съ рѣшенія Правител. Сената, но какъ за полученіемъ оной не являлся, то эта копія и не была ему выдана. Впрочемъ крестьяне помѣщика Миллера, по распоряженію Самарскаго губернатора, снажены уже засвидѣтельствованною копіею съ рѣшенія Правительствующаго Сената.

3) Въ Февралѣ 1853 г. крестьяне г. Миллера, подстрекаемые писцомъ Тихомировымъ, отказались отъ повиновенія владѣльцу, но земскою полиціею при бытности уѣзднаго предводителя дворянства водворено спокойствіе, а подстрекатель Тихомировъ преданъ суду и заключенъ подъ стражу.

4) Самая довѣренность, данная будто бы крестьянами одновотчиннику ихъ Рюмину, оказывается сомнительна, и о дѣйствительности сей довѣренности, равно о новомъ подстрекательствѣ крестьянъ, въ чемъ подозрѣвается исправляющій должностъ Бузулукскаго уѣзднаго стряпчаго чиновникъ Авровъ и занимавшійся у него письмоводствомъ Александръ Тугушевъ, производится слѣдствіе по распоряженію Губернскаго Правленія.

По всѣмъ обстоятельствамъ, находя жалобу Петра Безина несправедливою во всѣхъ отношеніяхъ, губернаторъ К. Гротъ полагалъ оставить ее безъ уваженія, а какъ она также могла быть составлена безъ согласія прочихъ неграмотныхъ крестьянъ, съ подстрекательства только неблагонамѣренныхъ людей, то, чтобы положить конецъ сему дѣлу, возбуждающему въ крестьянахъ неосновательныя надежды на получение свободы, онъ считалъ бы не лишнимъ и настоящее прошеніе передать слѣдователю для совмѣстнаго изслѣдованія о подстрекателяхъ крестьянъ помѣщика Миллера. Къ этому губернаторъ добавлялъ, что о положеніи производимаго слѣдствія о подстрекательствѣ крестьянъ и дѣла о возмущеніи ихъ писцамъ Тихомировымъ затребованы подробнія свѣдѣнія отъ слѣдователя Бузулукскаго исправника Лукина и отъ Бузулукскаго уѣзднаго суда, и онъ обратить особенное вниманіе на эти дѣла; что онъ предписалъ Бузулукскому земскому суду вновь объявить крестьянамъ помѣщика Миллера, что домогательство ихъ объ отысканіи свободы, за послѣдовавшимъ рѣшеніемъ Правител. Сената, не можетъ быть уважено и что они должны оставить всякую мысль о свободѣ, причемъ внушить имъ, чтобы они находились въ полномъ повиновеніи владѣльцу, подъ опасеніемъ за противное строжайшаго наказанія.

Генералъ-адъютантъ Перовскій согласился съ доводами Грота и возвратилъ ему просьбу Безина вмѣстѣ съ поданной въ Октябрѣ 1854 г. для присоединенія къ производимому слѣдствію о подстрекательствѣ крестьянъ.

Внушеніе крестьянамъ, сдѣланное по распоряженію губернатора Грота, что они должны оставить всякую мысль о свободѣ и быть въ повиновеніи

владѣльцу, повидимому не достигло цѣли, такъ какъ ихъ повѣренные въ томъ же 1855 г. одинъ за другимъ подаютъ генералъ-губернатору графу Перовскому новыя прошенія.

Повѣренный Матвѣй Ивановъ опять повторяетъ исторію съ завѣщаніемъ, что они не могутъ найти его, отыскивая свободу; при чемъ жалуется, что г. Миллеръ за ихъ ходатайства отдалъ ихъ въ аренду Стобеусу, который отдаетъ крестьянъ въ солдаты безъ очереди и въ послѣдній наборъ отдалъ трехъ братьевъ просителя, а его по неспособности назначилъ отдать безъ зачета; отца же его намѣревается сослать въ Сибирь на поселеніе. Отецъ Иванова подавалъ просьбу Самарскому губернатору, но тотъ возвратилъ ее, не сдѣлавъ никакого распоряженія. Послѣ того они входили съ прошеніемъ къ министру юстиціи, который препроводилъ его на распоряженіе его сіятельства. Стобеусъ, узнавъ объ этомъ, разорилъ Иванова совершенно, раздавъ крестьянамъ его скотъ, хлѣбъ, птицу и домъ, самого же съ семействомъ увезъ въ свою деревню.

Другой повѣренный, уже упоминавшійся раньше, крестьянинъ Рюминъ въ своей жалобѣ графу Перовскому, говоря о неудовлетвореніи просьбы Безина, жалуется на то, что г. Миллеръ, узнавъ о подачѣ просьбы, довѣренаго Иванова заключилъ въ тюремный замокъ, а просителя Рюмина съ женой наказалъ розгами, давъ ему 1500, а женѣ 150 ударовъ. Теперь, по настоянію своихъ довѣрителей, Рюминъ вновь просить о выдачѣ документовъ и о передачѣ имѣнія въ опекунское управление и не оставить безъ вниманія сдѣланнаго ему жестокаго наказанія.

Графъ Перовскій обѣ жалобы, и Иванова, и Рюмина, препроводилъ Самарскому губернатору.

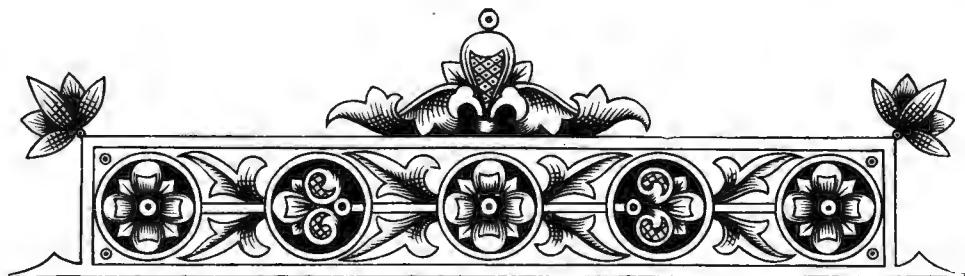
На этомъ переписка въ дѣлѣ заканчивается. Чѣмъ завершилось дѣло о подстрекательствѣ, неизвѣстно.

Такъ вмѣсто обѣщаннаго облегченія, Державинскіе крестьяне получили лишь отягощеніе, упорно отыскивая свободу болѣе сорока лѣтъ, почти до самаго此刻 времени, когда всѣ вообще крестьяне въ Россіи получили желанную свободу отъ крѣпостной зависимости; но уже не по собственному хотѣнію и настоянію.

Городъ Скобелевъ.

М. Л. Юдинъ.

ИЗЪ ЗАПИСОКЪ СЕНАТОРА К. Н. ЛЕБЕДЕВА¹⁾.

1865-й годъ.

Новый годъ, масса наградъ, масса недовольныхъ. Назначеній, чиновъ, крестовъ, наградъ и пенсій безъ счету. Особенно роскошно награждены редакторы и сотрудники судебной реформы. Дай Богъ, чтобы исполнители и народъ были довольны ихъ сочиненіями. Дай Богъ, чтобы приводить въ исполненіе было также удобно какъ переводить и перифразировать. Но это не занимаетъ дней новаго лѣта. Ихъ занимаетъ агитација выборовъ и агитација Катковская. Выборы начались сегодня, и уже въ проповѣди епископа Леонида призывались дворяне къ охраненію правъ, дарованныхъ императорами Петромъ, Екатериною, Александромъ I-мъ. Не упомянуты ни Николай, ни Александръ II²⁾. Въ уѣзды уже переданы бумаги, и въ числѣ ихъ адресъ Государю о призваніи земства къ представительству нуждъ предъ Государемъ и еще проектъ адреса обѣ огражденій редакціи „Московскихъ Вѣдомостей“ отъ всякихъ стѣсненій. Агитација Катковская принимаетъ или раздувается все болѣе и болѣе широкіе размѣры. Возвратясь изъ Петербурга, Катковъ, столкнувшись съ ценсурою, хотѣлъ будто бы оставить редакцію; но его отговорили, и университетскій Совѣтъ, получивъ его просьбу, сдѣлалъ представленіе обѣ исходатайствованіи „вѣдомостямъ“ общаго права безценсурности, какъ было прежде и какъ существуетъ это для другихъ корпораций. Дворянство, пользуясь сѣѣздомъ, приняло на себя и новое ходатайство. Генераль Шиповъ написалъ шефу жандармовъ письмо, въ которомъ

¹⁾ См. выше, стр. 132.

²⁾ Вотъ слова проповѣди: „Господь сохранить тебя, тебя, именитое потомство славныхъ мужей временъ Владимира, Ярослава, Дмитрія, Ioanna-собирателя, Петра, Екатерины, Александра, сохранить вхожденіе твое и исхожденіе твое отъ нынѣ и до вѣка“ и пр., (Моск. Вѣдом.“ 1865 г. 3 Января, № 5).

„гоненія на Каткова“ называетъ причиною общаго ропота и негодованія и не въ одной Москвѣ, но во всѣхъ концахъ Россіи. Московскія свахи бываютъ въ набатъ. Московскіе юноши Англійскаго клуба ударили тревогу. Совѣтъ университетскій являлся 1 Января къ Каткову и поднесъ ему свое постановленіе. Крамольники! Крамола! И все это въ такихъ формахъ, непривычныхъ и неосновательныхъ, что такъ и видишь рѣшительное непониманіе политической жизни, неудавшайся не въ дѣйствительности, а въ конторахъ журналистовъ, въ кружкахъ празднолюбцевъ и незнающихъ народной жизни теоретиковъ. Такъ и гонять агитацию на площадь и на улицы!

Пруссія палаты открыты 2 (14) Января, и уже самая мирная рѣчь короля заставляетъ сомнѣваться въ соглашеніи палаты депутатовъ съ министерствомъ. Она какъ бы предвѣщаетъ отмѣну конституціи или по крайней мѣрѣ управление безъ палаты. Цензъ палаты депутатовъ такъ эластиченъ, что и при новыхъ (третьихъ) выборахъ нельзя расчитывать на консервативный элементъ. Теперь же она вся оппозиціонная и при томъ систематически. Бисмаркъ упорствомъ и безцеремонностію напоминаетъ Полиньяка. Но трудно вѣрится въ либерализмъ Нѣмцевъ, скорѣе повѣришь въ ихъ фанатизмъ. Либералы палаты впрочемъ не демагоги и не демократы. Они настоящая интеллигенція государства и имѣютъ не только призваніе, но и аллюры учителей, мыслителей. Въ числѣ ихъ есть и специалисты, знатоки теоріи и дѣла; но такъ какъ они не при дѣлѣ, то теорія беретъ верхъ, и практическое примѣненіе разбивается въ отвлеченіяхъ.

Московскіе выборы кончились, сегодня подписанъ адресъ, агитациія унимается, трещать пересуды и злобствуютъ личности. Собрание было замѣчательное *), и представителями его, героями его, являются и посылаются къ Государю гр. Орловъ-Давыдовъ, Н. А. Безобразовъ и Д. Д. Голохвастовъ, личности дѣйствительно выдающіяся изъ нашего, даже лучшаго, Московскаго дворянства. Съ 1861 г. цѣль всѣхъ и всякихъ дворянскихъ собраній одна: оплакивать бѣдственное положеніе дворянства и бѣдственное положеніе правительства, преимущественно мини-

*) Возникло сомнѣніе въ прочности херовъ въ большой залѣ Московскаго дворянскаго собранія: такъ много всходило туда послушать рѣчи, раздававшіяся внизу, С. А. Соболевскій сочинилъ по этому поводу, будто дворяне обратились къ Государю съ такимъ заявлениемъ:

„Скажи опричникамъ своимъ, что мы, по манію народа, сюда, подъ сѣнь гнилого свода, сошли и твердо здѣсь сидимъ. Или попретъ одинъ хожалый Дворянской грамоты права? Нѣтъ, однако на это мало!.... И вотъ является ихъ два. Быстро расходятся и не заходятъ даже въ буфетъ“.

Посѣщая ежедневно Аянглійскій клубъ, старый холостякъ Соболевскій знакомъ былъ съ тогдашними дворянскими затѣями. П. Б.

стерского управлениія, „Петербургскихъ канцелярій, опричины“, какъ выразился третьяго дня Голохвастовъ. По старымъ понятіямъ, это—крамола; по новымъ, это борьба партій: оптиматовъ и правительства. Интересы класса дворянъ здѣсь даже не на второмъ планѣ. Оптиматы хотятъ имѣть политическое значеніе. Прося обѣ общихъ выборныхъ земли Русской, богачи просятъ и выборовъ дворянскихъ выборныхъ, вызываясь служить безъ всякихъ служебныхъ правъ, безъ наградъ и безъ жалованья, какъ служили и служатъ Орловъ-Давыдовъ, Безобразовъ и другіе. Это будетъ палата лордовъ. Лорды эти завербовали къ себѣ и дворянскую редакцію „Московскихъ Вѣдомостей“, взявъ ихъ своимъ органомъ, а г. Катковъ придумалъ и планъ учрежденія частнаго университета на манеръ Англійскихъ. Какъ мы близки къ кореннымъ преобразованіямъ въ нашемъ быту и въ нашемъ образованіи, такъ недавно и радикально преобразованныхъ! Господи! Какъ въ озлобленіи за крѣпостное право и въ агитацияхъ крамолы мы близоруки, слѣпы и не въ состояніи различить сѣраго отъ бѣлаго!

Что скажутъ въ Петербургѣ? Я полагаю, что, зная все происходившее на выборахъ, Петербургъ дастъ нагоняй депутатамъ и не дастъ хода адресу, какъ содержащему въ себѣ требование, относящееся до всей имперіи и всѣхъ сословій. Развитіе земскихъ учрежденій дѣло рациональное и желанное, но не въ настоящій моментъ, когда кипятъ страсти и негодованія и когда національные сепаратизмы въполномъ развалѣ. Надобно выждать окончанія реформъ и дать имъ времія пріобрѣсти устой. Окрѣпнуть общественные гарантіи, тогда можно завершить зданіе. Мы только и знаемъ, что предписываемъ новые порядки, а порядка никакого нигдѣ нѣть. Разъ, съ крѣпостнымъ дѣломъ, вступя на крутой поворотъ, мы остановиться не можемъ и несемся стремглавъ. Потряслась земля подъ всѣмъ крестьянскимъ міромъ, и встревоженный, перепуганный міръ въ расплохѣ не знаетъ куда идти и гдѣ остановиться.

Особенную ненависть высказали къ Великому Князю Константину и къ Валуеву столько же, сколько къ Головину и Рейтерну. Особенную благодарность выразили Каткову, открывъ подписку для поднесенія ему золотой чернильницы и алмазного пера, Безобразову, решивъ поднести ему 24 пуговицы золотыя, на каждой съ именемъ дарителя, Голохвастову—золотую рамку и Наумову—золотое перо. И все это вышло какая-то комедія. Еще до начала выборовъ завязался споръ съ министромъ о примѣненіи 51 ст. Устава по выборамъ. Дворянство толковало, что если, послѣ выкупа крестьянами, помѣщикъ не имѣлъ 3 тыс. десятинъ, онъ не имѣлъ права участвовать въ выборахъ. Министръ объяснялъ, что если у помѣщика 100 душеваго и послѣ выкупа оста-

лось сколько нибудь земли, онъ имѣть право по закону, дѣйствующему и такъ примѣняемому въ 10 губерніяхъ. Тогда какъ 7—14 Января шла бурная недѣля постановленій и выборовъ, рѣчей и выходокъ, нескончаемаго говора и сплетень, министръ 8 Января вошелъ въ Сенатъ, прося пояснить толкованіе и примѣненіе закона. Сенатъ согласился, и отъ 13 Января (министръ медлилъ, а Сенатъ спѣшилъ, очевидно умышленно) указомъ отмѣнилъ постановленіе собранія, и генеральгубернаторъ предложилъ закрыть собраніе, какъ недѣйствительное, со всѣми его дѣйствіями. Изъ дѣла сдѣлали игрушку, и дворянъ распустили, какъ школьниковъ. Негодованію не было бы предъловъ, если бы не злорадство довольно большаго числа не утѣшалась этимъ ударомъ, досадуя на множество наѣздныхъ членовъ изъ Петербурга, Орлова-Давыдова и Безобразова. Особенно смѣшонъ графъ Орловъ-Давыдовъ. Впрочемъ предназначенные обѣды, каждый день, съ 14-го, продолжаются со спичками и музыкой и стоили по 13, 16 и до 25 рублей.

Дѣло Московскихъ дворянскихъ и газетныхъ агитаций усложняется. Одинъ изъ редакторовъ дворянской газеты „Вѣсть“, бывши въ Москвѣ съ покровителемъ газеты и главнымъ дѣятелемъ графомъ Орловымъ-Давыдовымъ, Д. Скарятинъ получилъ отъ него рѣчь, сказанную въ собраніи и проектъ разсмотрѣннаго адреса и, уѣзжая въ Петербургъ, обѣщался напечатать ихъ въ своей газетѣ, предупреждая, что газета будетъ запрещена, но онъ частнымъ путемъ пришлетъ 50 экземпляровъ. № 4-й „Вѣсти“ съ рѣчью и адресомъ вышелъ 16-го безъ цензуры и, разумѣется, остановленъ; но кромѣ того и редакторы преданы суду. Судъ назначенъ (полагаютъ), чтобы изыскать возможность, какъ-бы привлечь къ отвѣту и агитаторовъ, которые во всемъ этомъ дѣлѣ просвѣчиваются бѣлыми нитками. Теперь агитация, какъ ненациональная, перенесется въ иностранные журналы. И агитация газетная также вошла въ новый стадій: Катковъ со всею откровенностю изложилъ затруднительность редакціи отъ воли цензорской. Откровенность эта береть управление въ схватку и требуетъ развязки. Катковъ 18-го уѣхалъ въ Петербургъ. Дворянство (оптиматы) и Катковъ, допущенный въ 1863 г. въ видѣ шумихи, считаютъ себя могуществами, надуваются, кричатъ и хоть въ бой идти. Бой неравный! Петербургскій столонаачальникъ, личный врагъ дворянству и аристократизму, и въ бой не пойдетъ. Онъ перехитритъ ихъ, а не достигнетъ канцелярскою замашкою, махнуть министерскимъ ордеромъ.

Былъ и жилъ (большою частію въ Англійскомъ клубѣ) корнетъ Ехемзенъ и наконецъ умеръ, оставя большое наслѣдство Симанскимъ и Дурновой. Вотъ проходитъ третій годъ, какъ случилась эта перемѣна въ бѣдныхъ семействахъ, и до сихъ поръ видимыя послѣдствія этой

перемѣны самыя грустныя, непомѣрная расточительность, скорая женитьба и безпрерывная беспокойства процентовъ и искательствъ. Я постоянно имѣю передъ глазами Андрея Симанского, ведущаго процессъ о подлогѣ завѣщанія и потерявшаго чрезъ то служебную карьеру. Сегодня былъ у меня полковникъ Дурновъ изъ Петербурга, преслѣдующій сына, который надавалъ векселей и бѣжалъ съ какой-то камеліей, предполагая на ней жениться. Любопытно посмотретьъ на положеніе наследниковъ черезъ 10 или 15 лѣтъ. Незапнныя перемѣны, даже несомнѣнно выгодныя, всегда вредны и болѣе вредны, нежели полезны.

Иначе было съ другимъ, близкимъ мнѣ семействомъ, А. В. Протасьевъ. Сыновья еще кое-какъ идутъ, но дочь, Муравьевъ-Рѣзникова, окончательно гибнетъ. Старшая дочь ея тоже погибла. Ни та, ни другая мною не принимаются. Сегодня я простился съ меньшою дочерью, Лизой Муравьевой. Она ёдетъ гувернанткой въ домъ Юматовыхъ, въ Пензѣ, и провела у меня два дня. Я былъ съ нею ласковъ, купилъ ей платье и кое-что, подарилъ денегъ и старался связать ее признательностю, объяви со всею откровенностю, что доколѣ она честныхъ трудомъ будетъ заслуживать общееуваженіе, она вполнѣ можетъ расчитывать на мою любовь и помошь дѣломъ и словомъ.

Сегодня я началъ полезное дѣло. Генералъ-губернаторъ представилъ намъ дѣло о поджигателяхъ Леоновъ, и Сенатъ полагаетъ возвратить дѣло для направленія къ порядку, указанному повелѣніемъ 1 и 6 Июня 1862 г. Еще въ 1852 г. императоръ Николай велѣлъ судить поджигателей, дѣйствующихъ шайками, военнымъ судомъ, назначивъ и видъ наказанія: 12 разъ черезъ 1000 сквозь строя и, буде останется живъ, ссыпать по смерть на каторгу. Законъ этотъ примѣняли рѣдко и узко, и по настоящему моему, конечно подчиненному, онъ не имѣлъ обратной силы. Въ 1862 г., послѣ страшныхъ Петербургскихъ пожаровъ, Государь 1 Июня приказалъ судить за злоумышленные поджоги по полевымъ уголовнымъ законамъ, т. е. назначать и приводить въ исполненіе смертную казнь съ утвержденія главнаго военного начальника, а 6 Июня того же года „разрѣшилъ всѣмъ главнымъ и начальникамъ губерній, въ случаѣ обнаруженія злоумышленныхъ поджоговъ, руководствоваться правилами 1 Июня“. Я толкую слово: „разрѣшить“ въ смыслѣ „предоставить“, а не вмѣнить въ обязанность. Я думаю, что предоставляется или разрѣшается эта страшная мѣра при двухъ условіяхъ: 1) если были неоднократные злоумышленные поджоги, и 2) если эти поджоги были одновременны или имѣли между собою связь, и начальство, для огражденія общественной безопасности и отвращенія общихъ бѣствий, признаетъ нужнымъ привести въ исполненіе мѣру, обыкновенно прини-маемую, когда общество въ осадномъ положеніи. Меня навело на эту

мысль, частное извѣщеніе газетъ о разстрѣленныхъ тамъ и сямъ, въ Нижнемъ, Саратовѣ, Казани, Симбирскѣ, Орлѣ, Одессѣ... Точно вся Имперія въ осадномъ положеніи. Особенно возмутительно это въ Москвѣ, мирной и беззаботной, гдѣ можно обнаружить шайки патріотовъ, и тѣ весьма невинныя.

Сегодня, 1 Февраля, полученъ рескрипты отъ 29 Января, заканчивающій Московскія агитациіи дворянскихъ выборовъ. Рескрипты опредѣлителенъ и строгъ¹⁾). Онъ запрещаетъ всякую иниціативу въ измѣненіи существенныхъ началъ въ государственныхъ учрежденіяхъ; онъ утверждаетъ, что это право, право вчинанія, неразрывно сопряжено съ самодержавною властію, „Богомъ мнѣ вѣреною“. Онъ напоминаетъ, что никто не имѣеть права предупреждать попеченія Государя о благѣ Россіи. Впечатлѣніе этого рескрипта въ Москвѣ весьма сильно, особенно въ связи съ отказомъ университету и Каткову, которые тѣсно вошли во всѣ Московскіе кружки и сплетни. Дѣло стоило рескрипта, ибо оно зашло слишкомъ далеко; но его не слѣдовало допускать, и въ этомъ виноватъ прежде всего генераль-губернаторъ, человѣкъ ничего не понимающей²⁾, и министръ Валуевъ, дозволившій собранію толковать и толковать долго, тогда какъ о самомъ составѣ собранія идутъ споры, и министръ внесъ дѣло на разсмотрѣніе Сената. Въ настоящее время кой-какая личности, только пассивно относящіяся къ дѣлу, не годятся и существенно вредятъ дѣлу, компрометируютъ власть и правительство. Унынія въ агитаторахъ нѣть; это народъ довольно мелкій, но положеніе ихъ ложно и чтобы скрыть смущеніе, они принуждены смотрѣть въ разныя стороны и скоситься.

Кавалерственная дама М. А. Лонгинова рассказывала мнѣ, что управляющій ея ходилъ на болото (хлѣбный рынокъ) и передавалъ ей толки базарныхъ. Они разговаривали о царскомъ рескрипте и пришли къ заключенію, что Катковъ въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“ будетъ писать противъ дворянъ, которые хотѣли перемѣнить правленіе. Н. В. Сушковъ передавалъ мнѣ сужденіе коммерціи совѣтника Соловьевика,

1) К. Н. Лебедевъ не привелъ строкъ этого достопамятного рескрипта, въ которыхъ Государь изволилъ выразиться, что онъ не врагъ законно-свободныхъ учрежденій, и сему доказательствомъ служитъ все его царствованіе. Такимъ образомъ оправдываются тогдашнія политическія вождѣленія. Вскорѣ по пріѣздѣ въ Москву Государь вызывалъ къ себѣ Д. Д. Голохвастова, сказалъ ему, чтобы онъ берегъ въ себѣ Божественный даръ краснорѣчія и прибавилъ: „Неужели вы думаете, что я дорожу оставшимися у меня ложмотьами самодержавія? Я бы взамъ ихъ выбросилъ, если бы не былъ увѣренъ, что Россія начнетъ разваливаться“. (Слышано отъ самого Д. Д. Голохвастова). Тоже самое сказано было Александромъ Николаевичемъ въ Петербургѣ графу Андрею Павловичу Шувалову (слышано отъ Н. Ф. Крузе). П. Б.

2) Офросимовъ. П. Б.

что „если дворянство пошлетъ адресъ, то купечество на другой день пошлетъ отъ себя контрь-адресъ“. Все это Московскія сплетни, толки и пересуды. Я имъ не вѣрю, хотя при настоящей обстановкѣ и при искусственныхъ агитацияхъ подобныя явленія возможны. Я только этого-то и боюсь, чтобы не привлекли къ дѣлу площадныхъ и уличныхъ крикуновъ, съ которыми соединится печать дневныхъ листовъ, и пошла писать! Броженіе умовъ, раздраженіе страстей и злоупотребленіе словъ и голосовъ все возрастаютъ болѣе и болѣе, и съ ними не справиться ни земству, ни двумъ палатамъ, хотя бы въ одной засѣдали Давыдовы и consort. Всего болѣе должно опасаться нужды. Случись значительный неурожай, и Имперія будетъ въ осадномъ положеніи, недоимки усилиятся, потребленіе еще умалится, и общество, едва окрѣпляющеся, не будетъ въ состояніи сдержать беспорядки и обуздать своеволіе. Теперь повсемѣстная жалобы на прислугу, на ея развратъ и преступность, на произволъ и безответственность. Только это и слышишь. Это немного касается и меня, моего маленькаго дома, въ которомъ, кромѣ одного, всѣ прежніе, свои.

Масляница въ полномъ развалѣ. Въ Москвѣ она и шумнѣе, и грязнѣе. Собранія, клубы, театры, шинки и балаганы переполнены народомъ, преимущественно низшаго и средняго класса. Высшій классъ воздерживается, такъ что и недорогая сравнительно Итальянская опера едва ли не закроется. Смотря на это стеченіе и траты денегъ, съ трудомъ повѣришь безденежью, на которое жалуются со всѣхъ концовъ. Уменьшеніе доходовъ, низкія цѣны на хлѣбъ и лишеніе удобствъ домашней жизни тяжело легли на помѣщицкій классъ и дѣлаютъ его равнодушнымъ ко всѣмъ политическимъ и соціальнымъ преобразованіямъ, въ которыхъ дворянству, по мнѣнію преобразователей, отдѣлялось такое широкое участіе. На земскихъ выборахъ, какъ слышно, дворянство отнеслось къ новому учрежденію съ такимъ равнодушіемъ, что изъ числа цензовыхъ членовъ едва 6-я часть принимала участіе; все прочее сидѣло по домамъ или изъ оппозиціи, или по предубѣжденіямъ и опасеніямъ, или по недостатку наличныхъ средствъ для поѣздки.

Агитация дворянская и газетная все еще продолжается. Въ отношеніи послѣдней нельзѧ не замѣтить, что главнѣйшій органъ ея, „Московскія Вѣдомости“ довольно безцеремонно закидываютъ противниковъ подозрѣніями и упреками не только въ невѣжествѣ, въ недостаткѣ или холодности патріотизма, но прямо во враждебныхъ къ Имперіи чувствахъ и даже дѣйствіяхъ, въ сепаратизмѣ, въ полонизмѣ. Это немного напоминаетъ Булгарина, и стоило бы не однѣхъ насмѣшекъ Петербургскихъ противниковъ, и едва ли достойно публициста и такого блестящаго публициста, какъ Катковъ. Что касается агитации дворянской въ ожи-

даніи предстоящихъ выборовъ, то она принимаетъ противуположный прежнему видъ смиренія, раскаянія и въ этомъ видѣ хочетъ предстать предъ Государемъ, указать картину бѣдственнаго состоянія Россіи и просить отца своего народа положить что-нибудь на мѣрѣ, какъ ему, Государю, Богъ пошлетъ. Особенно дворянство хочетъ плакаться о своихъ нуждахъ и подтвердить фактами (что говорить Московскій ораторъ, то есть непремѣнно фактъ, доколѣ Петербургскій столонаачальникъ не перечеркнетъ его): 1) что министръ внутр. дѣлъ измѣняетъ положеніе 19 Февраля своими циркулярами; 2) что министръ финансовъ произвольно переносить статьи государственного бюджета на земскія повинности, и 3) что дворянскія дѣти, поступающія въ заведенія народнаго просвѣщенія, выходятъ оттуда нигилистами.

Раздраженіе партій и разныя агитациі продолжаются и все усиливаются, и можно предвидѣть открытую войну дворянства съ Петербургомъ. Война разумѣется кончится побѣдою Петербурга и низложеніемъ дворянской партіи, но на бумагѣ, а не въ дѣйствительности. Дворянство будетъ не право, ибо идетъ противъ свѣта прогресса за темное крѣпостное право; но оно сохранить свои права, какъ могущественный классъ землевладѣльцевъ, какъ интеллигенція мѣстныхъ краевъ, какъ знатоки и влиятельные люди мѣстности. Успѣхъ большей части либеральныхъ преобразованій (кромѣ акциза) зависитъ отъ дворянства, и оно апатическимъ отношеніемъ можетъ парализировать всѣ Петербургскіе планы и затруднить дѣйствіе не только земскихъ учрежденій, но и судебнай реформы. Раздраженіе страстей, терпимое и вызываемое, выражается и въ язикѣ, въ разговорахъ и въ литературѣ серьезной и въ рѣчи людей порядочныхъ. Къ этому затрудненію надоѣло прибавить и другое: безденежье, бѣдность. Апатія нравственная и недостатокъ материальный неспособны внушить довѣріе къ новымъ порядкамъ, а между тѣмъ и публицистика, и само правительство уничтожили всякое довѣріе къ порядкамъ старымъ. При чемъ мы останемся?

Уравноправіе, не возвысившее низшихъ слоевъ до нашего уровня, низвело, такъ сказать, насть къ этимъ слоямъ, и отъ этого сообщества мы невольно должны были ознакомиться, сблизиться, освоиться съ не-умѣренностью, съ грубостію этого слоя и вести рѣчь такъ, чтобы она была и имъ нечужда, понятна, общая намъ. Какой-то хаосъ, смѣшеніе, броженіе составныхъ элементовъ общества, въ которомъ никто не знаетъ своего мѣста и всѣ мянутся: кто угорѣлъ, кто ошеломленъ, а иной пьянъ или съ похмелья. До сихъ поръ для меня загадка: кто причиною, что причиною такихъ послѣднихъ реформъ, такого осадного положенія, такого ожесточеннаго Петербурга. А причина должна быть. Я думаю: мнимыя опасности и ложный страхъ,

Ценсурный уставъ въ общемъ собраніи Государственного Совѣта возвращенъ для передѣлки. Онъ составлялся четыре года и, пройдя всѣ инстанціи, возвращается единственно для того, по плану Николая Милютина, чтобы убить работы Валуева, замѣнить котораго готовится Милютинъ. Валуевъ оконфуженъ и вовсе непрочь оставить министерство, лишь бы представился благовидный поводъ и оставили ему при новомъ назначеніи всѣ выгоды прежняго. Уставъ былъ писанъ какъ бы для создания новыхъ мѣстъ и широкихъ окладовъ. Онъ давалъ много простора случайной свободѣ и не содержалъ существенныхъ огражденій порядка, и при томъ онъ враждебно смотрѣлъ на публистику, въ которой преимущественно сосредоточилась вся умственная дѣятельность настоящаго времени.

Февраля 26 въ Калугѣ скончался бывшій князь Евгений Петровичъ Оболенскій, извѣстный Декабристъ, другъ Рылѣева, предводитель войскъ на Сенатской площади 14 Декабря 1825 г. Это была прекрасная душа, олицетворенная преданность Богу и ближнему. Имя его принадлежитъ исторіи, и я записываю о его смерти единственно потому, что, по дружбѣ моей съ его сестрою, княгинею Натальей, сблизившись съ нимъ, я неоднократно бесѣдовала о знаменитомъ событии и, при всей подробности этихъ бесѣдъ, не могъ и не могу уяснить себѣ, какъ могли молодые заговорщики рѣшились на открытый бунтъ, имѣя такъ мало средствъ. Евгений обыкновенно заключалъ: перевороты зависятъ отъ случайностей; обстоятельства для насъ расположились счастливо: двѣ присяги, отсутствіе Великаго Князя Константина, и за насъ былъ народъ; онъ кричалъ намъ: идите, мы съ вами. Можетъ ли это служить историческимъ объясненіемъ дерзкой (чтобы не сказать другаго слова) попытки 14 Декабря? По возвращеніи изъ Сибири онъ предался молитвѣ и умеръ праведникомъ. Но едва-ли жизнь его была счастлива и текла тихо. Пріѣздъ Декабристовъ вообще производилъ какое-то смятеніе въ средѣ ихъ семействъ. Рѣдкимъ изъ нихъ были рады, почти всѣ они были чужды и обществу послѣ 30 лѣтъ разлуки, и всѣ они не имѣли никакого значенія.

Опытный хозяинъ, баронъ Гакстаузенъ, обѣхавъ Россію и обозрѣвъ наше хозяйство, пришелъ къ тому печальному убѣждѣнію, что хозяйство возможно только при крѣпостномъ правѣ, какъ плантациіи хлопка только при Африканскихъ невольникахъ. Убѣждѣніе это повидимому оправдывается. Со всѣхъ концовъ слышны общія увѣренія, что вольное, наемное земледѣліе не окупаетъ затратъ, невозможно, въ убытокъ. Это не подлежитъ сомнѣнію, но какая этому причина? Гакстаузенъ приводилъ климатическія условія, обширность посѣвовъ и недостатокъ удобреній. Я вижу причину нынѣшней несостоятельности, кромѣ

новости дѣла, въ обремененіи долгами и въ полной ликвидациіи казенныхъ долговъ при выкупѣ. Большая часть землевладѣльцевъ не имѣеть оборотнаго капитала, и еще большая часть проживала болѣе нежели имѣніе могло давать. Напр. наше семейство. Оно давно въ безвыходномъ положеніи, и только при *нашихъ Русскихъ* порядкахъ суда и полиції мы могли тянуться и откладывать. Крестьянская реформа намъ не только была не вредна, но могла устроить насъ. Оставляемыя за надѣломъ земли могли бы быть заложены, а казенный долгъ погашается выкупными актами.

Партіи наши все болѣе и болѣе обрисовываются яснѣе. Сословіе привилегированное совершенно теряетъ подъ собою землю и шатается. Династическое и придворное служничество, фавориты и фаворитки, исключительность правъ и т. под. образовали противъ нихъ такую сплошную оппозицію, что всѣ журналы и газеты принадлежать почти исключительно направленію демократическому, которое часто граничитъ съ соціализмомъ и даже явнымъ нигилизмомъ. Убѣженія такъ сильны, что раздраженіе такъ и ломить, такъ и забрасываетъ крупными словами, такъ и бросается, хоть въ драку. Защитниками этого сословія (консерваторы) „Московскія Вѣдомости“, немного „Инвалидъ“ и очень много „Вѣсть“. Всѣ прочія преимущественно-демократы. Но, группируясь подъ этимъ знаменемъ, они далеко не въ дружбѣ между собою и съ противниками и съ единомышленниками, ругаются на пропалую. На дняхъ явились новая газета „Народная Лѣтопись“, демократизмъ и цинизмъ которой доходитъ до „Современника“, „Русскаго Слова“ и „Эпохи“. Свобода и раздолѣ!

Я не думаю, чтобы наша преждевременная и довольно незапная свобода печати не оставила глубокихъ слѣдовъ на молодомъ поколѣніи нашего общества и на низшихъ слояхъ его, гдѣ воспитаніе такими печатными листами можетъ возрастить явныхъ демагоговъ. Особенно это важно при современныхъ преобразованіяхъ, которые даютъ этимъ слоямъ широкое участіе въ самоуправленіи. Я рассказалъ выше о толкахъ на Болотѣ. На дняхъ Ив. Аксаковъ рассказывалъ, что Коломенскіе крестьяне послали адресъ, въ которомъ, упоминая о замыслахъ Московскаго дворянства на счетъ перемѣнъ въ образѣ правленія, умоляютъ не обращать вниманія на эти замыслы и не перемѣнять ничего въ правленіи, при которомъ они чувствуютъ себя совершенно счастливыми. Если все это правда, то постепенное развитіе агитациіи можетъ скоро достигнуть своей цѣли. Можетъ быть и то, что все это ложные страхи, и кора невѣжества, разрозненность личностей и глушь земли такъ велики, что агитациія и при большемъ усиліи едва коснется поверхности.

Разстройство помѣщичьяго хозяйства все болѣе и болѣе усиливается, а помощи ниоткуда нѣть и невидно. Вольного труда и фермерства нѣть, а гдѣ есть—невѣрны и дороги, не окупаются. Живой интересъ этого дѣла разбудилъ хозяйственные вопросы въ обществахъ и журналистикѣ, и прѣнія выразились довольно характеристично. Въ Экономическомъ Обществѣ преобладаетъ тема Н. Безобразова обь организациіи помѣстнаго труда. Ораторы гнуть на крѣпостное право. Въ Московскомъ Обществѣ Сельскаго Хозяйства идетъ большой разладъ и агитациѣ. Это общество со временеми реформы Кошелева шумить, кричить и только, на дняхъ предсѣдатель его, Шатиловъ, въ здравой и рѣдко такъ откровенной рѣчи, прямо выразилъ, что Общество ничего не сдѣлало и не знаетъ откуда и куда приступить, ожидая указаній и спасенія отъ судебнай реформы и земскихъ собраній. Московскіе ораторы клонять болѣе къ мелкому фермерству и общенному пользованію. Въ средѣ общества (Клуба сельскихъ хозяевъ въ С.-Петербургѣ) люди, болѣе знакомые съ политическою жизнью, разрабатываютъ дѣло практическое, и Москвичамъ не мѣшало бы поучиться у нихъ выбору и разъясненію вопросовъ. Клубъ этотъ удался, противъ моего ожиданія. Я пророчилъ ему бѣдную, чиновничью участъ, а онъ процвѣтаетъ и играетъ въ хозяйствѣ роль авторитета. Не подлежитъ сомнѣнію, что производительность наша уменьшилась; но какъ же объяснить низость цѣнъ на хлѣбъ и отсутствіе спроса? Несомнѣнно, что общинное владѣніе (преобладающее) не допускаетъ усовершенствованія въ сельскомъ хозяйстве; но какъ же превратить его въ частное и чѣмъ замѣнить вліяніе общины, круговую поруку и власть схода? Потомъ: какъ, при старыхъ порядкахъ, противодѣйствовать конкуренціи иностранной, у которой и круглый годъ работы, и близость рынковъ, и легкая доставка? Признаюсь, я не понимаю, при общинномъ владѣніи, и примѣненіи кредита.

Генераль-губернаторы и начальники военныхъ округовъ генералы Безакъ (Кievskій) и Крыжановскій (Оренбургскій), передъ отъездомъ въ свои управленія, обратились къ своему зятю, сенатору Колюбакину съ просьбою познакомить и сблизить ихъ съ редакціями „Моск. Вѣд.“ и „Дня“. Это дѣльно. Общественное мнѣніе выражается газетами, а эти двѣ газеты распространены болѣе другихъ и по смѣлости и талантливиости редакцій оказываютъ большое вліяніе. Безакъ видѣлся съ Катковымъ у Шипова 19 Апрѣля, и оба очарованы. Статьи „Русскаго Вѣстника“: восстаніе на Волынѣ и корреспонденціи „Дня“ изъ Киева не давали спать генер. Анненкову; его управление, такъ неловко защищенное бывшимъ его губернаторомъ Гессе, было сильно порицаемо, и дѣло кончилось отозваніемъ Анненкова, весьма непочетнымъ. Итакъ вліяніе, господство журналистики водворяется замѣтно и дѣйствительно.

Не понимаю, какъ сидится Головнину. Статьи, каковы о протекції брошуръ Шедо-Феротти (разосланной при запискахъ того самого министра, который за полгода просилъ Каткова о перепечатаніи статей его о Польшѣ) и статьи о географії Даніеля (25 Марта) до той степени зацѣпляютъ ministra просвѣщенія, что надобно имѣть мѣдный лобъ, чтобы не отвѣтить на нихъ, или быть совершенно ко всему равнодушну, чтобы оставлять на мѣстѣ ministra. Географію эту Ученый Комитетъ Министерства рекомендуетъ, какъ лучшую, а Катковъ, выводя ея Польскія тенденціи (въ географії!) указываетъ, что военно-учебное управлениe и Московскій университетъ запретили ее въ своихъ вѣдомствахъ. Желательно, чтобы кто нибудь безпристрастно разобралъ эту анархическую путаницу и повѣрилъ самые цитаты Каткова, частенько произвольные, но повѣрилъ не съ тою запальчивостію, какъ это сдѣлалъ А. Жемчужниковъ въ 12 № „Дня“, выставляя „наглыя непристойности редакціи „Моск. Вѣдомостей“.

Читаю я I-й томъ *Histoire de Jules Caesar Наполеона*, скучнѣйшее чтеніе, написанное въ духѣ пониманія исторіи, какъ школы нравственности и исполненное сентенцій самыхъ пошлыхъ. Замѣчательнѣе всего „введеніе“ или предисловіе. Оно начинается такою пошлою нелѣпостію: *la vѣrit  historique devrait  tre non moins sacr e que la religion.* Ну, чтѣ общеаго между абсолютною истиною или откровеніемъ Божіимъ и воззрѣніемъ какого нибудь писателя, нерѣдко памфлетиста, на отдаленныя события, извѣстныя по гадательнымъ источникамъ? Предисловіе продолжаетъ: *Mais en  crivant l'histoire, quel est le moyen d'arriver   la vѣrit ? C'est de suivre les r gles de la logique.* Отвѣтъ глубокомысленъ и особенно новъ и замысловатъ. Ничѣмъ другимъ не объяснишь себѣ появленіе императорской учености, какъ ненасытимыхъ словолюбіемъ на всѣхъ поприщахъ человѣческой дѣятельности. Читая книгу, невольно видишь ученика Роллена и Боссюета, пересыпанныхъ позднѣйшими членіями новѣйшихъ изслѣдователей. Вѣроятно въ молодыхъ годахъ или въ уединеніи Гама Луи-Наполеонъ приготовлялъ свѣту сочиненіе о Цезарѣ и теперь выдвинулъ этотъ трудъ, пересмотрѣвъ и дополнивъ его лучшими результатами новѣйшихъ историковъ. Но и теперь видѣнъ Ролленъ съ его преобладающимъ внѣшнимъ понятіемъ исторіи.

Читая разсказъ графа Мальмсбюри въ Парламентѣ 24 Марта о мировомъ судѣ полковникѣ Джонсонѣ (онъ, съ нарушеніемъ формъ суда, посадилъ въ сумасшѣдшій домъ совершенно здороваго Докналла, съ женою котораго былъ въ интригѣ), невольно обращаешься къ нашему мировому судѣ и невольно трепещѣшь за участъ института, для котораго у насъ, по моему убѣжденію, нѣть никакихъ элементовъ, особенно нѣть двухъ: сознанія своего долга въ обязательности его и установив-

шагося чувства законности, основанного на уважении личности и отсутствии всякого произвола. Джонсонъ, полковникъ, и въ Англіи, поступаетъ, какъ рыцари „Парижскихъ Тайнъ“, срамить человѣка и доводить его до самоубийства. Ну чѣго не сдѣлаетъ нашъ судья въ захолустіи и при нашихъ любимыхъ инстинктахъ произвола? Во всякомъ случаѣ единоличный судъ, и еще съ такой удобной для него апелляціей, есть что-то чрезвычайное, уродливое и исключительное. Я писалъ министру юстиціи, что мировые суды считаются въ Англіи (знаменитыми ея законниками) нарушеніемъ народныхъ оглѣдъ (суда присяжныхъ) и если они распространены и пользуются довѣріемъ, то единственное по личнымъ достоинствамъ джентельменовъ. Такъ представляютъ это учрежденіе Блакатовъ и Гнейстъ (см. т. I, гл. IV, стр. 230). Пруссія взяла этотъ институтъ изъ Франціи и только въ Рейнскихъ провинціяхъ. Одни мы считаемъ (себя) Англичанами или тождественными имъ. Потомъ: вынесетъ ли всѣ эти тягости земство?

Москва точно въ несчастіи: получены устрашающія вѣсти о болѣзни Наслѣдника-Цесаревича, и Москва трубить, что онъ уже скончался. Очень симпатична личность молодаго князя; очень любить его, какъ сына доброго Государя, воспитанника Московскаго Строгонова и жениха красавицы Дагмары Даніи, такъ дерзко оборванной Нѣмцами. Самые разнообразные и всѣ нелѣпые слухи ходятъ о причинѣ болѣзни... И это говорять, и этому вѣрять не какіе нибудь Репетиловы, но люди солидные и высшихъ званій. Ненависть къ этимъ новымъ д'Орлеанамъ (какъ ихъ называютъ) чрезвычайно изобрѣтательна и раздѣляется огромнымъ большинствомъ мыслящаго общества, даже въ рядахъ купечества. Всѣ нововведенія приписываются Константину, а Москва всегда не любила нововведеній.

Наслѣдникъ въ чрезвычайной опасности. У него воспаленіе спиннаго и головнаго мозга. Сильно ропщутъ на его блюстителей, особенно на гр. Строгонова и медиковъ. Все это Московскія сплетни. Не усиленныя-ли занятія, усиленный наставительный вояжъ, беспрестанные переѣзды и перемѣна впечатлѣній? А организація слабая, субтильная. Страшно подумать о несчастіи царскаго дома и Россіи. Но надежды никакой. Молодой человѣкъ умреть.

Свѣдѣнія одно другаго поразительнѣе. То „раздраженіе мозга усиливается, опасность возрастаетъ“, то „усиленными пособіями приведенъ въ себя“, и Москва не знаетъ чѣдѣ думать. Въ Петербургѣ, на Ломоносовскомъ обѣдѣ, тостъ „за здоровье Цесаревича“ принять былъ съ такимъ рукоплесканіемъ и ура, продолжавшимся болѣе 5 минутъ, что многіе дамы и мужчины плакали на взрыдъ. Можно-ли умирать при такой любви? Въ Москвѣ эта любовь получаетъ особенное значеніе

потому, что Цесаревича считаютъ партіи Императрицы, а она противъ широкихъ и крупныхъ реформъ, столь ненавистныхъ Москвѣ. Но Цесаревичъ любимъ лично, особенно Москвичами. Биллетеи раздаются въ канцеляріи оберъ-полиціймейстера. Человѣкъ говоритъ, что народу всегда такъ много, что пробраться трудно. Послѣдній биллетеи: „11 Апрѣля 10 часовъ Его Высочество пріобщается св. таинъ, окруженный августѣйшимъ семействомъ; душевное волненіе, сопровождаемое легкимъ бредомъ. Потомъ болѣе покойное состояніе, голова болѣе свободна, чрезмѣрная слабость“. 12 Апрѣля въ полночь онъ скончался. Всѣ этого ожидали, и для всѣхъ извѣстіе было роковою вѣстью. Общее искреннее сожалѣніе. Въ церкви, на панихидѣ, многіе плакали. Во многихъ домахъ точно семейная утрата. Всѣ обвиняютъ безпечность блюстителей. Глухие толки доходятъ до нелѣпости. Большое движеніе въ простомъ народѣ. Прекрасный юноша прострадалъ всю Святую и умеръ въ Фомино Воскресеніе. Поучительное событие для великихъ міра сего. Это могущество человѣческаго величія и предопредѣленіе судьбы, исполняющееся въ глазахъ сонма науки, любви и попеченій; это увиданіе молодой жизни въ виду южнаго моря и посреди роскошной природы Итальянской весны, этаъ „легкій бредъ“, летающій между невѣстою и гробомъ, между землею и небомъ!

Странное, престранное обвиненіе! Народъ и въ Москвѣ и въ Петербургѣ обвиняетъ въ смерти Цесаревича Великаго Князя Константина. На дняхъ, когда онъ былъ на могилѣ отца въ крѣпости и горько плачаль, народъ приписалъ это терзанію совѣсти. Наши Москвичи такъ и трубятъ объ этомъ. Все это нелѣпо и глупо, и все это наводитъ тоску и скучу.

Боже мой, еще смерть и какая страшная смерть, уносящая также много надеждъ и упований. Убить Линкольнъ, въ театрѣ, на поваль. Онъ убить посреди торжествъ рѣшительной побѣды Сѣверянъ, по взятіи Ричмонда и Петербурга, къ полной славѣ спасителя союза Соединенныхъ Штатовъ. Убить конечно по подкупу желѣзной партіи Южанъ, мстящихъ за потерю всякой надежды на сопротивленіе Сѣверу. Истый Американецъ, съ необыкновенною силою характера, съ патріархальною простотою нравовъ и съ твердою увѣренностью въ достижениѣ своей цѣли, Линкольнъ соединялъ широкій политической взглядъ, ловкій такъ господствовать надъ партіями, терпимость и скромность въ отношеніи побѣжденныхъ. Чѣмъ станется съ великимъ союзомъ? Счастливый генераль Грантъ стоитъ во главѣ славной арміи. Не объявить-ли онъ себя диктаторомъ? Мнѣ кажется самая мысль объ этомъ чужда Американской почвѣ. Независимость и особенность самоуправлениія штатовъ такъ могущественны, что диктатура, возможная для Вашингтона, нынѣ мате-

рально неисполнима. Никто не имѣлъ на нее столько правъ, какъ Линкольнъ, а онъ не оказалъ и тѣни поползновеній.

Носятся въ воздухѣ смерть и отчаяніе. Раздраженіе страстей достигаетъ размѣровъ, при которыхъ жизнь забывается, и посягательство совершается въ какомъ-то изступленіи и ослѣпленіи. Блестящая эпоха наша имѣетъ свои темныя стороны. Самонадѣянность человѣка до забвенія, до отрицанія Бога, самоувѣренность ума и цивилизаціи до пренебреженія вѣры въ высшее предопредѣленіе, утилитарность, материализмъ затопляютъ благородные инстинкты будущаго возмездія и самой жизни по Христову учению.

Вмѣстѣ съ Линкольномъ подвергся посягательству и правая рука его, больной Сьюардъ. Сынъ его убить. Теперь Андрю Джонсонъ вступаетъ въ званіе президента. О человѣкѣ этомъ имѣются самыя невыгодныя свѣдѣнія. Пьяный и крайній демократъ. Какъ развернется онъ въ такихъ трудныхъ обстоятельствахъ?

Московскія дамы, по иниціативѣ Кати Тютчевой и кн. Маріи Мещерской (рож. гр. Паниной), задумали поднести принцессѣ Дагмарѣ Русское Евангеліе въ богатомъ переплетѣ Сазикова. Это немножко подражаніе Лондону (подарившему Евангеліе невѣстѣ, принцессѣ Александринѣ), но мысль хорошая. Принцесса Дагмарѣ, одна изъ дочерей Скандинавской Эдды, невѣста мертваго царевича, земное счастіе которой можетъ находить утѣшеніе въ Словѣ Божіемъ. Она не нашей вѣры и не нашей рѣчи, но она изучала и то и другое и дала слово быть Россійской. Про нее сложится легенда съ ореоломъ религіи, миѳа и превратностей земнаго счастія. Говорять она юдетъ къ намъ и, разъ усвоивъ, Россія ея не отпустить.

Министръ юстиціи требуетъ заключеній сенаторовъ на предположенія комиссіи о введеніи судебныхъ уставовъ 1864 г. Я вчера написалъ, жена переписала, и сегодня послалъ. Но, отдавая справедливость членамъ комиссіи (8 и 4), я предложилъ и свой планъ: приготовить суды къ принятію реформы. Комиссія хочетъ создать новые; я требую удержать нынѣшнее судопроизводство, но измѣнить его и составъ судовъ такъ, чтобы новые уставы, войдя въ старую колею, покатились свободно, не нарушая ни правъ ни привычекъ. Конечно, мое предположеніе не представляетъ ничего новаго. Вместо того, чтобы дробить Россію на округи, я дроблю самые уставы на существенные элементы и ввожу ихъ въ начаткахъ и задаткахъ. Я ввожу гласность передопроса, одну степень апелляціи, лучшее распределеніе подсудности и начатки обвиненія и защиты.

Наслѣдника вѣроятно уже привезли, и начнутся церемоніи. Русскій поэтъ встрѣтилъ его при самомъ отплытіи въ Средиземное море. Въ

стихотвореніи князя П. А. Вяземскаго „Вечеромъ на берегу моря“ есть прекрасныя строфы:

1.

Плыть онъ, молодой царевичъ,
Объятый непробуднымъ сномъ,
И этотъ мѣсяцъ, эти звѣзды,
Горятъ надъ царскимъ кораблемъ.

5.

Плыть онъ къ берегу родному,
Гдѣ онъ раздрѣль и возмужаль,
Гдѣ втайнѣ подвигу святыму,
Себя въ грядущемъ обрекаль,

6.

Гдѣ былъ онъ радостью семейной,
Надеждой царства своего,
Гдѣ мать мольбой благоговѣйной
Молила Промыслъ за него:

7.

Чтобъ лучшихъ благъ хранилъ залогомъ
Онъ вѣру, мудрость, кроткій нравъ,
Чтобъ быть и чистъ онъ передъ Богомъ,
И передъ каждымъ ближнимъ правъ.

13.

Разознены судьбиной мрачной
Два бытія родныхъ сердецъ,
И разомъ царственныи и брачный
Съ чела младаго падъ вѣнецъ.

14.

И онъ, царевичъ ненаглядный,
Усада сердца и очей,
Теперь безжизненный и хладный
Пристанетъ къ родинѣ своей.

15.

А волны выются за волнами
Подъ смертоноснымъ кораблемъ,
А мѣсяцъ свѣтлыми звѣздами
Блестить на небѣ голубомъ.

16.

И мѣсяцъ, равнодушный къ горю
Корабль сіянѣемъ обдастъ,
И не сдается сплю морю,
Какую скорбь оно несетъ!

Жаль, что Вяземскій не приголубилъ Дагмаръ своимъ стихомъ. Онъ такъ граціозно воспѣваетъ женщинъ. Впрочемъ принцессѣ посвящено нѣсколько теплыхъ строфъ княземъ Николаемъ Мещерскимъ („Моск. Вѣдом.“ 22 Апрѣля), обратившихъ на себя общее вниманіе.

Теперь въ кружкахъ и въ газетахъ большіе толки о пьянствѣ и средствахъ уменьшенія его. Дѣло поправимое, но въ томъ-ли положеніи нашъ бюджетъ доходовъ, на счетъ которыхъ (другого средства нѣть) предполагаютъ уменьшить пьянство. Эманципація дала свободу; дисциплина ослабла, дворы дѣлятся, бѣднѣютъ и спиваются. Но я думаю цифру въ 125 мил. р. можно принять за норму и остановиться развитіемъ пьянства шинками и штофными лавками. Пьянство губить сбереженія, вносить беспорядокъ и развратъ въ частную жизнь, материально портить человѣка и вліяетъ на будущее поколѣніе. Казна, кажется, можетъ отказаться отъ нѣсколькихъ миллионовъ въ виду такихъ страшныхъ послѣдствій, тѣмъ болѣе, что съ распространеніемъ благо-состоянія умножается другіе источники доходовъ. Можно бы возвысить патенты на распивку и штофныя лавки имѣть только въ городахъ. Еще въ 1856 г. въ комитетѣ 1-го д-та Сената, я предлагалъ уничтожить шинки и дозволять распивку только въ трактирахъ и харчевняхъ, приводя въ примѣръ Баварію, где подобный порядокъ имѣлъ очевидное вліяніе на нравственность и вицѣшнее облагороженіе народа. Брокъ иронически отозвался, что обѣ уменьшенія пьянства много говорено и писано, но теперь уже не говорятъ. Юристъ, сенаторъ Веймарнъ, прибавилъ: да не для того мы и призваны въ комитетъ.

Президентъ Маттью Джонстонъ объявилъ, что начальники возстанія будутъ судиться, какъ виновные въ измѣнѣ, и назначилъ большія суммы за поимку Джейферсона Девиса, президента и другихъ представителей южныхъ штатовъ, присовокупивъ, что въ военному департаментѣ есть несомнѣнныя доказательства участія ихъ въ убийствѣ Линкольна. Есть какая-то послѣдность, опрометчивость въ рѣчахъ и распоряженіяхъ Джонсона. Одного объявленія, что будетъ судъ и наказаніе за измѣну союзу, недостаточно. Надобно опираться на законъ. Девисъ дѣйствовалъ по волѣ народной, и слѣдовательно виновать въ измѣнѣ весь народъ южныхъ штатовъ. Иначе Линкольнъ и Грантъ не такъ бы поступили съ Ли, его арміей и Ричмондомъ. Борьба партій дошла до открытаго боя въ массахъ дотолѣ невиданныхъ. Лились рѣки крови, истощалась страна, жертвуя всѣмъ, удивляя міръ своимъ геройствомъ. Какая же тутъ измѣна? Это бунтъ, видъ преступленія, значительно видоизмѣненный вольною конституцією союза и широкимъ самоуправлѣніемъ Соединенныхъ Штатовъ. Здравая политика, при побѣдѣ, указываетъ на амнистію, съ исключениемъ главныхъ виновныхъ, которымъ предстоитъ добровольное изгнаніе. Правительство великой республики потеряетъ въ симпатіяхъ друзей своихъ, если отпразднуетъ торжество свое казнями и такими, какими грозитъ Джонстонъ. Казнь южныхъ штатовъ состоить въ отмѣнѣ рабства и уплатѣ военныхъ издержекъ въ видѣ срочнаго

займа. Что же касается участія въ заговорѣ на жизнь Линкольна и министровъ, то это дѣло уже суда, и объявление президента представляется неблаговременнымъ. Производится слѣдствіе и начнется судь. Завинять участниковъ не дѣло президента республики. Въ дѣйствіяхъ Джонстона сдаются какія-то личности.

Къ дѣтямъ поступила новая гувернантка Cécile Campiche, Женевка, нарочно мною выписанная по рекомендациіи департамента просвѣщенія въ Женевѣ. Къ нимъ же пріѣхала и прежняя гувернантка Olympre Sonnes погостить. Доброе и честное это существо жила у насъ три года и оставила единственно потому, что не имѣла никакого авторитета, не имѣя никакого образованія. Это-то заставило меня выписать Cécile Campiche, которая была *régente d'une école secondaire*. Дѣвушка молодая, хорошихъ, честныхъ понятій и правилъ и порядочная музыкантка. Дѣти ее полюбили, жена тоже, и она конечно имѣеть *известную* степень образованности. Эта образованность однако далеко не то, чего я ожидалъ и предполагалъ. Но я надѣюсь, что въ моемъ институтѣ, проведя года два (никакъ неболѣе), она усовершенствуется, лишь бы была охота. Другое не совсѣмъ мнѣ нравится въ ней: у нея нехорошъ органъ, она жуетъ и глотаетъ слова. Потомъ, она очень скора и жива въ своихъ движеніяхъ, и третьяе, она хотя не очень молода (ей 22 года), но любить развлеченія и веселость, и недостаточно сердца, чтобы внушиТЬ дѣтямъуваженіе къ различенію: какъ относиться къ ней въ часы игръ и какъ во время уроковъ. Я замѣчаю, что Тата менѣе охотно занимается музыкою. Впрочемъ, подождемъ. Доброй воли поддѣлаться къ намъ у нея довольно, и она, кажется, такъ очарована первыми впечатлѣніями въ незнакомомъ Русскомъ домѣ, что при взаимной оцѣнкѣ и искреннихъ отношеніяхъ дѣло пойдетъ хорошо.

Сгорѣлъ Козловъ, выгорѣлъ Витебскъ, горѣлъ и Симбирскъ, горять города и села. Вездѣ ищутъ Поляковъ и нигдѣ ни Поляковъ, ни шаекъ не находятъ. Оказываются вольности, дешевка и безопасность. Несчастія ужасныя. Истребленіе Козлова напоминаетъ прошлогоднее истребленіе Симбирска. 1500 домовъ, 900 лавокъ и 4 церкви, попъ въ ризахъ и 300 человѣкъ. Какое-то броженіе стихій. Въ концѣ Мая стоять холода. Озимыя поля перепахиваются. Нужда вездѣ крайняя. Блаженствуютъ только въ Петербургѣ, гдѣ право займовъ и ассигнацій производить мнимое изобиліе и маскируетъ страшное состояніе всей Имперіи.

Какую встрѣчу устроилъ Петербургъ цесаревичу Николаю! 19 онъ приближался при страшной бурѣ, которая угрожала опасностю всей флотиліи и Датскому кронпринцу и которая нагнала наводненіе на полгорода.. Буря была и въ Москвѣ; я самъ видѣлъ въ Петровскомъ

паркъ вырванныя съ корнемъ большія деревья. Вообще и Апрѣль, и Май стоять вѣтряные и холодные.

Исторія съ melle Le Tissier теперь занимаетъ и Петербургъ, и Москву. Г-жу эту вывезъ въ Россію Шереметевъ (А. В., какъ онъ самъ говорилъ мнѣ); послѣ него она перешла къ кн. Долгорукову (сыну сенатора Ю. А.) и потомъ ходила по рукамъ, пока не прибрала себѣ N.N., съ которымъ и уѣхала въ Берлинъ. Въ Берлинѣ они захвачены полиціей на желѣзной дорогѣ, разлучены, и герцогъ посаженъ подъ арестъ, исключенъ изъ всѣхъ частей службы и лишенъ Андреевской звѣзды. Эта буйная и пьяная головушка отличается энергию, грубостію (N—а онъ, на Невскомъ, называлъ громко дуракомъ) и любезною ему перспективою—служить у Наполеона. Очень хвалять Николая Лейхтенбергскаго, приписывая тщательное его воспитаніе Ребиндера.

Стачка рабочихъ. Уже давно трудъ личный въ ссорѣ съ капиталомъ. Давно бывали и теперь бываютъ схватки между ними, и всегда капиталъ бралъ верхъ надъ нуждою, настоятельною и насущною. Въ Германіи и Франціи въ прошломъ и настоящемъ годахъ созданы по этому поводу законы и регламенты. Но все это мало помогаетъ дѣлу. Схватки и ссоры продолжаются, какъ продолжается противорѣчіе бѣдности и богатства. Сенъ-Симонъ, соціализмъ такъ и втирается въ бюджетъ, которымъ живеть государство, и въ производительность, которою живеть общество. Бюджетъ требуетъ подати съ дохода, промышленность вызываетъ сдѣлки рабочихъ съ хозяевами. Шульцъ-Делишъ представляется посредникомъ и предлагаетъ средства возможности терпѣливыхъ соглашеній. Можетъ быть, недалеко время, когда войдетъ въ жизнь и въ букву закона „новое право“, и человѣчество признаетъ новые догматы; но безъ права и догмата жить нельзя, и я думаю, что отсутствіе этихъ главныхъ руководителей есть главнѣйшая причина ненадежности современного порядка и запутанности всѣхъ предположеній, основанныхъ на самонадѣянности.

Іюнь. Я давно не писалъ здѣсь, а между тѣмъ и выставка была, мануфактурная (и весьма богатая), и въ деревню я съѣздилъ, и прочелъ 4 тома Тена обѣ Англійской литературѣ. Дѣло въ томъ, что я занять мыслю о судебнѣй реформѣ и предвижу большія затрудненія въ осуществленіи ея согласно уставамъ. Очевидно, что Россія уже не *tabula rasa* Петра I, когда преобразователь вводилъ реформы *a priori*. Очевидно, что она накопила въ себѣ матеріалы и элементы живой организаціи, безъ разрушенія которой спрось не найдеть предложенія. Внутри Россіи все ждутъ-недождутся этой реформы, и особенно чувствуется необходимость въ вѣрной и сильной мѣстной власти. Я разумѣю мѣстныхъ мировыхъ судей. Надобно пожить въ деревнѣ, чтобы чувство-

вать всю натянутость отношений и всю тяжесть помѣщиковъ. Потравы и обиды беспрестанныя, а искать иногда рѣшительно не у кого: старшина безгласенъ, крестьянскій судь безобразенъ, посредники устали.

При общей распущенности наибольшая замѣчается въ школахъ. Тамъ господствуютъ празднословіе, верхоглядство и нигилизмъ. А въ высшихъ сферахъ озабочены не этими язвами, а рѣшеніемъ спора: какія и гдѣ должны быть школы, реальная или классическая, и послѣдня съ двумя или съ однимъ древними языками. Боже мой, да такія или сякія, все равно, но установите ученіе, возстановите дисциплину, введите порядокъ. Дайте мѣсто требованію, выдержите постепенную терпѣливость и дайте силу авторитету, хоть авторитету опыта. Какая разнуданность въ литературѣ и обученіи! Послушайте что говорить Писаревъ въ „Русскомъ Словѣ“, что говорить Соловьевъ въ „Отечественныхъ Запискахъ“, что говорить Бобровскій въ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ“. Прислушайтесь къ педагогическимъ совѣщаніямъ въ Петербургѣ и въ Одессѣ. Кажется, здравый смыслъ отлетѣлъ отъ нась; кажется, нѣть для нась ничего вѣрного и положительного, кромѣ угожденія толпѣ и большинству, кромѣ дерзкаго отрицанія и дерзкаго исканія новаго, оригинального и индивидуального. Какъ ни скученъ Катковъ съ его вѣчными подозрѣніями въ интригахъ и заговорахъ сепаратистовъ, но, отстаивая здравый смыслъ и опытъ, онъ уже тѣмъ совершаетъ большую заслугу обществу и государству. Конечно онъ преувеличиваетъ и кричитъ слишкомъ громко; но какъ же не преувеличивать и не кричать громко посреди этого хаоса понятій, сужденій и явленій?

2 Сентября 1865 г. Свобода цензуры и печати. Запишемъ этотъ день. Это большой праздникъ. Мы къ нему, правда, приготовлены либеральными мѣрами нынѣшняго царствованія; но свобода печати по закону, по привычкѣ, есть институтъ столько же нравственный, политический и воспитательный, сколько умственный и государственный. Нація признана совершеннолѣтнею, зрѣлою, достойною полнаго довѣрія и способною управлять своими мыслями, воззрѣніями и словомъ. Посмотримъ, какъ выразится и организуется эта свобода, не вызоветъ ли она самостоятельное Русское мышленіе и не выработаетъ ли она Европейского Русского человѣка.

Какое жалкое положеніе занимаемъ мы въ Шлезвигъ-Голштинскомъ вопросѣ! Мы умѣемъ только переуступать. Конечно, послѣ Итальянскихъ разрушеній и нарушеній, гдѣ Кавуръ явно шель обѣ руку съ шайками Гарибальди, Датская война представляется не честною, но почти законною, раздѣль же герцогствъ противорѣчитъ всѣмъ трактатамъ и нашимъ правамъ. Мы признали Италию, мы молчимъ передъ дерзкимъ Бисмаркомъ, который нась не спрашиваетъ, не обращаетъ на нась никакого

вниманія. Внутреннія преобразованія наши требуютъ сдержанности и сосредоточенія усилий дома, но эти дѣла не освобождаются отъ удержанія за собою подобающаго положенія и отъ защиты нашихъ правъ и политической чести и дипломатического приличія. Нельзя этого дѣла признать Прусскимъ и даже Нѣмецкимъ. Шлезвигъ къ Германскому союзу не принадлежалъ, и права Гольштейнъ-Готторпскаго дома соединены въ особѣ Русскаго императора.

Порицанія Пруссіи такъ общи, что вопросъ можно сказать не кончается, а вступаетъ въ новую стадію. Герцогства будуть сожалѣть о Даніи, надѣявшій свои земли демократическими учрежденіями. Они узнаютъ Прусскую военную администрацію и юнкерство, столь мало совмѣстныя съ желанною для герцогствъ конституцію. Германскій національ-фераинъ подниметъ голову, заведеть морскую силу и усиливъ пропаганду. Если и у Нѣмцевъ нѣтъуваженія къ трактатамъ, то господство нивелирующаго духа должно быть такъ сильно, что Бисмаркъ повторяетъ Кавура, и королевская партія работаетъ на демократовъ.

Пребываніе Царской семьи въ Ильинскомъ чрезвычайно скромно. Погода ненастна, оваций нѣтъ, и ихъ не жалуютъ. Москву Государыня не любить. Дворянская Москва не любить Государя. При приемѣ Государь обошелся съ дворянствомъ очень холодно, предводителю Шипову (Дм. Павл.) сказалъ довольно жесткія слова, генералъ-губернаторомъ назначилъ (и не военнымъ, а простымъ) молодаго генералъ-лейтенанта князя Долгорукова (Владим. Андр.) вовсе Москвѣ неизвѣстнаго, а Петербургу извѣстнаго своимъ ограниченнымъ умомъ, своими спекуляціями и волокитствомъ. Москва видимо падаетъ, и хотя „Москов. Вѣдомости“ пишутъ, что въ словѣ Москва выражается цѣлая система понятій, началь и политическихъ убѣжденій въ чисто-Русскомъ, національному, государственному смыслѣ, но Москва падаетъ. Общество рознится; Сенатъ уничтожается, о вельможествѣ и помину нѣтъ; самый Кремль застроенъ новыми зданіями, освѣщеніе дурно, воды мало, мостовая плоха, грязи и лохмотьевъ. множество, нищихъ и пьяныхъ еще болѣе. Самые авторитеты митрополита и университета исчезаютъ. Даютъ еще нѣкоторый рельефъ развивающаяся фабричность и смѣлыя статьи въ „Москов. Вѣдомостяхъ“ и въ „Днѣ“ Каткова и Аксакова. Для нихъ Петербургъ личный врагъ. Слово „Петербургскій“ значить враждебный Россіи, презрѣній, насилию навязанный, близорукій. Но публичный судъ и свобода печати принесутъ новое значеніе Москвѣ и едва ли невысшее нежели прежнее, съ болѣшими сплетнями и пересудами Англійского клуба и золотыхъ салоновъ. Москва—непремѣнная оппозиція Петербургу; но теперь оппозиція будетъ опираться на гласность и разноситься въ листахъ по всей Россіи. Петербургъ, кромѣ законовъ,

не даетъ ничего и безпрестанно требуетъ податей и рекрутовъ; его любить нельзя, его боятся, и потому слушаются. Москву любять, и потому будутъ слушаться. Оппозиція проберется въ суды, и Петербургскому приказу Москва противупоставить общественное мнѣніе. Поэтому бы съ Москвою надобно быть въ ладахъ.

Сегодня, 14 Сентября поутру, скончался сенаторъ Николай Роман.*). Онъ родился въ 1812 г., учился въ высшемъ училищѣ и началъ службу по таможенной части. Я засталъ его начальникомъ (распорядительного) отдѣленія въ 1840 г. и потомъ правителемъ канцеляріи министра юстиціи. Не сойдясь съ гр. Панинымъ, онъ перешелъ вице-директоромъ въ департ. иностран. исповѣданій и строилъ Римско-католическую коллегію, устроивъ Римско-католическую академію. Это было при Скрипицынѣ, когда дѣятельность директора абсорбировала всю администрацію. Потомъ онъ потерялъ жену (Елизавету Федоровну, рожден. Козляинову). Постоянно желчный, раздражительный и недовольный, разстроился еще болѣе и уѣхалъ градоначальникомъ въ Кяхту. По словамъ его, это лучшее время его жизни. Въ Сибири онъ былъ здоровъ и въ спокойномъ и даже веселомъ расположениіи. Здѣсь онъ встрѣтился съ семействомъ ссыльного Трубецкаго и женился на его дочери, еще при жизни ея матери, урожденной Лаваль, сестры графини Борхъ. При ихъ содѣйствіи онъ назначенъ былъ попечителемъ округа въ Киевѣ, а потомъ въ Одессу, откуда перемѣщенъ директоромъ д-та народнаго просвѣщенія и наконецъ, въ 1862 г., сенаторомъ въ Москву, въ 3-й департаментъ. Не мнѣ оцѣнивать служебную его дѣятельность. Она была чрезвычайно разнообразна, потому перемѣнчива и вездѣ кратковременна. Съ особыннымъ удовольствіемъ онъ вспоминалъ о Сибири. Въ Киевѣ ропталъ онъ на преобладаніе католицизма, въ Одесѣ негодовалъ на порядки своего предмѣстника (д-ра Пирогова). Но я могу говорить о человѣкѣ. Это была личность чистая, благородная, рыцарская. Онъ никому не льстилъ и не угождалъ и ничѣмъ не стѣснялся въ возраженіяхъ за правду и въ защиту самостоятельного мнѣнія. Миръ праху твоему, товарищъ! Много ты перенесъ. Пора успокоиться.

Пребываніе Царя съ семействомъ въ Ильинскомъ и въ Москвѣ не имѣло и едва-ли могло имѣть какое нибудь значеніе. Все это дѣлается на скорую руку, торопливо. Некогда остановиться, некогда обдуматься. Кажется, смѣною Офросимова и холодностію съ дворянствомъ Государь хотѣлъ дать почувствовать свое неудовольствіе. Предводителю дворянства, Дмитрію Павловичу Шипову онъ положительно сказалъ: передайте

*) Небольшая біографія, написанная Ф. Чижовымъ (товарищемъ по ученью) въ „ДѢ“ отъ 15 Сентября, въ Славянофильскомъ духѣ.

дворянству, что если при этихъ выборахъ будутъ какие либо беспорядки, то съ виновными будетъ поступлено по всей строгости законовъ. Но все это не помышало ему принять ласково бывшаго оратора прежнихъ выборовъ, молодаго Звенигородскаго предводителя Дм. Дм. Голохвастова, который въ импровизациі своей назвалъ Петербургскихъ правителей опричниками. Вообще Государь все болѣе и болѣе выказываетъся слабо-властнымъ и непослѣдовательнымъ.

Я сей часъ прочелъ передовую статью „Москов. Вѣдом.“ 26 Сентября № 210 о субсидіяхъ газетъ „Голосъ“. Если это патріотическій подвигъ гражданскаго долга, то редакція заслуживаетъ гражданской короны, т. е. если подозрѣнія ея о существованіи партіи, враждебной призванію Русскаго правительства, въ средѣ этого самаго правительства, основательны и подтверждатся. Но если это одни извѣты мнительного и подозрительного журналиста, хотя бы патріота и благонамѣренаго, то редакція заслуживаетъ суда или по крайней мѣрѣ „предостереженія“. Вообще „Московск. Вѣдомости“ и „День“ выражаютъ систематическую оппозицію и только ловкими двусмысленными оборотами отклоняютъ прямое обвиненіе. Если за статью эту не постыдуетъ предостереженія, то указываемая партія въ правительствѣ есть, и ей рано разоблачаться и выгоднѣе смотрѣть на смѣлаго бойца сквозь пальцы. Партію эту ставить подъ знамя Великаго Князя Константина, и вліянію ея приписываютъ поощренія сепаратизма по окраинамъ Россіи и замѣшательство дѣль и порядковъ внутри ея, гдѣ всѣ сословія недовольны и всѣ ропщутъ на незрѣлую уновленія, на застой промышленности и разстройство отъ безденежья и низкаго курса. Но какая же цѣль подобной партіи? Перемѣна династіи? Ну статочное-ли это дѣло!

Статья о субсидіяхъ тѣмъ болѣе заслуживаетъ предостереженія, что за нѣсколько дней „Сѣверная Почта“ предупреждала, очевидно полуофиціальнымъ тономъ, что продолженіе подобной политики должно прекратиться. „Московскія Вѣдомости“ накинулись именно на это предупрежденіе. Скандалъ достигъ высшей степени: гласность объявляется во всеобщее свѣдѣніе, что въ правительствѣ существуетъ партія, враждебная Россіи и призванію ея правительства и помогаетъ „Голосу“, который есть ничто иное, какъ „Современное Слово“, запрещенное въ 1863 г. (слѣдовало сказать 1865 г., ибо Ахшарумова газета издавалась всего 11 №№ въ нынѣшнемъ году. Или здѣсь рѣчь о газетѣ Писаревскаго). Подождемъ, посмотримъ, не зайдемся.

Графъ Сологубъ такъ много говорилъ мнѣ о своихъ преобразованіяхъ въ смирительно-рабочемъ домѣ (въ Преображенскомъ, подъ Москвою), что я, не смотря на мою неудачу въ посѣщеніи такъ называемой

исправительной школы подъ Симоновымъ *), рѣшился посмотретьъ это важное наказательное учрежденіе. Особенаго ничего нѣть: помѣщеніе, одежда и самое содержаніе чрезвычайно плохо, едва-ли не хуже губернскаго. Но честь и слава гр. Сологубу за водвореніе и устройство работъ артелями. Онъ идутъ хорошо и держатся исключительно Сологубомъ, который конечно обѣщаніемъ наградъ уговорилъ четырехъ купцовъ дать инструменты и матеріаль и установилъ довольно низкую таксу. Работаютъ мѣсяца два, а у нѣкоторыхъ, по книжкамъ, находится въ артели болѣе 10 р. Но на долго-ли потянетъ Сологуба? Я еще въ прошлый прїездъ министра юстиціи обратилъ его вниманіе на несообразность нашихъ наказательныхъ учрежденій и всей системы наказаній, потерявшей свой характеръ устрашенія и не выражаютъ, какъ въ остальной Европѣ, никакихъ даже зачатковъ начала исправленія или улучшенія преступника. Я представляль, что продолжительная каторга и „поселить въ Сибири навсегда“ и лишеніе правъ безъ возвращенія когда либо и безъ *reabilitatio* нигдѣ не существуютъ и что наказаніе не должно быть рутиной, а постепеннымъ развитіемъ исправительныхъ стадій, какъ введено въ Ирландскихъ тюрьмахъ. Замятнинъ мнѣ не отвѣчалъ, и я 10 прошлаго Сентября счелъ себя въ правѣ обратиться къ Валуеву, который на дняхъ увѣдомилъ меня (въ общихъ фразахъ), что для министерства собираются свѣдѣнія въ Бельгіи и Ирландіи.

Все это однако не мѣшало бы поправить и получше содержать существующіе тюремные замки и рабочіе дома. Достаточно посмотретьъ Московскіе, чтобы видѣть, какъ здѣсь дурно и беспечно и какъ съ малыми средствами можно было бы улучшить и помѣщеніе, и содержаніе. NB. Въ рабочемъ домѣ 6 арестантовъ обратились ко мнѣ съ жалобою на прокурора, пропустившаго ихъ въ спискѣ лицъ, удостоенныхъ Государемъ помилованія на одну степень. Помилованіе это объявлено за то, что арестанты служили молебенъ о здравіи покойнаго Наслѣдника, когда разнеслась вѣсть о опасномъ его состояніи и послали цветы на его гробъ, когда онъ привезенъ былъ въ Петербургъ. Научилъ ихъ сдѣлать это священникъ замка. На вопросъ мой, какъ они узнали о царской милости, арестанты отвѣчали, что читали въ газетахъ. Не въ Сенатскихъ-ли? Въ какихъ (нигдѣ не напечатано), и какъ вы ихъ полу-

*) Посѣтилъ я школу 23 Іюня и при самомъ первомъ знакомствѣ съ ея устройствомъ, послѣ всего, писанного о ней такъ много въ газетахъ, тотчасъ увидѣлъ всю несостоятельность этого заведенія. Бывши на лицо 11 мальчиковъ всѣ подъ сѣдѣствіемъ и безпрестанно требуются къ допросу (верстъ за 6). Желая помочь школѣ, А. Н. Стремиловой ради, я далъ для переплета пять книгъ и потомъ два мѣсяца возился, чтобы выручить ихъ и выручилъ только при содѣствіи полиціи. А чего не писали г. Завалишинъ и др.?

чаете? Оказалось, что некоторые изъ арестантовъ замка поступили въ рабочій домъ и принесли эту благую вѣсть. Ну что бы Государю, не ослабляя правосудія, задать обѣдъ съ двумя блюдами говядины!

Нашъ климатъ и наши пространства суть главныя причины нашей бѣдности и нашей отсталости. Съ дарованіемъ разныхъ правъ и вольностей, съ освобожденіемъ печати и при усиленной дѣятельности умовъ нельзѧ, чтобы общій уровень народнаго сознанія своего достоинства и Русскаго самостоятельнаго воззрѣнія не поднялся противъ прежняго, очень сжатаго и очень низкаго; но бѣдность остается бѣдностію, и политические порядки богатыми насы не сдѣлаютъ. Бѣдность эта теперь и чувствительнѣе, и ощущительнѣе, потому что требованія и личныя и общественныя значительно усилились и умножились. Мы жили и живемъ долгами и безъ заемовъ обойтись не можемъ. Ростуть требованія (бюджетъ готовъ съ 250 прыгнуть до 400 миллион.), ростеть недоимка (уже къ 1 Сентября насчитываютъ 24 милл., въ томъ числѣ $\frac{1}{4}$ на акцізъ съ вина и $\frac{1}{8}$ отъ таможень. NB: Значить привозять мало, значитъ вывозятъ—тоже), ростуть и долги. Мы скоро дойдемъ до 2000 миллионовъ, до 100 миллионовъ рублей однихъ процентовъ. Особенно бѣденъ народъ; сократить его крайне скучные расходы нельзѧ, а сборы увеличиваются, дешевое вино пьется легонько. Выкупные и оброчные платежи выбираются туга, и бѣдные крестьяне подвергаются аукціону. Кажется, не избѣжать и намъ пониженія оцѣнокъ и обязательнаго выкупа. Исполненные добросовѣстно они немного стѣснятъ помѣщиковъ и преимущественно помѣщицу-казну, но много облегчатъ крестьянина, ибо и немногое ему очень чувствительно. Не думаю, чтобы лучшаго распределенія налоговъ и повинностей дождались мы отъ земскихъ учрежденій: какъ ни либеральны они, но долго будуть и останутся односторонними, по преобладающему элементу землевладѣльцевъ.

Еще однимъ великаниомъ меныше. Пальмерстонъ скончался. Шестьдесятъ лѣтъ потрудился онъ для благоденствія и славы Англіи и до послѣднихъ дней сохранилъ могущественное вліяніе силы своего генія и огромной своей опытности. Онъ былъ исключительно Англичанинъ, и за этимъ горизонтомъ, въ предѣловъ Англійскихъ интересовъ, весь міръ интересовалъ его только по возможности соприкосновенія его съ этими же Англійскими интересами. Онъ былъ противъ коренныхъ реформъ и приверженность свою къ *statu quo* могъ, не безъ законнаго самолюбія, гордо оправдывать тѣмъ богатствомъ, тѣмъ величиемъ, какихъ Англія достигла подъ его управлениемъ. Онъ былъ открытый врагъ Россіи. Нарастаетъ новое поколѣніе, и съ разширенiemъ выборнаго права (чего надобно ожидать) Англія готовится къ обновленію, должностному совершившися не въ смыслѣ Пальмерстоновскихъ порядковъ.

Новыя правила судопроизводства 11 Октября обнародованы для старыхъ судовъ. Они очень хороши и именно хороши по тремъ причинамъ: они практичны и ничего не ломаютъ; они могутъ быть введены вездѣ и немедленно, и З-е, они согласны съ моими предположеніями, изложенными въ представленномъ моемъ мнѣніи о порядкѣ введенія уставовъ 1864 г. Ими допускаются гласность, свобода объясненій подсудимаго, и упрощаются подсудность и апелляція по уголовнымъ дѣламъ.

Читая агитациі и споры о значеніи Русскаго языка въ дѣлахъ Остзейскаго края, я припомнилъ, что въ Сентябрѣ 1844 (22 года тому), обозрѣвъ тамошнія тюрьмы, где большинство Русскихъ и Евреевъ, я представилъ министру, что тамъ „Русскаго человѣка, въ Русскомъ государствѣ, допрашиваютъ понѣмецки“, и заключилъ о необходимости допроса на языке подсудимаго, а равно и о объявлении ему приговора на томъ же языке. Я не думалъ, чтобы это могло встрѣтить какое либо препятствіе въ отношеніи Русскихъ, потому что мѣстные чиновники знаютъ порусски. Предположеніе мое было принято какъ гр. Панинымъ, такъ и гр. Блудовымъ, по докладу послѣдняго одобрено Государемъ и въ Ноябрѣ того же 1844 г. сообщено генераль-губернатору. Желая узнать теперь объ участіи этого предположенія, я обратился къ генераль-губернатору, и гр. Петръ Andr. Шуваловъ увѣдомилъ меня, что предположеніе это превращено въ установленіе при судахъ переводчиковъ, вызвавшее обширную переписку съ разными сословными представительствами, и въ 1850 году, какъ дѣло рѣшено, окончательно сдано въ архивъ, где и лежало до полученія моего письма. Нынче я послалъ записку къ министру и спрашиваю: ужъ не сдано ли оно въ архивъ и въ министерствѣ? Весьма можетъ быть. Нельзя въ этомъ винить Остзейцевъ однихъ; имъ естественно не желать вторженія Русскаго языка въ ихъ привилегированную среду. Виноваты здѣсь Петербургскія канцеляріи и Остзелюбивые начальники. Но какъ же допрашивать, судить и осуждать Русскаго, въ Россіи, понѣмецки? Для меня не только какъ Русскаго, но просто какъ юриста, немыслимъ подобный порядокъ при закрытомъ судѣ.

Другое обстоятельство, въ которомъ я сильно столкнулся съ Нѣмецкою нашою автономіей, это въ вопросѣ объ апелляціи по дѣламъ уголовнымъ. Нѣмцы сильно отстаивали de non appellando, и гр. Блудовъ, все тотъ же гр. Блудовъ, выручилъ Нѣмцевъ. Споръ этотъ напечатанъ въ 1 т. Сборника рѣшеній Прав. Сената 1864 г. подъ № 686, на стр. 996, подъ скромнымъ заглавиемъ: объ освобожденіи членовъ оберъ-ландгерихта отъ выговора и взысканія по дѣлу Соколова. Я долженъ прибавить, что окончательное рѣшеніе вопроса de non appellando послѣдовало, когда я уже оставилъ судебнное вѣдомство, и рѣшеніе это

произвело громкую радость въ добрыхъ Нѣмцахъ всѣхъ городовъ трехъ Русскихъ губерній.

Воть и начало гласности! Въ Московскихъ департаментахъ и общемъ собраніи присутствуетъ публика, и даже дамы, и даже княгини. Надобно полагать, что публика должна разочароваться, потому что спектаклю недостаетъ ни дѣйствія, ни характеровъ, ни даже декорацій. Секретарь или оберъ-секретарь доложить довольно подробно обстоятельства дѣла, публика удаляется, и начинаются дебаты, которые собственно и могли бы интересовать постороннихъ. Въ общемъ собраніи и въ 7-мъ д-тѣ (Московскія дѣла) случились повѣренные, и потому были объясненія и довольно адвокатскія. Но въ 8 д-тѣ, когда, послѣ первого дѣла, публика вошла въ присутствіе для слушанія втораго дѣла, троихъ изъ любопытныхъ уже не было, а и всѣхъ-то было 8-мъ. Въ департаментахъ это можетъ устроиться, и хорошо и съ пользою. Если допустить состязаніе сторонъ, защиту подсудимаго, то и суды и зрители могли бы имѣть назиданіе и вѣрнѣе усвоить сущность процесса. Подождемъ. Великое начало положено. Оно разовьется и принесетъ плоды. Да здравствуетъ реформа удобоисполнимая, крайне полезная и способная усовершаться!

При дворѣ и въ обществѣ много говорять о сватѣбѣ фрейлины Тютчевой (Анны Федоровны) съ Славянофиломъ Иваномъ Сергѣевомъ Аксаковымъ издателемъ прекращаемаго „Дня“ *). Дѣйствительно, это немножко странно. Придворная сфера, въ которой жила Тютчева около 10 лѣтъ, какъ воспитательница Великой Княжны, какъ ближайшее лицо къ Императрицѣ, пользовавшееся вліяніемъ, не имѣть ничего общаго съ скромнымъ кабинетомъ редактора, правда весьма даровитаго и при томъ прекраснаго человѣка. Дядя и тетка невѣсты, Сушкины объяснили мнѣ это тѣмъ, что придворная жизнь всегда тяготила умную головку, независимый характеръ которой никакъ не согласовался съ натянутымъ этикетомъ и пустою церемоннѣстью двора; а между тѣмъ шесть лѣтъ пламенной любви не нелюбимаго человѣка доказывали всю прочность и безкорыстіе чувства. И она рѣшилась. Другіе объясняютъ иначе, и полученное мною письмо (отъ статьи-секретаря Гагемейстера) подтверждаетъ это иное объясненіе. Тютчева потеряла довѣріе Императрицы и видѣла, что ею тяготятся и даже даютъ ей это чувствовать. Надобно было найти выходъ, и она выходитъ за мужъ, увѣряя, что это давно было рѣшено, но что она отказывалась, желая докончить

*.) Это бракосочетаніе состоялось 11 Января 1866 года, въ Москвѣ, въ домовой церкви барона М. А. Боде. Иванъ Сергѣевичъ говорилъ мнѣ, что онъ влюбился въ умную Анну Федоровну и что они оба готовили себѣ счастіе на осень дней своихъ. П. Б.

первоначальное воспитаніе Великой Княжны, а теперь рѣшается, такъ какъ Княжна должна начать серьезные классные уроки съ учителями и специалистами. Впрочемъ за годы воспитанія и во вчиманіи къ сдѣланнымъ жертвамъ нѣсколькихъ лѣтъ фрейлина Тютчева получаетъ 5 т. р. пансиона и приданое отъ Императрицы. Я полагаю, что это придворная интрига, а бракъ съ Аксаковымъ дѣлается вѣроятно по старой памяти, Тютчевой около 40 лѣтъ, но она свѣжа и съ виду молода, а Аксакову должно быть около 42 или 43.

Итакъ гласность втирается всюду. Газеты и журналы держать себя хорошо, съ достоинствомъ и сдержанно. „Москов. Вѣдомости“ напали на Министерство Просвѣщенія и отдѣлываютъ Головнина, какъ говорится, на обѣ корки, отдѣлываютъ даже несправедливо, особенно въ № 235 Октября 28. Здѣсь редакція явно смѣшала мнѣнія членовъ Государствен. Совѣта съ высочайше утвержденными мнѣніями Государств. Совѣта. Я полагалъ, что будетъ „предостереженіе“, но, кажется, обошлось такъ. Но чѣ же это за министръ, котораго можно обносить даже должно? И никто за него не вступится. Редакція тоже съ напоромъ отдѣлываетъ и сепаратизмъ и защищаетъ Русскій языкъ и Русское достоинство. Нѣть врага злѣе для сепаратистовъ и организованныхъ инородческихъ привилегій. Въ этомъ смыслѣ „Москов. Вѣдомости“ имѣютъ огромное значеніе и большую силу. Онѣ съумѣли стать высоко и твердою ногою и умѣютъ соединить это положеніе съ лестнымъ для Русскаго восхваленіемъ Русскаго элемента, Русскаго единства и жертвъ Русскаго народа.

Гласность суда прививается тоже хорошо; я и многие удивлены, какъ это простое начало прилагается просто. За то паническій страхъ напалъ на храбрыхъ дивизіонеровъ-сенаторовъ, большою частію искалеченныхъ и малограмотныхъ. „Вѣдь можетъ явиться такой говорунъ, что собьется и насмѣется надъ нами“, говорилъ старикъ-калѣка Самаринъ. „Пройдетъ немнога, и они научатся и будуть сидѣть и распоряжаться лучше нашего брата“. Другое неудобство публичности, это наша формальная система доказательствъ, такая щедрая на „подозрѣніе“. Стороннему непонятно (какъ они не юридически выражаются) „такое легкое наказаніе“. Впрочемъ посѣтители при рѣшеніи не присутствуютъ и его не знаютъ. Третье неудобство—это наше помѣщеніе: оно тѣсно, и публикѣ отдѣляется самое незначительное пространство.

Первую публикацію въ (С.-Петербург.) газетахъ о допущеніи къ присутствію при докладѣ сдѣлалъ предсѣдатель Владим. Гражд. Палаты. Она напечатана въ объявленіяхъ первого столбца Вѣдомостей въ № 285 Ноябр. 11 (Октябр. 30) 1865 г.

Въ настоящее время все измѣнилось, все, и мы живемъ въ средѣ общества и порядковъ, совершенно иныхъ, въ которыхъ прежняя жизнь держится только слабымъ преданіемъ и рутинною привычкою. Я не вполнѣ вѣрую въ ожидаемыя послѣдствія совершенныхъ реформъ, но не могу же я не видѣть, что онѣ дарованы великодушно и совершены добросовѣстно.

Честь и слава Государю и честнымъ исполнителямъ его воли!

Великія преобразованія такъ выворотили общество, такъ прямо обрушаются на привычки и обычаи и такъ мало подготовили для себя элементовъ усвоенія, что порождаются два совершенно различныя явленія: или совершенное недовѣріе, ожидающее отъ сплошной ломки какого-нибудь взрыва, или излишнюю довѣрчивость, доходящую до вѣрованія въ сверхъестественное. И то и другое явленіе столкнулись въ томъ общемъ послѣдствіи, которое можно бы назвать оплошность, выражаяющаяся въ анатичности однихъ и въ самоочарованіи другихъ. Главная форма нашего общественного быта есть анархія и перемежающаяся диктатура.

Печати дана свобода, а правительство не обращаеть на нее никакого вниманія. Кредитный рубль нашъ упалъ, а правительство исключаетъ его изъ обращенія въ Финляндіи, которой „бѣдность не въ состояніи нести такія утраты“. Тамъ рубль по курсу. Вольное Экономическое Общество, по случаю столѣтняго юбилея, созвало землевладѣльцевъ со всѣхъ концовъ и приготовленные вопросы разработало такъ, какъ разсуждаютъ послѣ сытнаго обѣда въ кружкѣ вольныхъ собесѣдниковъ.

Въ Министерствѣ Государственныхъ Имуществъ обнаружены очень неблаговидные поступки товарища и участіе въ банкѣ Френкеля гофмейстера Набокова, и все это прошло мимоходомъ. Въ департаментѣ таможенныхъ сборовъ сдѣлали такое изданіе тарифа въ Іюнѣ мѣсяцѣ, за которое при Николаѣ виновные пошли бы въ солдаты, а теперь это кончилось исправленіемъ ошибокъ (числомъ болѣе 70) въ циркулярѣ, напечатанномъ (экая наглость!) въ официальномъ „Указателѣ“ Министерства.

Общественное мнѣніе, университеты, печать и хозяйственныя общества вѣсѣ решительно и энергично выразились противъ устава Петровской Академіи, а уставъ этотъ, изволите видѣть „начертанный по указанію Государя Императора“, утвержденъ, и участвовавшіе получили большія аренды за свои подвиги. Преступленія усиливаются и до такой степени, что Ревельское общество требуетъ примѣненія смертной казни.

Въ 1864 г. банкъ обмѣнялъ фальшивыхъ билетовъ на 700 т. р., а нынче только и слышишь, что о поддѣлкѣ, въ Москвѣ, Петербургѣ, Харьковѣ, Нижнемъ. Ужь не постановить-ли и за это преступлѣніе смертную казнь?

Введеніе судебной реформы исполнено страховъ за полновластіе мировыхъ судей, для которыхъ переходныя правила уже отступили отъ текста закона. Эти мировые суды и эти отвратительныя волостные суды, безъ апелляцій, сдѣлаютъ то, что въ уѣздѣ жить будетъ нельзя.

Все въ такомъ броженіи, что остается выжидать окончательной установки, а установки этой очевидно не дождешься; ибо новое зданіе, возведенное на сторонѣ, требуетъ новой ломки для пригонки и припоровки.

Окраины Имперіи чувствуютъ, что всѣ эти преобразованія клонятся къ слянію, и со всѣхъ концовъ раздаются протесты и возраженія, еще болѣе дѣлающіе невозможнымъ соглашеніе интересовъ, доселъ раздѣльныхъ.

Хронику писать теперь излишнее. Она вся въ современныхъ газетахъ. Газеты выражаютъ вѣрно и самое раздраженное положеніе общества, и самыя радикально противоположныя воззрѣнія разныхъ партій и ихъ органовъ.

Ноября 8-го скончался незапно отъ удара сенаторъ Ждановъ Семенъ Романовичъ. Это былъ человѣкъ лѣтъ 70, большой дѣлецъ, поклонникъ старого поколѣнія, свой человѣкъ у ministra Ланского, у кн. Орлова, съ камердинеромъ котораго онъ тщеславно выставлялъ свою дружбу, могущественный правитель канцеляріи гр. Строгонова (въ Харьковѣ) и у всѣхъ Петербургскихъ генералъ-губернаторовъ, особенно при Кавелинѣ, во время сумашествія котораго онъ былъ главнымъ начальникомъ. По вступленіи въ управление министерствомъ Валуева, Ждановъ долженъ былъ оставить департаментъ полиції, сдѣлавшись членомъ Совѣта, былъ употребляемъ по разнымъ порученіямъ, и между прочимъ въ крѣпостной*) политической комиссіи князя Александра Федор. Голицына и въ слѣдственной комиссіи о соціализмѣ въ Петербургскихъ воскресныхъ школахъ. Счастливыя открытия въ этомъ дѣлѣ обратили на него вниманіе, и въ награду онъ назначенъ сенаторомъ въ Іюнѣ 1864 г. Назначеніе, противъ его желанія, онъ получилъ въ Москву, и высокая награда, какою ему представлено это пожалованіе, разлучала его съ домомъ и дачей въ Петербургѣ, съ семействомъ, обычною средою и совершенно его разстроила. Огромные пожары въ Симбирскѣ вызвали его снова къ слѣдственной дѣятельности, и онъ

*) Т. е. въ комиссіи, завѣдавшей въ Петропавловской крѣпости? П. Б.

около 13 мѣсяцевъ провелъ въ Симбирскѣ, съ большою свитою, доискиваясь политическихъ поджигателей („Моск. Вѣдом.“ 20 Ноября, статья Михаила Лонгинова. „Соврем. Лѣтопись“ 21 Ноября изъ Симбирска). Обѣ прославляютъ незаслуженно Жданова. (См. „Спбр. Вѣдомости“ 1865 г. 28 Декабря). Говорять, онъ нашелъ ихъ въ лицѣ полковника и майора Самарскаго полка и съ дѣломъ и обличеніями спѣшилъ въ Петербургъ, чтобы, за новую заслугу, добиться наконецъ перевода въ Петербургъ и соединиться съ семействомъ. Смерть постигла его на дорогѣ въ Нижнемъ. Носились общіе слухи, что онъ отравленъ Поляками. Я имѣю нѣсколько писемъ изъ Симбирска, въ которыхъ говорится, что онъ держитъ себя совершенно уединенно и постоянно жалуется на нездоровье. Ждановъ пользовался всегда плохую репутацией. Не зная судебныхъ порядковъ, онъ никогда не могъ быть полезнымъ сенаторомъ. Это былъ дѣлецъ, юсь, старый подьячій, какіе все болѣе и болѣе сглаживаются въ нашей скороперемѣнной администраціи.

Вотъ кончились и (вторыя) дворянскія собранія или выборы. Они продолжались два дня: доказательство важности собраній этого важнаго сословія. Князь Левъ Гагаринъ выбранъ предводителемъ, почти единогласно, и ему дали обѣдъ съ тостами и спичами. Но не въ томъ дѣло. Дѣло въ томъ, что новый генераль-губернаторъ придумалъ и согласился съ *прочими* (а прочихъ немало: епископъ Леонидъ, редакторъ Катковъ и говоруны изъ дворянъ) сгладить, въ грязь втоптать прежнія постановленія, увѣрить, что никакой агитациіи не было, что всѣ газетныя вѣсти просто ложь и выдумка*). А настоящая-то ложь есть

*) С. А. Соболевскій вложилъ въ уста нового генераль-губернатора такое обращеніе къ Государю:

Наѣвшись щѣй, напившись квасу,
Ихъ разобралъ патріотизмъ.
Хоть въ двѣсти семьдесятъ два гласа,
Но безопаснѣтъ сей цивизмъ.
О, цары! Исполни ихъ желанье.
Пусть въ два кружка ихъ соберуть.
Поврѣтъ Дворянское Собранье,
Попереврѣтъ и Лучшій Людъ.
Съ Дворянской Думою мы сладимъ
Легко, безъ грознаго „молчи“!
Коль ихъ надеждою поманимъ
На камергерскіе ключи.
Потомъ, лишь будь уха стерляжья,
Икрой зернистой лишь корми,
Шампанскимъ глотки лишь увлажъ и
И слажу съ Лучшими Людми.

Затѣмъ князю Владимиру Андреевичу прибавлено къ жалованью нѣсколько тысяч рублей на угощеніе Москвичей. П. Б.

нынѣшнее постановлѣніе дворянства, приторное повтореніе о „любви и преданности обожаемому Монарху“. Дворянство увѣряеть, что крамольное предположеніе его „было доведено до свѣдѣнія Его Величества не отъ лица самаго дворянства, которое могло бы чрезъ своихъ депутатовъ представить въ истинномъ свѣтѣ руководившія имъ намѣренія и свидѣтельствовать предъ августѣйшимъ Монархомъ о чувствахъ безпрѣдѣльной преданности дворянства и проч.“ Протоколъ этотъ на другой же день напечатанъ въ „Московск. Вѣдомост.“ 16 Ноября (№ 251), гдѣ напечатана и проповѣдь Леонида уже не о дворянскихъ правахъ, какъ въ Декабрѣ 1864 г., а о „смиренномудріи и кротости, долготерпѣніи, въ союзѣ мира“. На другой день, 17, Катковъ въ передовой статьѣ, насыщенной и оскорбительно-покровительственнымъ тономъ объяснилъ недоразумѣніе благими намѣреніями, плохо выраженнымъ, и злонамѣренію Петербургскихъ корреспондентовъ, всегда жаждущихъ посѣять рознь и вражду. Все это похоже на какую-то дѣтскую мистификацію, доказывающую, что мы недостаточно серьезно относимся къ самымъ важнымъ вопросамъ и что потому значеніе дворянскихъ собраній кончилось вѣкъ времія. Выростаетъ земство!

Я сей часъ изъ Петровскаго-Разумовскаго, гдѣ открыта Академія сельскаго хозяйства и лѣсоводства. Послѣ обѣдни и молебна мы собрались въ актовой залѣ, гдѣ генераль-адъютантъ, министръ, А. А. Зеленый обратился къ намъ съ рѣчью, изложивъ вкратцѣ основанія и цѣль учрежденія высшаго училища „въ центрѣ промышленности и въ сердцѣ Россіи, Москвѣ“. Основаніемъ выставлена реформа 19 Февр. 1861 г., „которая, можетъ быть, будетъ эпохой въ Русской исторіи“. Цѣль— улучшеніе сельскаго хозяйства, устроившаго на свободномъ трудѣ. Зеленый заминался и откашивался. Нельзя не замѣтить, что слова: можетъ быть, будетъ эпохой—несправедливы. Эпоха есть и внесена въ исторію. Во вторыхъ, начало академіи относится не къ 1861 г., а къ Сентябрю 1857 г., когда о реформѣ и слуху не было, но когда пустой листецъ, Степанъ Алексѣевичъ Масловъ, ввелъ М. Н. Муравьеву въ Московское Общ. Сельск. Хозяйства и увѣрилъ тицеславнаго господина, что всѣмъ памятный отецъ его, основатель Общества, Н. Н. Муравьевъ, лелѣялъ, какъ идеаль, мысль о сельской академіи и обѣщалъ ее Москвѣ. Тогда-то расчувствовавшійся министръ торжественно заявилъ „что пріятно сыну исполнить то, что обѣщалъ отецъ“. По пріѣздѣ въ Петербургъ мнѣ приказано было заготовить предварительный докладъ Государю. Тутъ реформа 19 Февр. совершиенно въ сторонѣ. Въ третьихъ, цѣль академіи что-то не ясна: большія хозяйства падаютъ, а къ малымъ, крестьянскимъ рациональная истинѣ непримѣнна. Этого не объяснили ни министръ, ни говорившій или жевавшій послѣ него директоръ Же-

лѣзновъ, пробавлявшійся болѣе получаса общими фразами, сказанными по складамъ. Въ четвертыхъ, ни тотъ, ни другой не дали себѣ труда подумать, чего стоитъ казнѣ это роскошное заведеніе. Въ разговорѣ со мною министръ сказалъ „всего на все, тысячу 700“. Но я помню, что болѣе. Неѣловъ пояснилъ, что около миллиона. Я помню, что болѣе.

Дай Богъ Академіи процвѣтать и шириться. Только я въ этомъ сомнѣваюсь: учесть процентъ ея пользы нѣть возможности. Она устроена на такихъ либеральныхъ началахъ, что начальство будетъ радо видѣть, какъ праздные и любопытные пріѣдутъ, посмотретьъ и уйдутъ, обозрѣвъ въ видѣ прогулки богатыя хоziйства Академіи или выслушавъ экспериментальную лекцію Ильенки въ его обширной лабораторії. При строгостяхъ Университета, Академія будетъ служить убѣжищемъ.

Сильные толки о нашихъ финансахъ. Общество требуетъ удаленія Рейтерна и назначенія все того же Муравьевъа. Чрезвычайно ропщутъ на Финляндію, отѣлившуюся съ своими марками отъ нашей бумажной единицы. Также отѣляется Главное Общество желѣзныхъ дорогъ, банки Френкеля и Отрѣшкова. Какой это скандалъ! Своимъ векселямъ не вѣрить. И какой этому исходъ? Бумажный рубль все падаетъ, онъ на Парижъ 326. Но не спасаетъ онъ нашу производительность отъ тарифного либерализма, грозившаго подавить ее? Можетъ быть. У насъ, навыворотъ, все возможно.

Могущественный органъ Русской печати и Московской партіи, „Москов. Вѣдомости“, требуя коренныхъ мѣръ къ упроченію порядка и спокойствія въ Западныхъ губерніяхъ, такъ характеризуетъ нынѣшнія мѣры: „Вся сила вопроса заключается въ томъ, чтобы одною справедливою общею мѣрой упразднить необходимость прибѣгать постоянно къ мѣрамъ исключительнымъ и тяжкимъ. *Не раззореніемъ, не контрибуціями, не полицейской диктатурой, не развитіемъ чиновничества, не нарушеніемъ правъ, не стѣсненіемъ свободы, не преслѣдованіемъ людей* можно достигнуть какихъ либо благонадежныхъ результатовъ“ и проч., и вотъ важность Муравьевскихъ заслугъ, о которыхъ тѣже вѣдомости отзывались съ такими похвалами! Говоря далѣе о предположеніи Бибиковъ о Русскихъ майоратахъ, для водворенія Русского землевладѣнія, газета выражается, что „эта мѣра встрѣтила препятствія и разрѣшилась въ позорный результатъ“. Здѣсь намекается на нѣкоего Поляка, который занималъ одно изъ вліятельнѣйшихъ мѣстъ при гр. Киселевѣ. Это господинъ „Р—кій, твердо державшійся § 5 и 7 „Польскаго Катехизиса“. Ну можно-ли сказать, что вліяніе Поляковъ было сильно въ 1840-1841 годахъ? И можно-ли сравнить это вліяніе съ тѣмъ, какое мы видѣли при Валуевѣ и Рудницкомъ, вообще при Муравьевѣ, когда все было въ рукахъ Польскихъ чиновниковъ, и самая люстрація, и фермерство про-

изводились въ видахъ вызова неудовольствій въ казенныхъ крестьянахъ. При гр. Киселевѣ директорами 2-го д-та были: Клоковъ, Хелмскій, Шелеховъ и Рашевской, чистые Русские. Былъ начальникомъ отдѣленія и вице-директоромъ Крживецъ, Полякъ и съ вліяніемъ. Кто этотъ „Р—кій“, я не знаю.

Земскія учрежденія шумятъ и развиваются. Нельзя не замѣтить три стороны, свойственныя всякому молодому и нашему обществу. Это во первыхъ—чиновничья формальность, выразившаяся въ назначеніи довольно крупныхъ окладовъ и регламентациі инструкціями; во вторыхъ—фрондѣрство дворянства, которое злорадостно критикуетъ положеніе о земствѣ, дѣйствія предшествовавшей администраціи и особенно „административный произволъ“, о которомъ графъ Шуваловъ сказалъ рѣчъ, напоминающую времена рѣшительного ожесточенія партій. Какъ въ Январѣ въ Москвѣ дворяне, такъ дворяне земскіе теперь въ Петербургѣ требуютъ центрального представительства, и „это уже не встрѣчается противодѣйствіемъ“ (замѣчаетъ крѣпостническая „Вѣсть“, порѣшившая между прочимъ, что „земскія учрежденія, въ настоящемъ ихъ составѣ, окончательно раззорять Россію“). Третья сторона это—либеральническое исканіе популярности, якшательства съ крестьянами и стремленіе къ уровненію податей.

Все это не на долго. Нась ожидаютъ банкротство и большая нужда. Земство не выдержитъ издержекъ, мы годъ отъ года скучдѣемъ и государственный deficit ростеть, ростуть недоборы и пошатнулись почти всѣ частныя состоянія. Страна бѣдна для содержанія Европейскихъ порядковъ. Должны выработать свои.

Декабрь. Усиленіе преступленій все продолжается и ростеть. Преступленія совершаются дерзкія, степныя, дикія. Огражденія полицейскія недостаточны. Мнѣ кажется, пора бы приступить къ организаціи городскихъ и сельскихъ стражъ. Доселѣ вся Россія въ военномъ положеніи часто береть верхъ военная подсудность, нерѣдко исполняется смертная казнь, а преступленія все ростуть, нужда пробирается и въ достаточные слои общества. Отмѣна помѣщичьей полиціи, удешевленіе водки и ослабленіе наказаній, съ отмѣною тѣлеснаго, сдѣланы почти одновременно и разнудали народъ. Къ этому присоединяется раннее увольненіе солдатовъ и реформы гражданскихъ управлений, требовавшія перемѣнъ, личныхъ составовъ. Я воображаю, что будетъ въ старыхъ судахъ при совмѣстности ихъ съ новыми. Уже и теперь канцеляріи судебныхъ мѣстъ—жалость смотрѣть. Я, бывшій оберъ-прокуроръ 6 д-та Сената и теперь тутъ же сенаторъ, я не узнаю прежней канцеляріи. Я не узнаю и доклада и редакціи приговоровъ: такъ понизился уровень талантливости и образованія. Въ гражданскихъ, говорить, лучше; но я сомнѣваюсь:

правовѣды (изъ Училища) не идутъ, они выжидаютъ назначеній по новымъ штатамъ. Теперь формируются управлениія контроля.

Безмѣстные чиновники усиливаютъ контингентъ преступности. А все таки чувствуешь, что живется лучше, что идемъ къ лучшему и что непремѣнно будетъ лучше. Но это лучшее врагъ хорошему, и потому надобно перейти черезъ худшее, которое, какъ переходное зло, выражается въ стѣсненіяхъ обыкновеннаго и въ лишеніяхъ привычнаго.

Возстановивъ противъ себя дворянство, правительство предоставило ему трибуну для фрондѣрства и лѣца лучшихъ фамилій считаютъ долгомъ на дворянскихъ выборахъ и особенно въ земскихъ собраніяхъ первымъ долгомъ считаютъ поглумиться, покритиковать правительство и заявить желаніе или сочувствіе мысли о центральномъ представительствѣ. Правительство, оробѣвшее отъ печального исхода Крымской войны, бросилось задаривать всевозможными реформами, а напуганное дипломатическимъ походомъ 1863 г. оно обратилось къ помощи гласности общественного мнѣнія. Эти невызрѣвшія и непереварившіяся реформы и эта задористая отъ непривычки гласность привели къ такому хаосу и деморализаціи правительственныхъ органовъ, что пришлось и приходится терпѣть всякий безпорядокъ. Разстройство финансовъ приведетъ къ центральному представительству, и конституція празднуетъ канунъ своего рожденія. Общество, земля Русская чувствуетъ слабаго сѣдока; время зрѣлости, кажется, пришло, и вотъ мы получаемъ самоуправленіе. Но Боже мой, къ чему все это ведеть? Знаю, что управлениіе будетъ лучше, но оно потребуетъ невыносимыхъ для бѣдной земли расходовъ.

Представительство нужно и для нашего кредита. Не смотря на бедненежье, мы не можемъ сдѣлать займа въ чужихъ краяхъ и собираемъ крошки внутри страны. И теперь думаютъ сдѣлать внутренній заемъ: нечѣмъ пополнить deficit. Но развѣ эта нормальная мѣра?

Мы все еще не въ нормальномъ положеніи, и даже не приближаемся къ нему. Учредительный комитетъ въ Варшавѣ, генераль-губернаторы западныхъ губерній и повѣрочныя комиссіи, все это диктаторы и диктаторство, доказывающіе какъ глубоко проникло восстаніе въ этомъ краѣ, какъ мало мы тамъ сдѣлали и какъ вообще тамъ слабы Русскіе элементы и порядки. Вотъ нынѣ вышла и коренная мѣра для ихъ возвращенія тамъ: переходъ недвижимой собственности (иначе какъ по наслѣдству) Полякамъ тамъ запрещенъ. Пріобрѣтать тамъ могутъ только православные и протестанты. Какая бы ни состояла необходимость въ этой мѣрѣ, я не могу вполнѣ ее одобрить, не желая никогда, чтобы право собственности дѣлалось предметомъ административныхъ распоряженій. Западная губернія не за горами, и подобная революціонная мѣра, какъ и повѣрочныя работы, легко могутъ примѣниться и распространяться.

ниться и на губернії Русскія, особенно если извѣстная партія достигнетъ исключительного господства. Виною отчужденія этого края—дурные администраторы, назначавшіеся по военному выбору. Они ничего не сдѣлали и не могли сдѣлать ничего полезнаго въ видахъ объединенія края съ Россіей, въ видахъ распространенія Русскаго языка и Русской науки.

Я не могу опредѣлить, какія послѣдствія будуть имѣть нынѣшнія мѣры, но послѣдствія будутъ. Безнаказанно и безслѣдно ничто не дѣлается. Произволъ оправдывается минутою, а не вѣками опасности. Тутъ нужны раціональность, послѣдовательность и постоянство, за неимѣніемъ которыхъ мы выдвигаемъ произволъ и терроризмъ со всею запальчивостію газетныхъ поддачниковъ. Не подлежитъ сомнѣнію, что подобныя мѣры и общинное пользованіе землями, при обязательномъ надѣлѣ, и выкупъ едва-ли такъ легонько были придуманы и исполнены любымъ соціалистомъ на Западѣ, еслибы стоялъ во главѣ правительства.

Законъ о пріобрѣтеніи земель Поляками совершенъ не законодательнымъ порядкомъ чрезъ Государственный Совѣтъ, гдѣ онъ былъ бы не безъ оппозиціи, а составленъ въ особой комиссіи, состоявшей изъ лицъ по назначению.

Читаю я „Aus Reisetqgebüchern des Grafen Georg Kankrin“ . Записки знаменитаго министра финансовъ, писанныя имъ во время путешествій за границу въ 1840, 41 и 43 года. Онъ въ высшей степени интересны и добросовѣстно изданы, съ очеркомъ жизни, зятемъ его, граф. Кайзерлингомъ. Имя Канкрина упоминается теперь часто въ разговорахъ и газетахъ по поводу затруднительного положенія нашихъ финансовъ. „Записки“ даютъ обѣ немъ точное понятіе. Это была замѣчательная личность, обширнаго ума, солидныхъ, разнобразныхъ свѣдѣній и прекраснаго сердца. Онъ началъ изучать финансы, будучи генераль-интендантомъ, и усвоилъ науку до такой степени, что рѣшился написать теоретическое сочиненіе, которое послужило потомъ программою двадцатиодногодичнаго управлениія его финансами великой Имперіи. Заслуги его несомнѣнны. Но подъ конецъ своей карьеры престарѣлый финансистъ столкнулся съ новыми идеями, которыя массами всплыли послѣ революціи 1830 г. и буреломно гнали Европу къ 1848 году. Въ финансахъ у него, кажется, преобладали два правила:держаніе отъ займовъ и покровительство туземной промышленности. Но Записки важны и для изученія этой замѣчательной личности какъ человѣка вообще, такъ и государственного человѣка въ особенности. Онъ былъ врагъ конституцій и парламентаризма. Онъ былъ врагъ частныхъ банковъ и желѣзныхъ дорогъ. Онъ былъ врагъ института присяжныхъ и вообще уновленій радикальныхъ. Въ послѣднихъ годахъ сороколѣтія, когда доктрина вошла

въ большую силу, ему сидѣть было жутко, и онъ оставилъ постъ свой, засыпанный наградами, огромными капиталами и земельными пожалованіями и окруженный довѣріемъ и признательностю Государя, общимъ уваженiemъ и глубокою, сыновне-почтительною любовию подчиненныхъ. Замѣчательно, что съ большою нѣжностю отзыается онъ о своей женѣ, Екатеринѣ Захаровнѣ, рожд. Муравьевой, а она, съ своими Гѣцами, Пельчинскими, Жадовскими, и др. записана въ Петербургѣ совсѣмъ въ другія Записки.

Изъ Петербурга только и слышишь что о кражахъ по управлениямъ, обнаруживаемыхъ по случаю окончательного введенія единства кассъ, слышишь о пониженіи курса и о новыхъ законахъ, наградахъ и назначеніяхъ. Назначаются личности ультра-либеральныя, какъ Унковскій „бывшій губернскій предводитель“, сказано въ приказѣ, и даже личности революціонныя, какъ Огрызко, о которомъ въ сегодняшнемъ (30 Декабря) № „Московскихъ Вѣдомостей“, помѣщена статья, замѣчательная по своей откровенности. Довѣріе къ „Петербургскому“ управлению подмываетъ самыя безцеремонныя образомъ. Удивляешься, какъ подобныя явленія могли имѣть мѣсто, какъ могли быть; удивляешься еще болѣе, какъ подобныя обвиненія могутъ быть терпимы, разрисовываемы и разглашаемы. Уши вянуть. Почти вся надежда на гласность, а явленія эти совершаются посреди самой широкой гласности, и представленія обвиненія остаются неотвергнутыми и безъ всякаго возраженія.

(Продолженіе будетъ).

ИЗЪ ЗАПИСОКЪ АКАДЕМИКА Я. К. ГРОТА.

Празднованіе полутораравѣкового юбилея Императорской Академіи Наукъ въ 1876 году¹⁾.

 вадцать девятаго Декабря 1876 года, около 11-ти часовъ вечера. Сегодня отпразднованъ былъ 150-ти лѣтній юбилей Академіи Наукъ. Первымъ поводомъ къ этому было то, что прошлою весною, кажется, въ Апрѣль или еще въ Мартъ, Государь сказалъ графу Толстому, что онъ былъ на столѣтнемъ юбилеѣ Академіи (въ 1826 г.) и желаетъ также присутствовать на полуторастолѣтнемъ (тогда онъ былъ 8-ми лѣтнимъ мальчикомъ, сопровождалъ родителей и бабушку).

Это рассказалъ мнѣ Веселовскій²⁾ на похоронахъ академика Ос. Ив. Сомова, въ университетской церкви, и прибавилъ, что для приготовленія къ празднику назначается при президентѣ комиссія изъ вице-президента, непремѣнного секретаря и меня. Вскорѣ послѣ того я уѣхалъ заграницу и возвратился изъ Италіи не прежде, какъ во второй

¹⁾ Я. К. Гротъ не оставилъ подробнаго дневника или Записокъ хотя бы за одинъ изъ періодовъ своей жизни. Однако же не разъ онъ начиналъ писать дневникъ, но время не позволяло ему продолжать, и лишь въ концѣ 1870-хъ годовъ онъ сталъ правильно заносить въ самой краткой формѣ главнѣйшія события дня въ свою запасную книжку. За старое время сохранились лишь отрывочныя записи, изъ каковыхъ одна (о Карамзинскомъ юбилеѣ 1866 г.) была уже напечатана нами. (См. „Истор. Вѣстникъ“ Мартъ 1910 г.) Здѣсь печатаемъ другой отрывокъ, вызванный подобнымъ же случаемъ и живо рисующій незабвенного Монарха-Освободителя и его царственную семью въ стѣнахъ Императорской Академіи Наукъ. К. Я. Гротъ.

²⁾ Константинъ Сteinовичъ, непремѣнный секретарь Академіи Наукъ.

половинѣ Октября (20 числа). Между тѣмъ президентъ¹⁾ часто спрашивался у членовъ 2-го Отдѣленія о времени моего возвращенія. Послѣ моего пріѣзда, когда я не засталъ его дома, онъ посѣтилъ меня и объявилъ, что разсчитываетъ на мою помощь относительно рѣчи, которую онъ долженъ произнести на юбилеѣ, и поручилъ мнѣ составленіе ея. Другую рѣчу долженъ былъ приготовить непремѣнныи секретарь. Вмѣстѣ съ тѣмъ было сказано, что Государю угодно, чтобы все торжество было устроено совершенно по образцу бывшаго въ 1826 году.

Изъ печатнаго описанія тогдашняго юбилея было видно, что на немъ произнесены были три рѣчи, именно третью рѣчу приготовилъ академикъ Шторхъ (читалъ ее, по его слѣпотѣ, Коллинсъ). Слѣдовательно и теперь рѣчу третьяго оратора падала бы на меня; но, не любя напрашиваться, я не упомянулъ о томъ ни слова и удовольствовался возложеніемъ на меня порученіемъ. Надо было сговориться съ Веселовскимъ о содержаніи обѣихъ нашихъ рѣчей. Я хотѣлъ говорить о бывшихъ въ Академіи перемѣнахъ съ начала царствованія Николая Павловича; но Веселовскій пожелалъ воспользоваться этимъ сюжетомъ, а мнѣ предоставилъ личныя воспоминанія обѣимъ отношенияхъ Академіи къ особамъ царствующаго дома. Взявши за этотъ сюжетъ, я однакожъ увидѣлъ, что онъ слишкомъ бѣденъ, и рѣшился расширить его воспоминаніями о разныхъ чертахъ прошлой жизни Академіи. Въ эту рамку Веселовскій просилъ меня вставить между прочимъ и присоединеніе Россійской Академіи къ Ак. Наукъ. Я согласился. Изъ библіотеки и архива были взяты мною иѣкоторые материалы, и черезъ иѣсколько дней рѣчь была готова. Я прочелъ ее графу Литке, и онъ ее одобрилъ съ просьбою дать ее переписать какъ можно крупнѣе, разгонистѣе и притомъ совершенно черными чернилами. При чтеніи онъ однакожъ замѣтилъ, что мѣсто обѣи Отдѣленіи Русскаго языка и словесности болѣе шло бы въ рѣчь Веселовскаго, на что я отвѣтилъ, что тотъ, напротивъ, просилъ меня включить это въ рѣчу президента. Сдѣланный въ канцеляріи списокъ показался графу недовольно крупно и четко написаннымъ, и онъ возвратилъ мнѣ его при письмѣ, въ которомъ просилъ снова дать переписать его²⁾). Тутъ же были имъ означены два мѣста, по его мнѣнію лишнія, и одно изъ нихъ было именно то, которое касалось Отдѣленія Русскаго языка и словесности.

Въ послѣдніхъ числахъ Ноября у президента собралась однажды вечеромъ наша маленькая комиссія, и вмѣстѣ съ нами приглашенъ былъ министръ нар. просвѣщенія, гр. Толстой, для обсужденія всѣхъ

¹⁾ Знаменитый ученый морякъ Ф. П. Литке. П. Б.

²⁾ Письмо это приложено къ рукописи.

пунктовъ программы праздника и представлениі Государю по тѣмъ вопросамъ, которые требовали разрѣшенія, именно обѣ избраніи въ почетные члены Германскаго императора, и по вопросу: приглашать-ли на юбилей дипломатическій корпусъ, который былъ на столѣтнемъ юбилеѣ; также: нужно ли академикамъ, по прежнему, отправиться по дворцамъ депутатами для приглашениія высочайшихъ особъ, и въ кото-ромъ часу начать празднество. Тѣ два (второй и третій) сомнительныіе пункта были рѣшены отрицательно, такъ какъ нынче всѣ рѣчи въ Академіи читаются по русски, а появленіе депутатій было бы только въ тягость для приглашаемыхъ, и потому положено просто предоставить президенту лично сдѣлать приглашенія. Еще прежде, для празднства была испрошена у министра финансовъ довольно крупная сумма, болѣе 10 т. рублей; между прочимъ деньги были нужны на выбитіе юбилейной медали. Президентъ и министръ находили, что всѣмъ членамъ царской фамиліи должны быть поднесены золотыя медали, но Рейтернъ соглашался на изготавленіе такихъ медалей только Государю и Императрицѣ, а остальные члены императорскаго дома, по его мнѣнію, должны были довольствоваться серебряными. При этомъ рѣшеніи министръ финансовъ остался непоколебимъ, несмотря на вторичное представлениіе о неудобствѣ такого различія.

Рѣчь непремѣнного секретаря между тѣмъ также подвигалась. Онъ намѣревался сообщить мнѣ ее на прочтеніе, однакожъ дѣло этимъ и ограничилось: я ея не читалъ, а слышалъ только съ каѳедры. Залу усердно топили, крыльцо покрывали полотнянымъ навѣсомъ, на лѣстницѣ поставили печку и исправили на всякий случай площадки для отдыха, если понадобится, и для помѣщенія въ сторонѣ кресла, чтобы внести Императрицу, если окажется нужнымъ. Что касается до Государя, то хотя ему трудно всходить по лѣстницѣ, но предвидѣли, что онъ ни за что не согласится воспользоваться кресломъ.

Передъ юбилеемъ графъ Литке два раза обѣдалъ у ихъ величествъ: 1-ый разъ въ тотъ день, когда комиссія собиралась у него съ министромъ; тогда они оба прямо съ царскаго обѣда прїѣхали на квартиру къ первому, который жилъ тогда на Царицыномъ Лугу, противъ Лѣтняго Сада, и мнѣ случилось въ одно время съ ними взойти по лѣстницѣ. Забавно было, что хозяинъ у своей двери не могъ дозвониться; гр. Толстой и я стояли за нимъ, а онъ то и дѣло звонилъ, но напрасно, пока не сбѣгалъ лакей по другой лѣстницѣ и не заявилъ дѣма о прїѣздѣ хозяина, который между тѣмъ, узнавъ, что его давно уже ждутъ Буняковскій и Веселовскій, не могъ надивиться, что ни одинъ изъ нихъ не догадался отпереть дверь. Во второй разъ графъ обѣдалъ у Государя дня за два-за-три до юбилея, и Государь и Императрица

надѣялись быть на праздникъ. Первый условился съ президентомъ о мѣстѣ и времени представлениія ему академиковъ; онъ предполагалъ, чтобы это было, когда онъ войдетъ въ залу и подойдетъ къ мѣстамъ академиковъ по обѣ стороны каѳедры; но графъ предложилъ представить ихъ лучше передъ входомъ въ залъ, въ маленькой проходной комнатѣ, что и было одобрено. Государыня разспрашивала о лѣстницахъ и немного испугалась, узнавъ, что она довольно высокая, кромѣ наружного крыльца.

За нѣсколько дней до юбилея стало появляться въ „С.-Пб. Вѣдомостяхъ“ слѣдующее объявленіе: „Въ Среду, 29 Декабря, въ 12 $\frac{1}{2}$ часовъ, имѣть быть въ Императорской Академіи Наукъ торжественное собраніе по случаю исполнившагося стопятидесятилѣтія ея существованія. По ограниченности числа мѣсть въ большомъ конференц-залѣ Академіи, впускъ посѣтителей на это собраніе будетъ производиться не иначе, какъ по билетамъ, которые въ настоящее время уже всѣ разобраны“.

Этимъ объявленіемъ публика была очень недовольна, потому что большинство обыкновенныхъ посѣтителей нашихъ торжественныхъ собраній увидѣло невозможность попасть на этотъ разъ въ Академію. Нѣсколько человѣкъ обращалось ко мнѣ съ просьбой доставить имъ билеты, но не всѣ просьбы можно было удовлетворить, тѣмъ болѣе, что канцелярія въ раздачѣ ихъ была очень скуча, и производитель дѣлъ А. И. Сомовъ (брать умершаго академика) былъ щедръ только въ отношеніи къ своимъ знакомымъ, наприм. семейству секретаря Академіи Художествъ Исееву (родственнику гр. Литке по женѣ), даль цѣлыхъ 4 билета, а академикамъ затруднялся давать и по два, ссылаясь на начальство *). Я однако же все-таки принудилъ его послать нѣсколько билетовъ лицамъ, которыхъ рекомендовалъ, наприм. вдовѣ Плетнева, сестрѣ ея В. А. Іорданъ, бывшему инспектору училищъ Максимовичу, который 50 лѣтъ тому назадъ присутствовалъ на юбилеѣ, и нѣкоторымъ другимъ.

По этому поводу я получилъ передъ днемъ юбилея два письма. Первое отъ этого самаго Максимовича, второе отъ молодой дѣвицы, занимающейся преподаваніемъ. На первое письмо я отвѣчалъ, что мысль Максимовича предупреждена, что дѣйствительно нѣсколько лѣтъ тому назадъ способъ размѣщенія стульевъ былъ измѣненъ, но теперь на этотъ случай нашли удобнѣе восстановить старый. За отвѣтомъ на письмо Яковлевой пришелъ братъ ея, и я долженъ былъ со всевоз-

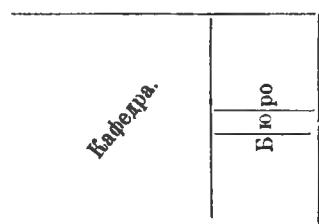
*) Тоже было и на столѣтнемъ юбилеѣ Московскаго Университета 1855 года: лица, трудившіяся надъ его исторіею, не получили билетовъ, которые раздавались щедро изъ канцеляріи попечителя учебнаго округа В. И. Назимова разнымъ офицерамъ. П. Б.

могною ласкою объявить ему, что теперь слишком поздно и ни одного билета достать нельзя.

Въ Понедѣльникъ, 27-го числа, въ Академіи былъ молебенъ по поводу предстоявшаго дня; во время службы замѣтили, что священникъ, возглашавъ вѣчную память монархамъ, пропустилъ Екатерину I, при которой Академія была открыта. Молебенъ происходилъ въ самой актовой залѣ, откуда стулья на этотъ случай были убраны. Послѣ молебна президентъ созвалъ академиковъ (чтѣ онъ въ шутку назвалъ „разводомъ“), чтобы условиться о порядкѣ представления Государю, о мѣстахъ сидѣнія, входѣ въ залъ, и т. п. Всѣмъ академикамъ розданы были листки, на которыхъ были означены мѣста каждого изъ нихъ. Мой экземпляръ листка здѣсь прилагается.

30. Золотаревъ.
29. Гадолинъ.
28. Шмидтъ.
27. Штраухъ.
26. Безобразовъ.
25. Желѣзновъ.
24. Шифнеръ.
23. Кунинъ.

15. Зининъ.
14. Шренкъ.
13. Овсянниковъ.
12. Найдѣкъ.
11. Струве.
10. Видеманъ.
9. Чебышевъ.
8. Гротъ.

Мѣста Царской фамилии.

22. Сухомлиновъ.
21. Бутлеровъ.
20. Максимовичъ.
19. Венгѣдъ.
18. Быковъ.
17. Савичъ.
16. Кокшаровъ.

7. Макарій.
6. Срезневскіе.
5. Дорна.
4. Стефана.
3. Гельмерсена.
2. Вроси.
1. Брандтъ.

29-го числа въ Академію начали съѣзжаться уже въ 11-ть часовъ. Я съ женой, старшой дочерью (16-тилѣтней Натальей) и В. А. Йорданъ пріѣхали въ одной каретѣ въ началѣ 12-таго и вышли со стороны двора, гдѣ настѣ уже ждали два сына, которые, не имѣя билетовъ, должны были войти одновременно со мной и довольствоваться тѣмъ, что могли гдѣ-нибудь приткнуться за послѣднимъ рядомъ стульевъ. Я посадилъ своихъ дамъ въ 6-мъ или 7-мъ ряду вопреки г. Сомову, который назначилъ дамамъ самые задніе ряды, приберегая передніе для придворныхъ и другихъ высокопоставленныхъ лицъ. Я основывался на томъ, что наканунѣ самъ президентъ показалъ мнѣ мѣстѣ, гдѣ могутъ располагаться городскія и академическія дамы. Скоро зала начала мало по малу наполняться. Билеты отбирались наверху бухгалтеромъ Яковлевымъ; были смѣльчаки, которые съ задняго хода явились безъ билетовъ и преспокойно расположились въ концѣ залы. Академики оставались передъ залою въ проходной комнатѣ, но должны были расположиться двумя рядами: одинъ направо отъ входа изъ сѣней, составляли члены I-го Отдѣленія, а другой—члены II-го и III-го Отдѣленій. Послѣ пріѣзда президента и министра стали съѣзжаться и великие князья: два Лейхтенбергскія, Ольденбургскій, Владимиръ Александровичъ съ супругой, Константинъ Николаевичъ, Александра Петровна и Евгenia Maximiliana. Президентъ съ вице-президентомъ и непремѣннымъ секретаремъ, а также и министръ нар. просвѣщенія ждали на лѣстницѣ.

Наконецъ намъ объявили, что Государь пріѣхалъ. Онъ вошелъ, ведя Императрицу подъ руку, а за нимъ шелъ Наслѣдникъ съ Цесаревной и старшимъ 8-ми лѣтнимъ сыномъ Николаемъ Александровичемъ. По установленному порядку началось отъ двери направо представление академиковъ. Президентъ называлъ каждого по имени, и Государь дѣлалъ легкій поклонъ, не вступая однakoжъ въ разговоръ. Дошедши до меня¹⁾, онъ самъ произнесъ мое имя и тотчасъ же, оборотясь къ Императрицѣ, бывшей еще близъ входныхъ дверей, сказалъ ей: „Ma chère, voilà Grot“²⁾. Ея величество подошла ко мнѣ и милостиво разговаривала все время, пока еще продолжалось представление другихъ академиковъ. „Какъ давно я васъ не видала; но, несмотря на то, я очень часто вспоминаю о васъ, и мы помнимъ все, что вы сдѣлали. Вы совсѣмъ не перемѣнились, вы все тотъ же, какимъ были тогда, и это несмотря на беспрестанныя ваши занятія. Я первый разъ въ Ака-

¹⁾ Я стоялъ съ другого конца комнаты по лѣвой сторонѣ, 3-имъ послѣ архіепископа Макарія и Срезневского; далѣе слѣдовали Бычковъ и Сухомлиновъ.

²⁾ Это была первая моя встреча съ Императрицей послѣ того, какъ я покинулъ августѣвшихъ питомцевъ.

демії; много разъ сбиралась, но никогда не удавалось; не бывала никогда и въ музеяхъ". — Я упомянуль о зоологическомъ. — „Не холодно ли тамъ?“ Я отвѣчалъ, что температура сносная, чemu доказательствомъ служить то, что еженедѣльно одинъ разъ залы наполняются публикою. „Сколько всѣхъ академиковъ?“ — Около сорока. — „Въ этой ли же залѣ (парадной) бываютъ и засѣданія?“ — Нѣтъ, въ малой конференцъ-залѣ, а тутъ только торжественные собранія".

Я забылъ упомянуть, что, при входѣ въ комнату, гдѣ нась представляли, Государь нась поздравилъ и выразилъ желаніе, чтобы Академія и впредъ продолжала свое полезное существованіе. Вотъ привѣтствіе Государя при представлениіи ему академиковъ, записанное Н. И. Кокшаровыми:

„Поздравляю васъ, господа съ дорогимъ для васъ праздникомъ, 150-тилѣтнимъ юбилеемъ. Желаю Академіи полнаго процвѣтанія. Я благодарю Бога, что Онъ сподобилъ меня быть сегодня вмѣстѣ съ вами. 50 лѣтъ тому назадъ въ этотъ день я былъ также здѣсь въ Академіи вмѣстѣ съ моей бабушкою; но тогда я былъ въ такомъ же возрастѣ, какъ этотъ молодой человѣкъ (при этомъ Государь выдвинулъ впередъ своего внука и потрепалъ его по щекѣ). И такъ, желая вамъ еще разъ всего лучшаго, я желалъ бы вмѣстѣ съ тѣмъ, чтобы и Ему Господь Богъ позволилъ, когда вы будете праздновать вашъ 200-лѣтній юбилей, находиться здѣсь вмѣстѣ съ вами, какъ я теперь“*).

По окончаніи представлениія Государь вошелъ въ залу; мы за нимъ послѣдовали и заняли свои мѣста. Въ серединѣ ряда креселъ передъ каѳедрой сѣла на лѣво Императрица, направо Государь, возлѣ него Цесаревна, а рядомъ съ нею маленький Великій Князь; возлѣ Императрицы по другую сторону Наслѣдникъ; остальные члены царской фамиліи были сзади. Маленький внукъ Государя (8-ми же лѣтъ, какъ и онъ полѣ-столѣтія тому назадъ) сидѣлъ прямо противъ меня. Я любовался миловиднымъ его личикомъ и смотрѣлъ, какъ онъ все время очень чинно потиралъ перчаточкой металлъ и кожу на своей каскѣ. Цесаревна часто съ улыбкою на него посматривала, а иногда взглядала и на меня. Государь часто обращалъ свои взоры въ разныя стороны, какъ-бы отыскивая между академиками знакомыя лица.

Графъ Литке началъ чтеніе рѣчи только-что всѣ услышись, но читалъ вообще довольно слабымъ голосомъ, только иногда возвышая его и довольно часто запинаясь и дѣлая ошибки, напр. онъ не разъ употреблялъ единственное число вмѣсто множественного и наоборотъ, говорилъ Академія вмѣсто академики; сказалъ разъ Николай Александ-

*) Приписано 12 Сентября 1882 г. съ подлинной записи Кокшарова,

ровичъ вмѣсто Николай Павловичъ, а въ концѣ вмѣсто „послѣ этого краткаго обзора минувшихъ судебъ Академіи“, прочелъ: „послѣ этого краткаго обзора литературныхъ судебъ Академіи“. Странно, что онъ, несмотря на свои годы и свое положеніе, оробѣлъ и все время не могъ хорошенъко оправиться. Когда онъ кончилъ, Государь обмѣнялся нѣсколькими словами съ Императрицей. Потомъ сталъ читать Веселовскій. Наша комиссія, при самомъ началѣ своихъ совѣщаній, опредѣлила, чтобы рѣчь президента продолжалась не дольше $\frac{1}{4}$ часа, а рѣчь непр. секретаря отъ $\frac{1}{2}$ часа до $\frac{3}{4}$. Президенту хотѣлось, чтобы послѣдняя цифра составляла *minimum*, но остальные находили, что получаса довольно. Это мнѣніе получило перевѣсь. Рѣчь Веселовскаго для первыхъ рядовъ была достаточно слышна, но болѣе отдаленные ряды послѣ жаловались на невнятность его голоса. Начало ея было почти повтореніемъ окончанія моей; даже въ выраженіяхъ было сходство. Особенно остановился онъ на Пулковской обсерваторіи и на астрономическихъ трудахъ; потомъ воздалъ щедрыя похвалы Гельмерсену и еще болѣе Абиху, котораго довольно неумѣстно уподобилъ Прометею, о чемъ всѣ послѣ говорили. Послѣ рѣчи онъ упомянулъ о разданныхъ въ теченіе года преміяхъ; затѣмъ прочелъ имена вновь избранныхъ почетныхъ членовъ и корреспондентовъ. Первымъ почетнымъ членомъ былъ упомянутъ Германскій императоръ, причемъ Государь сказалъ, кажется, привѣтствіе сидѣвшему сзади Прусскому посланнику Швейницу, который былъ тутъ не какъ дипломатъ, а какъ частное лицо, приглашенное на словахъ президентомъ. Потомъ были провозглашены имена Николая и Сергія Александровичей, и всѣ члены Академіи встали, привѣтствуя новоизбранныхъ. Маленький Великій Князь, кажется, и не замѣтилъ, что это привѣтствіе адресовалось къ нему.

Потомъ читались имена частныхъ лицъ, избранныхъ въ тоже званіе. При этомъ я долженъ сказать нѣсколько словъ объ избраніи ихъ въ комиссіи. Списокъ имъ былъ предварительно составленъ Веселовскимъ по совѣщанію съ президентомъ. Въ числѣ ихъ былъ и племянникъ послѣдняго, товарицъ ministra иностр. дѣлъ Н. К. Гирсъ. При его имени я замѣтилъ въ комиссіи, что едва-ли удобно его избрать, такъ какъ онъ еще не довольно извѣстенъ и недавно занимаетъ постъ товарища; съ этимъ согласился и графъ Литке. Однакожъ рѣшено было обсудить дѣло, и именно переговорить о томъ во 2-мъ Отдѣленіи. Здѣсь Гирсъ нашелъ горячаго почитателя въ Сухомлиновѣ, который, не зная о его родствѣ съ президентомъ, сталъ восхвалять его за содѣйствіе, какое тотъ оказалъ ему, бывши посланикомъ въ Бернѣ, когда Сухомлинову нужны были рукописи Швейцара Лагарпа, наставника Александра Павловича. Отдѣленіе присоединилось къ Сухомлинову, и

рѣшено было поддержать избраніе Гирса. Менѣе удачно было другое предложеніе моихъ сочленовъ—просить президента обѣ избраній въ почетные члены Академіи Наукъ Императрицы и Цесаревны. Когда я послѣ засѣданія доложилъ обѣ этомъ Литке, онъ нашелъ это предложеніе страннымъ и даже назвалъ его глупостью, потому что ничего подобного прежде не бывало; едва-ли однажды онъ былъ правъ: не все новое негодно. Впрочемъ ему это предложеніе было особенно непріятно потому, что угрожало ему новыми хлопотами и перепискою. Кроме того онъ рѣшительно отвергъ мысль Отдѣленія избрать въ почетные члены князя Черкасскаго, назначенаго въ Болгарію для устройства тамъ поземельнаго владѣнія по минованіи условій военнаго времени. Въ комиссіи предлагалъ я избрать также ministra путей сообщенія Посыета, какъ человѣка сочувствующаго всякой ученой дѣятельности, всегда готоваго поддерживать умственный трудъ, и притомъ какъ автора морскаго сочиненія; но графъ и на это не согласился, слѣдя пристрастному мнѣнію цѣлой многочисленной партіи, нерасположенной къ Посыету, выдающей его за человѣка недальняго и мало смыслящаго въ администраціи своего министерства. За то прияты были предложенные, мною князь Лобановъ-Ростовскій, и Отдѣленіемъ—епископъ Антоній Казанскій.

Послѣ чтенія на этомъ торжественномъ собраниі, Литке сталъ раздавать лицамъ императорской фамиліи медали. Получивъ свою, Государь подошелъ къ нашему столу и сталъ разматривать разложенные тутъ документы: уставы Академіи 1747 и 1803 года. Тутъ подоспѣлъ президентъ и сталъ объяснять ихъ. Особенно интересенъ былъ собственноручно писанный по-французски черновой наказъ Екатерины II. Между тѣмъ подошла также Императрица и вступила со мной въ разговоръ обѣ этихъ документахъ. Тогда же Государь обратилъ милостивое вниманіе на Буняковскаго и Веселовскаго и спросилъ ихъ: съ какого они времени въ Академіи, представилъ Буняковскаго и Императрицѣ, а ко мнѣ подошелъ Наслѣдникъ и спросилъ, кто сочинялъ рѣчи, читанныя графомъ Литке и Веселовскимъ. Я не могъ скрыть отъ него, что составленіе первой поручено было мнѣ, тѣмъ болѣе, что и самъ президентъ не скрывалъ этого, и между прочимъ въ засѣданіи комиссіи при мнѣ сказалъ министру: „Не скрою отъ васъ, что я поручилъ это дѣло Я. К. Гроту; онъ такъ добръ, что взялся помочь моей старости“. Потомъ Наслѣдникъ спросилъ, отчего президентъ читалъ такъ дурно и во все время руки у него дрожали. Я сказалъ, что вѣроятно этому причиной слабое его зрѣніе*). Еще Государь передъ уходомъ обра-

*.) Графъ Литке ничего такъ не опасался, какъ обнаруженія своей слѣпоты; кое-какъ, продолжая читать академическія бумаги, онъ для подписанія употреблялъ такъ называемый грифъ.

тился къ Гельмерсену и также представилъ его Императрицѣ, которая все время говорила по-русски, исключая однажды разговоръ съ астрономомъ Струве, который велся по-немецки. Уходя, Государь обратился къ своему Внуку и отцу его и пожелалъ имъ черезъ 50 лѣтъ также присутствовать на слѣдующемъ юбилеѣ Академіи. Я забылъ упомянуть, что прежде удаленія отъ стола, гдѣ лежали документы, онъ обратился къ намъ, академикамъ, съ небольшою рѣчью, благодаря насть за труды, и выразилъ желаніе, чтобы мы и впредъ также трудились на пользу науки вообще и особенно науки для Россіи.

Послѣ ухода царской фамиліи къ намъ подходили многія лица: кн. Урусовъ пришелъ изъявить свою признательность за избраніе его въ почетные члены, говорилъ, что до слезъ тронутъ, и чувствуетъ, что ничѣмъ не заслужилъ такой чести. Во время провозглашенія именъ избранныхъ, князь Суворовъ трунилъ надъ мин. внутр. дѣлъ Тимашевымъ и, полагая, что онъ также избранъ, спрашивалъ его: за что, вѣдь ты ничѣмъ не заслужилъ этого, ты ничего не смыслишь въ науки! Нѣкоторые выражали сожалѣніе, что я ничего не читалъ, что чтеніе рѣчи Литке не мнѣ было поручено, и проч. Конечно, какое-нибудь чтеніе въ связи съ дѣятельностью нашего Отдѣленія, было бы желательно, но такъ какъ чтеній по отдѣленіямъ не было, а притомъ наше Отдѣленіе только 35 лѣтъ принадлежитъ къ Академіи, то можно было найти, что къ такому чтенію не было достаточнаго повода. Вотъ послѣ того какъ нашему Отдѣленію исполнится 50 лѣтъ (въ 1891 г.), оно болѣе будетъ въ правѣ заявлять о себѣ на юбилеяхъ Академіи Наукъ. Кстати замѣчу, что члены нашего Отдѣленія, особенно Сухомлиновъ, были недовольны слишкомъ бѣглой замѣткою, непремѣнного секретаря, о присоединеніи Россійской Академіи къ Академіи Наукъ, о чёмъ (въ своемъ мѣстѣ я забылъ сказать это), и Государь самъ вспомнилъ, когда ему представляли насть передъ засѣданіемъ....

Въ 5 часовъ назначенъ былъ обѣдъ по подпискѣ въ гостиницѣ Палкина (на углу Владим. и Невскаго просп.). Въ немъ участвовали многіе академики и довольно большое число постороннихъ лицъ, корреспондентовъ Академіи и др., напр., Галаховъ, Загорскій, Заблоцкій, П. П. Семеновъ, Зеленый (Сем. Ильичъ). Президентъ провозгласилъ тостъ за Государа, потомъ были тосты за президента, за вице-президента, за процвѣтаніе Ак. Наукъ (послѣдній тостъ провозгласилъ Зеленый по моему напоминанію), за непр. секретаря (академикъ Наукъ произнесъ его по латыни и назвалъ Веселовскаго *vir eloquentissimus*). Рѣчей собственно не было, если исключить маленький тостъ Савича въ честь одного изъ академиковъ и шуточную рѣчь Зеленаго—„морскую“, по его собственному выраженію,—подобную тѣмъ, какія онъ,

какъ морякъ, имѣеть обыкновеніе произносить съ маленькими измѣненіями при всѣхъ подобныхъ случаяхъ, примѣня къ обыкновеннымъ житейскимъ понятіямъ термины: пуститься въ море, поставить значки, поднять флагъ, плыть на всѣхъ парахъ, трюмъ сердца, орудія моихъ чувствъ и проч. Плата за обѣдъ, съ каждого заранѣе назначенная и собранная, была по 11 руб. Распорядителями были Сомовъ и совѣтникъ правленія Ланге, которыхъ здоровье также пиши. Еще я забыть упомянуть о прочитанной съ бумажки весьма плохой и къ счастью коротенькой рѣчи нашего, впрочемъ доброго и милаго, кассира Лаврова.

Подъ вечеръ я получилъ оть графини Блудовой, дочери бывшаго президента, которая также присутствовала на юбилеѣ, телеграмму, здѣсь прилагаемую*).

Передъ засѣданіемъ министръ Посєть позвалъ меня къ себѣ обѣдать въ этотъ день. Разумѣется, что я не могъ принять его приглашеніе. Послѣ засѣданія, когда я изъявилъ ему свое сожалѣніе о томъ, онъ мнѣ сказалъ, что между тѣмъ получиль самъ приглашеніе обѣдать у Государя и долженъ былъ послать отказъ всѣмъ приглашеннымъ.

За академическимъ обѣдомъ я сидѣль между Срезневскимъ и Бычковымъ, недалеко оть президента; тутъ же были Сухомлиновъ и Гельмерсенъ. Послѣдній между прочимъ припомнилъ стихи Майкова, экспромптъ, сказанный имъ лѣтъ десять тому назадъ на одномъ академическомъ обѣдѣ 29-го Декабря:

Академія кутить,
Въ буйствѣ силы не жалѣть;
Это ясно говоритъ,
Что она уже русѣть.

Дополненія, слышанныя послѣ юбилея.

Всѣ удивляются, что послѣ юбилея не было рескрипта Академіи; винять въ томъ и Литке, и Толстого. Вообще находять, что юбилей имѣлъ какой-то мизерный характеръ: двѣ офиціальные рѣчи, изъ которыхъ первой почти никто не слышалъ, а вторая была суха. Пустыхъ мѣсть въ залѣ было множество; пять послѣднихъ рядовъ стульевъ были почти не заняты, хотя сзади многіе стояли между стѣной и стульями; изъ за чего Сомовъ такъ скучился билетами, что даже когда мы, академики, просили ихъ у него для извѣстныхъ лицъ, онъ отвѣчалъ, что

---

*) Вотъ эта телеграмма: „Благодарю за приглашеніе и проводы по гѣстницѣ. Если сами не можете, пришлите завтра, въ Четвергъ вечеромъ, рѣчъ вашу для прочтенія. Графиня Блудова“. К. Г.

безъ начальства не смѣеть! Многіе не получившіе билетовъ, не смотря на свое домогательство, были очень недовольны, узнавъ о пустыхъ мѣстахъ. По поводу требованія билетовъ у приходящихъ рассказываютъ нѣсколько анекдотовъ. Когда пришелъ Прусскій посланникъ Швейницъ, у него Яковлевъ спросилъ билетъ. Онъ отвѣчалъ по-русски: „я приглашенъ Государемъ Императоромъ“. Сомовъ показалъ ему мѣсто въ заднихъ рядахъ; онъ замѣтилъ: „это мѣсто не для меня“.

Когда, на другой день послѣ юбилея, Литке былъ у Государя и благодарили его, Александръ Николаевичъ сказалъ, что все сошло хорошо и гладко. Литке отвѣчалъ: „все, Ваше Величество, сошло прекрасно, кромѣ рѣчи президента, которая была прочитана очень дурно“. Государь засмѣялся. Говорить, онъ сказывалъ, что со своего мѣста могъ почти читать рукопись рѣчи президента: такимъ крупнымъ почеркомъ она была переписана.

Въ засѣданіи Русскаго Отдѣленія Бычковъ замѣтилъ, что жаль, что Государя не надоумили пригласить академиковъ къ царскому столу, такъ какъ честь эта оказывается всякому гвардейскому прaporщику, когда празднуется юбилей полка. Государь, дескать, вѣрно не отказалъ бы накормить у себя какихъ-нибудь 30 академиковъ.

Сухомлиновъ рассказывалъ, что, незадолго передъ академическимъ юбилеемъ, Литке спрашивалъ, состоится ли по подпiskѣ обѣдъ, и сказалъ, что ежели не состоится, то онъ готовъ пригласить къ себѣ нѣкоторыхъ изъ академиковъ.

Бухгалтеръ Яковлевъ нѣсколько разъ выражалъ мнѣ сожалѣніе, что по случаю юбилея не было общихъ по Академіи наградъ, и рассказывалъ, что при сто-лѣтнемъ юбилѣе всѣ получили награды, что въ бумагѣ о томъ сперва исчислены были всѣ болѣе значительныя лица, а о прочихъ упомянуто, что всѣ остальные удостоиваются повышенія въ слѣдуюцій чинъ.

14 Января былъ у меня новый почетный членъ И. А. Кочубей: пріѣхалъ „въ лицѣ вашемъ поблагодарить Академію за оказанную мнѣ честь“. Онъ находитъ, что я одинъ изъ главныхъ и даже главный дѣятель Академіи и т. д...

1 Мая. Я отложилъ записать нашъ разговоръ, и дѣло осталось несдѣланымъ. Мы довольно долго разговаривали. Онъ во многомъ критиковалъ, хотя и очень гуманно, нашъ юбилей, въ чемъ именно теперь не помню. Помню только общую мысль: надо бы было посвятить на него дня три и сдѣлать его доступнымъ для всѣхъ.

Позднейшая приписка.

12 Сентября 1882 г. Вчера получилъ отъ Кокшарова записанныя имъ слова Государя на юбилеѣ Академіи и переписалъ ихъ выше, гдѣ слѣдовало. Я ходилъ къ Кокшарову, чтобы посовѣтоваться по поводу полученной мною вчера же *) поздравительной телеграммы отъ герцога Николая Максимилиановича Лейхтенбергскаго, съ которымъ онъ въ близкихъ отношеніяхъ. Разговоръ зашелъ между прочимъ объ академическомъ юбилеѣ. Кокшаровъ выражалъ удивленіе, что этотъ юбилей былъ отпразднованъ такъ сухо и мескинно, что отъ начальствующихъ лицъ зависѣло бы при этомъ случаѣ доставить всѣмъ академикамъ награды, какъ бывало прежде, и т. п. Расказывалъ, что в. к. Сергій Александровичъ, присутствовавшій на юбилеѣ, замѣтилъ ему послѣ: „Нѣть, сухо было у васъ въ Академіи. Ваши собранія (т. е. въ Минералогическомъ Обществѣ) бывають куда живѣе и интереснѣе“. При этомъ случаѣ Кокшаровъ рассказалъ еще слѣдующее. Когда въ 1869 г. пересматривались въ Госуд. Совѣтѣ сметы Академіи, и въ департаментѣ экономіи предполагалось назначить жалованіе каждому соразмѣрно съ получаемыми по другимъ должностямъ окладами, то Кокшаровъ въ частномъ разговорѣ съ предсѣдателемъ департамента экономіи В. К. Чевкинымъ объяснилъ ему, что лучше было бы, еслибы правительство поступило великодушнѣе и просто опредѣлило общее академическое жалованіе, несмотря на другія должности. Чевкинъ согласился съ этимъ, находилъ возможнымъ измѣнить первое предположеніе и выразилъ желаніе, чтобы для этого Веселовскій побывалъ у него. Кокшаровъ нарочно поѣхалъ сказать о томъ къ непремѣнному секретарю; но этотъ выслушалъ его очень холодно и отвѣчалъ, что не находить нужнымъ щѣхать къ Чевкину. Такъ дѣло и осталось въ прежнемъ видѣ.

Сообщено К. Я. Громомъ.

*) По поводу моего 50-лѣтняго юбилея.

Письмо О. И. Тютчева къ княгинѣ Е. З. Трубецкой.

Княгиня Елизавета Эсперовна Трубецкая нѣкогда позволила намъ сообщить читателямъ „Русскаго Архива“ стихотвореніе О. И. Тютчева, имъ написанное въ ея альбомѣ.

Ce 13 Janvier 1867.

Voici, princesse, mon humble offrande, qui témoignera au moins de mon empressement à vous obéir. Ce sont quelques rimes en russe, jusqu'à présent inédites et qui expriment une idée que je retrouve au fond de toutes les choses humaines.....

Je tenais à inscrire *du russe* dans votre album, et vous en devinerez facilement le motif.

En présence des illustrations étrangères qui ont pris possession des premières feuilles de ce livre, j'avais à coeur de rappeler les droits imprescriptibles que nous avons sur vous.

Vous comprenez, princesse, que nous y tenons.

T. T.

Среди Рима древняго сооружалось зданье:
То Неронъ воздвигаль дворецъ свой золотой.
Подъ самаго дворца гранитною пятой
Былинка съ Кесаремъ вступила въ состязанье....
„Не уступлю тебѣ, знай это, богъ земной,
И ненавистное твое я сброшу бремя“.
— Какъ! Мнѣ не уступить? Миръ гнется подо мной.
— Весь миръ тебѣ слуга, а мнѣ слугою Время“.

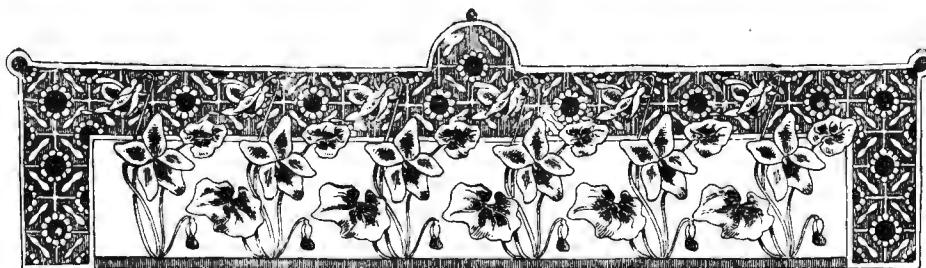
Переводъ.

13 Января 1867.

Вотъ, княгиня, мое скромное приношеніе, которое засвидѣтельствуетъ, по крайней мѣрѣ, о моей поспѣшности вамъ повиноваться. Это коротенькие стихи на Русскомъ языкѣ, еще не изданные и выражаютъ мысль, которую я усматриваю въ суетѣ всѣхъ мірскихъ дѣлъ....

Мнѣ очень хотѣлось вписать въ вашъ альбомъ что нибудь *по-русски*, и вы легко угадаете причину.

При видѣ иностранныхъ писаній, завладѣвшихъ первыми листами этой книги, мнѣ было по сердцу напомнить наши неотъемлемыя права на васъ. Вамъ понятно, княгиня, что мы дорожимъ ими. О. Т.

ДѢЛО О ВѢЛИКОУСТЮЖСКОМЪ ІЕРОМОНАХЪ ПЛАТОНЪ.

(его мощи).

Въ сводной Великоустюжской лѣтописи по Брагинскому списку¹⁾ занесено: „1819 г. Апрѣля, на Пасхѣ, въ Архангельскомъ монастырѣ, въ паперти холодной церкви, въ югозападномъ углу, на сводѣ подъ кирпичнымъ поломъ, учителемъ Вересняговымъ открыть гробъ, обитый черной шелковой матеріей съ серебряными позументами, весь нетлѣненъ, въ коемъ, по увѣренію старожиловъ, погребенъ іеромонахъ Платонъ, привезенный епископомъ Варламомъ Скамницкимъ въ 1748 г. изъ Вятки. Платонъ былъ уроженецъ Полоцкій и состоялъ учителемъ семинаріи, скончался въ 1761 г. Оный найденный гробъ, по повелѣнію начальства, того же 1819 г., 1 Ноября, былъ ночью поставленъ въ землю при Преполовенской церкви въ палатѣ²⁾). Въ 1825 г. Устюжские граждане, вмѣстѣ съ городскимъ головой В. А. Климушинымъ, ходатайствовали у Св. Синода объ освидѣтельствованіи мощей іеромонаха Платона, похороненнаго при Архангельскомъ монастырѣ.

Объ іеромонахѣ Платонѣ намъ извѣстно слѣдующее. Онъ былъ средняго роста, лицо имѣлъ чистое и привлекательное, бороду небольшую, волосы темнорусые, зрѣніе тяжелое (?), такъ что во время произношенія поученій, при поправленіі камилавки, приподнималъ вѣки и смотрѣлъ изъ-подъ руки; жизни былъ доброй, ссорт ни съ кѣмъ не заводилъ и послѣ себя никакого имѣнія не оставилъ. Онъ былъ особенно любимъ преосвященнымъ, который вмѣстѣ съ нимъ обѣдалъ и ужиналъ, давалъ ему одежду и все содержаніе. Платонъ и жилъ въ архіерейскихъ кельяхъ. Въ праздничные дни онъ всегда говорилъ изу-

¹⁾ Лѣтопись Великоустюжская. М. 1889.

²⁾ Лѣтопись, стр. 127, 130. А. Т.—Монахамъ не понравилось, что въ ихъ область зашелъ человѣкъ свѣтскій Вересняговъ. П. Б.

стныя проповѣди, а въ посты толковалъ Священное Писаніе при величайшемъ стечениі народа. Преемникомъ Варлаама, еп. Феодосіемъ, Платонъ произведенъ въ іеромонаха. Во время болѣзни, когда Платонъ уже былъ слѣпъ и глухъ, къ нему были приставлены два семинариста: Каликинъ и Ермолинъ. Онъ скончался въ 1761 г. и по желанію былъ погребенъ въ Архангельскомъ монастырѣ въ югозападномъ углу паперти холодной церкви. За литургію, въ день его похоронъ Феодосіемъ, послѣ Евангелія до Херувимской пѣсни, сдѣлалась такая темнота отъ солнечнаго затменія, что священники стояли со свѣчами.

10 Апрѣля 1819 г., въ Четвергъ на Пасхѣ, учитель Вересняговъ, проходя крытою галлереєю, соединяющею теплый Введенскій храмъ съ холоднымъ Архангельскимъ, увидѣлъ въ отверстіе пола гробъ, и слухъ объ этомъ распространился по городу. Такъ какъ извѣстно было, что тутъ погребенъ іером. Платонъ, котораго Устюжане считали святымъ и отъ котораго были даже чудеса, то монастырское начальство, для прекращенія народнаго любопытства, немедленно распорядилось перенести гробъ въ палатку при Преполовенской церкви, где почиваютъ подъ спудомъ моши преподобнаго Кипріана.

Междуди тѣмъ молва объ открытіи мощей Платона распространялась не только по городу и окрестностямъ, но и въ другихъ уѣздахъ и привлекала въ Архангельскій монастырь множество народа. Вследствіе этого въ 1822 г. Устюжскій полицмейстеръ Квашнинъ-Самаринъ, по предписанію губернскаго начальства, поручилъ частному приставу Котову произвести секретное дознаніе объ іером. Платонѣ и происходящихъ отъ гробницы его чудесахъ. По дознанію все вышеозначенное подтвердилось, и чудесныхъ исцѣленій обнаружено до 20. Тогда еще живы были въ Устюгѣ старожилы, которые помнили и знали Платона.

Событіе это, занесенное въ Устюжскую лѣтопись, заставило меня обратиться къ болѣе надежнымъ источникамъ, и дѣйствительно въ Архивѣ Св. Синода оказалось дѣло 1819 г. за № 556, которое я и постараюсь здѣсь использовать.

Начинается оно предложеніемъ Св. Синоду оберъ-прокурора кн. Мещерскаго отъ 24 Іюня 1819 г. за № 407, слѣдующаго содержанія: „Попечитель Московскаго учебнаго округа, т. с. кн. Оболенскій представилъ г. министру духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія поступившій къ нему отъ директора училищъ Вологодской губерніи г. Волоцкаго рапортъ и приложенную при томъ записку учителя Великоустюжскаго уѣзднаго училища Вереснягова, относительно изслѣдованія его, что матерія и украшеніе гроба іеромонаха Платона (умершаго, какъ показываютъ старожилы, въ 1762 году и погребеннаго въ Великоустюжскомъ Архангельскомъ монастырѣ) понынѣ остаются нетлѣн-

ными и неповрежденными. Его сиятельство князь Александръ Николаевичъ Голицынъ, препровождая ко мнѣ засвидѣтельствованные списки какъ съ рапорта директора народныхъ училищъ Вологодской губерніи г. Волоцкаго, съ слѣдующей къ тому записи, которая представлена отъ учителя Великоустюжскаго уѣзданаго училища Вереснягова. представляетъ довести о сихъ бумагахъ до свѣдѣнія Святѣйшаго Синода, что симъ честь имѣю исполнить“. Вотъ и записка Вереснягова:

„Сего 1819 г. Апрѣля 10 числа, въ Четвертоѣ Свѣтлыя недѣли, на заведенный въ квартирѣ моей женщинами (во время послѣобѣденнаго сна моего въ томъ же покоѣ) разговоръ, что будто бы въ паперти здѣшняго Архангельскаго монастыря вѣдаются подъ поломъ гробъ съ примѣсью къ тому и другихъ суевѣрныхъ пустословій. я разбудившись, побужденъ былъ симъ съ одной стороны для удостовѣренія ихъ въ невозможности быть на поверхности гробу. а съ другой и для уничтоженія таковой пустой молвы, самъ-то мѣсто осмотрѣть и чтѣ тутъ почитаютъ за гробъ. Въ слѣдѣ чего я тогда пришелъ, когда указано было мнѣ оное на правой сторонѣ въ углу подлѣ окна, увидѣлъ изъ-подъ кирпичнаго пола въ проломѣ, величиною около полутора кирпича, одинъ только лубъ, а какъ и еще нѣсколько на семъ лубѣ кирпичей лежало безъ всякой связи и удобны были къ поднятію. то пришло мнѣ на мысль осмотрѣть и подъ лубомъ, дабы видѣть, для чего онъ положенъ, какъ вдругъ къ удивленію моему дѣйствительно оказался гробъ (вѣроятно, на сводѣ нижняго этажа положенный), обитый черною шелковою, какъ казалось, матеріею и въ приличныхъ мѣстахъ посеребреннымъ, по мнѣнію моему, галуномъ. изъ коихъ первая, а равно и нитяное тканіе въ галунѣ нимало не истлѣли. отдѣлка жъ галуна свѣтла, какъ новая, вопреки того, что сырость воздуха не могла не имѣть на нихъ вліянія“.

„Чтобъ ближайше получить понятіе о причинѣ таковой невредимости, надлежало бы знать, когда именно тутъ положенъ гробъ; но и въ самомъ монастырѣ какъ тѣло, такъ и время погребенія онаго почитается неизвѣстнымъ, хотя бы и слѣдовало быть въ немъ о всѣхъ въ древности погребенныхъ тѣлахъ записямъ. Почему не оставалось при семъ случаѣ другого средства, какъ искать свѣдѣнія о томъ въ памяти престарѣлыхъ жителей города, изъ каковыхъ и нашлось достойнѣйшими вѣроятія двое: священникъ 69-ти и мѣщанинъ 75 лѣтъ, которые довольно основательно изъяснили, какъ о самомъ тѣлѣ, тутъ лежащемъ, такъ и о годѣ его погребенія“.

„Тѣло сie, по утвержденію ихъ, есть бывшаго учителя Устюжской семинарии іером. Платона, привезенного сюда преосв. епископомъ Варлаамомъ, мужа высокаго ученія, получившаго, какъ наслышанъ

быль первый, образованіе въ Академіи, но неизвѣстно въ какой именно. Тотъ же священникъ утвердительно полагаетъ время погребенія его въ 1762 году, въ тотъ самый день, въ который солнечное было затменіе съ необыкновеннымъ помраченіемъ дневного свѣта. А мѣщанинъ, яко очевидный свидѣтель погребенія сего инока самимъ преосв. епископомъ Феодосіемъ (за годъ до того прибывшимъ на епархію и на собственное иждивеніе устроившимъ и украсившимъ гробъ его) объясняетъ, что когда на литургії читаемо было Евангеліе, вдругъ послѣ солнечнаго сіянія такое въ церкви того монастыря сдѣлалось помраченіе свѣта, что даже при двухъ горѣвшихъ предъ налоемъ свѣчахъ невидно было словъ; а потому иподіаконы должны были поднести трикиріи къ самому Евангелію, какъ же скоро чтеніе онаго окончено, тотчасъ свѣтъ открылся попрежнему. Далѣе, утверждая, что тѣло его положено на томъ точно мѣстѣ, гдѣ нынѣ оказался гробъ, не согласны только показанія ихъ въ годовомъ времени погребенія, которое первый полагаетъ лѣтомъ, а послѣдній именно въ Недѣлю Вай, чтѣ будеть 31 Марта; но какъ оба они, сколько по тогдашней молодости, сколько и за давно прошедшими временемъ, удобно могли подлинное время запамятовать: то по соображенію того и другого примѣтъ проісшествіе сіе должно быть по сходству держанія и постиланія вѣтвей, едва-ли не въ Недѣлю Пятидесятницы, въ томъ году бывшей Маія 26 числа. Впрочемъ обѣ описанномъ обстоятельствѣ бывшаго здѣсь въ день погребенія солнечнаго затменія и прочие старожилы разсказываютъ съ ними согласно. Если бы дозволено было мнѣ отыскать въ помянутомъ монастырѣ подлинную запись о времени события, то для вѣрооподобнѣйшаго изъясненія причины случившагося тогда толико удивляющаго народъ помраченія солнца и свѣта, стоило бы только справку учинить въ Академіи Наукъ съ астрономическими записками или съ календаремъ на 1762 годъ (ежели гдѣ таковыи сохраненъ), было ли по сѣверной части Россіи въ тотъ самый день полное солнечное затменіе? Что жъ касается до казавшейся невредимости шелковой матеріи и галуна на гробѣ въ теченіе 57 лѣть, то сіе составляетъ, по мнѣнию моему, предметъ не-недостойный вниманія физика, наблюдателя и вмѣстѣ христіанина. Прибавленіе. Хотя я при испытаніи невредимости матеріи и галуна на гробѣ и предполагалъ немедленно донести о томъ настоятелю монастыря архимандриту, но какъ по окончаніи онаго вдругъ напавши на меня два неизвѣстные мнѣ человѣка (о коихъ я послѣ узналъ, что они штатные служители), и призванный ими казначей, превративъ толками сіе любопытство мое въ злонамѣреніе, пресѣкли къ тому возможность и произведеніемъ ими тогда шумомъ учинили многимъ, а чрезъ сихъ и всему городу, преждевре-

менно известнымъ такое нечаянное обрѣтеніе гроба со всѣми встрѣтившимися при томъ обстоятельствами: то я и не почелъ за приличное, какъ уже о произведенномъ въ известность дѣлѣ, послѣ того ему своимъ объявленіемъ повторять".

Св. Синодъ указомъ отъ 16 Июля затребовалъ отъ Вологодскаго и Устюжскаго епископа Онисифора*) объясненіе, предписавъ находящійся въ Архангельскомъ монастырѣ въ церковной паперти на поверхности между сводомъ и поломъ гробъ Платона немедленно опустить въ землю.

Преосв. Онисифоръ 30 Июля рапортомъ доносилъ Синоду, что обстоятельства, выраженные въ указѣ, ему уже известны черезъ Архангельскаго архимандрита Мисаила.

„Въ 3-мъ часу пополудни 11 Апрѣля, говорится въ рапортѣ, учитель Устюжскаго уѣзднаго училища Василій Вересняговъ, зашедъ пьяный въ церковную паперть, разломалъ въ ней на южной сторонѣ въ углу кирпичный сводъ, въ равенствѣ съ поломъ бывшій, и чрезъ сіе отверстіе сдѣлалъ видимымъ гробъ, обитый черною матеріею съ бѣлымъ мишурнымъ галуномъ, въ коемъ, по устнымъ преданіямъ старыхъ людей, погребено тѣло бывшей Устюжской семинаріи учителя іером. Платона. Двоє монастырскихъ штатныхъ служителей, пришедшіе на то время въ паперть, заставши его у того отверстія съ частію галуна въ рукахъ, съ гроба имъ снятаго, спрашивали его, для чего онъ разломалъ сводъ, но онъ, не отвѣчая имъ на вопросъ, сказалъ: „Какъ вы смѣете мнѣ говорить. Я благородный. Почему здѣсь въ паперти тѣло склонено, я долженъ освидѣтельствовать“. Въ скорости штатные служители призвали въ паперть монастырскаго казначея, предъ которымъ онъ въ поступкѣ своемъ запирался; когда жъ служители его уличать стали, то онъ, сказавъ, что лоскуть галуна поднялъ, идучи въ монастырь на дорогѣ, изъ монастыря удалился. Узнавъ о семъ, архим. Мисаиль сообщилъ о поступкѣ его тамошнему полицмейстеру, которому онъ въ пустомъ любопытствѣ своемъ письменно признался; точно такъ онъ изобразилъ происшествіе и побудительная къ тому причины въ запискѣ своей, въ указѣ Св. Синода помѣщенной. Я, получивъ отъ архимандрита донесеніе, тогда же предписалъ ему надъ означеннымъ гробомъ (вскорѣ послѣ открытія по прежнему кирпичемъ задѣланнымъ) возвысить по его мнѣнію гробницу на полъ-аршина отъ пола, дабы глубже скрыть остатки тѣла, а затѣмъ учредить въ монастырѣ ежедневный караулъ изъ штатныхъ служителей; другимъ же образомъ углубить гробъ, на палаточномъ сводѣ находящійся, не было

*) О немъ „Русскій Архивъ“ 1865 г., стр. 941.

возможности, а опустить въ землю не смѣль самъ дать предписаніе; поелику тѣла усопшихъ изъ земли вынимать и переносить на другія мѣста запрещено высочайшимъ указомъ. Да и причины къ тому никакой не имѣлъ, потому, во-первыхъ, что о прахѣ, въ помянутомъ гробѣ покоящемся, ни самъ я, бывши два раза въ Устюгѣ и останавливаясь въ означенномъ монастырѣ, не слыхалъ ни отъ кого ни набожныхъ, ни суевѣрныхъ разглашеній; ни казначей монастыря, нынѣ въ Вологодскомъ архіерейскомъ домѣ экономомъ находящійся, не свидѣтельствуетъ мнѣ о таковыхъ за всю осьмилѣтнюю бытность его въ Архангельскомъ монастырѣ. А господинъ учитель дѣжалъ опытъ, кажется, оттого только, что былъ тогда пьянъ. Во-вторыхъ, что въ той же паперти, гдѣ отысканъ имъ гробъ, находится еще два гроба, изъ коихъ въ одномъ погребено тѣло одного въ древности бывшаго Устюжскаго епископа, а въ другомъ настоятеля сего монастыря. Нынѣ же, получивъ указъ изъ Св. Синода, на другой же день, то-есть 29 числа, предписалъ я архим. Мисаилу вмѣстѣ съ братію, кои скромнѣе другихъ замѣчаются, вынувъ въ нощное время изъ свода гробъ, опустить въ землю въ монастырѣ на такомъ мѣстѣ, гдѣ не было бы примѣтно, а прежнее заложить кирпичами".

Затѣмъ 13 Декабря 1822 г. преосв. Онисифоръ вновь рапортуетъ Св. Синоду вслѣдствіе новаго донесенія Архангельскаго архим. Мисаила. Послѣдній доносилъ владыкѣ, что, по опущеніи того гроба въ землю, цѣлый годъ палатка была заперта и запечатана собственною его печатью, но впослѣдствіи времени, нѣкоторые изъ гражданъ (впрочемъ не поименовавъ никого) якобы по сновидѣніямъ, узнавъ о переносѣ въ оную тѣла іером. Платона, и сообщивъ о томъ одинъ другому, начали приходить къ той палатѣ для отпѣванія панихиды о упокоеніи іером. Платона, объявляя при томъ, что будто бы получали исцѣленіе. Въ числѣ таковыхъ первая унтер-офицера Макарова жена, коей имени въ рапортѣ архимандритъ не означилъ, семь лѣтъ отъ разслабленія бывъ больна, глуха и едва могла видѣть, въ 1821 г. по сновидѣнію обѣ іером. Платонѣ, пришедъ въ паперть Архангельской церкви и приложа свое ухо къ отверстію надъ гробомъ, получила она исцѣленіе отъ всѣхъ болѣзней. Се вторая, Устюжская мѣщанка Вѣра Воробьева, сего 1822 г. Августа 29-го, письменно ему, архимандриту, объяснилась, что дочь ея дѣвица Екатерина съ 1816 г. страдала внутреннею болѣзнию, бывъ одержима нечистымъ духомъ; 12-го и 16-го чиселъ того мѣсяца принужденно была приводима ею, Вѣрою, съ помощію родственниковъ къ раннимъ литургіямъ въ оную Преполовенскую церковь и для отправленія панихидъ о упокоеніи іером. Платона, и оттого и получила нѣсколько ослабы отъ нечистаго духа;

потомъ 21-го также отправила панихиду и, бывъ сопровождена въ домъ свой, хотя и слабая, но получила совершенное исцѣленіе, и напослѣдокъ 26-го числа по исповѣди пріобщилась Св. Тайнамъ въ полномъ чувствѣ и радости, чего не имѣла съ самаго начала болѣзни. А какъ по случаю сихъ и другихъ немалаго числа исцѣленій, описанныхъ въ поданныхъ ему, архимандриту, объясненіяхъ, каждый почти день народъ стекается къ палаткѣ для отправленія панихидъ, то и просить онъ на сіе моего позволенія.

Почему, пришявъ въ руководство изложенные на таковые случаи въ Духовномъ Регламентѣ пункты и послѣдовавшія оть Св. Синода прежнія предписанія, сего Декабря оть 11-го числа предписалъ я ему, архимандриту, въ скорости прислатъ объясненіе: во-первыхъ, почему онъ отважился означенную палатку отпереть, и когда именно, съ коего времени, народъ сталъ приходить для отпѣванія панихидъ, и по какимъ именно причинамъ, давно ли начато отправленіе панихидъ по усопшемъ іером. Платонѣ, да и гдѣ, то-есть въ Преполовенской ли церкви или въ той самой палаткѣ, гдѣ гробъ спрятанъ въ землю; почему онъ не доносилъ мнѣ въ тоже самое время, когда открылъ палатку, и для чего отважился допустить въ народѣ такое разглашеніе? Во-вторыхъ: отчего въ нынѣшнемъ рапортѣ сдѣлалъ онъ, архимандритъ, разнорѣчіе, что яко бы унтеръ-офицерша Макарова въ 1821 г. получила исцѣленіе въ паперти надъ гробомъ, какъ тотъ гробъ изъ оной паперти перенесенъ былъ въ палатку еще въ 1819 году? Въ третьихъ; почему онъ, архимандритъ, знаетъ, что въ томъ перенесенномъ изъ паперти гробъ почиваетъ прахъ іером. Платона, а не другого кого-либо, и буде точно его, то какой онъ былъ уроженецъ, чей сынъ, чему обучался, гдѣ и въ какихъ должностяхъ служилъ, когда и гдѣ въ монашество постриженъ, когда и кѣмъ посвященъ въ санъ сей, подлинно ли предъ кончиною находился въ ономъ Архангельскомъ монастырѣ и былъ учителемъ въ Устюжской семинаріи и какихъ наукъ, когда и коликуихъ лѣтъ скончался и гдѣ погребенъ, то-есть въ той ли паперти, гдѣ открыть гробъ учителемъ Вереснятовымъ или гдѣ ииѣ? Въ четвертыхъ, пѣть ли въ Архангельскомъ монастырѣ какихъ записокъ, синодиковъ и другихъ письменныхъ документовъ, служащихъ къ удостовѣренію о семъ іеромонахѣ, и буде что письменное окажется, прислатъ ко мнѣ въ подлинникахъ, также доставить ко мнѣ съ первою почтою всѣ поданныя ему, архимандриту, письменныя объясненія, яко бы отъ получившихъ исцѣленія отъ оного гроба. Все сіе приказано учинить ему, архимандриту, секретнымъ образомъ, а палатку, гдѣ скрыть въ землю гробъ сей, тотчасъ снова запереть и запечатать. Разнесшійся обѣ іером. Платонѣ слухъ велѣно ему всевозможнно пресѣкать, строго

наблюдая о томъ не только надъ братією, но и надъ служителями, а отправлениe панихидъ надъ неизвѣстнымъ прахомъ въ пресбѣченіе народной молвы воспрещено ему, архимандриту, подъ опасеніемъ строжайшаго сужденія.

10 Февраля 1823 года преосв. Онисифоръ доносить Св. Синоду, что 3-го Января онъ получилъ отъ архимандрита на сдѣланное предписаніе слѣдующіе отвѣты.

1-е. Что палатку, гдѣ гробъ іером. Платона по вынятіи изъ съдовъ паперти Архангельской церкви опущенъ въ землю, осмѣлился онъ, архимандритъ, отпереть потому якобы, что о запираніи и печатаніи предписанія ему не было; а какъ она палатка была завалена землею, щебнемъ и известкою, то отпереть двери допустиль будто бы для очищенія ея и потомъ для храненія въ ней какихъ-то вещей, не именуя впрочемъ оныхъ. Но казначей того монастыря іером. Иеронимъ, не спросясь его, архимандрита, поставилъ въ оной палаткѣ святых иконы, а предъ ними повѣсили и лампаду; на могилѣ же, гдѣ скрыть гробъ, положилъ доску и прикрылъ ее пеленою, а тѣмъ самыемъ и обнаружилъ секретъ, и хоть онъ, архимандритъ, доску съ могилы и снималъ, но она паки положена на тоже мѣсто. Палатка отперта еще Октября 25 дня 1820 г., и народъ сталъ собираться для отпѣванія панихидъ по причинѣ исцѣленія дочери Устюжскаго мѣщанина Дмитрія Воробьева Екатерины отъ болѣзни, также и другихъ, получившихъ исцѣленіе; но съ коего именно времени началось отправлениe панихидъ, о томъ онъ, архимандритъ, не объяснилъ; а далѣе пишетъ, что отправлениe панихидъ происходило 1822 г. въ Сентябрѣ болѣе, а въ Іюлѣ и Августѣ менѣе, а прежде того и на старомъ мѣстѣ, т. е. въ южномъ углу паперти Архангельской церкви, гдѣ закладена была именуемая имъ гробница Платона, по просьбѣ нѣкоторыхъ людей панихиды отпѣваемы были же. Всѣ панихиды исправляемы были казначеемъ Иеронимомъ и іером. Досиоемъ; но сколько разъ и гдѣ, т. е. въ Преполовенской ли церкви или въ палаткѣ, о томъ будто бы онъ, архимандритъ, знать не можетъ, потому что оныхъ самъ не отправлялъ и сказанныхъ іеромонаховъ Иеронима и Досиоа къ тому не назначалъ, а казначей съ братією ему объяснились, что въ теченіе двухъ годовъ какъ на мѣстѣ обрѣтенія гроба, такъ въ Преполовенской церкви и въ самой палаткѣ, по просьбамъ приходящихъ людей, отправлено не менѣе трехсотъ панихидъ. Объ открытии палатки не рапортовалъ мнѣ по непредвидѣнію послѣствій, ибо палатка по отпертіи оставалась съ годъ времени пустою, и никто въ нее изъ постороннихъ людей не входилъ. Въ разглашеніи о переносѣ изъ паперти гроба по скрытии въ землю въ палаткѣ онъ, архимандритъ, не сознается, да будто бы

многократно подтверждалъ всей братіи и служителямъ не сказывать никому ни о имени усопшаго, ни о мѣстѣ скрытія его гроба, а полагаетъ вѣроятнымъ, что таковое разглашеніе произошло болѣе отъ сообщенія сновидѣній разныхъ людей одинъ другому, и что, по нахожденію въ монастырѣ правленія духовныхъ училищъ и кладовыхъ палатокъ, ежедневно бываетъ людей въ монастырѣ по множеству.

2-е. Что унтеръ-офицера Макарова жена Анна Федорова получила исцѣленіе, приложась къ отверстію гроба въ паперти Архангельской церкви въ 1821 г., когда уже гробъ тамъ не существовалъ; то разнорѣчіе сіе послѣдовало отъ собственнаго ея, Макаровой, показанія, и отъ того, что на старомъ мѣстѣ и послѣ перенесенія гроба въ палатку въ Архангельской паперти панихида отправляемы были.

3-е. Самъ онъ, архимандритъ, о іером. Платонѣ никакого свѣдѣнія не имѣть, а наименовалъ его въ донесеніи своеемъ ко мнѣ потому, что и прежде на указѣ консисторіи, послѣдовавшій съ резолюціей моей по предписанію Св. Синода, о скрытіи, найденного учителемъ Вересняговыемъ, гроба въ землю, рапортовалъ съ означеніемъ ему имени Платона; да и по учиненнымъ въ монастырѣ справкамъ о имени іером. Платона никакихъ письменныхъ документовъ не оказалось.

„Сіи отвѣты архимандритъ заключилъ тѣмъ, что означенная палатка, по полученіи моего предписанія, тотчасъ заперта и запечатана собственною его печатью; разнесшійся о іером. Платонѣ слухъ обѣщается онъ, архимандритъ, всевозможно прекращать и имѣть въ томъ наблюденіе надъ братіею и служителями, а о неотправлениі панихидъ надъ неизвѣстнымъ прахомъ все братство обязано подпиською. Вмѣстѣ съ тѣмъ сопроводилъ онъ, архимандритъ, ко мнѣ двѣ письменныя тетради подъ названіемъ объявлений отъ разныхъ лицъ якобы получившихъ различныя исцѣленія отъ праха усопшаго іером. Платона. Но какъ сіи его, архимандрита, объявленія, изложенныя въ двухъ тетрадяхъ, нашелъ я частію сумнительными и частію неполными, то отъ 12 числа того же Января сдѣлалъ секретное предписаніе тамошняго Успенскаго собора протоіерею первоприсутствующему Духовнаго Правленія и Устюжскихъ училищъ ректору Иоанну Жаворонкову, чтобы онъ, тайнымъ образомъ, освидѣтельствовалъ палатку и узнавъ обо всемъ, донесъ мнѣ обстоятельно, а отъ архимандрита и казначея отобравъ полныя объясненія, доставилъ ко мнѣ, при чёмъ отправилъ къ нему казначейныя двѣ тетради съ предписаніемъ по исполненіи возвратить ихъ.

А нынѣ онъ, протоіерей, доносить мнѣ слѣдующее. Означенная палатка примыкается съ сѣверной стороны къ Преполовенской церкви и складена для того, чтобы можно было изъ нея топить печь въ означенной церкви, не входя въ оную. Грѣба, опущенную въ землю, сто-

роннему человѣку безъ указанія замѣтить нельзя, ибо ни возвышенія надъ онѣмъ, ни пелены, ни надписанія на самомъ полу, кои бы могли показывать сокрытый тутъ гробъ, онъ, протоіерей, не нашелъ. Архимандритъ же показалъ ему между иконами, тутъ находящимися, одну изъ стариннаго церковнаго иконостаса деревянную пономарскую дверь, у коей съ лица вверху написанъ образъ Христа Спасителя съ предстоящими ангелами, а внизу св. Харлампія и св. Власія Севастійскаго, на задней же сторонѣ изображеніе Св. Креста. Дверь сія по объявленію архимандрита лежала нѣсколько времени, когда палатка не была запечатана, на полу вмѣсто доски надъ самыи тѣмъ мѣстомъ, где опущенъ въ землю гробъ, бывъ оборочена крестомъ къ верху, а на ней была и пелена безъ всякой впрочемъ надписи; но онъ, протоіерей, уже сей двери въ такомъ положеніи не нашелъ, а пелены и вовсе нѣть. Поль въ палаткѣ изъ каменной плиты ровный, а оконъ въ ней два. Иконъ въ палаткѣ, кромѣ означенной двери, бывшей нѣсколько времени вмѣсто надгробной доски, оказалось: на срединѣ стѣны восточной Богоматери Казанской въ кіотѣ за стекломъ съ мѣднымъ посеребреннымъ вѣнцомъ, и предъ нимъ новая мѣдная жъ посеребренная лампада и масленникъ; по сторонамъ сего образа еще два: первый Апостоловъ Павла и Іакова, а другой Апостоловъ Петра и Іоанна; на южной стѣнѣ Прокопія и Іоанна, Устюжскихъ чудотворцевъ, въ рамкахъ, на коемъ у Спасителя вѣнецъ серебряный съ позолотой, а у сѣверной стѣны образъ преподобнаго Варлаама и Іоасафа, царевича Индійскихъ. Всѣ сіи образа и съ понамарскою дверью вынесъ онъ, протоіерей, изъ палатки, вмѣстѣ съ лампадою и масленникомъ, въ монастырскую ризницу, а потомъ палатка заперта внутреннимъ замкомъ, запечатана настоятельскою и его протоіерейскою именными печатями и заложена досками, при чемъ, возврата помянутыя двѣ тетради, прислалъ и вы требованныя имъ отъ архим. Мисаила и казначея Іеронима объясненія, въ коихъ они написали.

Первый. Кто онъя тетради писалъ, якобы онъ не знаетъ, а представилъ ихъ къ нему казначею: первую 15 Сентября, а вторую якобы 28 Декабря 1822 г. (какъ напротивъ того рукою его, архимандрита, помѣчена сія послѣдняя тетрадь 25 числомъ Декабря) при рапортахъ съ изъясненіемъ; въ первомъ, что по отправленіи панихидъ о упокоеніи іером. разнаго званія люди пересказывали ему, казначею, при братіи свои сновидѣнія и исцѣленія, получаемыя за молитвами іером. Платона, а онъ, казначей, таковыя показанія записывалъ въ тетрадь, въ чёмъ самъ онъ, архимандритъ, не участвовалъ; а какъ онъ, архимандритъ, въ первой тетради подъ нѣкоторыми статьями не нашелъ самихъ объявителей, то и отдавалъ ее казначею для утвержденія руко-

прикладствомъ. Испытание же дѣвицы Екатерины Воробьевой утверждаетъ онъ, архимандритъ, за истину, ибо въ томъ удостовѣрили его родители ея, мѣщанинъ Дмитрій Воробьевъ, жена его Вѣра Иванова, родственникъ ихъ Устюжскій мѣщанинъ Григорій Захаровъ и другіе многіе, и что оная дѣвица по испытанию каждодневно ходить въ монастырь къ літургіямъ и почти на каждомъ пѣніи бываетъ въ здравомъ положеніи; прочихъ же испытаний, описанныхъ въ оныхъ тетрадяхъ, утверждать истинными, онъ, архимандритъ, опасается потому, что самъ не видалъ, и только слышалъ отъ другихъ, не все справедливо иногда говорящихъ.

Второй. Что разглашеніе о іером. Платонѣ онъ не дѣлалъ, а послѣдовало оное еще въ 1819 г. до поступленія его въ сей монастырь, когда былъ раскрыть гробъ его. Палатку иконами украсилъ по поводу самого настоятеля, поставившаго сперва въ оную портретъ архим. Боголѣпа, а послѣ и запрестольный крестъ, и потому, взирая на начальника, для большаго украшенія поставилъ онъ, казначей, тутъ иконы, въ чемъ настоятель ему не только не возбранялъ, но еще въ томъ его одобрялъ; лампаду повѣсили вмѣстѣ съ братію по желанію принесшаго ее богомольца, коего не упомнить, а масленникъ повѣщенъ не въ бытность его. На могилу, гдѣ скрыть гробъ, пономарская дверь на короткое время положена была іеродіакономъ Иракліемъ, а пелены на оную клалъ онъ, казначей, по просьбѣ принесшихъ оныя въ похороненіе, которая нынѣ хранятся въ ризницѣ. Все сіе дѣлалъ хотя не по приказанію настоятеля, но и не безъ его однакожъ согласія, ибо все то онъ, настоятель, видѣлъ и воспрещенія не чинилъ. Панихиды по усопшемъ іером. Платонѣ начались отправляться еще до прибытія его, казначея, въ сей монастырь, по желанію богомольцевъ, а по какому поводу, про то будто бы онъ не знаетъ, каковыхъ, начиная съ 1819 по конецъ 1822 г., отправлено не менѣе 500, то въ паперти Архангельской церкви, гдѣ открыть гробъ, то въ Преполовенской церкви и въ самой палаткѣ, которая и отправляла вся братія не только съ вѣдома настоятеля, но даже по письменному его приказанію завести для того чреду. Угодникомъ Божіимъ и чудотворцемъ іером. Платона онъ, казначей, рѣшительно назвать не смѣеть, яко не свидѣтельствованаго, а вѣдаетъ о немъ только то, что рассказывали ему сторонніе люди по своимъ сновидѣніямъ и испытаніямъ, кои въ тетрадяхъ записаны. Приходящимъ богомольцамъ песокъ раздавалъ и съ онаго болящихъ поилъ водою, также давалъ и масло изъ лампады по желанію и просьбѣ каждого, что дѣлала и вся братія съ вѣдома настоятеля, который по оному іеромонахѣ въ палаткѣ по просьбѣ приходящихъ панихидъ хотя и не отправлялъ, но во всѣ вселенскія субботы выхо-

диль по немъ пять панихиды въ паперть, гдѣ гробъ его найденъ; также Октября 2 числа отправляль онъ соборнѣ панихиду въ Преполовенской церкви по трехъ усопшихъ лицахъ, въ числѣ ихъ и по іером. Платонъ. Тетради, означающія сновидѣнія и исцѣленія, составляль онъ, казначей, начерно со словъ тѣхъ самыхъ людей, кои въ оныхъ означены, по ихъ убѣдительнымъ просьбамъ, о чёмъ и вся братія знала, да и настоятель не могъ не знать, ибо нѣкоторыя и, кромѣ его, казначея, поданы были самому архимандриту лично, какъ-то о исцѣленіи дѣвицы Воробьевой; а набѣло оныя тетради отданы переписывать Устюжскому мѣщанину Андрею Тихонову, правящему въ тамошнемъ Магистратѣ секретарскую должность, или кому другому подъ его же смотрѣніемъ; отъ себя же ничего не прибавилъ, а написалъ только то, чтѣ обѣявляли богомольцы.

Изъ всего вышеписанного заключаю я, что архим. Мисайлъ, казначей и все того монастыря братство къ разглашенію о перенесенномъ изъ паперти въ палатку гробъ сами подали поводъ; ибо, по свидѣтельству протоіерея Жаворонкова, стороннему человѣку того мѣста, гдѣ гробъ скрыть въ землю, безъ указанія примѣтить было не можно; а они, вычистя изъ палатки сорь, украсили ее святыми иконами, повѣсивъ предъ ними лампаду и масленникъ; а для означенія того самаго мѣста, гдѣ скрыть гробъ, наложили понамарскую дверь вмѣсто надгробной доски съ изображеніемъ Св. Креста и накрыли пеленою, открытымъ образомъ отправляли тутъ панихиды по усопшемъ іером. Платону, чѣмъ самымъ огласивъ тотъ гробъ, привлекли богомольцевъ, а раздачею песка, изъ масленника масла, усилили прославленіе и яко бы чудотвореніе іером. Платона, въ особенности между простымъ народомъ, весьма склоннымъ вѣрить рассказываемъ сновидѣніямъ и чудесамъ, хотя и безъ довольныхъ доказательствъ. Впрочемъ и сами они, архимандритъ и казначей, не утверждаютъ того, что въ ономъ гробѣ подлинно положено тѣло іером. Платона, о происхожденіи коего, жизни и о прочемъ никакихъ въ монастырѣ свѣдѣній не оказалось, а называютъ его именемъ Платона, примѣтно по народной молвѣ. При всемъ томъ архим. Мисайлъ, слагая разглашеніе сіе на казначея, хотя и не сознается въ ономъ, но казначей утверждаетъ, что все оное происходило не безъ вѣдома настоятеля, который для отправленія панихидъ письменно приказалъ имѣть братіи чреду, да и самъ панихиды нѣсколько разъ отправляль же. Каковому казначея показанію по всей справедливости слѣдуетъ дать вѣрность, потому наиболѣе, что настоятелю не можно не знать о происходящихъ во вѣренной ему обители происшествіяхъ, особенное вниманіе заслуживающихъ, тѣмъ паче, что оныя были публичны.

Что жъ касается до тетради, въ коихъ описаны происхожденіе и кончина іером. Платона, также разныя сновидѣнія и исцѣленія, якобы отъ гроба его бывшія, то и въ оныхъ нахожу немалое сумнѣніе и въ особенности въ объявленіяхъ мѣщанки Степаниды Самойловой, женки Анны Федоровой Марковой, мѣщанки Анны Калиновскихъ, крестьянина Федора Созоновскихъ, мѣщанскихъ женокъ Федоры Тетериной и Александры Гостевой; напаче жъ подвержено большему сумнѣнію объявление того монастыря іером. Діонисія Тушева потому, что онъ въ сей монастырь изъ Николаева Коряжемскаго переведенъ за пьянство, буйство и другіе дурные поступки для исправленія его нравственности. О исцѣленіи же мѣщанской дочери Екатерины Воробьевой хотя и много написано въ объявленіи, да и архимандритъ утверждаетъ за истину, но въ послѣднемъ своемъ объясненіи самъ же говоритъ, что она, Екатерина, каждодневно приходя въ монастырь къ литургіямъ, почти на каждомъ пѣніи бываетъ здорова, а изъ сего слѣдуетъ заключать, что она несовершенно еще выздоровѣла.

И потому я, на основаніи Духовнаго Регламента и указовъ Св. Синода 1737 Ноября 25 и 1772 г. Ноября 23 число, не найдя довольныхъ причинъ изъ объявленій разныхъ сновидѣній къ изслѣдованію о святости и чудотвореніи погребеннаго въ опущенномъ въ землю гробѣ въ означенной палатѣ тѣла якобы іером. Платона, архим. Мисайлу за разглашеніе сіе и попущеніе къ тому казначея съ братіею, также и за непризнаніе въ томъ, во уваженіе долговременной и беспорядочной его службы, сдѣлалъ только строгій выговоръ; а казначею Іерониму, который въ томъ разглашеніи и прославленіи болѣе участвовалъ и былъ первый того зачинщикъ, запретилъ священнослуженіе на три мѣсяца и велѣлъ исправлять ему клиросную должность, съ подтвержденіемъ обоимъ имъ быть впредъ въ подобныхъ случаяхъ осторожными и, чтѣ подвержено сомнѣнію, того за истину не разглашать.

12 Апрѣля 1824 года Устюжане обратились къ преосв. Онисифору съ такимъ прошеніемъ.

Простите нась, владыка святый, что осмѣливаемся отвлечь ваше преосвященство отъ вашихъ занятій, но мы боимся умахчивать дѣла Божія. Бывшая въ разслабленіи со сведенными ногами и правой рукой здѣшняго уѣзда крестьянская дѣвица Анна Софонова дочь Пластинина, лежавшая 14 лѣтъ безъ движенія на одномъ боку, минувшаго Іюля въ 20 д. во время божественной литургіи въ домѣ своемъ заснувъ легкимъ сномъ, видѣла во снѣ пришедшаго къ ней въ горницу монаха, который, положа предъ иконами три земныхъ поклона, благословя ее три раза, на спросъ ея сказалъ: „Я Платонъ, Архангельскаго монастыря іеромонахъ; ты-де ко мнѣ не можешь прийти, такъ я пришелъ къ

тебѣ; пора тебѣ вставать⁴. Отчего испугавшись она проснулась, закричала, видѣла наяву уже выходящаго изъ дверей ея горницы монаха въ мантіи и вдругъ сѣла, чего прежде не могла она сдѣлать, ибо ноги ея развелись, и правой рукой она стала креститься, и нынѣ находится въ семъ же положеніи. Мы, видя, что ваше преосвященство, должно думать, не извѣщены о семъ событиї, долгомъ поставили довести оное до свѣдѣнія вашего преосвященства. Повелите, преосвященнѣйший владыка, настоятелю монастыря или кому заблагоразсудите, какъ о семъ событиї, такъ и многихъ бывшихъ послѣ уже преждепроизводимой въ монастырѣ записки о исцѣленіяхъ, равно и впредъ открыться могу-щихъ, развѣдать удостовѣрительно и потомъ довести до свѣдѣнія Св. Синода.

По полученіи этого прошенія преосвященный 23 Сентября 1824 г. рапортовалъ Св. Синоду:

Въ прошломъ 1823 г. Іюня отъ 28 Июля отъ 4 числь доносилъ я Св. Синоду во-первыхъ о появившейся въ городѣ Устюгѣ разслабленной дѣвицѣ, о имени коєя тогда еще было не извѣстно, и что простой народъ якобы носить ее на одрѣ къ градскимъ церквамъ и цѣлуетъ ей руку; а во-вторыхъ, что сія разслабленная Устюжскаго уѣзда деревни Яишникова крестьянская дочь Анна Софонова Пласти-ниныхъ, находясь въ совершенномъ разслабленіи и не вставая съ постели нѣсколько лѣтъ, была принесена въ Устюгъ помолиться и потомъ отбыла въ домъ свой, не производя ни малѣйшаго соблазна; а сего Сентября 17 числа получилъ я отношеніе за подписаніемъ Устюжскаго полицмейстера Квашнина-Самарина, 11-ти чиновниковъ, тамошняго городского главы Климушина и 15-ти человѣкъ купцовъ и мѣщанъ, увѣряющихъ, что дѣвица Пластинина, бывъ въ разслабленіи со сведенными ногами и правою рукою 14-ть лѣтъ, лежала безъ дви-женія на одномъ боку, но въ 20 день минувшаго Іюля, во время боже-ственной литургіи, въ домѣ своемъ, заснувъ легко, видѣла во снѣ пришедшаго къ ней въ горницу монаха, который, сдѣлавъ предъ ико-нами три великихъ поклона, благословилъ ее трижды и на спросъ ея сказалъ: „Я Платонъ, Архангельскаго монастыря іеромонахъ. Ты ко мнѣ не можешь прийти, такъ я пришелъ къ тебѣ, пора тебѣ вставать“. Отчего испугавшись она проснулась, закричала, видѣла наяву уже выходящаго изъ дверей ея горницы монаха въ мантіи и вдругъ сѣла, чего прежде сдѣлать не могла, ибо ноги ея развелись и правою рукой стала креститься, въ какомъ и нынѣ она находится положеніи. И потому просять какъ о семъ событиї, такъ и многихъ бывшихъ послѣ производимой въ Устюжскомъ Архангельскомъ монастырѣ записки исцѣленіяхъ, равно и впредъ открыться могущихъ, приказать кому

следует разведать и потомъ донести Св. Синоду. А какъ объ отправленіи въ означенному Архангельскомъ монастырѣ панихида надъ гробомъ вышеозначенаго іером. Платона, сперва стоявшемъ въ церковной паперти и потомъ опущенному по указу Св. Синода въ землю въ церковной палаткѣ, и по поводу разглашенній о происходящихъ якобы отъ онаго гроба исцѣленіяхъ, описанныхъ въ двухъ тетрадяхъ, обстоятельно доносилъ я Св. Синоду съ приложеніемъ оныхъ тетрадей и въ разрѣшеніе отъ 27 Августа того жъ 1823 г. получилъ указъ о дозволеніи отправлять панихиды о іером. Платонѣ по просьбѣ желающихъ, но токмо въ церкви, а не въ палаткѣ, то и къ изслѣдованію якобы о случившемся съ дѣвицею Пластиною исцѣленіи самъ собою приступить не осмѣливаюсь. Но поелику удостовѣреніе о семъ событии означенныхъ двадцати восьми человѣкъ заслуживаетъ особенное о іером. Платонѣ вниманіе тѣмъ паче, что въ городѣ Устюгѣ и окрестностяхъ его многіе почитаютъ его чудотворцемъ: для того, представляя о семъ въ главное благоразсмотрѣніе Св. Синода и прилагая при семъ съ полученнаго мною отношенія списокъ, всепокорнѣйше прошу въ разрѣшеніе указа, приступать ли къ подробному открытію истины какъ о самомъ іером. Платонѣ, такъ и о происходящихъ отъ гроба его различныхъ исцѣленіяхъ, или оставить сіе до дальнѣйшихъ откровеній.

Затѣмъ 8 Октября преосвященный доносилъ Синоду.

Его превосходительство, г. губернаторъ Архангельскій, Вологодскій и Олонецкій, Степанъ Ивановичъ Минацкій сопроводилъ ко мнѣ доставленное къ нему отъ помянутаго полицмейстера Самарина слѣдствіе, произведенное безъ вѣдома духовнаго правительства, по одному его предписанію, тамошнимъ частнымъ приставомъ Котовымъ, какъ о прежней дѣвицы Пластиної болѣзни, такъ и о полученномъ ею исцѣленіи, которое слѣдствіе въ подлинникѣ на 40 листахъ представляю при семъ на благоразсмотрѣніе Св. Синода съ таковымъ донесеніемъ, что о сихъ чудотвореніяхъ іером. Платона и здѣсь носится слухъ. Но какъ отъ тамошняго духовнаго начальства не бывало ко мнѣ никакихъ донесеній, то и не могу я объ оныхъ совершенно удостовѣрить.

Между тѣмъ Устюжские граждане совмѣстно съ городскимъ головою Василіемъ Андреевичемъ Климушиномъ обратились къ князю А. Н. Голицыну съ письмомъ такого рода.

Сіятельнѣйший князь, милостивый государь! Всѣмъ известныя примѣрныя христіанскія добродѣтели, истинная справедливость вашего сіятельства и вездѣ щедро разливаемыя милости даютъ намъ смѣлость, среди многотрудныхъ государственныхъ дѣлъ и заботъ вашихъ, прибѣгнуть къ вашему сіятельству и преданнѣйше просить отъ лица всего

Велико-Устюжского градского общества вашей помощи и милостиваго содѣйствія.

Въ прошломъ 1819 г. въ Апрѣлѣ мѣсяцѣ на Святой недѣли промысломъ Божіимъ обрѣтенъ нетлѣнныи гробъ съ таковыимъ же тѣломъ преподобнаго іеромонаха Платона въ югозападномъ углу паперти лѣтней церкви Архангела Михаила въ мужскомъ монастырѣ. Того жъ года въ Октябрѣ мѣсяцѣ по указу Св. Синода съ должною почестію того монастыря настоятелемъ архим. Мисаиломъ съ братію секретно въ вечеру перенесъ оный въ изготовленную могилу въ пустой палаткѣ при Преполовенской церкви, чтѣ составляло на полтора года тайну, и была оная заперта и запечатана, но по опредѣленію Господню чрезъ явившіяся чудеса стало оное гласно, и приходящіе съ вѣрою во оную (какъ послѣ событія оныхъ былъ уже свободный входъ въ ту палатку и отправленіе панихидъ на могилѣ его) получали и получаютъ исцѣленіе. Въ 1822 г., по неосновательномъ распоряженіи съ большими упущеніемъ важнѣйшихъ причинъ къ прославленію угодника, отъ мѣстной духовной власти входъ въ означенную палатку и отправленіе панихидъ были вовсе запрещены, даже, къ душевному прискорбію, было и имя сего преподобнаго изглажено изъ памяти, и едва-ли обыкновенное на проскомидіи поминовеніе о упокоеніи души его не было строго воспрещено, а палатка съ презрѣніемъ опять затворена, запечатана, заколочена досками и завалена дровами къ сокрытию его, а наконецъ и записка бываемыхъ чудесъ вовсе остановлена. Но благодать Божія и по сіе время не оставляетъ святого сего мѣста, ниссылая къ обращенію нашему разныя чудотворенія какъ отъ мѣста, гдѣ обрѣтено тѣло его, а равно и отъ земли, взятой прежде съ могилы его, и даже дровъ, у которыхъ съ вѣрою покланяются усердствующіе нетлѣнному тѣлу преподобнаго Платона, вторично погребенному за оними въ означенной палаткѣ. Прошлаго жъ 1823 г. въ Сентябрѣ мѣсяцѣ по указу Святѣйшаго Синода хотя и разрѣшено отправлять панихиды, но не на гробѣ его, и все оное дѣло, къ сердечному нашему прискорбію, осталось безъ должнаго открытія цѣльбоносныхъ его мощей, о нетлѣнности коихъ за семь дней до кончины своей того Архангельскаго монастыря добрый и всякаго вѣроятія достойный іером. Дороѳеї, 78-милѣтній старецъ, увѣрялъ, что при переносѣ мощей въ открывшемся гробѣ тѣло преподобнаго найдено нетлѣнно. Представляя нашему сіятельству съ чудесъ копіи и рисунки, пріемлемъ смѣлость преданнѣйше просить отъ всего города Устюга милостиваго нашего сіятельства распоряженія о возобновленіи богоугоднаго и справедливаго сего дѣла къ прославленію имени Господа Иисуса Христа довести до свѣдѣнія Государя Императора и испросить монаршаго соизволенія о сви-

дѣтельствованіи сихъ производящихъ чудотворенія преподобнаго Платона мощей. Съ безпредѣльною преданностю и глубочайшимъ высоко-почитаніемъ осмѣливаемся называться, сіятельнѣйшій князь, милостивый государь, вашего сіятельства всепокорнѣйшіе слуги.

(Слѣдуютъ подпisy).

Къ сему приложены два плана церкви Архангела Михаила.

Кн. А. Н. Голицынъ передалъ это письмо оберъ-прокурору кн. Менцерскому; послѣдній и внесъ 29 Апрѣля 1825 года въ Св. Синодъ предложеніе, въ которомъ сказано:

Въ прошедшемъ году жители Великоустюжскіе просили бывшаго министра довести до свѣдѣнія Государя Императора о чудотвореніяхъ іером. Платона и исходатайствовать высочайшее соизволеніе на освидѣтельствованіе оныхъ надлежащимъ образомъ. Я долгомъ поставлю предложить на благоразсмотрѣніе и заключеніе Св. Синода подлинную вышеозначенную просьбу жителей Великоустюжскихъ и препровожденное при оной описаніе чудесъ іером. Платона вмѣстѣ съ планомъ двухъ церквей и палатки, въ коей погребено тѣло его.

Это предложеніе было заслушано въ Синодѣ 11 Мая 1825 года.

По изложеніи обстоятельствъ всего дѣла и разсмотрѣніи тетради, содержащей въ себѣ до 50 чудесъ *) отъ гроба іером. Платона, Св. Синодъ постановилъ.

Какъ изъ дѣла сего явствуетъ, что таковыя описанія о происходящихъ якобы отъ гроба іером. Платона исцѣленіяхъ, каковыя приложены при вышеупомянутомъ прошеніи Устюжскихъ гражданъ, признаны уже сомнительными, къ тому жъ нѣть никакихъ удостовѣреній о томъ, подлинно ли въ означенномъ гробѣ положено тѣло іером. Платона, а называютъ его по одной народной молвѣ, почему и приступить къ изъясненію о святости и чудотвореніяхъ погребенного въ томъ гробѣ тѣла нѣть довольноыхъ причинъ: то Св. Синодъ объ ономъ прошеніи Устюжскихъ гражданъ доводить до свѣдѣнія Государя Императора никакихъ уважительныхъ основаній не находитъ. О семъ заключеніи Св. Синода уведомить его, г. синодального оберъ-прокурора, чего ради съ опредѣленіемъ сего къ оберъ-прокурорскимъ дѣламъ дать копію подлиннаго.

*

Этимъ постановленіемъ Св. Синода и заканчивается дѣло о канонизации іером. Платона. Одинъ изъ Вологодскихъ старожиловъ пере-

*) Копія съ этой тетради находится въ моемъ рукописномъ собраниі. А. Т.

давалъ мнѣ, что распространившіеся слухи о чудесахъ при гробѣ Платона дошли до свѣдѣнія императора Александра Павловича, который и вызвалъ въ Петербургъ преосв. Онисифора будто бы исключительно по поводу канонизаціи Платона.

Въ историческихъ свѣдѣніяхъ обѣ іерархахъ Вологодской епархіи Н. И. Суворова *), въ біографіи Вологодского и Устюжского епископа Онисифора Боровика, между прочимъ, напечатано: „Въ 1822 году въ концѣ Апрѣля, по высочайшему повелѣнію, преосв. Онисифортъ былъ вызванъ въ С.-Петербургъ, где и находился съ 7 Мая до половины Июня. Цѣль вызова неизвѣстна. Въ эту поѣздку онъ былъ пожалованъ отъ Государя драгоцѣнною брилліантовою панагіею, хранящуюся теперь въ ризницѣ Вологодского каѳедрального собора“. Въ „Русскомъ Архивѣ“ (1865 г. стр. 941) обѣ этой поѣздкѣ замѣчено: „Онисифортъ былъ необыкновенно духовной жизни; онъ имѣлъ какое-то видѣніе на рукѣ и за годъ или за два до прибытія Александра I въ Вологду былъ вызванъ въ Ярославль, во время посѣщенія этого города императоромъ“.

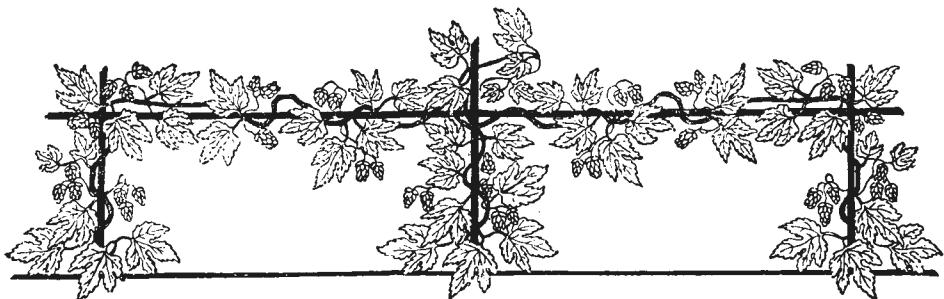
Разсказъ Вологодского старожила, быть можетъ, и заслуживаетъ вѣроятія. При извѣстной набожности Александръ I, въ виду просьбы Устюжанъ по поводу канонизаціи Платона, обращенныхъ къ его другу, кн. А. Н. Голицыну, могъ вы требовать преосв. Онисифора, который, какъ это видно изъ вышеприведенного его рапорта въ Св. Синодѣ отъ 30 Июля 1819 г., далеко не раздѣлялъ по этому дѣлу воззрѣній своей Устюжской паствы.

Ростовъ Великій, 1911 Апрѣля 15.

Андрей Титовъ.

*) Вологодскія Епарх. Вѣдомости 1865—1868 г.г.

Черкешенка для императрицы Екатерины Первой.

Донесение Дербентского коменданта Юнгера главнокомандующему на Кавказъ М. А. Матюшкину. 1725.

Высокородный и превосходительнейшій господинъ генераль-лейтенантъ, ордена Святаго Александра кавалеръ и лейбгвардій маэръ, милостивый мой государь Михайла Аѳонасьевичъ.
Покорно вашему превосходительству доношу.

Купилъ въ Дербентѣ наибъ *) у Дербенцовъ дѣвку Ясырку Черкеску съ матерью, даль за оную дѣвку триста пятьдесятъ рублевъ, и оную дѣвку онъ наибъ хотѣлъ везти въ подарки Ея Величеству Государынѣ Императрицѣ, и была оная дѣвка въ домѣ у женъ наибскихъ. И оную дѣвку отъ наибскихъ женъ подговоря увѣли, Армяне, и онъ наибъ о томъ мнѣ объявилъ, что которую-де дѣвку я купилъ въ подарки Ея Величеству Государынѣ Императрицѣ, и оная-де дѣвка ушла, а конечно-де оную дѣвку свелъ Армянинъ Яковъ Миржановъ и, хотя-де она дѣвка нынѣ и не у него, однакожъ опослѣ будетъ-де у него, и просилъ онъ наибъ, чтобъ онога Армянина Якова я приказалъ взять подъ караулъ, понеже-де онъ про ту дѣвку знаетъ конечно, а ежели-де его не возмете подъ караулы, то-де онъ Яковъ Армянинъ уйдетъ въ горы и съ дѣвкою.

И я посыпалъ подпоручику Горязина къ Армянскому епископу Мардirosу, чтобъ онъ спросилъ у Армянъ, нѣтъ-ли такой дѣвки и тово бы Армянина Якова приказать смотрить, чтобъ онъ не ушелъ. И

*) Мѣстная военно-полицейская власть.

онъ епископъ о такой дѣвкѣ будто спрашивалъ у Армянъ и будто никто ему епископу про ту дѣвку не сказывалъ; а про Якова Армянина онъ епископъ сказалъ, чтобъ я взялъ-де его къ себѣ подъ караулъ, а мнѣ-де за нимъ усмотрѣть нельзя.

Послѣ того спустя три дни, оной епископъ объявилъ мнѣ, что вышеписанную-де дѣвку нашли мои работники у меня на дворѣ въ погребѣ, гдѣ сѣчка лежитъ всыпана, и я приказалъ ему Мардirosу оную дѣвку паки отдать наизбу. И просилъ онъ епископъ, чтобъ я приказалъ взять подъ караулъ вышеписанного Армянина Якова и двухъ его Мардirosовыхъ работниковъ въ побѣгѣ оной дѣвки, и я приказалъ оныхъ троихъ Армянъ взять подъ караулъ, которыхъ приказалъ я допросить обстоятельно, кто изъ нихъ дѣвку свѣль отъ наибскихъ женъ, понеже наизъ прѣѣзжалъ и просилъ, чтобъ я о томъ приказалъ разыскать. И говорилъ же наизъ, что какъ-де мы сначала бытности здѣсь отъ Русскихъ никакой обиды себѣ не видали и пребываемъ-де въ дружелюбіи, а отъ Армянъ-де намъ житя не стало, не токмо-де, чтобъ имъ Армянѣмъ противъ обижать и меня-де самово они обижаютъ и отъ женъ моихъ дѣвку увили, поэому-де они Армяне будутъ и женъ нашихъ уводить изъ домовъ нашихъ. А мнѣ, какъ ваше превосходительство сами извѣстны. о указѣхъ Его Императорского Величества, что наизба съ людьми его раздрожить не можно и надлежить быть къ нимъ ласкову, также и Армянъ не дать ни въ малую обиду и за нихъ стоять и беречи ихъ. И отъ оныхъ случаевъ я опасенъ вашего превосходительства милостивого гнѣву, чтобъ въ такихъ ихъ непорядкахъ мнѣ въ чёмъ не отвѣтствоватъ, понеже и Армянъ мнѣ принудить къ добруму порядку нельзя, и чтобъ они были въ смиреніи между собою съ Дербенцами невозможнно, какъ нынѣ отъ самово Армянского епископа приходилъ толмачъ его Ильясъ ко мнѣ и говорилъ: ежели-де вы будете Якова нашева Армянина бить за оную дѣвку, то-де всѣ Армяни изъ Дербеня уйдутъ. Также и подполковнику Фонъ-Лукею сказалъ онъ толмачъ, и подполковникъ Фонъ-Лукей ко мнѣ пришедъ съ нимъ толмачемъ и мнѣ тѣжъ слова сказывалъ, что толмачъ говорилъ.

И по оному признаваю яко всѣ оные непорядки отъ Армянъ чинятся чрезъ самово ихъ епископа Мардirosа, и признаю, что онъ ихъ Армянъ добруму смиренію и порядочному житю не учить, токмо имъ онъ потатчикъ, и обѣ оныхъ случаяхъ какъ ваше превосходительство, милостивый мой государь, повелите? Понеже онъ самъ епископъ Мардirosъ о нѣкоторыхъ случаяхъ чнилъ доношенія, чего и не бывало, о чёмъ вамъ, милостивому моему государю

самому извѣстно. Такоже и нынѣ они чинять, что которую дѣвку наибъ, купя дорогою цѣною, хотѣлъ везти въ подарки Ея Величеству Государынѣ Императрицѣ, а они Армяне ту дѣвку подговорили, чтобы она въ Русь неѣхала и изъ наисбкова дому ее дѣвку свели и оттого опасаюсь, чтобъ въ такихъ ихъ ссорахъ не учинилось между ими какова замѣшательства. А которые Армяни допрашиваны въ сводѣ оной дѣвки отъ наиба съ двора, и оные допросы при семъ до вашего превосходительства приложены, и объ оныхъ какъ ваше превосходительство повелите?

Вашего превосходительства, милостивого моего государя покорнейший слуга

Андрей Юнгеръ.

Ноября 26-го дня 1725 году.

Къ письму приложенъ слѣдующій допросъ.

1725-го году Ноября 25-го дня господину Черкешенки.

Наиба дѣвка допрашивана.

Вопросъ: 1. Бѣжала-ль ты отъ господина наиба?

Отвѣтъ: 1. Бѣжала я отъ господина наиба.

B. 2. Къ кому ты бѣжала и не подговаривалъ-ли кто тебя бѣжать?

O. 2. Бѣжала я къ Якову Миризяну, и подговаривала меня бѣжать баба Армянка Шаглье.

B. 3. Вышепомянутая баба относила-ль отъ тебя къ нему Якову яблоко и приказывала-ли ты съ нею къ нему Якову, что онъ Яковъ о ней думаетъ?

O. 3. Посылала я съ нею яблоко и приказывала съ бабою ему Якову сказать, что онъ обо мнѣ думаетъ по ея бабинымъ словамъ, потомучто она мнѣ зачела говорить, какъ ты думаешь, сама ты вѣдаешь, что ты много у Якова Миризяна брала деньгами и платья. И я по тѣмъ словамъ и послала ее бабу къ нему Якову.

B. 4. Какъ ты послала яблоко съ вышепомянутою бабою и какъ оная баба отъ него Якова возвратилась къ тебѣ, принесла-ль тебѣ отъ него Якова яблоко и сказывала-ль тебѣ, чтобъ ты отъ господина наиба сѣжала и Яковъ хотѣлъ-ли тебя увезти?

O. 4. Какъ оная баба возвратилась, принесла ко мнѣ отъ него Якова яблоко и сказала мнѣ, чтобы я сѣжала отъ господина наиба къ нему Якову и хотѣлъ-де тебя увезти, а куда увезти хотѣлъ про то мнѣ баба не сказала и послѣ вышепомянутыхъ бабиныхъ словъ въ другой день я сѣжала.

В. 5. Сказывала-ль тебѣ оная баба отъ Якова, буде ты уйдешь, чтобы ты его смотрѣла у мечетя подлѣ квартирь господина наиба?

О. 5. Сказывала мнѣ оная баба отъ Якова: ежели-де ты уйдешь, то смотри его у мечетя близъ квартирь господина наиба.

В. 6. Какъ ты ушла къ Якову, куды тебя Яковъ ухоронилъ?

О. 6. Ушла я отъ господина наиба ночью и пришла къ Якову на дворъ сама, и Яковъ меня отвелъ на дворъ къ епископу и посадилъ меня въ анбаръ, гдѣ лежить сѣчка, и была я во ономъ анбарѣ четыре дни.

В. 7. Не вѣдалъ-ли кто про тебя изъ другихъ Армянъ или и изъ какихъ людей какъ ты сидѣла въ анбарѣ?

О. 7. Какъ я сидѣла въ анбарѣ, вѣдали про меня Армянинъ Аватикъ да конюхъ епископа Мардираза, такъ же и самъ господинъ епископъ. На другой день ввечеру приходилъ въ анбаръ и видѣлъ меня и спрашивалъ меня за чемъ-де ты пришла, и я ему сказала, что меня привелъ Армянинъ Яковъ.

В. 8. Все ли ты въ допросѣ своемъ сказала правду и не имѣешь-ли чего себѣ сверхъ сего доказать къ своему оправданію и не утаила-ль ты чего?

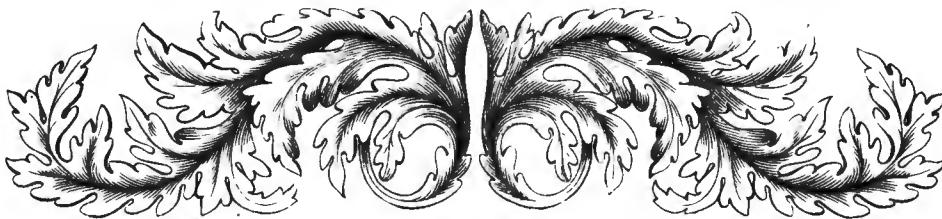
О. 8. Все я въ допросѣ своемъ сказала правду и больше сего ко оправданію и въ доказательство себѣ ничего не имѣю и ничего я не утаила.

Читалъ подьячей Иванъ Вощажниковъ.

(Извлечено изъ Московскаго Архива Министерства Иностр. Дѣль. Дѣла Персидскія. 1725. № 5).

Сообщено трафомъ П. С. Шереметевымъ.

Два анекдота о царѣ Иоаннѣ Васильевичѣ Грозномъ.

Въ библіотекѣ Кишиневской Духовной Семинаріи есть старинная Польская книга подъ заглавіемъ: „Bibliotheca Gnomico-historico-symbolico-politica“, изданная въ Варшавѣ въ 1742 г. Польскимъ Піаромъ Арнольдомъ-Казимиромъ Жеилицкимъ. Это сборникъ, въ которомъ, въ алфавитномъ порядкѣ, помѣщены темы, и по поводу ихъ изъ старинныхъ источниковъ приведены различныя мнѣнія и изреченія, какъ церковныхъ, такъ и свѣтскихъ писателей, а также примѣры и анекдоты, преимущественно изъ Польской исторіи. Сборникъ этотъ предназначали въ качествѣ пособія для ораторовъ свѣтскихъ, въ особенности же для церковныхъ проповѣдниковъ, которые, при разработкѣ той или другой темы, могли находить въ немъ обильный для себя источникъ.

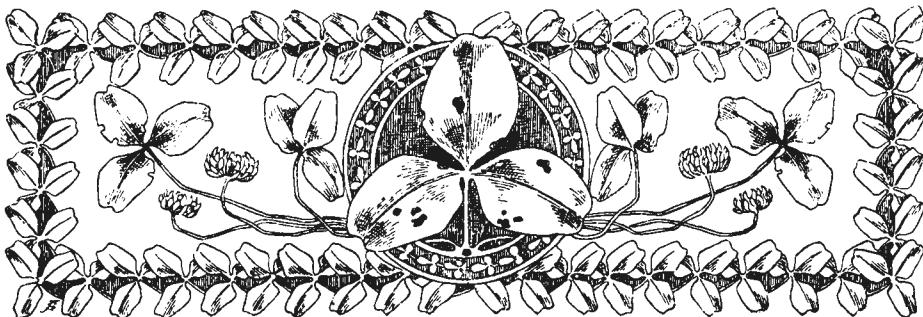
Вотъ въ этой-то старинной книгѣ мы нашли два анекдота о Московскому царѣ Иванѣ Васильевичѣ Грозномъ.

Первый анекдотъ приведенъ при словѣ *Adulatio* (лесть) и изложенъ такъ: „Иванъ Васильевичъ, тиранъ Московскій, когда листецъ *Схоробатъ* сказалъ ему: „Поляки вмѣстѣ съ королемъ своимъ боятся тебя такъ, какъ мыши кота“, тотчасъ велѣлъ предать его смерти“ (страница 60).

Второй анекдотъ помѣщенъ при словѣ *Compassio* (состраданіе). Онъ изложенъ такъ: „Иоаннъ, тиранъ Московскій, въ своемъ Александровскомъ дворцѣ, заключилъ боярина *Овчину* въ высочайшую башню, давая ему сначала нѣсколько пищи, потомъ совершенно забылъ о немъ. Несчастный узникъ сдѣлалъ изъ грязи и слезъ чернила и на ключкѣ, оторванномъ отъ рубашки, написалъ слѣдующее: *Pożaluj Caruszku!* (пожалуй, Царушку!) т. е. смируйся, царь! *). Письмо это онъ привязалъ къ ногамъ летучей мыши. Мыши вынесла письмо, царь увидѣлъ его, прочиталъ и склонился къ милосердію“ (стр. 254).

Сообщилъ Левъ Мацѣевичъ.

*) *Caruszku* (царушка) собственно уменьшительное для выражения нѣжности, и нужно бы перевести: царенёкъ, или добрый царь, какъ князиня—княгинюшка.

ТАИНСТВЕННОЕ ПОТОПЛЕНИЕ.

Въ Февральскомъ выпускѣ „Русскаго Архива“ 1911 г., въ дневникоѣ М. Н. Похвиснева, на стр. 200-й, напечатано:

„Послѣ чтенія Владимиръ Ивановичъ*), рассказалъ намъ про Преображенскаго офицера, одного изъ Гатчинскихъ любимцевъ и теперь доживающаго свой вѣкъ въ Калужской деревнѣ. Онъ былъ призванъ ночью къ Павлу и получилъ приказаніе отвезти важную бумагу къ коменданту крѣпости. „Онъ тебѣ скажеть, что ты долженъ дѣлать, а когда исполнишь, пріѣзжай сказать мнѣ“. Не зная содержаніе бумаги, офицеръ отправился въ крѣпость, разбудилъ коменданта. Прочтя бумагу, послѣдній повелъ его въ Алексѣевской равелинѣ, къ неизвѣстному лицу тамъ заключенному, взялъ его, посадилъ въ сани и приказалъ ѿхать на Неву; тамъ дали ему приготовиться къ смертной казни и опустили въ прорубь. Затѣмъ комендантъ приказалъ присланному отправиться къ Государю и доложить, что приказаніе его исполнено. Кто былъ этотъ несчастный, неизвѣстно“.

Вотъ повтореніе того же разсказа, который слышалъ мой покойный братъ М. А. Стаковичъ отъ П. В. Кирѣевскаго и передалъ мнѣ въ концѣ сороковыхъ годовъ.

Родственникъ или знакомый Кирѣевскаго (за давностью, не помню его фамиліи) ѿхалъ поздней осенью по проселочной дорогѣ; наступила ночь, дотащился кое-какъ до деревни, и ямщикъ посовѣтовалъ заѣхать къ барину: „старикъ онъ добрый, переночевать пустить“. Такъ и

*) Попечитель Московскаго учебнаго округа В. И. Назимовъ, у котораго М. Н. Похвисневъ былъ правителемъ Канцелярии.

сдѣлали. Помѣщикъ пилъ чай со священникомъ, пригласилъ и нечаяннаго гостя, но тотъ отказался и отправился спать.

На новомъ мѣстѣ ему не спалось. За тонкой перегородкой шла бесѣда обѣ императоръ Павлъ. Это заинтересовало путника; онъ всталъ, вышелъ къ бесѣдующимъ и сталъ разспрашивать о Павловскомъ времени. Повѣствователь отвѣчалъ неохотно, но помогъ батюшку. „Да вы расскажите имъ“, обратился онъ къ хозяину, „за что получили деревню“. Старикъ помолчалъ, но раньше выпитые стаканы чая (или его съ ромомъ) развязали языки.

„Я, милостивый государь, началъ старикъ, служилъ въ Гатчинскихъ войскахъ. Трудная была служба, но я былъ молодъ, усерденъ, Цесаревичъ изволилъ меня замѣтить: черезъ годъ я получилъ роту. По восшествіи на престолъ, перевелъ Государь насть, Гатчинцевъ, въ гвардейскіе полки. Меня назначили въ Преображенскій, и тутъ получилъ я роту. Пришлось обучать ее настоящей службѣ, и изъ господъ офицеровъ искоренять Екатерининскій духъ. Тяжело было имъ, и намъ не легче. Какъ вернешься, бывало, со службы вечеромъ, поужинаешь, да спозаранку и завалишься спать; вставать приходилось рано, ученья начинались до свѣту. Разъ ночью, будить меня денщикъ: „Ваше высокоблагородіе, извольте вставать, фельдѣгеръ изъ дворца за вами пріѣхалъ“. Испугался яшибко, со страху и съ просонья ничего не понимаю. Одѣлся. Посадили меня, раба Божія, въ телѣжку и покатали. Прискакали во дворецъ, привели меня въ пріемную, сдали камердинеру; тотъ пошелъ докладывать. Стою я ни живъ, ни мертвъ. Выходитъ Государь въ шафрѣкѣ, даетъ запечатанный конвертъ, изволить приказывать: „Поѣзжайте, сударь, въ крѣпость, передайте это письмо коменданту и привезите мнѣ отвѣтъ“.

Опять въ телѣжку, и поскакали въ крѣпость. Пріѣхали, ведутъ къ коменданту, будятъ его. Выходитъ коменданть. Подалъ ему письмо. Онъ распечаталъ, прочелъ, сказалъ что-то дежурному офицеру, который тутъ же и вышелъ. Коменданть говорить мнѣ: „Пойдемте“. Ну, думаю, пропалъ!

Выходимъ изъ дома, идемъ площадью, подходимъ къ казематамъ; являются караульные, смотрителя съ фонарями, подходимъ къ одной двери, коменданть останавливается и показываетъ на замокъ. Подали ему связку ключей, щелкнуль замокъ, дверь заскрипѣла и отворилась. По серединѣ каземата стоялъ на колѣняхъ старикъ съ бѣлой длинной бородой и молился. Его вывели. Всѣ молча пошли за нимъ и подошли къ Невѣ. У берега стоять лодка съ двумя гребцами. Садятся въ нее

коменданть, я, два солдата и старикъ. Надѣваютъ ему на руки и на ноги кандалы, и лодка поплыла. Всѣ продолжаютъ молчать, старикъ молится, крестясь на соборъ. Выѣхали на взморье.... Вдругъ солдаты берутъ старика и бросаютъ его въ воду. Пошелъ онъ, какъ камень на дно..... Какъ сравнялись на водѣ круги, повернули лодку и поплыли. Я все поглядывалъ назадъ и потихоньку молился. Вернулись въ крѣпость. „Поѣзжайте къ Его Величеству“, говорить мнѣ коменданть, „и передайте, что видѣли“. Возвратясь во дворецъ, ожидаюсь. Выходить Государь; я докладываю ему. „Можете отправляться“, изволилъ сказать Его Величество и ушелъ.

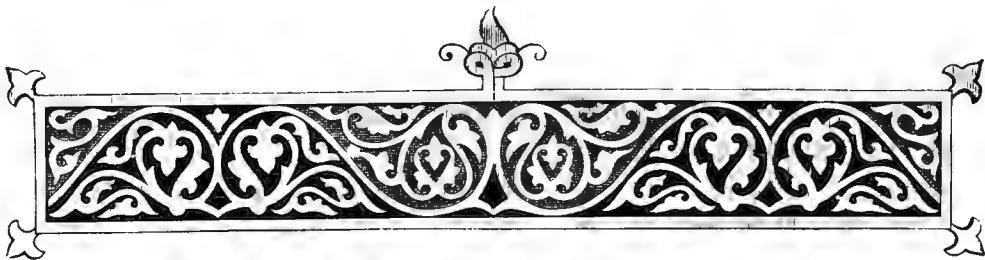
На другой день въ приказѣ по полку мнѣ вышла отставка съ пожалованьемъ ста душъ въ Калужской губерніи и съ приказаніемъ жить мнѣ тамъ безвыѣздно.

Вотъ ужъ болѣе сорока лѣтъ живу тутъ, облагодѣтельствуемый милостью моего Государя. Утромъ и вечеромъ молюсь за него и за мученика „имя его Ты, Господи, вѣси“. Каждое Воскресеніе и въ праздники вынимаю части заупокой ихъ душъ.... А до сихъ поръ жутко становится, какъ вспомню чѣмъ я обязанъ моему благополучію. И старикъ горько заплакалъ.

5 Марта 1911 г. С.-Петербургъ.

А. Стаковицъ.

Изъ Записной Книжки „Русского Архива“.

Князь Н. Н. Голицынъ составилъ книгу, отпечатанную всего въ ста экземплярахъ подъ заглавиемъ: Chronique du mouvement socialiste en Russie. 1878—1887. Rédigée sous la direction de l'adjoint du ministre de l'intérieur le lieutenant-général Schéhéko. Онъ давалъ мнѣ ее читать на нѣсколько часовъ, и я сдѣлалъ изъ нея извлеченіе. Это большая 8-ка, XI и 761 стр. На верху заглавнаго листа: „Confidentiel et exclusivement personnel“. На оборотѣ: „Tiré à 100 exemplaires. Imprimerie officielle du Ministère de l'intérieur, à St. Pétersbourg. 1890.

Въ то время, какъ вѣрныя войска подходили къ Царьграду, Петербургскій Сенатъ съ 18 Окт. 1877 по 23 Янв. 1878 судилъ нигилистовъ, которыхъ захвачено было Саратовскимъ прокуроромъ Жихаревымъ сначала до 2000, потомъ оказалось виновныхъ 900, а подлежащихъ суду всего 193. Они содержались въ сыромъ зданіи Петербургскаго суда. Авторъ не говоритъ, что по желанію Государя вполнѣ подвергнутыми наказанію объявлено было только человѣкъ съ десять, въ томъ числѣ и Боголюбовъ (вымышленное имя: это Емельяновъ, изъ Земли войска Донскаго). Выстрѣль Вѣры Засуличъ, стрѣлявшей въ Трепова 24 Января 1878. Она дѣвица-акушерка, 28 л. отъ роду, была уже замѣшана въ дѣлѣ Нечаева. (Въ Серпуховскомъ уѣздѣ была она у кого-то гувернанткою и съ дѣтьми ей порученными навѣщаала графиню М. Ф. Соллогубъ). Треповъ велѣлъ дать Боголюбову 25 ударовъ розгами еще 13 Іюля 1877 г. Судили Вѣру Засуличъ 31 Марта 1878. Ее защищалъ адвокатъ Александровъ.

Убійство Мезенцова 4 Августа 1878. 9 Февраля 1879 убійство князя Д. Крапоткина въ Харьковѣ Григоріемъ Гольденбергомъ, который лишилъ себя жизни въ Іюлѣ 1880 въ Петропавловской крѣпости.

13 Марта 1879 покушеніе на Дрентельна. Злодѣемъ былъ Левъ Филипповичъ Мирскій.

2 Апрѣля 1879 покушеніе Соловьева. Его не успѣлъ задержать жандармскій капитанъ Кохъ. Пораненъ городовой Францискъ Милашевичъ. Александръ Константиновичъ Соловьевъ, 33 лѣтъ, женатъ на Екатеринѣ Челищевой. Онъ родственникъ министра Зеленаго. Пріѣхавъ вслѣдъ за тѣмъ въ Крымъ, Государь прямо сказалъ о томъ Зеленому. Съ тѣмъ сдѣлалось дурно, и Государь самъ за нимъ ухаживалъ. 28 Мая Соловьевъ повѣщенъ на Смоленскомъ полѣ.

4 Июня 1879 украдено въ Херсонскомъ казначействѣ 1.579.638 р. нигилистами.

Липецкій съездъ ихъ 17—21 Июня 1876. 19 Ноября 1879 въ Москвѣ покушеніе Льва Гартмана и Софии Перовской. Французское правительство отказалось выдать Гартмана.

5 Февраля 1880. Зимній дворецъ. 15 приборовъ къ пріѣзду великаго герцога Гессенскаго. 10 убитыхъ и 34 раненыхъ солдатъ Финляндскаго полка. Вятчанинъ, крестьянскій сынъ, Степанъ Халтуринъ.

8-го Февраля назначеніе Лорисъ-Меликова. 20 Февраля покушеніе на него. Это 25-лѣтній Ипполитъ Млодецкій, казненъ 22 Февраля на Семеновскомъ плацу.

Открыты мины на пути Государя изъ Царскаго Села въ Зимній дворецъ, и когда онъ въ послѣдній разъѣхалъ въ Крымъ, близъ станціи Окулово.

Въ концѣ 1880 г., находившихся подъ надзоромъ полицейскимъ уже было 1700 человѣкъ.

27 Февраля 1881 арестовали Желябова, въ квартирѣ Михаила Тригони.

Кучеръ Государя Флоръ Сергеевъ.

Первая бомба брошена Тихвинскимъ мѣщаниномъ 19-лѣтнимъ Никол. Иван. Рысаковымъ. Вторая бомба человѣкомъ лѣтъ 30-ти, тутъ же погибшимъ. Это былъ такъ называемый Котикъ, род. 1856 г., Бѣльского у. Гродн. губ. Игнатій Гриневицкій*). Боткину пришло въ голову перелить въ Государя чужую кровь, и нѣсколько человѣкъ казаковъ предлагали себя для того.

София Перовская род. 1854. Мать ея Варвара Сергеевна, нигилистка.

*) И такъ убилъ Государя Полякъ. 2-го Марта 1881 вышелъ номеръ О сколки. Это листъ съ рисунками эмблематическими, которыми прозрачно намекается, что Государь погибъ за неполненіе своихъ обѣцаній Польшѣ.

Защитники на судѣ: Уньковскій—Рысакова, Кедринъ—Перовской. Хартуляри—Михайлова, Гернѣ—Гельфманъ и Герардъ—Кибальчича. Казнь 3 Апрѣля 1881 утромъ.

Курляндцы Остенъ-Сакены изъ поконъ вѣку тянули къ Россіи. Мать прославившагося графа Дмитрія Ерофеевича была уже православная, а отецъ палъ подъ Аустерлицемъ въ 1805 г., сражаясь вмѣстѣ съ молодымъ сыномъ. Онъ получилъ въ теченіи боевой жизни своей 60 ранъ. У него адъютантомъ былъ Мердеръ, который разсказывалъ о подвигахъ Ерофея Остенъ-Сакена своему ученику Александру Николаевичу и о томъ же передавалъ подробности его внуку, нынѣ послу въ Берлинѣ. Оказывается, что старику Сакену пуля раздробила черепъ, и молодой Дмитрій Ерофеевичъ буквально былъ въ отцовской крови, подоспѣвъ къ нему на самомъ Аустерлицкомъ полѣ. Съ тѣхъ поръ онъ участвовалъ во всѣхъ нашихъ войнахъ и ни разу не былъ раненъ, хотя напримѣръ подъ Севастополемъ безстрашно появлялся въ самыхъ опасныхъ мѣстахъ. Любопытно, что изъ шестерыхъ тогдашнихъ его адъютантовъ тоже никто не бывалъ раненъ, между тѣмъ какъ кругомъ ежедневно и ежечасно люди гибли, и въ послѣдніе дни осады непріятели стрѣляли по нашимъ почти въ упоръ. Сынъ, нынѣшній посолъ, графъ Николай Дмитріевичъ, былъ при отцѣ въ концѣ Августа 1855 года. Отецъ никогда ему не разсказывалъ про свои подвиги, о которыхъ тотъ узнавалъ отъ постороннихъ.

Въ Варшавѣ въ 1849 г. прїѣхалъ къ нему Адлербергъ и сообщилъ, что Государь затрудняется чѣмъ наградить его. Остенъ-Сакенъ пожелалъ генераль-адъютантства. Государь возразилъ, что ему совсѣмъ награждать этимъ полнаго и заслуженнаго генерала, но по его желанію исполнилъ. Дмитрій Ерофеевичъ поѣхалъ благодарить Государя и вышелъ изъ его кабинета въ слезахъ. Бывшій въ приемной князь М. С. Воронцовъ спросилъ у него о причинѣ. Все кончено, отвѣчалъ ему Дмитрій Ерофеевичъ: Государь до того возгордѣлъ, что становится страшно за него и за Россію.

Графъ К. И. Паленъ рассказывалъ графу Остенъ-Сакену по поводу Ходынской катастрофы. Николай Павловичъ однажды восхвалялъ старику графу Канкрину необыкновенные способности своего сына Константина. Это у меня будетъ отличный министръ финансовъ. Сохрани Васъ Богъ отъ такого назначенія! воскликнулъ Канкринъ.— Это почему?— Да вѣдь Вы не можете его повѣсить.

Ізвѣстіе о взятіи Севастополя пришло къ Александру Николаевичу вечеромъ часовъ въ 10. Онъ расплакался и пошелъ сказать Государынѣ. Та торжественно встала, отвѣсила ему низкій поклонъ и твердо сказала:

„Не желала бы передавать Вамъ еще болѣе страшное извѣстіе“. — Чѣдѣ еще такое? — „Извѣстіе о томъ, что Русскій императоръ утратилъ бодрость духа (que l'Empereur de Russie a perdu le courage). Тогда и нѣсколько лѣтъ позже онъ еще слушался супруги своей, высоко цѣнѣмой его отцомъ. Николай Павловичъ поручалъ князю Василью Андреевичу Долгорукому оберегать сына, неустойчивость котораго такъ его сокрушала, что и на смертномъ одрѣ онъ приказывалъ второму сыну не оставлять брата совсѣмъ. За долго до покушенія Каракозова, князь В. А. Долгорукій предупреждалъ Государя о возможності бѣды и уговаривалъ неѣздить на прогулки въ Лѣтній садъ.

Лѣтомъ 1879 г., по настоянію Александра Николаевича, императрица^ю Марія Александровна уѣхала въ Югенгеймъ, откуда перебѣхала на зиму въ Сенъ-Ремо, гдѣ ей было очень хорошо; но зимою 1880 г., посланъ за нею графъ А. В. Адлербергъ, и ее опять перевезли въ нагрѣтой лампами каретѣ въ Зимній дворецъ, гдѣ она и скончалась 22 Мая 1880. Государь никогда не переставалъ уважать ее. Ея похороны прекрасно описаны въ неизданныхъ Запискахъ графини Блудовой, которая она читала намъ въ Кремлѣ. Я помню, какъ И. С. Аксаковъ кинулся цѣловать у нея руки, восхищенный тѣмъ, что она прочла. Къ концу жизни Императрица говорила: Богъ и Россія! (Dieu et la Russie).

П О П Р А В К А.

Извиняемся въ допущеніи грубой ошибки: въ 5-мъ выпускѣ „Русскаго Архива“ сего года, на стр. 111-й. Императрица Екатерина 4-го Июня 1785 г., будучи въ Москвѣ, навѣстила престарѣлого губернскаго предводителя Московскаго дворянства графа Петра Борисовича Шереметева въ домѣ его на Никольской. На другой день графъ єздилъ къ ней благодарить за посѣщеніе, и она пожаловала его „мраморнымъ обелискомъ“, который чтобы сдѣлать противъ этого, чтѣ поставленъ въ Царскомъ Селѣ противъ покоевъ, и изволила сказывать, что когда она изволить въ почивальниѣ встать, то всегда на него съ неопредѣленностью изволить смотрѣть“. Вмѣсто съ *непріятностію* слѣдуєтъ: съ *пріятностію*. Обелискъ этотъ воздвигнутъ скончавшемуся годъ назадъ любимцу Екатерины А. Д. Ланскому, съ которымъ и съ родными котораго графъ П. Б. Шереметевъ находился въ добрыхъ сношеніяхъ. Такимъ образомъ память Ланского увѣковѣчена и въ Царскомъ Селѣ, и въ Кусковѣ подъ Москвою. П. Б.

разъ даже не вскрывать пакета съ деньгами, которые шли у него на благотворенія, а когда однажды просили у него позволенія напечатать произнесенную имъ проповѣдь, онъ отвѣчалъ: „да вѣдь она уже не моя, я ее произнесъ“. Разъ, въ моей молодости, случилось мнѣ прийти къ М. Н. Каткову и застать его за чтенiemъ Филаретовыхъ проповѣдей; я изумился и спросилъ: „Какъ это, Михаилъ Никифоровичъ? Вы читаете Филарета“?!—„Учусь у него Русскому языку“, отвѣчалъ онъ. У Филарета не встрѣтите вы почти ни одного иностранного слова: въ сокровищахъ языка народнаго и церковнаго умѣль онъ находить соотвѣтствующее выраженіе для тонкихъ, отвлеченныхъ понятій.

Е. В. Новосильцова, на 13 лѣтъ старше Филарета, умомъ своимъ была передъ нимъ малолѣткою. Въ жизнеописаніи ея отца графа В. Г. Орлова имѣются нѣкоторыя черты ея образованія. Оно проходило подъ вліяніемъ графа Н. И. Панина, женившагося на сестрѣ ея, вліяніемъ сухимъ и педантичнымъ (такъ какъ матери ихъ были происхожденія Нѣмецкаго). Знаемъ также, что Екатерина Владимировна занималась живописью. Выдана она была замужъ за бригадира Димитрія Александровича Новосильцова (р. 1758 г., + 16 Сент. 1835 г.). Достопочтенный графъ Орловъ не могъ же отдать дочь свою за человѣка безъ достоинства: Новосильцовъ былъ другомъ графа Растанчина, который не разъ сочувственно говорить о немъ и о его разладѣ съ женою въ письмахъ къ князю Циціанову (XIX-й Вѣкъ, книга 2-я). Новосильцовъ самъ былъ очень древняго рода, но вѣроятно по своему пылкому нраву не сумѣль соотвѣтствовать Орловской и Панинской чопорности. Единственный сынъ ихъ Владимиръ Дмитріевичъ остался у матери. (Побочная дочь Новосильцова

Васильковская вышла за извѣстнаго писателя-романиста Загоскина). Принимать ли Новосильцовъ какое участіе въ воспитаніи своего сына и какъ отнесся онъ къ гибели этого, только что вышедшаго изъ отроческихъ лѣтъ флигель-адъютанта, мы не знаемъ. Поединокъ его съ Черновымъ разсказанъ съ подробностями въ бумагахъ о Рыльевѣ, напечатанныхъ въ томъ же XIX Вѣкѣ. Мать не позволила сыну жениться на бѣдной девушкѣ Черновой вопреки обѣщанію, которое онъ далъ ей; ея братъ стрѣлялся изъ-за того съ Новосильцовымъ, и поединокъ кончился смертю обоихъ. Екатерина Владимировна воздвигла, на мѣстѣ кончины сына въ Лѣсномъ Институтѣ, подъ Петербургомъ, церковь. Ее освящалъ митрополитъ Филаретъ. Преданіе разсказываетъ, что во время литургіи Филаретъ послалъ къ храмоздательницѣ одного изъ церковныхъ служителей спросить, не позволить ли она помянуть съ именемъ сына имя его убийцы. Согласіе было дано.

Любопытно было бы сопоставить Филарета съ архимандритомъ Фотіемъ и показать разницу, какъ они действовали,—одинъ на дочь графа В. Г. Орлова, а другой на его племянницу графиню Орлову-Чесменскую (которая была на десять лѣтъ старше Фотія). Въ письмахъ своихъ Филаретъ почти не входить ни въ какія житейскія подробности, развѣ только однажды въ 1824 году, когда предполагалось женить Владимира Дмитріевича (стр. 36 и 47); но его письма полны содержанія духовнѣческаго.

Къ недочетамъ въ ходѣ нашего просвѣщенія принадлежитъ и то, что до сихъ поръ мы не имѣемъ полнаго собранія сочиненій такого удивительнаго Русскаго человѣка, какимъ былъ митрополитъ Московскій Филаретъ.

П. В.

РУССКИЙ АРХИВ

на 1911 годъ.

(Годъ 49-й)

Годовая цѣна „Русскому Архиву“ въ 1911 году, за **двѣнадцать** выпусковъ, съ пересылкой и доставкой, **девять р.,** для чужихъ краевъ—**двѣнадцать р.**

Подписка въ **Москвѣ**, въ Конторѣ „Русского Архива“, на Ермоловской Садовой, въ домѣ 175-мъ (на дворѣ) и въ книжныхъ магазинахъ „Новаго Времени“: **Въ Петербургѣ** (Невскій, 40) на Вознесенскомъ пр., д. 36. **Телеф. 559—02** и на Пет. ст., Большой пр., д. 69-А. **Телеф. 77—61.** Приемъ подписки и объявлений, а также продажа книгъ, производится съ 9 ч. утра до 8 ч. веч., въ табельные дни отъ 1 ч. до 5 ч., веч. (по воскреснымъ и двунадесятымъ праздникамъ отданія закрыты). **Въ Москвѣ** (уголъ Неглинного проѣзда и Кузнецкаго Моста, д. Шориной), въ **Харьковѣ** (Николаевская пл. № 4 и Екатеринославская ул., д. Иванова, № 1), въ **Одессѣ** (Дерибасовская ул., № 33, уг. Преображенской), въ **Саратовѣ** (Б. Московская, Пассажъ 1), въ **Ростовѣ на-Дону** (Садовая ул., № 96) и въ **Парижѣ** (бульваръ Св. Магдалины).

Въ конторѣ «РУССКАГО АРХИВА» продаются
прежнія полныя годовыя его изданія и отдѣльныя книжки Русскаго Архива
по цѣнѣ пониженней.

*

ДНЕВНИКЪ Камеръ-юнкера Берхольца, въ Россіи при Петрѣ Великомъ (1721—1725). Четыре части. **3 р. 50 к.**

ЗАПИСКИ Дюка Лирійскаго. Цѣна **75 к.**

ДНЕВНИКЪ Храповицкаго. 1783—1793. Цѣна **2 р.**

ВОСПОМИНАНІЯ Г. И. Филипсона. Цѣна **1 р.**

СТИХОТВОРЕНІЯ А. С. Хомякова. Съ примѣчаніями. Цѣна **30 к.**

Составитель и издатель „Русскаго Архива“ **Петръ Бартеневъ.**

СОРОКЪ ДЕВЯТЫЙ ГОДЪ.

РУССКІЙ АРХИВЪ

1911

7.

Стр.

305. Екатерина Вторая какъ историкъ. Статья **В. С. Иконникова**.
317. Кусковскіе фрукты. Отписка приказчика Петра Александрова графу П. Е. Шереметеву. Изъ Петербурга въ Москву.
318. Письмо Императрицы Екатерины Второй къ Н. Д. Еронкину.
319. Любимцы Екатерины Второй, хронологический списокъ, составленный М. Н. Лонгиновымъ.
320. Екатерина Вторая по разсказу современника-Нѣца.
328. Черты монастырской жизни XVIII вѣка. **А. А. Титова**.
337. Письма митрополита Исидора къ священнику Хущеву.
341. Воспоминаніе о митрополитѣ Исидорѣ. **П. Б.**
343. Изъ Записокъ сенатора **К. Н. Лебедева**. 1866-й годъ.
394. Четверостишие **С. Т. Аксакова** **Н. Н. Новрозовой**.
395. Записка **Лагарпа** о перчаткахъ Павла Петровича.
397. Изъ Сибирской старины. Генералъ-губернаторъ Гасфорть. Запись **И. Г. Кузнецова**.
398. Къ исторіи Новомаргорода (изъ частнаго письма). Сообщено **Л. С. Мацѣевичемъ**.
401. «Автобіографическое введеніе.» Записка князя **П. А. Вяземского** о себѣ, какъ писателѣ.
449. Изъ дневниковъ Вольфганга Гёте.
452. Императоръ Александръ Николаевичъ и Французская императрица Евгения.
453. Русскія церкви за границею.
457. Письмо графа **Д. А. Толстого** къ С. Н. Голубцову о книгахъ для народа.
459. Изъ разсказовъ о Петре Великомъ, записанныхъ **Я. Штелинымъ**.
Внутри обложки: о Дневникѣ **Е. И. Поповой**.

МОСКА.

Синодальная Типографія.

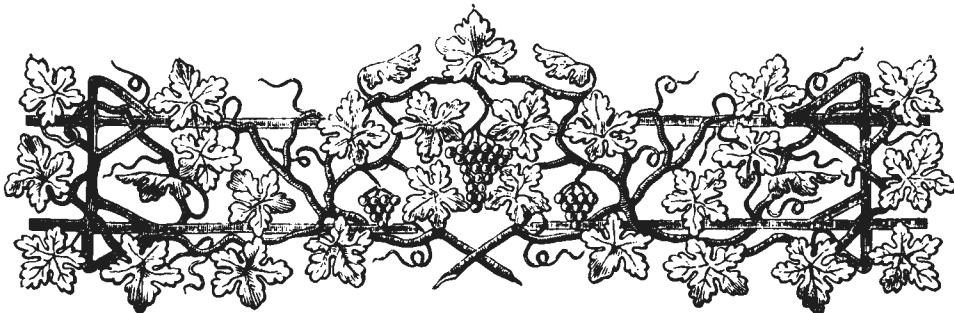
1911.

Изъ Московской жизни сороковыхъ годовъ. Дневникъ Елисаветы Ивановны Поповой. Подъ редакцію князя Н. В. Голицына, съ портретами Е. И. Поповой, Е. А. Свербеевой и Д. А. Валуева. Спб. 1911 г. 8°, XV и 283 стр., съ примѣчаніями и азбучнымъ указателемъ. Издание товарищества „Огни“.

Немного книгъ, которыя прочиталъ я съ такимъ удовольствиемъ, какъ этотъ дневникъ, и не потому только, что почти все лица, о которыхъ въ немъ говорится, были мнѣ или близко знакомы, или сохраняются какъ сокровище въ моей признателной памяти. Но общей внутренней своей цѣнности, это живая историческая картипа Московского образованнаго общества, слишкомъ полвѣка тому назадъ, и совершенно не похожая на теперешнюю Московскую жизнь. Тогда въ Москвѣ было несолько свѣтой здраваго просвѣщенія и благороднаго общежитія. Назовемъ семью Аксаковыхъ, съ ея отцомъ, старшимъ сыномъ Константиномъ и рядомъ сестеръ, изъ которыхъ Вѣра Сергеевна оставила тоже дневникъ (но совсѣмъ иного пошиба, сравнительно съ дневникомъ Е. И. Поповой); семью А. Н. Елагиной съ четырьмя ея сыновьями и чудесною дочерью, подвижницею первыхъ лѣтъ христианства, Маріею Васильевною; и семью Свербеевыхъ. Можно сказать, что издание въ свѣтъ Дневника Е. И. Поповой есть достохвальная поминка по Е. А. Свербеевой. Дмитрій Николаевичъ Свербеевъ и супруга его Екатерина Александровна жили тогда на Тверскомъ бульварѣ, въ большомъ домѣ, нынѣ принадлежащемъ госпожѣ Найденовой: пятеро сыновей и столько же дочерей. Мать, рожденная княжна Щербатова, воспитанная на Англійскій ладъ, но прекрасной Русской души, неустанно дѣятельная въ разнаго рода

благотвореніяхъ, глубокаго благочестія. Даровитая и чуткая ко всему высокому, она отлично владѣла перомъ какъ свидѣтельствуютъ напечатанныя письма ея о кончинѣ Языкова и А. И. Тургенева, а также письмо къ Гоголю. Незабвенный для меня супругъ ея, Дмитрій Николаевичъ, человѣкъ трезваго ума и дѣятельнаго сердца, многоначитанный и въ тоже время отличный хозяинъ, любимый своими крестьянами, высоко цѣненный въ обширномъ кругу своего знакомства. Назовемъ еще археолога П. М. Строева и его супругу Олимпиаду Петровну, женщину высокой доблести; семьи Свѣшниковыхъ, Кудрявцевыхъ, Селивановскихъ. У всѣхъ у нихъ Е. И. Попова была домашнимъ человѣкомъ.

Сама она была происхожденія купеческаго. Ея отецъ, книгопродавецъ и содержатель Университетской типографіи, помогалъ Карамзину и Жуковскому, когда тѣ издавали „Вѣстникъ Европы“. Онъ самъ писалъ прозою и стихами и находился въ постоянномъ общеніи съ писателями и людьми учеными. Воть черта, которую унаследовала отъ него его дочь: въ Августѣ 1812 года онъ пошелъ къ главнокомандующему заявить, что положилъ въ печки своего дома пороху, на случай занятія Москвы непріятелемъ. Елисавета Ивановна была также порывиста и въ достижениіи своихъ цѣлей ни передъ чѣмъ не останавливалась; цѣли же ея были всегда высокоблагородныя и возвышенныя. Одинъ изъ Свербеевыхъ прекрасно пишетъ про нее: „Спаситель завѣщалъ намъ любить ближняго, какъ самихъ себя; но она любила ближняго гораздо болѣе, чѣмъ самоѣ себѣ и была постоянно занятая скорбію, несчастіемъ, нуждою кого-либо изъ многочисленныхъ своихъ друзей и знакомыхъ, не разбирая кто бы они ни были, отъ самыхъ богатыхъ людей до простыхъ нищихъ“.

Императрица Екатерина II-я, какъ историкъ¹⁾.

Чтеніе историческихъ произведеній составляло предметъ любимыхъ занятій Екатерины. Еще въ юности она знакомилась съ сочиненіями по исторіи, начиная отъ лѣтописи Тацита и весьма доступно изложенныхъ произведеній Монтескье и Вольтера (Опытъ о нравахъ) до многотомной исторіи Германіи Барра²⁾ и Церковныхъ Лѣтописей кардинала Баронія, въ старомъ Русскомъ переводѣ. Позже она располагала полнымъ собраніемъ древнихъ писателей въ новѣйшихъ переводахъ, которые обыкновенно слѣдовали за нею во время переѣздовъ. Барону Гримму она хвалилась, что исторія Франції ей хорошо известна; а д-ру Циммерману, что она также хорошо знаетъ исторію Англіи. По совѣту гр. Шёнберга, она прочла многотомный трудъ Гиббона (Ист. упадка и разрушенія Римской имперіи), во Франц. изданіи, такъ какъ, по ея словамъ, не имѣть уже времени изучить Англ. языкъ. По словамъ принца де-Линя, она знала исторію всѣхъ странъ. Лордъ Мальмсбери замѣчаетъ, что онъ былъ озадаченъ ея познаніями, и что она сама гордилась бы въ судьи: „такъ хорошо ей известны наши законы и наша конституція“³⁾. А Русскій исторіографъ Миллеръ, по словамъ Шлецера, удивлялся ея ученымъ свѣдѣніямъ о Россіи, когда она была еще великой княгиней⁴⁾.

¹⁾ Читано въ годичномъ засѣданіи Императорскаго Русскаго Историческаго Общества въ Царскомъ Селѣ, 2 Апрѣля 1910 г. Настоящій очеркъ представляетъ извлеченіе изъ болѣе обширной монографіи, входящей въ III-й томъ „Опыта Русской исторіографіи“.

²⁾ Barre, Jos., *Histoire g  n  rale d'Allemagne*, I—X, Paris, 1748, 4°.

³⁾ Въ числѣ бумагъ Екатерины сохранились выписки изъ шести томовъ „Блакстонова толкованія Аглицкихъ законовъ“. Она часто пользовалась извлеченіями изъ него для своихъ учрежденій и по ея же повелѣнію было сдѣланъ и изданъ въ 1780—1782 г.г. переводъ сочин. Блакстона профессоромъ моск. университета Десницкимъ.

⁴⁾ Вскорѣ уже по вступленіи на престолъ въ бытность свою въ Н.-Новгородѣ (1767), Екатерина приказала мѣстному архиерею собрать сколь можно извѣстія лѣтописцевъ и переслать въ Петербургъ.

Широкое знакомство съ исторіей убѣдило Екатерину въ слѣдующихъ положеніяхъ, на которыхъ она будеть настаивать: это 1) въ одинаковости развитія и способовъ просвѣщенія человѣчества, 2) въ медленности и постепенности успѣховъ гражданственности, вслѣдствіе чего Россія не представляетъ въ этомъ отношеніи исключенія. И свой „Наказъ“ она начинаетъ словами: „Россія есть Европейская держава“, положеніе, которое она не разъ повторяетъ. Если впослѣдствіи Екатерина признавала, что собранная ею Комиссія Уложенія „подала свѣтъ и свѣдѣнія о всей Имперіи, съ кѣмъ дѣло имѣемъ и о комъ пещись должно“, то, съ другой стороны, она справедливо полагала, что „не зная прошлаго народа, можно ли принимать какія-либо мѣры для него въ настоящемъ и будущемъ“. Понятно поэтому, что изданію историческихъ памятниковъ и трудовъ она придавала весьма важное значеніе.

Въ ея царствованіе впервыя было издано большое собраніе Русскихъ лѣтописей (до 30 томовъ) и появляются обширные сборники матеріаловъ: Новикова, Туманскаго, Голикова, Чулкова; труды Татищева, Щербатова, Болтина, Стріттера (извлеченія изъ Византійскихъ писателей), Мусина-Пушкина и др. Князю Щербатову она поручила разобрать кабинетный архивъ Петра В., по поводу чего писала Вольтеру: „Я хочу издать въ свѣтъ письма Петра В. и для того приказала собирать ихъ вездѣ; въ нихъ онъ является совершенно такимъ, какимъ былъ“. А получивъ отъ него „Исторію Петра“, она писала: „Если бы тогда, когда вы начали это твореніе, я была то, чтѣ теперъ, то доставила бы вамъ много и другихъ записокъ“. При Екатеринѣ предпринимается въ Моск. Арх. кол. ин. дѣлъ систематическое описание сношений Россіи съ иностранными державами, подъ наблюденіемъ Миллера, а потомъ Бантыша-Каменскаго. Такимъ образомъ, говоря о томъ, какъ стояло дѣло до Екатерины II и что было сдѣлано ею на пользу Русской исторіи, Шлецеръ былъ правъ, сказавъ: „Какой новый свѣтъ открылся теперъ въ Россіи для словесности! Кто бы до царствованія Екатерины II осмѣлился печатать такія вещи? Великая жена не только что позволяла, она того желала, повелѣвала“. Екатерина II слѣдила за успѣхами исторической науки въ Россіи; она ею интересовалась и сама принимала участіе въ ея дѣятельности.

Предполагаютъ, что Екатерина была вызвана на занятія Русской исторіей сочиненіями, напечатанными въ Парижѣ: Француза Леклерка, служившаго прежде врачомъ въ Россіи „Исторія древней и новой Россіи“ (6 том., 1783 г.), на которую позже издалъ обширныя примѣчанія Болтінъ, и одновременно вышедшими произведеніемъ другого Француза, менѣе оскорбительнымъ, Левека, бывшаго учителемъ при

кад. корп. въ Петербургѣ (5 т.)*). Но это не вполнѣ такъ. Въ подобномъ случаѣ Екатерина могла бы выступить съ отдельнымъ опроверженіемъ, какъ это было сдѣлано ею раньше (1771 г.) относительно книги аббата Шаппа (Путешествіе въ Сибирь въ 1761 г., П. 1768 г.), въ извѣстномъ Антиidotѣ, принадлежность котораго Екатеринѣ теперь не оспаривается. Занятія ея Русскою исторіей совпадаютъ съ составленіемъ библіотеки для чтенія ея внуковъ, и она не разъ прямо называетъ этотъ трудъ „Александро-Константиновской библіотекой“, подъ именемъ которой былъ изданъ Нѣмецкій переводъ ея произведеній и въ томъ числѣ „исторія“. Попутно она коснулась и произведеній названныхъ выше Французскихъ авторовъ. Поэтому въ предисловіи она говоритъ: „Сіи записки касательно Россійской исторіи сочинены для юношества въ такое время, когда выходять на чужестранныхъ языкахъ книги подъ именемъ „Исторіи Россійской“, кои скорѣе именовать можно сотовреніями пристрастными, ибо каждый листъ свидѣтельствомъ служить, съ какою ненавистью писанъ, каждое обстоятельство въ превратномъ видѣ не токмо представлено, но къ онимъ не стыдится представить злобные толки“. Она упрекаетъ авторовъ въ незнаніи источниковъ, языка страны, и опять указывается на одинаковость развитія всѣхъ народовъ въ извѣстныя эпохи. Въ своемъ распоряженіи Екатерина имѣла обширное собраніе источниковъ Русской исторіи, отчасти взятыхъ изъ кабинета Петра В., отчасти же собранныхъ изъ монастырей въ ея время, или полученныхъ ею отъ частныхъ лицъ (гр. Строганова, Мусина-Пушкина, кн. Трубецкаго) и даже нарочно списанныхъ въ иностр. библіотекахъ (напр. въ Кенигсбергѣ, въ Упсалѣ); такъ что она могла хвалиться, что располагаетъ Русскими лѣтописями въ количествѣ до 150 рукописей. Подобное собраніе тѣмъ заслуживаетъ вниманія, что многія изъ послѣднихъ, вслѣдствіе неудачнаго возвращенія и затѣмъ пожара, постигшаго нѣкоторыя библіотеки (Мусина-Пушкина, Карамзина въ 1812 г.), навсегда оказались утраченными. Въ подготовленіи материаловъ для Екатерины II принимали участіе профессора Москов. университета Барсовъ и Чеботаревъ, а также статьи-секретари Олсуфьевъ, Храповицкій, Безбородко. Для переводовъ изъ Польского родословника былъ призванъ Булгаковъ, служившій при миссіи и посланникомъ въ Польшѣ. Но выборъ материаловъ, распределеніе его, черновые тексты, всецѣло принадлежали ей, о чемъ свидѣтельствуетъ самый ходъ работы и ея автографы, сохранившіеся въ государ. и академич. архивахъ. Переписка текста и обработка

*) Потомъ членъ Французскаго института, авторъ соч. по древней исторіи. Трудъ его по Русской исторіи въ свое время былъ не безполезенъ.

стиля, какъ и въ другихъ произведеніяхъ Екатерины, лежали на ёя сотрудникахъ, такъ какъ, по ея признанію, „она не знала основательно ни одного языка“... Вступивъ на путь исторической писательницы, Екатерина дѣлила свой досугъ „между дипломатіей и исторіей“, или „между исторіей и законодательствомъ“, находя часто, что „не можетъ заниматься ни тѣмъ или другимъ, а только исторіей“. Ей были известны болѣе выдающіеся памятники древней письменности, какъ Реймское Евангеліе, Сборникъ Святослава 1076 г., Слово о полку Игоревѣ, Задонскій бой и т. п. Въ кругъ ея источниковъ входили и грамоты, и разрядныя, и родословныя книги, и иностранныя извѣстія о Россіи. Она интересовалась сказаніями Курбскаго и восхищалась записками Герберштейна, единственный экземпляръ Русскаго перевода которыхъ находился въ ея библіотекѣ. Она озабочилась сохраненіемъ древностей въ Булгарѣ на Волгѣ, освѣдомлялась о древностяхъ въ Сибири и т. п. Не разъ она дѣлилась своими мелкими разысканіями съ окружающими лицами и своими корреспондентами и признавалась, что ей пріятно возиться въ этомъ старомъ хламѣ, и еще въ концѣ 1794 г. она писала: „Ахъ, мои любезныя лѣтописи, вы спокойно отдыхаете; когда я снова растревожу васъ! Я нахожусь теперь въ 1368 и 1369 г.г.“. Ея сводъ заканчивается 1390 г., но выписки изъ источниковъ идутъ далѣе. Трудъ этотъ изданъ въ VI томахъ въ 1787—1794 г.г. и вновь съ дополненіями по 1390 г. въ наше время. И въ томъ же 1794 г. она еще поручала об. прок. Синода Мусину-Пушкину, чтобы „достовѣрно и въ скоромъ времени справиться о Вел. Четіяхъ Минеяхъ Макарьевскихъ, имѣющихся въ библ. Успенского собора, изъ коихъ источниковъ почерпнуть м. Макарій запасы, составляющіе 12 томовъ его Миней, и разыскать о томъ въ Синод. и Типогр. библіотекахъ и чтѣ найдется представить въ Св. Синодъ для донесенія Ея Величеству“.

Екатерина признавала всю важность хронологіи и генеалогіи и потому для каждого княженія составила таблицу правителей Востока и Запада, свѣтскихъ и духовныхъ, царствовавшихъ современно имъ. Кроме того, она даетъ въ своемъ трудѣ родословникъ князей Рюрикова дома, а въ отдельныхъ мѣстахъ отмѣчаетъ происходящія отъ нихъ княжескія и дворянскія фамиліи. Съ этою цѣлью въ ея библіотекѣ были собраны разнообразные генеалогические материалы. Быть можетъ, она слѣдовала здѣсь и своему давнему влечению, высказанному еще въ молодости: „Признаюсь, что хотя я свободна отъ предразсудковъ и у меня умъ отъ природы философскій, однако чувствую великую склонность чтить древніе роды..., мнѣ пріятно восстановлять ихъ“. Она хвалится, что ея родословникомъ пользуются и другие. Въ письмѣ къ Гримму она говоритъ: „Рюрикъ, первый Русскій князь, это тотъ Рю-

рикъ, который до своего возвышенія въ этотъ санъ, былъ во Франціи и въ Англіи и помогалъ Норманнамъ сдѣлать ихъ завоеваніе⁴. Въ другомъ письмѣ она такъ разукрашиваетъ родство Владимира I: „Св. Владимиръ былъ дѣломъ Франц. королевы; онъ былъ двоюродный братъ императора Оттона II; онъ былъ beau-fils Романа, императора Константинопольского; одна изъ его дочерей была замужемъ за Стефаномъ, корол. Венгерскимъ, другая за корол. Чешскимъ; вы видите изъ этого, что это былъ сеньоръ съ очень хорошимъ родствомъ и, несмотря на это, вы все-таки спрашиваете, откуда я его взяла“. Съ особенной настойчивостью она проводитъ мысль, что князья Литовскіе, и сами Ягеллоны, происходили отъ князей Полоцкихъ, возвратившихся изъ ссылки въ Царьградъ, потомки Мстислава Владимировича. Она обращаетъ вниманіе, въ какихъ западно-русскихъ городахъ сидѣли князья потомки Владимира Св., и что даже послѣ соединенія Литвы съ Польшей дѣла въ Запад. Россіи отправлялись на Рус. языки, метрическія книги Литовскія писаны по-русски и числа поставлены отъ сотворенія міра по счисленію Греко-восточной церкви и индикты означены. Названная родословная не была придумана Екатериной. Она нашла ее въ нѣкоторыхъ лѣтописяхъ, хронографахъ и родословныхъ книгахъ, хотя и опровергается позднѣйшими изслѣдованіями. Подъ вліяніемъ своихъ филологическихъ занятій и современной теоріи о единствѣ языковъ, подъ сильнымъ впечатлѣніемъ соч. Куръ-де-Жебелена, она утверждаетъ, что собрала множество свѣдѣній о древнихъ Славянахъ и можетъ доказать, что они сообщили названія большей части рекъ, горъ, долинъ, округовъ, областей во Франціи, Испаніи, Шотландіи и др. странахъ... Америка, Перу, Мексика и Чили наполнены Славянскими названіями. Название *Перигор* во Франціи состоитъ изъ двухъ-трехъ Славянскихъ; слово *баронъ* не что иное какъ *бояринъ*; Радмиръ—радъ миру, Людвигъ (людъ и двигатъ) и т. д. Но слѣдуетъ имѣть въ виду, что подобнымъ словоизъводствомъ тогда грѣшилъ Ломоносовъ и даже Шлецеръ. Всѣ Меровинги, какъ и Вандальскія государства въ Испаніи, по мнѣнію Екатерины, были Славянскаго происхожденія. И она настаиваетъ на необходимости иностраннымъ ученымъ изучать Славянскій языкъ. „Совѣтный судъ есть Славянскій обычай. Саксонцы онъ ввели въ Англію“, говорить она.

Екатерина весьма цѣнила труды Татищева и озабочилась изданіемъ его исторіи. Она приняла его мнѣнія объ исторіи и раздѣленіи Русской исторіи на 5 періодовъ, о лѣтописи Іоакима, которою пользовалась и для исторіи, и для своихъ драмъ, о бармахъ Владимира Мономаха, объ училищахъ въ до-монгольскій періодъ, характеристики князей и т. п., до его производства названія слова „бояринъ“ изъ Сарматскаго языка,

что значить будто бы „умная голова“ или „умный человѣкъ“, что впрочемъ принято и Болтинымъ; но ея національная точка зрењія не позволила ей признать варяговъ за Финновъ (какъ у Стриттера) уже потому, что соблазнительно покажется всей Россіи принять толкованіе о происхожденіи Россійского народа отъ Финновъ и самое отвращеніе указываетъ на ихъ разность; какъ не согласна она признать и мнѣніе Татищева, что *варяги* были пираты, и самое название которыхъ про-исходить не отъ *воръ*, а отъ *варъ* или *варъ*, такъ какъ они составляли почетную гвардію въ Константинополь. Равнымъ образомъ мнѣніе ея направлено и противъ *норманизма* Русскихъ князей. Не позволяя себѣ вносить въ исторію басни, она воспользовалась рассказами мнимой Іоакимовой лѣтописи, чтобы воспроизвести подробности ея въ исторической трилогії: „Рюрикъ“, „Олегъ“ и „Игорь“, написанныхъ „въ подражаніе Шекспиру, но безъ сохраненія обыкновенныхъ театральныхъ правилъ“. И на первыхъ страницахъ ея исторіи, и въ драматическихъ произведеніяхъ мы встрѣчаемся съ излюбленными ею идеями,ложенными въ основаніе „Наказа“. Такъ, Вадимъ, являющійся противникомъ власти Рюрика, тронутый его великодушіемъ, покоряется ему и отплачиваетъ вѣрной службою. Какъ это напоминаетъ ея бесѣду съ статье-секрет. Храповицкимъ: „Разговоръ о Франції! „Со вступленія на престолъ я всегда думала, что фермантаціи тамъ быть должно; нынѣ не умѣли пользоваться расположениемъ умовъ: Фаэта (Лафайета), какъ честолюбца, взяла бы себѣ и сдѣлала бы своимъ защитникомъ. Замѣть, что дѣлала здѣсь съ восшествіемъ*)“. Когда она пишетъ обѣ Ольгѣ, въ Славянскомъ происхожденіи и знатности рода которой она не сомнѣвается, то обращаетъ вниманіе на ея мужество и мудрость и тутъ же прибавляетъ, что Святославъ, пока жива была мать его, мало о правлениі прилежалъ, но упражнялся въ воинскомъ распорядкѣ и во всемъ полагался на мудрость и искусство своей матери. И здѣсь же изображаетъ просвѣщенную дѣятельность этой правительницы. Она утверждаетъ, что, благодаря благоразумію Ольги, и языкъ Славянскій стала процвѣтать. Невольно припоминаются здѣсь отношенія Екатерины къ сыну, в. кн. Павлу Петровичу, и ея просвѣтительная программа царствованія. И въ одномъ наброскѣ опять она припомнила враждебныя ей отношенія къ вел. кн. Павлу Петровичу Петра Панина; „Сосѣдъ—умоначертаніе почти Петра Панина: военной человѣкъ, невѣжда даже до математики—все вздоръ. Онъ обѣщаѣ учителя отыскать для сына“. Въ другой разъ сказалось женское чувство Екатерины, когда она коснулась правленія ц-ны Софьи: „Я думаю, говорить она, что ей не

*) Волковъ, Румянцевъ, Мельгуновъ и др.

была отдана должна справедливость... Она въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ руководила дѣлами государства со всею проницательностью, которой возможно желать... Она была весьма способна царствовать. Ея честолюбіе, когда ее хотѣли удалить отъ правленія, возбудило волненія, которыя утихли лишь, когда ее заточили въ монастырь*. Далѣе Екатерина распространяется о соперничествѣ Софіи съ матерью Петра, о придворныхъ интригахъ, и прибавляетъ, что партія ея была велика и нуженъ былъ весь геній Петра В., чтобы выпутаться изъ всѣхъ затрудненій, которыми постарались окружить со всѣхъ сторонъ этого юнаго государя*). Любопытно также, что при Екатеринѣ былъ вновь изданъ портретъ Софии со всѣми регаліями и полнымъ титуломъ, присвоенными царской власти.

Легкость обращенія въ христіанство Владимира Екатерина объясняетъ тѣмъ, что онъ былъ воспитанъ при бабкѣ и имѣлъ жену Чехиню, а народа—тѣмъ, что уже раньше было много христіанъ. Храповицкій пишетъ: „Призванъ для выслушанія раздробленія Россіи на удѣльныя княженія, во время нашествія Татаръ: ихъ сочтено до 70“. „Посуди, какъ же было не выиграть Татарамъ. Я еще новое напишу примѣчаніе о тогдашихъ Татарахъ“. Пользуясь лѣтописями и соч. Абулгази, Марко-Поло, Рубруквиса и др., Екатерина представляеть Татаръ грозной силой, и по численности ихъ войскъ, и по военной организаціи. Но она отмѣчаетъ вездѣ геройскіе подвиги Русскихъ, главнымъ двигателемъ которыхъ была вѣра. Любопытный эпизодъ въ этомъ отношеніи разсказываетъ тотъ же Храповицкій: „Показывалъ я рѣку Сить, въ Ярославской губ. Она впадаетъ въ Мологу, а Молога въ Волгу. На Сити убить вел. кн. Юрій Всеволодовичъ отъ Татаръ. Думали доказать, что онъ перешелъ Волгу гораздо ниже, чтобы Татаръ атаковать, но р. Сить показываетъ, что Юрій бѣжалъ къ Твери. Симъ открытиемъ не очень доволыны для сочиняемой исторіи“. Съ особенной настойчивостью Екатерина отмѣчаетъ, что вторая эпоха (отъ Рюрика до нашествія Татаръ) богата данными, указывающими на сношенія Россіи съ Зап. Европой и не только на многія связи и родство, но даже и на одинакіе обычай. Она всецѣло принимаетъ замѣчанія Татищева о существовавшихъ въ то время многихъ учили-

*) Въ другомъ мѣстѣ, представляя вымышленную бесѣду прежнихъ и современныхъ ей царственныхъ особъ, чужестранныхъ и Русскихъ, въ видѣ разговора портретовъ и медальоновъ въ Чесменскомъ дворцѣ, она влагаетъ въ уста Петра слѣд. слова: „Если бы обстоятельства не озлобили противъ меня сестры моей Софіи, я охотно пользовался бы совѣтами ея. Въ ней было много геніального, но она черезчуръ внимала внушеніямъ родственниковъ своей матери и въ особенности дяди своего Милославскаго, который ненавидѣлъ семью моей матери“.

щахъ. Все сие потерялось въ несчастной третьей эпохѣ, т. е. съ на-
шествіемъ Татаръ. „Неволя и рабство подарокъ и умокъ Татарскій,
котораго, получа въ третьей эпохѣ, наипаче чувствуемъ вездѣ въ
четвертой“. Въ другой разъ она замѣтила: „Есть двѣ эпохи, во время
коихъ Русскіе отъ Европы отстали: время власти Татарской и время
междоусобія, когда Шведы и Поляки большую партію имѣли; тутъ
старались только о частныхъ выгодахъ, а общее дѣло забывали; но и
тутъ вышли великие люди“. И, выслушавъ замѣчанія Храповицкаго,
что великія несчастія творять великихъ людей, она съ жаромъ то
поддержала... Она пишетъ біографіи Александра Невскаго, какъ „героя,
безъ чудесъ, жж. Сергія и м. Алексія; она называетъ рядъ великихъ
именъ, прославившихся своею дѣятельностью въ смутное время. Это
подтверждало ея вѣру въ миссію великихъ людей, которыхъ она назы-
ваетъ то *героями*, то иногда, въ шутку, *тиранами*. Ей были известны
архивные данные о раннихъ сношеніяхъ Московіи съ Франціей (при
Іванѣ Грозномъ), переписка Ф. И. Шереметева съ Филаретомъ, уте-
рянная потомъ, и т. п. Выступивъ на защиту Россіи противъ измыш-
леній аб. Шаппа, она оправдываетъ Бориса Годунова отъ взводимыхъ
на него злодѣяній: „Онъ былъ несчастенъ, а несчастные всегда вино-
ваты; многие историки наговаривали на него по наслышкѣ или по
молвѣ, распущенной его врагами или противными ему партіями“, и
указываетъ на примѣръ Петра В., который роспорядился возстановить
надпись на колокольнѣ, построенной Борисомъ, сказавъ, что слѣдуетъ
уважать память великаго человѣка. По словамъ Кокса, Екатерина
интересовалась разысканіями Миллера о Д. Самозванцѣ. Царь Василій
Шуйскій, замѣчаетъ Екатерина, утратилъ вѣнецъ потому, что захо-
тѣлъ отмѣнить форму правленія. „Ему сказали: мы не хотимъ двадцати
господъ, мы хотимъ одного государя. Какъ только вступилъ на пре-
столъ первый изъ Романовыхъ, всѣ смуты прекратились: ссориться
стало не изъ чего, такъ какъ мѣсто было занято. У Михаила былъ
отецъ, который былъ бы царемъ, если бы не былъ монахомъ и плѣн-
никомъ въ Польшѣ; этотъ отецъ могъ служить ему совѣтникомъ: онъ
былъ на это весьма способенъ“. И въ бесѣдѣ „портретовъ“ царь Василій (Шуйскій) говоритъ Михаилу Федоровичу: „Ни у кого на свѣтѣ
не было такихъ хорошихъ совѣтниковъ, какъ у тебя. При тебѣ былъ
отецъ великихъ дарованій, полный благоразумія. Тебя породилъ на
свѣтъ патріархъ Филаретъ. Тобой руководили, посадивъ на престолъ,
его ловкость, его мудрость. Находясь въ Польскомъ плѣну, я былъ
свидѣтелемъ... тутъ начало свѣтать, медальоны и портреты замолкли“...
Коснувшись смуты, бывшихъ въ теченіе XVII в., она замѣчаетъ, что
ихъ нельзя сравнивать съ тѣмъ, что было во Франціи во время дѣй-

ствій Лиги и Фронды, которыя призывали на помощь Испанцевъ, между тѣмъ, какъ наши ссоры прекращались, когда государство и государь были въ опасности. Низложение патріарха Никона она объясняетъ его безмѣрнымъ притязаніемъ, а именно желаніемъ участвовать во всѣхъ госуд. совѣтахъ и мѣшаться въ вопросы о войнѣ и мирѣ, а она, какъ известно изъ дѣла Арс. Мацѣевича, не одобряла двоевластія, о чёмъ такъ подробно сообщала Вольтеру.

Къ Петру В. Екатерина относилась съ особеннымъ почитаніемъ. „По справедливости нельзя надивиться разуму этого человѣка, писала она Вольтеру. Въ характерѣ его лучше всего то, что, какъ бы ни быть онъ вспыльчивъ, но истина всегда побѣждала его, и по одному этому, кажется мнѣ, онъ былъ достоинъ статуи (произведеніе Фальконета)“. „У Петра В., пишетъ она Гrimmu, были такие люди, которые и грамотѣ не звали, а все-таки дѣло шло впередъ. Стало быть, неурожая на людей не бываетъ... и, какъ скоро есть такой двигатель, все пойдетъ прекрасно“. Принцу Нассау-Зигену, послѣ пораженія флота, она написала: „Будьте выше событий и нападайте снова на непріятеля. Король Прусскій былъ истинно великъ послѣ большой неудачи. Петръ I, терпѣвшій пораженіе 9 лѣть сряду, одержалъ побѣду подъ Полтавой“. Проѣздомъ на Югъ Екатерина пожалѣла, что не тутъ построенъ Петербургъ, „ибо, проѣзжая сіи мѣста, воображаются времена Владимира I, въ кои много было обитателей въ здѣшнихъ странахъ. Теперь нѣтъ Татарь и Турки не тѣ“. Но въ 1795 г. она пишетъ Гrimmu: „Я совершенно согласна съ Шотландскимъ первомъ относительно Петербурга. Но по исторіи Россіи владѣтели Сѣвера имперіи легко становились господами Юга этой имперіи. Владѣтели Юга, безъ Сѣвера, всегда были слабы и вялы въ своей власти. Но Сѣверъ очень легко могъ обходиться безъ Юга или южныхъ провинцій. А столица этой имперіи, на мой взглядъ, еще не найдена, и вѣроятно не я ее найду. Если бы во время Шведской войны я не была здѣсь, нужно было бы на 60,000 войска больше, чтобы обеспечить насъ отъ этого стремительного нападенія“. Она рѣшительно высказалась противъ передѣлокъ реформъ Петра В., когда, по ея словамъ: „царствовала невѣжества собственная корысть и борствовалась склонность къ стариннымъ обрядамъ съ невѣдѣніемъ и непониманіемъ новыхъ, введенныхъ Петромъ I; отъ сего родилось отрѣшеніе надворныхъ судовъ въ 1726 г. и опредѣленіе, подписанное верх. тайн. совѣтомъ, чтобы упустить вовсе флотъ, а армію не комплектовать: важнѣйшій способъ, чтобы завистливые сосѣди Россію по клочкамъ разобрали“. Къ дѣлу верховниковъ она относится съ порицаніемъ; „но, къ счастію, прибавляетъ она, намѣреніе это было разрушено здравымъ смысломъ большинства“

и ссылается на примѣръ дѣлениѧ на удѣлы при Владимирѣ I и послѣдствія, которыя оно повлекло за собою. По поводу правленія Бирона она выражается: „Какъ бы ни было строго это царствованіе, мыувѣрены, что правленіе хваленаго Ришелье вынесеть съ нимъ сравненіе“. Она хвалить стойкость имп. Анны, по поводу Шведского вооруженія, что въ самомъ Стокгольмѣ камня на камнѣ не оставитъ. „Сія твердость тогда подѣствовала, а теперь Россія вдвое сильнѣе“. Въ другой разъ она замѣтила, что при имп. Аннѣ больше было порядка, чѣмъ при Елизаветѣ Петровнѣ. Въ бесѣдѣ „портретовъ“ Екатерина влагаетъ въ уста имп-цы Анны выраженія, обращенные къ Елизаветѣ. „Я любила власть такъ же, какъ и вы, но не прилагала ее къ бездѣлушкиамъ. Въ моемъ царствованіи было больше силы, нежели въ вашемъ“; на что им-ца Елизавета отвѣчаетъ: „Чтѣ одни называютъ силою, то у другихъ иногда слышать жестокостью“. Необходимо, однако, помнить и положеніе Екатерины въ цар. Елизаветы. А когда зашла рѣчь о страхѣ отъ бояръ въ царств. послѣдней, то Екатерина отвѣтила, что у всѣхъ ножей притуплены концы, и колоть не могутъ. Вступленіе на престолъ Елизаветы Петр. она объясняетъ какъ актъ всенародной воли и прѣва дочери Петра В. Въ замѣчаніяхъ и отдѣльныхъ запискахъ Екатерины о царств. Елизаветы разсѣяно и собрано много фактовъ, какъ близкой свидѣтельницы, и слышанныхъ ею отъ современниковъ, которые должны рассматриваться уже въ связи съ мемуарами. Кромѣ того, она писала замѣчанія на Записки Миниха, Бирона, аб. Денины и др., въ которыхъ опять можно найти много данныхъ для современной исторіи.

Въ связи съ занятіями исторіей, Екатерина высказала свои взгляды на Русскихъ историковъ. Она отдаетъ предпочтеніе труду Татищева, который разяснилъ многіе предметы. Это былъ умъ человѣка государственного, ученаго и знающаго свое дѣло. Изысканія Ломоносова представляются ей краткими и поверхностными. Исторія Щербатова скучна и тяжеловата; голова его не была способна къ этой работѣ, и она иногда удивлялась малому его соображенію. Трудъ Елагина ей не нравился своимъ декламаторскимъ стилемъ. Но все преимущество она отдавала Болтину, на строгій судъ которого передала свои драмы и историческіе опыты. Нельзя не замѣтить, что отзывы Екатерины объ историкахъ подтверждаютъ вѣрность ея исторического пониманія. Прочитавъ въ рукописи позже напечатанное произведеніе Стріттера, она сдѣлала опять замѣчанія и, похваливъ обстоятельность автора, замѣтила: „Г. Стріттеръ откуда уроженецъ? Конечно онъ какую ни есть национальную систему имѣть, къ которой ватягивается. Остерегитесь отъ сего“. Она приняла предложеніе Франц. писателя Сепакъ-

де-Мельяна написать исторію Россіи въ XVIII стол., настаивая на необходимости обширного введенія о состояніи Россіи въ предшествующее время, давала ему подробныя и полезныя наставленія, но, убѣдившись въ полной неприспособленности искателя счастья къ такому труду, прекратила сношенія съ нимъ. Не менѣе заслуживаетъ вниманія и система преподаванія исторіи, введенная въ учебныхъ заведеніяхъ времени Екатерины, важнѣйшею цѣлью которой ставилось „привести учениковъ къ тому, чтобы они понимали, чтѣ было главною причиною великихъ перемѣнъ, случившихся въ родѣ человѣческомъ“. Преподаваніе должно было сопровождаться употребленіемъ ландкартъ, синхронистическихъ таблицъ и т. п. наглядными приспособленіями.

Пользуясь историческимъ опытомъ, Екатерина прибѣгала къ помощи исторіи и въ своихъ политическихъ обстоятельствахъ. Коснувшись борьбы Новгорода съ Чудью, она отмѣтила, что „Ливонія или Лифляндія вся изстари къ Руси принадлежала“. Она просила, чтобы не говорили вообще „Польша“, а ставили, гдѣ слѣдуетъ, „Литва“... Польша, столицей которой былъ въ древности Краковъ, есть страна особая. И она не пожелала принять предложенный ей титулъ „королевы Польской“, такъ какъ въ ея владѣніи „неѣть ни одного дюйма Польши“, прибавляя, что она „очень хорошо подкована во всемъ этомъ, имѣя дѣло съ архивами и лѣтописями“. Кстати прибавимъ, что известный географъ Конрадъ Мальтбрюнъ (*Tableau de la Pologne anc. et mod., 1807 и 1830*) и Англ. историкъ Эд. Фриманъ вполнѣ согласны съ Екатериной, независимо отъ нея. Послѣдній говоритъ: „Нужно помнить, что при всѣхъ трехъ раздѣлахъ ни одна часть первоначального Польского государства не досталась Россіи. Россія получила обратно свою территорію, отнятую у нея Литвою и соединила большую часть самой Литвы съ областями, расположеннымми непосредственно на Сѣверѣ отъ нея. Древнее Польское королевство дѣлится между Пруссіей и Австріей, а древнѣйшая Польша выпадаетъ на долю Пруссії“. Насколько Екатерина придавала важность объединенію всѣхъ Русскихъ земель, видно изъ слѣдующаго ея замѣчанія: „Со временемъ надо вымынть у императора Галицію. Она ему не кстати, а нужна прибавка къ Венгріи изъ владѣнія Турецкаго“ (*Дневникъ Храповицкаго, Май 1793 г.*). Единство Россіи Екатерина понимала въ широкомъ смыслѣ, какъ въ политическомъ, такъ и этнографическомъ отношеніи. Ген.-прок. князю Вяземскому она писала: „Малая Россія, Лифляндія и Финляндія суть провинціи, которые правятся конфирмованными имъ привилегіями; нарушить оныя отрѣшеніемъ всѣхъ вдругъ весьма непристойно было, однакожъ и называть ихъ чужестранными и обходиться съ ними на такомъ же основаніи есть больше, нежели ошибка, а можно на-

звать съ достовѣрностю глупостю*). Сіи провинціи, также и Смоленскую, надлежитъ легчайшими способами привести къ тому, чтобы онъ обрусьли и перестали бы глядѣть, какъ волки къ лѣсу. Къ тому приступъ весьма легкій, если разумные люди избраны будутъ начальниками въ тѣхъ провинціяхъ; когда же въ Малороссіи гетмана не будетъ, то должно стараться, чтобы вѣкъ и имя гетмановъ исчезло, не токмо бъ персона какая была произведена въ оное достоинство[“]. Въ подробномъ же наставлениі гр. Румянцову относительно Малороссіи она между прочимъ говоритъ, что „не всегда силою ввѣренной вамъ власти, но болѣе многообразными ласковости и снисхожденія средствами и оными, смотря по дѣлу, по времени и по человѣку, искусно изворачиваться должно[“].

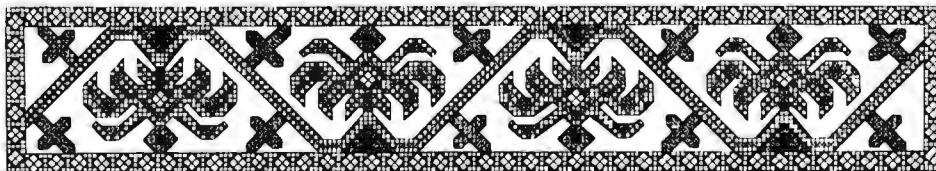
Прибавимъ, что оптимизмъ, вообще свойственный Екатеринѣ въ ея политическихъ взглядахъ, но подкрепленный опытомъ жизни и исторіи, позволялъ ей рисовать широкіе горизонты и въ будущемъ... „Русскій народъ есть особенный народъ въ цѣломъ свѣтѣ, который отличается догадкою, умомъ, силою, говорить она. Я знаю это по двадцатилѣтнему опыту царствованія. Богъ далъ Русскимъ особое свойство[“]. И она, не колеблясь, вѣрила, что „взойдетъ звѣзда Востока, откуда долженъ возсіять свѣтъ, ибо тамъ больше чѣмъ гдѣ-нибудь хранится подъ пепломъ духа и силы[“]. Такимъ образомъ Екатерина широко открывала двери тому ученію, которое позже, быть-можетъ, съ большими средствами, но едва ли съ большою настойчивостью, выступило на защиту и утвержденіе тѣхъ же положеній—въ лицѣ такъ называемой школы Славянофиловъ.

В. С. Иконниковъ.

Перепечатывается съ любезнаго дозволенія В. С. Иконникова изъ № 1—2 (1911 г.) „Вѣстника Киевского Военно-Исторического Общества“, отъ котораго получено на это согласіе. Въ предисловіи къ одному изъ своихъ трудовъ Екатерина говоритъ, что она не изъ числа эмъй вскормленныхъ за пазухой и всегда желала уплатить Россіи долгъ благодарнаго сердца. Кто эта вскормленная за пазухою эмъя, теперь уже знаютъ лица, занимающіяся безпредвѣстно Русской исторіею конца XVIII и начала XIX вѣка. П. Б.

---

*) Въ 1827 г. (12 Ноября) Импер. Николай I писалъ Цесар. Константину Павловичу: „La Lithuanie est province Russie, elle ne peut retourner à la Pologne, parce que ce serait attenter à l'intégrit  du territoire de l'Empire,—exemple qui a  t  tent  pour le g. de Wibourg et qui entra ne d j  de graves inconvenients, au point qu'il est possible qu'il retourne à l'Empire proprement dit“. (Сб. Имп. Рус. Ист. Общ., т. CXXXI, 1910, p. 194).

КУСКОВСКИЕ ФРУКТЫ.

Отписка приказчика Петра Александрова графу Петру Борисовичу Шереметеву.

При slанные отъ вашего сиятельства фрукты, персики, въ двухъ ящикахъ, въ одномъ большомъ, въ другомъ поменьше, оба ящика, кои получены вчерашняго числа къ вечеру сего нижеписанного числа имѣль отъ вашего сиятельства адресоваться для поднесенія Ея Императорскому Величеству къ князь Федору Сергеевичу Борятинскому¹⁾. Во первыхъ, докладывалъ, что отъ вашего сиятельства фрукты присланы къ поднесенію Ея Величеству, о которыхъ адресоваться приказано къ Александру Петровичу Ермолову; но какъ ваше сиятельство не безъ извѣстенъ, что его превосходительство отъѣхалъ²⁾, такъ поднести тѣ фрукты разсудилъ я адресоваться къ его сиятельству, который князь Федоръ Сергеевичъ отъ вашего сиятельства принялъ докладъ, кажется, порядочно и приказалъ меня препроводить къ камердинерамъ Ея Величества, и именно къ Захару Константинову, который, по объясненію отъ меня, приказалъ фрукты изъ обѣихъ ящиковъ вынуть, положа на блюды и поднести Ея Величеству. И по поднесеніи Ея Величеству приказано вашему сиятельству отъ Ея И. Величества отписать за фрукты благодарить.

Фрукты нашлись почти всѣ цѣлы и хороши и не болѣе какъ съ десятокъ помятны, и при мнѣ изъ ящиковъ имѣлись выниманы; я жъ при семъ случаѣ имѣль только счастіе камердинерами Ея Величества во всѣхъ комнатахъ, во опочивальной и другихъ, а особливо въ ново-сдѣланныхъ, въ верхнихъ надъ купальнею, имѣлся однимъ камердинеромъ водимъ смотрѣть.

Александръ же Петровичъ Ермоловъ, сказываютъ, на прошедшой недѣли въ Пятницу къ вечеру выпровожденъ изъ Царскаго Села вдругъ,

¹⁾ Обергофмаршалу. П. Б.

²⁾ Въ Рязанскую губернію, въ Михайловскій уѣздъ, гдѣ до нашихъ дней цѣла была его великолѣпная усадьба. П. Б.

и отъѣздъ его послѣдовалъ въ его деревни, или въ Москву; а князь Григорій Александровичъ*), сказываютъ, прошедшую недѣлю все объѣжалъ Нарвскій уѣздъ, а сего числа имѣлъ подъ Царскимъ Селомъ мнѣ нижайшему повстрѣчаться; изволилъ возвращаться въ Царское Село.

При семъ къ вашему сіятельству отправилъ Пятничныя газеты, „Еженедѣльное Сочиненіе“, и обратно письмо, присланное къ господину Ермолову, о которомъ князь Федору Сергеевичу не объяснялъ.

Князь Иванъ Сергеевичъ Борятинской отѣзжаетъ на время на сихъ дняхъ въ Москву.

Въ С-Петербургѣ,
28 Іюля 1786 г. Понедѣльникъ.

Письмо императрицы Екатерины II-ой къ П. Д. Еропкину.

Петръ Дмитріевичъ!

Похвальное ревнованіе Московскаго дворянства въ доставленіи людей на службу военную по случаю вѣроломно и нагло открытой королемъ Швецкимъ войны пріобрѣтаетъ мое признаніе, какъ дѣло доказующее ихъ усердіе ко мнѣ и къ пользѣ и къ славѣ отечества. Я поручаю вамъ сіи чувства мои засвидѣтельствовать и пребываю вамъ доброжелательная.

(Собственноручно) Екатерина.

Въ С.-Петербургѣ, 19 Іюля 1788 г. Получ. 24 Іюля.

Этого письма нѣть въ числѣ писемъ императрицы къ Московскому главно-командующему Еропкину, которая, съ подлинниковъ, находящихся въ Московскому генераль-губернаторскому архивѣ, напечатаны въ „Русскомъ Архивѣ“ 1872 г. Еропкинъ передалъ это письмо тогдашнему (первому) предводителю Московскаго дворянства графу Петру Борисовичу Шереметеву, котораго, вообще, Екатерина уважала: онъ былъ въ числѣ немногихъ лицъ, которымъ она вѣрила охрану сына и Петербурга, отправляясь, вечеромъ 28 Іюня 1762, съ войскомъ, въ Петергофъ. II. Б.

Сообщено графомъ С. Д. Шереметевымъ.

*) Потемкинъ. II. Б.

ЛЮБИМЦЫ ЕКАТЕРИНЫ ВТОРОЙ.

ХРОНОЛОГИЧЕСКИЙ СПИСОК *).

- 1) Сергѣй Васильевич Салтыковъ. 1753—Октябрь 1754.
  - 2) Князь Понятовскій 1756—1758.
  - 3) Князь Григорій Григорьевич Орловъ. 1759—1772 (лѣтомъ).
  - 4) Александръ Семеновичъ Васильчиковъ. 1772 (Сентябрь)—1774 (лѣтомъ).
  - 5) Князь Григорій Александровичъ Потемкинъ. 1774. Съ Ноября 1774 супругъ Екатерины.
  - 6) Графъ Петръ Васильевичъ Завадовскій. 1776 (Ноябрь)—1777 (Іюнь).
  - 7) Семенъ Гавrilovich Зоричъ. 1777 (Іюнь)—1778. (Іюнь).
  - 8) Иванъ Николаевичъ Корсаковъ. 1778 (Іюн.)—1779 (до 10 Октября) Стакіевъ, Страховъ.
  - 9) Василій Яковлевичъ Левашевъ 1779 (Октябрь).
  - 10) Николай Петровичъ Высоцкій 1780 (Мартъ).
  - 11) Александръ Дмитріевичъ Ланской. 1780 (Апрѣль)—1784 (Іюля 25).
  - 12) Мордвиновъ 1781—(Май—Іюль).
  - 13) Александръ Петровичъ Ермоловъ 1783 (Февраль)—1786. (Іюня 28).
  - 14) Графъ Александръ Матвѣевичъ Мамоновъ 1786 (Іюль)—1789 (Іюль).
  - 15) Князь Платонъ Александровичъ Зубовъ 1789 (Іюль)—1796 (Ноябрь).
- Кромѣ того упоминаются: въ концѣ 1779-го и началѣ 1780-го г.: Ранцовъ. Страховъ (?), Армянскій купецъ.

*) Издаётся съ подаренного „Русскому Архиву“ своеручного листка начальникомъ Главнаго Управления по дѣламъ печати М. Н. Лонгиновымъ, который составилъ этотъ списокъ, будучи отличнымъ знатокомъ исторіи Екатерининского времени. Надо сличить съ „Чистосердечнымъ признаніемъ“ Потемкину. П. Б.

Досточтимый графъ Александръ Ивановичъ Рибопьеръ, внукъ доблестнаго А. И. Бибикова, не только ласкаемый Екатериною, но, въ дни своего отрочества, бывшій съ нею даже въ перепискѣ, говорилъ намъ, что современники вполнѣ ей прощали ея увлечениія, которыя вызывались необыкновенными условіями самаго ея сложенія. Въ 1835 г. въ Вѣнѣ князь Зубовъ передавалъ ему, что Екатерина до конца дней сохраняла свѣжесть здоровья, и старость сказывалась въ ней только въ огрубѣвшемъ голосѣ. Октябрьская 1796 года переписка ея свидѣтельствуетъ о полной свѣжести ея ума, вопреки оскорблѣнію, которое было нанесено ей Шведскимъ королемъ. Предоставимъ зложелательству иностранцевъ твердить про ея любимцевъ. Насъ же ближайшее изученіе жизни ея обязуетъ лишь къ благодарности. П. Б.

ЕКАТЕРИНА ВЕЛИКАЯ ПО РАЗСКАЗУ СОВРЕМЕННИКА НѢМЦА.

Читатели „Русскаго Архива“ оцѣнили Записки Француза Корберона. Въ дополненіе къ нимъ приводимъ выдержки изъ книги, изданной въ Ерфуртѣ въ 1788 году: „Замѣчанія о Россіи“ (Bemerkungen über Russland). Написавшій эту книгу Нѣмецъ изъ Германіи прожилъ у насъ четыре года (1778—1782) и былъ сначала въ должностіи дворецкаго у кого-то изъ Эстляндскихъ господъ, а потомъ поселился въ Петербургѣ. Его книга вообще любопытна. Извлекаемъ изъ нея только изображеніе Екатерины. И. Б.

С. Петербургъ. Сентябрь 1781 г.

Сегодня я узрѣлъ ее, первѣйшую и знаменитѣйшую персону во всемъ современномъ мірѣ; я стоялъ близко и могъ хорошо слышать что она говорила. Чтобы вамъ дать, хоть приблизительное, понятіе о моихъ чувствахъ, вызванныхъ ея могуществомъ, величиемъ и обширною дѣятельностію и столь взволновавшихъ мнѣ душу, я долженъ разсказать вамъ, какъ все это произошло.

Вчера, вечеромъ, господинъ фонъ Іермерштедтъ сообщилъ мнѣ, что на сегодня назначенъ первый большой выходъ при дворѣ. Вмѣстѣ съ этимъ онъ пригласилъ меня ѿхать съ нимъ во дворецъ, и добавилъ, что онъ такъ устроитъ, что я отлично увижу Императрицу. Предложеніе это было мнѣ чрезвычайно пріятно, такъ какъ во мнѣ не разъ, при видѣ различныхъ учрежденій Государыни, проявлялось желаніе лично увидѣть созидательницу оныхъ. Онъ обѣщалъ заѣхать за мной въ одиннадцатомъ часу. Сегодня утромъ, передъ назначеннымъ часомъ, я уже сталъ поджидать моего друга; и такъ какъ онъ немногого запоздалъ, то я, тѣмъ временемъ, взглянулъ на висѣвшую у меня на стѣнѣ генеральную карту Россійской Имперіи. Тутъ-же висѣли карты и нѣкоторыхъ

другихъ государствъ, сдѣланныя почти въ одинаковомъ размѣрѣ. Я часто рассматривалъ эти карты но никогда еще меня такъ не поражали противоположность великаго съ малымъ, какъ въ ту минуту, когда я себѣ представилъ, что этой Империей владѣеть одна, которую я самъ скоро увижу. Я противопоставлялъ ей всѣ величайшія и могущественнѣйшія царства всего міра: Кира, Александра Великаго, Римскую республику, послѣ побѣдъ надъ Персами и Карѳагеномъ, Августа, Константина Великаго, Карла V, Чингисхана, Тамерлана, Китайцевъ и многихъ другихъ; но ничто не могло идти въ сравненіе съ этой Империей, въ отношеніи ея размѣровъ. Какое громадное разстояніе между Ригой и Петропавловскимъ портомъ! Или, черезъ Анадырскъ на Алеутскіе о-ва въ Америку! А что скажете вы про путешествіе изъ Риги на Петербургъ, Москву, Казань, оттуда черезъ Верхотурье, или южнѣе, черезъ Екатеринбургъ, въ Тобольскъ, Томскъ, черезъ Байкальское озеро въ Нерчинскъ, Иркутскъ, Удскъ (обычно: Удинскъ); затѣмъ, водой, черезъ Охотское море въ Большерѣцкъ и Петропавловскій портъ; или сухимъ путемъ черезъ Охотскъ, Анадырскъ, Алеутскіе о-ва, Уналяску (вѣрнѣе Агунъ-Аляшкѣ) въ Америку? Вѣдь это равняется, приблизительно, половинѣ земель всего полярного круга. Имперія, въ которой можно сдѣлать 1600 Нѣмецкихъ миль по одному направленію и которая вдвое больше всѣхъ прочихъ государствъ Европы. вмѣстѣ взятыхъ! И какими же показались они мнѣ незначительными, эти государства, подвѣленныя между столькими владѣтелями въ Европѣ, гдѣ Россія занимаетъ больше одной трети всего пространства!

По этому поводу, мнѣ пришло на память описание народностей Россіи, Георги. Совершенно различные народы, въ сличеніи однихъ съ другими, говорятъ на совсѣмъ разныхъ языкахъ, и такъ мало имѣютъ между собой общаго, по своимъ нравамъ, обычаямъ, образу жизни, потребностямъ, вѣроисповѣданію, что, казалось, самой природой предназначены для совершенно разныхъ политическихъ соединеній, а здѣсь составляютъ одно цѣлое, которое направляется одной женщиной, къ ея цѣлямъ, вопреки различію между чувствами, сознаніемъ и проявленіями воли въ каждомъ, отдельно взятомъ, народѣ.

Вы, можетъ, возразите мнѣ, мой дорогой, что всѣ люди чувствуютъ одинаково. Хорошо. А какъ объясните вы мнѣ, что, при одинаковомъ холода, Самоѣдъ находитъ погоду пріятною, а Астраханецъ забываетъ; что, при совершенно тожественныхъ условіяхъ, Чухча чувствуетъ себя въ полномъ довольствѣ, а житель Петербурга или Ревеля или какого другого города, жалуется на скучность во всемъ; что, при одинаковой остротѣ зрѣнія, Татарскія племена, занимающіяся охотой,

близоруки, а Юкагирскіе троглодиты дальновзорки? И точно тоже мы найдемъ относительно слуха и обонянія у различныхъ племенъ. Если это недостаточно ясно сказано мною, то изъ этихъ и тому подобныхъ примѣровъ вы увидите, что я подразумѣваю подъ этимъ. Прибавьте къ этому различіе степени въ развитіи ума и сердца между дикимъ Само-вѣдомъ и утонченнымъ жителемъ столицы. Какая между ними пропасть! Какъ показалось бы удивительнымъ, еслибъ Камчадаль долженъ былъ отдать 5 или 10 собакъ отъ своихъ саней, а Лопарь своихъ оленей, а Татаринъ своихъ чудныхъ коней, для того, чтобы ихъ впряженіи всѣхъ вмѣстѣ въ одну колесницу! А между тѣмъ, нѣчто подобное происходитъ среди людей, которые, въ извѣстномъ отношеніи, subtractis subtrahendis, почти такъ же могутъ быть различны. Ихъ впряженіи (не смѣйтесь!) въ одну политическую колесницу, которую каждый изъ нихъ долженъ двигать по своему. И этой машиной, снабженной различными колесами, править одно лицо, для дружной дѣятельности къ достижению цѣлей этого лица.

Вотъ, такими-то и подобными размышленіями былъ я занятъ, когда вошелъ мой другъ. Онъ извинился, что запоздалъ; но онъ сдѣлалъ это съ намѣреніемъ, чтобы я, еще ни разу не видѣвшій Императрицы, могъ увидѣть ее, когда она будетъ возвращаться изъ церкви въполномъ блескѣ двора. Обычный церемоніалъ слѣдующій: въ Воскресеніе въ 10 ч., Императрица, изъ внутреннихъ апартаментовъ направлялась въ церковь, находящуюся во дворцѣ. Ее можно было видѣть и при этомъ случаѣ, и въ самой церкви. Но многое больше торжественности при возвращеніи ея.

И такъ, около половины двѣнадцатаго, мы поѣхали во дворецъ. Безчисленные, великолѣпные экипажи стояли уже длинными рядами передъ дворцомъ, другіе еще только подѣжали къ нему. Державшиѣ караулъ гвардейцы не опросили меня, кто я такой, такъ какъ мой товарищъ былъ самъ гвардейскимъ офицеромъ. Мы и прошли мимо караульныхъ и у входа, и у лѣстницъ, какъ внизу, такъ и на верху, до часовыхъ у приемной залы, которыхъ выбираютъ изъ гвардейскихъ унтеръ-офицеровъ. Въ армейскихъ полкахъ они имѣютъ чинъ фендириховъ, но чаще чинъ подпрапорщиковъ или прапорщиковъ. Часовые у приемной залы спросили меня, кто я такой. Мой спутникъ отвѣтилъ: „Кавалеръ, Нѣмецъ“, а затѣмъ, пояснилъ мнѣ, что этою вынужденною ложью избавляетъ меня отъ дальнѣйшихъ опросовъ.

Двери открылись передъ нами, и Боже! среди какого несмѣтнаго множества орденскихъ лентъ, звѣздъ, разнообразныхъ мундировъ и проч. увидѣли мы себя. Тутъ были люди почти отъ всѣхъ народовъ Европы

и отъ различныхъ Азіатскихъ, какъ казаки, Калмыки, Крымцы, одинъ Персъ и др. Собственно Русскіе превосходили всѣхъ мужественной красотой и ростомъ. Я вообще замѣтилъ здѣсь, въ обществѣ, преобладаніе красивыхъ мужчинъ надъ женщинами; но это замѣчаніе не относится къ провинціи, а только къ Петербургу, куда привлекается все выдающееся, всякаго рода. Особенно же замѣтилъ я это, при дворѣ, относительно мужчинъ. Большинство иностранцевъ очень проигрывало передъ этими красивыми и рослыми Русскими.

Здѣсь, въ залѣ, были всѣ иностранные посланники, завѣдующіе дѣлами, резиденты и одинъ посолъ; сверхъ того, много разныхъ иностранцевъ всякихъ національностей, которымъ это зрѣлище казалось величественнымъ и пріятнымъ не менѣе, чѣмъ мнѣ. Много было тутъ Русскихъ генераловъ, штабъ-офицеровъ и другихъ знатныхъ, состоящихъ на службѣ у Монархии. Мое особенное вниманіе привлекали тѣ личности, которые получили уже извѣстность, по значенію, которое имѣли, или еще и теперь имѣютъ, въ политическихъ дѣлахъ, какъ напр. графъ Кобенцель, посланникъ Императора, герцогъ де-Веракъ—Французкій, графъ Гёрцъ—Прусскій, Гаррисъ—Англійскій и др., а еще и адмираль Григорій Орловъ, сжегшій, при Чесмѣ, большой Турецкій флотъ, и генераль Бауерь. Будучи Прусскимъ офицеромъ, онъ былъ присланъ королемъ Прусскимъ еще къ Петру III, чтобы показать пѣ-которые Прусскіе манёвры; а, впослѣдствіи, своими талантами и неутомимымъ усердіемъ онъ пріобрѣлъ благорасположеніе Государыни и неувидаемую память въ Русскіхъ, за улучшенія по инженерному вѣдомству, за учрежденіе корпуса кондукторовъ, за устройство болѣе точныхъ геометрическихъ съемокъ города, за мѣры о благоустройствѣ большихъ дорогъ, за обложеніе Фонтанки, за возведеніе иѣсколькихъ зданій и исправленіе многаго другого.

Всѣ эти персоны и многія другія изъ значительнейшихъ, въ настоящее время, вращались одинъ около другого. Это непрестанное расхаживаніе, привѣтствія*, господствующее желаніе быть представлѣннымъ, громкія увѣренія (частенько лживыя) видѣть другъ друга здоровыми, рѣчи ничего незначущія, или означающія совсѣмъ противное, придворные разговоры, все это усиливало несмолкаемый шумъ въ залѣ.

Вдругъ, отворились двери; возвѣстили о приближеніи Государыни, и, тотчасъ, всѣ посланники и другія знатныя персоны образовали проходъ, ставъ по обѣимъ сторонамъ. Ближайшимъ къ двери сталъ баронъ Фонъ-Ассенааръ, посолъ семи Голландскихъ соединенныхъ штатовъ, которому, какъ послу, давалось преимущество передъ прочими.

На противъ него стоялъ графъ фонъ Кобенцель. За этими двумя, стоявшими во главѣ прохода, слѣдовали посланники: Французкій, герцогъ де-Веракъ; Англійскій, кавалеръ Гаррисъ; Испанскій, кавалеръ фонъ Нормандесъ; Португальскій, кавалеръ Хортѣ; Шведскій, баронъ фонъ Нолькенъ; Прусскій, графъ Гёрцъ; Саксонскій, кавалеръ баронъ фонъ Сакенъ; уполномоченный отъ Ганзейскихъ городовъ (Любека, Гамбурга, Бремена и Данцига) кавалеръ Виллебрантъ и другіе представители: Польши, Сардиніи, Неаполя и Сардиніи, также и нѣкоторые секретари посольствъ, какъ напр. графъ Тизенгаузенъ.

Водворилась торжественная тишина. Казалось, никто не смѣлъ громко дышать. Такъ умолкали прочие боги, по словамъ Гомера, въ Иліадѣ, когда приближался Зевесъ. Впереди всѣхъ показался гофмаршалъ; за нимъ, попарно, камергеры, министры всѣхъ вѣдомствъ и прочие придворные. За ними шелъ князь Потемкинъ (Русскіе произносятъ какъ Потмѣкинъ) съ жезломъ, какъ генералъ-адъютантъ Императрицы; онъ шелъ одинъ. Непосредственно за нимъ слѣдовала та, которая, кромѣ своего собственного государства, тысячи существъ возбуждается отъ тихаго покоя, по одному своему усмотрѣнію, и въ Константинополь и въ Испагани, и даруетъ миръ нашему отечеству; та, флаги которой развѣваются въ Черномъ, Каспійскомъ и Средиземномъ моряхъ, также какъ въ Балтійскомъ и Бѣломъ; та, которая достигла того, мой дорогой другъ, что вы и безчисленное множество людей можете теперь, съ меньшимъ страхомъ и дрожью пѣть молебныя слова: „сохрани насть отъ меча Турецкаго“.

Екатерина II-ая средняго, скрѣе большаго чѣмъ маленькаго роста; она только кажется невысокою, когда ее сравниваешь съ окружающими ее высокими Русскими людьми. Она немного полна грудью и тѣломъ; у нея большие голубые глаза, высокій лобъ и нѣсколько удлиненный подбородокъ. Такъ какъ ей теперь 52 года, то и нельзя ожидать юношеской красоты. Но она, всего менѣе не красива; напротивъ, въ чертахъ ея лица еще много признаковъ ея прежней красоты и въ общемъ видны знаки ея тѣлесной прелести. Ея щеки, благодаря краскѣ, ярко румяны. Въ ея взглядѣ столько же достоинства и величія, сколько милости и снисхожденія. Она держится съ большимъ достоинствомъ, весьма прямо, но не впадаетъ въ принужденность.

Если я не ошибаюсь, то слышу вопросъ вашей милой жены. Что-же на ней было надѣто? Была ли она завита? Какое у нея головное украшеніе? Ну хорошо, я попробую на это отвѣтить. Ея одежда по отношенію къ кройкѣ почти такая же, какую носятъ вообще Русскія; только немного различія, особенно въ рукавахъ. Длинное платье, которое тянется отъ груди до ногъ, совершенно прямо. Это полукафтанье. Рукава доходятъ до кисти руки во множествѣ небольшихъ

складокъ. Вверху у плечь эти рукава нѣсколько шире, но ближе къ рукамъ они становятся ўже. Надъ этими Stolan¹⁾ или Adrienne²⁾ (если дерзну такъ назвать), носила она летучее одѣяніе безъ рукавовъ. Костюмъ и верхнее платье разныхъ цвѣтовъ и тамъ, гдѣ приходятся руки, все одно къ другому хорошо приложено, и я долженъ сказать, что это нѣсколько Азіатское одѣяніе на меня не произвело неблагопріятнаго впечатлѣнія, такъ какъ цвѣтѣ не слишкомъ ярки. Нижнее платье было изъ легкой матеріи, чередующейся между блѣдныемъ и серебрянымъ. Верхнее платье блѣдно-лиловое и также въ немногихъ затканныхъ серебромъ линіяхъ, лилово-красныхъ и переливчато-серебристыхъ. Ея головной уборъ: ко лбу спускающаяся и почти въ три пальца возвышающаяся прическа, сзади которой спадаетъ нѣсколько сплетенныхъ косъ. На тупѣй по-коилась небольшая брилліантами прикрѣпленная корона, подобная изображеніемъ на монетахъ. На груди небольшой щитокъ покрытый алмазами. Возлѣ этого грудного украшенія видны были двѣ орденскія ленты. Такъ какъ она эти орденскія ленты носила черезъ плечо, вплоть до бедра, и притомъ между верхнимъ и нижнимъ платьемъ, то посему они особенно замѣтны у самой груди. Одна прикрываетъ другую, такъ что нижняя лишь немного выдвигается. Верхняя, свѣтло-голубая, почти въ руку шириною, лента первого и высшаго ордена Россійскаго государства, Андреевскаго; нижняя, оранжево-желтая съ черными полосами: это военный орденъ Св. Георгія, или за военные заслуги. Отъ обоихъ, Андреевскаго и Георгіевскаго, орденовъ носила она золотыя брилліантовыя цѣпи вокругъ шеи и на груди, двѣ звѣзды, одна другую заслоняющія, такъ какъ она гросмейстеръ обоихъ орденовъ.

Ея полная грудь мало видна, вслѣдствіе Россійской одежды. Талия оченьширова, но, благодаря умѣло избранному платью, весьма удачно скрыта. Ногъ ея и совсѣмъ не видно.

Какъ только Императрица вступила въ комнату, она остановилась и нѣсколько разъ милостиво поклонилась многочисленнымъ присутствующимъ. Ея поклонъ совершается по Россійскому обычаю съ наклоненіемъ верхней части тѣла, какъ у нихъ кланяются только мушки; ибо вообще Россійская женщина никогда не наклоняется, какъ въ Германіи, а кланяется. Только немногія женщины и притомъ только тѣ, которыхъ хотятъ быть важными, наклоняются. Однако это происходитъ почти всегда во время минуты. Затѣмъ подходили одинъ за другимъ съ двухъ рядовъ и целовали ей руку, которую она всѣмъ подавала.

Пока это цѣлованіе руки происходило съ одной стороны, съ достоинствомъ и почитаніемъ, а съ другой, съ благоговѣніемъ, она разговаривала по французски съ графомъ Кобенцелемъ. Такъ какъ я стоялъ близко за нимъ, то могъ ясно понимать. Я любовался ея снисхожденіемъ или, если хотите, ея вѣжливостью, ибо она исключительно говорила о его дѣлахъ, о его семье и его родственникахъ.

¹⁾ Эпитрахиль.

²⁾ Одно изъ панскихъ облаченій.

Свита, которая предшествовала Императрицѣ, перешла въ соседнюю комнату. Какъ только кончилось цѣлованіе руки, она снова сдѣлала поклонъ на ходу нѣкоторымъ изъ стоявшихъ и перешла въ смежную комнату.

Непосредственно за монархиней слѣдовалъ ея камергеръ г-нъ фонъ Ланской (Landskoy) или, какъ его здѣсь всѣ зовутъ, фаворитъ, быть можетъ красивѣйшій мужчина, какого я въ жизни видѣлъ. Онъ высокаго роста, прекрасно сложень, лицемъ болѣе смуглый чѣмъ бѣлый. Онъ брюнетъ, но при этомъ съ лица нѣсколько томный, чтѣ встрѣчается, говорить, только у бѣлокурыхъ. Въ его появлѣніи достоинство, его взглядъ многообѣщающій; однако нѣкоторые увѣряли меня, что его умъ нисколько не отвѣчаетъ благопріятному впечатлѣнію. Такъ какъ онъ на этомъ посту удержался уже нѣкоторое время (болѣе четырехъ лѣтъ), то нѣкоторые, знающіе придворныя обстоятельства лучше чужихъ, узнающихъ за просто, выводятъ изъ того извѣстную умственную слабость. Они говорить: всякий, кто на этомъ посту долго и безтревожно пребываетъ, подобно Ланскому, долженъ быть или особенно хитеръ и притворенъ, или же другіе вѣльможи его не боятся: они должны знать его таковыи, что онъ никода не станетъ на ихъ пути, таковыи, что не чувствуетъ высокаго почета и не способенъ на интригу, поддерживаемый милостью Монархини. Къ этому добавляютъ: ни одинъ человѣкъ, соединяющій въ себѣ честолюбіе съ умомъ, не долженъ въ любомъ положеніи человѣческой жизни менѣе бытьувѣреннымъ въ сохраненіи своего мѣста. Объ этомъ г-нѣ фонъ Ланскомъ, положеніе котораго вызываетъ столько завистниковъ, долженъ я кое-что сказать, касающееся его происхожденія и скораго возвышенія.

Его отецъ имѣлъ весьма умѣренное состояніе, состоявшее главнымъ образомъ въ одпой подмосковной. Сынъ, какъ большинство Русскаго дворянства, рѣшился испытать счастія въ военной службѣ; онъ былъ посланъ въ Петербургъ и помѣщенъ въ гвардію. Его внѣшность и привѣтливое обращеніе способствовали тому, что онъ скоро переведенъ былъ въ кавалергарды. (Они служать у комнаты Императрицы; тогда какъ, на оборотъ, гвардейцы конные въ низу; а пѣши, судя по рангу персонъ, стоять на лѣстницахъ и въ црѣмныхъ). Между этими кавалергардами возвысился онъ вскорѣ такъ, что почти ежемѣсячно былъ производимъ: онъ теперь генераль-маиръ, шефъ пикенернаго полка, кавалеръ Бѣлаго Орла и дѣйствительный камергеръ. У него много имѣній съ крѣпостными крестьянами, полученныхъ отъ Монархини, какъ доказательство ея удовольствія, и тѣмъ онъ возвысилъ свою фамилію.

Примѣчаніе издателя. По отъездѣ этого корреспондента (т. е. автора Замѣчаній) изъ Петербурга, произведенъ онъ былъ въ генераль-лейтенанты. Но онъ не долго наслаждался блескомъ, ибо умеръ въ 1785 году. Позднѣйшая извѣстія утверждали, что Императрица потерю своего любимца чрезвычайно оплакивала, даже ради его носила нѣкоторое время вуаль. Онъ все свое состояніе предоставилъ Императрицѣ, которое она отдала его роднымъ. Она сохранила только его библіотеку, собранія гравюръ и ландкартъ и нѣкоторыя рѣдкости, за что роднымъ его дала столько денегъ, сколько все это стоило.

За нимъ, г-мъ фонъ Ланскимъ, слѣдовало въ парадномъ шествіи до 16 или 20 придворныхъ дамъ и фрейлинъ. Нѣкая фрейлина Энгельгардъ, племянница князя Потемкина, отличается ростомъ, красотой и, какъ говорятъ, также головою и сердцемъ, преимущественно предь другими. Онишли попарно за нею въ другую комнату, но часть ихъ осталась въ этомъ залѣ или пріемной.

Принесли прохладительное въ видѣ ликеровъ, вина и печеїй, которыми насладились не только отставшіяся дамы, но и разные господа, разговаривавшіе нѣкоторое время между собою.

Кромѣ названныхъ лицъ, мнѣ показали еще нѣкоторыхъ изъ тайного совѣта Императрицы: генераль-фельдмаршала князя Голицына, генераль-фельдмаршала графа Чернышова, генераль-аншефа князя Волконскаго, генераль-фельдцейхмейстера князя Орлова, тайного совѣтника князя Вяземскаго, канцлера графа Остермана, къ какому совѣту еще принадлежитъ и князь Потемкинъ.

Между придворными кавалерами выдавались оба—Александръ и Левт. Нарышкины, о садахъ которыхъ я недавно писалъ, Шуваловъ, Елагинъ, Гагаринъ, Барятинскій, Воронцовъ, Шкуринъ, Бибиковъ, Корсаковъ, Куракинъ, Павелъ Потемкинъ, генералъ Ребиндеръ и многіе другіе.

Между другими присутствовавшими персонами назову генерала Бецкаго, генераловъ Эльмта, Мюллера, Мордвинова, Сандвичъ, Шленовъ (?). Вечеромъ придворныя дамы уже не были столь жеманны какъ бы слѣдовало.

Быть я и на большомъ вечерѣ при этомъ дворѣ, о чёмъ я вамъ также долженъ сообщить. Какъ разъ передъ шестью часами отправились мы опять въ ту же комнату, гдѣ мы были утромъ. Комнаты были освѣщены, и общество болѣе смыкшись. Уже съ самаго начала находилось много женщинъ, которыхъ, почти совсѣмъ непринужденно, частію прохаживались или стояли, частію сидѣли и разговаривали съ кавалерами. Великолѣпіе брилліантовъ и дамскихъ нарядовъ неописуемо. Послѣ того какъ мы также взадъ и впередъ прошлись и любовались блескомъ драгоценныхъ булавокъ и другихъ ожерелій на головахъ и на грудяхъ, направились мы въ открытую и весьма помѣстительную для танцовъ залу. Въ этомъ залѣ также находилось множество персонъ въ особенности иностраннѣй министровъ и нѣсколько чужеземцевъ, которые потомъ были представлены Императрицѣ.

Вскорѣ послѣ 6 часовъ прибыла Монархиня, почти въ томъ же одѣяніи какъ утромъ, только дамская свита была многочисленнѣе. Иностраные министры опять составили проходъ; она остановилась въ дверяхъ, и означенные вновь были допущены къ прѣлованію руки. Двоихъ чужеземцевъ были представлены, изъ коихъ одинъ былъ господинъ фонъ-Корфъ, съ которымъ Императрица нѣкоторое время говорила.

При входѣ Монархини въ танцовальную залу заигралъ оркестръ шумную увертюру съ трубами и литаврами. Она перешла на другую сторону зала, и

вокругъ нея стояли графъ Кобенцель, Ланской, Голицынъ и нѣсколько дамъ. Затѣмъ открылъ балъ Нарышкинъ съ княгиней Голицыной краткимъ минутомъ. За симъ тотчасъ послѣдовали пять или шесть паръ. Императрица пересмотрѣла минуты, потомъ сѣла за карточный столъ, за которымъ она съ графомъ Кобенцелемъ и съ другими играла въ *l'homme*^{*}). Она на этотъ разъ сдѣлала исключение: она обыкновенно и преимущественно играетъ въ висть или въ макао. Кавалеры ея партіи нѣсколько разъ чередовались. Она такъ сидѣла за карточнымъ столомъ, что видѣла въ лицо танцующихъ. Камергеръ фонъ Ланской стоялъ большую часть времени за ея стуломъ. Не только во время раздачи картъ, но и даже во время игры, разговаривала она съ ласковымъ лицемъ то съ тѣмъ, то съ другимъ изъ игравшихъ, и вокругъ стоящими персонами. Она встала въ промежуткѣ однажды, минутъ на десять, чтобы поговорить съ нѣкоторыми лицами. Пока она говорила, лицо, съ которымъ она говорила, стояло передъ нею въ положеніи нѣсколько согбенномъ. Такъ Прусскій министръ графъ Герцъ минутъ пять-шесть стоялъ передъ ней полунаклоненный.

Съ двухъ сторонъ, гдѣ играла Государыня, стояло нѣсколько маленькихъ карточныхъ столовъ. Игра составлялась преимущественно старыми женщинами. Танцы не прекращались. Минуты продолжались недолго, за ними послѣдовали полонезы, особенно выдѣлявшіеся прекрасною музикою и разговорными кружками чужестранцевъ. Затѣмъ послѣдовалъ Англійскій контрансъ и въ заключеніе опять полонезъ.

Въ 8 час. поднялась Императрица съ своего стула, поклонилась всему обществу, и тотъ часъ же весь ея штатъ сталъ въ порядокъ. Она удалилась словно какъ въ процессіи. Танцы прекратились, и всѣ разошлись. Когда Великая Княгиня присутствуетъ, танцы продолжаются дольше, потому что она это любитъ. Но она и ея супругъ недавно уѣхали въ Германію, такъ что придворные танцовы нѣсколько поуспокоились. Монархиня никогда не танцуетъ и небольшая до того охотница, такъ какъ по вечерамъ рано уходитъ спать.

Въ числѣ придворныхъ дамъ отличаются, особенно въ отношеніи великолѣпія: княгиня Голицына, графиня Румянцева, графиня Чернышева, княгиня Куракина; въ отношеніи вкуса: княгиня Дашкова, фрейлина Полянская; въ отношеніи красоты: фрейлина Сивявина, двѣ фрейлины Энгельгардть; относительно остроумія особенно любуются фрейлиною Knowles. Изъ другихъ придворныхъ дамъ заслуживаютъ быть названными: графиня Скавронская, графиня Матюшкина, графиня Брюсь, фрейлины Шкурина, Молчанова. Вообще же признаю я дерзновеннымъ высказывать сужденія о такихъ особахъ.

Пришлось намъ внизу у дверей дожидаться болѣе получасу, пока не подали нашу карету. Было отъ 400 до 500 каретъ передъ дворцомъ и до ста внутри двора. Экипажи передъ дворцомъ стоятъ длинными вереницами, мѣсто ихъ опредѣляется случайно, кто является раньше. У дворца закрытый подъѣздъ,

^{*}) Испанская карточная игра (*l'homme* по-испански значить человѣкъ), нынѣ забытая и напоминаемая названіемъ ломберныхъ столовъ. П. Б.

къ которому подѣхать можетъ только одна карета. Со стороны Адмиралтейства вѣзда и выѣзда. У дверей стоить офицеръ. Какъ только карета вѣзжаетъ къ закрытой двери, прислуга или кучерь называетъ, кто приѣхалъ. Офицеръ громко его выкликаетъ; если отвѣтъ замедляется и на лицо васъ нѣтъ, то онъ говорить „poscholl“, т. е. прочь, уѣзжай. Тогда карета уѣзжаетъ порожнею и опять становится въ заднемъ ряду. Такимъ путемъ соблюдается порядокъ и у стражи.

Постоянный шумъ каретъ по всѣмъ улицамъ, дѣйствительно, нѣчто величественное, нѣчто царское, и продолжается, не смотря на строгій порядокъ, весьма долго. При этомъ кучера правятъ совсѣмъ безумно, большую частію полнымъ галопомъ, а потому, не смотря на освѣщеніе, для пѣшеходовъ довольно опасно: кто хочетъ вѣрно пройти, тотъ долженъ держаться стѣнъ.

И этотъ баль по свидѣтельству тѣхъ, которые часто оные посѣщаются, былъ блестящѣе обыкновеннаго, хотя бываютъ и болѣе многолюдные; потому что онъ первый по возвращеніи съ лѣтняго мѣстопребыванія, а равно и ради того, что совпалъ съ днемъ счастливой прививки оспы молодымъ Великимъ Княземъ. Однако я долженъ признаться, что то было величайшее великолѣпіе, когда либо мною въ отечествѣ видѣнное, или даже воображаемое. Бриллантны, жемчугъ, золото и серебро на Царицѣ, на придворныхъ дамахъ, на женахъ многихъ кавалеровъ и даже на мужчинахъ превосходятъ всякое представленіе. У нѣкоторыхъ были аксельбанты, пуговицы, рукоятки сабель, нагрудныя звѣзды и пр. въ драгоценныхъ камняхъ.

Одни кавалергарды, стоявшіе на часахъ и частію среди общества, въ серебрѣ. Но что же я могу сказать, когда уже принято говорить, что *hal paré* у Русскаго двора—величайшее великолѣпіе въ Европѣ?

Упомянутые кавалергарды состоять только изъ одной роты, которой шефомъ сама Монархиня. Они служатъ только въ комнатахъ Государыни, т. е. на придворныхъ аудіенціяхъ, въ танцевальныхъ залахъ и пр.. гдѣ она находится постоянно, или передъ комнатами и спальней. Нѣкоторые кавалергарды рѣдкаго роста, и между рядовыми все дворянине. Мундиръ или вѣрниче верхній колеть голубой съ красными обшлагами; послѣднихъ почти не видно, первыхъ мало ради серебряного шитья и серебряныхъ бляхъ. На груди и на спинѣ они носятъ крюкіе серебряные латы-кирасы, въ видѣ большихъ звѣздъ, на которыхъ въ изящной отдѣлкѣ золотой Русскій двуглавый орелъ; рукава и штаны съ серебрянымъ галуномъ. На сапогахъ выдѣляется серебряный ремень въ три пальца ширины до самой ноги. Надъ колѣномъ и подъ нимъ, а также у щиколотки, спускаются въ три пальца серебряные бляхи черезъ колѣна и ноги. Шпоры, ремень къ нимъ цѣпочка изъ того же металла. Такимъ образомъ все тѣло какъ бы покрывается серебряной кольчугой. На головѣ въ Греческомъ вкусѣ серебромъ украшенный шлемъ, украшенный прекрасными стразовыми перьями, бѣлыми, красными и черными.

Съ тѣхъ поръ я каждымъ Воскресеньемъ пользовался, чтобы доставить себѣ удовольствіе лицезрѣть земныхъ боговъ.

3 Октября стараго стиля, т. е. 14 новаго, былъ трауръ по кончинѣ не знаю какого-то изъ Нѣмецкихъ принцевъ; нѣсколько дней Монархиня появлялась въ бѣломъ платьѣ съ черными каймами. Всѣ иностранные министры были въ черномъ, за исключеніемъ Пруссаго, который былъ въ своемъ генеральскомъ мундирѣ. Онъ только одинъ можетъ появляться на придворномъ траурѣ, и никто изъ другихъ министровъ не имѣеть этого преимущества. Говорятъ, что это мудрая экономія Пруссаго короля, дающаго посламъ своимъ при другихъ дворахъ такой рангъ, который избавляетъ отъ многихъ расходовъ; ибо нельзя себѣ представить, какое количество разныхъ трауровъ при подобномъ дворѣ возможно, чтѣ отражается на каждой мелочи.

Не разъ замѣчалъ я, что князю Потемкину оказывали больше вниманія, чѣмъ самой Монархинѣ. Иногда приходилъ онъ за четверть часа ранѣе въ приемную. Какъ льстились передъ нимъ многіе старѣйшие генералы, съдовласые, съ голубыми, черножелтыми и красными лентами! Они низко ему кланялись, а онъ отвѣчалъ умѣреннымъ поклономъ. У своего подѣзда видалъ онъ часто до 40 или 50 каретъ. Здѣсь нельзя не замѣтить, что онъ живетъ во дворцѣ возлѣ Государыни. Только Эрмитажъ раздѣляетъ его помѣщеніе отъ ея комната. Этотъ князь человѣкъ въ лучшемъ своемъ возрастѣ, величъ и крѣпокъ фігурою, благопріятѣйшаго облика, только лѣвымъ глазомъ, подслѣповатымъ, весьма явственно коситъ. Въ военному министерствѣ онъ—всё..... Возвращаюсь ко двору, чтобы еще разъ сопровождать Государыню въ дворцовую церковь, гдѣ она видимые показываетъ знаки своего благочестія.

У нея одной было кресло за собою, ибо вообще въ Русской церкви не найти скамьи или стула и т. п. за исключеніемъ священниковъ. Ея мѣсто въ церкви значительно впереди, ближе къ алтарю, къ правой стѣнѣ, спереди и сзади окружено рѣшеткою, такъ что она на переднюю можетъ опираться руками. Я однако видѣлъ ее всегда стоящею свободно, никогда сидящею. Къ превосходной вокальной музыкѣ Придворной Капеллы она была очень внимательна. Эти пѣвчіе замѣняютъ собою органъ или другіе музыкальные инструменты, такъ какъ сіи послѣдніе изъ всѣхъ Греко-Россійскихъ церквей изгнаны. Пѣвчихъ было около 40 числомъ на каждой сторонѣ алтаря по половинѣ; они пѣли по очередно и вмѣстѣ. Они всеѣ были одинаково одѣты въ сукно цвѣта печени (*Leberfarbe*), обшитое золотомъ, только съ тою разницей, что покрой платья маленькихъ пѣвчихъ приближался скорѣе къ народной одеждѣ (т. е. въ верхнемъ платьѣ съ узкими рукавами, ремнемъ подвязанномъ). Взрослые однако носили платье на Нѣмецкій образецъ.

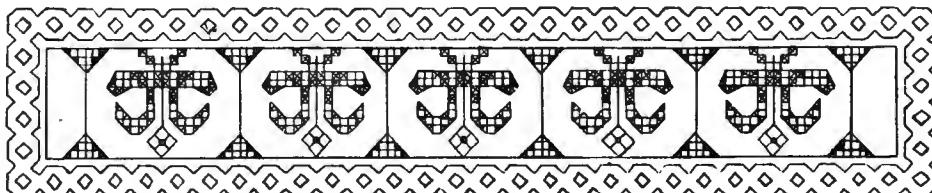
Когда священникъ что либо читалъ или пѣлъ речитативомъ, то Государыня, подобно простонародью, дѣлала весьма глубокіе поклоны верхнимъ корпусомъ и при каждомъ поклонѣ крестилась трижды. Эти поклоны она дѣлала

такъ низко, что верхняя часть тѣла по отношенію къ ногамъ составляла прямой уголъ. Тройное осѣненіе крестомъ происходило по большей части слѣдующимъ образомъ: тремя первыми перстами правой руки начинала она первый крестъ со лба до живота и затѣмъ отъ одного плеча къ другому. Второй крестъ доходилъ только отъ подбородка до мѣста des Rabels¹⁾. Третій, наконецъ изображался только на груди. На сколько величина крестнаго знаменія убавлялась, усиливалась быстрота движенія. При послѣднемъ рука двигалась какъ молния туда и сюда и попадала на свое мѣсто, когда корпусъ опять приподнимался. Такихъ крестныхъ знаменій дѣлала Монархиня въ теченіи получаса пожалуй до 50-ти и доказывала вообще во всемъ внѣшнемъ образѣ дѣйствій необычайное благочестіе²⁾.

¹⁾ ? . П. Б.

²⁾ Покойный графъ А. В. Адербергъ сказывалъ мнѣ, что всенощную Екатерина слушала на хорахъ, гдѣ у нея было столикъ, за который она садилась и раскладывала иногда граниасынсъ. Стоявши въ пизу молельщики не могли этого видѣть. П. Б.

ЧЕРТЫ МОНАСТЫРСКОЙ ЖИЗНИ XVIII ВѢКА.

Исаія Ичановъ, еще бывши іеромонахомъ, пользовался особымъ покровительствомъ Нижегородского митрополита Сильвестра Холмскаго (1708—1709 г.), который, незадолго до своего перевода въ Смоленскъ, сдѣлалъ его архимандритомъ Богородицкаго Оранского монастыря. Isaія управлялъ этой обителю десять лѣтъ. Какъ Сильвестромъ, такъ и замѣстителемъ его, епископомъ Питиримомъ, онъ считался добрымъ хозяиномъ и даже былъ переведенъ въ богатѣйшій по тогдашнему времени Троицкій Макаріевскій монастырь, владѣвшій тогда славной Макарьевской ярмаркой и получавшій отъ нея немалые доходы. Но при всѣхъ своихъ достоинствахъ Isaія не избѣгъ гнета тогдашняго времени, и еще въ бытность архимандритомъ Оранского монастыря онъ, по доносу посаженного имъ на пѣпъ буйствующаго инока, находился подъ карауломъ, откуда и былъ освобожденъ только въ Іюнѣ 1726 года. Очевидно, за напрасное обвиненіе и болѣе чѣмъ полугодовой арестъ, 12 Августа 1728 года по именному высочайшему указу изъ Верховнаго Тайного Совета Isaіи было опредѣлено „изъ остаточныхъ Нижегородского архиерейскаго дома доходовъ, которые подлежало платить въ Экономическую Коллегію, давать по 200 рублей въ годъ по смерть его, и ту дачу производить по вся годы безволовитно“.

Хозяйство въ Макарьевской обители было очень большое, и рабочихъ силъ требовалось немало, а такъ какъ Isaія былъ хозяинъ рачительный, то онъ и сталъ пополнять оскудѣвающій штатъ иноковъ, безъ всякаго разбора, руководясь чисто-экономическими соображеніями, причимая и безпаспортныхъ, и бѣглыхъ помѣщичьихъ крестьянъ. Окрестные помѣщики, видя убыль рабочихъ силъ, стали подавать Нижегородскому епископу Питириму жалобы. По разслѣдованіи ихъ въ 1733 г. оказалось, что Isaія съ братскаго приговора постригъ въ монахи съ 1729 по 1733 г. изъ своихъ и постороннихъ крестьянъ и изъ другихъ чиновъ до 30 человѣкъ, да, сверхъ того, напримѣнѣлъ въ монастырь пришлыхъ монаховъ безъ указовъ и паспортовъ 22 человѣка. Вслѣдствіе такого незаконнаго дѣянія, преосвященный Питиримъ, доводя о семъ до свѣдѣнія Св. Синода, сдѣлалъ предложеніе архимандрита Isaію „за такую безсостѣнную дерзость архимандритического и священнического дѣйствія вовсе лишить и впредь ни въ какое достоинство не производить, и быть ему простымъ чернецомъ въ хлѣбенной работѣ, въ какомъ-либо монастырѣ до кончины жизни,

а на мѣсто его назначить достойнаго человѣка; монаховъ, приговорившихъ чинить принятіе и постриженіе, наказать нещадно шелепами; съ постриженныхъ монастырскихъ крестьянъ монашеское платье снять и оставить бѣльцами въ монастырскихъ трудахъ; а если не захотять, отпустить ихъ въ свои дома; съ постороннихъ постриженныхъ также монашеское платье снять и отослать въ тѣ мѣста, гдѣ они были прежде, оставивъ только тѣхъ, которые пострижены изъ новокрещеной Мордовы, Польской націи и церковниковъ, а о пріи-
млыхъ монахахъ учинить такъ, какъ о волочащихъ чернецахъ указы по-
велѣваютъ".

13 Февраля 1734 года состоялось опредѣленіе Св. Синода: архимандрита Исаю лишить архимандричества и іеромонашества съ воспрещеніемъ производства его въ какое бы то ни было начальство, и сослать на его кошть въ Тобольскую епархию въ обрѣтающійся въ г. Березовъ монастырь простымъ монахомъ; опредѣленныхъ Исаи изъ остаточныхъ доходовъ Нижегородского архіерейского дома 200 руб. впредъ ему не давать; монаховъ, которые приговорили ему постригать и принимать крестьянъ, наказать нещадно шелепами; пріи-
млыхъ разныхъ монастырей монаховъ въ количествѣ 20 человѣкъ допросить всѣхъ, и о чёмъ нужно изслѣдоватъ, а по изслѣдованіи всѣхъ ихъ отослать въ свѣтскій судъ для учinenія публичного наказанія и ссылки въ вѣчное житѣ на Сибирские горные заводы.

Вслѣдствіе этого постановленія Св. Синода Исаія былъ сосланъ въ Кодинскій Троицкій монастырь Тобольской губерніи Березовскаго округа. Здѣсь онъ вскорѣ обратилъ на себя вниманіе Тобольскаго митрополита Антонія Стаковскаго, который въ 1737 г. писалъ къ Нижегородскому архіепискоцу Питириму, засѣдавшему въ Св. Синодѣ (въ качествѣ члена) съ ходатайствомъ о помилованіи Исаіи. Антоній между прочимъ просилъ также о разрѣшениі принять Исаю въ свой архіерейскій домъ во вниманіе къ тому, что у него, вслѣдствіе оскудѣнія монашескаго чина, почти некому служить.

Исаія не только былъ прощенъ, но Св. Синодъ указомъ отъ 28 Сентября 1734 г. опредѣлилъ вину Исаіи оставить и денежную дачу по 200 рублей выдать за всѣ четыре года ея; іеромонашество возвратить попрежнему. Вѣ-
роятно, по просьбѣ того же митрополита Антонія, Исаія въ 1739 г. былъ опредѣленъ архимандритомъ Нижегородского Зеленогорскаго монастыря, гдѣ вскорѣ по пріѣздѣ и скончался. (Монастырь этотъ упраздненъ въ 1764 г.; въ немъ находилось три церкви, нѣсколько каменныхъ зданій и монастырское кладище, въ которомъ, по словамъ автора „Памятниковъ церковныхъ древ-
ностей“ арх. Макарія *), кромѣ игуменовъ и архимандритовъ, похоронено около 300 монаховъ и до 130 схимниковъ. Цѣлы ли теперь ихъ надгробія?)

Еще печальнѣе была участъ бывшаго покровителя Исаіи, Нижегородского митрополита Сильвестра Холмскаго (Волынца).

*) СПБ. 1857 г., стр. 315.

Онъ происходилъ изъ Холмскихъ дворянъ, родной братъ его былъ Холмскимъ помѣщикомъ, образованіе получилъ въ Киевской Академіи (Колледжі). Очевидно, вскорѣ по окончаніи курса Сильвестръ постригся и поступилъ въ казначеи Новгородскаго архіерейскаго дома. Сдѣлавшись любимцемъ Новгородскаго митрополита Іова, онъ въ 1701 г. былъ назначенъ архимандритомъ Новгородскаго Деревяницкаго монастыря, черезъ годъ переведенъ въ Новгородскій Юрьевскій, а въ 1704 г. черезъ три года, по ходатайству того же Іова, опредѣленъ архимандритомъ Святотроицкаго Сергіева монастыря. Здѣсь онъ, какъ болѣе образованный среди своихъ собратьевъ-архимандритовъ, близко познакомился съ Ростовскимъ митрополитомъ святителемъ Димитріемъ и высокопоставленными людьми того времени. Получивъ нѣкоторую извѣстность, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ заслужилъ благоволеніе Петра I, такъ что по приказу Императора 14 Сентября 1708 г. былъ хиротонисанъ въ митрополита Нижегородскаго и Алатырскаго. Въ теченіе одиннадцати-лѣтняго управления Нижегородской епархіей Сильвестръ, по словамъ автора „Исторіи Нижегородской іерархіи“, арх. Макарія, всю свою дѣятельность главнымъ образомъ сосредоточилъ на искорененіи раскола и постройкѣ новыхъ церквей и монастырей.

5 Марта 1710 г. Сильвестръ былъ, переведенъ, митрополитомъ же, въ Смоленскъ; но это онъ почелъ для себя пониженіемъ и виновникомъ считалъ Новгородскаго архіепископа Феодосія, игравшаго тогда уже большую роль. Пробывъ въ Смоленскѣ менѣе года, онъ былъ переведенъ въ Тверь, при чемъ, хотя митрополичье званіе за нимъ и было оставлено, ему вѣльконосить клобукъ черный, а степенью стоять выше Коломенскаго. И въ Твери онъ тоже только строилъ да святилъ церкви, „а въ Тресвятскомъ выкопалъ пруды, сдѣлалъ насыпную гору и назвалъ ее Фаворомъ, подъ каковымъ именемъ она и доселъ существуетъ“. Въ Ноібрѣ 1722 г. онъ, вслѣдствіе настоянія Синода, приступилъ было къ устройству духовнаго училища, но это предпріятіе его не осуществилось. 24 Февраля 1723 года, Петръ, будучи въ Преображенскомъ, указалъ именнымъ повелѣніемъ: во вдовствующую *) Рязанскую епархію перевести Сильвестра, архіерея Тверскаго, и быть отнынѣ той Рязанской епархіи епископію, и именоваться ему, архіерею, (?) епископомъ. Причина такого пониженія заключалась въ томъ, что, будучи, человѣкомъ самолюбивымъ и гордынъ, Сильвестръ не могъ ни съ кѣмъ уживаться. Кромѣ того, онъ былъ не лишенъ и стяжательности: на него сыпались обвиненія въ незаконныхъ поборахъ, растратахъ и присвоеніи монастырскаго имѣнія, что дало поводъ Синоду дѣлать разные начеты.

Несмотря на подобныя отношенія, Сильвестръ съ своей „необычной яростью“ имѣлъ предерзости, писать, что-де „Государь Императоръ указалъ меня, старого своего богомольца, митрополита, 15 лѣтъ имѣвшаго въ семъ санѣ панагію и клобукъ бѣлый, перевести въ старую Рязанскую митрополію митрополитомъ же; но изувѣръ Федось, увидѣвъ, что не его избраніемъ я

*) Рязанскій митрополитъ Стефанъ Яворскій † 27 Ноібря 1722 г.

пожалованъ, по зависти своей, вымыслилъ, сообща съ Налехинымъ¹⁾ и съ Овсяниковымъ²⁾. Въ Синодальную палату велѣли сказать сказку: пожалованъ де ты въ Рязанскую епархію, а ты, будучи тамо митрополитомъ, во время церковной службы Бога за себя молить не вели, а пишися епископомъ. „И отъ оныхъ не вѣмы, за что уничтоженъ, что и значило—данную мнѣ митрополичью честь отъяли безъ всякой причины. Како пріятно будетъ, какъ пожалуютъ кого изъ генераловъ въ полковники, а въ духовномъ чинѣ изъ поповъ въ діаконы, а изъ офицеровъ въ солдаты?“ Съ восшествіемъ на престолъ Екатерины Сильвестръ, пользуясь благоволеніемъ тогдашихъ синодскихъ персонъ, Ростовскаго архіепископа Георгія Дашибова и Коломенскаго Игнатія Смолы, былъ вызванъ къ 7 Мая 1724 г. на коронацію Императрицы, въ Августѣ 1725 г. переведенъ въ Казань архіепископомъ. Вскорѣ по прибытіи на Казанскую епархію онъ подалъ Императрицѣ прошеніе, чтобы за бывшее терпѣніе удостоить его прежнимъ митрополичімъ званіемъ по примѣру Сибирскаго митрополита Антонія, у котораго такого званія не отнято. Синодъ указомъ 15 Марта 1727 г. просьбу Сильвестра удовлетворилъ: митрополичьяго чина удостоилъ, но съ тѣмъ, что „токмо носить ему черный клубокъ, какъ въ Твери“. Въ Казани онъ снова сталъ проявлять свою гордость и самолюбіе, и вскорѣ завелъ сильную вражду съ Казанскимъ губернаторомъ, известнымъ Артемиемъ Волынскимъ. Съ обѣихъ сторонъ начались доносы и жалобы. Сильвестръ обвинялъ губернатора въ воровствѣ, грабительствѣ и смертныхъ убийствахъ; Волынскій въ свою очередь не дремалъ и зорко слѣдилъ за всѣми дѣйствіями митрополита и скоро нашелъ подходящій случай отмстить своему недругу.

Синодальный членъ, Коломенскій митрополит Игнатій Смола, по доносу Воронежскаго вице-губернатора, за потворство въ дѣлѣ епископа Льва Юрлова, былъ лишенъ сана и 6 Декабря 1730 г. былъ отправленъ въ Свіяжскій Богородицкій монастырь къ архимандриту Гавріилу, съ угрозою „лишенія священства и монашества за малѣйшее отступленіе отъ правиль ссылки“. Сильвестръ принялъ Игнатія, какъ своего бывшаго покровителя, съ почетомъ и дѣлалъ ему всевозможная снисхожденія. Волынскій, конечно, не преминулъ сдѣлать донось, добавляя, что Игнатій говорилъ Сильвестру: „ей ли... архіерея судить“, а митрополитъ-де на это ничего не сказалъ.

Начался, по обыкновенію, розыскъ. У Сильвестра отобрали всѣ письма и бумаги, въ которыхъ нашли пасквили на всесильного тогда Феофана Прокоповича съ обвиненіемъ его въ неправославії, а также и другія укорительныя письма. Нашлись и свидѣтели непристойнымъ рѣчамъ митрополита. И на основаніи, впрочемъ очень шаткихъ, данныхъ, 30 Декабря 1731 г. состоялось опредѣленіе: „Игнатія Смolu сослать въ Николаевскій Корельскій монастырь и держать тамъ его подъ крѣпкимъ карауломъ безыходно, а Казанскаго Сильвестра содержать въ Невскомъ монастырѣ неисходно“.

¹⁾ Синодскій оберь-секретарь.

²⁾ Ассессоръ Синода Варлаамъ.

Но недолго прожилъ опальный митрополить въ Невскомъ монастырѣ. По доносу уже самого Новгородского владыки Феофана, онъ 25 Марта 1732 г. за то, что говорилъ непристойныя рѣчи и „употребляль свои коварственныя ханжества“, былъ сосланъ въ Крыпецкій Ісковскій монастырь. Жестоко обиженный, терпя и притесненія не только отъ игумена Макарія и монастырской братіи, но даже отъ караульныхъ солдатъ, Сильвестръ наконецъ возмутился и чтобы вырваться изъ этой суровой обители, употребилъ обычное по тому времени кричаніе: „слово и дѣло государево“. Онъ потребовалъ, чтобы его съ сержантомъ Сукинымъ, который якобы былъ его, митрополита, кулаками и хотѣлъ даже умертвить,—вызвали въ Москву. Походная тайная канцелярія приказала взять ихъ съ сержантомъ изъ Іскова и везти порознь, а изъ опасенія, чтобы непотребныхъ словъ отъ нихъ не происходило, заклеить имъ ротъ... и смотрѣть, чтобы они не убѣжали или чѣмъ-нибудь себя не умертвили; въ пищи давать одинъ лишь хлѣбъ, переламывая на малые куски.

Опять началось слѣдствіе съ неизбѣжными допросами. 19 Октября 1732 г. въ Кабинетѣ состоялся приговоръ: снять съ Сильвестра архіерейскій санъ, лишить его іеромонашества и послать простымъ монахомъ въ Выборгъ, гдѣ содержать его въ замкѣ, называемомъ „Германъ“, для караула же опредѣлить каправа и четырехъ солдатъ, а сержанта Сукина, яко невиннаго, освободить.

Узникъ Сильвестръ скончался 31 Мая 1735 года. Послѣ его смерти оказалось въ Казани и Москвѣ принадлежащихъ ему денегъ 1319 руб. и кое-что изъ имущества, припрятанного въ Казани въ амбарахъ и зернѣ у знакомыхъ. Деньги были употреблены на постройку синодального дома.

Такова была участъ митрополита, прогнѣвшаго всесильнаго первого члена Синода, архіепископа Феофана, который только однимъ годомъ пережилъ свою жертву.

Sunt lacrymae regum.

Ростовъ Великій. 1911. Мая 2.

Андрей Титовъ.

Письма митрополита Исидора къ священнику Хуціеву.

1.

Получ. 26 Іюня 1848 г.

Секретно.

Нухинскому священнику Евстафію Хуціеву.

Въ разрѣшеніе репорта отъ 28 Мая за № 54-мъ даю знать, что съ чиновникомъ Давыдовымъ можно отправиться въ Шинское ущеліе, подъ предлогомъ совершения требъ нижнимъ чинамъ, и если послѣдніе пожелають, то удовлетворить ихъ духовнымъ нуждамъ, совершивъ у нихъ всенощное бдѣніе, молебень и исповѣдать тѣхъ, кои не исповѣдывались въ Великомъ посту. Между тѣмъ, съ благоразумною осторожностию, развѣдать обѣ образѣ мыслей Ингилойцевъ. Если бы кто изъ нихъ пожелалъ принять Св. Крещеніе, то окрестить его безъ излишней огласки, пригласивъ въ ущеліе Шинское, гдѣ работаютъ Русские солдаты. О послѣдующемъ мнѣ донести со всею подробностію.

Исидоръ екзархъ Грузії.

№ 534. 22 Іюня 1848 года.

2.

Получено 11 Января 1849 г.

Секретно.

Нухинскому священнику Евстафію Хуціеву.

Старанія твои и дѣйствія относительно Ингилойцевъ одобряю. Пользуйся пріѣзжающими въ Нуху, въ такомъ же тонѣ, какъ описано въ твоемъ репортѣ. Медлительность успѣха не должна охлаждать усердія, потому что успѣхъ зависитъ отъ Бога. Въ Ингилойскія деревни

ѣздить не надобно, и перемѣнить священническое одѣяніе ни въ какомъ случаѣ не разрѣшаю.

Исидоръ экзархъ Грузіи.

№ 1114. 30 Декабря 1848 года.

3.

Священнику Евстафію Хуціеву.

Въ Шемаху перевѣстъ тебя трудно, и для тебя вредно по извѣстнымъ отношеніямъ начальника губерніи.

Если бы Кубинскій Іосселіанъ согласился помѣниться съ тобою мѣстами,—это сдѣлать не трудно было бы.

Намѣстникъ *) не говорилъ мнѣ о тебѣ ни слова; слѣд. если и подана ему записка, то оставлена безъ вниманія.

Служи усердно, веди себя осторожно и не опасайся козней. Зотиковъ, по требованію гражданскаго начальства, назначенъ депутатомъ при рѣшеніи дѣла въ судѣ. Если бы тамъ и сдѣлали какія-либо къ тебѣ придирики, осужденіе о тебѣ будетъ предоставлено намъ, и мы вытребуемъ подлинное. Слѣд. тебѣ опасаться нечего.

Миръ тебѣ и благословеніе!

Исидоръ экзархъ Грузіи.

Дек. 19-го 1851 г.

4.

Священнику Евстафію Хуціеву.

За трудъ по составленію Русскаго словаря благодарю. Для продолженія его можно вызвать священника Чолошаева въ Нуху. Нѣть надобности строго держаться словаря Сулханова. Если какому-либо Русскому слову нѣть соответствующаго въ Удинскомъ языкѣ, такое слово пропускать. Если произношенія Удинскаго слова нельзя въ точности передать Русскими буквами, такое слово прежде изобразить приблизительно одними Русскими буквами и противъ него написать въ скобахъ тоже слово одними Грузинскими буквами, но не вставлять Грузинскихъ буквъ въ средину Русскихъ. Сообразно съ симъ и возвращается тетрадь. Для образца словосочиненія, можно переложить на Удинскій языкъ какую-либо статью изъ Краткой Священной Истории.

*) Князь М. С. Воронцовъ, съ которымъ Исидоръ находился въ наилучшихъ отношеніяхъ. П. Б.

PS. Относительно перевода въ Кубу, не беспокойся. Ежели здоровье слабо, лучше останься въ Нухѣ; ибо въ Кубѣ, говорять, мѣстность не совсѣмъ выгодна для больныхъ. Туда пожелалъ ученикъ Проклъ Іосселяніи, о которомъ и производится дѣло.

Секретно. Наблюди стороною, какой у васъ будетъ отголосокъ дѣла о обращеніи Ингилойцевъ. Это дѣло теперь начнется рѣшительно.

Исидоръ экзархъ Грузіи.

Генв. 24. 1851.

5.

Нухинскому священнику Хуціеву.

Такъ какъ ты прежде жаловался мнѣ на тяжесть климата и частыя болѣзни: то не желаешь ли быть перемѣщеннымъ къ Боржомскимъ минеральнымъ водамъ, близъ Ахалциха, гдѣ открывается вновь священническая вакансія съ жалованьемъ по 300 р.? Климатъ тамъ лучшій въ Грузіи. Прихожанъ до 300 изъ военныхъ, и въ нынѣшнемъ году прибудутъ 50 семействъ изъ Малороссіи. Слѣдственно и доходы будутъ. Отвѣчай мнѣ съ первою почтою.

Исидоръ экзархъ Грузіи.

Февр. 19. 1853.

6.

Нухинскому священнику Хуціеву.

Препровождаю къ вамъ напечатанный Удинскія рѣшенія, съ тѣмъ, чтобы вы, при содѣйствіи учителя Нухинскаго училища г. Бежанова, природнаго Удина, поставили надъ каждымъ словомъ ударенія, смотря потому, какъ слово произносится Удинами, и затѣмъ печатные листы возвратили бы ко мнѣ въ возможной скорости.

Исидоръ экзархъ Грузіи.

№ 556. 24 Февраля, 1855 года.

Словарь возвращенъ при рапортѣ отъ 18 Марта № 18. Св. Ев. Хуціевъ. При этомъ же рапортѣ посланъ и словарь Сулхановъ, бывшій у меня.

7.

Почтенный отецъ Евстафій!

На два письма твои отвѣтствую, что хотя мнѣ и жаль тебя, но, при всемъ моемъ желаніи облегчить твое положеніе, не вижу никакихъ средствъ. Въ Петербургѣ при многихъ церквахъ магистры и кандидаты Духовной Академіи служатъ діаконами, въ ожиданіи какого-либо свя-

щенническаго мѣста не только приходскаго, но даже въ казенныхъ заведеніяхъ, гдѣ многіе священники получаютъ жалованье не свыше 350 р. Есть нѣсколько діаконовъ, ожидающихъ такого мѣста болѣе 10 лѣтъ. Профессоры Академіи и Семинаріи, получая жалованья по 429 р., пытаются тою же надеждою. Вакансіи священническія такъ рѣдко открываются, что я не могу отыскать средствъ для удовлетворенія ходатайствъ Государя Наслѣдника и В. К. Константина Николаевича обѣ опредѣленіи двухъ лицъ съ академическимъ образованіемъ. При такихъ обстоятельствахъ возможно ли помышлять о вызовѣ людей изъ другихъ епархій? Если губернаторъ Бакинскій принимаетъ въ васъ участіе, почему не попросить его о ходатайствѣ у намѣстника, чтобы къ жалованью прибавили что нибудь изъ мѣстныхъ экстраординарныхъ суммъ, или представили о прибавкѣ жалованья изъ казны? Если бы и это оказалось затруднительнымъ, можно просить экзарха о перемѣщеніи васъ въ другой городъ, гдѣ содержаніе не скучно, съ переводомъ на ваше мѣсто священника малосемейнаго.

Господь да устроитъ дѣла ваши по милости Своей!

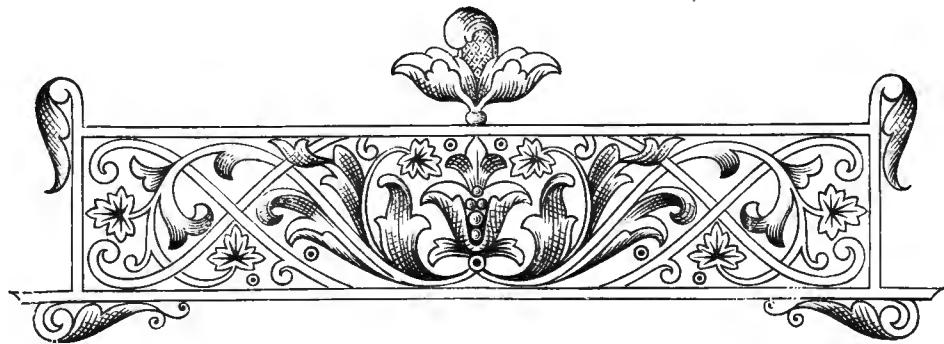
Исидоръ м. Новгородскій и С.-Петербургскій.

Апрѣля 16. 1862.

Эти письма доставлены въ „Русскій Архивъ“ изъ Тифлиса сыномъ Евстафія Хуціева, съ нижеслѣдующими о немъ подробностями.

Евстафій Хуціевъ родился въ Москвѣ, мать его была Русская; отецъ же служилъ при Грузинской царицѣ Маріи виночерпіемъ (этую должность занимали при Грузинскомъ дворѣ Хуціевы въ теченіе столѣтій). Царица Марія, какъ известно, была поселена въ Москвѣ. Оставшись круглымъ сиротою въ младенческихъ лѣтахъ, Евстафій Хуціевъ былъ воспитанъ царицею Маріею, которая дала ему отличное образованіе. Онъ учился въ Московской гимназіи и въ Лазаревскомъ Институтѣ, и только болѣзнь помѣшила ему окончить ученіе на медицинскомъ факультетѣ. Исидоръ, назначенный экзархомъ Грузіи, на пути туда навѣщалъ въ Москвѣ царицу Марію, которая попросила его взять съ собою на Кавказъ слабогрудаго ея питомца. Экзархъ полюбилъ Хуціева; онъ сдѣлался его секретаремъ и, посвященный въ священники, успѣшно распространялъ православіе. Позднѣе онъ служилъ благочиннымъ въ 39-ой полковой дивизіи, и въ Турецкую войну 1877 и 1878 годовъ былъ раненъ въ голову и ногу, а по выздоровленіи назначенъ въ Севастопольскій Адмиральскій Соборъ, гдѣ и скончался 92-хъ лѣтъ отъ роду. Имѣлъ онъ ордена Анненскій и Владимирскій и золотой наперсный крестъ на Георгіевской лентѣ; за миссионерство получалъ подарки отъ Государя и Великихъ Князей.

ВОСПОМИНАНИЕ О МИТРОПОЛИТЕ ИСИДОРѦ.

Въ послѣднее семилѣтіе Николаевскаго царствованія, цензурныя строгости доходили до крайнихъ предѣловъ: Д. П. Бутурлинъ настаивалъ, чтобы подвергнуть цензурѣ самую Библію и напечатать ее съ сокращеніями, на подобіе Латинской Вульгаты, чтѣ противорѣчило бы самому духу православной вѣры. Мѣра эта не была къ счастію принята; но Русскій переводъ Священнаго Писанія оставался въ строжайшемъ запрѣтѣ, и два митрополита, Петербургскій и Киевскій, возставали противъ мнѣнія Московскаго Филарета, который, еще въ царствованіе Александра Павловича, напечаталъ свой Русскій переводъ Псалтыря. Съ воцареніемъ Александра Николаевича рѣшено было издать полную Библію по-русски, и для этого снаряжена особая комиссія подъ предсѣдательствомъ Петербургскаго митрополита Исидора. Членамъ Комиссіи назначено значительное вознагражденіе. Когда дѣло было кончено, Исидору надлежало по разсчету получить крупныя деньги. Онъ рѣшительно отказался, объявивъ, что не можетъ получать мзду за Слово Божіе. Я узналъ о томъ отъ моихъ двухъ племянниковъ, служившихъ тогда въ Св. Синодѣ.

Это расположило меня къ Петербургскому владыкѣ. Уже по выходѣ въ свѣтъ Русской Библіи, покойный Каэтанъ Андреевичъ Коссовичъ прочелъ мнѣ свой переводъ „Пѣсни-Пѣсней“ прямо съ Еврейскаго языка, котораго былъ онъ знатокомъ. Онъ далъ мнѣ прочесть письмо, полученное имъ отъ митрополита Исидора, котораго кто-то познакомилъ съ переводомъ Коссовича. Митрополитъ писалъ, что, знай онъ прежде про этотъ переводъ, то, конечно, помѣстилъ бы его въ синодальномъ изданіи Библіи. Письмо написано съ искренностю, просто и тепло.

Прямо отъ Коссовича съ Васильевскаго Острова поѣхалъ я въ Лавру, и когда меня ввели въ митрополичью гостиную, я услышалъ:

„Здравствуйте, Петръ Ивановичъ“. Я выразилъ удивленіе, почему извѣстно ему мое не только имя, но и отчество.— „Какъ же, ваши желтенькія птички (цвѣть обертки „Русскаго Архива“) и ко мнѣ прилетаютъ“. Оказалось, что Исидоръ, еще служа викаріемъ въ Москвѣ, часто видался съ И. М. Снѣгиревымъ и раздѣлялъ его любовь къ Русской исторіи. Про Филарета говорилъ онъ съ благоговѣніемъ и рассказалъ, что когда одинъ изъ Московскихъ купцовъ вызвался на свой счетъ напечатать собраніе проповѣдей Филарета, то онъ возложилъ на своего викарія такую обязанность: прежде чѣмъ сдавать проповѣдь въ типографію, непремѣнно отыскать въ ней что либо подлежащее поправкѣ или перемѣнѣ. „Но мнѣ ли было поправлять Филарета? Однако я долженъ былъ дѣлать мои ничтожныя прищѣпки“. Исидоръ былъ недоволенъ синодальнымъ Русскимъ переводомъ Библіи. „Одно только Евангеліе отъ Иоанна удовлетворяетъ меня; но этотъ переводъ сдѣланъ самимъ Филаретомъ“.

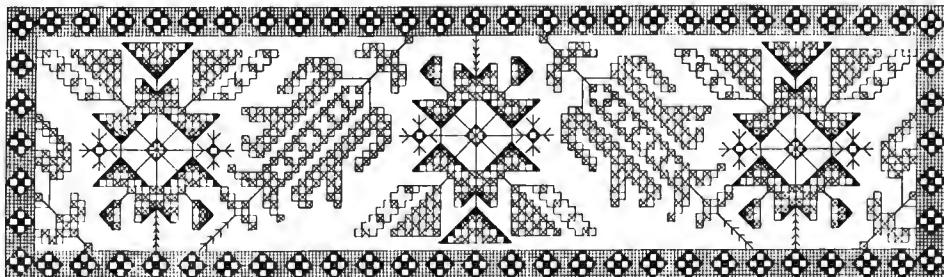
Исидоръ былъ человѣкъ вполнѣ Русскій, простой, но себѣ на умѣ. На своей родинѣ, въ Калужской губерніи, построилъ онъ церковь, учредилъ больницу и училище, и все это безъ всякой огласки. Попеченіе его о дочеряхъ церковныхъ служителей выразилось въ огромномъ училищѣ на Невскомъ, близъ Лавры. И онъ же исполнилъ забытое завѣщаніе вдовы Державина: въ знаменитой Званкѣ воспитываются и обучаются, благодаря тоже ему, дѣвицы духовнаго званія.

Митрополитъ дожилъ до глубокой старости. Передъ своею коронаціею Александръ III-ій далъ ему знать, что если онъ чувствуетъ себя не въ силахъ, то пусть назначить самъ себѣ замѣстителя при совершении священнаго обряда; но Исидоръ въ Успенскомъ соборѣ громко и явственно принималъ участіе въ богослуженіи и обрядахъ вѣнчанія на царство.

А. А. Пороховщиково мнѣ сказывалъ, что однажды Исидоръ позвалъ его къ себѣ къ семи часамъ утра и поручилъ сѣѣздить къ ювелиру, у которого куплены были пожалованные ему къ ордену брилліанты. „Я посыпалъ; но онъ, продавъ брилліанты Кабинету за семь тысячъ, теперь хочетъ ихъ пріобрѣсти отъ меня за четыре тысячи рублей“. Пороховщиково, устроивши ему это дѣло, спросилъ его: „На что же понадобились вамъ, владыка, эти деньги?“ — „Да вотъ нынче продаются съ торговъ имѣніе одной мнѣ знакомой женщины. Она очутится въ нищетѣ, и мнѣ ея жалко; надо поспѣшить уплатою“.

П. Б.

ИЗЪ ЗАПИСОКЪ СЕНатора К. Н. ЛЕБЕДЕВА*).

1866-й годъ.

Новый годъ, 1866-й. Императоръ Наполеонъ съ удовольствіемъ взглянуль на истекшій 1865-й годъ. Для Русскихъ, исключая смерти Наслѣдника, онъ повидимому можетъ называться замѣчательнымъ годомъ, годомъ гласности въ печати и въ судилищахъ, въ собраніяхъ городскихъ и земскихъ, гдѣ довольно опредѣленно формулировано заявленіе о конституції. Но для Европы 1865-й годъ былъ плохой годъ. Ни одного вопроса общаго не рѣшилъ онъ; рѣшилъ нѣкоторые частные, о Шведской конституції, о Датской конституції довольно удачно, но Шлезвигское дѣло, Прусскую внутреннюю борьбу, Австрійское единство, центральное управление Германіи—богѣе нежели неудачно. Итальянскій вопросъ, конвенціею 15 Сентября, рѣшенъ, чтобы пробудить ожиданія и неудовольстія; Восточный вопросъ усложняется положеніемъ Славянъ и неустройствами Гречіи, а вопросъ Польскій, хотя принялъ опредѣленное направленіе, клонящееся къ объединенію польщизны, но съ другой стороны грозить перейти и образовать въ Россіи новый вопросъ, Нѣмецкій. Кончилась война въ Соединенныхъ Штатахъ, расширилось господство Европы и цивилизациіи на отдаленномъ Востокѣ. Вообще продолжительность и благосостояніе жизни развиваются въ неуклонномъ направленіи, но являются симптомы болѣзни, выражаютсѧ въ Европѣ въ вопросѣ о рабочихъ, принимающемъ значеніе общаго дѣла и силы, а у насъ въ вопросѣ о пьянствѣ и преступности.

Для меня годъ этотъ лично будетъ памятенъ процвѣтаніемъ моихъ крошекъ, нормально развивающихся и физически и нравственно, и моими болѣзнями, начавшимися отъ огорченій, до сихъ поръ меня удручаю-

* См. выше, стр. 224.

щихъ. Памятенъ онъ и безвременнымъ, холоднымъ лѣтомъ, которого половину я такъ дурно провелъ въ деревнѣ.

Дворянскія крамолы, послѣ Москвы, повторяются почти во всѣхъ губерніяхъ, гдѣ представлялся случай, въ Тулѣ, въ Рязани, въ Орлѣ. Крамола вторглась даже въ земскія собранія, въ Костромѣ и Петербургѣ. Это дало поводъ Дм. Милютину и А. А. Зеленому вызвать вопросъ объ измѣненіи нынѣшнихъ земскихъ учрежденій въ Совѣтѣ Министровъ. Они находили, что излишнее вліяніе, предоставленное дворянству, даетъ этому сословію возможность агитировать и давать предложения, несогласныя съ мнѣніями и требованіями другихъ сословій. Изъ опасенія конституціи съ ними согласились старшіе члены. Валуевъ одержалъ полную победу и помѣстилъ въ „Сѣверной Почтѣ“ три превосходныя аналитическія статьи о нынѣшнихъ земскихъ учрежденіяхъ. Рязанскіе выборы дворянства кассированы, но агитациѣ и оппозиція пробрались и въ городскія управы. Въ 4 № „Вѣсти“ напечатана рѣчь гласнаго гр. А. Строганова (отца мужа герцогини Лейхтенбергской), отличающаяся пошлю дерзостью противъ правительства, именно противъ министра Финансовъ. Въ ней замѣчательна только дерзость, если содержаніе и справедливо. Я долженъ удостовѣрить, что рѣчь эта принята во всѣхъ кружкахъ Московскихъ съ большимъ сочувствіемъ. Общая оппозиція правительству въ дворянствѣ и агитациѣ всѣхъ собраній противъ администраціи, въ настоящее время, суть общія мѣста и непремѣнное условіе. Неудовольствіе все ростетъ, оппозиція развивается, печать усиливается, и строгости управленія становятся недостаточными. Явись нужда, явится открытая вражда порядку и безопасности.

На дняхъ провелъ у меня цѣлый вечеръ предсѣдатель слѣдственной комиссіи въ Симбирскѣ при сенаторѣ Ждановѣ оберъ-секретарь Синицкій. Онъ подробно рассказывалъ мнѣ о ходѣ дѣла, и общее впечатлѣніе на меня этого разсказа было то, что Ждановъ ничего не открылъ, а что открылъ не имѣть ни нравственной, ни юридической точности. Повидимому, наскучивъ 14 мѣсячнымъ безуспѣшнымъ разысканіемъ, сѣдствіе ударило на сыщиковъ, которые, подъ руководствомъ квартального Розова отыскали двухъ дѣвокъ, Катерину Никандрову (Катьку) и Лисавету (Чубарову). На ихъ извѣтахъ построено все обвиненіе полковника Дудинскаго, командовавшаго батальономъ въ Симбирскѣ. Дудинскій—Русскій, православный. Показаніе дѣвокъ отличается смѣлостію и невѣроятіемъ. Лисавета, при увѣщаніи предсѣдателя (довольно неумѣстномъ) упала на колѣни и въ слезахъ созналась, что всѣ обвиненія ея есть ложь, выдуманная и внушенная ей Катериною. Можетъ быть, Синицкій, по неудовольствію на Жданова, старается ослабить силу

улики и распоряженій сенатора, но самыя показанія Катерины (*въ послѣдствіи* подтвержденныя денъщикомъ Дудинскаго Пыляевымъ) представляются въ высшей степени невѣроятными. Есть основанія однако полагать, что въ средѣ порочнаго класса жителей были подкупные поджигатели.

Что занимаетъ и волнуетъ Москву? Праздники, туалеты, спектакли, для которыхъ явился и отличный организаторъ, графъ В. Салогубъ. Москву занимаютъ Петербургъ и новые судебные порядки. Гр. Уваровъ устроилъ художественный праздникъ, гр. Салогубъ—праздникъ аристовъ. Балъ у генераль-губернатора созвалъ все высшее общество Москвы. Изъ процессовъ замѣчательны: о поддѣлкѣ свидѣтельствъ лотерейнаго займа Неофитовымъ и Одасовскимъ и о коллеж. сов. Кирѣевскомъ, племянникѣ графини Марии Васильевны Адлербергъ, судимомъ за воровство-мошенничество. Первое дѣло, для спектакля, докладывалось въ залахъ Думы. Второе дѣло легко мнѣ на сердцѣ. Н. А. Кир. мой давній пріятель; мое первое знакомство въ Петербургѣ, у его матери, по рекомендациѣ его тетки, княгини Вар. Вас. Голицыной. Онъ братъ преднарѣченной невѣсты моей Catherine (теперь граф. Шулленбургъ, въ Калугѣ, виц.-губерн.). И вотъ генеральскій сынокъ, Французикъ изъ Бордо, серьезный химикъ, человѣкъ хорошей фамиліи и когда-то богатой, сидѣть на скамьѣ съ однимъ Французомъ и однимъ Нѣмцемъ, обвиняемыми въ мошенничествѣ. Въ № отъ 25 Янв. „Москов. Вѣдом.“ есть поправка, что Кирѣевскій не судится за воровство, а былъ спрашиваемъ по обстоятельствамъ дѣла. Поправка эта сдѣлана вслѣдствіе затребованной мною справки, а Кирѣевскій не протестовалъ и не претендовалъ. Къ счастію, и отецъ, и мать умерли. Онъ получилъ поверхностное Французское образованіе и имѣлъ направленіе материалистическое. Служилъ въ конношонерахъ и въ послѣдствіи былъ полковникомъ и адъютантомъ графа В. Перовскаго въ Оренбургѣ, гдѣ замѣчательно описалъ и разобралъ бунтъ Киргизовъ. Выйдя въ отставку и перебѣхавъ въ Москву, онъ некоторое время занимался редакціей „Вѣстника естественныхъ наукъ“, прекратившагося по недостатку подписчиковъ. Я только одинъ разъ встрѣтилъ его прошлаго года и приглашалъ къ себѣ. Онъ у меня не былъ. Послѣ смерти родителей, оставшиесь безъ средствъ, онъ вовлекся въ сообщество пройдохъ-иностранцевъ и вѣроятно сдѣлался орудіемъ ихъ продѣлокъ.

Сегодня докладывалось у насъ въ департаментѣ дѣло объ одномъ воришкѣ, котораго палата и осудила, безъ лишенія правъ, въ солдаты. Онъ лаконически апеллируетъ лѣтъ черезъ 12 (порядокъ!), говоря, что я виноватъ, но мнѣ было 15 лѣтъ. Секретарь докладываетъ, что

„приговоръ представляется правильнымъ, и апелятору слѣдуетъ отказать“. Я выразилъ мое сомнѣніе, находя, что назначить въ солдаты вмѣсто рабочаго дома и неправомѣрно, и несогласно съ закономъ. Оберъ-секретарь и оберъ-прокуроръ *ссылаются на статьи Уложенія 1845 г. и увѣряютъ, что они неизмѣнены.* Я указалъ на законъ, измѣнившій этотъ порядокъ еще въ 1850, и наконецъ на ст. 152 Уложенія въ изданіи 1857 г. Тутъ возражать было нечего, и всѣ согласились со мною. Порядокъ! Я рѣчь веду не о томъ, что суды ошибаются, а о томъ, какъ грубо они ошибаются, и какъ мало внушаютъ довѣрія сенатскіе дѣльцы, всегда отличавшіеся опытностію и знаніемъ законовъ. Ни палата (порядокъ!), ни сенатская канцелярія не знали о такомъ коренномъ измѣненіи закона, имѣющаго вовсе нерѣдкое примѣненіе.

Дурное состояніе нашихъ учрежденій зависитъ отъ личнаго состава, а въ назначеніяхъ его господствуютъ произволъ, кумовство и пристрастіе. Въ настоящемъ случаѣ упадку сенатской канцеляріи много спо-собствовало обнародованіе о скоромъ упраздненіи Сената. Порядокъ!

Обнародованіе въ „Виленск. Вѣстникѣ“ и перепечатаніе почти во всѣхъ газетахъ свѣдѣній объ Іосафатѣ Огрызко, одномъ изъ коноводовъ Польскаго бунта 1863 г., невольно ведетъ къ заключенію если не о сообщничествѣ, то о большой оплошности Министерства Финансовъ, гдѣ Огрызко имѣлъ весьма большой кругъ дѣятельности, и Польскіе бунтовщики открытый притонъ. Уже и прежде „Современ. Лѣтопись“ и „Русскій Вѣстникѣ“ открыто обвиняли Министерство Госуд. Иму-щества въ открытомъ содѣйствіи бунту въ западныхъ губерніяхъ; но участіе Огрызко такъ явно, такъ сильно и такъ нагло прикрывалось служебнымъ положеніемъ, что надобно удивляться, какъ Рейтернъ и Гротъ остаются статье-секретарями и на мѣстахъ. Въ самомъ дѣлѣ, ужъ не оправдывается ли общее подозрѣніе въ тайной крамолѣ Великаго Князя Константина, имѣющей цѣллю, посредствомъ внутреннихъ переворотовъ, отъ запутанности дѣлъ и отношеній, перемѣнить династію? И въ Петербургѣ и особенно въ Москвѣ его не иначе разумѣютъ, какъ крамольникомъ и не иначе называютъ какъ Орлеаномъ. Я помню, какъ на вопросъ мой о результатахъ слѣдствія о пожарахъ, министръ отвѣчалъ мнѣ: *aucune, l'enquête s'arrête à la porte qui ne veut pas s'ouvrir, au Palais de Marbre.* Правда, легонѣкіе министры наши не дорожатъ ни словами, ни отзывами; такова эпоха, такой колобродъ посреди массы неестественныхъ, беспrestанныхъ преобразованій, дающихъ скорости законность необходимости, какъ во времени, такъ и въ рѣчахъ и дѣй-ствіяхъ. Но всему мѣра, должна быть мѣра и легкости.

По моему убѣженію мы идемъ къ диктаторской власти. Журнализмъ въ полномъ развалѣ, демократизмъ ищетъ въ себѣ широкаго

пути въ земскихъ учрежденіяхъ, которыя хотять овладѣть хозяйствомъ и имуществомъ государства, и недалеко время господства, предводимаго единичными вожаками. Нужда приведеть къ конституціи, а нужда уже началась. На Парижъ рубль стоитъ 319, внутри обращеніе цѣнностей затруднено чрезвычайно. Случись голодъ или экстраординарная затрата, и собраніе нотаблей выразить все недовѣріе, все презрѣніе къ Петербургскому правительству, къ Петербургскимъ реформаторамъ, администраторамъ и педагогамъ. Повторяю: слово Петербургскій въ Москвѣ есть слово бранное.

Время раздраженія, порицаній и нетерпимости не прошло и не проходитъ. Оно возрастаєтъ, усиливается и распространяется. Нѣть собранія, временного или постоянного, въ которомъ не было бы кабалы, крамолы, сплетень или какихъ гадостей. Въ Купеческомъ клубѣ украдены деньги, въ Англійскомъ клубѣ ведеть крамолу нѣкто Бѣшенцовъ и требуетъ на судъ старшинъ. Другое заявленіе требуетъ исключенія крамольщиковъ. Рахмановъ требуетъ копій съ переписки, чтобы вести дѣло судомъ. Въ Юридическомъ обществѣ пропали деньги. Въ Обществѣ любителей словесности является новая партія. Обществомъ завѣдывали Славянофилы, его воскресиль Хомяковъ, его вели Погодинъ и Ив. Аксаковъ. Теперь въ него втираются нигилисты и произвели жаркие сцены-скандальцы. Они выставили кандидатомъ въ секретари Котляревскаго и ловко сдѣлали его выборъ. Онъ оказался подъ надзоромъ полиціи, и Погодинъ замѣтилъ это, и Котляревскій, въ весьма ироническомъ тонѣ, отказался отъ должности, прося выбрать болѣе благонадежнаго, который могъ бы лучше пользоваться и довѣріемъ въ расходахъ, и вниманіемъ предсѣдателя. Онъ уволенъ, и все внесено въ протоколъ. Въ слѣдующемъ собраніи Чижовъ, Буслаевъ и др. требовали уничтоженія приговора и избранія Котляревскаго. Шумъ сдѣлся общій, когда С. А. Малковъ началъ читать мнѣніе о томъ, что въ члены общества и въ секретари выбирались всегда люди извѣстные, доброкачественные. Калачовъ, временный предсѣдатель, едва удержанъ собраніе, предложивъ балотировку, просить или не просить Котляревскаго. Рѣшено — большинствомъ 1 голоса просить, Котляревскій выбранъ и, по совѣту, шепотомъ сказанному Калачовымъ, отказался, извиняясь многодѣліемъ. Тогда выбранъ прежній, М. П. Полуденскій, отказывавшійся прежде единствено потому, что съ Погодинымъ работать трудно, а Погодинъ теперь отстраненъ, и ему подносятъ благодарственный адресъ. Безпрестанныя исторіи. Надобно переждать. Время выводить все изъ колеи.

23-го. Я познакомился съ профессоромъ богословія Сергіевскимъ, и разговоръ шелъ о его отчетѣ министру по обозрѣніямъ и совѣщаніямъ о порядкѣ преподаванія богословскихъ наукъ въ нашихъ уни-

верситетахъ. Онъ и товарищъ его находять его неудовлетворительнымъ, и Сергіевскій полагаетъ вновь введенныя уставомъ 1864 г. церковныя каѳедры (церковное право и церковную исторію) сгруппировать вмѣстѣ и, распространя преподаваніе богословія, предоставить 4 преподавателямъ соединяться для совѣщаній и обмѣна мыслей. Я нахожу, что это есть зарожденіе богословскаго факультета и не оспариваю полезности этой мысли; желаю только, чтобы она была выражена откровенно и могла на дѣлѣ имѣть развитіе и примѣненіе. Сергіевскій отрицаеть мысль о факультетѣ въ своемъ отчетѣ и утверждаетъ, что сгруппированіе предметовъ только усиливъ познанія студентовъ въ богословской наукѣ, находящіяся теперь въ разсѣяніи и подъ давленіемъ массы факультетскихъ предметовъ. Это, думаю я, неболѣе какъ хитрость и неловкая уловка: церковное право и исторія въ двухъ разныхъ факультетахъ имѣютъ цѣллю не то чтѣ богословіе (т. е. православіе), и обнимаются всѣ исповѣданія, слѣдовательно имѣютъ цѣль научную и факультетскую.

Другой предметъ спора—значеніе преданія. Сергіевскій полагаетъ, что преданіе способно развиваться, приращаться и убавляться въ условіяхъ мѣста и времени. Да, но не преданіе церковное, которое потому только и обязательно, что всецѣло и чисто передается изъ вѣка въ вѣкъ и отъ одного поколѣнія и народа другимъ. Иначе, гдѣ же предѣль произволу ума, вращающагося въ разныхъ условіяхъ времени и мѣста? Такъ мы придемъ къ понятію о преданіи индивидуальному, т. е. къ либеральному протестантизму. Я опасаюсь этого толкованія и думаю, что это придумывается для объясненія многихъ установленій православной церкви, невполнѣ согласныхъ съ первобытными преданіями: работа, стоящая обширныхъ изслѣдований и крайне нужная. Мнѣ неизвѣстна подобная работа, и я не нашелъ ея въченіяхъ о. Иванцова-Платонова, обращающихъ особенное вниманіе (и довольно безпристрастно) на развитіе папской власти и упадокъ патріархатовъ на Востокѣ.

Сергіевскій говорить хорошо, въ немъ мало поповскаго; но щегольство рясы и рукавчиковъ, прямолинейная походка и неискренняя строгость выраженія глазъ внушаютъ какое-то предубѣжденіе и отдаляютъ отъ убѣжденія или сердечнаго довѣрія.

Іереміады Каткова и Погодина, принимаемыя всѣми на слово, увѣряютъ всѣхъ и каждого, что уровень нашего средняго и высшаго образованія значительно понизился и что явленіе солиднаго, ученаго труда дѣлается рѣдкимъ исключеніемъ. Министръ Головинъ думаетъ иначе. Въ книгѣ его пріятеля Н. Ханыкова, составленной по офици-

альнымъ материаламъ и изданной въ Парижѣ: „*Études sur l'instruction publique en Russie*“, Головнинъ точно повторяетъ: „les grades de l'étudiant effectif et de candidat étaient facilement obtenus en 1860 et 1861 par des jeunes gens, qui auraient certainement échoué devant les examinateurs des années 1840 (годъ окончанія курса Головнинъмъ) et suivantes“. Sic! Но воть совершена реформа, и новый уставъ университетскій утвержденъ. На другой же годъ Ханыковъ-Головнинъ пишетъ: Il serait téméraire de vouloir apprécier toute l'influence que cette nouvelle législation est appellée à exercer sur les universitets russes (погодите!); mais on serait injuste envers ce règlement, si l'on ne signalait quelques-uns des effets salutaires qu'il a déjà produits (déjà?) *Ainsi*, sans aucun doute, le moral des universités a été *favorablement* réformé (déjà?) par la nouvelle loi; les règles de discipline (ils appellent *cela* discipline!) établies par les conseils universitaires ont partout été acceptées sans opposition par les étudiants (экая милость!) et partout elles sont rigoureusement exécutées, sans provoquer ni murmures, ni plaintes (экая милость!) Les désordres, si fréquents dans les universités, il y a peu d'années, ont complètement disparus. (Этого мало, погодите). Mais le résultat le plus satisfaisant de la nouvelle réforme est que, sous ses auspices, les étudiants déploient infiniment plus de zèle pour les études, que par le passé (И этого мало!). Ils visitent assidûment, dans leurs moments de loisir, les bibliothèques, les laboratoires et les cliniques, et ce retour vers les occupations serieuses, joint au calme de leur existence, permet de croire que les désordres и пр. и пр. Ожидайте!

Погодинъ и Катковъ говорили изъ мщенія.

Но воть профессоръ Тихонравовъ разбираетъ „Исторические очерки средневѣковой драмы“ магистра Петра Полеваго, написанные для получения степени доктора Русской словесности и, посмѣявши надѣ заносчивостію и невѣжествомъ школьника, на 10 страницахъ заключаетъ такъ: „Но довольно. Мы не имѣли въ виду писать разборъ книги г. Полеваго (она того не стѣть); мы хотѣли только заявить въ Русской журналистикѣ фактъ, слишкомъ громко и рѣзко свидѣтельствующій объ упадкѣ серьезнаго ученія въ нашихъ гимназіяхъ, о печальному и превратномъ направленіи нашего школьнаго образования. Не странно-ли, что одинъ изъ Русскихъ университетовъ удостоилъ магистерской степени по филологическому факультету человѣка, не умѣющаго ни склонять, ни спрягать по-латини? Не возмутительно-ли видѣть, какъ невѣжество и самозванство съ свойственными имъ нахальнымъ ухватками судить вдоль и поперекъ о томъ, чего не только не понимаютъ, чего не въ состояніи, по своимъ средствамъ, понимать? Не прискорбно-ли думать,

что человѣкъ, снискавшій себѣ дипломъ беззастѣнчивымъ обращеніемъ съ наукою, будетъ учить съ каѳедры молодое поколѣніе тому, что Герберть жилъ въ ХІІІ вѣкѣ и что qui средняго рода, а quod—мужескаго“ („Русск. Вѣстн.“ № 1 за 1866 г.). Вотъ они, новѣйшия успѣхи новѣйшихъ порядковъ.

Но не должно односторонне увлекаться порицаніями, всегда легкими во времена реформъ, особенно реформъ столь коренныхъ и рѣзкихъ какъ наши. Не подлежитъ сомнѣнію, что ученое и учебное развитіе ослабли и измѣнили методъ и направленіе, но не подлежитъ сомнѣнію и то, что дѣльность и истинность жизни и ея стремленій проявляются ощущительнѣе, и настоящія нужды выясняются вѣрнѣе.

Оказывается, что удавившійся казначей митрополита дѣйствительно могъ посигнуть на жизнь свою изъ опасенія отвѣтственности за деньги, которыхъ послѣ него не досчитывается болѣе или около 500 р. Митрополитъ, узнавъ о самоубійствѣ, тотъ же часъ написалъ къ генераль-губернатору, прося его распорядиться, чтобы полиція не вмѣшивалась въ это дѣло. Кн. Долгорукій исполнилъ это желаніе, и іеромонахъ похороненъ безъ огласки. Но хорошо-ли дѣлаетъ старикъ Филаретъ, прибѣгая, въ настоящее время, къ такимъ исключеніямъ и привилегіямъ? Въ такое болтливое время надобно дѣйствовать не только осторожно, но и открыто. Молодая гласность не только болтлива (мнимое сознаніе своего мнимаго достоинства нѣсколько сдерживаетъ языкъ) сколько дерзка, любопытна и подозрительна. Она ищетъ скандала и удовлетворяется формальностю, лишь бы оправдаться передъ формальнымъ правомъ и положить печать обличенія.

Вѣтъ послѣдовали и частію обнародованы назначенія на новыя судейскія мѣста. Оны сдѣланы дѣльно и удачно; могли быть дѣльнѣе и удачнѣе, но трудно добраться до точныхъ основаній, по которымъ выборъ остановился именно на назначенныхъ. Почему попали въ кассационный департаментъ Войцеховичъ, пользующійся самою невыгодною репутацией и пріязнью только министра Замятнина; Арцимовичъ, называемый завзятый Полякъ и никогда специальнѣ не занимавшійся юстиціей; Набоковъ, младшій сенаторъ и мало занимавшійся судебнными дѣлами. Если Полѣновъ и Гольтгоерь назначены старшими предсѣдателями какъ самые младшіе сенаторы, то можно бы было сдѣлать исключеніе во вниманіе къ глухотѣ послѣдняго. Особенно непонятно для меня назначенія Г. Н. Мотовилова предсѣдателемъ Окружнаго Суда въ Петербургѣ. Это самое важное мѣсто въ судебной организаціи, особенно въ Петербургѣ. Мотовиловъ человѣкъ прекрасный и вѣль палату хорошо, но для довѣрія публики, по важности мѣста, необходимо

димо, чтобы постъ этот занималъ человѣкъ почтенный, опытный и сдѣлавшій себѣ имя въ средѣ судебной. Войцеховичъ назначенъ Замятининымъ какъ сенаторъ, особенно занимавшійся разборомъ проекта уставовъ. Арцимовичъ и Набоковъ назначены великимъ княземъ Константиномъ, а о Мотовиловѣ будто бы просилъ князь Суворовъ. Впрочемъ на всѣхъ не угодишь, и отступленія, допущенные при нынѣшнихъ назначеніяхъ, еще примиримы съ хорошимъ началомъ.

Борьба демократіи вступаетъ въ новую стадію. Не говоря о неизбѣжномъ столкновеніи Соединенныхъ Штатовъ съ Европейскимъ монархизмомъ въ Мексикѣ, не говоря ни о Шведской конституціи, измѣнившей свой сословный характеръ, ни о предположеніяхъ реформы въ Англійскомъ представительствѣ, ни о борьбѣ Пруссаго юнкерства съ Шлезвигъ-голштинскимъ гражданствомъ, я очень опасаюсь борьбы соціальной въ самой Франціи и открытой кампаніи гр. Бисмарка съ депутатами Пруссіи. Палата неправа въ одномъ: она не имѣла права отмѣнять или уничтожать (неправильное, да) постановленіе верховнаго суда, но за то гр. Бисмаркъ виноватъ кругомъ. Безцеремонность, заносчивость, дерзость его перешли всѣ границы, и управление четыре года безъ бюджета можетъ отозваться самымъ невыгоднымъ образомъ на королевской власти и на династіи. Палаты закрыты, и въ рѣчи правительства опять слышанъ обвинительный актъ противъ палаты, затрагивающей самые важные и деликатные интересы государства. Теперь депутатамъ остается, какъ и королю, обнародовать декларациі для оправданія себя во взводимыхъ на нихъ обвиненіяхъ. Иначе конституціонная жизнь и конституція въ Пруссіи будутъ считаться химерами, никогда не выработаются и приведутъ общее мнѣніе къ убѣждѣнію, уже распространенному между учеными и адвокатами...

Закрытіе Прусскихъ палатъ, революція въ Дунайскихъ княжествахъ и у насъ заемъ 100 мил. съ выигрышами, въ Австріи и вездѣ замѣшательства и запутанность ужъ не приготовляютъ ли нового 1848 г.? А срокъ 18 лѣтній насталъ, и многія дѣла созрѣли. Я говорилъ о Пруссскомъ столкновеніи. Рѣчь Гнейста чрезвычайно сильно и рѣзко обвиняетъ Бисмарка въ произволѣ, котораго центральный источникъ система Наполеона III. Низложеніе кн. Іоанна Кузы можетъ произвести важная столкновенія, если вмѣшаются великия державы. Турція должна настоять на автономіи княжествъ, хотя бы раздѣленныхъ между собою, и не допускать сношеній съ южными Славянами. Дунайскіе народы готовы соединиться вмѣстѣ, хоть бы подъ скипетромъ принца Наполеона, и основать сильную имперію или федерацію съ Венгріей во главѣ. Заемъ нашъ очевидно военный, на случай всякихъ случайностей. Желательно бы было заявить при этомъ недовѣріе правительству и не поку-

пать билетовъ, не подписываться на свидѣтельства. Такъ думаетъ довольно значительная партія въ Москвѣ, и самый постепенный выпускъ билетовъ, по приблизительно биржевой цѣнѣ, можетъ служить поводомъ къ возвышенію билетовъ 1864 г. и къ неудачѣ нового займа.

Въ Прусской палатѣ и въ Яссской интригѣ обвиняютъ Наполеона. Странное положеніе этого современного гиганта въ вѣкъ массъ и пигмеевъ. Онъ вездѣ вмѣшиается и вездѣ оставляетъ за собою замѣшательства. Въ Турціи, со времени Крымской войны, восточные христіане въ худшемъ, безвыходномъ положеніи; въ Италіи папство ничего, поп possimus, а Австрія съ сосѣдкой въ непримиримыхъ отношеніяхъ; внутри Франціи униженіе характера и уровня просвѣщенія и народной рѣчи возмутительны. Заносчивость завела его въ Мексику, и онъ и Максимилианъ рѣшительно не знаютъ что дѣлать. Запустилъ онъ руку въ Дунайскія княжества, и тамъ бунтъ; заступается онъ за Эльбскія герцогства, и тамъ распри. Ненависть Русскихъ къ нему понятна, но его ненавидятъ еще сильнѣе Нѣмцы; его ненавидятъ и Итальянцы, упрекающіе своихъ министровъ въ излишней уступчивости Франціи. Его огромное число ненавидитъ и въ самой Франціи, и на его низложеніе направлены взоры всѣхъ людей въ Европѣ, которые думаютъ о нормальномъ порядкѣ въ развитіи Европейской цивилизациі. Если онъ возвратится на Дунай и на Эльбу, онъ непремѣнно напутается. Корысть національная, корысть династическая и личная ослѣпляютъ и путаютъ его.

Пріѣздъ товарища ministra и главнаго дѣятеля въ министерствѣ Стояновскаго нисколько не прояснилъ дѣла о назначеніяхъ на новыя судебнныя мѣста. Все покрыто туманомъ, и все долго еще будетъ дѣломъ произвола и кумовства. Министерству слѣдовало предначертать точныя обѣ въ этомъ правила и обнародовать ихъ, чтобы устранить сомнѣнія и беспокойства въ лицахъ заинтересованныхъ, имѣть самому основу дѣйствій и избавить личность Государя отъ всякихъ нарѣканій. Министерство не совсѣмъ постигаетъ важность окружныхъ судовъ и помышляетъ болѣе обѣ окладахъ, напихивая въ Сенатъ и палаты своихъ протежѣ и пріятелей. Окружный судъ есть важнѣйшая инстанція и потому должна быть обставлена такъ, чтобы правительство, общество и присяжные и повѣренные смотрѣли на него съ совершеннымъ почтеніемъ и преданностію, съ полнымъ довѣріемъ не потому, что это судъ, а потому, что это почтенный и вполнѣ вѣрный судъ, имѣющій свой авторитетъ опыта, знанія и положенія. Отвѣчаютъ ли этимъ требованиямъ личности Полѣнова, Гольгоера, Мотовилова и Люминарскаго? Сомнѣваюсь. Они имѣютъ видъ старѣющихъ холостяковъ, которые любятъ независимость и свободу и которымъ дѣйствительная жизнь

извѣстна только изъ дѣль. Если они не будутъ школьничать, то во всякомъ случаѣ авторитетъ ихъ не имѣть никакой опоры ни въ наукахъ, ни въ достоинствѣ положенія и серьезности жизни. Умѣютъ-ли наши предсѣдатели сидѣть и говорить? Сомнѣваюсь.

Низложеніе Молдо-валахскаго правителя, князя Иоанна Александра Кузы, произвело въ Москвѣ общій говорѣ о войнѣ, особенно когда въ это же время объявленъ совсѣмъ неожиданный заемъ (второй) съ выигрышами. Я не вижу настоящей причины войны и не думаю, чтобы какое государство имѣло достаточные для того способы. Развѣ Франція, чтобы заглушить оппозицію и отвлечь вниманіе отъ Мексики; развѣ Пруссія, чтобы выйти изъ открытой войны съ представительствомъ? Военные расходы будутъ, но войны не будетъ. Кузя просто обокрали казну и уѣхалъ, чтобы соединиться съ своею любовницей, кн. Марьей Обреновичъ въ роскошномъ Парижѣ и жить припѣвающи. Никакой принцъ не подается на избраніе, и изберутъ тузыма. Но княжества могутъ стянуть къ себѣ всѣ христіанскія населенія Турціи и грянуть на султана, отложиться отъ него и образовать если не великое государство, то федерацію. Думаю, что для послѣдней нѣтъ въ мѣстностяхъ достаточной зрѣлости, а для первой нѣтъ героя. Россія, по доктринѣ кн. Горчакова, будетъ держаться Парижскаго трактата. Англія тоже. Но если теперь дѣло не разрѣшиится войною, война все-таки будетъ. Броженіе вездѣ, и начало национальности и народныхъ вольностей требуетъ измѣненія карты Европы. Оно совершается, и можетъ быть путемъ задуманнаго конгресса, и совершится насильственно. Всемирный бунтовщикъ, олицетвореніе революціи, Наполеонъ приглядывается и придумываетъ своекорыстныя комбинаціи. Жаль, если онъ впутается тутъ Польшу. Вопросъ этотъ рѣшенъ. Границы 1772 г. не находмы, онъ затерялись. Бытие Польши между Россіей и Германіей немыслимо. Основаніе Восточной Имперіи—единственная состоятельная мысль и, кажется, события склоняются къ ея осуществленію.

Въ короткое время, по особеннымъ обстоятельствамъ (я имѣлъ случай сдѣлать какое-то одолженіе въ 1852 г.) я очень сошелся съ генераломъ Гильденштубе, начальникомъ Московскаго военного округа. Онъ человѣкъ лѣтъ 64, просвѣщенный и отлично симпатичный. Мы многократно сходились и толковали о современныхъ дѣлахъ и вопросахъ, которымъ онъ сочувствуетъ болѣе нежели можно бы было ожидать по его возрасту и положенію. Здѣсь конечно есть своя доля и политики придворного человѣка. Онъ совершенно одобряетъ наши военные реформы и даже отмѣну тѣлесныхъ наказаній, возбудившую (я помню) такие крики въ Петербургѣ. Онъ особенно хвалить учреж-

деніе округовъ и предсказываетъ имъ блестящее приложеніе, преимущественно въ военное время или при внутреннихъ замѣшательствахъ. Онъ ожидаетъ значительного сокращенія въ военномъ бюджетѣ, особенно при увѣренности въ сохраненіи мира, за которое ручается пока одно только разстройство финансовъ, но которому угрожаютъ всѣ симптомы возвратной, периодической горячки. Программа 1789, уменьшенная трактатами 1815, возобновляется почти ровно черезъ 15—20 лѣтъ. Отъ усиленной реакціи Меттерниховой системы она прорвалась въ 1830 г. и потомъ черезъ 17 лѣтъ въ 1848. Теперь прошло цѣлыхъ 18 лѣтъ, и матеріалы для взрыва накопились огромные. Гилденштубе этого не допускаетъ. Безпорядки 1848 и 1849 г.г. повсюду убѣдили благомыслящихъ людей въ необходимости сильной и крѣпкой власти. Да, благомыслящихъ; но не обѣ нихъ рѣчъ, не отъ нихъ исходятъ бури. Естественные связи народовъ требуютъ преимущественного вліянія предъ случайными и искусственными, рациональныя соединенія берутъ верхъ надъ историческими.

Большіе толки возбудилъ указъ Сената о *несовершеннолѣтнемъ* Рязанскомъ исправникѣ Левашевѣ, который, пьяный молодой человѣкъ, 20 лѣтъ, производя розыски о бѣжавшихъ арестантахъ, позволялъ себѣ разные беззаконные, неистовые поступки и жестокости. Преданный суду, онъ присужденъ къ домашнему аресту на $1\frac{1}{2}$ недѣли, и приговоръ палаты утвержденъ губернаторомъ. По донесенію прокурора Ланге министру юстиціи, дѣло пересматривалось въ Сенатѣ и, по предложению министра, Сенатъ нашелъ, что Левашева слѣдовало отдать въ солдаты безъ лишенія правъ состоянія; но такъ какъ приговоръ вошелъ въ законную силу и усилить наказаніе нельзя, то Сенатъ оставилъ рѣшеніе въ своей силѣ, прибавя, въ административномъ порядкѣ, чтобы Левашева ни въ какую службу не принимать, ни въ государственную, ни въ общественную, ни къ выборамъ не допускать ни въ городахъ, ни въ земствѣ. Крики противъ назначенія въ исправники пьяного мальчишки и противъ жестокосердія этого пьяного юноши весьма основательны и законны. Газеты вѣроятно разработаютъ эту тему съ большою охотою и хорошо сдѣлаютъ. Рязанцы покричатъ о нелюбимомъ губернаторѣ (Стремоуховѣ), который насолилъ имъ на выборахъ. Все это въ порядкѣ вещей. Но почему же не обратить вниманія и на юридическую сторону указа Сената? Сенатъ *усугубляетъ* наказаніе, да такъ, что *лишаетъ* правъ (и самаго существеннаго) состоянія, и все это административнымъ порядкомъ. Самые пылкіе говоруны должны были согласиться съ моимъ замѣчаніемъ, и Левашевъ показалъ бы себя глупцомъ, если бы не потребовалъ законнаго наказанія безъ лишенія правъ.

Въ моихъ глазахъ это важно уже и потому, чтобы дать урокъ о законности и формальности Сенату и министру. Левашевъ просилъ, и Государь дозволилъ ему вступить въ военную службу. Онъ дѣйствительный студентъ Московскаго университета.

Съ 1855 г. у насъ началось исканіе и броженіе людей и именъ. Хоронили Грановскаго, хоронили Мартынова, величали Бѣлинскаго. Все какъ-то не впорядъ. Теперь, кажется, Петербургъ нашелъ национальнаго человѣка: это—князь Григ. Алексѣевичъ Щербатовъ, бывшій попечитель университета и губернскій предводитель въ Петербургѣ. Онъ настоящій герой нашихъ дней и минутъ. На дворянскихъ выбо-рахъ, отказываясь отъ предводительства, сдѣлавшагося безплоднымъ или незначительнымъ въ смыслѣ служенія обществу, кн. Щербатовъ, въ блестящей рѣчи, предложилъ дворянству (новая фаза Московской мысли) ходатайствовать, чтобы право представленія о своихъ нуждахъ съ назначеніемъ особыхъ депутатій, принадлежащее дворянскому со-словію, было перенесено на земство. Это довольно рационально и встрѣтило большое сочувствіе за исключеніемъ небольшой оппозиціи стари-ковъ генераль-адъютантовъ и бюрократовъ, постепенно смолкавшей по-среди почти общей аккламаціи. Но предложеніе это обставлено было такими обязательными требованіями, которыя изъ ходатайства дѣлали обязательное участіе земства въ Государственномъ Совѣтѣ. Правитель-ство отказалось, и князь Суворовъ, столь лично преданный Государю, выдалъ его, сообщивъ высочайший отказъ и заключивъ въ свои объятія кн. Щербатова. Предводителемъ выбранъ и утвержденъ Московскій крамольникъ и ораторъ гр. Орловъ-Давыдовъ. Новое торжество! Щерба-това засыпали письмами, портретами, стипендіатами и клубными выбо-рами. Ему давали обѣдъ, на который пригласили его сына, и безко-нечные и многіе спичи прославляли его „гражданское мужество“. Все это продолженіе крамолы и фрондѣрства; но все это и положеніе, при-нятное безценсурною печатью, доказываетъ такое шаткое состояніе пра-вительства, что вовсе не удивляешься повсемѣстному разстройству дѣлъ, независимо отъ быстрыхъ, незрѣлыхъ, беспрестанныхъ реформъ, трудно усвояемыхъ дѣйствительностю. Фрондѣрство продолжалъ и новый пред-водитель на обѣдѣ, данномъ имъ Остзейскому дворянству въ Петербургѣ. Гр. Орловъ-Давыдовъ, провозглашая въ честь ихъ тостъ, поздравилъ ихъ съ побѣдою надъ правительствомъ. Грустное явленіе: и эта побѣда, и это поздравленіе. Если эта побѣда оскорбляетъ национальное Русское достоинство, то и провозглашеніе этой побѣды Русскимъ аристократомъ, сдаваясь мщеніемъ и злорадствомъ, обличаетъ большую слабость прави-тельственного авторитета, какъ бы отказывающагося отъ подобающаго и необходимаго его значенія.

Читаль я „La Révolution“ Едгарда Кине. Замѣчательная книга. Прежде всего это памфлетъ, но серьезный, ученый и весьма сдержанній. Почти на каждой страницѣ встрѣчаются намеки и указанія на I и III Наполеоновъ. Потомъ, это сочиненіе демократа и протестанта, для котораго форма правленія и религіи имѣютъ едва-едва второстепенное значеніе. Въ третьихъ, это систематикъ, который любить прибирать и гнуть события, любить вертѣть ими, забѣгать и удаляться, какъ нужно для предвзятой цѣли. Прибавьте ко всему этому умъ зрѣлый, ученость и превосходный языкъ, прибавьте горечь изгнанника и слабую надежду старѣющаго республиканца, и литературное значеніе книги будетъ окончательно очерчено и оцѣнено. Значеніе книги Кине, какъ исторіи, должно вызвать много споровъ. Онъ прежде всего памфлетистъ, ему нужно уязвить Наполеона III, и аллюзіи у него безпрестанно, нерѣдки пропуски и недомолвки и часто парадоксы. Огромный парадоксъ его, на которомъ построено почти все зданіе, это то, что революція не нашла никакого исторического элемента, на который можно бы было опереться, кромѣ рабства, и исторіи до 1789 г. какъ бы не было. Какъ? А королевская власть? А духовенство Галликанско? А парламенты, которые постоянно стремились установить судебную монархію? Второй капитальный парадоксъ—отсутствіе коноводовъ. Онъ и терроръ приписываетъ „неизвѣстныи“, хотя признаетъ, что онъ былъ началомъ партіи, а не послѣдствіемъ необходимости. Пожалуй, но партія приняла это начало по необходимости, по убѣженію въ ея необходимости.

Меня ни сколько не удивляетъ, что губернаторъ кн. Оболенскій, съ своими гостями, принялъ роскошный обѣдъ въ Коломнѣ и пилъ безчисленное множество тостовъ, а потомъ сытая и веселая компанія отправилась въ женскую гимназію, гдѣ молодыя ученицы, одѣтыя въ характеристические костюмы, угощали высокихъ гостей характерными танцами; что въ Петербургѣ, въ клубѣ поощренія труда, дѣвочка 10 лѣтъ Петрова прошѣла предъ публикою скандалѣзную пѣсню Беранже „бабышина“, ударяя особенно на тѣ слова, которыхъ имѣли двусмысленное и прямо ясное значеніе; что оберъ-церемоніймейстеръ Двора Е. В. Захарь Хитрово пойманъ на воровствѣ, въ Ниццѣ: на то вѣкъ свободы и льготъ, время распущенности и переходнаго свойства. Меня удивляетъ явное обвиненіе правительства въ умышленныхъ политическихъ противъ Россіи преступленіяхъ. Это бывало не рѣдко и печаталось въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“. Сегодня довелось мнѣ выслушать подобное обвиненіе Министерства Народнаго Просвѣщенія въ губернскомъ земскомъ собраніи, и надобно было видѣть, съ какимъ удовольствиемъ слушали это обвиненіе, хотя было условлено съ Долгорукимъ, что въ рѣчахъ

не будетъ ничего рѣзкаго. Правда, это была не рѣчъ, а докладъ. Онъ конечно будетъ напечатанъ. Нѣтъ, меня удивляетъ не это: лѣнивый теперь не лягается. Меня удивляетъ, что все это не только остается безъ изслѣдованія и наказанія, но и безъ отвѣта. „Ругайтесь, слушаю и слышу. Я виноватъ“. Да, но какое же впечатлѣніе остается въ народѣ? „Никакого?“ Сомнѣваюсь.

А годъ 1863-й въ самомъ дѣлѣ былъ страшнымъ годомъ для Россіи и, перенеся его, Россія окончательно доказала свою состоятельность, свою окрѣпость и свое могущество. Это былъ годъ завершенія воли крѣпостныхъ людей, годъ почти повсюду обнаружившихся разочарованій реформами, годъ дешевки и ослабленія наказаній. На все это расчитывала центральная демагогія, которую надобно предполагать едва-ли не въ кабинетѣ его Французскаго величества. Говорю въ „кабинетѣ“, потому что нельзѧ же приписать пропагандистамъ и Польскому комитету тотъ дипломатическій походъ, которымъ открыли нападеніе на Россію почти всѣ кабинеты Европейскіе, и нельзѧ отрицать, что въ связи съ этимъ походомъ были открытое восстаніе въ Польшѣ и въ Западныхъ губерніяхъ и попытки на возмущеніе въ губерніяхъ восточныхъ. Связь, солидарность тутъ очевидны.

Я теперь занять разработкою весьма важнаго дѣла о Казанскихъ студентахъ, вовлеченныхъ офицерами генерального штаба Иваницкимъ, Мрочекомъ и Гернякомъ въ заговоръ о возмущеніи крестьянъ. Отъ 15 лѣтняго Карпова до 26 л. Орлова человѣкъ 18 поддались на Польскія хитрости и должны отвѣтить своими (почти своими) головами. Они вѣрили совершенно несбыточнымъ планамъ взятія Казани и Ижевскаго завода. Несмотря на то, бунтовщики располагали нѣсколькими сотнями рублей и десяткомъ револьверовъ. Они согласились разбрасывать самыя возмутительныя воззванія и нельзѣ манифесты, не понимая, что Полякамъ нуженъ не переворотъ для блага Русскаго народа, о которомъ мечтали и писали Казанскіе безбородые реформаторы, а просто бунтъ, замѣшательства въ простомъ народѣ, дабы внутренними беспорядками затруднить правительство и отвлечь военные силы его съ Запада къ Востоку. Больно и грустно карать такую молодежь, такое неразуміе и даже глупость. Мысль о возмущеніи могла родиться у Иваницкаго, который съ своею ротою стоялъ въ Спасскомъ уѣздѣ, гдѣ бунтовали крестьяне и была извѣстная экзекуція въ имѣніи Мусина-Пушкина, селѣ Бездинѣ. Онъ согласился съ Чернякомъ и Мрочекомъ и вовлекъ въ свой планъ студентовъ. Можно полагать, что съ студентами онъ сошелся въ домѣ вдовы Миттерманъ, Польки (она была у меня два

раза), сынъ которой Рудольфъ служилъ между ними посредникомъ. Семейство Миттерманъ считалось горячо преданнымъ Польскому дѣлу.

Нельзя читать безъ искреннаго участія показанія молодыхъ людей, не умѣющихъ вывертываться, благородно сознаваясь въ преступномъ увлеченіи и объясняю его теоретическими доводами. Особенно хорошо признаніе Лаврскаго, объяснившаго, какъ естественно было попасть имъ въ водоворотъ и какъ трудно было изъ него выйти. Мы рѣшили дѣло по 284 ст. Уложенія и ходатайствуемъ о двухъ несовершеннолѣтнихъ. Главные виновники уже разстрѣляны. Бунтъ могъ принять весьма широкіе размѣры и имѣть страшныя послѣдствія. По плану Жерома Кеневича, эмисары должны былиѣхать изъ Москвы по разнымъ направленіямъ и разбрасывать ложные манифесты и воззванія, а между тѣмъ Чернякъ въ Казани долженъ былъ организовать вооруженное восстаніе и взбунтовать Вятское, Пермское и Оренбургское населенія, особенно временно-обязанныхъ и заводскихъ крестьянъ. Студентъ Глассонъ (вѣроятно Жидъ) предательски выманилъ письмо отъ Иваницкаго къ Черняку и донесъ начальству. Ни бунта, ни восстанія не было. Иваницкій схваченъ, телеграфъ сталъ работать, и пошли аресты и комиссіи. Глассонъ умеръ. Я думаю обратить вниманіе министровъ цензуры и просвѣщенія на гибельное вліяніе университетской распущенности и свободы обращенія подпольной литературы и доктрины „Современника“, „Русскаго Слова“ и др. „Колоколь“, Герценъ, „Современникъ“, Чернышевскій, Щаповъ, Великороссъ, „Земля и Воля“ и пр., запрудившіе провинціи изъ Петербурга и Москвы, повторяются безпрестанно.

Много шуму дѣлаетъ статья Мазада въ *Revue des deux Mondes* (15 Марта) о Россіи за послѣдніе три года Польскаго восстанія и Польскихъ реформъ. Она и стѣтить этого шума. Она направлена противъ къ называемой старой Русской партіи, органомъ которой служатъ „Московскія Вѣдомости“ и особенно направлена противъ Мишель Никифоровича Каткова. Очевидно писалъ ее Русскій; весь материалъ, съ сплетнями и эпиграммами, сообщенъ изъ Россіи и, можетъ быть, не изъ однѣхъ рукъ. Но она правдива и справедлива съ точки зрењія Француза и вообще Европейца. Дѣйствительно, мы обращаемся съ правами и съ собственностью безцеремонно, скоренько и не поримски. Национальный элементъ напираетъ немножко нагло. Нововведенія и реформы, растущія какъ грибы, кружатъ головы и подмываютъ всякие авторитеты и всякую увѣренность въ прочность и въ порядокъ. Но Европеецъ настъ судить по своему, а мы Европейцы несовсѣмъ.

Мы Европейцы восточные, т. е. Западные Азіатцы, у которыхъ общинное владѣніе есть исконное, коренное и почти повсемѣстное на-

чало и у которыхъ вѣра, т. е. церковь, подчинена общей власти. Поэтому-то, и по климату, и по бѣдности нашей, Европейскіе порядки прививаются и примѣняются къ намъ туда и, какъ всякое заимствованіе, извращаются въ одинъ формализмъ, неудовлетворяющій настоящимъ требованіямъ. И Каткову, и Милютину, и самому Государю статья Мазада должна очень не нравиться, и я понимаю, что она строго вырѣзывается. Едва-ли понравится она и Константину, хотя Мазадъ очень отдаѣвается Московскаго публициста. Жаждущихъ читать эту статью въ Москвѣ многое множество.

А вотъ и *pendant* къ статьѣ Мазада. Въ 61 № „Московск. Вѣдом.“ Катковъ приправлять немножко покровительствуемыя въ правительственныхъ сферахъ направленія съ тѣми, которые проповѣдуютъ враги Россіи. Онъ говорить о государственномъ единствѣ, какъ о новомъ догматѣ, вѣроятно имъ открытомъ. Министръ вн. дѣлъ 26 марта сдѣлалъ первое предостереженіе. Оно напечатано въ Сѣверной Почтѣ и во всѣхъ газетахъ. Въ сегодняшнемъ (3 Апрѣля) № „Москов. Вѣдом.“ Катковъ объявляетъ, что онъ не принимаетъ и не напечатаетъ этого предостереженія, а будетъ платить 25 р. за каждый листъ три мѣсяца и потомъ прекратить свою дѣятельность. Онъ указываетъ на фактъ: памфлеть Шедо-Феротти, покровительствуемый Головиннымъ и Валуевымъ. Статья написана смѣло, самоувѣренno и способна вызвать новое предостереженіе. Это въ свою очередь знаменательный фактъ фрондёрства и крамолы. Катковъ чувствуетъ не свою силу, а слабость Петербургскихъ администрацій, слабость отъ тѣсныхъ видовъ своекорыстія и взаимнаго ихъ разъединенія. Престранное явленіе! Журналистъ обвиняетъ министровъ, министры его караютъ; онъ повторяетъ обвиненія (едва-ли не въ десятый разъ) и журналистъ на мѣстѣ и министры— тоже. Это новый шагъ анархіи, пробивающейся на улицу, на площадь. Я увѣренъ, что выходка Каткова будетъ принята въ Москвѣ съ большими сочувствіемъ. Ловкій Валуевъ истощить его штрафами и подведетъ ко второму предостереженію. Достаточно-ли сильна журналистика, чтобы удержать за собою поле битвы? Нѣть, но администрація и власть достаточно непослѣдовательны. Я буду слѣдить за этимъ дѣломъ.

Московское общество, за немногими исключеніями, все за Каткова. Онъ жертва, онъ герой. Думаютъ подписано покрыть платимые имъ штрафы. Мои сенаторы готовы разразиться на меня, не раздѣляющаго ихъ увлеченій. 4 Апрѣля измѣняетъ дѣло. Гагемейстеръ увѣдомляетъ меня, что въ Петербургѣ всѣ за Каткова и всѣ ропщутъ на главнаго начальника Щербинина, согласившагося съ (молодымъ) членомъ Совѣта на сдѣланіе Каткову предупрежденія, которое Валуевъ сдѣлалъ, сведя

счеты за прошедшее и чтобы начать когда нибудь и положить конецъ извѣстамъ и подозрѣніямъ.

И. И. Казначеевъ привезъ извѣстіе, что Государь взялъ къ себѣ бумаги и хотѣлъ самъ разсмотрѣть. Катковъ торжествуетъ. Нѣсколько сотъ студентовъ пропѣли передъ его квартирой „Боже, царя храни“. Они благодарили его за то (сказывалъ мнѣ Шиповъ), что онъ научилъ ихъ любить царя и Россію. Вся эта студентская процессія есть манифестація, устроенная друзьями Каткова. Настоятель Лавры Антоній рассказывалъ, что Государь отзывался, съ какимъ удовольствіемъ читаетъ онъ прекрасныя статьи Каткова о Московскихъ народныхъ манифестаціяхъ. Дѣло разрѣшилось отъ бремени довольно глупо: въ № 14 Апрѣльской „Сѣверной Почты“, министръ заявляетъ, что въ настоящее время онъ не желаетъ принимать мѣры взысканія. Желаетъ—не желаетъ! Чѣмъ такое?

Какое смятеніе во всемъ городѣ! Вчерась, при выходѣ изъ Лѣтняго сада, въ Государя сдѣланъ выстрѣлъ. Мы молились въ Чудовомъ монастырѣ, молились на площади Кремля. Преступленіе страшное! Въ телеграммѣ выражено подозрѣніе о переодѣтомъ эмиссарѣ. Всѣ озабочены мыслю: Полякъ или Русскій? Самое сомнѣніе это знаменательное: это можетъ быть и Русскій. Оно дѣйствительно заставляетъ призадуматься. Нечего и говорить, что Москва обвиняетъ великаго князя Константина. Нечего предполагать здѣсь личное мщеніе. И при личной жертвѣ здѣсь непремѣнно дѣйствуетъ партія. Какая партія? Нигдѣ нѣтъ такого раздраженія какъ въ партіи дворянской. Она въ газетѣ „Вѣсть“ даже подаетъ руку помощи Польскимъ землевладѣльцамъ. Но эта партія никогда не пойдетъ на такое гнусное дѣло; она же видѣть врага не въ царѣ, а въ братѣ его. Всего ближе здѣсь предполагать отчаяніе Поляковъ или фанатизмъ революціонеровъ, тѣхъ красныхъ революціонеровъ, для которыхъ нужны кровь, пожары и смерть. Тутъ только можно достаточно оцѣнить необходимость и важность крѣпкаго правительства, безъ котораго удержаніе порядка рѣшительно невозможно и безъ котораго анархія приметъ безграницы размѣры. Задайся народъ мыслю, что это дѣло партіи помѣщиковъ, мстящей за незапное обѣденіе отъ освобожденія крѣпостныхъ, и могутъ быть страшныя послѣдствія. Въ Москвѣ, во всѣхъ корпораціяхъ, горячка адресовъ. Въ церквиахъ, въ клубахъ, въ театрахъ живѣвшая манифестація. Мы, сенаторы, думаемъ послать адресъ. Что-то выяснится?

Въ сегодняшнемъ №. „Сѣв. Почты“ разсказаны злодѣйство и чудодѣйственный подвигъ Буйского крестьянина Осипа Иванова Коммисарова, но о личности объяснено (опять сомнѣніе): говорить по-русски совер-

шенно чисто. Русскій? Можетъ быть, но по подкупу, по наущенію вожаковъ.

Все извѣстно. И подробности сообщаемыя не говорять ничего опредѣлительнаго. Онъ называется различными именами. Сообщниковъ было трое; схвачено двое. Это можетъ облегчить раскрытие темнаго дѣла, котораго не прояснили и страшные пожары. Онъ назвался „Русскимъ“, обращаясь къ толпѣ, сказалъ Государю: „Вы обманули народъ, обѣщавъ дать землю и волю“. Онъ сказалъ: „это я за васъ“. Толпа вѣршилась въ него. „Царь обманулъ народъ“ стоять въ прокламаціяхъ Казанскихъ. Тамъ также расчитываются на сочувствіе толпы. Слова эти приписываются революціонному обществу въ Петербургѣ „Земля и Воля“, къ которому присоединилось и другое „Великороссъ“. Если это и Русскій, то—орудіе Поляковъ. Слухи ходятъ, что фамилія его *Мадзіевскій*. Другіе говорятъ—*Геллертъ*, Польскій Нѣмецъ. А въ театрѣ доется Полякамъ. „Жизнь за царя“ Глинки совершенно искажается. Итакъ цареубійца не Русскій, онъ Полякъ Ольшевскій. У всѣхъ сердце отлегло. Теперь надобно отыскать нить и развернуть этотъ страшный (клубокъ), который катается по Россіи и котораго всѣ чувствуютъ и никто не видѣть. Слѣдственная комиссія у насъ плохи, а потомъ, можетъ быть, и распорядители живутъ высоко. Но странно: о второмъ схваченномъ никто не говоритъ ни слова. Впрочемъ излишняя гласность можетъ повредить розыскамъ. Подождемъ еще.

Нѣть, не Ольшевскій. Онъ не сознается. Второй схваченный оказался какой-то больной чиновникъ, вовсе къ дѣлу непричастный *). Назначена слѣдственная комиссія подъ предсѣдательствомъ графа М. Н. Muравьева. Шефъ жандармовъ смѣненъ, назначенъ графъ П. А. Шуваловъ. Стало быть, князь Вас. Долгорукій виноватъ?

Молебствія, пѣніе хорами гимна, народныя изліянія радости и любви продолжаются, растутъ въ широкихъ размѣрахъ и вѣрно вызовутъ Государя.

Еще лучъ надежды: преступникъ (дознано) жилъ въ Знаменской гостинице подъ именемъ Владимирова, сына Калужского помѣщика, и посѣщалъ Медикохирургическую Академію. Онъ говоритъ по-польски, и эксперты объявили, что сапоги его шиты не въ Россіи.—Назначеніе Muравьевъ принято въ Москвѣ съ энтузіазмомъ. Въ Петербургѣ на дворянскомъ обѣдѣ онъ сказалъ: „Я старъ, но ляжу костыми, чтобы свято исполнить возложенное на меня порученіе. Преступное покушеніе

*) 10 Апрѣля я написалъ къ министру юстиціи, что въ словахъ преступника 4 Апрѣля есть сходство съ прокламаціями Казанскими 1863 г. и что не слѣдуетъ-ли искать эту личность въ тѣхъ мѣстахъ, где дѣйствовали Чернякъ, Иваницкій и Мрочекъ.

имѣть далекія нити, которыя потрясаютъ общественные интересы всѣхъ сословій; но я не теряю надежды ихъ обнаружить и смѣю увѣрить, что настоящему дѣлу придана будетъ возможная гласность⁴. Муравьеву многое должно быть известно изъ этого темнаго дѣла по дѣламъ Виленскимъ и если должно замѣтить, что онъ сознательно даетъ великое значеніе своей задачѣ, то должно сознаться, что онъ не остановится ни предъ какими препятствіями и личностями. Онъ знаетъ, что въ крайности для него возможна и диктатура. Можно опасаться личныхъ миценій и завзятыхъ убѣждений. Страшное время!

Государя ждутъ въ Москвѣ. Вѣроятно онъ предполагаетъ провести день рожденія въ Москвѣ, своей родинѣ. Вотъ будетъ торжество народное! Надобно ожидать народныхъ петицій о перенесеніи столицы. Энтузіазмъ неразборчивъ и требователенъ. Русской партіи много пищи и большая перспектива. Я нахожу даже—слишкомъ. Я боюсь крайностей: онъ вызываютъ крайности, и отчаянное положеніе можетъ вызвать, пожалуй, повтореніе. Положеніе дѣлъ чрезвычайно натянуто. Въ настоящее время это тѣмъ опаснѣе, что, при запутанности дѣлъ и раздраженіи интересовъ, правительство слабѣе новой силы общественного мнѣнія, дѣйствующей безъ привычки, рубящей съ плеча и опирающейся на общество, едва вышедшее изъ темнаго прозябанія и тѣмъ болѣе ревнующаго свою недавнюю независимость.

Молодой кавалергардъ Шиповъ, сегодня изъ Петербурга, сказывалъ мнѣ, что вся поліція и всѣ войска округа и гвардіи предоставлены въ распоряженіе графа Муравьева. Ничего не слышно. Въ тостахъ и газетахъ утверждаютъ съ увѣренностью, что онъ не-русскій. Чѣм-то откроетъ Муравьевъ?

Увы! Надежда тщетная! Онъ Русскій,—Каракозовъ (Дмитрій Владимировъ), сынъ небогатаго Сердобскаго помѣщика, бывшій вольнымъ слушателемъ въ Московскомъ Университетѣ. Это напечатано въ „Инвалидѣ“ и въ „Москов. Вѣдом.“. Человѣкъ мой говорить, что народъ не вѣритъ, что онъ увѣренъ въ Польскомъ происхожденіи злодѣя.

Толкамъ (и по московски) нѣть конца. Пронѣряютъ Татарское или Армянское происхожденіе преступника, его университетскія отношенія, его акты. Увѣряютъ, что онъ взялъ только фамилію, а въ дѣйствительности онъ другой, Полякъ. Молебны и манифестаціи продолжаются. Рабочая молодежь истаскалась, и хозяева плачутъ. Я доволенъ тѣмъ, что предположеніе мое въ письмѣ къ Замятину подтвердилось: Каракозовъ изъ Волжскаго края, въ 1863 г. былъ въ Казанскомъ университѣтѣ и вѣрно знакомъ съ прочими.

Событие 4 Апрѣля такъ поглотило всѣ интересы, что я, и безъ того довольно настроенный къ ожиданію дурнаго, до сихъ поръ и болѣе

нежели прежде, ожидаю дурного, подобного 4 Апрѣля. 10 Апрѣля я написалъ министру юстиціи, что упорствующій преступникъ долженъ быть изъ мѣстностей, гдѣ дѣйствовали Чернякъ, Мрочекъ и Иваницкій. Онъ Каракозовъ, и оказался изъ Сердобскихъ дворянъ, бывшій въ 1863 г. въ Казани. Въ дополненіе моего письма, я написалъ новое, отъ 18, и послалъ его съ моимъ племянникомъ Леонидомъ, гдѣ я развивая общія замѣчанія о недостаткахъ политическихъ нашихъ слѣдствій, окончившихся безслѣдно, о пожарахъ, о воскресныхъ школахъ и подметныхъ листахъ. Безслѣдно, потому что обнаруженіе и полицейскій розыскъ факта въ дѣлахъ политическихъ есть начало, а не завершеніе слѣдствія; потому что всѣ эти явленія суть проявленія одной и той же силы, дѣйствующей въ центрѣ, и потому что здѣсь работаютъ не личности, а цѣлая организація, цѣлая доктрина. Я прибавилъ, что извѣстныя жертвы увлеченія и Польскихъ происковъ не исчерпываются всѣхъ сокровенныхъ запасовъ злоумышленія и что *при наступающемъ, совершенно ненормальномъ состояніи общества безразсудные и легко-мысленные тѣмъ легче подпадаютъ затѣмъ внушеніямъ, что расчитываются на возможность успѣха дерзкой рѣшимости.* Потомъ я указываю на два недостатка Казанского слѣдствія: необслѣдована обстановка курильной комнаты, гдѣ выкладывались прокламаціи, и не обращено вниманія на Польское семейство Миттерманъ, въ средѣ котораго Поляки знакомились съ Казанской молодежью.

Ненормальность наша все возрастаетъ. Она дойдетъ до крайности и произведетъ крайнія, фанатическая выходки. Оскорбленные интересы мстятъ. Отравленная жизнь, мало мальски поддерживаемая сильною волею, не цѣнится въ грошъ и готова на все. Раздраженіе страстей, разгораемое свободною печатью, и теперь уже выражается рекриминаціями, борьбою партій на смерть. Достаточно прочесть передовыя статьи 20 и 21 Апрѣля „Моск. Вѣдом.“, чтобы видѣть, какъ журналистика вытаскиваетъ борьбу на улицы и площади, а здѣсь теперь безпрерывное движеніе и крики и толки массъ, торжествующихъ спасеніе царя-освободителя. Бросьте въ эту массу словечко о великому князѣ Константинѣ, или о барскомъ заговорѣ, или о Польскихъ пра-вахъ, и дайте освоиться этой массѣ: послѣдствія могутъ быть страшныя.

Меня ужасаетъ наступающая нужда. Эти агитациіи ее ускоряютъ. Меня ужасаетъ и возвращеніе къ порядку: послѣ такой распущенности всякой порядокъ представляется произволомъ, стѣсненіемъ и злоупотребленіемъ. Меня ужасаетъ и то, что въ этихъ опасеніяхъ рѣзни и волненій народныхъ никому и въ голову не приходить, что царь умеръ. Да здравствуетъ новый царь! А наследникъ совершенныхъ лѣтъ,

и нѣть основанія предполагать, чтобы онъ былъ неспособенъ. Объ немъ никто ни слова.

Мы присутствовали при освященіи зданій и открытии новыхъ судовъ. Зданія хороши и приспособлены, но не совсѣмъ готовы и вообще сырь. Министръ сказалъ рѣчь, обращенную къ новымъ дѣятельмъ, и обошлось чинно. Я остаюсь при томъ мнѣніи, что суды „послѣднее слово науки“, намъ не по плечамъ, слишкомъ совершенны для наличныхъ силъ и средствъ общества и приводятся въ исполненіе совершенно непрактично. Въ печатномъ мнѣніи моемъ я предсказывалъ то, что теперь сбывается. Канцелярія бѣжитъ, остается оборышъ. Новые порядки водворяются трудно. Публика разинула ротъ. Всего страннѣе то, что самъ министръ (доля эта выпала Д. Н. Замятину) совершенно противъ такой реформы и такого введенія. Увлекъ потокъ. Такъ сложилось. Двигали дѣло великий князь Константинъ и С. И. Зарудный.

Я ожидаю перемѣнъ въ самомъ непродолжительномъ времени. Перемѣны начнутся съ мировыхъ судей и потомъ присяжныхъ. Вообще неудовлетворительность всѣхъ реформъ, покушеніе 4 Апрѣля и назначеніе следователемъ графа Муравьевъ ведутъ къ реакціи и, можетъ быть, довольно крутой. Увольненіе Головнина есть начало. Когда винкнутъ поближе, то едва ли не остановятъ начатую ломку.

Покушеніе на графа Бисмарка! Подъ Липами, въ Берлинѣ, среди дня! Фанатикъ 22 лѣтъ, Блиндъ, сынъ заклятаго республиканца (самоубившагося). Покушеніе политическое, это несомнѣнно. Надобно было ожидать его при томъ раздраженномъ и напряженномъ состояніи общества и особенно Пруссаго, обруганного, ошельмованаго Бисмаркомъ. Если Прусское правительство не достигнетъ супрематіи въ Германіи, оно погибло. Бисмаркъ опирается на материальную силу и на буквальную власть суда въ искаженномъ составѣ. Все это чуждо честному Нѣмецкому элементу, и Гнейсты и Унруги начнутъ, чрезъ рѣчи, лекціи и газеты подрывать династическое начало, далеко не пользующееся въ Германіи прежнимъ авторитетомъ. Вообще надобно ожидать новаго концептрическаго круга, описание котораго уже намѣчено многими симптомами. Демократія наступаетъ и душить, а за демократіей, можетъ быть и республика, можетъ быть диктатура; но во всякомъ случаѣ огрубеніе, материализмъ и соціализмъ.

Назначеніе гр. Дмитр. Андр. Толстаго оберъ-прокуроромъ и министромъ просвѣщенія должно вести къ весьма важнымъ преобразованіямъ. Я желаю, чтобы церковь получила свободу, пора ей эманципироваться, и чтобы учебныя заведенія, все слившись въ одно вѣдомство, были нѣсколько обузданы отъ легкихъ гибельныхъ увлеченій, при которыхъ занятія, занятія серьезные, удалились на третій планъ. Либеральничество

гр. Строгонова и, въ подражаніе ему, кн. Гр. Щербатова въ Петербургъ привело къ разнуданности 1860 годовъ, и автономія университетовъ по новому уставу консолидировала эту разнуданность въ общее начало, которое требуетъ отъ Совѣта и ректора либеральныхъ рѣчей, за тѣмъ каканій на рукахъ, манифестацій и процессій по улицамъ. Въ среднія заведенія пробрался нигилизмъ. Духовныя училища и семинаріи отличаются невѣжествомъ.

Московское духовенство смотрить (Филаретъ и Леонидъ) на новаго оберъ-прокурора съ нѣкоторымъ неудовольствіемъ, и это по тремъ его распоряженіямъ. Онъ имѣлъ намѣреніе отдать въ аренду или продать синодальныя зданія въ Москвѣ, находящіяся на выгодныхъ улицахъ (на Никольской); во-вторыхъ, онъ прислая прокуроромъ конторы родственника своего Потемкина, человѣка довольно цинического и несвѣдущаго; въ третьихъ онъ обратился къ секретарю консисторіи съ требованіемъ свѣдѣній о суммахъ. Все это очень невыгодно отозвалось на мастистомъ старцѣ, играющемъ quasi роль Всероссійскаго патріарха. И безъ патріарха, преобразованіе Синода въ независимый соборъ, безъ всякихъ оберъ-прокурора, дало бы духовенству лучшее значеніе. Ослабленіе исключительности касти увеличило бы достоинство духовнаго званія.

Война или конгрессъ и миръ *statu quo?* Война нужна, чтобы отвлечь отъ проявленія революціоннаго движенія, вездѣ созрѣвшаго. Война нужна, чтобы дать исходъ оппозицій, у которой нагорѣло до рѣшительныхъ дѣйствій, война нужна для усиленія правительствъ, истощающихся внутренними, постоянными напряженіями. Гр. Бисмаркъ довелъ партіи до смертельныхъ посягательствъ, Наполеонъ выражаетъ (въ Оскерѣ) явную ненависть къ трактатамъ 1815 г. и съ презрѣніемъ относится къ политикѣ Евроцейскаго равновѣсія, такъ торжественно и съ такимъ блестящимъ успѣхомъ выраженной Тьеромъ, за два-три дня до Оскерской громовой манифестаціи. Италія прикидывается въ совершенной зависимости отъ патріотическихъ бандъ, готовыхъ вторгнуться въ Венецію. И замѣчательно, что всѣ они обвиняютъ Австрію, будто бы вызывающую вооруженіе завоевательными планами въ Италіи и Пруссіи! Экая продержостная воинственность! А бѣдная Австрія не знаетъ куда голову приклонить. Внутреннія борбы съ разноплеменностью, съ несовременнымъ примѣненіемъ конкордата, съ разстройствомъ финансовъ, а ей приписываются завоевательные планы въ Италіи и даже Пруссіи. Такъ это похоже на басню „волкъ и ягненокъ“. Виды Пруссіи чувствуютъ второстепенныя Германскія государства, и они ищутъ поддержки въ Наполеонѣ, какъ сосѣдѣ по Рейну, а въ Александрѣ II, какъ

родственникъ. Когда Ольгу Николаевну просили пожить подолѣ въ Петербургѣ, красавица-королева отвѣчала шуточнымъ тономъ: „Je ne sais, cela depend de Bismarck“. Можетъ быть, заставять и насть принять участіе въ Европейскомъ дѣлѣ. Жаль, что мы *несовсѣмъ* готовы. Южной дороги еще нѣтъ. А то пусть привлекутъ и насть. И у насть есть не-навистные трактаты. Для меня не подлежитъ сомнѣнію одно: вмѣшательство Наполеона не обѣщаетъ хорошихъ и прочныхъ результатовъ. Умная, логическая голова эта надтреснута, и онъ видить вещи въ свою призму. Повторяю: выиграетъ элементъ республиканскій и соціалистической. Самое обширное торжество Бисмарка приведетъ къ тому, что „Гогенцолернскія династія будеть украшеніемъ Прусскаго монархическаго трона“ или Нѣмецкой Имперіи. Скажу болѣе: сойдите со сцены нынѣшніе авторитеты соединенного королевства, самая Англія вовлечется въ треволненія наши, доселѣ ей чуждыя.

Огромный упадокъ вексельного курса (на Парижъ 280 сант.) всѣхъ озабочиваетъ. Дѣйствительно, при такомъ курсѣ торговыя сдѣлки почти невозможны, и материальныя отношенія чрезвычайно шатки. Но отъ чего онъ падаетъ? Объясняли обиліемъ ассигнацій (къ которымъ прибавилось столько подложныхъ), убыточнымъ торговымъ балансомъ и побѣгомъ капиталовъ отъ страны, объятой реформами и беспокойными ожиданіями. Бѣды особенной здѣсь не очень много, но бѣда есть. Бѣда именно та, что государство, дѣла и правительство въ напряженномъ совершиенно ненормальномъ состояніи, и своеокорыстіе капиталистовъ спекулируетъ этимъ. Не только капиталы, люди бѣгутъ, боятся; не знаешь гдѣ пріютиться, чтобы оградить себя отъ опасности и убытковъ. Хочешь умалиться, чтобы тебя не замѣтили; хочешь уклониться, чтобы не взвалили лишняго, несоразмѣрнаго бремени. Причина—незрѣлыя реформы, вызывающія шаткіе порядки, обѣщающіе неудовольствіе, разстройство и опасности. У насть, да я думаю и вездѣ, ходятъ самые невѣроятные слухи, продолжаются молебны и манифестаціи и общія жалобы.. Славное время, но слабые люди.

Приготовляю жену и дѣтей къ отѣзду въ деревню и боюсь: мнѣ кажется, въ деревнѣ, въ деревняхъ, начнутся опасности, грабежи и разбои. Преступленія усиливаются съ нуждою. Весна начинается прекрасно. Въ нѣсколько дней, можно сказать, въ нѣсколько часовъ, все позеленѣло, и термометръ въ тѣни до 20%. Хорошее время и хороший урожай отдалить злыхъ послѣдствія. Думаю рѣшиться отпустить; дѣти считаю деревенскую жизнь эльдорадо. А имъ нужно отдохнуть. Они эту зиму занимались много, прекрасно и съ большою пользой. Въ нихъ начинается математическая логика, и теорія величинъ, линій и звуковъ идетъ равномѣрно. На широкомъ для дѣтей изученіи языка

Русскаго (по новой методѣ, несовсѣмъ отчетливой) ложится приспособленное ученіе грамматикъ Французской, Латинской и Нѣмецкой. Послѣдній языкъ, самъ по себѣ очень трудный, дается очень тugo. Органъ непривыкъ къ Нѣмецкимъ звукамъ, языкъ ломается, сказанное скоро забывается. Для практическаго ученія я взялъ гувернера-Нѣмца изъ Митавы, Кронберга. Кажется, человѣкъ хороший, скромный и съ нѣкоторыми познаніями. Въ деревнѣ, въ 3—4 мѣсяца, дѣло можетъ подвинуться до того, чтобы дѣти говорили и понимали дѣтское членіе, а потомъ самоученіе довершить членіемъ. Физическимъ и нравственнымъ развитиемъ дѣтей я совершенно доволенъ. Мальчишка мой краснощекій и силенъ, и ловокъ, и строенъ. Красавица моя, моя любимица, мила по прежнему и столько же проста, сколько граціозна безъ малѣйшей мысли о нарядахъ и о желаніи нравиться. Учителя особенно отдаютъ ей справедливость, въ чемъ соглашается и братъ, сознаваясь, что имъ занимаются болѣе. Немного трудно мнѣ выносить расходы. Одни уроки обходятся въ мѣсяцъ до 120 р.; но я и жена моя готовы на всѣ лишенія, особенно теперь, когда закладывается фундаментъ и вбиваются сваи, на которыхъ будетъ строиться широкое и высокое зданіе. Благодарю Бога и молю Его о продолженіи возможности довершить это святое и великое для меня дѣло, какъ желаетъ мое сердце и придумывается мой искренній и крайній умъ *).

Суворовъ свѣтлѣйшій уволенъ, съ упраздненіемъ военнаго генералъ-губернаторства, очень недоволенъ и не скрываетъ своего неудовольствія. „Разругавъ (какъ мнѣ пишеть Гагемейстеръ) царя на всѣхъ переулкахъ въ Петербургѣ“, онъ проѣздомъ дѣлалъ тоже въ Москвѣ, пробывъ нѣсколько времени у Талызиной. Онъувѣряетъ, что, по полученнымъ свѣдѣніямъ, предупреждалъ Государя о задуманномъ покушеніи на его особу, но Государь отвѣчалъ: „все это вздоръ, и дѣлается, чтобы тебя морочить“. Онъ просилъ Государя дозволить ему сопровождать его на улицахъ переодѣтыми служителями. Государь будто бы сказалъ на это: если я замѣчу, то прикажу арестовать переодѣтаго и дамъ этому слушаю огласку. Суворовъ много говорилъ о своей полицейской дѣятельности и прибавилъ: „но средства всѣ въ III-мъ Отдѣленіи, а тамъ распоряжается дуракъ Долгорукій“. Откланиваясь Императрицѣ, Суворовъ сказалъ, что ёдетъ въ деревню, чтобы наблюсти за сохраненіемъ обломковъ своего дворянскаго состоянія. Деликатно и умѣстно, особенно со стороны человѣка, пользующагося славою „безпредѣльной личной превосходности“.

* Желалъ бы я, черезъ десять лѣтъ, посмотретьъ на сверстниковъ Мити: Володю Симанскаго (слишкомъ годомъ старше), Николю Толстаго (годомъ моложе), даже Алешу Елагина (двумя годами старше) и Вѣрочку Оверъ, сверстницу Наташѣ, бѣдовую дѣвочку.

Между тѣмъ Муравьевъ развиваетъ слѣдствіе въ огромныхъ размѣрахъ. Говорить, изъ одного Московскаго университета забрано 116 человѣкъ. Много. Но, кажется, на нить еще не попали. Должно замѣтить, что всѣ прежніе осужденные: Михайловъ (уже умершій), Обручевъ, Чернышевскій и др. не дѣлали полнаго признанія. Говорить, даже Огрызко многаго не доказалъ. Всѣмъ этимъ дѣламъ дано отдельное направленіе, и они рѣшены какъ частныя явленія. Въ этомъ важная ошибка. Вторая, важнѣйшая—это непреслѣдованіе до корней: довольствовались признаніемъ или изобличеніемъ неполнымъ. Теперь поворотить это трудно. Общее убѣженіе то, что преступникъ не Каракозовъ, хотя и назывался въ университетахъ этимъ именемъ. И я думаю, что онъ Полякъ изъ царства или западныхъ губерній, гдѣ принимаются (по крайней мѣрѣ на бумагѣ) такія радикальныя мѣры, которыя способны довести до отчаянія, до сумасшедшаго фанатизма. Въ Русскихъ соціалистахъ такой фанатизмъ могъ бы быть напускаемъ на слабыя головы.

Газеты схватились за финансовое управление и подвергаютъ его строгому осужденію. „Голосъ“ упрекаетъ въ непроизводительныхъ расходахъ для умноженія синекуръ и увеличенія окладовъ высшихъ учрежденій; „С.-Петербург. Вѣдомости“ находятъ, что управление принесло убытку болѣе 700 мил. р. тогда какъ вся Крымская кампания стоила не болѣе 500 м. р. Всѣ роഷутъ на Рейтерна. Всѣ предлагаютъ кандидатовъ. Я увѣренъ, что посыпятся „предостереженія“, но печать возьметъ свое, Рейтернъ уйдетъ на покой и уѣдетъ за границу. Кто будетъ его преемникомъ, назначаютъ, кто сенатора Фишера (главный агитаторъ здѣсь пройдоха сенаторъ Войцеховичъ), кто А. П. Шипова (о немъ давно уже писалъ и пишетъ братъ его, генералъ Шиповъ), кто А. А. Абазу (кандидатъ великой княгини Елены). Минѣ кажется, никто изъ нихъ не можетъ называться серьезнѣмъ кандидатомъ и не имѣть даже отдаленныхъ правъ. Шиповъ считаетъ авторитетомъ всякую книжонку въ протекціонномъ ученіи. Фишеръ никогда по финансовой части не служилъ и занимался ею какъamatёръ. А заводчикъ и откупщикъ Абаза едва ли и самъ пойдетъ. Вѣроятно, сдѣлаютъ Грота или Заблоцкаго. Можетъ быть, Татаринова, человѣка серьезнаго, чиннаго и съ характеромъ; но тогда надобно будетъ измѣнить составъ министерствъ и придать Татаринову кредитъ и казначейства. Но кто бы ни былъ преемникъ, а выбраться намъ изъ трущобъ очень трудно. Шатко будущее, возбуждены неосновательныя надежды, потрачены почти всѣ интересы. Мы близки къ террору, и между тѣмъ разнозданность личностей, разслабленіе власти и неизбѣжность дефицитовъ привели общество и государственный строй въ состояніе ненормальное, лихорадочное. Я удি-

вляюсь не тому, чтò есть и будетъ, я удивляюсь, какъ могло и можетъ быть такое безцеремонное, дѣтское обращеніе съ дѣлами, отъ вліянія которыхъ зависятъ миллионы участей и крѣпость государства.

Я познакомился съ молодымъ ученымъ Влад. Ив. Ершовымъ. Онъ въ 1862 г. учился въ Московскомъ университѣтѣ и по возникшимъ тогда студентскимъ продѣлкамъ долженъ былъ его оставить и отправился въ Берлинъ. Здѣсь онъ учился около четырехъ лѣтъ Римскому праву и за написанную имъ диссертацио (*quatenus competat interdictum uti possidetis in servitutibus praediorum*) получилъ первую золотую медаль, а потомъ, по публичному диспуту, получилъ и званіе доктора Римскаго права. Молодой человѣкъ мнѣ понравился, ему едва 21-ъ годъ, и онъ прекрасно выдержанъ заботливой матерью (Варвара Серг., рожденная княжна Вяземская). Но странное впечатлѣніе производить молодой докторъ. Онъ, кромѣ односторонности предмета ученія, возбуждаетъ подозрѣніе въ солидности своихъ знаній вообще, обнаруживается недовѣріе къ себѣ, опасеніе держать экзаменъ (столь у насъ многопредметный) на кандидата, и теперь этотъ доблестный юноша, съ ореоломъ первой преміи и высшаго ученаго званія первого Европейскаго университета, не имѣть никакихъ правъ ни по ученому вѣдомству, ни по юридическому. Я рекомендовалъ его министру юстиціи, и онъ съ большою готовностію обѣщался принять его на службу и устроить. Я не полагаюсь на Замятнина: онъ зависить отъ окружающихъ, а окружающіе-правовѣды держать себя замкнуто. Нѣкоторые изъ моихъ товарищей утверждаютъ, что докторство дается въ иностранныхъ университетахъ очень легко, и въ Гейдельбергѣ достаточно угостить хорошимъ обѣдомъ, чтобы получить дипломъ на доктора. Это утверждается и самъ Ершовъ, но исключаетъ Берлинскій университетъ. Непонятно для меня, что, дойдя до докторства, Ершовъ не имѣть никакой привязанности и влеченія къ наукѣ и не имѣть даже мысли о каѳедрѣ. Болѣе: онъ пожалуй не прочь и въ гусары идти. И заботливыя матери рѣдко умѣютъ хорошо оканчивать ученіе дѣтей. Я знаю это по Вар. Дм. Обрѣзковой, воспитывающей пятый годъ своихъ четырехъ дѣтей въ Гейдельбергѣ. Пожалуй, и они прѣдуть съ степенями ученыхъ и поступятъ въ гусары.

„Московскія Вѣдомости“ получили второе (6 Мая за 81 №) и третье (7 Мая) предостереженія и за тѣмъ пріостановлены на два мѣсяца. Въ Москвѣ это огромное событие, и оно огласилось и громко и быстро. Ожидаютъ протестацій и манифестацій, хотя не то время: событие 4 Апрѣля и развивающееся слѣдствіе поглощаютъ все вниманіе и озабочиваютъ преимущественно тѣ кружки, въ которыхъ наиболѣе выражались симпатіи Каткову. И я имѣю симпатію къ этому блестящему редактору передовыхъ статей и гордому представителю открытаго

національного знамени; но человѣкъ правительственный, я доволенъ, что министръ наконецъ рѣшился прекратить скандальную борьбу съ журналистомъ и восстановить силу закона и порядокъ, начинавшій походить на анархію. Министръ сдѣлалъ это довольно неловко, съ ужимками и не вовремя (скандалъ упреканій продолжался съ 29 Апрѣля по 9 Мая), но по крайней мѣре сдѣлалъ. Я опасаюсь одного: не вовремя принятая мѣра и единовременное распоряженіе о судебнѣмъ преслѣдованіи трехъ статей „С.-Пбр. Вѣдомостей“ (статей довольно пустыхъ) и „Вопроѣ новаго поколѣнія“ напечатанный въ „Современникѣ“, не указываютъ ли на начало реакції? Реакція, какъ мщеніе, есть орудіе неблагородное, но, къ сожалѣнію, часто вызываемое необходимостію. Перемѣна Головнина, возрастающая важность Muравьева, увольненіе кн. Суворова могли бы вести къ мысли о реакції; но едва-ли это такъ. При современныхъ и совершающихся реформахъ реакція невозможна. Финансовая путаницы связываютъ правительство. Кругомъ виноватое, оно выѣзжаетъ на либерализмъ и снисхожденіи. Впрочемъ, Muравьевъ въ душѣ явный врагъ либеральнымъ преобразованіямъ. Онъ рабъ и деспотъ *durch und durch*. Чѣмъ сдѣлается Катковъ? Онъ будетъ крамольничать.

Рескрипты 13 Мар. Какая нелѣпость и неосторожность! И какой вздоръ и недальновидность! Не опомнишься, не умѣешь дать себѣ отчета въ такой безтактии, лишенной всякаго достоинства. „С.-Петербург. Вѣд.“ № 171 доказываютъ нелѣпость содержанія и цѣли. И весь свѣтъ и вся Европа прочтутъ съ изумленіемъ и злорадствомъ, какая порча такъ глубоко и такъ нагло охватила Русское государство! Какое довѣріе можно имѣть въ ближайшей будущности такого испорченного организма? Какое ликованіе для реакціонеровъ всѣхъ видовъ и степеней, и прежнихъ министровъ, и партіи „Вѣсти“ и партіи Московской, клеймишшей „Петербургскихъ“ педагоговъ и администраторовъ! Какое торжество для Мазадовъ, получающихъ оправданіе ихъ преувеличеній! Какое поле для исключительного положенія дворянства, землевладѣльцевъ и для огульного презрѣнія къ просвѣтительнымъ начальамъ, къ журналистикѣ и литературѣ! Это ужасный рескрипты, основывающійся на какихъ-то (никому неоглашенныхъ) свѣдѣніяхъ слѣдственной комиссіи Muравьева и клеймишій позоромъ и измѣною всѣ управлѣнія. Кто писалъ этотъ актъ, кто совѣтывалъ обнародовать его? Реакція? Но я увѣренъ, что она такъ оробѣла отъ новыхъ порядковъ, что у нея не хватить силъ на борьбу, и она удовольствуется бумажными манифестаціями. Насъ спасаетъ невѣжество народа. Только невѣжество!

Общій говорѣтъ тотъ, что въ рескриптахъ повторены обвиненія, которыхъ столько разъ выражались въ „Московск. Вѣдомостяхъ“, и за

которыя издание Каткова и Леонтьева пріостановлено. Катковъ можетъ жаловаться или просить о возстановлениі правъ.

Въ „Современной Лѣтописи“ 18 Мая помѣщена статья „Развѣ“ съ помѣтою 8 Мая изъ Тулы. М. Н. Лонгиновъ сказывалъ мнѣ, что „Развѣ“ послано имъ 26 Апрѣля. Статья эта написана послѣ 15-го, по прочтениіи реєрипта, ибо она очевидно на него опирается и его развивавшь. Она начинается „гоненіемъ за мнѣнія“, чего и въ мысль не могло прійти до мысли о реакціи. Она писана Катковымъ, ибо его любимые пріемы, его пошибъ и его мысли. О смѣщеніяхъ ничего не слышно. Да едва-ли они и будутъ.

„Вѣсть“ торжествуетъ. Нельзя не видѣть нѣкоторой натянутости въ передовыхъ статьяхъ всѣхъ газетъ, занимающихся преимущественно иностранною политикою. „Москов. Вѣд.“ безъ передовыхъ статей и тощи и вялы.

Государь съ семействомъ ёдетъ въ Москву. Приготовленія обширныя.

Обрусьнію западныхъ губерній должна способствовать покупка тамъ имѣній Русскими, и для осуществленія этой мѣры правительство даетъ льготы и ссуды. Но, не смотря на всю суровость этой мѣры, чисто революціонной и соціалистической, осуществленіе это едва-ли возможно. У Русскихъ денегъ нѣть, у правительства тоже. Имѣнья раззорены, и доходность ихъ подрываются повѣрочными комиссіями. Это скорѣе усилить тамъ элементъ Нѣмецкій и безъ того уже довольно распространенный. Элементъ этотъ силенъ въ Царствѣ, и западные Нѣмцы между нимъ и Остзейскимъ краемъ образуютъ цѣль, которая чрезъ Познанскую провинцію примкнетъ къ Германіи. Я долго говорилъ съ лицами, бывшими въ Кіевѣ и Ковнѣ; они не знаютъ доселѣ ни одного имѣнія, купленаго Русскими по новымъ правиламъ. Мы любимъ шумѣть, а дѣйствуемъ плохо. Судебная реформа до сихъ поръ и не коснулась этихъ краевъ, а она представляеть такое сильное орудіе для обрусьнія.

Война неизбѣжна и едва-ли уже не началась, въ Голштиніи, въ Венеціи или въ Молдавіи и даже въ Силезіи. Начала соціализма и національности запутываютъ въ напѣ вѣкъ всѣ вопросы и даютъ событиямъ неподобающіе размѣры и значеніе. Если Австрія будетъ бороться съ Италіей и Пруссіей порознь, она можетъ выйти побѣдительницю и усилить свою Нѣмецкую національность, чего собственно и добиваются Габсбурги, называвъ имперію по имени двухъ Нѣмецкихъ герцогствъ. Но если ей, Австріи, придется бороться на Сѣверѣ и на Югѣ въ одно время, то едва ли она не поплатится Венеціей и ослабленіемъ въ Германскомъ союзѣ. Послѣднее ее ожидаетъ, кажется, во всякомъ случаѣ, и казалось бы ей слѣдовало принять предложеніе

Пруссіи, ибо такъ-ли или иначе осуществляющіяся народный парламентъ Германскій не допустить первенствующаго положенія Австріи и провозгласить имперію подъ короною Пруссіи. Въ Австріи прекрасное войско, превосходный генералъ Бенедекъ, большая надежда на сочувство второстепенныхъ державъ; но соперничество и открытая борьба Австріи и Пруссіи выдвинетъ народный элементъ, а онъ будетъ дѣйствовать въ демократическомъ смыслѣ и въ строго-національномъ единству. Война безъ завоеваній и приращеній во всякомъ случаѣ есть чистая потеря, убытокъ, долгъ. При настоящемъ развитіи образованности подобныя средства (войны) подмываются окончательно династической престижъ, и безъ того довольно слабый, и ведутъ къ парламентаризму, отъ которого недалеко до учрежденій республиканскихъ. Программа 1789 г. постепенно осуществляется, и отъ этого всего менѣе можно ожидать пользы для Австріи, слѣпленной изъ разныхъ народностей и держащейся кое-какъ монархическими преданіями. Австрія ставить ихъ на карту.

Многое ставить на карту и Пруссія со своимъ Бисмаркомъ, отъ котораго отворачивается вся Германія. Его считаютъ способнымъ уступить Рейнъ. Вмѣшательство Наполеона можетъ измѣнить всю карту Европы. Всѣ дрожать.

Государь, говоря о Московской встрѣчѣ на желѣзной дорогѣ, прибавилъ, улыбаясь: „такъ приняли по-московски, что даже страшно стало“. Оно дѣйствительно страшно это одушевленіе и движение массъ. Онъ чрезвычайно зыбки и, въ настоящее время безпрестанныхъ перемѣнъ, быстро перемѣнчивы. Незрѣлые реформы принимаются дурно, противорѣчать привычкамъ и оскорбляютъ интересы. Сегодня сидѣла у меня Меропія Новосильцова, только воротившаяся изъ Петербурга, и описывала, въ какомъ ужасномъ состояніи былъ Петербургъ 8 Апрѣля, когда никто не зналъ, откуда выстрѣль и кто преступникъ. И тоже двигались и шумѣли массы, толкуя о виновныхъ. Ожидали страшной рѣзни.

Пребываніе Государя довольно уединенно и мало или ни сколько не измѣняетъ обычной Московской жизни. Рескриптъ 13 Мая коментируется въ министерскихъ циркулярахъ, которые впрочемъ удостовѣряютъ, что выраженные въ рескрипте начала всегда были исходными пунктами всѣхъ министерскихъ распоряженій. Это особенно рѣзко выражено м. в. д. (Валуевымъ). Что-то скажетъ министръ просвѣщенія, который ёдетъ сюда, чтобы познакомиться съ Московскимъ ученымъ міромъ, обвиняемымъ въ Петербургѣ особенно въ нигилистическихъ тенденціяхъ. Говорить, будто корифеи наши, профессоры Чичеринъ и Дмитріевъ, оставляютъ университетъ. Но нигилизмъ гнѣздится не въ университетѣ, а въ

среднихъ мужскихъ и женскихъ заведеніяхъ. О реакціи и не слышно; правда, запрещены журналы *), но назначенъ Грейгъ. О Каракозовѣ извѣстія самыя противорѣчивыя. Говорять, что раскрыты сообщники: учитель Худяковъ и бывшій студентъ Макавѣевъ (Московскіе). Говорятъ, что Каракозовъ сознался: Теперь, когда открыты мои сообщники, я скажу всю правду. Да, заговоръ былъ, и жребій выпалъ мнѣ исполнить злой умыселъ. Я рѣшился исполнить, но вынувъ пулью. Вынуль пулью слѣсарь, которому я торопливо успѣлъ сказать: выньте пулью, пятьдесятъ рублей. Вошли наблюдавшіе за мною Худяковъ и Макавѣевъ. „Удостовѣрьтесь, хорошо-ли заряженъ пистолетъ“, сказалъ я при нихъ слѣсарю, и онъ понялъ дѣло. Я стрѣлялъ холостымъ зарядомъ“. Говорятъ, будто указанный слѣсарь подтвердилъ показаніе, пояснивъ, что онъ предполагалъ, что дѣло идетъ о частной дуели. Москва умѣеть выдумывать и глупѣе этого.

Я едва могъ дочитать вторую часть исторіи Юлія Цезаря, Наполеона III-го. Она написана гораздо хуже первой, начатой вѣроятно еще въ Арговіи или Аугсбургѣ. Скучнѣйша описанія Галльскихъ народовъ, мельчайшія подробности, утомляющія своею незначительностію. Никакой художественности въ изложеніи и слогѣ, смышеніе разсказа съ исслѣдованіемъ. Повторенія, обличающія работу урывками (Сравни напр. стр. 154 и 394, стр. 207 пораженіе Сабина и Котты разсказано два раза). Судя по такой работѣ, я сомнѣваюсь, чтобы поспѣлъ III-й томъ. Развѣ напишетъ другая рука. Нелишены интереса намеки на современное состояніе Франціи. Нѣкоторыя страницы (въ концѣ книги) читаются съ удовольствіемъ.

Многіе, люди серьезные, ожидаютъ реакціи. Самое назначеніе Грейга объясняютъ перемѣнною системы. Грейгъ въ Августѣ будетъ министромъ. Онъ береть себѣ въ товарищи оратора гр. Петра Шувалова. Мѣсто Грота займетъ подобный родичъ. Лобанова-Ростовскаго (Константинопольскаго) готовятъ смынить Валуева. Гр. Гейденъ командающимъ Варшавскимъ округомъ съ управлениемъ гражданскою частію, которая въ высшихъ инстанціяхъ сливаются съ министерствами имперіи. Реакція? Но какая же реакція при свободѣ печати, при публичномъ судѣ и при общемъ гражданскомъ равенствѣ?

Дворянская газета „Вѣсть“ семенить и торжествуетъ. Мнѣ прислали рѣчь Калужскаго предводителя (она будетъ напечатана), въ которой дворянству требуется первенствующее вліяніе, и управлениe Арци-

*) „Современникъ“ и „Русское Слово“ по докладу кн. П. П. Гагарина за вредное издавна замѣченное направленіе. Это урокъ главному управлению и министру и урокъ нашимъ законникамъ. Впрочемъ и Валуевъ, и Щербининъ переварялъ.

мовича сравнивается съ началами школы и среды, изъ которыхъ вышли изверги Каракозовы. Реакція особенно ожидаются отъ гр. Толстаго, министра народного просвѣщенія и оберъ-прокурора Синода. Онъ человѣкъ желчный, личный врагъ своего предшественника Головнина, человѣкъ самолюбивый и просвѣщенный. Онъ уже смѣнилъ (говорять) Новороссійскаго попечителя, Арцимовича Адама, противъ которого Москва агитировала весьма открыто. Теперь онъ ѿдетъ въ Казань, гдѣ гнѣздится Русско-Польская эмиграція, намѣревавшаяся поднять весь этотъ полудикий Приволжскій край. Дѣло въ томъ, что реакція въ воздухѣ, и нельзя ея было не предвидѣть по всегдашимъ и непремѣннымъ послѣдствіямъ усиленныхъ и несозрѣвшихъ преобразованій.

Іюнь. Война началась и (битва при Кёниггрецѣ), пожалуй, кончается или, пожалуй, начинается (уступка Венеціи Императору и принятие имъ посредничества) въ новыхъ, колоссальныхъ размѣрахъ. Пруссія ведетъ дѣло мастерски, счастливо и смѣло. Разбитая на голову Австрія бросилась въ объятія всегда открытой соперницы и побѣдительницы своей—Франціи. Исключеніе Австріи изъ Германіи и обращеніе ея къ Наполеону—это уже созданіе Нѣмецкой Имперіи съ столицей въ Берлинѣ, а съ Имперіей упраздненіе второстепенныхъ державъ, сепаратизма и разрозненности Нѣмецкихъ силъ. Но допустить-ли это Наполеонъ, стѣсненный своею программою и имѣя въ перспективѣ такого опаснаго сосѣда? Пруссія дѣйствовала противъ Австріи совершенно въ революціонномъ духѣ, и она побѣдила консервативную Имперію; но теперь передъ нею революціонный герой. Устоить-ли система Бисмарка? Наполеонъ выгадываетъ, какъ ловче ударить. Онъ съ Россіей и Англіей предложить конгрессъ и на конгрессѣ примѣтъ основаніемъ уже принятыхъ Пруссіей началь національностей и общей подачи голосовъ. При мысли о національности онъ умолчитъ о Польшѣ, чтобы имѣть съ собою Россію. Но разъ остановя расширеніе Пруссіи, онъ возвратится къ давно заявленной мысли о передѣлкѣ карты Европы и тогда рѣшился воскресить Польскую національность. Само собою разумѣется, что прежде онъ выговорить округленіе границъ. Думаю я однако, что демократія вырветъ дѣло изъ рукъ дипломатіи, и демократы уже готовы стать во главѣ народныхъ партій, сила которыхъ и въ Италіи и на Балканѣ, и въ Венгріи, и въ самой Пруссіи очень чувствительна. Смѣшина была бы эта демократія, если бы пропустила такой удобный случай. Впрочемъ и путемъ парламентскимъ, при общей подачѣ голосовъ, власть поплатится своимъ могуществомъ, и поплатится гораздо поболѣе нежели въ счетахъ своихъ съ Грабовыми и к.^o. Я провижу развитіе демократіи, соціализма и республики. Европа зрееть для этихъ учрежденій, и мнѣ кажется самое начало національностей отодвигается на второй планъ.

Война въ полномъ развалѣ. Каткову разрѣшено продолженіе редакціи. Министръ вн. дѣлъ сдѣлалъ обѣ этомъ „распоряженіе“. Катковъ его не напечаталъ, а напечаталъ, что оно не имѣеть основанія. Анархія во всемъ продолжается. Менѣе опасеній за безопасность, потому что новые суды, особенно мировые суды, представляютъ гарантіи дѣйствительныя. Разрѣшеніе Каткову дано на аудіенціи 21 Іюня въ Петровскомъ дворцѣ. Москва связываетъ это разрѣшеніе съ возможностію войны. Петербургъ не видитъ возможности воевать, и говорить что Дм. Милютинъ уступить свое мѣсто болѣе воинственному Тотлебену или Потапову.

Указъ о верховномъ судѣ надъ Каракозовымъ повторяетъ реескриптъ 13 Мая.

Война продолжается, усложняется, и перемиріе мелькаетъ, но не дается. Ходъ военныхъ дѣйствій показываетъ, какъ давно готова Пруссія и какъ мало готовы Австрія и Германія. Все ведеть къ объединенію Нѣмецкой Имперіи, и безъ этого единства немыслимо прочное устройство. Все что можно сказать о Пруссіи, это то, что она дѣйствуетъ ловко, лучше нежели ея враги, которые дѣйствуютъ непонятно дурно. Не поймешь, гдѣ Баварцы, Александръ Гессенскій, Вюртембергъ? Но ловкость Пруссіи обоядно остра: перестроивая раціонально, льстя народностямъ Славянскимъ и Венгерской, Пруссія, подъ обаяніемъ военной славы, умѣла ослабить и внутри легіонъ либеральной партіи въ новомъ своемъ парламентѣ, но повторяю: ловкость эта неискренна, и гр. Бисмаркъ, перемѣни аллюры, не перемѣнить образа дѣйствій правительства, непримиримаго съ парламентаризмомъ. А ему много пиши и опоры „съ исключеніемъ Австріи“ и со всключеніемъ всѣхъ краевъ Нѣмецкихъ. И въ Германскомъ парламентѣ министръ Вильгельма I-го будетъ въ меньшинствѣ. Потомъ: объединеніе Германіи прекратить германизацію Славянъ и вызоветъ ихъ къ болѣе самостоятельной жизни, къ тѣмъ „правамъ и преданіямъ историческимъ“, которыя обѣщаются имъ революціонная Пруссія прокламациі. Въ этой войнѣ всѣ будутъ въ потерѣ, кромѣ Нѣмецкаго народа, и особенно выиграютъ народныя демократіи. Австрійскій домъ не исчезнетъ, но ослабнетъ до незначительности второстепенныхъ державъ. Сильны и численны Австрійскіе Славяне и Венгры, но совокупность, цивилизація и территорія ихъ въ какое же можетъ идти сравненіе съ Германіей, Россіей, Франціей и Италией? Это будетъ вторая Турція.

Есть что-то личное въ мишеніи Бисмарка Франкфурту (да и всей южной Германіи). Въ Pr. Staatsanzeiger, отъ 27 Іюля № 180 перепечатана статейка о Франкфуртѣ, какъ гнѣздѣ враговъ Пруссіи, наемыхъ демагоговъ и демократіи. Статейка дышетъ грозною ненавистью

и можетъ служить программою крайняго раззоренія, униженія, уничтоженія Франкфурта. Слышится злорадство надменнаго, кичащагося побѣдителя. 6 миллионовъ деньгами и 2 мил. припасами недостаточны; давай еще 52 мил. гульденовъ. Это уже не вольный городъ, а вѣроятно завоеваніе въ распоряженіи побѣдителя. Да, но зазнавшійся и заносящійся мститель подобными дѣйствіями и подобными неприличными полемиками возстановить противъ себя всю демократію, которая очень многочисленна въ Германіи и особенно въ сѣверной, и возбудить журналистику, которая есть сила и сила мощнага. Грустно смотрѣть на такія крайнія событія, но надобно отдать все таки справедливость Пруссіи: она дѣйствуетъ превосходно, говорить твердо и казнить немилосердно. Она истощить южную Германію до нельзѧ.

Нынѣшняя поѣздка въ деревню (21 Іюля—28 Августа) не удалась совершенно. Во-первыхъ, скучный и непріятный заѣздъ въ сторону къ имянинницѣ (22 Іюля), свиданіе въ Тулѣ (22), кончившееся разочарованіемъ, а въ третьихъ (и это самое главное) болѣзнь дѣтей, коклюшъ, испортили все время, предназначенное для отдыха. Деревня въ 40 verstахъ отъ города, и поѣздка туда, и пребываніе тамъ (съ 14 по 18-е) наскучили и изнурили меня до крайности. Тяжелымъ камнемъ легла и лежитъ болѣзнь дѣтей, особенно Наташи. Она довела ее до крайней слабости, и нельзѧ было смотрѣть на этого умнаго, прекраснаго и кроткаго ребенка безъ терзанія сердца и глубокаго удрученія отъ беспомощности, въ которой оставляетъ медицина дѣтей въ коклюшѣ.

Деревня постепенно падаетъ и распадается. Все ловить сорвать что-нибудь и уйти куда нибудь. Братъ устарѣлъ и приходить въ дѣтство. Приходилось Ѳѣсть однѣхъ цыплять; доходило, что не было бѣлаго хлѣба. Отъ частныхъ переѣздовъ, съ подставами, лошади измучились. Все несла и несетъ на своихъ могучихъ плечахъ мать. Не знаешь, гдѣ береть силъ эта больная женщина. Я оставилъ ихъ 28 и прїѣхалъ въ Москву 30 Августа.

Пріѣздъ Американцевъ, смерть гр. Муравьевъ и казнь Каракозова, вотъ чѣмъ заняты Москва и цѣлая Россія. Второй секретарь Морскаго Министерства Фоксъ привезъ резолюцію Вашингтонскаго конгресса, выражавшую радость и сочувствіе Соединенныхъ Штатовъ по поводу неудавшагося покушенія 4 Апрѣля. Честь большая—подобное заявленіе цѣлаго конгресса. Дѣло небывалое и неслыханное. За то уже и чествовали Американцевъ въ Петербургѣ, Твери, Нижнемъ, Костромѣ и опять въ Петербургѣ. Рѣчей было такъ много и въ нихъ такъ много выражалось упрековъ и вызововъ западной Европѣ, что правительство сочло нужнымъ устами вице-канцлера, на обѣдѣ въ Англійскомъ клубѣ, смягчить силу впечатлѣнія этихъ заявлений и увѣрить, что въ сближеніи

великой республики и великой имперіи не представляется ничего угрожающего.

Смерть Муравьева приписываетъ Москва отравъ. Онъ 70 лѣтъ, былъ боленъ, могъ умереть и безъ отравы. Смерть его важна въ томъ отношеніи, что съ отходомъ старыхъ людей (консерваторовъ) напоръ новыхъ, незрѣлыхъ порядковъ будетъ усиливаться, и отрезвленіе сдѣлается совсѣмъ невозможнымъ. Муравьевъ Польскими дѣлами возведенъ былъ на пѣдесталъ народнаго министра, и поэтому и по колоссальному своимъ способностямъ, характеру и опыту имѣть значеніе силы, могущества, авторитета, передъ которымъ умолкали всѣ представители крайнихъ направлений. Въ этомъ отношеніи онъ незамѣнимъ. Миръ праху твоему, неутомимый сокрушитель Польской справы.

Процессъ Каракозова идетъ какъ-то загадочно. Сперва не было ничего неизвѣстно, потомъ показалась статейка въ „Сѣверной Почтѣ“, слагавшая всю вину на нигилистовъ-студентовъ и гимназистовъ, наконецъ явился и приговоръ. Ничего не поймешь въ этихъ мелочахъ, сопоставляя ихъ съ громадными опасностями, о которыхъ говорится и въ реескрипте 13 Мая, и въ указѣ объ учрежденіи верховнаго суда. Все дѣло ведено очень неопытною рукою, и довѣріе общества все болѣе подымается. Прибавьте къ этому умноженіе преступленій и бунты Поляковъ въ Сибири и (тоже Поляковъ) на Кавказѣ. Глазъ съ удовольствиемъ останавливается на начаткахъ судебнай реформы.

Кромѣ текущихъ газетъ, исполненныхъ такого живаго интереса, я успѣлъ прочесть въ деревнѣ: 1-е, *Geschichte der kirchlichen Trennung zwischen dem Orient und Occident* Мюнхенскаго ученаго Д. А. Pichler-a. Два толстые тома, Мюнхенъ 1865—1866 г. Это трудъ обширный, по возможности беспристрастный и самъ по себѣ, и по настоящимъ обстоятельствамъ весьма важный. Какъ много было попытокъ къ соединенію и какъ близко были приглашенія, но все обрушилось „догматомъ“ о главенствѣ папы „въ Римскомъ смыслѣ“. Мне кажется Галликанская церковь могла бы возбудить попытки о соединеніи въ томъ видѣ, какъ Сорбонна предлагала Петру Великому, особенно въ настоящее время, когда самое существованіе папскаго властительства подвергается колебаніямъ и сомнѣнію. Жаль, что Пихлеръ мало знакомъ съ нашою богословскою литературою и пробавляется часто Гагаринъ, Головинъ, Петр. Долгорукимъ и под.

Обнародованы приговоры верховнаго уголовнаго суда 31 Августа, о Каракозовѣ, а 8-го Сентября о Кобылинѣ, оговоренному Каракозовымъ. Остаются тайныя общества. Такъ наши государственные мудрецы удовлетворяютъ напряженнымъ требованіямъ общества черезъ часть по ложкѣ. Вотъ тебѣ виновный въ покушеніи одинъ школьнікъ,

и черезъ недѣлю — вотъ тебѣ сообщникъ этого школьнаго, лекарь Кобылинъ, но онъ ни въ чемъ невиненъ. А по существу дѣла, о средѣ, изъ которой вышелъ Каракозовъ, погоди. Много-ли, долго-ли, неизвѣстно, какъ разсудять наши мудрецы. Одиночность Каракозова поразительна. Какую цѣль могъ имѣть недоучившійся школьнаго, покушаясь на жизнь Государя? Какъ рѣшился судь отдать суждение о немъ отъ прочихъ, отъ главныхъ основаній дѣла? Почему отдано производство о сообщникѣ имъ оговоренному, Кобылинѣ? И что за безграмотные приговоры! Кто это такие: кн. Гагаринъ, гр. Панинъ, Метлинъ? Въ Москвѣ общій говорѣ, что дѣлу дали такой ходъ, чтобы маскировать его важность и особенно, чтобы выгородить Великаго Князя Константина, который оставилъ Петербургъ и гуляетъ по Черному морю. Я увѣренъ, что здѣсь играетъ роль болѣе неразуміе, нежели умыселъ, болѣе оплощенная небрежность, нежели какая нибудь цѣль. Я убѣженъ, что Каракозовъ былъ членъ секретной организаціи, гдѣ преобладающее вліяніе было Польское. Впечатлѣніе этихъ публикацій очень тяжело, потому что изъ нихъ не узнаешь ничего опредѣлительного, и по прочтѣніи невольно спрашиваешь: да чтѣ же это такое?

Всѣ газеты наполнены церемоніалами встрѣчи принцессы Дагмары Датской. Приготовленія огромныя, массы кораблей, войска и двора, больше цѣлой Даніи. Прекрасная Сѣверная Царевна, невѣста царственаго покойника, будеть подавлена впечатлѣніями, воспоминаніями и трепетнымъ ожиданіемъ. Подъ какою звѣздою родилась Скандинавская красавица? Чѣмъ ожидаетъ ее въ будущемъ? Потерявъ одного жениха, она перенесла чувства свои на другого, брата и преемника прежняго.... Нынѣшній наследникъ обѣщаѣтъ и обѣщаетъ гораздо менѣе своего брата. Онъ, по увѣренію гр. Сергея Строганова, получилъ небрежное воспитаніе и очень плохое образованіе. Въ 20 лѣтъ возраста вздумали это поправить и набрали профессоровъ. Едва начали они заниматься, понадобилось емуѣѣхать въ Копенгагенъ, свататься. Едва по возвращеніи, снова начались лекціи, понадобилось практически изучать Россію, и молодой человѣкъ отъ овациіи къ овациіи побывалъ по Волжскимъ городамъ до Казани и долженъ былъ воротиться въ Москву, къ манѣврамъ, и въ Петербургъ, чтобы встрѣтить невѣstu. Теперь вѣроятно встрѣчи эти совершились со всею императорскою пышностью. А между тѣмъ во всѣхъ магазинахъ, въ 50-ти различныхъ позахъ, разсыпаны большіе и малые портреты принцессы, присланные изъ Даніи (Петерсена) и Петербурга.

Вотъ и новый приговоръ верховнаго суда о 34 подсудимыхъ, Ишутинѣ, Ермоловѣ, Худаковѣ и др. И опять ничего понять нельзя: такъ отрывочно изложеніе, такъ ничтожны личности и такъ произвольны

наказанія. Можетъ-ли быть, чтобы эти студенты университета и Петровской Академіи, несовершеннолѣтніе дворяне и церковники, чтобы школьники эти стояли во главѣ переворота и чтобы даже эти школьники приступили къ исполненію своихъ замысловъ, выраженныхъ такъ неопределенно, теоретически и безъ приготовительныхъ мѣръ и назначений? Могли они быть наэлектризированы, чтобы беспокоить и пугать общественное мнѣніе и спокойствіе, да, но участниками они быть не могли: они, безъ имени и положенія, могли компрометтировать самый переворотъ, если бы онъ удался. Они могли играть въ реформаторы и заговорщики; серьезно приступить къ перевороту они не могли и не имѣли никакихъ средствъ. Каракозовъ очевидно изъ ихъ среды, но онъ рѣшился на покушеніе не въ слѣдствіе ихъ рѣшенія (это видно и изъ ихъ показаній), а развѣ по подговору нетерпѣливаго распорядителя въ Петербургѣ. Вотъ этого распорядителя-то не видно.

Какъ въ обществѣ (даже въ лучшихъ кругахъ), такъ и въ печати (даже въ лучшихъ ея органахъ) выраженіе мнѣній, порицаній и восхваленій выходитъ изъ всякихъ предѣловъ. Я приписываю и приписываю это крутымъ, радикальнымъ реформамъ, предпринятымъ безъ постепенности и хорошей подготовки. Не говоря о крестьянскомъ освобожденіи, въ которомъ интересы двухъ сторонъ противостояли вразрѣзъ и имѣли огромное влияніе на соціальныя, семейныя и личныя отношенія помѣщиковъ и крестьянъ, я долженъ однако сказать, что противоборство это начинаетъ примиряться и сглаживаться, хотя послѣдствія для настоящаго поколѣнія останутся неизгладимыми. Я особенно долженъ указать на столкновеніе судебной реформы со старыми порядками. Подготовкою къ судебнай реформѣ были двѣ мѣры: 1, Правила 11 Октября 1865 г. и 2, Свобода печати. Правила 11 Октября действуютъ недавно; свобода печати, хотя дѣйствительно узаконена въ Сентябрѣ 1865 г., но она существуетъ съ 1856 и постепенно усиливаясь сама собою, слабостію высшей власти и бездѣйствіемъ оробѣвшей и напуганной администраціи. Но влияніе печати въ Россіи едва только водворяется и до сихъ поръ очень ограничено. Движенія у насъ много, но двинуть массу народонаселенія такой Имперіи есть задача сверхъ силъ человѣческихъ. Тѣмъ не менѣе въ частныхъ кружкахъ и высшаго общества безпрестанно слышишь жалобы на новый порядокъ, вызываемыя старыми привычками. Общее неудовольствіе на безапелляціонность мировыхъ судей. Здѣсь княгиня Софья Долгорукая ропщетъ на вызовъ ея, какъ свидѣтеля, по требованію модистки, въ ряды мужиковъ и салопницъ, съ продержаніемъ $2\frac{1}{2}$ часовъ при разбирательствѣ не кающихся ея разныхъ дѣлъ довольно грязнаго содержанія. Тамъ прокуроръ находить, что частный, полковникъ Дренякинъ, разбиравшій,

въ присутствіи части, претензію извощаика и оскорбленный отвѣтчикомъ, былъ оскорбленье не какъ чиновникъ, а какъ частное лицо, ибо претензія принадлежать мировому вѣдомству. А вотъ генералъ Загорянскій претендуетъ на судебнаго слѣдователя за неуваженіе его генеральскаго чина. Докторъ Лавровскій вызванъ съ женою и, кажется, съ дочерью по жалобѣ кучера-солдата, не имѣвшей никакого основанія. Претензій много, но онѣ улягутся и отъ публичнаго суда, и отъ свободы печати надобно ожидать (и не въ дальнемъ будущемъ) самаго дѣйствительнаго вліянія на очищеніе и облагороженіе нашей частной и уличной жизни, въ которой, надобно сознаться, много беспорядковъ и грязи. Особенно сильно ропщутъ на новые суды мои почтенные сослуживцы генералы, сенаторы, чаящіе, при напорѣ новыхъ волнъ, увольненія съ пенсіей. Они кричать и кричать громко, такъ что начали ходить даже учащенныя слухи объ ограниченіи демократического направленія судебныхъ новыхъ учрежденій подчиненіемъ ихъ исполнительной власти въ видѣ временной пріостановки рѣшеній, впредь до пересмотра въ высшей инстанціи. Мудренаго ничего нѣть; пожалуй, и ограничить. По моему мнѣнію главный недостатокъ заключается въ томъ, что личный составъ, особенно прокурорскаго надзора, слишкомъ молодъ. Молодежь щеголяетъ новизною и тщеславится превосходствомъ своего положенія, раздражая тѣмъ приниженные старые порядки и не внушая общаго довѣрія къ порядкамъ возникающимъ.

Торжествамъ въ Пруссіи нѣть конца. Блестящая кампанія имѣла колоссальные результаты и идетъ какъ по маслу. Нѣмецкая имперія, Нѣмецкое могущество слагается само собою, быстро и крѣпко. Но все это до поры и до времени. Пруссія, знавшая внутреннія и финансовые затрудненія Россіи и Франції, дозволила себѣ дѣйствовать *reg fas et nefas*. Она измѣнила карту Европы, безъ всякихъ переговоровъ съ Европою, признавъ упраздненіе и преобразованіе Германскаго Союза дѣломъ Нѣмецкимъ, предметомъ домашнимъ, внутреннимъ. Международное право игнорировано. Ручательства Вѣнскихъ трактатовъ устранины самовластно. Конечно, сильное нынѣ начало національностей много измѣняетъ дѣйствующія начала международного права; но начало народностей, доведенное до логической послѣдовательности, требуетъ распаденія Австріи и Турціи и возстановленія Польши. Оправившись и собравшись духомъ, Наполеонъ и Россія не допустятъ, чтобы карта Европы измѣнялась одностороннимъ образомъ, или допустятъ?

Въ виду уже имѣется протестъ Ганноверскаго короля. Протестовалъ и Франкфуртъ. Что отвѣтять подписавшія и ручавшіяся державы? Надобно замѣтить и то, что нынче время вовсе не законности и права, а силы и успѣха. Противодѣйствіе Пруссіи чрезвычайно усилить ее

въ Германіи. Нѣмцы соединяются всѣ и плотно примкнутъ къ Пруссії. Уже и теперь голоса въ Штутгартѣ и Мюнхенѣ требуютъ по крайней мѣрѣ военной конвенціи. Единство образовалось. Оно увлечетъ дальше, и независимость Нѣмецкихъ королевствъ будетъ скоро мнимая. Противодѣйствие Пруссії не поможетъ Ганноверу, но повредить и Саксоніи, и Дармштату, и Баваріи, и Вюртембергу. Разумѣется, Германіи противъ Франціи и Россіи не устоять; но разумѣется и то, что и этимъ державамъ единства Германіи не разрушить. Оно готово было завершиться и безъ Бисмарка. Бисмаркъ зорко прозрѣлъ это и счастливо воспользовался. Опасность Пруссії въ развитіи демократіи и соціализма.

22 Сентября статсь-секретарь Гагемейстеръ писалъ мнѣ, что перенесенное въ судебную палату дѣло Жуковскаго и Пыпина „Вопросъ молодому поколѣнію“, *условлено* разрѣшить въ видахъ министерства. Я не повѣрилъ, я не желалъ вѣрить. Сейчасъ получиль „Судебный Вѣстникъ“, где описано засѣданіе Палаты 4 Октября и *условленное* рѣшеніе Палаты, которая, основываясь на 1040 ст. Уложенія, осуждаетъ обоихъ къ аресту на 3 недѣли и къ штрафу въ 100 р., находя ихъ виновными въ противной благопристойности браніи относительно лицъ дворянскаго сословія. Замѣчательное рѣшеніе! Во первыхъ, ихъ никто въ этомъ не обвинялъ; во вторыхъ, прокуроръ штрафа не требовалъ, и судъ его не опредѣлялъ. По протесту наказаніе усилено, но протестъ обѣ этомъ не просилъ. Въ третьихъ, какая же это неблагопристойная брань? Очевидно, что рѣшеніе *условлено*, и рѣшеніе неправильно. Московскій прокуроръ Лянге перемѣщенъ. Перемѣщенъ и г. Панафидинъ, признавшій статью неоскорбительною. Остается обратиться къ кассаціи, и департаментъ вѣроятно напутаетъ не менѣе. Я прямо бы кассировалъ, объяснивъ, что здѣсь не непристойная брань, а просто опозореніе дворянскаго сословія. Впрочемъ текста приговора палаты еще нѣть. Посмотримъ текстъ.

Я прочелъ и вторую часть Гизо: *Méditations sur l'état actuel de la religion chrétienne* (слѣдовало бы прибавить *en France*). Вторая часть лучше первой, ибо содержитъ много исторического и личного, но слаба, жидка и поверхностна. Оптимистъ довѣряетъ болѣе своимъ старческимъ надеждамъ, нежели осторожной оцѣнкѣ фактовъ и болѣе чувствуетъ, нежели убѣждаетъ. Начавъ съ конкордата Наполеона и „Генія Христіанства“ Шатобріана, онъ довольно увлекательно рассказываетъ попытки Ламене и Монталамбера и довольно неожиданно переходитъ къ протестантской церкви въ католическомъ королевствѣ, которой онъ приписываетъ непомѣрное съ ея числительностю вліяніе, и представителей которой онъ превозноситъ до почестей апостольскихъ. За этою главою (*le réveil chretien en France*), лучшою и главною во

всей книгѣ, слѣдуютъ шесть главъ о разныхъ системахъ; отъ *спиритуализма*, основанаго будто Ройе-Коляромъ, *рационализма*, измельчившаго возвышенныя чувства человѣка, *позитивизма*, основанаго полу-сумашедшимъ Огюстъ-Контомъ, *пантеизма*, выразившагося въ Спинозѣ и Гегелѣ, *матеріализма*, въ которомъ онъ замѣчаетъ съ Ремюзѣ какую-то заманчивость и для котораго главнымъ судьею выставляется Damiron: *Mémoires pour servir à l'histoire de la philosophie au XVIII siècle*, и наконецъ до *сkeptицизма*, гдѣ опять восхваляется Ройе-Коляръ. Всѣ эти критическія обозрѣнія очень коротки и большою частію содержать выписки и выдержки. Послѣдняя глава *l'impiété, l'insouciance et la perplexité* написана съ чувствомъ, но она противорѣчить надеждамъ первой главы. Неудача „Размышеній“ Гизо происходитъ отъ того, что онъ самъ, какъ протестантъ, видѣть въ вѣрѣ или церкви или пищу человѣческаго ума, т. е. науку, или орудіе порядка, т. е. политику. Но книга читается легко и читается даже дамами.

Вотъ и у насъ возникаютъ процессы печати. Пынина и Жуковскаго еще не кончилися; Каткова еще не началася. Министръ требуетъ подвергнуть его отвѣтственности за напечатаніе сдѣланнаго предостереженія (въ Апрѣль), а окружной прокуроръ, даровитый Ланге, потребовалъ высочайшаго повелѣнія, которымъ прежней редакціи дозволено продолжать изданіе вѣдомостей. Прокуроръ перемѣщенъ въ члены Палаты. Предсѣдатель (по дѣлу Жуковскаго) Панафидинъ тоже перемѣщенъ въ члены палаты. Теперь преданы суду издатель „Архива“ Бартеневъ за название Дибича „всемогущимъ“, и Дмитрій Писаревъ за матеріализмъ. Эта гласность преній, эти столкновенія болѣе вредятъ дѣлу и расшатываютъ власти, нежели приносятъ пользу печати и порядку. И на Западѣ, гдѣ есть единство министерства и въ судахъ преобладаетъ начало законности и охраненія, преслѣдованіе печати имѣеть тысячи неудобствъ. У насъ эти тысячи усугубляются. Министръ съ другимъ министромъ не сходятся въ возврѣніяхъ. Прокурорскій надзоръ и суды любятъ популярничать и либеральничать. Печать, выражая невольную и необходимую реакцію старымъ порядкамъ, закусила удила. Еще съ 1862 г. я говорилъ и писалъ министру Валуеву, что при двойственности министерскаго завѣдыванія, судебнное преслѣдованіе не можетъ быть достаточнымъ огражденіемъ устава о печати. Она должна имѣТЬ свой трибуналъ, въ которомъ вѣрнѣе были бы обеспечены интересы общества и правительства и интересы литературы и литераторовъ. „Совѣтъ по дѣламъ печати“, составленный изъ членовъ отъ правительства, изъ членовъ отъ академій и университетовъ и изъ членовъ отъ журналистовъ, типографщиковъ и книгопродавцевъ, соединялъ бы въ себѣ, не завися отъ ministra, лучшія гарантіи, нежели допускаемый нынѣ порядокъ преслѣдованія и отвѣтственности.

Управляющій межевымъ департаментомъ, приготовляя представліеніе о межевой реформѣ, обратился ко мнѣ съ просьбою о сообщеніи ему моихъ соображеній и замѣчаній. Я послалъ ему сегодня краткія замѣчанія. Генералъ Гедеоновъ предполагаетъ значительно увеличить и расширить составъ межеваго управлѣнія, учредя во всѣхъ губерніяхъ межевыя палаты, предоставивъ этому вѣдомству часть судебной власти и т. п. Я уведомилъ его, что по моему мнѣнію съ межевыми учрежденіями, какъ съ старыми судебными учрежденіями, слѣдуетъ поступить на общемъ основаніи: постепенно сокращать и наконецъ упразднить. За межевою частію остается только: приготовленіе экспертовъ или землемѣровъ и храненіе межевыхъ документовъ. Приготовленіе экспертовъ потребуетъ 2 или 3-хъ класснаго заведенія собственно и специальнно для образования землемѣровъ, а вовсе не ученыхъ инженеровъ и астрономовъ, а межевые документы, какъ юридические акты, должны быть распределены по окружнымъ судамъ, при которыхъ должны состоять 2 или 3 хранителя изъ землемѣровъ. Нигдѣ, ни въ какомъ государствѣ нѣтъ межеваго управлѣнія; у насъ оно выродилось изъ другаго института и развилось до размѣровъ отдѣльнаго, обширнаго министерства. Виною этого увлеченіе и кредитъ покойнаго М. Н. (графа) Muравьевъ. Принявъ межевую часть довольно въ скромномъ видѣ послѣ сенатора Пейкера, Muравьевъ увеличилъ ея составъ учрежденіемъ военнаго межеваго корпуса, и ввелъ разнообразныя занятія, вовсе къ землемѣрному дѣлу не относящіяся. Тогда межеванье и землемѣры въ губерніяхъ были въ самомъ жалкомъ положеніи; межевые офицеры занимались интегралами, астрономіей, дѣлали военные съемки, опредѣляли широту мѣстностей и составляли стратегическіе атласы. Я рѣдко кого видѣлъ, кто бы такъ увлекался въ управлѣніи, какъ этотъ могущественный практическій умъ, видѣвшій въ дѣловой дѣятельности лучшее наслажденіе и въ своеобразныхъ реформахъ своего рода поэзію. Я не знаю, какъ взглянуть выше на межевое преобразованіе. Я совершенно убѣжденъ, что оно вышло изъ предѣловъ своего назначенія и самую собственно-межевую свою дѣятельность получало отъ суетливаго правительственнаго вмѣшательства, которому пора бы немножко и пріостановиться. Землемѣры наши только плодили кляузы и тяжбы и дѣлали это и путали земледѣліе явно въ корыстныхъ видахъ. Надобно надѣяться, что публичный судъ положить этому конецъ.

Увольненіе генерала Кауфмана надѣжало много шума и толковъ. Выборъ преемника ему въ лицѣ графа Эдуарда Баранова никѣмъ не одобряется. Офиціальная газеты сочли долгомъ сдѣлать оговорку объ этомъ увольненіи, имѣя въ виду намѣстничество въ Галиції Галицкаго Велепольскаго, т. е. гр. Голуховскаго. Газеты прямо заявляютъ, что си-

стема политики и управлениі нисколько не измѣняется. Я нахожу главный недостатокъ именно въ этой системѣ. Муравьевъ усмирилъ крамолу исключительными и суровыми мѣрами. Эта исключительность и суро-вость (несправедливость) продолжаются, воть и вся система. Никакой прямой, ведущей къ цѣли мѣры не предпринято для сближенія, ото-жествленія края.

Дѣлъ особенно мѣры предложилъ бы я правительству: основаніе Русскаго университета (но совершенно Русскаго) и введеніе судебной реформы. Это такъ бы развило Русскую рѣчь, что скоро Польскіе звуки слышны были бы развѣ только въ семейномъ кружкѣ. Второ-степенная мѣры: казенные бесплатныя школы, православіе, какъ непремѣнное условіе государственной службы и улучшеніе служащаго (и духовнаго) класса. Да предложилъ бы я еще: болѣе справедливое, не такъ безцеремонное обращеніе съ людьми и собственностию. При-нудительная продажа и поющрительная покупка имѣній есть мѣра рево-люціонная, диктаторская. Она раззорить, не привлеча ни новыхъ людей, ни капиталовъ. Правительство наше всегда отличалось непослѣ-довательностію. За что уволенъ Кауфманъ? Какая инструкція дана гр. Баранову? Какъ измѣняются Ост-зейскіе порядки? На долго-ли удер-жатся новые правители? Едвали. Радикально-реформаторское время стираетъ людей скоро. Если справедливо, что увольненіемъ Кауфмана начинается реакція и что, напуганный Апрѣльскими заговорщиками, дѣйствія и распространеніе которыхъ Муравьевъ представилъ въ такихъ огромныхъ размѣрахъ, Государь непрочь ограничить свободу и цен-сурсы, и суда: то конечно трудно и держаться людямъ и порядкамъ.

Между тѣмъ какъ Московскія дамы возбуждаютъ вопросъ о тор-жественному выраженіи своего Русскаго сочувствія Славянамъ, а Чижовъ, Аксаковъ и купечество думаютъ основать большую газету „Москва“ для служенія ихъ же дѣлу, изъ Шегербурга приходятъ совер-шенно другія вѣсти: тамъ, говорять, Польская партія поднимаетъ голову, это первое; а министръ финансовъ требуетъ огромнаго сокращенія государственныхъ расходовъ и непремѣнного уравновѣсія ихъ съ дохо-дами. По одному Морскому Министерству сокращеніе простирается до 5 миллионовъ, по военному до 14 (?), по управлению финансовому до 2 и Государственныхъ Имуществъ до $1\frac{1}{2}$, и проч. Хотѣть приступить къ образованію запаснаго военнаго капитала. Лучшая изъ послѣднихъ мѣръ, это—прекращеніе заказовъ за границей и исполненіе этихъ заказовъ внутри имперіи, хотя бы по возвышеннымъ цѣнамъ. Это конечно увеличить нашу производительность и промыслы, но не вздо-рожитъ-ли операций? Рельсы и подвижной составъ изъ нашихъ мате-ріаловъ ускорятъ ли устройство желѣзныхъ дорогъ? Сомнѣваюсь.

Я прочелъ два сочиненія о Датской королевѣ Каролинѣ-Матильдѣ, сосланной въ Целль (Celle) за нарушеніе брачнаго союза съ королемъ Христіаномъ VII, и окончательно убѣждаюсь, что она виновата. Предполагаютъ, что король желалъ развода, а дамская партія—высылки Англичанки, внушили Струензѣ, за сохраненіе жизни, вмѣшать королеву; а королевѣ обѣщали, за подтвержденіе показанія Струензѣ, уменьшить наказаніе любимому ею графу. Здѣсь должно замѣтить: 1, Оговорилъ королеву не Струензѣ, а ея собственныя фрейлины, камеръ-юнгферы и лакеи. 2, Сколько нужно подлости оговорить невинную женщину, да и королеву, и какъ легко доказать несостоительность такого обвиненія. 3, Обманутый въ обѣщаніи, развѣ Струензѣ не протестовалъ бы противъ собственнаго, ложнаго, вынужденаго обвиненія? 4, И при виновности королевы, только страстная, слѣпая и безграницная любовь могла заставить женщину сознаться въ своемъ увлеченіи, но при невинности, ни для какой цѣли королева-женщина не могла рѣшиться жертвовать самымъ драгоцѣннымъ достояніемъ для смягченія наказанія не мужу и не сыну, а постороннему человѣку. Чего достигли и тотъ, и другой, налагавши на себя и другъ на друга? И почему королева не огласила свою невинность, живя на свободѣ въ Целле и интригую съ Шлезвигъ-Голштинскою партіею, при помощи Англичанъ, чтобы снова достигнуть Датскаго престола? Письмо въ газетахъ, появившееся послѣ ея смерти, ничего не доказываетъ, точно такъ же какъ и слова, сказанныя пастору передъ смертю. Мы знаемъ ихъ не отъ самого пастора, а отъ пріятеля, записавшаго сообщеніе пастора два года послѣ событія. И Каролину, королеву Англійскую, можно считать невиновною? Но факты говорятъ яснѣ предположеній. Обвиняли Марію-Антоанетъ, но фактовъ не нашлось, и до сихъ поръ обвиненіе не подтвердились, и несчастная мученица прибавляется къ своему вѣнцу и торжество честной жизни. Процессъ Королины-Матильды, обвинительные акты и допросы оригинальны до смѣшного. И въ прелюбодѣяніи они видятъ—*crimen laisai majestatis*.

Жена занемогла опасно. Она желаетъ отслужить молебень и причаститься. И причаститься? Вотъ и молебень быть, и причастилась. Кажется, смотреть пояснѣе. Не скажу, чтобы это озабоченное состояніе поглощало меня. Я много читаю и занимаюсь дѣлами (болѣе нужно въ этомъ, такъ дурно организованномъ, Сенатѣ), но меня это изнуряетъ, разслабляетъ и умаляетъ. Я это чувствую и вижу.

„Взглядъ на мою жизнь“, Записки д. т. с. Ив. Ив. Дмитріева, изданные его племянникомъ Мих. Дмитріевымъ“. Онъ родился въ 1760 г. и скончался въ 1837 г. Онъ былъ сержантомъ, капитаномъ гвардіи, товарищемъ министра удѣловъ, оберъ-прокуроромъ, сенато-

ромъ и наконецъ министромъ юстиціи. Но прежде всего онъ былъ Гораціанскимъ поэтомъ съ самаго дѣтства до старости. Онъ умеръ 77 лѣтъ. Онъ любилъ природу, виды, цвѣты и деревья. Онъ постоянно стремился къ покою, независимости и вольному труду. Въ любимомъ уединеніи своемъ, изъ садовой бесѣдки, изъ прогулки окрестной онъ выставлялъ на свѣтъ поэтическія картишки, превосходной отдѣлки, полныя наблюдательности и большею частію съ преобладающимъ направленіемъ сарказма и сатиры. Другъ и ученикъ Карамзина, онъ былъ открытымъ его почитателемъ; философъ, въ томъ смыслѣ, что онъ ничего не искалъ и дорожилъ своею независимостію, онъ былъ Эпикуреецъ, и съ этой холодною натурою онъ достигъ всего безъ всякихъ усилий. Онъ былъ бы еще болѣе замѣчательный писатель, съ большими творчествомъ нежели Жуковскій, если бы не случайность, при вступленіи на престолъ Павла I, которая поворотила его дѣятельность на служебное поприще. Какъ невинно заподозрѣнныи, по ничтожному безымянному доносу, онъ былъ арестованъ, потомъ оправданъ и попавловски награжденъ: онъ, отставной полковникъ, назначенъ былъ за оберъ-прокурорскій столъ въ Сенатъ, черезъ нѣсколько дней товарищемъ ministra удѣловъ, а мѣсяца черезъ три оберъ-прокуроромъ Сената. Воображаю я, каковъ былъ оберъ-прокуроръ этотъ, воинъ и поэтъ тогдашняго времени канцеляризма и взяточничества! Въ Павловскую исторію узналь его Александръ, которымъ въ послѣдствіи онъ назначенъ былъ сенаторомъ и министромъ юстиціи. Достаточно прочесть третью часть Записокъ, чтобы видѣть, какъ дѣйствовалъ министръ и какъ развязно обращались съ нимъ Сперанскіе и Молчановы. Управленіе и задача государственного таланта заключаются главнѣйше въ „письмоводствѣ“. Онъ удивляется обширнымъ познаніямъ въ письмоводствѣ Сперанскаго, которому подобного онъ видѣлъ только въ А. В. Храповицкомъ. Онъ удивлялся, какъ Сперанскій, выйдя изъ кабинета отъ доклада, присядеть въ секретарской комнатѣ и начнетъ писать ре скрипты и указы, точно онъ ихъ наизусть зналъ прежде. Это мнѣ напоминаетъ того невзыскательного путешественника, въ исторіи Маколе, который, желая выставить обширность Лондона, писалъ, что куда ни взглянешь, вездѣ все дома и дома.

Записки довольно безцвѣтны для нашего времени. Онъ бѣдны и литературными сообщеніями для лица, бывшаго другомъ лучшихъ представителей эпохи. Они еще бѣднѣе въ государственномъ и политическомъ отношеніяхъ. Написаны и исправлены тщательно, но не безъ ошибокъ и обмоловокъ, впрочемъ очень неважныхъ. Есть страницы теплые и исполненные благородныхъ чувствъ, но вообще мало задушевности, и по краткости своей не оставляютъ глубокаго впечат-

лѣнія, не привязываютъ и не знакомятъ ни съ авторомъ, ни съ людьми, ни съ эпохой.

Къ особенностямъ нашего времени относится множество дѣль обѣ оскорблений служащихъ и помѣщеній оскорбительныхъ выражений въ бумагахъ. Щекотливость необыкновенно чувствительная, придирчивость, напоминающая лучшія времена крючковъ и приказныхъ. Здѣсь впрочемъ есть и своя хорошая сторона, и радикальность реформъ привела къ такому невоздержанію въ выраженіяхъ, что брань слышишь и въ порядочныхъ кружкахъ и въ солидныхъ органахъ печати. Пора начать умѣрять скорое слово порицанія и неучтивства. Желательно бы распространить это прещеніе и на уличныхъ, матершинныхъ изліянія, которыхъ такъ обыкновены въ нашемъ простомъ народѣ. Минъ кажется, прогулки мировыхъ судей, съ цѣпью ихъ, по улицамъ въ городахъ и по торжищамъ въ селеніяхъ много споспѣствовали бы облагороженію народныхъ разговоровъ. Это могло бы имѣть вліяніе и на искорененіе другаго безобразія на улицахъ и торжищахъ: пьянства, пьянства до ризы положенія и безчувственного погруженія. Въ уголовныхъ дѣлахъ безпрестанно слышишь отвѣтъ подсудимаго: „не помню, не знаю какъ случилось, я былъ выпимши и пьянъ совершенно“. Къ этому явленію начинаетъ прививаться и другое, печальное: временное помраченіе разсудка. Едвали судебная мѣдицина какой нибудь другой націи представляеть столько случаевъ невмѣняемости дѣяній по причинѣ скоро-прходящаго помѣшательства. А всѣ лучшая уголовная статистика новыхъ судовъ дасть правильныя основанія и вѣрныя данныя къ изученію этого важнаго предмета.

Надо предполагать огромный запасъ ненависти къ Великому Князю Константину, чтобы объяснить тѣ слухи, рассказы и сплетни, которые ходятъ о немъ и о женѣ его въ разныхъ кружкахъ Московскихъ, и при томъ не тайкомъ, а гласно и съ какою-то злорадостію. По дѣлу Каракозова и Ишутина сенаторъ Муравьевъ, со словъ прокурора Стодольского (очевидца) разсказывалъ, что при передоцрѣ въ верховномъ судѣ преступники прямо объявили, что они принадлежали къ организации Константиновскаго тайного общества; что есть записки, въ которыхъ о замыслѣ на покушеніе 4 Апрѣля говорится: „ты знаешь, какъ это будетъ пріятно К.“ Подъ этой буквой разумѣлся Константинъ. Розсказни сенатора Казначеева о сценахъ въ Крыму, въ 1862, тоже изукрашены.

Ноябрь. Къ числу празднествъ по случаю свадьбы Наслѣдника должно отнести и поѣздку въ Москву Англійскаго и Датскаго крон-принцевъ и двухъ принцевъ Саксонскихъ. Они впрочемъ не очень интересовались старою столицею Московіи. Пріѣхавъ въ чась 3-го,

они уѣзжаютъ сегодня, 4 Ноября, вечеромъ. На желѣзной дорогѣ они проведутъ столько же. Довольно скоренько, но довольно кавалерски. Они осмотрѣли, разумѣется, очень бѣгло, наши достопримѣчательности, пользовались большою свободою въ прогулкахъ на извозчикахъ и были у Филарета. Старецъ просилъ принца Уельскаго убѣдить *матушку* заявить сочувствіе восточнымъ христіанамъ. Принцъ отвѣчалъ, что *Англія* принимаетъ къ сердцу распространеніе христіанства повсюду. Какъ неумѣстна была просьба старика, такъ ловко данъ былъ отвѣтъ принцемъ. Генераль-губернаторъ угощаетъ принцевъ обѣдомъ и Цыганами. Я видѣлъ ихъ у Даціаро, въ магазинѣ эстамповъ, гдѣ они выби-рали виды Москвы. Всѣ они молоды, лѣтъ 20—24, немножко торопливы. Альбертъ Эдуардъ малъ ростомъ, но замѣчательно хорошъ собою. Изъ нашихъ принцевъ не было никого. Не было и Пруссаго. Добрякъ этотъ, говорять, очень хорошо держалъ себя въ Петербургѣ и показалъ много искательства дружбы принца Уельскаго. Говорятъ, что идетъ рѣчь о бракѣ Датскаго принца съ одною изъ Пруссихъ кня-женъ. Какъ ни ослабли династическія связи, но онъ еще существуютъ и имѣютъ свое вліяніе. У насть онъ положительно сильны.

Опять заемъ, заемъ внѣшній „для уплаты процентовъ по внѣши-нимъ займамъ“. Замѣчательно! Мы не въ состояніи платить проценты по внѣшнимъ займамъ и должны ихъ увеличивать. Заемъ, правда, небольшой, 6 мил. фунт., около 40 мил. рублей; не важность, но важно назначеніе. Я не совсѣмъ вѣрю этому назначенію, ибо, по моему убѣжденію, оно немыслимо, если не признавать ребяческими всѣ дѣйствія министра финансовъ. Оно немыслимо и по тому довѣрію, которое при этомъ займѣ оказано намъ лучшими банкирскими домами, Гоппе и Берингъ. Вѣриѣ, что предчувствуютъ, предвидятъ возможность войны. Война дѣйствительно нужна. Упраздненіе Вѣнскихъ конгрессовъ и вообще трактатового права и господство началь національностей требуютъ передѣлки Европейской карты, и едвали Наполеонъ III не рѣшилъ этого въ своемъ умѣ. Тогда нашъ заемъ найдеть оправданіе, ибо въ случаѣ войны занимать дорого. Но все таки заемъ, и неболь-шая цифра его приближаетъ насть къ двумъ миллиардамъ франковъ при постоянныхъ дефицитахъ, при упадкѣ курса и при ослабѣвающей производительности.

Замѣчательно, что убѣжденіе о мотовствѣ правительства проникло и распространяется не только въ публицистикѣ, но и въ народѣ. Подати Муравьевымъ и Рейтерномъ очень возвышены. На дняхъ пред-ставлено намъ дѣло о Вятскомъ крестьянинѣ, который на сходкѣ о недоимкахъ, при разговорѣ о покушеніи 4 Апрѣля, выразился такъ: напрасно не пристрѣлили его; онъ первый мотъ, все мотовство оть

него. Подати страшныя; прежде платили 5 или 6 рублей ассигнациями, а теперь 3 и 4 серебромъ. Толки Москвы о роскоши и мотовствѣ правительства и особенно двора и особенно по поводу настоящихъ празднествъ общіе и громкіе. Объ этомъ говорять и пишутъ, кричать и печатаютъ. Такъ шагъ за шагомъ мы идемъ къ катастрофѣ, заключающей Московскіе пессимисты.

Развитіе судебной реформы идетъ своимъ порядкомъ и дѣйствуетъ хорошо; но едва ли министры понимали и предвидѣли всѣ послѣдствія независимаго суда, всю важность его, особенно посреди разныхъ управлений, избалованныхъ безответственностью. Нѣкоторыя ошибки, довольно важныя (напр. прекращеніе дѣла Люминарскимъ, когда прокур. Костылевъ отказался поддерживать обвиненіе, хотя судебнное изслѣдованіе было закончено и присяжные признали виновность, и второе: дѣло о ранахъ Вагонта, отъ которыхъ приключилась ему болѣзнь и смерть, прекращено за неподачею прошенія и др.) показываютъ, что личный составъ не доказываетъ ни знанія, ни еще менѣе опыта. Но это бы еще ничего. Министры не могутъ переварить независимость суда. Столкновенія безпрестанныя, особенно съ Главнымъ Управлениемъ печати. Уже оправданіе „вопроса молодаго поколѣнія“ заставило идти Министерство на сдѣлку съ Палатою. Принятіе къ своему разсмотрѣнію дѣла объ арестѣ книги профессора Сѣченова представляется явнымъ вмѣшательствомъ въ дѣла управления, а задержаніе почтовыхъ каретъ угрожало перерывомъ почтовыхъ сообщеній. Въ Москвѣ, въ слѣдственной комиссіи производилъ дѣла о нигилисткахъ стряпчій Павловскій. По ходатайству генераль-губернатора его назначили членомъ Окружнаго Суда. Когда онъ принялъ присягу, предсѣдатель пригласилъ его принять участіе въ занятіяхъ суда; но онъ отвѣчалъ, что, будучи такъ много обязанъ его сіятельству, онъ получилъ мѣсто съ тѣмъ условіемъ, чтобы докончить дѣла о нигилисткахъ. Ему доказывали, что званіе судьи несовмѣстно ни съ какими иными занятіями. Павловскій съ особеною увѣренностью отразилъ: помилуйте, мнѣ въ такомъ смыслѣ дано и предписаніе отъ ministра. Это превысило мѣру терпѣнія молодыхъ ареопагитовъ, и они рѣшились начать противъ Павловскаго дисциплинарный судъ. Я совѣтовалъ имъ воздержаться отъ этой мѣры, которая въ сущности относилась бы къ кн. Долгорукому и Замятину, а для выясненія своего положенія въ Петербургѣ опи- сать все какъ было и предполагалось чрезъ прокурора Палаты Ровинскаго. Надобно опасаться, чтобы эти столкновенія и заносчивость молодежи, особенно въ настоящее время послѣ рескрипта 13 Мая и положенія Комитета Министровъ 22 Іюля (о власти губернаторовъ) не привели къ какимъ-нибудь ограниченіямъ тѣхъ важныхъ ручательствъ,

на которыхъ основывалась надежда на водвореніе у насть хорошаго, настоящаго суда.

Сегодня, 1 Декабря, празднуется юбилей Карамзина. Полезно во всѣхъ отношеніяхъ оживлять и утверждать въ сознаніи и памяти народовъ имена великихъ дѣятелей на всякомъ поприщѣ народнаго развитія. Эти праздники окрываютъ таланты и ободряютъ общество, давая ему увѣренность въ своихъ нравственныхъ силахъ и самостоятельность въ своихъ дѣйствіяхъ. Доселъ, сколько мнѣ известно, праздновались юбилеи Данту, Шекспира и Шиллеру, тремъ всемирнымъ великимъ поэтамъ. У насть—Ломоносову и Карамзину. Для Россіи это дѣйствительно замѣчательные люди, особенно Ломоносовъ. Но полубоги-ли они, гиганты-ли, геніи-ли они, великие-ли дѣятели они? Кто ихъ знаетъ? Ломоносова еще зналъ Эйлеръ. А Карамзинъ? Карамзинъ замѣчатель не какъ поэтъ, не какъ ученый, а какъ человѣкъ. Достаточно прощать письма Дмитріева и Жуковскаго, всѣхъ сколько нибудь знавшихъ Карамзина, чтобы понять всю возвышенность этой прекрасной души, всю обаятельность жизни, бесѣды и чувствъ этого благородного человѣка. Вотъ, я думаю, въ этомъ кругу юбилей Карамзина на мѣстѣ. Но юбилей общи, Всероссійскій, едва ли не будетъ продолженіемъ „исkanія именъ“, начавшагося съ свободою печати, довольно праздной, и манифестаціей Русской національности, особенно шумливо отстаивающей права свои послѣ Польскихъ происковъ и подавленія бунта.

По многимъ отзывамъ должно думать, что Карамзинъ считалъ важнымъ подвигомъ „Історію Государства Россійскаго“. Она дѣйствительно подвигъ труда, проницательности и спеціальной учености. Русская исторія сдѣлала огромный шагъ. Литература пріобрѣла превосходный памятникъ. Но въ исторіи Соловьеву еще болѣе научности, и она доведена до половины 18 стол. Такъ неужели и г. Соловьеву будетъ юбилей? Довольствоваться небольшимъ величиемъ, возводя его на степень равную истиннымъ, настоящимъ героямъ науки и поэзіи, не унижаетъ-ли достоинство великой націи и не оскорбляетъ-ли самыя благородныя личности? Шекспиры, Данты, Шиллеры,—это учителя и воспитатели человѣчества, которое имъ славно и ими гордится.

Слухи изъ Петербурга въ пользу реакціи. Замѣщеніе Милютина (энергичнаго и опредѣленнаго до рѣзкости) Дм. Набоковымъ (нерѣшительнымъ и неопредѣленнымъ) указываетъ только на то, что людей нѣтъ. Коробить и стираетъ ихъ тяжкое быстрыми реформами время. Реакція слышится въ просвѣщеніи и въ бюджетѣ. Въ просвѣщеніи надѣяется усилить власть попечителей и установить дисциплину въ юношествѣ. Бюджетъ хотятъ привести къ равновѣсію и отдѣлить государственный банкъ отъ Министерства Финансовъ, слишкомъ свободно

черпающаго изъ него свои ресурсы. Слышно о налогѣ съ доходовъ. Я нахожу, что склонъ, по которому мы идемъ, склонъ къ кореннымъ реформамъ, не дозволить ни реакціи, ни пріостановки. Надобно идти и надобно идти скоро, еще скорѣе, нежели теперь.

Прочелъ я книгу сенатора Егор. Петр. Ковалевскаго: „Графъ Блудовъ и его время“. Блудова я зналъ лично и лично имѣю на него претензіи. Это былъ человѣкъ прекраснаго сердца, со свѣтлымъ взглядомъ, съ умомъ просвѣщеннымъ, но вообще человѣкъ довольно обыкновенный. Такихъ людей много. Главный его недостатокъ—это безхарактерность. Второй—это мелочность. Онъ считалъ себя стилистомъ и болѣе содержанія озабоченъ былъ редакціей или изложеніемъ закона или бумаги. Достаточно прочесть его „Мысли и замѣчанія“ въ концѣ книги Ковалевскаго, чтобы составить себѣ понятіе о гр. Блудовѣ. Тутъ желаніе оригинальничать и блеснуть тонкою мѣткостію. Онъ, какъ и Карамзинъ, имѣлъ большую преданность Государю; но у Карамзина она была смѣлая, а у Блудова благоговѣйная и какъ бы прирожденная ко всему царскому семейству. Получивъ довольно долго занимался пустячками въ Московскомъ Архивѣ и, пойдя потомъ по дипломатической части, пріобрѣлъ и привычки этого поприща: осторожность, взвѣшиваніе выражений, избѣгая рѣзкости, опредѣленности и даже точности во многословіи и оговоркахъ. Онъ отличался безкорыстіемъ въ службѣ и, какъ и Дашковъ, никогда не участвовалъ ни въ какихъ компаніяхъ, гдѣ царили графы-князья Орловы, Чернышевы, Бенкendorfy, Нессельроды. Между своими собратіями онъ былъ почти ученый и дѣйствительно читалъ и зналъ много и имѣлъ огромную память. Претензіи мои, во первыхъ, за конкордатъ. Это впрочемъ претензія общая, и его порицали даже въ 1847 г., ужъ не говоря о 48 и 60 годахъ. Личная моя претензія въ томъ, что онъ не настоящъ, по моему предложенію, о введеніи Русскаго языка въ Остзейскій процессъ и отказалъ Сенату, по моему же предположенію, во введеніи въ этотъ процессъ общаго Русскаго закона объ апелляціи. Дѣло это напечатано въ I т. Сборника рѣшений Правит. Сената (1864 г.) подъ № 686. Графъ Блудовъ конечно принадлежалъ къ исторической школѣ, и конечно не я буду порицать его за это, но мало ознакомленный съ наукой права и его философіей, онъ конечно не зналъ важности и послѣдствія государственного закона *de non appellando*. Здѣсь онъ дѣйствовалъ въ сепаратисткомъ духѣ Остзейцевъ, хотя, я увѣренъ, и любя ихъ (онъ тщеславился Курляндскимъ дипломомъ на дворянство), онъ дѣйствовалъ такъ по незнанію. Другая моя личная претензія, это: Уложеніе 1845 г. Оно такъ мелочно, такъ обилуетъ казуистикой, исполнено столькихъ повтореній,

что разнообразіе въ примѣненіи статей, при всевозможныхъ стѣсненіяхъ и ограниченіяхъ власти и низшаго и высшаго суда, доходило до наглаго произвола.

Я не имѣлъ ни причинъ, ни поводовъ ни любить, ни не любить гр. Блудова и думаю, что сенаторъ Ковалевскій желалъ представить известный періодъ времени (своего), которое онъ и описалъ легко и занимательно, а не графа Блудова, о которомъ онъ говорить мало, даже слишкомъ, не находя что сказать и вдаваясь (къ сожалѣвію въ самомъ текстѣ) въ критическія подробности только по случаю обвиненій, взведенныхъ на Блудова Николаемъ Тургеневымъ въ известной книги его: *La Russie et les Russes*. За графомъ Блудовымъ я не признаю ни заслугъ, ни способностей государственныхъ, но признаю и, думаю, всѣ признаютъ за нимъ двѣ государственные ошибки: защиту Остзейскихъ особенностей и конкордатъ 1847 г. Но (повторяю) для него исторія еще не наступила. Въ наше историческое время дѣльцы, какъ графъ Блудовъ и др., совершенно растерялись, какъ растерялись рутинные дѣльцы въ 1835 г. со введеніемъ Свода Законовъ. Я спрашивалъ Заруднаго и Буцковскаго, какимъ образомъ могли очи убѣдить графа Блудова и графа Панина подписать такія широкія общія начала судебнаго преобразованія. Они дали мнѣ изумительный отвѣтъ: „Мы объяснили имъ, что все заимствовано изъ ихъ проектовъ и представленій, внесенныхъ въ Государственный Совѣтъ“. Если это такъ, то самоуничтоженіе ихъ можно объяснить только совершеннымъ отсутствіемъ гражданскаго мужества. Они не противорѣчили, не смыли. Я очень хорошо знаю, въ чёмъ заключались ихъ проекты и представленія. Когда я предложилъ имъ, въ 1842 г., проектъ закона о подсудности (двѣ инстанціи), они, въ присутствіи сенаторовъ Пинскаго, Данзаса, Капгера и вице-директора Рюмина, прогнали меня сквозь строй.

Между тѣмъ какъ блестящая судебная реформа развивается, а старые суды закрываются, нельзя не обратить вниманія съ грустью и опасеніемъ на состояніе дѣлъ и чиновниковъ въ этихъ старыхъ судахъ. Личный составъ уже и въ Сенатѣ никуда не годится. Но теперь начинаютъ воровать дѣла и продавать документы. Исполняется буквально мое напечатанное (какъ сенатора) мнѣніе. Но куда пойдутъ, какъ устроятся заштатные чиновники заштатной юстиції? Грустно подумать. Въ безъисходномъ положеніи они, вся эта дрянь, находившая пріютъ только въ юстиції, они пойдутъ воровать, грабить и разбойничать. Они же по большой части народъ пьяный, продажный и на дурныхъ дѣла склонный. Какъ непрактически вводится это прекрасное преобразованіе, доказываетъ существованіе въ одно время двухъ правосудій: свалка дѣлъ возами и увольненіе чиновниковъ батальонами.

Не въ одной литературѣ и журналистицѣ, столь долго и крѣпко связанныхъ, не только въ высокихъ обществахъ, приниженныхъ позднѣйшими реформами, замѣчается большое раздраженіе, запальчивость и неосторожное слово порицанія. Тоже замѣчается и въ собраніяхъ думъ, дворянства и земства, милостиво обставленныхъ свободою и самостоятельностю дѣйствій. Въ началѣ своего существованія земство задавалось большими надеждами и много обѣщало. Оно надѣялось на передачу значительныхъ капиталовъ отъ правительства, оно думало искусно обложить многодоходныя статьи производительности и торговли. Въ капиталахъ земство ошиблось, и самыя заведенія сданы ей съ большими изьянами. Законъ 21 Ноября 1866 г. ограничилъ право земскаго обложенія. Этотъ законъ вызвалъ бурю смѣлыхъ возраженій, особенно въ созванномъ нынѣ Московскомъ собраніи и преимущественно въ рѣчахъ гр. Уварова, кн. Мещерскаго, кн. Щербатова, Мусина-Пушкина и Д. Голохвастова. Эпизоды случались возмутительные. Сенаторъ Смирновъ ругалъ крестьянъ, гласный Юрій Самаринъ ругалъ дворянъ. Всѣ недовольны, взъярены и отягощены. Нельзя ожидать предположенныхъ благодѣтельныхъ результатовъ отъ этихъ быстрыхъ и радикальныхъ переломовъ. Нельзя ихъ ожидать и потому, что всѣ эти реформы по Европейскимъ образцамъ намъ не по плечу и не по карману.

Исходить знаменитый 1866 годъ, когда въ Россіи болѣе и болѣе, посреди свободной печати и свободныхъ судовъ, водворяется и крѣпнетъ національное Русское чувство, а въ Европѣ развивается это чувство въ самостоятельный національный государств, Итальянское и Нѣмецкое, отодвинувшія на второй планъ Австрію и Наполеона. Зараждается обширная Славянская держава и на Юго-Востокѣ, и въ какихъ-то картахъ исчезаетъ національность Польская. Въ организаціи государственной преобладаютъ общая подача голосовъ и усиленіе, надъ правительствами, народнаго представительства. Все это новые этапы къ республикѣ и соціализму. Ожидаемое уничтоженіе свѣтскаго папы, при свободной религіи свободныхъ народовъ, совпадающее съ распространяющимся ученіемъ натуралистовъ и материалистовъ, обѣщаетъ измѣнить и самую церковь какъ на Западѣ, гдѣ она слишкомъ сильно независима, такъ и на Востокѣ, гдѣ она совершенно порабощена. Увеличеніе бѣдности и преступлений продолжается, но не паросло до той степени, чтобы выразиться переворотомъ, подобно 1848 году, хотя горючіе материалы все накапляются и накапляются...

Обращаясь со страхомъ и молитвою къ моему великому отечеству, я долженъ, при всѣхъ великихъ и блестящихъ преобразованіяхъ и надеждахъ, заявить и опасеніе за счастливый исходъ этихъ преобра-

зований и надеждъ. Крестьянское дѣло, въ принципѣ, довершено. Оно распространено и на Царство и частію на Прибалтійскій край. Но возвышеніе податей, высокій выкупъ и земскіе сборы тяжело лежать на народѣ и едва ли исполнимы при скучныхъ его средствахъ. А понизить ихъ нельзя, ибо и при нихъ наша государственная роспись постоянно съ недоимками, и для уплаты внѣшнихъ процентовъ мы должны дѣлать новые внѣшние займы. Неудовольствіе въ народѣ показывается въ ропотѣ земства, которое какъ бы ищетъ случая, чтобы, не открыто сознавая свое бессиліе, отказаться отъ своего назначенія.

Судебная реформа плохо идетъ въ провинціи по недостатку въ людяхъ. Особенно мало надежды на учрежденія мировыя, и особенно въ нашихъ безлюдныхъ, обширныхъ уѣздахъ. Положеніе старыхъ судовъ, заживо погребаемыхъ и совершенно дискредитированныхъ, невыносимо.

Пьянство, кажется, уменьшается. Боятся большаго недобора въ акцизѣ. Вообще хозяйственное положеніе государства, денежная система и финансы представляются въ совершенномъ разстройствѣ. Производительность, кредитъ, всѣ фонды упали, хотя публичная жизнь въ городахъ и земствахъ, въ журналистикѣ и публичныхъ собраніяхъ, принимаетъ огромные размѣры. Но пусть придетъ кризисъ, придетъ нужда. Она нась застанетъ въ неопытности, но выработаетъ опытъ, которому публичность дастъ печать рационального убѣженія. Мы недостаточно сознаемъ свои силы и средства, мы немножко привыкли жить легонько, на счетъ крѣпостнаго права, на счетъ канцелярскаго квѣтизма и Европейскихъ заимствованій, часто намъ не по плечамъ и не по карману. Пора жить иначе, и мы надѣемся, что гений Русскій, идя теперь открытою широкою дорогою, не замедлитъ проявить и свою находчивость и свое могущество.

(Продолженіе будетъ).

Четверостишие С. Т. Аксакова къ Натальѣ Николаевнѣ Наврозовой *).

Глядѣть одинъ, но несравненный.
Такая участъ Вамъ дана:
И одно солнце во вселенной,
И въ небесахъ одна луна!

*) Н. Н. Наврозова сестра Льва Николаевича Энгельгардта (автора известныхъ Записокъ). Она была на одинъ глазъ сѣпа. П. Б.

ЗАПИСКА ЛАГАРПА О ПЕРЧАТКАХЪ ПАВЛА ПЕТРОВИЧА¹⁾.

Его императорское высочество государь великий князь Павелъ Петровичъ далъ мнѣ эти перчатки въ Гатчинѣ въ Маѣ 1795 г., въ день тезоименитства его сына великаго князя Константина, за нѣсколько дней до моего отѣзда изъ С.-Петербурга.

Былъ балъ въ Гатчинѣ, и такъ какъ ея императорское высочество великая княгиня Марія Феодоровна оказала мнѣ честь пригласить меня на полонезъ, то я смутился, потому что не имѣлъ перчатокъ. Тогда государь великий князь, который бесѣдовалъ со мною въ эту минуту, далъ мнѣ свои перчатки.

Я сохранилъ ихъ въ память счастливыхъ часовъ, доставленныхъ мнѣ его благосклонностью, особенно въ память дня, въ который я исполнилъ великій долгъ.

Въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ этотъ князь проявлялъ ко мнѣ холодность, которая меня очень печалила; но я рѣшилъ не покинуть Россіи, не узнавъ причину этой холодности.

Передъ моимъ отѣзdomъ я имѣлъ случай бесѣдовать въ продолженіи двухъ часовъ съ этимъ несчастнымъ княземъ въ его кабинетѣ, гдѣ я облегчилъ себѣ душу. Онъ былъ глубоко тронутъ, и я никогда не забуду его сердечнаго обращенія ко мнѣ. Онъ оцѣнилъ предостереженія, которыя я ему далъ²⁾.

¹⁾ Переведено съ Французской рукописи, изъ бумаг Н. К. Шильдера, хранящихся въ Императорской Публичной Библиотекѣ.

²⁾ Сколько извѣстно, эти предостереженія состояли въ совѣтѣ обращаться мягче съ сыновьями. Лагарпъ говорилъ, что онъ не принялъ предложенія Екатерины посовѣтовать Павлу Петровичу отречься отъ наслѣдства въ пользу Александра Павловича. Въ слѣдующемъ году это отреченіе состоялось. Покойный Великий Князь Сергій Александровичъ передавалъ намъ, что и манифестъ о томъ былъ готовъ и назначался къ обнародованію вт день имянинъ Государыни (24 Ноября) или въ день новаго 1797 года. Тутъ новое право Екатерины на благодарность Русскаго народа: она хорошо знала, каково будетъ царствованіе сына ея. Державинъ влагаетъ ей въ уста; „Давно я зло предупреждала, назначивъ внука вамъ въ Царя“. П. Б.

Когда онъ взошелъ на престолъ, я былъ замѣшанъ въ тѣхъ переворотахъ, которые дали Швейцаріи новую организацію, слѣдовательно я былъ лишенъ креста и пенсіі; но я былъ увѣренъ, что это дѣло будетъ поправлено. Я не ошибся, ибо императоръ Павелъ I, вспомнивъ меня, за нѣсколько недѣль до своей смерти, сказалъ своему сыну Александру, что онъ все еще бываетъ тронутъ, когда думаетъ о моемъ послѣднемъ свиданіи съ нимъ и освѣдомился о мнѣ; но князь ничего не могъ ему сказать, такъ какъ мы болѣе не переписывались.

Когда я вновь прїѣхалъ въ Петербургъ въ 1801 году, императоръ сообщилъ мнѣ то, что сказалъ ему его отецъ и попросилъ меня объяснить ему эти слова. Эти объясненія очень удивили его.

Эти перчатки свидѣтельствуютъ о томъ, что тотъ, для кого я исполнилъ великий долгъ, оцѣнилъ этотъ подвигъ.

Обыкновенно, великие міра сего узнаютъ только лесть, и рѣдко имъ приходится найти смѣлыхъ и честныхъ людей, которые не боятся высказать правду *).

ИЗЪ СИБИРСКОЙ СТАРИНЫ.

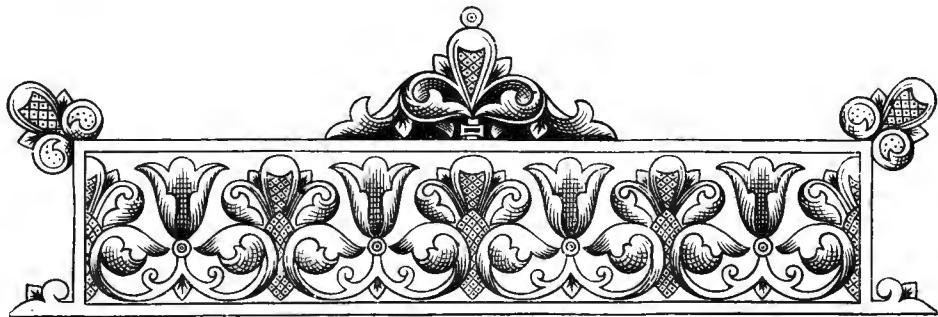
Генералъ-губернаторъ Гасфорть.

Въ шестидесятыхъ годахъ истекшаго столѣтія Сибирскимъ генералъ-губернаторомъ въ Омскѣ, какъ разсказываютъ старожилы, былъ нѣкто Гасфорть, суровый, строгій Нѣмецъ. Воть и вздумалось ему устроить парадъ, при участіи духовой музыки, зимой, при сорокаградусномъ морозѣ! Выгнали на этотъ парадъ музыкантовъ. Разумѣется, Сибирскій морозъ съ лицами музыкантовъ не церемонился: губы прилипали къ флейтамъ и волторнамъ, и эти послѣдніе не издавали никакого звука. Въ такіе морозы духъ у человѣка буквально замираетъ, а тѣмъ болѣе у легкоодѣтыхъ музыкантовъ. Капельмейстеръ передалъ оркестръ помощнику, а самъ побѣжалъ за чѣмъ-то въ военную канцелярію. Послѣ долгаго ожиданія подѣхалъ въ тепломъ глухо-закрытомъ возѣ Гасфорть. Музыкантамъ было приказано играть маршъ. И воть, вмѣсто стройной военной музыки, генералъ услышалъ только звуки барабана и мѣдныхъ тарелокъ. Генералъ разсвирѣпѣлъ. Въ теплой мѣховой шубѣ онъ выскочилъ изъ возка и набросился на музыкантовъ. „Такіе-сякіе, я не замерзъ, а вы замерзли. Сквозь строй!“ Послѣднее приказаніе въ то время было обычнымъ. По отъѣздѣ генерала, музыканты уныло пошли въ крѣпость. По дорогѣ ихъ встрѣтилъ капельмейстеръ, и ему они сообщили о печальномъ своемъ положеніи. Капельмейстеръ быстро направился къ генералъ-губернатору и показалъ ему найденный въ канцеляріи циркуляръ военного министра, которымъ въ морозѣ свыше десяти градусовъ всякаго рода парады и игра духовой музыки воспрещались. Противъ этого циркуляра генералъ-губернаторъ идти не посмѣлъ, и назначенное музыкантамъ наказаніе немедленно отмѣнилъ.

Гасфорта въ Омскѣ вообще очень боялись. Надъ могилой умершей въ Омскѣ своей жены Гасфорть на мѣстномъ кладбищѣ построилъ часовню. Обыватели вздумали на этомъ кладбищѣ выстроить также церковь. Слѣдовало построить ее колокольнею выше часовни, но въ страхѣ передъ Гасфортомъ тогдашній Омскій городской голова В. А. Кузнецова сдѣлать этого не посмѣлъ. Передъ окнами генералъ-губернаторской квартиры обыватели обязаны были проходить съ непокрытой головой. При Гасфортѣ выстроено существующій и доселе въ Омскѣ „дворецъ“ для генералъ-губернаторовъ. Говорятъ, что будто-бы этотъ дворецъ власти понудили выстроить нѣкоего Еврея Гудовича въ наказаніе за проявленную имъ грязную непристойность во время христіанскаго крестнаго хода. Возникшія около Омска въ то время деревни Гасфортъ называлъ одну своимъ именемъ Густавово, другую именемъ своей жены Любино. Интересно, что первое название съ теченiemъ времени, будучи чуждымъ для Русскаго уха, превратилось въ Остахово. Въ дѣлѣ названія деревень болѣе оригинально поступиль послѣдующій Сибирскій генералъ-губернаторъ Н. Г. Казнаковъ: всѣ шесть возникшихъ при немъ деревень онъ назвалъ фамиліями шести Омскихъ старожиловъ—Потанина, Губина и др., которые по званію были всего только Омскіе мѣщане. По поводу нихъ тогда долго остирили, что они, какъ помѣщики, имѣютъ деревни, носящія ихъ имена. 17 Марта 1911 г.

Иванъ Гавrilovich Кузнецovъ.

КЪ ИСТОРИИ НОВОМИРГОРОДА.

(Изъ частнаго письма).

28 Мая 1856 года. М. Златополь (Киевск. губерн.).

Вознесенскъ я нашелъ также чистымъ и опрятнымъ какъ и прежде, но въ немъ, дѣйствительно, была мертвеннность. При насы, кажется, было веселѣ... Кирасировъ я почти никого не видѣлъ. Съ 18 Апрѣля, мы въ Златополѣ, и на мѣсто наше торжественно, при встрѣчѣ духовенства съ крестомъ, хоругвями и св. водою, вступилъ ураганъ Татарскихъ ауловъ, Ново-Миргородскій полкъ. Торжественная встрѣча была способомъ примиренія этого полка съ жителями Н. Миргорода, которые жалѣли о резервахъ и банили Новомиргородцевъ. Дальнѣйшая судьба наша—во мракѣ. Ждемъ расформированія, но Богъ знаетъ, какого оно рода будетъ...

Ваши историческія замѣтки, чудо какъ вѣрны! Старцы мнѣ повѣдали. Первые пришельцы этого мѣста, на которомъ лежитъ Н. Миргородъ, были Сербы. Они смѣшились скоро съ Молдаванами и Малороссами и исчезли въ массѣ ихъ. Основателемъ Н. Миргорода былъ Текеллій. Прахъ его покоятся теперь подъ сводомъ 104-хъ лѣтней церкви, настоящаго собора: при входѣ, на правой сторонѣ видна доска съ надписью, которая гласить о Текелліѣ*). Н. Миргородъ во дни оны былъ пограничнымъ, мирнымъ городомъ относительно Поляковъ, владѣнія которыхъ начинались отъ Златополя, или ближе отъ рѣки Выси, окружающей съ 3-хъ сторонъ Н. Миргородъ. Тогда совершался въ немъ размѣнъ плѣнныхъ и производилась мѣна товаровъ и произве-

* Генераль-поручикъ Петъ Текеллій, родомъ изъ переселившихся въ Россію Сербовъ, извѣстенъ въ Исторіи, какъ начальникъ отряда, которому поручено было взять приступомъ и уничтожить знаменитую Запорожскую Сѣль. Это дѣло онъ совершилъ очень искусно, безъ пролитія крови... Событие это, трагическое въ исторіи Малороссіи, оплакано во многихъ народныхъ пѣсняхъ. Оно послужило сюжетомъ для извѣстной картины художника И. Е. Рѣпина. Л. М.

деній. Тутъ, близъ собора, построены были сильные редуты и окопы; легкіе слѣды ихъ и теперь видны. Тутъ же было и сраженіе. Кости героевъ около или въ самыхъ окопахъ погребены были въ песку. Время шло, насыпи надъ ними сглаживались, заравнивались; наконецъ бурные вѣтры начали вывѣвать ихъ... Каждый годъ онъ, попадаясь живымъ людямъ, какъ бы просили себѣ лучшаго погребенія... И вотъ назадъ тому лѣтъ 6-ть принять былъ трудъ отрыть ихъ; отрыли, собрали и похоронили за Н. Миргородомъ на кладбищѣ.

Рассказываютъ, что Н.-Миргородъ, въ резиденчество архіереевъ, былъ въ самомъ цвѣтущемъ состоянії *). Въ немъ возносилась хвала Богу въ семи церквяхъ. Около домовъ у жителей, на берегахъ Выси и соленаго озера *Лянгє*, цвѣли и румянѣли пышные фруктовые сады. Много было торговыхъ и богатыхъ домовъ, помѣщиковъ, купцовъ, мѣщанъ и Жидовъ. Посреди Н. Миргорода, близъ валовъ бывшаго редута, сіяло чистое, какъ зеркало, озеро Лянгє. Городъ кипѣлъ торжествомъ... Но законъ измѣняемости коснулся и судьбы Н. Миргорода... Въ 1804 г. каѳедра архіереевъ уничтожена. Звѣзда благоденствія Н. Миргорода еще горѣла, но налетѣлъ тучей 1821-й годъ, и она померкла... Ревностный исполнитель плановъ Аракчеева, генералъ *Трощинскій* прибылъ въ Н. Миргородъ съ дивизіей и началъ заводить тутъ военное поселеніе. Жиды выгнаны, купцы и мѣщане съ своей торговлей высланы. Трощинскій уже послѣ, по чьему-то совѣту, воротилъ двухъ купцовъ, *Дехтерева* и *Соколова*; они оба теперь банкроты... Храмы уничтожены, и слѣда ихъ нѣтъ. Одинъ только остался соборъ. Впослѣдствіи уже выстроены Ильинская, Госпитальная при военномъ госпиталѣ, и Полковая въ богадѣльнѣ церкви; архитектура этихъ церквей простая, новая. Госпитальная и полковая—это, можно сказать, домашнія. Помѣщики выѣхали. Трощинскій принялъ за сады. Половина полка цѣлый мѣсяцъ трудилась надъ ними. Звенѣли топоры и застулы; нѣжныя деревья стонали и трупами валились на землю. Эхо уносило послѣдній шумъ ихъ... Озеро Лянгє пытались завалить навозомъ, скали его, въ нѣко-

*) Архіерейская каѳедра епархіи Екатеринославской и Таврической перенесена была въ Ново-Миргородъ изъ Полтавы въ 1797 г., въ началѣ царствованія импер. Павла, при чьемъ самая епархія названа *Новороссійскою и Днѣпровскою*. Импер. Павелъ не выносилъ названій: *Екатеринославъ*, *Екатеринославскій*, а потому и городъ Екатеринославъ приказалъ переименовать въ *Новороссійскъ*. Уже въ царствованіе импер. Александра Екатеринославу возвращено его прежнее имя, и въ этотъ городъ была перенесена каѳедра епархіи, которая тоже получила свое прежнее название: *Екатеринославской*. До импер. Павла каѳедра этой епархіи была въ Полтавѣ потому, что при Екатеринѣ II Полтава съ нѣсколькими другими городами нынѣшней Полтавской губ. (*Кременчугъ, Кобеляки, Константиноградъ*) числилась въ *Новороссіи*.

торыхъ мѣстахъ перехватили насыпью, однако оно и теперь зыблется. И вотъ на очищенныхъ, на насыпанныхъ мѣстахъ посадили хатки военныхъ поселянъ... Чисты и бѣлы онѣ; на дворахъ и огородахъ хоть шаромъ покати, какъ и вездѣ въ военномъ поселеніи... Я только у Ильинскаго священника и сосѣдки его *Буличевой* видѣлъ довольно широкіе вишневые сады. Заливъ Лянгѣ омывалъ берега ихъ. Говорять, что это поддерживаемые остатки давнихъ садовъ... Архіерейскій садъ существуетъ, но дикъ, запущенъ. Это единственное мѣсто, гдѣ жителямъ Н. Миргорода можно погулять. Рядомъ съ нимъ, только ниже къ городу, военный госпиталь съ палисадомъ, съ клумбами. За госпиталемъ есть такъ называемый *архіерейскій колодезь*. Онъ поить чистою влагою своею, кромѣ бѣдныхъ сосѣдей своихъ, всѣхъ достаточныхъ людей Ново-Миргорода; изъ ней только и можно чай готовить.

Такъ исчезло благолѣпіе Н.-Миргорода! Старые люди готовы плакать по немъ, какъ Іеремія на развалинахъ Сиона... „Ахъ батюшка; говорять они, какъ тутъ хорошо было до военнаго поселенія! Просто рай растворенный! А теперь... Богъ съ нимъ“!..

Оживится ли краса Н.-Миргорода? Едвали. Впрочемъ толкуютъ о преобразованіи военныхъ поселеній. Можетъ быть оно и будетъ, но когда?.. У насъ какъ будто язычество. Самолюбіе одного выше блага тысячей...

Сообщилъ Л. Мацѣевичъ.

АВТОБІОГРАФІЧЕСКОЕ ВВЕДЕНИЕ*).

Въроятно, никто болѣе меня не удивится появленію въ печати полнаго собранія всего написаннаго миою въ прозѣ, въ теченіи шести-десятилѣтія и болѣе. Это уже не въ чужомъ, а въ собственномъ пиру похмѣлье. Впрочемъ, голова моя, кажется, крѣпка: чернилами до-пьяна я никогда не упивался.

Въ наше скороспѣлое и торопливое время такое позднее появленіе довольно любопытно. У насъ издаются книги только-что вчера дописанныя; листы высохнуть еще не успѣли: кажется, не только у насъ, но и вездѣ, иные издаютъ книги, которыхъ только завтра напишутся, а пока спѣшать издать въ свѣтѣ пробныя листы. Что до меня касается, слѣдуетъ еще замѣтить, что предлагаемое нынѣ собраніе сочиненій моихъ предпринято не по моему почину и такъ-сказать отъ меня заочно. Благопріятели предложили, а я согласился. Какъ и почему согласился я, читателямъ и публикѣ знать въ подробности не нужно: это дѣло домашнее. Впрочемъ, не одинъ разъ друзья мои убѣждали меня сбратъ и издать себя. Кажется, и постороннія лица, и даже літературные недоброжелатели мои, удивлялись, съ примѣсью нѣкотораго сожалѣнія, что нѣть меня на книжномъ рынкѣ. Дѣло въ томъ, что въ старое время, то-есть когда былъ я молодъ, было мнѣ просто не до того: жизнь сама по себѣ выходила скоропечатными листками, типографія была тутъ въ сторонѣ, была ве при чемъ. Вообще я себя расточалъ, а оглядываться и собирать себя не думалъ. Даѣ, когда дѣятельность літературы нашей начала сходить съ пути, по которому я слѣдовалъ,

* Изъ первого тома „Сочиненій князя П. А. Вяземскаго“, изданія графа С. Д. Шереметева. Томъ этотъ, вышедший въ свѣтѣ въ 1878-мъ году, слѣдался книжкою рѣдкостью. Графъ С. Д. Шереметевъ позволилъ намъ сдѣлать это заимствованіе, за что конечно поблагодарять его читатели „Русскаго Архива“. П. В.

и приняла иное направлениe, на вызовъ издать написанное мною и разбросанное по журналамъ, отвѣчалъ я: „теперь поздно и рано“.
Поздно—потому, что желѣзо остыло, а должно ковать желѣзо, пока оно горячо, то-есть, пока участіе читателей еще живо и сочувственно, пока не развлеклось оно новыми именами, новыми пріемами. *Рано*—потому, что не настала еще пора, когда старое такъ состарится, что можетъ показаться новымъ и молодымъ. По неизмѣнному, житейскому порядку и круговороту такъ бываетъ во многомъ: жизнь и исторія на лицо—онъ засвидѣтельствуютъ правду этихъ словъ. Легко можетъ статься, что многое изъ нынѣ животрепещущаго и господствующаго не переживетъ вѣка и дня своего. Другое, нынѣ старое и забытое, можетъ очнуться позднѣе. Оно будетъ источникомъ добросовѣстныхъ изысканій, училищемъ, въ которомъ новая поколѣнія могутъ почерпать если не уроки, не образцы, то преданія, не лишенныя занимательности и цѣнности не только для нового, настоящаго, но и для будущаго. Слова: прошедшее, настоящее, будущее—имѣютъ значеніе условное и переносное. Всякое настоящее было когда-то будущимъ, и это будущее обратится въ прошедшее. Иное старое можетъ оставаться въ сторонѣ и въ забвѣніи; но тутъ нѣть еще доказательства, что оно устарѣло; оно только вышло изъ употребленія. Это такъ, но запросъ на него можетъ возродиться. Антикваріи, продавцы старой мебели, старой утвари также удачно торгуютъ старьемъ, какъ и соседняя съ ними лавка сбываетъ свой свѣжій и по послѣднему требованію изготовленный товаръ. Одно здѣсь условіе: старое должно имѣть свою внутреннюю и вѣсовую или художественную цѣнность. Въ такомъ товарѣ есть большая, неувядаемая живучесть. Отлагая въ сторону стыдливую скромность и не подвергая себя упрекамъ въ излишней гордости, полагаю, что предлагаемый здѣсь товаръ не лишенъ, въ нѣкоторой степени, того и другаго свойства. Слѣдовательно, и моя рѣчь впереди. Стойти только дождаться удобнаго часа, а онъ пробьетъ уже безъ меня, но пробьетъ. Впрочемъ, нѣкогда и я имѣлъ свой часъ, и часы били еще съ трезвономъ и курантиками. Поздняя старость имѣетъ право говорить о себѣ въ третьемъ лицѣ. Старикъ въ собственныхъ глазахъ своихъ уже не я, а онъ.

Въ такихъ условіяхъ выхожу предъ общественное судилище. Доволенъ буду я и малочисленнымъ одобрительнымъ вниманіемъ нѣкоторыхъ читателей; равнодушенъ буду,—по крайней мѣрѣ, такъ мнѣ кажется, пока я еще въ кулисахъ и на сцену не вышелъ,—къ строгимъ приговорамъ другихъ судей, тѣмъ болѣе, что этотъ судъ будетъ что-то въ родѣ посмертнаго суда: меня вполнѣ живаго онъ

уже не застигнеть. На долгомъ вѣку моемъ былъ я обстрѣлянъ и крупными похвалами, и крупною бранью. Всего было довольно. Выдержалъ я испытаніе и заговора *молчанія*, который устроили противъ меня. Я былъ отпѣть: кругомъ могилы моей, въ которую меня живаго зарыли, глубокое молчаніе. Что же? Все ничего. Не раздобрѣль, не раздулся я отъ первыхъ, не похудѣль—отъ другихъ. Натура одарила меня большою живучестью и тѣлесною и внутреннею. Это можетъ-быть досадно противникамъ моимъ. Прошу у нихъ въ томъ прощенія, но дѣлать мнѣ нечего. Я здоровъ своимъ здоровьемъ и боленъ своими болѣзнями. Чужie не могутъ придать мнѣ здоровьяя, не могутъ со стороны привить мнѣ и недуги. Злоказченныя повѣтрія и наитія безсильны надо мною.

Какъ бы то ни было, вотъ являюсь я весь на лицо. Былъ старый чиновникъ; онъ прошелъ долголѣтнее служеніе и получилъ заслуженные имъ знаки отличія. Но онъ не носилъ на себѣ этихъ знаковъ, не развѣшивалъ ихъ на шей и груди своей. Онъ держалъ ихъ за образомъ, предъ которымъ теплилась неугасаемая лампада. Онъ берегъ эти кресты на день погребенія своего. Безъ суевѣрія и страха, сдается иногда и мнѣ, что я выступаю съ литературными регаліями своими на прощаніе съ авторскою жизнью и со всякою другою. Эти регаліи улягаются на подушкахъ, которыхъ будутъ сопровождать мой гробъ. Миръ имъ и мнѣ!.. Скажу, что Карамзинъ сказалъ въ надгробной надписи, въ 1792 году, въ годъ рожденія моего; это также живая старина:

Покойся, милый прахъ, до радостнаго утра.

Я вѣрую въ утро и воскресеніе мертвыхъ, слѣдовательно и въ свое.

I.

Заговоривъ о себѣ немножко, хочется поговорить еще болѣе. Чернила соблазнительны. Они имѣютъ нѣчто общее съ виномъ, чтобы не сказать съ кровью. Пьяница можетъ на нѣкоторое время наложить на себя трезвое пощенье; но попадись на языкъ его капля вина, онъ снова предается запою. Такъ первая капля крови дѣйствуетъ на нѣкоторыхъ звѣрей, къ сожалѣнію, и на нѣкоторыхъ людей. Эта капля пробуждаетъ свойственную имъ кровожадность. Не даромъ говорилъ Фридрихъ Великій, что въ каждомъ человѣкѣ таится тигръ. Ему вѣрить можно. Онъ, въ свое время, былъ и великий проливатель крови и великий проливатель чернилъ. Радуюсь, что судьба поставила меня въ возможность подражать ему только въ послѣднемъ отношеніи.

Вотъ въ чёмъ дѣло. Полное изданіе сочиненій писателя есть, такъ-сказать, и выставка жизни его. Къ выставкамъ прилагаются обыкновенно указатели и пояснительные каталоги. Такъ хочется поступить и мнѣ. Къ выставкѣ моей считаю не лишнимъ приложить нѣкоторыя отмѣтки и комментаріи. Это будетъ родъ авторской исповѣди: смысь свидѣтельства о рожденіи, литературного формуллярнаго списка и предсмертнаго духовнаго завѣщанія. Самъ не знаю, что изъ всего этого выйдетъ. Но что-нибудь да выйдетъ. Дамъ волю памяти своей и старческой болтливости.

II.

Съ тѣхъ поръ что помню себя, во мнѣ проявлялись и копошились какіе-то безсознательные зародыши литературные и авторскіе. Напримѣръ, во время дна, *Московскія Вѣдомости* выходили два раза въ недѣлю, по Средамъ и Субботамъ. Я всегда караулилъ появленіе ихъ въ домѣ нашемъ и съ жадностю кидался на нихъ. Но искалъ я не политическихъ извѣстій, а стихотвореній, которыхъ въ нихъ изрѣдка печатались. Болѣе всего привлекали меня объявленія книгопродавцевъ о выходящихъ книгахъ. Читалъ я эти объявленія съ любопытствомъ и благоговѣніемъ, тѣмъ болѣе, что объявленія писались тогда витевато и кудряво. Бывали еще объявленія отъ переводчиковъ, которые предостерегали совмѣстниковъ своихъ, чтобы они не брались за переводъ такого-то романа, потому что онъ уже переводится и скоро поступить въ продажу. Эти объявленія заставляли трепетать мое сердце. Я завидовалъ счастливцамъ, которые переводятъ. Должно сознаться, что не одни книжныя оповѣщенія обращали дѣтское вниманіе мое. Въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ* зачитывался я и прейс-курантовъ виноторговцевъ; особенно нравились мнѣ поэтическія прозванія нѣкоторыхъ винъ, напримѣръ *Lacryma-Christi* и другія, равно благозвучныя. Тутъ, можетъ-быть, пробуждалась и звенѣла моя поэтическая струна, а можетъ-быть просто, но все-таки поэтически, отзывалось предвкусіе или предчувствіе, что нѣкогда буду и я съ пріятелями моими, Денисомъ Давыдовымъ и графомъ Михаиломъ Вѣльгорскимъ, неравнодушнымъ цѣнителемъ благороднаго сока виноградныхъ кистей. За давностю времени, не берусь рѣшить, кто тогда бралъ верхъ надо мною: Аполлонъ или Вакхъ. Помнится мнѣ, что еще прежде находиль я удовольствіе и даже наслажденіе въ первоначальномъ чтеніи по складамъ. Сочетаніе азбучныхъ буквъ въ одинъ звукъ ласкало мой музыкальный слухъ. Вообще, дѣтская память моя очень чутка. За послѣдующіе годы она слабѣе и безотвѣтнѣе. Помню, какъ *дядка мой Lapierre* скакалъ меня, четырехъ-или пятилѣтняго мальчика, бритвеннымъ ремнемъ въ Нижегородскомъ

генераль-губернаторскомъ домѣ. Лѣтъ тридцать спустя, если не болѣе, заходилъ я въ этотъ домъ, и, кажется, узнавалъ комнату, въ которой совершилась экзекуція надо мною, и припоминалъ ее вовсе безъ злопамятства. Да, милостивые государи, меня сѣкли ремнемъ, и послѣ нѣсколько разъ сѣкали розгами, однажды, и собственными руками отца моего, за персикъ, который я тайно присвоилъ себѣ и сѣвъ. Впрочемъ, не за лакомство свое былъ я наказанъ, а за ложь, то-есть за то, что не хотѣлъ признаться въ проступкѣ своемъ. Мнѣ было тогда лѣтъ восемь или девять. Не помню, плакаль ли я подъ розгами, но помню слезы на глазахъ отца. Сознаюсь въ томъ и убѣжденъ я, что эти наказанія нисколько не унизовили характера моего. О наказаніяхъ много нынѣ толкуютъ, но не доходятъ до того заключенія, что почти всѣ наказанія свойства болѣе или менѣе физическаго или тѣлеснаго. Содержаніе въ тюрьмѣ, ограниченіе пищи, приневоливаніе къ работамъ: развѣ все это нравственные наказанія? Нѣтъ, это тѣ же розги, бичующія тѣло. Странныя понятія и умозаключенія нашихъ филантроповъ. Они допускаютъ нравственные наказанія: униженіе, пристыженіе самолюбія и достоинства человѣка, гласное, публичное посрамленіе, ошельмованіе человѣка; но крѣпко стоять за неприкоснѣваемость тѣла: спины его и другихъ частей. Но развѣ тѣло почетнѣе и выше нравственныхъ и духовныхъ свойствъ человѣка? Сколько несостойтельности, неблагоразумія, противорѣчій въ человѣческихъ понятіяхъ и соображеніяхъ! Какъ много суемыслія и суесловія въ иныхъ принципахъ, въ такъ-называемыхъ системахъ и ученіяхъ. Въ учебныхъ заведеніяхъ средняго разряда тѣлесные наказанія торжественно отменены. Это событие празднуютъ, какъ погашеніе огней инквизиціи въ Испаніи, или взятие и разрушеніе Бастиліи въ Парижѣ. Не спорю, что, можетъ-быть, бывали, даже и положительно бывали, злоупотребленія въ правѣ и обычая подвергать учениковъ тѣлеснымъ наказаніямъ. Но нѣтъ сомнѣнія, что эти злоупотребленія бывали рѣдки, бывали прискорбнымъ исключеніемъ, а не общимъ правиломъ. Впрочемъ, вспыльчивый, заносчивый, раздражительный, несправедливый учитель и наставникъ могутъ и невооруженные розгами пагубно дѣйствовать на учениковъ, ввѣренныхъ заботливости ихъ. Могутъ они оскорблять ихъ и зарождать въ нихъ чувства непокорства и злобы одними обидными словами, однимъ суровымъ и беспощаднымъ обращеніемъ съ этимъ чуткимъ, впечатлительнымъ и часто злопамятнымъ возрастомъ. Но за то нынѣ, при новыхъ порядкахъ, за шалость, которая, въ добруе старое время, вызвала бы на шалуна домашнюю, семейную, патріархальную расправу, въувѣренности, по Русской поговоркѣ, что до свадьбы заживеть, нынѣ, вмѣсто розогъ и за неимѣніемъ другихъ

подъ руками средствъ, отрока-шалуна выгоняютъ и исключаютъ изъ заведенія, то-есть разомъ губятъ его настоящее и будущее его. Родители, отдавая дѣтей своихъ въ училища, въ правѣ предполагать, что эти заведенія не только учебныя, но вмѣстѣ съ тѣмъ воспитательныя и образовательныя. Они, такъ-сказать, передаютъ начальству заведенія обязанности и права свои въ отношеніи къ своимъ дѣтямъ. Какой добросовѣстный и благоразумный, не говорю уже чадолюбивый и нѣжный, отецъ рѣшился за шалость, и даже за проступокъ, выгнать сына своего изъ родительского дома и бросить его на улицу? Такимъ поступкомъ доказалъ бы онъ, что не умѣеть быть отцемъ и не достоинъ быть отцемъ. На то и дѣти и отроки, на то и обязательное попеченіе о нихъ, чтобы мѣрами нѣжной и неусыпной наблюдательности и строгаго взысканія развивать въ отрочествѣ зародыши и отрасли всего хорошаго и отсѣкать—безъ каламбура—худые и пагубные отпрыски и нарости. Само собою разумѣется, что о жестокости въ наказаніяхъ здѣсь и рѣчи быть не можетъ. Такая жестокость, явно уличенная, должна быть строго преслѣдуема и караема закономъ, какъ въ домашнемъ, такъ и во внѣдомашнемъ воспитаніи, подобно тому, какъ взыскивается закономъ за всякое умышленное насилиство илиувѣчье, нанесенное другому. Въ краткое и, откровенно сознаю, почти безполезное пребываніе мое по министерству просвѣщенія, я всегда, по возможности, протестовалъ противъ подобныхъ изгнаній изъ учебныхъ заведеній. Чтобы не приписывали мнѣ болѣе того, что я дѣйствительно думаю, нужнымъ считаю договорить, что вовсе не выставляю себя присяжнымъ защитникомъ розогъ. Не полагаю, что въ нихъ заключается единственно спасительное пособіе воспитанія; но также не полагаю, чтобы совершенная отмѣна ихъ была вполнѣ плодотворная и радикальная мѣра. Разумѣется, послѣ отмѣны ихъ, мудрено и, можетъ-быть, опасно возвратиться къ нимъ. Но человѣческій родъ такъ созданъ, что для многихъ и во всѣхъ возрастахъ страхъ наказанія нуженъ. Если достаточно было бы благодѣтельной силы слова, чтобы человѣка вполнѣ пріучить къ одному добру и отучить отъ всякаго зла, то, кажется, лучше Евангелія уже ничего придумать нельзя. Но и оно не всѣхъ направляетъ и не всѣхъ исправляетъ, а потому позволю себѣ сказать въ заключеніе, что педагогіи и нынѣ не слѣдуетъ, по этому вопросу, отдохнуть на лаврахъ своихъ и на притупившихся розгахъ. Сей вопросъ, какъ говорится, остается пока еще открытымъ. Многое можно сказать за и многое противъ.

III.

Вообще, въ дѣствѣ моемъ учился я лѣниво и разсѣянно. Во мнѣ не было никакаго прилежанія и послѣ мало было усидчивости. Въ умѣ

моемъ нѣть свойства устойчивости. Мой отецъ, вѣроятно, замѣтившій этотъ умственный недостатокъ, хотѣлъ одолѣть его и подчинить дисциплинѣ математического ученія. Хотѣлъ угомонить меня, такъ-сказать выпрямить и отрезвить, въ умственной гимнастикѣ цифры. Но усиленія его были напрасны. Я не поддавался. Математика въ дѣствѣ и отрочествѣ моемъ была мнѣ пугаломъ. Позднѣе, осталась она для меня тарабарскою грамотою. Не смотря на то, многіе изъ зреѣлыхъ годовъ жизни моей провелъ я по вѣдомству цифирному: то по дѣламъ виѣшней торговли, то по управлѣнію государственнымъ заемнымъ банкомъ; по счастію, ни тутъ, ни тамъ при мнѣ обмолвки въ итогахъ не было. Богъ охраняетъ невинность. Такія встрѣчаются въ жизни противорѣчія и несоответственности! Родитель мой хотѣлъ сдѣлать изъ меня математика, судьба сдѣлала меня стихотворцемъ, не говорю, поэтомъ, ради страха Іудейскаго и изъ уваженія къ критикамъ моимъ, которые заключили, что я не совсѣмъ поэтъ, или совсѣмъ не поэтъ. Кажется, они тоже говорятъ и о Дмитріевѣ. Это меня утѣшаетъ. Кстати о немъ. Онъ, бывало, говорилъ, шутя, что Аполлонъ внушилъ мнѣ страсть къ стихамъ на зло отцу моему и въ отмщеніе однофамильцу нашему, Екатерининскому кн. Вяземскому, за то, что онъ преслѣдовалъ Державина. Отца огорчала моя разсѣянность или развлекательность: она была еще сильнѣе лѣни моей. Впрочемъ, это была, можетъ-быть, одна виѣшняя лѣнь, которая закрывала мою внутреннюю дѣятельность. Отецъ упрекалъ меня, что когда я возьму книгу въ руки, то начну читать ее безъ разбора, то съ середины, то съ конца, и поэтому безъ толка и безъ пользы. Замѣченіе его должно быть справедливо, потому что и позднѣе читалъ я болѣе урывками. Въ жизни моей я очень многое прочелъ, но мало дочиталъ. И нынѣ у меня нерѣдко двѣ-три книги перебиваются одна другую. Вообще, я довольно смѣтливъ: изъ нѣсколькихъ страницъ постигаю сущность книги, и часто отрываюсь отъ пищи, не дождавшись насыщенія. Такъ можно обращаться съ романами, особенно съ нашими, и вообще съ книгами легкаго содержанія. Съ другими книгами подобное обращеніе невыгодно. Но я всегда предпочитаю занятіе труду. Это также—погрѣшность и недостатокъ. Безъ труда ни до чего положительно и обстоятельно не дойдешь. Есть древняя поговорка: „Смертный, скользи, а не напирай“. Эта поговорка Эпикурейская. Болѣе строгая и глубокая мудрость, напротивъ, предписываетъ: напирай! Постоянныи напоръ одолѣваетъ препятствія, а на каждомъ пути, предстоящемъ человѣку, препятствія встрѣчаются. Вообще, могу сказать о школьнномъ возрастѣ своемъ и о послѣдовавшихъ возрастахъ, что я зналъ и знаю многое, чего можно было бы и не знать, а многое не знаю, чтѣ знать необходимо. Если не ошиб-

баюсь, этот недостатокъ правильной экономії, эта неурядица нерѣдко встречаются въ общей нынѣшней образованности: предметы знанія до бесконечности умногосложились, а едва ли трудолюбіе усилилось соразмѣрно съ ними.

Въ дѣтствѣ моемъ, вѣроятно, быль я не *серъёзное* дитя, а скорѣе нѣсколько угрюмое. Ловкости, удальства, рѣзвости во мнѣ не было. Старикъ Pingot, нашъ танцмейстеръ, говориваль, что я мѣшокъ. Не помню, чтобы я когда-нибудь съ увлеченіемъ предавался дѣтскимъ играмъ. Братьевъ у меня не было, слѣдовательно, въ домѣ я былъ довольно одинокъ. Дядькѣ моему, Никитѣ (который впослѣдствіи сдѣлался ужаснымъ пьяницей и забавлялъ Жуковскаго) любилъ я передавать осколки изъ разговоровъ, подслушанныхъ мною у отца моего. Вѣроятно, ни дядька, ни я не понимали толково и хорошо этихъ выдержекъ. Но, можетъ-быть, и тутъ уже прорывались нѣкоторые намѣки на свойственную мнѣ наблюдательность и на развитіе способностей моихъ въ упражненіяхъ літературнаго сыщика и общежитейскаго сплетника.

Отецъ былъ со мною взыскателенъ и строгъ. Я болѣе боялся, нежели любилъ его. Любовь моя иуваженіе къ нему были, такъ-сказать, чувствомъ и плодомъ посмертнаго. Я былъ вообще неуступчивъ и парадоксаленъ. Однажды замѣтили мнѣ за обѣдомъ, что я съѣлъ много хлѣба и много выпилъ воды. На это возразилъ я, что остаются еще при мнѣ крохи хлѣба и что графинъ не совершенно опустѣлъ. Отецъ приказалъ оставить для завтрашняго дня на прокормленіе и потребленіе мое то, что называлъ я остатками. Быль я довольно трусливъ, и, вѣроятно, уже и тогда нервического сложенія. Отецъ хотѣлъ побѣдить во мнѣ и этотъ недостатокъ. Меня заставляли одного барахтаться въ Остафьевскомъ пруду, съ тѣмъ, чтобы выучился я плавать. Лѣтомъ, въ темную ночь, посыпали меня одного въ рощу. Разумѣется, на всякий случай, слѣдили за мною, но тогда я этого не зналъ.

Между тѣмъ, отношенія мои къ отцу не всегда бывали такъ настянуты и строги. Помню, что онъ часто смѣялся моимъ дѣтскимъ устнымъ выходкамъ. Вѣроятно, были и онъ проблески нѣкоторой стороны будущаго авторства моего. Рѣчь моя была иногда довольно бойка и оригинальна. Помню, что изъ многочисленныхъ посѣтителей дома нашего умнѣйшіе, напримѣръ, князь Бѣлосельскій, Нелединскій, графъ Левъ Разумовскій, князь Яковъ Лобановъ, обращались ко мнѣ, вызывая на какую-нибудь шутку или дѣтскую остроту. Выше сказалъ я, что учился

плохо въ дѣтской комнатѣ; но за то рано началъ я практическое ученіе въ салонѣ нашемъ: мѣтко вслушивался я въ разговоры, которые раздавались вокругъ меня. Въ этомъ отношеніи домъ нашъ былъ для меня живою школою. Разумѣется, многаго изъ разговоровъ не понималъ я, иное понималъ криво, но все же кое-что схватывалъ. Такимъ образомъ мой умъ могъ развиться довольно рано, хотя и не совсѣмъ правильно.

Также рано началъ я писать стихи и, здѣсь можно сказать, совсѣмъ неправильно. Первоначальные стихи мои были Французскіе. Видно, что эта способность моя была гласно признаваема и дома. При подаркѣ на новый годъ карманной книжки отцу съ тремя портретами нашими вызвали меня приложить стихи къ этому поднесенію. Замѣтимъ мимоходомъ, что эти портреты писаны были графомъ Кзаве-де-Местромъ, известнымъ послѣ авторомъ „Путешествія кругомъ комнаты моей“, „Сибирячки“ и другихъ сочиненій, исполненныхъ дарованія и оригинальной прелести. Тогда жилъ онъ въ Москвѣ эмигрантомъ и занимался живописью для снисканія средствъ къ существованію.

Въ 1805 году написалъ я Французскіе стихи на смерть Нельсона. Нечего и говорить, что все это было болѣе или менѣе безграмотно. Но червякъ стихотворства уже шевелился во мнѣ. Правильно, или, по-крайней-мѣрѣ, правильнѣе сталъ я писать гораздо позднѣе, едва ли не со времени сближенія моего съ Жуковскимъ. Послѣ слышалъ я отъ прежнихъ учителей своихъ, что я казался совершенно тупымъ и будто отсутствующимъ при преподаваніи ихъ; но если когда-нибудь, въ урокѣ или въ книгѣ, приводились стихи или рѣчь заходила о чѣмъ-то баснословномъ и поэтическомъ, то вниманіе мое внезапно просыпалось и сосредоточивалось. Лицо мое просияетъ, и я становлюсь совершенно другимъ мальчикомъ.

Впервые слышанныя мною оды Ломоносова приводили меня въ упоеніе. Не вникаль я въ ихъ смыслъ, но съ трепетомъ заслушивался стройныхъ и звучныхъ ихъ волнъ. Отъ Державина я былъ безъ ума. Коротко знакомый Карамзину, Ив. Сем. Набоковъ, газетный цензоръ при Московскому Почтамтѣ, былъ часто жертвою моей державиноманіи. При удобномъ случаѣ, то и дѣло отпускалъ я ему строфы изъ поэмъ Державина. Разъ онъ не вытерпѣлъ и сказалъ мнѣ: вы удивительно напоминаете мнѣ пріятеля моего, который ужасно надоѣдалъ мнѣ Державинымъ. Монологи и сцены изъ трагедій Расина и Вольтера, которые мнѣ давали выучивать наизусть, были для меня и прежде не

уроками, а наслажденіемъ. И теперь еще слышится мнѣ, какъ декламировалъ я тираду изъ Альзиры: „Mânes de mon amant“ и прочее.

Но не одни князья поэзіи: Ломоносовъ, Державинъ, Расинъ, Вольтеръ, покорили меня могуществу своему. Сознаюсь, что бывалъ я въ плену и у князя Шаликова, съ которымъ, впрочемъ, были мы и послѣ хорошими пріятелями. Была въ отрочествѣ моемъ пора, когда вкусили я отъ *Плодовъ свободныхъ чувствованій*: подъ этимъ названіемъ изданы были въ свѣтъ молодыя сочиненія Шаликова, собраніе разныхъ сантиментальныхъ и пастушескихъ статей. Однажды съ профессоромъ Рейсомъ, у которого я жилъ по назначению отца моего, ходили мы на Воробьевы-Горы. Тутъ встрѣтился я съ крестьяниномъ, и подъ сантиментальнымъ наитіемъ Шаликова началъ я говорить крестьянину о прелестяхъ природы, о счастіи жить на материинскомъ лонѣ ея и такъ далѣе. Собесѣдникъ мой, не вкушившій плодовъ, которыми я обкушался, пучиль глаза свои на меня и ничего не отвѣчалъ. Наконецъ, спросилъ я его: доволенъ ли онъ участію своею? Отвѣчалъ: доволенъ. Спросилъ я его: не хотѣлъ ли бы онъ быть бариномъ? Отвѣчалъ онъ: нѣтъ, барство мнѣ не нужно. Тутъ я не выдержалъ: вынуль изъ кармана пяти-рублевую синюю ассигнацію, единственный капиталъ, которымъ я владѣлъ въ то время, и отдалъ ее крестьянину. Долго радовался я впечатлѣнію, которое оставила во мнѣ эта прогулка *à la Chalikof*. Была у меня полоса Сумароковская; это было время военное: захотѣлось мнѣ испытать силы мои на лирической трубѣ, но не по слѣдамъ Ломоносова, а Сумарокова. Вотъ и началъ я:

Воспой, о, Муза, иѣсь высоку
И въ струны лиры ударяй,
Воспой враговъ ты суматоху
И славу Россовъ возглашай.

Я очень дорожилъ словомъ *суматоха*. Мнѣ казалось, что тутъ есть какой-то отзывъ своевольной и, такъ-сказать, фамиліарной поэзіи Сумарокова въ противоположность съ поэзіею Ломоносова, нѣсколько чопорною и официальную; а можетъ быть, и просто увлекала меня нѣкоторая аналогія въ звукахъ: Сумароковъ, суматоха. Впрочемъ, я и нынѣ не отрекаюсь отъ Сумарокова. Почитаю его однимъ изъ умнѣйшихъ и живѣйшихъ писателей нашихъ. Пушкинъ говоривалъ, что онъ вѣрнѣе зналъ Русскій языкъ и свободнѣе владѣлъ имъ, чѣмъ Ломоносовъ.

Если рѣчь дошла до исповѣди въ грѣхахъ юности или, правильнѣе, отрочества моего, то нужно упомянуть, что первая эпиграмма моя,

или будто эпиграмма, пала на долю Мерзлякова. И воть по какому поводу. При определеніи моемъ въ домъ профессора Рейса (зять известного и домового врача нашего Керестури) приглашены были для преподаванія мнѣ наукъ лучшіе профессоры блестящаго периода Московскаго Университета: Буле, Рейнгардтъ и другіе. Въ числѣ ихъ долженъ быть быть и Мерзляковъ. Нѣмецкіе профессоры добросовѣстно и аккуратно проливали на меня лучи познаній своихъ. Одинъ Мерзляковъ оставался при обѣщаніяхъ. Наконецъ, отправили меня къ нему, чтобы развѣдать о причинѣ упорнаго отсутствія его. Не засталъ я его дома. Мало знакомый тогда съ эпистолярными приличіями, оставилъ я ему записку, которая такъ начиналась: Господинъ Мерзляковъ, прошу васъ etc. На другой день, университетскій сторожъ принесъ мнѣ на грязномъ лоскуткѣ бумаги записку, приблизительно такого содержанія: „Господинъ Вяземскій, я не школьній учитель, готовый ходить въ домъ къ какому-нибудь Нѣмцу, чтобы давать вамъ уроки“. Записка огласилась. Нѣмецкіе профессоры взволновались. Кажется, даже сдѣланъ былъ выговоръ Мерзлякову отъ имени Михаила Никитича Муравьевъ, тогдашняго куратора Университета Московскаго. Съ моей стороны амбиція была тоже затронута, и воть чѣмъ она разразилась. Скажемъ напередъ, что Мерзляковъ въ то время подписывалъ стихотворенія свои, печатаемыя въ *Вѣстникѣ Европы*, слѣдующими буквами *Mrzk.* или чѣмъ-то подобнымъ.

Разговоръ.

Ты, знаешь ли, мой другъ, кто *мерзкій сочинитель*?—
Какіе пустяки! Онъ школьній лишь учитель.—
Да, кто-жъ тебѣ сіе *сказаль?*?—
Въ письмѣ онъ самъ мнѣ написалъ.

Эпиграмма безграмотная, но она имѣла большой успѣхъ въ кругу Нѣмецкой профессуры. А товарищъ мой по ученію, какой-то Челищевъ—не знаю, что съ нимъ сдѣжалось—добрый малый, но вовсе не эпиграмматическій, сказалъ мнѣ, что я собаку съѣлъ. Замѣтимъ мимоходомъ, хотя и не безъ хвастовства, что Жуковскій сказалъ мнѣ однажды (разумѣется, гораздо позднѣе), что я съѣлъ цѣлую свору собакъ. Впрочемъ, какова ни есть моя эпиграмма, она была мой первый шагъ, *mon premier coup de feu*, на поприщѣ, на которомъ я впослѣдствіи перестрѣливался болѣе или менѣе удачно.

Однажды навсегда, обязанъ я объяснить читателю, что въ рассказахъ моихъ не всегда держусь хронологического порядка. Хронология—наука чиселъ, а я, какъ уже известно, плохой счетоводецъ. Выбрасываю изъ мѣшка, что попадется. Подбираю воспоминанія свои болѣе

по мастямъ. Если будеть у меня біографъ, пусть онъ потрудится сводить и группировать года мои, какъ слѣдуетъ, а работать на него и за него не намѣренъ. Иной умъ плотно переплетенъ въ одну книгу: страницы въ строгомъ порядкѣ слѣдуютъ одна за другою; другіе умы худо переплѣтены, сшиты на живую нитку, страницы перемѣшаны. Мой умъ состоять изъ летучихъ листковъ.

Теперь прошу читателя поворотить нѣсколько обратно. Въ дѣтской, или отроческой жизни моей совершился крутой поворотъ.

IV.

Было уже сказано, что мой отецъ былъ вообще недоволенъ мною, особенно учениемъ моимъ. Не ему въ укоръ, не себѣ въ оправданіе, а для соблюденія истины, скажу, что мое ученіе, ни въ какомъ случаѣ, не могло быть успѣшно, потому что оно не было правильно. Отецъ былъ человѣкъ большаго ума и высокой, по тому времени, образованности. Когда вспоминаю о немъ, почти всегда вижу его въ вольтеровскомъ креслѣ съ книгою въ руцѣ.

Само-собою разумѣется, что онъ хотѣлъ и изъ меня сдѣлать человѣка просвѣщенаго. Не знаю, какъ и чѣмъ объяснить себѣ, но выборы наставниковъ, гувернеровъ, учителей моихъ были вообще неудачны. Не въ деньгахъ было дѣло. Отецъ имѣлъ порядочное состояніе и денегъ на воспитаніе дѣтей своихъ жалѣть бы не сталъ. Много перебывало при мнѣ Французовъ, Нѣмцевъ, Англичанъ; но ни одинъ изъ нихъ не былъ способенъ пріучить меня къ ученію, а это главное въ дѣлѣ первоначальнаго воспитанія. О Русскихъ наставникахъ и думать было нечего. Ихъ не было,—не знаю, много ли ихъ теперь. Надобно было ловить иностранцевъ на удачу. Припоминается мнѣ одинъ дядька, Нѣмецъ, который долженъ былъ наблюдать за мною и учить меня Нѣмецкому языку. Тогда въ Москвѣ, въ Охотномъ ряду, былъ большой трактиръ, извѣстный подъ именемъ Цареградскій. Это было, по нынѣшнимъ понятіямъ, родъ кофейной, куда стекались иностранцы, въ особенности учителя, родъ биржи, рынка, куда приходили нанимать домашнихъ учителей. Мой Нѣмецъ выговаривалъ себѣ, между прочими условіями, позволеніе отлучаться вечеромъ часа на два. Эти часы были посвящены Цареградскому сборному мѣсту. Возвращался онъ оттуда всегда болѣе или менѣе на-веселѣ. Отецъ, окруженный пріятелями и посѣтителями и увлеченный живостью разговора, того замѣтить не могъ, но дѣти чутки и вообще наставниковъ своихъ не любятъ. Кто-то

изъ домашнихъ посѣтителей спросилъ меня: какъ доволенъ я новымъ наставникомъ своимъ? Il cultive volontiers la vigne du Seigneur¹), отвѣчалъ я. Вѣроятно подслушалъ я это выраженіе гдѣ-нибудь на лету и употребилъ его кстати. Мой отвѣтъ имѣлъ большой успѣхъ. Однажды менторъ мой возвратился грузнѣе обыкновенного. Я подошелъ къ нему, и спросилъ: какъ сказать по-нѣмецки—вонять.—Stinken. А зачѣмъ спрашиваете вы это? продолжалъ онъ.—Чтобы сказать вамъ: Sie stinken noch vino²). Неправильны были слова мои, но попали они въ цѣль. На дерзость мою дядька жаловался отцу. Мне было крѣпкое родительское головомытье, но и ментора выгнали изъ дома.

Всѣ эти обстоятельства вразумили родителя моего, что домашнее, одиночное воспитаніе для меня не годится. Въ Москвѣ учебныхъ общественныхъ заведеній въ почетѣ не было. Не знаю, какъ и чрезъ кого, отецъ вошелъ въ сношенія съ Гезуитскимъ заведеніемъ въ Петербургѣ. Однажды, это было лѣтомъ, въ селѣ нашемъ Остафьевѣ, отецъ вызываетъ меня къ себѣ. Нашелъ я его на террасѣ, выдающейся въ садъ. Передъ нимъ былъ столъ, на столѣ бумага, чернильница и перья. Довольно сурово, но видимо и грустно озабоченный, приказалъ онъ мнѣ сѣсть и писать подъ диктовку его. Диктовалъ онъ на Французскомъ языкѣ. Въ импровизаціи своей онъ мастеръ былъ говорить и, большой діалектизъ, изложилъ онъ картину моего воспитанія, не отвѣщающаго желаніямъ его; безпощадно вычисляя всѣ недостатки и погрѣшности мои. Обвинительный актъ ничего не пропустилъ и былъ полновѣсенъ. Между прочимъ отецъ упоминалъ, какъ доволенъ онъ дочерьми своими, которые утѣшаютъ и радуютъ старость его, тогда, какъ я.... Тутъ умиленіе и слезы не дали ему возможности продолжать. Онъ отпустилъ меня, и приказалъ мнѣ переписать набѣло продиктованное имъ.

Скажу откровенно. Я не былъ растроганъ этой сценой. Вѣроятно, казалось мнѣ, что судѣ и приговорѣ, надо мною произнесенные, были слишкомъ строги. Я какъ-будто чувствовалъ, что не я одинъ виноватъ въ неудовлетворительныхъ послѣдствіяхъ воспитанія моего. Тогда былъ при мнѣ наставникомъ и преподавателемъ Французъ Дандилли, и, кажется, съ нѣкоторыми притязаніями на родственное свойство съ известнымъ духовнымъ писателемъ Arnaud d'Andilly. Но какъ бы то ни было, ни въ нравственномъ, ни въ ученомъ и учебномъ складѣ своемъ

¹⁾ Т. е. онъ охотно работаетъ въ виноградникѣ Господнемъ. Это Французская поговорка про пьянницъ. П. Б.

²⁾ Т. е. вы еще воняете виномъ. П. Б.

не отвѣчалъ онъ требованіямъ и условіямъ званія своего. Онъ былъ не глупый Французъ, добродушный, уживчивый, очень веселый, забавный краснобай; въ домѣ нашемъ былъ онъ всѣми любимъ. Послѣ того завелъ онъ въ Москвѣ Французскую книжную лавку. До конца жизни его оставался я съ нимъ въ короткихъ и пріятельскихъ сношеніяхъ. Гораздо позднѣе прочтеніе этой бумаги пробуждало во мнѣ умиленіе и сожалѣніе, что я не въ радость былъ отцу моему.

Вскорѣ послѣ наказной граматы, отецъ мой, не смотря на лѣта свои, немощи и особенно домосѣдныя привычки, самъ отвезъ меня въ Петербургъ. Я былъ помѣщенъ въ Іезуитскій пансіонъ. Послѣ предварительного и легкаго испытанія опредѣленъ былъ я во второй классъ, то-есть средній. Въ этомъ классѣ товарищи были всѣ, болѣе или менѣе, ровесниками моими. Это было по ученію. Но вскорѣ отношенія и сношенія мои связались гораздо тѣснѣе съ воспитанниками старшаго класса. Всѣ были они старше меня; иные опереживали меня четырьмя и пятью годами. Они возвысили меня до себя и обходились со мною, какъ съ ровнею. Тогда это меня радовало, но я не зазнавался, и самолюбіе мое не обольщалось. Но теперь не могу не заключить, что, стало-быть, въ то время я чего-нибудь да уже стоилъ. Стало-быть, въ характерѣ моемъ, въ умѣ были до нѣкоторой степени развиты привлекательныя свойства, которыя сближали меня со старшимъ поколѣніемъ. Нынѣ съ умиленіемъ приношу дань благодарности этимъ товарищамъ, которые призвѣли меня. Но едва ли не надѣ однѣми могилами раздается голосъ моей признательности. Смерть всѣхъ ихъ перебрала. По-крайней-мѣрѣ, не знаю, гдѣ отыскать мнѣ живаго товарища. Но память о нихъ и о той счастливой порѣ жизни еще жива во мнѣ.

Вызовемъ нѣкоторыя имена изъ этой приснопамятной для меня дружини, изъ этого разсадника, въ которомъ развивались и созревали будущія силы. Юшковъ, уже и тогда ваятель или рѣзчикъ, но изъ бумаги и изъ картъ, будущій охотникъ до лошадей и знатокъ; онъ искусно и изящно вырезывалъ статныхъ и породистыхъ лошадей, которыми любовались мы и даже промышляли, пуская ихъ между собою въ продажу и обмѣну. Челищевъ, смуглый, черноволосо-кудрявый, котораго прозвали мы Цыганомъ. Пріятная симпатическая личность. Брусиловъ, будущій герой многихъ не писанныхъ, но осуществившихся романовъ. Энгельгардтъ, Обресковъ, Сѣверинъ, Смирновъ. Нѣкоторыхъ изъ нихъ встрѣчалъ я послѣ по пути жизни, и всегда сходились мы, какъ нѣкогда бывшіе товарищи, бывшіе рекрутскіе однокашники. Съ одними разрознила насъ смерть, съ другими—жизнь.

Съ однимъ Съверинымъ отроческое товарищество, по благопріятному стечеию обстоятельствъ, обратилось въ крѣпкое и до конца неизмѣнное дружество. Въ пансионѣ онъ прекрасно учился и былъ поведенія образцового. Одаренный отличными способностями, онъ и тогда уже обѣщаалъ быть правильнымъ, осторожнымъ и оглядливымъ дипломатомъ. Энгельгардъ,—онъ впослѣдствіи хорошо и всенародно былъ знакомъ Петербургу. Расточительный богачъ, не пренебрегающій веселіями жизни, крупный игрокъ, впрочемъ, кажется, на вѣку своемъ болѣе проигравшій, нежели выигравшій, построитель въ Петербургѣ дома, сбивающагося немножко на Парижскій Пале-Рояль, со своими публичными увеселеніями, кофейнями, ресторанами. Построеніе этого дома было событиемъ въ общественной жизни столицы. Пушкинъ очень любилъ Энгельгарда за то, что онъ охотно игралъ въ карты, и за то, что очень удачно игралъ словами. Острыя выходки и забавные куплеты его ходили по городу. И въ пансионѣ еще промышлялъ онъ этимъ, между прочимъ, и на мой счетъ, какъ говорится. Тотчасъ по водвореніи моемъ привѣтствовалъ онъ меня слѣдующимъ куплетомъ:

Mon Prince,
De quelle province?
—Cousou,
De Moscou.

Можно представить себѣ, съ какимъ единогласiemъ весь пансионскій людъ подхватилъ этотъ куплетъ. Мнѣ прохода не давали: преслѣдовали меня, встрѣчали и провожали этою импровизациею. Одно время воспитанники забавлялись пусканіемъ мыльныхъ пузырей. Съверинъ былъ всегда довольно худощавъ, а тогда и ростомъ малъ. Онъ проходилъ по двору, когда слеталъ одинъ изъ этихъ пузырей. „Посторонись!“ закричалъ ему кто-то со второго этажа. Энгельгардъ не пропустилъ случая и сказалъ:

О, день, счастливый день, въ который
Котенокъ смерти избѣжалъ,
Когда пузырь полетѣлъ свой скорый
На малой точкѣ основалъ.

Съверинъ и въ пансионѣ прозванъ былъ котенкомъ, какъ-бы въ предсказаніе того, что въ Арзамасѣ будетъ онъ значиться *Рѣзvий Котъ*. Позднѣе Энгельгардъ забавно и удачно пародировалъ строфу Онѣгина о знаменитой танцовщицѣ Истоминой. Рѣчь идетъ объ известномъ картежнике:

Тщедушный и полу воздушный,
Тузу козырному послушный etc.

Алексѣй Обресковъ, старшій сынъ генерала Михаила Алексѣевича. Судя по впечатлѣніямъ моимъ и дальнимъ воспоминаніямъ, заключаю,

что онъ носилъ въ себѣ залоги блестящаго будущаго. Въ натурѣ его было что-то благородное, мыслящее и степенное. Но этимъ задаткамъ не дано было вполнѣ развиться и созрѣть. Немного лѣтъ, по выходѣ изъ пансиона, былъ онъ смертельно раненъ на приступѣ Рущука. Кажется, былъ онъ адъютантомъ при молодомъ предводителѣ войскъ нашихъ, графѣ Каменскомъ, котораго также преждевременная смерть похитила съ поприща богатаго многими надеждами, не обратившимися въ событія. Мыѣ разсказывали, что, умирая отъ ранъ своихъ, Обресковъ полу-шутя, полу-грустно, часто твердилъ: ну, милый Алексѣй Михайлычъ, какъ думаешь, останешься ли ты живъ или нѣтъ? Жизнь еще мало имъ испытана, жизнь только-что разцвѣтавшая и не дожившая до терній, разумѣется, улыбалась ему и обольщала его. Въ шуточной предсмертной бесѣдѣ его съ самимъ собою отзывается и звучить нота силы характера и себялюбивой скорби.

Другой товарищъ нашъ, Смирновъ, встрѣтилъ также молодую смерть на этомъ злополучномъ приступѣ. Милый образъ его возбуждаетъ во мнѣ особенно сочувственное и умилительное воспоминаніе. Все было въ немъ привлекательно: красавая наружность, выразительные глаза, въ лицѣ свѣжесть и румянецъ цвѣтущей молодости, стройный, статный ростъ, золотистаго оттенка волосы. Внутреннія качества превышали виѣшнія: любезный нравъ, радушная откровенность, чистая и возвышенная душа, цѣломудріе и какое-то нравственное благоуханіе вѣяло отъ него. Онъ, безъ сомнѣнія, былъ чистѣйшее существо изъ многолюднаго нашего кружка. Былъ онъ веселаго настроенія, но и мечтателенъ съ поэтическимъ оттенкомъ. Онъ влюбленъ былъ въ поэзію Оссіана, и вмѣстѣ съ тѣмъ въ кавалергардскій мундиръ. Любимою мечтою его, задушевнымъ желаніемъ было опредѣлиться въ этотъ полкъ тотчасъ по выходѣ изъ пансиона. Съ глазами зависти смотрѣлъ онъ на молодаго, красиваго Чернышева, впослѣдствіи князя и военнаго ministra, котораго встрѣчали мы въ Аничковской церкви, куда ходили мы по Воскресеньямъ и праздникамъ. Смирновъ имѣлъ склонность къ рисованію. Въ свободные отъ уроковъ часы любилъ онъ рисовать сцены изъ Оссіановскихъ поэмъ. Но Фингалы и другіе герои, плывшіе въ облакахъ съ арфою въ рукѣ, были всегда и обязательно облечены въ полную кавалергардскую амуницію. Онъ съ первого раза полюбилъ меня нѣжно и руководительно любовію старшаго брата. Я также полюбилъ его съ нѣжностію, но и подчиненостію. Наставленія, предостереженія его носили отпечатокъ чистой нравственности, заботливости и дружества. Извѣстно, безъ сомнѣнія, вышелъ бы замѣчательный человѣкъ, образецъ всего чистаго и прекраснаго, въ сфере нравственной

и житейской деятельности. Собственно для меня былъ бы онъ другимъ Жуковскимъ. Лучшей и вѣрнѣйшей похвалы, сердечноїшихъ поминокъ о немъ придумать не могу, какъ сближеніемъ имени его съ именемъ для меня дорогимъ и незабвеннымъ.

Въ этой средѣ избранныхъ товарищѣ умъ мой и вообще настроеніе мое развивались и созрѣвали не по годамъ, можетъ быть, въ иѣкоторомъ отношеніи, даже слишкомъ рано. Но это, кажется, такъ въ Русской натурѣ: или безплодіе, или скороспѣлки. Литтература, особенно Русская, была не чужда этому кружку. Пушкина еще не было, Жуковскаго еще почти не было, Крылова также. Державинъ, Карамзинъ, Дмитріевъ были нашими любимыми руководителями и просвѣтителями. Я былъ еще профанъ, или новичокъ-слушникъ въ этой области. Многіе изъ товарищѣ знали наизусть лучшія строфы Державина, басни, а еще болѣе сказки Дмитріева. Все это побуждало мои литеатурныя наклонности. Внѣшніе голоса доходили также до нашихъ монастырскихъ келій. По Воскресеніямъ и большимъ праздникамъ воспитанники отпускались къ роднымъ и къ лицамъ, известнымъ начальству нашему. У меня въ Петербургѣ близкихъ родственниковъ не было. По большой части оставался я, подобно другимъ безроднымъ товарищамъ, дома. Въ утѣшениѣ водили насъ въ близкій Лѣтній-Садъ. Лѣтомъ, ректоръ, патерь Чижъ, который особенно любилъ и какъ-то отличалъ меня, иногда бралъ меня и на дачу, въ семейство Голландскаго купца, который имѣлъ магазинъ въ домѣ принадлежавшемъ Римской церкви. Тамъ, кромѣ особаго и лакомаго угоженія, забавлялся я игрою въ кегли. Вечеромъ, когда возвращались домой счастливцы, которые провели день въ семейномъ кругу, или въ большомъ свѣтѣ, вѣстямъ и разсказамъ не было конца. Къ нимъ я жадно прислушивался. Зародыши будущаго мірянина и свѣтскаго человѣка пробуждались во мнѣ. Это также было нѣчто въ родѣ школы житейской и литеатурной. Дѣти и отроки вообще чутки и зорки. Напримѣръ, мы изъ оконъ подмѣтили, что въ извѣстный часъ, почти ежедневно, Императоръ проѣзжалъ верхомъ по переулку вдоль дома нашего. На встрѣчу, какъ по заведенному порядку, выѣзжала карета. И лошадь Государя, и карета, въ которой сидѣла красивая дама*), останавливались другъ предъ другомъ. По видимому, на нѣсколько минутъ, завязывался разговоръ. Разумѣется, все это подглядывали мы осторожно и тайкомъ. Тогда не были еще въ ходу историческіе романы. Вальтеръ-Скотъ не проложилъ имъ еще пути въ литеатурѣ. Но мы, какъ-то самоучкою, дошли до понятія, что могутъ быть историческіе и державные романы.

*) Марія Антоновна Нарышкина. П. Б.

Здѣсь прощусь съ товарищами веселаго возраста жизни моей. Мы вмѣстѣ раззвѣтали. Такая пора оставляетъ по себѣ въ сердечной памяти глубоко грустное, но и сладостное впечатлѣніе. Скажу съ Гёте и Жуковскимъ:

Не говори съ тоской: ихъ нѣть!
А съ благодарностю: были!

Простишись съ друзьями, не могу воздержаться отъ сердечной потребности помянуть также добрымъ словомъ и теплое гнѣздо, которое нѣкогда насть собрало и пріютило. И здѣсь, вѣроятно, тѣшу я себя одного, да и то съ какимъ-то самоотверженіемъ. Здѣсь вступаю на жгучую почву, но я давно опаленъ и обстрѣленъ. Огня не боюсь. Знаю, что въ настоящее время Іезуиты не въ чести, не только на Западѣ, но и у насъ, вѣроятно болѣе изъ подражанія. Мы довольно склонны развертывать зонтики свои (на нашемъ богатомъ языкѣ нѣть, между прочимъ, слова *parapluie*, *Regenschirm*), когда идетъ дождь, напримѣръ, въ Парижѣ. Пословица говоритъ: лежачаго не бьютъ. Кажется, тѣмъ паче не слѣдовало бы бить отсутствующаго, или даже небывалаго, а мы все-таки бьемъ по пустому мѣсту. Не пускаюсь въ отысканіе и въ изслѣдованіе Іезуитскихъ дѣйствій и вліяній на Римскомъ церковномъ Западѣ. Это не мое дѣло. Но спрошу: гдѣ у насть эти пугала, эти опасные и грозные Іезуиты, которые, какъ тѣни и призраки, пробѣгаютъ еще по страницамъ печати нашей? Гдѣ, за рѣдкими, совершенно личными исключеніями, искатъ ихъ въ послѣднемъ столѣтіи исторіи нашей? Гдѣ вредная для государственного объединенія нашего обращенія или совращенія съ пути православія одиновѣрцевъ нашихъ? Когда и были они, то много ли ихъ? Скажемъ за глаза: нѣсколько десятковъ, считая въ нихъ и женщины. Стойти ли изъ этого горячиться и бить въ набать, какъ при пожарѣ или нашествіи непріятеля? Стойти ли говорить и писать объ этомъ? Это капля въ морѣ или капля, выцѣженная изъ моря. А сколько пролито было черниль ради этой капли? Въ числѣ ихъ были и умныя и бойкія, но на какой конецъ? Мудрено объяснить. Не вступаюсь за отщепенцевъ, не берусь оправдывать ихъ. Готовъ я согласиться, что нѣкоторые отреклись отъ церкви по легкомыслію, по невѣдѣнію сущности церкви нашей; другіе, если можно употребить подобное выраженіе въ такомъ случаѣ, обратились по модѣ. Знаю женщины, которые оримлянились, когда было повѣтрѣ на обращеніе, и возвратились въ лоно православной церкви, когда повѣтрѣ и мода миновались.

Но въ ихъ числѣ есть и люди, которые поступили по совѣсти, особенно изъ тѣхъ, которые послѣ посвятили себя духовной и монашеской жизни; есть и такие въ средѣ отпадшихъ братьевъ нашихъ.

Религіозная совѣсть имѣеть свои тайны, которыя легко и необдуманно оцѣнивать и въ особенности порочить нельзя. Во всякомъ случаѣ не дѣло христіански-евангельское закидывать каменями и отпадшихъ, и блуждающихъ братьевъ. Молитесь за нихъ, если вамъ ихъ жаль, но не поносите ихъ. Остроумія и перуновъ вашихъ не расточайте на нихъ.

Вообще нельзя не замѣтить, что у насъ бывають охотники создавать предъ собою и предъ обществомъ чудовищныя страшилища, чтобы доставить себѣ удовольствіе ратовать противъ нихъ и притыкать ихъ своимъ спасительными перьями. Эта способность пугать и напугивать бываетъ иногда очень забавна, но бываетъ часто и вредна. Въ такомъ настроеніи духа противорѣчія неизбѣжны. Высокомѣре и малодушіе, трусливость и задорливость сталкиваются на каждомъ шагу. То ставить Россію такъ wysoko, что она въѣдь всѣхъ возможныхъ покушеній на нее, то уже такъ низко, что она, щедушная, разлетится въ прахъ, при малѣйшемъ враждебномъ дуновеніи. Мы уже не говоримъ, что врага шапками закидаемъ, но еще думаемъ, что можемъ Европу закидать словами. Въ политикѣ и въ литературѣ анахронизмы приводятъ къ ошибочнымъ заключеніямъ. Пожалуй, найдутся у насъ публицисты, которые начнутъ пугать насъ набѣгами Печенѣговъ. По мнѣ Иезуиты у насъ тѣже Печенѣги.

Но послѣ долгаго отступленія, пора возвратиться мнѣ къ своимъ собственнымъ Иезуитамъ. Эти Иезуиты, начиная отъ ректора, патера Чижі, были—по крайней мѣрѣ, въ мое, или наше время—просвѣщенные, внимательные и добросовѣстные наставники. Уровень преподаванія ихъ былъ возвышенъ. Желавши учиться хорошо обучились; примѣромъ служить, между прочимъ, Съверинъ. Обращеніе наставниковъ съ воспитанниками было не излишне строгое: болѣе родительское, семейное. Допускалась нѣкоторая свобода мнѣній и рѣчи. Однажды кто-то сказалъ, во время класса, что изъ всѣхъ Иезуитовъ любить онъ наиболѣе Грессета. Извѣстно, что этотъ Французскій поэтъ принадлежалъ Иезуитскому ордену и вышелъ изъ него. Шутка остряка была и принята шуткою. Меня товарищи также вызывали на подобныя выходки. „Вяземскій, отпусти bon mot“, говорили мнѣ. Моихъ тогдашнихъ *bons mots* я, по совѣсти, не помню. Но упоминаю о томъ мимоходомъ: видно, и тогда уже промышлялъ я этою *устною литературою*, которую такъ любезно приписывалъ мнѣ графъ Орловъ-Да-выдовъ, въ привѣтствіи своемъ на пятидесяти-лѣтнемъ моемъ юбилей. Въ числѣ воспитанниковъ былъ я далеко не изъ лучшихъ; но, не знаю почему, былъ однимъ изъ числа любимѣйшихъ духовнымъ начальствомъ. Со всѣмъ тѣмъ могу сказать утвердительно и добросовѣстно,

что никогда не слыхалъ я ни слова, никогда не замѣчалъ малѣйшаго намека, которые могли бы указать, что меня или другихъ желали переманить на свою сторону. Никогда не было попытки внушить, что Римская церковь выше и душеспасительнѣе Православной. А умъ мой и тогда былъ уже настолько догадливъ, что онъ понялъ бы самые извилистые и хитрые подступы. Никакого различія не было въ обращеніи съ воспитанниками обоихъ исповѣданій. Паписты не пользовались предъ нами никакими *прерогативами* и льготами. Въ костель нась не водили. По воскреснымъ и праздничнымъ днямъ бывали мы въ Русской церкви. Великимъ постомъ мы говѣли, какъ слѣдуетъ. Правда, въ теченіе года держались мы не Русскихъ постныхъ дней, то-есть не Середы и Пятницы, а Римскихъ. По Пятницамъ и Субботамъ угощали нась католическимъ пощеніемъ: говядины не было за общею трапезою. Но эта желудочная пропаганда, кажется, не могла имѣть большаго вліянія на умы и религіозныя чувства наши. Такъ было въ мое время. Не отвѣчаю за то, что могло быть послѣ. Говорили позднѣе, что Іезуиты завербовали въ свою вѣру молодого воспитанника, князя Голицына, и къ тому же племянника князя Александра Николаевича, оберь-прокурора Святѣйшаго Синода. Если оно такъ, то нельзя не сознаться, что пресловутая Іезуитская хитрость и пронырливость на этотъ разъ ужасно опростоволосились. Выборъ ихъ былъ очень неудаченъ. Какъ бы то ни было, это совращеніе, дѣйствительное или мнимое, послужило отчасти паденію и изгнанію Іезуитскаго ордена изъ Россіи. Не тѣмъ будь онъ помянуть, пріятель нашъ Александръ Тургеневъ былъ однимъ изъ дѣятельныхъ орудій сего почти государственного переворота, de ce соapr d'etat à la Pombal. Изгнаніе ихъ или похищеніе въ ночное время сопровождалось довольно крутыми и вовсе ненужными полицейскими мѣрами. Кроткое правленіе императора Александра I отступило въ этомъ случаѣ отъ *легальности*, а чѣмъ необходимѣе бывають мѣры строгости, тѣмъ болѣе при исполненіи оныхъ требуется бдительное и точное соблюденіе *легальности*, то-есть законности. Поспѣшность насилия, заносчивая страсть несовмѣстимы съ закономъ. Не смотря на дружбу свою къ Тургеневу, Карамзинъ не одобрялъ вообще ни этой мѣры, ни пріемовъ, съ которыми она совершилась. Консервативный Карамзинъ былъ въ этомъ случаѣ либеральнѣе пріятеля своего, либерала Тургенева. По выходѣ изъ пансіона былъ я въ перепискѣ съ патеромъ Чижемъ.

Этимъ заключается періодъ отрочества моего. Здѣсь разстаюсь и съ Іезуитами. Гораздо позднѣе встрѣчался я на Востокѣ съ пѣкоторыми личностями, принадлежавшими ордену. Всегда удивлялся я ихъ дѣятельности и самоотверженію. Разбросанные по-одиночкѣ, въ мѣстахъ пу-

стынныхъ, въ Арабскихъ бѣдныхъ селеніяхъ, преподаватели Евангелія и грамотности, бодро и плодотворно носили они свой крестъ и совершали трудный подвигъ. Римская церковь можетъ быть властолюбива, но этихъ отдельныхъ миссіонеровъ и апостоловъ христіанства обвинять въ властолюбіи нельзя. Они самоотверженные и безкорыстные послушники. Забавно же обвинять ихъ въ томъ, что преподаютъ они Римское законоученіе, а не Православное. Между тѣмъ, найдутся люди, которые ставятъ имъ и это въ преступленіе, и за это ненавидятъ ихъ. Не забываютъ ли они въ пылу православія своего, что Евангеліе писано для всѣхъ народовъ, для всѣхъ христіанъ, а не въ пользу того или другого вѣроисповѣданія и прихода.

V.

Изъ учебнаго паломничества возвратился я въ Москву, въ родительскій домъ—еще отрокомъ по возрасту, но почти уже молодымъ человѣкомъ по выправкѣ и развитію. Должно прибавить, что изъ Іезуитскаго пансиона перешелъ я, не на долгое время, въ пансионъ, учрежденный въ Петербургѣ при новообразованномъ Педагогическомъ Институтѣ. Это, кажется, было созданіе Ник. Ник. Новосильцова. Директоромъ заведенія былъ Энгельбахъ. Тамъ встрѣтился я съ нѣкоторыми товарищами, также перебѣжчиками изъ подъ Іезуитскаго кровя. Не хочу и не могу сказать ничего худаго о моемъ тамъ пребываніи, но не могу сказать и ничего особенно хорошаго. Учебный и умственный уровень заведенія былъ вообще ниже Іезуитскаго, какъ по преподавателямъ, такъ и въ отношеніи къ ученикамъ. Помню только одного учителя Французскаго языка, Брошье. Онъ умѣлъ, какъ Французы, придавать урокамъ своимъ оживленіе и разнообразіе: онъ былъ съ нами разговорчивъ. Для одного изъ такихъ уроковъ перевелъ я статью Карамзина подъ именемъ *Деревня*. Въ одномъ мѣстѣ говорить онъ, что предпочитаетъ картины природы картинамъ великихъ живописцевъ. „Если такъ,—сказалъ мнѣ Брошье,—и если у родственника вашего есть такія картины, то попросите его мнѣ ихъ отдать: я ихъ предпочитаю природѣ“. Въ 1806 г. Карамзинъ прислалъ мнѣ изъ Москвы, уже какъ питомцу Музъ, стихотвореніе свое: *Пѣснь воиновъ*. Эта присылка меня очень возвысила въ глазахъ моихъ товарищей. „*Ces vers sont-ils bien ronflants?*“ спросилъ меня Брошье. Тутъ высказался и Французы, и литераторъ, и щекотливый Французы-патріотъ. Гораздо позднѣе этотъ Брошье былъ хорошо известенъ Петербургу, особенно посѣщавшимъ графа Алексея Федоровича Орлова, у которого онъ былъ близкимъ и домашнимъ человѣкомъ: вѣроятно также по пансионскимъ преданіямъ учебнаго заведенія аббата Николя.

Въ новой моей ученической средѣ я также не по чину и не по возрасту вращался съ поколѣніемъ меня опередившимъ. Не знаю, какъ это случилось, но я познакомился и сблизился съ яѣкоторыми изъ педагогическихъ студентовъ. Мы жили съ ними на одномъ дворѣ, но совершенно отдѣльно. Въ памяти моей сохранился одинъ изъ нихъ, по имени *Бобриковъ*, или что-то на это похожее. Помнится мнѣ, принадлежалъ онъ, хотя и съ побочной стороны, семейству графа Бобрина-скаго. Онъ познакомилъ меня съ стихотвореніями Французскаго поэта, Парни, котораго элегіи впослѣдствії были такъ вѣрно и такъ нѣжно переданы Батюшковымъ на Русскомъ языкѣ. Помню, что по этому поводу прозвалъ я бѣднаго Батюшкова, въ шуточномъ посланіі:

Пѣвецъ чужихъ Элеоноръ.

Домой возвратился я благополучно. Хотя со времени отсутствія моего отецъ не очень имѣлъ поводъ угѣшать себя вѣстями обѣ успѣхахъ моихъ по наукамъ и о моемъ поведеніи, принять бытъ я имѣлъ ласково, и вообще семействомъ нѣжно и радостно. Упомянуть я о поведеніи своемъ: благодаря Бога, ничего особенно порочнаго не было, но были шалости и предосудительныя уклоненія. Въ пребывавіе моемъ во второмъ пансіонѣ, пользовался я большою и чрезмѣрною свободою въ вакантные дни: ходилъ я одинъ въ театръ, въ маскарады. По преданію, а не по памяти знаю, что однажды въ театрѣ я очень шумѣлъ и бурлилъ,—изъ чего и для чего, сказать не умѣю. Но пріятельница отца моего Екат. Влад. Апраксина подмѣтила это изъ ложи своей и донесла отцу. Можетъ-быть, вслѣдствіе этого, и вызвали меня обратно въ Москву.

Какъ известно, родительскій домъ былъ однимъ изъ гостепріимнѣйшихъ. Гости его принадлежали болѣе или менѣе къ разряду людей образованныхъ и разговорчивыхъ, въ смыслѣ и значеніи разговора дѣльного, просвѣщенаго и пріятнаго. Подобные дома вывелись или выводятся не только у насъ, но вообще и во всей Европѣ. Жаль: такие дома были практическою и дополнительною школою для молодежи. Въ этой атмосферѣ было много образовательной жизни и силы, много было и литературнаго. Худо вѣрную въ литературу, которая рождается и сосредоточивается въ самой себѣ,—внѣ большихъ житейскихъ теченій. Что ни говори о такъ-называемыхъ *салонахъ*, но они бываютъ нерѣдко произрастительными и плодотворными почвами. Блестящая и многознаменательная Французская литература послѣдней половины 18-го столѣтія разцвѣла и созрѣла на этой почвѣ. Какъ бы то ни было, въ подобной умственной средѣ понятія и наклонности мои еще болѣе развились. Въ домѣ отцовскомъ женскій элементъ господствовалъ наравнѣ съ мужскимъ. Тутъ, въ сферѣ умственного

соревнованія, проглядывало между двумя полами истинное *равноправіе*, которое женщины ищутъ нынѣ въ химическихъ лабораторіяхъ, въ фельдшерскихъ и анатомическихъ театрахъ.

Разумѣется, женскій элементъ, который нашелъ я въ домѣ нашемъ, не праздно отозвался во мнѣ и въ молодомъ и впечатлительномъ сердцѣ моемъ. Впрочемъ, по домашнимъ преданіямъ, рано началь я быть сердечкинымъ: именно *сердечкинымъ*—въ смыслѣ болѣе платонической, нежели материальной любви. Такъ вообще было со мною и послѣ, и всегда. Но вотъ дѣтская легенда моя. Когдаѣхали мы въ Нижній Новгородъ, куда отецъ былъ назначенъ генераль-губернаторомъ, не задолго до кончины Императрицы, мы на дорогѣ гдѣ-то и у кого-то остановились переночевать. Въ домѣ была дочка, которая, такъ гласить преданіе,—очень мнѣ понравилась и за которую я весь вечеръ ухаживалъ. Было мнѣ тогда года четыре. На другой день, когда семейство наше собралось въ дальнѣшій путь, ищутъ меня, а меня нѣть. Наконецъ отыскиваютъ гдѣ-то подъ диваномъ, куда залѣзъ и запрятался я, чтобы не разставаться съ маленькимъ моимъ кумирчикомъ. Не ясно помню этотъ романическій эпизодъ, но домашніе удостовѣряли въ правдивости его. Кстати скажешь: *se non è vero, è ben trovato.* По системѣ вѣроятностей и правдоподобій, и судя a posteriori, готовъ я согласиться, что оно такъ и было. Послѣ такихъ раннихъ и съ продолженіями впередъ романическихъ приключеній на дѣлѣ, какъ не пришло мнѣ никогда въ голову написать вымышенный романъ? Подите, объясните! Впрочемъ, я очень взыскателенъ и не легко удовлетворяемъ по части романовъ. На всемъ вѣку своемъ едва ли шесть прочиталъ я съ полнымъ удовольствіемъ и никогда не признавалъ въ себѣ силъ и достаточнаго дарованія, чтобы пополнить это число седьмымъ. Удачно и вполнѣ удовлетворительно, то есть упоительно, написанный романъ, есть, по мнѣ, самое увлекательное и потрясающее чтеніе. Это почти событіе въ жизни. Съ подобнымъ романомъ сживаешься, не только во время чтенія, но живешь имъ долго и послѣ чтенія. Романы второстепенные, второй руки, плоды одной дѣятельной и *рутинной* посредственности, эти плоды могутъ быть болѣе или менѣе лакомы, судя по вкусамъ, но съ дерева не срываю ихъ и за столомъ до нихъ не дотрогиваюсь.

Со вступленіемъ Карамзина въ семейство наше Русскій літтературный оттѣнокъ смѣшался въ домѣ нашемъ съ Французскимъ колоритомъ, который до него преодолѣвалъ. По возвращеніи изъ пансіона, нашелъ я у насъ Дмитріева, Василія Львовича Пушкина, юношу Жуковскаго и другихъ писателей. Пушкинъ, еще до отѣзда своего, уже отдавшій перомъ Дмитріева отчетъ въ путевыхъ впечатлѣніяхъ

своихъ, только что возвратился тогда изъ Парижа. Парижемъ отъ него такъ и вѣяло. Одѣть онъ былъ съ Парижской иголочки съ головы до ногъ. Прическа *à la Titus*, углашенная, умащенная древнимъ масломъ, *huile antique*. Въ простодушномъ самохвальствѣ даваль онъ дамамъ обнюхивать голову свою. Не умѣю опредѣлить: смотрѣлъ ли я на него съ благоговѣніемъ и завистью, или съ оттѣнкомъ насыплиости. Вѣроятно, было и то и другое. Но могъ ли я думать тогда, что, спустя нѣсколько годовъ, будемъ мы на *ты* и въ самой короткой дружеской связи? Дмитріевъ говоривалъ о немъ, что онъ кончитъ тѣмъ, что будетъ друженъ съ одними грудными младенцами, потому что чѣмъ болѣе старѣеться, тѣмъ все болѣе сближается съ новѣйшими поколѣніями. Грѣшно было бы мнѣ поминать его слегка, а паче того насыпливо. Онъ былъ пріятный, вовсе недюжинный стихотворецъ. Добръ онъ былъ до безконечности, до смѣшного; но этотъ смѣхъ ему не въ укоръ. Дмитріевъ вѣрно изобразилъ его въ шутливомъ стихотвореніи своемъ, говоря за него: *я право добръ, іотовъ сердечно обнять весь свѣтъ**). Меня любилъ онъ съ особеною нѣжностю, могу сказать, съ балующею слабостью. Зять его, Солнцевъ, говорилъ, что сердечныя привязанности его дѣлятся на три степени: первая—сестра его Анна Львовна, вторая—Вяземскій, третья—однобортный фракъ, который выкроилъ онъ изъ стараго сюртука, по новомодному покрою фрака, привезенного въ Москву Павломъ Ржевскимъ.

Не знаю, почему въ этотъ списокъ просится одинъ Машковъ, маленький, горбатый. Казалось мнѣ, что отецъ очень охотно разговаривалъ съ нимъ; но въ моихъ глазахъ, вѣроятно, горбъ его былъ главнымъ attraction. Впрочемъ, помнится мнѣ, что онъ былъ дядя поэта Майкова. Однако можетъ-быть и ошибаюсь.

Въ ряду літературной молодежи, былъ тутъ и новичекъ, котораго отличили отецъ мой и Карамзинъ. Онъ даже запросто обѣдывалъ у насъ (Въ то время это было исключеніе. Въ старину обѣдывали семейно, а ужинали въ гостиныхъ съ гостями. Ужинъ былъ завершеніе,увѣнчаніе заботливаго дня; послѣужинный разговоръ былъ свободнѣе и могъ быть продолжительнѣе разговора послѣобѣденнаго. Теперь съѣзываются за пять минутъ до обѣда и обыкновенно разѣѣжаются послѣ кофе. Выгоды и прелести общежитія и разговорчивости отъ этого страдаютъ). Имени новичка нашего въ точности не помню, чути не Башнякъ-ли? Можетъ быть, потомокъ Саратовскаго коменданта, съ которымъ возился и боролся Державинъ во время Пугачевщины. Какъ бы то ни было, онъ занимался естественными науками, въ особенности

*) Таковъ смыслъ; самыхъ стиховъ въ точности не припомню.

монографією паука. Вѣроятно въ нынѣшнее время, занимался бы онъ и потрошениемъ лягушекъ. Закончу смотръ и перекличку свою замѣткою довольно забавною, замѣткою совершенно семейною и домашнею. Сестра моя, впослѣдствіи жена князя Алексея Григорьевича Щербатова (Жуковскій посвятилъ памяти ея нѣсколько трогательныхъ стиховъ въ *Пъвецъ въ стань Русскихъ воиновъ*), сестра моя, старшая меня тремя годами, и я были вовсе недовольны водворенiemъ Карамзина въ наше семейство. Въ нась таилась глухая оппозиція противъ этого брака: дѣтскія сочувствія наши были на сторонѣ армейского маюра, помнится, Струкова, который былъ несчастнымъ соперникомъ Карамзина. Онъ былъ къ намъ внимателенъ и ласковъ; вѣроятно онъ заискивалъ нашъ союзъ цѣною субсидій, гостинцами и конфектами. Карамзинъ не обращалъ вниманія на союзниковъ. Забавно, что когда бракъ былъ уже рѣшенъ, мы съ сестрою изливали грусть свою стихами самого Карамзина. Вечеромъ ходили мы по длинному коридору и вполголоса, съ сжатымъ сердцемъ и слезами на глазахъ, отъ лица Струкова, мурлыкали:

Кто могъ любить такъ страстно,
Какъ я любилъ тебя?
Но я взыхаль напрасно,
Томилъ, крушилъ себя.
Увы! насильно милымъ
Не будешь никому...

Такимъ образомъ вооружились мы противъ Карамзина собственнымъ его оружіемъ. Но у нась, дѣтей, велись съ нимъ и другіе счеты, и по другой причинѣ грызлись у нась зубы на него: именно зубы. Въ тѣ рѣдкіе вечера, когда салоны наши не переполнились посѣтителями, а было два-три человѣка, иногда и никого, отецъ оставлялъ нась, дѣтей, ужинать съ собою, обыкновенно въ одиннадцатомъ часу. Понятно, что эти дни дорого цѣнились нами. Не знаю, по какому случаю и по какимъ соображеніямъ, Карамзинъ бывалъ гостемъ нашимъ именно въ эти исключительные дни. Отецъ былъ великій устный слѣдователь по вопросамъ метафизическимъ; сказывали мнѣ, бывалъ онъ иногда и очень парадоксальный, но и блестящій спорщикъ. Бесѣды и пренія его съ Карамзінымъ длились безъ конца. Въ ожиданіи вождѣнія ужина мы дремали въ сосѣдней комнатѣ, а ужинъ былъ все отлагаемъ позднѣе и позднѣе. Князь Яковъ Ивановичъ Лобановъ говоривалъ, что когда отецъ мой, въ жару спора, нанижетъ себѣ на пальцы нѣсколько соленыхъ крендельковъ, которые подавались закускою при водкѣ, то бѣда: ужинъ непремѣнно успѣхть остыть. Онъ же говорилъ: къ Вяземскому на ужинъ никогда не опоздаешь; поваръ его только въ

полночь ходить закупать провизію. Эти домашніе запоздалые ужины худо располагали насть къ Карамзину. Мы дѣтскимъ чутъемъ угадывали, что отецъ не разговаривался бы такъ долго съ маіоромъ Струковыемъ. По этому гувернеръ мой, Французъ *Дандилли*, прозвалъ Карамзина: *monsieur minuit et demi*; долго въ дѣтской нашей ходиль онъ подъ этимъ прозвищемъ. Впрочемъ, кажется, онъ нѣсколько задобрилъ меня, подаривъ первые часы, которыми пришлось мнѣ щеголять. Для молодааго человѣка всего нужнѣе умѣть узнать время,—сказалъ онъ, вручая мнѣ свой подарокъ.

VI.

Съ водворенiemъ Карамзина въ наше семейство, письменныя наклонности мои долго не пользовались поощренiemъ его. Я былъ между двухъ огней: отецъ хотѣлъ видѣть во мнѣ математика; Карамзинъ боялся увидѣть во мнѣ плохаго стихотворца. Онъ часто пугалъ меня этою участью. Берегись, говориваль онъ: нѣть никого жалче и смѣшище худаго писачки и риэмоплета. Первые опыты мои тапль я отъ него, какъ и другie проказы грѣшной юности моей. Уже позднѣе, и именно въ 1816 году, примирился онъ съ метроманіею мою. Александръ Тургеневъ даваль въ Петербургъ вечеръ въ честь его. Всѣ Арзамазецы были на лицо: были литераторы и другаго лагеря. Хозянинъ вызвалъ меня прочесть кое-что изъ моихъ стихотвореній. Выслушавъ ихъ, Карамзинъ сказалъ мнѣ: „Теперь уже не буду отклонять васъ отъ стихотворства. Пишите съ Богомъ“. На этомъ вечерѣ познакомился я съ Крыловымъ. Онъ также былъ одинъ изъ благопривѣтливыхъ слушателей и просилъ меня повторить чтеніе одного изъ стихотвореній, которое наиболѣе понравилось ему. Эти два знака отличія, полученные мною на полѣ битвы, порадовали меня и польстили самолюбію моему. Они же порѣшили и, такъ сказать, узаконили участъ мою. О, радость! о, радость! о, восторгъ! и я, и я піить!—могъ сказать я съ простодушнымъ Василиемъ Львовичемъ. Жребій брошенъ. Съ того дня призналь я и себя сочинителемъ. И пошла писать! то есть: пиши пропало! скажеть одинъ изъ моихъ строгихъ критиковъ. Можетъ быть, оно и такъ; но есть еще другая поговорка: чтѣ напишешь перомъ, не вырубишь и топоромъ. И вотъ почему, въ добрый или худой часъ,—все едино, появлюсь я на печатной скамьї подсудимаго предъ судилищемъ почтеннѣйшей публики.

VII.

Жуковскій, мой благосклонный, но, когда нужно, и строгій судья, сказалъ, что могу присвоить себѣ стихъ Буало:

Et mon vers, bien ou mal, dit toujours quelque chose.

Кажется, можно приблизительно перевести на Русский язык сей стихъ слѣдующимъ образомъ:

И стихъ мой, такъ иль сякъ, а что-нибудь да скажетъ.

Нечего и говорить, что ни Жуковскій не величалъ меня, ни я себя не величаю знаменитымъ Французскимъ сатирикомъ. Но я думаю, что опредѣленіе Жуковскаго довольно вѣрно. Оно мнѣ въ похвалу и въ укоръ. Заявляю здѣсь сказанное мною однажды навсегда. Нынѣ сужу себя и говорю о себѣ, какъ о постороннемъ. И въ самомъ дѣлѣ, не въ сторонѣ ли я отъ самого себя послѣ всего такъ долго пережитаго мною? Было кѣмъ-то сказано, что человѣкъ зреѣлыхъ лѣтъ долженъ быть самъ врачемъ своимъ, то-есть знать сложеніе свое, темпераментъ свой, знать, въ гигиеническомъ отношеніи, что можетъ быть ему полезно, чтѣ вредно. Тоже можно примѣнить и къ нравственному распознаванію себя. Въ вѣкоторомъ возрастѣ человѣкъ лучшій свой судія, если, впрочемъ, не одержимъ онъ неизлѣчимою болѣзнью самообольщенія. Человѣкъ уже на покой, или на послѣднемъ поворотѣ жизни, долженъ и можетъ смотрѣть безъ лицепріятія на дѣла своихъ давно минувшихъ лѣтъ. Эти дѣла для него уже *преданыя старинѣ глубокой*. Онъ вслушивается въ нихъ, а пересочинить ихъ не можетъ.

Возвратимся къ сказанному Жуковскимъ. Весь вопросъ здѣсь заключается въ томъ, чего болѣе: *du bien ou du mal*, болѣе ли сказано *такъ* или болѣе *сякъ*. Но я плохой математикъ: итоговъ выводить не буду. Предоставляю этотъ трудъ журнальнымъ бухгалтерамъ. Самъ же скажу, что должно быть довольно того и другаго. Въ стихахъ и въ прозѣ у меня много неровностей—и нельзя имъ не быть: я никогда не писалъ прилежно, постоянно; никогда не изучалъ я систематически языка нашего. Какъ пѣвцы-самоучки, писалъ я болѣе по слуху. Писалъ я болѣе урывками, подъ вдохновенiemъ или подъ осозаніемъ мысли и чувства. Писалъ я, когда что-нибудь внутреннее или виѣшнее за-живо за-диralо меня, когда мнѣ именно хотѣлось сказать или высказать что нибудь, такъ или сякъ, опять все равно. Натура моя довольно живущая и произрастительная, но не трудолюбивая; напротивъ, трудъ пугаетъ ее; она скимается подъ давленіемъ его. А что ни говори, трудъ есть родникъ, двигатель всякаго положительного успѣха и возможнаго усовершенствованія. Безъ терпѣнія труда быть не можетъ. Бюффонъ сказалъ и доказалъ, что терпѣніе есть одно изъ главныхъ свойствъ генія. Если такъ, то какъ далекъ я, Боже мой, отъ геніальности! У меня литература была всегда животрепещущею склонностью, болѣе зазыромъ, нежели призваніемъ. Если и было это призваніе, то охотно сознаюсь, что я не выдержалъ, не вполнѣ оправдалъ его. Никогда, или такъ рѣдко, что не стѣтъ упоминать того, не вѣль я жизни литерату-

турной, какъ вели ее, напримѣръ, Жуковскій, Пушкинъ. О Карамзинѣ уже не говорю: онъ былъ воплощенный трудъ, воплощенное терпѣніе. Я болѣе предавался теченію жизни: сперва молодости, съ увлеченіями ея, позднѣе болѣе или менѣе сухимъ обязанностямъ службы, личнымъ заботамъ, горькимъ испытаніямъ жизни, частымъ и вынужденнымъ странничествомъ. Къ тому же, нечего таить; какая-то врожденная безопасность, просто лѣнъ, никогда не допускали пера быть постоянною принадлежностью руки моей. А перо взыскательно: оно требуетъ прилежнаго ухода за собою; безъ этого оно непослушно и ртачиво. При этомъ пріятели мои еще дивились, что могъ я столько написать при своей развлеченной жизни, могли бы они сказать и отвлеченной: много изъ жизни моей пошло и на внутреннія, созерцательныя и мечтательныя думы. Много прожилъ я жизнью одинокою, жизнью про себя. Знаю, языкъ мой не всегда правиленъ; не довольно внимательно и строго покоряюсь законамъ его. Увлекаюсь не желаніемъ, а скорѣе безсознательною потребностью сказать иначе, чѣмъ сказали бы другіе. Это можетъ быть достоинствомъ, но можетъ быть и погрѣшностью, быть силою, но и немощью. Александръ Тургеневъ, въ одномъ письмѣ своемъ изъ напечатанныхъ по смерти его, очень невыгодно и съ какою-то досадою отзыается объ этомъ наездничествѣ пера моего. Въ укоризнѣ его есть доля правды; но Тургеневъ въ літературѣ принадлежалъ *Пуританской* школѣ, которой между нами главнымъ представителемъ былъ Блудовъ. Сознаюсь, я отъ иѣкоторыхъ неологизмовъ въ словахъ и въ слогѣ не прочь. Разнообразіе и разнозвучіе, въ мѣру и съ чутью, нужны и цѣну свою имѣютъ. Также и Карамзинъ, въ письмѣ къ Дмитріеву, говоритъ, что должно выдрать бы мнѣ уши за переводъ мой рѣчи, произнесенной императоромъ Александромъ на Варшавскомъ сеймѣ; разумѣется, обвиненіе падаетъ на неправильность языка. Здѣсь есть иѣкоторый поводъ къ оправданію. Не вся рѣчь переведена мною. Новосильцовъ, около полночи, прислалъ въ канцелярію Французскій подлинникъ для немедленнаго перевода его на Русскій языкъ. Многія слова политическаго значенія, выраженія чисто-конституціонныя были нововведеніями въ Русскомъ изложеніи. Надобно было надѣть иѣкоторыми призадумываться. Для скорости, мы разобрали рѣчъ по клочкамъ и раздѣлили ихъ между собою, чиновниками канцеляріи. Каждый переводилъ, какъ умѣль, Но я остался какъ-то офиціальнымъ и ответственнымъ переводчикомъ рѣчи. Государь былъ переводомъ доволенъ; помню, что на обѣдѣ у князя Заіончека Государь милостиво благодарили меня за переводъ. Кстати скажу, что и послѣ былъ я въ канцеляріи Новосильцева главнымъ дѣйствующимъ лицомъ по редакціонной Русской части. Были труды гораздо важнѣе перевода сеймо-

вой рѣчи. Въ канцеляріи былъ у насъ юристъ и публицистъ, Французъ Deschamps. Ему Новосильцовъ передавалъ соображенія и мысли свои: Французъ, набившій руку себѣ во Франціи въ изготовленіи и редакціи подобныхъ проектовъ, писалъ ихъ, такъ сказать, прямо набѣло. Переливка этихъ работъ въ Русскія формы наложена была на меня. Въ одинъ изъ пріездовъ моихъ въ Петербургъ изъ Варшавы, Императоръ удостоилъ меня особенною послѣобѣденною аудіенціею въ Каменноостровскомъ дворцѣ. Съ полчаса, если не болѣе, изволилъ говорить онъ о трудахъ нашихъ по канцеляріи Новосильцова, о воззрѣніяхъ своихъ на Польшу и на другія политическія событія и соображенія.

Тутъ косвенно были, или по крайней мѣрѣ такъ казалось мнѣ, маленькие, не буквально выраженные, но понятные намеки на противоположныя мысли Карамзина. Наприм., Государемъ было сказано: *Quelques uns pensent, que les désordres dont nous sommes parfois témoins, sont inhérents aux idées libérales, tandis qu'ils ne sont que des abus de ces idées et de ces principes*¹. Государь говорилъ также о предположеніяхъ своихъ въ отношеніи къ будущему государственному устройству Россіи. Говорилъ онъ все время по французски; рѣчь его была стройна, плавна и отличалась изящностью и ясностью; день, ознаменованный этимъ разговоромъ, остается историческимъ днемъ въ жизни моей. Переводъ словъ: *constitution* и *liberal*—словами: *государственное уложение и законносвободный*, принадлежитъ самому Государю. При концѣ аудіенціи могъ я, между прочимъ, убѣдиться въ умѣніи Государя, (или, лучше сказать, въ прирожденной ему способности) часто малозначущимъ словомъ польстить членъку и порадовать его лично и привѣтливою внимательностью.

Я пріѣхалъ изъ Варшавы чрезъ Ригу. Песчаная, утомительная, продолжительная Ѣзда отъ Митавы вывела меня изъ терпѣнія. Я былъ золъ на себя и на дорогу, которую выбралъ. Въ Ригѣ хотѣли обратить вниманіе мое на картину города, Двины, мосты, сплошь, какъ перилами, окаймленного коммерческими судами. Но я ничего ни слышать, ни видѣть не хотѣлъ: въ отмщеніе Митавскимъ пескамъ, я крѣпко зажмурилъ глаза, такъ и проѣхалъ. Видно, Карамзинъ рассказалъ Государю эту выходку эксцентрическую. Отпуская меня, Императоръ, съ своею ласковою и выразительною улыбкою, спросилъ меня: а что, вы и теперь пойдете въ Ригу?

Забылъ я сказать, что Новосильцовъ имѣлъ намѣреніе отправить меня прямо къ Государю съ изготовленною работою нашею, для объясненій по редакціи, если Государь потребовалъ бы ихъ. Но канцелярскія интриги этому помѣшили. Уже позднѣе, и то совершенно случайно, довелось мнѣ имѣть вышеупомянутую бесѣду, для меня достопамятную.

Но нѣтъ медали, у которой не было бы своей оборотной стороны. Гдѣ-нибудь и когда-нибудь, если Богъ дастъ, расскажу, какъ благоволительное обращеніе Государя со мною, ни по лѣтамъ моимъ, ни по официальному служебному положенію моему, не имѣвшимъ на то права, обратилось позднѣе въ неудовольствіе на меня.

Впрочемъ, скажу заранѣе, что тутъ было много моей вины, то есть недосмотрительности, неосторожности, а еще болѣе виноваты были въ томъ постороннія вліянія и неблагопріятныя обстоятельства. Государь не могъ поступить иначе: онъ долженъ былъ вызвать меня изъ Варшавы; но въ тоже время велѣлъ онъ сказать мнѣ чрезъ Карамзина, что всякая другая служба остается для меня вполнѣ открытою.

VIII.

Вышесказанное мною вообще относится до пребыванія моего въ Варшавѣ и до нѣкоторыхъ обстоятельствъ, вытекающихъ изъ этого пребыванія. Хочется мнѣ нѣсколько остановиться на этомъ и опредѣлить Варшавскій періодъ жизни моей, тѣмъ болѣе, что онъ имѣлъ довольно важное вліяніе и на многіе послѣдовавшіе за нимъ годы. Къ тому же, не былъ онъ чуждъ и литературной дѣятельности моей. По распущеніи Московскаго ополченія, оставался я въ Москвѣ въ службѣ, не въ службѣ, въ отставкѣ, не отставкѣ, а причисленнымъ по прежнему къ Межевої Канцеляріи, или, вѣрнѣе сказать, не отчисленнымъ отъ нея. Начальникъ сей канцеляріи, сенаторъ Обрѣзковъ, при которомъ я служилъ, умеръ въ 1814 году. Время было не до канцелярскихъ строгихъ порядковъ и взысканій; но я не думалъ выяснить свое служебное положеніе: ни служба, ни начальство не заботились обо мнѣ. Наступилъ 1817 годъ. Пріѣхалъ въ Москву генералъ Мих. Мих. Бородинъ, въ свое время блестящій воинъ на поляхъ сраженій и равно блестящее лицо въ салонахъ обѣихъ столицъ. Въ дѣствѣ моемъ заглядывался я на него и любовался красивою и мужественною наружностью и отличающейся отъ другихъ изящною и щегольскою осанкою. Онъ былъ одинъ изъ ближайшихъ пріятелей отца моего, который шутя прозвалъ его Неаполитанскимъ королемъ, по поводу предводительства его Русскими войсками въ Неаполѣ въ царствованіе императора Павла. Замѣтимъ уже кстати и мимоходомъ, что отецъ прозвалъ вмѣстѣ съ нимъ Польскимъ королемъ и известнаго въ царствованіе Екатерины II Корсакова, который очень дорожилъ орденомъ Польского Бѣлого Орла и никогда не снималъ его съ себя. Отецъ мой говоривалъ, что ему очень пріятно и лестно играть у себя дома въ бостонѣ съ двумя величествами. По пріѣздѣ въ Москву Бородинъ отыскалъ меня и очень обласкалъ, какъ сына пріятеля своего. Онъ дружески укорялъ меня въ

тунеядствѣ моемъ и говорилъ, что въ молодыхъ лѣтахъ сыну Андрея Ивановича стыдно быть баклужи и быть какимъ-то Митрофанушкою, недорослемъ въ обществѣ. Къ тому же времени пріѣхалъ изъ Варшавы и Новосильцовъ, вызванный Государемъ, который тогда со всѣмъ дворомъ имѣлъ пребываніе въ Москвѣ. Бородинъ былъ пріятелемъ и Новосильцова. Вѣроятно, говорилъ онъ ему обо мнѣ; однажды пригласилъ онъ меня обѣдать съ Новосильцовыми, представилъ и, такъ сказать безъ особыхъ предварительныхъ объясненій со мною, передавалъ меня ему на руки.

Новосильцовъ благосклонно принялъ меня: участъ моя была рѣшена, если не противъ воли моей, то такъ-сказать почти мимо воли моей, но однакоже не безъ признательности къ участію, принятому во мнѣ старымъ пріятелемъ отца. При разставаніи моемъ съ Москвою и беззаботною жизнью мою написалъ я стихотвореніе: „Прощаніе съ халатомъ“, которое было тогда же напечатано въ журналѣ *Сынъ Отечества* и имѣло нѣкоторый успѣхъ. До Варшавы зналъ я почти одну Москву, въ Петербургъ наѣзжалъ я только на короткое время, за границею же не бывалъ. Варшава, тогда блестящая, не только *мирная*, но и празднующая перерожденіе свое, повѣяла на меня незнакомымъ, новымъ воздухомъ. Я скоро и легко акклиматизировался, да иначе и быть не могло. Починъ мой въ Варшавѣ былъ самый благопріятный. Въ Новосильцовѣ нашелъ я начальника, котораго лучше и придумать нельзя, начальника, чуждаго всякаго начальствованія. Съ первыхъ дней пріѣзда моего, я сдѣлался домашнимъ; въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, до дня отъѣзда моего, эти отношенія ни на одинъ день, ни на минуту не измѣнялись. Даже и послѣ, когдаувѣдомлялъ онъ меня, по высочайшему повелѣнію, что не долженъ и не могу я возвращаться въ Варшаву, официальное письмо его запечатлѣно было чувствомъ благорасположенія его ко мнѣ. Государь, въ тоже самое время пріѣхавший изъ Москвы для открытия первого Польского сейма, былъ ко мнѣ отмѣнно внимателенъ и милостивъ. Онъ даже изволилъ удостоить жену и меня своимъ августейшимъ посѣщеніемъ. Правда, сказали мнѣ тогда, что царское посѣщеніе относится вообще къ хозяикѣ дома, а не къ хозяину, который, какъ отцы при крестьинахъ дѣтей своихъ, долженъ блестать отсутствиемъ своимъ; но безсознательное нарушеніе мое придворного этикета и приличія сошло благополучно. Государь былъ очень весель и разговорчивъ. Между прочимъ изволилъ онъ спросить меня: прочелъ ли я Исторію Карамзина, которая только что вышла въ печати; на мой отвѣтъ, что не успѣлъ я прочесть, Государь, съ видомъ какого-то самодовольства, сказалъ мнѣ: „А я прочелъ ее съ начала до конца“. Еще до Варшавы Государь

явили намъ знакъ благоволенія своего. Дорогою гдѣ-то въ Царствѣ Польскомъ, обогналъ онъ насъ, узналъ, велѣлъ коляскѣ своей остановиться и вышелъ изъ нея, на встречу къ намъ, также вышедшимъ изъ кареты. Государь былъ бодръ, свѣжъ, тщательно и красиво убранъ и одѣтъ, какъ будто бы выходилъ изъ уборной комнаты своей въ Зимнемъ дворцѣ. Я бѣхъ больной, чутъ ли не въ халатѣ, немытый, небритый, неряшливый. Дорогою, передъ тѣмъ, пролежалъ я, больной простудою и колотьемъ въ боку и въ груди, въ какомъ-то мѣстечкѣ; въ немъ не было никакихъ пособій и помоши: ни доктора, ни хорошей воды, ни бѣлаго хлѣба, ни уксуса. Какъ-то уже дня три или четыре спустя, Гродненскій губернаторъ, узнавъ о болѣзни моей, прислали намъ бѣлаго хлѣба, лимоны и другіе припасы и снадобья. На другой день пріѣзда нашего въ Варшаву Государь изволилъ прислать намъ фельдегеря освѣдомиться о здоровыи моемъ. Онъ же увѣдомилъ и Новосильцова, что новый чиновникъ его єдетъ къ нему больной. Для людей, опасающихся начинать и предпринимать что-нибудь въ Понедѣльникъ, замѣчу, что мой примѣръ можетъ подкрѣпить ихъ суевѣрье. Въ Москвѣ все было уже готово къ нашему отѣзду въ Варшаву; но теща моя, П. Ю. Кологривова, давала балъ въ Воскресенье, въ честь Государя и Царской фамиліи. Неловко было уѣхать до бала. А между тѣмъ скорый отѣзздъ свиты его угрожалъ намъ препятствіями, частыми и долгими остановками по почтовому тракту. Я самъ питаю нѣкоторое почтительное отвращеніе въ отношеніи къ Понедѣльнику. Такимъ образомъ дѣтей нашихъ отправилъ я впередъ въ Воскресенье, чтобы застраховать ихъ отъ худаго наитія понедѣльничаго глаза, а самъ предалъ себя на волю Божію и рѣшилъ, что мы выѣдемъ тотчасъ послѣ бала, то-есть на разсвѣтъ Понедѣльника. Такъ и было. Эта крутой переворотъ изъ бальныхъ платьевъ въ дорожныя, изъ блеска много-люднаго праздника въ дорожную повозку внушилъ мнѣ тутъ же стихотвореніе, Ухабъ, которое, помнится, напечатано въ *Сынъ Отечества*. Начинается оно такъ:

Надъ кѣмъ судьбина не шутила,
И кто проказъ ея не рабъ?
Слѣпая приговоръ скручила,
И съ бала я попалъ въ ухабъ.

Въ ухабѣ, сидя какъ въ берлогѣ,
Я на досугѣ разсуждалъ
И въ жизни, какъ и на дорогѣ,
Ухабовъ много насчиталъ.

Далѣе не помню.

Но возвратимся къ зловѣщему Понедѣльнику. Не только крѣпко захворалъ я дорогою, но въ Несвижѣ, гдѣ ночевали мы, наскѣ

шенно обокрали: платья, нѣсколько тысячъ рублей, лежавшихъ въ мѣшкѣ, и разные другіе предметы дорожные или хозяйственные, которые везли мы въ Варшаву, все было до чиста прибрано и похищено. Чтобы имѣть возможностьѣѣхать далѣе, жена должна была заложить, для вырученія нѣкоторой суммы, разныя свои кольца, серыги и цѣнныя вещи. По счастію, догналъ насъ И. С. Тимирязевъ, тогда адъютантъ великаго князя Константина Павловича и, сжалась надъ бѣдствіемъ нашимъ, ссудилъ насъ двумя тысячами рублей. *Avis au lecteur!* Вотъ что значить пускаться въ путь въ Понедѣльникъ.

Пріѣздъ Государя въ Варшаву еще болѣе оживилъ ее. Поляки впечатлительны: на нихъ сильно и горячо отражаются и радость и горе. Свита Императора была многолюдна и блестательна: князь Волконскій, графъ Уваровъ, Милорадовичъ, Остерманъ, князь Меншиковъ, генералъ Потемкинъ (любимецъ Семеновскаго полка и гвардіи), графъ Чернышовъ и многія другія, болѣе или менѣе известныя военные лица; по части гражданской графъ Каподистріа съ двумя своими правыми руками (графомъ Матушевичемъ и Сѣверинымъ), государственный секретарь Марченко съ Арзамасцемъ Жихаревымъ. Всѣ съѣхались, болѣе или менѣе, доброжелательными и вѣжливыми гостями, и не совершенно сочувствующіе возрожденію Польши увлекались новостью и блестящею обстановкою зрѣлища. Предъ ними, какъ предо всѣми, ставилась и разыгрывалась новая драма. На военныхъ же особенно отсвѣчивались славные дни недавнихъ побѣдъ и вступленія въ Парижъ Побѣдителя.

IX.

Но пора спуститься съ временнаго подножія человѣка полуполитического, куда попалъ я, на смиренный участокъ, которымъ надѣленъ я въ области литературной.

Странное дѣло: очень люблю и высоко цѣню пѣвучесть чужихъ стиховъ, а самъ въ стихахъ своихъ нисколько не гонюсь за этою пѣвучестью. Никогда не пожертвую звукъ мыслю мою. Въ стихѣ моемъ хочу сказать то, что сказать хочу; о ушахъ близкиаго не забочусь, не помышляю и о томъ, что многое не ладить со стихами: стихи, или поэзія всего не выдерживаютъ. Коровы бываютъ и очень красивыя, но съдло имъ не найдеть. Мысль, стихомъ осѣданная, можетъ никуда не годиться. Мое упрямство, мое насилиствованіе придаютъ иногда стихамъ моимъ прозаическую вялость, иногда вычурность. Когда Вѣльгорскій просилъ у меня стиховъ, чтобы положить ихъ на музыку, онъ всегда прибавлялъ: только ради Бога, не умничай; мысли мяѣ не нужны, мысли на ноги не перекладываются. Вѣльгорскій именно въ цѣль попалъ. Въ стихахъ моихъ я нерѣдко умствую и умничаю. Между

тѣмъ полагаю, что если есть и должна быть поэзія звуковъ и красокъ, то можетъ быть и поэзія мысли. Всѣ эти свойства или недостатки побудили Пушкина, въ тайныхъ замѣткахъ своихъ, обвинить меня въ *акофоніи* уже не слишкомъ-ли? Вотъ отмѣтка его: „Читаль сегодня посланіе кн. Вяземскаго (видно онъ сердитъ, что величаетъ меня княжествомъ) къ Жуковскому (напечатанное въ Сынѣ Отечества 1821 года). Смѣлость, сила, умъ и рѣзкость; но что за звуки! Кому былъ Фебъ изъ Русскихъ ласковъ;—неожиданная риѳма Херасковъ не примиряетъ меня съ такой *акофоніей*“ *).

Воля Пушкина, за благозвучность стиховъ своихъ не стою, но и нынѣ не слышу *акофоніи* въ помянутыхъ стихахъ. А вотъ въ чёмъ дѣло: Пушкина разсердилъ и огорчилъ другимъ я стихомъ изъ этого посланія, а именно тѣмъ, въ которомъ говорю, что *языкъ нашъ риѳмами блѣденъ*. Какъ хватило въ тебѣ духа, сказалъ онъ мнѣ, сдѣлать такое признаніе? Оскорблениe Русскому языку принималъ онъ за оскорблѣніе, лично ему нанесенное. Въ нѣкоторомъ отношеніи онъ правъ, какъ одинъ изъ высшихъ представителей этого языка; онъ такъ. Но правъ и я. Въ доказательство, укажу на самого Пушкина и на Жуковскаго, которые позднѣе все болѣе и болѣе стали писать бѣлыми стихами. Русская риѳма и у этихъ богачей обносилась и затерлась. Впрочемъ, не сержусь на Пушкина за посмертный приговоръ. Гдѣ гнѣвъ, тутъ и милость: Пушкинъ порочить звуки мои, но щедро восхваляетъ меня за другія свойства; не остаюсь въ накладѣ.

Малозвучность и другіе недостатки стиха моего могутъ объясниться слѣдующимъ. Я никогда не пишу стиховъ моихъ, а сказываю ихъ въ прогулкахъ моихъ; это не вполнѣ *импровизація*, а что-то подобное тому, импровизація съ урывками, съ остановками. Въ этой пассивной стихотворческой гимнастикѣ бываютъ промахи и неправильныя движения. Послѣ выпрямлю ихъ, говорю себѣ,—и иду далѣе, а когда окончательно кладу надуманное на бумагу, бываетъ уже поздно; поправить, выпрямить не удается: поправить лѣни, да и жаръ простылъ. Мало заботясь о нихъ, отпускаю стихи мои на Божій свѣтъ, какъ родились они, съ своими хорошими примѣтами, если таковыя есть, съ своими калѣчностями, когда таковыя окажутся.

Чтѣ говорю о стихахъ своихъ, могу вообще сказать и о прозѣ своей. И тутъ и тамъ замѣтенъ недостатокъ отдѣлки, оконченности. Не продаю товара лицомъ, не обдѣлываю товара, а выдаю его сырьемъ, какъ Богъ послалъ.

*). Прим. Хочу-ль сказать, къ кому Фебъ былъ изъ Русскихъ ласковъ?

Державинъ рвется въ стихъ, а втащится Херасковъ.

Это переводъ стиховъ Буало: *La raison dit Virgile et la rime Quinault.*

Скажу и здѣсь: если Карамзинъ и Пушкинъ бывали ко мнѣ строги, то порою бывали и милостивы. Они нерѣдко сочувствовали плодамъ пера моего, драли меня за уши, но гладили и по головкѣ, одобряли, поощряли меня. Тоже скажу о Дмитріевѣ, Жуковскомъ, Батюшковѣ, Баратынскомъ, Дашковѣ, Блудовѣ. Могу сказать, что я избалованъ былъ, какъ строгими замѣчаніями ихъ, такъ и похвальными отзывами. Въ самой строгой критикѣ, когда она основательна и смѣтлива, можетъ быть слышна нота сочувствія.

Х.

Повѣрять ли мнѣ, или нѣтъ, но утверждаю, что собственно для публики я никогда не писалъ. Когда я съ первомъ въ рукѣ, она мнѣ и въ голову не приходитъ. Впрочемъ, публика дѣлится на два разряда, а именно читающихъ и читателей. Тутъ почти также разница, что между пишущими и писателями. Нечего и говорить, что въ томъ и другомъ случаѣ большинство на сторонѣ первыхъ. Признаюсь, во многомъ я не прочь отъ меньшинства; разумѣется, и числительная сила большинства имѣть достоинство свое. Напримѣръ, гораздо выгоднѣе имѣть при себѣ тысячу рублей, нежели десять; но едва ли не будетъ пріятнѣе имѣть за себя десять умныхъ людей, нежели тысячу глупцовъ. Впрочемъ, о вкусахъ спорить нечего. Я и не спорю.

При такомъ настроеніи моемъ, само собою разумѣется, что я никогда не подъискивался, не старался угодить прихотямъ и увлеченіямъ читающей публики, не ставилъ себѣ въ обязанность задобrirивать ее. Въ этомъ отношеніи за мною никакого художества, никакого сочинительства не бывало. Преимущественно писалъ я всегда для себя, а потомъ уже для тѣснаго кружка избранныхъ; въ нихъ не послѣднее мѣсто занимали мои избранницы. Критикой и похвалами ихъ бывалъ я равно доволенъ. Первою я часто пользовался съ повиновеніемъ, часто, а не всегда; другими радовался, а иногда гордился. На критику печатную обращалъ я вообще мало вниманія, съ нею не совѣтовался, ей не вѣрилъ. Это невѣріе крѣпко держится во мнѣ и нынѣ. Впрочемъ, настоящей критики, за рѣдкими исключеніями, у насъ не было; нѣтъ и теперь. Теперь еще менѣе, нежели прежде. Каченовскіе, Сенковскіе, Булгарины далеко не были свѣтилами критики; но все же была въ нихъ нѣкоторая литературная основа. Они кое-чему обучились, кое-что прочитали.

Въ старину, то-есть въ нашу молодость, выраженіе: *залихватской, залихватское* было въ общемъ употребленіи, преимущественно въ простонародіи и на офицерскомъ языке. Нынѣ оно сдѣжалось заштатнымъ, какъ иные города, нѣкогда цвѣтущіе и довольно многолюдные. Слово

свое выжило, но сущность его осталась. Она легко можетъ быть примѣняема къ літературѣ, и особенно къ критикѣ.— „Да ты самъ тому виноватъ, сказалъ бы мнѣ Тургеневъ, ты самъ далъ тому примѣръ въ *Телеграфѣ*.— Можетъ быть, скажу я. Но известно, что послѣдователи худаго примѣра всегда еще ухудшаютъ его. Шалопайство пера гуляетъ по страницамъ журналовъ. Правда; есть и глубокомысленная или головоломная критика, но попробуй ее— и провалишься.

Иной, напримѣръ, ничему не учился, сдѣлался самоучкою невѣжества своего. Но въ умѣ, въ замашкахъ мысли его была какая-то бойкость и Русская смѣтливость; онъ кое-что угадывалъ. Но оставленное имъ по себѣ потомство наследовало отъ него одно обширное невѣдѣніе; блестящія же качества его ускользнули отъ наследниковъ. Вліяніе ложной школы, ложнаго авторитета утверждается въ обществѣ съ неимовѣрною скоростью и крѣпостью, какъ вліяніе прилипчивой болѣзни. У насть, напримѣръ, встрѣчаешь людей не безъ ума, не безъ дарованія и общей Европейской образованности, которые, не запинаясь, не заикаясь, ставить имъ подобного літературнаго выскочку рядомъ съ именемъ Пушкина, а можетъ быть еще готовы признать превосходство первого надъ послѣднимъ, по благотворительному вліянію, которое тотъ и другой оказали на ходъ літературы нашей. Чѣмъ прикажете дѣлать въ виду подобной ереси? Впрочемъ, плоды ея очевидны и поразительны.

Сказанное мною—не сѣтованія оскорбленнаго самолюбія, не придирики злопамятства. На моемъ долгомъ вѣку всего было довольно. И я жилъ въ счастливой Аркадіи, и меня хвалили, и мнѣ кланялись журналы, и меня называли печатно *остроумнѣйшимъ писателемъ*. И мало-ли еще какія бывали величанія. Меня и очень брали. Все это дѣло житейское и бывалое. Скажу и я съ Пушкинымъ:

E sempre bene, господа!

Отъ журнальныхъ похвалъ не раздувался я, отъ браней не худѣлъ.

Позднѣе настала пора заговора *молчанія*. Критически печать меня за живо похоронила; не потрудилась даже выставить надгробную надпись. Что же, почему и этому не быть? Мертвые срама не имуть.

Les absents n'ont pas toujours tort, сказалъ я когда-то, *mais ce sont les presents qui ont souvent tort*. Особенно въ такую глухую пору, когда между отсутствующими числится: Дмитріевъ, Батюшковъ, Жуковскій, Баратынскій и нѣкоторые другие; когда Карамзинъ и Пушкинъ едва-ли уже не откланиваются предъ читающею публикою. Да, Господи Боже мой! какъ быль бы я глупъ, если не умѣль бы цѣнить свое достохвальное исключеніе; могу только сказать съ смиренiemъ и благодарностью, что не по заслугамъ моимъ такая честь мнѣ оказывается.

Для полноты автобиографическихъ замѣтокъ, считаю нeliшнимъ . сказать слѣдующее. Стороною доходили до меня слухи, что въ нѣкоторой залихватской печати хожу я подъ разными прозвищами забавными и насмѣшилыми. Честью удостовѣряю, что эти выстрѣлы въ меня остались промахами для меня. Не имѣть я и не имѣю понятія о нихъ. Мнѣ даже прислали за границу для показа одну подобную статью. Такъ и лежитъ она у меня по сю пору недочитанная. Любопытство мое притупилось. Въ старину любилъ я гарцоватъ въ чистомъ полѣ предъ непріятелями своими, нынѣ и эта охота отпала; да и прежде не самолюбіе дѣйствовало во мнѣ, а какая-то задорливость. Баратынскій говоривалъ о мнѣ, что въ моихъ полемическихъ стычкахъ напоминаю я ему старыхъ нашихъ барь, напримѣръ, Алексѣя Орлова, который любилъ выходить съ чернило на кулачный бой.

Если еще и нынѣ случается мнѣ тряхнуть стариною, то, право, не въ защиту свою, а просто отъ того, что приходится не въ терпежъ, когда наши политическіе *репортеры* слишкомъ зарапортуются, или наши питомцы *сороkovыхъ годовъ* (какая-то эгира, внесенная въ нашу литературную хронологію) слишкомъ заговорятся. Да, пожалуй, найдутся добрые люди, которые скажутъ, что въ словахъ моихъ сквозять сѣтованія литературного крѣпостника, жалѣющаго о блаженныхъ временахъ цензуры. Нисколько. Хотя довольно долго промышлялъ я дѣлами цензуры, хотя въ проѣздѣ мой чрезъ Берлинъ одна изъ нашихъ заграничныхъ непризнаваемыхъ (*téconspue*) знаменитостей, проходя мимо меня, и пробормотала про себя: „вотъ идетъ наша Русская цензура“, но я до цензуры не безусловный охотникъ. Не безусловный поклонникъ я и безусловныхъ льготъ свободной печати. Впрочемъ, желаю имъ здравствовать и процвѣтать, но съ тѣмъ, чтобъ этотъ цвѣтъ приносилъ зрѣлые и здоровые плоды. Не слѣдуетъ забывать, что льготы дарованныя печати не всегда еще открываютъ путь истиннымъ успѣхамъ литературы. Бываетъ и такъ, что онѣ только развязываютъ руки самонадѣяннымъ посредственностямъ.

За границею получаю нѣсколько Русскихъ газетъ и журналовъ, но, признаюсь, мало читаю ихъ, а выписываю для очистки совѣсти. Жизнь такъ коротка, а мой остатокъ и такъ еще окорочень, что берегу время свое на чтеніе болѣе полезное и пріятное. Можетъ быть, вслѣдствіе того я и виноватъ предъ журналами и газетами нашими и пропускаю безсознательно многія сокровища, которыя въ нихъ таятся. Но на ловца звѣрь бѣжитъ: какъ-то попадаю я чаще на слѣдъ краснаго звѣря политической или литературной безактности, незнанія первыхъ элементарныхъ правилъ литературного благоприличія; скажемъ откровенно однимъ словомъ, на глупость или на безсовѣтную неправду.

Нѣть сомнѣнія, что и нынѣ есть въ літературѣ нашей почетные личности, которыхъ уважаю и мнѣніемъ которыхъ дорожу. Вполнѣ признаю и цѣню ихъ судъ, всегда готовъ совѣтоваться съ ними и покоряться совѣтамъ ихъ. Но не менѣе того, я какъ-то одинокъ въ современной літературѣ нашей. Нѣть уже прежнихъ спутниковъ моихъ, ровесниковъ, такъ сказать, единовѣрцевъ. Нѣть того полнаго сочувствія, которое развилось и окрѣпло на родной почвѣ товарищества, общихъ привычекъ, понятій, склонностей, направленій. Теперь, когда напишу что-нибудь, чѣмъ я самъ доволенъ и что кажется мнѣ удачно, не чувствуя потребности, увлеченія прочесть сгоряча написанное мною друзьямъ моимъ. Этихъ друзей уже нѣть. Мнѣ, и радуясь собою, грустно радоваться одиноко. Не могу бѣжать къ Батюшкову, Жуковскому, Пушкину, чтобы подѣлиться съ ними свѣжимъ, только что сорваннымъ съ вѣтки плодомъ моей мысли, моего вдохновенія. Оцѣнка ихъ была бы и мою окончательною оцѣнкою; одобреніе ихъ было бы освященіемъ моей радости. Это одиночество, можетъ быть, и есть поводъ къ нѣкоторому охлажденію къ этому себѣ, и, можетъ быть къ малому сочувствію, и часто равнодушію, къ тому, что у насъ пишется.

XI.

Выше было уже сказано, что я вообще писалъ не усидчиво, а болѣе урывками. Въ літературной жизни моей были только два периода довольно постоянной дѣятельности, а именно, когда я участвовалъ въ изданіи журнала *Телеграфъ* и когда писалъ біографію фонъ-Визина. Обѣ дѣятельности были почти случайныя. Одна обязана холерѣ, другая воть какимъ обстоятельствамъ. Полевой былъ въ то время еще литераторомъ *in partibus infidelium*. Едва ли не противъ меня были обращены первыя дѣйствія его. По крайней мѣрѣ ему приписывали довольно бранное посланіе на имя мое, напечатанное въ *Вѣстникѣ Европы*, въ отвѣтъ на мое известное, и также не слишкомъ вѣжливое, посланіе къ Каченовскому. Какъ бы то ни было, Полевой со мною познакомился и бывалъ у меня по утрамъ. Однажды засталъ онъ у меня графа Михаила Вѣльгорскаго. Рѣчь зашла о журналистикѣ. Вѣльгорскій спросилъ Полеваго, чтѣ онъ дѣлаетъ теперь.—Да покамѣсть ничего,—отвѣчалъ онъ. Зачѣмъ не примитеесь вы издавать журналъ? продолжалъ графъ. Тотъ благоразумно отвѣчивалъ за недостаткомъ средствъ и другихъ приготовительныхъ пособій. Юноша былъ тогда скроменъ и застѣнчивъ. Вѣльгорскій настаивалъ и преслѣдовалъ мысль свою; онъ указалъ на меня, что я и пріятели мои не откажутся содѣйствовать ему въ предпріятіи его, и такъ далѣе;—дѣло было рѣшено. Вотъ какъ, въ кабинетѣ дома моего, въ Чернышевскомъ переулкѣ, за-

ччто было дитя, которое послѣ надѣло много шума на бѣломъ свѣтѣ. Я закабалилъ себя *Телеграфу*. Почти въ одно время закабалилъ себя Пушкинъ *Московскому Вѣстнику*. Но онъ скоро вышелъ изъ кабалы, а я втерся и вѣлся въ свою всѣми помышленіями и всѣмъ тѣломъ. Журнальная дѣятельность была по мнѣ. Пушкинъ и Мицкевичъ увѣрили, что я рожденъ памфлетёромъ, открылось бы только поприще. Иная книжка *Телеграфа* была на половину наполнена мною, или материалами, которые сообщалъ я въ журналъ.

Журналъ удался: отъ него пахло новизною. Многое изъ напечатанного въ немъ входить нынѣ въ собраніе сочиненій моихъ. Но, вѣроятно, не все. За давностью не упомню всего. Своихъ не познаше. Сначала медовые мѣсяцы сожитія моего съ Полевымъ шли благополучно, работа кипѣла. Не было недостатка въ досадѣ, зависти и браніи прочихъ журналовъ. Все это было по мнѣ; все подстрекало, подбивало меня. Я стоялъ на боевой стѣнѣ, стрѣлялъ изо всѣхъ орудій, партизанилъ, наѣздничалъ и подъ собственнымъ именемъ, и подъ разными заимствованными именами и буквами. Журнальный сыщикъ все ловилъ на лету. Потѣха, да и только! Но послѣ издатель началъ дѣлать попытки по своему усмотрѣнію: печаталъ статьи, изъявлялъ мнѣнія, которыя выходили совершенно въ разрѣзъ съ моими (прибавлю—не въ отношеніи политическомъ и либеральномъ,—нѣть, просто въ личномъ и чисто-литтературномъ). Мнѣ это не понравилось, и я отказался отъ сотрудничества. Впрочемъ, можетъ быть, и Полевой радъ былъ моему отказу. Журналъ довольно окрѣпъ, участія моего было уже не нужно, а между тѣмъ, по условію, долженъ былъ я получать половину чистой выручки. Журналисту и человѣку коммерческому легко было расчесть, что лучше не дѣлить барыша, а вполнѣ оставить его за собою. Что же? Полевой былъ правъ, и я нисколько не виню его. Былъ правъ и я. Литтературная совѣсть моя не уступчива, а щекотлива и брезглива. Не умѣеть она миролить и входить въ примирительныя сдѣлки. Жуковскій, а особенно Пушкинъ оказывали въ этомъ отношеніи болѣе снисходительности и терпимости. Я былъ и остался строгимъ пуританиномъ.

При переѣздѣ въ Петербургъ на житѣе принималъ я участіе въ *Литтературной Газетѣ* Дельвига, позднѣе въ *Современникѣ* Пушкина. Но дѣятельность моя тутъ и тамъ далека была отъ прежней моей телеграфической дѣятельности.

Надѣ Москвою въ 1830 г. грянула холера. Передъ тѣмъ прїѣзжалъ я, или, говоря служебнымъ языкомъ, былъ откомандированъ въ Москву графомъ Канкринымъ для устройства первой промышленной выставки въ Москвѣ.

Появленіе холеры въ столицѣ застало меня въ подмосковной, въ селѣ Остафьевѣ. Часть семейства моего въ немъ жила. Нужно было, безъ отлагательства, рѣшиться на одну изъ двухъ предстоявшихъ мѣръ: остаться въ деревнѣ, или сейчась перебраться съ дѣтьми въ городъ. Чрезъ нѣсколько часовъ Москва должна быть оцѣплена: по дорогамъ учреждены карантины. Въ Москвѣ уже гнѣздились болѣзни; но въ ней были все врачебныя пособія и удобства, чтобы по возможности бороться съ нею. Въ деревнѣ ея не было, могла она и не быть. Но въ случаѣ вторженія мы были бы совершенно безоружны противъ врага. Отвѣтственность, лежавшая на мнѣ, какъ на отцѣ семейства, была тяжелая, и, признаюсь, не по силамъ моимъ. Вообще, я не человѣкъ скорыхъ и окончательныхъ рѣшеній. Въ борьбѣ съ жизнью я болѣе Фабій Кункторъ, болѣе свойства выжидательного. Здѣсь же отвиливать, мѣшкать было нечего. Я рѣшился оставаться въ деревнѣ. Богъ меня надоумилъ и благословилъ рѣшеніе мое. Первое время заточенія было тяжкое. Всегда ожидаю скорѣе худаго, нежели надѣюсь на хорошее. Мало по малу мы обжились въ своемъ карантинѣ. Для развлеченія моего, пришла мнѣ счастливая мысль. Давно задумалъ я заняться біографіею фонъ-Визина. Нѣсколько страницъ было уже написано; матеріаловъ подъ рукою было довольно. Вспомнилъ я о нихъ, принялъся за работу, и она закипѣла. Подъ бокомъ у меня была бібліотека обширная, иностранная и Русская. Она была для меня богатою житницѣю. За работу принялъ я не съ пустыми руками: пересмотрѣлъ, перебралъ, перечиталъ многіе десятки книгъ историческихъ и літтературныхъ. Тутъ на опытѣ убѣдился я въ пользѣ и правдивости ученія, что *все во всемъ* (*tout est dans tout*). Все въ мірѣ, часто незамѣтно, но болѣе или менѣе связывается и держится между собою. Ни въ физическомъ, ни въ нравственно-человѣческомъ мірозданіи нѣтъ пустыхъ мѣстъ. Все послѣдовательно и соотвѣтственно занято. Нерѣдко одно слово, одно имя, одно малѣйшее событие можетъ власъ увлечь въ разнообразныя и далекія изысканія. Такъ было и со мною. Много историческихъ сочиненій перебралъ я по поводу фонъ-Визина; прочиталъ я, или пробѣжалъ почти всю старую Русскую словесность, между прочимъ едва ли не всего Сумарокова. Прочиталъ я даже болѣе половины многотомнаго собранія *Россійскаго Театра*. Подвигъ, скажу, Геркулесовскій, болѣе—Бенедиктинскій. Иногда изъ цѣлой книги извлекалъ я двѣ-три строки, два-три слова, нужные мнѣ для одной повѣрки, для одной замѣтки. Тредьяковскій и Фридрикъ Великій, въ своихъ историческихъ запискахъ, были мнѣ равно полезны. По возможности, все писанное мною было обдумано и провѣрено. Терпѣніе и трудъ мой были вознаграждаемы сознаніемъ, что поступаю добросовѣстно. Никогда

письменная работа, ни прежде, ни послѣ, не была для меня такъ увлекательна, какъ настоящая, на которую навела меня холера. Работалъ и писалъ я прилежно, усидчиво, по цѣлымъ часамъ до обѣда, вечеромъ за полночь.

Уже при послѣднихъ изыханіяхъ холеры навѣстилъ меня въ Осташевъ Пушкинъ. Разумѣется, не отпустилъ я его отъ себя безъ прочтенія всего написаннаго мною. Онъ слушалъ меня съ живымъ сочувствіемъ пріятеля и судилъ о трудахъ моемъ съ авторитетомъ писателя опытнаго и критика меткаго, строгаго и свѣтлаго. Вообще болѣе хвалилъ онъ, нежели критиковалъ. Между прочимъ находилъ онъ, что я слишкомъ живо нападаю на фонъ-Визина за мнѣнія его о Французахъ, и слишкомъ горячо отстаиваю Французскихъ писателей. При всей просвѣщенной независимости ума Пушкина, въ немъ иногда пробивалась патріотическая щекотливость и ревность въ отношеніи суда его надъ чужестранными писателями. Этого чувства я не знаю. Какъ бы то ни было, день, проведенный у меня Пушкинымъ, былъ для меня праздничнымъ днемъ. Скромный работникъ, получилъ я отъ мастера-хозяина одобреніе, то есть лучшую награду за свой трудъ.

Книга, написанная мною, долго пролежала у меня. Для полноты автобіографическаго очерка своего, скажу о ней еще нѣсколько словъ. Я уже замѣтилъ, что однажды написанное мною не что иное, какъ отрѣзанный ломоть. Оно уже не входить въ составъ жизни моей, не живая часть меня. Отпадшіе листья не принадлежать уже дереву, которое породило и вскормило ихъ. Вотъ что вывело фонъ-Визина моего на бѣлый свѣтъ. Въ отсутствія (иногда довольно продолжительныя) директоровъ, я управлялъ департаментомъ вѣнчайшей торговли; при немъ издавалась *Коммерческая газета* и была типографія. По старому ремеслу обращалъ я на нихъ особенное вниманіе. Управляющій типографіею былъ человѣкъ знающій свое дѣло и усердный къ нему. Онъ часто просилъ меня дать ему что-нибудь моего на станки его. Я вспомнилъ о спящей царевнѣ своей, то-есть о рукописи, и отдалъ ее въ типографію. Фонъ-Визинъ былъ напечатанъ, помнится мнѣ, въ числѣ шести или осми сотъ экземпляровъ. Отданы были они на руки книгопродавцамъ. Кажется, изданіе разошлось. На мою долю выручка пала, много сказать, экземпляровъ на сто, прочие какъ-то улетучились. *Habent sua fata libelli*, особенно мои. Книга разошлась, но какъ-то молча. По крайней мѣрѣ не случалось мнѣ встрѣтить въ журналахъ общей оцѣнки ея, изслѣдований по существу. Были однѣ случайныя отмѣтки о нѣкоторыхъ частностяхъ. Бывали изъ нея и заимствованія, но тоже не гласныя: меня также обходили молча. А, казалось бы, книга открывала поле для критики мыслящихъ и дальнихъ. Если не была

она літтературное событие, то все же была любопытная и довольно серьезная попытка. Впрочемъ, молчанію о ней были и свои законные причины. Бранить книгу было какъ-то не ловко; брали мало поддавалась она. Не за что было ухватиться. Хвалить ее также не подобало. Въ это время літтературные фонды мои значительно понизились на журнальной биржѣ, и не мои одни; другіе капитальные дома, не то что моя фирма средней руки, были мало по малу подорваны, и довѣріе къ нимъ было поколеблено. Видите ли въ чемъ дѣло? Я тогда уже пересталъ слыть либераломъ, а по сознанію Бѣлинскаго, главнаго основателя, пророка и законодателя нового вѣрованія, вся суть літтературы заключается въ либерализмѣ. Мы, можетъ быть, по-своему и оставались либералами, но либерализмъ нашъ былъ старого покрова. Нашъ заключался въ правилахъ и чувствахъ, а не въ жаргонѣ (*jargon*), то есть не въ какомъ-то условномъ, искусственномъ, поддѣльномъ нарѣчіи. Какъ бы то ни было, обо мнѣ молчали.

Одинъ Гоголь открыто подалъ голосъ за меня, но и то не совсѣмъ удачно, то есть, не въ мѣру. Гоголь, хотя и Малороссъ, то-есть человѣкъ осторожный и себѣ на умѣ, бывалъ подъ часъ чистокровный Великороссъ, то-есть кидался въ крайности:

О Россъ, о родъ великовушный,
О твердо-каменная грудъ!

(Державинъ).

Мы любимъ идти на-проломъ и на-удалую. Запой есть не только особенно свойственная Русскому человѣку физическая болѣзнь, она и нравственная. Мы почти все дѣлаемъ запоемъ, и дурное, и хорошее. Проспавшись и отрезвившись, мы не отвѣчаемъ за сказанное и сдѣланное нами въ припадкѣ своеемъ. Такъ обыкновенно судятъ и присяжные засѣдатели въ уголовныхъ дѣлахъ, предаваемыхъ сужденію ихъ.

Вотъ слова Гоголя: „Изъ поэтовъ времени Пушкина отдѣлился князь Вяземскій. Хотя онъ началъ писать гораздо прежде Пушкина, но такъ какъ его полное развитіе было при немъ, то упомянемъ о немъ здѣсь. Въ князѣ Вяземскомъ—противоположность Языкову. Сколько въ томъ поражаетъ нищета мыслей, столько въ этомъ обиліе ихъ. Стихъ употребленъ у него, какъ первое попавшееся орудіе: никакой наружной отдѣлки его, никакого также сосредоточенія и округленія мысли, затѣмъ чтобы выставить ее читателю, какъ драгоценность. Онъ не художникъ и не заботится обо всемъ этомъ. Его стихотворенія—импровизаціи, хотя для такихъ импровизаций нужно имѣть слишкомъ много всякихъ даровъ и слишкомъ приготовленную голову. Въ немъ собралось обиліе необыкновенное всѣхъ качествъ: наглядка, наблюдательность, неожиданность выводовъ, чувство, умъ, остроуміе, веселость

и даже грусть; каждое стихотворение его—пестрый фараонъ всего вмѣстъ. Онъ не поэтъ по образованію: судьба, надѣливши его всѣми дарами, дала ему какъ бы въ придачу талантъ поэта, затѣмъ чтобы составить изъ него что-то полное. Въ его книгѣ, *Біографія фонъ-Визина*, обнаружилось еще виднѣе обиліе всѣхъ даровъ, въ немъ заключенныхъ. Тамъ слышенъ въ одно и тоже время политикъ, философъ, тонкій оцѣнщикъ и критикъ, положительный государственный человѣкъ и даже опытный вѣдатель практической стороны жизни, словомъ—всѣ тѣ качества, которыя должны заключать въ себѣ глубокій историкъ въ значеніи высшемъ, и еслибы такимъ же первомъ, какимъ начертана біографія фонъ-Визина, написано было все царствованіе Екатерины, то можно сказать почти навѣрно, что подобнаго по достоинству исторического сочиненія не представила бы намъ Европа. Но отсутствіе большаго и полнаго труда есть болѣзнь князя Вяземскаго, и это слышится въ самыхъ его стихотвореніяхъ. Въ нихъ замѣтно отсутствіе внутренняго гармонического согласованія въ частяхъ, слышенъ разладъ: слово не сочеталось со словомъ, стихъ со стихомъ; возлѣ крѣпкаго и твердаго стиха, какого нѣть ни у одного поэта, помѣщается другой, ничѣмъ на него не похожій; то вдругъ защемить онъ чѣмъ-то вырванымъ живемъ изъ самаго сердца, то вдругъ оттолкнеть отъ себя звукомъ, почти чуждыемъ сердцу; слышна несобранность въ себя, неполная жизнь своими силами; слышится на днѣ всего что-то придавленное и угнетенное. Участь человѣка, одареннаго способностями разнообразными и очутившагося безъ такого дѣла, которое бы заняло всѣ до единой его способности, тяжелѣе участія послѣдняго бѣдняка. Только тотъ трудъ, который заставляетъ цѣликомъ всего человѣка обратиться къ себѣ и уйти въ себя, есть нашъ избавитель. На немъ только, какъ говорить поэтъ:

Душа стремится, крѣпнетъ воля,
И наша собственная доля
Опредѣляется виднѣй”.

(Полн. собр. сочин. Н. В. Гоголя. Москва. 1862, III, стр. 459—461).

Уфъ! Задыхаюсь и изнемогаю и отъ похвалъ, которыя нагромозили на меня Гоголь, и отъ протяжности періода, въ которомъ онъ, однимъ духомъ, сколотилъ всѣ эти похвалы. Вотъ куда слѣдовали бы точки и двоеточія, которыхъ требовалъ отъ меня Дмитріевъ. Выпискою нашей хотѣли мы указать на преувеличеніе, которымъ увлекался авторъ. Мы сердечно благодарны ему за лестный отзывъ его обо мнѣ и о трудахъ моемъ. Если сбavitъ и на половину все то, что имъ сказано, то и тогда еще будетъ съ меня избыточно довольно. Но разберемъ критически эти похвалы.

Во-первыхъ, какую можно опредѣлить равномѣрность между біографіею частнаго человѣка и исторіею долгаго и славнаго царствованія великой Государыни?

Во-вторыхъ, положимъ, что исторія, написанная мною, была бы удовлетворительна, почему ничего подобнаго, по достоинству, историческою сочиненія не представила бы намъ Европа? Вотъ здѣсь наталкиваемся мы на Великороссійское самохвальство. Обыкновенно, въ смиреніи мы тише воды, ниже травы; въ высокомѣріи мы выше кедра Ливанскаго.

Писать исторію, даже романъ, мнѣ никогда въ голову не приходило. Однажды, по кончинѣ Пушкина, императоръ Николай, въ благоволительномъ разговорѣ со мною, спросилъ меня: не возьмусь ли я продолжать трудъ Пушкина относительно исторіи Петра Великаго? Съ благодарностью, но и съ сознаніемъ способностей и недостатковъ своихъ, отклонилъ я милостивое и лестное предложеніе.

Въ томъ же мѣстѣ, Гоголь послѣ большихъ похвалъ не скупится и на укоризны. Между прочимъ говорить онъ: „отсутствіе большаго и полнаго труда есть болѣзнь князя Вяземскаго“. Съ этимъ приговоромъ я совершенно согласенъ, но съ оговоркою. Полно, болѣзнь ли это?—развѣ недостатокъ. И когда сей недостатокъ сознаваемъ самимъ человѣкомъ и, глядя на другихъ, не затѣваетъ онъ труда выше силъ своихъ, то эта мнимая болѣзнь есть, напротивъ, признакъ здоровья, а недостатокъ есть сила здравомыслія. Лучше казаться больнымъ, а быть здоровымъ, нежели казаться здоровымъ, а на дѣлѣ оказаться больнымъ.

XII.

Теперь нѣсколько словъ о самомъ изданії всего написаннаго мною въ прозѣ. О стихотвореніяхъ рѣчь впереди. Первый вопросъ заключается въ томъ: всего ли меня печатать, или только выборку изъ меня? Съ своей стороны я болѣе держался послѣдняго соображенія. Но благопріятели мои, которые приняли на себя трудъ собрать воедино разбросанное стадо мое, порѣшили иначе. Покоряюсь волѣ ихъ. Изданіе нѣкоторыхъ стихотвореній моихъ подъ названіемъ „Въ дорогѣ и дома“ совершилось также безъ прямаго или исключительнаго участія моего. Оно составлено по почину и главному распоряженію покойнаго Лонгинова. Я былъ тогда за границею, по болѣзни моей, и признаюсь, оставался довольно равнодушенъ къ исходу этого предпріятія. Вполнѣ благодаренъ я ему за трудъ, добросовѣстно и съ умѣніемъ имѣть исполненный; но скажу откровенно, что я не совершенно согласенъ съ пимъ относительно выбора его изъ моихъ стихотвореній. Иного не внесъ бы я въ избранное собраніе, другое, какъ, напримѣръ (исчисляю ихъ

по памяти): *Уныніе*, *Первый сны*, *Посланіе къ Денису Давыдову* и нѣкоторыя другія стихотворенія, по сочувствію моему, имѣли бы болѣе права на перепечатаніе, нежели другія, попавшіяся въ книгу.

О нынѣшнихъ добродѣюющихъ издателяхъ скажу, что они, можетъ, быть и правы, издавая и предавая меня на судъ читателей цѣликомъ. Литтературная жизнь писателя есть также своего рода жизнь человѣка. „Еже писахъ, писахъ“: что прожилъ, то прожиль. Выходи на этотъ судъ, каковъ ты ни есть. Судья, то-есть читатель и критикъ, присудять сами, что должно тутъ пойти на правую сторону, что ошую; я же тутъ при рѣшеніи суда и приговорѣ остаюсь ни при чемъ. Впрочемъ, меня будутъ судить заднимъ числомъ, по большей части не меня настоящаго, а меня нѣкогда бывшаго. Со всѣмъ тѣмъ скажу откровенно и безъ лицепріятія, что собраніе сочиненій моихъ имѣть нѣкоторое законное основаніе, sa raison d'etre. Я все-таки, хорошо или худо, былъ человѣкомъ литеатурнымъ, ничего изъ человѣчески-литтературного не было мнѣ чуждо. Изъ классического образованія своего помню изреченіе: *Homo sum...*

Насъ на Руси немного. Пробѣловъ оставлять не подобаетъ. Какъ уже сказалъ я: въ природѣ пустыхъ мѣсть нѣть, и все во всемъ, слѣдовательно есть мѣсто и мнѣ.

Кажется, довольно откровенно говорилъ я о своихъ писательскихъ недостаткахъ. Да позволено мнѣ будегь быть присаженнымъ стряпчимъ за себя и выставить то, что признаю добрыми качествами своими.

Начну съ того, что отыскиваю въ себѣ собственное, коренное, родовое; ничего не перенималъ я, никому работѣю не слѣдовалъ. Скажу съ Французомъ: рюмка моя маленькая, но пью изъ своей рюмки, а что рюмка моя не порожня, тому свидѣтель Пушкинъ. Онъ гдѣ-то сказалъ, что я одинъ изъ тѣхъ, которые охотнѣе вызываютъ его на споръ. Слѣдовательно, есть во мнѣ чѣмъ отспориваться. Пушкинъ не наткнулся бы на пустое. Споры наши бывали большою частью литеатурные. Въ политическихъ вопросахъ мы вообще сходились; развѣ бывало иногда разномысліе въ такъ-называемыхъ чисто-Русскихъ вопросахъ. Онъ хотя вовсе не Славянофиль, примыкалъ нерѣдко къ понятіямъ, сочувствіямъ, умозрѣніямъ, особенно отвращеніямъ замкнутой въ самой себѣ Россіи; я вообще держался понятій международныхъ, узаконившихся у насъ вслѣдствіе преобразованія древней Россіи въ новую, совершившагося по почину и богатырской волѣ и силѣ Петра. И мнѣ иногда хотѣлось сказать Пушкину съ Александромъ Тургеневымъ: „да сѣѣди, голубчикъ, хоть въ Любекѣ“.

Есть у меня свойство, которое можно назвать погрѣшностью, но можно назвать и избыtkомъ. Я держусь послѣдняго опредѣленія.

Въ статьяхъ моихъ, вообще во всемъ, что пишу, встрѣчается много вводныхъ подробностей, отступлений отъ прямаго текста, замѣчается какая-то штучная, наборная, нерѣдко мозаическая работа. Я какъ будто боюсь не успѣть другой разъ высказать все, что у меня на умѣ: не вѣрную въ завтрашній день и спѣшу сегодня же высыпать весь мой мѣшокъ. Это, разумѣется, вредить общему построенію и единству изложенія моего, но за то оно придаетъ сътность содержанію. Кормлю гостя моего разнородностью пищи, по крайней мѣрѣ не держу его на сухоядѣніи.

Позволяю себѣ неологизмы, то есть прибавленія къ словарю Россійской Академіи; но по крайней мѣрѣ, какъ мнѣ кажется, вольности мои не произвольны, а вытекаютъ обыкновенно изъ самаго состава и наказа языка. Напримѣрь—и за примѣромъ иди не далеко—за нѣсколько строкъ предъ симъ употребилъ я слово *сътность*, котораго нѣтъ въ нашихъ словаряхъ, даже у Даля, а этому слову слѣдуетъ быть, потому что есть слово *сътный*. *Сътность* имѣеть другое значеніе: *сътность* можетъ произвести *сътость*—то есть что-то въ родѣ пресыщенія. Я полагаю, что почти всѣ прилагательныя наши могутъ быть преобразуемы въ существительныя нарицательныя. Почему изъ слова *прекрасное* не сдѣлать намъ слово *прекрасность*, какъ мы изъ *будущее* вывели *будущность*? *Прекрасность* выражаетъ свойство красоты. И такъ далѣе. Есть *неологизмы* и *чужесловія*, которыхъ просятся въ нашъ языкъ. Смѣшно, изъ какого-то педантизма или патріотизма, не оказывать имъ гостепріимства; мы все полагаемъ, что нашъ языкъ очень богатъ;—согласенъ, но во многомъ онъ и очень бѣденъ. Разумѣется, хозяину должно умѣть выбирать гостей своихъ, а не растворять дверей настежь предъ всякимъ сбродомъ, какъ то бываетъ часто у нашихъ писателей.

Умъ мой былъ воспитанъ и образованъ во Французской школѣ. Я учился и другимъ иностраннымъ языкамъ, занимался по временамъ Нѣмецкою, Англійскою, Италіянскою литературою, но все это были, болѣе или менѣе, случайныя знакомства. Связь моя укрѣпилась съ одною Французскою литературою, особенно минувшаго столѣтія. Это, кажется, сильно отозвалось во мнѣ. Вообще я не полиглотъ, не Мезонфанти (съ которымъ былъ я знакомъ въ Римѣ и который писалъ мнѣ Русскіе стихи). Но при всемъ моемъ Французскомъ отпечаткѣ, сохранилъ или приобрѣлъ я много и Русскаго закала. Простонародныя слова и выраженія попадались мнѣ подъ перо, и нерѣдко, кажется, довольно удачно. Впрочемъ, за простонародье никогда и не гонялся, никогда не искалъ я образовать школу изъ него. Этотъ Русскій ключъ, который пробивался во мнѣ изъ-подъ Французской насыпи, можетъ быть, родо-

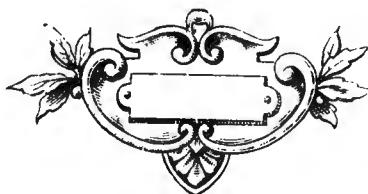
вой, наследственной. Родитель мой также былъ питомцемъ и представителемъ Французской образованности. Между тѣмъ, Жуковскій говорилъ мнѣ, что онъ всегда удивлялся ловкости и снаровки, съ которою въ разговорѣ переводилъ онъ на Русскую рѣчь мысль, видимымъ образомъ, сложившуюся въ умѣ его по-французски. Впрочемъ, я много прочелъ Русскихъ книгъ. Когда Жуковскій готовилъ изданіе *Образцовыхъ сочиненій*, я много помогалъ ему и перерылъ цѣлую кипу Русскихъ книгъ, особенно стараго времени, если не древнихъ. Но, кажется, и въ самомъ умѣ моемъ есть какой-то Русскій сгущъ и складъ. Эта смѣсь Французскаго съ Нижегородскимъ, надъ которой смѣялся Чацкій, имѣть, можетъ быть, свою и хорошую сторону.

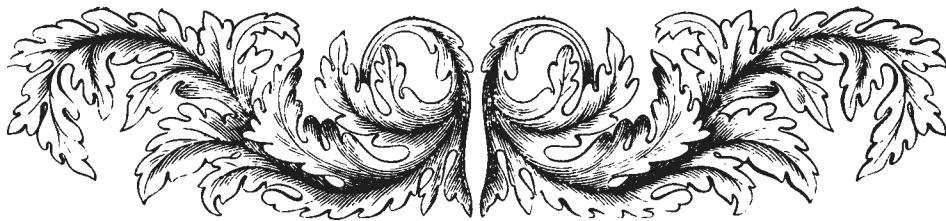
Говоря выше о своихъ занятіяхъ филологическихъ, забылъ я сказать, что въ разныя времена первой молодости моей изучалъ я и Латинскій языкъ и Римскую литературу, особенно Овидія и Горация. Въ старыхъ бумагахъ моихъ отыскиваю цѣлые страницы, исписанныя мною на Латинскомъ языкѣ. Но латынь не далась мнѣ, не укрѣпилась за мною, какъ вообще не укрѣпляется она за нами, Русскими. У насъ нѣтъ ни исторической, ни народной почвы для латыниства. Въ насъ на Сѣверѣ нѣтъ ничего Латынского, ничего того, что людямъ прирождено на Западѣ и на Югѣ. Разумѣется, не протестую противъ изученія классическихъ языковъ; хочу только примѣромъ своимъ отмѣтить, что, за весьма рѣдкими исключеніями, ученіе это легко испаряется изъ насъ, потому что оно мало примѣнно къ дѣйствительности. Впрочемъ, былъ такой случай, что меня всенародно провозгласили и классикомъ. Разскажу его, въ надеждѣ, что онъ позабавитъ нѣкоторыхъ читателей, утомившихся моими частыми отступленіями. Однажды прїѣхалъ я въ свою Костромскую вотчину, въ извѣстное въ краю торговое и промышленное село Красное. Въ Воскресенье, по совершеніи обѣдни, священникъ сказалъ мнѣ въ церкви привѣтственную рѣчь. Говорилъ онъ съ жаромъ, народъ слушалъ съ благоговѣніемъ. Выхваляя мои гражданскія и помѣщичьи доблести, продолжалъ онъ, указывая на меня: „Вы не знаете еще какого барина Богъ вамъ далъ; такъ знайте же, православные братья: онъ Русскій Гораций, Русскій Марціалъ!“ При каждомъ изъ этихъ именъ, народъ отвѣшивалъ мнѣ низкіе поклоны и чуть ли не совершалъ знаменія креста. Можно себѣ представить, каково было слушать мнѣ и какую рожу дѣлалъ я при этой выставкѣ и пыткѣ.

Подъ конецъ—маленькая исповѣдь: перечитавъ написанное мною выше, вижу, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ отзываюсь и сужу я иногда довольно и, можетъ быть, излишне рѣзко. Сознаюсь и каюсь. Каюсь-то каюсь, но не исправляюсь. Такъ бываетъ и со многими покаяніями.

Настоящая статья, какъ уже сказано, есть что-то въ родѣ отчета за минувшее мое: родѣ предсмертнаго духовнаго завѣщанія. Предъ смертью лукавить грѣшно и смѣшно: ни въ мѣшкѣ, ни въ могилѣ шила не утаишь. Умолчанія и упущенія здѣсь неумѣстны; не хочу казаться хуже, чѣмъ я есмь, но не хочу казаться и лучше; также не желаю никого оскорбить, но не желаю и задобривать. Человѣкъ, хотя иѣсколько принадлежащій общественной дѣятельности на томъ или другомъ по-прищѣ, подлежитъ съ своими хорошими и худыми качествами общественному суду: онъ его достояніе и собственность. До поры и до времени не каждый въ правѣ, не каждый имѣть уполномочіе казаться до этой собственности. Но самому можно распоряжаться собственностью своею, распоряжаться самимъ собою.

Былъ у меня пріятель, даже другъ: остались мы друзьями до конца; нынѣ уже нѣтъ его на свѣтѣ. Онъ жилъ за границею. Императоръ Николай бывалъ иногда недоволенъ грѣхами языка моего, и давалъ мнѣ это чувствовать. Пріятель мой зналъ это; между тѣмъ портретъ мой висѣлъ въ кабинетѣ его, который Государь долженъ былъ занять въ одну изъ своихъ заграничныхъ поѣздокъ. Какъ тутъ быть? Оставить ли обличительный портретъ какъ онъ есть, или, для большей осторожности, снять его на время со стѣны? Наконецъ, храбро и великодушно рѣшился онъ на первое. Позднѣе говорилъ онъ женѣ моей, что хотѣлъ оказать себя предъ Государемъ въ полной обстановкѣ своей, и выгодной, и неблагопріятной. Подобно и я: оставляю на стѣнѣ портретъ мой, во весь ростъ; ничего не утаиваю изъ него, ничего въ немъ не поправляю. Какъ я есмь, какъ онъ есть, такъ и будетъ онъ друзьямъ и благоволителямъ на память, другимъ на судъ и порицаніе.

ИЗЪ ДНЕВНИКОВЪ ВОЛЬФГАНГА ГЁТЕ.

(Aus Goethes Tagebüchern, ausgewählt und eingeleitet von Hans Gerhardt Gräf. Erschienen im Inselt-Verlag zu Leipzig. 1908 г. Малая 8-ка, XVIII и 270 стр. со снимкомъ почерка).

Книга эта любезно прислана въ „Русскій Архивъ“ изъ Іены Леонардомъ Маскалемъ, трудолюбивымъ Американцемъ, участникомъ работъ по изданию въ свѣтъ национальнѣйшаго собранія всего писаннаго великимъ геніемъ Германіи. Крохоборствомъ біографическихъ разысканій развѣнчивается величие человѣка; оно любопытно, но опасно. Книга не оправдала нашихъ ожиданій. Во первыхъ, въ дневникахъ своихъ Гёте писалъ такимъ тяжелымъ языкомъ, который я съ трудомъ понимаю, хотя на вѣку своеемъ много читалъ понѣмецки и перевѣль съ Нѣмецкаго нѣсколько книгъ: тутъ нѣть ничего похожаго на прекрасную прозу въ „Вертерѣ“ и въ „Правдѣ и Вымыслѣ“, а выступаетъ жестоковѣйность (*Schwerfälligkeit*), отъ которой современные намъ Нѣмцы освобождаются, къ общему удовольствію. Во вторыхъ, мелочность великаго человѣка просто обидна для его почитателей: Гёте отмѣчаетъ, напримѣръ, что давалъ ключи отъ дровяного сарая и что ему ихъ возвратили, что приказалъ убрать заднія свои комнаты и т. п. Въ третьихъ, о Россіи и Русскихъ нашли мы очень мало. А помнить о настѣ подобало бы великому человѣку. Онъ быль, если не участникомъ, то свидѣтелемъ освобожденія Германіи отъ Наполеонова ига, которому она такъ легко подчинилась. Онъ прожилъ большую часть жизни въ Веймарѣ, гдѣ чуть ли не на каждомъ шагу проявлялись щедроты Россіи. Шокойный протоіерей Сабининъ, когда при немъ осуждали супругу императора Николая Павловича за ея заграничныи траты, замѣчалъ, что траты эти ничтожны въ сравненіи съ тѣмъ, что истратила его мать на одинъ Веймаръ, въ которомъ лучшія зданія воздвиглись на высыпанныя сю деньги. Напомнимъ еще, что Гёте получалъ изъ Москвы, съ Большой Никитской, значительную плату отъ графа Орлова, взявшиись наблюдать, какъ шло въ Іенѣ обученіе его внука, графа Виктора Никитича Панина. Жуковскій въ 1827 году былъ у Гёте и остался отъ него въ восторгѣ. Гёте, конечно, благоволилъ къ нему и позднѣе спрашивалъ А. И. Кошелева, каково Жуковскому при нашемъ дворѣ (*wie ist die Hoflage des Herrn Statsrath Joukowsky*). О Пушкинѣ Гёте могъ наслышаться отъ герцогини Веймарской Маріи Павловны, которая любила Русскій языкъ и Русскую поэзію и воспитала своего сына такъ, что про него мнѣ писали изъ Веймара: не знаю, гдѣ въ немъ кончается Нѣмецъ и гдѣ начинается Русскій. Вероятно по ея внушенію Гёте окказалъ Пушкину знакъ вниманія: онъ послалъ

ему въ подарокъ перо свое (Нащокинъ мнѣ сказывалъ, что видѣлъ у Пушкина на его рабочемъ столѣ это перо въ особомъ футлярѣ (Гдѣ это перо теперь?) Кстати о высокомѣріи въ 1859 году, когда Нѣмцы праздновали столѣтіе со дня рождения Шиллера, Московское Общество Любителей Русской словесности, вопреки отсвѣтыванію К. С. Аксакова, послало въ Веймаръ свое привѣтствіе. Въ отвѣтѣ выражено желаніе, чтобы и для Русскихъ народился Шиллеръ (damit auch den Russen ein Schiller werde). Дождались! воскликнулъ К. С. Аксаковъ. Чѣд именно зналъ Гёте изъ произведеній Пушкина (въ Нѣмецкой передачѣ которыхъ участвовала К. К. Навлова) не знаемъ. Извѣстно, что по широтѣ своихъ воззрѣній онъ цѣнилъ поэзію Сербскихъ народныхъ пѣсенъ, указывалъ на художественное значеніе нашей иконописи и въ Римскихъ письмахъ своихъ отдавалъ предпочтеніе нашему богослужѣнію передъ католическимъ.

Приводимъ изъ Лейпцигской книжки тѣ мѣста, въ которыхъ Гёте упоминаетъ о Россіи и о Русскихъ.

1806 г. 5-ое Іюля. Карлсбадъ. „Князь Путятинъ¹⁾ увѣрялъ насъ, что, будь онъ на мѣстѣ Господа и имѣя возможность предвидѣть появленіе чего либо подобнаго Шиллеровскому „Разбойникамъ“, онъ не сотворилъ бы міра!“ 20 лѣтъ спустя, Гёте передавалъ тоже самое Экерману.

1806 г. 14 Іюля Карлсбадъ. Про графа Головкина: „Не покой, а только сидячее нетерпѣніе“²⁾.

1806. 29 Іюля, Карлсбадъ. Мейеръ, купецъ изъ Вѣны, продаетъ княгинѣ (sic) Нарышкиной много товару, но требуетъ, чтобы платежъ былъ кредитными билетами; а она заплатила ему часть золотомъ, часть серебромъ, по старому курсу, и извинялась, что не все золотомъ платить. Дешевизною его цѣнѣ она осталась очень довольна“. Гёте въ письмѣ къ г-жѣ фонъ Штейнѣ, отъ 21 Іюля 1806 г., говорить: „Въ числѣ послѣднихъ пріѣзжихъ—красавица княгиня Нарышкина, могущая служить доказательствомъ, что у Александра I-го вкусъ не плохъ“.

1807 г. 13. Карлсбадъ. „Подъ вечеръ г-нъ фонъ Моренгеймъ³), секретарь Русского посольства, принесъ мнѣ Клайтовскаго Амфитрiona, изданіе Адама Мюллера“.

1807 г. 20 Августа, Карлсбадъ. Одинъ Полякъ изъ Галиціи жаловался на претерпѣваемое ими отъ безтолковщины и произвола начальствующихъ лицъ въ округахъ. Онъ объясняетъ это, главнымъ образомъ, ихъ незнаніемъ мѣстного языка и странъ. Вошло ужъ въ поговорку,

¹⁾ Этотъ князь постоянно жилъ въ Веймарѣ съ супругою графа Я. Е. Сиверса (которая въ 1780 г. произвела на свѣтъ въ Ревель отъ князя А. И. Вяземскаго Екатерину Андреевну Карамзину). П. Б.

²⁾ Вероятно отзывъ этотъ относится къ графу Федору Головкину, оставившему любопытныя Записки. П. Б.

³⁾ Отецъ извѣстнаго нашего посла въ Парижѣ. П. Б.

что въ Русской Польшѣ живется какъ въ раю, въ Прусской—какъ въ чистилищѣ, а въ Австрійской—какъ въ аду“.

1810 г. 28-го Мая. Карлсбадъ. „Кавалеръ О-Гара уморительно рассказывалъ, какъ Русскій священникъ, водившій его въ Кіевѣ по пещерамъ, принялъ его за Магометанина, потому что онъ крестился съ права на лѣво, а не наоборотъ, передъ гробницами святыхъ“.

1812 г. 29 Сентября. Веймаръ. Извѣстіе о занятіи Москвы.

1814 Апрѣля 9. Веймаръ. Извѣстіе о взятіи Парижа. Цѣлый день радостная пальба.

1817 г. Апрѣля 15-го. Іена. „*Considérations sur la doctrine et l'esprit de l'église orthodoxe*“ par Alex. de Stourds, считаю книгой большого значенія и хорошо написанной, такъ удивительно появляющейся въ годъ реставраціи и затрогивающей католичество, въ его еще уязвимыхъ мѣстахъ, сильно чѣмъ сами протестанты. Послѣдніе утверждаютъ, что они вернулись къ простотѣ церкви первыхъ временъ; Греки же говорятъ, что они всегда въ ней пребывали, чтд и опровергаетъ притязанія католиковъ на преимущества давности въ этомъ отношеніи. Сочиненіе А Стурдзы появилось въ 1816 г. въ Веймарѣ“.

1823 г. 22 Окт. Веймаръ. „Нота лорда Странгфорда Портъ. Такая же отъ графа Нессельроде къ Русскимъ посланникамъ. Первая столь рѣзкая и твердая; вторая столь пріятна и мягка, какъ только бываютъ одни дипломатическія сообщенія“.

1823 г. 10-го Ноября. Веймаръ. „Въ числѣ посѣтителей былъ графъ Владимиръ Мусинъ-Пушкинъ. Его задержалъ дождь, и я его занималъ моимъ собраніемъ картинъ и гравюръ Болоньской школы, чѣмъ и вознаградилъ его, въ нѣкоторой степени“.

1825 г. 1 Октября. Веймаръ. „Посѣтилъ меня Швердгебурмъ и показалъ портретъ молодаго князя Мещерскаго“.

1825 г. 29 Окт. Веймаръ. „Посѣщеніе молодою велико-герцогскою четою. О впечатлѣніи на принцессы Августу и Марію, вынесенномъ послѣ ихъ пребыванія въ Петербургѣ“.

1831 г. Сентября 12. Веймаръ. „Извѣстіе о проигранномъ дѣлѣ Поляковъ произвело сильное впечатлѣніе“.

1831 г. 24 марта. Веймаръ¹⁾. „Въ 12 ч. была Ея Императорское Высочество. Очевь доволенъ преуспѣніемъ всѣхъ основанныхъ ею учрежденій, на которыя, безъ сомнѣнія, идутъ большія суммы. Приходится все больше и больше удивляться этой замѣчательной женщинѣ, постоянно стремящейся вводить полезное, близко слѣдящей за каждымъ въ отдѣльности, черезъ что все зависить собственно отъ нея“.

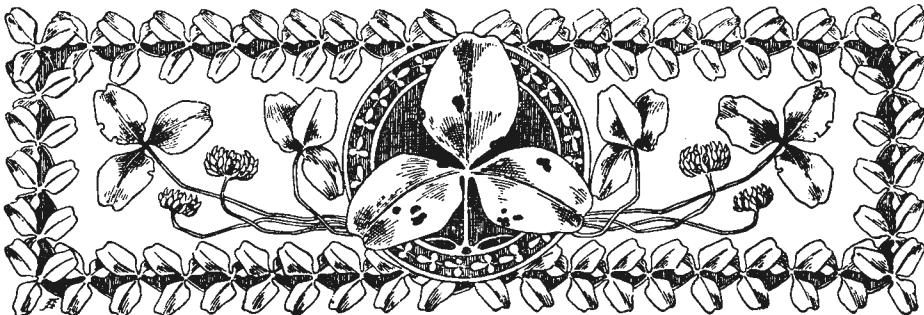
¹⁾ Гёте почти до конца велъ свой дневникъ: онъ умеръ въ 1832 году. Е. А. Баратынскій и Ф. И. Тютчевъ почтили его кончину прекрасными стихами. П. Б.

Императоръ Александръ Николаевичъ и Французская императрица Евгенія.

Въ приложениі къ „Новому Времени“ № 12659-й отъ 11 Іюля 1911 года, помѣщена статья подъ заглавиемъ „Императрица Евгенія предъ судомъ Исторіи“. Тутъ выставлено политическое ея достоинство, какъ въ царствованіе ея мужа, такъ и въ дни его гибели. Значеніе его было такъ велико у насъ, что, когда его посолъ при нашемъ дворѣ выразилъ желаніе повидать Москву, то нашъ князь Владимиръ Андреевичъ Долгорукій заказалъ А. А. Гатцуку особый для него путеводитель, который и былъ напечатанъ подъ заглавиемъ *Guide de Moscou*, и въ немъ, по приказанію князя, не сказано ни слова о 1812 годѣ. Тотъ же посолъ въ Петербургѣ захотѣлъ послушать, какъ аббать Гетѣ въ день Рождества Христова въ 1869 году служилъ въ церкви Св. Синода всю нашу обѣдню на Французскомъ языкѣ. Выслушавъ и Филаретову благодарственную молитву за избавленіе отъ Французовъ, посолъ пришелъ въ негодованіе и поѣхалъ въ Зимній дворецъ жаловаться Государю, который (какъ слышалъ я отъ графа Д. А. Толстого) приказалъ во всѣхъ церквяхъ и по всей Россіи перепечатать это молебствіе съ опущенiemъ неугодныхъ послу мѣсть, где намекается о вліяніи Французовъ на наши нравы. Это, кажется, побольше нежели нетерпѣливое подбѣганіе Александра Павловича къ окну Зимняго Дворца, въ ожиданіи того, какъ завидѣть онъ пышную карету Коленкура.

Александръ Николаевичъ видѣлся съ Наполеономъ III-мъ въ 60-хъ годахъ, когда тутъ просилъ у него содѣйствія на случай войны съ Австріею и предлагалъ присоединить къ Россіи Галицію. Весною 1865 года Русскія сердца стремились въ Ниццу, где скончался прекрасный Наслѣдникъ Цесаревичъ. Это горе было забыто, и въ 1867 году нашъ Государь поѣхалъ на Парижскую выставку, подъ выстрѣль Березовскаго. Тутъ-то императрица Евгенія вызвала въ немъ сердечную къ себѣ признательность. По свидѣтельству очевидца, только что Государь, послѣ неудавшагося покушенія, возвратился къ себѣ во дворецъ Елизе-Бурбонъ и не успѣлъ еще переодѣться, какъ къ нему ворвалась пріѣхавшая въ извоцічѣй каретѣ императрица Евгенія и въ горячихъ выраженіяхъ выразила ему радость о его спасеніи. Этимъ объясняется, почему, нѣсколько лѣтъ спустя, пріѣхавъ въ Англію къ дочери своей герцогинѣ Эдинбургской, Александръ Николаевичъ счелъ своимъ долгомъ навѣстить въ Чизельгёрстѣ бывшую императрицу, тогда уже вдову. Государь вѣроятно помнилъ и то, что осенью 1860 года, когда мать его возвращалась въ Россію изъ предсмертной заграничной поѣздки своей, императрица Евгенія выѣзжала пріѣстовать ее на границу Франціи. И. Б.

РУССКІЯ ЦЕРКВИ ЗА ГРАНИЦЕЮ.

Берлинскій Братсвѣ „Временниѣ“. Православныя церкви и Русскія учрежденія за границею (Австро-Венгрія, Германія и Швеція). Протоіерея А. П. Мальцева. Берлинъ. 1911 г.

Подъ этимъ заглавиємъ Берлинское Князе-Владимирское Братство выпустило свой „Временникъ“ въ качествѣ продолженія „Ежегодника“, вышедшаго въ 1906 году.

„Временникъ“ состоитъ изъ двухъ частей: 1-я часть, на ряду съ материалами общаго содержанія (перечень духовныхъ миссій въ Америкѣ и Азіи, исторія учрежденія, уставъ и вѣдомости суммъ Братства, перечень Императорскихъ Россійскихъ посольствъ и миссій за границей) содержитъ обзоръ Русскихъ церквей въ Австро-Венгріи и Германіи; 2-я—исторію Стокгольмской церкви и ея причта. Если материалы общаго содержанія имѣютъ практическую важность для заграничнаго духовенства, то историческій обзоръ церквей въ Австріи, Германіи и Швеціи имѣть общую теоретическую цѣнность и заслуживаетъ большаго вниманія. Очерки составлены умѣлыми руками, на основаніи громадной какъ Русской, такъ и иностранной литературы, какъ печатныхъ, такъ и рукописныхъ документовъ. Это счастливое сочетаніе дѣлаетъ очерки въ высокой степени авторитетными.

Исторія Вѣнской церкви изложена въ связи съ исторіею дипломатическихъ сношеній Русскаго двора съ Цесарскимъ. Здѣсь особенно выдѣлено имя Резидента Л. Ланчинскаго, съ которымъ „связано до известной степени, если не основание, то во всякомъ случаѣ поддержаніе православной церкви въ Вѣнѣ“ (Греческой, 1739 г.). Собственно посольская церковь начинаетъ свою исторію съ 1764 года, со времени

графа Чернышева¹). Изъ священниковъ промежуточнаго времени (съ 1739 по 1764 г.) авторъ отмѣтаетъ имя Серба Михаила Вани, принимавшаго вмѣстѣ съ полковникомъ Вишневскимъ участіе „въ извѣстномъ Сербскомъ дѣлѣ“²). Біографіи настоятелей съ 1842 г. сопровождаются подробнѣмъ перечнемъ ихъ литературныхъ трудовъ. Любопытны найденыя протоіереемъ Мальцевымъ указанія на командировкы въ XVIII в. къ посольству учителей „для обученія Славянскихъ народовъ“. Изъ провинціальныхъ церквей въ Австро-Венгріи интересны Трѣстская, на кладбищѣ которой похороненъ Босно-сараевскій митрополитъ Амвросій, извѣстный въ исторії Бѣлокриницкой іерархіи, и бывшая Токайская, при которой, въ качествѣ церковника, нѣкоторое время служилъ знаменитый Г. С. Скворода. Трогательными воспоминаніями о былой церковной связи проникнутъ отдѣль, посвященный православнымъ церквамъ въ Чехіи.

Церковь при Берлинскомъ посольствѣ отчетливо упоминается впервыя въ 1718 году, спустя болѣе двухсотъ лѣтъ послѣ открытия дипломатическихъ сношеній между нашимъ и Пруссікимъ правительствами. Но на первыхъ порахъ ея существованіе не было прочно: въ теченіе почти ста лѣтъ она была закрываема четыре раза и въ послѣдній разъ открыта въ 1813 году. Параллельно съ ея исторіей излагается исторія двухъ ближайшихъ Русскихъ приходовъ: Потсдамскаго и Александровскаго. Первый образовался изъ солдатъ-великановъ, подаренныхъ Петромъ Великимъ Фридриху Вильгельму I-му въ числѣ 259 человѣкъ; второй—изъ 21 солдата-пѣсенника, также подаренныхъ Александромъ I Фридриху Вильгельму III. Въ исторіи Потсдамскаго прихода, существовавшаго съ 1733 по 1809 г., слѣдуетъ упомянуть о случаѣ, когда въ 1765 году просвѣщенный Фридрихъ II, конфисковалъ Православную церковь, кощунственно превратилъ ее въ театръ, а затѣмъ и вовсе разрушилъ, чтобы построить на ея мѣстѣ аммуниципонный складъ. Въ настоящее время православные въ Берлинѣ озабочены вопросомъ о постройкѣ храма, такъ какъ доселѣ церковь не имѣть своего специального зданія. Для исходатайствованія у мѣстнаго правительства субсидіи на это, Община дѣлаетъ въ офиціальныхъ

¹⁾ Это былъ графъ Иванъ Григорьевичъ, другъ И. И. Шувалова, родоначальникъ нынѣшнихъ графовъ Чернышевыхъ-Кругликовыхъ. И. Б.

²⁾ Т. е. въ вызовѣ Сербовъ въ нынѣшній Славяно-Сербскій уѣздъ. Ф. С. Вишневскому (родоначальнику княгини Е. М. Юрьевской) императрица Елизавета поручала покупку участка земли въ Венгріи съ лозами Токайскаго винограда для нашего двора. Этотъ участокъ подаренъ императоромъ Александромъ II-мъ императору Францу-Іосифу. Сл. письма Вишневскаго въ „Русскомъ Архивѣ“ 1870 года. И. Б.

документахъ весьма вѣскія ссылки на религіозное положеніе Нѣмецкихъ колонистовъ въ Россіи, и это наилучшимъ образомъ показываетъ, что для поддержанія интересовъ православія и въ современной Германіи, дѣйствительно, нужны исключительныя духовныя силы.

Изъ многочисленныхъ данныхъ, относящихся къ широкой общественной дѣятельности Берлинского причта, обращаеть на себя особое вниманіе по глубинѣ просвѣщенной идеи воззваніе обѣ учрежденій при Петербургской Духовной Академіи юбилейнаго фонда, проценты съ котораго шли бы на заграничную научную командировку ея питомцевъ. Воззваніе нашло себѣ откликъ: къ Февралю 1910 г. этотъ фондъ уже достигъ суммы 5,000 руб. а 27 Апрѣля 1910 г. при Петербургской Академіи образовалось общество духовной и материальной взаимопомощи ея бывшихъ питомцевъ; на одномъ изъ его собраній мысль протоіерея Мальцева нашла детальнуу разработку.

Въ качествѣ особаго отдѣла приложеній обзоръ памятниковъ въ Германіи въ честь подвиговъ Русской арміи въ войнѣ 1813 г.

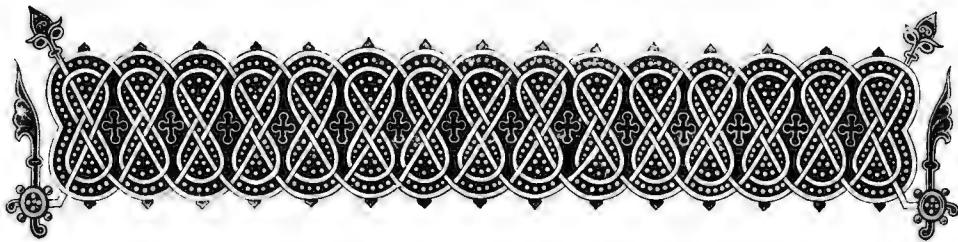
Столь же интересна и вторая часть „Изъ прошлаго Русской православной церкви въ Стокгольмѣ“, составленная прот. Румянцевымъ. Въ первой ея главѣ изложена исторія церкви съ 1617 года, когда по Столбовскому трактату „Шведское правительство обязалось предоставить Русскимъ торговымъ людямъ въ своемъ торговомъ дѣлѣ невозбранно совершать богослуженіе по своей вѣрѣ“ Съ 1641 по 1700 г. церковь помѣщалась въ Рюссгарденѣ; въ 1701 году было сооружено для нея особое зданіе близъ Господскаго дома, и она перешла въ вѣдѣніе Русскаго посольства. Но война своими перепетіями отражалась на отношеніяхъ Шведскаго правительства къ Русскому приходу. Правильная его жизнь возобновилась лишь въ 1725 г. и длилась до 1741 г. Въ 1746 г., во исполненіе условій Абосскаго мира, правительство озабочилось „предоставить Русскимъ торговымъ людямъ для богослуженія другое помѣщеніе“ въ Городскомъ домѣ. Въ 1768 г. помѣщеніе было еще разъ обновлено на счетъ Стокгольмскаго магистрата. Съ 1779 г., послѣ изданія закона о вѣротерпимости, православное богослуженіе приняло публичный характеръ. И послѣ этого церковь дважды, во время войнъ, закрывалась, оставаясь до 1846 г. въ Городскомъ домѣ. Съ 1846 и понынѣ она устраивается въ частно-владѣльческихъ наемныхъ зданіяхъ. Дважды за послѣднее время поднимавшійся вопросъ о ея закрытии, къ счастью для тамошнихъ православныхъ, оставленъ открытымъ.

Во второй главѣ опредѣляется экономическое, служебное и общественное положеніе причта Стокгольмской церкви съ приложеніемъ очень любопытной исторической справки о Рюссгарденѣ, т. е. Русскомъ торговомъ домѣ въ Стокгольмѣ, существовавшемъ съ 1617 до 1874 г.г. Въ третьей главѣ описываются достопримѣчательности Стокгольмской церкви, въ четвертой—дается сжатая и очень обстоятельная вѣдомость о составѣ причта съ 1700 по 1906 г. Затѣмъ, на протяженіи почти ста страницъ приводится рядъ весьма цѣнныхъ документовъ. Изъ нихъ инструкція Св. Синода, данная священнику Маркеллу Хрисанеову очень интересна нѣкоторыми своими частностями. Синодъ внушаетъ Хрисанеову: носить по обычаю священническому платье (рясу) чернаго колера, по городу чистою коляскоюѣздить, а не пѣшуходить (очевидно, случай со священникомъ Льзовымъ, описанный въ прил. XI, не былъ неожиданъ, и жалобы автора на недружелюбное отношеніе Шведовъ къ Русскому духовенству вполнѣ основательны), свѣчъ предъ многими иконами, кромѣ мѣстныхъ иконъ, не прилѣплять, въ прѣнія о вѣрѣ ни съ кѣмъ не вступать, паче же съ иного исповѣданія людьми (вѣроятно, въ виду фанатизма протестантской толпы). О томъ, къ какимъ осложненіямъ могла приводить религіозная нетерпимость Шведского общества и правительства, свидѣтельствуютъ дѣла: о бракѣ причетника Мокіевскаго съ Лютеранкой Ю. Штибергъ и о сватовствѣ короля Густава IV къ великой княжнѣ Александрѣ Павловнѣ *), которая изложены здѣсь въ возможной полнотѣ, съ приложеніемъ наиболѣе важныхъ документовъ, въ отрывкахъ и въ цѣломъ видѣ.

По богатству содержанія и обилію привлеченныхъ документовъ, а во второй части также и по систематичности изложенія „Временникъ“ Берлинскаго Князе-Владимирскаго братства заслуживаетъ полнаго одобренія. Русскій читатель, по нему знакомящійся съ исторіей заграницыныхъ церквей, будетъ съ понятнымъ нетерпѣніемъ ждать обѣщенаго продолженія.

(Изъ „Голоса Москвы“, № 139-й 1911 года).

*) Императрица Екатерина, вполнѣ увѣренная въ томъ, что бракъ старшей внучки ея состоится, отправила въ Стокгольмъ всю церковную утварь съ богослужебными книгами для будущей домовой ея церкви. Все это около ста лѣтъ хранилось при нашемъ посольствѣ и по мысли К. П. Побѣдоносцева перевезено въ Гамбургъ для тамошней нашей церкви. Будемъ надѣяться, что нынѣ, ради нашей великой княгини Маріи Павловны, смягчится нетерпимость протестанства. П. Б.

**Письмо министра народного просвещения графа Д. А. Толстого
къ попечителю Одесского Учебного Округа С. П. Голубцову.
(1878 г.).**

Въ Особомъ Совѣщаніи, учрежденномъ подъ предсѣдательствомъ Его Императорскаго Высочества Государя Наслѣдника Цесаревича, по вопросу объ изданіи дешевыхъ книгъ для чтенія народа, съ цѣлію огражденія его отъ вліянія злонамѣренной пропаганды, было признано полезнымъ распространеніе такихъ изданій, которыя могли бы служить къ укрѣплению въ народѣ религіозныхъ и вѣрноподданическихъ чувствъ, къ поднятію нравственности, къ ознакомленію его, на сколько возможно, съ нашимъ государственнымъ устройствомъ, со значеніемъ правительственной власти, при чемъ Коммисія имѣла въ виду, что дѣло это требуетъ особенного вниманія и крайней осторожности.

Подобнаго рода брошюры, для того, чтобы они могли произвести полезное вліяніе на массы населенія, должны издаваться по указанію правительства, при участіи лицъ, вполнѣ знающихъ быть и объемъ понятій народа и хорошо владѣющихъ народнымъ языкомъ. Форма же и содержаніе брошюръ могутъ быть самыя разнообразныя, лишь бы направленіе ихъ соотвѣтствовало предположенной цѣли.

Тѣмъ не менѣе въ нихъ отнюдь не слѣдуетъ допускать ни малѣйшаго намека на произведенія подпольной печати, распространяемыя злоумышленниками, такъ какъ это съ одной стороны имѣло бы видъ вовсе нежелательной и неприличной полемики, а съ другой—могло бы возбудить въ читателяхъ желаніе ознакомиться съ такими преступными изданіями. Кромѣ того, въ видахъ большихъ удобствъ распространенія, предпринятымъ народнымъ изданіямъ не слѣдовало бы придавать виѣшняго правительственного характера. Наблюденіе же въ цензурномъ отношеніи и пріисканіе лицъ, на которыхъ возможно было бы съ успѣхомъ возложить составленіе брошюръ, Особое Совѣщаніе полагало полезнымъ поручать министрамъ внутреннихъ дѣлъ, народного просвѣщенія и шефу жандармовъ.

Обращаясь за тѣмъ къ способу распространенія брошюръ, имѣющему большую важность, совѣщаніе признало полезнымъ, кромѣ продажи ихъ по дешевымъ цѣнамъ обыкновеннымъ путемъ лицамъ, торгующимъ народными книгами, снабжать ими сельское духовенство, народныя школы, существующія общества, поставившія себѣ задачею распространеніе въ средѣ народа книгъ религіозно-нравственного содержанія и вообще озабочиться введеніемъ этихъ изданій въ массы сельскаго и фабричнаго населенія тѣми путями и способами, какіе окажутся наиболѣе удобными и цѣлесообразными.

На докладѣ Его Императорскаго Высочества Государя Наслѣдника по настоящему предмету Его Императорскому Величеству благоугодно было начертать: „Разрѣшаю приступить къ исполненію“.

Сообщая обѣ этомъ вашему превосходительству, покорнѣйше прошу васъ, милостивый государь, озабочиться пріисканіемъ такихъ лицъ, которые могли бы съ успѣхомъ заняться этимъ дѣломъ, войти съ ними въ личныя сношенія и представить мнѣ подробныя свѣдѣнія о нихъ и о томъ, на какихъ условіяхъ они готовы были бы предпринять трудъ составленія брошюръ. Графъ Д. Толстой.

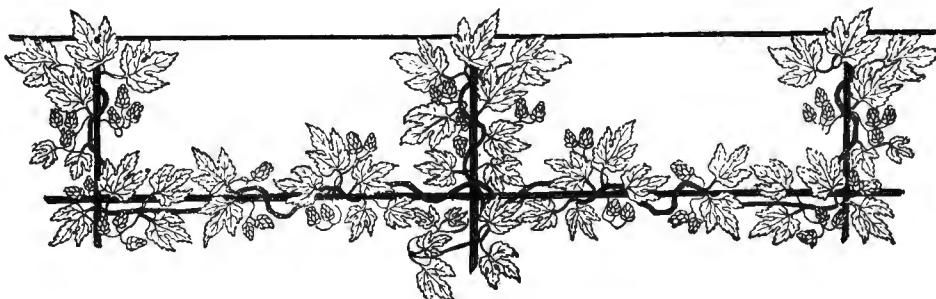
7 Октября 1878 г. № 182-й.

Примѣчаніе. Копія этого письма сообщена была попечителемъ Голубцевымъ тогдашнему инспектору народныхъ училищъ въ г. Кишиневѣ Петру Федоровичу Паховскому, съ предложеніемъ взяться за требуемую работу. Паховскій согласился писать брошюру о значеніи правительственной власти. Голубцовъ въ слѣдь за тѣмъ уведомилъ Паховскаго, что министръ согласенъ, чтобы Паховскій писалъ на эту тему и ждать брошюры.

Написалъ ли Паховскій общещанную брошюру и издана ли она была въ свѣтъ, намъ неизвѣстно.

Сообщилъ Л. С. Мацѣевичъ.

Изъ разсказовъ о Петре Великомъ, записанныхъ Я. Штелинымъ*).

Кунсткамера.

Петръ Великій, въ первое свое путешествіе въ Голландію въ 1698 году, отдался исключительно изученію казавшихся ему особенно важными, предметовъ, каковы: кораблестроеніе, мореплаваніе, торговля, заводская и ремесленная промышленность; но во вторичное свое пребываніе въ Голландіи и Франціи, въ 1717—1718 гг., онъ удѣлялъ больше вниманія наукамъ и искусствамъ. Онъ посвящалъ много времени осмотру извѣстныхъ частныхъ и общественныхъ собраній картинъ, произведеній природы и искусства. Особенный интересъ возбуждали въ немъ два необыкновенно рѣдкихъ и драгоцѣнныхъ кабинета въ Амстердамѣ, которыхъ онъ неоднократно посѣщалъ, осматривалъ и, наконецъ купивъ за значительную сумму денегъ, приказалъ съ большими предосторожностями перевезти въ Петербургъ. Первый изъ нихъ состоялъ изъ сочиненій по анатоміи, надъ собраніемъ которыхъ знаменитый профессоръ Рюшъ проработалъ около сорока лѣтъ. Ихъ каталогъ (*Catalogue raisonné*), отпечатанный въ Голландіи со многими иллюстраціями, подъ заглавіемъ: „*Thesaurus Anatomicus*“ имѣется у многихъ анатомиковъ, но самые подлинники со времени покупки хранятся въ Петербургской Академіи Наукъ.

Другой кабинетъ содержить большую коллекцію Амстердамскаго аптекаря Себы, заключающуюся въ собраніи различныхъ звѣрей, птицъ, змѣй, насѣко-мыхъ, описание которыхъ, изложенное въ двухъ томахъ листового размѣра съ прекрасно выгравированными фигурами, извѣстно подъ заглавіемъ *Thesaurus Naturae*.

Петръ Великій поручилъ живописцу Кселю нарисовать портреты обоихъ этихъ знаменитыхъ людей и помѣстилъ ихъ въ своей кунсткамерѣ при ихъ коллекціяхъ. Портретъ Себы находится по сіе время въ Академіи, но никому неизвѣстно, куда дѣвалось изображеніе Рюша. Библіотекарь Шумахеръ выскажалъ предположеніе, что послѣднее не было передано Академіи по смерти Петра Великаго и попало, быть можетъ, въ какой нибудь шкафъ съ прочими картинами или, вообще, гдѣ нибудь затерялось.

*.) См. выше, выпускъ 4-й, стр. 653.

Вышеупомянутыя коллекціи послужили впослѣдствіи основаніемъ существующей нынѣ Академической Кунсткамерѣ, для помѣщенія которой Петръ Великій приказалъ очистить просторный, стоявшій отдельно отъ другихъ построекъ, каменный домъ, на берегу Невы, на Смольномъ дворѣ. Государь проводилъ тамъ два-три утра въ недѣлю на пути въ Адмиралтейство и внимательно осматривалъ вещи. Онъ до такой степени увлекался собраніемъ этихъ рѣдкихъ и драгоценныхъ произведеній отдаленныхъ частей свѣта, что однажды назначилъ новоприбывшему Римскому посланнику аудіенцію въ зданіи Кунсткамеры въ 5 часовъ утра. На вопросъ канцлера, не соблаговолить ли Его Величество принять посланника въ первый разъ въ свое лѣтие дворцѣ, Государь возразилъ: „Пусть онъ явится сюда; ему должно быть все равно, въ какомъ мѣстѣ я его принимаю, такъ какъ онъ присланъ лично ко мнѣ, а не въ тотъ или другой домъ, и то, что онъ долженъ передать мнѣ, онъ можетъ сдѣлать, гдѣ бы я ни находился“. Такимъ образомъ аудіенція происходила въ упомянутой Кунсткамерѣ въ пять часовъ утра.

Находясь однажды въ Кунсткамерѣ съ генераль-прокуроромъ Павломъ Ивановичемъ Ягужинскимъ и нѣсколькими сенаторами и знатными лицами, Петръ показывалъ имъ систематическое устройство своего натурального зала и неоцѣнимыя сокровища по анатоміи Рюйша, при чемъ говорилъ о несомнѣнной пользѣ, которую подобная коллекція можетъ оказать при изученіи строенія человѣческаго тѣла, которое въ совершенствѣ должны знать врачи для успѣшнаго лѣченія больныхъ. Въ виду того, что Кунсткамера была уже вполнѣ устроена, онъ приказалъ библіотекарю Шумахеру, находившемуся подъ начальствомъ главнаго надзирателя Кунсткамеры лейбъ-медика Арескина, разрѣшить впредь свободный доступъ всѣмъ лицамъ желавшимъ осматривать Кунсткамеру, подробно показывая и разясняя имъ всѣ находящіеся тамъ предметы.

Ягужинскій, расхваливъ мудрое и милостивое намѣреніе Монарха, по излишней расчетливости замѣтилъ, что, въ виду дорого стоящаго содержанія предметовъ, слѣдовало бы взыскивать съ посѣтителей за осмотръ отъ одного до двухъ рублей, чтò составило бы сумму достаточную не только для сохраненія рѣдкостей, но и для пополненія ихъ числа. Государь, главною цѣлью кото-раго было привлечь подданныхъ къ изученію природы и искусствъ, прервалъ рѣчь Ягужинскаго словами: „Ты глупо разсуждаешь, Павелъ Ивановичъ; при-веденіе въ исполненіе твоего предложенія могло бы только воспрепятствовать, а не способствовать моему намѣренію; кому-бы пришла охота заниматься моими рѣдкостями и осматривать Кунсткамеру, еслиъ за это приходилось еще платить деньги? Я же приказываю не только пускать сюда всѣхъ желающихъ совер-шенно даромъ, но и всякий разъ, какъ здѣсь соберется компанія людей, угож-щать ихъ на мой счетъ чашкой кофею, стаканомъ вина, рюмкой водки или другими освѣжительными напитками въ самой Кунсткамерѣ“.

Согласно этому распоряженію библіотекарю, сверхъ его годового оклада, опредѣлена была сумма въ 400 р. на означенное угощеніе; и мнѣ приходилось наблюдать еще въ царствованіе императрицы Анны Ioановны, что знатѣйшихъ посѣтителей Кунсткамеры потчивали кофеемъ, Венгерскимъ виномъ, пирожнымъ

и, смотря по времени года, различными плодами. На помощника библиотекаря и другихъ служащихъ, хорошо знакомыхъ съ Кунсткамерой, была возложена обязанность показывать и разъяснять находящіеся тамъ предметы лицамъ среднихъ сословий.

Этотъ разсказъ сообщенъ библиотекаремъ и главнымъ надзирателемъ натуральной и художественной камеры совѣтникомъ Шумахеромъ.

Петръ Великій въ Вѣнѣ.

На возвратномъ пути изъ Англіи и Голландіи Петръ Великій проѣхалъ черезъ Германію въ Вѣну, гдѣ былъ необыкновенно почтительно принятъ Императоромъ Леопольдомъ. Неожиданно полученное извѣстіе о возстаніи стрѣльцовъ побудило его поспѣшить въ Россію, сокративъ свое пребываніе при Императорскомъ Дворѣ и отказалвшись отъ намѣченной поѣздки въ Венецію.

Несмотря на короткое время, проведенное въ Вѣнѣ, наблюдательный Монархъ успѣлъ осмотрѣть и запомнить многія достопримѣчательности этого города. Когда впослѣдствіи въ Петербургѣ однажды за столомъ зашла рѣчь о императорскомъ Римскомъ дворѣ, Государь замѣтилъ, что ему все нравится у императора Леопольда за исключеніемъ Іезуитовъ, которыми кишилъ его дворъ. Послѣднее обстоятельство удивляетъ его тѣмъ болѣе, что Іезуиты, владѣющіе, съ вѣдома императора, ничуть ли меньшимъ количествомъ земли и обладающіе безусловно болѣшими капиталами, нежели его императорское величество, не помогли ему во время тяжелой послѣдней войны съ Турками ни деньгами, ни рекрутами.

Авторъ этого анекдота—Веселовскій, тайный совѣтникъ Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ при императрицѣ Елизаветѣ Петровнѣ. Въ царствованіе Петра I онъ занималъ должность секретаря упомянутой коллегіи. Англійское и Гаагское иностранные посольства часто пользовались имъ для доставленія секретныхъ свѣдѣній Государю, который отправлялъ его съ обратными порученіями къ его министру. Онъ умеръ въ глубокой старости въ Петербургѣ въ 1751 г.

Вѣротерпимость Петра Великаго.

Петръ Великій разрѣшалъ послѣдователямъ каждой религіи имѣть свою церковь, собственныхъ священниковъ, проповѣдниковъ и пророчихъ лицъ духовнаго званія, а приверженцамъ Римско-католического исповѣданія было даже дозволено, при желаніи паствы, содержать духовный орденъ. Капуцинамъ же, по совѣту Римского императора Іосифа I, было разрѣшено имѣть небольшой монастырь при ихъ церкви въ Москвѣ, въ Нѣмецкой Слободѣ или въ предмѣстіи, а Францисканамъ при ихъ церкви въ Петербургѣ. Только о допущеніи Іезуитовъ въ Россію царь ничего не хотѣлъ слышать, такъ какъ разъ навсегда изгнать ихъ изъ своего сердца и государства. Онъ часто слѣдующимъ образомъ отказывался отъ этихъ святыхъ отцовъ: „Мнѣ не безызвѣстно, что между Іезуитами встрѣчается очень много ученыхъ и способныхъ къ искусству лицъ,

вообще они дѣльные и толковые люди; но меня мало трогаютъ ихъ достоинства, и я слишкомъ хорошо знаю, что ихъ кажущаяся набожность служить скрытымъ средствомъ обогащенія; ихъ школы и искусства употребляются ими какъ орудіе коварныхъ происковъ въ пользу паны, и конечною цѣлью которыхъ является порабощеніе сильныхъ міра сего.

Однажды, въ бесѣдѣ объ этомъ необыкновенно могущественномъ орденѣ, Монархъ замѣтилъ: „Іезуиты не могутъ не вмѣшиваться въ политической дѣла. Меня удивляетъ, что въ Европѣ еще находятся дворы которые закрываютъ глаза на дѣйствительное положеніе вещей. Отдавая должное проницательности Испанскаго и Французскаго дворовъ, я ихъ не считаю достаточно искусными въ политикѣ, если они находять возможнымъ терпѣть при себѣ Іезуитовъ, присвоившихъ себѣ столько прекрасныхъ имѣній въ Европѣ и Америкѣ, причинившихъ имъ столько вреда и истребляющихъ отъ времени до времени государей, когда они не отвѣчаютъ ихъ требованіямъ.

Авторъ этого анекдота природный Русскій дворянинъ, впослѣдствіи государственный канцлеръ, графъ Алексѣй Петровичъ Бестужевъ. Въ юности своей онъ вмѣстѣ съ братомъ Михаиломъ Петровичемъ былъ отправленъ въ Берлинскую гимназію, где въ продолженіе пѣсолькихъ лѣтъ изучалъ Французскій и Нѣмецкій языки. Впослѣдствіи онъ предпринялъ путешествіе за границу и во время своего пребыванія въ Ганноверѣ былъ произведенъ тогданинъ курфюрстомъ, впослѣдствіи Англійскимъ королемъ Георгомъ I, въ званіе камерюнкера, а затѣмъ посланника при дворѣ Петра Великаго. Государь, крайне обрадованный, увидѣвъ первого своего подданиаго на столь отвѣтственномъ иностранномъ посту, принялъ его необычайно молостиво и по окончаніи его миссіи взялъ обратно на свою службу. Государь отправилъ его въ качествѣ Русскаго посла къ Датскому двору въ Копенгагенъ, откуда онъ неоднократно былъ призываемъ къ Императору въ Петербургъ и обратно. При одномъ изъ такихъ случаевъ Монархъ подарилъ ему свой портретъ въ миніаторѣ, усыпанный брилліантами. Бестужевъ былъ такъ обрадованъ этимъ подаркомъ, что носилъ его до конца жизни въ петлицѣ на груди. Пробывъ въ Даніи до заключенія мира со Шведами въ 1721 г., онъ получилъ назначеніе посла въ городъ Гамбургъ въ нижней Саксоніи. При Аннѣ Іоанновнѣ онъ былъ вторично отправленъ въ качествѣ посла въ Копенгагенъ, но за два года до ея смерти отозванъ обратно въ Петербургъ, где получилъ назначеніе кабинет-министра. При императрицѣ Елизаветѣ онъ былъ произведенъ сначала въ вице-канцлеры и два года спустя, въ 1744 г., былъ объявленъ великимъ канцлеромъ Русской Имперіи. Въ 1758 г. былъ сосланъ въ свои деревни и въ 1762 г. возвращенъ ко двору Императрицею Екатериной II. Не занимая никакой должности, онъ получалъ пенсию въ 20,000 р. и умеръ въ 1768 г. семидесятивосьми лѣтъ отъ роду.

Необыкновенная память Петра Великаго.

Во время первого восстания стрѣльцовъ въ Москвѣ еще совершенно юный, Петръ Великій скрылся бѣгствомъ съ матерью и нѣсколькими предан-

ными ему людьми въ отстоящій въ 60-и верстахъ отъ Москвы Троицкій монастырь. Разсвирѣпѣвши стрѣльцы, открывъ мѣсто пребываніе Царя, явились туда съ цѣлью умертвить молодого Государя. Обшаривъ всѣ сокровенныя мѣста обители и не найдя Монарха, злодѣи ворвались въ самую церковь. Одинъ изъ нихъ, замѣтивъ Государа стоявшаго близъ алтаря въ объятіяхъ своей матери, бросился съ обнаженнымъ мечомъ на невиннаго юношу и, приложивъ ножъ къ его груди, собирался нанести ему смертельный ударъ. Когда стрѣлецъ, держа его одной рукою за плечо, другою, приставивъ ножъ къ груди, готовъ былъ заколоть Государа, одинъ изъ бывшихъ въ церкви бунтовщикъ закричалъ дикимъ голосомъ: „постой, братъ не убивай его у алтаря, отведи изъ церкви; онъ уже теперь не уйдетъ отъ насъ!“ Въ ту минуту остальные стрѣльцы, стоявшіе въ церкви, замѣтили скакавшую во весь опоръ конницу Царя и крикнули находящимся въ церкви, чтобы они скорѣе спасались бѣгствомъ. Въ большомъ смятеніи всѣ бросились бѣжать.

Спустя 20 лѣтъ, по усмиреніи многихъ послѣдовавшихъ восстаній, по истребленію стрѣльцовъ и успокоенію всего государства, Петръ Великій всецѣло отдался улучшенію арміи и устройству флота. Однажды онъ занимался на Адмиралтейской сторонѣ обученіемъ нѣсколькихъ сотъ ново-поступившихъ матросовъ. Внимательно осматривая стоявшихъ въ рядахъ новобранцевъ, онъ остановилъ взоръ на одномъ изъ нихъ, и вдругъ такъ испугался, что отскочилъ на нѣсколько шаговъ въ сторону и приказалъ немедленно схватить его. Матрость, прекрасно понявший въ чёмъ было дѣло, упавъ на колѣни, воскликнулъ: „Я достоинъ смерти, Государь, но прошу милосердія“. Никто изъ присутствовавшихъ офицеровъ и товарищей матроса не могъ понять что это значило, такъ какъ всѣ они знали его въ продолженіи многихъ лѣтъ за хорошаго гребца, всегда исправно и усердно исполнявшаго свои обязанности и ни въ чёмъ предосудительномъ не замѣченаго. Съ ужасомъ услышали они вопросъ Государя: „Не тотъ ли ты стрѣлецъ, который въ Троицкомъ монастырѣ приставлялъ мнѣ ножъ къ груди?“ „Да, Ваше Величество, отвѣчаль матрость, это я самыи“. Но дальнѣйшіе разспросы Государя онъ рассказалъ, какъ, будучи юнымъ стрѣльцомъ, онъ принималъ участіе въ восстаніи, какъ онъ успѣлъ спастись бѣгствомъ прежде чѣмъ его единомышленники были схвачены и казнены, какъ онъ горько раскаивался въ своемъ поступкѣ, затѣмъ долгое время скитался по отдаленнымъ мѣстамъ, пока, назавшись вышедшимъ изъ Сибири мужикомъ, не поступилъ въ качествѣ матроса въ Архангельское Адмиралтейство, гдѣ вѣрою и правдою исполнялъ свою должностъ. Это чистосердечное признаніе побудило царя къ милосердію. Онъ простилъ ему его гнусный проступокъ и даровалъ жизнь подъ угрозою жестокой смертной казни, еслибы онъ еще когда либо попался на глаза Монарха. Матрость благодарила Бога и Царя за неожиданное помилованіе и былъ отправленъ въ такую отдаленную провинцію Россіи, гдѣ Государь могъ быть увѣреннымъ не встрѣтить его до конца своей жизни. Эта разсказъ извѣстенъ изъ усть фельдмаршала Трубецкаго и отъ экипажмейстера Адмиралтейства Брюинса.

К У М О В С Т В О .

Великий Монархъ не гнушался кумиться съ бѣднымъ людомъ, съ работавшими на него ремесленниками, низшими придворными служителями и т. п. Онъ навѣщалъ ихъ, когда ему позволяло время, наравнѣ съ богатыми и знатными и съ удовольствіемъ раздѣлять ихъ скучное угощеніе, дѣлая имъ упреки, если они ради него излишне тратились. Такжѣ относился онъ и къ гвардейскимъ офицерамъ и солдатамъ, изъ которыхъ рѣдкій не просилъ его крестить, по меньшей мѣрѣ, своего первенца. Но никто не долженъ быть расчитывать на щедрые дары крестнаго отца, обычный подарокъ котораго состоялъ изъ поцѣлуя родительницѣ и рубля денегъ, который онъ, по древнему Русскому обычаю, клалъ ей подъ подушку. Этой суммой одѣлять онъ рядовыхъ солдатъ, офицерамъ же полагалось по червонцу.

Аnekдотъ этотъ сообщенъ Нѣмцемъ Гrotomъ. Его дѣдъ Нидерландецъ, поступилъ на службу къ царю Алексѣю Михайловичу, а отецъ его, родившійся уже въ Москвѣ, былъ офицеромъ при новообразованномъ регулярномъ войску Петра Великаго; онъ сопровождалъ Государя почти во всѣхъ походахъ и дослужился до чина полковника. При императрицѣ Аннѣ Ioannovnѣ Гrotъ былъ уволенъ отъ службы съ награжденіемъ бригадирскимъ чиномъ и пенсіей и умеръ въ глубокой старости въ 1740 году *).

П О П Р А В К А .

Къ стр. 265. („Русскій Архивъ“ 1911, выпускъ 6-й), на планѣ залы засѣданій Академіи Наукъ.

	<i>Напечатано:</i>	<i>Надо читать:</i>
№.	9. Чебышевъ	Чебышевъ
	6. Срезневскіе	Срезневскій
	5. Дорна	Дорнъ
	4. Стефана	Стефани
	3. Гельмерсена	Гельмерсенъ
	2. Броссе	Броси
	19. Венгъдъ	Вильдъ.

*) Переведено изъ книги: Originalanecdoten von Peter dem Grossen. Aus dem Munde angesehner Personen in Moskau und Petersburg vernommen, und der Vergessenheit entrissen von Iacob von Stählin. Leipzig. 1785.

Чистая душою и непорочная сердцемъ, она въ теченіе всей своей долгой жизни чувствовала потребность любви, и предметами этой любви были (по ея дневнику) сначала племянникъ поэта Языкова, необыкновенный юноша Д. А. Валуевъ, узнавъ о смерти котораго въ Новгородѣ, она поскакала туда и проводила его до Московскаго Данилова кладбища. Затѣмъ окружила она своею заботою его родственника и сотрудника В. А. Панова, издателя достопамятныхъ „Московскихъ Сборниковъ“ 1846 и 1847 гг., а по кончинѣ его, жаръ своего сердоболія перенесла на юношу Тицебеля. Это былъ медикъ, племянникъ славнаго Дерптскаго хирурга Мойера, получившій мѣсто въ Воронежѣ, куда Елисавета Ивановна къ немуѣздила и сумѣла такъ о немъ печься, что каждый день и чуть ли не каждый часъ его жизни былъ ей извѣстенъ, и это вовсе не тяготило молодого человѣка.

Никто изъ знатившихъ ее не зналъ, что она ведеть дневникъ, и поэтому въ немъ нѣть никакой рисовки. Но эти годы (1847—1852) она, уже застарьлою дѣвицею, не была чужда многихъ странностей, такъ наприм. подписывала она свое имя не иначе, какъ „Елисаветъ“, а на одной изъ публичныхъ лекцій Грановскаго, что-то ей въ немъ не понравилось, и она на всю залу крикнула ему „дуракъ“, а послѣ другой его лекціи наговорила ему похвалъ, также во всеуслышаніе. О Грановскомъ она передаетъ намъ трогательную черту. Когда трудно заболѣлъ И. В. Карбевскій, Тимофей Николаевичъ плакаль о немъ, будучи его противникомъ по направленію ума и дѣятельности. Для малыхъ своихъ потребностей Попова зарабатывала деньги уроками и перепискою бумагъ, но не задумывалась дратъ уши цеисправнымъ ученикамъ, или въ то, чтѣ она переписывала, вставлять собственныя свои

сужденія, такъ что опасно бывало отдавать ея рукопись въ типографію, ради ея вставокъ.

Матъ ея жила на родинѣ Жуковскаго, въ Мишенскомъ подъ Белевомъ, у Варвары Аѳанасьевны Юшковой, женщины просвѣщенной, супругъ которой Петръ Николаевичъ тоже былъ человѣкъ незаурядный и переписывался съ Латастеромъ. У дочери ихъ А. П. Елагиной воспитывалась Елисавета Ивановна. У нея самой почеркъ былъ такой же, какъ у Авдотьи Петровны, но она не успѣла научиться у нея изяществу бѣды и художественной прелести въ обращеніи. Ни одного слова похвалы ей не встрѣчаемъ въ Дневникѣ Е. И. Поповой, а однако она любила всю семью Елагиныхъ. Она долго жила въ домѣ Авдотьи Петровны въ „республикѣ привольной, у Красныхъ воротъ“ (нынѣ домъ Свѣшниковъ).

Дневникъ изданъ превосходно молодымъ ученымъ, княземъ Н. В. Голицынымъ (сыномъ бывшаго Московскаго головы). Дневникъ случайно нашелся у Е. Н. Митѣковой, рожденной Селивановской. Немудрено, что найдется его начало или его продолженіе. У Е. И. Поповой были братъ и племянникъ, на которыхъ потратилась она немало, но это были люди другого закала.

Елисавета Ивановна владѣла превосходно Русскимъ языкомъ, и Дневникъ ея есть своего рода драгоценное приобрѣтеніе нашей словесности. Какъ цвѣтами пересыпанъ онъ выдержками изъ разныхъ стихотвореній. Въ немъ же находимъ неизданные стихи Языкова и К. С. Аксакова.

Прочитавъ прекрасныя изъявленія этой чистой души, чувствуешь себя какъ-то легче и лучше и приносишь дань благодарности ея свѣтлой памяти.

Дневникъ Е. И. Поповой продается по 2 р. 25 к.

П. Б.

РУССКИЙ АРХИВ

на 1911 годъ.

(Годъ 49-й)

Годовая цѣна „Русскому Архиву“ въ 1911 году, за **две́надцать** выпусксовъ, съ пересылкой и доставкой, девять р., для чужихъ краевъ—**две́надцать** р.

Подписка въ **Москвѣ**, въ Конторѣ „Русского Архива“, на Ермоловской Садовой, въ домѣ 175-мъ (на дворѣ) и въ книжныхъ магазинахъ „Новаго Времени“: Въ Петербургѣ (Невскій, 40) на Вознесенскомъ пр., д. 36. Телеф. 559—02 и на Пет. ст., Большой пр., д. 69-А. Телеф. 77—61. Въ **Москвѣ** (уголъ Неглинного проѣзда и Кузнецкаго Моста, д. Шориной), въ **Харьковѣ** (Николаевская пл. № 4 и Екатеринославская ул., д. Иванова, № 1), въ **Одессѣ** (Дерибасовская ул., № 33, уг. Преображенской), въ **Саратовѣ** (Б. Московская. Пассажъ 1), въ **Ростовѣ на-Дону** (Садовая ул., № 96) и въ **Парижѣ** (бульваръ Св. Магдалины).

Въ конторѣ «РУССКАГО АРХИВА» продаются
прежнія полныя годовые его изданія и отдельные книжки Русского Архива
по цѣнѣ пониженней съ 1893 по 1910 и повышенной за годы 1863—
1892 (кромѣ 1884 года, который продается по 3 р. за 12 книжекъ.)

*

По цѣнѣ пониженней продаются слѣдующія изданія «Русского Архива».

ДНЕВНИКЪ Камеръ-юнкера Берхольца, въ Россіи при Петрѣ Великомъ (1721—1725). Четыре части. 3 р.

ЗАПИСКИ Дюка Лирійскаго. Цѣна 75 к.

ДНЕВНИКЪ Храповицкаго. 1783—1793. Цѣна 2 р.

ВОСПОМИНАНІЯ Г. И. Филипсона. Цѣна 1 р.

СТИХОТВОРЕНІЯ А. С. Хомякова. Съ примѣчаніями. Цѣна 25 к.

Составитель и издатель „Русского Архива“ **Петръ Бартеневъ**.

СОРОКЪ ДЕВЯТЫЙ ГОДЪ.

РУССКІЙ АРХИВЪ

1911

8.

Стр.

465. Изъ Записокъ сенатора **Н. Н. Лебедева**. 1867-й годъ.
512. Письмо **И. М. Снегирева** къ **Я. М. Невѣрову**.
512. **Н. М. Языковъ**. Сообщ. **А. А. Флоридовъ**.
513. Изъ записокъ короля **Станислава Понятовскаго**. Непріятное приключение
6 Июля 1757 года.
519. Изъ исторіи Русскаго водевилла. **Дмитрій Тимофеевичъ Ленскій** (Воробьевъ).
По поводу сорока лѣтія со днія его смерти. Сообщ. **С. Старосивильскій**.
531. Баринъ пріѣхалъ! Баринъ пріѣхалъ! Интермедія-водевиль. Сочиненіе
актера Императорскаго Московскаго театра **В. И. Живонини**.
542. Старина Омской губерніи. Полицмейстеръ Испелевъ. Сообщилъ **И. Г. Кузнецовъ**.
543. Старина Курской губерніи. Борьба съ саранчою.—Епископъ Іоасафъ
Горденко. Сообщилъ **Т. Проскурняковъ**.
548. Вступительная запись старца Іоны Углицкому монастырю.
549. Письмо **епископа Тихона** князю Потемкину.
553. И. М. Карамзинъ (По поводу памятника ему въ селѣ Осташевѣ).
594. Изъ архива Александро-Невской лавры. Время Петра Великаго. Извле-
ченіо **А. А. Титовымъ**.
604. Разсказы современниковъ о Петре Великомъ написанные **Я. Штелинымъ**.
612. Старое кладбище въ сель Раменскомъ. **А. Я. Киселева**.
614. Объ исторіи города Ярославля.

Внутри обложки: О книгахъ: „Освобождение крестьянъ“ и „Карам-
зинъ въ Осташевѣ“.

МОСКВА.

Синодальная Типографія.

1911.

ОСВОБОЖДЕНИЕ КРЕСТЬЯНЪ. ДѢЯТЕЛИ РЕФОРМЫ.
М. 1911. б. 8^о. **XXXII**, 342 и 2
нен. стр.

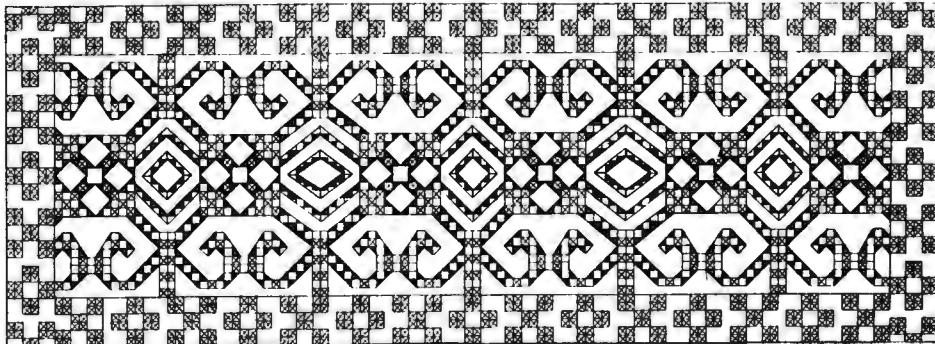
Это рядъ биографическихъ очерковъ. Статьи А. Кизеветтера, и А Корнилова (Александръ II и его время), Ю. Готье (графъ Киселевъ), М. Любавскаго (в. князь Константинъ), С. Бахрушина (вел. княгиня Елена), Б. Сыромятникова (Кавелинъ), М. Богословскаго (Ростовцевъ), Кизеветтера (Милютинъ), княжны О. Трубецкой (князь Черкасскій), и С. Богоявленскаго (Соловьевъ).

Прежде всего вѣрно ли самое заглавіе? Великому дѣлу новой Русской исторіи, столь необходимому и многоожданному, подобаетъ болѣе точное название *Раскрытие*: освобождать было не отъ кого, такъ какъ, по милости Божией, у насть не было рабства, а только крѣпостное право, превращавшееся въ рабство по винѣ помѣщиковъ, которые злоупотребляли своимъ положениемъ и въ большинствѣ случаевъ принадлежали къ такъ называемымъ образованнымъ людямъ, либо были своей землѣ чужеземны. Новиковъ и Радищевъ тоже пороли своихъ крестьянъ, а многие крупные владѣльцы не заглядывали къ себѣ, находясь на службѣ, либо проживая въ чужихъ краяхъ. Князю Друдкому-Сокольницкому Николай Павловичъ сказалъ: „Ты судишь снизу, а каково мнѣ? По отчетамъ Министра Внутреннихъ Дѣлъ я знаю, что съ каждымъ годомъ умножается число убиваемыхъ крѣпостными людьми помѣщиковъ“.

Наши преобразователи находились подъ воздействиемъ Запада. Въ Польскихъ губерніяхъ, водворившійся послѣ первого раздѣла Русскій помѣщикъ приказывалъ убрать висѣлицы, на которой панна за дурно разглагоженный воротничекъ могла свободно повѣсить свою служанку; въ Ревелѣ, старожили и въ наши дни помнили

про двѣ висѣлицы (одну на Вышгородѣ для мѣстныхъ Эстовъ, другую на Русскомъ рынке для приходившихъ изъ деревень); а что творилось во Франціи (по книгѣ Тэна)!

Въ „Русскомъ Архивѣ“ помѣщено немало статей о великомъ дѣлѣ раскрытии, но совсѣмъ не въ томъ восхваляющемъ направленіи, какъ рассматриваемая нами книга. Мы уже имѣли случай высказать, что императоръ Александръ Николаевичъ поступалъ въ этомъ дѣлѣ не по своему убѣжденію, а только по завѣщанію своего родителя. Выйдя изъ комнаты, где скончался Государь, онъ прежде всего сказалъ стоявшимъ у дверей генераль-адъютантамъ, графамъ Орлову и Киселеву: „послѣднее его распоряженіе было о помѣщичьихъ крестьянахъ“. Самъ же Александръ Николаевичъ всего за нѣсколько недѣль до того поручалъ своему гофмаршалу графу В. Д. Олсуфьеву оповѣстить губернскихъ предводителей дворянства, что онъ вовсе не касается этого дѣла; а въ 1845 году, когда царь находился въ Италии, а ему поручено было все внутреннее управление, крестьяне, и въ особенности въ Прибалтійскомъ краѣ, терпѣли жестокія наказанія. Этою двойственностью и объясняется неудача великой мѣры: помѣщики растратили предоставленный имъ вознагражденія за землю, а крестьяне залѣнились и стали спиваться. Когда Наполеонъ III-ій жилъ пленникомъ въ Вильгельмсхѣ, къ нему ходилъ одинъ Марбургскій профессоръ, напечатавшій потомъ книгу о своихъ бесѣдахъ съ нимъ. Тутъ сказано, что о нашей реформѣ Наполеонъ выразился: *c'est le délire de despotisme*, а при свиданіи съ нашимъ Государемъ сказалъ ему, что Русскіе помѣщики разорятся, а крестьянскій трудъ значительно сократится. Черезъ нѣсколько лѣтъ, въ новое свиданіе, самъ Александръ Николаевичъ сказалъ Наполеону, что его предвѣщенія

ИЗЪ ЗАПИСОКЪ СЕНАТОРА К. Н. ЛЕБЕДЕВА.

1867-й годъ*).

 бъединеніе Царства Польскаго почти совершилось. Подчиненіе почты и казначействъ, преобразованіе налоговъ и введеніе мѣстныхъ управлений по Русскимъ образцамъ сближаютъ и введеніе Русскаго языка. Хорошій выборъ лицъ еще болѣе облегчилъ бы попытку обруcenія, но это-то и представляется весьма затруднительнымъ: жить посреди чуждаго, враждебнаго населенія вовсе не удовольствіе, а за это удовольствіе губернатору назначаютъ 5300 р. Коренные реформы въ городахъ и въ земствѣ и теперешняя организація управлений дерутъ глаза Европейской журналистики и поднимутъ шумный говоръ въ собраніяхъ представителей. Это не подлежитъ сомнѣнію. Но рѣшительныхъ мѣръ не приметъ никто. Если Наполеонъ выдвинетъ начало національностей и въ союзѣ съ Австріей предложитъ возстановленіе Польши въ границахъ 1770 годовъ, то Россія будетъ въ отвѣтѣ съ Пруссіей, и война кончится присоединеніемъ восточной Галиціи. Австрія готова пожертвовать всей Галиціей, лишь бы отомстить Пруссіи; но сила Россіи и Пруссіи несокрушима, и самое предположеніе о возстановленіи Польши посреди трехъ великихъ имперій есть неисполнимая Польская мечта. Мы, Россія, во главѣ славянства, и двухъ головъ у одного организма быть нельзя. Можно было приводить основаніемъ наши плохія учрежденія; теперешняя ихъ организація устраиваетъ и это основаніе. Остается уровень образованія вообще и просвѣщенія въ особенности. Общій уровень поднимается быстро, съ Февраля 1861 г., а при лучшихъ учрежденіяхъ, при свободѣ печати и

*). См. выше стр. 343.

гласномъ судѣ скорость этого подъема будетъ возрастать постепенно, и мы увидимъ націю, государство политически зрѣлое, а въ умственномъ отношеніи довольно отсталое. На оборотъ съ Германіей. Желательно бы было понизить подати и поборы; они очень тяготятъ народъ и вліяютъ на его косность и грубую жизнь.

Случайно встрѣтился я съ двуперекрещенцомъ, ст. ст. Д. Изъ администраторовъ католическихъ церквей на Сѣверѣ, онъ желалъ сдѣлаться Московскимъ львомъ и сдѣлался Московскимъ приживалкой-паразитомъ. Достаточно прочесть въ 4 т. „Вѣстника Европы“ статью его „о политикѣ Даніи при Фридрихѣ VII и о проч.“, чтобы составить себѣ понятіе о тщеславіи, дерзости и навязности этого двоутступника. Но разговоръ его о порочности Іезуитовъ, о пренебреженіи нашихъ Нѣмцевъ посланниковъ Брунова, Будберга, Убри къ церкви и духовнымъ лицамъ миссій, но разказать его о кн. А. М. Горчаковѣ (сказавшемъ, указывая на стаканъ чистѣйшей студеной воды: вотъ ученіе католицизма; оно есть чистѣйшее выраженіе Божьей истины и церковнаго закона), но несбыточные разсказы его о „частномъ корреспондентѣ Его Императорскаго Величества, издателѣ „Народнаго Голоса“ Юркевичѣ-Литвинѣ—все это наводить меня на другія мысли: какова должна быть эпоха и къ чему можетъ подготовлять и привести она, когда бродятъ и получаютъ вѣру такие наглые эмиссары или спекуляторы и такія нелѣпости и сказки! Въ этотъ же день я видѣлъ толпы народа у лавки Корещенко и три семьи, трясомыя лихорадкой въ ожиданіи телеграфической депешіи о выигрышахъ лотерейного займа. Минѣ стало страшно и отъ Д....го, и отъ сказокъ, и отъ лихорадки.

„Во имя отца и сына и Св. Духа, аминь“, такъ начинается масти-тый голова Московской церкви воззваніе *) о пожертвованіяхъ въ пользу несчастныхъ Кандіотовъ. Воззваніе это, подписанное Филаретомъ, произвело сильное впечатленіе въ Москвѣ и Петербургѣ и вѣроятно во всей Россіи и будетъ имѣть значеніе и политической демонстраціи и политического початка или иниціативы. Да и пора. Существование Турціи несомнѣнно съ достоинствомъ Европы и ся могущественной образованности. Пора и намъ уничтожить трактатъ 1856. Пора устроить и дѣла на Востокѣ и дать подобающее значеніе бассейну Дуная и Чернаго моря—превосходнѣйшей мѣстности, коснѣющей при варварскихъ угнетателяхъ и изнуренныхъ рабахъ. По Дунай должна быть Россія, по Балканы—Сербія, за Балканами съ Архипеллагомъ—Греція. Я не знаю тамошнихъ разграниченій и отношеній, но я сознаю до очевидности необходимость свободы и образованности въ этомъ несча-

*) Съ высочайшаго разрѣшенія, по письмамъ къ Валуеву и кн. Горчакову.

стномъ краѣ и начало соплеменности въ этомъ череззолосномъ феодальномъ, полуазіатскомъ устройствѣ. Мы не готовы, правда, ни съ новымъ оружiemъ, ни съ желѣзными дорогами, но все это второстепенныя причины. Главная причина—позоръ Парижскаго трактата всегда на лицо. Да и нежелательно и ненужно наше непосредственное вмѣшательство; нужно нравственное и денежное содѣйствіе единовѣрцамъ и невмѣшательство въ это дѣло покровителей Турціи. Разложеніе ея послѣдуетъ само собою. Оно уже началось при Екатеринѣ, какъ началось разложеніе Польши при Петрѣ. Турція не можетъ существовать самостоятельно. Ее слѣдовало бы раздѣлить, если бы жили въ 1772 г. Дѣлить ее не будутъ, но пусть предоставятъ собственной участі, и она распадется на части, части органическія, чисто христіанскія, способныя жить и развиваться, сначала въ образѣ союза, а потомъ и въ образѣ болѣе простомъ и крѣпкомъ, Славянскомъ и Греческомъ. Вотъ настоящее поприще для честолюбія великаго князя Константина или Никодая Лейхтенбергскаго. Впрочемъ претендентовъ тамъ довольно, и Георгій, и Карлъ, и Михаилъ. Съ началомъ весны откроется война, а можетъ быть и не одна.

Былъ у меня сегодня товарищъ министра народнаго просвѣщенія Ив. Дав. Деляновъ и конечно же безъ цѣли. Я предупредилъ его, что прежде у меня было намѣреніе предложить мои услуги Министерству Просвѣщенія, но при нынѣшнихъ порядкахъ, когда положеніе попечителей чисто пассивное и иногда неловкое (чтѣ бы не сказать болѣе), я не думаю, чтобы мои услуги могли принести пользу. Деляновъ отвѣчалъ, что министерство знаетъ и чувствуетъ недостатки въ настоящихъ учрежденіяхъ просвѣщенія, но едва ли рѣшится на радикальныя перемѣны столь недавно изданныхъ уставовъ, и потому желаетъ восполнить эти недостатки общими распоряженіями, напр. о болѣе строгихъ испытаніяхъ при приемѣ, переходѣ и выпускѣ. Конечно это будетъ имѣть свою хорошую сторону, но подобныя мѣры легко обходить и еще легче обратить въ стѣсненіе и злоупотребленіе. Я вовсе не желаю быть на какомъ-нибудь юру. При частомъ колебаніи системъ, личности скоро стираются, и самая лучшая воля постоянно находится въ затрудненіи и нерѣшительности. Генералъ Левшинъ и помощникъ его Дашибовъ передавали мнѣ, какъ непріятно ихъ положеніе и какъ сбивчивы и противорѣчивы распоряженія министерства, требованія уставовъ и условій мѣстнаго управления. Впрочемъ военный генералъ имѣеть какія нибудь права на свое положеніе, а его придворный помощникъ (брать княгини Гагариной, друга Императрицы) никакихъ, и поэтому вовсе не удивительно, что главное гнѣздо преступной молодежи скры-

валось въ здѣшнемъ университетѣ и въ безцеремонной Петровской Академії.

Деляновъ увѣрялъ, что здѣшніе профессоры, даже Бабѣтъ и Чичеринъ, сдѣлались большими консерваторами. Научившись опытомъ въ Лазаревскомъ институтѣ, Бабѣтъ готовъ допустить строгія прещенія, даже розги („ихъ надобно дратъ“). Я не совсѣмъ вѣрю этимъ обращеніямъ. Хотя обращеніе Фритредера Баста сдѣлано и печатно, но timeo Danaos et dona ferentes. Послѣднее сочиненіе Чичерина (о представительствѣ) конечно болѣе умѣренno. Чтѣ касается преимущества классическихъ гимназій, то министерство хотя встрѣчаетъ неодолимыя препятствія въ пріисканіи хорошихъ учителей, но должно до нѣкотораго времени (ужъ не до пріисканія-ли ихъ?) держаться этой системы, какъ основной мысли, принятой высшимъ правительствомъ. Вся надежда министерства—это строжайшіе экзамены*). На этомъ кончился нашъ довольно продолжительный разговоръ съ товарищемъ ministra, который показался мнѣ немногого чиновникомъ. Деляновъ обязанъ блестящею карьерою своею графу Блудову, у котораго онъ нѣкоторое время былъ фактотумомъ.

Петербургское земское собраніе закрыто, и самое положеніе пріостановлено для этой губерніи. Земство крамольничало. Оно, особенно предсѣдатель управы, извѣстный либеральный цензоръ Крузе, подъ предлогомъ и видомъ отчета, критиковало и осмѣивало ministra Валуева и шло съ нимъ на судъ въ Сенатъ, требуя: 1, чтобы законъ 21 Ноября 1866 (общій для Имперіи, о размѣрахъ земскаго налога на торговлю, промыслы и фабричныя зданія) былъ разработанъ земствомъ (следовательно Всероссійскимъ) вмѣстѣ съ центральной администрацией. Это повтореніе крамолы Московской, и 2), чтобы земское собраніе печатало свои пренія и отчеты свободно, безъ цензуры. Но чѣмъ значить крамола гр. Шувалова, гр. Орлова-Давыдова и пр.? Или земство, не имѣя средствъ исполнить свое назначеніе, ищетъ удобнѣйшаго исхода изъ безвыходнаго своего положенія? Или здѣсь играютъ страсти соперничества и соревнованія личностей, или наконецъ (стыдно сказать) все это придуманная комедія. Магнаты наши, недовольные освобожденіемъ крестьянъ, мстять требовательностю, фрондѣствомъ и дерзкимъ порицаніемъ. Еще менѣе сочувствуя другимъ либеральнымъ и пользуясь реакціею послѣ 4 Апрѣля 1866 г., они задумали комедію: подъ маскою либерализма вызвать эту реакцію на дѣйствительныя отмѣны и огра-

---

*) Едва ли эта основательная и законная мѣра приведеть къ консервативнымъ мѣрамъ гр. Толстаго. Строгіе экзамены, это трудъ, а въ труде никакая съ демократіей конкуренція невозможна.

їниченія недавнихъ учрежденій. Иначе понять нельзя агитацио съ именами Шуваловыхъ, Давыдова, Щербатова и подобныхъ. Забіяка Крузе тутъ въ сторонѣ; его только ловко пріискали; искреннимъ своимъ либерализмомъ онъ прикрывалъ узкій сервилизмъ, такъ широко и высоко раскинувшій свои сѣти.

Всего страшнѣе за судебную реформу и за печать. Согласенъ, что и то и другое, по новости и рѣзкости перехода, грызутъ за живое; но и то и другое начинаетъ сглаживаться. Законъ о печати уже измѣненъ. Судебная реформа держалась Стояновскимъ. Стояновскаго выжили и замѣнили гр. фонъ-деръ Паленомъ, креатурою Валуева. Минъ известно, что самъ Замятнинъ не приверженецъ реформы, но слухи и на его мѣсто пріискиваютъ гр. Левашева, которому принадлежитъ честь закрытія Петербургскаго земства. Это отъявленный крѣпостникъ и реакціонеръ съ придачею того безцеремоннаго произвола, какимъ отличались адъютанты покойнаго Николая. Я бы желалъ отъ реакціи одной услуги: чтобы она убѣдила всѣхъ, что всѣ наши реформы для насъ слишкомъ роскошны, и что мы жили и живемъ не по средствамъ нашимъ. Сама по себѣ реакція, какъ и всякая оппозиція, не есть зло; но она дѣлается зломъ, когда въ свою очередь нарушаетъ пріобрѣтенные права и нарушасть свободно и безнаказанно въ странѣ, гдѣ политическій элементъ слабъ и гдѣ мыслящее населеніе такъ малочисленно.

Передавая доклады и журналы на постановленіе первого департамента, за чѣмъ же отрѣшать предсѣдателя, увольнять всѣхъ и закрывать новые и воскрешать закрытые, отъ которыхъ и писцовъ не осталось? Молодому земству это ударъ чувствительный, и онъ отдастся повсюду.

Наступили холода страшные, ртуть мерзнетъ, газъ гаснетъ и птицы падаютъ. Бѣднымъ людямъ бѣдствіе. Мои крошки разнемоглись, вѣроятно отъ общаго состоянія атмосферы. Но эти крайности не помѣшили явленію, которого скорѣе можно бы было ожидать въ Маѣ или на Югѣ. Митя и Тата поднесли матери свои сочиненія, которая учитель нашелъ весьма хорошиими, но Митя поднесъ и стихи. Записываю ихъ „для Исторіи“.

Кто насъ наставитъ на благое?
Кто въ нашемъ горѣ пособить,
Кто радоваться будетъ въ счастѣ,
Коль будемъ честно жить?
Конечно мать....

Эти невинныя вирши доставили намъ большое удовольствіе. Много труда стоило мнѣ доискаться, какими путями дошла 11 лѣтняя головка до стиховъ и ихъ содержанія. Оказывается, что мысль зародилась послѣ

одной изъ прогулокъ со мною, когда я ему объяснялъ: что такое идеаль и къ чему примѣняется это понятіе, присовокупя примѣры, идеаль красоты, идеаль матери, дѣтской любви и др. Мальчикъ—да и сестра едва ли не болѣе—очень воспріимчивъ. Да сохранить ихъ Господ!

Въ городѣ общи говорѣ все о Петербургскомъ земствѣ. Во времени радикальныхъ и быстрыхъ преобразованій естественны и раздражительность, и ошибка въ преувеличеніи. Петербургское земство забылось. Давыдовымъ и Шуваловымъ нужно было вызвать реакцію и ослабить ею всѣ либеральныя нововведенія. Крузе нужно было остыть нагорѣвшее сердце. Всѣмъ пріятно играть въ оппозицію, во фронду. Теперь Петербургскіе фрондёры (да и Московскіе не менѣе) продолжаютъ агитацию и открыли подпиську въ пользу Крузе, желая довести ее выше Комисаровской. О. И. Комисарову съ Апрѣля по 30 Декабря собрано только 34 т. р. Для Крузе не соберутъ и этого. Чѣмъ непріятно въ этомъ фрондёрствѣ, это личность. Въ собраніяхъ земства рѣчь заводили и о царскихъ маневрахъ, уничтожающихъ пажити „бѣдныхъ крестьянъ“, и даже о царскихъ охотахъ, требующихъ снесенія этой повинности съ „бѣдныхъ крестьянъ“ въ смѣту губернскую. Такъ, и въ подпискѣ Крузе замѣшали Комисарова. Я не желаю вѣрить этому и остаюсь при мысли, что цѣль нашихъ магнатовъ—вызвать реакцію и ослабить либеральное направленіе, недостаточно компрометированное рѣскриптомъ 13 Мая. Ну, а займы земства?

Если Москва поражаетъ своею пустотою и сплетнями, то Петербургъ напротивъ—лихорадочною дѣятельностію и кознями партій. Большую силу имѣть теперь партія Шуваловыхъ, особенно шефа жандармовъ гр. Петра Андреевича Шувалова. Но не такъ возмутительны эти козни и сплетни какъ дерзость пройдохъ въ родѣ Д..... (см. выше). Во второй прїездъ свой онъ наскажалъ старику Шипову (совершеннѣйшему Москвичу) о таинственныхъ отношеніяхъ издателя „Народнаго Голоса“, нѣкоего Юркевича-Литвинова съ самимъ Государемъ, котораго онъ „частный корреспондентъ“.

Теперь явился и самъ Юркевичъ-Литвиновъ и въ 2 $\frac{1}{2}$ часовой бесѣдѣ, какъ передавалъ мнѣ Шиповъ, объяснилъ ему свои отношенія. Онъ подавалъ Государю записку о замышляемомъ на его особу покушеніи гораздо ранѣе 4 Апрѣля и послѣ этого события вошелъ и теперь состоить въ личныхъ отношеніяхъ съ Государемъ. Онъ уже неоднократно представлялъ Государю подробныя записки по разнымъ государственнымъ вопросамъ, чрезъ камердинера по извѣстному ему данному адресу. Такъ онъ отстоялъ золотые рудники и розсыпи Сибири, которые рѣшено (будто бы) было продать Англичанамъ за сумму въ пятеро дороже нынѣ отъ золота получаемую государствомъ. Онъ выра-

жалъ свои мнѣнія о министрахъ, какъ Валуевъ находится въ связи съ одною Полькою, живущею въ домѣ Утина, какъ Мезенцевъ кутить и взятки береть по III Отдѣленію. Онъ предлагалъ Шипову свое предстательство, обѣщаю, что завтра же бумаги его (плоды его административного авторства) будутъ у Государя. Наконецъ онъ давалъ Шипову и самый адресъ. Все это пахнетъ какимъ-то секретнымъ агентствомъ, какимъ-то шпіонствомъ и низкимъ пронырствомъ. Почему Д. и Юркевичъ обратились къ Шипову, человѣку безъ всякаго значенія, мнѣ не понятно. Но тутъ непремѣнно должна быть сѣть или паутина. Меня страхъ береть при одной мысли о возможности подобной махинаціи, съ какою легкостію онъ проводятся и какъ незастѣнчиво.

Рѣчь полков. Полетики, на экономическомъ обѣдѣ, въ купеческомъ клубѣ въ Петербургѣ, обѣгаєтъ всю Москву, и Полетика, уже угодившій намъ отвѣтомъ на рѣчь Молинари (въ „Московск. Вѣдомостяхъ“), дѣлается Московскимъ львомъ. Но рѣчь заключаетъ въ себѣ такія дерзкія выраженія, такую бранную критику нашего финансового управления съ 1857 г., что не вѣришь себѣ, чтобы подобныя порицанія дѣйствій правительства могли быть дозволены въ публичной рѣчи и потомъ напечатаны въ газетѣ („Москва“ № 14 Февраля) во всеобщее свѣдѣніе. Съ такими *клубными явленіями* не поздоровится ни кому, ни министру, ни вообще правительству, достоинство и авторитетъ котораго постоянно и постепенно подмываютъ. Мы живемъ во времена процвѣтанія *клубовъ*. Клубъ Ламанского требуетъ свободы торговли, клубъ Полетики требуетъ огражденія внутренней производительности и промышленности. Ораторы бранятся безъ застѣнчивости. Пожалуй, дойдетъ дѣло до дуэлей, не очень впрочемъ любимыхъ нашими любителями словопрѣній. Въ сущности, присмотрясь поближе, рѣчь Полетики есть личность противъ Евген. Ламанского. По поводу споровъ о желѣзныхъ дорогахъ въ 1857 г. назначено было въ пассажѣ публичное состязаніе, на которомъ Полетика вель себя какъ школьнікъ, что вынудило суперъ-арбитра этого состязанія Е. И. Ламанского замѣтить Полетикѣ неприличіе его поведенія и заключить свой судъ памятными словами: „нѣть, мы еще не созрѣли для публичныхъ презій“. Впрочемъ я уже неоднократно отмѣчалъ здѣсь обѣ общемъ раздраженіи умовъ во всѣхъ слояхъ и краяхъ нашего преобразующагося отечества. Крестьянскій вопросъ, дешевка, равноправность земства, свобода печати и суда все, и при томъ вдругъ, поставили вверхъ дномъ и выбили изъ колеи самая скромная существованія. Головокруженіе такъ велико, что все считается возможнымъ и всякия фантазіи осуществимыми. Все сдѣлалось нехорошо и все нужно передѣлать. Судя по *клубнымъ знаменіямъ* и земскимъ волненіямъ, мы наканунѣ конституції. Жалко и грустно видѣть, какъ запутывается

дѣйствительность этими отвлеченными, неожиданными и невыработанными, безъ подготовки, преобразованіями. Особенно жаль лицъ, требующихъ опеки и дисциплины и лишившихся ихъ спасительного вліянія.

Нѣсколько дѣлъ, кончившихся оправданіемъ подсудимыхъ, о Терентьевѣ (убийство для ограбленія), о Волоховой (мужеубийство) производятъ въ высшемъ обществѣ Москвы большиe толки, жалобы на новый судъ и даже опасенія за безопасность. Рѣшенія этихъ дѣлъ, особенно о Волоховой, дѣйствительно указываютъ 1), или то, что недостаточно обнаруживаютъ виновность при предварительномъ слѣдствіи, или 2), то, что палата недостаточно вникаетъ въ основанія преданія суду или наконецъ 3), присяжные пользуются слишкомъ широкимъ правомъ освобожденія, подчиняясь болѣе чувству жалости, нежели долга и опасаясь болѣе ошибки, нежели утверждаясь на необходимости наказанія виновнаго. Я думаю, здѣсь доля участія всѣхъ факторовъ, но преимущественно—слѣдователей. Они торопятся, увлекаются нравственнымъ, часто предвзятымъ убѣждениемъ и свои впечатлѣнія, свои личные убѣжденія переносятъ на присяжныхъ, становясь, такъ сказать, судьями и забывая, что обязанность слѣдователя есть обнаженіе всего событія до послѣдней подробности и до юридической достовѣрности. На слишкомъ большую быстроту у насть расчитывать никакъ нельзя, при нашихъ разстояніяхъ и бродячемъ образѣ жизни. Надобно думать, что опытъ послѣднихъ дѣлъ приведетъ палату къ этому воззрѣнію, и она будетъ возвращать дѣла для дополненія.

За то прекрасно ведено дѣло и постановленъ приговоръ вполнѣ удовлетворительно о студентѣ изъ дворянъ Алексѣѣ Даниловѣ, 19 лѣтъ, осужденномъ за убийство капитана Попова и служанки его, Нордманнѣ, на 9 лѣтъ каторги. Этотъ процессъ какъ бы примирилъ общественное мнѣніе о новыхъ судахъ, настроившееся подъ впечатлѣніями двухъ выше означенныхъ процессовъ.

Сегодня былъ у меня Орловскій губернскій предводитель А. В. Шереметевъ и описывалъ бѣдственное состояніе дворянства и особенно безвыходное положеніе такъ называемыхъ (прежнихъ) мелкопомѣщныхъ. Классъ этотъ, довольно многочисленный, теперь рѣшительно безъ средствъ и почти вынужденъ искать своего содержанія въ воровствѣ и грабежѣ. Эти дворяне, порочные дворовые, порочные солдаты и заштатные чиновники должны составить значительный контингентъ уголовнаго населенія, которое вообще очень многочисленно и грозить увеличиться и отъ смягченія наказаній и отъ ростущей бѣдности, главной среди набора этого населенія. Имъ и въ Европѣ одно убѣжище,—соціализмъ или предпріятія Мадзини, Гарибалльди или феніанизма. Скоро бѣдность по-

требуетъ законнаго признанія права стачекъ и дароваго существованія на счетъ имущихъ.

Я наконецъ видѣлъ „Гражданскій Бракъ“ Чернявскаго, имѣющій такой огромный и продолжительный успѣхъ въ обѣихъ столицахъ. За нѣсколько дней записываются на билеты. Успѣхъ, по моему мнѣнію, совершенно незаслуженный. Пьеса скорѣе подтверждаетъ, нежели отвергаетъ „женскій вопросъ“. Дядя (Самаринъ) прямо говоритъ, что въ Америкѣ вопросъ этотъ созрѣлъ, а въ Россіи поднимать его рано. Стало быть вопросъ только о времени. Старый слуга (Садовскій) разсуждаетъ, что „Гражданскій Бракъ“, въ *крестьянскомъ* быту непримѣнимъ, и что этотъ быть совершенно различенъ отъ дворянскаго. Стало быть, вопросъ о положеніи. Пьеса держится и имѣть успѣхъ исполнителями: Шумскій (глупѣйшая роль семинарскаго нравоучителя), Садовскій, Федотова и лице самаго дурака-нигилиста (Вильде) разыгрываютъ превосходно и любимцы Московской публики.

Содержаніе очень просто. Глупенький молодецъ журнальными фразами обольщается (какъ и чѣмъ именно?) глупую дѣвушку, бѣжитъ съ ней и потомъ бросаетъ ее для какой-то баронессы, помѣшанной на словѣ „рутинѣ“, которое она бросаетъ вся кому. Обманутая чахнетъ и умираетъ, произнеся какое-то длинное наставленіе негодяю, явившемуся къ часу смерти въ лохмотьяхъ. Но драма не въ содержаніи, а въ рѣчахъ трехъ резонеровъ—учителя, старого слуги и дяди. Дядя, и особенно съ игрою Самарина, действительно выражаетъ современный быть нашъ, весь сумбуръ молодаго переходнаго времени.

Сецессія шести лучшихъ профессоровъ Московск. университета: Соловьева, Бабста, Чичерина, Дмитріева, Капустина и Рачинскаго продолжается. Попечитель оставляетъ свой постъ, министръ не хочетъ входить въ сдѣлку, и такъ, главнѣйшія каѳедры ожидаютъ запустѣніе. Началъ это дѣло Дмитріевъ протестомъ противъ выборовъ Лѣшкова въ заслуженные профессоры на 5 лѣтъ. Протестъ ни на чѣмъ не основанъ или основанъ на невѣрной ссылкѣ на X т. Свода (безъ указанія статьи, впрочемъ подходящей). Министръ (Головнинъ) утвердилъ Лѣшкова. По возвращеніи Чичерина изъ заграницы, онъ, по поводу этого же дѣла, вошелъ въ совѣтъ съ мнѣніемъ, и при преніяхъ почтенные педагоги напоминали не то бурсу, не то школьниковъ. Совѣтъ, по большинству, отклонилъ разсмотрѣніе дѣла, конченаго министромъ. Недовольное меньшинство обратилось къ попечителю, и генералъ Левшинъ предложилъ совѣту войти въ разсмотрѣніе внесеннаго Чичериномъ вопроса. Совѣтъ оставилъ предложеніе безъ послѣдствій, и дѣйствія Совѣта признаны правильными въ Петербургѣ. Тогда меньшинство подало въ отставку. Все это, говорять, игра или борьба партій, изъ которыхъ старая (ректор-

ская) подъ совершеннымъ вліяніемъ Каткова (Леонтьева); а молодая, меньшинство, не желаетъ мать-игуменью (Баршева) въ ректоры и вообще желаетъ управлениі и распоряженія по университету исключительно и строго коллегіального.

Я видѣлся съ генераломъ Левшинымъ. Онъ въ лихорадочномъ и жалкомъ положеніи. Онъ и князь Н. И. Трубецкой положительно обвиняютъ гр. Толстаго въ предательствѣ и въ подобострастіи Московской газетѣ. Они увѣряютъ, что министерскій отвѣтъ продиктованъ Делянову у Каткова-Леонтьева. Что „Московск. Вѣдомости“ имѣютъ большое вліяніе, это не подлежитъ никакому сомнѣнію; что Головнинъ и гр. Толстой подкупали Каткова разными предложеніями, это даже напечатано; но изъ самаго несвязного рассказа Левшина видно, что онъ виноватъ самъ: предлагая Совѣту войти въ разсмотрѣніе мнѣнія Чичерина, онъ дозволилъ себѣ сдѣлать всей коллегіи—замѣчаніе, не имѣя на то права. Вообще онъ сдѣлалъ на меня самое печальное впечатлѣніе. Не менѣе жалкое существо и ректоръ Баршевъ. И при такихъ личностяхъ ожидаются порядка! И въ какое время! Немудрено, что отношенія путаются, мелкія самолюбія сталкиваются, дрязги раздуваются въ толстые и знаменательные факты, а университетская молодежь страдаетъ. Вообще незапное появленіе журналистики, какъ силы, привело многія условія въ смѣщеніе и многія личности въ смятеніе.

Сегодня очень долго сидѣль у меня генераль-губернаторъ, нашъ роскошный князь Влад. Андр. Долгорукій. Онъ вяль, женоподобенъ и ограниченъ. Конечно посты его потеряло прежнее значеніе, но то значеніе, которое можетъ поддержать щегольской генераликъ, посты этотъ имѣть уже не можетъ. Къ означеннымъ качествамъ князь присоединяетъ то, что онъ трусоватъ и окольными дорогами любить заискивать въ писакахъ и въ журналахъ. Онъ доискивался, отъ чего бы мнѣ не принять мѣсто попечителя университета? Я объявилъ ему тоже что и Делянову. Если Совѣтъ университета будетъ поставленъ въ зависимость отъ попечителя округа, то я готовъ потрудиться и особенно надѣюсь быть полезенъ для гимназій, гдѣ распущенность и нигилизмъ господствуютъ систематически. Во всемъ разговорѣ князя столько мелочной растянутости, незрѣлости и незнанія государственного дѣла, что удивляешься, какъ не раскусилъ его Петербургъ, пославъ на воеводство въ такую столицу и въ такое время! Въ немъ нѣть ни авторитета, ни хитрости, ни даже ловкости. Онъ неспособенъ ни на что рѣшиться, ничего отвергнуть, а только медленно и мягко жевать дѣло, пересыпая самыми пошлыми Французскими прибаутками. Углубиться въ предметъ онъ не можетъ, а во всемъ, что выходитъ изъ ряда обыкновенныхъ дѣлъ онъ видить только опасность неудачи или умыселъ компрометировать его положеніе.

женіе. Онъ хорошо угощаетъ обѣдами и раутами, прекрасно одѣвается и причесывается. Боже мой, какимъ людямъ поручаются такие важные интересы и въ такое важное время!

Генераль Тотлебенъ присланъ сюда для образованія Московскаго отдѣла благотворительного общества для арміи. Общество должно обнять всю имперію и дѣйствовать на манеръ Пруссаго Johanniter и Nazional-Bank (частное общество пощеченія о больныхъ и раненыхъ во время войны). Предсѣдателемъ отдѣла митрополить. На дняхъ появится правительственное объявление о томъ, что Россія приступаетъ къ постановленіямъ Женевскаго кантона о госпиталяхъ и уходѣ и пособіи раненымъ во время войны. Извѣстно, что конгрессъ подводить эти учрежденія и лицъ, въ нихъ участвующихъ, подъ охрану международнаго права. Нельзя сказать, чтобы агитація Тотлебена привлекла многихъ участниковъ; всѣ жалуются на безденежье, и многие видятъ въ новомъ обществѣ эксплуатацію, невольное пожертвованіе, облеченненое въ довольно бюрократическія формы. Но митрополить и старые генералы заняты имъ и вѣрять въ успѣхъ, котораго я, старый генераль, не жду, потому что всѣ сколки и подражанія, какъ и всѣ наши теоретическія созиданія, не могутъ преуспѣвать, будучи чужды жизни и понятіямъ народнымъ, жизни бѣдной, понятіямъ, поглощеннымъ насущными требованиями. Герой Севастополя болѣе Прусакъ и дѣйствуетъ какъ истый Johanniter, пріѣхавшій изъ Берлина въ Петербургъ.

Старiku митрополиту есть бы чѣмъ заняться и другимъ, если на 86 году могутъ люди заниматься дѣльно. Въ газетахъ развивается и разрабатывается въ Синодѣ и въ полемикѣ вопросъ о преобразованіи духовныхъ училищъ и семинарій и о прекращеніи духовнаго сословія какъ касты. Требуютъ и хотятъ сдѣлать, чтобы священники были не по назначению, а по призванію, *par vocation*, какъ говорить Мишле. Андрей Muравьевъ сильно возстаетъ противъ этого. Всѣ газеты защищаютъ, и защищаютъ громко начало невмѣстности касты съ современною гражданственностью. Вотъ тутъ старику Филарету, съ его авторитетомъ и познаніями, есть достойное призваніе. Начала, вводимыя помимо историческаго пути развитія и внѣ постепенного его движенія, способны исказиться самыми непредвидѣнными и самыми уродливымъ образомъ. Въ 1860 годахъ въ Петербургѣ были въ модѣ благодѣтельныя Воскресенія школы, превратившіяся, къ крайнему изумленію правительства, въ открытые каѳедры нигилизма и коммунизма. Нельзя не имѣть опасеній, что къ священству возымѣютъ призваніе такие молодцы „Молодой Россіи“ или „Земля и Воля“ или „Свобода № 1 и 2“, соціалисты и фанатики, которые вызовутъ расколъ повсемѣстный, дробный, превратить храмы Божіи въ аудиторіи и оперируютъ слѣпоту народную. такъ что

отъ вѣры и слѣда не останется въ потопѣ разныхъ вѣрованій, убѣженій и толкованій. Аматеры-священники превратить святое дѣло въ политическую пропаганду, и „батюшки“ будуть артистами, учителями и пропагандистами. Начало призванія введеть въ нашу церковь что-то лютеранскоѳ и лишить ее православія, охраняемаго единствомъ служителей и вѣками сложившейся вѣры, основанной на текстѣ Св. Писанія и обрядности служенія.

Несмотря на два лотерейные займа, на два виѣшніе займа, на выпускъ двухъ серій билетовъ казначейства, deficit въ государственной росписи смѣется надъ всѣми сокращеніями, доходящими иногда до сѣмьшиаго (въ институтахъ), и правительство рѣшилось *in principio* продать Николаевскую желѣзную дорогу, чтобы продолжать начатую сѣть до Киева и далѣе. Помогай Богъ и займамъ, и постройкамъ, но избави Боже отъ отчужденія. Странное предубѣжденіе господствуетъ надо мною. Я люблю и уважаю замышляемыя и исполняемыя преобразованія и предпріятія, но я не вѣрю въ ихъ оконченность и въ ихъ пользу. Мнѣ кажется, мы непремѣнно напутаемъ; мнѣ кажется, и блескъ судебнай реформы и диктаторскія, революціонныя мѣры въ Польшѣ и въ Западныхъ губерніяхъ ни къ чему полезному не приведутъ. Усиленіе преступленій—разъ, раззореніе края—два. Мнѣ кажется, мы все дѣлаемъ вторые шаги, не сдѣлавши первыхъ и прыгая, идемъ невѣрно и непрочно. Такую же торопливость вижу я и въ постройкахъ желѣзныхъ дорогъ и въ выборѣ ихъ направленій. Мнѣ кажется, самый общій планъ главнѣйшихъ направленій не изученъ достаточно. Дорога на Либаву, съ Козлова на Воронежъ—это роскошь, а мы строимъ въ долгъ и съ гарантіями.

Мы подражаемъ Западу, болѣе нежели когда нибудь. Ничего самостоятельнаго, ничего истекающаго изъ своихъ родниковъ жизни. Непомѣрно быстрое движеніе наше на политическихъ поприщахъ самоуправлениія и гласности обратится къ нашей же невыгодѣ. Засѣданія самоуправлений заняты обвинительными актами администраціи, колонны гласности дерзкою до самозабвенія полемикою мнимыхъ партій и разными обличеніями, гораздо болѣе враждебными, нежели *воровскія* обличенія „Колокола“. А между тѣмъ политическое это направлениѳ подрывается солидное добросовѣстное ученіе въ гимназіяхъ и университетахъ. Въ этомъ главная причина нашей отсталости, и она продлится, доколѣ не придемъ мы къ нормальному состоянію, когда постепенность успокоитъ умы, когда прочные порядки не будутъ грозить самыми вѣрными расчетами и когда твердость организаций отвѣтить за его продолжительную и полезную дѣятельность.

Университетское дѣло разыгрывается дурно. Шесть лучшихъ преподавателей написали довольно рѣзкое письмо къ министру и, по моему, должны безповоротно выдти изъ учебнаго вѣдомства. Если письма не извращаютъ событій, то шесть профессоровъ совершенно правы. Къ нимъ присоединились Мюльгаузенъ и Буслаевъ, но эти двое прошений обѣ отставкѣ не подавали. Говорилъ мнѣ (Левшинъ), что Буслаевъ въ Совѣтѣ и очень мирно заявилъ собранію, что онъ находитъ несовмѣстнымъ съ достоинствомъ университета быть подъ чьимъ бы то ни было вліяніемъ. Говорить, что Наслѣдникъ, встрѣтъя графа Толстаго, сказалъ ему: „Вы смотрите, защитите моихъ Московскихъ пріятелей“. Мнѣ очень не нравится, что въ подобныя исторіи всегда замѣшиваются императорскую фамилію. Теперь, когда партія охранительная (олигархи) поднимаетъ голову, всѣ газеты сочли долгомъ своего служенія ополчиться на эту партію подъ видомъ разбора мнѣній газеты „Вѣсть“, и Катковъ написалъ нѣсколько весьма сильныхъ передовыхъ статей, назвавши покровителей „Вѣсти“ врагами народа. Слова народъ и нація, Россія стали употребляться чаще и рельефнѣе. Въ трехъ превосходныхъ статьяхъ (Ю. О. Самарина) въ „Москвѣ“, направленныхъ противъ пановъ и бароновъ, разбирается между прочимъ идея, какъ объединяющее начало, о царь-дворянинѣ, о царѣ, какъ первомъ служиломъ человѣкѣ и проч. Едва ли эти разсужденія принесутъ больше силы авторитету, и вовлеченіе царскаго чина въ газетную полемику сближаетъ мысль съ вопросомъ обѣ отвѣтственности верховной власти, по крайней мѣрѣ въ ея представителяхъ и исполнителяхъ. Ожидаютъ запрещенія „Москвы“; но и эти мѣры скоро пріѣдятся. Восторжествуй шестеро профессоровъ, и каѳедры готовы будутъ превратиться въ трибуны; побореть министръ, выходъ шести даровитыхъ преподавателей произведетъ общее тяжелое впечатлѣніе, раздражить Московскую и другую молодежь и вызоветъ публичныя заявленія, для которыхъ нужны будутъ новыя изыятія, прещенія и строгости. Такъ неловко и неразумно ставить себя правительство услужливыми какъ медвѣдь неспособностями. Оно безъ достоинства, безъ силы и безъ оружія. Финансовое разстройство дасть событіямъ верхъ (или уже дало?) надъ властію, изнуряемою превратными и плохо обдуманными направленіями, и—пошла писать! Правда, насть спасаетъ невѣжество народа; но во-первыхъ, есть людъ и безъ народа, мѣщане, церковники, мелкие дворяне, чиновники и бывшіе дворовые (ихъ много), а во-вторыхъ, донимаютъ и народъ дешевкою и налогами. Преступность ростетъ, самоубійства множатся, и самыя основы нравственности и порядка представляются очень сомнительными. Странное явленіе: свобода и образованность выражаются у насъ распущенностью и развращеніемъ. Никогда не было столько льготъ и никогда не было столько смертныхъ казней.

У насъ только и слышишь, что правительство тупо и глупо, и что оно или занимаетъ, или выпускаетъ бумажки, или продаеть, вчerasь Николаевскую дорогу, сегодня Сѣверо-американскія владѣнія. Все это не нормально и все это находить въ обществѣ плохой отголосокъ. Вообще, настоящимъ преобразованіемъ сочувствуютъ одни журналисты, и та небольшая партія, которая считалась при Николаѣ либералами, идеологами. Всѣ сословія ропщутъ; ропщутъ не на преобразованія, а на уменіе благосостоянія. Прежде было больше довольства. А большинство наше, миллионы изъ насъ, прежде всякой свободы желають обезпеченія материальнаго. Большинство—это народъ. Невѣжество его спасаетъ насъ, и всѣ эти разбрасываемыя прокламаціи, золотыя грамоты, пропаганда, представляются какими-то единичными, безсвязными явленіями. Народъ можно пошевелить мошною и мольбою. И этого-то главнѣйше надобно опасаться. Налоги дѣлаются несоразмѣрными съ крестьянскими средствами, экзекуція не приносить ползы, она только разоряетъ въ конецъ. Случись наводненіе, голодъ, должно ожидать явленій страшныхъ. У головная статистика подтвердить, что преступность развивается по мѣрѣ нужды и люты. Молитва т. е. богослуженіе и проповѣдь—главная и единственная всенародная школа—тоже чаютъ опасности. Бояться должно, что народъ, при свѣтскомъ духовенствѣ, весь перейдетъ въ расколъ поповщины, какъ въ 1791 г. Французы содержали своихъ *безприсяжныхъ* священниковъ. Когда эти двѣ мѣры переполнятся, тогда народъ заговорить, и ослабленное въ силѣ и достоинствѣ правительство потеряетъ въ глазахъ его всякое значеніе.

Туть припомнить расточительность и мотовство правительства. Замѣчательно, что у насъ было это время два дѣла обѣ оскорблениі величества, въ которыхъ крестьяне, на сходкахъ о недоимкѣ, называли Государя *мотомъ*. Тогда народъ припомнить и страшную роскошь Петербурга и воровства въ миллионахъ, совершенная чиновниками, всѣ эти Клевенскіе, Политковскіе, Вердеревскіе, Гаевскіе и *tutti quanti*, мелкие и крупные. Въ самомъ дѣлѣ, украдь миллионъ, украдь *полтора миллиона* соли, это возмутить хоть какое равнодушіе. Полтора миллиона соли—это цѣлья горы, а надъ этими горами сидѣли губернаторъ, генераль Одинцовъ и генераль-губернаторъ генераль-адъютантъ Огаревъ. Да кѣмъ же окружены Государь? Васть обманываютъ! Въ эти одиннадцать лѣтъ сколько безвозвратно, непроизводительно и безслѣдно потрачено денегъ!

Редакція „Москвы“ въ 66 № 23 Марта дошла до послѣднихъ предѣловъ свободы, либеральничанья и цинизма. Разбирая циркуляръ цензурнаго комитета, всѣдствіе требованія гр. Адлерберга (старого волокиты) о неприличныхъ отзывахъ печати про театры, редакція (не-

премъяно И. Аксаковъ) предположила самому разбору нѣсколько рѣзкихъ суждений о несогласіи новыхъ порядковъ съ требованіями „репрессивныхъ старческихъ похотей“. Со времени женитьбы Аксакова на фрейлинѣ Аннѣ Тютчевой, перо его частенько выражается нес совсѣмъ галантейно. Впрочемъ „Москва“ вѣрна и „Парусу“ и „Дню“. Аксаковъ неизмѣненъ. Жаль, что накликается на запрещеніе; точно, оно въ его видахъ.

Другой редакторъ, М. П. Погодинъ, тоже неизмѣненъ; онъ crescendo вѣренъ тому, что онъ былъ за 15, за 25, за 35 лѣтъ. Какъ я очертилъ его въ „Царь-Горохѣ“ въ 1833 году, онъ такой растрепаный, немытый, нечесаный и остался и остается. Онъ съ 13 Марта издаетъ недѣльную газету „Русскій“. Гораздо приличнѣе бы было назвать его народнымъ *Степка-растрапка*. Боже мой, что это за газета! На какой-то оберточной бумагѣ, какимъ-то плохимъ шрифтомъ, со множествомъ опечатокъ и почти всѣ страницы (4 №№)—пера редакціи. А онъ все тотъ же! Говорить обо всемъ спѣшно, поверхности, жалко; путаетъ предметы, смѣшиваетъ обязанности, беспрестанный паѳосъ, опять величіе, богатства Россіи, жителей сто миллионовъ, земелекъ не мало, Ташкентъ, Архангельскъ и Дербентъ, наши дипломатические чиновники при посольствахъ, наши царицы изъ Гречанокъ и слава Великорусского племени, и *bala* вмѣсто *fata* и *folla* *fourn  e* вмѣсто *folle journ  e*, и отодрали бы его розгами, а не судить два часа, и представить бы сдѣлать расправу судебному слѣдователю—„и вся недолга“! Не вѣришь глазамъ. Точно человѣкъ не въ здравомъ умѣ. Выбитый изъ колеи, Погодинъ дѣйствительно болѣнъ лихорадкою самолюбія; но я никакъ не ожидалъ, чтобы въ настоящее время онъ рѣшился писать и мыслить такъ безцеремонно и неряшливо. Онъ просто принимаетъ публику за свою семью съ ея прислугою. Такое служеніе вредить и дѣятелю. Впрочемъ онъ не можетъ быть опасенъ. Онъ рубить сплеча и хвалится Русскою силою и нашими богатствами. Опасны „Москов. Вѣдомости“, опасна „Москва“. Онъ часто говорить не разсудку, а страсти и первыя бросаютъ прямо въ лицо подозрѣнія и устрашенія, говоря съ авторитетомъ.

Прочель я драматическую хронику Островскаго „Самозванецъ и Шуйскій“. Это дѣйствительно не драма, а хроника, разговорная исторія по новѣйшимъ изслѣдованіямъ (Костомарова и Бицина). Сочиненіе замѣчательное, прекрасно обработанное, иногда мастерски сгруппированное, но едва ли исторически вѣрное. Шуйскій представленъ героемъ, какимъ, кажется, не былъ, не умѣвъ справиться даже съ Тушинскимъ таборомъ. Монологъ его къ боярамъ, послѣ ссылки, исполненъ потрясающихъ впечатлѣній. Это одна изъ лучшихъ страницъ. Монологъ Димитрія о томъ кто онъ—тоже хорошъ. Дмитрій представленъ умнымъ

и ловкимъ вѣтреникомъ, а кажется, послѣ столькихъ опытовъ, онъ могъ бы быть посолиднѣе. Разговоръ съ Мариной много теряетъ послѣ сцены у фонтана Пушкина, но исторически, кажется, правдоподобнѣе Пушкина. Дмитрій самъ не зналъ кто онъ. Въ отвѣтѣ Маринѣ о „безспорныхъ наслажденіяхъ“ есть что-то не дѣвичье и не 1600-е годы. Удивительно откровененъ герой Шуйскій. Уже при вѣзде Дмитрія онъ дѣластъ вслухъ ясные намеки. Въ самомъ монологѣ выражается насмѣшка и жажда мести боярамъ. Въ Маѣ 1606 г. онъ привлекаетъ въ заговоръ не только бояръ, но и уличную толпу за недѣлю до восстанія. Сдается мнѣ, что въ сочиненіи есть и тенденція. „Смерть I. Грознаго“ графа Толстаго представляеть бояръ какъ оплотъ престола и опекуновъ народа; здѣсь Шуйскій объясняетъ, что бояре дѣйствуютъ ложью, когда надо. Бояринъ говорить, что народъ—стадо! Поставить хронику на сцену можно, и эффектовъ будетъ много; но постановка обойдется дорого. Развѣ пригодятся декорациіи и костюмы драмы гр. Толстого? Сомнѣваюсь, чтобы дирекція поставила. „Репрессивныя старческія похоти“ не захотятъ.

Этотъ же предметъ (Годуновская эпоха) подъ названіемъ „Смута“, обработалъ и еще съ болѣшимъ знаніемъ исторіи (кромѣ Чаева) другой писатель—Бицынъ; но книга его, думаю я, будетъ имѣть успѣхъ посредственныій. Языкъ лѣтописи тяжель для чтенія, теменъ, суховать. Здѣсь герой Шуйскій—просто баба, а настоящій герой—Ляпуновъ или Мининъ. Есть что-то возбуждающее въ этомъ сосредоточенномъ на народной эпохѣ изученіи смутнаго времени. Вызывается, выставляется народъ и одушевленіе, демократія и война. И въ самомъ дѣлѣ, въ воздухѣ пахнетъ народомъ и воиною. При данныхъ льготахъ и вольностяхъ стыднѣе сносятся Парижскія невзгоды 1856 года и, ползуясь своими правами, печать хочетъ сослужить народную службу.

Газета „Москва“ получила третье предостереженіе и пріостановлена на 3 мѣсяца. Основанія выражены различныя и общія, и частныя, и мѣстныя. „Московскія Вѣдомости“ замѣчаютъ: „за №№, въ которыхъ опровергались известныя тенденціи газеты „Вѣсть“. Эта война съ м. в. д. Валуевымъ довольно смѣлая; но справедливо ли это замѣчаніе? Нѣтъ. Статьи „Москвы“ относились къ Остзейскому краю и, писанныя Самаринъ, имѣли всю поступь личности противъ Валуева, дѣйствовавшаго въ краѣ съ указанного въ статьяхъ 1849 года. Къ этой личности присоединяется вѣроятно и другая: старческія похоти гр. Адлерберга. А все это имѣть источникомъ необузданное стремленіе Московскихъ газетъ глумиться надъ правительствомъ и несомнѣнное усиленіе реакціи. Если Московскія газеты безпрестанно толкуютъ о народѣ, о врагахъ его, то газета „Вѣсть“ такъ и сѣменитъ о революціонныхъ событияхъ,

объ охранительныхъ началахъ. Походъ на „Вѣсть“ доказываетъ, что реакція дѣйствительно усиливается и, усилясь, надѣется окружить Государя своими людьми и съ помощью ихъ, съ малыми прибавками, измѣнить и земскіе и судебные порядки. Изъ Петербурга безпрестанно приходятъ слухи о перемѣщеніяхъ въ реакціонномъ духѣ: на мѣсто Мельникова—гр. Баранова, Милютина въ Варшаву, слабаго Замятнина прочь. Они готовы были бы спустить и Рейтерна, да не обрѣтается въ рядахъ финансиста. Графъ Дм. Толстой консерваторъ изъ консерваторовъ. М. Лонгиновъ назначается—губернаторомъ*). Подождемъ 17 Апрѣля. Государьѣдетъ въ Москву. Москва всегда имѣть вліяніе въ національномъ смыслѣ. Национальный смыслъ немножко патріархальный, помѣщичій; но осуществленіе нашихъ либеральныхъ реформъ совершено такъ быстро, такъ круто, столько смѣшало и оскорбило столько привычекъ, положеній и вкоренившихся обычаевъ, что оппозиція патріархального (разумѣется, теперь облагороженнаго) порядка должна принести свою долю пользы. Можно опасаться одного: какъ бы одностороннія помѣщичи стремленія не повели дѣла своеокорыстно и узко. Разумѣется, свободная печать не допустила бы этого, но допустятъ ли свободную печать?

Вотъ обнародована и государственная роспись на 1867 годъ. Она весьма замѣчательна. Во-первыхъ, бюджетъ Царства введенъ въ общую роспись, хотя частію, въ видѣ отдельного параграфа. Во вторыхъ, значительно увеличены прямые налоги. Въ третьихъ, увеличивается значительно и процентный долгъ. Въ 1867 году числится процентовъ 75 миллионовъ. Уменьшилась сумма акциза съ вина. Аренды требуютъ 2 мил. Пенсіи—17 мил. Возвышеніе налоговъ—мѣра въ высшей степени непопулярная. Народъ начинаетъ роптать. Въ виду недоимки и, пожалуй, „доимочный приказъ“. Конечно есть заработки—земляные работы на линіяхъ желѣзныхъ дорогъ; но эти мѣстные заработки далеко не такъ выгодны, какъ это можетъ казаться, и при томъ же крестьяне находять тутъ соперничество въ штрафныхъ солдатахъ и арестантахъ. Будь неурожай, приди война, недоимки въ прямыхъ налогахъ удвоить, уплатить 4 мил. предположенные въ росписи. Проценты по выѣшнимъ займамъ, не покрываемые Сибирскимъ золотомъ, еще болѣе понизить нашъ бумажный рубль, и теперь стоющій уже 320 сантимовъ.

*) Я потому упоминаю здѣсь о М. Лонгиновѣ, что этотъ известный крѣпостникъ, говоря со мною зимою 1866 г. о необходимости оппозиціи правительству, закончилъ такъ: „Что же дѣлать, если все правительство наше состоять изъ революціонеровъ!“ Теперь г. крѣпостникъ составляетъ часть этого правительства. Я, собственно, вижу въ этомъ болѣе случайность, нежели послѣдовательность системы.

Ожидали сокращеній. Но какія могутъ быть сокращенія при общихъ преобразованіяхъ, при затратахъ на новыя орудія, при общемъ возвышеніи окладовъ жалованья? Отъ скромной (не очень скромной) цифры 1855 года 264 мил. дохода смѣта на 1867 годъ ожидаетъ дохода 397 миллионовъ, и это въ 12 лѣтъ! Нормальный расходъ (до войны) 1840-хъ и 1850-хъ годовъ требуетъ, уже думая о войнѣ—огромной суммы 280 мил. А теперь, на 1867 г. со всѣми сокращеніями и безъ приготовленій къ войнѣ, этотъ нормальный расходъ, *по расписи 1867 г.*, исчисленъ въ 444 миллиона! Но сколько передержится—неизвѣстно. А остановиться трудно, невозможно. Много характера, силы воли нужно для поворота къ нормальнымъ исчислѣніямъ. Радикальныя реформы всегда ведутъ къ неумѣреннымъ тратамъ, ибо на нихъ основывается успѣхъ этихъ реформъ. Бюджетъ Петра I-го былъ едва ли въ 4 миллиона, но народъ тяготился налогами и называлъ великаго дѣятеля порожденiemъ сатаны, антихристомъ. Народъ уже ропщетъ и теперь. Онъ обвиняетъ Петербургъ въ мотовствѣ, и гласные изъ крестьянъ открыто говорять въ земскихъ собраніяхъ, что сборы дѣлаются невыносимыми. Будь еще внутренній заемъ—торговля станетъ; она и теперь остановилась на главнѣйшихъ ярмаркахъ, въ Нижнемъ, въ Полтавѣ, въ Ростовѣ, въ Ирбитѣ. Въ нуждѣ и бѣдности просвѣщеніе не пойдетъ. Онъ ведутъ къ преступленіямъ и преступленіямъ наглымъ.

Апрѣль. Сегодня обѣдалъ у меня финансистъ (герой протекціонистовъ), возвратившійся изъ Петербурга *), гдѣ онъ представлялъ ходатая за фабричныхъ и получилъ обѣдъ съ рѣчью Полетики. Уши вянуть, слушая его разсказы о томъ, какъ выходить по жребию 5% билеты („да вѣроятно и лотерейные“) и какъ своеокорыстно дѣлаются заграницы операциі, теперь выдѣленныя изъ вѣдомства Банка.

Продана Русская Америка, продается Николаевская дорога, компанія отказывается отъ проведения телеграфа черезъ Сибирь, Берлинскіе капиталисты отказываютъ въ ссудахъ на земскія дороги, Рейтернъ и Гротъ предсказываютъ deficit въ акцизномъ сборѣ до 25 мил. Обѣщаются новый заемъ, грозить войною. Ничто не страшно. Никакія явленія не страшны, страшны ихъ причины и послѣдствія. Важно то, какъ продать, на какихъ условіяхъ. Вообще пора бы постановить законъ о порядкѣ отчужденія государственной собственности. Я написалъ объ этомъ большой трактатъ въ Министерство Госуд. Имуществъ, но въ ходъ онъ не пошелъ: тогда въ ходу была раздача казенныхъ земель. Я предполагалъ предоставить это общему собранію Сената и Государственного Совѣта, по выслушаніи мнѣній отъ сословій мѣстности, гдѣ

*) Александръ Павловичъ Шиповъ.

находится имущество. Вообще, у насть важнѣйшія дѣла совершаются довольно несложно, единолично и безъ особенныхъ гарантій обдуманности и отвѣтственности. Чтобы получить св. Станислава 4 степени, нужно три представлениѧ, извѣстныя условія, положенія комитета всѣхъ министровъ и высочайшее его утвержденіе; а чтобы получить 22 т. десятинъ (цѣлый Лихтенштейнъ) достаточно доклада генераль-майора Зеленаго и его же подпisi: высочайше повелѣно исполнить. Такъ иногда по личному докладу и единоличному рѣшенію возвышаются (и какъ!) и устанавливаются подати, какъ это было въ 1859 г. о воз-
вышеніи оброчной подати и установлениі лѣсной. Всѣ хотятъ выслуш-
житься и нажиться, а достоинство,уваженіе и охраненіе царской власти
намъ ни по чемъ. О государствѣ, обѣ отечествѣ только говорять. На-
добно надѣяться, что гласность выработаетъ болѣе отчетливости и
добросовѣтности въ нашей частной, общественной и государственной
сферахъ. Дай Богъ! Но я опасаюсь и послѣдствій искаженія гласности.
Гласная чернота—это уже цинизмъ, гласный порокъ—это уже без-
стыдство, гласный обманъ—это уже ремесло. Гласность есть отчетъ
суда обществу, общественному мнѣнію. Общество есть сложившійся
организмъ, а общественное мнѣніе есть окрѣпнувшее понятіе обѣ общихъ
предметахъ. Сложиться организму можно въ извѣстныхъ рамкахъ и при
извѣстныхъ условіяхъ, которыя у насть можно найти городахъ въ пяти-
тишти. Какое общество во Владимирѣ, въ Бѣлозерскѣ, въ Ладогѣ? Въ
Петербургѣ есть общество и должны бы быть окрѣпнувшія понятія
обѣ общихъ предметахъ; между тѣмъ посмотрите: Протопоповъ ударилъ
въ лицо главнаго своего начальника гр. Коскуля за то, что опредѣленъ
помощникомъ гр. Комаровскій. Публика аплодируетъ защитнику, она
аплодируетъ оправданію Протопопова присяжными. Предсѣдатель при-
казалъ публикѣ оставить залу. Аплодируя и выходя изъ залы (пишутъ
мнѣ) многіе громко говорили, кричали: „такъ и надоно этимъ Нѣмцамъ“
(гр. Коскулю), или „графы-монополисты“ (Сиверсь, Коскуль и Кама-
ровскій). Какое же это окрѣпшее понятіе о томъ, что „никого, а тѣмъ
менѣ начальника, бить не слѣдуетъ?“

Телеграммы о войнѣ изъ Люксембурга перекрециваются, мѣняются
и маскируются. Дѣло придумано дѣйствительно запутанное. Въ Лондон-
скихъ конференціяхъ въ 1831 г. Люксембургъ былъ раздѣленъ на двѣ
части, и Французскій назначенъ былъ Бельгіи, а другая половина мень-
шая, Нѣмецкая, Голландія. Когда наконецъ и Голландія, въ 1839 г.,
присступила къ этимъ конференціямъ, то въ окончательномъ трактатѣ,
въ отношеніи Люксембурга, пояснено, что король Голландскій войдетъ
въ соглашеніе „съ Германскимъ союзомъ и агнатаами Нассаускаго дома“. Теперь нѣть ни союза, ни Нассаускаго герцогства. Ихъ представляеть

Пруссія, гр. Бисмаркъ. Уже одно то обстоятельство, что Прусскій гарнізонъ остался и остается въ крѣпости и по выходѣ Люксембурга изъ союза, доказываетъ, какую важность прилагаетъ Пруссія этому пункту. Важенъ онъ и для Франціи, какъ стратегіческій пунктъ и какъ начало аннексіи Бельгіи. Поэтому война вѣроятна, и обращеніе къ державамъ Лондонскихъ конференцій есть просто отсрочка для окончанія вооруженій. Нѣтъ сомнѣнія, что Франція заручилась Голландіей и Австріей. Наполеонъ такъ много имѣлъ неудачъ, и такъ упало его обаяніе, что ему нужны блескъ, громъ и слава, чтобы держать въ рукахъ славолюбивую націю. Но тутъ, кажется, ожидаетъ его „еще ошибка“ и послѣдняя неудача. Люксембурга ему не дадутъ, и Пруссіи ему не побѣдить. Первенствующая на материкѣ держава перестаетъ быть ею: во всѣхъ отношеніяхъ Франція второй имперіи оказывается несостоятельною. Но для окончательного сокрушенія революціонныхъ династій едва ли не потребуется участіе Россіи. Нежелательно. И Франція, и династы падутъ сами. Намъ желателенъ миръ для приведенія въ порядокъ финансъ и для развитія и вдоворенія нашихъ новыхъ порядковъ. Осуществивъ это, черезъ 10—15 лѣтъ, нась узнать будеть трудно. Явится плотное, объединенное великое государство, которому въ братскія объятія побѣгутъ всѣ Славяне и которому протягиваетъ руку дружбы могущественная республика Нового Свѣта.

Пріѣздъ и пребываніе Государя съ Цесаревичемъ, Цесаревною и Владимиромъ (съ 21 Апрѣля по 1-е Мая) оживили нашу Москву и многихъ изъ нась, мирныхъ жителей, замучили встрѣчами, представленіями, *baise-main'ami*, балами и обѣдами. Обѣдъ былъ впрочемъ одинъ во дворцѣ (подрядчика Ташкина, по 12 рублей съ персоны и съ винами), балы у генераль-губернатора (богатый, блестящій и съ ужиномъ). отъ дворянства (бѣдный, въ плохихъ залахъ и безъ ужина) и во дворцѣ. Купечество построило павильонъ въ Сокольникахъ. Время очень дурно. Грязь, слякоть, дождь, морозъ и снѣгъ. Мостовыя ломаютъ экипажи. Государь застрялъ, щахъ въ институтъ. Я участвовалъ во всѣхъ собранияхъ, и для меня это было настоящая служба, тяжелъ сенатской. Цесаревна очень молода и очень мила; ручка ея—ручка ребенка; необыкновенно чисты и ясны ея черные глаза: туалеты, особенно брилліанты чрезвычайно роскошны. Разсказовъ обѣ ней никакихъ нѣть, ни о вопросахъ, ни обѣ отвѣтахъ, ни о наблюдательности. Въездъ ея 21 Апрѣля и особенно отѣздъ, 1 Мая, въ Сокольники и на станцію были великолѣпны. Сплошныя массы народа стояли по сторонамъ стѣною, полками, горами. Иллюминація удалась вполнѣ: павильонъ купечества былъ драпированъ и иллюминованъ превосходно.

Такъ торжествовала старая столица знакомство свое съ Цесаревной. Она, „голубушка“, постоянно была здорова, весела, любознательна и внимательна. Она отозвалась (будто бы), что Москва понравилась ей болѣе Петербурга (сомнительно, посѣть величавой встрѣчи ея въ Петергофѣ, Царскомъ и Петербургѣ, съ дворомъ, гвардіей и дипломатами) и что она полюбила Москву. Это очень вѣроятно. Въ Москвѣ она была полною хозяйкой, исключительнымъ предметомъ любопытства, всякаго вниманія и всѣхъ манифестацій. Въ Петербургѣ нѣть краснаго крыльца съ царскою площадью и соборами и всѣмъ Кремлемъ. Святыня эта вліяетъ на глубокое чувство религіозности. Нѣжность Государя къ ней видна на каждомъ шагѣ; я не видѣлъ, чтобы Цесаревна хотя бы словечкомъ обмѣнялась съ мужемъ. Вообще онъ былъ скроменъ и молчаливъ, стараясь постоянно стушевываться. Я сей часъ (10 часовъ) изъ Сокольниковъ и записываю это памятное время. По обыкновенію ссыпались награды, шифры, аренды.

Всѣ толкуютъ обѣ ожидаемыхъ реакціонныхъ мѣрахъ. Но въ чёмъ же они могутъ быть? Ихъ легко достигнуть двумя путями: назначеніемъ на мѣстѣ лицъ извѣстнаго положенія и направленія и возвышеніемъ ценза при всякихъ выборахъ, присяжныхъ и гласныхъ. Такъ, но согласится-ли высшій цензъ служить, трудиться? Едва-ли. Служить и трудиться наши высокіе цензы не привыкли, они любить столичныя удобства и легенькія достижения. Могутъ ограничить суды! Но какъ? Перепортишь? Въ судахъ желательно бы видѣть болѣе строгій выборъ въ назначеніи лицъ. Старшій предсѣдатель Полѣновъ жаловался на невѣжество и неопытность членовъ палаты. Здѣшній прокуроръ палаты Ровинскій жилъ открыто со вдовою своего брата и теперь, переселившись съ ней, бѣжалъ изъ своего дома и поселился въ №№ Кокорева. Въ провинціи члены окружныхъ судовъ изъ рукъ вонъ плохи. Я съ своей стороны, въ письмѣ отъ 17 Апрѣля на имя гр. Викт. Никит. Панина, какъ главноуправляющаго II Отдѣленіемъ, обратилъ вниманіе на сильно увеличивающееся число преступленій. Ихъ напримѣръ было:

	1860.	1861.	1862.	1863.
Число подсудимыхъ вообще	407,927,	450,462,	474,518,	488,452.
Въ томъ числѣ временно-обязанныхъ	19,600.	22,681.	24,964,	27,000.
Осуждено: за преступленія противъ верховной власти	47,	65,	172,	4,785.
Осуждено: противъ органовъ сей власти	2,701,	2,769,	3,753,	3,951.
Осуждено: на смертную казнь	7,	7,	15,	287.

Я приписываю значительный процентъ этой массы, между прочимъ, дурной системѣ нашихъ наказаній (которую всю исковеркали позднѣйшія послабленія) и недѣйствительности наказательныхъ нашихъ учрежденій, для улучшенія которыхъ ничего не сдѣлано. Завелась хорошенъкая тюрьма для арестуемыхъ мировыми судьями, да предположены пріюты для малолѣткъ. Немного. Не знаю, какъ взглянетъ на мои соображенія ехъ-главноуправляющій, но думаю, что я исполнилъ долгъ свой, указавъ на явленія, основанныя на офиціальныхъ источникахъ (Статистический Временникъ Мин. Вн. дѣл.). Я полагаю, что цифры послѣднихъ годовъ, 1864—1866, еще болѣе подтверждаютъ, что мы находимся не въ нормальномъ состояніи и что продолжительная ненормальность грозить изуродовать весь организмъ. Ну, а если эти соображенія примутся къ подкрѣпленію реакці? Такъ что же? Это усилить ненормальность, и только.

Май. Все толки обѣ обрусили Западныхъ губерній, обѣ учрежденіи ссудныхъ банковъ и коммисіонерныхъ развѣдокъ, о покупкахъ съ пособіемъ и льготами частныхъ имѣній. Все это похоже на кукольную комедію. Край въ осадномъ положеніи, принципъ национальностей въ Европѣ въ полномъ разгарѣ, баронъ Ф. Бейстъ кокетничаетъ съ Поляками, газеты трубятъ на всѣ стороны и ожидаютъ малѣйшаго случая, чтобы провозгласить законность правъ Поляковъ; а въ краѣ воинныя власти, безпрестанно менять главныхъ начальниковъ, назначаютъ дикреціонныхъ посредниковъ, истощаютъ имѣнія, разрушаютъ хозяйства и не даютъ жителямъ ни судовъ, ни земства, которые внесли столько жизни въ коренныхъ губерніяхъ. Ну кто же захочеть покупать? Да и на какие капиталы? Да и самое передвиженіе капиталовъ, столько нужныхъ намъ, не остановить ли нашихъ дѣлъ? Все это ненормально и не только неисполнимо, но положительно вредно, если бы исполнилось съ усилиями правительства и нарушеніемъ правъ третьихъ лицъ. Поляковъ и Католиковъ выслать и искоренить нельзя. Остается—дать имъ заслуженное ими положеніе, т. е. не предоставлять никакихъ политическихъ правъ. Придетъ время, окрѣпнутъ узы, ослабнутъ предубѣжденія, и тогда можно постепенно распространять права эти и на нихъ. Достаточно ввести въ присягу на службу: „исповѣдаю ученіе церкви по символу вѣры Никейского собора“. Революція нашла себѣ проводниковъ и пособниковъ не столько въ землевладѣльцахъ, сколько въ администраціи. Сколько напоказаилъ одинъ Огрызко! Какъ не вѣрилъ я умиротворенію Муравьеву, такъ не вѣрю и блестящимъ результатамъ Безака. Какъ не вѣрю прочнымъ послѣдствіямъ отъ штыковъ и произвола, такъ не вѣрю полезнымъ послѣдствіямъ принудительного отчужденія имѣній. Стройный и твердый порядокъ въ этихъ губерніяхъ и

возвышеніе просвѣщенія въ Россіи вотъ единственныи пути прикрѣпленія нашихъ окраинъ къ коренному центру, гдѣ сплошная масса 55 милліоновъ только ждетъ просвѣщенія, чтобы разлиться и потопить эти народности въ Русскомъ морѣ. Послѣднія преобразованія въ Польшѣ въ городахъ и въ крестьянскихъ земляхъ, самое раздѣленіе губерній и ихъ подчиненіе многое должны отрезвить Поляковъ и наши Западныи провинціи. Но дайте просвѣщеніе, гимназій, университетовъ и правильнаго, нормальнаго порядка. До сихъ поръ я вижу осадное положеніе, странное увеличеніе бюджетныхъ цифръ и долговъ, страшное распространеніе дешевки и преступленій и игру въ счастье.

Все празднства! Едва прошли шумные пиры Цесаревны, наступила выставка этнографическая, прѣѣхали Славяне, человѣкъ 70—80, отъ Кошуба до Далмата (ни одного Болгарина). Манифестаціи задушевныи, широкія и громкія! Событие чисто политическое, вызывающее и—какъ всегда у насть—преувеличенное. На границѣ путешественники были встрѣчены депутатціей Русскаго Варшавскаго общества, и отсюда поѣздка ихъ превращается въ тріумfalный поѣздъ съ толпами народа, криками „ура, слава и живіо“, съ парадными встрѣчами въ мундирахъ и съ хлѣбомъ-солью, съ рѣчами и спичами и съ стихотвореніями, изъ которыхъ особенно удачны: Берга въ Варшавѣ, Тютчева и Майкова въ Петербургѣ. Рѣчи—кромѣ рѣчи графа Д. А. Толстаго—почти невольно, исключительно национально-политическія. Стихи просто политические. Изъ извѣстныхъ дѣятелей прїѣхали: Палацкій, Ригеръ, Эрбенъ, Головацкій.

Рѣчи наши и ихъ отличаются большою теплотою и восторженностью. Этотъ Славянскій праздникъ многознаменателенъ по сближенію и союзу всѣхъ Славянъ съ Россіей, при нравственной поддержкѣ которой угнетаемыя племена съ болѣшею выразительностію и силою готовы поддерживать свою самостоятельность противъ Мадьяръ и Нѣмцевъ. Желательно, чтобы сближеніе это было не на однихъ словахъ, но и на буквахъ. Принятіе нашего алфавита много облегчитъ литературное сближеніе и сгладить племенную рознь всѣхъ Славянъ; особенно важно это въ отношеніи Сербовъ, Иллировъ и Чеховъ. Принятіе нашего языка, по мнѣнію моему, рѣшительно невозможно: ни Чеха, ни Серба и намъ, людямъ образованнымъ, понять нельзя.

Завтра Славяне прїѣзжаютъ въ Москву. Что-то сможемъ мы сдѣлать послѣ богатствъ, блеску и изяществъ Петербурга, такъ много поглащающаго Россію? Москва—Русскій, Славянскій городъ. Здѣсь Кремль и Славянская натура. Да, но не должно забывать, что Западные Славяне—западники и болѣе Нѣмцы. Все возимся и угощаемъ Славянъ. Палацкій очень сдержанъ, Ригеръ не скрываетъ желанія выказать свое

западное превосходство. Головацкій такъ заговорился, что едва-ли не придется ему остаться у нась. Говорять, что это уже и устроено министромъ просвѣщенія.

Всё Славяне. Общеніе радушное. Особенно чувствительны и сочувственны Сербы. Всё Славяне. Но манифестаціи открыто принимаютъ характеръ политический. Сегодняшній обѣдь въ павильонѣ—просто политической митингъ. Рѣчи Ригра и кн. Черкасскаго за и противъ Поляковъ, послѣ—всегда безтактнаго Погодина и, кажется, по предварительному условію, были неумѣстны и очень непріятны: рѣчъ Ригра—по несоответствію настоящаго расположения Русскаго духа, возмущеннаго Польскими жестокостями, рѣчъ Черкасскаго—по недобросовѣтности доводовъ, имѣвшихъ видъ насыпки надъ побѣжденными. Лежачаго не бывать, говорить Русская насловаща *).

Вообще Славянскій съѣздъ имѣть совершенно политической характеръ, какъ по прямымъ возваніямъ Сербовъ и Болгаръ къ Русской помощи, такъ и по невольному положенію Славянъ Австрійскихъ и по личному значенію ихъ представителей. Въ Австріи съѣздъ этотъ вызоветъ бурю насыпекъ и негодованія, фантомъ панславизма, пугающій не одну Австрію, и усиленное ложное отношеніе Славянъ къ дуализму Австро-мадьяровъ и наоборотъ. Безъ общаго съ нами алфавита и языка (скажу болѣе: безъ соединенія съ нами) Австрійскіе Славяне предназначены онѣмечиться. Жаль, но законы исторіи свои, и ломаетъ ихъ только революція.

Амнистія! Все амнистія! Чѣмъ значить эта щедрость помилованій? Мищеніе правосудія? Мѣда несправедливости? Раскаяніе ошибки? Не понимаю. И почему этотъ актъ присланъ съ границы, изъ Верхнеболгова? Всѣ порицаютъ поѣздку въ Парижъ, къ ненавистному Русскимъ Наполеону, Парижъ, скопище Поляковъ. Амнистія 20-го Мая задобряетъ Европейское мнѣніе. Но развѣ амнистія порождаетъ преданность, признательность и привязанность? Никогда. Она пробуждаетъ ненависть и мищеніе. Она доказываетъ слабость и даетъ убѣженіе въ правотѣ вражды и несправедливости потерпѣвшаго. Прощенные всегда зачинщики восстанія и крамолы. Пора бы это знать.

Вообще, радикальная и непослѣдовательная мѣры настоящаго царствованія грозятъ непредвидимыми бѣдствіями. Что-то ужъ слишкомъ

---

*.) Кн. Черкасскій выгодаѣтъ, что положеніе Поляковъ лучше нашего: у нихъ 24 гімназии на 10 (5) губерній и съ души платится не $6 \frac{1}{2}$ р., а только $4 \frac{1}{2}$. Въ „Статистическихъ свѣдѣніяхъ“ Войкова и Загоскина говорится: Поляки въ югозападномъ краѣ платятъ податей отъ 35 до 40 коп. съ десятины; въ Галиціи податей изъ земельныхъ приходится по 56 коп. на десятину, а въ Царствѣ Польскомъ помѣщники платятъ до 63 к. съ десятины.

много и добра и славы. Добро и слава не даются ни легко, ни даромъ. Иначе онъ теряютъ свое достоинство и смыслъ, а за тѣмъ унижаютъ истину и искажаютъ дѣйствительность.

Говорить, что амністія 20 Мая выработана гр. Шуваловыи, мимо князя Горчакова. Она принята въ Москвѣ очень неблагосклонно. Боже мой, какъ все не зрѣло, какъ все—призраки. какъ во всемъ мало самостоятельности и какъ все малоплодно!

Покушеніе Березовскаго, 25 Мая! Дайте опомниться. Не предчувствовали ли мы это при первомъ извѣстіи о поѣздкѣ въ Парижъ? Боже мой, да этакъ помиришься съ идеей о смерти. Въ реформахъ, агитацияхъ и манифестаціяхъ голова кружится, вѣра умаляется, а тутъ покушеніе на цареубийство. Надобно же наконецъ вникнуть въ источникъ и причины такового фанатического настроенія. Я не вижу другаго источника какъ крайнія, диктаторскія мѣры, которая такъ неблагоразумно и такъ безполезно принимаются радикалами. въ родѣ Ник. Милютина и Якова Соловьева. Уничтоженіе особой организаціи Царства. рѣзкая отмѣна феодальныхъ остатковъ и укрѣпленіе земли крестьянамъ. особенно произвольное распоряженіе собственностью въ западныхъ губерніяхъ, привели и приводятъ Поляковъ въ такое безнадежное положеніе, отчаянное положеніе, что имъ продерзость является. вмѣстѣ съ ложью и хитростью, единственнымъ исходомъ. Въ закружившихся головахъ невольна мысль о паденіи. Я не думаю, чтобы Французская полиція открыла заговоръ. Если бы она и открыла его, она его скроетъ, и падеть одна голова Волынского шляхтича Березовскаго. А безъ заговора мелкая личность дѣйствовать не рѣшился. Здѣсь непремѣнно была шайка, сговоръ, какъ и у Каракозова, хотя связи между ними никакой нѣть, но въ убийствахъ политическихъ побужденія всегда скрываются или въ фанатизмѣ или въ угнетенной партіи. Бывало побужденіемъ и престолонаслѣдіе, но не здѣсь.

Блестящіе пріемы, торжества (праздникъ Датской конституції Фридрихъ VII) и народныя манифестаціи продолжаются еще сильнѣе постѣ 25 Мая (6 Июня), и Березовскій плохую услугу окказалъ Польскому дѣлу. Государь ведеть себя по рыцарски. Онъ ъездить въ открытомъ экипажѣ, верхомъ, ходить пѣшкомъ. твердо вѣря, что „судьбы государей въ рукахъ Божіихъ“ и надѣясь, что „это событие еще болѣе укрѣпить его связи съ императоромъ и Франціей“.

Награды сыплются: звѣзды, кресты табакерки, и перстни. Особенно щедро награжденъ шталмейстеръ Рембо, лошадь которого получила часть заряда и окровавленную мордою забрызгала мундиры сидѣвшихъ въ экипажѣ. Адресовъ опять множество. Мы, Московскіе сенаторы, посылаемъ телеграмму по прїѣздѣ Государя въ предѣлы Россіи. Теле-

грамму сочинилъ князь Одоевскій, и я поправилъ ее только вмѣсто „выраженія вѣрноподданности и преданности“ „чувствомъ благоговѣнія къ знаменіямъ Провидѣнія, охраняющаго драгоцѣнную жизнь преобразователя Россіи“. Но пора бы Государю и воротиться. Невольно боишься за Государя въ этихъ быстрыхъ поѣздкахъ, въ этомъ круговоротѣ празднествъ, парадовъ и уличныхъ массъ. Въ случаѣ несчастія послѣдствія могутъ быть страшныя, хотя ни въ какомъ случаѣ въ пользу Поляковъ, и расчетъ ихъ, даже и въ томъ случаѣ, если бы происки нашли вниманіе при дворѣ, никогда оправдаться не можетъ.

На дняхъ въ праздной Москвѣ разносились слухи: 1) что было новое покушеніе, и Государь легко раненъ, но событіе скрывается. 2) что въ Варшавѣ Государь обѣщаетъ при извѣстныхъ условіяхъ, и 3) что въ Вильнѣ Государь обѣщаетъ отсрочить указъ 10 Декабря 1865 г. (объ обязательной продажѣ земель) до 10 Декабря 1869 г. Ничему я не вѣрю. Но не многаго отъ всего этого я и ожидаю. Я бы молить обѣ одномъ: уменьшить, ослабить политическую лихорадку, которая трясеть насть, и дать вздохнуть и водвориться спокойному, солидному изученію, безъ котораго никакое прочное объединеніе Россіи невозможно.

Поѣздка царская представляетъ совершенно торжественный поѣздъ. Вездѣ встрѣчи, толпа, крики, иллюминаціи и празднства. Особенно замѣчательна рѣчь Государя къ Остзейцамъ. Государь говорилъ по русски и напомнилъ имъ, что „они не должны забывать, что принадлежать къ Русской семье“, выразилъ надежду, что они съ готовностію должны подчиниться тѣмъ перемѣнамъ, которыхъ онъ предиачерталъ для вицѣшей полызы края. Нѣмцы конечно повѣсять носы, прикидываясь стѣсненными и придумывая, какъ бы обойти эти перемѣны, а знаменитый докторъ Майеръ изъ Вестфаліи объяснить это съ своей точки зрѣнія.

Поѣздка въ деревню, 22 Июня—1 Августа 1867 г. Поѣздка и пребываніе продолжались около шести мѣсяцевъ. Имѣніе наше падаетъ и, со введеніемъ новыхъ судовъ, весьма желаемыхъ и нетерпѣливо ожидаемыхъ, вѣроятно пойдетъ съ молотка. Работы плохія, управлѣніе плохое и плохой годъ. Положеніе крестьянъ все хуже и хуже. Кромѣ водки-дешевки, которой замѣчено мною мало, раззоряютъ ихъ раздѣлы. Богатыя и сильныя семьи дробятся, слабѣютъ и приходятъ въ бѣдность. Удивляться надобно, какъ правительство, въ настоящемъ положеніи, рѣшается возвышать прямые налоги и возвышать почти втрое: подушная подать съ 1 рубля, по Орловской губерніи, возвышена до 2 р. 80 к. Съ семьи въ 3 души одной подати сойдетъ около 9 рублей. Гдѣ ихъ взять? Хорошіе заработки, правда, на желѣзныхъ дорогахъ Орловско-Курской и Орловско-Витебской; но это только для 30, 40 тысячъ душъ; и при томъ заработки временные. Высокія подати истощаютъ населеніе

и затрудняютъ стремленіе къ образованности и къ порядочной домашней жизни. Два событія въ это лѣто обращали на себя особенное вниманіе: выборъ мировыхъ судей и образованіе приходскихъ попечительствъ. Въ выборахъ, земство, кажется поступило осторожно и съ толкомъ: выбрали хорошихъ людей, свѣдущихъ и безъ тенденцій. Я боюсь здѣсь не тенденцій, но лѣни и равнодушія. Лѣни и равнодушіе замѣтны и въ земствѣ, а лучшій элементъ мироваго института (почетные суды) тоже земская тяга. Общественная заботливость у насъ слаба, и удобства помѣщичьей жизни, даже обѣднѣвшей, рѣдко кто согласится нарушить столь неудобными у насъ переѣздами. Приходскія попечительства, по закону 4 Августа 1864 г., принимаются очень туго, и на 4-й годъ ихъ много менѣе, и попытки на открытие ихъ встрѣчаются явное противодѣйствие со стороны духовенства, низшаго и высшаго, видящихъ въ этомъ нововведеніи посягательство на права свои, основанныя на положительныхъ законахъ. Вообще духовенство считаетъ себя въ гоненіи и смотрить какъ на ересь на свѣтскія вмѣшательства, которыми ополчается и журналистика, какъ напр. „Московск. Вѣдомости“ отъ 25 Іюля, отрицающія православіе въ нынѣшнемъ устройствѣ духовнаго сословія и церковнаго чина, и новый оберъ-прокуроръ, какъ напр. реформа о замѣщеніи священно-служительскихъ постовъ и допущеніе въ семинаріи всѣхъ сословій, по призванію. Вторженіе свѣтскаго элемента, какъ и во всѣмъ, дѣйствительно немнога насильственно, нарушаетъ установившіеся порядки и отношенія. Нововведенія эти прекрасны, вѣроятно будутъ полезны; но привычки имѣютъ свои права и требованія, и незапнное радикальное ихъ устраненіе, при необразованности массъ, можетъ имѣть неспредвидѣнныя и важныя послѣдствія. Крутые повороты вредны уже тѣмъ, что съ опасностію и болью измѣняютъ обычный ходъ жизни, вызываютъ непремѣнно оппозицію и встрѣчаютъ препятствія, которые иногда способны исказить дальнѣйшее развитіе начала, возбуждая съ одной стороны недовѣріе, предубѣжденіе и страхи, а съ другой усиленный напоръ, раздраженіе и окрытую распрю, въ средѣ, где должны господствовать миръ, взаимность и любовь. Раскольники сочувствуютъ этимъ мѣрамъ.

Въ продолженіе Іюля я прочелъ: *La Fronde et le Parlement* устарѣвшаго (и теперь уже покойнаго) Баранта; *Der Talmud* фанатического рыцаря Павликовскаго—книга не совсѣмъ бесполезная; Государственное Русское право неученаго Андріевскаго, посредственность, при нынѣшней разработкѣ нашего права, едвали не ниже книги 1836 Дюгамеля-Эверса, и „Народное хозяйство и Государство“ Дитцена—книга замѣчательная, но односторонняя и увлекающаяся. Отмѣтки краткія сдѣланы на самыхъ книгахъ, по моему обыкновенію. Хотя я читалъ и „Моск. Вѣдомости“ и „Рус-

скія" и „Москву“, но о событияхъ внутреннихъ (движение реакціи) и виѣшнихъ напишу послѣ.

Движеніе реакціи выражается кромѣ личныхъ назначеній, уже и въ общихъ законодательныхъ мѣрахъ. Дисциплина всѣхъ земскихъ, сословныхъ и городскихъ собраній усилена до крайности, и губернаторское требование безусловно обязательно. Черезъ мѣсяцъ послѣ этого ограничена печатная ихъ гласность, допускаемая только съ разрѣшеніемъ губернатора. При ограниченіи обложенія съ торговыхъ свидѣтельствъ и билетовъ и при этихъ затрудненіяхъ наши собранія не обѣщаютъ никакихъ, многими предсказанныхъ, блестящихъ улучшений въ земскомъ и городскомъ быту. Нельзя уже надѣяться и на выработку политического смысла въ обществѣ, едвали возможны и самые ораторы.

Къ числу общихъ реакціонныхъ мѣръ должно причислить и закрытіе „товарищества“ покупателей Польскихъ имѣній. Я не былъ за указъ 10 Декабря 1865 г. ни, слѣдовательно, за товарищество; но правительство приняло эти энергическія мѣры въ видахъ обрушения края, который „Три раза Русскій“. Можно было сомнѣваться въ пользу и самой примѣнимости этихъ мѣръ. Но газета „Биржевыя Вѣдомости“ прямо называетъ этотъ указъ „исходящимъ изъ коммунистическихъ началь“; а газета эта находится подъ покровительствомъ министровъ финансовъ и (друга Государя) графа Ивана Матвѣевича Толстаго. За тѣмъ другая газета „Вѣсть“, уже и прежде заявлявшая, что „земскія собранія разоряютъ Россію“, теперь называется ихъ составленными „подъ вліяніемъ учений Французской революціи“. Значеніе этихъ газетъ неважно, но важно смѣлое ихъ заявленіе о законодательныхъ актахъ, оставленное не только безъ „предостереженія“ вопреки прямому смыслу закона о печати, не смотря на то, что и „Москов. Вѣдом.“ и „Москва“ выставляли на видъ такой дерзкій отзывъ. Надобно полагать, что вѣроятно такъ смотрѣть на эти акты и само нынѣшнее высшее управление.

Дѣла домашнія (виѣшнія), наши отношенія къ окраинамъ нашимъ, улучшаются мало. Преобладающее положеніе Русской национальной партии, громко заявляющей о себѣ во всѣхъ лучшихъ органахъ печати и находящей отголосокъ и сочувствіе во многихъ (во всѣхъ) Славянскихъ племенахъ, невольно усиливаетъ мѣстные стремленія инородческихъ окраинъ. Это естественно. Финляндія хвалится, въ рѣчи губернатора гр. Палена, распространениемъ общихъ Финляндскихъ порядковъ на старую Русскую Финляндію. Еще въ Маѣ 1865 г. я писалъ (и мнѣніе мое напечатано), что Выборгскую губернію слѣдуетъ причислить, по суду, къ Петербургскому округу, какъ и Эстляндію, часть которой вошла въ составъ Петербургской губерніи. Прибалтийская печать явно братается съ Германской, и надобно удивляться терпимости правительства

къ гг. Мейеру и его собратамъ въ Ригѣ и Дерптѣ. Судя по словамъ Государя, что Остзѣйцы „не должны забывать, что они часть одной семьи Русской“, надобно полагать, что правительство рѣшилось на какія нибудь коренные нововведенія. Всего болѣе можно полагать надежду на Министерство просвѣщенія, которое до сихъ поръ ничего не сдѣлало для прочнаго тамъ возвращенія Русскаго языка, несмотря на всѣ настоянія императора Николая.

Русскій языкъ и надѣль крестьянъ землею укрѣпить этотъ край окончательно за Россіей, но едва ли это совершиится при министрѣ Валуевѣ, большомъ сторонникѣ Нѣмцевъ Балтійскихъ.

Въ Польшѣ вводятся общія учрежденія. Это хорошо. Но тамъ очень усиливается Нѣмецкій элементъ, и наборъ хорошихъ чиновниковъ (на которыхъ вездѣ такой запросъ) встрѣчаетъ большія затрудненія. Западныя губерніи со страхомъ ждутъ 10 Декабря, все надѣясь на отмѣну указа или покрайней мѣрѣ на отсрочку, хоть на годъ. Положеніе затруднительное, и едва ли правительство съумѣть выбраться изъ этого затрудненія. Полякамъ остается помириться со своимъ положеніемъ. Это тѣмъ болѣе желательно, что примиреніе, во-первыхъ, необходимо, а во-вторыхъ, отъ него хуже не будетъ, а можетъ быть лучше. Полезно было бы пожить Государю со дворомъ въ Кіевѣ, гдѣ, говорятъ, будетъ построенъ новый дворецъ. Странно, что я, лично, какъ-то не вѣрю заслугамъ въ этихъ краяхъ генерала Безака и графа Баранова.

Окраина Кавказская, какъ новь, подвигается быстрѣе. Тамъ же и начальникъ полномочиѣ. Но въ полуазіатскомъ краѣ этомъ кишать другія язвы: воровство въ управлениі должно быть общимъ національнымъ хроническимъ недугомъ.

Новая окраина Среднеазіатская едва образовалась и можетъ похвалиться преобразованіемъ только еще бумажнымъ. Имя начальника обѣщаетъ много хорошаго. Хороши ли, дурны ли предпринимаемыя мѣры, но да будуть онъ постоянны. Уклоненія, примѣнчивость, непостоянство—вотъ наши лихіе воры.

Августа 18 я отдалъ моего Дмитрія въ Нѣмецкое училище д-ра Цима. Это 7 классная гимназія, гдѣ всѣ предметы (кромѣ латыни и алгебры) преподаются Русскими и по-русски и гдѣ мой 12 лѣтній юноша принять въ 4 классъ. Тяжело было разставаться съ нимъ. Съ 9 утра и до 4-хъ часовъ онъ тамъ. Поутру мать съ сестрою его отводятъ, въ 4 всѣ мы его приводимъ. Сильно было первое впечатлѣніе сторонняго міра на ребенка, жившаго одною нѣжною любовью семейства. Увидѣвъ наказаніе своего товарища, поставленного за шалость на колѣни, онъ, когда сѣлъ съ матерью въ карету, бросился къ ней на ко-

лѣни и заплакаль. У него всегда много выражалось сострадательности. Идя со мною домой, онъ заявилъ, что очень ругаются между собою ученики. „Чтѣ, дуракъ, скотина?“ спросилъ я. Нѣть, похуже—и прошепталъ: „чертъ“. Первый и второй день и даже третій день бѣдный былъ въ постоянномъ лихорадочномъ состояніи. На четвертый занемогъ, его рвало желчью, потомъ наступили праздники, и онъ успокоился. Теперь, десятый день, онъ немного освоился и успокоился. Въ лихорадкѣ порядочной были и мы, старая двѣти.

Посытилъ меня, чтобы пригласить на открытие военного суда, статс-секретарь В. Д. Философовъ. Много перемѣнился онъ; возвышенія и успѣхъ дали ему самоувѣренность и смѣлость, которыхъ прежде въ немъ не было. Говорили о судебнѣй реформѣ, начатой генер. Крыжановскимъ и имъ оконченной.

Онъ подтвердилъ, что преступленія усилились значительно и приписываетъ это, сверхъ общей распущенности, особенно дешевкѣ и дурному корпусу офицеровъ, „которыхъ система покойнаго Ростовцева систематически воспитывала въ безнравственности, лжи и невѣжествѣ“. (Язычекъ!) На возраженіе мое о недостаточности гарантій *полковою* суда, совершенно зависящаго отъ начальства, онъ объяснилъ, что это сдѣлано въ видахъ поднятія дисциплины, а о невозможности единства кассацій при трехъ главныхъ судахъ, онъ отозвался, что по многимъ вопросамъ теоріи военно-судный уставъ долженъ быть сдѣлать уступки требованіямъ дѣйствительности и условіямъ мѣстности. Реформа судебная совершина и въ морскомъ вѣдомствѣ, где дѣятелемъ былъ мойoberъ-секретарь Яневичъ-Яневскій. Нельзя не замѣтить, что и военное и морское начальство встрѣтили эти преобразованія съ нескрытымъ предубѣждениемъ. Предсѣдатель главнаго морскаго суда адмираль Епанчинъ даже просто выразилъ надежду, „что при содѣйствіи главнаго прокурора дѣла пойдутъ также хорошо и быстро какъ и въ генераль-аудиторіатѣ“.

Ограничение газетной гласности въ печатаніи судебныхъ прѣній вѣроятно будетъ предметомъ протesta со стороны журналистовъ. Въ самомъ дѣлѣ, подобное ограничение несовмѣстно ни съ публичностію, ни съ гласностію. Чѣмъ за гласность безъ печати?

И гражданская реформа суда распространяется. Въ концѣ года открывается Харьковскій округъ, во главѣ котораго поставленъ мой приятель баронъ Н. Е. Торнау, съ особенными правами. Желалъ бы я знать, чѣмъ руководствовался Торнау, назначивъ членомъ палаты Брилевича, никогда не служившаго по судебнѣй части, вспыльчиваго, заинку и картёжника, и предсѣдателемъ суда—Эдуарда Фукса, молодаго прокурора, прослужившаго едва шесть лѣтъ?

Желаю я знать еще, какъ поворотится съ кассационными жалобами одинъ департаментъ Сената, когда откроется новый округъ? Я полагаъ-бы отблить мировую юстицію въ особый департаментъ.

Прекрасно задуманный и добросовѣтно продолжающійся „Вѣстникъ Европы“ Стасюлевича (немножко сторонника) представляетъ окончаніе замѣчательного труда Костомарова: „Смутное Время Московскаго государства“, въ 7 книгахъ. На этомъ времени остановился Карамзинъ, за него пытался приняться Д. И. Бутурлинъ, его обозрѣвалъ профессоръ Соловьевъ. Трудъ Костомарова упраздняетъ всѣ эти попытки и выражаетъ эпоху во всей полнотѣ доселъ извѣстныхъ и малоизвѣстныхъ источниковъ. Трудъ капитальный, пріобрѣтеніе науки и литературы богатое. Иногда во очію видишь разсказываемыя событія: до того они живы, подробны и рельефны. Страницы „значенія этой эпохи въ Русской исторії“ читаются съ ласкающимъ патріотизмомъ и съ возвышеннымъ удовольствіемъ. А все нельзя не сказать: и на этомъ трудѣ современность, наше время, наложили печать свою, и сочиненіе принадлежитъ болѣе литературѣ, нежели наукѣ. Кто былъ самозванецъ? Это кажется навсегда останется загадкой. Чѣмъ способствовало ему и развитію крамолы и воровъ, доведшихъ великое государство Ioannovъ почти до разрушенія? Высчитывая многія причины, странно, что историкъ не упоминаетъ о народной привязанности къ законному царю, которымъ долженъ бы быть Дмитрій, убитый въ Угличѣ. Безъ этого убийства крамолы и мятежи не обнѣли бы всѣ классы и особенно низшіе.

Исчезаетъ старое право, зарождается новое и устанавливаются порядки невиданные. Кавуръ-Гарибалльди, съ помощію Наполеона, устроиваютъ Италію; эрцъ-герцогъ Максимилианъ, съ помощію Наполеона, устроивалъ Мексику; Францъ-Іосифъ, съ помощію Наполеона, думалъ устроить Германію. Доколѣ этотъ символъ революції будетъ имѣть значеніе, установленіе прочнаго порядка, по моему убѣжденію, немыслимо. И этотъ господинъ навязывается намъ въ друзья! Дружба эта можетъ насъ компрометтировать, стѣснить, запутать. Сближеніе съ Франціей полезно только для ослабленія буйныхъ надеждъ Поляковъ и варварства Дивана, но для этого сближенія сдѣлано все, чтѣ было можно со стороны Государя. Онъ почти семьею щадилъ въ Парижъ и подвергался тамъ оскорблениямъ и опасности. Наполеонъ поссорить насъ съ Германіей, которая и безъ того выдвигаетъ на насъ преобладающее соперничество на Остзейскомъ морѣ, къ которому прилегаютъ наши Остзейскія губерніи, мятущіяся уже и теперь отъ царской рѣчи въ Ригѣ и отъ положенія Комитета Министровъ, рѣшившаго, совокупными мѣрами всѣхъ вѣдомствъ, исполнить законъ 1850 года о введеніи Рус-

скаго языка. Здѣсь развязка возможна только одна: освобожденіе христианъ отъ мусульманскаго владычества. А онъ этого-то и не допустить. Онъ ограничится гатти-гумаюнами, прикидываясь вѣроятнѣмъ въ неисполнимыя Турецкія обѣщанія.

Не посовѣтоваль бы я и союзъ съ Пруссіей. Бисмаркъ—Кавуръ Германіи съ тѣми же нарушеніями международныхъ трактатовъ и съ революціонными замашками въ Богеміи и Венгріи.

Неустановившееся новое право дѣлаетъ невозможными никакіе союзы. Они возможны съ Австріей и особенно съ Англіей; но съ Австріей нась ссорять наши единоплеменцы, а съ Англіей мы сталкиваемся въ средней Азіи и въ отношеніяхъ съ Сѣвероамериканскими Штатами. Останемся безъ союзовъ. Заключимъ тѣснѣйшій только съ великой бережливостью. Она намъ поможетъ во всемъ, устроить внутреннія дѣла, проложить желѣзныя дороги, дасть рубль на рубль и пріучить къ порядку.

Раздраженіе умовъ и страстей все растетъ и приближаетъ къ какому-то хаосу, предшествующему новымъ явленіямъ и проявленіямъ новой жизни. Мятутся народы и люди. Нѣть нигдѣ ни прочнаго порядка, ни дѣйствительнаго спокойствія. Ни въ чемъ нѣть ни увѣренности, ни согласія. Возможны-ли, въ мысляхъ, подобныя происшествія дикаго насилия: купца Севастьянова въ Бирскомъ уѣздѣ и ст. сов. де Сенъ-Лорана въ Пермскомъ? Перваго, шайка, въ составѣ всей земской полиціи, выдѣрала розгами до ключьевъ кожи и ограбила бумажникъ съ деньгами. Втораго съ дочерью и докторомъ Суксунскіе крестьяне, принявъ за поджигателей, избили до полусмерти и обобрали вещи и деньги. Событій насилия и грабежей надобно ожидать и отъ угрожающаго во многихъ мѣстахъ недостатка въ хлѣбѣ. Полемика изъ за западныхъ губерній, полемика съ Балтійскими ляндіями переходитъ всѣ грани приличія. Наши недавніе гости сдѣлались причиной раздоровъ и браніи. Іосифъ Ливчакъ переметнулъ копье съ „Вѣстью“, „Вѣстѣ“—съ „Москвою“. Москва напала это „дерзостью глупою и наивною“. „Вѣстѣ“ не оскорбляется „этими кабацкими выраженіями“. Кулишъ разбранилъ каноника Головацкаго, „Москва“ отдѣлала Кулиша, Кулишъ отдѣлъ г.г. Катковыхъ и Аксаковыхъ. Катковъ—Кулиша. Все это грязь домашняя и газетная. Но Вѣнская печать и Journal des Débats перенесли эти раздоры на международную почву. „Сообщенія“ въ газетахъ имѣютъ видъ дипломатическихъ нотъ. Задоръ Русской печати не понятенъ какъ либерализмъ деспота. Въ Испаніи—диктатура, въ Италии арестованъ Гарибалди, во Франціи взрывъ готовъ и ищетъ только исхода.

Демократія такъ и напираеть.. Съ нею, съ этою толпою ломять матеріализмъ и соціализмъ. Молельня и спальня избираются на пло-

щади. Прокуроръ требуетъ мѣста и права и при домашнемъ очагѣ. Все это хорошо, все это въ чинѣ, въ порядкѣ развитія, движенія и успѣха. Да, но въ чинѣ и порядкѣ; а здѣсь, безъ предварительныхъ приготовленій, оказывается такое безчиніе и беспорядокъ, что Гарибальди арестовали, а къ арестанту министры поѣхали съ визитомъ; прокурора по дѣлу Умецкихъ (въ Каширѣ, 14 лѣтняя дочь помѣщика жестокими поступками родителей доведена была до того, что сдѣлала 6 поджоговъ и хотѣла броситься въ огонь) допустили къ домашнему очагу, и онъ нашелъ тамъ много безнравственнаго и грязи, и общество, въ лицѣ присяжныхъ, согласилось съ его обвиненіемъ, да судь не нашелъ статьи для опредѣленія наказанія. Ступайте, ведите на улицу и на площадь,—но приготовьте и осмотритесь.

Сентябрь. Грустное предчувствіе! Сегодня рѣшается дисциплинарное дѣло о Лефортовскомъ мировомъ судѣ Даниловѣ, обнаруживавшемъ стремленіе къ униженію Московской полиціи и превышенію власти (и безъ того довольно высокой) мировой юстиціи. Я совсѣмъ кончить дѣло предостереженіемъ, если бы Даниловъ *и во всемъ былъ правъ* (обвиненіе выставляетъ 7 пунктовъ). Разногласіе мировыхъ судей съ полицією въ Москвѣ пришло къ такой открытой борьбѣ, что вмѣшательство высшей административной и даже законодательной власти становится необходимымъ, а при этомъ вмѣшательствѣ, естественно, торжество не будетъ на сторонѣ суда, стоящаго независимо и въ полнотѣ правъ. А въ администраціи стоять Валуевъ, гр. Паленъ и кн. Урусовъ, извѣстные своимъ несочувствіемъ новымъ порядкамъ. Это главнѣйшее. *Потомъ,* я, безъ малѣйшаго пристрастія, нахожу, что Даниловъ кругомъ виноватъ: онъ вмѣшивался не въ свои дѣла и въ сношеніяхъ съ полиціей превышалъ власть до неприличія. Здѣсь и требованія справедливости и политика, совмѣстная съ судейскимъ достоинствомъ, обязываютъ восстановить предѣлы отношеній обѣихъ властей. Иначе въ потерѣ будетъ не Даниловъ, а мировой институтъ. Его такъ окарнаютъ, что настояще самостоятельное положеніе его останется какъ какое-то преданіе о сатурнaliaхъ и безцензурной печати. При радикальности реформъ реакція считаетъ себя въ правѣ быть тоже радикальною. Во всемъ этомъ я виню необдуманный и неудачный выборъ личнаго состава. По большей части лицъ онъ не имѣетъ ни прочной репутаціи, ни нравственнаго авторитета. Подожду.

Ужъ не въ Римѣ-ли Гарибальдійцы? Боже мой, какъ падаетъ этотъ нечестивый католицизмъ, которому еще такъ недавно сулилъ Макдле такую безконечную будущность! Теперь даже Наполеонъ примиряется съ мыслю о сохраненіи за папою одной духовной власти. Отмѣните за тѣмъ безбрачіе, и тогда католицству конецъ окончательный. Но

полно, такъ-ли? Неужели великіе умы какъ Де-Местръ, Шатобріянъ и Маколе такъ поверхностно оцѣнивали эту силу, властнуюстную столько столѣтій? Впрочемъ, она падаетъ уже давно, и когда нибудь надобно пасть окончательно. Вѣрованіе есть чувство индивидуальное. Соединеніе вѣрующихъ есть приходъ, а соединеніе приходовъ есть данная национальная церковь. Отдѣлять ее отъ государства и народа нельзѧ, если государство и народъ самостоятельны. Свѣтская власть папы есть анахронизмъ, безпрестанно сталкивающійся съ современными требованиями образованности. Преимущественно эта власть сообщаетъ католическому исповѣданію несвойственный нравственному вѣрованію характеръ политической учрежденія, которое въ рукахъ сильнаго становится орудіемъ честолюбія и гнета, порабощая слабую совѣсть необразованной толпы и осуждая всѣ завоеванія энергическихъ стремленій ума и знанія. Эти осужденные, люди ума и науки, давно отказались отъ папы, и паденіе его ихъ не удивить и не обрадуетъ. Отъ этого паденія выиграетъ вѣра.

Сегодня я былъ въ театрѣ, чтобы видѣть „Опричника“, трагедію дорогаго мнѣ И. И. Дажечникова. Сочиненіе, какъ драма или трагедія, слабо; постановка плоха, игра еще того хуже. Очень эффектенъ былъ Грозный (Самаринъ), царь Русскій, въ первый разъ показывающійся на сценѣ. Актеры наши не привыкли къ боярской важности, и игра ихъ въ этой пьесѣ не даетъ понятія о царскомъ дворѣ и опричинѣ XVI столѣтія. Я условился съ моими приятелями поддержать пьесу и вызвать автора. Старика вызывалъ я къ себѣ обѣдать, чтобы свести и привезти попокойнѣе въ каретѣ; но онъ „боясь волненій, свойственныхъ автору“, не поѣхалъ на первое представлѣніе. И такъ мы хлопали и кричали понарасну. Театръ, не смотря на высокія цѣны бенефиса, былъ полонъ. Вѣроятно пьесу дадутъ еще раза два-три. Главное: чтобы разовыхъ бѣдному старику было по болѣе. Онъ очень нуждается. Благодарю Бога, что онъ далъ мнѣ возможность быть полезнымъ почтенному И. И., которому все семейство наше такъ много обязано. Онъ, въ 1823 г., наблюдалъ за первыми начатками моего образованія, и я это живо помню. Помогая ему, я плачу старый долгъ, и Богъ видить, съ какимъ удовольствіемъ я это дѣлаю.

Убійство А. И. Чивилева подтверждается. Преступленіе это совершено сыномъ, по заранѣе обдуманному умыслу, чтобы похитить 1000 р. Вѣроятно подробности обнаружатъ всю нравственную порчу молодаго человѣка, воспитаннаго воспитателемъ нашихъ царевичей. Я обращаю вниманіе на эту сторону событія. Чивилевъ былъ позитивистъ, матеріалистъ и вообще человѣкъ антипатичный. Онъ былъ профессоромъ политической экономіи въ Московскому университетѣ и директоромъ

бывшаго Дворянскаго Института, который при немъ находился (говорить) въ цветущемъ состояніи. Сомнѣваюсь, но положимъ и такъ. Достаточно ли этого, чтобы рекомендовать его въ воспитатели великихъ князей? Вообще графъ Сергій Строгановъ, своенравный и своеобычный, несчастливъ на руку и не отвѣчаетъ своему положенію. Общій голосъ винить его въ безвременной смерти Цесаревича Николая и въ дурномъ направленіи учебныхъ занятій великихъ князей. Я всегда считалъ эпоху его попечительства началомъ порчи нашего юношества, дошедшаго, съ Польскими вліяніями, въ 60-хъ годахъ до открытаго политического разврата. Судь разъяснить намъ это загадочное дѣло и частную жизнь воспитателя царевичей.

Несмотря на частыя ошибки новаго суда, и кратковременное его отправленіе знаменуется существенною пользою: общественнымъ сознаніемъ силы закона и личной отвѣтственности наравнѣ со всѣми. Дѣла: семейства Умецкихъ (какое-то полудикое семейство въ Каширѣ) Данилова (убийство ростовщика Попова), дѣла текущія, ежедневно слушаемыя, у всѣхъ въ разговорѣ. Газеты помогаютъ распространенію. Минувшее ростетъ. Водворяются убѣжденія. Очищается жизнь.

Октября 9 въ Петербургскомъ судѣ рассматривалось дѣло о буйствѣ арестантовъ въ тюремномъ замкѣ. Болѣе 300 человѣкъ, недовольныхъ мясною порціею, безчинствовали и буянили въ столовой, на лѣстницахъ, на дворѣ и въ камерахъ, нанося побои старостѣ и причиняя самыя дерзкія оскорблѣнія начальствующимъ лицамъ, которыхъ вынуждены были прибѣгнуть къ прикладамъ, безъ чего невозможенъ былъ никакой порядокъ. Начальство, изъ всего этого полчища, предало суду только двухъ, вѣроятно для одной острастки, и судъ, вѣроятно тоже для острастки, осудилъ этихъ содержащихся въ тюрьмѣ арестантовъ къ выдержанію въ тюрьмѣ же на 4 и 6 мѣсяцевъ или даже на годъ. Подобныя послабленія, при смягченіи и малой дѣйствительности нашей системы наказаній, могутъ имѣть гибельные послѣдствія въ средѣ нашего весьма многочисленнаго, порочнаго и грубаго тюремнаго народа, населенія. Здѣсь вполнѣ примѣнимы взысканія дисциплинарныя. Арестанты, это народъ штрафной, и быстрый приговоръ мѣстной расправы послужилъ бы дѣйствительнѣ къ обузданію разнозданной толпы негодяевъ. Буйство происходило 6 Апрѣля 1866 года, а судили 9 Октября 1867-го. При Николаѣ ихъ выпороли бы 7 Апрѣля, на другой день, и результатъ былъ бы лучшій. И какая непослѣдовательность! Почти повсемѣстно исполняется смертная казнь, усиленіе дикихъ преступленій несомнѣнно, а здѣсь наглое полчище, среди столицы, предается самому крайнему буйству и оставляется безъ всяаго наказанія. Минѣ то страшно, что подобныя послабленія деморализируютъ общество и вызываютъ

реакцію. Я боюсь за наши новые суды и за ретивыхъ судей. Играть судомъ нельзя.

Столкновеніе возможно весьма важное. Невѣря Итальянцу, Наполеонъ посыаетъ десантъ въ Чивита-Векіо, чтобы занять Римъ и созвать конгрессъ. Подъ Римомъ, вѣроятно съ согласія Итальянца, стоитъ съ своими молодцами Гарибальди, тихонько бѣжавшій съ Капреры. Итальянское войско, отвѣчая Франціи, переходить границу Папской области, можетъ быть не безъ согласія съ Бисмаркомъ. Наполеону, видите, дороги законный порядокъ, папа и католицизмъ. Итальянецъ братается и съ революціей, и съ протестантизмомъ. Къ безправію мы уже порядочно привыкли; но при этомъ показываются безденежье, застой и дорожизна пищи. За ними виднѣются толпы, за толпами кричить республика, и разрабатывается соціальный вопросъ въ размѣрахъ коммунизма. Не отрыгнулись бы трюмы Кавура и Бисмарка потрясеніемъ династій и династического начала. Неудача Гарибальди, а тѣмъ болѣе пѣнь его или торжество Франціи, выдвинуть въ Италіи народную партію. Уже и теперь рѣчь шла о министерствѣ лѣвой стороны. А тутъ бунтуютъ Славяне и распадается Австрія, а тамъ бунтуютъ Греки и распадается Турція. Борьбы народностей въ полномъ развалѣ, и наши вопросы—пигмеи: Прибалтійскій, Татарскій, Польскій, Финскій, Армянскій. Все копошится, кричить, раздражается и ругается. Скоро настанетъ 10 Декабря и продажа Польскихъ имѣній. Мѣру эту можно посовѣтовать отчасти распространить и на Прибалтійскій край. Пожалуй! Но въ настоящую минуту весь интересъ сосредоточивается на Римѣ. Сегодня-завтра кто нибудь долженъ быть тамъ.

Въ С.-Петербургскомъ окружномъ судѣ, 23 Сентября, защитникъ крестьянина Никитина, осужденного за буйство въ судебной камерѣ, между прочимъ привелъ къ его извиненію слѣдующее: „Всякое лицо низшаго сословія не считаетъ особеннымъ преступленіемъ оскорбить городового“. Это грустно, но (это) такъ, и это можно отнести и къ высшимъ сословіямъ въ отношеніи чиновной полиції. На Московскихъ улицахъ часто видишь схватку крестьянина и горожанина съ полицейскимъ, даже со старшимъ. Униженіе полиції есть реакція злоупотребленія ея въ прежнее время и напористаго дѣйствія новаго суда. И то и другое обличаетъ нашу незрѣлость и особенное неумѣніе нашихъ правителей. Прежде они трактовали насъ какъ стадо, со всѣхъ сторонъ окруженнное волками, а теперь они довѣряютъ намъ пастьсь безъ пастуховъ. Сжатые раскинулись и раскинувшись перешли за предѣлы. Требованіе законности и равноправія въ судахъ доходитъ до своего рода *pruderie*. Въ обидахъ дѣйствіемъ суды доискиваются: толкнулъ онъ его или ударилъ? Тащилъ его или вель? мнѣ пишутъ изъ Владимира, что въ Шувѣ судился зна-

комый мой, богачъ, коммерціи совѣтникъ Я. П. Гарелинъ за то, что сказалъ неисправному приказчику своему: „посмотрите на свое лицо, на что оно похоже; вы вѣроятно вчера съ гуляли“. Я увѣренъ, что Гарелинъ сказалъ не вы, а ты, и не лицо, а рожа, но обиды тутъ не вижу. Повторяю: нашъ величайшій недостатокъ—невыдержанность, недостатокъ постепенности, климатъ. Европа вторгнулась въ неизвѣстную землю и ворочаеть по произволу, вертясь между крайностями. Совершенный беспорядокъ частной жизни отражается и въ государственной. NB. На дняхъ у Срѣтенскаго мироваго суды былъ процессъ Миши и Васи, 6 и 5-ти лѣтъ мальчиковъ, отвѣчавшихъ за кражи. Эти крупные люди воровали домашнее платье, чтобы проѣдать и пропивать въ трактирахъ или выпить вина: одному—*косулику*, а другому (онъ слабъ)—только шкаликъ. Не вѣрится, а въ очію совершается. Хорошо поколѣніе, растущее въ такой распущенности!

Между тѣмъ какъ Гарибальди взять подъ арестъ, бунтующій всю Италію, а „Голосу“ сдѣлано за императрицу Французовъ загадочное предостереженіе, разъясняемое Берлинскими и Парижскими газетами въ смыслѣ политическомъ; въ Москвѣ идетъ агитація о пересмотрѣ тарифа. Всѣ научныя для этого данныя есть. Записка Колесова, труды Московскихъ фабрикантовъ (Дм. П. Шипова; много преувеличеній), таблицы Тернера (въ академическомъ календарѣ на 1868 годъ) и комисія подъ предсѣдательствомъ сенатора Г. П. Небольсина, изучившаго дѣло во всѣхъ подробностяхъ еще въ 1850 годахъ. Сочиненія Тенгборскаго и полемика о тарифѣ 1857 г., продолжающаяся до сихъ поръ А. Шиповымъ, Колюпановымъ, Полетикою, Чижовымъ, Чугуновымъ (правда, преимущественно протекціонистами) подготовили матеріалы достаточные для произнесенія окончательныхъ выводовъ о настоящемъ состояніи нашей промышленности. Москва надѣется на усиленіе протекціонизма, но ёдва ли это сбудется. Тогда министерству не было основанія, черезъ десять лѣтъ, возбуждать вопросъ о тарифѣ. Упадокъ таможенныхъ доходовъ былъ главнымъ поводомъ къ этому вопросу, и ни въ докладѣ министра, ни въ соображеніяхъ вице-директоровъ Колесова и Тернера не замаскированы виды финансового управления на пониженіе пошлинъ по тѣмъ статьямъ, привозъ которыхъ развитіе внутренняго производства уменьшилъ значительно. „Это измѣна, насы продаютъ, Пруссія у насъ хозяйствничаетъ“, кричать Москвичи не безъ основанія. Но обстоятельства въ видахъ нашихъ администраторовъ представляются иначе, и я записываю факты, склоняясь лично (не совсѣмъ) болѣе къ Москвѣ.

Наша молодая вольная печать и наша либеральная администрація безпрестанно путаются и никакъ не могутъ идти въ ногу. Печать все раздуваетъ, тревожитъ общественное мнѣніе и зацѣпляетъ правительство;

администрація старается сжать, немножко по медвѣжьи, бѣть зажмуряясь куда и кого попало и даетъ разъясненія, которыя служатъ новыми поводами къ выходкамъ печати, играющей задоромъ, скандаломъ и смѣлыми обвиненіями. Какое страшное обвиненіе взведено было на г-жу Шлегель, содержавшую будто бы въ самомъ варварскомъ заточеніи сестру свою, умершую потомъ въ казенной больницѣ. Вышелъ пухъ, и начатое слѣдствіе, съ арестованіемъ обвиняемой, ничего не открыло и прекращено. Тоже, говорять, будеть и съ поджогомъ (убийство А. И. Чивилева) запаснаго дворца въ Царскомъ Селѣ. Теперь идетъ сильный говоръ о „предостереженіи“, данномъ газетѣ „Голосъ“ за нарушеніе постоянно приличія въ передовыхъ статьяхъ и особенно въ № 287, гдѣ нарушеніе это выходитъ изъ всѣхъ предѣловъ, въ которыхъ печатное слово можетъ быть терпимо. Статья эта (о Французской политикѣ въ Италіи) не обратила никакого вниманія и такъ мало выдается изъ всѣхъ подобныхъ передовыхъ статей, что многіе приняли 287 за опечатку и искали *неприличія* въ статьѣ № 281, гдѣ тоже ничего не нашли. Пріѣзжіе разсказываютъ, что статья 287, приписывающая экспедицію собственно вліянію клерикальной императрицы, не понравилась посланнику Талейрану, и онъ словесно сообщилъ о ней гр. Шувалову (жандарму), который передалъ требование это министру. Министръ, давно недовольный рѣзкими статьями „Голоса“, сдѣлалъ Краевскому предостереженіе. Парижская газета и другія обратили на это вниманіе, какъ на симптомъ политики, и въ Русскихъ газетахъ распоряженіе ministra подверглось неодобрительной критикѣ. Катковъ въ „Моск. Вѣд.“ 1 Ноября, вчера, помѣстилъ выходку противъ этого распоряженія, за которую сдѣдовало бы сдѣлать гораздо болѣе заслуженное предостереженіе, какъ за распространеніе слуховъ, признаваемыхъ самимъ цублицістомъ *нелѣпыми*. 30 Октября „Journal de St. Pétersb.“ и „Сѣверная Печта“ отвергли политическое значение предостереженія „Голосу“, утверждая, что оно сдѣлано за нарушеніе приличія. Въ Москвѣ это событіе сдѣжалось предметомъ толковъ, и общество копошится и трезвонитъ. Удивляться тутъ нечему. Великая сила гласности, даже у насъ, вращается всегда съ шумомъ и ломкою. Справедливо или несправедливо забросали грязью Шлегель и Чивилева и даже ministra Валуева, но нѣть дыма безъ огня, и болѣе или менѣе основательные поводы могли вызвать крикъ и оцѣнку. Если тутъ есть вредъ, то вредъ частный, мѣстный, личный, всегда неважный и способный защитить себя и оправдаться. Гораздо важиѣе вліяніе гласности, т. е. газетъ, на общія мѣры правительства, какъ напр. на продажу имѣній въ западныхъ губерніяхъ, преобразованіе Польши и Балтійского края, отчужденіе государственныхъ имуществъ, измѣненіе системы народнаго про-

свѣщенія и т. п. Особенно сильно здѣсь вліяніе газетъ съ орлами, съ государственнымъ гербомъ. Ихъ пять. Онѣ, какъ правительственныйя, очень распространены, и изъ нихъ самыя распространенные „Московск. Вѣдомости“ отданы въ аренду умному, просвѣщенному и талантливому Каткову. Вліяніе этого геніального публициста чрезвычайно сильно, и начинающееся наше общественное миѳніе слагается исключительно подъ этимъ вліяніемъ. Миѳ хотѣлось бы объяснить, какъ деспотически вліяль онъ на Головнина и еще болѣе на нынѣшняго министра графа Д. А. Толстаго. Но подожду. Хотя многое выражалось официально, печатно, но многое основывается на однихъ слухахъ, иногда обманчивыхъ. Борьба реализма съ классицизмомъ, въ моихъ глазахъ, окончена, и самыя наименованія партій устарѣли и не соотвѣтствуютъ употребленію. Какой классицизмъ осмѣлится схватиться съ обширнымъ развитиемъ XIX столѣтія, когда точныя науки разоблачили столько тайнъ природы, обращенныхъ на благо человѣчества, и когда наблюдательность гениевъ выворотила душу наружу? Классицизмъ есть роскошь, приправа. Смутныя, тяжелыя его формы, принимавшіяся за гимнастику для развитія молодаго ума, представляются не болѣе, какъ забавою, игрушкою въ лабораторіи, гдѣ трудятся Беконъ, Декартъ, Шекспиръ, Мольеръ, Лессингъ, Канть, Ньютонъ, Гумбольдтъ, Гёте, Либихъ и полки ораторъ, историковъ и романистовъ, гдѣ единицы превращаются въ тысячи, и нравственные элементы жизни отожествляются съ политическими и материальными. Можетъ-ли быть тутъ рѣчь объ исключительности, преобладаніи, даже уравненіи классицизма, бѣдной науки Греціи и Рима?

Министерство Юстиціи скоро убѣдится, что въ назначенней имъ въ новыхъ судахъ молодежи недостаетъ существенныхъ качествъ: выдержки и достоинства. Это не суды и прокуроры, а какіе-то школьніки, по крайней мѣрѣ многіе изъ нихъ и изъ этихъ многихъ лучшіе, товарищи и предсѣдатели Дейерь и Арсеньевъ и кандидатъ князь Урусовъ. Всѣ они пріобрѣли значительную популярность и всѣ эти три знаменитости теперь попались какъ школьніки и осуждаются даже своими товарищами. Дѣло въ томъ, что напоръ талантовъ присяжныхъ и ихъ материальная выгода вызвали противодѣйствіе, зависть, соперничество, злобу. Антагонизмъ, предсказанный частію въ самомъ законѣ, долженъ быть выраженіе и выраженіе въ превышеніи и злоупотребленіи правъ защиты, обвиненія и суда. Молодая кровь кипитъ. Этого не сообразило министерство, не умѣло искусно умѣрить ихъ дѣйствіе. Здѣсь, въ Москвѣ, вражда дошла до того, что судъ высылаетъ защитниковъ изъ присутствія и рѣшаеть дѣла безъ защиты. Въ Ярославлѣ антагонизмъ судей и прокуроровъ дошелъ, говорятъ, до рукопашной.

Все это грустно. Все это можетъ привести къ самому непріятному исходу. И все это происходитъ отъ неумѣнья и, главное, отъ нерационального, неисторического, непрактическаго пріема реформаторовъ. Заслуживаютъ сожалѣнія и сами молодые дѣятели. Я видѣлъ Арсеньева, на немъ лица нѣть. Волнуются, ссорятся, хотятъ драться. Розенбергъ требуетъ преданія суду судью Дейера. Князь Урусовъ вызывается на дуэль Арсеньева. Арсеньевъ отвѣчаетъ новыми оскорблѣніями. Газеты отдаютъ дѣло молвѣ, молва—преимущественно еще клубная—порочить реформу. Партия „Вѣсти“ молчитъ и оскаляется. А виновато одно министерство. Нигдѣ такъ неочевидна истина, какъ у нась: несоответственная назначенія губятъ людей и учрежденія.

Въ „Русскомъ Архивѣ“, Чертковской библіотеки П. И. Бартенева, напечатаны записки графа Комаровскаго и сенатора Дм. Бор. Мертваго, записки, мемуары безцвѣтныя, для исторіи незначительныя, для современниковъ нелюбопытныя, для потомства непоучительныя. Какъ этотъ ничтожный генералъ Комаровскій попалъ въ важные тогда генераль-адъютанты и сдѣланъ графомъ за то, чтоѣздилъ по Петербургу съ Австрійскимъ принцемъ, можно объяснить себѣ развѣ случайностью обстоятельствъ, молодостью неприготовленнаго императора и революціоннымъ духомъ времени. Правда, ничтожество личности Комаровскаго объясняется его болѣзни. Онъ подвергался бѣлой горячкѣ и сохранилъ въ императорѣ довѣріе на столько, чтобы быть послану въ Москву для объявленія о вступленіи на престоль, а въ Петербургъ для извѣщенія о совершившейся коронації. При Александрѣ этотъ генераль-адъютантъ строилъ казармы и помогалъ бѣднымъ послѣ наводненія.

Записки Мертваго интереснѣе. Мальчикъ 14 лѣтъ былъ въ когтяхъ Пугачевщины. Губернаторствуя въ Крыму, онъ далъ мысль о сформированіи Татарскихъ полковъ. Будучи генераль-провіантмейстеромъ, онъ придумалъ систему заготовленія чрезъ помѣстное дворянство, система къ которой обращался Петръ I-й и, въ недавнее время, Военное Министерство, по плану Булгакова. Записки Мертваго напоминаютъ записки Ермолова и Державина. Постоянныи ропотъ, постоянное неудовольствіе подозрительность и порицаніе всѣхъ и каждого, начиная съ гр. Игельстрома, при которомъ необразованный и ничтожный совѣтникъ игралъ роль правителя, и кончая Ермоловымъ, по представленію котораго сенаторъ посланъ обревизовать Астраханскую и Кавказскую губерніи. Потемкинъ, Ришелье, Аракчеевъ, Обольяниновъ, никто не удостоивался не только похвалы и одобрѣнія, но даже ласковаго слова. Только собственные дѣйствія, самоличность выставляются въ видѣ угнетенной невинности и образца усердія и умѣнья.

Съ какимъ удовольствиемъ утомленная этими Записками и современою запальчивостю душа останавливается и отдыхаетъ на свѣтлыхъ и ясныхъ, какъ Божій свѣтъ, какъ Харита и Психея, письмахъ Жуковскаго (1840—1851 г.) къ великому князю Константину. Онъ начинаются прелестью „милага моего великаго князя“ отъ „старого друга“ и оканчиваются почти подобострастiemъ предъ мужающимъ „высочествомъ“. Но въ этомъ курсѣ воспитанія, сколько теплоты, сколько чистой души, сколько благородства въ искательствѣ, сколько достоинства въ скромности! Какая роскошь рѣчи, Русскаго языка и какая философія въ поэзіи и вѣрованіи! Кто-то напишетъ біографію этого прекраснаго человѣка? Грѣхъ будеть кн. Вяземскому. Онъ одинъ можетъ и сможетъ представить намъ геніального и благороднаго Жуковскаго.

Канцлеръ кн. Горчаковъ женится на молодой красавицѣ Акинфовой (изъ таинственнаго семейства Анненковыхъ). Во многихъ мѣстахъ голодъ, въ западныхъ губерніяхъ водворяется Русское землевладѣніе, въ Остзейскихъ—Русскій языкъ, въ Сибири и на Кавказѣ вводится гласный судъ присяжныхъ, пересматривается тарифъ для пониженія пошлинъ, ожидается усиленіе производительности и повышеніе фондовъ: думаютъ возстановить откупную систему, классическое преподаваніе вездѣ распространяется, публичность дѣйствій и плата утверждаютъ нравственность и приличіе, кружки и клубы сливаются съ домашнимъ очагомъ и пр. Голова ходить на плечахъ. А тутъ встаютъ новые вопросы: обѣ отчужденіи государственной собственности, о замѣнѣ войска ополченіемъ, о превращеніи натуральныхъ повинностей въ денежныя и пр.

Не говорю теорія—это ясно—но говорю фантазія, съ легкостю и самонадѣянностю увлеченія улетучиваетъ дѣйствительность и мнимымъ надеждамъ сообщаетъ положительность, а мнимымъ законамъ непреложность истины. Надобно прочесть *L'affaire Clémanceau* Дюма-сына или м-г de Cavour Фёилье, чтобы видѣть какъ ломаютъ дѣйствительность; надобно прочесть *Die verlorene Handschrift* Фрейтага или *Volkswirtschaft* Дитцеля, какъ жеманится и ломается эта дѣйствительность даже у Нѣмцевъ. Вавилонъ и хаосъ! Безпорядокъ и путаница! Въ жизни и литературѣ, въ жизни частной, общественной, государственной и даже международной. Новое время, давайте новое право! Идетъ революція. Этапамъ 1739, 1815, 1830, 1848 годовъ, нуженъ новый этапъ. Онъ давно бы явился, но величіе его замедляетъ появленіе.

Не недоволенъ я новыми порядками; нѣть, они составляютъ дѣйствительный успѣхъ человѣческаго развитія и проявленія Божіей истины. Но я не доволенъ тѣмъ, что къ святымъ венцамъ прикасаются грязныя руки; что, прокладывая лучшіе пути, безцѣльно рубятъ необходимый лѣсъ и бесполезно тратятъ миллионы на срытіе горъ и засыпку обходи-

мыхъ болотъ; что, дѣлая однихъ счастливыми, идутъ къ этой прекрасной цѣли по трупамъ и развалинамъ, и что все это дѣлается доктринально, кабинетно, легкомысленно.

Богъ не позволяетъ мнѣ думать о роскоши воспитанія, мною задуманного, но я благодарю Господа и за то, что есть. Они не хуже другихъ, лучше многихъ, мнѣ и матери драгоцѣнны. Страшно систематически гнуть эти тропическая созданія, и все мои помышленія направлены преимущественно къ тому, чтобы ихъ сохранить и выростить. Конечно прежде жизни и здоровья я прошу у Господа благородства и увѣренъ въ Митѣ и Танѣ.

Сегодня, 19 Ноября, отслуживъ литургію, отшелъ отъ сего міра великий святитель Московскій, митрополитъ Филаретъ, величайший учитель, витія и стражъ восточного каѳолического ученія. Громко отдастся это событие въ сердцахъ вѣрующихъ. 86 лѣтъ горѣла эта жизнь, посвященная слову и мысли, вѣрѣ и назиданію. 60 лѣтъ онъ было свѣтильникомъ духовной истины и авторитетомъ церковнаго права. Я познакомился съ покойнымъ въ 1849 г., когда былъ въ Москвѣ оберъ-прокуроромъ. Съ дѣтства, съ студенчества я привыкъ видѣть въ немъ гениального человѣка, ученнѣшаго іерарха, знаменитаго проповѣдника и государственного дѣятеля. Потому я старался сблизиться съ этимъ Московскими величествомъ, съ этимъ Московскими „владыкою“. (Наричаніе это было собственнымъ именемъ въ устахъ общества и народа). Купечество чтило его какъ святаго. Особенно почитали его свѣтскіе грѣшники и грѣшницы, которыми Москва всегда преизобиловала. Всѣ Москвики находили его всесторонне-ученымъ и глубокомысленнымъ. Я этого не находилъ, хотя старался сблизиться съ знаменитымъ старцемъ. Признавая всю недоступную библейскую его ученость, я находилъ, что онъ недостаточно открыть, чтобы быть общимъ источникомъ Божіимъ, что онъ часто слишкомъ букваленъ и вообще одностороненъ. Викарій Леонидъ сообщилъ о сношеніяхъ великаго іерарха съ великимъ поэтомъ, Пушкинымъ. Это какъ-то не вяжется съ суходу и величавою дѣятельностью государственного правителя церкви. Намѣстникъ Лавры, архим. Антоній сообщилъ о видѣніи и предсказаніи дня смерти. Являлся ему отецъ и наказывалъ ему 19 число. Съ того времени, 19 Сентября, 19 Октября, онъ пріобщался, по исповѣди, святыхъ тайнъ, а 19 Ноября, отслуживъ литургію, уснуль на вѣки. Боюсь, чтобы это видѣніе не утвердило довольно распространенную ересь спиритизма, которая явилась послѣ вертящихся столовъ и поддерживается Московскою празднотю особенно въ кругу старыхъ дѣвъ, какъ княжны Шаховскія.

Ближайшее потомство нашего поколѣнія не безъ удивленія и не безъ усмѣшки прочтеть 183, 188 и 189 (и вѣроятно слѣдующіе) №№ газеты „Москва“ этого года. Основанная Московскими протекціонистами, газета, въ № 183-мъ, осмѣяла и одурачила, самымъ наглымъ образомъ. Петербургскихъ чиновниковъ комиссіи, пересматривающей тарифъ 1857 г. Тенгоборскаго. Не довольствуясь агитациами, Московскіе протекціонисты задумали соединить интересы кармановъ нѣкоторыхъ капиталистовъ съ интересами всего народа и выставили Петербургскихъ дѣятелей, посреди голодающаго народа, какъ толпу весельчаковъ, облизывающихъ въ праздныхъ словопреніяхъ и Страстбургскихъ пирогахъ и консервахъ. Въ существѣ, Московскіе протекціонисты говорять не безъ основанія. Пересмотръ тарифа, черезъ десять лѣтъ, могъ напугать капиталы. Но статья 183 № профессора Бабста написана въ такомъ смыслѣ и въ такихъ выраженіяхъ, что и бѣдное и плохо организованное управление дѣлами печати не могло не сдѣлать редактору-издателю Ив. Сер. Аксакову (второе) предостереженіе. „Москва“ напечатала его и въ № 188 (26 Ноября), день похоронъ митрополита, объщалась объясниться съ Министерствомъ Внутр. Дѣлъ и отозваться на его предостереженіе. Черезъ день, сегодня, въ № 189 Аксаковъ помѣстилъ свой отзывъ (NB. „За статью Бабста“), за который вѣроятно послѣдуетъ новое предостереженіе, третье, и остановится изданіе газеты во второй разъ. Новое—третье, 29 Ноября, и остановка на 4 мѣсяца.

Обширная статья Аксакова, какъ и все что онъ пишетъ, написана отъ души и съ достоинствомъ, но она въ ноги топчетъ администрацію, насмѣшливо обвиняя ее въ систематическомъ преслѣдованіи „Москвы“ и многократно оговаривая отданіе управления, администраціи, отъ Государя, отъ правительства. Примѣръ Каткова не могъ остаться безъ подражателей. Но подражаніе развивается тему далѣ. Катковъ оправдывался. Литвиновъ, Краевскій, Артаболевскій глотали предостереженія съ робкимъ упрекомъ, захлебываясь (экія словечки просятся подъ перо!) страхомъ за карманы. Аксаковъ не только оправдывается, не только упрекаетъ, онъ обвиняетъ и требуетъ суда. „Мы готовы предстать суду, мы желаемъ суда“. Бѣдный! Онъ и забылъ, что система „предостереженій“, давая свободу печати, отдаетъ ее на произволъ администраціи!

Самодержавіе, управление, публичный судъ, свобода печати—экія родственные начала. Да, невѣжество народа нась спасаетъ. Невѣжеству помогаютъ нашъ климатъ и наша бѣдность. Со временемъ нашему времени неурядицы, распущенности и расточительности, погомство, проученое потомство, не повѣрить. А можетъ быть, и повѣрить! Во

всякомъ случаѣ, взвѣшивая великия событія, подивится, какъ мало ума и умѣнья положено въ ихъ основаніе.

Постоянное вооруженіе, которое Европа поддерживаетъ съ 1789 г. и особенно усиленно съ 1849, расточительность правительства и злоупотребленіе кредитомъ, привели къ несостоятельности и запутали отношенія такъ, что ничего нѣть вѣрного, прочного и точнаго ни въ материальномъ, ни въ нравственномъ мірѣ. Въ отчаяніи порядка мы живемъ на авось и идемъ зажмуря глаза на угадъ, испрашивая помощи, то въ тягостныхъ займахъ, то въ безнравственныхъ лотереяхъ, то въ нерациональномъ возвышеніи податей, давящихъ бѣдное населеніе до продажи домашней утвари за постоянныя и бесконечныя недоимки*). Государственный порядокъ отражается и въ частномъ. Никогда—развѣ въ 1790 годахъ—не было такъ много случайныхъ паденій и возвышений обществъ, семействъ и личностей. Покоритель Ташкента, Георгіевскій кавалеръ Черняевъ идетъ въ нотаріусы, купецъ Поляковъ покупаетъ Николаевскую дорогу. Рюминъ, Бернадаки, Кокоревъ, *tutti quanti* балансируютъ какъ куклы, какъ наши государственные люди, какъ калейдоскопъ. Конечно это неутѣшительно, тяжело; но и посреди этой неурядицы колеблющагося порядка вещей ободрительно то, что, и живя со дня на день, талантъ и постоянный трудъ могутъ расчитывать на признаніе соотвѣтственное и безъ покровительства произвола и силы внѣшней.

Введеніе судебнай реформы въ Харьковскомъ округѣ сенаторомъ барономъ Торнау при управлениі министерствомъ графа Конст. Ив. фонъ-деръ-Палена радикально отличается отъ Московскаго. Барону Торнау сочиняетъ рѣчи газета „Вѣсть“. Не совсѣмъ это такъ. Судебная реформа въ Петербургѣ и Москвѣ введена априористически и будетъ имѣть всѣ тѣ послѣдствія, которыя предсказаны мною въ печатномъ мнѣніи, въ Маѣ 1865 г. Въ Харьковскомъ округѣ новые суды солются со ста-

*) Замѣчательны дѣла объ этихъ взысканіяхъ, напр. Великолуцкое, напечатанное въ 267 № „Судеб. Вѣстника“ 8 Декабря 1867 г. Становой Малькевичъ пріѣзжаетъ, съ *револьверомъ*, для продажи коровы, и его встрѣчаютъ толпы съ крикомъ и гамомъ. Онъ страшась *револьверомъ*, толпа наступаетъ на него, и только присутствіе духа его кучера спасаетъ ревностнаго исполнителя. Дерзость не знаетъ предѣловъ, нечовиновеніе явное. Главнѣшіе изъ виновныхъ преданы суду, и по окончаніи судоговоренія судъ постановляетъ два вопроса: 1, виновны ли подсудимые въ сопротивленіи приставу? и 2, сопровождалось ли оно насилиемъ? Присяжные отвѣчали: на первый *нѣтъ*, на второй—*да*, но заслуживаются снисхожденія. Послѣ этой глупости, присяжные принесли отрицательный отвѣтъ на оба вопроса, и подсудимые были оправданы. По словамъ запиты виноватъ (какъ и въ Калужскомъ дѣлѣ посредника Сухотина), во всемъ виноватъ *револьверъ*. А Петербургскій прокуроръ Шрейдеръ утверждаетъ, что начальникамъ приходится защищаться *револьверами*.

рыми (по моему предположенію, должны выrostи изъ старыхъ). Переходъ будетъ менѣе рѣзокъ, порядокъ замедлится, но не затруднится. Торнау, правда, наговорилъ довольно глупостей объ охранительной обязанности, о судебнѣмъ органѣ *правительства*, о ненарушеніи предѣловъ власти суда, полиціи и администраціи. Все это темные намеки на дѣла Ольхина, Протасьева, Данилова (мировыхъ судей), вѣроятно по непремѣнному приказанію Петербурга. Вѣроятно и въ самомъ ходѣ дѣла Торнау не будетъ счастливъ. Безъ юридического образованія, безъ большой судебной практики, дурно обставленный (моя правая рука, Брилевичъ, сказалъ онъ мнѣ 10 Сентября), Торнау невольно подпадаетъ подъ вліяніе болѣе опыта и умнаго Шахматова (прокурора палаты), и моя надежда на этого послѣдняго. Онъ любить суетиться и умѣеть лавировать. Опасаюсь я оппозиціи, пререканій, ссоры. Она не только возможна, но и вѣроятна. Съ такимъ слабымъ запасомъ и съ такой правой рукой Торнау, самоувѣренный и щекотливый Нѣмецъ, возстанетъ открыто и надѣлаетъ глупостей.

Послѣ похоронъ великаго іерарха Москва занимается юбилеемъ маленькаго князя Ник. Ив. Трубецкаго, для чего сегодня или вчера прибылъ и маленький царевичъ, принцъ Петръ Ольденбургскій. Много рѣчей и даже проповѣдей, возглашеній, подарковъ и пѣній. Но праздникъ оправдывается только празднымъ тщеславiemъ нашего времени. Какія заслуги оказаль кн. Н. Трубецкой? Самъ ре скрипть не могъ высказать ихъ. Уничтоженіе значенія опекунскихъ совѣтовъ, оглашеніе страшной смертности дѣтей, которыми гласно торгуютъ на заставахъ. нигилизмъ въ институтахъ и старое воровство экономовъ,—вотъ заслуга преемника кн. Сергія Михайловича, вотъ титла празднества 5—9 Декабря, этого „торжества гражданства и церкви“, какъ выразился старый богословъ Терновскій, „гражданства и церкви“! Это торжество г. Верховцева, который выдумалъ этотъ юбилей, праздникъ чиновниковъ и экономовъ; но тутъ нѣть ни „гражданства, ни церкви“.

Разрѣшено частное учрежденіе высшаго учебнаго заведенія: „Лицей цесаревича Николая“ г.г. Каткова и Леонтьева. Это будетъ нѣчто въ родѣ Греко-латинской академіи, совершенно несовременной, или Оксфордо-Кембриджского конвикта, совершенно къ намъ и въ Москвѣ непримѣнимаго. Катковъ упрямъ и поставить на свое мѣсто. Вѣковые опыты классическаго образованія въ Европѣ дѣлаютъ его глухимъ къ требованіямъ времени, изнуряемаго насущными вопросами экономическими и стремящагося проникнуть въ тайны природы. Онъ готовъ прославлять неповоротливаго академика Нáука за тяжелую статью его въ календарь на 1866 г. и знать не хочетъ свѣтлой и увлекательной автобіографіи другаго академика, геніального Бера. Греко-латынь есть спе-

ціальность, и полагать ее въ основаніе образованности значить пред-
почитать односторонность и идти вспять. Я никакъ не рѣшусь отдать
моего Дмитрія на воспитаніе Каткову. Сынъ мой будетъ знать по-ла-
тыни, чтобы изучать Римское право въ источникахъ, но первые два
года въ университетѣ онъ посвятить естественнымъ наукамъ и потомъ
перейдетъ на факультетъ юридической и вникнетъ въ связь законовъ
природы и естественного права законодательствъ. Въ 1868 г., по утверж-
деніи формъ лингвистики, надобно пригласить профессора Рачинскаго
для элементарнаго курса физической географіи и физіологии.

Вы спрашиваете: читалъ-ли я „Conscience et foi“ Кокреля (сына)?
Читалъ. Это умаленный Ренанъ, пытающійся установить ученіе, какъ
г. Гѣ пытается въ картинахъ „Воскресенія“ и „Вечери“ олицетворить это
ученіе реформаціи и реформаторовъ, которые вызвали послѣднія энци-
клики и послѣдній силлабусъ умирающаго католицизма и неподвижнаго
ориентализма. Это не церковь и религія: это индивидуальное религіозное
чувство, развиваемое по вольной канвѣ наукой и воображѣніемъ.

Оканчивается 1867 годъ, подходитъ высокосный 1868-й. Остано-
вимся на минуту. Чѣдь это быль за годъ такой? Общее недовѣріе, по-
всемѣстное вооруженіе, застой промышленности. Но это было и прежде.
Парижская выставка не показала-ли, напротивъ, торжество мирнаго
гения промышленности? Нисколько. Это была маска, за которой скры-
вался законъ объ арміи въ 1,200 тысячъ. Казнь Максимилиана не зна-
меновала-ли паденія династического начала? Нисколько: начало это уже
пало. За маскою казни выглядываетъ республиканское движение. Пора-
женіе Гарибальди не есть-ли торжество правильнаго монархическаго
порядка. Нисколько; это маска, въ которой проглядываетъ анархія
правительствъ, безсиліе существующаго порядка, преображеніе закон-
ныхъ управлений въ революціонныя. Папство и Сѣверо-германскій
союзъ вотъ ближайшія явленія года, вѣка, продолжающіяся издавна и
значимующиа паденіе авторитетовъ и торжество материальной силы. Въ
этомъ выразилось до сихъ поръ *новое право*, идущее на встрѣчу со-
ціализму въ современныхъ реформахъ объ общемъ правѣ политического
голоса, о сходкахъ рабочихъ и ихъ ассоціаціяхъ, въ прокламаціяхъ
Мадзини и этой странной, загадочной сектѣ Фекліевъ, у которой голова
въ Америкѣ, а руки повсюду. Телеграфы и желѣзныя дороги сдѣлали
явленія солидарными. Даже въ Турціи геройское возстаніе Кандія отзы-
вается въ Греціи, Черногоріи и Сербіи. Турція и Австрія въ броженіи
къ разложенію. Россія тоже въ броженіи, и сильный національный
элементъ все болѣе и болѣе пріобрѣтаетъ вліяніе преобладающее.
Страшны радикальныя реформы, уже вызвавшія столько казней, столько
раззореній, столько преступленій, грозящія возстаніями шаекъ и массъ.
Наступающій годъ будетъ тяжелъ. Но будемъ молиться и надѣяться.

ИЗЪ ЗАПИСОКЪ К. Н. ЛЕБЕДЕВА.

На особомъ листѣ.

Сегодня 31 Декабря 1845 г. Я встрѣтилъ новый годъ по обыкновенію одинъ, въ чтеніи и въ постоянной мысли о Богѣ и о благоденствіи несчастныхъ, число которыхъ такъ велико и такъ несоразмѣрно съ средствами нашими. Число это соразмѣрно ненасытности нашей. Прости, Господи, прегрѣшения мои, направи стопы мои на путь правды и даруй мнѣ прозрѣть мудрость Твою.

On s' imaginait à tort, suivant lui (Napoléon), qu' en France on pouvait tout ce qu' on voulait. C' était une erreur peu honorable pour ceux qui la commettaient, car ils supposaient la France sans conscience et sans opinion. Il ferait, disait-on, tout ce qu' il voudrait; oui, répondit-il, mais il pouvait ce qui était dans le sens des besoins et des opinions régnant dans le moment en France, mais pas davantage. Il le pouvait mieux, plus puissamment qu' un autre, mais il ne pouvait rien contre le mouvement actuel des esprits. Если и Тьерь это говорить, онъ правъ. Управление есть предупрежденіе нуждъ народа и чѣмъ оно будетъ сообразнѣе, соотвѣтственнѣе съ большинствомъ, тѣмъ оно можетъ быть смѣлѣе, и смѣлѣе, тѣмъ свободнѣе, неограниченїе.

Послѣ 22 лѣтняго управлениія Министерствомъ Финансовъ графъ Канкрииъ, удалившись въ Парижъ, написалъ и издалъ потомъ въ Штутгартѣ: Die Oekonomie der.... Gesellschaft und Finanz. Я полагаю, что это сочиненіе писано не въ 1845 г., но прежде. Оно состоялось изъ постепенныхъ отрывочныхъ замѣтокъ, которыя, можетъ быть, связаны, соединены въ нечто цѣлое при окончательномъ обозрѣніи въ Парижѣ. Это—собраніе практическихъ замѣчаній опытнаго человѣка, и въ этомъ значеніи сочиненіе старого министра замѣчательно, а можетъ быть даже и полезно. Книга раздѣляется на три части: общую, частную и о финансахъ. Строгой системы и послѣдовательности въ изложеніи неѣть. Неѣть ни историческихъ, ни догматическихъ подробныхъ изысканій. Совсѣмъ неѣть ни статистическихъ данныхъ, ни положительныхъ доказательствъ. Послѣднія ограничиваются намеками, кое какими указаніями. Очень много номенклатуры. Итакъ замѣчательнѣйшее есть то, что сочиненіе писано министромъ графомъ Канкринымъ и что въ немъ нерѣдко встрѣчаются примѣненія къ Россіи и оправданія мѣръ, принимавшихся лишь государственнымъ правленіемъ. Оно писано добрымъ человѣкомъ, христіаниномъ и съ теплымъ и просвѣщенными сердцемъ.

Письмо И. М. Снегирева къ Я. М. Невѣрову¹⁾.

Милостивый государь Януарій Михайловичъ.

Душевно благодарю васть за дружеское ко мнѣ вниманіе въ бытность мою въ С.-Петербургѣ, гдѣ я встрѣтилъ васъ, какъ родного. Примите отъ меня вмѣстѣ съ признательностю новое изданіе Жизни М. Платона; первая часть осталась безъ перемѣны, а вторая вновь напечатана со многими дополненіями и перемѣнами. Нѣкоторыя обстоятельства, какъ я думаю, должны войти въ составъ Исторіи. Безъ меня многое обѣ этомъ осталось бы потеряннымъ, скажу безъ самохвальства. Самъ многому очевидецъ, я ихъ повѣряль съ его современниками и свидѣтелями.

Покорнѣйше прошу доставить по экземпляру прилагаемыхъ здѣсь книгъ г-ну Комовскому, съ которымъ я столь неожиданно и столь пріятно встрѣтился у васъ въ редакції²⁾, и г-ну Краевскому, котораго прошу извинить меня, что не успѣлъ у него быть въ назначенное время; потому что въ этотъ день утромъ выѣхалъ изъ С.-П. въ любезную Москву, гдѣ нетерпѣливо ожидало меня семейство мое. Извѣстную вамъ статью мою я посыпаю г-ну Сербиновичу.

Съ истиннымъ почтеніемъ и душевною преданностю честь имѣю быть вашимъ покорнымъ слугою И. Снегиревъ.

Москва Мая 29-го, 1835 г.

Н. М. ЯЗЫКОВЪ.

(Замѣтка).

Въ 1902 г. въ Императорскую Цубличную Библіотеку поступило нѣсколько автографовъ и копій со стихотвореній Н. М. Языкова въ разныхъ альбомахъ. На стр. 187 отчета Библіотеки за этотъ годъ (Спб. 1910 г.) сказано, что элегія „Дума“ (Одну минуту, много двѣ) не напечатана. Это не вѣрно: элегія эта появилась въ изданіи сочиненій Языкова въ „Дешевой Библіотекѣ“ А. С. Суворина, т. 2, стр. 158.

На стр. 190-й заглавіе стихотворенія „В.“ (Не робко пей, товарищъ мой) объясняется предположительно: Вульфу³⁾. Въ печатныхъ же изданіяхъ стоитъ „Къ В—му“. Кто это лицо, остается загадочнымъ. На стр. 185—приведено начало стихотворенія П. А. Осиповой „Аминь, аминь глаголю вамъ!“⁴⁾. Эта строка почему-то выпущена во всѣхъ печатныхъ изданіяхъ, отчего исказилась риома.

А. А. Флоридовъ.

¹⁾ См. „Русский Архивъ“ 1910, книги I и II.

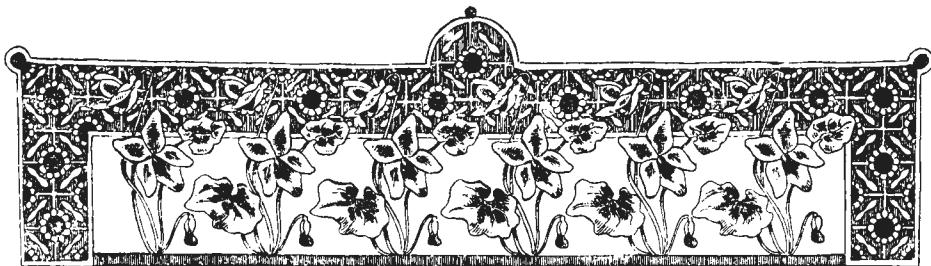
²⁾ Журнала Департамента Министерства Народного Просвѣщенія. И. В.

³⁾ Конечно, это посланіе къ А. Н. Вульфу, Дерптскому пріятелю Языкова. П. Б.

⁴⁾ Тогдашняя цензура не пропустила этихъ словъ, точно какъ и Баратынскому въ его стихахъ:

Аминь, аминь, сказалъ Онъ вамъ:

Гдѣ двое вы будете, не буду съ вами Я.

ИЗЪ ЗАПИСОКЪ КОРОЛЯ СТАНИСЛАВА ПОНЯТОВСКАГО¹).

Непріятное приключение 6 Іюля 1757 года.

Въ свитѣ принца Карла (Саксонскаго) состоялъ Браницкій, въ настоящее время полный генералъ. Совѣтъ еще молодой тогда (1757), онъ былъ уже извѣстенъ по двумъ доблестнымъ кампаніямъ, которыя совершилъ волонтеромъ въ Австрійской арміи, вмѣсть съ тѣмъ же принцемъ Карломъ. Съ самаго прибытія въ Петербургъ, онъ выражалъ мнѣ желаніе заслужить мою дружбу, и дѣлалъ это такъ своеобразно, такъ порыцарски, что мнѣ пришла мысль испытать его въ странномъ приключениіи, о которомъ сейчасъ разскажу.

По обороту, которое приняло дѣло великаго канцлера²) и по тому, что обстоятельства Петербургскаго и Варшавскаго дворовъ становились для меня все болѣе и болѣе щекотливыми, я счелъ за нужное удалиться на нѣкоторое время изъ Россіи, взявъ отпускъ съ тѣмъ, чтобы потомъ вернуться въ срокъ и къ своему мѣсту³).

Отъ одной этой мысли я участилъ мои ночные поѣздки въ Ораніенбургъ, гдѣ пребывалъ малый дворъ, чтѣ облегчалось моимъ переходомъ въ Петергофъ, по случаю нахожденія въ немъ принца Карла, и приближало меня на двѣ трети пути къ моему предмету.

Привыкнувъ къ постоянной до тѣхъ поръ удачѣ, какъ въ моихъ переодѣваніяхъ, такъ и во всѣхъ способахъ, относящихся къ этимъ поѣздкамъ, я совсѣмъ потерялъ изъ виду всю опасность и 6 Іюля (по старому стилю 25-го Іюня, въ Четвергъ) рѣшился поѣхать, пред-

¹) Переведено съ Французскаго. Списокъ съ подлинника сохранился въ бумагахъ И. К. Шильдера. И. Б.

²) Графа Бестужева-Рюмина. И. Б.

³) Т. е. къ должностіи Польскаго представителя при нашемъ дворѣ. И. Б.

варительно не сговорившись даже съ великой княгиней, какъ дѣлалъ это постоянно. Я нанялъ, по обыкновенію, маленьку крытую телѣжку, съ извощикомъ, не знаяшимъ кого онъ везетъ. На задкѣ сидѣлъ тотъ же переодѣтый скороходъ, который меня всегда сопровождалъ въ прежнія поѣздки.

Въ эту ночь (таковой она на самомъ дѣлѣ не бываетъ въ Россіи) мы, по несчастью, повстрѣчали въ Ораніенбаумскомъ лѣсу великаго князя со всей его свитой (всѣ полуپьяные!) Извощикъ былъ спрошенъ, кого онъ везетъ, и отвѣчалъ, что не знаетъ; а скороходъ сказалъ, что портного. Насъ пропустили. Но Елизавета Воронцова, фрейлина великой княгини и фаворитка великаго князя, бывшая тутъ съ нимъ, стала дѣлать такія предположенія насчетъ мнимаго портного, что великій князь пришелъ въ очень дурное расположеніе духа; и, по выходѣ моемъ отъ великой княгини, послѣ нѣсколькихъ часовъ проведенныхъ съ нею въ павильонѣ (занятомъ ею подъ предлогомъ ваннѣ), въ нѣсколькихъ отъ него шагахъ, на меня напали три всадника, съ саблями въ рукахъ, схватили за воротъ и такъ привели къ великому князю. Узнавъ меня, онъ просто приказалъ имъ слѣдоватъ со мною за нимъ. Меня повели по дорогѣ къ морю, и я думалъ, что пришелъ мнѣ конецъ, какъ у самаго берега повернули на право, къ другому павильону, который занималъ великій князь. Тутъ, безъ всякихъ околичностей, онъ прямо спросилъ у меня, былъ ли я у великой княгини. Я отвѣчалъ, что нѣть.

Онъ. Скажите мнѣ правду, и тогда все можетъ устроиться; если-же вы будете ее отрицать, то дурно проведете время.

Я. Я не могу признаться въ томъ, чего не дѣлалъ.

На это онъ пошелъ въ сосѣднюю комнату, гдѣ, какъ кажется, посовѣтовался съ бывшими при немъ. Немного спустя, онъ возвратился и сказалъ мнѣ:

Ну, хорошо! такъ какъ вы не хотите говорить, то останетесь здѣсь до моего дальнѣйшаго распоряженія. И, приставивъ къ дверямъ караулъ, онъ оставилъ меня въ комнатѣ одного, съ генераломъ Брокдорфомъ.

Мы съ нимъ провели два часа въ самомъ глубокомъ молчаніи, какъ вдругъ вошелъ графъ Александръ Шуваловъ двоюродный братъ фаворита*), главный инквизиторъ государственной дикастеріи, называемой

*.) Т. е. Ивана Ивановича, который и жилъ во дворцахъ съ Елизаветою Петровною, тогда какъ супругъ ея, графъ А. Г. Разумовскій, помѣщался въ своеъ домѣ (нынѣ Аничковъ дворецъ). П. Б.

въ Россіи Тайной Канцеляріей. Точно для усиленія ужаса, которое вселяло одно названіе его должности, природа наградила его нервными подергиваніями, страшно безобразившими ему лицо, и безъ того некрасивое; а появлялись они всякий разъ послѣ его серьезныхъ занятій. При его появлениі, я тотчасъ понялъ, что Государынѣ все уже извѣстно. Онъ пробормоталъ въ смущеніи нѣсколько словъ, по которымъ я больше догадался, чѣмъ понялъ, что онъ спрашиваетъ объясненія всего проишедшаго.

Вмѣсто того, чтобы приступить къ подробностямъ, я сказалъ ему: „Полагаю, милостивый государь, что для чести вашего двора, какъ и для моей, важно покончить все это съ возможно меньшемъ огласкою, и чтобы вы вывели меня отсюда какъ можно скорѣе.

Онъ (продолжая запинаться, такъ какъ онъ былъ и заика). „Вы правы, и я тотчасъ займусь этимъ“. Онъ вышелъ, и, меньше чѣмъ черезъ часъ, возвратился сказать мнѣ, что готова карета для меня, и что мнѣ только и оставалось какъ вернуться въ Петергофъ. Карета была жалкая, но вся въ стеклахъ, точно фонарь.

И въ такомъ-то якобы инкогнито, въ 6 ч. утра, среди бѣла дня, грустно потащился я, на парѣ лошадей, по глубокому песку. Дорога показалась мнѣ безконечною.

Не дѣлжая немного до Петергофа, я отправилъ карету, чтобы осталльной путь совершилъ пѣшкомъ, въ шинели и надвинутой на уши сѣвой шляпѣ. Меня могли принять за разбойника, но все же моя фигура должна была меньше привлечь вниманіе любопытныхъ, чѣмъ эта удивительная карета.

Дойдя до деревяннаго зданія, въ которомъ я помѣщался съ нѣсколькими лицами изъ свиты принца Карла, въ низенькихъ комнатахъ нижняго этажа, всѣ окна котораго стояли открытыми, я рѣшилъ войти не черезъ дверь, изъ боязни повстрѣчаться съ кѣмъ нибудь.

Я вообразилъ, что чудесно придумалъ войти къ себѣ въ комнату черезъ окно, но вскочилъ, по ошибкѣ, въ комнату сосѣда моего генерала Роникера, котораго брили! Онъ принялъ меня за привидѣніе, и мы оба нѣсколько минутъ молчали, пока не расхохотались.

Я сказалъ ему: „Не спрашивайте меня, откуда я и почему вхожу черезъ окно; но, какъ добрый соотечественникъ, дайте мнѣ ваше честное слово, что вы никому не будете говорить обо всемъ этомъ“. Онъ обѣщался молчать, и я отправился попытаться заснуть, но безуспѣшно.

Два дня провелъ я въ самомъ жестокомъ смущеніи. Я отлично видѣлъ по взглядамъ, что мое непріятное приключение всемъ известно, хотя никто не заговаривалъ о немъ со мною. Наконецъ, великая княгиня нашла способъ прислать мнѣ записочку, изъ которой я понялъ, что она сдѣлала уже попытку расположить къ себѣ фаворитку своего мужа. На слѣдующій день великий князь съ супругой и весь дворъ пріѣхали въ Петергофъ на 29-ое Июня ст. ст., день Св. Петра (При дворѣ его праздновали въ память основателя Петергофа).

Вечеромъ этого же дня былъ придворный балъ. Танцуя минуэты съ Елисаветой Воронцовой, я ей сказалъ: „Вы бы могли сдѣлать нѣсколькоихъ лицъ счастливыми“. Она отвѣчала: „Это почти что сдѣлано; приходите, въ часъ ночи, съ Львомъ Александровичемъ *) въ Monplaisir, гдѣ помѣщаются ихъ императорскія высочества, въ нижнемъ саду“. Я пожалъ ей руку и пошелъ уговориться съ Нарышкинымъ. „Приходите, сказалъ онъ мнѣ; вы меня найдете у великаго князя“.

Пораздумавши немного, я сказалъ Браницкому: „Не хотите ли рискнуть погулять со мной въ нижнемъ саду? Богъ знаетъ, куда насть приведеть эта прогулка, но, вѣроятно, она кончится хорошо“. Онъ тотчасъ же согласился, и мы отправились въ назначенный часъ въ указанное мѣсто. Шагахъ въ двадцати передъ гостиной, я встрѣтилъ Елисавету Воронцову, которая сказала мнѣ: „Вамъ нужно подождать здѣсь нѣкоторое время; у великаго князя курятъ трубки, и онъ хочетъ сперва отдохнуть отъ нихъ, прежде чѣмъ увидѣть васъ“. Она нѣсколько разъ ходила посмотрѣть, не наступилъ-ли ожидаемый нами часъ. Наконецъ, я услышалъ: „входите“ и, вслѣдъ за этимъ, великий князь подходитъ ко мнѣ съ веселымъ видомъ и говоритъ: „Ну, не великий-ли ты шутъ, что не посвятилъ меня вѣ-время въ свою тайну? Знай я ее, не было бы и никакой исторіи“.

Я разумѣется согласился съ нимъ во всемъ, и тутъ же сталъ превозносить глубину военныхъ талантовъ его императорскаго высочества, отъ которыхъ мнѣ нельзя было избавиться. Этимъ я ему такъ пользтиль и привелъ его въ такое хорошее расположение духа, что, черезъ четверть часа, онъ говорить мнѣ: „теперь, чтѣ мы добрые друзья, тутъ кого-то еще недостаетъ!“ И, вслѣдъ за этимъ, онъ пошелъ въ комнату своей жены, заставилъ ее встать съ кровати и, давши ей только время натянуть чулки, даже безъ башмаковъ, накинуть легкій капотъ, безъ юбки. Онъ приводить ее къ намъ въ такомъ видѣ и говоритъ ей, показывая на меня: „Ну, вотъ онъ вамъ! Надѣюсь, что останетесь довольны мною“.

*) Нарышкинымъ. И. Б.

Она воспользовалась этимъ случаемъ и говорить ему: „Теперь недостаетъ только вашей записочки къ вице-канцлеру Воронцову, чтобы попросить его посодѣйствовать въ Варшавѣ скорому возвращенію къ намъ нашего друга“.

Великій князь попросилъ принести столъ, но стола не оказалось; нашлась только доска, которую и положили ему на колѣни, и онъ написалъ карандашемъ убѣдительную записочку Воронцову на счетъ его содѣйствія, а мнѣ далъ, тоже карандашемъ написанную записочку, скрѣпленную рукой его фаворитки и хранящуюся у меня въ подлинникѣ; въ ней стояло: „Вы можете быть увѣрены, что я сдѣлаю все на свѣтѣ, чтобы васъ вернули; буду говорить объ этомъ всѣмъ и докажу вамъ, что я не забываю васъ. Прошу васъ помнить обо мнѣ и вѣрить, что я навсегда останусь вашимъ другомъ и сдѣлаю все возможное, чтобы быть вамъ полезной. Остаюсь вашей покорной слугой Елисавета Воронцова“.

Послѣ этого мы всѣ шестеро начали болтать, смѣяться, шалить съ маленькимъ фонтаномъ, находившимся въ этой гостиной, какъ будто у насъ не было никакихъ заботъ, и разошлись мы только въ 4 ч. утра.

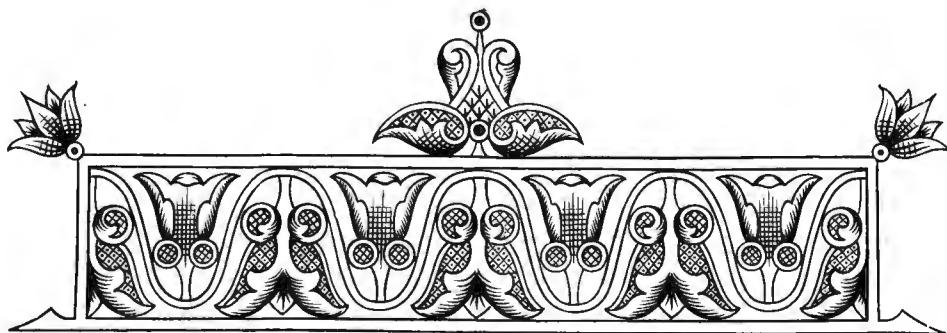
Все приведенное здѣсь мною можетъ показаться невѣроятнымъ, но я свидѣтельствую, что это сущая правда; съ этой поры и началась наша короткая дружба съ Браницкимъ.

На другой день, всѣ смотрѣли на меня дружелюбнѣе. Великій князь заставилъ меня еще раза четыре проѣхаться въ Ораніенбаумъ. Пріѣзжалъ я туда вечеромъ, потайною лѣстницею подымался въ комнату великой княгини, гдѣ заставалъ великаго князя и фаворитку его. Послѣ ужина, онъ уходилъ съ нею къ себѣ, говоря намъ: „Мнѣ кажется, дѣти, я вамъ болѣе не нуженъ!“ И я могъ оставаться съ великой княгиней сколько хотѣлъ.

Иванъ Ивановичъ говорилъ мнѣ любезности, Воронцовъ точно также. Однако я имѣлъ случай подмѣтить, что тутъ что-то не ясно, и что необходимо уѣхать. Разрѣшеніе было уже получено еще раньше и, наконецъ, я долженъ былъ покинуть Петербургъ.

Путешествіе мое было неудачное. Меня постигли всѣ несчастія, задерживающія путешественниковъ, и я только черезъ три недѣли добрался до Сельце, куда удалились мои родители, по кончинѣ моей бабушки Чарторижской, послѣдовавшей 20 Февраля этого года.

ИЗЪ ИСТОРИИ РУССКАГО ВОДЕВИЛЯ.

Дмитрій Тимофеевичъ Ленскій (Воробьевъ).

(Написано по поводу сорокалѣтія со дня его смерти).

„Онъ былъ весельчакъ и умница“.

Шекспиръ, Гамлетъ.

Этими словами, сказанными Гамлетомъ въ то время, когда онъ задумчиво всматривался въ черепъ Йорика, вырытый изъ могилы, одинъ изъ биографовъ Дмитрія Тимофеевича Ленского начинаетъ жизнеописаніе послѣдняго, а другой тѣми же словами Гамлета закончилъ такое же жизнеописаніе этого типичнаго представителя нашей сцены въ ея лучшія времена. Да и мы лично, ознакомившись съ многочисленными письмами и записочками Д. Т-ча къ разнымъ лицамъ, собранными въ „Русской Старинѣ“ (1880 годъ, т. XXIX), а также съ нѣкоторыми литературными его твореніями и биографическими о немъ свѣдѣніями, можемъ только подтвердить, что вышеприведенные слова Гамлета— „онъ былъ весельчакъ и умница“—самый подходящій эпиграфъ къ воспоминаніямъ о Ленскомъ, стяжавшемъ себѣ славу какъ водевильный драматургъ, переводчикъ пѣсень Беранже, какъ веселый, пріятный собесѣдникъ, острякъ и, нерѣдко, очень колкій эпиграмматистъ.

Собственно въ исторіи Русской драматической литературы Д. Т. занимаетъ мѣсто какъ талантливый и плодовитый водевилистъ, и популярность его въ свое время въ средѣ общества, интересовавшагося театромъ, будеть намъ отчасти понятна, если мы обратимъ вниманіе на то, что водевиль, доселѣ еще не покинувшій нашей сцены, пятьдесятъ-шестьдесятъ лѣтъ тому назадъ держалъ туже сцену въ плѣну

и безгранично владѣлъ ею, не смотря на то, что первоначально пересаженъ былъ на Русскую почву какъ заморское твореніе (родиной его была Франція). На сколько крѣпко привился водевиль на Русской сценѣ и насколько пришелся по вкусу публикѣ, можно судить по характерному изреченію Репетилова о томъ, что „водевиль есть вещь, а прочее—все гиль“, и такому мнѣнію о легкомысленномъ водевилѣ не будемъ удивляться, такъ какъ послѣдній своимъ реализмомъ, хотя только и вѣшнимъ, вытѣснилъ съ нашей сцены комическую оперу и напыщенную трагедію, дававшія уму и сердцу слушателя и зрителя слишкомъ мало пищи и притомъ крайне плохаго качества или почти не дававшей никакой пищи, такъ какъ первая почерпала свое содержаніе преимущественно изъ міра фантастического и дѣйствовала на зрителя не столько содержаніемъ, сколько пѣніемъ и обстановкой, а вторая выводила на сцену классическихъ злодѣевъ въ традиціонной позитурѣ врачающихъ зрачками, декламирующихъ безконечные монологи на языкахъ, ничего общаго съ человѣческимъ не имѣющемъ, и гибнущихъ въ борьбѣ съ скучною прописною добродѣтелью. Само собою разумѣется, что съ появлениемъ на сценѣ водевиля публика охотно отвернулась и отъ комической оперы, и отъ напыщенной трагедіи, надѣвшихъ ей до приторности своими фантастичностью и избитыми нравственными сентенціями, и сосредоточила свои сценические вкусы на этомъ новомъ видѣ театрального „лицедѣйствія“, тѣмъ съ болѣшею пріятностью, что водевиль, безъ претензій на нравственновоспитательную роль зрителей, поставилъ себѣ первоначально цѣлью выставленіе въ смѣшномъ видѣ, въ легкомъ и остроумномъ сценическомъ дѣйствіи, slabостей, заботился исключительно о томъ, чтобы дѣйствіе шло увлекательно—быстро и заразительно-весело, вызывая самый живой смѣхъ въ публикѣ, и для достиженія этого результата считалъ дозволеннымъ изобиліе въ дѣйствіи каламбуровъ, самыя запутанныя положенія дѣйствующихъ лицъ, Ѣдкое и замысловатое остронѣміе. Если мы въ наше время, когда для сцены имѣется большой запасъ рѣдкихъ по художественной отдѣлкѣ и по реальности содержанія пьесъ-драмъ, трагедій и комедій, не говоря уже о выдающихся по своей всесторонней художественности операхъ и опереткахъ, присутствуемъ съ удовольствіемъ при игрѣ водевилей: то тѣмъ болѣе тотъ же водевиль могъ завладѣть сценическими вкусами отечественной публики въ ту пору, когда для удовлетворенія этого вкуса служили, какъ мы уже сказали выше, только комическая опера съ ея фантастическимъ содержаніемъ и напыщенная по своей крайней тенденціозности трагедія.

Въ тридцатыхъ, сороковыхъ и пятидесятыхъ годахъ текущаго столѣтія любовь нашего общества къ водевильнымъ пьесамъ была въ полной силѣ, и вкусамъ публики въ этомъ отношеніи вполнѣ удовлетворялъ, какъ водевильный драматургъ, Д. Т. Ленскій.

Ленскій, настоящая фамилія коего была Воробьевъ, по своему происхожденію принадлежалъ къ зажиточной купеческой семье и родился въ Москвѣ въ 1805 году. По семейнымъ традиціямъ отецъ предназначилъ его къ коммерческой дѣятельности и съ этою цѣлью помѣстилъ его для получения специальнаго образованія въ Коммерческое Училище. По окончаніи въ 1819 году курса ученія, Д. Т. поступилъ было на службу въ контору одного Англійскаго купца въ Москвѣ, но занятія въ этой конторѣ ему не нравились, и онъ, по природному влечению, началъ мечтать о сценической дѣятельности, пока наконецъ, послѣ предварительного дебюта, состоявшаго безъ вѣдома отца, не былъ зачисленъ, 14 Апрѣля 1824 года, въ казеннную драматическую труппу. На Московской сценѣ Ленскій оставался до конца своей жизни (умеръ 9 Декабря 1860 года), играя въ первое время роли водевильныхъ любовниковъ, а впослѣдствіи и другія комическія роли, какъ, напримѣръ Тартюфа и Хлестакова.

Но дѣятельность актера не была истиннымъ призваніемъ Ленскаго, и стремленіе его пріобрѣсти славу именно на этомъ поприщѣ не осуществилось: въ теченіе всей своей жизни онъ не выдѣлился изъ ряда посредственныхъ актеровъ. Извѣстность же онъ пріобрѣлъ, какъ авторъ многочисленныхъ водевилей, замѣтно выдѣлявшихся изъ ряда другихъ подобныхъ литературныхъ твореній сценичностью, жизненными комическими типами, веселымъ остроуміемъ и юморомъ куплетовъ, нерѣдко доводившихъ большую публику до неистовства, проявлявшагося ею въ знакъ полнаго довольства пьесою. Правда, что Д. Т., зная хорошо Французскій языкъ, большую часть своихъ водевилей передѣлалъ изъ Французскихъ водевилей или только перевелъ ихъ съ этого языка, замѣнивъ болѣе или менѣе удачно дѣйствующихъ лицъ (Французскихъ комми, гризетокъ и рантье) въ сидѣльцевъ гостинаго двора, въ швеекъ съ Кузнецкаго моста и въ богатыхъ купцовъ Ножевой линіи, и тонкую Французскую соль, примѣнительно ко вкусу публики, крупнымъ „бузуномъ“...; но за то значительная часть блещущихъ веселымъ остроуміемъ и юморомъ куплетовъ въ этихъ водевиляхъ принадлежала собственной его Музѣ. Истиннымъ призваніемъ Ленскаго было поприще куплетиста, которому онъ, къ сожалѣнію, не послѣдовалъ. Самъ онъ, признавая цѣнность куплета, вотъ какъ опредѣлялъ въ стихахъ его роль на сценѣ:

Какъ посмотреть на всѣ проказы свѣта,
Куда смѣшонъ покажется намъ свѣть!
Чтѣ шагъ, то мысль родится для куплета,
И льется самъ изъ-подъ пера куплетъ.

Пиши куплетъ, когда дуракъ изъ грязи
Кой-какъ ничкомъ, ползкомъ протерся въ знать,
И вдругъ забылъ родства и дружбы связи
И никого теперь не хочетъ знать.

Пиши куплетъ, когда съ эспаньолеткой,
Въ усахъ, съ хохломъ, сидить въ театрѣ франтъ
И, съ важностью вертя своей лорнеткой,
Вреть всякий вздоръ и вслухъ бранить талантъ.

Пиши куплетъ, когда стариkъ влюбленный
Вступаетъ въ бракъ съ кокеткой молодой:
Она родить, а онъ, отецъ законный
Ужь думаетъ, что онъ отецъ родной.

Пиши куплетъ, когда лишь изъ расчета
Иной съ плеча строчить романъ начнетъ,
Коверкаетъ нещадно Вальтеръ-Скота,
И наконецъ выходитъ просто скотъ.

Пиши куплетъ, когда къ себѣ сосѣда
Столичный плутъ обѣдать позоветъ
И, между тѣмъ, его послѣ обѣда,
Какъ липочку, за банкомъ обдеретъ.

Пиши куплетъ, когда, желая лишку,
Въ свой бенефисъ расчетливый актеръ
Печатаетъ предлинную афишку
И публикѣ даетъ формальный вздоръ.

Какъ посмотреть на всѣ проказы свѣта,
Куда смѣшонъ покажется намъ свѣть!
Чтѣ шагъ, то мысль родится для куплета,
И льется самъ изъ-подъ пера куплетъ.

Театральная публика описываемаго нами времени настолько увлекалась водевилями, что безъ нихъ не обходился ни одинъ бенефисъ, если только актеръ, въ пользу котораго назначалось бенефисное представление, желалъ обеспечить себѣ полный успѣхъ въ смыслѣ привлечения публики. Даже такие талантливые актеры, какъ И. И. Сосницкій П. А. Карагыгинъ и М. С. Щепкинъ, приводившіе тонкихъ знатоковъ сценическаго искусства въ восторгъ своею игрою разныхъ ролей въ классическихъ пьесахъ, и то иногда прибѣгали къ водевилю, какъ средству для привлечения въ театръ публики. Такое вліяніе водевиля самъ Ленскій отмѣтилъ въ своей водевильной пьесѣ „Мужъ и Жена“ въ слѣдующихъ стихахъ:

Все, что бъ ни говорили
Въ журналахъ тамъ и тутъ,
А нынче водевили
Спектаклямъ жизнь даютъ.

Безъ водевильныхъ вздоровъ
И бенефисъ нейдетъ:
А бенефисъ—актеровъ
Единственный доходъ!

Какъ человѣкъ хорошо и непосредственно знакомый съ театральнымъ міромъ, Ленскій въ своихъ куплетахъ оставилъ слѣдующее характерное описание состоянія въ его время театрального искусства въ провинції.

Нашъ театръ провинціальный
Смѣхъ и горе, стыдъ и срамъ!
Что за зданье, что за зало!
Какъ въ ней зрители сидятъ?

Масло постное и сало
Все лице вамъ закоптять.
Декорациі, машины
И костюмы—чудеса!
А артисты какъ мужчины,
Такъ и женщины—краса.

Тутъ къ вамъ явится любовникъ,
И въ мундирѣ—о злодѣй!
По піесь онъ полковникъ,
По приемамъ—брадобрѣй.

При усахъ, забывъ о шиорахъ,
Онъ быть ловкимъ норовить
И съ княгиней въ разговорахъ
Каблуками все стучитъ....

Закулисная княгиня,
Нарумянись черезчуръ,
Какъ ворона, ротъ разиня,
Вдругъ отпустить вамъ банжуръ!

А въ трагедіяхъ—потѣха!
Это вотъ ужъ изъ границъ!
Средства нѣть смотрѣть безъ смѣха
На героевъ и царицъ.

На распѣвъ стихи читаются
И безсмыслицу всегда,
Руки кверху задираются
То туда, а то сюда!...

Не особенно весело жилось и актерамъ того времени, какъ обѣ этомъ можно судить по указаніямъ, сдѣланнымъ Ленскимъ въ слѣдующихъ комическихъ стихахъ:

Мы спокойствія не знаемъ,
Напролѣтъ ночей не спимъ,
Переводимъ, сочиняемъ,
Чтобы сборъ доставить имъ...

Хоть-бы цѣны-то платили
Не такія намъ за трудъ,
А то наши водевили
Чуть лишь даромъ не берутъ.

Посудите, ради Бога:
Не хотять, чтобы вышла гниль,
А заплатять много-много
Сто рублей за водевиль!

Сверхъ того, еще артисты
Роли выучать кой-какъ,
И вдобавокъ журналисты
Скажутъ автору: дуракъ!

А когда придешь на пробу,
Восхищайся иль молчи,
И ужъ дамскую особу
Ни въ словечкѣ не учи;

Если-жь скажешь замѣчанье,
Раскапризятся какъ разъ...
Вотъ вамъ наше состоянья,
Вотъ чтѣ авторы у насъ.

Почти со всѣми наиболѣе талантливыми актерами его времени Д. Т. находился въ самыхъ близкихъ, а съ нѣкоторыми—и въ задушевно-дружескихъ отношеніяхъ. Такъ, наприм., съ П. А. Карагинскимъ, тоже водевилистомъ, помогавшимъ Ленскому устроивать свои водевили въ Петербургѣ, онъ находился въ пріятельскихъ отношеніяхъ и называлъ его въ своихъ письмахъ „душечкой“, „Петей“ или „Петрушей Каратышкой“. Еще болѣе дружескими были его отношенія къ И. И. Сосницкому, хотя послѣдній и жилъ въ Петербургѣ. Дружба эта была взаимная, но главную роль въ ней занималъ Сосницкій, къ коему Ленскій относился съ восторженнымъ обожаніемъ, называя его въ своихъ письмахъ „ласковый“, „ненаглядный“, „благодѣтель“, „мой добрый другъ, отецъ, братъ и все! мой милый, высокій образецъ и чувства и искусства!“, „незабвенный и неизмѣнныи“, „несравненный“ и т. п. Подъ этими же письмами Ленскій подписывался иногда „Митюхой“ или „Димитрій, пьяный мужъ“ и т. п. именами. Восторженное

отношениe къ своему пріятелю Д. Т. выразилъ, между прочимъ, въ слѣдующихъ немногого шутливыхъ стихахъ:

Сосницкаго знаютъ въ обѣихъ столицахъ,
И знаютъ въ Россїи друзья и враги;
Сосницкій талантъ, добросовѣтность въ лицахъ,
Сосницкій есть грація въ видѣ брюзги.

Радушіе, умъ, и талантъ, и брюзгливость
Съ душою прекрасной въ немъ брызжутъ струей.
Къ нему невниманіе—несправедливость,
Вниманіе—хуже: какъ вскрикнетъ ой, ой!

Для характеристики же отношений Ленского къ знаменитымъ артистамъ П. С. Мочалову и М. С. Щепкину мы приведемъ здѣсь слѣдующій любопытный разсказъ П. А. Каратыгина, вызывающій, кромѣ того, на грустныя размышленія по поводу подчеркнутаго въ немъ нашего невниманія къ памяти о талантливыхъ соотечественникахъ. При всей своей восторженности и юношеской впечатлительности (рассказываетъ Каратыгинъ) Ленскій не расточалъ своихъ чувствъ, питая ихъ безъ разбора ко всѣмъ своимъ знакомымъ и сослуживцамъ. Извъ всей Московской драматической труппы онъ особенно любилъ и уважалъ П. С. Мочалова. Щепкина—уважалъ за высокій талантъ, но не любилъ какъ человѣка. Способность покойнаго Щепкина плакать и умиляться, его ласковость одинаковая со всѣми безъ изъятія, егоувѣренія въ любви и въ дружбѣ каждому, едва знакомому человѣку—были не по сердцу Ленскому. При погребеніи Мочалова, въ 1845 году, Щепкинъ, заливаясь слезами, увѣнчалъ покойника лавровымъ вѣнкомъ, передъ самой той минутой, когда гробовая крышка навѣки скрыла лицо артиста отъ глазъ его друзей и почитателей... Кромѣ Щепкина, оплакали Мочалова весьма многіе; но могилу его постигла общая участъ мѣстъ вѣчнаго успокоенія большинства бѣдныхъ смертныхъ: „склонили—позабыли!“ И десять лѣтъ прошло со времени похоронъ Мочалова, и могила его пришла въ совершенное запущеніе... Посѣщали ее очень немногіе, и въ ихъ числѣ—Ленскій. Для напоминанія о покойномъ своемъ другѣ, какъ сотоварищамъ, такъ и представителямъ публики Ленскій избралъ день празднованія пятидесятилѣтняго юбилея Щепкина (весною 1855 года). Послѣ тостовъ, поздравительныхъ стиховъ и рѣчей, которыми осыпали почтенного юбиляра многочисленные гости на его торжествѣ, Ленскій, вставъ съ своего мѣста, прочелъ присутствовавшимъ слѣдующее стихотвореніе, вылившееся изъ глубины сердца:

Въ засохшемъ лавровомъ вѣнцѣ,
Съ глубокой тоской на лицѣ,

Вчера мнѣ Мочаловъ приснился...
Покойникъ вздохнулъ, прослезился—
И грустно сказалъ мнѣ потомъ:

„Напрасно лавровымъ вѣнкомъ
Почтилъ меня Щепкинъ во гробѣ:
Давно ужъ въ земной я утробѣ

Покоюсь по волѣ Христа... .
А нѣть надо мной и креста!

Травой заросла вся могила,
И трудно дойти до нея...

Москва обо мнѣ позабыла,
А я былъ любимцемъ ея!“ ...

И такъ, благородные гости,
Внемлите вы просьбѣ моей:
Утѣшимъ Мочалова кости,—
Поставимъ ему мавзолей.

Пусть каждый, кому что угодно
Подпишетъ по волѣ своей,
И кончимъ тогда благородно
Мы Щепкинскій нашъ юбилей.

Еще болѣе рѣзко, по словамъ П. А. Карагыгина, Ленскій обошелся съ Щепкинымъ по поводу обнаруженной послѣднимъ большой без tactности постановкою на сценѣ въ день своего бенефиснаго спектакля (совпавшаго со днемъ взятія нашими непріятелями Севастополя) ультрапатріотической пьесы П. И. Григорьева „За вѣру, царя и отчество“. претящей всякому здравомыслящему человѣку своимъ нестерпимымъ шовинизмомъ, изліяніями самаго низкаго качества и дикой безсмыслицей содержанія, и произнесшимъ въ антрактѣ стихотвореніе А. С. Пушкина: „Клеветникамъ Россіи“. Произведенное этимъ спектаклемъ удручающее впечатлѣніе просто взбѣсило Ленскаго, и вотъ онъ обрушился на Щепкина слѣдующимъ стихотвореніемъ:

Сценическій талантъ въ комическихъ роляхъ
Не есть еще всегда за здравый смыслъ порука,
И комику нужны искусство и наука....
Не то случается и въ опытныхъ лѣтахъ:

Невѣжество его, какъ бѣльмы на глазахъ.
Сегодняшній спектакль доказываетъ это.

Что возвѣстила намъ вчерашняя газета?
И нынче и вчера о чёмъ всѣ говорятъ?

„Шесть было приступовъ—и Севастополь взять!“
А нынче и вчера что намъ даютъ въ спектаклѣ?
Со сцены что кричать? Что всѣхъ мы бьемъ! Не такъ ли?

„За вѣру, за царя, отечество“ даютъ,
Стряпню Григорьева изъ кашеварныхъ блюдъ...

И съ этой грубою и поплою стряпнею
Мѣшаютъ, наконецъ... Ну, Щепкинъ, Богъ съ тобою!
Сердись иль не сердись; но ты, братъ, старый шутъ,
И просто мѣдный лобъ проглядываетъ тутъ!

Какъ смѣть тревожить прахъ великаго поэта
И не ко времени стихи его читать?
Какъ смѣть народа честь на посмѣянье свѣта
Со сцены вслухъ, при всѣхъ, публично выставлять?

Вѣдь тутъ, почтенный мой, не въ Фамусова роли;
Тотъ съ дуру Москвичей хвалой своей клеймилъ;
Но ты, какъ патріотъ, въ минуту тяжкой доли,
Какъ Русскій человѣкъ, на сцену выходилъ!

Когда бы ты прочелъ стишки кой-какіе,
На нихъ не обратить вниманіе никто,
Хоть вирши, напримѣръ, Григорьева, а то...
А то-вѣдь Пушкина стихи: „Клеветникамъ Россіи“,

Побѣдные стихи ты прочиталъ! Вотъ что!
Какъ могъ ты не расчестъ, какъ могъ не догадаться,
Что если ужъ Господь рѣшилъ насъ испытать,
То мы должны терпѣть, мужаться—и молчать!

Съ разбитымъ рыломъ намъ неловко величаться
И побѣдителей безстыдно унижать!

По поводу приведенныхъ стихотворныхъ экспромтовъ Ленского слѣдуетъ также отмѣтить, что онъ несомнѣнно обладалъ далеко недюжиннымъ поэтическимъ дарованіемъ, которымъ, къ сожалѣнію, совершенно почти не воспользовался, избравъ для себя сценическую дѣятельность. Объ этомъ талантѣ Д. Т. свидѣтельствуютъ какъ его письма къ друзьямъ, такъ и стихотворенія и поэтические переводы, сохраняющіеся въ рукописяхъ. По свидѣтельству лицъ, знавшихъ близко Ленского, въ пріятельской пирушкѣ, подъ вліяніемъ шампанского, которое онъ любилъ, рѣчъ его искрилась остроуміемъ; экспромты слагались у него моментально, и онъ сыпалъ, какъ изъ рога изобилия, шутками, каламбурами, и стихотворныя риѳма за риѳмой лились у него естественно и звучно, рѣзво и весело, какъ будто это былъ у него обычный способъ рѣчи. Даже стихами онъ защищался противъ нападокъ на него его литературныхъ критиковъ и неблагожелателей. Такъ, въ одномъ куплетѣ Д. Т. даетъ такую отповѣдь своимъ критикамъ:

Онъ не для славы, говорять,
А для товарищей трудится;
Когда за дѣло побранять,
Смѣшино бы Ленскому сердиться;

Когда же стая пачкуновъ
По пустякамъ браниться стануть,
Онъ помнить, что сказалъ Крыловъ:
„Поласть, да отстанутъ!“

Утраты близкихъ сердцу, важное событіе въ общественномъ быту, подвигъ геройства или воопиющая гнусность—бывали минутами истиннаго вдохновенія Ленскаго, всегда затрогивая чувствительнѣйшія фибры его сердца, и въ такія минуты онъ выражалъ свои впечатлѣнія звучными строфами, полными огня и страсти, или куплетомъ, проникнутымъ кипучею желчью.

У Д. Т. было по поэтическому таланту нѣкоторое сродство съ Французскимъ поэтомъ Беранже, и его переводы пѣсень этого поэта, которыми Ленскій, если бы ихъ издалъ въ свое время (но не могшій этого сдѣлать по милости цензуры своего времени, какъ обѣ этомъ свидѣтельствуетъ П. А. Каратаевъ) заслужилъ бы вниманіе современниковъ и потомства, были столь удачны, что даже великій и геніальный нашъ поэтъ А. С. Пушкинъ обратилъ на нихъ вниманіе и поощрялъ его продолжать свои опыты, преувеличивая его извѣстность, а многіе изъ куплетовъ Ленскаго сдѣлались даже достояніемъ народныхъ пѣсенниковъ. Лучшими его переводами знаменитыхъ куплетовъ Французского поэта являются стихотворенія: „Мой старый фракъ“, „Ницая“, „Гадальщикъ“, „Ты и вы“ и нѣкоторые другие. Въ этихъ переводахъ Д. Т. удалось, такъ сказать, сохранить духъ Музы Французского поэта и внутренніе оттенки его стихотвореній. Какъ образецъ такого перевода, приводимъ здѣсь стихотвореніе „Мой старый фракъ“:

Будь вѣренъ мнѣ, пріятель мой короткій
Мой старый фракъ,—другого не сошю!
Ужъ десять лѣтъ, то вѣничкомъ, то щеткой
Я каждый день счищаю пыль твою.

Шукай судьба смѣется надъ тобою,
Твое сукно сѣдая день отъ дня,—
Будь твердъ, какъ я, не падай предъ судбою.
Мой старый другъ, не покидай меня!

Я помню день утѣхъ и восхищенія,
Какъ въ первый разъ тебя я обновилъ:
День этотъ былъ—день моего рожденія,
И хоръ друзей здоровье наше пилъ.

Ты весь истерть, но, несмотря на это,
Друзья у насъ—все прежніе друзья:
Ихъ не стыдить истертый фракъ поэта...
Мой старый другъ, не покидай меня!

Твои края постерлися немного;
Смотря на нихъ, люблю я вспоминать,
Какъ вечеркомъ однажды у порога
Она меня хотѣла удержать.

Невѣрная тѣмъ гнѣвъ мой усмирила,
И я гостиль у ней еще два дня;
Она тебя заштопала, зашила.
Мой старый другъ, не покидай меня!

Мой другъ, тебя духами я не прыскаль,
Въ тебѣ глупца и плута не казаль,
По лѣстницамъ сіятельнымъ не рыскаль,
Передъ звѣздой спины не изгибалъ.

Пускай иной хлопочеть для отлички
Взять орденокъ,—за нимъ не лѣзу я:
Два-три цвѣтка блестятъ въ твоей петличкѣ...
Мой старый другъ, не покидай меня!

Хоть мы съ тобой и много пострадали,—
Съ кѣмъ не знакомъ судьбы переворотъ?
У всѣхъ свѣи есть радости, печали:
То вдругъ гроза, то солнышко взойдетъ...

Но можетъ быть, что скоро въ ящикъ гроба
Съ моей души одежду сброшу я...
Такъ подожди: мы въ землю ляжемъ оба.
Мой старый другъ, не покидай меня!

Весьма хороши и выразительно—сильны нѣкоторыя изъ оригинальныхъ стихотвореній Д. Т. Такъ, любуясь въ календарь на 1854 г. портретомъ Государя Императора, съ благоговѣніемъ взирая на его мужественные, прекрасные и благородные черты, Ленскій невольно схватился за перо и написалъ слѣдующіе стихи:

Къ портрету Всероссійскаго Императора, приложенному къ календарю на новый 1854 годъ.

Вотъ онъ, Руси повелитель,
Богатырь нашъ, молодецъ,
Православія хранитель,
Вѣрноподанныхъ отецъ!

Велика его держава
И сильна рука его:
Гордость, радость, честь и слава
Онъ народа своего!

Нашу кровь—Ему, до капли:
Да свершить свои дѣла!..
Гдѣ вѣмъ, западный цапли,
До Россійскаго орла!

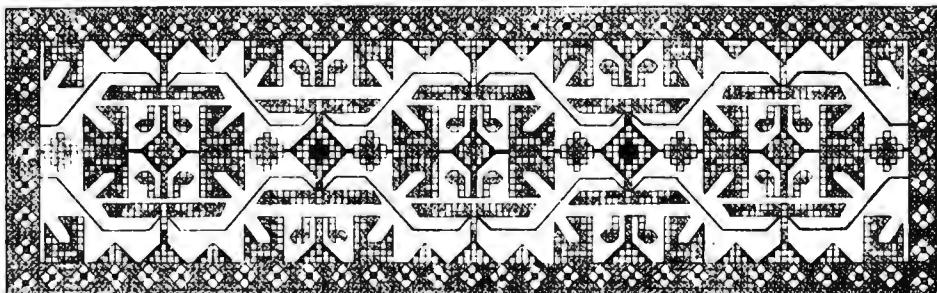
Лучшими же изъ водевилей Ленского считаются „Левъ Гурычъ Синичкинъ“, или провинціальная дебютантка“, „Хороша и дурна, и глупа и умана“, „Простушка и воспитанная“, „Свѣтъ невпопадъ“, „Стряпчій подъ столомъ“, „Харьковскій женихъ, или домъ на двѣ улицы“, „Гамлетъ Сидоровичъ и Офелія Кузьминишина“, „Барская спѣсь или Аютины глазки“, „Волчій ротъ, лисій хвостъ“ и пѣкоторые другіе. Всѣхъ водевилей было написано Д. Т. свыше семидесяти. Ему же принадлежитъ вполнѣ оригинальная пьеса—либретто оперы: „Громобой“ (музыка Верстовскаго).

Собрание водевилей Д. Т. издано было дважды подъ заглавіемъ: „Оперы и водевили“ и „Театръ Д. Т. Ленского“ (С.-Петербургъ 1874 г.). Послѣднее изданіе состояло изъ шести томовъ, въ кои вошли 54 пьесы.

Для полноты характеристики дѣятельности и личности Ленского неизлишнимъ будетъ также указаніе, что, по отзыву П. А. Карагина, онъ былъ человѣкъ честный, прямодушный, чуждый лукавства и двуличія. Не будучи слезливъ, онъ былъ искренно чувствителенъ, и въ его смѣхѣ часто звучали невидимыя слезы. Острый на языкѣ и находчивый на слова, Ленскій имѣлъ немало недоброжелателей въ кругу людей, судящихъ о сердцѣ по языку.

С. Старосивильскій.

БАРИНЪ ПРИѢХАЛЬ! БАРИНЪ ПРИѢХАЛЬ!

ИНТЕРМЕДІЯ-ВОДЕВИЛЬ.

Сочиненіе актера Императорскаго Московскаго театра
В. Живокини *).

ДѢЙСТВУЮЩІЕ.

Баринъ. Щепинъ.

Недоумко, Семинаристъ. Живокини.

Фонъ-деръ Габенихтесь, танцмейстеръ.

Сотской. Орловъ.

Иванъ, слуга.

Гости и гости, участвующіе въ спектаклѣ.

Крестьяне, крестьянки, Цыгане и пр.

ДѢЙСТВІЕ ВЪ СТЕПНОЙ ДЕРЕВНІ.

Театръ представляетъ садъ; направо, въ задней террасѣ домъ, крыльцо съ перилами въ садъ; напереди сцены, на лѣво, дерево и цвѣты. Занавѣсь подымается въ половину; на лѣво въ кружкѣ спѣваются хоръ. Запѣвало по срединѣ; въ полголоса поють пѣсню: „ты слышиши ли, разумѣешь ли, мыль, сердечный другъ, душа-радость?“ На лѣво два

*.) Отмѣнныи знатокъ исторіи театра, покойныи Михаилъ Проворовъ Садовскій, которому на прочтеніе посыпалъ я эту питермединю, любезно писалъ намъ о ней: „Драматическое произведение, подписанное именемъ В. И. Живокини, есть ничто иное какъ программа дивертисмента, который въ былое время быть необходимою принадлежностью каждого бенефиса. Весьма вероятно, что Василий Игнатьевичъ Живокини выдумалъ для своего бенефиса эту программу, почему она и подписана его именемъ; но я крѣпко сомнѣваюсь, чтобы самый текстъ быть твореніемъ его руки. Вѣриѣ всего, что онъ быть нѣскоро набросанъ кѣмъ нибудь изъ тогдашнихъ водевиллистовъ. Время рукописи должно быть отнесено къ 30-мъ или къ 40-мъ годамъ, не позже“. Ц. Б.

лакеи приносятъ корзину бумажныхъ фонарей и стаканчиковъ. Посрединѣ Сотскій. Нѣсколько минутъ продолжается пѣсня. Сотскій махнулъ рукою; пѣсельники перестаютъ; онъ подходитъ къ Ивану и кланяется.

Сотскій.

Ивану Ильичу нашъ поклонъ, по добру ли, по здорову ли?

Иванъ.

Эхъ, Антипычъ! Куда къ чорту наше холопское житье! Съ ногъ сбился, вѣришь: земли подъ собою не слышу.

Сотскій.

И то сказать, Ильичъ, завсегда на глазахъ у барина; ну, да вѣдь за то вашему брату и почеть завсегды.

Иванъ.

Чтѣ за честь, коли плохо кормятъ; то ли ваше-то дѣло: знай свою пашню, да и на поди! А нашъ братъ на всѣ руки бѣть и то съ горемъ перебивается. Вотъ теперь принесъ чорть въ деревню, а все вы же виноваты: оброку не высылаете. ... Ну, что, лучше-ли, какъ самъ-отъ наѣхалъ? Чтѣ, небось подобрались?

Сотскій.

Эхъ, Иванъ Ильичъ, годковъ пять, какъ взять въ барской домъ, а ужъ нашего брата ни почемъ ставиши; вотъ и самъ-отъ тутъ, да прокѣ-отъ худъ; полно, свѣтлѣе ли въ селѣ-то стало! Въ хозяйствѣ-то ужъ прости, Господи, а куда ты—все по новому; дай плуги, да оралы, а нашъ братъ и обращаться-то съ ними не умѣеть... Ну, а поля мало что-ли? Пустое стоить, необмѣренное; такъ нѣть, на поди, давай кочки копать по болоту; нѣть, братъ, безъ мѣры и лаптя не сплетешь, а изъ барскихъ хоромъ на поле локтемъ указываютъ.

Иванъ.

Ахъ, ты мужикъ, невѣжа! Смыслишь ли, что ты говоришь? Вѣдь ты необразованъ! Пожилъ бы ты въ городѣ. Я и самъ изъ деревни-то былъ взять чорть чортомъ, да какъ потерся годка четыре у кондитера, такъ смотри, тотъ ли человѣкъ? Все знаеть, все умѣеть и пирожное и мороженое, бисквиты, сюрпризы ли, свадьбу ли отправить, поминки ли; смотри, фонари-то, что? Да и въ Москвѣ-то на бульварѣ нечище были развѣшены! Э! да что я говорю этимъ скотамъ? Вы ничего не чувствуете.

Сотский.

Вѣстимо (*чешетъ голову*), ваше дѣло дворовое, на то холопи, ума барского набираетесь; а мы простота, люди темные, ненаторѣлые... Брать Иванъ Ильичъ, не покинь во дворѣ Степку-то, малой шустрой; а мы твоей милости работники.

Иванъ.

Ну, ну, давно бы такъ; да что у тебя холстъ-то заткали?

Сотский.

Хозѣвой конецъ твоей милости.

Иванъ.

Тесь! баринъ! (*На мужиковъ, стоящихъ подль корзинки*). Ну, вы уроды, живѣе разносите, развѣшивайтѣ, поворачивайтѣ, держи! Чѣд у тебя руки-то грабли, что ли?

Сотский. (*Отходя на лѣво къ хору*).

Ѣла бы собака, да невѣдомая; сердце бѣ не болѣло. (*На мужика, вышедшаго впередь*): А ты что отшибся? Выскочка! Пошелъ на свое мѣсто; смирно... баринъ идетъ, шапки долой!

Баринъ, Недоумко, гости въ костюмахъ, дворовые люди. (Танцовщики и танцовщицы вдали на крыльцѣ; въ сторонѣ два козачка съ вытаращенными глазами стоять, какъ вкошаные. Баринъ, идучи на авансцену, ведеть за правую руку гостя; отъ него мѣрно шагаетъ Недоумко; все въ движениі).

Баринъ. (*Недоумко*).

Да уже нечего, нечего; ты меня хоть по еврейски уговаривай, не послушаю; я самъ себѣ баринъ; а ты знай сверчокъ свой шестокъ; говори, какъ спросятъ... (*Къ гостю*): Милости прошу, милости прошу; я, оно таки, такъ знаете и распорядился, все въ порядкѣ; я велѣль сюда просить въ садъ-то всѣхъ дѣловыхъ, то есть дѣйствующихъ-то; а вы мой первый гость, первый актеръ,—милости прошу, мы всѣ вамъ рады... Да что же вы поздненько пожаловали? Вѣдь вы насть разодолжите! Помните у князя Петра-то? Господи, твоя сила, что это, вѣдь актеръ-то предорогой!

Недоумко.

Въ драмматургіи впервыхъ высокое эстетическое чувство...

Баринъ.

Фу! Какой человѣкъ, да замолчишь ли? Что ты суешься-то? Еще успѣшь осрамиться-то... вѣдь здѣсь не Семинарія; люди, ты самъ видиши... (*Гостямъ*) Милости прошу. Степанъ Ильичъ, Анна Петровна, Маремъяна Бобровна... Ей, ей люди, скоты! Стулья... Садитесь-ка, садитесь сюда, сюда пожалуйте. (*Гостю*). А вы подлѣ меня; вѣдь мы и сами тоже нащетъ театра-то смекаемъ!—Эй Семка!—тройку псарей на дорогу, гостей просить къ Ленечкѣ; а какъ пріѣдетъ предводитель, дать мнѣ знать... Это такъ-съ ничего, аферка. Ну, а вотъ мы на просторѣ-то тутъ пока сдѣлаемъ репетицію. У меня все домашнее, и балетецъ есть... Нѣмца взялъ въ танцмейстеры, учить танцевать; человѣкъ хороший, еслибы не слабость.... Эй, Ванька, да гдѣ... ужъ не....

Иванъ.

Ниакъ нѣть, сударь; одѣвается, сей часъ придетъ.

Баринъ.

Пошли-ка за нимъ проворнѣе. Ну, а что Цыгане съ тaborа будуть? Говориль имъ?

Иванъ.

Какъ же, сударь; да они заминаются; поминали про буланую ко-былу, чтѣ изволите помнить по вашему приказанію...

Баринъ. (*Перебивая*).

Ну, ну, ну, ну... знаю, знаю; скажи ему разбойнику, чтобы тройку любыхъ жеребятъ выбралъ у мужиковъ, я отдамъ ему. Ну, вотъ что тутъ будешь дѣлать! Вѣдь разбойники-то пожалуй не придутъ пѣть, такъ праздникъ-то весь испортятъ; а у мужиковъ жеребята на кой чортъ; еще корми ихъ, да когда-то выростутъ? Нетакъ ли, г. учитель?

Недоумко.

И умно, и милостиво! Да и въ древнія времена таковыя жертвы бывали приносимы; Омиръ на древнемъ Греческомъ воспѣлъ коней Ахиллеса; а это истинное комическое, и потому вящше подобаетъ...

Баринъ.

Ну, для насъ покамѣстъ и это будетъ. Ну, какъ вы изволите думать, съ чего же бы намъ начать репетицію праздника, не съ конца ли, то есть съ балета? А, да вотъ и онъ, на поминѣ, какъ тутъ...

(Тѣ же и Габенихтсъ, въ костюмѣ каррикатурномъ для балета, идеть впередъ; за нимъ толпа танцующихъ въ костюмахъ; онъ выходитъ важно, раскланивается и подходитъ къ барину).

Габенихтсъ.

Мейнъ-геръ, г. помѣщикъ, я секо днѧ, хотѣлъ дѣлай генеральна репетиціаль, чтобъ поддержать мой репутаціаль и показывать ваша милость удивительно искусство; эти милые медхенъ, и... и... прочіе господа.

Баринъ.

Ну, да братъ ужъ милости прошу по Русской пословицѣ, что ни есть въ печи, все на столъ мечи. Мы нарочно пришли, чтобы все посмотрѣть, т. е. поправить, устроить, сообразить и подумать. Ну ка начните свое дѣло съ маленькихъ-то. Музыка, играй!

(Маленькие танцуютъ Савоярской танецъ, во время котораго танцмейстеръ заблагаетъ съ разныхъ сторонъ и учитъ ихъ приговаривая: веселый, живой, поживой, развязнѣй, разъ, два, три, ейнъ, дрей, брафо, прафо, прафо, плечо, лѣво ноги, асамбле и окончиваешь аплодисманомъ съ зрителями).

Габенихтсъ.

Ну, теперь, позвольте просить на почтенійше бублики, я буду самъ танцевать, собственно изобрѣтеніе, нова па-де-пять по системѣ г. Вестрисъ (*выводить танцовщицу*). Вы на право, вы на лѣво, повеселѣй, смотри умилъно, будто на яблочки, ви сюда, ви сюда, слушай музыкъ, за мнай, але, але, форть. (*Танцуютъ каррикатурное па, подпѣвая*). Назадъ, па-де-зefиръ, права рука повыше, веселѣй, налѣво. (*Танецъ кончается комическою финарою*). Эта послѣдній штукъ, собственно мой голова выдумай, а теперь если приказите, и еще одно прелестно па.

Баринъ.

Люблю до страсти танцы, вотъ такъ бы все и смотрѣль; а ты, милая, славно, славно, ужъ такъ хорошо ножкой-то; прелесть, инъ всѣ заглядѣлись (*Габенихтсъ*) однако теперь нельзя ли безъ тѣя, попроси-ка, знаешь кого...

Танцмейстеръ.

Во одинъ аугенblickъ, сей часъ, сей часъ.

(*Выходитъ танцующихъ. По окончаніи всѣ встаютъ*).

Баринъ.

Ну, это, можетъ, пойдеть на ладъ... Что г. профессоръ, какъ твое мнѣніе?

Недоумко.

Мое мнѣніе! О! мое мнѣніе,—мое мнѣніе, оно тожественно съ понятіемъ вашимъ, а понятія тожественны, когда они по изрѣченію велемудраго моего начальника и образователя свѣтлаго ума моего, то есть *sanus*, Бауместера, одинаковы, или тожественно означаютъ одно и тоже, а посему...

Баринъ.

А потому братъ, что тебя, кромѣ тебя никто не понимаетъ; мы лучше послушаемъ-ка нашихъ пѣсенниковъ.

Гость.

А у васъ есть, какъ мы слышали, прекрасные голоса, и вы доставите всѣмъ удовольствіе.

Баринъ.

Извольте, извольте, за этимъ дѣло не станетъ... Сотской, сюда, (*Сотской подходитъ съ поклонами*). Ну, что у тебя тамъ за голоса есть, давай ихъ сюда поименно.

Сотской.

Усе здѣ, вашой милости крестьяне... Ларя, поди сюда, подь, скажи пѣсню барину.

(Ларionъ выходитъ впередъ, кланяется и поетъ).

Баринъ.

Хорошо, хорошо; ну, а то ли бы дѣло, кабы поучился бы-то? Вѣдь натура хороша, а искусство еще лучше. Ну, а чтѣ, каковъ онъ на пашнѣ-то, Сотской?

Сотской.

Вашой милости хорошъ, рабочій; оно вѣстимо съ зашибочкою, молодой парень, гуляка, дѣвичья прилуха, а дѣла за нимъ не ставало.

Баринъ.

Ну, а другой-то? (*Выходитъ Степанъ и кланяется*). Вотъ онъ и есть... ну, ну, спой-ка ту, чтѣ позаунывиѣ.

(*Русская пѣсня*).

Гость.

Какъ много души въ этихъ мелодіяхъ! Какъ прямо идутъ онѣ къ Русскому сердцу! Мы всѣ ихъ понимаемъ, чувствуемъ, и какъ часто мѣняемъ ихъ на фигурные, холодные романсы! Что это *вкус* или *мода*?

Баринъ.

Да вы, мой милой, патріотъ! Право, я еще не зналъ за вами этого. Ну, да вѣдь это смѣшно; мы отстали отъ Европы, гдѣ же намъ... Э! Да что вздоромъ-то заниматься, не лучше-ли этимъ, а чтобы вамъ угодить, такъ я велю поплясать по русски. Сотской, ну-ка посмыкай-ка молодцевъ-то.

Сотской.

А есть молодецъ вашой милости, мастеръ: какъ пойдетъ, такъ что ты, раскинется яблонью кудрявою, грушею широкою.

Баринъ.

Ну зачѣмъ же дѣло? Пошли сюда... смѣлѣе, не робѣйте, да ужъ хорошенько, поживѣе.

(Русская пляска подъ пѣсню съ хоромъ; гости хлопаютъ).

Баринъ.

Если вамъ это нравится, то мы и повторимъ, да нельзя ли съ перемѣнами? Живѣе, ребята, давай сюда молодицъ-то; пройдитесь-ка, пройдитесь, милыя.

(Русская пляска).

(По окончаніи пляски Иванъ подходитъ къ барину).

Баринъ.

Что это? Онъ разбойникъ, Цыганъ-то вѣдь нейдетъ, просить денегъ, съ чего это онъ взялъ? Я самъ въ деревню за деньгами пріѣхалъ; кабы были деньги, чортъ бы мнѣ велѣлъ жить здѣсь въ глухи. Сбѣгай, уговори взять хлѣбовъ, да ужъ покончи какъ нибудь, во что ни станеть, хочу, чтобъ были Цыгане, пошелъ! (Слуга убѣгаєтъ).

Недоумко. (Въ сторону).

Какъ обозрѣть обиходомъ его милости, такъ и вспомнишь, на словахъ: блаженъ мужъ; а на дѣлахъ—вскую шаташася.

Баринъ.

Ты опять за латынь, батюшки,—перестань! (*Сотскому*). Спасибо, братъ, спасибо; мужикамъ по чаркѣ, а бабамъ на господскомъ дворѣ вели браги поднести. (*Гостяймъ*) Вѣдь право недурно; это знаете, какъ-то просто, а хорошо.

Недоумко.

Дозвольте мнѣ, милостивый государь, изложить вамъ тотъ мѣрный порядокъ празднства, которой я въ теченіи шести недѣль сочинялъ, и въ которомъ можете видѣть корень моего осмнадцатилѣтняго ученія въ Семинаріи. Я положилъ его на основаніяхъ древнихъ, прямо противоположно новому романтизму и преисполненно высокихъ благоговѣйныхъ чувствованій.

(Баринъ и гости изъявляютъ согласіе).

Недоумко. (Началось судей засѣданіе).

Лишь только Аврора,
Зардѣвшись у моря,
Превзыдетъ на горы
Супруга встрѣтать.

Аврора, въ древности заря, ранняя, утренняя, любовница, любимица, или благочестнѣе, супруга Феба.

Собравшись толпами
Съ цвѣтущими вѣнками,
Зелены лугами
Пойдемъ всѣ гулять.

Баринъ. (Перебивая).

Помилуй, братецъ, что же такъ рано, и что за гулянье по росѣ: у меня и такъ все подагра.

Недоумко. (Подымая руку).

Дозвольте!

Пришедши внезалну
Ко лону прохладну
И тихо пріятну
Вмѣстилишу водъ.

То есть къ озеру, простирающему кристальныя струи свои позади скотнаго двора?

Иванъ. (Въ сторону).

Всё вреть!

Недоумко.

Серьезно, вальяжно,
Лирически важно
И тихо, протяжно.
Начнемъ быстрый ходъ.
Потомъ будто древлѣ
Во славу Минервѣ,
Устроясь манернѣ,
Олимпски играть.

Баринъ.

Какъ, какъ играть, я не вслушался?

Недоумко.

Олимпически, а усъчено Олимпски, играть exempli gratia, ристать на коняхъ и телѣгахъ, настигать въ пѣшезапуски, метать въ замѣну древнихъ кружковъ, деревянныя палки et cetera, et cetera. (Вытаскивая огромную тетрадь). Здѣсь подробно изложена теорія игрищъ сихъ, и снабжено въ приличныхъ мѣстахъ толкованіями гисторическими и комментаріями Грековъ и Римлянъ. Игры сіи расположать нась къ моціону, а моціонъ къ аппетиту,— отсюда желаніе поѣсть, и мы будемъ обѣдать.

Баринъ.

Послѣднее-то лучше всего. Спасибо за хлопоты; мы исполнимъ только конецъ твоего плана.

Недоумко.

За столомъ я имѣю прочесть благоговѣйную кантату.

Баринъ.

Это все лишнее. И хорошие стихи при обѣдѣ хуже пересола; а твои, братъ, развѣ оть неваренія въ желудкѣ. Теперь позвольте просять васъ, мои дорогіе гости и участники въ завтрашнемъ спектаклѣ, неугодно ли вамъ прорепетировать сценки, которыя познательнѣе!— Народъ, вы ступайте прочь!

(Всѣ удаляются въ глубину театра).

(Сцена).

Баринъ. (По окончаніи оной).

Благодарю, чувствительнѣйше благодарю... кажется, нашъ спектакль сладится. Вы отлично, хорошо играете; право, право, безъ лести. Я вѣдь самъ актеръ искорѣе позавидую, чѣмъ скажу правду; а хорошо безъ шутокъ!.. Прекрасно!

Ивањъ.

Цыганъ Антошка пришелъ на поклонъ съ таборомъ. Три куля взялъ.

Баринъ.

Пришелъ, пришелъ, ну, гора съ плечъ свалилась; посытай сюда проворнѣе... (Цыгане входятъ). Спасибо, спасибо, экой плуть перевугалъ меня! Ну пожалуста, потѣшь же, поживѣе пройдись.

(Цыганъ махнулъ хору, запевало впередъ съ бубнами; живая пѣсня).

*(Цыганская пляска).***Баринъ.**

Не повторить ли? Вѣдь всѣмъ нравится? Нельзя-ли, да подъ другую? *(Хоръ поетъ другую пѣсню).*

*(Цыганская пляска).***Недоумко.**

(Былъ въ продолженіи пляски вѣнъ себѣ, поднявши руки).

Превосходно и быстро, пѣнительно и благоустроено! Это родило во мнѣ свѣтлую мысль сочинить антологію въ подражаніе древнимъ піитамъ: Терпсихора! Терпсихора! Зришь ли съ Олимпа надавѣздна Вакхову пляску сю, окомъ своимъ милосердымъ, или, румяно-стыдливо въ тѣлогрѣйку свою завернувшись, тихими па отступаешь подъ пляску Русскихъ Цыганъ?

Баринъ.

Да, братъ, я не знаю, каково пляшеть твоя Терпсихора, только врядъ ей такъ пройтися. Съ платочкомъ-то, а вѣдь такъ весь и поеть. Однако, господа, надо и честь знать, время гостямъ покой дать; все, кажется, чтѣ умѣли.

Танцмейстеръ.

Извините, мейн-геръ, пожалуйте извините, есть еще у насъ прекрасны ассо, на которой отличаются вотъ эти дѣвицы; позвольте имъ немножко фектовать; это для женщины прекрасно, даетъ грацію.

Баринъ.

Кой-же чортъ, музье фонъ-деръ Габенихтесь, да ты ихъ сдѣлаешь дуэлистами,—а впрочемъ, кажется можно посмотретьъ. Какъ быть-то, первую пѣсенку зарѣвши спѣть.

(*Acco двухъ дѣвицъ.*)

Недоумко.

(*Предъ окончаніемъ разнимаетъ ихъ.*)

Довольно... довольно... достаточно. Въ Греціи и Римѣ жены не были гладіаторами, и я готовъ стать за васъ.

Баринъ.

Самъ? Ну, братъ, становись, становись... Зачѣмъ дѣло стало?... Вотъ хоть съ нимъ! Или струсишь?.. Э! видно, полатыни, братъ, не фехтуютъ.

Недоумко. (Обидясь).

Какъ?.. Вы думаете... вы мыслите... вы цолагаете... я на зло всѣмъ въ свѣтѣ дерусь... дерусь!.. такъ, вотъ извольте, смотрите...

(*Acco.*)

Баринъ.

Славно! Славно! А чтобы кончить все въ порядкѣ, такъ не пропасть ли еще по куплетцу?.. Какъ вы думаете? Если вы захотите, то пожалуй начну я самъ,—музыка играй,—только знаешь эдакъ, оно тово таки, такъ попростѣе,—вѣдь вы знаете, что я не пѣвецъ.

Водевиль.**Баринъ.**

Въ столицѣ живши, безпрестанно,
Я управителю писаль,
Что шлетъ оброки неисправно—
И самъ въ деревню прискакаль.

Хотѣлъ хозяйствомъ заниматься,
Какъ дѣлываль покойной дѣль;
Но долженъ искренно признаться,
Что средствъ у насъ на это нѣть. Bis.

Отъ хлѣба нѣтъ давно доходу;
Такъ буду съять я траву,
И съ свекловичнаго завodu
Всѣ недоимки наведу.

Всѣ мужики безъ просвѣщенья,
Система трудная пахать;
Такъ началь я для улучшенья
Систематически оратъ.

Виноградова. (*Гостья*).

Свѣтъ—комедія смѣшная,
Мудрецы твердять давно;
Глупыхъ роля въ ней большая,
А играютъ всѣ умно

И актеры и актрисы
Въ роляхъ трудныхъ и большихъ;
Умъ поставленъ за кулисы
И подучиваетъ ихъ.

Вторая гостья.

И на свѣтѣ сплошь бываетъ
Роли разданы не такъ:
Шутъ министра представляетъ,
А профессора дуракъ.

Глупость умъ взяла въ неволю
Такъ давно ужъ, такъ давно,
Что лишь выучите роли,
А играть немудрено.

Недоумко.

Бранить конечно всякой воленъ,
Что мы такой играемъ вздоръ,
И зритель часто недоволенъ
Когда доволенъ лишь актеръ.

Для бенефису всякой хочетъ
Свою афишку распестрить.
Изъ сбору только онъ хлопочеть:
Скажите-жъ, чѣмъ вамъ угодить?

ИЗ ОМСКОЙ СТРАНЫ.

Полиціймейстеръ Шепелевъ.

Въ пятидесятыхъ годахъ въ Омскѣ полиціймейстеромъ былъ нѣкто Шепелевъ. При немъ производилась исключительно одна система наказанія за уголовныя преступленія—это съченіе. По рассказамъ старожиловъ, тогда городъ Омскъ представлялъ собою положительно какое-то лобное мѣсто. Въ разныхъ частяхъ города можно было наблюдать, какъ разные чины полиції разгами съкли преступниковъ, при чемъ Шепелевъ проявлялъ особую виртуозность. Случайно выжившія жертвы его жестокости не разъ порывались его убить, и Шепелевъ долженъ былъ принимать мѣры предосторожности для охраненія своей особы.

Мирные обыватели всецѣло находились подъ непосредственнымъ наблюденіемъ Шепелева, и онъ въ буквальномъ смыслѣ завѣдывалъ ихъ нравственною, и даже семейною, жизнью. Сплошь и рядомъ мужья, не поладивши съ женами, или къ Шепелеву и просили его „прощить“ ихъ женъ, и тотъ „проучаль“.

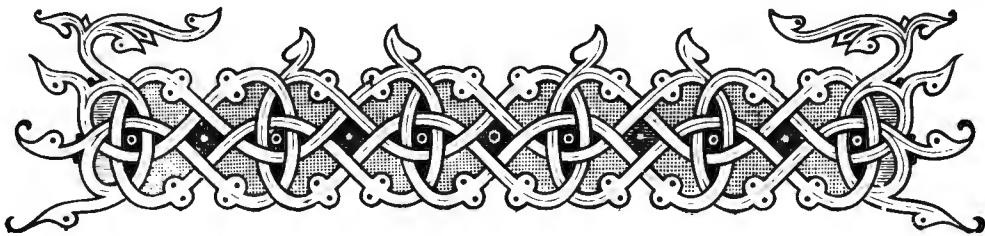
Доставалось также бѣднымъ модницамъ-мѣщаночкамъ. Вышли тогда какіе-то не то кринолины, не то какіе-то другіе „робы“, и вздумали молодыя мѣщанская модницы пофорсить, завели себѣ эти моды и начали щеголять. Это не понравилось грозному Шепелеву. Онъ вызывалъ модницъ къ себѣ въ полицію, какъ водится накричалъ на нихъ и сверхъ того заставилъ въ теченіи мѣсяца каждую недѣлю мыть полы въ помѣщеніи полиціи. Бѣдныя модницы, пролившія немало слезъ, конечно, съ тѣхъ поръ далеко запрятали свои модныя платья, и уже долго даже не думали сдѣлывать за какими бы то было женскими модами, по грозному внушенію Шепелева составляющими принадлежность женщинъ только чиновничьяго и дворянскаго сословій.

Купеческихъ сыновъ, имѣвшихъ неосторожность покутить, Шепелевъ также не оставлялъ безъ своего воздействиія. Обыкновенно, этихъ молодыхъ кутиль Шепелевъ въ наказаніе заставлялъ на долгое время подметать городскіе улицы и мосты, и притомъ въ самыхъ людныхъ мѣстахъ, такъ чтобы наказанныхъ видѣло рѣшительно все населеніе. Мало того, метельщикамъ надѣвались еще особья бляхи на шнуркахъ съ надписью: „пьяница“.

Таковъ былъ Омскій полиціймейстеръ Шепелевъ, котораго память въ Омскѣ, какъ это ни странно, осталасьувѣковѣченной. При немъ въ Омскѣ было отведено новое кладбище, которое до сихъ поръ и носитъ название „Шепелевскаго“. Раскинувшійся около кладбища уже въ самое послѣднее время базарь получилъ название также „Шепелевскаго“. Такъ „рѣка временъ“ прихотливо сохраняетъ имена, казалось-бы, подлежащія забвенію.

Омскъ, 27 Июня 1911.

Иванъ Гавриловичъ Кузнецовъ.

СТАРИНА КУРСКОЙ ГУБЕРНИИ.

I.

Борьба съ саранчею.

Учрежденаго Курскаго намѣстничества правитель, генералъ-поручикъ Петръ Ивановичъ Свистуновъ въ присланномъ по секрету предложеніи въ Бѣлогородскую Духовную Консисторію писалъ:

Корочанскаго уѣзда частный смотритель сотникъ Лофицкій, увѣдомляя о налетѣвшей въ городъ Корочу саранчѣ, между прочимъ упоминаетъ, что простолюдины, именуя ту саранчу силою Божіею, въ случаѣ приужденія ихъ къ ея истребленію, приставленнымъ для того противорѣчать и дѣтямъ своимъ, къ убіенію ея устремляющимся, дѣлать то запрещаютъ, разсказывая при томъ, якобы въ прежнія времена истребляющіе саранчу иные послѣпли, иные разслабленіе и другія болѣзни потерпѣли. А какъ всѣ таковыя разсказы (поясняетъ его пре-восходительство Консисторій) происходятъ конечно не отъ послѣдовавшихъ таковыхъ случаевъ, а единственно отъ суетвія и сущаго невѣжества, каковая мысль, какъ примѣтно, во многихъ уже и закоренѣла, то можетъ послѣдовать не токмо неисполненіе Правительствующаго Сената указовъ, обѣ истребленіи саранчи состоявшихся, но явное попущеніе той саранчѣ, какъ нынѣ, къ пожранію ею хлѣба и всего того, на что она нападаетъ, такъ и впредъ къ размноженію ея, если она сѣмена оставить, слѣдственно къ неминуемому и всеобщему вреду:

Того ради Бѣлоградская Духовная Консисторія, чтобы таковое суетвіе было отвращено посредствомъ находящихся въ городахъ и уѣздахъ священниковъ растолкованіемъ онаго простолюдинамъ при всѣхъ случаяхъ, а паче во время искорененія той саранчи, при чёмъ духовенству накрѣпко подтвердить, чтобы они увѣщаніе свое на то

обратили съ лучшею прилежностью и безъ малѣйшаго отлагательства, и чѣ по сему Консисторію учинено будетъ, его превосходительству дать знать.

Консисторія опредѣлила всѣмъ Бѣлоградской епархіи протопопамъ и священникамъ наикрѣпчайше подтвердить, чтобы они, принявъ все-возможныя и непремѣнныя средства какъ въ Божіихъ церквахъ (по отправлениіи божественной літургії), такъ и въ другихъ пристойныхъ къ тому мѣстахъ, простой и большею частію въ невѣдѣніи затвердѣлый народъ по долгу званія своего убѣдительными наставленіями,увѣща-ніями, равно и примѣрами изъ Священнаго Писанія, отъ пополновенія къ какому либо суевѣрія примѣчанію, старательно пеклись, яко па-стыри добрые и бодрые, отвлекать, вглубляя при семъ въ ихъ непро-свѣщенныя мысли, что истинному Богу принадлежащее и силу Его относить и приписывать другимъ тварямъ, какъ-то саранчѣ, будеть суевѣрно и святой церкви противо. И въ томъ обязали бы всѣхъ ихъ безъ упущенія времени подписками.

(Изъ архива Харьковской Духовной Консисторіи).

II.

Епископъ Іоасафъ Горленко.

Къ біографіи Іоасафа Горленко, епископа Бѣлгородскаго и Обоянскаго († 10 Декабря 1754 г.)

Указомъ Святѣйшаго Сѵнода отъ 11 Декабря 1754 г. предписано: „Тѣло преосвященнаго Іоасафа погребсти преосвященному Переяслав-скому Іоанну въ приготовленномъ самимъ Іоасафомъ въ Бѣлгородской соборной церкви склепѣ, и для того погребенія и поминовенія, за неимѣніемъ послѣ его преосвященства собственныхъ денегъ, употребить изъ наличныхъ въ томъ въ Бѣлгородскомъ архіерейскомъ домѣ имѣющихъся и до содержанія того дома принадлежащихъ, до трехъ сотъ рублей, а на что оныя деньги будуть употреблены, о томъ дать Свя-тѣйшему Сѵноду отчетъ“.

На что именно были употреблены эти деньги, мы знаемъ изъ записной расходной книги, выданной канцеляристу Антону Ильинскому для записи расходованія означенной суммы. Въ ней значится:

1. Посланному изъ Бѣлгородскаго архіерейскаго дома служителю Іосифу Волоцкому въ городъ Переяславль съ нужнѣйшими письмами къ преосвященному Ioавну на наемъ подводы и путевыя издержки съ возвратомъ до Бѣлгорода.	8 р. — к.
2. Посланному изъ Бѣлгородскаго архіерейскаго дома монаху Досиєю для покупки въ городѣ Харьковѣ къ прибытію преосвященнаго Ioанна, епископа Переяславскаго, надлежащихъ столовыхъ припасовъ.	50 „ — „
3. Бѣлгородскому купцу Андрею Мигулину за купленную у него рыбу: осетрины свѣжей и просольной 5 пудовъ, бѣлуги, севрюги просольной 4 пуда, тѣшекъ бѣлужей и осетровой одинъ пудъ, за все.	10 „ 66 „
Вязики — 10 фун.	— „ 70 „
Икры — 16 фун.	1 „ 12 „
Конопнаго масла 5 ведерь.	4 „ 50 „
	<u>17 р. 04 к.</u>
4. У Бѣлгородскаго купца Данилы Морозова десять фунтовъ ладану по сорока коп.	4 р. — к.
5. Кофею 4 фунта по 40 коп.	1 „ 60 „
6. Для дѣланія свѣчей воску	9 „ 50 „
7. Воску тридцать фунтовъ по 23 к. фунтъ	6 „ 90 „
8. Сахару (Конарскаго) 18 ф. по 20 к.	3 „ 80 „
9. Чаю зеленаго 1 фунтъ	1 „ 20 „
10. Присланному отъ преосвященнаго Ioанна	1 „ — „
11. Куплено для прїѣзда преосвященнаго Ioанна свѣжей рыбы: щукъ, линей, окуней у разныхъ купцовъ и прїѣзжихъ сельскихъ мужиковъ на	3 „ 98 „
Еще куплено на	2 „ — „
12. Свѣжихъ стерлядей.	1 „ 60 „
13. Для поминовенія преосвященнаго Ioасафа у разныхъ купцовъ и сельскихъ мужиковъ куплено свѣжей рыбы: щукъ, линей, окуней, бѣлизны, плотицъ, лещей, карасей.	10 „ — „
14. Кухмистеру губернаторскому.	5 „ — „
15. Взнесено (26 Февраля) преосвященному Ioанну, епископу Переяславскому.	100 „ — „
Прибывшимъ съ его преосвященствомъ:	
Іеромонаху Гервасію	10 „ — „
Діакону Гервасію.	5 „ — „
Другому діакону Исайи.	3 „ — „
Келейному Федору	2 „ — „
Канцеляристу.	2 „ — „
Пѣвчимъ тремъ по 1 рублю.	3 „ — „
Конюхамъ тремъ	2 „ — „
Повару	1 „ — „

16. За проповѣдь слова Божія Харьковскаго Коллегіума учителямъ: реторицкому іеромонаху Іоілю Федоровскому, да филозофическому священнику Федору Федоровскому	10 „ — „
17. По приказанію присутствующихъ въ дополненіе выше- писанному прибавлено келейнику Федору.	3 „ — „
Да повару	1 „ — „
18. Въ домъ архіерейской свѣжей рыбы, щукъ, линей, окуней, карасей, плотвы у разныхъ купцовъ и сельскихъ мужиковъ на. .	5 „ — „
19. Лимоннаго соку шесть окъ по 30 к. око.	1 „ 80 „
20. Икры свѣжепросольной 1 пудъ и 5 ф.	3 „ 15 „
Свѣжей осетрины два пуда съ половиною по 1 р. 20 к. за пудъ	3 „ — „
21. Волошскаго вина пятьдесятъ три кварты по 15 к. кварты	7 „ 95 „
22. Бѣлградскаго Николаевскаго монастыря архимандритамъ за погребеніе:	
Аксентію.	4 „ — „
Да Пахомію.	5 „ — „
23. Каѳедральному намѣстнику и Миропольскаго монастыря игумену.	5 „ — „

Стойти замѣтить, что въ устроеніи обряда погребенія всего болѣе хлопотъ и затрудненій оказалось съ проповѣдью. Указомъ отъ 20 Декабря Консисторія назначила слово на погребеніе преосвященнаго Іоасафа игумену Хотмыжскаго Знаменскаго монастыря Леониду; но онъ рапортомъ отъ 23 Декабря донесъ Консисторіи, что за получившееся ему головною тяжкою болѣзniю приготовиться на оную проповѣдь не могъ. Тогда Консисторія указомъ отъ 26-го Декабря предписала ректору Харьковскаго Коллегіума назначить кого-либо изъ учителей на проповѣдь Слова Божія. Назначенъ былъ учитель богословія префектъ іеромонахъ Епифаній; но и онъ отъ произношенія, за болѣзniю живота и хрипотою, отказался. Вместо префекта Епифанія назначены для большей обезпеченности, двое (означенные выше въ записной расходной книжѣ подъ № 16), и проповѣдь состоялась.

Изъ административной дѣятельности епископа Іоасафа Горленка за время правленія его Бѣлгородской епархіей (съ 2 Іюня 1748 года по 10 Дек. 1754 г.) въ біографіи его Амфіанъ Лебедевъ извлекаетъ такие эпизоды.

„Святитель Іоасафъ пасъ свою духовную паству жезломъ твердымъ и грознымъ, строго наказывая проступки какъ духовенства, такъ и мірянъ.

1) Въ 1751 г., во время объѣзда епархіи, усмотрѣвъ въ селѣ Изюмцѣ, Изюмскаго уѣзда, у священника въ домѣ въ углу нѣчто въ

родѣ руко-умывальницы, въ которой въ зимнее время священникъ дѣтей крестилъ, преосвященный опредѣлилъ: „наказать попа въ духовномъ правленіи плетьми, чтобы онъ вымысловъ не чинилъ, а содержалъ бы мѣсто къ тому потребное, по правиламъ, въ церкви“.

2) Указомъ преосвященного отъ 4 Окт. 1754 года игуменъ Троицкаго дѣвичьяго въ Курскѣ монастыря повелѣно: „наказать плетьми монахинь означенного монастыря (числомъ до 18 душъ) при собраніи всѣхъ монахинь, за то, что онъ безъ указа выбрали себѣ въ игуменью изъ бѣлицъ Московскую помѣщицу Марью Герцетову, чтобы впредь безъ указа не избирали, а наипаче изъ бѣлицъ“.

3) Учениковъ, возвращавшихся изъ бѣговъ, преосвящ. Іоасаѳъ предписывалъ (указомъ отъ 12 Марта 1751 г.) отдавать подъ надзоръ, по одному, по два и по три человѣка старшимъ, уже нѣсколько лѣтъ бывшимъ въ Коллегіумѣ студентамъ съ приказаніемъ имѣть надъ ними неослабное смотрѣніе, такъ чтобы ввѣренные ихъ смотрѣнію ученики безъ ихъ вѣдома никуда не отлучались и во всемъ были имъ послушны; а ежели учинить чинить *продерзостныя непослушанія и своеvolства*, или безъ вѣдома надзирателей станутъ отлучаться хотя на малое время, за таковымъ своеvolствомъ къ прекращенію побѣга смирять кованіемъ въ желѣза другъ съ другомъ ногою, а прочихъ наказывать розгами.

4) Грѣшниковъ дерзкихъ, упорствовавшихъ въ грѣхѣ и презиравшихъ церковную власть, преосвященный Іоасаѳъ предавалъ церковному отлученію и анаѳемѣ.

Въ 1749 г. было возмущеніе жителей слободы Никитовки Полтавскаго уѣзда съ нанесенiemъ большого оскорбления, съ поруганіемъ своего священника Никиты, котораго на цѣпи влекли по улицѣ съ побоями и бросили въ приказной избѣ. Подстрекателемъ же этого возмущенія, какъ оказалось, былъ другой попъ той же слободы Козьма. Преосвященный, по производствѣ слѣдствія, опредѣлилъ: „О подданныхъ Черкасахъ слободы Никитовки, всенароднаго возмущенія озорникахъ, которые съ попомъ Козьмою въ одномъ заговорѣ были (перечислены 10 человѣкъ „съ товарищами“), за то, что они сдѣлали надъ пастыремъ поруганіе, „на пастыря своего вознесли руки“, отрѣшились ихъ, кроме ихъ домашнихъ, отъ входа церковнаго и сообщенія божественныхъ тайнъ вовсе, развѣ только при смерти сподобить причащенія, и о семъ во время собранія въ церкви Божіей въ воскресный день послѣ литургіи объявить всѣмъ съ прочетомъ; зачинщика же

попа Козьму подвергнуть въ Консисторіи, по опредѣленію его преосвященства, жестокому плетьми наказанію и лишить священства.

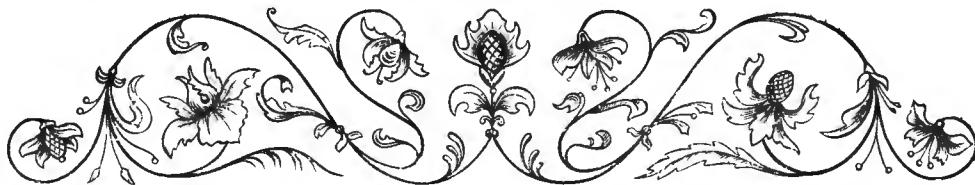
5) Въ 1750 г. священникъ въ Бѣлгородѣ, Жилой Слободы, Покровской церкви, жаловался на мѣстного помѣщика Бѣлгорода, гарнизоннаго полка адъютанта Юрія Выродова въ томъ, что онъ, Выродовъ, приворотилъ къ себѣ разными чародѣяніями его поповскую дочь Пелагею и, пріѣхавъ къ нему ночью со множествомъ народа, разбойнически, „наряднымъ дѣломъ“, забравъ названную Пелагею, увезъ къ себѣ въ домъ на растѣніе. Преосвященнымъ предписано было навести слѣдствіе, но какъ Выродовъ на всѣ требованія духовнаго слѣдствія не обращалъ, повидимому, никакого вниманія, то Юасафомъ было опредѣлено: „Выродова, и по нынѣ никакого покаянія не приносящаго, за беззаконное его чрезъ много прошедшее время житіе, дабы онъ явнымъ Закона Божія преступленіемъ церкви не соблазняль, по силѣ Духовнаго Регламента, предать, и съ любодѣйцею его, *проклятию* и о томъ написать для извѣстія народу объявление, которое въ Бѣлгородѣ и Бѣлгородскомъ уѣздѣ во всѣхъ церквахъ въ день недѣльный по літургіи прочитать вслухъ и послать въ Бѣлгородское духовное правленіе при указѣ; а для вѣдома и во всѣ духовныя правленія Бѣлгородской епархіи расpubликовать указами и о вышеписанномъ представить Святѣйшему Синоду доношеніемъ“.

Сообщилъ Т. Проскурняковъ *).

Городъ Короча, Курской губерніи.

*) Какъ ни круты были мѣры, къ которымъ прибѣгалъ Юасафъ противъ своей паствы, но мѣстное населеніе чувствовало ихъ благодѣтельность и цѣнило въ особенности его нестяжательность: онъ не собралъ денегъ даже на свои похороны. И. Б.

Вступительная запись старца Іоны Угличскому Воскресенскому монастырю

1691 г.

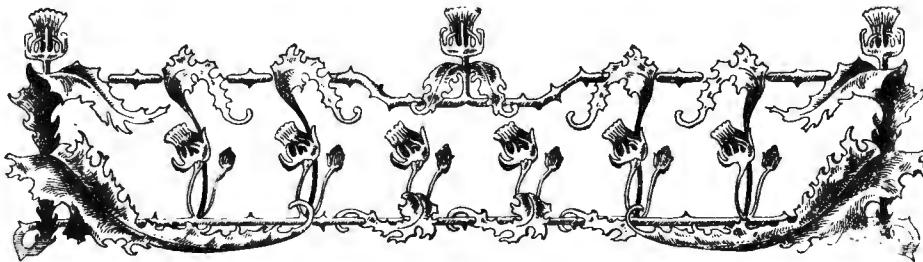
Се азъ Пошехонского уѣзду Ребиновы пустыни постриженикъ старецъ Іона даль на себя сю запись града Углица Воскресенского монастыря архимандриту Іакову еже о Христѣ съ братію въ томъ, что приняли они меня въ пречестную обитель Воскресенского монастыря въ діаконы, и мнѣ старцу Іонѣ въ той пречестной обители быть діакономъ и ко всякой церковной службѣ быть готову и его архимандрита Іакова съ братію во всемъ слушать; а живучи въ монастырѣ хитра никакова не учинить и хмѣльново питія не пить, а по приговору архимандрита Іакова съ братію зажилое и церковной всякой доходъ изъ кружки братъ мнѣ, какъ я старецъ Іона буду діакономъ противъ прежнихъ діаконовъ и жить мнѣ во святой обители во всякомъ благочиніи и послушаніи, а пить и ъѣсть за столомъ съ братію. А буде я старецъ Іона противъ сей записи, чтò писано выше сего, въ чемъ не устою или ему архимандриту Іакову съ братію послушень не буду или какими дѣлы не буду годенъ, и имъ мнѣ отказать, а мнѣ на нихъ не быть челомъ никоими дѣлы и никакими убытки не изувѣтчить, а порукою по мнѣ сего же Воскресенского монастыря черной попъ Игнатій. А буде я старецъ Іона пойду прочь изъ монастыря или откажуть мнѣ и стану быть членомъ на архимандрита и на слугъ и чтò имъ учиню убытка по ихъ скаскѣ архимандрита и братіи и слугъ, взять тѣ убытки на мнѣ старцъ Іонѣ и на порутчикѣ на черномъ попѣ Игнатію. Въ томъ мы на себя старецъ Іона и порутчикъ и запись дали. А запись писаль я старецъ Іона своею рукою лѣта 7199-го году Марта въ 5-е.

На оборотѣ:

Къ сей записи черной попѣ Игнатій ручалъ и руку приложилъ.

Подлинникъ найденъ въ новооткрытомъ собраніи актовъ академика П. И. Бередникова.

И. П. Мордвиновъ.

Письмо епископа Тихона къ князю Г. А. Потемкину-Таврическому.

Въ собраніи автографовъ Л. А. Сенько-Поповскаго находится письмо преосвященнаго Воронежскаго Тихона Малинина къ князю Г. А. Потемкину отъ того времени, когда великоколѣпный князь Тавриды, по словамъ записокъ и донесеній Гарриса, игралъ первенствующую роль и, несмотря на всѣ усиленія его враговъ, и въ 1782 г. не былъ лишенъ ни милости, ни власти. Просьба епископа Тихона, очевидно по ходатайству князя Потемкина, была удовлетворена императрицей Екатериной, такъ какъ изъ дѣлъ Синода видно, что по имянному высочайшему повелѣнію 1 Іюня 1783 г. Воронежскому архіепископскому дому на строительныя работы было отпущенено въ теченіи пяти лѣтъ 35,000 рублей (дѣло № 119).

Тихонъ Малининъ, сынъ дьякона, родился въ 1745 г. въ Калужской губерніи, въ селѣ Князь-Ивановѣ. Въ 1755—1763 г. онъ учился въ Московской Духовной Академіи. До постриженія въ монашество въ 1765 г., былъ онъ учителемъ и исправляющимъ „проповѣдническую должность“. Въ 1770 г. состоялъ вице-ректоромъ Лаврской Семинаріи и вскорѣ переведенъ въ Академію учителемъ философіи, съ званіемъ префекта. Взятый архіепискоомъ Платономъ Левшинымъ (бывшимъ на Тверской каѳедрѣ въ 1770—1775) въ Тверь, онъ былъ посвященъ въ архимандрита Отroча монастыря съ званіемъ префекта и философіи учителя Семинаріи и вмѣстѣ съ тѣмъ сдѣланъ членомъ Консисторіи.

Въ 1774 г. онъ ректоръ Семинаріи и переведенъ архимандритомъ въ Калязинъ монастырь, а въ 1775 г. 21 Іюня хиротонисанъ въ подмосковномъ Николаевскомъ Переяславскомъ монастырѣ въ присутствіи Екатерины II во епископа Воронежскаго, а въ 1788 г. переведенъ въ Тверь. Его біографъ, протоіерей Чередѣевъ, очень сѣтуетъ, что пр. Тихонъ произвелъ значительную „перемѣну въ Тверской архіерейской ризницѣ“: многія старинныя вещи уничтожилъ, жемчугъ съ нихъ продалъ, камни драгоцѣнныя переложилъ на другое, всякую серебреную старую ткань употребилъ на выжигу и вырученныя отъ продажи этой выжиги деньги израсходывалъ на новыя покупки. Пр. Тихонъ, можетъ быть, добрался бы и до другихъ старинныхъ вещей, находив-

шихся въ древнѣйшихъ Тверскихъ обителяхъ, но къ счастію хозяйствество для него въ Тверской епархіи было кратковременно: въ 1792 г. онъ былъ неожиданно переведенъ въ Астрахань, гдѣ въ слѣдующемъ 1793 году 4 Ноября скончался.

Смерть настигла его сравнительно еще очень не старымъ (48 лѣтъ) въ Астраханскомъ Покровскомъ монастырѣ, въ пристроенныхъ имъ къ большой церкви деревянныхъ на каменныхъ столбахъ покояхъ, гдѣ онъ имѣлъ всегдашнее пребываніе. Погребенъ онъ въ нижнемъ соборѣ подлѣ гробницы преосв. Антонія Румовскаго († 1786), памятного Астрахани по большому пожару, истребившему до тла архіерейскій домъ, Консисторію и соборную колокольню.

Пр. Тихонъ отмѣченъ и въ Обзорѣ духовной литературы. Изъ его сочиненій напечатаны:

1) Толкованіе на первое посланіе св. Апостола Петра 1794 г.

2) Прошовѣди Тихона еп. Воронежскаго С.-ПБ. 1794 г. 3) Слово въ день восшествія на престолъ императрицы Екатерины II, говоренное въ Петергофѣ С.-ПБ. 1791 г. 4) Извѣстны также: слово при погребеніи Свят. Тихона Задонскаго и о должностяхъ пастыря и пасомыхъ, говоренное имъ по случаю революціи во Франціи, а также и письмо его къ митрополиту Платону отъ 7 Сентября 1785, напечатанное Смирновымъ въ исторіи Московской Академіи.

Митрополитъ Евгеній замѣчаетъ, что „пастырь сей имѣлъ дарованіе проповѣдывать не писавши на бумагѣ и, въ первые годы своего управленія Воронежской епархией, при каждомъ всенародномъ совершеніи литургіи проповѣдывалъ такимъ образомъ. Онъ имѣлъ отличную способность и въ сказываніи“.

Оставшееся послѣ него довольно цѣнное имущество и капиталъ перешли къ его многочисленнымъ родственникамъ. Тихонъ былъ типичный представитель Платоновскаго времени со всѣмъ величиемъ своего сана и со всѣми Платоновскими недостатками. Впрочемъ, за продажу и истребленіе драгоцѣнныхъ древнихъ вещей, частью царскихъ и боярскихъ даровъ XVII в., едва-ли можно осуждать его строго. Если уже въ болѣе просвѣщенное наше время, въ 1907 г. проданы изъ Смоленской архіерейской ризницы не только такие древніе предметы, но и саккосы изъ далматиковъ Михаила Феодоровича, пожертвованныхъ царемъ Алексѣемъ, и цѣнная кружка XVIII в., помѣщенная даже, какъ достопримѣчательность, въ описаніи знаменитаго Смоленского собора, то что-же говорить о дѣльцахъ XVIII вѣка?

Virtus post nummas...

Андрей Титовъ.

*

Свѣтлѣйшій князь Григорій Александровичъ

Милостивѣйшій государь мой!

Господинъ атаманъ войска Донского Алексѣй Ивановичъ Иловайскій увѣрилъ меня, что ваша свѣтлость изволили благосклонно принять мою прозьбу о представительствѣ у Ея Императорскаго Величества Всемилостивѣйшей Государыни нашей, вразсужденіи поправленія здѣшней соборной церкви и всего архіерейскаго дома. По сему увѣренію должностнымъ себя нахожу Вашей свѣтлости принести мое всенижайшее благодареніе за милость, которую и о продолженіи оной просить вашу свѣтлость, съ истиннымъ увѣреніемъ, что ежели представительствомъ вашей свѣтлости церковь и домъ архіерейской исправлены будутъ, то неточію же почти развалинахъ и въ опасности отъ паденія ихъ живущій, и тѣмъ съ самыми бѣдными жителями равняющійся: о чёмъ думаю увѣрить вашу свѣтлость и его превосходительство Евдокимъ Алексѣевичъ¹), но и всѣ здѣшніе граждане приносить имѣютъ вашей свѣтлости вѣчное благодареніе. Всякое предпріятіе благо привести къ концу, есть дѣло мужа мудраго и твердаго. Ваша свѣтлость таковы, и потому не сомнѣваюсь, что изволите обрадовать здѣшнихъ жителей всѣмъ тѣмъ, чтѣ вашей особѣ, относительно къ моему прошенію, возможно, а наипаче меня, который имѣеть честь памятовать вашей свѣтлости величайшія благодѣянія, и съ совершеннымъ удовольствіемъ именуется.

Свѣтлѣйшій князь

милостивѣйшій государь мой

Вашей свѣтлости всепокорный слуга и богомолецъ

Тихонъ епископъ Воронежскій²).

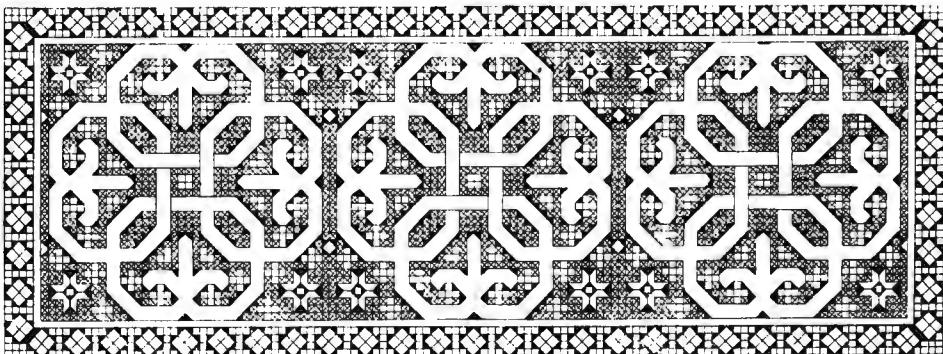
Генваря 16-го дня 1781-го года.

Воронежъ.

¹⁾ Воронежскій губернаторъ.

²⁾ Тихонъ провелъ молодость подъ начальствомъ Московскаго митрополита Платона, который вѣроятно и указалъ на него своему другу князю Потемкину. П. Б.

Н. М. КАРАМЗИНЪ.

(По поводу памятника ему въ Остафьевѣ 18 Іюля 1911).

Неподалеку оть города Подольска, Московской губерніи, въ съдѣствїи Дубровиць, прекрасною величавою церковью которыхъ любуешься, ѿдучи изъ Москвы на Югъ, лежить старинное небольшое село Остафьево*). Оно, еще на моей памяти, славилось у Москви-чай кормилицами, что свидѣтельствуетъ о благораствореніи воздуховъ въ этой мѣстности. Нынѣ господская усадьба съ большимъ домомъ въ Остафьевѣ можетъ быть названа питалищемъ здороваго просвѣщенія и художественнаго вкуса. Этому дому слишкомъ сто лѣтъ. Въ немъ жили и мыслили князья Вяземскіе: его основатель князь Андрей Ивановичъ, его сынъ князь Петръ Андреевичъ, описавшій Остафьево въ задушевныхъ стихахъ, и его внукъ незабвенный археологъ князь Павелъ Петровичъ; каждый изъ нихъ, въ особенности послѣдній, оставилъ въ Остафьевѣ свои книги, рукописи и другія свидѣтельства просвѣщенаго ума и изящества.

Въ Остафьевѣ проводилъ лѣтніе и осенниe мѣсяцы Карамзинъ съ 1804 года, т. е. со времени своей женитьбы на дочери князя Андрея Ивановича, и до своего переселенія (лѣтомъ 1816 года) въ Петербургъ. Тамъ онъ занимался Исторіею Государства Россійскаго, и Погодинъ еще видѣлъ въ Остафьевѣ доски на козлахъ, куда раскладывалъ Карамзинъ древнія рукописи и справочные книги. Нынѣ графиня Екатерина Павловна Шереметева, дочь князя Павла Петровича, возымѣла счастливую мысль воздвигнуть памятникъ въ Остафьевѣ великому человѣку,

* Въ Августѣ 1830 года Пушкинъ пріѣхалъ въ Остафьево къ князю Вяземскому, и не успѣлъ еще расплатиться, какъ домовой слуга сталъ гнать ямщика отъ большого подъѣзда. Пушкинъ крикнулъ „Оставь-его“, „Оставь-его!“ П. Б.

творцу отчетливаго Русскаго самосознанія, открывшему для читателей древнюю Русь, какъ „Колумбъ открылъ Америку“, по выраженію Пушкина.

Привѣтствуемъ эту дань благодарной памяти и вспоминаемъ стихи Ф. И. Тютчева, обращенные къ Карамзину, когда Императорская Академія Наукъ праздновала столѣтній юбилей со дня его рожденія:

Какой пошлемъ тебѣ привѣтъ?
Тебѣ, нашъ добрый, чистый гений,
Средь колебаний и сомнѣній
Многотревожныхъ нашихъ лѣтъ:
Мы скажемъ: будь намъ путеводной,
Будь вдохновительной звѣздой:
Свѣти въ нашъ сумракъ роковой,
Духъ цѣломудренno-свободный,
Умѣвшій все совокупить
Въ ненарушимомъ полномъ строѣ,
Все человѣчески-благое,
И Русскимъ чувствомъ закрѣпить,—
Умѣвшій, не сгибалъ вѣи
Предъ обаянiemъ вѣнца,
Царю быть другомъ до конца
И вѣрноподданнымъ Россіи...

Отношенія Карамзина къ Александру Павловичу безпримѣрны и вызываютъ къ немъ обоимъ признательность потомства. Николай Павловичъ любилъ Пушкина, но тотъ не въ силахъ былъ уберечь отъ него нравственную независимость. Карамзинъ и Александръ познакомились въ Твери, у Екатерины Павловны, въ Мартѣ 1811 года (почти ровно за годъ до ссылки Сперанского). Тогдашняя бесѣды ихъ, вѣроятно, и побудили Карамзина исполнить желаніе Екатерины Павловны и вызвали его на „Записку о древней и новой Россіи“, которая доставлена была ею въ рукописи. На подлинникѣ ея надпись великой княгини: „A ton frère seul“ (т. е. только для моего брата). Тутъ Государю раскрылся вполнѣ образъ мыслей исторіографа, и позднѣе онъ предлагалъ ему занять мѣсто Сперанского. Графъ Д. Н. Блудовъ передавалъ мнѣ, что Карамзинъ цѣлые сутки недоумѣвалъ, какъ ему быть и, не пожелавъ разстаться съ трудомъ своимъ, отказался. Переселившись въ Петербургъ, Карамзинъ, по тогдашней дороживизнѣ, по многочисленности семейства своего и по неумѣнью извлекать доходъ съ Арзамазской деревни своей супруги, нуждался въ деньгахъ. Государь зналъ о томъ и предлагалъ помочь такъ, чтобы никто не узналъ. Милостями царскими хвалятся, а не скрываютъ ихъ, объяснилъ Карамзинъ свой отказъ (слышано отъ

графа Д. Н. Блудова). Въ Петербургъ онъ нанималъ верхній этажъ у Е. Ф. Муравьевой, на углу Невскаго просп. и Аничкова моста; но передъ женитьбой сына своего Никиты она попросила очистить для него помѣщеніе. Это было лѣтомъ 1824 года. Государь предложилъ Карамзину занять домъ на Дворцовой набережной, устроенный для Софии Дмитревны Нарышкиной, которая говорена была за графа Андрея Петровича Шувалова. Она скончалась невѣстою, и приготовленный для нея домъ остался пустъ. Изъ Царскаго Села Карамзинъ прѣѣжалъ въ Петербургъ съ женою и дѣтьми искать квартиру. Изъ любопытства они осмотрѣли и Нарышкинскій домъ; въ немъ все было такъ хорошо, что дѣти, по приказанію матери, стали передъ отцомъ на колѣни и умоляли его согласиться на предложеніе Государя. „Никогда, говорила мнѣ Елизавета Николаевна Карамзина, не видала я отца своего въ такомъ гнѣвѣ“.

Обновить память о Карамзинѣ благовременно въ наши дни, когда совсѣмъ стали забывать о немъ, а Императорская Академія Наукъ вмѣсто него такъ усердно занялась Кольцовымъ и Лермонтовымъ. Между тѣмъ у насъ нѣть ни обстоятельного изданія сочиненій Карамзина, ни подробнѣй его биографіи. (Лучшею остается написанная М. П. Погодинымъ).

Въ жизни и дѣятельности Карамзина встрѣчаются обстоятельства мало разъясненные. Немногимъ извѣстно, что онъ плакалъ, узнавъ о гибели Робеспіера (1794). О томъ прямо говорить человѣкъ, не бросавшій словъ своихъ на вѣтеръ, Н. И. Тургеневъ, въ своей книгѣ „Mémoires d'un Proscript“. По всему вѣроятію, онъ слышалъ о томъ отъ отца своего Ивана Петровича, бывшаго Карамзину другомъ и единомышленникомъ. Карамзинъ прожилъ во Франціи съ марта по сентябрь 1790 года и въ Парижѣ провелъ три мѣсяца. Робеспіеръ, краснорѣчивый адвокатъ, историкъ и первоначально весьма скромный гражданинъ, въ то время еще не проявлялъ возмутительныхъ качествъ своихъ; онъ провозглашалъ только вѣру въ Высшее Существо и даже былъ монархистомъ. Карамзинъ могъ знать его лично и оплакивалъ то, что тотъ сдѣлался кровожаднымъ проводникомъ ученій Жанъ-Жака-Руссо, сочиненіями которыми многие увлекались и у насъ на Руси.

Однажды, въ Гомбургѣ, князь П. А. Вяземскій удивилъ меня словами: „а вѣдь Карамзинъ былъ только *действомъ*“. Но мы знаемъ, что онъ неуклонно исполнялъ церковныя постановленія. Еще въ Москвѣ онъ и семья его говѣли въ приходской церкви Святаго Антипы; священникъ пришелъ къ нимъ на домъ для исповѣди. Когда къ ней позвали Карамзина, онъ сказалъ: „подождите, батюшка, надо позавтракать“

и тутъ же принялъ за ветчину. Священникъ отъ Карамзинъ пошелъ по сосѣдству къ князю С. М. Голицыну и тамъ рассказалъ объ этомъ завтракѣ, въ слѣдствіе чего добродушный князь Сергій Михайловичъ сталъ звать Карамзина безбожникомъ. Мнѣ случилось разсказать про это митрополиту Филарету, и онъ выразился про своего друга: „Завѣнникъ! Церковь благодарить Бога за такихъ людей, какъ Карамзинъ. Постъ же разнообразенъ, какъ сама жизнь, и каждый можетъ поститься по-своему“. Мы знаемъ, что Филаретъ даже священникамъ ради болѣзни разрѣшалъ скромное въ Великій постъ (моему духовнику отцу Юлію Некрасову); а одной барынѣ, изнурявшей себя сухоѣденiemъ, однажды сказалъ: „Наложите постъ на вашъ постъ“.

Графъ Растопчинъ писалъ другу своему князю Циціанову 2 Декабря 1803 года: „Дядюшка мой Карамзинъ, сдѣланный исторіографомъ съ 2000 р. пенсіона, забывъ свою жену и отчаяніе, сговоренъ на дочери князя Андрея Ивановича Вяземскаго. Онъ влюбляется головою. И счастіе и несчастіе его истекаютъ изъ глазъ“. („Девятнадцатый Вѣкъ“, 31). Упрекъ неосновательный: отецъ Карамзина, овдовѣвъ, не замедлилъ жениться (на теткѣ И. И. Дмитріева); Державинъ точно также позабылъ скоро свою Плѣниру и обзавелся Миленою. Первая супруга Карамзина была старше его, вторая на четырнадцать лѣтъ моложе.

Другое обстоятельство, вызывающее наше недоумѣніе, есть отношеніе Карамзина къ Борису Годунову, котораго изобразилъ онъ въ „Исторії Государства Россійскаго“ преступнымъ честолюбцемъ, между тѣмъ какъ въ статьѣ его „Історическія воспоминанія и замѣчанія на пути къ Троицѣ“ читаемъ:

„Чтѣ принятъ, утверждено общимъ мнѣніемъ, то дѣлается нѣкотораго рода святынею, и робкій историкъ, боясь заслужить имя дерзкаго, безъ критики повторяетъ лѣтописи. Такимъ образомъ исторія дѣлается иногда эхомъ злословія.... Мысль горестная! Холодный пепель мертвыхъ не имѣть заступника, кромѣ нашей совѣсти: все безмолвствуетъ вокругъ древняго гроба! Глубокая тишина его прерывается только благословеніями или проклятіемъ идушихъ мимо и читающихъ гробовую надпись. Чтѣ, естыли клевещемъ на сей пепель; естыли несправедливо терзаемъ память человѣка, вѣря ложнымъ мнѣніемъ, принятымъ въ лѣтопись безмысліемъ или враждою!.... Но я пишу теперь не исторію; слѣдственно не имѣю нужды рѣшить дѣло, и, признавая Годунова убѣйцею Святаго Димитрія, удивляюсь небесному правосудію, которое наказало сie злодѣйство столь ужаснымъ и даже чудеснымъ образомъ“.

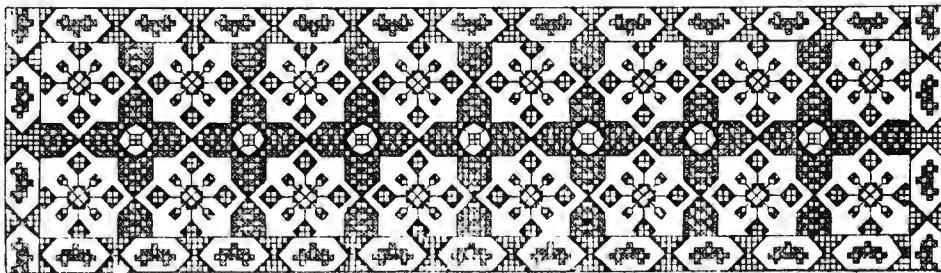
Въ слѣдъ за тѣмъ идетъ нѣсколько страницъ, въ которыхъ Карамзинъ восхваляетъ Годунова. Можно думать, что эта перемѣна въ изображеніи злополучнаго царя-избранника произошла по волѣ императора Александра Павловича, который, кажется, чутко относился къ тогдашнимъ событиямъ въ Русской исторіи. Точно также и Николай Павловичъ много думалъ о Борисѣ Годуновѣ, исторію котораго, написанную профессоромъ Павловымъ, приказалъ онъ изѣять изъ продажи. Въ 1849 г., раннимъ утромъ, Николай Павловичъ гулялъ по Кремлю въ сопровожденіи барона Боде, и тотъ сказалъ ему: „вотъ мѣсто деревяннаго дворца, близъ котораго погибъ Лже-Дмитрій“—„А тебѣ кто сказалъ, что онъ Лже-Дмитрій?“ возразилъ Государь. (Слышано отъ барона М. Л. Боде).

Многое должно разыясниться, когда вполнѣ увидятъ оставшіяся послѣ Карамзина бумаги. Ихъ сохранился цѣлый сундукъ. Покойный П. Д. Голохвастовъ, управлявшій Карамзинскимъ имѣніемъ, Макателемомъ, видѣлъ этотъ сундукъ; но владѣлецъ, второй сынъ Карамзина, Александръ Николаевичъ, не разрѣшилъ ему доступа къ этимъ бумагамъ. Затѣмъ они достались внуку Карамзина князю Николаю Петровичу Мещерскому и должны нынѣ храниться у правнука Карамзина, князя Александра Николаевича Мещерского, въ селѣ Дугинѣ. Трудно допустить, чтобы Карамзинъ не сберегъ писемъ, которыя онъ получилъ отъ своей супруги и отъ своего закадышнаго друга Дмитрева.

Младшій сынъ Карамзина Владимиръ Николаевичъ, конечно, разбиралъ рукописи родителя своего. Онъ извлекъ изъ нихъ цѣлую книгу, вышедшую въ Петербургѣ въ 1862 году подъ заглавіемъ „Неизданныя сочиненія и переписка Николая Михайловича Карамзина“, часть первая, бол. 8-ка и 240 стр.; на послѣдней страницѣ означенено „конецъ первой части“. Однако не только не послѣдовало слѣдующихъ частей, но и первая часть, можно сказать, не вышла въ свѣтъ, потому что горделивый издатель, полагавшій, что она немедленно раскупится, сжегъ ее, и лишь немногія лица успѣли получить или купить ее. Между тѣмъ въ ней напечатаны драгоцѣнныя произведенія Карамзина. Извлекаемъ изъ нея нижеслѣдующее.

П. Б.

МНѢНИЕ РУССКАГО ГРАЖДАНИНА*).

Государь! Въ волненіи души моей, любящей отчество и васъ, спѣшу, послѣ нашего разговора, излить на бумагу нѣкоторыи мысли, не думая ни о краснорѣчіи, ни о строгомъ логическомъ порядкѣ. Какъ мы говоримъ съ Богомъ и совѣстю, хочу говорить съ вами.

Вы думаете возстановить Польшу въ ея цѣлости, дѣйствуя какъ христіанинъ, благотворя врагамъ. Государь! Вѣра христіанская есть тайный союзъ человѣческаго сердца съ Богомъ, есть внутреннее, неизглаголанное, небесное чувство; она выше земли и міра, выше всѣхъ законовъ физическихъ, гражданскихъ, государственныхъ, — но ихъ не отмѣняетъ. Солнце течеть и нынѣ по тѣмъ же законамъ, по коимъ текло до явленія Христа-Спасителя: такъ и гражданскія общества не перемѣнили своихъ коренныхъ уставовъ. Все осталось, какъ было на землѣ, и какъ иначе быть не можетъ; только возвысилась душа въ ея сокровенностяхъ, утвердилась въ невидимыхъ связяхъ съ Божествомъ, съ своимъ вѣчнымъ, истиннымъ отечествомъ, которое виѣ материі, виѣ пространства и времени. Мы сблизились съ небомъ въ чувствахъ, но дѣйствуемъ на землѣ, какъ и прежде дѣйствовали. Нѣсмь отъ міра сего, сказалъ Христосъ. А граждане и государства въ семъ мірѣ. Христосъ велитъ любить враговъ (любовь есть чувство), но Онъ не запретилъ судьямъ осуждать злодѣевъ, не запретилъ воинамъ оборонять государства. Вы христіанинъ, но вы истребили полки Наполеоновы въ Россіи, какъ Греки-язычники истребляли Персовъ на поляхъ Эллады; вы исполняли законъ государственный, который не принадлежитъ къ религії, но также данъ Богомъ: законъ естественной обороны, необходимый для существованія всѣхъ земныхъ тварей и гражданскихъ

*) Было напечатано въ „Чтеніяхъ Общества Исторіи и Древностей“. Приводится здѣсь, какъ свидѣтельство государственной заслуги Карамзина и его правъ на благодарность потомства. П. Б.

обществъ. Какъ христіанинъ, любите своихъ личныхъ враговъ; но Богъ далъ вамъ царство и вмѣстѣ съ нимъ обязанность исключительно заниматься благомъ онаго. Какъ человѣкъ, по чувствамъ души, озаренной свѣтомъ христіанства, вы можете быть выше Марка Аврелія, но какъ царь вы тоже, чѣмъ онъ. Евангеліе молчитъ о политикѣ, не даетъ новой; или мы, захотѣвъ быть христіанами-политиками, впадемъ въ противорѣчія и несообразности. Меня ударять въ ланиту; я, какъ христіанинъ, долженъ подставить другую. Непріятель сожжетъ нашъ городъ: впустимъ ли его мирно въ другой, чтобы онъ также обратилъ его въ пепелъ? Какъ могъ язычникъ Маркъ Аврелій, такъ можетъ и христіанинъ Александръ благотворить врагамъ государственнымъ. уже побѣженнымъ, слѣдуя закону человѣколюбія, извѣстнаго и добродѣтельнаго язычникамъ, но единственно въ такомъ случаѣ, когда сіе благотвореніе не вредно для отечества. Любите людей, но еще болѣе любите Россіянъ, ибо они и люди и ваши подданные, дѣти вашего сердца. И Поляки теперь слушаются Александра; но Александръ взялъ ихъ Русскою силою, а Россіянъ далъ ему Богъ, и съ ними снискалъ онъ благодѣтельную славу освободителя Европы.

Вы думаете возстановить древнее королевство Польское; но сіе возстановленіе согласно-ли съ закономъ государственного блага Россіи? Согласно-ли съ вашими священными обязанностями, съ вашею любовію къ Россіи и къ самой справедливости? Во-первыхъ (не говоря о Пруссіи) спрашиваю: Австрія отдасть ли добровольно Галицію? Можете ли вы, творецъ Священаго Союза, объявить ей войну, противную не только христіанству, но и государственной справедливости? Ибо вы сами признали Галицію законнымъ владѣніемъ Австрійскимъ. Во-вторыхъ, можете ли съ мирною совѣстю отнять у насъ Бѣлоруссію, Литву, Волынью, Подолію, утвержденную собственность Россіи еще до вашего царствованія? Не клянутся ли государи блюсти цѣлость своихъ державъ? Сіи земли уже были Россіею, когда митрополитъ Платонъ вручалъ вамъ вѣнецъ Мономаха, Петра и Екатерины, которую вы сами назвали Великою. Скажутъ ли, что она беззаконно раздѣлила Польшу? Но вы поступили бы еще беззаконнѣе, если бы вадумали загладить ея несправедливость раздѣломъ самой Россіи. Мы взяли Польшу мечемъ: вотъ наше право, коему всѣ государства обязаны бытіемъ своимъ, ибо всѣ составлены изъ завоеваній. Екатерина отвѣтствуетъ Богу, отвѣтствуетъ исторіи за свое дѣло; но оно сдѣлано, и для васъ уже свято: для васъ Польша есть законное Россійское владѣніе. Старыхъ крѣпостей нѣть въ политикѣ: иначе мы долженствовали бы возстановить и Казанское, Астраханское царство, Новгородскую республику.

великое княжество Рязанское, и такъ далѣе. Къ тому же и по старымъ крѣпостямъ Бѣлоруссія, Волынія, Подолія, вмѣстѣ съ Галицію, были нѣкогда кореннымъ достояніемъ Россіи. Если вы отадите ихъ, то у васъ потребуютъ и Кіева, и Чернигова, и Смоленска: ибо они также долго принадлежали враждебной Литвѣ. Или все, или ничего. Доселѣ нашимъ государственнымъ правиломъ было: ни пяди, ни врагу, ни другу! Наполеонъ могъ завоевать Россію; но вы, хотя и самодержецъ, не могли договоромъ уступить ему ни одной хижинѣ Русской. Таковъ напѣхъ характеръ и духъ государственный. Вы, любя законную свободу гражданскую, уподобите ли Россію бездушной, бессловесной собственности? Будете ли самовольно раздроблять ее на части и дарить ими кого за благо разсудите? Россія, государь, безмолвна передъ вами; но если бы возстановилась древняя Польша (чего Боже сохрани!) и произвела нѣкогда историка достойнаго, искренняго, беспристрастнаго, то онъ, государь, осудилъ бы ваше великодушіе, какъ вредное для вашего истиннаго отечества, доброй, сильной Россіи. Сей историкъ сказалъ бы совсѣмъ не то, что могутъ теперь говорить вамъ Поляки; извинялемъ ихъ, но васъ бы мы, Русскіе, не извилили, если бы вы для ихъ рукоплесканія ввергнули насъ въ отчаяніе. Государь, нынѣ славный, великий, любезный! Отвѣтствую вамъ головою за сіе неминуемое дѣйствіе цѣлаго возстановленія Польши. Я слышу Русскихъ и знаю ихъ; мы лишились бы не только прекрасныхъ областей, но и любви къ царю; остали бы душею и къ отечеству, видя оное игралищемъ самовластнаго произвола; ослабѣли бы не только уменьшеніемъ государства, но и духомъ; унизились бы предъ другими и предъ собою. Не опустѣлъ бы, конечно, дворецъ; вы и тогда имѣли бы министровъ, генераловъ; но они служили бы не отечеству, а единственно своимъ личнымъ выгодамъ, какъ наемники, какъ истинные рабы... А вы, государь, гнушаетесь рабствомъ и хотите дать намъ свободу.

Однимъ словомъ.... и Господь-сердцевѣдѣцъ да замкнетъ смертію уста мои въ сію минуту, если говорю вамъ не истину... однимъ словомъ, возстановленіе Польши будетъ паденіемъ Россіи, или сыновья наши обагрять своею кровью землю Польскую и снова возьмутъ штурмомъ Прагу.

Нѣть, Государь, никогда Поляки не будутъ намъ ни искренними братьями, ни вѣрными союзниками. Теперь они слабы и ничтожны: слабые не любятъ сильныхъ; когда же усилите ихъ, то они захотятъ независимости, и первымъ опытомъ ея будетъ отступленіе отъ Россіи, конечно не въ ваше царствованіе, но вы, государь, смотрите далѣе своего вѣка, и если не бессмертны тѣломъ, то бессмертны славою! Въ

дѣлахъ государственныхъ чувство и благодарность безмолвны; а независимость есть главный законъ гражданскихъ обществъ. Литва, Волынія желаютъ королевства Польскаго, но мы желаемъ единой имперіи Россійской. Чей голосъ долженъ быть слышанъ для вашего сердца? Онъ, въ случаѣ войны, впрочемъ нимало не вѣроятной (ибо кому теперь возстать на Россію?) могутъ измѣнить намъ, тогда накажемъ измѣну силою и правомъ: право всегда имѣеть особенную силу, а бунтъ, какъ беззаконіе, отнимаетъ ее. Поляки, закономъ утвержденные въ достоинствѣ особеннаго, державнаго народа, для насъ опаснѣе Поляковъ-Россіянъ.

Государь, Богъ далъ вамъ такую славу и такую державу, что вамъ безъ неблагодарности, безъ грѣха христіанскаго и безъ тицеславія, осуждаемаго самою человѣческою политикою, нельзя хотѣть ничего болѣе, кромѣ того, чтобы утвердить миръ въ Европѣ и благоустройство въ Россіи: первый безкорыстнымъ, великодушнымъ посредничествомъ; второе хорошими законами и еще лучшею управою. Вы уже пріобрѣли имя великаго: пріобрѣтите имя отца нашего! Пусть существуетъ и даже благоденствуетъ королевство Польское, какъ оно есть нынѣ; но да существуетъ, да благоденствуетъ и Россія, какъ она есть и какъ оставлена вамъ Екатериною!... Екатерина любила вѣсну, любила и наше отечество: ея тѣнь здѣсь присутствуетъ... умолкаю.

Царское Село. Окт. 17, 1819.

Для потомства.

NB. Читано Государю въ тотъ же вечеръ. Я пилъ у него чай въ кабинетѣ, и мы пробыли вмѣстѣ, съ глазу на глазъ, пять часовъ, отъ осьми до часу за полночь. На другой день я у него обѣдалъ; обѣдалъ еще и въ Петербургѣ.... Но мы душею разстались, кажется, на вѣки... Потомство! Достоинъ ли я быль имени гражданина Россійскаго? Любилъ ли отечество? Вѣрилъ ли добродѣтели? Вѣрилъ ли Богу?... Я не зналъ нужды по своей бережливости и по милости Божіей, но не имѣлъ достатка, имѣя многочисленное семейство, безъ способовъ воспитывать дѣтей, какъ бы мнѣ хотѣлось. Не хочу описывать всего разговора моего съ Государемъ; но, между прочимъ, вотъ что я сказалъ ему по-французски: *Sire, vous avez beaucoup d'amour-propre.... Je ne crains rien. Nous sommes tous égaux devant Dieu. Ce que je vous dis, je l'aurais dit à votre père... Sire, je méprise les libéralistes du jour: je n'aime que la liberté qu'aucun tyran ne peut m'ôter... Je ne vous demande plus votre bienveillance. Je vous parle, peut-être, pour la*

dernière fois¹⁾). Но вообще я мало говорилъ и не хотѣлъ говорить. Душа моя остыла....

Довольно сказаннаго для потомства и для сыновей моихъ, если они будутъ живы и выростутъ. Прибавлю, что я не измѣнилъ скромности: не сказалъ никому ни слова о моемъ разговорѣ съ Александромъ, кромѣ вѣрной жены моей, съ которой я жилъ въ одну мысль, въ одно чувство. С.-Петербургъ, Дек. 29, 1819. Н. Карамзинъ.

NB. Сказалъ еще одному человѣку: императрицѣ Елизаветѣ. 24 Февр. 1821.

Новое прибавление.

Я ошибся: благоволеніе Александра ко мнѣ не измѣнилось и въ теченіе шести лѣтъ (отъ 1819 до 1825 года) мы имѣли съ нимъ нѣсколько подобныхъ бесѣдъ о разныхъ важныхъ предметахъ. Я всегда былъ чистосердеченъ, онъ всегда терпѣливъ, кротокъ, любезенъ неизъяснимо; не требовалъ моихъ совѣтовъ, однакожъ слушалъ ихъ, хотя имъ, большою частію, и не слѣдовалъ, такъ что нынѣ, вмѣстѣ съ Россіею оплакивая кончину его, не могу утѣшать себя мыслю о десятилѣтней милости и довѣренности ко мнѣ столь знаменитаго вѣнценосца: ибо эти милость и довѣренность остались безплодны для любезнаго отечества. Правда, Россія удержала свои Польскія области; но болѣе счастливыя обстоятельства, нежели мои слезныя убѣжденія, спасли Александра отъ дѣла равно бѣственнаго и несправедливаго; по крайней мѣрѣ такъ сказалъ онъ мнѣ въ Ноябрѣ 1824 года. Я не безмолвствовалъ о налогахъ въ мирное время, о нелѣпой Г.....²⁾ системѣ финансовъ, о грозныхъ военныхъ поселеніяхъ, о странномъ выборѣ нѣкоторыхъ важнѣйшихъ сановниковъ, о Министерствѣ Просвѣщенія или затмѣнія, о необходимости уменьшить войско, воюющее только Россію, о мнимомъ исправленіи дорогъ, столь тягостномъ для народа, наконецъ о необходимости иметь твердые законы гражданскіе и государственные. Въ послѣдній моей бесѣдѣ съ нимъ, 29 Августа, отъ 8 до 11 $\frac{1}{2}$ часовъ вечера, я сказалъ ему какъ пророкъ: *Sire, vos annÃ©es sont comptÃ©es, vous n'avez plus rien Ã remettre, et vous avez encore tant de choses Ã*

¹⁾ Государь, у васъ много себѧлюбія: я ничего не боюсь. Мы всѣ равны передъ Богомъ. То что я вамъ говорю, сказалъ бы и вашему отцу. Государь, я презираю современныхъ вольнодумцевъ; люблю только такую волю, которой никакой тиранъ не можетъ у меня отнять. Не прошу вашего благорасположенія. Говорю съ вами, можетъ быть, въ послѣдній разъ.

²⁾ Гурьевской. П. Б.

faire pour que la fin de votre règne soit digne de son beau commencement*). Движенiemъ головы и милою улыбкою онъ изъявилъ согласie; прибавилъ и словами, что непремѣнно все сдѣлаетъ: дасть коренные законы Россіи.

Если не я, то другiе увидятъ скоро, для чего Богъ незапно отнялъ Александра у Россіи. Миѣ хочется болѣе плакать, нежели писать объ немъ. Я любилъ его искренно и нѣжно, иногда негодовалъ, досадовалъ на монарха и все любилъ человѣка, красу человѣчества своимъ великодушiemъ, милосердiemъ, незлобiemъ рѣдкимъ. Не боюсь встрѣтиться съ нимъ на томъ свѣтѣ, о которомъ мы такъ часто говорили, оба не ужасаясь смерти, оба вѣря Богу и добродѣтели.

С.-Петербургъ. 18 Дек. 1825.

ДЛЯ СВѢДѢНІЯ МОИХЪ СЫНОВЕЙ И ПОТОМСТВА.

Безъ моего исканія удостоенный довѣренности, я предлагалъ нынѣшнему императору Николаю Павловичу начать Манифестъ о восшествіи его на Престолъ такъ:

„Въ сокрушениіи сердецъ нашихъ (то есть, всѣхъ Русскихъ) и пораженныхъ столъ незапною кончиною Государя Императора Александра Павловича, можемъ только, какъ христiане, смиряться духомъ предъ Всевышнимъ и молить Его, да, пославъ намъ скорбь неизглаголанную, пошлетъ и силы сносить ее безъ отчаянія и ропота, съ умиленiemъ любви и благодарности къ памяти усопшаго Великаго Монарха, коего царствованіе, означенное дѣлами безпримѣрной славы для отечества, во вѣки вѣковъ будетъ сіять въ нашихъ и всемирныхъ лѣтописяхъ: царствованіе спасителя Россіи, избавителя Европы, благодетеля побѣденныхъ, юмирителя народовъ, друга правды и человѣчества“.

„Въ самый первый часъ скорби и риданій, произведенныхъ ужасною вѣстю, что не стало Александра I-го, Мы, укрѣпляясь духомъ для исполненія долга священнаго, торжественно присягнули въ вѣрности законному наслѣднику Престола, согласно съ уставомъ блаженныя

*) Государь, лѣта ваши сочтены. Вамъ нельзя больше откладывать, а вамъ еще столько надо сдѣлать для того, чтобы конецъ вашего царствованія достоинъ былъ его прекраснаго начала.

памяти родителя нашего, Государя Императора Павла Петровича, старейшему брату нашему, Государю Цесаревичу, Великому Князю Константину Павловичу[“], и проч. и проч.

Государь Николай Павловичъ сказалъ, что ему неприлично хвалить брата въ манифестѣ, и велѣлъ М. М. Сперанскому написать это иначе, отдавъ ему мою бумагу. Сперанскій написалъ такъ:

„Въ сокрушениіи сердца, смиряясь предъ неисповѣдимыми судьбами Всевышняго, среди всеобщей горести, Насъ, Императорскій Нашъ Домъ и любезное отчество Наше объявшій, въ единомъ Богѣ мы ищемъ твердости и утѣшенія. Кончиною въ Бозѣ почившаго Государа Императора Александра Павловича, любезнѣйшаго брата Нашего, Мы лишились отца и Государя, двадесять пять лѣтъ Россіи и Намъ благотворившаго. Когда извѣстіе о семъ плачевномъ событиї въ 27 день Ноября мѣсяца до Насъ достигло^{*)}), въ самый первый часъ скорби и рыданій, Мы, укрѣпляясь духомъ для исполненія долга священнаго и слѣдя движенью сердца, принесли присягу вѣрности старѣйшему брату Нашему, Госуд. Цесаревичу и Вел. Князю Константину Павловичу, яко законному по праву первородства Наслѣднику Престола Всероссійскаго“.

Заключеніе предлагалъ я такое (послѣ словъ: присягу вѣрности учинить Намъ и Наслѣднику Нашему и проч.).

„И Мы, въ сей торжественный часъ, предъ лицемъ Всевышняго, отъ глубины сердца даемъ обѣтъ жить единственно для любезнаго отечества, слѣдовать примѣру оплакиваемаго Нами Вѣнценосца! Да будетъ Наше царствованіе только продолженіемъ Александрова! Да благоденствуетъ Россія своимъ пріобрѣтеннымъ могуществомъ, виѣшиною безопасностію, внутреннимъ устройствомъ, чистою вѣрою нашихъ предковъ, государственною и воинскою доблестію, истиннымъ просвѣщеніемъ ума и непорочностію нравовъ, плодами трудолюбія и дѣятельности полезной, мирною свободою жизни гражданской и спокойствіемъ сердецъ невинныхъ! Да будетъ престолъ Нашъ твердъ закономъ и вѣрностію народною! Да соединится неразрывно, подъ нашою державою, правосудіе неослабное съ милосердіемъ человѣколюбія! Да исполнится все, чего желалъ, но еще не успѣлъ совершить для отечества Александръ Безсмертный: тотъ, коего священная память должна питать въ Насъ и ревность и надежду стяжать благословеніе Божіе и любовь народа Россійскаго“.

^{*)} Мои слова.

Нашли тутъ поводъ къ толкамъ, видъ самохвальства, излишнія обязательства; велѣли передѣлать, выпустить все, что выразило бы характеръ или намѣренія новаго царствованія. Сперанскій написалъ (какъ напечатано)¹⁾.

„Наконецъ Мы призываємъ всѣхъ Нашихъ вѣрныхъ подданныхъ соединить съ Нами теплые мольбы ихъ къ Всевышнему, да ниспослѣтъ Намъ силы къ понесенію бремени, Святымъ Промысломъ Его на Насъ возложеннаго; да укрѣпить благія намѣренія Наши¹⁾ жить единственно для отечества, слѣдователь примѣру оплакиваемаго Нами Государя. Да будетъ царствованіе Наше токмо (у меня: только) продолженіемъ царствованія его, и да исполнится все, чего для блага Россіи желалъ тотъ, коего священная память будетъ питать въ Насъ и ревность и надежду стяжать благословеніе Божіе и любовь народовъ Нашихъ“ (вместо: любовь народа Россійскаго).

Одинъ Богъ знаетъ, каково будетъ наступившее царствованіе. Желаю, чтобы это сообщеніе было любопытно для потомства: разумѣю, въ хорошемъ смыслѣ.

Сыновьямъ моимъ благословеніе, потомству привѣтствіе изъ гроба!

С.-Петербургъ, 16 Дек. 1825.

Письма Н. М. Карамзина къ его супругѣ изъ Петербурга въ Москву 1816 г.

1.

С.-Петербургъ, 3 Февраля (1816) 6 часовъ вечера.

Милый другъ! Вчера въ 6 часовъ вечера въѣхали мы²⁾ въ городъ благополучно, долго искали пристанища, и наконецъ вошли въ холодныя комнаты; но теперь онѣ уже нагрѣлись, и можно въ нихъ жить. Я здоровъ совершенно. Сию минуту былъ у Великой Княгини, по старому милостивой; узналъ принца, умнаго и привѣтливаго; завтра, какъ думаю, увижу Императрицу вдовствующую; а когда Императора, еще не знаю. Великая Княгиня много разспрашивала о тебѣ съ видомъ искренняго участія. Я видѣлъ многихъ, но еще гораздо болѣе надобно видѣть. Не смотря на усталость моихъ лошадей, я не усталъ духомъ,

¹⁾ Мои слова въ отрывкѣ.

²⁾ Карамзинъ пріѣхалъ въ Петербургъ съ княземъ Петромъ Андреевичемъ Вяземскимъ и привезъ готовые къ печати первые восемь томовъ своей Исторіи. П. Б.

ни тѣломъ, а только грущу..... Изъ здѣшнихъ царедворцевъ видѣлся съ кн. А. Н. Голицынымъ: онъ меня ласково или учтиво принялъ. Я бы не узналъ его: такъ онъ перемѣнился наружностю. Обѣдалъ у графа Ростопчина, какъ у свойственника любезнаго. Впрочемъ еще не знаю, какъ буду проводить время. Вообще не могу доселѣ жаловаться. Какъ-то обойдется съ мною Императрица!..

2.

С.-Петербургъ, 7 и 8 Февраля 1816.

....Поговоримъ о Петербургѣ. На другой день я былъ у Императрицы Маріи; не удивился ея милостивому пріему, но до крайности удивился ея молодости и свѣжести: это прекрасная женщина въ 40 лѣтъ; говоритъ любезно, складно и съ рѣдкою легкостю¹⁾). Разговоръ нашъ продолжался минутъ 20 или еще менѣе; а мы коснулись и до нравственности и до самыхъ отвлеченныхъ идей, не забывъ, разумѣется, Исторіи. Извиняясь, что не можетъ теперь дать мнѣ болѣе времени, она сказала съ чувствомъ: *pensez à l'état d'une mère qui marie sa dernière fille.* (Подумайте о состояніи матери, которая выдаетъ замужъ²⁾) послѣднюю свою дочь). Спрашивала о тебѣ, обѣ дѣтяхъ; заставила меня перецѣловать сыновей Великой Княгини; нашла, что я не такъ похудѣлъ, какъ ей сказали, и проч. Вотъ и конецъ моихъ свиданій съ Императорскою фамиліею. Жду повелѣнія Государева явиться къ нему съ Исторію черезъ графа Н. А. Толстаго: такъ ему угодно; онъ не приказалъ (какъ объявили мнѣ), чтобы я представлялся черезъ оберъ-камергера. Боюсь только, что это можетъ продлиться и недѣлю и двѣ и три въ нынѣшнихъ обстоятельствахъ. Готовятся къ свадьбѣ и праздникамъ; развѣ около 20 затихнетъ шумъ. Сколько дней для меня потеряно! Впрочемъ не могу нахвалиться учтивостю, привѣтствіями и ласками здѣшнихъ жителей и бояръ. Il n'y a pas de doute que la civilisation a fait plus de progrès ici qu'à Moscou³⁾). Обѣдаю у Растопчина, у канцлера, у гр. Сергея Петровича, у графини Лаваль, Полторацкаго⁴⁾ и проч. и проч.

¹⁾ Т. е. по-французски. По-русски она говорила такъ, что Жуковскій не могъ понимать ее. П. Б.

²⁾ Великую княжну Анну Павловну, позднѣе королеву Нидерландскую. П. Б.

³⁾ Нѣть сомнѣнія, что здѣсь гражданственность сдѣлала болѣе успѣховъ нежели въ Москвѣ.

⁴⁾ Дмитрия Марковича, женатаго на дочери Коломенского купца, собирателя древнихъ рукописей. Полторацкій подарилъ Карамзину такъ называемую Ипатьевскую лѣтопись. П. Б.

Послѣ обѣдаѣзжу изъ дома въ домъ, т. е. бываю въ двухъ или трехъ мѣстахъ. La liste de mes visites est augmentée d'une douzaine de noms¹). Еще у половины не былъ; многіе уже пеняютъ мнѣ. Всего важнѣе то, что я оставилъ мерзкую отель гарни и перѣхалъ къ доброй Катеринѣ Федоровнѣ Муравьевой, которая, узнавъ, что я буду въ Петербургѣ, велѣла топить для меня свой верхній этажъ²). Я вижу въ ней родную. На той почтѣ буду писать къ Ивану Ивановичу³), котораго порученія всѣ исправлены мною: я былъ у Н. Я. Плюсковой и нашелъ въ ней пріятную женщину; благодарили отъ него Д. И. Трощинскаго, и проч. Будучи безпрестанно въ движеніи, я не ступилъ почти ни шагу къ главной щѣли. Одинъ вельможа или бояринъ (ибо здѣсь нѣть вельмож кромѣ одного графа Аракчеева, какъ сказываютъ) вымолвилъ моему пріятелю такое слово: „Карамзинъ хочетъ, чтобы казна дала деньги на печатаніе его Исторіи; но сумма велика, и вѣроятно, что по новымъ правиламъ экономіи ему откажутъ, или не откажутъ да не дадутъ. Въ такомъ случаѣ я съ удовольствіемъ предложилъ бы ему 50 тысячъ для сего дѣла“). Я радъ, что у насъ такие бояре; но скорѣе брошу свою Исторію въ огонь, нежели возьму 50 тысячъ отъ партікулярнаго человѣка. Хочу единственно должнаго и справедливаго, а не милостей и подарковъ.

Кн. Алексѣй Щербатовъ⁴) здѣсь, и мы вмѣстѣ проводимъ нынѣшній вечеръ у О. П. Козодавлева. Вчера видѣлъ я племянника, сына Федора Мих., и обнималь его со слезами: прекрасный мальчикъ! Вообрази, что у меня въ одно утро было 12 гостей, и все добрыхъ пріятелей! Но всѣ здѣшнія ласки приводятъ меня въ грусть: ты не дѣлишь ихъ со мною и не видишь, какъ твоего плѣшиваго мужа уважаютъ въ Петербургѣ! Съ хорошимъ или дурнымъ намѣреніемъ распустили слухъ, что мнѣ уже дано то и то. Знай, что я видѣлъ и Шишкова: бесѣдовалъ съ нимъ втроемъ около трехъ часовъ. Сперва онъ чинился, а послѣ свободно разсуждалъ со мною... о происхожденіи Славянскихъ словъ. J'ai du tendre pour mes ennemis, si j'en ai⁵). Хожу пѣшкомъ рано, часу въ осьмомъ и девятомъ и все одною дорогой, отъ Аничковаго мосту до Казанской.... Это письмо дописываю уже во Вторникъ. Прибавлю еще, что я былъ у обѣдни у кн. Голицына: прекрасная церковь,

¹) Перечень моихъ посѣщеній умножился дюжиною именъ.

²) На Фонтанкѣ, на пути къ Адмиралтейству, пройдя Аничковъ мостъ, на право, въ третьемъ домѣ, принадлежавшемъ потомъ г. Шиловскому. П. Б.

³) Дмитреву, съ которымъ Н. Я. Плюскова была издавна въ дружбѣ. П. Б.

⁴) Тогда еще вдовецъ послѣ своего брака съ сестрою князя П. А. Вяземскаго. П. Б.

⁵) У меня—нѣжность къ моимъ непріятелемъ, если они у меня есть.

служба и пѣніе. Изъ моихъ новыхъ знакомыхъ наименую кн. Александра Ник. Салтыкова: человѣкъ умной и пріятной. Вчера мы про-сидѣли съ нимъ до втораго часу ночи. Пишу къ тебѣ безъ связи и спѣшу отправить письмо.... Завтра свадьба¹⁾: не поѣду ни во дворецъ, ни на балъ, ни въ маскарадъ; и въ Москвѣ и въ Петербургѣ не люблю блестящихъ собраній.... Нѣсколько разъ поцѣлуй за меня Сонюшку, Катеньку, Андрея, Сашу: всѣмъ вамъ именемъ Божіимъ даю благословеніе. Простите, да сохранить васъ Всевышній! Я здоровъ и начинаю ъсть со вкусомъ; въ первыя дни у меня что-то не было аппетиту. Скажи отъ меня ласковое слово другу Ивану Ивановичу, Сергею Сергеевичу²⁾, кн. Андрею Петровичу, etc, etc. Вотъ записка экономическая: карета въ мѣсяцъ 500 рублей, лакей 70 р., на пищу двумъ человѣкамъ 60 р. Другихъ издержекъ мало. Огарева въ кашлѣ, мужъ я также нездоровъ; но оба встрѣтили меня какъ роднаго. Князь Петръ здоровъ.

3.

С.-Петербургъ, 11 Февраля 1816.

.....Я здоровъ совершенно, и Невская вода не вредить мнѣ; ъмъ и сплю не худо; всякое утро, иногда на разсвѣтѣ, хожу пѣшкомъ. Какой прекрасной городъ! Вотъ уже болѣе недѣли, какъ я здѣсь, и все ъезжаю съ визитами. Отъ Государя ни слова. Императрица Марія не рѣдко говорить объ мнѣ съ другими, какъ мнѣ сказываютъ. Что будеть далѣе, не знаю; но знаю, что 10 Марта (если не прежде) возьму подорожную, чтобы ъхать къ вамъ назадъ и болѣе не заглядывать въ Петербургъ, хотя не могу довольно нахвалиться ласками здѣшнихъ господъ и пріятелей. Обѣдъ за обѣдомъ; зовутъ и на вечеръ; пишутъ обязательныя записки; однимъ словомъ купаюсь какъ сыръ въ маслѣ!! Пріятельница г-жи Сталь, наша графиня Лаваль³⁾, поетъ мнѣ комплименты какъ Сирена. Я отъ роду не живаль такъ: вообрази, что съ 11 часовъ скачу съ визитами! И хорошо дѣлаю: это лучшее разсѣяніе; почти не затворяю рта и не имѣю времени грустить. На страницѣ едва ли упишу имена тѣхъ, которые велѣли мнѣувѣрить тебя въ любви или въ почтеніи; упомяну однакожъ и о доброй Огаревой, Лобановыхъ, Растопчиныхъ, Румянцевѣ и старомъ пріятелѣ Пестелѣ⁴⁾.

¹⁾ Велик. Кн. Анны Павловны съ принцемъ Оранскимъ въ послѣдствіи королемъ Нидерландскимъ. П. Б.

²⁾ Кушникову. П. Б.

³⁾ Внука очень умнаго и образованнаго человѣка, статс-скретаря Екатерины Великой Г. И. Козицкаго. П. Б.

⁴⁾ Долго служившемъ въ должностіи Московскаго почтъ-директора. П. Б.

Однакоже знай, что нашелся одинъ человѣкъ, старой знакомець, которой принялъ весьма холодно, и объявилъ, что ему извѣстенъ мой образъ мыслей, *contraire aux idées libérales*¹⁾, то есть, образу мыслей Фуше, Карно, Грегуара. Онъ думаетъ, что мнѣ лучше печатать свою Исторію въ Москвѣ, и я съ нимъ согласился; это между нами. Живу у добродушной Катерины Федоровны какъ дома, и только нынѣшній день въ первый разъ буду у нея обѣдать. Скажи другу Ивану Ивановичу, что даже и Лазаревичъ Армянинъ звалъ меня на обѣдь, на которой однакожъ не поѣду, не будучи ни случайнымъ, ни обжорою. Скоро наши любезные Малиновскіе отправятся въ Москву; они поговорять съ тобою обо мнѣ. Алексѣй Федоровичъ получить пѣчать въ знакъ благоволенія. Съ княземъ Петромъ иногда вмѣстѣ обѣдаемъ. Въ Москвѣ будетъ новой почтѣ-директоръ²⁾; мнѣ жаль Д. П. Руническаго, которому слѣдовало бы имѣть это мѣсто. Здѣсь теперь все занято праздниками авось скоро узнаю что нибудь рѣшительное въ разсужденіи моей Исторіи. Доселѣ не сержусь и такъ спокоенъ, какъ младенецъ. Что-то наши младенцы? .... Судьба наша зависитъ отъ Бога: слѣдственно въ хорошихъ рукахъ.

4.

С.-Петербургъ, 14 Февраля 1816.

..... Третьяго дня былъ я на маленькомъ дѣтскомъ балѣ у гр. Толстаго и чуть не залился слезами, смотря на малютокъ и матерей ихъ. Богъ да хранитъ насть! Поговоримъ о Петербургѣ.

Я видѣлъ Императора, но только видѣлъ. Вчера вдовствующая Императрица прислала звать меня на свой блестящій балъ, какъ увидишь изъ приложенной записки. Она раза три говорила со мною; предлагала мнѣ играть въ карты и замѣтила, когда я, до крайности утомленный, въ 12 часовъ уѣхалъ. Милость ея любезна. Вчерась же по утру сказали мнѣ именемъ Государя, что онъ послѣ праздниковъ пришлетъ за мною, и прибавили отъ себя, что всякое мое справедливое желаніе безъ сомнѣнія будетъ имъ исполнено. Болѣе ничего не знаю. Государыня Елизавета Алексѣевна изъявила намѣреніе принять меня безъ чиновъ на сихъ дняхъ и слушать мою Исторію. Я любовался вчера всею Императорскою фамиліею и тѣмъ пріятнѣе, что они всѣ, какъ мнѣ сказывали, милостиво отзываются о твоемъ другѣ; всѣ, кроме самого Государя, о расположениіи которого не имѣю никакого понятія. Не хочу угадывать. C'est avec intérêt que je l'ai vu entrer

¹⁾ Противный свободолюбивымъ мыслямъ.

²⁾ Рушковскій, замѣнившій К. Я. Булгакова. II. Б.

dans la salle, conduisant sa mère; je l'ai fixé bien des fois et pensé: je t'admire et je voudrais t'aimer beaucoup! Il a une belle physionomie¹). Изъ новыхъ примѣчательныхъ знакомствъ наименую тебѣ Капо д'Истріа; онъ въ большой довѣренности и показался мнѣ любезнымъ, откровеннымъ, такъ что князь А. Н. Голицынъ, познакомивъ насъ, черезъ 10 минутъ замѣтилъ съ шуткою, что мы уже говоримъ какъ старые знакомцы. Можетъ быть, я еще съ нимъ увижу и дѣйствительно короче познакомлюсь. Вообще, не обижая Москвы, нахожу здѣсь болѣе умныхъ, пріятныхъ людей, съ которыми можно говорить о моихъ любимыхъ матеріалахъ.... Румянцевы рады ежедневно быть со мною. Нынѣшній день буду у Державина обѣдать со всѣми моими смѣшными непріятелями и скажу имъ: если единъ посредѣ васъ и не устрашуся! Видѣлъ во дворцѣ и К.....²); вѣроятно, что онъ вымышляетъ какіе-нибудь новые доносы и лжетъ по обыкновенію. Шишковъ честенъ и учтивъ, но тупъ. Собираюсь на первой недѣлѣ осмотрѣть Эрмитажъ, Казанскую церковь, Библіотеку и проч., хотя неизвѣстность еще беспокоитъ меня. Повторяю, что 10 Марта надѣюсь сидѣть въ кабинетѣ. Жить у милой доброй Катерины Федоровны есть для меня величайшая выгода: это сестра родная. Жду брата Федора. Булгаковъ почтѣ-директоръ въ Москвѣ. Пошли, милая, мамушкина мужа поздравить Д. П. Рунича съ полученіемъ чина... Я совершенно здоровъ и даже сплю хорошо отъ усталости. Этотъ родъ жизни однакожъ можетъ сдѣлаться тяжелымъ à la longue³).

5.

Петербургъ, 18 Февраля 1816.

.....Государь, какъ ты знаешь, обѣщался позвать меня въ кабинетъ послѣ праздниковъ. Черезъ два дня посты, но говѣніе опять можетъ быть препятствиемъ. Увидимъ. Добрые люди на всякой случай даютъ мнѣ мысль продать свою Исторію тысячу за сто, то есть, если не увижу Государя еще недѣли три, или казна не выдастъ мнѣ денегъ для ея печатанія. Покупщикъ, можетъ быть, найдется; но согласно ли это съ достоинствомъ Россійской Имперіи и съ честію исторіографства? Между тѣмъ мнѣ щастіе въ Императрицахъ и въ публикѣ: первыя милостиво говорять обо мнѣ, съ кѣмъ могутъ. Елизавета Алексѣвна разспрашивала у графа Растворчива о тебѣ, о твоей наружности

¹) Съ любопытствомъ глядѣлъ я на него, когда онъ вѣлъ въ залу свою мать; несолько разъ вперялъ я въ него глаза и думалъ: восхищаюсь тобою и хотѣлъ бы очень тебя любить! У него прекрасная наружность.

²) Павла Ивановны Кутузова. П. Б.

³) Продолжаясь.

и душъ, и сказала: *Eh bien, je crois la voir* (по словамъ графа). Великая Княгиня (по его же словамъ) сказала ему: *notre historiographe court la ville, mais pourquoi est-ce qu'on le sajole?* онъ отвѣчалъ: *c'est qu'il est le suisse de l'immortalit *. Она засмѣялась, и послѣ съ важностью промолвила: *je voudrais pourtant que cela fut d jà fini¹⁾*). Вчера былъ у меня еще посолъ отъ В. К. Маріи Павловны, Глинка, кавалеръ при Великихъ Князьяхъ, и звалъ меня къ ней. Всѣми здѣшними не могу нахвалиться. Будущіе обѣды, записанные въ моей книжкѣ, идутъ уже до Воскресенія второй недѣли поста: суди, любять ли здѣсь гостепріимство! На сихъ дняхъ пойду въ гости и къ Англійскому Клубу: директоры приглашаютъ меня. Я не хотѣлъ и не думалъ быть на праздникахъ; однакожъ, какъ тебѣ известно, былъ на балу у Императрицы, а нынѣшній день буду въ маскарадѣ Таврическаго дворца, потому что, едва ли не по приказанію Государеву, доставленъ мнѣ билетъ чрезъ кн. А. Н. Голицына, и потому что Императоръ весьма занимается симъ праздникомъ, такъ что знатную часть вчерашняго утра провелъ въ Таврическомъ дворцѣ, все самъ учредилъ и проч. Какъ не Ѹхать къ такому добруму хозяину, когда онъ зоветъ! Гостей будетъ около 3000, а отставныхъ только 60; тремъ стамъ, большею частію класснымъ, не дали билетовъ. Вотъ подробности самыя исторіографическія, по крайней мѣрѣ историческія! Но милая жена моя всему рада отъ мужа, видя, что онъ здоровъ и почти весель. Дай Богъ, чтобы я не былъ въ худшемъ расположениі: тогда выѣду изъ Петербурга съ искреннею признательностію. Чтѣ касается собственно до города, то онъ удивительно прекрасенъ: въ Европѣ нѣть другова Петербурга. Постъ начну осмотромъ Эрмитажа и Казанской. Мало, что я мыкаюсь съ обѣда до полуночи: всякое утро бывають у меня люди, и пріятели, и новыя лица. Скажи Ивану Ивановичу, что нашъ велемудрый законодатель Розенкампфъ, столь ему известный, самъ явился ко мнѣ для знакомства и былъ привѣтливъ до крайности. Съ Румянцевыми живу душа въ душу: слава ихъ отца и собственныхъ ихъ достоинства вселили въ меня искреннюю любовь къ нимъ, хотя мы отчасти и разныхъ системъ. Измѣниль мнѣ только одинъ человѣкъ: бѣдной! А какъ здѣсь пишутъ о тарифѣ, какъ врутъ, какъ хотятъ обманывать Государя! Славный мой обѣдъ съ непріятелями не былъ для нихъ весель: всѣ сидѣли нахмурясь, хотя я и старался забавлять ихъ грамматикою, синтаксисомъ, этимологіей. Добрый старикъ Держа-

¹⁾ Я думаю, что ее увижу.—Нашъ исторіографъ разѣзжаетъ по городу; но почему его ласкаютъ? Потому что онъ проводникъ къ бессмертію.—Однако я желала бы, чтобы это кончилось.

винъ вздумалъ было произвести меня въ члены Россійской Шишковской Академіи; но я сказалъ ему, что до конца моей жизни не назовусь членомъ никакой Академіи и не буду ни въ какомъ такъ называемомъ ученомъ обществѣ. Даже и К.... обѣдалъ съ нами; онъ въ волненіи духа и спрашивалъ у меня, когда уѣду въ Москву? Онъ вѣрно не безъ страха, и мнѣ почти хотѣлось бы успокоить его: вотъ казнь злобы душевной мерзости! Не знаю, кто больше обрадуется: ты ли моему прїезду, или онъ моему отъѣзду! Къ вамъ ѿдетъ новый почтъ-директоръ: можешь въ случаѣ нужды адресоваться къ нему; мы съ нимъ познакомились. Милая хозяйка моя не измѣняется въ своихъ ласкахъ: всего чаще говорю съ нею о тебѣ. Вотъ истинная жена Михайла Никитича! Не могъ я выбрать лучшаго жилища, и это украсило для меня Петербургъ. Съ княземъ Петромъ только иногда обѣдаемъ вмѣстѣ, за исключеніемъ одного вечера, который онъ до втораго часа ночи провелъ у меня съ нашими молодыми пріятелями. Онъ на всѣхъ балахъ, однакожъ, по его словамъ, не очень веселится; я умѣреннѣе въ своихъ требованіяхъ и потому веселюсь, пою какъ соловей!...

6.

С. Петербургъ, 22 Февраля 1816.

.....Неизвѣстность, для тебя и для меня огорчительная, не продолжится болѣе двухъ недѣль: еще повторяю, что около 10 Марта съѣзжу къ оберъ-гофмейстеру и скажу ему, что я, оставивъ въ Москвѣ жену и дѣтей, прошу позволенія ѿхать къ нимъ обратно. Не можешь вообразить, какъ я по милости Божіей спокоенъ въ душѣ и выше элементовъ придворныхъ! Не хочу презирать себя: *c'est tout dire, et tu me comprends*¹⁾. Не сдѣлаю ничего непристойнаго; знаю отношенія подданнаго къ Государю и долгъ нашего къ нему благоговѣнія. Государь и вся Императорская фамилія были заняты праздниками, теперь заняты говѣніемъ и молитвою, на второй недѣльѣ будуть заняты прощеніемъ съ великою княгинею, а въ половинѣ третьей я уже займусь своимъ отъѣздомъ въ Москву; мѣра терпѣнія моего исполнится. *J'ai assez bien vu les choses, étant encore à Moscou; j'ai fait ce que j'ai dû faire et je ferai ce que dois faire; ton ami sait ce qu'il doit à son souverain, mais il sait aussi ce qu'il doit à sa propre dignit  morale. Mais parlons un peu de mon s jour à P tersbourg*²⁾. Я писалъ къ тебѣ о ма-

¹⁾ Тутъ все сказано, и ты меня понимаешь.

²⁾ Вѣдѣль я довольно, еще живучи въ Москвѣ. Я дѣлалъ что долженъ быть дѣлать, и стану дѣлать, что мнѣ должно дѣлать. Твой другъ знаетъ свой долгъ къ своему Государю, но знаетъ онъ свой долгъ и къ собственному нравственному достоинству. Поговоримъ немножко о моемъ пребываніи въ Петербургѣ.

скарадѣ: онъ былъ самымъ царскимъ праздникомъ; никогда не видаль я такого феерверка и столь великолѣпной огромностю и освѣщеніемъ залы: около трехъ тысячи людей не тѣснились въ ней. Но если многіе изъ бывшихъ тамъ веселились, то многіе и досадуютъ, не получивъ билетовъ. Мужъ твой сдѣлался здѣсь героемъ: въ одномъ маскарадномъ платьѣ (графа Румянцева) и въ башмакахъ ходилъ по холоднымъ коридорамъ, два часа сидѣлъ въ холодной комнатѣ, чтобы смотрѣть феерверка, и послѣ, вышедши въ поту изъ огромной залы опять въ холодная сѣни, нимало не простудился! Кареты не ждалъ ни двухъ минутъ, потому что уѣхали рано, въ 11 часовъ, пить чай и ужинать къ хозяїкѣ. Ты, милая, требуешь отъ меня журнала: и такъ знай, что въ Субботу обѣдалъ я у Полторацкаго, часть вечера былъ у брата Федора и добрыхъ, любезныхъ племянницъ, которая отъ тебя безъ памяти; другую часть вечера провелъ у княгини Александры Петровны Голицыной¹⁾, а въ 12 часу ночи отправился на большой балъ къ графинѣ Лаваль, гдѣ начинали только сѣзжаться; въ первомъ часу уѣхали и на крыльца встрѣтилъ лорда Каткарта, пріѣхавшаго на балъ съ своимъ семействомъ. Видишь, какъ здѣсь не перенимаютъ новой моды ложиться рано. Въ Воскресеніе обѣдъ у Олениныхъ. Они ко мнѣ, очень ласковы, хотя и новые знакомые, такъ что, проболтавъ у нихъ до 8 часовъ, я уже не захотѣлъ никудаѣхать; заѣхалъ только къ брату Федору и спѣшилъ домой на постелю, чтобы отдохнуть. Сплю вообще хорошо и Ѳмъ за двоихъ; надѣюсь, что не похудѣю. Въ Понедѣльникъ обѣдъ у доброго Столыпина²⁾, и самой пріятельской, а вечеръ у Раѣопчина; во Вторникъ, нынѣ, обѣдаю у нашего законодателя Розенкампфа, а вечеръ у канцлера и Козодавлева, какъ думаю. У Лобановыхъ обѣдалъ: они всегда говорятъ о тебѣ съ любовію. У Нелединскихъ я уже не былъ дней шесть; они какъ-то слишкомъ заняты собственнымъ и не всегда привѣтливы; иное дѣло князь Василій: это братъ, хотя и съ нимъ вижусь рѣдко; Мордвиновъ все такъ же добродушенъ и здѣсь очень не въ модѣ; а Муромцевъ, по старому, спорить и любить; Авдотья же Селиверстовна ласкаетъ и плачетъ. Нашъ князь Алексѣй Щербатовъ заѣжалъ ко мнѣ раза два: видѣлся со мною только на балѣ, въ маскарадѣ, и кончитъ, думаю, тѣмъ что женится. У Мятлевыхъ я былъ и не засталъ ихъ; буду еще; они зовутъ меня. Ты, милая, хочешь знать, кто со мною всѣхъ сердечнѣе, ласковѣе: добрая хозяйка, Малиновскіе, Арзамасское общество нашихъ молодыхъ литераторовъ, Румянцевы, Огаревы, Оленины, Полторацкіе: но со всѣми

¹⁾ Это сестра графини Раѣопчиной и другъ ея мужа. П. Б.

²⁾ Аркадія Алексѣевича, женатаго на дочери адмирала Мордвинова. П. Б.

вижуясь рѣдко, ибо вижу многихъ и не умѣю отказываться отъ обѣдовъ. Вообще всѣ хороши со мною; не только зовутъ, но иѣздятъ ко мнѣ по утрамъ, такъ что всякое утро принимаю человѣкъ пять; являются и незнакомые. Не могу похвальиться дружбою великой княгини: она мнѣ только съ ласкою кланялась во дворцѣ; говоритъ, что занимается моимъ дѣломъ; хочетъ звать меня къ себѣ и не зоветъ. Богъ съ нею и со всѣми! Ничего не требую и доволенъ. Вчера осматривалъ я Эрмитажъ: сколько прекраснаго! Строки твои о любезной Катеринѣ Федоровнѣ заставили плакать и меня и ее: достойная жена покойника! Милой Андрюша! Какъ хорошо умѣла ты описать движение его маленькаго сердца! Нѣжно, нѣжно поцѣлуй за меня всѣхъ дѣтей, не забывая и Саши тихаго. Спасибо дочерямъ за ихъ посланія. Катенька требуетъ особенныхъ отъ меня писемъ: это разсмѣшило меня.—Ты хочешь знать мой туалетъ: распудренъ, причесанъ славно за 30 рублей въ мѣсяцъ, большею частію въ черномъ фракѣ, въ башмакахъ, и хоть куда: находять, что я не такъ старъ. Дай Богъ, чтобы ты по возвращенію тоже обо мнѣ сказала! Обнимаю друга Ивана Ивановича, Сергѣя Сергѣевича, князя Андрея Петровича, и всѣхъ кто тебя посещаетъ; въ особенности почтенаго П. И. Приклонскаго и князя Ивана. Съ любовью цѣлую руку у доброй княгини Вѣры¹), у К. А. Рябининой и графини Паниной. Скоро будутъ къ вамъ Малиновскіе съ перстнемъ и съ рескриптомъ, а я можетъ быть ни съ чѣмъ, но безъ зависти и съ благодарностью къ Богу, если Онъ сохранитъ тебя, милая, и нашихъ остальныхъ дѣтей. Благодари Бога и радуйся: потому что я здоровъ и спокоенъ, это главное; а къ тому еще уважаютъ меня....

7.

С. Петербургъ, 24 и 25 Февраля 1816.

.....Уже три недѣли я здѣсь и теряю время на суету: не подвигаюсь впередъ, и дѣйствительно имѣю нужду въ терпѣніи. Почти ежедневно слышу, и въ особенности черезъ великую княгиню, что Государь благорасположенъ принять меня—и все только слышу. Видишь, какъ трудно войти въ святилище его кабинета! Вчера графъ Капо д'Истріа (сидѣвшій у меня три часа) въ утѣшениѣ говорилъ мнѣ, что Государь во все это время еще никого не принималъ у себя въ кабинетѣ: слѣдственно надобно ждать! Ты, милая, заставила меня посмѣяться надъ тобою, сказавъ, что я вѣрно не употребляю всѣхъ способовъ отвѣтиться поскорѣе: дѣйствительно жду только, и болѣе ничего не дѣлаю; но для того, что дѣлать нечего. Государь не можетъ забыть,

¹) Княгини Вѣры Федоровны Вяземской. П. Б.

что исторіографъ здѣсь: ибо самъ, какъ мнѣ сказывали, говорить обо мнѣ; а принудить его никто безъ сомнѣнія не возмется..... Буду молчать до третьей недѣли поста; а тамъ скажу, что пора мнѣ домой, какъ я уже писаль къ тебѣ. Государь причиною того, что не вижу и милостивыхъ, любезныхъ Императрицъ, ни великихъ княгинь. Скажу тебѣ нѣсколько словъ о вельможѣ¹⁾). Вчера входить ко мнѣ ординарецъ его, съ запискою отъ адъютанта, что графъ ждетъ меня въ 6 часовъ вечера. Догадываюсь и отвѣчаю, что не я, а братъ мой Федоръ, старинной сослуживецъ графа, былъ у него наканунѣ, не имѣвъ щастія видѣть его. Адъютантъ извиняется весьма учтиво и пишетъ, что онъ дѣйствительно ошибся, и что графъ ждетъ брата. Братъ является, и графъ съ низкимъ поклономъ говоритъ ему: „радуюсь слушаю познакомиться съ такимъ ученымъ человѣкомъ, тѣмъ болѣе, что я былъ нѣкогда пріятелемъ вашего братца“. Федоръ Михайловичъ отвѣчаетъ: „Ваше сіятельство! Я не исторіографъ, а самой вашѣ старинной знакомецъ!“ Слѣдуютъ обѣятія, ласки. Открылось, что графъ ждалъ исторіографа, узнавъ, что прѣѣжалъ къ нему Карамзинъ. Но могъ ли я, имѣя извѣстный тебѣ характеръ, ѿхать къ незнакомому мнѣ фавориту? Это было бы нахально и глупо съ моей стороны. Однакожъ этотъ случай ставить меня въ непріятное положеніе: другъ Государевъ уже обѣявилъ свое расположеніе принять меня учтиво и обязательнно: если не буду у него, то не покажусь ли ему грубіяномъ? А если буду, то не заключать ли, что я пролазъ и подлой искатель? Лучше, кажется, не ѿхать. Пусть вельможа несправедливо сочтетъ меня грубіяномъ. Такъ ли думаешь, милая? Вотъ росписаніе моихъ обѣдовъ: во Вторникъ у Розенкампфа со всею законодательною комиссіею и съ его довольно-любезною женою, qui a un assez joli ton²). Много разсужденій о сочиненіи законовъ, и проч. Я сказалъ имъ: Messieurs, le public vous accuse; vous avez eu l'air d'errer beaucoup; vous visitiez la lune sans vous donner la peine de bien connoître la Russie³). Оправдывались и не убѣждали меня. Вечеръ у канцлера. Въ Середу обѣдъ у графа Сергія Петровича съ кн. Петромъ; нѣсколько визитовъ и вечеръ съ Арзамасскимъ обществомъ. Въ Четвертокъ обѣдъ у графа Винценгероде, нѣсколько визитовъ и пріятной вечеръ дома съ графомъ Капо д'Истріа, кн. Алексѣемъ Щербатовымъ, еще нѣкоторыми и Арзамасцами. Люблю перваго: онъ уменъ и кажется основательнымъ, franc et discret en m me temps, ce qui prouve qu'il a beaucoup d'esprit. Мало, что ѿзжу: у

1) Т. е. обѣ Аракчеевѣ. П. Б.

2) Съ довольною милою повадкою.

3) Господа, публика васъ обвиняетъ; вы, повидимому, много хлопотали, вы шутешествовали на луну, не давъ себѣ труда узнать хорошо Россію.

меня бываетъ довольно людей; je suis presque à la mode. Кормятъ меня все сладкими закусками, но мой естественный вкусъ требуетъ жены и дѣтей, которыхъ далъ мнѣ Богъ. Je commence un peu à me fatiguer, quoique je ne me gêne pas beaucoup et conserve ma franchise ordinaire¹). Ты хочешь знать, что сдѣлалъ для меня графъ Петръ Александровичъ: познакомилъ съ братомъ своимъ, оберъ-гофмаршаломъ, и говорилъ, кажется, съ Императоромъ, давая мнѣ чувствовать, что трудъ мой не останется безъ всемилостивѣйшаго вниманія. У друга твоего нѣть покровителей: разумѣешь меня. Hélas! j'ai déjà peu de temps à vivre: changerais-je de caractère? Je ne suis rien aux yeux de mon Dieu; mais les hommes ne me feront pas baisser les yeux²)! Молись Богу, милая, чтобы Онъ сохранилъ насть другъ для друга и для дѣтей еще по крайней мѣрѣ на нѣсколько лѣтъ. И это можетъ быть слабость; но я не стыжусь ее передъ Всевидящемъ. У Ланской буду и не премину исполнить волю нашего друга во всей полнотѣ ея.... Выѣзжай, милая, принимай и менѣе грусти, а болѣе молись. Пиши, повторяй, сказывай, что съ тобою бываетъ всякой день. Не обочту тебя, милая, днями: авось 10-го выѣду, а къ 15 у тебя. Обѣты наши часто бываютъ безполезны; но думаю, что мы уже не разстанемся, когда соединимся.

Ты, любезная, виновата, если наши Московскіе друзья и пріятели недовольны моимъ молчаниемъ: для чего всѣмъ имъ не кланяешься отъ меня? Разумѣется, что я ихъ не могу забыть. Всѣхъ, всѣхъ обнимаю; у другихъ цѣлую руку. Напомню тебѣ, что не надобно оглашать нѣкоторыхъ подробностей въ моихъ письмахъ. Печешься ли ты о моемъ конѣ? Водятъ ли его къ Шульцу? Князь Яковъ Ивановичъ Лобановъ сдѣланъ членомъ Совѣта. Вчера былъ у меня кн. Дмитрій Ивановичъ, твой обожатель. Пестель также членъ Совѣта; онъ кажется угадываетъ меня, а я знаю его. Nous avons été parfaitement bien, mais il te néglige depuis 10 jours. Adieu, chère et douce amie³).

11 часовъ утра.

Мнѣ часто не даютъ писать, а отказывать не могу: видеть что я дома по каретѣ; не хочу быть грубымъ и неблагодарнымъ.... Benis les enfans pour moi: je compte sur ta bénédiction plus sur la mienne.

¹) Воленъ и въ это же время скроменъ, что доказывается, что онъ уменъ. Я почти что въ модѣ.—Начинаю немного утомляться, хотя не стѣсняю себя особенно и берегу мою обыкновенную свободу.

²) Увы! мнѣ осталось уже недолго жить, перемѣняюсь я въ моемъ нравѣ! Я ничто въ глазахъ моего Бога, но люди не заставлять меня опускать глаза.

³) Мы были въ отличныхъ отношеніяхъ; но дней съ десять, какъ онъ считаетъ меня ни во что. Прости, милый и нѣжный другъ.

Ne sois pas fière de mes succès: prie Dieu et attends moi. Je te reviendrai plus que jamais dégoûté du monde¹)!....

8.

С.-Петербургъ, 28 Февраля 1816.

....Будемъ вмѣстѣ призывать имя нашего Отца Небеснаго. Онъ къ намъ добръ, потому что хранить насть еще другъ для друга. Пожалуй, милая, пиши ко мнѣ подробно о всякомъ днѣ своемъ: письма твои столь же любопытны для меня, какъ мои для тебя, хотя въ Москвѣ и нѣть Двора. О себѣ скажу, что мое положеніе не перемѣнилось: къ Императору не зовутъ меня, и даже великой княгини не вижу. Почти желаю, чтобы она уѣхала въ Четвергъ, не простишись со мною: мнѣ будетъ легче или такъ же легко какъ и теперь. Нынѣшній день былъ я у великой княгини Маріи²). Она очень миловидна, ласкова, любезна. O принцѣ не скажу ни слова³). A sa demande, si je passois bien mon tems à Pétersbourg, je lui ai répondu: Madame, j'en suis enchanté; on me traite parfaitement bien ici; mais séparé de ma famille chérie, je perds et mon tems et ma santé à Pétersbourg, car j'y mène une vie à laquelle je ne suis nullement accoutumé: je ne fais rien et je cours toute la journée. Она: Mais l'Empereur est si occupé! Un Empereur de Russie est toujours occupé et voit pourtant ceux qu'il veut voir. Dans 8 jours je demanderai la permission de repartir pour Moscou⁴). Она не заставила меня ждать ни минуты, хотя я пріѣхалъ ранѣе назначенаго времени. Прощаясь звала меня опять къ себѣ, а я отвѣчалъ: j'attendrai vos ordres⁴). Завтра отправляюсь къ вел. княгинѣ Аннѣ Павловнѣ въ 11 часовъ утра; вѣроятно и ею буду доволенъ. Впрочемъ я всѣми доволенъ, не смотря на сплетни, и вотъ какія. Ге-

¹) Благословлій дѣтей за меня, твое благословеніе считаю я выше моего. Не гордись моими успѣхами. Молись Богу и жди меня. Возвращусь къ тебѣ, наскучивъ свѣтомъ больше, нежели когда нибудь.

²) Павловны, пріѣзжавшей на вторичную свадьбу сестры своей Екатерины. П. Б.

²) Эта прицѣлъ былъ человѣкъ ограниченный. Мать четырехъ внучекъ Екатерины Великой не безъ расчета выбирала имъ въ супруги людей слабой воли, дабы онѣ могли надѣяться на властвование, до чего допускала се супругъ ея только въ началѣ своего царствованія, ознаменованного Суворовскимъ походомъ, одинимъ изъ послѣдствій котораго было нашествие на Россію Французовъ въ 1807 и въ 1812 годахъ П. Б.

³) Когда она меня спросила, какъ мнѣ живется въ Петербургѣ, я ей отвѣчалъ: государыня, я въ восхищениі отъ здѣшней жизни; здѣсь со мною обходятся отлично, но, будучи разлученъ съ мою милою семьею, теряю и время и здоровье въ Петербургѣ, такъ какъ веду здѣсь жизнь, къ которой вовсе не привыкъ. Я ничего не дѣлаю и цѣлый день на ногахъ. Она: „но Государь такъ занятъ!“ Я: „Русскій Государь всегда занятъ, и однако видѣть тѣхъ, кого хочетъ видѣть. Черезъ 8 дней я попрошу позволенія уѣхать на задъ въ Москву.—⁴) Стану ждать вашихъ приказаний.

нераль Писаревъ *), котораго знаешь, пріятель графа Аракчеева и генераль-адъютанта Сипягина (какъ мнѣ объявили) разсказывалъ за секретъ въ одномъ домѣ, что Государь, услышавъ о шестидесяти тысячахъ, коихъ должна стоить казнѣ моя Исторія, сказалъ: „какой вздоръ! дамъ ли я такую сумму?“ Вѣришь ли? Я вѣрю и не вѣрю. Это не сдѣлало во мнѣ сильного впечатлѣнія, ибо я уже рѣшился не говорить объ Исторіи, везти ее назадъ, спрятать до иныхъ временъ и надписать надъ манускриптомъ: à l'usage de mes enfants et de la postérité ⁵). Сдѣлай милость, любезнѣйшая, не говори объ этомъ никому. Скажи любопытнымъ, что надѣюсь выѣхать изъ Петербурга около 10 Марта, и что я, какъ и правда, весьма доволенъ Петербургомъ. Въ самомъ дѣлѣ, меня все ласкаютъ: чего болѣе? По милости Бога мы не умремъ съ голоду и безъ Исторіи; c'est un bonheur que de n'y plus penser: nous serons libres. Je supporterai avec patience toutes les bêtises de notre chère Moscou. Pétersbourg est une belle ville; j'y ai vu quelques gens d'esprit; mais il m'est plus doux d'être au sein de ma famille, dusse-je tous les jours aller moi-même au marché pour y acheter mon bois. Je suis très tranquille et je me porte à merveille: rends grace au Ciel.

J'ai dû ces jours-ci chez ma bonne Катерина Федоровна, chez le comte Пушкинъ ⁶) (гдѣ все объ тебѣ говорили), у Полторацкаго и Державина; былъ по вечерамъ у канцлера, Оленина, Козодавлева, Растворчина, Голицыной. Завтра обѣдаю съ шестью или семью избранными, Куракинъмъ, Кочубеемъ, можетъ быть и Аркадьевымъ, у графа Николая Петровича Румянцева. Amie chère, tu dis que mes lettres sont trop peu détaillées et sont écrites trop à la hâte: s'est vrai, mais je suis trop impatient de retourner à Moscou, j'attache trop peu d'importance à ce que je vois, à ce que j'entends, surtout depuis quelques jours. Oh! quant aux dîners, quant aux honnetétés, j'en aurois encore pour quelques semaines au moins. Dis à notre ami, que j'ai eu le plaisir d'être chez l'aimable м-me Lanskoy et que je suis resté chez elle depuis 9 heures du soir jusqu'à 11^{1/2}. Quant à son amie Наталья Яковлевна, je l'aime beaucoup; elle a aussi l'air de m'aimer. En sortant de chez la grande-duchesse, j'ai passé une heure chez cette bien aimable dame: nous causions à merveille ⁷). Здѣсь изъ мушинъ всѣхъ любезнѣе

^{*}) Позднѣе попечитель Московскаго учебнаго округа. П. Б.

⁵) Для моихъ дѣтей и для потомства

⁶) Счастье: больше объ этомъ не думать. Мы будемъ свободны. Я терпѣливо буду сносить всѣ дурачества нашей милой Москвы. Петербургъ прекрасный городъ; я видѣлъ въ немъ нѣсколько умныхъ людей, но мнѣ пріятѣе находиться въ средѣ моей семьи, если бы даже пришлось ежедневно самому ходить на рынокъ и покупать тамъ дрова. Я весьма спокоенъ и чувствую себя какъ нельзя лучше: поблагодари Небо. Эти дни я обѣдалъ у моей доброй Катерины Федоровны, у графа Пушкина. ⁷⁾ Милый другъ,

для меня Арзамасцы: вотъ истинная Русская Академія, составленная изъ молодыхъ людей умныхъ и съ талантомъ. Жаль, что они не въ Москвѣ или не въ Арзамасѣ. Я не спѣшу ѿхать къ графу Капо д'Истria и уже недѣли двѣ не видалъ князя Голицына: слѣдственно Плюскова ошиблась, и я не придворный. Вообрази, что я по сіе время не могу собраться на вечеръ къ князю Лопухину, который звалъ меня убѣдительно; je suis presque barbare. Chasse P  tersbourg et la cour de tes id  es; n'y vois que ton ami qui n'aspire qu'  retourner aupr s de toi; oublie jusqu'  mon Histoire m me. Revenu   Moscou, je continuerai pourtant cet ouvrage: il appartient   mes enfans et   ma patrie. Vive le travail! En attendant je t' crirai ce qui m'arrivera encore. Je pr vois un cas p nible: si l'Empererent ne r pond rien   ma demande de retourner   Moscou, prendrois-je cela pour une permission? J'esp re que tout sera plus clair dans 8 ou 10 jours d'ici. Je ne veux pas  tre fou et ne veux rien pr cipiter, mais je me sens plus fier que jamais apr s avoir respir  l'air de P  tersbourg! ⁹).

9.

Вторникъ, 29 Февраля, 9 часовъ утра.

Здравствуй, милая! Собираясь ѿхать во дворецъ, хочу написать къ тебѣ сице нѣсколько строкъ. Я уже успѣлъ пройти пѣшкомъ версты четыре, и хотя вчера возвратился домой отъ Растопчина въ 12 часовъ, но не могъ спать долѣе 7 часовъ. Тамъ, сверхъ многихъ дамъ, была Свѣчина, женщина умная и католичка; она учтивостями и ласками хотѣла обвязать меня до крайности. Надобно быть у нея, чтобы поговорить о религії. Такой же разговоръ ожидаетъ меня у графа Местра,

---

ты говоришь, что въ моихъ письмахъ слишкомъ мало подробностей и что они писаны слишкомъ наспѣхъ. Это правда, но я слишкомъ нетерпѣливо желаю возвратиться въ Москву, придаю слишкомъ мало значенія тому, что вижу, тому, что слышу, особенно съ нѣкоторыхъ поръ. А чтѣдо обѣдовъ и почестей, то ихъ у меня по крайней мѣрѣ на нѣсколько недѣль. Скажи нашему другу, что я имѣлъ удовольствіе быть у любезной госпожи Ланской и что остался у нея съ 9 час. вечера до 11^{1/2} ч. Чтѣдо касается до его друга Натальи Яковлевны, я ее очень люблю; кажется и она меня любить. Уходя отъ великой княгини, я провелъ часть у этой любезнѣйшей особы; мы отлично побесѣдовали. ⁸⁾ Я почти что варваръ. Гони изъ головы Петербургъ и дворъ и знай въ нихъ только твоего друга, который жаждетъ возвратиться къ тебѣ; позабудь даже и мою Исторію; по возвращеніи въ Москву я стану продолжать этотъ трудъ: онъ принадлежитъ моимъ дѣтямъ и моей родинѣ. Да здравствуетъ работа! Покамѣстъ буду писать тебѣ то, что со мной случится. Предвижу горестный случай: а ну, какъ Государь не дастъ никакого отвѣта на мою просьбу возвратиться въ Москву? Принимать ли мнѣ это за позволеніе? Надѣюсь, что все это разъяснится въ слѣдующіе 8 или 10 дней. Не желаю слушать, не желаю ничего утѣшать, но болѣе чѣмъ когда либо чувствую въ себѣ гордыню, подышавъ Петербургскимъ воздухомъ.

37*

министра; но по сіе время не собрался къ нему. Знаешь, какъ не умѣю располагать временемъ. Писаревъ, можетъ быть, согаль, а вчера другой человѣкъ опять за тайну объявилъ мнѣ, что меня сдѣлаютъ каммеръ-геромъ! Не говори объ этомъ. Увидимъ, кто правъ. Здѣсь многіе сильно огорчены указомъ о строгомъ взысканіи недоимокъ, которыя простираются до 35 миллионовъ. Около 200 т. душъ, находящихся въ казенномъ залогѣ, могутъ быть проданы съ публичнаго торгу. Пестель остается повидимому генералъ-губернаторомъ; его ненавидятъ всѣ вообще. Жалѣю объ немъ и предвижу, что ему со временемъ могутъ встрѣтиться не-пріятности. Il est difficile de lutter contre l'opinion publique⁹). Прилагаю письмо Ланской къ Ивану Ивановичу. У нихъ война болѣе за Плюскову, нежели за меня. Въ изъясненіе моего непредставленія Государю еще прибавлю, что принцъ Ольденбургскій уже давно добивается аудіенціи въ Кабинетъ и напрасно....

10.

1 марта 1816 г.

Милый другъ! Свѣтлѣйшій князь Петръ Васильевичъ Лопухинъ хочетъ непремѣнно, чтобы я далъ ему къ тебѣ письмо, которое онъ самъ желаетъ доставить. Это очень обязательно и ласково съ его стороны: изъяви ему признательность. Здѣсь всѣ или почти всѣ ко мнѣ ласковы, однакожъ его учтивость заслуживаетъ мою благодарность. Нынѣшнее утро съ $10\frac{1}{2}$ часовъ почти до двухъ провелъ я во дворцѣ у вел. княгини Екатерины Павловны съ нашими главными боярами. Всѣ ждали и ждали. Олединская вышла сказать мнѣ нѣсколько привѣтствій и просила вооружиться терпѣніемъ. Скуки не было: я бесѣдовалъ со старыми и новыми знакомцами, напримѣръ съ Шишковымъ около часа, весьма искренно, простосердечно. Если онъ честенъ, то не будетъ (какъ ты сказала) злобиться на меня. Изъ новыхъ знакомцевъ Поповъ немало болталъ со мною. Ихъ впускали къ вел. княгинѣ по нѣскольку человѣкъ; наконецъ ввели и меня одного. Мы говорили минутъ 20. Она сказала: L'Empereur parle de vous et voudra peut-être entendre encore quelques chapitres de votre Histoire. Я отвѣчалъ: Je n'ai à présent qu'une seule grâce à demander à sa majesté: c'est la permission de retourner à Moscou; je ne veux plus rien. Mon coeur redemande ma femme et mes enfans¹⁰). Я примолвилъ, что могу

⁹) Трудно бороться противъ общественного мнѣнія.

¹⁰) Государь говорить про вастъ и можетъ быть захочеть прослушать еще нѣсколько главъ изъ вашей Исторіи.—Въ настоящее время я попрошу его величество одной только милости: позволенія возвратиться въ Москву; больше ничего не хочу. Сердце мое требуетъ моей жены и моихъ дѣтей.

быть въ Германіи. Она требовала моего обѣщанія писать къ ней; вынесла и подарила мнѣ Англійскій ящикъ съ бѣлыми книжками на память, un souvenir; однимъ словомъ, мы разстались пристойнымъ образомъ. Я сказалъ ей все, что сказаль бы самому Государю. Теперь повезу это письмо къ князю Лопухину....

11.

С. Петербургъ, 2 Марта 1816.

....Вчера, говоря съ в. к. Екатериною Павловною, я только что не дрожалъ отъ негодованія при мысли, что меня держать здѣсь безпользо и почти оскорбительнымъ образомъ. Je lui ai demandé, si je pouvais repartir pour Moscou sans permission; elle m'a répondu que non et que je devois attendre les ordres de sa majesté. Je dis à tous ceux qui veulent m'entendre que je n'ai actuellement qu'une seule idée, celle de m'en aller. On m'étouffe ici sous des roses, mais on m'étouffe; je ne puis pas mener longtemps un pareil genre de vie; je suis trop en scèn; je parle trop; cela surexcite mes nerfs outre mesure, et j'ai besoin de repos. Je me fâche très sérieusement contre celui qui a l'air de ne se soucier guère ni de moi, ni de mon Histoire. Ne m'imite pas, mon ange, et sois plus généreuse: je te le demande; surtout n'en parle pas avec les autres. Dans 4 ou 5 jours d'ici je demanderai absolument par l'entremise du comte Nicolas Tolstoy la permission de m'en aller.

La gr.-duchesse est partie ce matin. Je t'ai écrit hier avec le pr. Лопухинъ sur ma derni re entrevue avec cette charmante et bien l g re¹¹⁾ princesse, si inconsquente envers moi; malgr  cela je lui conserverai mon souvenir; je l'ai fort sinc rement aim e, et je ferai toujours de voeux pour elle. В. к. Анна Павловна a l'air d' tre bonne et douce; elle est tellement novice dans l'art des pr sentations, qu'en me parlant, elle ne pensoit gu re   dire un mot de moi au prince d'Orange, qui se tenoit vis- -vis de moi et   cot  d'elle sans prof rer une seule parole. Je lui ai demand  enfin l'honneur d' tre pr sent  au prince, charmant jeune homme, et je lui ai adress  ce compliment: „si jeune, vous vous  tes d j  plac  au nombre des h ros de tems“. Il m'a r pondu avec beaucoup de modestie.—Demain,   6 heures du soir, je dois aller chez les grands-ducs qui s'occupent beaucoup du militaire,   ce qu'on dit. Je les ai vus de loin: je les regarderai de pr s maintenant. Je suppose que

¹¹⁾ Ново открытыми чертами ея биографии подтверждается этотъ отзывъ Карамзина. Н. Б.

m-lle Pluskow (chez qui j'ai passé avant-hier 4 heures au moins) écrira à notre ami encore quelque chose sur l'impératrice Elisabeth: je n'en parlerai donc pas¹²⁾.

Во Вторникъ я былъ на щегольскомъ обѣдѣ у канцлера; сидѣло за столомъ человѣкъ 12: Куракинъ, Кочубей, одинъ графъ, ближній родственникъ императрицы, Тормасовъ, Варшавскій Ланской, Лобановы, Козодавлевъ и проч. Обѣдъ, вина, услуга были очень хороши. Въ Середу обѣдѣ у графа Варѳоломея Толстого, въ Четвергъ у Ив. Вас. Тутолмина, въ Пятницу у Козодавлева; вечерѣ иногда съ дамами, иногда съ Арзамасцами; не ревнуй къ первымъ: онѣ совсѣмъ не въ родѣ прелестницъ: такія набожныя или такія охотницы писать, что я лѣнивый едва отъ нихъ прячусь. Всѣхъ любезнѣе въ отношеніи ко мнѣ Наталья Яковлевна Плюскова, разумѣется, за исключеніемъ моей святой Катерины Федоровны. Вчера передъ обѣдомъ провелъ я два часа съ любезнымъ Шторхомъ à discuter sur l'affranchissement des paysans. Il a été tout-à-fait aimable, prêtoit la plus grande attention à mes argumens, ne les combattoit que faiblement, et dit à la fin avec une noble franchise: „j'entends des choses neuves; c'est fort, et j'avoue que j'ai pu errer“¹³⁾. Ему, какъ и мнѣ, около 50 лѣтъ; онъ уменъ и

12) Я спросилъ ее: „не возвратиться ли мнѣ въ Москву безъ позволенія? Она отвѣчала, что нѣть и что я долженъ дожидаться приказанія его величества. Всѣмъ, кто желаетъ меня слушать говорю, что у меня одна мысль—объ отѣзѣ. Меня засыпаютъ розами, но ими душатъ. Такого образа жизни не могу я долго вести. Я слишкомъ на показъ, я слишкомъ говорю; это черезъмѣру возбуждаетъ меня, я нуждаюсь въ покое. Очень сильно негодую на того, кто повидимому вовсе не озабоченъ ни мною, ни моему Исторію. Не подражай мнѣ, мой ангель, и будь великодушнѣе, требую отъ тебя этого; въ особенности не говори о томъ съ другими. Въ теченіе этихъ четырехъ-пяти дней, черезъ посредство гр. Николая Толстого, я рѣшительно потребую позволенія удалиться. Великая княгиня уѣхала сегодня. Вчера я тебѣ писалъ съ княземъ Лошухинымъ про мое послѣднее свиданіе съ этой пѣнительной и весьма легкомысленною государынею, которая такъ непослѣдовательна въ отношеніи меня, тѣмъ не менѣе сохранию обѣ ней мое воспоминаніе. Я очень искренно любилъ ее и всегда буду желать ей добра. Великая княгиня Анна Павловна по видимому кротка и мягка. Она до того неопытна въ искусствѣ представлениія, что, разговаривая со мною, не подумала сказать обо мнѣ слово принцу Оранскому, который стоялъ противъ меня и возлѣ нея въ полномъ безмолвіи. Наконецъ я ее попросилъ сдѣлать мнѣ честь представить меня принцу, прекрасному молодому человѣку, и я обратился къ нему съ льстивыми словами: вы молоды, но уже заняли мѣсто въ средѣ современныхъ героевъ. Онъ отвѣчалъ мнѣ съ большою скромностію. Завтра, въ 6 час. вечера, я долженъ отправиться къ великимъ князьямъ, которые, говорять, много занимаются военщиною. Видѣть я ихъ изъдалека, теперь посмотрю на нихъ вблизи. Вероятно Плюскова (у которой я провелъ третьего дня, по крайней мѣрѣ четыре часа) напишетъ нашему другу еще что-нибудь обѣ императрицѣ Елизавѣтѣ, по этому я ничего не стану о ней говорить. 13) Толковать обѣ освобожденіи крестьянъ.

пріятенъ. А у Капо д'Истріа я все еще не былъ, ни у князя Голицына. Вѣроятно даже, что и графъ Аракчеевъ считаетъ меня неучтивцемъ: слѣдственно, я худой царедворецъ. Не мудрено, что выѣду ни съ чѣмъ, и что моя Исторія останется въ пыли. А propos d'*Histoire*: читалъ ее Арзамасцамъ два раза у Катерины Федоровны (тутъ былъ и Оленинъ); еще по-немногу раза три канцлеру: дѣйствіе удовлетворяло моему самолюбію. Сказать правду, здѣсь не знаю ничего умнѣе Арзамасцевъ: съ ними бы жить и умереть. Вообще, милая, хотѣлъ бы я переехать съ тобою въ Петербургъ, но если не удостоять меня лицезрѣнія, то надобно забыть Петербургъ: докажемъ, что и въ Россіи есть благородная и Богу непротивная гордость; продадимъ Вторускую деревеньку и станемъ вѣкъ доживать въ Москвѣ. Еще повторяю: не сердись, не говори о томъ для меня; даже и сердцемъ мы могли бы унизиться; будемъ только жалѣть, и есть обѣй чѣмъ жалѣть! Пестро, очень пестро; но все дѣлается, какъ Богу угодно; вотъ что всегда успокоиваетъ мою душу, исполненную любви къ Россіи и къ ея доброжелательному монарху. Comme les gens d'esprit sont bêtes quand ils s'éloignent de ce grand principe! La religion de mon coeur m'a fait presque trouver la pierre philosophale¹⁴⁾). Малиновскій не здоровъ, но думаетъѣхать дня черезъ два. Они скажутъ тебѣ не болѣе того, что уже знаешь: потому что я ничего болѣе не знаю. Не даю себѣ грустить, прося Бога, чтобы и ты, мой ангель безцѣнныи, не грустила. У князя Алексея¹⁵⁾ авось отниму портретъ милой: онъ доброй малой; иногда мы вмѣстѣ обѣдаемъ и проводимъ вечера. Чувства его не глубоки: всякий по своему созданъ. Едва ли рѣшусь говорить Местру о моемъ портретѣ: cela lui rappelleroit trop son ancien état¹⁶⁾). Я уже давно съ нимъ не видался.—Кругъ думаетъ обо мнѣ хорошо и признавался, что нашелъ меня ученѣе, нежели воображалъ! Впрочемъ теперь яѣть нужды читать ему моей Исторіи. Еще узналъ я Фабра, автора извѣстнаго и съ умомъ. Всѣ они хорошо расположены ко мнѣ. Вообще я изрядно болтаю; но это паконецъ утомляетъ меня. Родныхъ всѣхъ видѣлъ, но мало вижу: даже брата Федора, даже и племянницъ лю-

---

Онъ былъ вполнѣ любезенъ, съ величайшимъ вниманіемъ выслушивалъ мои доводы, мнѣ слabo возражалъ на нихъ и на послѣдокъ сказалъ съ благородною свободою: слышать новое; оно сильно, и признаю, что я могъ ошибаться.¹⁴⁾ Какъ умные люди глупы, когда устригаются отъ этого великаго начала; вѣра моего сердца почти открыла мнѣ философскій камень.

¹⁵⁾ Цербатова, который въ это время собирался жениться на Софіѣ Степановнѣ Апраксиной. Карамзинъ называетъ милою первую его супругу, сестру князя П. А. Вяземскаго. П. Б.

¹⁶⁾ Намъ это не понятно. Не заграницное ли было знакомство? П. Б.

безныхъ. Невозможно, милая, искусно располагать временемъ въ моихъ обстоятельствахъ. Многіе на меня сердятся: Богъ съ ними! Я еще, напримѣръ, не видался съ Мятлевыми. Безпорядокъ моихъ писемъ даетъ тебѣ идею о моемъ положеніи. Когда бываю дома, то ко мнѣ заѣзжаютъ, заходятъ, отрываются, а я не имѣю духа отказывать. И теперь сидить у меня гость. Однимъ словомъ, дней черезъ шесть надѣюсь извѣстить тебя рѣшительнѣе о времени моего отѣзда. Нѣть, нѣть! Не надоно намъ разставаться!... Сію минуту цѣлую Жуковскаго, говоря съ нимъ о тебѣ. Есть добрые люди на свѣтѣ! Поручаю тебя Богу. Я здоровъ совершенно. Береги себя какъ мою зѣницу ока, какъ меня самого. Благодарю дочерей за ихъ любезныя письма: пусть онѣ хорошенько молятся, чтобы мы скорѣѣ благополучно и радостно соединились. Пусть и Андрюша молится какъ умѣеть. Цѣлую нѣжно ихъ и Сашу драгоцѣннаго; онъ уже крѣпко сидитъ у меня въ сердцѣ. Adieu. J'embrasse bien tendrement notre ami!¹⁷⁾) Иванъ Ивановичъ. Многіе говорять здѣсь, что спокойствіе его завидное и, можетъ быть, говорять искренно...

12.

С. Петербургъ, 6 и 7 Марта 1816.

....Дѣйствительно ничего, ничего, кромѣ нетерпѣнія и негодованія, я не чувствую, какъ ты угадываешь; и то временно, минутно. Гораздо рѣшительнѣе и постояннѣе во мнѣ признательность къ Петербургу, гдѣ все, кромѣ К. и Шаховскаго, сыплетъ на меня цѣвѣты. А propos de К.; сказываютъ, что онъ на сихъ дняхъ старался доставить графу Аракчееву записку съ новыми доносами на меня; но посредникъ отказался. C'est un fou, се К. Къ щастью твоему, онъ трусь: иначе твой мужъ бы конечно имѣъ застрѣленъ или зарѣзанъ ночью. Не слишкомъ ли много дѣлаю ему чести, упоминая объ немъ въ письмѣ къ милой женѣ? Теперь разскажу тебѣ о моихъ дворцовыхъ приключеніяхъ.

Въ Пятницу былъ я у великихъ князей. Милая, не повѣришь, какъ сердце мое оживилось, обрадовалось: я нашелъ, чего не воображалъ, двухъ прекрасныхъ, добросердечныхъ, прямыхъ, умныхъ молодыхъ принцевъ, которыми я горжуся, веселюся какъ ребенокъ. О! я не имѣлъ обѣихъ понятія. Николай Павловичъ или еще полнѣе любовью, или увѣреннѣе въ самомъ себѣ. Я видѣлъ въ немъ—подивился—я видѣлъ въ немъ юнаго брата. Онъ меня обнялъ, благодарилъ за мою снисходительность! Моя рука была въ его рукѣ нѣсколько

¹⁷⁾ Прощай. Цѣлую очень нѣжно нашего друга.—Это глупецъ, этотъ К.

минутъ. Милая! ты, не ошибаешься въ моихъ чувствахъ: нѣть, не самолюбіе удовлетворенное, а любовь къ царскому дому и Россіи произвела въ душѣ моей какое-то сладкое, тихое, безкорыстное удовольствіе. Мы говорили, какъ водится, о Россійской исторіи, о великихъ происшествіяхъ, о состояніи Европы, о славѣ императора и Россіи. Я даже предлагалъ имъ легкіе вопросы и радовался ихъ отвѣтамъ: *ils ont de l'étoffe, oui, oui*¹⁴⁾). Не знаю, что они будуть черезъ два года, но знаю, что они теперь любезны, любезны! Это благодѣяніе природы и вдовствующей императрицы. Удивительная женщина! Можетъ быть, потомство отдастъ ей справедливость громогласнѣе, нежели мы. вѣтреные, невнимательные современники: это гораздо святѣе. Минъ такъ пріятно говорить о великихъ князьяхъ, что я долженъ удерживаться.

За симъ свиданіемъ ожидало меня чтеніе у императрицы Маріи, въ Воскресенье, въ 5 часовъ вечера. Я отказался въ этотъ день отъ обѣда, завтракалъ дома въ 2 часа, дремалъ и пріѣхалъ во дворецъ съ Нелединскимъ. Государыня переодѣвалась, но меня не заставила ждать ни пяти минутъ, въ которыхъ однакожъ я успѣлъ познакомиться съ Катериною Ивановною Нелидовою. За императрицею пришла в. к. Марія Павловна, а тамъ и великие князья. Первая сказала, что она свободна до семи часовъ. Я развернулъ свой томъ царя Ивана, читалъ обѣ его исправленіи и взятіи Казани, въ глубокомъ или почти глубокомъ молчаніи. Государыня хвалила и даже мой образъ чтенія, замѣчая иногда картины и мысли. Вмѣсто двухъ часовъ прошло три и болѣе. Подавали чай, сама Августѣйшая хозяйка налила мнѣ чашку, спросивъ, сколько мнѣ надобно положить кусковъ сахара и проч. Мы говорили до десятаго часу, и я съ величайшею искренностю сказалъ, что какъ ни пріятенъ ласковый Петербургъ, какъ ни велико щастіе пользоваться знаками императриціи милостей, но что сердце мое просится къ женѣ и къ дѣтямъ. Государыня добрая предложила мнѣ склонить Императора къ скорѣйшему свиданію. Наконецъ мы встали и все еще говорили, когда великие князья ушли. Я слегка упомянуль о впечатлѣніи, сдѣланномъ ихъ любезными свойствами въ моемъ сердцѣ. Она, какъ самая нѣжная мать, говорила о воспитаніи, промолвивъ нѣсколько разъ: „надѣюсь, что они со временемъ могутъ быть полезны государю“. Заключеніемъ былъ комплиментъ: „это пріятной для меня вечеръ“. Она изъявила желаніе слышать исторію Донскаго. Такъ мы разстались. Люби ее, милая! Вопросы о тебѣ, о дѣяхъ всего болѣе меня тронули. Женщины умнѣе нась чувствительностю.

¹⁴⁾ Они содержательны, да, да.

Кромъ обѣдовъ, я провелъ еще два вечера довольно пріятнымъ образомъ: одинъ у Свѣчиной, съ графами Ростопчиными, Местромъ Сардинскимъ и посломъ Баварскимъ, а другой у графини Лаваль, опять съ Свѣчиною (умною и полусвятою), съ кн. Александромъ Николаевичемъ Голицыномъ и Балашевымъ очень ко мнѣ ласковымъ и только что пріѣхавшимъ изъ Москвы любезной (ты въ ней съ дѣтьми!). Я читалъ имъ о Новгородѣ. Не забуду еще вечера Тургеневскаго, гдѣ слушателями моими были, кромъ Арзамасцевъ, кн. А. Ник. Салтыковъ, Нелединскій, Оленинъ, Крыловъ, Гнѣдичъ и проч. Видно, что мнѣ всѣхъ надоѣло узнать въ Петербургѣ: вчера обѣдалъ я у Вельяшева съ Пуколовымъ, который здѣсь выше всѣхъ статье-секретарей, по увѣренію знающихъ людей¹⁹). Онъ съ умомъ и объявилъ себя моимъ старымъ знакомымъ: я отдался учтивымъ поклономъ и не просилъ о возобновленіи знакомства. Видишь, что мужъ твой Гуронъ²⁰): не поѣхалъ къ графу Аракчееву, не воспользовался даже и благорасположеніемъ Пуколова! Чего же мнѣ ждать? Уваженія твоего и собственнаго. Я никого не хочу оскорбить грубостію; но мое ли дѣло идти криво? Вотъ записка отъ Нелединскаго: „мнѣ приказано извѣстить васъ, что вы завтра (7 Марта) приглашены будете къ Государю“. Это хорошо; но теперь около 11 часовъ утра, а приглашенія нѣтъ, вѣроятно уже и не будетъ. По крайней мѣрѣ будетъ то, что угодно Богу.—Поздравляю съ новымъ тарифомъ, уже подписаннымъ; но большая пошлина испортитъ все, и контрѣ-банда не прекратится. Здѣсь нѣкоторые туга набиваются карманы, въ ожиданіи того, чтобы ихъ прогнали. Мало совѣсти и стыда въ свѣтѣ.....

13.

С. Петербургъ. 10 Марта 1816.

11 часовъ утра.

Милая! Письмо твое отъ 2 Марта растрогало меня еще болѣе, нежели обыкновенно. Я живо почувствовалъ всю тоску твоего нѣжнаго сердца въ разлукѣ съ другомъ. Мнѣ стало уже чрезмѣрно грустно; подумаю, и сердце забываетя. Это искушеніе: снесемъ его съ твердостію и благоразуміемъ; но когда вновь соединимся, то попросимъ Бога, чтобы уже не разставаться до смерти. Бодрись, безцѣнная, для друга: ты хвалишься геройствомъ, а я вижу, что у тебя въ душѣ лихорадка.

¹⁹) Жена Пуколова была близка къ Аракчееву, который, кажется, не привозилъ въ Петербургъ изъ Грузии свою Настасью. П. Б.

²⁰) Т. е. грубый Сѣверо-американецъ. П. Б.

Прошу, прошу, милая, чтобы ты, открывая утромъ глаза и помысливъ съ нѣжностію о другъ, съ душею исполненною довѣренности къ Прovidѣнію, вставала съ постели спокойно, занималась дѣтьми, домашними дѣлами, чтенiemъ, принимала нашихъ ближнихъ людей безъ разсѣянія, иногда выѣзжала для разсѣянія, и если не можешь быть веселою, то будь хотя тихою въ душѣ. Почти удивляюсь силѣ твоего разсудка: ты не совсѣмъ мнѣ излишно спѣшить и горячиться! Отъ кого могу принимать совѣты, если не отъ тебя? Вдохновенная чистою любовью, ты мой ангелъ покровитель, главный по Богу. Положеніе мое таково, что дѣйствительно имѣю нужду въ совѣтахъ. Сердце рвется отъ нетерпѣнія; а между тѣмъ опасаюсь рѣшить, можетъ быть навсегда, судьбу нашей здѣшней жизни какъ нибудь легкомысленно. Не хочу притворяться; говорю искренно, но боюсь преступить границу благоразумія. Вотъ обстоятельства: не смотря на торжественное обѣщаніе Государя пригласить меня къ себѣ 7 числа, я до сей минуты ничего отъ него не слышу; ждалъ два дня и пересталъ ждать. 10 Марта наступило, а другъ твой въ главномъ не подвинулся впередъ.

Вчера я долженъ былъ обѣдать у привѣтливаго, любезнаго (для меня) гр. Алексея Кирил. Разумовскаго; но вдругъ въ 2 часа зовъ къ императрицѣ: меня ищутъ по городу, и я едва успѣлъ къ обѣду государыни, доброй, милостивой. Тутъ была вся императорская фамилія, кроме Государя и императрицы Елизаветы Алексѣевны. Я сидѣлъ противъ августейшей хозяйки, и все было хорошо, кроме того, что твой простосердечный мужъ еще не видалъ ни института, ни монастыря, управляемыхъ ею. Признаюсь, что вопросъ ея и даже милостивый, деликатный упрекъ кольнуль меня въ сердце. Такъ и быть: это доказывается, что я не хитрецъ придворный. Государыня сказала: *vous verrez cela au moins à votre retour*²¹⁾. Замѣть это слово: оно не есть ли слѣдствіе разговора ея съ Императоромъ? Великіе князья обходятся со мною просто и мило: мы жмемъ руку другъ у друга какъ бы старинные знакомцы. Марья Павловна говорила со мною послѣ обѣда очень долго и пеняла мнѣ, что я вмѣшиваю въ разговоръ Франц. фразы. Государыня звала меня въ Воскресенье на второе чтеніе въ 5 часовъ вечера. Когда же увижу Императора? Вооружимся терпѣніемъ еще на нѣсколько времени. Богъ все сдѣлаетъ, чему быть надобно. Милая, проси Бога, чтобы Онъ далъ тебѣ спокойствіе и свѣтлость души: вся душа моя въ этихъ словахъ. Еще замѣчу, что императрица за столомъ, взглянувъ на меня, сказала: „Московская дорога еще не испортилась!“

²¹⁾ По крайней мѣрѣ вы это увидите по вашемъ возвращеніи.

Выслушай другое происшествіе. Фактотумъ графа Аракчеева, объ которомъ я писалъ къ тебѣ, передалъ мнѣ черезъ Вельяшева, что графъ желаетъ видѣться со мною и говоритъ: „Карамзинъ, видно, не хочетъ моего знакомства: онъ пріѣхалъ сюда, и не забросилъ даже ко мнѣ карточки!“ Вотъ какъ судятъ люди: скромность считаются за грубости! Фактотумъ (по крайней мѣрѣ такъ здѣсь думаютъ) прислалъ ко мнѣ карточку и велѣлъ меня звать къ себѣ въ Воскресенье на вечеръ для свиданія съ графомъ. Вообрази мое положеніе! Не хочу никого оскорбить, но могу ли дать себѣ видъ пролаза? Я также отослалъ къ нему свою карточку, отвѣтствуя Вельяшеву, что мнѣ неловко ѿхать къ такому человѣку, который у меня самъ не былъ. Между тѣмъ, надѣвъ мундиръ, я отвезъ карточку къ графу. Чѣмъ будеть далѣе, не знаю. Помоги намъ Богъ выпутаться изъ всѣхъ придворныхъ обстоятельствъ съ невинностю и честю, которыми я обязанъ моему сердцу, милой женѣ, дѣтямъ, Россіи и человѣчеству! Прибавлю, что я провелъ три часа у графа Капо д'Истрія; не знаю, въ чёмъ мы можемъ быть несогласны. Такъ, кажется, не обманываютъ. Это умной, достойной министръ, и я искренно хвалю Государя за такой выборъ.—Было чтеніе для Свѣчиной у графини Лаваль; но теперь я вспомнилъ, что уже писалъ къ тебѣ объ этомъ. Въ домѣ у графа Остремана осуждали меня, какъ я могъ у графини Лаваль, которой домъ есть едва ли не первой въ Петербургѣ, читать свою Исторію, а не у важныхъ людей, не у Остремана, не у княгини Нат. Петр. Голицыной, къ которымъ не ѿзжу? Улыбнись, жена милая: видишь, что завидуютъ моимъ пріятелямъ! Писала ли ты къ бургомистру, чтобы онъ прислалъ въ Мартѣ оброчную сумму не на мое, а на твое имя? Напиши адресъ къ нему: Бургомистру села Макателема Ильѣ Павлову въ Арзамасѣ....

14.

10 Марта, 1811, полдень.

Милая! Сей часть отправилъ я къ тебѣ письмо черезъ почту; скажу еще нѣсколько словъ съ любезнымъ Дашковымъ.

Объявляю Сонюшкѣ мое родительское удовольствіе за ея письмецо: c'est bien dit et bien tourné: je l'ai lu à quelques personnes; tout le monde en a été content²²⁾). Катиша Николаевна также очень любезна. Обнимаю нѣжно обѣихъ; а ты поцѣлуешь друга Андрея, малютку Сашу. Тверди первому объ отцѣ: боюсь, чтобы онъ не взглянуль на меня какъ на чужаго. Саша не забудетъ отца, потому что еще не знаетъ его. Говори о

²²⁾ Хорошо сказано и выражено; я читать его нѣкоторымъ лицамъ: все были имъ довольны.

себѣ, обѣихъ, какъ можно болѣе: это бальзамъ для моего сердца. Между тѣмъ надѣюсь, что отвѣтъ на это письмо можетъ уже не застать меня въ Петербургѣ. Императрица Елисавета хотѣла также звать меня въ Воскресеніе; узнавъ, что вдовствующая предупредила ее, она хочетъ переговорить съ нею, въ надеждѣ, что мужъ твой будетъ на этотъ день ей уступленъ; ибо Елисавета Алексѣевна будеть на той недѣлѣ говѣть. Я обѣщалъ нынѣ въ 7 часовъ къ Державину для чтенія, но получилъ зовъ къ в. к. Маріи Павловнѣ. Видишь, въ какой я модѣ у Двора до дня, въ которой сдѣлаюсь скучнымъ! Mais la grandeur des grandeurs m'échappe, et je suis loin d'être parfaitement content²³⁾). Доношу тебѣ, вѣрной женѣ, на себя: вообрази что вчера ночью Ѳхалъ я въ одной каретѣ съ глазу на глазъ, съ молодою, любезною женщиной! Отгадаешь ли съ кѣмъ? Съ Огаревою къ Мятлевымъ, которые грозились писать тебѣ о моихъ шашняхъ. Для успокоенія твоей ревности скажу тебѣ, что, къ сожалѣнію, вижу рѣдко добрую Елисавету Сергиевну: не умѣю ни у кого быть часто, хотя и разъѣзжаю всякой день. Обѣды продолжаются непрерывно, и желудокъ мой ни разу не разстраивался; вода также не произвела никакого худаго дѣйствія на меня. Въ награду будь здорова съ дѣтьми! Постой: ко мнѣ идетъ фактотумъ г. Аракчеева.... Онъ пробылъ у меня съ часъ: много учтивости. На зовъ въ Воскресеніе я отвѣчалъ, что буду у императрицы. Тѣмъ и кончилось. За визитъ отплачущий визитомъ; это необходимо.....

15.

С.-Петербургъ, 13 Марта 1816.

Душа моя, жена милая! Письмо твое отъ 6 Марта не только растрогало, но даже испугало меня намѣреніемъ твоимъ кинуть дѣтей и Ѳхать въ Петербургъ, если захватить меня здѣсь зима или распутица. Во-первыхъ, я все надѣюсь, что дѣло мое кончится на сихъ дніяхъ: какъ скоро увижу Императора, то безъ сомнѣнія на третій день выѣду. Во-вторыхъ, если бы сверхъ чаянія и продлились недосуги его еще недѣлю, двѣ или болѣе, то заклинаю тебя быть спокойною на мой счетъ, предаться въ волю Божію и ждать меня въ Москвѣ. Самой послѣдній срокъ есть отѣѣздъ государевъ: это развязжетъ мнѣ руки и ноги; если и не увижу его, то все буду свободенъ Ѳхать къ тебѣ, милая; а онъ, какъ слышно, въ самомъ началѣ весны отправится. Теперь уже дѣло зашло далеко: не могу пристойнымъ образомъ и просить дозвolenія возвратиться въ Москву, не видавъ Государя; мнѣ со всѣхъ сторонъ кладутъ въ ротъ, что онъ расположень сдѣлать для

²³⁾ Но высота высотъ мнѣ не дается, и я далеко не совсѣмъ доволентъ.

меня все справедливое и пристойное.... Не имѣй никакихъ обо мнѣ мыслей: онъ не справедливы; напротивъ, ты можешь мнѣ завидовать; ты, ты, милая, жалка болѣе, нежели я, имѣющій здѣсь пріятнаго разсѣянія, хотя они и не могутъ ослабить моего внутренняго безпрестаннаго влеченія къ тебѣ, окруженнай дѣтѣнками. Богъ даетъ мнѣ здоровье; Ѳмъ, сплю хорошо и надѣюсь на милость Всевышняго. Неужели это, безцѣнная, не можетъ ободрить тебя въ твоемъ, хотя и печальному, но временномъ одиночествѣ? Рѣшится судьба моего труда долговременнаго и отчасти самой жизни нашей: двѣ лишнія недѣли разлуки могутъ иѣкоторымъ образомъ наградить насть за шесть уже прошедшихъ. Великодушіе на твоей сторонѣ: мое гораздо менѣе, хотя любовь моя (Богъ видить) не уступаетъ твоей. Потѣши друга: жди меня и не мысли бросить нашихъ дѣтей. Ты во мнѣ увѣрена: не влюблюсь же ни во Дворъ, ни въ красавицу, ни въ обѣды, коихъ часто бываю героемъ: не высохну и отъ грусти: надежда на Бога и разсѣяніе авось поддержать меня; по крайней мѣрѣ до сего времени не худѣю замѣтно.... Будь же веселѣ! За то разскажу тебѣ мои похожденія.

На другой день императрицина обѣда провелъ я вечеръ у в. к. Маріи Павловны: читалъ, но болѣе разговаривалъ. Она не такого блестящаго ума, какъ папа Екатерина, однако же любезна и въ особенности привлекается своимъ добродушіемъ. Въ разговорѣ я сказалъ, что женщины вообще тонѣе умомъ, нежели мужчины: она не соглашалась. и.... доказала противное. Входить въ другой разъ Веймарской принцѣ: elle lui rend compte de notre conversation et me dit tout-de-suite de continuer la lecture, qui chasse tout-de-suite le prince. Arrive un autre prince, celui d'Oldenbourg. Elle lui dit que son mari est dans son cabinet, et me dit de recommencer la lecture. Le malheureux, sans rien comprendre, reste, et elle lui dit: „Vous êtes le plus aimable de tous les cousins possibles: vous restez avec nous: mais mon mari est lâ, dans son cabinet“²⁴⁾). Ольденбургской все таки ни съ мѣста, и я внутренно усмѣхнулся. Ей угодно было обязать меня словомъ еще побывать у нея до моего отѣзда.

Я отвезъ карточку къ графу Аракчееву и на третій день получилъ отъ него зовъ; пріѣхалъ въ 7 часовъ вечера и пробылъ съ нимъ болѣе часу. Онъ нѣсколько разъ меня удерживалъ. Говорили съ иѣко-

²⁴⁾ Она передаетъ ему, о чёмъ мы разговаривали и тотчасъ же говорить мнѣ, чтобы я продолжалъ чтеніе, отъ котораго онъ тотчасъ уходитъ. Является другой принцъ, Ольденбургский; она ему говоритъ, что супругъ ея у себя въ кабинетѣ, а мнѣ говоритъ, чтобы я продолжалъ чтеніе. Бѣдный, ничего не понимая, остается, и она ему говоритъ: вы самый любезный изъ всѣхъ возможныхъ двоюродныхъ братьевъ, вы оставетесь со мною, но мужъ мой тамъ у себя въ кабинетѣ.

торою искренностію. Я рассказалъ ему мои обстоятельства и на вызовъ его замолвить за меня слово Государю отвѣчалъ: „не прошу ваше сіятельство; но если вамъ угодно, и если будетъ кстати“, и проч. Онъ сказалъ: „Государь безъ сомнѣнія расположень принять васъ, и не на двѣ минуты, какъ нѣкоторыхъ, но для бесѣды пріятнѣйшей, если не ошибаюсь“. Пришелъ третій человѣкъ его ближній, и разговоръ началъ перемѣнился. Слышно, что онъ думаетъ пригласить меня къ обѣду. Вообще я нашелъ въ немъ человѣка съ умомъ и съ хорошими правилами. Вотъ его слова: „Учителемъ моимъ былъ дѣячекъ; мудрено ли, что я мало знаю? Мое дѣло исполнять волю государеву. Если бы я былъ моложе, то сталъ бы у васъ учиться: теперь уже поздно“. Не подумай, милая, что это насмѣшка; нѣтъ, онъ хорошо трактовалъ меня, и сказанное мною не могло подать ему повода къ такой насмѣшкѣ. Слѣдственно и графъ Аракчеевъ обязался способствовать моему скорѣйшему свиданію съ Государемъ; даже увѣрилъ меня, что это откладываніе не продолжится. Неужели все будетъ напрасно? По крайней мѣрѣ надобно ждать, и непристойно требовать, чтобы меня ни съ чѣмъ отпустили въ Москву.

Вчера, въ 7 часовъ вечера, пріѣхалъ я съ Уваровымъ къ императрицѣ Елизаветѣ Алекс. Мы нашли ее совершенно одну, въ большомъ кабинетѣ. Она еще хороша лицомъ, миловидна, стройна, имѣть серебряный голосъ и взоръ прелестной. Читали долго, но въ глубокомъ молчаніи, слѣдственно холодно. Къ сожалѣнію, уткнувшись глаза въ книгу, я не могъ часто взглядывать на императрицу; а на нее пріятно смотрѣть. Въ ея глазахъ есть нѣчто краснорѣчивое. Она казалась довольною. Послѣ мы говорили съ частью, ловко и свободно, о войнѣ Французской, о пожарѣ Московскому и проч. Въ началѣ одиннадцатаго она изъвила мнѣ благодарность, мы разстались, и я вышелъ съ пріятнѣмъ воспоминаніемъ. Надобно было видѣть эту интересную женщину одну, въ прекрасномъ бѣломъ платьѣ, среди большой, слabo освѣщенной комнаты: *elle avait quelque chose de magique et d'aérien*²⁵⁾. Она будетъ говѣть и сказала мнѣ, что не имѣть надежды видѣть меня въ другой разъ до моего отѣзда.—На сихъ дняхъ обѣдалъ я у гр. Румянцева съ знатными, у Шторха съ учеными, у Огаревой съ Тургеневымъ, у Балашева (весыма ко мнѣ ласковаго) со многими гостями; вечера былъ у Свѣчиной, Голицыной, Растворчинахъ, у гр. Алексея, кн. Разумовскаго, съ Арзамасцами у Тургенева. Все хорошо; но худо, что дни проходятъ, а день желаемый не приходитъ, и я еще не ѿду къ милой!.. Завтра

²⁵⁾ Въ ней было что-то магическое и воздушное.

рано, въ 9^{1/2} часовъ, должно мнѣ ѿхать въ Училище глухонѣмыхъ, гдѣ будетъ, думаю, императрица.

16.

С.-Петербургъ, 16 Марта 1816*).

Милая! Вчера въ 5 часовъ вечера пришелъ я къ Государю. Онъ не заставилъ меня ждать ни минуты; встрѣтилъ ласково, обнялъ и провелъ со мною часъ сорокъ минутъ въ разговорѣ искреннемъ, милостивомъ, прекрасномъ. Воображай что хочешь: не вообразишь всей его любезности, привѣтливости. Я хотѣлъ прочесть ему дедикацію, два раза начиналъ и не кончилъ. Скажи: тѣмъ лучше; ибо онъ хотѣлъ говорить со мною. Я предложилъ наконецъ свои требованія: все принято, дано, какъ нельзя лучше: на печатаніе 60 тысячъ и чинъ, мнѣ принадлежащій по закону. Печатать здѣсь въ Петербургѣ; весну и лѣто жить, если хочу, въ Царскомъ Селѣ; право быть искреннимъ и проч. Я пюхалъ табакъ: онъ взялъ мою табакерку; нашелъ, что ты лучше портрета и улыбнулся, когда я сказалъ ему: *Sire, je rendrai ce compliment à ma femme; mais ne lui faites pas la cour; c'est une femme fidèle*²⁶). Онъ пригласилъ меня обѣдать въ Пятницу, то есть, завтра; обѣщалъ подписать два указа обо мнѣ нынѣшній день, или, по его словамъ, прежде Пятницы; однимъ словомъ, надѣюсь выѣхать около будущаго Вторника или Середы: Опасаюсь одного, чтобы не задержали меня выдачею денегъ; но конечно не вздумаю весновать здѣсь для этой гадости: въ случаѣ Гурьевской строптивости уѣду и безъ денегъ; оставлю только вѣрющее письмо кому нибудь изъ пріятелей. Милая! Пора, пора къ тебѣ: начинаю уставать крѣпко. Весна можетъ быть для насъ пріятна, если Богъ, какъ надѣюсь, соединить насъ благополучно около Благовѣщенья. Какъ обрадуюсь тебѣ и дѣтѣнкамъ! Теперь хочу только видѣть указы подписанные...

Марта 17, Пятница.

Вчера не дали мнѣ писать. Теперь 7 часовъ утра; но то бѣда, что въ девятомъ я уже долженъ быть въ Воспитательномъ Домѣ, гдѣ императрица намѣрена экзаменовать воспитанницъ. Милость велика, но утомительна. Четвертаго дня все утро въ Институтѣ глухихъ, третьяго въ Монастырѣ Смольномъ (гдѣ даже и обѣдалъ съ любезными питомицами), а нынѣ опять тоже; а въ 2 часа надоѣло уже быть во дворцѣ! Государь, какъ вѣроятно, не скажеть мнѣ ни слова о моемъ

* Ровно черезъ четыре года (безъ одного дня) послѣ ссылки Сперанского. П. Б.

²⁶ Государь, я передамъ этотъ лестный отзывъ женѣ моей, но не ухаживайте за некою женой вѣрной.

дѣлѣ: за обѣдомъ говорять только о постороннемъ. Не знаю, кто мнѣ дастъ знать объ указахъ. Вчера я отвезъ карточку къ графу Аракчееву: онъ догадается, что это въ знакъ благодарности учтивой. Вѣроятно, что онъ говорилъ обо мнѣ съ Императоромъ. Послѣднее письмо твое отъ 9 Марта есть верхъ нѣжной меланхоліи: чувства твои, другъ милой, сколь естественны, столь и пронзительны для моего сердца. Будь же теперь веселѣ! Главное сдѣлано: черезъ четыре дня надѣюсь сѣть въ кибитку, но еще напишу къ тебѣ во Вторникъ... До сей минуты, не смотря на усталость, твой доброй мужъ здоровъ совершенно... Письмо запечатаю. Думаю, что оно, хотя и краткое, сдѣлаетъ тебѣ болѣе удовольствія, нежели прежнія. Авось все устроится къ лучшему! Могу сказать, лишнее могу и поступить въ ономъ не совсѣмъ благоразумно; но Богъ поправитъ, вѣтуится за мою простоту!...

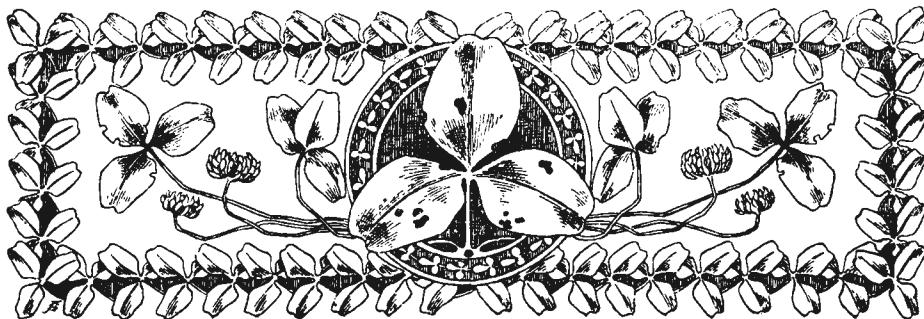
17.

С.-Петербургъ, 21 Марта 1816.

.... Ты уже знаешь, другъ безцѣнныи, что Государь пожаловалъ мнѣ еще Аннинскую ленту черезъ плечо, и самымъ пріятнѣйшимъ образомъ. Нынѣшній день я простился съ двумя императрицами, добрыми, любезными, и былъ у вдовствующей отъ 3 часовъ до девяти. Завтра прощусь съ великими князьями и вел. княгинею. Не знаю, увижу ли еще государя. Деньги, 10 тысячъ, обѣщали мнѣ выдать завтра или послѣ завтра; а 50 тысячъ оставлю въ Кабинетѣ. Выѣду, какъ надѣюсь, въ Четвергъ. Теперь проси Бога, чтобы Онъ соединилъ насъ благополучно.

.... Благословляю васъ и предаю вмѣстѣ съ собою въ волю Божію. Спѣшу кончить письмо. Много визитовъ и дѣла; но главное сдѣлано. Такъ ли, милая? Ёду къ тебѣ! Твой на вѣки.

ИЗЪ АРХИВА АЛЕКСАНДРО-НЕВСКОЙ ЛАВРЫ.

За время царствованія императора Петра Великаго. Томъ
второй, 1717—1719.

Этотъ капитальный трудъ, изданный просвѣщеннымъ настоятелемъ Лавры митрополитомъ Антоніемъ, трудъ даровитаго доктора церковной исторіи Степана Григорьевича Рункевича, заслуживаетъ полнаго вниманія и особенной похвалы. Въ предисловіи указывается, что второй томъ описанія Лаврскаго Архива относится ко времени царствованія державнаго основателя Лавры—Петра I и содержить въ себѣ богатый матеріалъ, характеризующій время расцвѣта въ лаврской исторіи и періодъ наибольшаго значенія Лавры, какъ центра церковно-административной дѣятельности всей Россіи.

Въ это время особенно выдается личность архимандрита и хозяина Лавры, Феодосія Яновскаго, большого пріятеля князю Меньшикову, отъ которого въ лаврскомъ архивѣ сохранилось нѣсколько писемъ.

Діаконъ „учинившій смертное убійство надъ женою своею Дарьею“, при допросѣ въ С.-Петербургской гварнizonной канцеляріи показалъ, что, находясь на лечениі отъ „Французской“ болѣзни, полученной отъ жены, жилъ онъ въ „гварнizonѣ“. на квартирѣ у солдата, въ банишкѣ. 27 Января жена его ходила въ гости на Васильевскій островъ, къ своей сестрѣ Лукерѣ, проживавшей въ кормилицахъ, и возвратилась отъ нея вечеромъ пьяная. Онъ не былъ пьянъ, сидѣлъ въ банишкѣ и поролъ ножемъ свой полукафтанишко. По возвращеніи жены онъ напомнилъ ей объ украденныхъ ею у священника Григорія Иванова, гдѣ они прежде жили, двухъ рубашкахъ и совѣтовалъ эти рубашки отнести къ священнику; но Дарья настаивала, чтобы самъ діаконъ

отнесъ ихъ. Онъ началъ ее за это бранить; жена отвѣтила ему тѣмъ же; тогда онъ „не утерпѣлъ“, махнулъ ножемъ и „покололъ“ жену въ ногу одинъ разъ, больше никакъ ея не билъ, причемъ и одинъ ударъ нанесъ „не съ умышеніемъ“. Оправдывая себя, діаконъ обвинялъ жену въ блудной жизни, на что онъ ранѣе жаловался духовному отцу ея, священнику Григорію Иванову.

„Допросныя рѣчи“ діакона, равно какъ и самъ онъ, по приказанію „высококняжей свѣтлости“, были отправлены къ игумену Киевскаго Михайловскаго монастыря и намѣстнику Невскаго Варлааму съ тѣмъ, чтобы за убійство съ нимъ было поступлено согласно правиламъ святыхъ отецъ. Но такъ какъ на допросѣ въ монастырской канцеляріи діаконъ показалъ, что хиротонисанъ въ Великомъ Новѣгородѣ митрополитомъ Іовомъ, то все дѣло о немъ изъ Невской канцеляріи было препровождено въ Новгородъ къ Аарону, епископу Корельскому и Ладожскому. Сопровождавшимъ діакона лицамъ была дана запись для свободнаго прохода по заставамъ. 28 Февраля колодникъ былъ принятъ въ Новгородѣ, въ архіерейскій разрядъ.

Въ числѣ лицъ прикомандированныхъ къ лаврскимъ дѣламъ былъ капитанъ Сбруевъ. Въ 1717 г. онъ обвинялся въ томъ, что изорвалъ договорное письмо разсыльника Подчищалова и вдовы Григорьевской изъ с. Валдая о продажѣ двора; но капитанъ оправдывался тѣмъ, что онъ сдѣлалъ это потому, что оно „у нихъ межъ себя учинено было въ пьянствѣ подлогомъ“, а имъ, капитаномъ, издавна данъ приказъ, „дабы обыватели его вѣдѣнія въ пьянствѣ никакихъ продажъ не чинили и писемъ не составляли, понеже въ томъ отъ пьянственныхъ случаевъ чинится многое смятеніе и ссоры“. Вышенназванный разсыльщикъ, по словамъ капитана, не крѣпостной,—воръ („кralъ житницы, за что всенародно вмѣсто кнута бить батоги нещадно“), и вѣрить его „ложному“ человѣчью не довелось, не въ указѣ вашему господству (архимандриту Феодосію съ братіей) буди“. На допросѣ вдова сказала, что она дѣйствительно „была непомѣрно хмельна“, а двора въ с. Валдаѣ у разсыльщика никакого не осталось, такъ что и выгнать изъ него солдатскую жену она не могла.

Въ другой отпискѣ капитанъ Сбруевъ писалъ, что онъ наказалъ „безъ пощады“ нѣкоторыхъ изъ Боровицкихъ крестьянъ „за ослушаніе“ царскаго и архимандрита Феодосія указовъ. Этими указами велѣно было крестьянамъ пріобрѣтать государеву соль въ Твери и продавать ее на мѣстѣ у себя по Тверской цѣнѣ съ прибавкой только стоимости провоза; для завѣдыванія же продажею велѣно было выбрать „доброго“

цѣловальника, которому можно бы было довѣрить это дѣло. Крестьяне, хотя и выбирали въ цѣловальники Ивана Шарка и дали ему „за руками“ выборъ, но, спустя немногого времени, нѣкоторые изъ этихъ же крестьянъ силою отняли у Шарка выборъ, ругали его и говорили: „кто-де и былъ челомъ о вышезначенной соли, и того бы-де кнутомъ“. Шарокъ подаль на ослушниковъ доношеніе Сбруеву, а сей послѣдній и учинилъ зачинщикамъ наказаніе безъ пощады. Цѣловальникомъ, на мѣсто Шарка, былъ выбранъ послѣ этого „добрый, правдивый, прожиточный и не пьяница“ крестьянинъ того же села Боровичъ, Яковъ Ефимовъ.

8 Января 1718 года бобыль Старорусской Кукуевской слободы Василій Еремѣевъ былъ членомъ на маюра Коптева въ томъ, что онъ въ Апрѣлѣ 1717 года, самовольно, своими дворовыми людьми вырылъ въ саду его, членобитчика, 40 большихъ яблонныхъ деревьевъ и перенесъ въ свой садъ. Самъ членобитчикъ былъ въ это время боленъ, близъ смерти, а на просьбу жены не разорять ихъ, такъ какъ „оныя яблони кормили ихъ съ дѣтства“, Коптевъ отвѣтилъ угрозою побить его палкою, а жена маюра Елена Иванова, завязавъ 4 рубля въ платокъ, насильно положила ихъ просительницѣ за пазуху. Членобитчикъ просилъ допросить Коптева и велѣть ему возвратить яблони или взыскать съ него ихъ стоимость, при чемъ добавилъ, что „Старорусскій посадскій Федоръ Сумровъ“ за оныя деревья давалъ ему 20 рублей, и онъ не продалъ „для того, что онъ изъ того своего сада кормился съ женою и дѣтьми“. На допросѣ отвѣтчикъ представилъ свидѣтелей и въ числѣ ихъ князя Ивана Мещерскаго; но истецъ отвелъ ихъ: двухъ, какъ уличенныхъ воровъ, а князя и другихъ, какъ „хлѣбосольцевъ Коптева, и за одно съ нимъ подъ дубье подрядчиковъ“. 27 Марта постановлено: „велѣть маюру Коптеву оныя яблонныя деревья изъ огорода своего отдать ему, Василью, по прежнему безъ всякаго отлагательства, или удовольствовать цѣною, дабы впредъ отъ него членобитья не было“.

Въ Александро-Невскій монастырь былъ препровожденъ „для исправленія“ безумный солдатъ Никита Сосновъ. Его болѣзнь въ проводительномъ указѣ изъ расправной палаты (въ ней онъ, раненый, былъ для караула и посылокъ) описана такъ: „въ Мартѣ оный солдатъ лежалъ боленъ и въ той болѣзни волею Божіе обезумѣлъ и донынѣ въ безумствѣ людей не знаетъ и многихъ бѣть“. Въ членобитной 9 Августа, прося вернуть его въ расправную палату, онъ говоритъ о своемъ положеніи: „присланъ я 16 Іюня въ Невскій монастырь для исправленія ума и съ того числа держусь на работѣ скованъ и

до днесь и помираю голодомъ, а безумія нынѣ никакого нѣть". „Приставникъ“ (онъ же называется „нарядчикъ“) сказалъ, что солдатъ Сосновъ съ 16 Іюня съ прочими монастырскими работниками всякую работу работалъ, „а никакого за нимъ безумія не видаль и съ людьми ни съ кѣмъ не бранится и не дерется“. Возвращені.

Дѣло объ ограбленіи монастырскимъ служителемъ Кошкинымъ жены солдата Преображенского полка Никифора Гаевского очень характерно въ бытовомъ отношеніи.

Гаевскій доносилъ архим. Феодосію, что 10 Авг. 1718 г. онъ Гаевскій былъ съ своей женой и съ тремя сосѣдями и ихъ семействами въ Ямской Московской слободѣ для гульбы. По домашней своей нуждѣ пришлось ему члобитчику ранѣе другихъ возвратиться домой; когда же послѣ него возвращалась изъ слободы его жена и немного поостала отъ своихъ спутниковъ, набѣжалъ на нее какой-то человѣкъ, который былъ ее смертнымъ боемъ дубиною, кулаками и топгунками, давилъ за горло и былъ по щекамъ, и при этомъ взялъ съ нея грабежомъ оловянную цѣпочку съ крестами, сорвалъ съ нея разныя вещи, серьги, перстни и отнялъ деньги. Ограбивъ жену, незнакомецъ волокъ ее къ Черной рѣчкѣ, желая, обезчестивъ, убить ее. Жена его едва вырвалась и уѣжала и теперь лежитъ больная. Гаевскій предполагалъ, что ограбилъ и побилъ его жену служитель Яковъ Кошкинъ, такъ какъ нѣкоторые изъ ограбленныхъ вещей были опознаны на одномъ солдатѣ Бѣлозерского полка, а послѣднему были заложены Кошкины. Процессъ разслѣдованія этого дѣла былъ обычный: сначала произведенъ осмотръ пострадавшей, затѣмъ допрошены обвиняемый и, наконецъ, допрошены свидѣтели. Кошкинъ, съ рѣшительностью отрицавшій обвиненіе, при допросѣ 28 Августа принесъ повинную въ ограбленіи и изнасилованіи Гаевской. Въ канцеляріи составлена была выписка изъ дѣла и приведена на справку закона, но рѣшенія не состоялось, такъ какъ Гаевскій въ Ноябрѣ того же года договорился взять съ Кошкина 12 рубл. и впредъ на него ни о чёмъ не быть члобитчикомъ.

Тяжелое положеніе монастырскихъ крестьянъ обрисовывается всего лучше въ ихъ жалобахъ.

Такъ 25 Ноября крестьяне Низина били чломъ, что они наряжены, по подводѣ съ двора, переправить провіантъ для Кіевскаго полка изъ Ильинскаго погоста до деревни Вали, но урядники и солдаты прогнали ихъ съ провіантромъ отъ той деревни до Тихвина, а помоги имъ выдано отъ мірскихъ людей всего по 30 алт.; когда же они сдавъ

проводить, поехали въ свои домуы (иные по р. Сяси, а иные прямою дорогою, кому куда путь надлежитъ) урядники и солдаты, невѣдомо ради какого умысла, прѣхавъ въ ихъ село, били и увѣчили ихъ и взяли грабежомъ, три лошади на Тихвину съ собой согнали. Головачевъ распорядился села Низина приказчику ѿхать на Тихвину для разслѣдованія нарочно, да впредь приказчику ѿздить въ Ладогу почасту и всякихъ нарядовъ усматривать, а буде какие наряды учинять излишніе безъ повѣрки, и ему о тѣхъ нарядахъ спорить, и во всемъ монастырскихъ крестьянъ отъ излишнихъ нарядовъ оберегать.

Въ числѣ приписанныхъ къ Александро-Невской Лаврѣ былъ Никольскій Ладожскій монастырь. Обитель была основана въ память побѣды Александра Невскаго надъ Шведами въ XIV вѣкѣ. Экономическое положеніе его было незавидное. Во время приписки къ Александро-Невскому монастырю въ немъ было 3 іеромонаха, 1 іеродиаконъ (онъ же и строитель) и 8 монаховъ. Іеромонахи получали по 2 р. 16 алт., іеродиаконъ-строитель и монахи—по 2 р. Всего дохода монастырь получилъ въ 1717 году—229 р., а израсходовалъ—221 рубль¹). До строителя Германа монастыремъ управлялъ іеромонахъ Іовъ. Въ 1715 году казначей Варлаамъ, посылая въ Александровъ монастырь пудъ чесноку и въ кореняхъ хрѣнъ, доносиль, что онъ живеть въ Николаевскомъ монастырѣ, какъ овца среди волковъ и что отъ несмѣтнаго строителя Іова въ монастырѣ явились беспорядки: „по кельямъ живутъ бабы и робятъ рожаютъ“... Вслѣдствіе этого доноса и назначили Германа строителемъ, а Іова устранили, при чемъ ему указано было прїхать въ Александро-Невскій монастырь. Іовъ уѣхалъ, но не въ Петербургъ, а въ Александро-Свирскій монастырь, откуда Германомъ былъ взятъ и за карауломъ доставленъ по назначенню 13 Апрѣля 1715 года²):

Но и Германъ оказался не лучше Іова. Братія Николаевскаго монастыря въ 1717 году доносила Феодосію, что къ строителю Герману крылошанинъ Ивановскаго (Ладожскаго) монастыря монахъ Таракай „приходилъ почасту, и пили многіе дни“. 27 Ноября былъ онъ, строитель, съ монахомъ Таракаемъ да дьякономъ Тимоѳеемъ Ивановымъ, были у игумены Сусанны „въ гостяхъ на Званкѣ, и монахъ Таракай тамъ, на Званкѣ у игумены, опился, и онъ, строитель, того опившагося монаха ночью къ себѣ велѣль привести въ монастырь и, не взявъ похоронной, чтобы игуменъ въ пени отъ архіерея не быть, велѣлъ

¹) Описан. Архива, т. I, столб. 116.

²) Тамъ же., столб. 531.

въ церкви отпѣть и погребсти въ Николаевскомъ монастырѣ“. И казначей, монахъ Онуфрій (сбѣжавшій) пиль съ строителемъ и діякономъ „непрестанно, а въ расходныхъ денежныхъ книгахъ писаль дьяконъ, будто рыбы и икры покупано, опричъ покупки Ильменской рыбы, множество напрасно“... „И велѣль было онъ, строитель, намъ къ тѣмъ книгамъ руки прикладывать въ кельѣ своими руками... Да и многіе есть въ тѣхъ книгахъ у нихъ неправыя статьи“. „Не токмо Субботы и Воскресные дни безъ литургіи проходили, ѡомино Воскресеніе, въ пріѣзда царевны Маріи Алексѣевны, и Вознесеніе, и царское тезоименитство св. ап. Петра и Павла и пророка Ильи, остались безъ литургіи“. Братія просила перемѣнить строителя, при чёмъ были приложены сказки монастырскихъ служителей о томъ, какъ крестьянинъ на „Страшной“ курилъ вино на строителя, а дьячокъ это вино ему привозилъ..

По этому дѣлу былъ розыскъ. Изъ допросовъ выяснилось, что строитель Германъ обвинялся въ томъ, что „былъ дубиною“ крестьянъ, „въ оржаное жатье на монастырской работѣ безвинно, роскрутия, въ однѣхъ рубашкахъ, плетьми былъ крестьянскихъ женъ“; перемѣнилъ безъ мірского приговора старосту, не давалъ овса на сѣмена тѣмъ, кто „не подносилъ ему вина“; „по вся мѣсяцы пива по двѣ варилъ“, „безпросыпно упивается“; у житенаго монаха Леодора взялъ овчинную шубу подъ сукномъ однорядочнымъ, голубого цвѣта, и вымучилъ 3 руб.; былъ казначея Елисея въ кельѣ за то, что монастырскую житницу запечаталъ не печатью, перстомъ и за одинъ пробой; казначея Маркела былъ за непокупку вина.

22 Декабря 1718 г. возникло дѣло объ архим. Тихвина монастыря Рувимѣ, присланномъ подъ началь къ архим. ѡеодосію. Дѣло это важно тѣмъ, что оно обратило на себя вниманіе самого царя.

На первоначальномъ допросѣ Рувимъ показалъ. Родился онъ въ Польской странѣ, въ Волынскомъ городѣ Острогѣ; отецъ его Иванъ Михайловичъ Гурскій—шляхта того города; помѣстие его—с. Лутчины, въ Острожскомъ уѣздѣ. Лѣтъ 30 назадъ, мать его Евдокія Иванова съ мужемъ своимъ по обѣщанію разсталась и постриглась въ Кіевѣ въ Вознесенскомъ монастырѣ; она взяла съ собою и его, Рувима, имѣвшаго тогда 8 лѣтъ, и отдала въ Кіевѣ въ Софійскомъ монастырѣ казначею Григорію Гошкевичу „за хлопца“. Жилъ онъ у него лѣтъ 9. По царскому указу о. Гошкевичъ взять былъ къ Москвѣ „для ученія Латинскихъ школъ“, и Рувимъ былъ въ Москвѣ при немъ. И посланъ былъ отъ него ради его келейныхъ нуждъ въ Софійскій монастырь къ

преосвященному митрополиту Варлааму и въ то время постриженъ митрополитомъ, по обѣщанію своему, въ мнишескій чинъ въ рясу, а затѣмъ вернулся въ Москву и жилъ на прежнемъ положеніи съ полгода. По указу Государя о. Гошкевичъ съ прочими учителями посланъ былъ для проповѣди Слова Божія въ Сибирь, и Рувимъ остался въ Москвѣ и жить у Иконнаго ряда въ Спасскомъ монастырѣ у префекта Рафаила Краснопольского. Изъ Спасскаго монастыря Рафаиль былъ переведенъ во архимандриты въ Симоновскій монастырь; здѣсь Рувимъ постриженъ былъ Рафаиломъ въ мантію и преосвященнымъ Антониемъ, епископомъ Коломенскимъ, посвященъ во іеродіаконы. Затѣмъ Рафаиль посвященъ былъ во архіепископа на Холмогоры, Рувимъ нѣкоторое время былъ при немъ на Холмогорахъ, и затѣмъ отпущенъ, вернулся въ Москву и „присталъ“ къ Каллиstu, архіепископу Тверскому; отъ него посвященъ во іеромонахи и посланъ въ Кашина въ его архіерейскій домовой Духовъ монастырь въ строители. Жилъ тамъ $2\frac{1}{2}$ года. По смерти архіепископа Каллиста, по членобитью города Городецка посадскихъ людей и помѣщиковъ, преосвященніемъ Іовомъ, митрополитомъ Новгородскимъ посвященъ во игумены Городецкаго уѣзда въ Добринскую пустынь. Здѣсь былъ также $2\frac{1}{2}$ года. По смерти митрополита Іова преосвященнымъ Аарономъ, епископомъ Корельскимъ и Ладожскимъ, переведенъ въ Тихвинскій монастырь и живеть въ томъ монастырѣ другой годъ, „о чёмъ у него, Херувима, свидѣтельствуютъ архіерейскія грамоты“. Въ Октябрѣ 1718 года прїѣхалъ онъ изъ Тихвина въ С.-Петербургъ съ вѣдома преосвященныхъ Стефана, митрополита Рязанскаго, и Аарона, епископа Корельского, отъ которыхъ даны ему указы для прошенія отъ Царскаго Величества о монастырскихъ нуждахъ, о чёмъ уже подана въ Губернской Канцеляріи членобитная. Онъ привезъ съ собою изъ монастыря образъ Пресвятая Богородица, нарицаемая Геєсиманія, который имѣеть для своего моленія, „а написанъ и обложенъ тотъ образъ монастырскимъ иждивенiemъ“. 7 Декабря пополночи, незадолго до дня, пришелъ къ нему Его Царскаго Величества денъщикъ и просилъ по его обѣщанію отпѣть молебень образу Пресвятая Богородица, нарицаемому „Тихвинскія“. И онъ передъ вышепомянутымъ образомъ молебенъ цѣть началь. И того же часа изволилъ къ нему прибыть Его Царское Величество и, тотъ образъ взявъ, послалъ въ соборъ Святая Троицы, а онъ, Рувимъ, отданъ подъ караулъ въ С.-Петербургскую крѣпость, а изъ крѣпости присланъ въ Александро-Невскій монастырь. Будуя въ Петербургѣ, у себя на подворье, кромѣ денъщика, другимъ никому молебновъ не пѣвалъ и съ образомъ въ дому ни къ кому не єзжivalъ, запрещенія ему отъ архіереевъ возить съ собою святые образа не было: другихъ духовныхъ прїѣзжихъ съ

образами въ Петербургѣ не знаетъ, только „за Малою Невкою, въ Сампсоновскомъ приходѣ, есть въ домѣ нѣкотораго провіанта образъ Знаменія Пресвятая Богородицы, обложенъ серебромъ, и того-де дому хозяинъ называлъ тотъ образъ чудотворнымъ, передъ которымъ молебствуютъ прочіе повседневно“, а точно указать лицъ и дворъ не можетъ, потому что былъ тамъ только однажды въ 1717 году „по зову того дома хозяина и служилъ въ церкви Сампсона Страннопріимца по умершихъ того дома родителяхъ літургію. А вѣдѣтъ-де про тотъ образъ подлинно и тотъ дворъ знаетъ Андрей Силинъ сынъ Култашевъ, который пребываетъ при дворѣ Царскаго Величества“.

Ѳеодосій въ Январѣ 1719 писаль въ Новгородъ Корельскому епископу Аарону, что, не смотря на запрещеніе, Рувимъ паки явился въ Петербургъ и живеть болѣе двухъ мѣсяцевъ и по прежнему дѣлаеть то, чтѣ ему было запрещено. Далѣе въ письмѣ говорится, что объ этомъ узналь Царь и, прїехавъ на подворье, засталъ Рувима въ ономъ же запрещенномъ дѣлѣ. „И привезъ онаго въ свой государевъ домъ со иконою великою въ кивотѣ и объявилъ министрамъ, которые присовѣтовали взять онаго въ крѣпость и разыскать, для чего онъ такіе тайные соборы въ православномъ и свободномъ въ вѣрѣ и молитвахъ государствѣ дѣлаеть и людей Божіихъ обольщаваетъ. При которомъ онаго архимандрита слuchaѣ было немалое негодованіе Царскаго Величества на васъ и на меня: на васъ, для чего такого плута и льстеца послали въ такой монастырь настоятелемъ и для чего безъ вашего вѣдѣнія волочится безвременно, а на меня,—для чего такимъ плутамъ и льстецамъ указомъ Царскаго Величества не запрещаю и даю волю. Того ради извольте ко мнѣ отписать обстоятельно, какимъ случаемъ онъ посланъ въ Тихвинъ монастырь и за вашимъ ли позволеніемъ волочился, дабы я имѣлъ что донести Царскому Величеству, понеже такъ мнѣ отъ Его Величества повелѣно“.

Преосв. Ааронъ отвѣчалъ, что непристойностей за Рувимомъ никакихъ не вѣдалъ, а уѣхалъ онъ въ Петербургъ для чelобитья о спрашиваемыхъ съ монастырскихъ слугъ и служебниковъ за провіантъ денегъ до 500 рублей, наносящихъ тому монастырю великое отягощеніе.

Все дѣло заканчивается доношеніемъ Ѣеодосія: „Сіятельныемъ господамъ, высокоправительствующему Сенату изъ Троицкаго Александро-Невскаго монастыря доношеніе. Въ прошломъ 1718 году Декабря въ 29 д., по именному Царскаго Величества указу присланъ изъ С.-Петербургской крѣпости въ Невскій монастырь подъ началь Тихвина монастыря архим. Рувимъ (который изъ помянутаго мона-

стыря пріѣзжая въ С.-Петербургъ съ иконою. дѣлалъ тайные соборы въ православномъ и свободномъ въ вѣрѣ и молитвахъ государствѣ, и людей Божіихъ обольщевалъ для своея корысти). И по тому Царскаго Величества указу оному Рувиму въ Невскомъ монастырѣ было объявлено, чтобы ему безъ благословенія настоятельскаго изъ монастыря никуда не отлучаться. А въ Августѣ мѣсяцѣ сего 720 года безъ благословенія настоятельскаго былъ онъ, Рувимъ, въ С.-Петербургѣ и за презрѣніе онаго указа отданъ былъ подъ караулъ лейбъ-гвардіи отставнымъ капралу Максиму Яковлеву въ солдаты.

„А сего Октября 11-го дня по извѣту помянутаго капрала оный Рувимъ изъ-за караула ихъ бѣжалъ. А въ примѣты онъ, Рувимъ, возрастомъ ниже средняго человѣка, власы свѣтло-русые, по концамъ курчеваты, брова свѣтло-русая мало широка, въ лицѣ круглы, курносъ, глаза малосѣры въ ямѣ, рѣчъ Черкасская, голось тонкій. И о сыску онаго утеклеца по губерніямъ указомъ Царскаго Величества дабы учинено было по разсмотрѣнію Правительствующаго Сената“.

Въ числѣ разныхъ дѣлъ находится исковое съ Шлиссельбургскаго священника Петра Георгіева, причемъ взысканіе было приказано произвести въ Ноябрѣ священнику Василью Андрееву. О. Георгіевъ долгъ призналъ, но заявлялъ только, что платить ему нечѣмъ, такъ какъ комендантъ Бухольцъ держитъ его подъ карауломъ съ 28 Октября. Впрочемъ, о. Андреевъ 24 Ноября доносилъ Феодосію, что пошлины взысканы, хотя о. Георгіевъ заявилъ, что уже ихъ платилъ о. Федорову, но только не взялъ росписки. „А также исковыхъ денегъ платить все равно некому, ибо благородная царевна Марія Алексѣевна и истецъ о. Федоровъ взяты въ Петербургъ“.

Царевна Марія Алексѣевна по дѣлу царевича Алексія Петровича была взята и отправлена въ Шлиссельбургъ, гдѣ „въ 1718 году по повелѣнію Петра I, были построены внутри крѣпости деревянныя свѣтлицы для этой царевны“ *). Свѣтлицы эти были потомъ въ 1720 г. разобраны и отвезены водой въ С.-Петербургъ. Царевна жила въ свѣтлицахъ недолго; изъ доношенія о. Андреева видно, что въ Ноябрѣ она уже была въ С.-Петербургѣ. Тамъ и скончалась 9 Марта 1723 года въ „домѣ за Фонтанкою“, гдѣ ея высочество жила.

Въ заключеніе скажу нѣсколько словъ о Феодосіи Яновскомъ, архим. Александро-Невскаго монастыря. Воспитаникъ Киевской Ака-

*) Лѣтопись Шлиссельбургской крѣпости.

демії, онъ, пользуясь покровительствомъ митрополита Іова, поступилъ въ 1704 г. архимандритомъ въ Новгородскій Хутынскій монастырь. При частыхъ поѣздахъ Петра, Феодосій съумѣлъ познакомиться съ Царемъ, который въ 1712 г. назначилъ его строителемъ Александро-Невскаго монастыря. Въ 1721 г. онъ уже былъ архиеп. Новгородскимъ съ оставленіемъ въ званіи архим. Александро-Невскаго монастыря и вскорѣ былъ назначенъ вице-президентомъ Св. Синода. 13 Мая 1725 года лишенъ сана и сосланъ въ Николо-Корельскій монастырь, Архангельской губ., гдѣ и скончался 5-го Февраля 1726 г.

Послѣдніе дни жизни Феодосія были ужасны. 17 Октября 1725 г. графъ Платонъ Ивановичъ Мусинъ-Пушкинъ, пріѣхавъ внезапно въ Никольскій монастырь, велѣлъ привести находившагося въ церкви за обѣдней Феодосія. Келья Феодосія была подъ церковью и состояла изъ трехъ отдѣльныхъ комнатъ. Въ одной изъ нихъ и жилъ Феодосій. Мусинъ-Пушкинъ распорядился окно въ его кельѣ заложить кирпичомъ, оставилъ только оконечко въ четверть аршина. Деревянный полъ выломали, платье и бѣлье отобрали, оставилъ только то, что было на немъ. Затѣмъ графъ заперъ двери замкомъ и приложилъ печать, учредивъ у дверей караулъ изъ солдатъ. Пищу подавали узнику въ это маленькое окошко. И такъ жилъ Феодосій съ 17 Октября 1725 г. въ этой подцерковной тюрьмѣ, безъ печи, безъ пола, страдая отъ голода, холода и нечистоты; и только по предписанію Тайной Канцеляріи Архангельскій губернаторъ Измаиловъ 30 Января 1726 года перенесъ полумертваго Феодосія въ новую, теплую тюрьму и, также запечатавъ, уѣхалъ. 5 Февраля Феодосій умеръ. Тѣло его погребено въ Кирилло-Бѣлозерскомъ монастырѣ при Евѳимьевской церкви *).

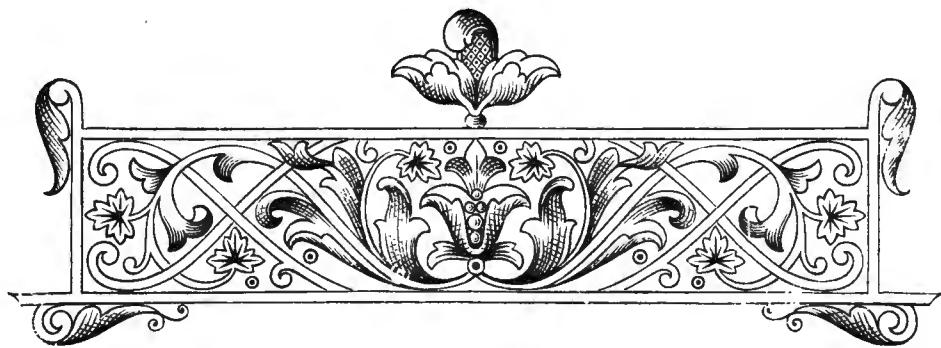
Такъ кончилъ жизнь всесильный архимандритъ Александро-Невскаго монастыря, вице-президентъ Св. Синода, гроза всего духовенства, оставившій по себѣ далеко нелестную память.

Ростовъ Великій, 1911 Іюля 15.

Андрей Титовъ.

*) „Люди старого вѣка“ Есипова, II, стр. 234.

Разсказы современниковъ о Петре Великомъ записанные Я. Штелинымъ.

Запрещеніе колѣнопреклоненія на улицахъ.

Въ первые годы по основаніи Петербурга въ городѣ было еще очень мало мощеныхъ улицъ и въ дождливую погоду во многихъ направленихъ образовались вязкія болотистыя мѣста. По древнему обычаю, народъ, при встрѣчахъ съ Государемъ, долженъ быть становиться на колѣни. Императоръ не любилъ этого обыкновенія и всегда дѣлалъ знакъ рукою, чтобы удержать людей отъ колѣнопреклоненія, неоднократно упоминая, что этотъ обычай ему крайне непріятенъ; но такъ какъ простыя слова въ данномъ случаѣ не дѣйствовали, монархъ запретилъ подъ угрозою наказанія кнутомъ колѣнопреклоненіе на улицахъ.

Этотъ разсказъ сообщенъ лейбъ-хирургомъ Петра Великаго Яномъ Гофа.

Потчеваніе Голландскихъ моряковъ аладьями.

Смѣлость и непринужденное обращеніе иноземцевъ-моряковъ съ Монархомъ внушало къ нимъ должное уваженіе и страхъ со стороны царскихъ служителей, съ которыми имъ приходилось имѣть дѣло и побуждало сихъ послѣднихъ къ быстрому исполненію ихъ различныхъ требованій. При малѣйшемъ отказѣ карабельщика угрожали жалобой Его Величеству. Всѣмъ, уже по опыту, было извѣстно, что они имѣли совершенно свободный доступъ къ Государю, который неминуемо требовалъ къ себѣ и привлекалъ къ ответственности виноватыхъ. Словомъ, мореплаватели, въ особенности Голландскіе, которыхъ въ то время было уже изрядное количество въ Россіи, пользовались необыкно-

См. выше стр. 459.

венно свободнымъ обращеніемъ съ Государемъ, подчасъ переступая границы въ своеі черезчуръ простомъ обхожденіи съ монархомъ. Петръ Великій, хорошо знавшій обычай моряковъ и, по многимъ причинамъ, особенно дорожившій ими, не только не выказывалъ при этомъ ни малѣйшаго неудовольствія; но еще хвалилъ ихъ и веселился отъ души надъ ихъ шутками. Встрѣтивъ однажды на прогулкѣ въ дворцовомъ лѣтнемъ саду моряка, не разъ бывавшаго раньше въ Архангельскѣ, когда сей послѣдній былъ складочнымъ мѣстомъ Русской торговли, царь спросилъ его, не нравится ли ему теперь Петербургъ болѣе Архангельска и не пріѣзжаетъ ли онъ много охотниче сюда, нежели нѣкогда въ Архангельскѣ? „Нѣть“, отвѣчалъ долго не думая матросъ. Нѣсколько раздосадованный и удивленный такимъ отвѣтомъ, Государь освѣдомился о причинѣ не любви къ новому городу: „ваше величество, возразилъ спохватившись смѣлый морякъ, въ Архангельскѣ мы всегда по пріѣздѣ нашемъ получали хорошия алады, здѣсь не даютъ ихъ намъ“. — „Постой, братъ, отвѣтиль развеселившійся императоръ, приходи завтра со всѣми твоими земляками и прочими моряками ко мнѣ во дворецъ, и я покажу вамъ, что здѣшнія олады не хуже Архангельскихъ“. Возвратившись домой, Петръ позвалъ оберь кухнemейстера Фелстена и приказалъ приготовить къ слѣдующему вечеру хорошихъ Голландскихъ аладій и всего, что къ нимъ полагается. На другой день всѣ Голландскіе моряки были приглашены на вечеръ въ лѣтній дворецъ, гдѣ, въ присутствіи его величества, ихъ угостили въ саду сладкими и другими хорошими яствами.

Этотъ анекдотъ извѣстенъ изъ усть Брунса и Ивана Фельтена. Послѣдній родомъ изъ Нижней Саксоніи; онъ пріѣхалъ въ Россію съ королевскимъ Датскимъ посланникомъ въ качествѣ пекаря. Царь, которому очень нравилось его поваренное искусство, назначилъ его въ 1704 году придворнымъ мундкохомъ и метердотелемъ. Состоя при этой должности, онъ не только имѣлъ случай часто видѣть Государя, но сей послѣдній часто посѣщалъ его домъ, гдѣ онъ любилъ иногда для перемѣны кушать и куда неоднократно приводилъ съ собою гостей. Послѣдніе, равно какъ и самъ монархъ, платилъ хозяину по червонцу за кушанье. Фельтенъ умеръ въ Петербургѣ въ 1737 году.

Строгое отношеніе къ нерадивости полиції.

Графъ Девье, преслѣдуемый въ царствованіе императрицы Екатерины I своимъ зятемъ княземъ Меншиковымъ, сосланный въ Сибирь и возвращенный по истечениі 15-ти лѣтъ императрицею Елизаветою

Петровной, былъ питомцемъ Петра I, при которомъ состоялъ, сначала пажемъ, а затѣмъ, многіе годы, денщикомъ. Впослѣдствіи онъ былъ произведенъ въ полковники, генераль-майоры, генераль-лейтенанты и, наконецъ, до самаго своего несчастія, занималъ должность генераль-полиціймейстера. Онъ съ особымъ усердіемъ исполнялъ свои обязанности, зная, какъ строго Государь слѣдилъ за полиціей вообще и, что отъ его проницательности не могло укрыться на малѣйшее упущеніе въ смыслѣ порядка въ его любимомъ городѣ. Однажды Государь, по своему обыкновенію, ѿхалъ въ одноколкѣ на Адмиралтейскую сторону берегомъ Мойки. Полиціймейстеръ сидѣлъ рядомъ съ нимъ. Достигнувъ моста, перекинутаго черезъ каналъ отъ Головинскаго дворца къ Мойкѣ, находящагося противъ, такъ называемой, Новой Голландіи (островъ со многими постройками, предназначеными для сохраненія дубового кораблестроительного лѣса), они замѣтили, что доски моста разошлись, что по нимъ не безопасно проѣзжать. Царю пришлось выйти изъ одноколки и заставить своего денщика нѣсколько сдвинуть и скрѣпить доски, чтобы имѣть возможность переправиться на другую сторону. Разгневавшись на беспечное отношеніе полиціи къ улицамъ и мостамъ, Петръ выбрилъ полиціймейстера за его нерадивость, и, слегка ударивъ его, сказалъ: „это придаетъ тебѣ охоты лучше наблюдать за ввѣреннымъ тебѣ городомъ и отъ времени до времени лично наблюдать за порядкомъ. Мостъ былъ тѣмъ временемъ исправленъ, успокоившійся Монархъ сѣлъ въ одноколку и, милостиво обратившись къ полиціймейстеру, сказалъ ему, какъ ни въ чемъ не бывало: „Ну, садись братъ“.

Этотъ анекдотъ сообщенъ сыномъ упомянутаго генераль-полиціймейстера камергеромъ графомъ Реваромъ.

Отношеніе къ охотѣ.

Въ противоположность другимъ дворамъ, Петръ Великій не содержалъ егерскаго корпуса; имѣя только нѣсколькихъ придворныхъ охотниковъ, на обязанности которыхъ лежало доставленіе дичи къ царскому столу. При Адмиралтействѣ состояло два лѣсничихъ, которые должны были слѣдить за строевымъ лѣсомъ сосѣдней рощи и наблюдать за пристромъ дубовъ. Онъ терпѣть не могъ какихъ бы то ни было травлей и терзаній животныхъ. Однажды, когда онъ былъ въ подмосковномъ селѣ, одинъ изъсосѣднихъ помѣщиковъ, большой любитель охоты, пригласилъ Государя на устроенную для его развлеченія охоту на медвѣдей. Монархъ дружески отклонилъ приглашеніе, сказавъ: „Гоняй-

тесь, сколько хотите, за дикими звѣрями, мнѣ же это не можетъ доставить удовольствія, пока мнѣ приходится за предѣлами государства изгонять дерзкихъ враговъ и внутри страны укрощать строптивыхъ и упрямыхъ подданныхъ“:

Рассказъ этотъ сообщенъ гофмаршаломъ Дмитріемъ Андреевичемъ Шепелевымъ.

Любовь государя къ хорошей живописи.

Въ Амстердамѣ часто посѣщалъ знаменитыхъ художниковъ того времени и цѣлыми часами наблюдалъ за ихъ работой, бесѣдуя съ ними о различныхъ произведеніяхъ живописи, благодаря чему у него выработался тонкій вкусъ въ распознаваніи картинъ. Съ особеннымъ интересомъ онъ относился къ произведеніямъ Фламандской и Брабантской школы и закупилъ большое количество картинъ ихъ знаменитыхъ мастеровъ. Рубенсъ, Ванъ-Дикъ, Рембрантъ, Янъ Штейнъ, Ванъ-Деръ-Верфъ, Вукерманъ, были его любимцами. Морскія и корабельные изображенія онъ предпочиталъ всѣмъ другимъ. Съ особеннымъ уваженіемъ онъ относился къ знаменитому Адаму Сило, который былъ самъ раньше капитаномъ карабля, и потомъ съ большимъ успѣхомъ занялся исполненіемъ карабельныхъ и морскихъ рисунковъ, превзойдя всѣхъ предшествующихъ живописцевъ точностью и правильностью изображенія снастей. Петръ Великій считалъ его картины поучительными при устройствѣ парусовъ и якорныхъ спусковъ и украсилъ прихожую своего лѣтняго дворца произведеніями этого мастера. Въ Петергофѣ, во дворцѣ своей супруги, Петръ I устроилъ первую картинную галлерею, и наполнилъ ее исключительно картинами Нидерландскихъ художниковъ, среди которыхъ первое мѣсто было отведено морскимъ и корабельнымъ рисункамъ. Однажды въ Амстердамѣ Государь сидѣлъ въ публичной картинной аукціонной палатѣ между многими покупателями и любителями живописи рядомъ съ известнымъ скопщикомъ картинъ Кседемъ, Швейцарскимъ художникомъ мертввой природы и исторіи, большимъ знатокомъ живописи вообще и мастеромъ Нидерландской школы въ частности. Монархъ закупилъ тамъ большое количество произведеній своихъ любимыхъ живописцевъ, которыми отчасти украсилъ Петергофскую галлерею и отчасти развѣсилъ ихъ въ своихъ дворцахъ. Для поддержанія въ порядкѣ и пополненія этой коллекціи картинъ Государь пригласилъ къ себѣ на службу вышеупомянутаго Кселя, который послѣдовалъ за царемъ въ Петербургъ, гдѣ исполнилъ нѣсколько прекрасныхъ рисунковъ такъ называемой „тихой жизни и

суеты", такъ напр., онъ изобразилъ мертвую голову съ погасшею, но еще дымящеюся свѣчей, спокойно лежащіе музикальные инструменты и т. п. Онъ умеръ въ званіи живописца Академіи Наукъ въ глубокой старости въ 1743 ?.

Анекдотъ этотъ сообщенъ живописцемъ Кеселемъ.

Привлеченіе иностранцевъ въ Россію.

Было бы несправедливо утверждать, что Петръ Великій имѣлъ слѣпое пристрастіе къ иностранцамъ, ихъ нравамъ и обычаямъ: многія обстоятельства, наоборотъ, указываютъ на то, что императоръ прекрасно относился къ иноземцамъ и дорожилъ ими исключительно ради желанія добра своему отечеству. Онъ слѣдовалъ благому начинанію своего предка, царя Ioanna Васильевича, и съ этой цѣлью въ 1699 г. издалъ два указа. Первымъ давалось дворянамъ разрешеніе предпринимать путешествія въ чужie края при соблюденіи условія, чтобы каждый, отправляющійся за границу, предварительно явился къ Монарху для полученія необходимыхъ наставленій и указаній, чemu онъ, соотвѣтственно своему состоянію и способностямъ, долженъ тамъ научиться. Другимъ указомъ повелѣвалось посланникамъ, резидентамъ и агентамъ, находившимся въ чужихъ государствахъ, повсемѣстно объявить, что всѣмъ иностранцамъ, желающимъ поступить на службу или попытать счастье въ Россіи, будетъ оказанъ радушный пріемъ и предоставлена не только полная свобода и защита, но въ случаѣ надобности и помощь, необходимая для развитія ихъ ремесль. Особенно приятно было бы государю, еслибы въ Россію захотѣли переселиться опытные морскіе и сухопутные офицеры, инженеры, артиллеристы, хорошие художники, фабриканты и ремесленники.

При этомъ мудрый Монархъ издалъ распоряженіе, чтобы и въ случаѣ его отсутствія послѣднимъ было оказано радушіе и покровительство въ его государствѣ.

Какъ только заграницей получено было извѣстіе объ основаніи новаго города Петербурга, многіе иностранцы переселились туда, расположились со своими семьями, зарабатывая средства къ жизни (пропитаніе) службой или ремеслами.

Петръ Великій относился ко всѣмъ чрезвычайно благосклонно, платилъ офицерамъ двойное жалованье, очень милостиво и просто бесѣдовалъ съ ремесленниками и художниками, посѣщалъ ихъ мастер-

скія и отдавалъ имъ въ ученѣе молодыхъ Русскихъ, которыхъ онъ при всякомъ удобномъ случаѣ поощрялъ изъявленіями своей милости.

Монархъ случайно замѣтилъ или, быть можетъ, узналъ черезъ приближенныхъ лицъ, что многіе Русские тайно роптали на его пристрастіе къ иноземцамъ. Чтобы положить конецъ ихъ толкамъ, однажды, въ присутствіи однихъ только Русскихъ, Государь заговорилъ объ иностранцахъ. „Я знаю, сказалъ онъ, что льготы, которыя я представляю иностранцамъ, не нравятся многимъ изъ моихъ подданныхъ; но я считаю, что у меня подданные двоякаго рода: разумные и благонамѣренные, для которыхъ вполнѣ очевидно, что я привлекаю иностранцевъ и хорошо отношусь къ нимъ, главнымъ образомъ, ради того, чтобы мой народъ обучился ихъ наукамъ и искусствамъ. Злые же и неразумные между моими подданными, не понимающіе и не признающіе моихъ добрыхъ намѣреній, презираютъ по глупости все хорошее, чтѣмъ кажется новымъ и чemu бы они съ радостью воспрепятствовали, еслибы у нихъ была эта возможность, совершенно забывая, чтѣмъ дѣжалось прежде въ нашемъ отечествѣ, пока я еще не видѣлъ другихъ странъ и не привлекъ сюда иноземцевъ. И, наконецъ, что я могъ бы сдѣлать безъ ихъ помощи во всѣхъ моихъ начинаніяхъ, если принять во вниманіе силу моихъ враговъ!...

Князь Меншиковъ.

Сенаторамъ удавалось нѣсколько разъ уличать князя Меншикова въ корыстолюбіи и въ лихоимствѣ при доставкѣ провіантскихъ и мундирныхъ поставокъ. Хотя Сенатъ иногда и дѣжалъ, для очищенія, сонѣсти, по этому поводу запросы князю Меншикову, но сей послѣдній обходилъ ихъ съ молчаниемъ или если, ради приличія, и посыпалъ иногда разъясненіе черезъ своихъ подчиненныхъ, то всегда осторегался отвѣтить письменно и, тѣмъ болѣе, за собственноручною подписью. Чтобъ снять съ себя въ данномъ случаѣ ответственность, Сенатъ составилъ списокъ особенно важныхъ проступковъ князя и положилъ его на засѣданіи предъ мѣстомъ, которое занималъ обыкновенно Государь, безъ всякаго предварительного доклада. Въ первое же засѣданіе онъ взялъ его въ руки, поспѣшно просмотрѣлъ и, не сказавъ ни слова, сдѣлавъ видъ, что онъ не читалъ его, положилъ на прежнее мѣсто, гдѣ онъ и оставался еще довольно долгое время. Наконецъ, сенаторы рѣшились переговорить объ этомъ обстоятельствѣ съ Государемъ. Сидѣвшій рядомъ съ Его Величествомъ тайный советникъ Толстой, взявъ названный списокъ, спросилъ Государя, чтѣмъ онъ на это скажетъ? Ровно ничего, возразилъ Петръ Великій, развѣ только то, что Меншиковъ останется Меншиковымъ. Сенаторамъ предстояло понимать эти слова какъ имъ угодно, листъ остался на своемъ мѣстѣ, и никто болѣе не отваживался докладывать о немъ Государю.

Этотъ разсказъ сообщенъ графомъ Остерманомъ.

Собствениоручная ковка желѣзныхъ полосъ.

Петръ усердно посѣщалъ различные заводы и мастерскія, лично поощряя и подбодряя рабочихъ. Онъ часто бывалъ на заводѣ желѣзныхъ издѣлій Миллера, находящемся въ 90-и верстахъ оть Москвы по Калужской дорогѣ, при рѣкѣ Истѣ. Однажды онъ провелъ тамъ цѣлыхъ четыре недѣли, пользуясь мѣстной цѣлебной водой, находя возможность наряду съ своими ежедневными государственными занятіями удѣлять достаточно времени тщательному изслѣдованию и изученію этого дѣла, лично работая при ковкѣ и плавленіи металла, съ цѣлью изученія ковки желѣзныхъ полосъ. Ознакомившись съ этимъ искусствомъ, онъ собствениоручно выковалъ въ послѣдній день своего пребыванія на заводѣ восемнадцать пудовъ желѣза, снабдивъ каждую полосу своимъ клеймомъ; находившіеся въ его свитѣ камеръ-юнкера и бояре исполняли различные споручныя работы, приносили и приграбили къ огню угля, раздували мѣха и т. п. Пріѣхавъ черезъ нѣсколько дней въ Москву, онъ отправился къ владѣльцѣ завода Вернеру Миллеру и, расхваливъ устройство завода, спросилъ, какая плата полагается за пудъ кованаго полосового желѣза? Три копѣйки, т. е. алтынъ, отвѣчалъ Миллеръ. Въ такомъ случаѣ, замѣтилъ Петръ Великій, я заработалъ 18 алтынъ, которые намѣренъ отъ васъ получить. Вернеръ Миллеръ тотчасъ же направился къ своему денежному сундуку и, отсчитавъ 18 червонцевъ, передалъ ихъ царю, добавивъ: „нельзя уплатить меньшей суммы такому работнику, какъ Ваше Величество“. Но царь, отклонивъ предложенные деньги, возразилъ: „Я работалъ нисколько не лучше другихъ мастеровъ, поэтому дай мнѣ положенную для нихъ плату; я куплю себѣ на эти деньги новую пару башмаковъ, которые теперь мнѣ очень нужны“. При этомъ онъ указалъ на свои стоптанные башмаки, къ которымъ уже разъ пришивались новые подметки и, взявъ 18 алтынъ, отправился въ ряды, гдѣ купилъ себѣ новую обувь. Бывая въ гостяхъ, онъ часто показывалъ на свои ноги со словами: „эти башмаки я заработалъ въ потѣ лица“.

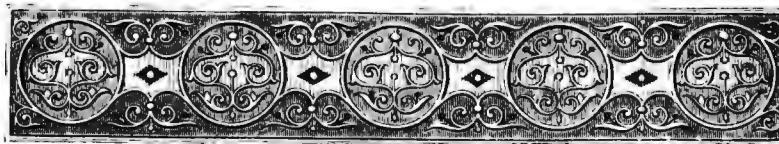
Одна изъ собствениоручно выкованныхъ Государемъ полосъ, снаженная его клеймомъ, находится на желѣзномъ заводѣ Миллера; другая, выкованная Императоромъ въ Олонцѣ при Ладожскомъ озерѣ, сохраняется въ Кунсткамерѣ С.-Петербургской Академіи Наукъ *).

*) Третья въ городѣ Липецкѣ, при заведеніи желѣзныхъ водъ, открытыхъ Петромъ. Въ Липецкѣ же и памятникъ Петру, поставленный откупщикомъ Небучининымъ. П. Б.

Отказъ Евреямъ поселиться въ Россіи.

Въ первое свое пребываніе въ Голландіи, когда Государь въ Саардамъ изучалъ кораблестроеніе, у него проглядало явное желаніе расширить торговлю и промышленность своего государства. Этимъ отношеніемъ Государя къ иностранцамъ захотѣли воспользоваться хитрые Амстердамскіе Евреи; имъ было хорошо известно, что еще царь Иоаннъ Васильевичъ изгналъ Евреевъ изъ предѣловъ Россійского государства, и послѣдующіе за нимъ властители не разрѣшали имъ жительства въ Россіи; однако они обратились къ любимцу монарха, известному Амстердамскому бургомистру Вань-Витсену *), прося его исходатайствовать у Государя разрѣшеніе жительства и веденія торговли въ Россіи Евреямъ на одинаковыхъ правахъ съ прочими иноземцами, при чемъ не преминули изобразить въ яркихъ краскахъ преимущества, которыя получили бы Русскіе, еслибы ихъ торговлы оказали содѣйствіе Еврейскіе купцы. Сверхъ того они обязывались въ благодарность за исполненіе просьбы поднести Государю даръ въ 100 тысячъ гульденовъ наличными деньгами. Витсенъ обѣщалъ при первомъ удобномъ случаѣ поговорить о нихъ съ Государемъ. Монархъ рѣдко отказывалъ ему въ его просьбахъ. Витсенъ сдержалъ данное слово и при случаѣ обстоятельно изложилъ Государю ходатайство и предложеніе Евреевъ. Выслушавъ внимательно его до-кладъ, царь съ улыбкою разразилъ: „Господинъ Витсенъ, я знаю, что вамъ, также какъ мнѣ, хорошо известны не только Евреи, но и складъ мыслей моего народа. Еще не пришло время Гудеямъ селиться въ моемъ государствѣ. Передайте имъ отъ моего имени благодарность за ихъ предложеніе и въ тоже время мое искреннее сожалѣніе, если имъ когда либо удастся основаться въ Россіи; потому что, хотя они и сливутъ во всемъ свѣтѣ за искусѣйшихъ обманщиковъ въ торговлѣ, но я опасаюсь, что имъ не удастся провести мой народъ“.

* Николай Витсенъ былъ не только Амстердамскимъ бургомистромъ, но игралъ важную роль въ исторіи Голландіи и Вестфрисландіи. Будучи такимъ же свѣдущимъ ученымъ, какъ и политикомъ, онъ въ молодости своей служилъ при Голландскомъ посольствѣ въ Москвѣ, где былъ представленъ царю Алексѣю Михайловичу. Пребываніе въ Россіи подало ему мысль составить чертежъ для изданія географической карты Сѣверо-Восточной Татаріи, которую онъ посвятилъ и послалъ молодому Петру Алексѣевичу еще до прибытія послѣдняго въ Голландію. Составленіе этой карты стоило ему большихъ денегъ, упорного труда и пространной переписки. Многія свѣдѣнія черпалъ онъ изъ непосредственнаго знакомства съ купцами, природными Армянами, Персами, Турками, Татарами, Грузинами и другими, находившимися въ Амстердамѣ, народностями. Нѣсколько лѣтъ спустя, для болѣе точнаго поясненія своей карты, онъ напечаталъ превосходное изданіе подъ заглавіемъ Сѣверная и Восточная Татарія. Онъ умеръ въ 1717 году.

СТАРОЕ КЛАДБИЩЕ ВЪ СЕЛЬ РАМЕНСКОМЪ.

На Западномъ берегу Борисоглѣбскаго озера, въ с. Раменскомъ, Бронницкаго уѣзда, окруженнное со всѣхъ сторонъ корпусами фабрики Товарищества „И. Малютина Сыновей“, имѣется, такъ называемое „Старое Кладбище“. Правление Товарищества обращалось къ подлежащимъ властямъ съ ходатайствомъ объ упраздненіи названного Кладбища, и хотя Московское Губернское Правленіе „по всестороннемъ обсужденіи этого дѣла рѣшило ходатайство Раменской мануфактуры отклонить“ (см. Моск. Вѣд. № 119 отъ 27 Мая 1911 года), тѣмъ не менѣе надо полагать, что „Товарищество“ будетъ настойчиво добиваться, чтобы кладбище было срыто.

Междѣ тѣмъ вотъ что читаемъ въ старинныхъ рукописяхъ объ этомъ кладбищѣ: „Церковь Троицы Живоначальной на погостѣ „въ Раменцѣ“ у Борисоглѣбскаго озера, нынѣ село Троицкое Раменье Московскаго уѣзда. Въ началѣ XVII ст. Московскаго уѣзда, въ дворцовой волости Раменцѣ, на погостѣ, у Борисо-глѣбскаго озера существовала деревянная церковь во имя Бориса и Глѣба, построена изстари, по окладу 7136 (1628) год. Церковной дани 10 алтынъ, заѣзда 9 денегъ, Кормовая Гринна“. (Патр. Прик. кн. 2, л. 186). По писцовыми Книгамъ Приказа большаго дворца 139—141 (1631—1633) годовъ значится: „къ той Борисоглѣбской церкви пустошь, что была деревня Руново, пашни паханная 3 чети безъ третника, да перелогомъ и лѣсомъ поросло 17 чети съ третникомъ въ полѣ, а въ дву потому-жъ, сѣна 80 копенъ лѣсу пашенного 2 десятины, лѣсу не пашенного 3 десятины да къ церкви-жъ Бориса и Глѣба дано озерко Борисоглѣбское, да пустошь церковная Гребнево, пашни лѣсомъ поросли 30 чети въ полѣ, а въ дву потому-жъ, а дали тоя пустошь къ церкви Бориса и Глѣба писцы Сергѣй Ступишинъ да подьячій Василій Ратаевъ“. (Патр. Прик. до Озери. кн. 141 л. 348—349). „Въ 7143 (1634—1635) год. По челобитью той церкви паша Карна дана патріарша жалованная грамота, а велѣно ему церковная дань платить на Москву вдвое, дани рубль 3 алт. десятильничихъ и заѣзда двѣ гривны“.

Въ 7188 (1680) г. показано: при церкви Бориса и Глѣба во дворѣ вдовы попа Леонтия Григорьевъ, дьячекъ Ивашко Никитинъ, во дворѣ пономарь Силуянко Григорьевъ церковь построена изстари, пашни церковной земли по писцовыми книгамъ 185—187 (1677—1679) год. показано: 2 четверти въ пустоши Руново, на вершинѣ Степановскаго болота, пашни церковные четверть да лѣсомъ поросло 29 четвертей въ пустоши Гребневой отъ рубежа деревни Хрилановой и отъ рубежа Николаевскаго Угрѣшскаго монастыря. Пустоши Панковой, пашни четверть, да лѣсомъ поросло 30 четвертей“. (Патр. Прик. кн. 142 л. 210—211; Вотч. Колл. по гор. Москвѣ, мол. л. кн. 75 № 48).

„На погостѣ, у Борисоглѣбскаго озера, построена новая деревянная Церковь во имя Живоначальной Троицы съ придѣломъ св. Бориса и Глѣба; ко дню освященія оной церкви, по благословенной грамотѣ, 1706 года октября въ 14 день, выданъ антиминсъ подъ росписку тоя-жъ церкви попа Ивана“ (Патр. Прик. кн. 138 л. 285. Перепис. кн. 1710 г. л. 181 об.).

„1710 года Августа въ 30-й день по указу Великаго Государя и по приговору боярина Тихона Никитича Стрешнева отдана изъ приказа большого

дворца на оброѣ тайному дѣйствительному совѣтнику графу Ивану Алексѣевичу Мусину-Пушкину въ Московскомъ уѣздѣ Раменская волость съ селами и деревнями и со всѣми угодьями, и платить ему въ приказѣ большого дворца денежная и всякия доходы сполна“.

Въ 1722-мъ году Раменская волость пожалована ему-же графу Мусину-Пушкину въ вѣчное владѣніе. (Вотч. Колл. по гор. Москвѣ кн. 67, № дѣла 4).

Въ Записной книжѣ исходящихъ бумагъ Синод. Каз. Приказа за 1725 г. значится: Сентября въ 21-й день запечатанъ указъ о строеніи церкви тайному дѣйствительному совѣтнику графу Ивану Алексѣевичу Мусину-Пушкину, вѣльно въ Московскомъ уѣздѣ въ вотчинѣ ево въ селѣ Новотроицкомъ вмѣсто вѣтхой деревянной Троицкой Церкви построить въ томъ-же селѣ вновь церковь во имя живоначальной Троицы каменную; пошлины 3 алт. 2 деньги нужнѣйшихъ одна четвъ взято; припись на указѣ казначея іеромонаха Филагрія, да секретаря Ивана Орлова“ (Патр. Прик. кн. 289, л. 96).

Послѣ графа И. А. Мусина-Пушкина, († 21-го Іюня 1730 года), имѣніе досталось его сыну графу Платону, у которого оно потомъ отписано по именному царскому указу и причислено по прежнему къ дворцовому вѣдомству. Въ 1749-мъ году оно пожаловано графу Алексѣю Бестужеву-Рюмину.

Въ 1768 году селомъ Троицкимъ что у Борисо-Глѣбскаго Озера, въ Раменцѣ, владѣть князь Михаилъ Никитичъ Волконскій, племянникъ графа Алексія Петровича Бестужева-Рюмина. (Вотч. Колл. по гор. Москвѣ мол. л. кн. 21, № дѣла 22, кн. 75, № дѣла 28).

При Троицкой церкви были: священникъ Иванъ Леонтьевъ 1706—1726 г., дьяконъ Матвѣй Ивановъ 1710—1726 г., дячекъ Алексѣй Платоновъ 1726 г. и пономари: Андрей Силуяновъ 1710 год. и Михаилъ Андреевъ. 1726 г.

Вотъ тѣ историческія данныя, съ которыми тѣсно связано Раменское „Старое Кладбище“.

По свидѣтельству преосвященнаго Никанора, архіепископа Херсонскаго и Одесскаго (томъ IV стр. 369), какъ было въ древней православной Греції, такъ и у насъ на святой Руси, христіанскія кладбища располагались, большей частію, около приходскихъ храмовъ“ и что „погостомъ въ Великой Россіи, называлось какъ и называется, мѣсто, гдѣ находятся приходская церковь и общее приходское кладбище“.

Отсюда ясно, что церковь во имя Св. Муч. Бориса и Глѣба, а впослѣдствіи Живоначальная Троица, стояла на нынѣшнемъ „Старомъ Кладбищѣ“. Построенная-же въ 1725—1730 гг. графомъ Мусинымъ-Пушкинымъ, на восточномъ берегу озера, при своей усадьбѣ, каменная церковь, очевидно взамѣнъ упраздненіемъ старой, на кладбищѣ. На это такъ-же указываетъ находящаяся, до сихъ поръ на „Старомъ Кладбищѣ“, каменная часовня. Въ этой часовнѣ похоронены вдова генераль-лейтенанта Евдокія Семеновна Лунина, скончавшаяся 9 Октября 1847 г., 86 лѣтъ, и графиня полковница Екатерина Петровна Риччи, рожд. Лунина, скончавшаяся Февраля 8-го 1886 г. 99 лѣтъ.

Если епархиальная власть не нашла возможнымъ по „соображеніямъ религіознаго свойства“ удовлетворить ходатайство Раменской мануфактуры объ упраздненіи названного кладбища, то по тѣмъ-же религіознымъ соображеніямъ епархиальная власть должна поддержать этотъ историческій памятникъ, который приходитъ въ полное запустѣніе.

Крестьянинъ Александръ Киселевъ.

Раменское.
24 Іюня 1911 г.

ОТЪ ЯРОСЛАВСКОЙ ГОРОДСКОЙ УПРАВЫ.

Постановленіемъ отъ 3 Декабря 1908 года, Ярославская Городская Дума признала необходимымъ издать исторію города Ярославля ко времени его 900-лѣтія, имѣющаго быть въ 1924 году, и приступить теперь же къ собиранию и подготовкѣ материаловъ по этому изданію, которое поручено члену Ярославской Ученой Архивной Коммиссіи, хранителю ея музея и исторического архива, Иларіону Александровичу Тихомирову. Въ виду чего и принимая во вниманіе, что предпринятое дѣло не подъ силу одному человѣку, какъ бы добросовѣстно онъ къ нему ни отнесся, Ярославская Городская Управа, въ видахъ наиболѣе совершенного осуществленія начатаго мѣроопріятія, обращается не только къ Ярославскому обществу и всѣмъ Ярославцамъ, разсѣяннымъ по Россіи и заграницею, но и вообще ко всѣмъ лицамъ, сочувствующимъ настоящему начинанію Городской Думы, съ просьбою оказать ей посильное содѣйствіе свое сообщеніемъ и присылкою въ Ярославскую Городскую Управу или на имя И. А. Тихомирова (Ярославль, Ильинская площадь, домъ 21—Древлехранилище) всякихъ имѣющихся у нихъ данныхъ о минувшей жизни Ярославля, хотя бы по виду и незначительныхъ.

Сообщенія и указанія могутъ касаться не только болѣе крупныхъ источниковъ, но и журнальныхъ статей и рисунковъ, газетныхъ корреспонденцій и т. п. Очень желательны дневники, всякия памятныя записи (встрѣчаются и въ календаряхъ), переписка знакомыхъ о злобахъ дня и о всякихъ иныхъ событияхъ въ Ярославлѣ, виды города, планы и фасады домовъ, церквей и другихъ зданій города, особенно въ ихъ прежнемъ, нынѣ уже утраченномъ, видѣ, фотографические снимки, портреты административныхъ, общественныхъ и другихъ дѣятелей, ихъ жизнеописанія, переписка, неизданныя сочиненія, работы мѣстныхъ художниковъ, мастеровъ и любителей, а равно и промышленныхъ заведеній и т. д. Все присланное во временное пользованіе, по снятіи копій, будетъ возвращено приславшимъ съ глубокой благодарностью и въ полной сохранности; присланное же въ распоряженіе Ярославской Городской Думы будетъ передаваться въ Древлехранилище Ярославской Архивной Коммиссіи на вѣчное храненіе съ занесеніемъ въ списки пожертвованій отъ имени приславшаго. Кое-что можетъ быть приобрѣтаемо и за деньги, но въ виду незначительности отпускаемыхъ средствъ разсчитывать на большія цѣны не слѣдуетъ.

Просить всѣ періодическія изданія перепечатать.

СОДЕРЖАНИЕ
ВТОРОЙ КНИГИ
„РУССКАГО АРХИВА“
1911 года.

(выпуски 5, 6, 7 и 8).

297. Два анекдота о царѣ Иоаннѣ Васильевичѣ Грозномъ. Сообщилъ Левъ Мацѣевичъ.
- 553 и 604. Изъ разсказовъ о Петрѣ Великомъ, записанныхъ Я. Штелинымъ.
293. Донесеніе Дербентскаго коменданта Юнгера М. А. Матюшкину 1725 г. о Черкешкѣ для Екатерины I-й. Сообщено графомъ П. С. Шереметевымъ.
5. Дневникъ Итальянца Мизере. О службѣ при Петрѣ Третьемъ.
513. Изъ записокъ короля Станислава Понятовскаго. Непріятное приключение 6 Июля 1757 года.
21. Три письма Петра Третьяго изъ Ропши къ Екатеринѣ Второй.
24. Письма графа Орлова къ Екатеринѣ Второй.
107. Чистосердечная исповѣдь Екатерины Второй Потемкину.
105. Дополненіе къ статьѣ о бракѣ Екатерины Второй съ Потемкинымъ.
319. Любимцы Екатерины Второй, хронологический списокъ, составленный М. Н. Лонгиновымъ.
- 26 и 161. Изъ Записокъ Корберона. 1775, 1776—1780 годы.
320. Екатерина Вторая, по разсказу современника-Нѣмца.
109. Два обелиска (въ Царскомъ Селѣ и въ Кусковѣ). Сообщено С. Д. Шереметевымъ.
317. Кусковскіе фрукты. Отписка приказчика Петра Александрова графу П. Б. Шереметеву. Изъ Петербурга въ Москву.
112. О Шереметевскихъ пѣвчихъ. Сообщено графомъ С. Д. Шереметевымъ.
318. Письмо Императрицы Екатерины Второй къ П. Д. Еропкину.
305. Екатерина Вторая, какъ историкъ. Статья В. С. Иконникова.
205. Два завѣщанія Г. Р. Державина. (Крѣпостные ищутъ воли). Сообщено М. Л. Юдинымъ.
395. Записка Лагарпа о перчаткахъ Павла Петровича.
113. Мартовское событие въ Петербургѣ въ 1801 году (Н. Н. Овсянникова.)
298. Таинственное потопление. Сообщилъ А. А. Стаковичъ.
131. Письмо И. В. Сабанеева къ дивизіонному генералу. 1822.
452. Императоръ Александръ Николаевичъ и Французская императрица Евгения.
- 132, 224, 343 и 465. Изъ Записокъ И. Н. Лебедева. 1864—1867 годъ.
261. Изъ записокъ Я. Н. Грота (празднованіе полуторастолѣтняго юбилея Императорской Академіи Наукъ).
457. Письмо графа Д. С. Толстого къ С. Н. Голубцову о книгахъ для народа.

337. Письма митрополита Исидора къ священнику Хуціеву.
341. Воспоминаніе о митроп. Исидорѣ. П. Б.
394. Четверостишие С. Т. Аксакова Н. Н. Новрозовой.
553. Н. М. Карамзинъ. По поводу памятника ему въ Остафьевѣ. П. Б.
401. «Автобіографическое введеніе». Записка князя П. А. Вяземскаго о себѣ, какъ писателѣ.
519. Изъ исторіи Русскаго водевиля. Дмитрий Тимофеевичъ Ленскій (Воробьевъ). Статья С. Старосивильскаго.
530. Баринъ пріѣхалъ! Баринъ пріѣхалъ! Интермедія-водевиль В. И. Живокини. Съ замѣткою М. П. Садовскаго.
274. Письмо Ф. И. Тютчева къ княгинѣ Е. Э. Трубецкой со стихами.
549. Запись старца Іоны. 1690. Сообщено И. П. Мордвиновымъ.
275. Дѣло о мощахъ Устюжскаго іеромонаха Платона. Сообщено А. А. Титовымъ.
550. Письмо епископа Тихона къ князю Потемкину. Сообщено имъ же.
512. Письмо И. М. Снегирева къ Я. М. Невѣрову.
512. Н. М. Языковъ. Сообщилъ А. А. Флоридовъ.
328. Черты монастырской жизни XVIII вѣка. А. А. Титова.
543. Старина Курской губерніи. Борьба съ саранчей.—Епископъ Іоасафъ Горленко. Сообщилъ Т. Проскурняковъ.
612. Старое кладбище въ селѣ Раменскомъ. А. Я. Киселева.
398. Къ исторіи Новомиргорода (изъ частнаго письма). Сообщено Л. С. Мацѣевичемъ.
- 397 и 542. Изъ Сибирской старины. Генераль-губернаторъ Гаefortъ. Пелицмейстеръ Шепелевъ. Записи И. Г. Кузнецова.
449. Изъ дневниковъ Вольфганга Гёте.
453. Русскія церкви за границею.
614. Объ исторіи города Ярославля.
300. Изъ записной книжки «Русскаго Архива» (Книга о соціалистахъ).
- Внутри обложекъ. Выпускъ 5-й обѣ Архивѣ Раевскихъ.
- Выпускъ 6-й О письмахъ Филарета къ Е. В. Новосильцову. О книгѣ В. А. Петрова про орудія, отбитыя у непріятеля въ 1812 году.
- Выпускъ 7-й О дневникѣ Е. И. Поповой.
- Выпускъ 8-й О книгахъ «Освобожденіе крестьянъ» и «Карамзинъ въ Остафьевѣ».

ПОПРАВКИ.

Выпускъ 5-й, строка 2-я снизу вмѣсто *Броси* надо *Броссе*.

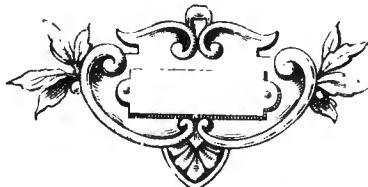
(Выпускъ 6-й).

Напечатано:

Стр. 207 съ принятіемъ
215 одобренные
216 Игнатову

Слѣд. читать:

съ прошеніемъ.
ободренные.
Игнатьеву.

начинаютъ сбываться. Увѣряютъ, что и великая княгиня Елена Павловна въ послѣдніе годы своей жизни находила, что преобразованіе сдѣлано неудачно; а графъ Д. А. Толстой сообщалъ мнѣ, что на первомъ же своемъ докладѣ онъ заявилъ Александру Третьему, что „освобожденіе“ не могло прінести ожидавшейся пользы, такъ какъ ведено было не изъ христіанскаго братолюбія, а въ хвастовство передъ Европою и въ выгодахъ чиновничества.

Припоминаются слова Бомарше про Русскій народъ: *c'est le peuple le plus malléable du monde* (это народъ самый юбкій въ мірѣ). Припоминается и отзывъ простолюдина въ бесѣдѣ о личныхъ и царственныхъ изълиахъ Александра Втораго: „А все-таки Его изъ сердца не выкинешь!“ **П. Б.**

КАРАМЗИНЪ ВЪ ОСТАФЬЕВѢ. М. 1911, мал. 8°. 103 стр. (Подъ предисловіемъ подписанъ графъ Павелъ Шереметевъ).

Въ этой книжкѣ находимъ нѣсколько любопытныхъ чертъ для біографіи Карамзина, такъ напр. приведены письма графа Н. С. Мордвинова и его супруги с Карамзинѣ и его Екатеринѣ Андреевнѣ. О немъ же напечатаны отзывы Шотландскаго путешественника Кернортера. На 43-й страницѣ выражено желаніе издать отдельною книжкою, полностью, записку Карамзина о Древней и Новой Россіи; но записка эта давно напечатана въ „Русскомъ Архивѣ“ послѣ многомѣсячныхъ цензурныхъ мытарствъ, разрѣшенная къ выпуску въ свѣтъ императоромъ Александромъ Николаевичемъ, съ опущенiemъ только выраженія „двора любострастнаго“ и словъ о томъ, что императоръ Павелъ думалъ построить для себя крѣпость, а построилъ гробъ. Записка была доложена Государю министромъ двора графомъ Александромъ Владимировичемъ Адлербергомъ, какъ

литературная собственность, унаследованная Государемъ отъ его дяди.

О свадьбѣ князя Вяземскаго сообщено семейное преданіе, что „его поймали, что онъ какъ-то, будучи въ гостяхъ у Прасковы Юрьевны Колонгриковой, попалъ въ прудъ и долженъ былъ остаться у нихъ и что Прасковья Юрьевна положила въ комнатѣ, где его помѣстили, къ его изголовью, часы до-чери своей княжны Вѣры и потомъ объявила, что онъ долженъ на ней жениться“. Любопытно, что и во всю долгую супружескую жизнь княгиня Вѣра Федоровна была хожалко за своимъ супругомъ и въ глубочайшей старости еще не переставала ревновать его къ женщинамъ, съ которыми онъ знакомился. Читатель съ удовольствиемъ найдетъ въ этой книжкѣ нѣсколько писемъ Карамзина и князя Вяземскаго. По поводу выхода въ свѣтъ Исторіи Карамзина, известный Американецъ Толстой сказалъ: „теперь узнаю, что у меня есть отчество“.

Въ Остафьевѣ растутъ два дуба, посаженные по обѣ стороны дома княжною Александрой Павловной Вяземской (въ замужествѣ Сипягиной) изъ желудей, присланныхъ дочерью исторіографа, Елизаветой Николаевной Карамзиной, съ могилы Вашингтона.

Любопытно спасеніе Остафьевъ отъ Французовъ. Жившая у Карамзиныхъ при дѣтяхъ Швейцарка дѣвица Бэръ (Boeur) своею отвагою и благоразуміемъ сумѣла защитить не только усадьбу, но и Остафьевскихъ крестьянъ, которые прозвали ее „храброю мамзелью“. Точно такъ же въ Смоленской губ., въ селѣ Холмѣ, спасена была богатая усадьба Дарьи Ивановны Уваровой (матери ministra) ея карликомъ.

Жаль, что въ концѣ книги не находимъ изображенія памятника, который, какъ узнаемъ, воздвигнутъ по завѣту незабвеннаго князя Павла Петровича Вяземскаго.

П. Б.

РУССКИЙ АРХИВЪ

на 1911 годъ.

(Годъ 49-й)

Годовая цѣна „Русскому Архиву“ въ 1911 году, за **двѣнадцать выпусковъ**, съ пересылкой и доставкой. **девять рублей**, для чужихъ краевъ—**двѣнадцать рублей**.

Подписка въ **Москвѣ**, въ Конторѣ „Русского Архива“, на Ермоловской Садовой, въ домѣ 175-мъ (на дворѣ) и во всѣхъ книжныхъ магазинахъ „Нового Времени“. Въ **Петербургѣ** (Невскій, 40) на **Вознесенскомъ пр., д. 36.** (На Васильевскомъ островѣ) **Большой пр., д. 69.А.** въ **Парижѣ** (Бульваръ Св. Магдалины).

О продажѣ прежнихъ годовыхъ изданій «Русского Архива».

Нижеслѣдующія годовыя изданія Русского Архива распроданы, либо имѣются въ разрозненномъ видѣ, и приобрѣтать ихъ полныя можно у книжныхъ торговцевъ по цѣнѣ случайной и большею частію возвышенной. Вотъ эти годы:

1863, 1864, 1865, 1866, 1867, 1868, 1869, 1870, 1871, 1872, 1873, 1874, 1875, 1876, 1877, 1878, 1881, 1882, 1883, 1885, 1888, 1892, 1893, 1895, 1896, 1897 годы.

Уцѣлѣвшія отдѣльныя книжки этихъ годовъ продаются по 50 коп. каждая въ Конторѣ Русского Архива .

Полный 1884 годъ продается по три рубля.

Годы: **1889, 1890, 1894, 1898, 1899, 1900, 1901, 1902, 1903, 1904, 1905, 1906,** по 7 рублей за каждый годъ.

Годы **1907, 1908, 1909, и 1910**, по 8 рублей за каждый годъ.

Пересылка на счетъ покупателей.

Составитель и издатель „Русского Архива“ **Петръ Бартеневъ.**